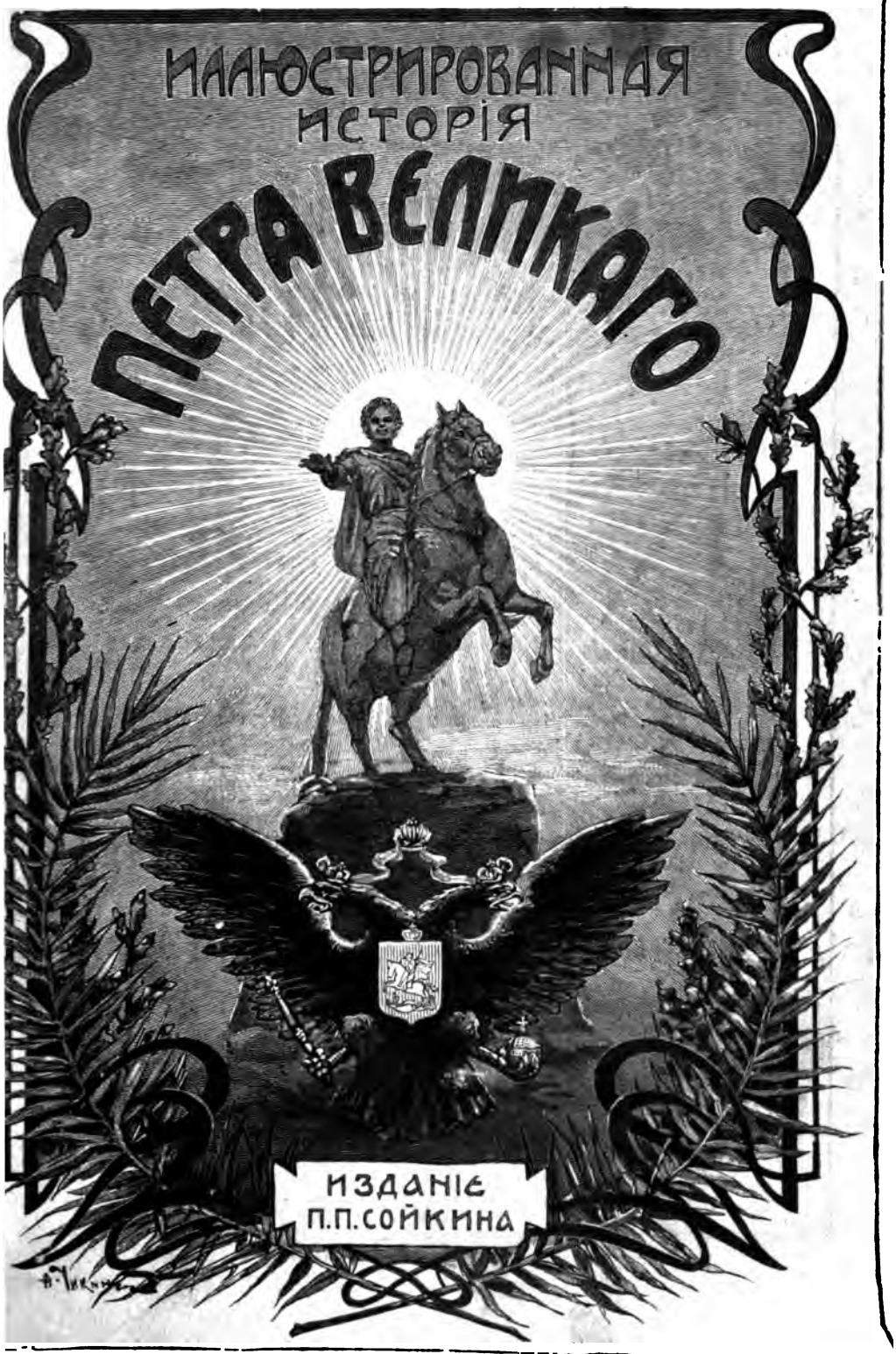

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
ИСТОРІЯ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО
ИЗДАНІЕ
П.П.СОЙКИНА

Brückner, A. —

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Бывшаго профессора Юрьевскаго университета

А. Г. Брикнера.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Изданіе П. П. Сойкина

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
Отремянная, № 12, собств. домъ.

КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Невскій пр., 96, уг. Надеждинск.

DK 131
B73
1902

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 18 ноября 1902 г.

Типографія П. П. Сойкина. Спб., Стремянная, 12.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Царствованіе Петра Великаго является однимъ изъ славныхъ періодовъ въ исторіи Россіи, когда жизнь нашей родины пошла по новому руслу, по которому она течетъ и въ настоящіе дни. Петръ Великій ввелъ Россію въ семью европейскихъ государствъ, отъ общенія съ которыми она была отторгнута татарскимъ игомъ. Поэтому изученіе петровскаго времени представляетъ огромный научный интересъ для всякаго образованнаго человѣка, и для каждаго русскаго такое изученіе должно быть безусловно обязательнымъ. Между существующими жизнеописаніями великаго царя едва ли не самое выдающееся мѣсто занимаетъ прекрасное изслѣдованіе А. Г. Брикнера, бывшаго профессора исторіи въ Казанскомъ и Юрьевскомъ университетахъ. Съ рѣдкою добросовѣстностью и еще болѣе рѣдкимъ безпристрастіемъ рисуетъ намъ почтенный ученый величественную личность преобразователя Россіи. Онъ ярко выставилъ, выражаясь словомъ поэта, «трудъ, добро и славу» Петра, но на ряду съ этимъ не прошелъ молчаніемъ его «грѣхи и темныя дѣянія». Но Брикнеръ не ограничивается одною личностью Петра, онъ попутно рисуетъ намъ картины современной политической и духовной жизни Россіи, въ связи съ жизнью ея сосѣдей, друзей и враговъ.

Сочиненіе Брикнера представляетъ громадный вкладъ въ русскую науку. Этотъ трудъ оцѣненъ по достоинству и у насъ, и за-границею. Написанный на нѣмецкомъ языкѣ, онъ появился въ 1882 г. въ русскомъ переводѣ въ прекрасномъ изданіи Суворина, сдѣлавшемся теперь библіографическою рѣдкостью. Послѣ того авторъ вновь переработалъ свой трудъ, и наша книга является переводомъ новѣйшаго берлинскаго изданія, значительно дополненнаго и пересмотрѣннаго самимъ Брикнеромъ. Нѣтъ надобности говорить, что его научное достоинство отъ этого еще больше выигрываетъ.

Съ цѣлью сдѣлать настоящую книгу еще болѣе цѣнною, мы снабдили ее цѣлымъ рядомъ историческихъ и бытовыхъ рисунковъ и портретовъ, имѣющихъ отношеніе къ содержанію книги.

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

ВВЕДЕНІЕ.

Въ русскихъ славянофильскихъ кружкахъ еще и теперь иногда приводится приписываемое Петру Великому изреченіе: будетъ-ли Россія Азіею или Европою, она все-таки будетъ Россіею. Но самый фактъ этого опредѣленія и его основательность нуждаются въ подтвержденіи. Историческое развитіе Россіи, главнымъ образомъ, состоитъ въ томъ, что она обращалась изъ азіатской страны въ европейское государство, и прогрессъ такого превращенія продолжается и въ наши дни. Главнымъ періодомъ этого процесса является царствованіе Петра Великаго.

Подобно исторіи другихъ государствъ, исторія Россіи начинается съ смѣшенія народовъ. Этнографическій хаосъ, который мы видимъ въ самомъ началѣ русской исторіи, въ девятомъ вѣкѣ послѣ Р. Х., трудно поддается изученію. Изъ неопредѣленныхъ кочевыхъ условій, въ которыхъ впервые встрѣчаются намъ неосѣдлые, ведущіе торговлю и воюющіе славяне и варяги, финскія и турко-татарскія племена, постепенно выступаютъ зачатки государственности, сначала въ Ладогѣ, потомъ въ Новгородѣ, наконецъ, въ Кіевѣ. Многое еще остается невыясненнымъ, не смотря на старательныя изслѣдованія этой эпохи, между прочимъ, и вопросъ о варягахъ. Мы не можемъ рѣшить, славяне или не славяне проявили ту удивительную предпріимчивость, которая во времена первыхъ князей влекла полчища къ завоевательнымъ походамъ въ области Каспійскаго моря и въ Византію. Достовѣрно лишь то, что славяне, съ самаго перваго своего историческаго появленія въ предѣлахъ нынѣшней Россіи, подверглись весьма значительному иноплеменному вліянію. Съ одной стороны, они смѣшиваются съ представителями Востока—сосѣдними степными варварами, съ другой,—западно-европейское вліяніе сказывается настолько сильно и ярко, что въ исторіи Россіи приходится говорить объ особомъ «норманскомъ

періодѣ». Вопросъ о скандинавскомъ происхожденіи варяговъ имѣетъ меньшее значеніе, такъ какъ спеціальнаго варяжскаго вліянія на государство и народъ не можетъ быть съ точностью установлено.

Несравненно дѣйствительнѣе на развитіе Россіи вліяніе византійское. Культура средневѣковой Греціи стояла на гораздо болѣе высокой степени, чѣмъ цивилизація другихъ сосѣдей Россіи: половцевъ на югѣ, финскихъ племенъ на сѣверѣ. Изъ Византіи исходилъ главный источникъ средневѣковаго культурнаго вліянія: принятіе христіанства. Въ области духовной и религіозной, Византія относилась къ Россіи, какъ метрополія къ колоніи. Однако, далеко не во всѣхъ отношеніяхъ византійское вліяніе было плодотворно и полезно; ему слѣдуетъ приписать, что въ міросозерцаніи русскихъ преобладала извѣстная косность и консервативность религіозныхъ воззрѣній. Религіозное, умственное и нравственное развитіе, искусство, наука и литература въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ находились подъ знаменемъ православнаго Востока. Византійское міровоззрѣніе и житейская мудрость находятъ свое выраженіе въ XVI вѣкѣ въ «Домостроѣ», который явился отраженіемъ господствовавшихъ понятій и памятникомъ тогдашней морали. Византійскому-же вліянію слѣдуетъ приписать и все русское монашество, которое не ограничивалось одною религіозною сферою, но воздѣйствовало и на другіе круги русскаго общества, оно-же наложило свою печать и на милліонахъ послѣдователей раскольническихъ ученій. Значеніе этого вліянія начинается съ той эпохи русской исторіи, когда центръ государства былъ еще на югѣ, въ Кіевѣ.

Большимъ преимуществомъ можетъ считаться, что повторявшіяся въ средніе вѣка и даже въ XVII столѣтіи попытки римской церкви латинизировать Россію оказались безуспѣшными, не удались ея стремленія воздѣйствовать чрезъ Даніила Романовича, Александра Невскаго и Лже-Димитрія, чтобы объединить восточную и западную церкви, хотя въ устраненіи отъ запада, отъ Европы, и таилась опасность застоя, китаизма. Уклоняясь отъ преимуществъ западноевропейской культуры вслѣдствіе непріязни къ латинской церкви и отказываясь отъ освѣжающей струи западнаго прогресса, Россія подвергалась опасности постоянно задыхаться въ удушливой атмосферѣ средневѣковыхъ византійскихъ воззрѣній.

Ко всему этому присоединилось величайшее народное бѣдствіе—татарское иго. Если раньше окружающіе русскихъ степные кочевники, какъ половцы и печенѣги, хозары и болгары, угрожавшіе границамъ русской земли, испытали на себѣ русскую колонизацію, направленную на Востокъ,—за то въ XIII вѣкѣ монголы проникли въ самое сердце страны

и установили полное свое господство. Русь сдѣлалась политическимъ вассаломъ татарскаго Востока, какъ она была религіознымъ и культурнымъ вассаломъ Востока византійскаго. Нельзя отрицать превосходства татаръ и византійцевъ. Чѣмъ ниже стояла культура Россіи, чѣмъ менѣе была она способна создать самостоятельную національную культуру, тѣмъ прочнѣе и сильнѣе и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣмъ пагубнѣе было восточное вліяніе. Въ области государственнаго управленія и хозяйства, ратнаго дѣла, судоустройства, въ отношеніи нравовъ и образа жизни, русскіе подпали подъ вліяніе татаръ. О размѣрѣ этого вліянія можно быть различныхъ мнѣній, но нельзя отрицать, что это вліяніе отразилось на развитіи народнаго характера, на государственномъ устройствѣ, на обычаяхъ русскаго народа, и что это вліяніе, по существу своему, было вреднымъ. Помимо татарскихъ полчищъ, приходившихъ грабить страну и потомъ исчезавшихъ, татары, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій, были управителями и чиновниками, откупщиками и надзирателями, намѣстниками и дипломатическими агентами, низшими полицейскими служителями и шпіонами. Вліяніе это сказывалось, между прочимъ, въ громадномъ числѣ русскихъ обиходныхъ словъ татарскаго корня, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ сельскохозяйственной жизни, домостроительству, одеждѣ и т. п. Но, на ряду съ этимъ, въ области церковной замѣчается полная независимость отъ татаръ: византійское православіе остается неприкосновеннымъ. Образъ-же жизни русскихъ въ прежніе вѣка, сдерживаемое стремленіе къ бродяжничеству и разбою, казачество, слабо развитое чувство права, долга и свободы, подкупность чиновничества, подчиненное положеніе женщины въ значительной степени есть наслѣдіе татаръ.

Результатомъ всего этого было, что Россія въ первые вѣка своего существованія осталась отдѣленной отъ западной Европы, вслѣдствіе сильнаго воздѣйствія съ Востока и давленія византійскаго и азіатскаго строя. Между тѣмъ поворотъ къ Западу является необходимымъ условіемъ развитія для государства и для народа. Востокъ, по природѣ своей, не имѣетъ исторіи; культура дѣеспособная, та культура, которой принадлежитъ будущее, была на Западѣ.

Одною изъ причинъ, для такого поворота къ Западу было соединеніе въ одно цѣлое Россіи, раздѣленной въ удѣльно-вѣчевой періодъ на множество отдѣльныхъ княжествъ. Только благодаря возстановленію утраченнаго единства получилось освобожденіе отъ татарскаго ига. Если покореніе Россіи стало возможнымъ вслѣдствіе множества отдѣленныхъ областей, внутреннихъ раздоровъ, междоусобнаго разлада и кровавыхъ распрей между

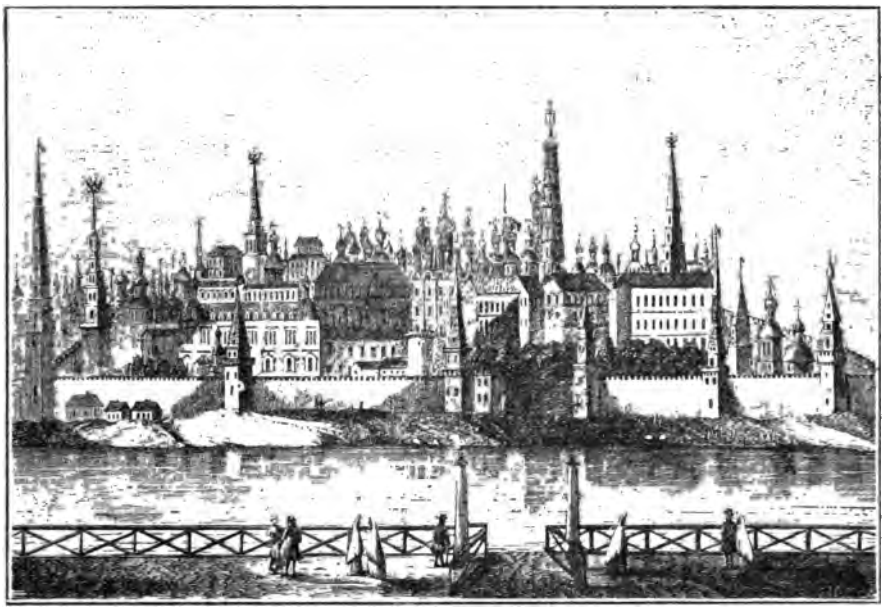
родичами общаго рюриковскаго дома, то освобожденіе Руси отъ востока могло послѣдовать лишь путемъ усиленія одного какого-либо политическаго центра. По мѣрѣ превосходства Москвы, въ борьбѣ съ Тверью, Рязанью, Новгородомъ и Псковомъ, она становилась носительницею идеи національной независимости, а также и политической силы. На долю московскихъ великихъ князей выпадаетъ возстать противъ азіатскаго владычества, осуществить освобожденіе отъ татарскаго ига и направить дальнѣйшее развитіе Россіи по пути западнаго прогресса.

Характеръ московскихъ великихъ князей является вполнѣ пригоднымъ къ разрѣшенію этихъ задачъ. Уже Андрей Боголюбскій, перенесшій центръ государственной жизни съ юга, изъ Кіева, на сѣверо-востокъ и положившій начало колонизаціи тѣхъ областей, которыми впослѣдствіи возвеличилась Москва,—отличается спокойствіемъ и разсудительною умѣренностью. Такимъ безстрастнымъ правителямъ, какъ его потомки, Всеволодъ, Александръ Невскій, Василіи и Иваны, принадлежало будущее. Они умѣли умножить государственную казну, какъ самые бережливые хозяева. Благодаря денежнымъ средствамъ, они были всякій разъ въ состояніи покупать въ Ордѣ великокняжескій ярлыкъ и этимъ путемъ укрѣплять свое первенство въ русской землѣ. Они сумѣли также подчинить своей власти сосѣднихъ князей и города. Они предприняли, сравнительно рано, борьбу съ татарами, и уже 1380 годъ съ куликовскою битвою доказываетъ силу вассальнаго московскаго княжества, хотя свергнуть татарское иго окончательно не пришлось. Колонизація на сѣверъ и востокъ, вплоть до береговъ Бѣлаго моря и Ледовитаго океана, до самаго Уральскаго хребта и даже черезъ хребетъ, и расчлененіе финскихъ племенъ медленнымъ, но неуклоннымъ славянскимъ разселеніемъ составляли постепенно великорусскій народъ.

Здѣсь-же, на сѣверѣ, было и мѣстопребываніе высшей церковной іерархіи, содѣйствіе которой было въ высшей степени выгодно свѣтской власти. Церковь, посредствомъ созиданія монастырей на сѣверовостокѣ, принимаетъ живѣйшее участіе въ колонизаціонной работѣ государства.

Кровопролитныя столкновенія съ другими русскими княжествами, особенно въ XV и XVI вѣкахъ, окончились благопріятно для Москвы, которая округлила свои владѣнія за счетъ сосѣднихъ областей; знаменитыя республики Новгородъ и Псковъ также пали, хотя это произошло не безъ коварства, суровости и жестокости со стороны неизмѣнно преслѣдующихъ свою цѣль московскихъ государей: Иванъ Калита, Симеонъ Гордый, Василій Темный—личности деспотическія, несимпатичныя, но отрицать ихъ предусмотрительность и настойчивость никакъ нельзя.

Большое значеніе имѣютъ послѣдующія десятилѣтія, когда возобновилась упорная, иногда неблагопріятная борьба съ Востокомъ. По среднему теченію Волги лежали татарскія царства Казанское и Астраханское и, слѣдуя теченію великой рѣки, московское государство должно было неизбѣжно вступить съ ними въ борьбу. Когда распалось необъятное монгольское царство—раскинувшееся отъ границъ Китая до западной Европы—началась борьба съ составными частями прежней азіатской монархіи, и

Видъ Московскаго Кремля въ XVIII столѣтіи.

здѣсь скоро сказалось превосходство москвичей въ сравненіи съ бывшими вассалами хановъ. Послѣ присоединенія казанскаго и астраханскаго ханствъ, ногайскихъ татаръ и ханства крымскаго при Екатеринѣ II, и покоренія такимъ образомъ всей страны, извѣстной подъ именемъ Новороссіи, Европа снова вступила въ прежнія границы, утраченныя въ продолженіе двухъ слишкомъ столѣтій,—но побѣда Россіи, хотя она едва только дѣлалась европейскимъ государствомъ, была рѣшена еще въ половинѣ XVI столѣтія.

Взятіе Казани Иваномъ IV 2-го октября 1552 года сдѣлалось предметомъ народныхъ сказаній, какъ и куликовская битва; въ различныхъ пѣсняхъ прославлялись подвиги русскихъ. Царь также пріобрѣлъ нѣкоторую

популярность чрезъ этотъ военный успѣхъ, хотя самъ онъ при этомъ событіи проявилъ больше малодушія, чѣмъ мужества.

Побѣда имѣла непосредственныя послѣдствія. Сосѣднія народности, черемисы и др., покорились русской державѣ. Восторженно отзываются лѣтописцы объ этомъ событіи, имѣющемъ, по ихъ словамъ, важное значеніе для всего христіанства. То было время, близкое къ крестовымъ походамъ, и одержанная побѣда была побѣдой истинной вѣры надъ исламомъ. Торжественная встрѣча, которую готовили жители Москвы молодому, тогда еще не ненавидимому царю, показываетъ, что всѣ слои населенія прониклись значеніемъ событія. Иванъ, при случаѣ, умѣлъ говорить. «Исчезла прелесть Магометова, па ея мѣстѣ водруженъ теперь святой крестъ», были его слова къ народу. Митрополитъ сравнилъ Іоанна IV съ Константиномъ Великимъ.

Исламъ былъ тогда грозною силою, угрожавшею Западу, хотя и другимъ способомъ, чѣмъ впослѣдствіи; поэтому, взятіе Казани имѣло дальнѣйшія послѣдствія. Послѣ нѣсколькихъ столѣтій зависимости отъ Востока можно было, наконецъ, указать на торжество христіанскаго оружія. Покорителю Казани было всего 22 года. Историки XVII вѣка, сурово порицавшіе жестокость Ивана, отдаютъ ему, однако, полную справедливость, какъ побѣдителю надъ Востокомъ, и прославляютъ его подвигъ. Народъ весь былъ въ изумленіи. Полтавская побѣда 1709 года далеко не такъ волновала народъ, какъ взятіе Казани. Въ глазахъ народа это было святое дѣло, совершенное въ защиту христіанства отъ ислама, въ защиту обиженнаго народа отъ грабителей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, побѣда русскихъ открывала имъ путь къ разселенію въ далекую ширь Азіи.

Въ высшей степени важнымъ является то, что, вслѣдъ за казанскою побѣдою, возникаетъ обстоятельство, повлекшее за собою сильнѣе, чѣмъ когда-либо, вліяніе Запада. Годъ спустя, послѣ взятія Казани, сѣверная англійская экспедиція, въ поискахъ водпаго пути чрезъ Ледовитый океанъ въ Китай и Индію, появилась въ Бѣломъ морѣ. Этотъ моментъ составляетъ эпоху въ торговыхъ сношеніяхъ Запада и Востока. Для Россіи это было,— выражаясь словами историка, восхвалявшаго впослѣдствіи основаніе Петербурга, — какъ-бы прорубленное окно въ Европу, чрезъ которое лучи Запада могли проникать внутрь страны. Но въ этомъ европейцы оказались гораздо болѣе заинтересованными, чѣмъ русскіе, и это доказывается тѣмъ обстоятельствомъ, что русскимъ морской путь вокругъ Норвегіи былъ извѣстенъ за десятки лѣтъ до 1553 г., однако, они и не думали имъ пользоваться. Но открытіе англичанами этого водпаго сообщенія въ Россію

обезпечило западно-европейской культурѣ входъ въ Россію. Черезъ Россію стали стремиться, направляясь въ Азію, вплоть до Китая, англійскіе путешественники, изслѣдователи, купцы; эти послѣдніе стремились захватить для себя внѣшнюю торговлю страны и во многихъ отношеніяхъ они стали наставниками русскихъ. Тотъ пунктъ на Бѣломъ морѣ, гдѣ англичане, держа въ своихъ рукахъ ключъ къ торговому обмѣну съ Россіею, устроили свои главные склады и конторы, гдѣ впослѣдствіи былъ построенъ Архангельскъ, можетъ почитаться до нѣкоторой степени предтечею Петербурга въ исторіи сношенія Россіи съ Западомъ.

Россія, въ теченіе нѣсколькихъ первыхъ столѣтій своего существованія завязавшая различныя сношенія съ Западомъ, а потомъ попавшая въ сѣти азіатскаго царства, могла, наконецъ, послѣ побѣды надъ Востокомъ, независимо отъ него устраивать свою судьбу. Дальнѣйшее ея развитіе должно было быть направлено въ сторону Запада.

Но здѣсь возникало величайшее затрудненіе: борьба съ Польшею. Польша долгое время считалась оплотомъ западнаго христіанства противъ Востока, къ которому относилось также и Московское государство; о немъ на Западѣ имѣли такое-же представленіе, какъ о Персіи, Абиссиніи, Китаѣ или Японіи. Польша, культурою и ратнымъ дѣломъ далеко превосходившая Россію, своими отношеніями къ Риму и іезуитскому ордену во второй половинѣ XVI в. занимала на Востокѣ такое-же положеніе въ отношеніи Россіи, какое занимала на Западѣ Испанія въ отношеніи развивающейся Англіи; она заняла враждебное положеніе по всей границѣ, отдѣляя Россію отъ Европы.

Московскому государству, только что превратившемуся изъ подвластной ханамъ провинціи въ самостоятельное политическое цѣлое, угрожала опасность сдѣлаться провинціею польскою. Римскій престолъ и рядъ польскихъ королей и магнатовъ долгое время преслѣдовали эту цѣль. Преимущество Польши сказалось во время войны Стефана Баторія съ Иваномъ IV изъ-за Лифляндіи. Прекращеніемъ рюриковскаго дома и смутнымъ временемъ Россіи Польша думала съ успѣхомъ воспользоваться для собственныхъ плановъ. Надежда имѣть, въ лицѣ перваго Лжедимитрія, послушное орудіе польской политики не оправдалась; второй Лжедимитрій оказался сговорчивѣе и податливѣе польскому вліянію. Когда, затѣмъ, послѣ сверженія съ престола царя Василія Шуйскаго, польскому оружію и польскому дипломатическому искусству удалось предоставить московскій престолъ сыну польскаго короля Сигизмунда, Владиславу, могло казаться, что самостоятельному бытію Россіи пришелъ конецъ. Тѣмъ не менѣе Россія не стала зависимою отъ Польши.

Высокое національное чувство и ненависть противъ латинства, ожесточеніе противъ польскихъ вооруженныхъ шаекъ, скитавшихся внутри страны, грабившихъ и убивавшихъ, преобладаніе здоровыхъ элементовъ народа въ чисто русскихъ областяхъ съ развитымъ среднимъ сословіемъ (въ отличіе отъ враждебнаго, безпорядочнаго юга и юго-востока) спасли страну.

Изгнаніе поляковъ изъ столицы, отпоръ польскимъ притязаніямъ на русскій престолъ, избраніе молодого царя Михаила Ѳеодоровича, возстановленіе порядка, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ неурядицы, — все это было народнымъ подвигомъ, дѣломъ всего народа, это—было спасеніе и обновленіе. Будущность Россіи была внѣ опасности.

Но для полнаго обезпеченія со стороны Польши требовалось еще многое. Цѣлое десятилѣтіе продолжается вспыхнувшая война между Россіею и Польшею изъ-за нѣмецкихъ пограничныхъ областей и владѣнія такими городами, какъ Смоленскъ и Кіевъ, и только заключеніемъ андрусовскаго договора въ 1667 г. оканчивается война. Взаимное соотношеніе обоихъ государствъ значительно измѣнилось за это время. Польша была на пути къ упадку, она медленно, но вѣрно шла къ гибели. Присоединеніе Россіею одной изъ лучшихъ польскихъ областей, а именно Малороссіи, можно съ извѣстной точки зрѣнія разсматривать, какъ начало раздѣловъ Польши. Важное значеніе для Россіи въ половинѣ XVIII в. отъ сосѣдства враждебно настроенной Польши, отдѣлявшей Россію отъ западной Европы, видно изъ того, между прочимъ, что сношеніе съ Европою происходило только чрезъ Архангельскъ и Норвегію, путь долгій и опасный, доступный, къ тому-же, лишь въ извѣстную часть года. Нѣсколько мѣсяцевъ требовалось путешественникамъ, напр., направлявшимся въ Италію русскимъ дипломатамъ, чтобы объѣхать всю Европу.

Вслѣдствіе превосходства Швеціи, Россія была отрѣзана отъ Балтійскаго моря. Попытки Іоанна IV, и сто лѣтъ спустя, Алексѣя Михаиловича прочно утвердиться у моря завоеваніемъ Лифляндіи кончились неудачно. Не даромъ радовался Густавъ Адольфъ условіямъ Столбовскаго мира, по которымъ Россія отдѣлялась отъ Балтійскаго моря большими озерами Ладогою и Пейпусомъ, тридцатью милями нарвскихъ широкихъ болотъ и сильными крѣпостями; онъ радостно взывалъ къ Богу, что русскимъ нельзя имѣть на морѣ ни одного челна и что имъ будетъ трудно переправиться черезъ отдѣлявшій ихъ отъ моря сухопутный «ручей».

Поэтому становится понятною важность, которую имѣлъ для Россіи, ограниченной для своихъ внѣшнихъ сношеній однимъ Архангельскомъ, заключенный съ Польшею миръ. Послѣ этого мира можно было разсчи-

Каменный мостъ и Московскій Кремль въ концѣ XVII вѣка.

тывать на болѣе успѣшныя дѣйствія противъ южныхъ татаръ, а также думать о побѣдоносномъ шествіи къ Азовскому и Черному морямъ. Польша и Россія заключили союзъ противъ турокъ и крымскаго хана. Оба государства соединились еще впослѣдствіи для совмѣстныхъ дѣйствій противъ шведовъ. Въ началѣ XVII в. Россія лишь съ большимъ напряженіемъ спасла свое существованіе, а во второй половинѣ того-же вѣка ей со всѣхъ сторонъ улыбалась полная надеждъ будущность.

И не въ одномъ только политическомъ отношеніи принесло свои плоды соглашеніе съ Польшею, смѣнившее долгую вражду. Польша продолжительное время была школою Россіи. Здѣсь процвѣтали умственные интересы, научныя занятія; изъ Польши и Малороссіи, въ которой кіевская академія составляла важный центръ умственной жизни, получало высшее русское общество наставниковъ и воспитателей для своихъ подростающихъ сыновей и дочерей Польскіе обычаи и языкъ, въ особенности знаніе латыни, постепенно распространялись въ Россіи; появились разные богословы, кругозоръ которыхъ былъ построенъ на западно-европейскомъ основаніи, и они успѣшно соперничали съ греческими учеными и монахами, прибывавшими изъ турецкихъ владѣній. Польское вліяніе отражается въ Россіи въ области музыки, драматическаго искусства и литературы.

Первые приверженцы западно-европейской культуры въ Россіи, люди вродѣ Ордынъ-Нащекина, Ртищева, Матвѣева, Голицына, своими вкусами часто вызывавшіе народную непріязнь къ себѣ, были обязаны своими взглядами полскимъ теченіямъ. Первые цари изъ дома Романовыхъ также находились подъ подобнымъ вліяніемъ. Отецъ перваго государя изъ этого дома прожилъ въ Польшѣ нѣсколько лѣтъ; сынъ Михаила, царь Алексѣй, принимаетъ личное участіе въ польскихъ походахъ, когда русскія войска проникали далеко въ глубь вражеской страны. При дворѣ царя Ѳеодора, брата Петра Великаго, нѣкоторое время преобладали польскіе одѣянія и обычаи. Борьба между старымъ и новымъ, между восточнымъ китаизмомъ и европейскимъ космополитизмомъ, національной обособленности съ общечеловѣческими принципами уже началась, когда родился Петръ.

Было вполнѣ естественно, что, одновременно съ движеніемъ Россіи къ Западу, со стороны всей Европы было обращено вниманіе на лежащее къ Востоку отъ нея государство.

Можно съ нѣкоторою вѣроятностью утверждать, что приблизительно около этого времени, когда на Западѣ совершилось открытіе Америки, для

Востока Европы Россія представляла нѣчто совершенно невѣдомое. «Открытіе Россіи» было приписано послу Максимиліана I, Герберштейну, сочиненіе котораго о Россіи долгое время служило единственнымъ источникомъ свѣдѣній про эту страну. Его устнымъ разсказамъ многіе внимали съ большимъ интересомъ, напр., братъ Карла V, Фердинандъ, Ульрихъ фонъ-Гуттенъ и др. Открытіе морского пути въ Россію въ 1553 г. возбудило о ней цѣлую литературу, такъ что Мильтонъ, писавшій свое сочиненіе о Россіи всего сотню лѣтъ спустя, могъ привести цѣлый рядъ источниковъ.

Въ половинѣ XVI в. о Россіи было уже достаточно извѣстно, чтобы съ нѣкоторымъ страхомъ взирать на постоянно увеличивающееся ея значеніе для остальной Европы. Когда западно-европейскіе техники и ремесленники, инженеры и артиллеристы, горно-заводскіе рабочіе и военные стали длинною вереницею направляться въ Россію, куда ихъ настоятельно звали и гдѣ ихъ хорошо оплачивали, то стали возникать предположенія о запрещеніи подобной эмиграціи. Никто иной, какъ герцогъ Альба, обратилъ вниманіе на опасность, которую Россія когда-нибудь представитъ для западной Европы. Въ посланіи къ Франкфуртскому сейму, отъ 18-го іюля 1571 г., онъ указывалъ на необходимость запретить, чтобы царь Иванъ IV выписывалъ брони, мушкеты и другое оружіе [1]). Польскій король Сигизмундъ самымъ энергичнымъ образомъ протестовалъ у королевы англійской Елизаветы противъ того, чтобы англичане доставляли русскимъ всякаго рода военные снаряды, онъ угрожалъ захватывать подобные грузы, если они въ водахъ Балтійскаго моря попадутъ въ руки поляковъ [2]) Также точно и нѣкоторые ганзейскіе города, Любекъ, Ревель, Дерптъ и др. пытались въ XVI в. задержать эмиграцію въ Россію ремесленниковъ, художниковъ и техниковъ. Могло казаться, что Европа, по крайней мѣрѣ, ея значительная часть, была заинтересована, чтобы помѣшать общенію Россіи съ западною культурою и оставить Россію на низшей степени ея развитія. Къ счастью, англичане, а впослѣдствіи и голландцы, противники того католическаго міра, представителями котораго являлись Альба и Сигизмундъ, находили для себя выгоднымъ укрѣпить сношенія съ Россіею; такимъ образомъ они сдѣлались ея дѣйствительными учителями.

Крайне разнорѣчивы отзывы о Россіи, которые встрѣчаются въ Европѣ. въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Англичанинъ Флейчеръ, въ концѣ XVI в., въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ порицалъ Россію, сравнивая ее съ Турціею,

[1]) Havemann, Innere Geschichte Spaniens, 287.

[2]) Гамель, „Англичане въ Россіи“, стр. 83 и 84.

осуждалъ недобросовѣстность приказныхъ, обскурантизмъ духовенства, низкопоклонность простого народа, общую продажность [3]). Зато французъ Маржеретъ въ сочиненіи о Россіи, посвященномъ королю Генриху IV, отзывается въ XVII в. о Россіи весьма лестно: совершенно ошибочно, по его мнѣнію, полагать, что христіанскій міръ заканчивается Венгріею; Россію необходимо считать за вполнѣ христіанскую страну; о политическомъ и военномъ значеніи страны онъ самаго высокаго мнѣнія [4]).

Во всякомъ случаѣ, тогдашняя Россія должна была производить на европейцевъ впечатлѣніе Востока. Въ своемъ знаменитомъ сочиненіи Адамъ Олеарій говоритъ о Россіи и Персіи одинаково про обѣихъ, что онѣ составляютъ, въ отношеніи обычаевъ, взглядовъ и учрежденій, нѣчто совершенно противоположное Западу. Посѣтившіе Европу въ XVII в. русскіе дипломаты непріятно отличались языкомъ, одеждами, грубостью, обычаями, пьянствомъ. Но новизна и своеобразность всего русскаго возбуждали большой интересъ. Въ тотъ вѣкъ выдающихся географическихъ открытій и начала этнографическихъ и лингвистическихъ изслѣдованій, Россія, границами своими касавшаяся Швеціи, Польши и Китая, представлявшая собою величайшее разнообразіе климата и населенія, флоры и фауны, должна была въ высшей степени возбуждать вниманіе любознательныхъ сыновъ Занада Здѣсь они могли наблюдать разнообразіе нарѣчій, производить метеорологическія наблюденія, археологическія и историческія разслѣдованія. Государственные люди Запада могли уклончиво держаться по отношенію къ Россіи, юристы и историки могли такъ-же оставаться равнодушными, но ученые были слишкомъ увлечены открывшейся имъ перспективою необъятной свободной ширы на далекій востокъ. Англичане съумѣли соединить ученыя изслѣдованія съ практическими дѣловыми цѣлями. Спеціально ботаническія или зоологическія изслѣдованія давали необходимыя свѣдѣнія для ихъ промышленности и торговли. Такой характеръ носятъ работы Традесканта о сѣверной Россіи въ XVII в.

Но на этомъ дѣло не остановилось. Амстердамскій бургомистръ Николай Витсенъ, посѣтившій Россію съ цѣлымъ посольствомъ, составилъ на столько обстоятельное описаніе даже объ азіатской Россіи («Noord en Oost-Tatarye»), что на него ссылаются и современные ученые. Нѣсколько ранѣе, другой голландецъ, Исаакъ Масса, составилъ свое описаніе Россіи, но менѣе значительное.

---

[3]) Of the Russ Commonw ealth etc. London, 1607.

[4]) Estat de l'empire de Russie et Grand Duché de Moscovie, Paris, 1607.

Сухарева башня въ Москвѣ.

На западѣ всѣ стремились познакомиться съ Россіею. Французскій король Генрихъ IV, которому очень понравились разсказы Маржерета, велѣлъ напечатать его книгу о Россіи. Іаковъ II англійскій внимательно разспрашивалъ пріѣхавшаго на родину, послѣ многолѣтняго пребыванія въ Россіи, шотландца Гордона о государственномъ устройствѣ Россіи, ея боевомъ могуществѣ, характерѣ царей и ихъ совѣтниковъ. Русская церковь также приковывала къ себѣ вниманіе, о чемъ свидѣтельствуетъ книга Фабри объ ученіи и обрядахъ русской церкви; эта книга долго считалась большимъ авторитетомъ въ этомъ вопросѣ. Европейскіе государи, подданные которыхъ уѣзжали въ Россію, съ интересомъ слѣдили за ихъ судьбою и нерѣдко вступались въ защиту находившихся въ Россіи иноземныхъ купцовъ, ремесленниковъ, духовныхъ, врачей и др., учреждая съ этою цѣлью консульства. Были возобновлены попытки къ пропагандѣ католичества въ Россіи. Витсенъ выступилъ покровителемъ проживавшихъ въ Москвѣ реформатовъ, герцогъ Эрнстъ Саксенъ-Кобургскій былъ защитникомъ лютеранъ, онъ получаетъ подробныя свѣдѣнія о положеніи прихода и школы и снабжаетъ ихъ денежными средствами. Иностранныя колоніи изъ шотландцевъ, англичанъ, голландцевъ и нѣмцевъ, постоянно увеличивающіяся въ XVII в., содѣйствовали непрекращавшемуся обмѣну между Россіею и Европою. Въ журналѣ «Theatrum Europeum» въ XVII в. встрѣчаются корреспонденціи о современныхъ событіяхъ въ Россіи. Бунтъ Стеньки Разина (1667—1671) явился предметомъ ученой диссертаціи въ Витенбергскомъ университетѣ. Въ 1696 г. секретарь датскаго принца Георга, Генрихъ Рудольфъ, издалъ въ Оксфордѣ грамматику русскаго языка. Наряду съ этимъ историческія изслѣдованія о миѳахъ, гуннахъ, генуэзскихъ колоніяхъ и др. должны были еще больше побуждать ученыхъ ѣхать въ русскія земли.

Во второй половинѣ XVII в. предметомъ усиленнаго изученія становится Китай, также сосредоточившій на себѣ все большее вниманіе. Одновременно

съ этимъ поднялось и значеніе Россіи. Знаменитѣйшій ученый того времени Лейбницъ, съ неослабнымъ вниманіемъ слѣдившій за успѣхами Россіи и за всѣми дѣйствіями Петра, еще молодого царя, предсказывалъ, что все человѣчество отъ этого останется въ большой прибыли. Въ концѣ XVII в. Лейбницъ ставилъ еще Россію на одну ступень съ Абиссиніею. Онъ замѣтилъ въ одномъ сочиненіи, что три не европейскихъ правителя, наиболѣе сильные государи на сѣверѣ, востокѣ и на югѣ, а именно, московскій, китайскій и абиссинскій (Петръ, Камъ-Ки Амологдо-ханъ и Язонъ-Адіамъ-Заугбедъ) почти одновременно приступили къ государственнымъ реформамъ [5]).

Лейбницъ былъ склоненъ посвятить свои силы преобразованію русскаго государства и думалъ оказать этимъ услугу всему міру. Онъ говорилъ, что не принадлежитъ къ тѣмъ, которые прикованы къ своему отечеству или къ опредѣленной народности, онъ желаетъ служить всему человѣческому роду. Ему отечествомъ служитъ небо, и согражданами являются всѣ благомыслящіе люди. Онъ предпочитаетъ принести большую пользу русскимъ, чѣмъ маленькую нѣмцамъ или иному народу [6]).

Усиливающейся воспріимчивости Россіи къ западной культурѣ соотвѣтствовалъ усиливающійся интересъ Запада къ Россіи. Когда Россія стремилась приблизиться къ Европѣ путемъ присоединенія новой области на западной границѣ, путемъ завоеванія балтійскаго побережья, путемъ участія въ турецкихъ походахъ, и тѣмъ самымъ войти въ общую семью европейскихъ государствъ,—на Западѣ сочувствующіе Россіи взгляды находили себѣ выраженія въ сочиненіяхъ Витсена и Лейбница.

Европа и Россія сблизились. Для западнаго міра вступленіе Россіи въ существовавшую уже политическую систему было чревато послѣдствіями. Для Россіи начинался новый періодъ ея исторіи.

Это время совпадаетъ съ дѣтствомъ Петра Великаго.

---

[5]) Guerrier, Leibnitz in seine Beziehungen zu Russland und P. dem Gr. 1875, стр. 15.

[6]) Тамъ-же 128 и 129

ГЛАВА I.

Дѣтство Петра.

Отецъ и дѣдъ Петра не отличались ни особою даровитостью, ни силою воли, ни богатствомъ замысловъ. Не личныя выдающіяся способности возвели на царскій престолъ перваго Романова, Михаила Ѳеодоровича: главное значеніе имѣли здѣсь семейныя связи. Отецъ перваго царя, патріархъ Филаретъ, занимавшій въ продолженіе полутора десятка лѣтъ возлѣ возведеннаго на престолъ юноши-сына положеніе регента, выдѣлялся своими государственными способностями. О характерѣ и личности Михаила извѣстно очень немногое. При восточномъ складѣ придворнаго этикета, индивидуальность этого правителя русской земли не могла свободно выразиться, и о какой-либо его инціативѣ въ современныхъ политическихъ событіяхъ почти ничего неизвѣстно. Въ первое время его царствованія, царская власть казалась ограниченною боярами. Всю свою жизнь Михаилъ провелъ дома, онъ не принималъ никакого личнаго участія въ войнахъ съ поляками или шведами и въ подавленіи внутреннихъ смутъ. Его царствованіе носило преимущественно характеръ обороны противъ окружающихъ сосѣдей. Надежда на успѣхъ наступательныхъ дѣйствій противъ Польши съ помощью иноземныхъ наемныхъ дружинъ не оправдалась. Приходилось довольствоваться тѣмъ, что послѣ бурныхъ переворотовъ междуцарствія и польскаго нашествія страна постепенно обрѣтала спокойствіе и обновляла свои силы. Не слышно также ни о какихъ выдающихся внутреннихъ реформахъ.

Подобно своему отцу, Алексѣй Михайловичъ юношей вступилъ на престолъ, подобно ему, онъ скончался лѣтъ сорока. Но его личность выдѣляется рельефнѣе; его царствованіе заслуживаетъ вниманія необыкновенно энергичнымъ воздѣйствіемъ во внѣшнихъ дѣлахъ, а также многими преобразованіями внутри страны, какъ, напр., новое «Уложеніе» и важныя постановленія въ отношеніи къ церкви.

Алексѣй Михайловичъ не лишенъ способностей, но у него нѣтъ широкаго размаха, нѣтъ большой твердости характера. Онъ отличался мягкостью, кротостью и какъ-бы патріархальностью, но эти свойства не мѣшали ему, при случаѣ, энергично расправляться съ окружающими, какъ, напр., съ собственнымъ тестемъ, Ильею Милославскимъ. По слабости характера, онъ допускалъ на должности лицъ недостойныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не былъ достаточно деспотиченъ, чтобы настаивать, если возмутившійся народъ требовалъ удаленія невзлюбленныхъ сановниковъ. Въ свои молодые годы, вскорѣ по воцареніи, Алексѣй не разъ видѣлъ себя окруженнымъ волнующимися толпами народа, жалующагося на несовершенство правленія. Но самъ царь былъ любимъ народомъ, за то большинство его совѣтниковъ было ненавидимо.

Въ войнахъ противъ поляковъ и шведовъ царь Алексѣй Михайловичъ принималъ личное участіе. Въ этомъ, какъ и въ его страсти къ охотѣ, видны большія подвижность и предпріимчивость, чѣмъ у Михаила Ѳеодоровича или у его сына Ѳеодора; но въ немъ нѣтъ и слѣдовъ неутомимой дѣятельности Петра. Онъ вѣрный сынъ церкви, благочестивый и заботливый исполнитель всѣхъ религіозныхъ обязанностей, охотно читаетъ благочестивыя книги, въ своихъ писаніяхъ блещетъ церковными оборотами, но, на ряду съ этимъ, онъ иногда нарушаетъ строгій придворный церемоніалъ. Подобно Фридриху II (Гогенштауфену), онъ составилъ книгу о соколиной охотѣ; въ его частныхъ письмахъ къ различнымъ лицамъ сквозитъ извѣстная сердечность и гуманность, но нигдѣ не выдѣляется опредѣленной индивидуальности. Воспитаніе своихъ дѣтей онъ до нѣкоторой степени поручилъ польскимъ наставникамъ. До насъ дошли стихи, которые приписываются царю. Про его обращеніе съ окружающими сохранились свидѣтельства, которыя подтверждаютъ его доброту. По временамъ онъ умѣлъ отрѣшиться отъ аскетическо-монашескаго строя царской жизни, онъ любилъ шутку, забавлялся драматическими представленіями, охотно слушалъ оркестровую музыку.

Въ послѣдніе годы царствованія Алексѣя и въ шестилѣтнее правленіе Ѳеодора (1676—1682) усиленнѣе сказывается вліяніе малороссійско-польской цивилизаціи. Во время многолѣтнихъ войнъ и при возникавшихъ дипломатическихъ переговорахъ съ Польшею многіе русскіе научились польскому языку. Въ русскую рѣчь проникаютъ полонизмы. Русскій резидентъ въ Польшѣ Тяпкинъ, истый русакъ, неизмѣнно тоскующій о родинѣ, легко поддается польской культурѣ. Его сынъ воспитывается въ польской школѣ; его донесенія царю написаны полупольскимъ языкомъ.

Царь Алексѣй Михайловичъ—отецъ Петра Великаго.
(Съ гравюры Вортмана 1744 г.).

Въ самой Россіи, получившія воспитаніе въ Польшѣ малороссійскія духовныя лица, а также природные поляки играютъ важную роль. При Михаилѣ и Алексѣѣ мы замѣчаемъ у нѣкоторыхъ русскихъ извѣстную склонность къ полякамъ [1]). Выдающимся почитателемъ западноевропейскихъ обычаевъ былъ дядя царя Алексѣя Михайловича, боярин Никита Ивановичъ Романовъ, который одѣвалъ своихъ слугъ по западноевропейскому образцу и самъ часто показывался въ польскомъ одѣяніи. Говорятъ, что патріархъ Никонъ вытребовалъ эти одежды отъ боярина и уничтожилъ ихъ. Обращаетъ на себя вниманіе, что именно этому Романову принадлежалъ знаменитый ботъ, который молодой Петръ нашелъ впослѣдствіи въ сараѣ и которымъ положилъ начало русскому флоту [2]).

Уже въ началѣ XVII вѣка авторъ сказанія объ осадѣ Троицко-Сергіевскаго монастыря поляками (1609—1610) Авраамій Палицынъ сѣтуетъ, что русскіе такъ легко поддаются католическимъ и армянскимъ ересямъ, бреютъ бороду, и выглядятъ, какъ юноши [3]). Странное впечатлѣніе производитъ встрѣтить, за немного лѣтъ до воцаренія Петра Великаго, указъ царя Алексѣя Михайловича, которымъ строго запрещается подданнымъ перенимать иностранные обычаи въ прическѣ и одеждѣ, а ослушникамъ угрожаетъ лишеніемъ должностей, чести и ссылкой [4]).

Въ царствованіе Ѳеодора польское вліяніе сказывается еще сильнѣе. Первая его жена, урожденная Грушицкая, польскаго происхожденія, была виновницею реформы одѣяній при дворѣ и въ высшемъ слоѣ русскаго общества; волосы стриглись, брились бороды, носились польскія сабли и иное оружіе; были основаны польскія и латинскія школы [5]). Еще во времена Петра упоминается о томъ противодѣйствіи, которое вызывали эти мѣропріятія со стороны многихъ бояръ.

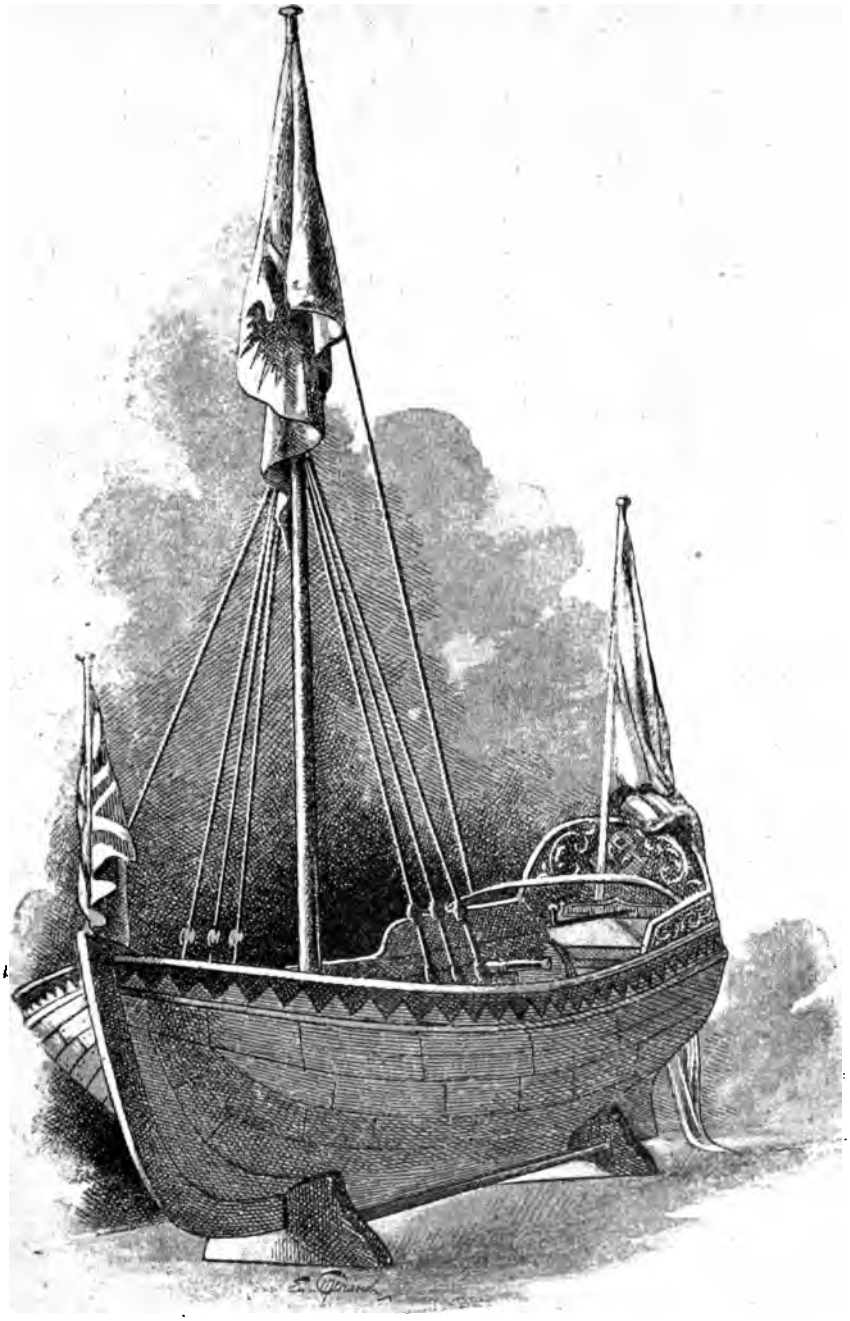
[1]) См. Соловьевъ, IX, 93, 461 и 473. Подробнѣе будетъ сказано ниже.

[2]) Соловьевъ XII, 348.

[3]) Сказаніе объ осадѣ Тр.-Сер. мон., стр. 20.

[4]) Полное собраніе законовъ, I, 607. „Великій Государь указалъ: князя Андрея княжъ Михайлова сына Кольцова Масальскаго изъ стряпчихъ написать по Жилецкому списку за то, что онъ на головѣ волосы у себя постригъ. А стольникамъ, и стряпчимъ, и дворянамъ московскимъ, и жильцамъ указалъ Великій Государь свой государевъ указъ сказать, чтобы они иноземскихъ нѣмецкихъ и иныхъ извычаевъ не перенимали, волосы у себя на головѣ не постригали, такожъ и платья, кафтановъ и шапокъ съ иноземскихъ образцовъ не носили и людемъ своимъ потомужъ носить не велѣли. А буде кто впредь начнетъ волосы подстригать и платье носить съ иноземнаго образца или такоежъ платье объявится на людѣхъ ихъ: и тѣмъ отъ Великаго Государя быть въ опалѣ и изъ высшихъ чиновъ написаны будутъ въ нижніе чины".

[5]) Соловьевъ, XIII, 330

Ботикъ Петра Великаго.

Такимъ образомъ польское вліяніе смѣнило прежнее византійское, или вѣрнѣе, оба теченія шли рядомъ. Низшіе классы и духовенство болѣе близки къ средневѣковой византійской культурѣ и уклоняются отъ всего западноевропейскаго строя, одинаково какъ отъ польско-латинскаго, такъ и нѣмецко-протестантскаго. За то высшіе элементы общества по необходимости учились у западноевропейцевъ.

При такихъ условіяхъ первенствующее значеніе получалъ вопросъ, какой видъ западноевропейскаго вліянія будетъ преобладать въ центрѣ русскаго государства.

Во время правленія царя Ѳеодора казалось, что восторжествуетъ средне-вѣковая католическая наука, проникшая чрезъ Малороссію и Польшу. Люди, въ родѣ Симеона Полоцкаго, который явился въ Россію при Алексѣѣ и сдѣлался наставникомъ дѣтей царя отъ перваго брака, были представителями той образованности, которая зиждилась на отвлеченныхъ положеніяхъ риторики, философіи и богословія прежнихъ вѣковъ. Съ этой точки зрѣнія характерно, что нѣкоторыя лица при русскомъ дворѣ съ любовью занимались церковною исторіею, въ томъ числѣ Ѳеодоръ и царевна Софья. Впослѣдствіи сынъ Петра Алексѣй—и эта черта имѣетъ важное значеніе для той бездны, которая создалась между отцомъ и сыномъ—читалъ церковно-историческое изслѣдованіе Баронія и дѣлалъ изъ него выписки. Это направленіе до извѣстной степени классическаго, съ латинскимъ основаніемъ, образованія, находилось въ противорѣчіи съ реальнымъ образованіемъ, которое русскіе могли получить отъ германскаго и протестантскаго міра. Очень многое зависѣло отъ того, кто будетъ главнымъ наставникомъ Россіи: Римъ, съ его отцами церкви и іезуитами, съ его латинскимъ языкомъ и схоластикою,—или-же стоящіе въ противоположномъ къ римско-габсбургско-испанскому міру лагерѣ молодые народы, англичане, голландцы, нѣмцы—тѣ народности, умственный и политическій прогрессъ которыхъ во время реформаціи послужилъ къ всестороннему развитію человѣчества и внесъ свѣжій воздухъ въ душную атмосферу среднихъ вѣковъ. Куда должна была примкнуть Россія: къ тому романскому, католическому міру, великому въ прошломъ, сурово оберегающему свои вѣковыя права и государственныя теоріи, но живущему воспоминаніями и сдѣлавшемуся анахронизмомъ, или-же къ народамъ приокеанской части Европы, истиннымъ представителямъ современнаго государственнаго строя, которые открывали новые пути въ области международнаго и государственнаго права, торговли, промышленности, науки, литературы и колонизаціи, которые указывали молодымъ народамъ всемірную политику.

Россія склонилась въ пользу послѣднихъ, было рѣшено учиться у новѣйшихъ народовъ Европы. И не малороссійскіе или польскіе монахи и богословы сдѣлались учителями Петра, а жители «нѣмецкой слободы», у самаго преддверья Москвы представлявшей собою образчикъ западно-европейской образованности, работоспособности и предпріимчивости.

Петру выпала на долю не исключительно одна только рутина восточнаго придворнаго этикета и преобладаніе латино-схоластическаго образованія, какъ это имѣло мѣсто съ его братомъ Ѳеодоромъ,—именно благодаря близости и значенію этой «нѣмецкой слободы», населеніе которой составилось изъ разнороднѣйшихъ элементовъ и носило какой-то космополитическій характеръ, являясь своего рода микрокосмомъ самыхъ различныхъ состояній, занятій и національностей.

Уже въ XVI в. существовало у Москвы нѣмецкое предмѣстье; въ началѣ XVII в., во время польскаго нашествія, она сгорѣла. Указомъ царя Алексѣя, въ половинѣ этого вѣка, она снова возстановлена. Такой указъ можно объяснить преимущественно религіозными соображеніями, приравнивая эту слободу къ еврейскимъ кварталамъ (Гетто). Здѣсь, главнымъ образомъ, сосредоточивалась въ половинѣ XVII столѣтія вся жизнь иноземцевъ, здѣсь возникали лютеранскія и реформатскія церкви; здѣсь жили врачи и купцы, пасторы и военные, техники и ремесленники. Ея населеніе, состоящее изъ шотландцевъ, англичанъ, голландцевъ и нѣмцевъ—другія національности имѣли лишь немногочисленныхъ представителей—производило впечатлѣніе добродѣтели и порядочности. Здѣсь царило извѣстное благосостояніе и добрая нравственность, непринужденная обходительность, болѣе возвышенная умственная жизнь. Территоріальная обособленность отъ русскаго населенія столицы устраняла для иностранцевъ опасность обрусѣнія; они составляли обособленную массу, элементы которой взаимно поддерживали другъ друга въ области экономическихъ интересовъ, обычаевъ, религіи и даже литературы.

До извѣстной степени и здѣсь существовали національныя, религіозныя и политическія партіи, но онѣ смягчались тѣмъ космополитизмомъ, который присущъ всѣмъ подобнымъ колоніямъ. Сюда достигало непосредственное вліяніе западно-европейскаго духовнаго развитія. Если вспомнить, что здѣсь было очень распространено знаніе латинскаго языка, что англійскія дамы нѣмецкой слободы выписывали съ родины множество романовъ, что шотландецъ Патрикъ Гордонъ (долгое время игравшій выдающуюся роль среди слободскаго населенія) старательно слѣдилъ за всѣми новостями Лондонскаго Королевскаго общества въ области меха-

ники, технологіи и астрономіи, что проживавшіе здѣсь иностранцы поддерживали оживленную переписку съ своими родственниками и друзьями, какъ часто они имѣли случай къ поѣздкамъ за границу и обратно, съ какимъ вниманіемъ они слѣдили за различными стадіями англійской революціи или войны между Голландіей и Англіей, — то можно по этимъ основаніямъ судить о живой связи проживавшихъ въ Россіи иностранцевъ съ западомъ и опредѣлить, насколько они были способны привить плоды западно-европейской культуры [6]).

Нѣмецкой слободѣ было суждено быть посредникомъ между Петромъ Великимъ и Западною Европою, въ важное время его юношескаго развитія. На томъ пути, въ исторіи Россіи, который лежалъ отъ болѣе азіатской, чѣмъ европейской Москвы, до болѣе европейскаго, чѣмъ русскаго Петербурга, нѣмецкая слобода была узловою станціею, опредѣляющею дальнѣйшее направленіе.

Несомнѣнно, что и до Петра эта нѣмецкая слобода имѣла большое вліяніе на нѣкоторыхъ представителей высшаго русскаго общества. Въ противоположность духовенству, ненавидѣвшему иностранцевъ, какъ еретиковъ, въ противоположность черни, часто оскорблявшей жителей нѣмецкой слободы и иногда стремившейся къ полному истребленію ненавистныхъ «нѣмцевъ» со всею ихъ слободою, среди русскихъ встрѣчались просвѣщенныя лица, умѣвшія оцѣнить бытъ западно-европейской культуры и склонныя къ ученію у иностранцевъ.

Такимъ передовымъ человѣкомъ былъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ. Онъ пользовался полнымъ довѣріемъ царя Алексѣя, былъ при Петрѣ съ колыбели и часто дарилъ молодому царевичу красивыя игрушки, однажды даже повозку съ маленькими лошадками. Почти на глазахъ десятилѣтняго тогда Петра онъ въ маѣ 1682 года былъ убитъ стрѣльцами. Его личность должна была занимать выдающееся мѣсто въ дѣтскихъ воспоминаніяхъ Петра.

Отецъ Матвѣева былъ посломъ въ Константинополѣ и въ Персіи. Его сынъ во время сѣверной войны былъ русскимъ дипломатомъ въ Парижѣ, Вѣнѣ, Гаагѣ и Лондонѣ. Самъ Артамонъ Матвѣевъ оказалъ царю Алексѣю выдающіяся услуги въ дѣлѣ присоединенія Малороссіи. Въ рѣшительные моменты онъ выступалъ, какъ дипломатъ и какъ воинъ, въ защиту чести и могущества Россіи. Въ качествѣ начальника посольскаго приказа онъ занималъ въ нѣкоторомъ родѣ положеніе министра иностран-

---

[6]) Brückner. Culturhistoriche Studien, Riga. 1878, стр. 71—81.

Нѣмецкая слобода въ Москвѣ при Петрѣ Великомъ.
(Съ современной гравюры).

ныхъ дѣлъ. Одинъ иностранный путешественникъ называетъ его «первымъ царскимъ министромъ». Переговоры съ иностранными послами часто происходили въ роскошномъ и по западно-европейскому образцу убранномъ домѣ Матвѣева. Во время сильной опасности, которою угрожалъ бунтъ Стеньки Разина, онъ давалъ встревоженному царю нужные совѣты; онъ заботился объ интересахъ торговли; какъ завѣдующій аптекарскимъ приказомъ, онъ былъ въ постоянномъ сношеніи съ многочисленными иностранными хирургами, врачами и аптекарями, которые были причислены къ этому оригинальному учрежденію. Жена Матвѣева была, хотя и православная, но все-таки иностраннаго, именно шотландскаго происхожденія. Его сынъ получилъ самое тщательное образованіе, изучилъ нѣсколько языковъ и былъ настолько ученъ, что объ этомъ засвидѣтельствовалъ даже Лейбницъ [7]). Самъ любознательный боярипъ изучалъ естествознаніе съ помощью хирурга Сигизмунда Зоммера, успѣвшаго въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ практики въ Россіи достичь хорошаго благосостоянія, и многовидѣвшаго грека Спафарія, родомъ молдаванина, бывшаго русскимъ посломъ въ Польшѣ, Бранденбургѣ и Китаѣ и въ свое время обучавшаго сына Матвѣева греческому и латинскому языку. Въ одномъ своемъ посланіи къ царю Ѳеодору, по поводу своей ссылки на отдаленнѣйшій сѣверъ Европейской Россіи, Матвѣевъ ссылается на свои историческія сочиненія, имѣвшія предметомъ личность, титулъ и печати русскихъ князей, вступленіе на престолъ царя Михаила и др. [8]). До какой степени царь Алексѣй былъ расположенъ къ боярину Матвѣеву, явствуетъ изъ одного его письма къ отсутствующему сановнику: надлежитъ ему поспѣшить своимъ возвращеніемъ, такъ какъ безъ него царь и его дѣти совершенно осиротѣли.

Разсказъ о томъ, какъ сорокалѣтній царь Алексѣй, овдовѣвъ, познакомился въ домѣ Матвѣева съ красавицею Натальей Нарышкиной и потомъ на ней женился, носитъ нѣсколько легендарный характеръ. Онъ исходитъ изъ семейныхъ преданій, но самъ по себѣ разсказъ не невѣроятенъ, подтверждая только дружескія отношенія Матвѣева съ Нарышкиными съ одной стороны и съ царемъ—съ другой, и вполнѣ согласуется съ сообщеніемъ одного иностранца, который былъ въ Москвѣ во время

---

[7]) Guerrier. Leibnitz, стр. 37, 38

[8]) Исторія о невинномъ заточеніи боярина Матвѣева. М. 1776, стр. 39. Кромѣ того А. Терещенко: Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи. (Спб. 1839, гл. о Матвѣевѣ).

вѣнчанія Алексѣя съ Нарышкиной и вскорѣ послѣ того издалъ сочиненіе о Россіи [9]).

Знакомство царя съ своею невѣстою, какъ бы частнымъ образомъ, совершенно противорѣчитъ существовавшимъ въ этомъ отношеніи обы-

Царица Наталья Кирилловна—мать Петра Великаго.

чаямъ. Если царь собирался жениться, то сотни красивѣйшихъ дѣвушекъ собирались во дворецъ со всѣхъ концовъ государства, и тутъ царь дѣлалъ

[9]) Шепелинъ. Анекдоты о Петрѣ Великомъ. М. 1830. I, 11—19. Этотъ любитель анекдотовъ слышалъ его отъ племянницы Матвѣевой графини Румянцевой. О томъ, что они впервые встрѣтили Петра въ домѣ Матвѣева, говоритъ также Reutenfels, de rebus Moscovitis, Patavii 760, см. Устряловъ, I, 258.

выборъ. Родпымъ и близкимъ избранной выпадало счастіе: они достигали почета, богатства, власти; для всей родни невѣсты наступало торжество надъ всѣми другими родами, представительницы которыхъ на смотру невѣстъ не удостаивались избранія. Вслѣдствіе этого возникали преступные происки между заинтересованными семьями. Намѣченныя царями Михаиломъ и Алексѣемъ невѣсты бывали не разъ «испорчены» родственниками соперницъ чрезъ кушанье, питье и другими способами, свадьба отмѣнялась, невѣста съ ея родными подвергались ссылкѣ; посредствомъ самыхъ недостойныхъ доносовъ устраняли съ пути самыхъ опасныхъ соперницъ [10]).

Нѣчто подобное происходило и тогда, когда вторично женился царь Алексѣй, выборъ котораго былъ установленъ, но согласно обычаю, былъ устроенъ смотръ невѣстъ, на этотъ разъ бывшій простою формальносью. Наталья Кирилловна также находилась среди многочисленнвхъ дѣвушекъ, представленныхъ царю по этому поводу. Поступило два подметныхъ письма съ обвиненіемъ Матвѣева въ чародѣйствѣ и волшебствѣ. Было произведено строгое разслѣдованіе, дядя одной изъ соперницъ Нарышкиной былъ подвергнутъ пыткѣ, хотя его вина въ отношеніи этого доноса не могла быть точно установлена. Акты этого дѣла сохранились лишь отчасти, но изъ нихъ мы все-таки узнаемъ о степени недовольства противниковъ Матвѣева по поводу царскаго выбора [11]).

22 января 1671 г. происходило вѣнчаніе царя съ Натальей Нарышкиной [12]). 30 мая 1672 г. родился Петръ. Вслѣдъ затѣмъ возникло соперничество между родственниками первой супруги царя—Милославскими и ихъ приверженцами, съ одной стороны, и Нарышкиными съ Матвѣевыми, съ другой. Тутъ не могло быть и рѣчи о политическихъ несогласіяхъ, было только сопоставленіе личныхъ интересовъ, представителями которыхъ были отдѣльныя личности, отдѣльныя семьи, была борьба, которая заканчивалась только паденіемъ той или другой стороны. На этотъ разъ она закончилась паденіемъ Матвѣева.

Сохранились извѣстія, дающія основаніе предположить, что нѣкоторые безпристрастные современники, слѣдившіе за ходомъ событій, не оправдывали безусловно Матвѣева. Въ одной польской брошюрѣ 1682 г., описывающей страшные майскіе дни этого года, безъ всякаго стремленія

[10]) Забѣлинъ. Домашній бытъ русскихъ царицъ 225—259.

[11]) Тамъ-же, 259—267.

[12]) О родѣ Нарышкиныхъ см. генеалогическія изслѣдованія Васильчикова, Русскій Арх. 1871 г. стр. 1487—1519. Устряловъ I, стр. 254 и сл. самого Петра интересовало, не происходилъ-ли Нарышкинъ изъ Чехіи. Устряловъ IV, стр. 578.

оправдать поведеніе противниковъ Матвѣева, говорится, что этотъ боярин̀ъ въ послѣднее время царствованія Алексѣя упорно преслѣдовалъ Милославскихъ, т. е. родныхъ первой супруги Алексѣя, и дѣтей его отъ перваго брака [13]).

Матвѣевъ будто бы пытался возбуждать царя Алексѣя съ помощью театральныхъ представленій; такъ въ одной изъ пьесъ было представлено, какъ Артаксеркс̀ъ, по просьбѣ Эсѳири, повѣсилъ Амана, при чемъ въ Аманѣ склонны были видѣть Милославскаго, а въ Эсѳири—вторую супругу Алексѣя, Наталью Кирилловну [14]).

Сообщеніе той-же польской брошюры, что Матвѣевъ еще при жизни Алексѣя пытался, чтобы не указанный царемъ наслѣдникъ, старшій сынъ Ѳеодоръ, а четырехлѣтній Петръ вступилъ на престолъ, лишено, повидимому, всякаго основанія, потому что такое обвиненіе не могло бы не быть высказано, когда вскорѣ послѣ воцаренія Ѳеодора Алексѣевича было предпринято паденіе всесильнаго боярина [15]).

Въ точности осталось неизвѣстнымъ, какія намѣренія были у царя Алексѣя относительно престолонаслѣдія. Достовѣрно, однако, что Ѳеодоръ Алексѣевичъ вступилъ на престолъ безъ всякихъ препятствій, и что тѣмъ самымъ наступилъ конецъ положенію и вліянію Матвѣева и вдовствующей царицы Натальи Кирилловны.

Что Матвѣевъ палъ не сразу и не непосредственно за смертью Алексѣя Михайловича, также можетъ служить свидѣтельствомъ, что у него не было никакихъ преступныхъ побужденій къ агитаціи въ пользу Петра. Еще въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, при новомъ царствованіи, вѣдалъ онъ посольскимъ приказомъ. Хитрый и коварный способъ дѣйствія противниковъ Матвѣева, подкапывающихся подъ его вліяніе, еще лучше свидѣтельствуютъ о его невинности, чѣмъ маловѣроятность приписываемыхъ ему преступленій.

Не потребовалось ни формальнаго обвиненія, ни правильнаго судебнаго слѣдствія, чтобы постепенно добиться отъ царя Ѳеодора сначала устраненія Матвѣева отъ управленія аптекарскимъ приказомъ, потомъ лишенія его завѣдыванія посольскимъ приказомъ и, наконецъ, ссылки на отдаленный востокъ. Насколько мелочны были обвиненія противъ Матвѣева, видно изъ того, что въ числѣ прочихъ ссылка на гражданскій искъ дат-

---

[13]) Польская брошюра 1686 г.

[14]) Погодинъ. Семнадцать первыхъ лѣтъ въ жизни Петра Великаго. М. 1875 г. стр. 12.

[15]) Соловьевъ, XIII, стр. 234.—Устряловъ, I, 263.

скаго резидента Жіоэ о взысканіи 500 рублей за поставленное вино — занимаетъ видное мѣсто. На опальнаго посыпались самыя тяжкія, но голословныя обвиненія со стороны его недруговъ: онъ затѣялъ отравить царя, онъ занимался въ своемъ домѣ чернокнижіемъ, колдовствомъ, вызывалъ духовъ и т. п. Главными обвинителями и свидѣтелями были нѣкоторые приближенные къ нему слуги.

Мы имѣемъ рядъ документовъ, что Матвѣевъ возражалъ противъ подобныхъ обвиненій, указывая на противорѣчія обвинителей, на недобросовѣстность сдѣланныхъ подъ пытками показаній свидѣтелей, и на дурную славу своего главнаго соперника—датскаго резидента. Эти челобитныя, адресованныя царю, патріарху и многимъ боярамъ, проливаютъ ясный свѣтъ на ходъ уголовныхъ дѣлъ того времени. Мы узнаемъ изъ этихъ свидѣтельствъ, что имѣть медицинскую книгу или заниматься естественными науками могло при случаѣ почитаться преступленіемъ, что въ обвиненіяхъ, въ которыхъ играли роль злые духи, возникали споры о сущности волшебствъ, и борьба велась съ помощью цѣлаго арсенала текстовъ и цитатъ изъ Библіи [16]).

Вѣрили сами обвинители Матвѣева въ его вины или нѣтъ, но дѣло въ томъ, что онъ лишился всего достоянія, при чемъ составлявшій инвентарь его имущества писецъ присвоилъ себѣ весьма многое изъ его драгоцѣнностей и золотыхъ вещей [17]), а самъ Матвѣевъ сосланъ въ почетную ссылку воеводою на границу Сибири, въ Верхотурье. Задержанный въ Лаишевѣ на Камѣ, онъ вмѣстѣ съ сыномъ Андреемъ и немногими спутниками (въ томъ числѣ одинъ священникъ и воспитатель сына) сосланъ на жительство въ Пустозерскъ, а затѣмъ въ Мезень. Нѣсколько мѣсяцевъ прожилъ онъ на крайнемъ сѣверѣ, по обвиненію въ государственномъ преступленіи, въ неволѣ, страдая отъ суроваго климата и подъ опасеніемъ голодной смерти вслѣдствіе затруднительнаго подвоза съѣстныхъ припасовъ [18]).

Не одинъ Матвѣевъ былъ обвиненъ въ замыслѣ отравить царя Ѳеодора. Ближайшіе родственники вдовствующей царицы Натальи, ея отецъ и братья, были схвачены и допрашиваемы. Въ обществѣ ходило много толковъ объ этомъ заговорѣ, которое, по словамъ голландскаго резидента барона Келлера, было ничѣмъ инымъ, какъ «злостною выдумкою несуществующаго заговора» [19]). Нѣкоторое время только объ этомъ заговорѣ и было рѣчи,

---

[16]) См. прим. 9.

[17]) Brückner, „Russische Geldfürsten“, 1877.

[18]) См. прим. 9, стр. 309 и слѣд.

[19]) Posselt. „Franz Lefort“, 232 (депеши Келлера).

говорили и предполагали, что Матвѣевъ самъ стремился къ престолу. Родственники матери Петра были, подобно Матвѣеву, сосланы, и можно было ожидать, что сама царица Наталья будетъ заключена въ монастырь [20]). Однако, еще въ царствованіе Ѳеодора, произошла перемѣна въ пользу осужденныхъ.

Уже въ концѣ 1678 г. престарѣлый воевода кн. Долгорукій, бывшій во время такъ называемаго чигиринскаго похода главнымъ воеводою, пытался убѣдить царя въ необходимости вернуть Матвѣева изъ ссылки, потому что въ тогдашнемъ ложномъ положеніи были настоятельно нужны совѣты столь опытнаго государственнаго дѣятеля. При дворѣ по этому поводу происходили горячіе споры. Голландскій резидентъ, сообщающій объ этихъ событіяхъ нѣкоторыя подробности, добавляетъ, что въ случаѣ возвращенія Матвѣева слѣдуетъ ожидать многихъ перемѣнъ [21]).

Но только по прошествіи двухъ или трехъ лѣтъ въ судьбѣ Матвѣева и Нарышкиныхъ произошло существенное улучшеніе. Послѣ смерти своей первой жены, царь Ѳеодоръ женился на Маріи Апраксиной (февраль 1682 г.), крестницѣ Матвѣева; новая царица пыталась склонить царя на его возвращеніе. Матвѣеву не было еще дозволено пріѣхать въ столицу, но разрѣшено жить въ возвращенномъ ему имѣніи Лухъ (Костромской губерніи, въ 70 миляхъ отъ Москвы). Здѣсь онъ всю весну получалъ отъ своихъ московскихъ друзей ежедневныя сообщенія о всемъ происходившемъ въ столицѣ, гдѣ ожидали скорой кончины болѣзненнаго царя. Всѣ съ напряженнымъ вниманіемъ готовились къ важнымъ сообщеніямъ и ожидали, что Матвѣевъ займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ государствѣ; объ этомъ свидѣтельствуетъ сообщеніе Келлера Генеральнымъ Штатамъ отъ 25 апрѣля 1682 г., въ которомъ онъ писалъ: «Въ случаѣ кончины Его Величества, слѣдуетъ, съ полною вѣроятностью, ожидать, что будетъ немедленно посланъ гонецъ къ Матвѣеву, чтобы его вызвать ко двору, чтобы онъ устранилъ всякое волненіе и безпорядокъ и предупредилъ несчастья, которыя могли бы произойти среди ближайшихъ кровныхъ родственниковъ по вопросу о престолонаслѣдіи. Двое Нарышкиныхъ (отецъ и младшій сынъ) уже въ Москвѣ нѣсколько дней и открыто показываются. Третьяго, болѣе обвиненнаго, ожидаютъ вскорѣ; такимъ образомъ, многія обстоятельства принимаютъ совершенно иной оборотъ» [22]).

Всѣ эти предположенія оправдались. Черезъ два дня царь Ѳеодоръ

---

[20]) Тамъ-же I, 234 „Lequel prétendait à la corone".

[21]) Тамъ-же, 233.

[22]) Тамъ-же, 234 и 278.

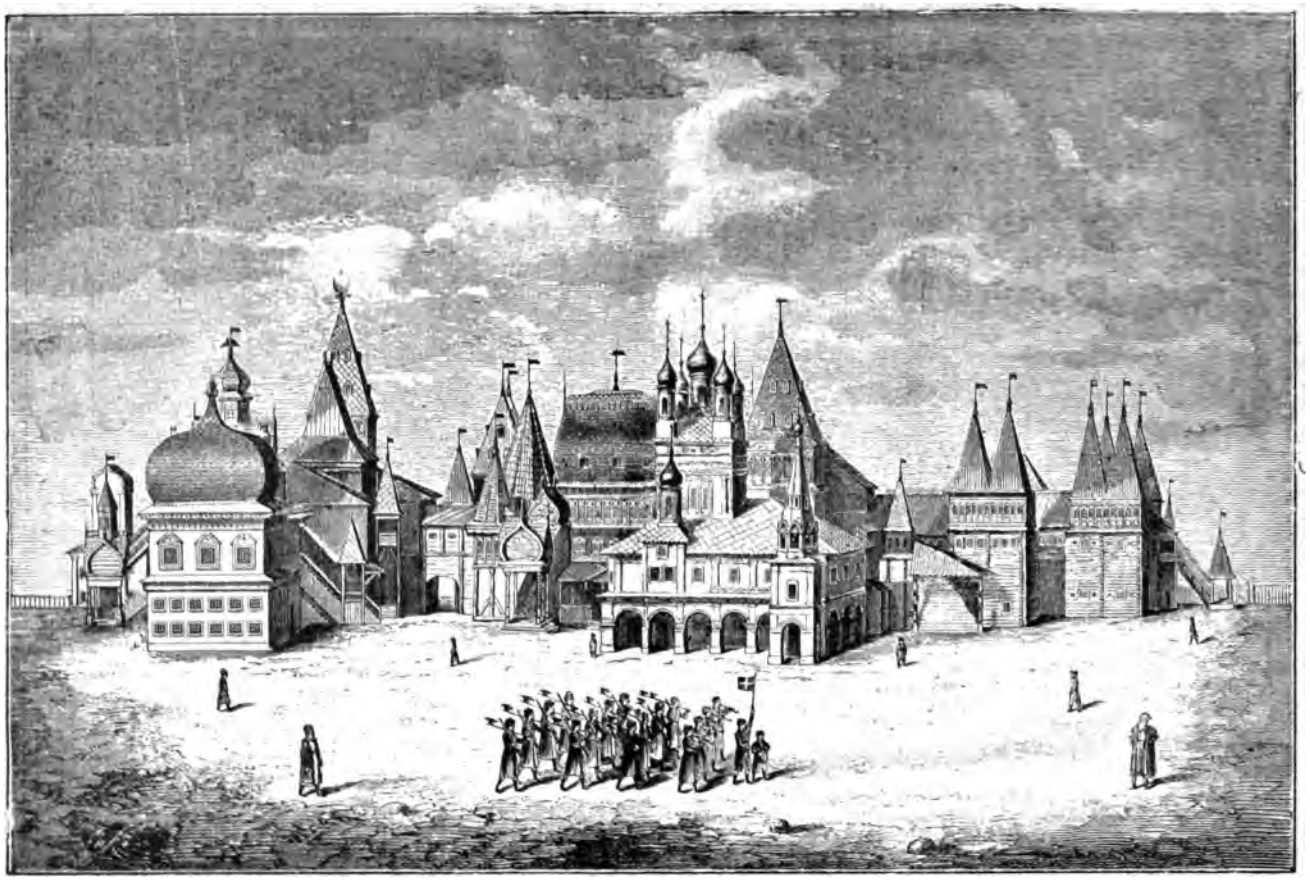
умеръ, и въ Лухъ спѣшитъ гонецъ къ Матвѣеву торопить пріѣздомъ въ Москву, гдѣ дворъ и правящіе круги были раздѣлены на два враждебныхъ стана. Въ одномъ — дѣти царя Алексѣя отъ перваго брака съ ихъ родственниками Милославскими; въ другомъ — Петръ, Нарышкины и тотъ кругъ лицъ, который, какъ Языковъ и Лихачевъ, имѣли преобладающее значеніе въ минувшее царствованіе.

Таково было положеніе двора въ первыя десять лѣтъ жизни Петра. Въ это время его собственная судьба подвергалась многимъ перемѣнамъ. Въ теченіе первыхъ лѣтъ, при жизни царя Алексѣя, Наталья Кирилловна и Петръ занимали выдающееся положеніе. Съ воцареніемъ Ѳеодора, положеніе ихъ существенно измѣнилось одновременно съ паденіемъ Матвѣева. Эти годы мать и сынъ жили въ трехъ верстахъ отъ Москвы въ построенномъ Алексѣемъ Михайловичемъ дворцѣ въ селѣ Преображенскомъ; какъ видно изъ нѣкоторыхъ сохранившихся свидѣтельствъ, они были совершенно отодвинуты на задній планъ восторжествовавшею партіею единокровныхъ братьевъ Петра. Но если мать Петра горько страдала отъ такого пренебреженія, то для свободнаго и здороваго развитія сына было очень полезно удаленіе отъ строгаго восточнаго придворнаго этикета, которому подвергались молодые русскіе царевичи до тринадцати и даже до пятнадцатилѣтняго возраста, являясь какъ-бы плѣнниками терема. На свѣжемъ воздухѣ, въ Преображенскомъ, Петръ могъ получить болѣе здоровыя и разнообразныя впечатлѣнія, чѣмъ въ душной атмосферѣ Кремля.

О первыхъ десяти годахъ жизни Петра мы имѣемъ два источника, совершенно различнаго значенія; во-первыхъ, сохранился цѣлый рядъ легендарныхъ преданій, постоянно повторяемыхъ въ продолженіе XVIII столѣтія, рисующихъ дѣтство Петра въ особомъ идеальномъ освѣщеніи, сообщающихъ невѣроятныя свѣдѣнія о его необычайныхъ способностяхъ и сдѣлавшихся какъ-бы «общепринятою баснею» въ цѣломъ рядѣ сочиненій о Петрѣ, но мы большинству этихъ разсказовъ не придаемъ никакой исторической цѣнности [23]). Совсѣмъ другое значеніе имѣютъ многочисленные,

---

[23]) Обстоятельства рожденія Петра охотно украшаются вымыслами. Предсказанія и гороскопы играютъ выдающуюся роль. Вопросъ о томъ, родился-ли Петръ въ Кремлѣ, или въ с. Коломенскомъ, или въ иномъ мѣстѣ—былъ предметомъ изслѣдованій еще въ XVIII в. и теперь рѣшается въ пользу Кремля. Объ этомъ весьма несущественномъ, самомъ по себѣ обстоятельствѣ, см. Устряловъ, I, 259, Забѣлинъ (Опытъ изученія русскихъ древностей, 1872, I, 2); ст. Астрова въ „Русск. Арх.“, 1875, II, 470, въ которой доказывается, что Петръ родился въ Кремлѣ, 30-го мая 1672 г., такъ какъ документально установлено, что 28-го мая царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ былъ поднесенъ въ Кремлѣ пода-

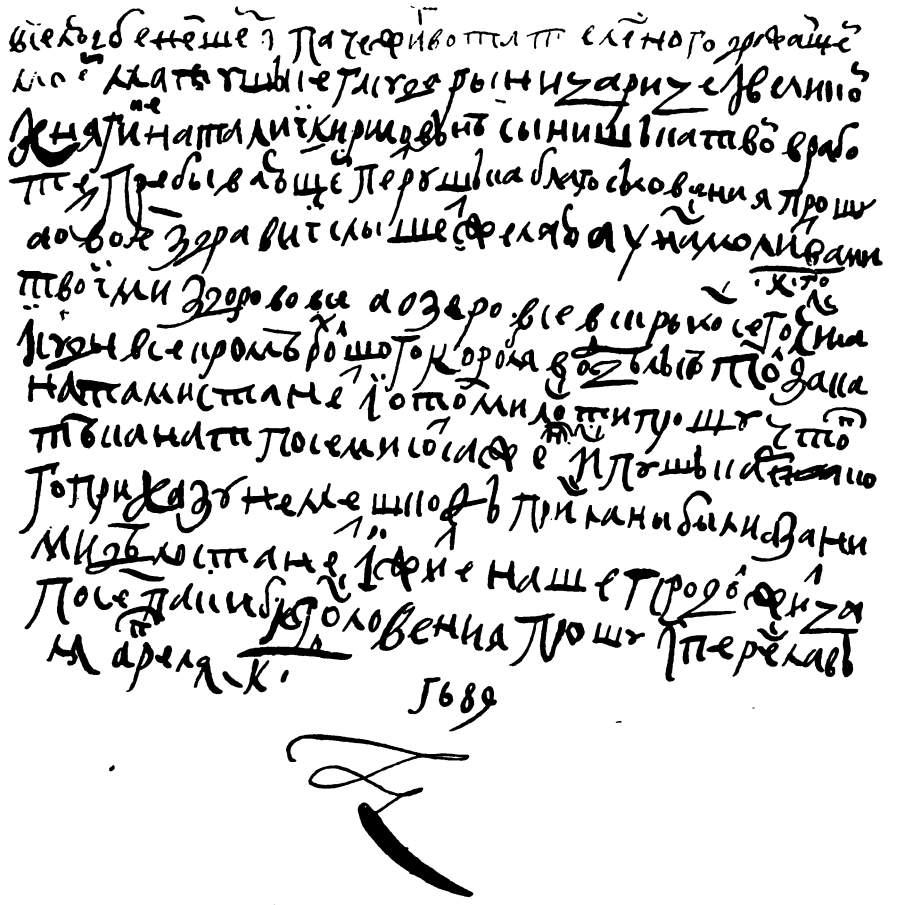
Коломенскій дворецъ въ XVII вѣкѣ, мѣсто предполагаемаго рожденія Петра Великаго.

особенно въ послѣднее время ставшіе извѣстными акты, дающіе намъ довольно ясное представленіе о дѣтствѣ Петра. Мы узнаемъ, что Петръ былъ окруженъ карлами и карлицами, что его первый учитель, приказный подъячій Зотовъ, заботился объ изготовленіи разнаго рода букварей и книгъ съ картинками для наглядnаго обученія; мы узнаемъ, какія были у Петра игрушки, и что стоило ихъ приготовленіе; между этими игрушками видное мѣсто занимаетъ оружіе: луки и стрѣлы, сабли и пищали; по случаю рожденія и дѣтства Петра писались особыя иконы. Все это почти ничѣмъ не отличалось отъ обычной обстановки, въ которой находились мальчики состоятельныхъ и знатныхъ русскихъ семей.

Обращаетъ на себя вниманіе только число предметовъ, изготовлявшихся для Петра; до насъ сохранились имена всѣхъ столяровъ, маляровъ и другихъ ремесленниковъ, работавшихъ на царевича. Изъ тѣхъ-же актовъ, по ежегодно повторяемымъ записямъ объ изготовленіи наглядныхъ пособій, узнаемъ мы, что избранный Зотовымъ методъ образованія главнымъ образомъ основывался на разсмотрѣніи и поясненіи картинныхъ листовъ. Большой интересъ представляетъ почерпнутое изъ архивныхъ-же источниковъ свидѣтельство, что молодому царю, на двѣнадцатомъ году его жизни, были доставлены инструменты для работъ каменныхъ, малярныхъ и переплетныхъ, а также верстакъ и токарный станокъ. Когда, въ 1697 г., Бранденбургская курфюрстина Софія-Шарлотта съ удивленіемъ

рокъ.—Главный собиратель всѣхъ анекдотовъ и разсказовъ о Петрѣ былъ П. Н. Крекшинъ (1684—1763), въ томъ числѣ много мелочныхъ и баснословныхъ. Горячій поклонникъ Петра и неутомимый хвалитель его дѣяній, онъ посвятилъ всю свою жизнь служенію памяти царя. Его сочиненія были очень распространены XVIII в. и выдержали нѣсколько изданій. Къ сожалѣнію, даже серьезные историки, какъ, напр., Забѣлинъ, принимали на вѣру такіе вымыслы, будто трехлѣтній Петръ представлялся своему отцу въ качествѣ полковника одного полка, хотя достовѣрно извѣстно, что до 3½ лѣтъ Петръ былъ на попеченіи мамки. Уже Устряловъ сомнѣвается, чтобы въ своихъ потѣшныхъ бояхъ четырехлѣтній Петръ могъ, благодаря военнымъ способностямъ, одолѣвать противниковъ. Забѣлинъ-же держится обратнаго мнѣнія.—Neuvilles (Relation curieuse et nouvelle de la Moscovie, 1699). Его сообщеніе, что образованный шотландецъ Менезесъ, по порученію царя Алексѣя ѣздившій въ 1672 г. съ посольствомъ въ Римъ и Венецію, былъ приглашенъ къ воспитанію Петра, представляется лишеннымъ основанія, такъ какъ нигдѣ имя этого иностранца не встрѣчается въ подробныхъ спискахъ всѣхъ окружающихъ Петра лицъ. Къ тому-же маловѣроятно, чтобы Алексѣй Михаиловичъ поручилъ воспитаніе сына иностранцу, да еще католику.—Сомнительны также разсказы Штраненберга, Бонерота, Штелина, Крекшина и др. о боязни воды у Петра въ дѣтствѣ. Противъ этого свидѣтельствуетъ морской регламентъ Петра, въ которомъ онъ говоритъ о своей постоянной любви къ плаванію.

замѣтила, что Петръ знаетъ четырнадцать ремеслъ, или когда, въ 1698 г. англійскій епископъ Бернетъ (Burnet) сѣтовалъ, что умъ Петра направленъ въ сторону техники и строительства, то приведенныя выше архивныя данныя даютъ рядъ указаній, что Петръ былъ уже политехникомъ въ

Письмо Петра Великаго къ царицѣ Натальѣ Кирилловнѣ.

широкомъ смыслѣ слова и что въ самые юные годы онъ охотно стремился къ практической дѣятельности. Въ отличіе отъ богословскаго образованія своего брата Ѳеодора, онъ самъ получилъ образованіе реальное. Предположенія, что онъ получилъ военное воспитаніе, высказываемое нѣкоторыми изслѣдователями, которые придаютъ чрезмѣрное значеніе его играмъ въ солдаты, не имѣютъ подъ собою почвы [24]).

[24]) Забѣлинъ, Опыты, 1—50; Астровъ, въ „Русскомъ Арх.“, 1875, II, 470 и III, 90, 212.

*

Несомнѣнно, что первоначальное образованіе Петра носило случайный и непослѣдовательный характеръ. Изъ учебныхъ тетрадей Петра, которыя имѣлъ въ своихъ рукахъ Устряловъ и факсимиле которыхъ онъ прилагаетъ къ своимъ сочиненіямъ, видно, что только юношею сталъ Петръ обучаться ариѳметикѣ. Поразительная, ужасъ вызывающая орѳографія въ тысячахъ сохранившихся собственноручныхъ письменъ, наброскахъ и выпискахъ Петра также доказываетъ, что полученное имъ первоначальное образованіе было крайне недостаточно. Отъ императрицы Елизаветы Петровны Штелинъ слышалъ разсказъ, какъ Петръ Великій, заставъ однажды своихъ дочерей, Анну и Елизавету, за урокомъ, замѣтилъ имъ, что, къ его большому сожалѣнію, ему не выпало на долю получить основательное образованіе [25]).

Четырехъ лѣтъ лишился Петръ друга своего отца, который лучше, чѣмъ кто-либо, былъ способенъ заняться воспитаніемъ царевича: Матвѣевъ былъ сосланъ. Теперь, когда смерть Ѳеодора, открывала десятилѣтнему Петру путь къ престолу, можно было ожидать, что высоко образованный государственный дѣятель станетъ учителемъ юноши, совѣтникомъ царя.

Случилось совершенно обратное. Дни Матвѣева были сочтены. Наступали потрясающія событія весны 1682 г.

[25]) Штелинъ, Анекдоты, II, № 99.

ГЛАВА II.

Кризисъ 1682 года.

Государственное право тогдашней Россіи не было разработано, и въ особенности не существовало положительныхъ правилъ въ отношеніи престолонаслѣдія. Когда скончался царь Ѳеодоръ, прошло сравнительно немного времени съ воцаренія дома Романовыхъ. Предъ тѣмъ Россія уже была привычна къ нѣкоторой неправильности въ престолонаслѣдіи. По смерти Ѳеодора Ивановича, Борисъ Годуновъ сдѣлался царемъ благодаря всякаго рода коварству и искусственно подстроеннымъ народнымъ демонстраціямъ; Лжедмитрій достигъ трона преимущественно силою оружія, во главѣ войска, съ мечемъ въ рукахъ. Василій Шуйскій былъ возведенъ на царство боярскою партіею, — это было революціоннымъ пріемомъ, а не правильнымъ избраніемъ. Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ призванъ волею народа, онъ сдѣлался, правда, основателемъ новой династіи, но и впослѣдствіи вопросъ о престолонаслѣдіи не разъ вызывалъ осложненія. Вполнѣ достовѣрный источникъ (Котошихинъ) [1]) сообщаетъ, что и при вступленіи Алексѣя Михайловича происходили своего рода выборы. Ѳеодоръ-же, какъ можно предполагать, былъ предназначенный наслѣдникъ Алексѣя. Его старшій братъ Алексѣй умеръ еще при жизни отца. Иванъ былъ гораздо хилѣе своего брата, а Петру, когда умеръ отецъ, было всего четыре года. Ѳеодоръ, насколько извѣстно, не сдѣлалъ никакихъ распоряженій относительно престола, хотя смерть его не была неожиданная. Въ 1682 году сказалось неудобство отъ отсутствія общепризнаннаго закона о престолонаслѣдіи и временномъ регентствѣ, съ опредѣленными правами на случай болѣзни или несовершеннолѣтія наслѣдника престола. Поэтому, при вакансіи престола, начиналась упорная борьба личныхъ интересовъ и соперъ-

[1]) Котошихинъ. О Россіи при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, стр. 4 и 100.

ничество между различными родами. Сторонники различныхъ партій, родственники и слуги отдѣльныхъ представителей династіи являются главными дѣйствующими лицами этой борьбы. Несогласія, начавшіяся со времени второго брака Алексѣя на Нарышкиной, были сдерживаемы во все время царствованія его собственнаго и Ѳеодора Алексѣевича. Но по смерти послѣдняго не стало болѣе никакой узды для проявленія этого соперничества. Та или другая партія должна была какъ можно скорѣе завладѣть кормиломъ правленія, забрать фактическую власть, подавить своихъ противниковъ, иначе въ ближайшемъ будущемъ могли возникнуть самые серьезные безпорядки.

Достойно вниманія, что еще при жизни Алексѣя въ Россіи говорилось о вытекающей отсюда опасности для государства и общества. Жившій въ ссылкѣ въ Тобольскѣ сербъ Юрій Крыжанычъ, написавшій въ послѣдніе го́ды жизни царя Алексѣя свои сочиненія о государствѣ, о государственномъ устройствѣ, раскольникахъ и др., обращалъ вниманіе на необходимость закона о престолонаслѣдія, говоря, что варварамъ свойственно жить изо-дня въ день, тогда какъ нужно жить, имѣя въ виду вѣчность.

Онъ вспоминаетъ о смутахъ въ тѣхъ государствахъ, гдѣ князья избираются, а также на распри и безпорядки во время удѣльнаго періода въ Россіи. Онъ полагаетъ, что побѣды шведовъ и поляковъ, во время войнъ съ Россіею въ XVII вѣкѣ, объясняются отсутствіемъ закона о престолонаслѣдіи. Указываетъ онъ и на примѣръ Людовика Благочестиваго, причинившаго своей странѣ волненіе по тому-же поводу, и въ особенности подчеркиваетъ опасность отдавать предпочтеніе въ престолонаслѣдіи младшимъ сыновьямъ предъ старшимъ. Случаи устраненія перворожденныхъ отъ престола должны быть, по мнѣнію Крыжаныча, точно опредѣлены въ законѣ; извѣстные тѣлесные недостатки и умственное убожество должны быть безусловными причинами устраненія, но, съ другой стороны, болѣе блестящія способности младшаго сына не могутъ имѣть въ его пользу никакого вліянія. Попутно ссылается онъ и на тѣ азіатскія государства, гдѣ было въ обычаѣ или еще сохранился обычай давить всѣхъ младшихъ сыновей, или по ихъ ослѣпленіи заключать въ пожизненную тюрьму. Нѣмецкій обычай предоставлять младшимъ сыновьямъ епископскія званія кажется Крыжанычу достойнымъ подражанія. Онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, настолько дальновиденъ, что не довольствуется указаніемъ на законодательство о престолонаслѣдіи, а замѣчаетъ о необходимости правилъ для регентства. Имѣя въ виду положеніе и исторію Россіи и предугадывая угрожавшія ей опасности, онъ

указываетъ на вредъ отъ вмѣшательства военной силы, какъ это видно съ преторіанцами изъ исторіи Рима и янычарами въ Турціи. Ничто не можетъ быть, по его мнѣнію, пагубнѣе для судьбы государствъ, какъ подобное вмѣшательство [2]).

Исполненіе всего сказаннаго Крыжаничемъ наступило въ Россіи чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ его смерти. Въ 1682 году дѣйствовали двѣ причины: соперничество разныхъ родовъ и стрѣлецкій бунтъ, главные

Село Измайлово—мѣсто, въ которомъ Петръ Великій провелъ свое дѣтство. (Съ гравюры XVII вѣка).

факторы кризиса, установившаго, что Петръ, царь по имени, еще въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ былъ какъ бы въ загонѣ.

Не безъ нѣкотораго основанія указывали, что во время правленія Ѳеодора село Преображенское могло сдѣлаться для юнаго Петра вторымъ Угличемъ. Послѣ-же смерти Ѳеодора Алексѣевича положеніе сразу измѣнилось въ пользу Петра. Послѣ его старшаго брата не осталось никакихъ распоряженій относительно престолонаслѣдія, быть можетъ, у него была надежда имѣть сына. Теперь-же надлежало рѣшить, кто будетъ царствовать: шестнадцатилѣтній скудоумный и почти лишенный зрѣнія Иванъ или десятилѣтній Петръ.

---

[2]) Крыжаничъ (Записки въ издан. Безсонова, М. 1859)

Дворъ былъ раздѣленъ на двѣ партіи. Между главными сотрудниками Ѳеодора въ послѣднее время: Языковымъ, Лихачевымъ и Апраксинымъ, склонявшимися въ пользу Петра, было явное соперничество съ Милославскими, желавшими первенства для своихъ родственниковъ, дѣтей отъ перваго брака Алексѣя.

Хотя смерть Ѳеодора, какъ это видно изъ депешъ Келлера, не была неожиданностью, тѣмъ не менѣе ея наступленіе застало всѣхъ неподготовленными. Насколько натянуто было положеніе, видно изъ свидѣтельства одного очевидца, что приверженцы Петра, немедленно послѣ смерти Ѳеодора собравшіеся во дворецъ (27 апрѣля 1682 г.), подъ своими одеждами надѣли кольчуги [3]).

По старинному обычаю, въ случаѣ вакантности престола, высшее положеніе въ царствѣ временно было предоставлено патріарху. Въ 1598 г. патріархъ Іовъ, ставленникъ Бориса Годунова, руководилъ избраніемъ, доставившимъ престолъ послѣднему. Въ 1682 г. избраніемъ руководилъ патріархъ Іоакимъ, хотя самое избраніе было простою формальностью, и все было рѣшено въ нѣсколько минутъ. Когда въ торжественной рѣчи патріархъ обратился къ случайно собравшимся въ Кремлѣ боярамъ съ вопросомъ, кому теперь царствовать, было тотчасъ рѣшено въ пользу Петра, съ устраненіемъ Ивана. Ни въ оффиціальномъ протоколѣ объ этомъ избраніи [4]), ни въ подробномъ описаніи современника и свидѣтеля, къ тому же приверженца противной партіи [5]), не упоминается о мотивахъ предпочтенія, отданнаго младшему брату.

Повидимому, избраніе совершилось въ двоякомъ видѣ: раньше въ одной изъ Кремлевскихъ палатъ, гдѣ произошло короткое совѣщаніе случайно присутствующихъ, затѣмъ на площади, гдѣ патріархъ поставилъ собравшемуся народу тотъ-же вопросъ, кто долженъ царствовать, и получился отвѣтъ, благопріятный Петру. Можно подумать, будто потребовалась оффиціальная демонстрація, актъ народной воли, чтобы укрѣпить права Петра [6]).

---

[3]) См. у Сахарова. Записки русскихъ людей, Записки Матвѣева, стр. 5.

[4]) П. С. З № 419.

[5]) См. прим. 3.

[6]) Это избраніе было простою формальностью. Поэтому нельзя соглашаться съ тѣми историками, которые видятъ въ этомъ случайномъ собраніи настоящій земскій соборъ изъ людей всѣхъ чиновъ. Случайные „представители“ не имѣли никакихъ полномочій. Также формально было народное собраніе, избравшее въ 1598 г. Бориса Годунова, или въ 1610 г. устранившее Василія Шуйскаго. Въ пользу этого мнѣнія высказываются Сергіевичъ и Загоскинъ. За соборное начало стоитъ Бѣляевъ.

Только одинъ голосъ поднялся въ пользу Ивана. Это былъ Сумбуловъ, про котораго говорятъ, что, вслѣдъ за поворотомъ дѣлъ въ пользу Милославскихъ, онъ за это былъ пожалованъ въ думные дворяне. Показаніе это подтверждается документально [7]).

Царемъ былъ Петръ одинъ, и объ Иванѣ нѣтъ и рѣчи. Онъ молчаливо устраненъ. Голосъ Сумбулова остался безъ послѣдствій. Партія Милославскихъ была подавлена и на время стушевалась [8]).

О регентствѣ матери Петра также не упоминается. Это обстолтельство предоставлено естественному теченію дѣлъ.

Новое царствованіе признано безъ всякихъ замѣшательствъ. Всѣ присягнули царю Петру безъ возраженій. Только одинъ Стрѣлецкій полкъ отказался сначала присягать, но и онъ вскорѣ сдался увѣщаніямъ посланныхъ къ нему довѣренныхъ лицъ, имена которыхъ сохранились въ соотвѣтственныхъ документахъ [9]).

Но въ то самое время, какъ новое правленіе старалось укрѣпиться, мать Петра, сообщая боярину Матвѣеву о событіи 29 апрѣля 1682 г., торопила его ѣхать въ Москву, а ея братъ Иванъ Нарышкинъ получилъ званіе боярина и оружейничаго (7 мая), началась агитація, которая всего двѣ недѣли спустя по воцаренію Петра привела къ днямъ 15, 16 и 17 мая и положила конецъ всего мѣсяцъ продолжавшемуся единодержавію Петра.

Здѣсь на первый планъ выступаетъ старшая, родившаяся въ 1657 г. сестра Петра, Софья. Если вспомнить замкнутость образа жизни, точно въ монастырѣ, заключенныхъ въ кремлевскихъ теремахъ царевенъ, обреченныхъ на безбрачіе, умственно и нравственно подавленныхъ, если вспомнить также ту совершенно пассивную роль, которую играли всѣ

---

[7]) Объ этомъ упоминается въ запискахъ Матвѣева. — Соловьевъ (XIV, прил. 53) нашелъ въ спискѣ назначеній отъ 26 іюня 1682 г. пожалованіе Самбулову званіе думнаго дворянина.—Разсказъ Голикова, что объ этомъ событіи говорилъ Петру самъ Сумбуловъ, встрѣтивъ царя въ одномъ монастырѣ, имѣетъ анекдотическій характеръ.

[8]) Сторонникъ Софіи Медвѣдевъ подтверждаетъ всѣ эти событія.—За то представляется неосновательною та оффиціальная версія, которая вошла въ П. С. З. № 920 и была составлена позднѣе. По этой версіи, всѣ присутствующіе просили обоихъ царевичей, Ивана и Петра, вступить на престолъ, и только вслѣдствіе отказа Ивана былъ избранъ одинъ Петръ. Затѣмъ, когда это обстоятельство возбудило смуту, то Ивана уговорили согласиться на избраніе, и Софья соглашается принять на себя правленіе, и т. д.—Уже Устряловъ обратилъ вниманіе на несоотвѣтствіе этого изложенія съ дѣйствительными событіями.

[9]) Соловьевъ, XIV, Прил. XXVI.

родственныя Михаилу, Алексѣю и Ѳедору женщины, то мы не можемъ не проникнуться удивленіемъ къ самому первому появленію на сценѣ Софьи и къ той необыкновенной, при указанныхъ условіяхъ, силѣ воли царевны, которая руководила всею ея дѣятельностью съ 1682 по 1689 годъ; въ особенности поражаетъ ея образъ дѣйствій, когда возбужденный ею стрѣлецкій бунтъ привелъ къ желательному концу, и она порываетъ съ расходившимися революціонными элементами; всѣ ея поступки свидѣтельствуютъ о недюжинномъ дарованіи. Разсказы о ея красотѣ сообщаются только въ запискахъ такихъ путешественниковъ, которые посѣтили Россію уже тогда, когда роль Софьи была сыграна [10]) и не согласуются съ свѣдѣніями лицъ, знавшихъ царевну [11]). Даже противники Софьи не отрицаютъ ея таланта и энергіи. Никто не сомнѣвается въ ея властолюбіи. Одинъ иностранецъ [12]) разсказываетъ, что она страдаетъ «честолюбіемъ царствованія»; другой современникъ [13]) говоритъ, что Софья взяла въ образецъ греческую царевну Пульхерію, дочь Аркадія, которая пятнадцати лѣтъ отъ роду правила именемъ своего брата Ѳеодосія. Можно предположить, что уже царствованіе Ѳеодора было для Софьи подготовительною политическою школою. Люди, въ родѣ князя Василія Васильевича Голицына, игравшаго въ это время выдающуюся и до нѣкоторой степени реформаторскую роль, котораго, какъ это достовѣрно извѣстно, Софья страстно любила, или кн. Хованскаго, котораго она могла часто встрѣчать у ложа больнаго брата, были, конечно, вполнѣ способны посвятить царевну въ государственныя дѣла. На ея умственное развитіе имѣлъ немаловажное вліяніе по тому времени очень образованный малорусскій богословъ Симеонъ Полоцкій. Одинъ изъ ея вѣрнѣйшихъ приверженцевъ, монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, былъ глубоко ученый человѣкъ и считался первымъ русскимъ библіографомъ. Хвалители Софьи сравниваютъ ее съ Семирамидою и Елизаветою англійскою. Впрочемъ, и не могло не показаться необычайнымъ явленіемъ, что въ Россіи, изъ глуши теремовъ, выступила женщина на общественную дѣятельность и взяла на себя большую отвѣтственную политическую роль въ странѣ, гдѣ царицы и царевны не иначе появлялись на улицахъ, какъ въ закрытыхъ возкахъ, на богослуженіяхъ присутствовали не иначе, какъ въ покрывалахъ, даже въ случаѣ болѣзни не

[10]) Штраненбергъ, Перри.

[11]) Шлейзингъ, Невиль.—Послѣдній говоритъ, что Софья была очень несимпатична, что ко времени его прибытія въ Россію, Софья считала, что ей 33 года, но въ дѣйствительности имѣла сорокъ.

[12]) Шлейзингъ.

[13]) Матвѣевъ.

показывались призываемымъ къ нимъ врачамъ. Вполнѣ кажется допустимымъ, что при подобныхъ невѣроятныхъ трудностяхъ, которыя препятствовали честолюбицѣ въ достиженіи цѣлей, были пущены въ ходъ средства, не соотвѣтствовавшія основамъ высокой нравственности. Въ вопросахъ, гдѣ рѣшающее значеніе имѣетъ не положительное, не подлежащее сомнѣнію право, а мгновенный, фактическій перевѣсъ и личное вліяніе, искатели власти прибѣгали къ хитрости и коварству. Потому самому во всѣхъ описаніяхъ образа дѣйствій стушеванной избраніемъ Петра партіи Милославскихъ такъ рельефно выступаютъ всякаго рода обманы и вѣроломства, къ которымъ она прибѣгала. Нѣкоторые поступки, быть можетъ, напрасно приписываются самой царевнѣ, но сдѣланная попытка обѣлить Софью во всѣхъ отношеніяхъ должна почитаться совершенно неудачною [14]).

Современники охотно усматриваютъ въ поведеніи и въ распоряженіяхъ царевны Софьи разсчетъ и преднамѣренность. Въ одномъ польскомъ источникѣ, быть можетъ, основанномъ на свидѣтельствѣ очевидца, мы видимъ, что Софья, вопреки стародавнему обычаю и многочисленнымъ совѣтамъ, принимала личное участіе въ похоронной процессіи царя Ѳеодора, желая обратить на себя общее вниманіе народа громкимъ плачемъ и причитаніемъ по всей дорогѣ въ церковь и въ самомъ храмѣ, такъ что въ народѣ возникло даже нѣкоторое смятеніе. Когда вдовствующая царица, до окончанія службы, вышла изъ церкви съ малолѣтнимъ Петромъ, которому не подъ силу было долгое стояніе, Софья, замѣтивъ это, послала сдѣлать мачихѣ замѣчаніе. Сообщается также, что Софья обращалась къ народу съ жалобою, что царь Ѳеодоръ отравленъ, что Иванъ напрасно устраненъ отъ престола [15]). Какъ и должно было случиться, борьба между Софьей и ея приверженцами, съ одной стороны, и царицею Натальей Кириловною, Петромъ и ихъ сторонниками—съ другой, проявилась немедленно по смерти Ѳеодора и провозглашеніи царемъ Петра. Все затѣмъ послѣдовавшее, несмотря на нѣкоторыя противорѣчія и недостаточность источниковъ, производитъ впечатлѣніе, что партія Милославскихъ пустила въ ходъ самые темные происки, чтобы временно пострадавшую отъ избранія Петра придворную партію снова поставить наряду съ группою Нарышкиныхъ и, по возможности, оттѣснить послѣднихъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что еще въ послѣдніе дни жизни Ѳеодора Софья, ея род-

[14]) Аристовъ, Московскія смуты въ правленіе Софьи. 1871.

[15]) Рукопись „Diariusz tyranskiego senatorow moskiewskich w. Stolicy“ (хранится въ Спб., Публ. библ.).

ственники и ихъ приспѣшники пытались вселить смуту въ стрѣлецкіе полки, чтобы воспользоваться этимъ средствомъ для достиженія своихъ цѣлей. Для устраненія ненавистныхъ противниковъ и нелюбимыхъ родственниковъ отъ второго брака Алексѣя не было надобности возбуждать революціонные элементы, достаточно было только дать направленіе недовольству народныхъ массъ, намѣтить разъяренной солдатчинѣ опредѣленныхъ жертвъ.

Еще при жизни Ѳеодора начались волненія среди стрѣльцовъ, этого привиллегированнаго войска. Ихъ жалобы къ правительству на злоупотребленія и жестокости полковниковъ были основательны. Имъ не доплачивали часто ихъ жалованія, ихъ противозаконно принуждали къ разнаго рода работамъ. Теперь они потребовали взысканія со своихъ начальниковъ.

Положеніе правительства было трудное. Уже и раньше, въ особенности въ началѣ царствованія Алексѣя, случалось, что ненавистныхъ сановниковъ предавали во власть мятежной толпѣ, которая судила свои жертвы закономъ Линча; такъ было и теперь. Послѣ очень поверхностнаго разслѣдованія, стрѣльцамъ было предоставлено одной только государственной власти присущее право наказанія. Жалобщики стали палачами. Виновные полковники были подвергнуты наказанію въ присутствіи стрѣльцовъ; со стороны правительства къ нимъ было возбуждено обвиненіе не въ государственномъ преступленіи или казнокрадствѣ, а только въ присвоеніи денегъ, которыя они должны были передавать стрѣльцамъ. Тогда неспособные разсчитаться были отданы на поруки или подвергнуты всѣмъ истязаніямъ неисправныхъ должниковъ, чтобы по возможности вынудить у нихъ уплату [16]).

Слабость правительства, предоставившаго жалобщикамъ даже опредѣленіе мѣры взысканія, была тѣмъ прискорбнѣе, что стрѣльцы, опираясь на привиллегіи, нерѣдко бывали очень безпокойны. Ихъ военная доблесть была сомнительна, какъ это доказалъ чигиринскій походъ и долженъ быть подтвердить азовскій походъ. Между тѣмъ они были очень склонны къ неповиновенію и сопротивленію своимъ полковникамъ, какъ это особенно сказалось во время Стеньки Разина. Они составляли наслѣдственное сословіе, являлись сплоченною массою, жили въ особыхъ слободахъ; они охотно занимались ремеслами и торговлею и, собственно говоря, не были воинами по призванію; между ними было много богатыхъ и состоятельныхъ; они составляли корпорацію, желанія которой выражались чрезъ

---

[16]) У Устрялова разсказъ свидѣтеля Бутенанта фонъ-Розенбуша. I, 330.

Оружіе до-Петровскаго времени и изображеніе стрѣлецкаго знамени, находящіяся въ артиллерійскомъ музеѣ въ С.-Петербургѣ.

уполномоченныхъ и депутатовъ, а также посредствомъ хорошо устроенныхъ манифестацій; пользуясь временами неопредѣленныхъ положеній и внѣшнихъ опасностей, они легко достигали властнаго положенія въ государствѣ.

Наказаніе полковниковъ произошло въ первые дни царствованія Петра. Поводья, сдерживавшіе чувство мести русскихъ янычаръ — одинъ современникъ употребляетъ это выраженіе, — были брошены. Народныя страсти разгорались. Нѣкоторое число наиболѣе непріятныхъ сановниковъ и начальниковъ были преданы смерти по излюбленному тогда въ Россіи способу расправы: несчастныхъ поднимали на высокую башню и оттуда свергали внизъ. Начальникъ стрѣлецкаго войска кн. Долгорукій былъ безсиленъ; преобладала грубая сила стрѣльцовъ, противъ которой не могло быть обращено никакой военной силы. И легко могло случиться, что оружіе, которымъ правительство думало пользоваться въ опредѣленномъ направленіи, обратится противъ него самого. Отъ стрѣльцовъ зависѣло, кого признать настоящимъ правительствомъ. Понятно, что для всѣхъ недовольныхъ избраніемъ Петра кандидатовъ стрѣльцы являлись прекрасными союзниками.

Такимъ образомъ состоялось соглашеніе между Милославскими и мятежниками.

Трудно рѣшить вопросъ, возникло ли въ средѣ стрѣльцовъ сомнѣніе въ законности новаго правительства помимо агитаціи со стороны Милославскихъ [17]), или же, какъ это утверждаетъ принадлежащій къ Нарышкинской партіи современникъ, партія Милославскихъ возбудила стрѣльцовъ противъ Нарышкиныхъ посредствомъ ложныхъ клеветъ [18]). Извѣстно только—какъ объ этомъ сказано выше,—что непосредственно за вступленіемъ Петра на престолъ 27 апрѣля, только одинъ полкъ отказался присягнуть ему, но и тотъ вскорѣ послѣдовалъ увѣщаніямъ нѣкоторыхъ сановниковъ [19]).

Петръ самъ указывалъ впослѣдствіи на дядю царевны Софьи, Ивана Милославскаго, какъ на главнаго виновника кровавыхъ майскихъ дней. Въ этомъ онъ подтверждаетъ Матвѣева, а этотъ послѣдній подробно разсказываетъ о заговорѣ, который затѣяли Милославскіе и многіе другіе

---

[17]) Аристовъ (прим. 14) даже восхваляетъ стрѣльцовъ, какъ представителей законности.

[18]) Матвѣевъ.—Аристовъ отвергаетъ этотъ источникъ, Устряловъ и Соловьевъ его вполнѣ признаютъ.

[19]) Соловьевъ, XIV, прил. XXVI.

съ цѣлью погубить Нарышкиныхъ; приверженцы Милославскихъ будто бы распространяли въ стрѣлецкихъ слободахъ слухи, что Нарышкины обошли царевича Ивана и совершили государственное преступленіе.

Мы имѣемъ полное основаніе считать подобную агитацію вполнѣ правдоподобною; она совершенно соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ, при которыхъ нѣкоторые недовольные стремились создать себѣ сильную партію. И раньше случалось, что пускались въ ходъ слухи о страшныхъ злодѣяніяхъ тѣхъ высшихъ сановниковъ, гибель которыхъ была желательна, что приводило подчасъ къ кровавой расправѣ на улицахъ столицы. Такъ въ 1682 г. были распространены слухи, что царь Ѳеодоръ былъ отравленъ, что Нарышкины хотятъ извести царевича Ивана, что одинъ изъ нихъ самъ стремится на престолъ.

Если свидѣтельства сына Матвѣева о ночныхъ сходкахъ заговорщиковъ у Милославскихъ и о появленіи у стрѣльцовъ особыхъ эмиссаровъ грѣшатъ нѣкоторыми неточностями въ подробностяхъ, то все же несомнѣнно, что стрѣльцы, признавшіе сначала единодержавіе Петра, дѣйствовали теперь подъ руководствомъ придворной партіи [20]). Составился планъ объ умерщвленіи значительнаго числа сторонниковъ Петра и о возведеніи на престолъ царевича Ивана; былъ заготовленъ списокъ этихъ лицъ, среди которыхъ однимъ изъ первыхъ былъ Матвѣевъ, другъ и совѣтникъ царицы Натальи, пріѣздъ котораго въ Москву послужилъ не къ спасенію Нарышкиныхъ, а къ началу кровопролитія.

11 мая, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ссылки, вернулся Матвѣевъ въ столицу. Онъ былъ радостно встрѣченъ. Даже стрѣльцы всѣхъ полковъ поднесли ему хлѣбъ-соль, «сладкій медъ на остромъ мечѣ», какъ выражается въ своихъ запискахъ сынъ опальнаго боярина. Между тѣмъ, еще на пути въ Москву встрѣтило Матвѣева нѣсколько стрѣльцовъ, которые спѣшили предупредить его объ угрожавшей ему опасности. Намъ неизвѣстно, чтобы онъ по прибытіи принялъ какія-либо мѣры для предупрежденія мятежа. Послѣдовавшія затѣмъ событія были результатомъ тайно составленнаго и нежданно разразившагося заговора.

Убійства начались утромъ 15-го мая и продолжались три дня. Мятежники дѣйствовали систематически, т. е. искали опредѣленныхъ жертвъ. 16 лицъ значилось въ заговорномъ спискѣ. Прежде всего стрѣльцы появились передъ дворцомъ и потребовали выдачи Нарышкиныхъ, въ особенности брата царицы Натальи, Ивана, который, какъ говорили, стре-

[20]) Матвѣевъ опредѣленно говоритъ, что къ стрѣльцамъ подсылались извѣстныя лица съ деньгами и обѣщаніями наградъ.

мился къ занятію престола. Когда появился главный начальникъ стрѣльцовъ, кн. Долгорукій, и обратился къ нимъ съ рѣзкими выраженіями, онъ былъ схваченъ и съ Краснаго крыльца сброшенъ на копья стоявшихъ внизу мятежниковъ. Вслѣдъ затѣмъ и тѣмъ-же способомъ былъ убитъ Матвѣевъ, тщетно пытавшійся говорить. Царица Наталья, также вышедшая было на крыльцо съ Петромъ и Иваномъ, поспѣшила скрыться во внутреннія покои дворца. Паническій страхъ овладѣлъ всѣми сторонниками правительства; дѣятельность всѣхъ властей сразу пріостановилась. Не было никого, кто-бы рѣшился принять какія-либо мѣры противъ стрѣльцовъ. Въ подобныя минуты жизнь всѣхъ начальниковъ была въ опасности. Судьи и приказные попрятались. Всѣ приказы опустѣли [21]).

Стрѣльцы свирѣпствовали безпрепятственно. Они рыскали по всѣмъ комнатамъ дворца и убили нѣсколькихъ сановниковъ, которыхъ могли захватить, а также брата Натальи, Аѳанасія Нарышкина. Прочимъ родственникамъ вдовствующей царицы удалось укрыться нѣкоторое время въ какомъ-то чуланѣ; среди нихъ находился также молодой сынъ Матвѣева, описавшій всѣ эти событія. Были преданы смерти и нѣкоторыя лица, не бывшія въ Кремлѣ, какъ, напр., престарѣлый воевода Ромодановскій, Языковъ и др.

На второй день убійства продолжались. Особенно старательно разыскивали Ивана Нарышкина и одного еврейскаго врача, Гадена, котораго обвиняли въ отравленіи царя Ѳеодора... Они оба были найдены на третій день и умерщвлены самымъ мучительнымъ образомъ. Обстоятельства, при которыхъ несчастный братъ царицы-матери былъ отданъ на растерзаніе бунтовщиковъ, вслѣдствіе настоянія нѣсколькихъ струсившихъ бояръ и царевны Софьи, наводятъ ужасъ, хотя саму Софью, главную виновницу безпорядковъ, они не скомпрометировали.

Особое значеніе получаетъ разсказъ одного современнаго свидѣтеля, датскаго посланника Бутенанта фонъ-Розенбуша, рисующій намъ, какимъ образомъ производилось давленіе на стрѣльцовъ со стороны приверженцевъ Софьи. Съ опасностью жизни, стоя на Красномъ крыльцѣ, окруженный бунтовщиками, резидентъ слышалъ, какъ одинъ изъ главныхъ сторонниковъ Софьи, кн. Хованскій, выйдя изъ дворца, обратился къ стрѣльцамъ съ вопросомъ: «не угодно-ли имъ, чтобы царица Наталья не оставалась во дворцѣ», на что мятежная толпа отвѣчала утвердительными криками [22]). Одно достовѣрное свидѣтельство указываетъ, что фактическое управленіе

[21]) Такъ говоритъ Медвѣдевъ, сторонникъ Софьи, см. у Сахарова, стр. 16.
[22]) Устряловъ, I, 314.

Софьи началось въ тотъ-же день. Князь Василій Васильевичъ Голицынъ былъ назначенъ начальникомъ посольскаго приказа, т. е. завѣдующимъ всѣми внѣшними сношеніями. Другія выдающіяся должности получили князь Хованскій и родственникъ Софьи, Иванъ Милославскій.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, иногда происходили событія, врядъ-ли отвѣчавшія намѣреніямъ Софьи. Какъ и во время бунта Стеньки Разина (1670), такъ и въ майскіе дни 1682 г., государственные архивы подверглись ограбленію, сожжено много бумагъ, въ особенности относящихся къ крестьянскому дѣлу. Было очевидное стремленіе возбудить крестьянскую войну и съ этою цѣлью уничтожить крѣпости, на основаніи которыхъ знатные и богатые владѣли крестьянами. Попытка не удалась. До возстанія крестьянъ дѣло не дошло. Но рядъ строгихъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ по отношенію къ крестьянамъ тотчасъ по нѣкоторомъ возстановленіи порядка, указываетъ, что опасность была, и не малая [23]).

Не была также немедленно достигнута и непосредственная цѣль царевны Софьи—положить предѣлъ единодержавію Петра. Послѣ успокоенія умовъ, Петръ еще нѣсколько дней остается царемъ одинъ, объ Иванѣ нѣтъ и рѣчи. Въ дѣйствительности, власть принадлежала Софьѣ. Нарышкины были устранены; братья царицы Натальи частью умерщвлены, частью спаслись бѣгствомъ изъ столицы, переодѣвшись въ крестьянскія одежды, отецъ царицы присужденъ къ постриженію [24]). Многіе высшіе сановники, заподозрѣнные въ приверженности къ Нарышкинымъ, сдѣлались жертвою переворота.

Было несомнѣнно, что поле битвы осталось за Софьей и ея сторонниками.

Достойно вниманія, что въ эти ужасные майскіе дни мятежники старательно оберегали частную собственность, отдѣльные случаи грабежа были строго наказаны собственнымъ самосудомъ [25]).

Наступило время свести счеты съ исполнителями переворота. Стрѣльцы, бывшіе въ эти дни единными повелителями, надѣялись на награду, и царевна была вынуждена признать ихъ требованіе.

19-го мая стрѣльцы выступили съ требованіемъ, чтобы имъ было уплачено 240,000 рублей въ счетъ недоданнаго жалованья. Затѣмъ они

---

[23]) Разсказъ Розенбуша, у Устрялова, I, 341. О мѣрахъ противъ крестьянъ, см. Аристова, стр. 31. Кромѣ того П. С. З. № 992.

[24]) Стрѣльцы потребовали его заточенія и 18-го мая это было исполнено именемъ Петра. Соловьевъ XIV, приложеніе 40.

[25]) Вутевсантъ Розенбушъ, и приложенія у Соловьева.

пожелали, чтобы имущество казненныхъ было отобрано и раздѣлено между стрѣльцами; наконецъ, указали еще на нѣкоторыхъ сановниковъ, на удаленіи которыхъ настаивали [26]).

Желанія стрѣльцовъ въ нѣкоторой части были исполнены. Каждый стрѣлецъ получилъ по 10 рублей. Послѣ отобранія въ казну имущества казненныхъ, стрѣльцамъ предоставлено преимущественное право раскупать это имущество за дешевую цѣну [27]). Все это производитъ впечатлѣніе компромисса между новымъ, постепенно возникающимъ правительствомъ и мятежниками; это была плата, которую царевна Софья считала себя обязанною внести стрѣльцамъ за оказанныя ими услуги.

Личность царевны выступаетъ теперь на первый планъ. Она уславливалась съ Цыклеромъ, (одинъ изъ выдающихся стрѣлецкихъ полковниковъ, съ которымъ еще придется встрѣтиться ниже) о мѣрахъ, которыя онъ долженъ принять для обузданія бунтовщиковъ, она учила его, что онъ долженъ имъ говорить [28]). Среди общаго смятенія и боязни, она одна проявила твердость и находчивость, сама не разъ обращалась къ стрѣльцамъ и уговаривала очистить улицы отъ труповъ [29]). Начальникомъ стрѣльцовъ былъ назначенъ князь Хованскій, стрѣльцы получили почетное званіе надворной пѣхоты [30]).

Черезъ нѣсколько дней выступилъ на очередь вопросъ о правленіи; единодержавію Петра приходилъ конецъ. Повидимому, иниціативу въ этомъ дѣлѣ проявили стрѣльцы, но можно допустить, что они дѣйствовали подъ вліяніемъ приверженцевъ Софьи. Стрѣльцы взбунтовались, потому что они услышали, что жизни царевича Ивана грозитъ опасность. Теперь они выступили въ защиту его правъ на престолъ. 23-го мая они явились во дворецъ съ челобитною и чрезъ посредство князя Хованскаго передали правительству желаніе, чтобы на престолѣ были оба брата, Иванъ и Петръ; если это желаніе ихъ не будетъ исполнено, то бунтъ ихъ начнется снова. Царевны,—собственно, между ними имѣла значеніе только одна Софья,—собрали въ грановитой палатѣ бояръ и высшихъ сановниковъ. Всѣ они заявили, что согласны съ требованіемъ стрѣльцовъ. Послали за патріархомъ, за выборными чинами, и опять, подобно 27 апрѣля, составили импровизированный земскій соборъ. Въ такой-же странной формѣ состоя-

[26]) Тамъ-же.

[27]) Записки Желабужскаго, 2. и Приложенія Соловьева.

[28]) Соловьевъ, XIV, стр. 249.

[29]) Медвѣдевъ.

[30]) Соловьевъ обращаетъ вниманіе, что осталось неизвѣстнымъ, какъ состоялось назначеніе Хованскаго. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Медвѣдевъ.

лось избраніе царей. Дѣло не обошлось, впрочемъ, безъ обсужденій, были громогласно высказаны возраженія противъ двоецарствія, но этимъ лицамъ приводили въ опроверженіе историческіе примѣры, ссылались на Фараона и Іосифа, на Аркадія и Гонорія, на Василія и Константина [31]); указывали и на удобства въ случаѣ войны: одинъ царь выступаетъ съ войскомъ въ походъ, а другой остается, чтобы править государствомъ. Рѣшеніе не

Знамя Стрѣлецкаго Сухарева полка, хранящееся въ московской оружейной палатѣ.

замедлило. Все собраніе направилось въ Успенскій соборъ, туда-же прибыла царская семья, и оба брата провозглашены царями [32]).

Все-же цѣль еще не была достигнута. Два дня спустя явилась новая депутація стрѣльцовъ съ пожеланіемъ, чтобы Иванъ былъ первымъ, а Петръ вторымъ царемъ. Опять былъ созванъ соборъ; снова состоялось рѣшеніе согласно требованію преторіанцевъ, и это рѣшеніе торжественно провозглашено, послѣ этого стрѣльцовъ угощали во дворцѣ.

---

[31]) Можно было привести примѣръ и изъ русской исторіи: двоевластіе Михаила и Филарета (1619—1634).

[32]) См. рукопись Медвѣдева, у Устрялова и П. С. З № 920.

Оставался еще одинъ шагъ, а именно провозгласить царевну Софью правительницею, о чемъ еще до сихъ поръ не было опредѣленнаго постановленія. 29-го мая еще разъ являются стрѣльцы во дворецъ и указываютъ боярамъ на необходимость, въ виду малолѣтства обоихъ царей, назначить Софью правительницею. Желаніе стрѣльцовъ было закономъ. Тотчасъ-же цари, царицы (Наталья и Марѳа), патріархъ и бояре обратились къ Софьѣ съ просьбою принять регентство. Софья нѣкоторое время, согласно обычаю, упорно отказывалась, затѣмъ объявила о готовности подчиниться. Вслѣдъ затѣмъ ея имя появляется рядомъ съ именами обоихъ братьевъ во всѣхъ указахъ, хотя оффиціально она и не носила титула правительницы или регентши [33]).

Только недостатокъ соотвѣтствующихъ государственныхъ законоположеній, относительная слабость авторитета патріарха, ничтожность подобныхъ «соборовъ» изъ представителей всѣхъ чиновъ людей, могутъ объяснить, почему дворъ, сановники, всѣ представители государственной власти были, собственно говоря, жалкими орудіями въ рукахъ русскихъ янычаръ. А что стрѣльцы дѣйствовали подъ очевиднымъ вліяніемъ составленнаго Софьею плана, подтверждается всѣми событіями того времени и сомнѣваться въ личной иниціативѣ со стороны Софьи, не позволяютъ также всѣ свидѣтельства современниковъ.

Кризисъ закончился торжественнымъ провозглашеніемъ заслугъ убійцъ несчастныхъ жертвъ майскаго переворота. Стрѣльцы потребовали отъ царей и царевны сооруженія памятника съ надписью, которая заключала-бы соотвѣтственное описаніе кровавыхъ дней. Тутъ былъ, съ полнѣйшимъ искаженіемъ истины, перечисленъ рядъ совершенныхъ убитыми преступленій, закончившихся убійствомъ несчастныхъ жертвъ. Дѣйствія стрѣльцовъ были представлены, какъ защита «дома Пресвятыя Богородицы и царей». Долгорукій будто-бы ослушался царскихъ указовъ, Ромодановскій предательски уступилъ Чигиринъ туркамъ, Матвѣевъ былъ отравителемъ, Нарышкины домогались престола и стремились извести царевича Ивана и т. п. Кромѣ того, стрѣльцы требовали, чтобы правительство особою грамотою признало ихъ заслуги и воспретило осуждать совершенные ими поступки [34]).

Въ началѣ іюня состоялось сооруженіе этого памятника; исполненіе этого дѣла было поручено тѣмъ стрѣлецкимъ полковникамъ, которые считались единомышленниками Софьи, а именно Цыклеру и Озерову. Соб-

[33]) Тамъ-же. П. С. З. № 921.

[34]) Жалованная грамота въ Актахъ Арх. Эксп. IV, 255.

ственно, это не было монументомъ; надпись была сдѣлана на жестяныхъ доскахъ. Нѣсколько недѣль спустя, послѣдовало распоряженіе объ уничтоженіи этого памятника, послѣ того какъ Софья усилила свою власть надъ бывшими мятежными союзниками.

По пути крови и убійствъ проложила себѣ Софья дорогу къ престолу. Безъ содѣйствія стрѣльцовъ это было невозможно, и потому временно она была вынуждена дѣлать имъ разныя подачки. Но теперь вся власть въ ея рукахъ. Нарышкины уничтожены, Петръ устраненъ на задній планъ.

Единодержавіе Петра продолжалось мѣсяцъ. Десятилѣтній мальчикъ, именемъ котораго правили государствомъ, все это время не прекращалъ военныхъ занятій, о которыхъ сказано выше. Въ то время, когда еще подготовлялась катастрофа, его дядя Иванъ Нарышкинъ велѣлъ заготовить для юнаго царя лукъ и стрѣлы, о которыхъ упоминается въ дворцовыхъ записяхъ подъ 8-мъ мая 1682 года; 12-го мая мальчику были принесены для забавы двѣ пищали и другое оружіе [35]). А три дня спустя Петръ является очевидцемъ убійства друга своего отца, боярина Матвѣева. Въ самомъ началѣ кровопролитія онъ находился вмѣстѣ съ матерью, рядомъ съ Матвѣевымъ на Красномъ крыльцѣ.

Все то, что впослѣдствіи говорилось о необыкновенномъ мужествѣ ребенка, въ минуты наибольшей опасности, не имѣетъ достаточнаго основанія [36]). До какой степени носятъ легендарный характеръ позднѣйшіе разсказы, показываетъ разсказъ Штеблина, что Петръ въ эти дни бѣжалъ съ матерью въ Троице-Сергіевскій монастырь, что стрѣльцы бросились за нимъ въ погоню и ворвались въ церковь, гдѣ укрылись Петръ съ матерью, и что только появившіеся иноземные рейтары спасли ихъ отъ неминуемой смерти. Одинъ художникъ Штейбенсъ написалъ даже картину на эту тему. Достовѣрно, что въ 1682 г., стрѣльцы не злоумышляли на жизнь Петра и что во всѣ дни стрѣлецкаго бунта Петръ не покидалъ Москвы [37]).

---

[35]) Погодинъ, 37 и слѣд.
[36]) Устряловъ I, 45.
[37]) Тамъ-же, 279—281.

ГЛАВА III.

Начало регентства Софьи.

Только дважды до 1682 года управляли женщины государственными дѣлами въ Россіи. Ольга, жена Игоря (въ X вѣкѣ) правила твердо и мудро. Память о ней стоитъ высоко. Регентство матери Ивана Грознаго, Елены Глинской, было временемъ придворныхъ смутъ и партійныхъ распрей. Между тѣмъ большую часть восемнадцатаго столѣтія въ Россіи правили женщины. Семилѣтнее правленіе Софьи (1679 — 1689) было какъ-бы введеніемъ въ эпоху гинекократіи, послѣдовавшей за царствованіемъ Петра Великаго и продолжавшейся нѣсколько десятилѣтій.

Дочери царя Алексѣя, при его жизни, согласно старому обычаю, воспитывались въ строгомъ уединеніи и обособленности. Во время царствованія Ѳеодора онѣ получили большую свободу. Молодая мачиха, царица Наталья не могла имѣть надъ ними никакого вліянія. Онѣ стали открыто показываться, завели польскія моды, имѣли даже любовныя похожденія. Затворнической жизни въ теремѣ былъ положенъ конецъ. Самою умною и честолюбивою царевною была Софья. Теперь она стояла во главѣ государственнаго управленія. Достигла она этого революціоннымъ путемъ; никакихъ законныхъ правъ предъявлять она не могла; были другія, которымъ подобало регентство: мать Петра, жена Ѳеодора Алексѣевича, сестры Софьи, сестры царя Михаила, изъ которыхъ двѣ были еще въ живыхъ. Но рядомъ съ Софьей онѣ всѣ ступевались; она была способнѣе, смѣлѣе и дѣятельнѣе, чѣмъ всѣ остальныя. Теперь должно было выясниться, съумѣетъ-ли Софья, несмотря на неблагопріятное положеніе, препятствовавшее развитію въ тогдашнихъ женщинахъ политическихъ способностей, избрать себѣ надлежащихъ совѣтниковъ и сотрудниковъ. Петру было всего десять лѣтъ. Прежде чѣмъ онъ приметъ бразды правленія, можно было сдѣлать много полезнаго, чтобы затушевать воспоминаніе о кровавыхъ дняхъ, которымъ царевна была обязана своею властью.

Прежде всего именно вслѣдствіе происхожденія этой власти было настоятельно нужны твердость и строгость. Была поднята буря, былъ заключенъ союзъ съ революціонными элементами, теперь требовалось успокоить умы, устранить непокладливыхъ союзниковъ, сохранивъ только за собою власть и вліяніе. Чтобы общее броженіе не сокрушило возвысившейся чрезъ уличную смуту регентши, она должна проявить диктаторскую власть. Еще нѣсколько мѣсяцевъ продолжалось въ странѣ возмущеніе. Опасности угрожали правительницѣ съ разныхъ сторонъ. Слѣдуетъ признать, что Софья мужественно встрѣтила эти опасности, что она приняла цѣлый рядъ спасительныхъ мѣръ. Она казалась созданной для самаго труднаго положенія.

Анархическіе элементы, съ которыми приходилось воевать Софьѣ, проявлялись и впослѣдствіи, противъ Петра. Это, собственно, революціонныя стремленія въ низшемъ слоѣ общественной пирамиды Россіи: крестьянское движеніе, религіозныя волненія, солдатскіе мятежи,—которые иногда приходилось подавлять самыми суровыми мѣрами.

Приблизительно двадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ расколъ получилъ довольно широкое распространеніе. Въ послѣднее время царствованія Алексѣя раскольники открыто возстали противъ правительства и были усмирены только вооруженною силою. Строгія взысканія, ссылка и даже смертная казнь отдѣльныхъ выдающихся раскольниковъ не были въ состояніи уменьшить зло. Эта религіозная борьба находилась въ тѣсной связи съ анархическими стремленіями народныхъ массъ, со всѣми противниками карающей центральной власти и недобросовѣстной администраціи, съ свободолюбивымъ казачествомъ. Каждое столкновеніе съ свѣтскою властью имѣло до нѣкоторой степени религіозный оттѣнокъ. Недостатокъ политическихъ интересовъ народъ замѣнялъ богословскими разсужденіями, истинную религіозность—фарисейскими словопреніями. Такъ какъ объ образованіи собственно народа не могло быть и рѣчи, то образованность была исключительно церковная съ присущею византизму ограниченностью взглядовъ. Такимъ образомъ сталъ возможенъ расколъ, явленіе патологическое, которымъ и въ наши дни еще болѣетъ большая часть народа; расколъ, который живетъ средневѣковыми представленіями и стоитъ на мертвой буквѣ, сдѣлался тогда могущественною силою, колебавшею авторитетъ правительственной власти и основы общества, хотя будущее и не принадлежитъ ему. Талантливый писатель Мельниковъ сравнивалъ расколъ съ женою Лота, которая обернулась назадъ и сдѣлалась соляпымъ столбомъ. Это одновременно консервативный и анархическій элементъ, анархическій

поскольку онъ возстаетъ противъ верховной власти, консервативный—поскольку онъ сопротивляется всякимъ реформамъ и новшествамъ. Чѣмъ рѣшительнѣе проявляло себя правительство, чѣмъ болѣе оно склонялось въ сторону реформъ, тѣмъ суровѣе были его столкновенія съ раскольническимъ міромъ. Незадолго передъ 1682 годомъ пришлось постичь всю тяжесть этихъ оппозиціонныхъ элементовъ. Въ разбойничьихъ шайкахъ Стеньки Разина было не мало раскольниковъ. Нѣсколько лѣтъ пришлось осаждать Соловецкій монастырь, въ которомъ засѣли сектанты. И были еще живы многіе свидѣтели этихъ происшествій, подвергшіеся наказанію со стороны духовныхъ или свѣтскихъ властей. Въ этихъ кругахъ ожидали только благопріятнаго случая для возмущенія.

Когда государство было потрясено стрѣльцами въ своихъ основахъ, раскольники задумали улучшить свое положеніе. Въ правящихъ кругахъ они имѣли покровителей и защитниковъ. Князь Хованскій, стоявшій во главѣ стрѣльцовъ, считался приверженцемъ раскола. Въ дни анархіи на площадяхъ выступали разные раскольническіе проповѣдники; началось волненіе, смутившее послѣдователей государственной церкви и сторонниковъ порядка и спокойствія. Противъ патріарха посыпались обвиненія, правительству были подаваемы всякія жалобы и челобитныя; открыто требовали защиты учителей раскола отъ представителей государственной церкви. Открыто, не скрываясь выступила ненависть противъ высшихъ классовъ общества и противъ двора, которые оба были въ послѣдніе годы склонны къ польской образованности и польскимъ обычаямъ; въ глазахъ раскольниковъ и всего народа они впадали въ ненавистное и еретическое латинство.

Хованскій покровительствовалъ этимъ разрушительнымъ стремленіямъ, онъ благосклонно принималъ нѣкоторыхъ раскольничьихъ главарей, давалъ имъ совѣты.

При предстоявшемъ въ концѣ іюня вѣнчаніи на царство обоихъ царей старовѣры надѣялись играть выдающуюся роль. Они требовали стараго креста на просфорахъ, которыя должны были быть употреблены при обрядѣ вѣнчанія. Раскольники настаивали на соблюденіи такихъ правилъ, которыя государственною церковью не считались основательными. Переговоры фанатиковъ съ Хованскимъ не привели, по крайней мѣрѣ относительно вѣнчанія, къ желательному для нихъ концу. Главный подстрекатель былъ Никита Пустосвятъ, самый безпокойный человѣкъ, окритиковавшій посланіе учителя Софьи Симеона Полоцкаго и за это подвергнутый наказанію; оставаясь въ столицѣ, онъ вступилъ въ сношенія съ Хован-

скимъ, но проникнуть въ соборъ съ собственными просфорами, снабженными старыми крестами, ему не удалось. Вѣнчаніе совершилось 15 іюня, по новому чину.

Волненіе усилилось въ послѣдующіе дни, общественная тишина и безопасность не были еще возстановлены. Безпорядки производили раскольники, съ разныхъ сторонъ сходившіеся на свои собранія; особенно сильно возбужденіе было въ стрѣлецкихъ слободахъ. По улицамъ и площадямъ двигались толпы, внимая проповѣдямъ и зажигательнымъ рѣчамъ агитаторовъ. Кто возражалъ, или старался уклониться отъ участія, подвергался насиліямъ.

Этимъ фанатикамъ удалось чрезъ посредство кн. Хованскаго добиться, что 3 іюля, въ Кремлѣ, въ Грановитой Палатѣ, они будутъ спорить съ представителями государственной церкви. Съ трудомъ допускаешь, какъ могло согласиться на это правительство. Въ слѣдующіе два дня передъ дворцомъ происходило большое и шумное столпленіе народа, такъ какъ раскольники требовали, чтобы диспутъ происходилъ на площади, передъ народомъ.

Тутъ опять выступаетъ впередъ Софья. Она заявила, что пренія будутъ въ Грановитой Палатѣ въ присутствіи царской семьи. Всѣ царевны, патріархъ и все высшее духовенство встрѣтило тамъ раскольниковъ, которые вломились въ Палату большими толпами; тамъ они въ дверяхъ столкнулись съ нѣсколькими духовными лицами, и произошла схватка. Хованскому вооруженною силою пришлось возстановлять относительную тишину.

Царевна Софья предсѣдательствовала на собраніи и, открывая его, укоряла раскольниковъ за ихъ наглость. Потомъ стали говорить Никита Пустосвятъ и патріархъ, послѣ него архіепископъ холмогорскій. Страсти разгорались. Никита такъ мало сдерживался, что былъ близокъ къ тому, чтобы накинуться на архіепископа и нанести ему побои. Дворцовой стражѣ пришлось водворить тишину. Когда же Никита коснулся ученія Симеона Полоцкаго, Софья властно велѣла ему замолчать. Затѣмъ, не безъ крика и шума, спорили по поводу поданной раскольниками челобитной. Нѣсколько разъ вступала въ споръ сама Софья, и съ особенною горячностью, когда раскольники заявили, что еретикъ патріархъ Никонъ погубилъ душу царя Алексѣя. Софья возражала противъ такого выраженія и демонстративно покинула тронъ. Поднялся невообразимый шумъ. Раскольники заговорили, что царевнѣ пора убираться, что достаточно уже она смущаетъ спокойствіе государства. Софью окружили бояре и сановники, убѣдивъ опять занять мѣсто на тронѣ. Пренія продолжались. Когда же Никита во

время спора, обозвалъ нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ «плутами», Софья положила конецъ диспуту подъ предлогомъ поздняго часа. Дворъ покинулъ Палату. Раскольники же, выйдя на площадь, хвалились народу, что одержали побѣду надъ патріархомъ и высшими іерархами.

Софья рѣшилась на энергическія дѣйствія. На нѣкоторые стрѣлецкіе полки она могла вполнѣ положиться. Она велѣла раздать имъ денегъ. Но ничего вѣрнаго еще не было. Съ разныхъ сторонъ доходили слухи о готовившемся военномъ бунтѣ, это опасеніе длилось нѣсколько дней. Тѣмъ временемъ правительство отважилось захватить главныхъ вожаковъ и самому главному изъ нихъ, Никитѣ, пришлось сложить голову (11 іюля). Понемногу все стало успокаиваться; оставалось считаться только съ одною опасностью, а именно, что начальникъ стрѣлецкаго приказа Хованскій поощрялъ враждебныя стремленія раскольниковъ [1]).

Тѣ же самые стрѣльцы, которые подъ вліяніемъ Хованскаго, стояли за расколъ, теперь, при непосредственномъ обращеніи къ нимъ Софьи, слушая ея рѣчи, принимая отъ нея деньги и угощенія, хватали и подвергали наказаніямъ этихъ же раскольниковъ; это обстоятельство наглядно показываетъ, какъ безпринципны были эти шайки, и подтверждаетъ, что и майская смута произошла не по иниціативѣ самихъ стрѣльцовъ.

Свѣтская власть, изъ чувства самосохраненія, выступила спасительницею государственной церкви. Противъ раскольниковъ послѣдовали строгія мѣры. Смута въ столицѣ привлекла туда многихъ старовѣровъ; заключеніе главныхъ вожаковъ отшатнуло ихъ обратно въ различныя области обширнаго царства. Недостаточно было покончить въ Москвѣ съ главарями движенія, требовалось еще подавить повсемѣстно однородныя революціонныя проявленія. Такимъ образомъ объясняется рядъ крутыхъ мѣръ, принятыхъ противъ раскола. Особенно много раскольниковъ было на Волгѣ и на Дону. Въ ноябрѣ 1682 г. всѣмъ духовнымъ лицамъ былъ посланъ приказъ начать сыскъ противъ всѣхъ отпавшихъ, для преданія ихъ въ руки правосудія. Архіереи разослали подробныя наставленія по своимъ причтамъ. Казалось, что продолжается начатое при Алексѣѣ преслѣдованіе. Новая церковь, новое правленіе въ глазахъ многихъ изъ народа представлялись «антихристомъ». Изъ отдѣльныхъ раскольническихъ процессовъ, которые имѣли цѣлью съ помощью пытокъ добиться перемѣны взглядовъ въ народѣ, видно, какъ глубока и распространена была ненависть противъ центральнаго

[1]) Главными источниками для исторіи этого событія служатъ записки Медвѣдева и Саввы Романова. См. Устряловъ I, 46 77 и приложеніе I, 284 и слѣд.

правительства. Уже тогда случались такъ часто повторявшіяся впослѣдствіи самосожженія раскольниковъ, когда они, окруженные въ своихъ селахъ и скитахъ правительственными войсками, не могли больше имѣть никакой надежды на спасеніе. Многіе раскольники бѣжали черезъ границу въ польскія и шведскія области или къ казакамъ, этимъ яко бы подданнымъ Россіи, гдѣ мы еще не разъ встрѣтимся съ ними при разсмотрѣніи собственно Петровскаго царствованія [2]).

Едва миновала опасность со стороны раскольниковъ, какъ появилась новая: военная диктатура Хованскаго, вліяніе котораго на стрѣльцовъ такъ наглядно сказалось во время раскольничьихъ безпорядковъ. Хованскій велъ свою родословную отъ литовскаго князя Гедимина, но не отличался особыми способностями. При царѣ Алексѣѣ (заявившемъ ему однажды, что всѣ его считаютъ «дурнемъ»), онъ отличался какъ личный недругъ выдающагося и разностороннѣ образованнаго Ордынъ-Нащокина. Онъ легко поддавался стороннимъ вліяніямъ; какъ военачальникъ онъ не имѣлъ большой удачи, да и способности проявилъ очень ограниченныя. Народъ далъ ему прозвище «Тараруя» [3]).

Въ качествѣ начальника стрѣлецкаго приказа, захвативъ власть въ свои руки, онъ задабриваетъ стрѣльцовъ и злоумышляетъ противъ бояръ. Ему приписываются многія угрозы, направленныя противъ бояръ. Изъ достовѣрнаго источника намъ извѣстно, что Хованскаго побаивался Иванъ Милославскій, который, подобно кроту, скрывался въ своихъ вотчинахъ [4]). Среди стрѣльцовъ распространился слухъ, что бояре замыслили распустить всѣ стрѣлецкіе полки, и они обратились къ Хованскому за защитой. Волненіе усиливалось; дворъ не считалъ себя въ столицѣ въ безопасности и переѣхалъ (19 августа) въ село Коломенское, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы. Столица опустѣла. Всѣ бояре послѣдовали или за дворомъ или разъѣхались по своимъ вотчинамъ. Новый годъ (1 сентября), обыкновенно празднуемый весьма торжественно, на этотъ разъ прошелъ очень тихо. Толковали о самыхъ разнообразныхъ опасностяхъ. Стрѣльцы отправили въ Коломенское депутацію съ завѣреніемъ, что они не замышляютъ ничего худого, и съ просьбою, чтобы дворъ вернулся въ столицу. 29 августа отправился въ Коломенское самъ Хованскій и разсказывалъ тамъ, что новгородское дворянство идетъ на Москву—произвести кровавую расправу. Все это были вымыслы, какъ и многіе другіе разсказы. Вдругъ появилось

[2]) Соловьевъ. XIV, 87 и слѣд.—Тоже у Аристова.
[3]) Тамъ-же. XII. 349
[4]) См. у Матвеева.

подметное письмо, что Хованскій хочетъ убить обоихъ царей, мать Петра, правительницу Софью, патріарха и многихъ бояръ, на патріаршее мѣсто посадить старовѣра, возстановить крестьянъ противъ господъ.

Вѣрила Софья этому доносу или нѣтъ, но она держала себя такъ, что казалась вѣрившей ему. Дворъ двинулся дальше въ одинъ монастырь, въ одиннадцати миляхъ отъ столицы, куда были поспѣшно вызваны всѣ ратные люди для защиты царей и отечества. Изъ двухъ актовъ 25 октября 1682 г. мы видимъ, какое большое значеніе имѣла эта мѣра и какъ она была приведена въ исполненіе по всему государству [5]). Правительница порываетъ всякія связи съ стрѣльцами; она обвиняетъ ихъ въ совершеніи майскихъ преступленій; она идетъ еще дальше и утверждаетъ, что стрѣльцы неосновательно жаловались на своихъ полковниковъ; убитые ими въ маѣ были ни въ чемъ неповинны,—говоритъ она;—даже сооруженіе памятника объ ихъ заслуженной дѣятельности, послѣдовавшее съ правительственнаго утвержденія, ставится имъ теперь въ вину; они именуются измѣнническими товарищами Никиты Пустосвята и Хованскаго. Поэтому требуется общая помощь для спасенія отечества [6]).

Правительство открыто и явно обѣщало стрѣльцамъ (въ началѣ іюня) взять ихъ подъ свою защиту отъ обвиненій и жалобъ по поводу майскихъ событій; теперь оно само явилось ихъ обвинителемъ. Тоже самое правительство, которое награждало деньгами и угощеніемъ участіе въ преступленіяхъ 15, 16 и 17 мая, и въ память этого участія соорудило памятникъ, говорило теперь, что ратные люди всякаго званія должны спѣшить на защиту отъ стрѣльцовъ царской семьи; взаимное отношеніе мгновенно измѣнилось и подвиги стрѣльцовъ оказывались теперь лишь измѣною и убійствами; тотъ же князь Хованскій, который въ маѣ считался главнымъ пособникомъ царевны, теперь признавался измѣнникомъ, потому что онъ льстилъ и обнадеживалъ стрѣльцовъ.

По пути въ Троицкую лавру, обращенную въ неприступную крѣпость, дворъ остановился въ селѣ Воздвиженскомъ. Здѣсь Софья получила посланіе отъ Хованскаго, который, ничего не подозрѣвал о грозившей ему опасности или пренебрегая ею, спрашивалъ ея указаній относительно пріема сына малороссійскаго гетмана. Съ своей стороны Софья отвѣчала Хованскому съ обычными въ то время изворотами и многословіемъ, съ похвальбою его усердію, и приглашала его для совѣщанія, а затѣмъ, когда Хованскій выѣхалъ съ сыновьями изъ Москвы въ Воздвиженское, она

[5]) Акты арх. комм. Т. IV, 268 и 269.

[6]) Медвѣдевъ (изд. Сахарова), стр. 43—46.

велѣла ихъ схватить и доставить къ себѣ. Въ Воздвиженскомъ ему былъ прочтенъ приговоръ бояръ и немедленно приведенъ въ исполненіе; отецъ и старшій сынъ были казнены. Всѣ попытки ихъ къ оправданію были тщетны и напрасны. Въ приговорѣ было въ самыхъ общихъ выраженіяхъ сказано, что проступки Хованскаго вполнѣ совпадаютъ съ обвиненіями полученнаго подметнаго письма, кромѣ того были ссылки на своеволіе и неповиновеніе распоряженіямъ царевны. Преступленія сына остались невыясненными.

Церковь села Воздвиженскаго.

Быть можетъ, это было дѣломъ крайней необходимости, но все же это было проявленіемъ грубаго самоуправства и вѣроломствомъ, нерѣдкимъ, правда, въ Турціи, Персіи и другихъ азіатскихъ государствахъ. Разобрать вины Хованскаго было гораздо труднѣе, чѣмъ признать опасность, которою угрожала государству военная диктатура. О правильномъ судопроизводствѣ не могло быть, собственно говоря, и рѣчи, такъ какъ тогдашняя сила стрѣльцовъ, или того, за кого они стояли, могла уничтожить само правительство. Значеніе Хованскаго во главѣ стрѣльцовъ доказывается тою легкостью, съ которою Софья подавила ихъ вторичное возмущеніе послѣ смерти Хованскаго, а также безплодностью третьяго и послѣдняго бунта лишенныхъ руководителя стрѣльцовъ, позднѣе, въ 1698 г. Спасеніе было

возможно только попраніемъ нравственнаго чувства, но все-же это было исходомъ изъ положенія. Казнь Хованскаго случилась въ день ангела правительницы. Она сохранила память объ этомъ обстоятельствѣ, такъ какъ нѣсколько лѣтъ спустя, когда она уже почти сошла съ политической сцены, она построила церковь въ с. Воздвиженскомъ [7]).

Хованскій былъ обвиненъ въ составленіи заговора противъ обоихъ царей. Но то обстоятельство, что младшій сынъ Хованскаго, Иванъ, сосланный при Софьѣ, послѣ ея паденія сдѣлалъ блестящую карьеру, доказываетъ, что самъ Петръ съ трудомъ допускалъ мысль о подобномъ заговорѣ.

Этотъ младшій сынъ Хованскаго, вслѣдъ за тѣмъ, какъ на его глазахъ казнили отца и брата, поскакалъ въ Москву, гдѣ тотчасъ-же взбунтовались стрѣльцы и овладѣли Кремлемъ и всѣмъ оружейнымъ складомъ. Патріархъ ничего не могъ сдѣлать, ему угрожали смертью. Толковали о преданіи смерти всѣхъ бояръ. Получилась борьба сословій, которая скоро окончилась благопріятно для правительства и для бояръ.

Троицкій монастырь былъ сильно укрѣпленъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ, и сюда стали стекаться со всѣхъ сторонъ созванные ратные люди. Дворъ старался сосредоточить всѣ военныя силы въ Троицкомъ. Даже иностранные солдаты, стоявшіе въ непосредственной близости съ Москвою, въ нѣмецкой слободѣ, были призваны въ Троицкое. На нихъ можно было положиться. Ихъ призывалъ для своего спасенія Алексѣй Михайловичъ въ 1662 г. по случаю бунта въ Коломенскомъ; они выступили опять въ 1689 г., когда возникла открытая борьба между Софьею и Петромъ и не мало способствовали побѣдѣ послѣдняго.

Вслѣдствіе такихъ военныхъ приготовленій правительства въ Троицкомъ монастырѣ, лишенные всякаго руководительства стрѣльцы не могли разсчитывать на удачу и послѣдовали приказу Софьи послать въ Троицкое уполномоченныхъ — просить помилованія. Свое раскаяніе они выражали въ нѣсколькихъ челобитныхъ. Они, очевидно, не довѣряли своему военному искусству, не рѣшались на открытый бой, войско противъ войска. Своевольные убійцы и мятежники обратились въ покорныхъ рабовъ. Не только въ богатыхъ анекдотическими подробностями запискахъ современниковъ [8]), но и въ правительственныхъ актахъ [9]) упоминается, что уполномоченные стрѣль-

---

[7]) Подробности этого событія см. у Устрялова I, 83 и слѣд. (разсказы Матвеева и Медвѣдева).—Совѣщаніе Софьи съ боярами до казни Хованскаго, у Соловьева, XIII, стр. 376 и слѣд.—Приговоръ въ П. С. З. № 954.

[8]) Крекшинъ.

[9]) У Соловьева XIV, XLIII (приложенія).

цовъ явились къ правительницѣ съ плахою и топоромъ, какъ бы признавая этимъ себя заслуживающими казни.

Изъ обращенія къ нимъ Софьи и собственныхъ заявленій стрѣльцовъ мы можемъ заключить, какою грозною опастностью они были для всего общественнаго строя. Софья потребовала отъ нихъ безусловнаго послушанія, чтобы они не подстрекали крестьянъ, не имѣли сношеній съ раскольниками, не производили никакихъ безчинствъ. Нѣсколько человѣкъ было казнено, прочіе помилованы.

Какъ послѣдствіе этихъ происшествій, явилось и снятіе того памятника, который былъ воздвигнутъ въ ознаменованіе кровавыхъ майскихъ дней, при чемъ необходимость этой мѣры мотивировалась соображеніемъ, «чтобы отъ иныхъ государствъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ зозору никакого не было» [10]). Исполнено это было 2 ноября, а 6 ноября дворъ вернулся въ Москву. Именованіе стрѣльцовъ «придворною пѣхотою» было отмѣнено. Еще отъ время до времени среди нихъ вспыхивали недовольства, но поставленный во главѣ стрѣлецкаго приказа довѣренный Софьи Шакловитый умѣлъ ихъ успокаивать.

Тѣмъ временемъ принимались разныя мѣры, имѣвшія цѣлью усмирить и возбужденіе среди народа. Недаромъ правительница строго запретила стрѣльцамъ подстрекать народъ. Въ дни анархіи многіе крѣпостные бѣжали на волю. 13 февраля 1683 г. былъ обнародованъ указъ, по которому приказано всѣмъ получившимъ отпускныя въ майскую смуту безпрекословно возвратиться къ своимъ господамъ и подвергнуться наказанію [11]). Отсюда видно, какое значеніе имѣло разграбленіе холопьяго приказа, о которомъ говорилось выше. Народу могло легко показаться, что бунтъ, имѣвшій мѣсто въ столицѣ, знаменуетъ собою освобожденіе отъ крѣпостничества. По всему государству бродили бѣглые стрѣльцы, прославлявшіе какъ подвигъ майскій бунтъ, и бѣжавшіе крестьяне, желавшіе избѣжать тяжелыхъ послѣдствій указа 13 февраля. Со стороны правительства послѣдовалъ рядъ распоряженій, свидѣтельствовавшихъ, что оно опасалось распространившихся во всѣ стороны революціонныхъ элементовъ. Изъ этихъ указовъ видно, что многіе стрѣльцы скрылись изъ Москвы, переодѣвшись въ крестьянское платье, и направились въ разныя мѣста государства, что въ народѣ о дѣйствіяхъ стрѣльцовъ отзывались сочувственно и съ похвальбою, что кое-гдѣ образовались даже разбойническія шайки,

[10]) Повидимому, ходатайствовавшіе объ этомъ стрѣльцы дѣйствовали подъ внушеніемъ царевны. См. Соловьевъ XIII, 383

[11]) П. С. З. № 992.

и что въ Малороссіи, а именно въ Переяславлѣ, случился стрѣлецкій бунтъ. Противъ этихъ отголосковъ майскаго кризиса 1682 г. правительство дѣйствовало съ усиленною строгостью. Особенно отличался Шакловитый, систематически противодѣйствуя все еще склоннымъ къ мятежу элементамъ народа [12]).

Волненіе сосредоточилось болѣе сильно на юго-западѣ государства, на Дону его притокахъ. Не даромъ просили сочувствующія правительству мѣстныя власти, чтобы въ эту область болѣе не ссылали преступниковъ, такъ какъ и безъ того было неспокойно. Тамъ ходили по рукамъ разнаго рода революціонныя грамоты, какъ, напр., подложная грамота царя Ивана, призывавшаго казаковъ идти на Москву и освободить его отъ своеволія бояръ. Такія подметныя грамоты были способны возбуждать все населеніе, ежеминутно могли повториться времена Стеньки Разина [13]).

Мы узнаемъ, что вѣсть о потрясавшихъ русское государство волненіяхъ возродило въ Польшѣ надежду на обратное присоединеніе незадолго предъ тѣмъ утраченной малорусской украйны [14]). Даже въ цѣляхъ внѣшней политики правительство вынуждено было сдѣлать все возможное, чтобы водворить спокойствіе, достигнуть авторитета.

Поэтому положеніе Софьи во главѣ правительства, съ такимъ трудомъ ею достигнутое, было полно новыхъ большихъ затрудненій. Она стремилась стать на твердую почву, но потребовались мѣсяцы, прежде чѣмъ было осуществлено хоть нѣсколько правильное управленіе. Въ государствѣ не было твердой силы, и для новаго правленія было уже выигрышемъ то, что оно продолжало существовать. Удачу нельзя не приписать въ значительной степени личной дѣятельности царевны Софьи.

---

[12]) Аристовъ, стр. 107.

[13]) Подробности этихъ волненій см. у Соловьева, XIII, стр. 385—388.

[14]) Устряловъ, I, 117.

ГЛАВА IV.

Правленіе Софьи.

Семь лѣтъ находилась Софья во главѣ управленія. Нельзя сказать, чтобы это время отличалось глубокими правительственными мѣропріятіями и было богато послѣдствіями въ области внутренней или внѣшней политики. Но направленіе, которому слѣдовала въ этомъ отношеніи Софья, энергическія, хотя и мало плодотворныя предпріятія противъ южныхъ татаръ, а также широкія попытки внутреннихъ реформъ, которыя приписывались другу правительницы, князю В. В. Голицыну, какъ бы предшествуютъ политикѣ самого Петра на Востокѣ и его дѣяніямъ по пути прогресса, просвѣщенія, умственнаго и экономическаго развитія въ духѣ западно-европейской культуры.

Князь Василій Васильевичъ Голицынъ выдавался своею образованностью и политическою опытностью, необычною обходительностью обращенія, особою склонностью къ европейской цивилизаціи, — и въ отношеніи своихъ намѣреній онъ можетъ быть названъ предшественникомъ Петра. Хотя у него не доставало той несокрушимой силы воли и ума, которыми отличался великій царь, тѣмъ не менѣе онъ представляетъ собою свѣтлое явленіе, какъ одинъ изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ русскихъ людей того времени.

Голицынъ происходилъ изъ знатнаго рода и родился въ 1643 году. Уже при царѣ Алексѣѣ занималъ онъ видныя должности при дворѣ. При Ѳеодорѣ онъ принималъ участіе въ чигиринскихъ походахъ противъ турокъ, но особенно выдѣлился содѣйствіемъ въ отмѣнѣ въ 1681 г. мѣстничества, имѣвшаго столь пагубное вліяніе на всѣ военныя дѣла. Эта мѣра находилась въ тѣсной связи съ уже тогда предположенною и постепенно осуществленною войсковою реформою. Голицынъ выступаетъ при этомъ, какъ сторонникъ прогресса, онъ борется съ сословными предразсудками и поступается личными преимуществами въ будущемъ, ради государственной пользы.

Выше было упомянуто, что Голицынъ уже въ послѣдніе годы жизни царя Ѳеодора былъ другомъ и совѣтникомъ царевны Софьи. Во время майскаго переворота 1682 г. онъ остается на заднемъ планѣ, по крайней мѣрѣ ничего неизвѣстно объ его участіи въ этихъ событіяхъ. Мы знаемъ только, что во время кровавыхъ дней состоялось его назначеніе начальникомъ посольскаго приказа. 19 октября 1683 года онъ получилъ званіе: «царственныя большія печати и государственныхъ великихъ дѣлъ оберегатель»[1]). Онъ былъ, что теперь называютъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, и оставался на этомъ посту вплоть до сентября 1689 г. Какъ преемникъ Матвѣева, онъ проявилъ въ этой должности благопріятное отношеніе къ западно-европейской культурѣ. Онъ непринужденно сносился съ послами западныхъ державъ, безъ посредства переводчиковъ, такъ какъ легко владѣлъ латинскою разговорною рѣчью. Особенно пріятенъ онъ былъ представителямъ католическихъ странъ, такъ какъ былъ склоненъ предоставить іезуитамъ въ Россіи извѣстныя права и расширить привиллегіи католиковъ. Изъ записокъ Гордона мы узнаемъ, что Голицынъ очень охотно и часто бесѣдовалъ съ иностранцами и усердно старался выяснить себѣ состояніе западной Европы. Онъ былъ покровителемъ швейцарца Лефорта, который, послѣ паденія Голицына, сдѣлался другомъ Петра. Не безъ чувства самоудовлетворенія повторяетъ въ своихъ донесеніяхъ нидерландскій посланникъ, баронъ Келлеръ, о томъ расположеніи, которое проявляетъ къ нему князь. Нерѣдко показывался онъ въ сопровожденіи многочисленной свиты, въ качествѣ гостя у этого дипломата, и говорилъ за столомъ латинскія рѣчи, въ которыхъ прославлялъ Генеральные Штаты [2]).

Князь Василій Васильев. Голицынъ.

Въ восторгѣ отъ Голицына былъ французско-польскій дипломатическій

[1]) Соловьевъ, XII, стр. 8. — О прежнихъ монографіяхъ, о Голицынѣ и о литературѣ см. статьи Брандта въ „Русскомъ Обозрѣніи“ за сентябрь и октябрь 1878 годъ.

[2]) Поссельтъ. (Лефортъ I, 341—370).

агентъ Невилль; онъ сообщаетъ, что князь принялъ его такимъ образомъ, что онъ могъ вообразить себя на пріемѣ у итальянскаго принца; Голицынъ

Умерщвленіе Ивана Кирилловича Нарышкина (Съ картины А. И. Корзухина).

очень свободно и освѣдомленно бесѣдовалъ о всѣхъ европейскихъ дѣлахъ; когда, по русскому обычаю, принесли водку, Голицынъ отсовѣтовалъ гостю ее пить. Невилль называетъ князя однимъ изъ образованнѣйшихъ

умнѣйшихъ людей въ Европѣ; бесѣда—для него главное удовольствіе, къ русской знати онъ относился высокомѣрно вслѣдствіе ея необразованности и грубости, но истинныя заслуги онъ цѣнилъ высоко. Въ Москвѣ у него было нѣсколько каменныхъ домовъ, кромѣ того, онъ построилъ каменный мостъ чрезъ Москву-рѣку; его собственный домъ былъ образцомъ великолѣпія и вкуса; онъ стремился распространить просвѣщеніе и съ этою цѣлью пригласилъ значительное число ученыхъ изъ Греціи, выписалъ книги, побуждалъ русскихъ знатныхъ людей учить своихъ сыновей и совѣтовалъ поручать ихъ воспитаніе польскимъ воспитателямъ; онъ содѣйствовалъ посѣщенію Россіи иностранцами и уговаривалъ русскихъ ѣздить за границу.

Собесѣдованія съ Невиллемъ дали Голицыну возможность развивать ему свои реформаторскіе планы, и Невилль ихъ вкратцѣ передаетъ. Главнымъ образомъ, хотѣлось Голицыну осуществить радикальное преобразованіе войска, имѣть постоянныя посольства при иностранныхъ дворахъ, допустить въ Россіи свободу совѣсти (т. е. съ точки зрѣнія Невилля, а именно, создать благопріятное положеніе для католиковъ), даже объ общемъ освобожденіи крестьянъ говорилъ Голицынъ [3]). Ему хотѣлось замѣнить преобладавшее натуральное финансовое хозяйство денежнымъ, развить торговлю съ Китаемъ путемъ устройства складовъ по всей Сибири и т. п.

Безъ сомнѣнія, Голицынъ умѣлъ говорить о своихъ планахъ съ извѣстною горячностью и увлеченіемъ. Находясь подъ полнымъ очарованіемъ личности князя, Невилль восклицаетъ тотчасъ по его паденіи,—онъ хотѣлъ возвести Россію на высоту европейскаго государства, обратить пустыри въ населенныя и цвѣтущія поля, нищихъ сдѣлать состоятельными, изъ варваровъ создать людей, трусовъ сдѣлать храбрецами, убогія хижины обратить въ каменные дворцы [4]). Невилль держался того мнѣнія, что Голицынъ былъ въ состояніи составить новую эпоху въ развитіи Россіи, и по поводу паденія князя замѣчаетъ, что московское государство все утратило съ нимъ.

Мы видимъ, какъ дружно отмѣчали европейцы громадный шагъ въ развитіи Россіи, приписывая это воздѣйствію отдѣльныхъ выдающихся лицъ. Невилль и не подозрѣвалъ, что, вскорѣ послѣ паденія Голицына, ре

---

[3]) Il voulait affranchir les paysans et leur abandonner les terres qu'ils cultivent etc.

[4]) Nenville, Relation curieuse et nouvelle de la Moscovie, 1699, стр. 16, 55, 175, 215 —Подобные-же благопріятные отзывы даетъ врачъ Рингюберъ, часто бесѣдовавшій съ кн. Голицынымъ и сообщавшій ему данныя о Западной Европѣ,

Стрѣльцы надъ трупомъ князя Михаила Долгорукова (Съ картины академика К. А. Трутовскаго).

формы будутъ проникнуты еще болѣе всеобъемлющимъ духомъ, начаты и проведены съ несравненно большею настойчивостью.

Между стремленіями и дѣятельностью Голицына была большая разница. Исторія законодательствъ и государственнаго управленія за все время семилѣтняго правленія Софьи не можетъ указать ни на какія достойныя вниманія событія. Были лишь частичныя измѣненія въ уголовномъ законодательствѣ, не имѣющія важности полицейскія мѣры. Прибытіе нѣсколькихъ греческихъ учителей не можетъ считаться явленіемъ особеннымъ; можно еще упомянуть о нѣсколькихъ постройкахъ. Но ничего нельзя сказать о существенныхъ измѣненіяхъ въ жизни и строѣ государства и общества. Выборные отъ городовъ, которые въ концѣ царствованія Ѳеодора, вызванные въ Москву съ цѣлью совѣщанія по дѣламъ государственнаго управленія, были тотчасъ послѣ перемѣны царствованія отосланы обратно по домамъ. Съ той поры не было болѣе никакихъ земскихъ соборовъ [5]). Правленіе Петра не нуждалось въ содѣйствіи выборныхъ отъ городовъ, чтобы устранять старое, творить новое. Въ правленіе же Софьи и не возникало никакихъ существенныхъ измѣненій. Тѣмъ не менѣе любопытно прослѣдить, какое совершенно обособленное мѣсто занимаетъ кн. Голицынъ, руководитель политики при Софьѣ, вслѣдствіе своего образованія и образа жизни; въ немъ сказывается ученикъ западно-европейской культуры въ томъ же самомъ отношеніи, какимъ сдѣлался впослѣдствіи Петръ.

Сохранилось описаніе княжескаго дома. Здѣсь были собраны многочисленные ковры и гоббелены, картины, портреты европейскихъ владѣтельныхъ особъ, большія зеркала въ дорогихъ рамахъ, хрустальныя издѣлія, часы, статуи, рѣзная, обитая кожею, мебель, золоченые стулья, различныя люстры съ изображеніемъ солнца и луны; въ опочивальнѣ князя вписѣли большія стѣнныя, выписныя изъ Германіи карты. Изъ каталога княжеской библіотеки видно, что въ ней заключались латинскія, польскія и нѣмецкія рукописи, произведенія по государственнымъ наукамъ, грамматики, богословскія и церковноисторическія книги, книги по драматургіи, по ветеринаріи, всевозможные календари, пѣсенникъ, книги по географіи, естествознанію, военному дѣлу и беллетристическія, сочиненія по зоологіи на нѣмецкомъ языкѣ и т. п. [6]).

---

[5]) Соловьевъ, XIV, 13.

[6]) Достойно упоминанія, что сочиненіе серба Юрія Крижанича, разбиравшее необходимость всесторонняго преобразованія Россіи, находилось въ библіотекѣ Голицына въ рукописи.—Объ этомъ-же у Соловьева, XIV, 97—99.

По этому перечню можно составить себѣ представленіе о разнообразіи умственныхъ интересовъ князя Голицына. Подобная образованность, по замѣчанію одного современника, Шлейзинга, была въ Россіи «рѣдкою дичью». По князю Голицыну можно судить, насколько широко вступала Россія еще до Петра на путь развитія въ западноевропейскомъ смыслѣ.

Голицынъ, подобно Петру, имѣлъ слабость къ иностранцамъ и всему иностранному. Только Петръ не былъ склоненъ, какъ Голицынъ, благопріятствовать католицизму. Про Петра никакъ нельзя сказать, что говорилъ іезуитъ Авриль про Голицына, а именно, что у него французское сердце; Голицынъ преклонялся предъ личностью Людовика XIV, говорятъ, что его сынъ носилъ на груди портретъ французскаго короля [7]).

Князь Голицынъ, какъ и Петръ, былъ ненавидимъ многими русскими людьми за стремленіе къ иностранному. Изъ переписки его съ Шакловитымъ видно, что непріязненно относились къ нему и многіе сановники [8]). Бывали даже покушенія на его жизнь, со стороны темныхъ выходцевъ изъ черни, ненависть которыхъ къ князю объяснялась его расположеніемъ къ иноземцамъ. Но объ этихъ покушеніяхъ намъ мало извѣстно, такъ какъ правительство старалось скрыть такія происшествія. Достовѣрно лишь, что Голицынъ не пользовался популярностью. Онъ поднялся и палъ вмѣстѣ съ правительницею Софьею. Два письма къ нему царевны, дошедшія до насъ, полны сердечности и любви. Она называетъ его самыми нѣжными, ласкательными именами, изводится тоской по немъ, видитъ въ немъ героя [9]). О личныхъ отношеніяхъ Софьи къ Голицыну намъ неизвѣстно почти ничего, кромѣ того, что явствуетъ изъ этихъ писемъ. Передаваемые по этому предмету Невиллемъ слухи надо принимать съ осторожностью [10]).

Наряду съ Голицынымъ стоитъ другая, заслуживающая упоминанія личность. Это грекъ Спафарій, котораго мы уже видѣли въ кругу Матвѣева. Послѣ разныхъ превратностей въ своемъ отечествѣ, въ Валахіи, пробрался онъ въ Бранденбургъ, а оттуда въ Россію, съ цѣлью найти примѣненіе своимъ дипломатическимъ способностямъ. Онъ былъ посланникомъ въ Китаѣ и тамъ вошелъ въ дружескія сношенія съ іезуитами. Въ

---

[7]) Voyage en divers états d'Europe et d'Asie. Стр. 246, у Соловьева, XIV, 97.

[8]) Устряловъ, I, 346—356.

[9]) Тамъ-же, 382—385.

[10]) Невиллъ, стр. 159.. „она хотѣла выйти за него замужъ". — Но Голицынъ былъ женатъ и даже имѣлъ внуковъ.

посольскомъ приказѣ въ Москвѣ онъ занялъ выдающееся мѣсто. Невиллю онъ подробно сообщалъ свои планы: расширить торговлю Сибири, устроить оживленное судоходство по великимъ рѣкамъ Сѣверной Азіи. Его имя упоминается по поводу восточныхъ дѣлъ и при Петрѣ. Онъ находился въ постоянной перепискѣ съ амстердамскимъ бургомистромъ Николаемъ Витзеномъ, который высоко цѣнилъ Спафарія [11]). Это нѣсколько загадочная, фантастическая натура искателя приключеній, но въ такихъ людяхъ очень нуждалась Россія въ эпоху реформъ.

Къ наиболѣе приближеннымъ къ Софьѣ лицамъ принадлежалъ и монахъ Сильвестръ Медвѣдевъ, получившій отчасти свое образованіе въ Малороссіи. Симеонъ Полоцкій, наставникъ Софьи, былъ и его учителемъ. Медвѣдевъ отличался рѣдкою ученостью. Онъ былъ первый русскій библіографъ. Его книгохранилище насчитывало сотни томовъ, въ большинствѣ нѣмецкія и польскія сочиненія. Царь Ѳеодоръ его изрѣдка навѣщалъ и уважалъ за его ученость. При дворѣ Софьи онъ занялъ какъ бы мѣсто придворнаго духовника и придворнаго поэта. Онъ явился представителемъ латинской образованности и противникомъ греческой эрудиціи; не былъ онъ чуждъ и свѣтскимъ дѣламъ. Прежде чѣмъ принять духовный санъ, онъ посвятилъ себя служенію на дипломатическомъ поприщѣ, подъ руководствомъ такого выдающагося государственнаго человѣка, какимъ былъ Ордынъ-Нащокинъ. Съ патріархомъ Іоакимомъ онъ былъ во враждѣ: они были различнаго мнѣнія въ вопросѣ о пресуществленіи. Говорили, и можетъ быть, не безъ основанія, что Медвѣдевъ самъ желалъ занять патріаршее мѣсто. Его судьба, какъ и судьба Голицына, была тѣсно связана съ могуществомъ и положеніемъ Софьи. Не подлежитъ сомнѣнію, что онъ былъ въ числѣ близкихъ ей друзей и совѣтниковъ. Не легко установить, въ какой степени принималъ онъ участіе въ событіяхъ, сопровождавшихъ паденіе царевны. Но положеніе, которое онъ занималъ, было такого свойства, что онъ былъ самъ затянутъ въ катастрофу и трагически окончилъ жизнь.

Гораздо менѣе богато одаренною личностью, но выдающеюся по достигнутой власти былъ Шакловитый. Объ его образованіи мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Онъ принадлежалъ къ тому разряду, склонныхъ къ преступленіямъ и своевольству, царедворцевъ, которыхъ такъ часто можно

---

[11]) Guerrier—„Leibnitz in seinen Beziehungen zu Russland und Peter den Grossen. 1873 (стр. 29) недавно стало извѣстно описаніе путешествій Спафарія. Также и Рингьберъ хвалилъ разносторонность этого человѣка, называя его „vir polygnotus et polypragmon".

встрѣтить при восточныхъ дворахъ. Иниціативы и рѣшительности у него было неизмѣримо больше, чѣмъ у Голицына. Онъ—главный виновникъ тѣхъ замысловъ противъ Петра, которые вмѣсто того, чтобы укрѣпить

ЦАРЕВНА СОФІЯ.
(Съ оригинала, хранящагося въ Романовской галлереѣ Зимняго дворца).

власть царевны, готовили ея управленію неожиданный конецъ. Какихъ-либо политическихъ взглядовъ у Шакловитаго нѣтъ и помину. Въ противоположность способной и образованной царевнѣ, ученому и начитан-

ному Медвѣдеву, утонченно-вѣжливому Голицыну, Шакловитый скорѣе всего грубый, погрязшій въ дворцовыхъ интригахъ паша. Въ то время, какъ первые были способны сдѣлать реформу, осуществить что-либо въ пользу прогресса въ западно-европейскомъ смыслѣ, Шакловитый изображаетъ типъ восточнаго человѣка, въ которомъ нѣтъ ничего европейскаго. Личная непріязнь отдѣлила Петра отъ Софьи, Голицына и Медвѣдева—принципы отдѣляли его отъ Шакловитаго. Всѣ они пали въ 1689 году, чтобы очистить мѣсто Петру. Катастрофа Шакловитаго была самая наспльственная. Какъ государственный человѣкъ, онъ—ничтожество, но ему была предназначена главная роль въ той драмѣ, которая положила конецъ правленію Софьи.

Съ особеннымъ усердіемъ посвятило себя правительство вопросамъ внѣшней политики. Тотчасъ послѣ вступленія на престолъ обоихъ братьевъ, Ивана и Петра, Софья послала нѣсколькихъ дипломатовъ въ Европу, чтобы сообщить объ этомъ событіи въ Варшавѣ, Стокгольмѣ, Вѣнѣ, Копенгагенѣ, Гаагѣ, Лондонѣ и Константинополѣ. О какомъ-либо правленіи, или регенствѣ Софьи въ этихъ дипломатическихъ нотахъ нѣтъ и рѣчи [12]).

Въ царствованіе Ѳеодора, съ Швеціею были частыя несогласія по поводу пограничной полосы. Софья не была расположена особенно настойчиво держаться прежнихъ требованій. Ей требовалось имѣть на сѣверѣ положеніе совершенно безопасное, на случай, еслибы на западѣ дѣло дошло до столкновенія съ гораздо болѣе опаснымъ сосѣдомъ, Польшею. Съ самого смутнаго времени Россіи пришлось отказаться отъ мысли имѣть береговую полосу. Столбовскій миръ (1617 г.) доказалъ, какъ безсильна была Россія противъ высоко стоявшаго могущества Швеціи. Царь Алексѣй сдѣлалъ попытку достичь берега моря и завоевать Лифляндію, но онъ потерпѣлъ неудачу, и Кардисскій миръ (1662 г.) есть, въ сущности, подтвержденіе

---

[12]) Когда въ апрѣлѣ Петръ одинъ вступилъ на престолъ, ни о какихъ подобныхъ миссіяхъ не было помину. Къ тому же, не хватило-бы и времени, въ виду стрѣлецкихъ волненій. См. Устряловъ I, 117.—Какъ мало были вообще освѣдомлены въ Европѣ о событіяхъ въ Россіи, видно изъ того, что въ черновой одного посланія саксонскаго курфюрста въ 1683 г. упоминается одинъ только царь Петръ, а затѣмъ уже въ поправкахъ поименованы оба царя. (Акты дрезденскаго архива). Изъ другихъ тамъ-же находящихся актовъ можно усмотрѣть, что даже Рингюберъ, достаточно освѣдомленный о Россіи, узналъ о воцареніи Ивана лишь нѣсколько мѣсяцевъ спустя.

условій Столбовскаго. Во время регентства Софьи, Россія никоимъ образомъ не могла предпринять борьбу со Швеціею. Гораздо осуществимѣе былъ походъ на югъ, противъ татаръ,—совершенно подобнымъ же образомъ незадолго передъ тѣмъ сербъ Крижаничъ въ своемъ знаменитомъ сочиненіи горячо ратовалъ за сохраненіе мира съ Польшею и Швеціею и рекомендовалъ покореніе Крыма, подъ предлогомъ крестоваго похода противъ невѣрныхъ татаръ. Равнымъ образомъ, и Петръ, когда онъ достигъ власти, не сразу задумался о возможности завоеванія морскаго берега на сѣверѣ; ему также казалось необходимымъ прежде твердою ногою укрѣпиться на Черномъ морѣ и положить предѣлъ разбойничьимъ набѣгамъ на югѣ, со стороны турокъ и татаръ.

Со Швеціею были начаты дипломатическіе переговоры, но они не имѣютъ значенія; они касаются царскаго титула, свободы для православныхъ церквей въ Эстляндіи, Ингерманландіи, Кареліи и т. п [13]).

Много любопытнѣе отношеніе къ Бранденбургу, который въ царствованіе Петра долженъ былъ сдѣлаться важнымъ союзникомъ Россіи. Подданнымъ курфирста было предоставлено право свободнаго торга въ Архангельскѣ [14]). Съ своей стороны, онъ содѣйствовалъ переселенію гугенотовъ въ Россію [15])

Мы знаемъ, что князь Голицынъ былъ особенно расположенъ къ французамъ, но сдѣланная имъ попытка завязать тѣсныя сношенія съ Франціею не была удачна. Посылкою во Францію посольства съ приглашеніемъ Людовика XIV къ союзу противъ турокъ, Голицынъ проявилъ недостаточное знакомство съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ въ Европѣ. На долю русскихъ дипломатовъ выпалъ очень холодный пріемъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что князь Долгорукій совершилъ нѣсколько безтактностей. Какъ-бы то было, но русское посольство получило высокомѣрный отвѣтъ. Было много споровъ относительно церемоніала. Впечатлѣніе, которое произвело это обстоятельство въ Москвѣ, было очень тяжелое, и когда въ слѣдующемъ году французскіе іезуиты Авриль и Боволье явились въ Москву, то они испытали на себѣ явное неблаговоленіе: имъ не было дозволено продолжать дальнѣйшій путь въ Китай, при чемъ

---

[13]) Устряловъ, I, 100 и слѣд. 117—123.

[14]) П. С. З. № 1326.

[15]) П. С. З. № 1330 и 1331, и у Поссельта, Лефортъ I, 466, нѣсколько несущественныхъ подробностей о пребываніи въ Москвѣ бранденбургскаго дипломата Рейера Чаплица.

имъ жаловались на «неучтивость», съ которою былъ принятъ кн. Долгорукій [16]).

Такъ же неудачно, какъ мысль о привлеченіи Франціи къ союзу противъ султана, было предположеніе заключить заемъ въ Испаніи. Совершенно разоренная въ послѣднее время габсбургскаго управленія страна была меньше всего въ состояніи исполнить подобныя просьбы.

Дѣйствительные результаты оказались только въ сношеніяхъ Россіи съ Польшею, которая, съ своей стороны, послѣ Андрусовскаго договора (1667 г.), не отказывалась отъ надежды вернуть Малороссію. Какъ только въ Польшѣ были получены вѣсти о происходившихъ въ Москвѣ въ маѣ 1682 г. волненіяхъ, въ Малороссіи появились польскіе эмиссары и монахи, возбуждавшіе населеніе противъ русскаго правительства. Въ особенности старались они воздѣйствовать на казаковъ и на духовенство, которое съ явнымъ неудовольствіемъ относилось къ включенію Малороссіи въ составъ московскаго государства [17]).

Главнымъ образомъ Кіевъ былъ яблокомъ раздора между Польшею и Россіею. По Андрусовскому договору этотъ городъ былъ оставленъ въ управленіи Россіи только на два года, но русскіе и не думали отказываться отъ владѣнія этимъ столь важнымъ стратегическимъ пунктомъ. Враждебное Москвѣ настроеніе, вспыхивавшее въ томъ или иномъ мѣстѣ, правительство пыталось обезсилить разными централизующими мѣрами. Къ счастью, Россіи можно было вполнѣ положиться на вѣрность гетмана Самойловича. Отъ него узнали въ Москвѣ о замыслахъ Польши; онъ совѣтовалъ русскому правительству поселить въ Малороссіи нѣсколько тысячъ великорусскихъ семействъ и тѣмъ наглядно доказать, что завоеванную область никогда не отдадутъ Польшѣ. Благодаря его же содѣйствію удалось произвести въ церковномъ управленіи Малороссіи благопріятную для Москвы перемѣну.

До тѣхъ поръ кіевскій митрополитъ посвящался константинопольскимъ патріархомъ. Вслѣдствіе новыхъ переговоровъ съ главами восточныхъ церквей и успѣшныхъ стараній русскихъ агентовъ въ самой Мало-

---

[16]) Вольтеръ хвалитъ Голицына по поводу этого посольства и говоритъ: „L'académie des inscriptionsa célebra par une médaille cette ambassade comme si elle fut venûe des Indes". У Иверсена (Медали Петра Великаго) о такой медали не упоминается. Въ послѣднее время нѣкоторыя подробности извлечены изъ французскихъ архивовъ. О неудобствѣ, возникшемъ вслѣдствіе одновременнаго пребыванія турецкаго посольства, см. у Поссельта, тамъ-же.

[17]) Соловьевъ, XIV, 5 и слѣд.

Москва въ XVII столѣтіи.

россіи удалось устроить, чтобы впредь кіевскіе митрополиты зависѣли отъ московскаго патріарха. Теперь требовалось избрать личность, доступную великорусскимъ вліяніямъ. Такимъ лицомъ оказался луцкій епископъ, князь Гедеонъ Святополкъ-Четвертинскій, котораго Польша угрозами принуждала присоединиться къ римской церкви или къ ненавистной православному населенію уніи; онъ вполнѣ перешелъ на русскую сторону и, избранный 8 іюня 1685 г. въ кіевскіе митрополиты, 8 ноября былъ посвященъ въ этотъ санъ въ Москвѣ патріархомъ Іоакимомъ. Возникшая по этому поводу, уже послѣ посвященія, переписка съ константинопольскимъ патріархомъ привела къ желательной цѣли, такъ какъ самъ патріархъ сочувствовалъ перемѣнѣ, а султанъ и великій визирь держались выжидательнаго образа дѣйствій, въ надеждѣ отторгнуть Россію отъ союза съ Польшею и Австріею. Это было немаловажное пріобрѣтеніе. Самойловичъ настойчиво совѣтовалъ склонить константинопольскаго патріарха къ добровольной уступкѣ, такъ какъ иначе, въ случаѣ, если дѣйствовать помимо его согласія, можно было ожидать крупныхъ осложненій отъ наложенія имъ интердикта на всю Малороссію. Задобренный богатыми дарами патріархъ Діонисій съ особымъ посланіемъ обратился къ царевнѣ, восхваляя ея добродѣтели и способности. Онъ былъ склоненъ къ подкупу, какъ многіе восточные іерархи, хотя его поступокъ далъ поводъ къ строгимъ нарсканіямъ. Патріархъ іерусалимскій Досиѳей, въ одномъ письмѣ къ царскому посланному, осуждалъ продажность своего византійскаго товарища и негодовалъ, что испрашивалось одно только его согласіе, а не согласіе всѣхъ патріарховъ; по его мнѣнію, честолюбіе московскаго государства подлежало осужденію, Москва, пожалуй, захочетъ подчинить своей власти и іерусалимскую каѳедру; вообще онъ не стѣснялся въ рѣзкихъ выраженіяхъ, говоря про образъ дѣйствій Москвы въ этомъ дѣлѣ [18]).

Все это было новымъ шагомъ на пути включенія Малороссіи въ великорусскія земли; принципъ централизаціи одолѣлъ малороссійскую обособленность, упрочилось и владѣніе этой областью.

Даже болѣе того, въ отношеніи къ самой Польшѣ, московское государство получило существенныя выгоды, такъ какъ жившіе въ польскихъ областяхъ православные, зависѣвшіе въ духовномъ отношеніи отъ кіевскаго митрополита, теперь подпадали подъ непосредственное покровительство и заступничество Москвы. Это былъ еще новый шагъ на пути къ раздѣлу Польши, который, съ извѣстной точки зрѣнія, начался съ отдѣленія Малороссіи.

---

[18]) См. Устряловъ I, 150 и Соловьевъ XIV, 32.

Съ Польшею Москва была, собственно говоря, въ открытой борьбѣ. Въ Андрусовѣ былъ заключенъ не миръ, а лишь перемиріе. Совмѣстные дипломатическіе съѣзды въ 1670, 1674 и 1678 годахъ достигали мирныхъ отношеній только путемъ временныхъ соглашеній. Но оба государства нуждались въ прочномъ мирѣ. Въ Польшѣ начиналась агонія, приведшая, сто лѣтъ спустя, къ полному распаденію. Двадцать семь лѣтъ (1654—1681) продолжалась борьба изъ-за обладанія Малороссіей. Надежды Польши добиться возвращенія этой области, воспользовавшись столкновеніемъ Россіи съ Турціею въ царствованіе Ѳеодора, не оправдались. Къ серьезной вооруженной борьбѣ съ окрѣпшимъ восточнымъ сосѣдомъ слабѣющая Польша была не въ силахъ, хотя въ ней и царствовалъ знаменитый король Янъ Собѣскій. Кромѣ того, оба государства, Россія и Польша, которыя раньше, во время взаимной распри, обращались къ союзу съ турками и татарами, теперь усматривали гораздо больше основаній соединиться вмѣстѣ для дѣйствій противъ невѣрныхъ на югѣ.

Въ извѣстномъ отношеніи татарское иго еще продолжалось. Съ крымскимъ ханомъ было трудно ладить. Ежегодно со стороны Россіи посылались въ Бахчисарай большіе дары, которые можно разсматривать, какъ своего рода дань. Несмотря на всѣ принесенныя жертвы, можно было ежеминутно ожидать вѣроломнаго нашествія и разграбленія русскихъ земель. Въ XVII в. не разъ случалось, что цѣлые города въ тогдашней пограничной русской полосѣ (напр. Елецъ, Ливно) грабились татарами среди нарушеннаго мира, а жители уводились въ плѣнъ, хотя и существовала особая линія укрѣпленій, чтобы задерживать подобные татарскіе набѣги, строились новые города (Тамбовъ, Козловъ, Осколъ и др.), чтобы расширить эту линію, но все это плохо достигало цѣли. Уводъ десятковъ тысячъ плѣнниковъ, распродаваемыхъ на невольническихъ рынкахъ, было обычнымъ послѣдствіемъ каждаго татарскаго набѣга. Однажды крымскій ханъ подарилъ султану 80 красивѣйшихъ русскихъ мальчиковъ. Почти на всѣхъ турецкихъ галерахъ были русскіе гребцы. Во всѣхъ городахъ Греціи, Палестины, Сиріи, Египта, Анатоліи и по всей Турціи было такое количество русскихъ плѣнныхъ, что турки, по словамъ одного славянскаго путешественника, насмѣшливо спрашивали: неужели въ Россіи еще существуютъ жители? [19]). Еще въ 1662 году появились татары въ Путивлѣ и увели оттуда 20.000 жителей. Нѣчто подобное случилось и въ восьмидесятыхъ годахъ, во время правленія Софьи [20]).

[19]) Крижаничъ.

[20]) Записки Гордона II, 82, 89, 103, 104.

Въ Крыму считали возможнымъ оскорблять Россію. Въ 1648 году ханъ утверждалъ, что онъ можетъ московскаго царя, подобно молдаванскому государю, сдѣлать зависимымъ отъ Порты правителемъ. Въ 1682 г. русскій посланникъ Тараканов писалъ изъ Крыма, что, съ цѣлью выманить отъ него болѣе цѣнные подарки, его схватили, отвели въ конюшню, били, подвели къ костру и угрожали разными пытками. Впослѣдствіи его отпустили на волю, но отняли все его имущество [21]) и т. д.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что русское правительство рѣшило принять энергичныя мѣры, когда и въ самомъ народѣ окрѣпло желаніе окончательно освободиться отъ татарской напасти. Татары были ненавидимы, какъ разбойники, угрожавшіе существованію и свободѣ русскихъ на югѣ отъ Москвы, а также, какъ союзники Польши и вассалы султана. Война противъ нихъ имѣла значеніе крестоваго похода. Еще въ царствованіи Ѳеодора возникало опасеніе о нашествіи татаръ даже на столицу, и линія южныхъ укрѣпленій была усилена ради безопасности Москвы. Принятыя мѣры были только оборонительными.

Но мысль о наступательныхъ дѣйствіяхъ была недалека. Наиболѣе дѣйствительной защитой отъ татарскихъ разбоевъ было уничтоженіе разбойничьяго гнѣзда, покореніе Крыма. Сербъ Крижаничъ въ своемъ, написанномъ въ Тобольскѣ (1660—1676), политическомъ сочиненіи доказывалъ возможность и выгоды подобной войны, указывая при этомъ на насущную потребность въ ней для южнаго населенія, терпящаго постоянную убыль отъ татарскихъ набѣговъ. Не слѣдовало долѣе откупаться подарками и все-таки терпѣть разбои и опустошенія, отдавать врагу несчастныхъ жителей. Краснорѣчиво описывалъ Крижаничъ красоту природы, плодородіе почвы въ Крыму. Онъ полагалъ, что Керчь должна быть столицею русскаго государства и вспоминаетъ по этому случаю Митридата; онъ указываетъ на выгоды отъ развитія торговли на Черномъ морѣ, на берегахъ котораго имѣются удобныя гавани, въ которыя текутъ русскія рѣки; со всѣхъ сторонъ туда будутъ свозиться товары. Успѣхъ похода противъ Крыма представляется смѣлому писателю весьма вѣроятнымъ. Онъ говоритъ, что татары сильны только, какъ нападающіе, дома-же, на мѣстѣ жительства, ихъ легко побѣдить. Крижаничъ идетъ еще дальше, онъ говоритъ, что хотя во всякихъ другихъ случаяхъ истребленіе побѣжденнаго народа не отвѣчаетъ международному праву, но въ отношеніи татаръ, какъ враговъ христіанскихъ и какъ разбойниковъ, это правило

---

[21]) Соловьевъ XIV, 36.

касаться не должно. Ихъ можно также истреблять, какъ испанцы истребляли мавровъ и евреевъ [22]).

Въ то время въ Европѣ поднимался Восточный вопросъ. Не одна только Россія держалась оборонительныхъ мѣръ и задумывала перейти въ наступленіе. Турки, осаждавшіе въ 1683 г. Вѣну, должны были ожидать нападенія со стороны нѣкоторыхъ государствъ. Папа, Венеціанская республика, Польша выражали желаніе составить союзъ для борьбы съ исламомъ. На балканскомъ полуостровѣ, какъ и въ Италіи, изъ устъ въ уста передавалось пророчество о предстоящей гибели Турціи [23]). Казалось, что повторяются времена крестовыхъ походовъ.

Для отношеній Россіи къ Западной Европѣ это движеніе имѣло величайшее значеніе, было много общихъ интересовъ съ европейскими государствами. Подобно тому, какъ въ Венгріи Тэкели соединился съ турками противъ Австріи, такъ и малороссійскій гетманъ Дорошенко сдѣлался сторонникомъ султана для борьбы съ Москвою. Выяснялось, что русское государство солидарно съ прочимъ христіанскимъ міромъ. Когда императоръ Леопольдъ и польскій король Янъ Собѣскій заключили союзъ, то они рѣшили пригласить московскихъ царей къ нему присоединиться. Это приглашеніе состоялось въ 1684 г., когда Венеціанская республика присоединилась къ австро-польскому союзу. Собѣскій писалъ царямъ, что наступило время изгнать турокъ изъ Европы.

Съ точки зрѣнія своихъ отношеній къ Польшѣ, Россія не могла уклониться отъ участія въ этомъ движеніи. Въ возгоравшейся борьбѣ съ Турціею Польша могла выйдти побѣдительницею, могла быть и побѣжденною, но послѣдствія для Россіи были одинаково важны. Съ побѣдою Турціи можно было ожидать появленія турецкихъ полчищъ подъ самой стѣной Кіева; съ побѣдою Польши надъ Турціею, безъ содѣйствія Москвы, слѣдовало опасаться быстраго перевѣса сосѣда и снова поставить Кіевъ на карту.

Оставалось только обстоятельно договориться съ Польшею. Въ Андрусовъ въ началѣ 1684 г. съѣхались уполномоченные обоихъ государствъ, но тридцать девять совѣщаній не привели ни къ какому результату. Про возвращеніе Кіева, согласно договору, на чемъ настаивали поляки, русскіе и слышать не хотѣли; безъ отказа поляковъ отъ Кіева московское правительство не соглашалось рѣшиться на дѣйствіе противъ турокъ и татаръ [24]).

---

[22]) Крижаничъ, II, 88, 177 и слѣд.

[23]) См. мою статью въ „Др. и Нов. Россіи“ 1876 г. III, 385—409: „Юрій Крижаничъ и восточный вопросъ“.

[24]) Устряловъ, I 134 и сл.—Соловьевъ, XIV. 13.

Пока происходили эти переговоры въ Андрусовѣ, руководитель внѣшней политики Россіи, князь Голицынъ, поручилъ опытному, нѣсколько десятковъ лѣтъ бывшему на русской военной службѣ Патрику Гордону высказать свое мнѣніе по всему этому вопросу. Удивительно интересная записка эта сохранилась [25]). Гордонъ прежде всего перечисляетъ всѣ соображенія противъ похода на югъ, между прочимъ, онъ указываетъ на опасность отъ созданія, при наличности двухъ царей, придворныхъ партій; возможность неуспѣха военнаго похода можетъ легко навлечь на руководителя внѣшней политики гнѣвъ царей, «когда они достигнутъ совершеннолѣтія». Пять лѣтъ спустя, это и случилось. Походы Голицына въ Крымъ потерпѣли крушеніе; при дворѣ возникли партіи, гнѣвъ Петра противъ Голицына далъ поводъ къ государственному перевороту.—Гордонъ обращалъ также вниманіе князя Голицына и на финансовыя затрудненія, и на недостатокъ военныхъ припасовъ, который сильно ощущался еще и въ чигиринскіе походы (1677—1678). Тѣмъ не менѣе онъ склонялся къ совѣту рѣшиться на рискъ войны съ татарами, опасаясь предоставить одной сосѣдней Польшѣ славу удачной войны противъ невѣрныхъ Онъ находилъ, что можно «оказать пріятную услугу Богу», если разрушить силой опасное для христіанъ гнѣздо, какъ Крымъ; предстояло достичь такой славы, къ которой только могъ стремиться народъ, въ Крыму могли находиться несмѣтныя сокровища, и можно было легко обогатиться. Поражаетъ насъ только, какъ это Гордонъ, при своей осмотрительности и опытности, не придавалъ большаго значенія опасности, которую представляли безводныя степи для многочисленнаго войска. Между тѣмъ именно объ это препятствіе и рушилось все предпріятіе. Но Гордонъ вѣрилъ въ успѣхъ, какъ незадолго предъ тѣмъ Крижаничъ не подвергалъ сомнѣнію возможности похода на Крымъ.

Повидимому, Голицынъ не раздѣлялъ этого оптимизма. Онъ прекратилъ переговоры въ Андрусовѣ. Не имѣло успѣха и блестящее посольство императора Леопольда, явившееся въ маѣ 1684 г. въ Москву съ цѣлью убѣдить «отсѣчь султану правую руку», т. е. завоевать Крымъ, — такъ какъ Голицынъ отказывался участвовать въ какихъ бы то ни было наступательныхъ дѣйствіяхъ противъ Крыма, пока Польша формально и безповоротно не откажется отъ своихъ притязаній на Кіевъ [26]).

Это послѣднее условіе было вскорѣ выполнено. Польша, тѣмъ временемъ несчастливо воевавшая противъ турокъ, сняла осаду Ка-

[25]) Записки Гордона. II. 4—11.
[26]) См. у Соловьева XIV, 15.

менца, отказалась отъ дѣйствій Яблоновскаго въ Молдавіи и стала уступчивѣе.

Въ началѣ 1686 г. появилось въ Москвѣ блестящее польское посольство; семь недѣль продолжались съ нимъ переговоры, которые велъ Голицынъ лично и съ необыкновеннымъ успѣхомъ. Онъ твердо устоялъ противъ всѣхъ доводовъ поляковъ. Не разъ собирались послы уѣзжать, въ виду безполезности совѣщаній. Наконецъ, 21 апрѣля пришли къ рѣшенію заключить «вѣчный» миръ. Россія уплачивала 146.000 рублей, Польша отказывалась отъ Кіева; Россія обязывалась въ слѣдующемъ году выступить въ походъ на Крымъ [27]).

Москва достигла нѣкотораго видимаго успѣха. Тогда еще не знали, какъ тяжело будетъ принятое обязательство Крымскаго похода, и какъ еще не доросла Россія до такой войны. Но зато окончательное присоединеніе столь долго оспариваемой области было важнымъ пріобрѣтеніемъ. Король Янъ Собѣскій, какъ говорятъ, со слезами на глазахъ подписалъ во Львовѣ грамоту о Кіевѣ. Софья-же, наоборотъ, праздновала это событіе благодарственными молебнами и разными милостями. Оповѣщая народъ о заключеніи міра съ Польшею, она говорила, «что никогда еще, при предкахъ, не заключалось столь прибыльнаго и славнаго мира», и что «преименитая держава Россійскаго царства гремитъ славою во всѣ концы міра» [28]).

Софья считала себя на высотѣ власти и славы и думала, что можетъ рѣшиться на присвоеніе престола. Въ указахъ, по поводу заключеннаго мира, Софья себя впервые наравнѣ съ братьями именуетъ «самодержицею». Она не думала, что она только приближается къ катастрофѣ.

Во всякомъ случаѣ, заключеніе договора было событіемъ для Москвы, которая тѣснѣе сближалась съ гораздо выше стоявшимъ по культурному развитію государствомъ. Поляки не разъ замѣчали, что москвичи обязаны королю Яну Собѣскому развитіемъ своихъ военныхъ силъ и нѣкоторымъ внѣшнимъ лоскомъ,—какъ прямое слѣдствіе заключеннаго въ 1686 г. союза [29]).

Вскорѣ предстояло рѣшеніе вопроса, будетъ-ли побѣда въ войнѣ съ татарами на сторонѣ Россіи. Воспоминанія о чигиринскихъ походахъ не были способными ободрять. Война съ Турціею при Ѳеодорѣ кончилась тѣмъ, что мира запросили русскіе [30]).

---

[27]) П. С. З. II, № 1186.—У Мартенса и др. приведенъ не полный и не точный текстъ.

[28]) П. С. З. № 87.

[29]) Соловьевъ, XIV, 231.

[30]) Поссельтъ. записки Келлера. I 27[illegible]

Въ противоположность предположеніямъ Крижанича и Гордона, малороссійскій гетманъ Самойловичъ отсовѣтовалъ заключить союзъ съ Польшею и начинать войну съ Крымомъ. Онъ говорилъ, что Крымъ нельзя покорить и, что еслибы даже это удалось, нельзя удержать; онъ указывалъ на недостатокъ дисциплины въ русскомъ войскѣ, ссылаясь, что старый бояринъ Ромодановскій въ чигиринскомъ походѣ ничего не могъ подѣлать съ своими полковниками. Союзъ съ Польшею порицалъ Самойловичъ и какъ православный. Миссія Россіи въ отношеніи грековъ и южныхъ славянъ, видѣвшихъ въ ней единственную надежду, казалась въ его глазахъ пошатнувшеюся вслѣдствіе союза съ притѣснителями православія. Онъ самъ охотнѣе заключилъ бы для Россіи союзъ съ татарами противъ Польши [31]).

Послѣднее было уже невозможно. Послѣ того, какъ русскій посланникъ въ Бахчисараѣ, Тараканов, подвергся оскорбленіямъ, правительница объявила хану, что онъ больше не увидитъ русскихъ пословъ въ Крыму, и что всѣ сношенія и передача подарковъ будутъ впредь происходить на границѣ. Софья требовала, чтобы ханъ соблюдалъ миръ съ Польшею; ханъ наоборотъ добивался, чтобы Софья заключила съ нимъ союзъ для нападенія на Польшу.

Россія готовилась къ походу. Въ отношеніи Турціи терпѣніе Россіи было также подвергнуто испытанію. Занятая турецкими властями чигиринская область граничила съ русскими владѣніями, въ которыхъ турецкіе эмиссары подстрекали малорусское населеніе отложиться отъ Москвы. Борьба за Малороссію, такъ сказать, еще продолжалась. Чтобы обезпечить за собою это владѣніе, надлежало сдѣлать на югѣ дальнѣйшія завоеванія.

Гетманъ Самойловичъ, бывшій не въ ладахъ съ Голицынымъ, получилъ внушеніе за свое сопротивленіе. Константинопольскій патріархъ Діонисій умолялъ русское правительство не вести войны съ турками, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, жившіе на балканскомъ полуостровѣ христіане будутъ преданы избіенію [32]),—но это посланіе оставлено безъ вниманія. Приготовленія шли.

Смѣлость правительства, приподнятый тонъ указа [33]), которымъ царевна объявляла своимъ подданнымъ о войнѣ противъ татаръ не совпадали съ послѣдствіями похода. Дважды дѣлалась попытка завоевать Крымъ, въ

---

[31]) Сравн. Соловьевъ XIV, 23—28.—Рингюберъ также считаетъ войну невозможною и ссылается на недостатокъ денегъ и войска.

[32]) Записки Гордона II, 180.

[33]) У Соловьева отмѣченъ январь 1687 г. XIV, 37.

1687 г. и вторично въ 1688 г. Въ первый разъ не дошли даже до границы полуострова; во второй разъ остановились на перекопскомъ перешейкѣ и оба раза быстро рѣшались на отступленіе, такъ какъ оба раза приходилось сильно страдать отъ неблагопріятнаго климата. Жара, недостатокъ воды, невозможность накормить людей и коней въ спаленныхъ степяхъ, а также нѣкоторая робость предводителя войны, кн. В. В. Голицына, въ концѣ сдѣлали походъ неудачнымъ.

Какъ дипломатъ, Голицынъ велъ дѣло хорошо, какъ полководецъ, онъ потерпѣлъ полное пораженіе. Походы 1687 и 1689 гг. принадлежатъ къ наиболѣе тяжелымъ событіямъ въ военной исторіи Россіи [34]).

Голицынъ очень неохотно принялъ главное начальство. Онъ имѣлъ завистниковъ и соперниковъ и зналъ, что они воспользуются его отсутствіемъ для мести. Изъ многочисленныхъ писемъ Голицына къ его довѣренному Шакловитому во время похода 1687 г. мы видимъ, насколько забота о происках его враговъ, безпокойство о томъ, что про него говорятъ въ столицѣ и что противъ него злоумышляютъ, нетерпѣливое желаніе скорѣе вернуться въ Москву лишало его спокойствія и способности сосредоточенія, въ которыхъ такъ настоятельно нуждался главный начальникъ почти стотысячнаго войска.

Ему приходилось бороться съ самыми большими затрудненіями [36]). Мобилизація шла крайне медленно; войска неохотно собирались съ разныхъ концовъ государства къ мѣстамъ сосредоточенія. Многіе обязанные службою не явились вовсе. Военная организація оказалась никуда не годною. Собственно походъ начали въ самую неудачную пору, когда солнце особенно пекло. Духъ войска также оставлялъ желать лучшаго. Непослушаніе дворянъ распоряженіямъ Голицына тотчасъ же сказалось, какъ только начался походъ. Чтобы показать ему, какъ мало они вѣрятъ въ успѣхъ похода, многіе облачились въ траурныя одежды и надѣли на своихъ коней черныя попоны. Голицыну пришлось чрезъ посредство своего друга Шакловитаго требовать себѣ изъ столицы чрезвычайныхъ полномочій, чтобы имѣть право дѣйствительными мѣрами подавить въ войскѣ проявленія непослушанія [37]). Громадный обозъ замедлялъ движеніе. Войско двигалось четырехугольникомъ,

---

[34]) П. С. З. № 1224.

[35]) Главный источникъ это записки Гордона. Затѣмъ у Поссельта—письма Лефорта; у Невилля - устные разсказы Спафарія; у Корба—устныя сообщенія Гордона.

[36]) Рингюберъ также свидѣтельствуетъ о трудности положенія Голицына.

[37]) Устряловъ, I, 346—358.

который имѣлъ двѣ версты въ длину и одну версту въ ширину [38]). Въ своихъ оффиціальныхъ донесеніяхъ Голицынъ сообщалъ, что онъ съ поспѣшностью идетъ впередъ, между тѣмъ ему потребовалось семь недѣль, чтобы пройти сто миль. Къ этому надо присоединить неохоту, съ которою казаки, подъ начальствомъ Самойловича, выступили въ походъ. Самъ гетманъ настойчиво отсовѣтывалъ войну. Казаки вовсе не были заинтересованы покореніемъ Крыма Москвою. Нерѣдко они рядомъ съ татарами воевали противъ Россіи и Польши. Съ завоеваніемъ Крыма центральная московская власть еще больше усиливалась къ невыгодѣ казаковъ.

Но хуже всего былъ степной пожаръ. Кто поджегъ траву, остается неизвѣстнымъ. Это могли сдѣлать татары, обвиняли въ этомъ казаковъ, гетмана Самойловича. Даже Голицына считали виновникомъ пожара [39]). Степь могла быть обращена въ пожарище случайною небрежностью. Не подлежитъ сомнѣнію, что это обстоятельство замедлило походъ. Не было фуража для лошадей. Въ войскѣ начались болѣзни, и пришлось сдѣлать долгую остановку у одной рѣчки, въ 200 верстахъ отъ Перекопскаго перешейка (оффиціально Голицынъ доносилъ, что былъ всего въ 90 верстахъ). Рѣшено было вернуться обратно, даже не видавъ врага.

Софья могла опасаться, что враги Голицына одолѣютъ, когда онъ вернулся, покрытый позоромъ. Когда онъ былъ еще на возвратномъ пути, она послала къ нему Шакловитаго съ указаніемъ, что онъ долженъ повернуть обратно, побудить донскихъ казаковъ къ нападенію на Крымъ со стороны моря, а малороссійскихъ—со стороны Днѣпра и попытаться взять турецкія крѣпости на низовьяхъ Днѣпра. Если же все это не было осуществимо, то онъ долженъ построить на югѣ нѣсколько крѣпостей [40]).

Голицынъ ничего этого не исполнилъ и вернулся домой. На пути онъ однако принимаетъ дѣятельное участіе въ устраненіи гетмана Самойловича, который былъ смѣщенъ вслѣдствіе проявившихся среди малороссійскихъ казаковъ неудовольствій. Гетманомъ былъ назначенъ Мазепа, типъ малоросса, воспитаннаго польскимъ игомъ и татарскимъ сосѣдствомъ [41]). Для русской политики это была невыгодная замѣна. Самойловичъ оказалъ правительству большія услуги. Мазепа же, двадцать лѣтъ спустя, долженъ

---

[38]) Подробности см. у Гордона, II, 171 и сл.

[39]) Шлепзигъ разсказываетъ, что Голицынъ былъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ татарами и допустилъ степной пожаръ, при чемъ большая часть войска задохлась въ дыму,—объ этомъ же говоритъ и авторъ брошюры „Gespreche im Reiche derer Todtin, 1737.

[40]) Соловьевъ, XIV 41—42 (приложеніе).

[41]) Подробности у Гордона II, 177.

былъ измѣнить Россіи. Самойловичъ окончилъ свои дни въ ссылкѣ, одинъ изъ его сыновей былъ казненъ [42]). Про Голицына говорили, что онъ не забылъ себя при конфискаціи имущества гетмана [43]). Документально подтверждается, что онъ позволилъ новому гетману подарить ему 10,000 руб. [44]).

Въ Москвѣ съумѣли утѣшить неудачнаго полководца. Онъ получилъ золотую цѣпь и медаль вѣсомъ въ 300 червонцевъ. Воеводы и полковники также получили медали [45]). Даже простые солдаты были награждены. Тонъ, которымъ правительница говорила въ одномъ указѣ о паническомъ страхѣ татаръ при видѣ русскаго войска, странно противорѣчилъ съ неудачею похода. Правительству надлежало еще исказить исходъ похода заграницею. Нидерландскій посланникъ баронъ Келлеръ способствовалъ печатанію въ голландскихъ газетахъ самимъ Голицынымъ составленнаго описанія дѣйствій противъ татаръ съ восхваленіемъ русскаго вождя [46]).

Положеніе было очень затруднительное. И съ финансовой стороны правительство могло приступить къ продолженію военныхъ дѣйствій или къ новому походу, лишь съ величайшей осмотрительностью [47]). Требовалось время, чтобы снова сосредоточиться. 1688 годъ прошелъ въ приготовленіяхъ къ новому походу. На притокѣ Днѣпра, Самарѣ была построена крѣпость Богородицкая. Это былъ передовой постъ, здѣсь можно было собирать войска, хранить боевые снаряды и припасы [48]), но окрестности крѣпости подвергались нападеніямъ татаръ. Въ мартѣ 1688 г. было снова уведено въ татарскій плѣнъ 60.000 русскихъ изъ пограничныхъ областей. Приходилось еще разъ готовиться къ войнѣ.

Плохо было, что нельзя было разсчитывать на поддержку Польши. Поляки также не имѣли удачи въ военныхъ дѣйствіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ опять заходили слухи о польскихъ происках въ Малороссіи; узнали, что

---

[42]) П. С. З. № 1254.—Собр. гос. гр. и дог. W. N. 186.—Устряловъ I, 210 и Соловьевъ XIV, 49. Также, у Кохена „Русск. Старина" 1878 г. II, 123.

[43]) Невилль.

[44]) Челобитня Мазепы у Устрялова I, 356.

[45]) Иверсенъ, „Медали П. В.", стр. 2.

[46]) Поссельтъ, II, 389. Записки Келлера за 18 ноября 1698 г. Шведскій же посланникъ Кохенъ слышалъ, что въ походѣ участвовало 50,000 человѣкъ („Русск. Ст." 1878 г. II, 122).

[47]) Поссельтъ.

[48]) Кохенъ полагаетъ, что крѣпость имѣла назначеніемъ воздѣйствовать на казаковъ и помѣшать ихъ союзу съ татарами. Этотъ совѣтъ будто-бы далъ Мазепа.

поляки подумыгаютъ объ отдѣльномъ мирѣ съ турками [49]). Тѣмъ большую энергію намѣревалось проявить русское правительство.

Сохранилась черновая одной грамоты, предназначенной русскому посланнику въ Польшѣ, показывающая, какъ далеко шли надежды и требованія правительства. Возницынъ долженъ былъ объявить императорскому послу въ Варшавѣ, что московскій дворъ съ удивленіемъ узналъ, что цесарь и польскій король затѣяли заключить отдѣльный миръ съ Портою, и что это будетъ безславно и недобросовѣстно. Если же они дѣйствительно желаютъ мира, то Россія предъявляетъ султану слѣдующія требованія: 1) удаленіе всѣхъ татаръ изъ Крыма въ Малую Азію и передача Крыма Россіи; 2) удаленіе всѣхъ турокъ и татаръ изъ окрестностей Азова и передача Азова русскимъ; 3) передача, или по крайней мѣрѣ, срытіе всѣхъ турецкихъ крѣпостей въ низовьяхъ Днѣпра; 4) освобожденіе всѣхъ русскихъ и малороссійскихъ плѣнниковъ; 5) возмѣщеніе военныхъ издержекъ въ размѣрѣ 2.000.000 червонцевъ [50]).

Сомнительно, чтобы въ дѣйствительности серьезно думали дѣлать Турціи подобныя предложенія. Это были такія требованія, которыя Екатерина II даже не рѣшалась поставить послѣ блестящей побѣды. Вѣроятно, этимъ желали только воздѣйствовать на цесарскую политику или на поляковъ, предъявляя такія безмѣрныя требованія. Но то обстоятельство, что такъ разсуждали вслѣдъ за неудачнымъ походомъ 1687 г. показываетъ, или что ей не придавали большаго значенія, или что надѣялись достигнуть большихъ успѣховъ во второмъ походѣ 1689 г.

Къ тому же и время казалось болѣе благопріятнымъ. Австрійцы и венеціанцы достигли ряда успѣховъ въ Венгріи, Далмаціи и Морѣ. Надежды южныхъ славянъ и другихъ балканскихъ народностей оживились. Бывшій Константинопольскій патріархъ Діонисій, потерявшій свое мѣсто за податливость Россіи въ дѣлѣ малороссійской церкви, прислалъ аѳонскаго монаха съ письмомъ къ царямъ, въ которомъ онъ сѣтовалъ, что Россія дремлетъ, тогда какъ все возстаетъ противъ антихриста. «Всѣ благочестивые, сербы и болгары, молдаване и валахи ожидаютъ вашего царствованія; не спите, возстаньте, спѣшите къ нашему спасенію». Тотъ же монахъ доставилъ письмо валахскаго государя Щербана Кантакузина, который также писалъ, что православные надѣятся черезъ помощь царей освободиться изъ рукъ фараонскихъ. Третье письмо однороднаго содержанія было отъ сербскаго патріарха. Вѣстникъ отъ себя устно добавилъ,

[49]) Записки Гордона за 8 ноября 1688 г.

[50]) Устряловъ, I, 247.

«отъ имени всѣхъ грековъ и славянъ», что со стороны Россіи тѣмъ болѣе неотложны рѣшительныя дѣйствія, что необходимо не только освободить ихъ отъ турецкаго ига, но также противодѣйствовать латинскимъ стремленіямъ Австріи и венеціанцевъ, такъ какъ католическое вліяніе очень усиливается въ Венгріи и Морѣ. Щербанъ выражалъ готовность выставить 70.000 войска, чтобы содѣйствовать дѣйствіямъ русскихъ въ Буджакѣ [51]). Онъ прямо направится въ область Дуная, всѣ народы немедленно возстанутъ, и путь къ Константинополю будетъ свободенъ. Сотни тысячъ присоединятся къ русскимъ.

Впослѣдствіи часто повторялись подобные призывы. Въ 1711 году Петръ Великій былъ близокъ отъ гибели, потому что раздѣлялъ эти же надежды. Что въ то время, когда Азовъ еще не былъ взятъ, Полтавская побѣда еще не одержана, всетаки такія надежды возлагались на могущество Россіи, свидѣтельствуетъ объ извѣстной солидарности православнаго міра. Можно поэтому и не удивляться, что московское правительство строило блестящіе планы. Богданъ Хмѣльницкій, когда соглашался на присоединеніе Малороссіи къ Московскому царству, обратилъ вниманіе на эту солидарность южнаго славянства; Юрій Крижаничъ, первый панславистъ, разработалъ эту идею научно и съ исторической и съ политической точки зрѣнія. Понятно вполнѣ, что правительство не могло относиться равнодушно къ подобнымъ приглашеніямъ.

Цари, т. е. Софья и Голицынъ, отвѣчали на эти письма, что тотчасъ послѣ завоеванія Крыма они направятся въ область Дуная [52]).

Но было еще очень далеко отъ достиженія этой ближайшей цѣли. Второй походъ былъ также неудаченъ. Въ народѣ еще до похода было замѣтно нѣкоторое раздраженіе. На жизнь Голицына было сдѣлано покушеніе; убійца былъ безъ шума схваченъ и казненъ. Однажды ночью передъ входною дверью въ домѣ князя былъ найденъ гробъ. Анонимное письмо угрожало, что если второй походъ будетъ также безуспѣшенъ, какъ и первый, то предводителя ожидаетъ гробъ [53]). Баронъ Келлеръ доносилъ своему правительству, что если новый походъ не будетъ счастливѣе перваго, то можно ожидать общаго возстанія въ государствѣ. Онъ не рѣшается довѣрить бумагѣ основаніе такого предположенія [54]). Всѣ играли крупную игру. Думали, что предстоитъ рѣшеніе Восточнаго вопроса, между

---

[51]) Степи на сѣверо-западъ отъ Чернаго моря.

[52]) Соловьевъ, XIV, 54—57. (Приложеніе).

[53]) Тамъ-же, 58. Упоминается о 300 заговорщикахъ.

[54]) Поссельтъ.

тѣмъ находились лишь наканунѣ внутренняго государственнаго переворота.

На этотъ разъ хотѣли избѣжать опасности лѣтняго зноя и потому выступили еще зимою. Весеннія оттепели затрудняли походъ и для передвиженія съѣстныхъ припасовъ и военныхъ снарядовъ приходилось преодолѣвать невѣроятныя трудности. Между тѣмъ войско двигалось дальше на югъ и за два перехода до Перекопа оно выдержало съ татарами нѣсколько стычекъ, которыя Голицынъ въ своихъ оффиціальныхъ донесеніяхъ превратилъ въ большія сраженія, окончившіяся блестящими побѣдами.

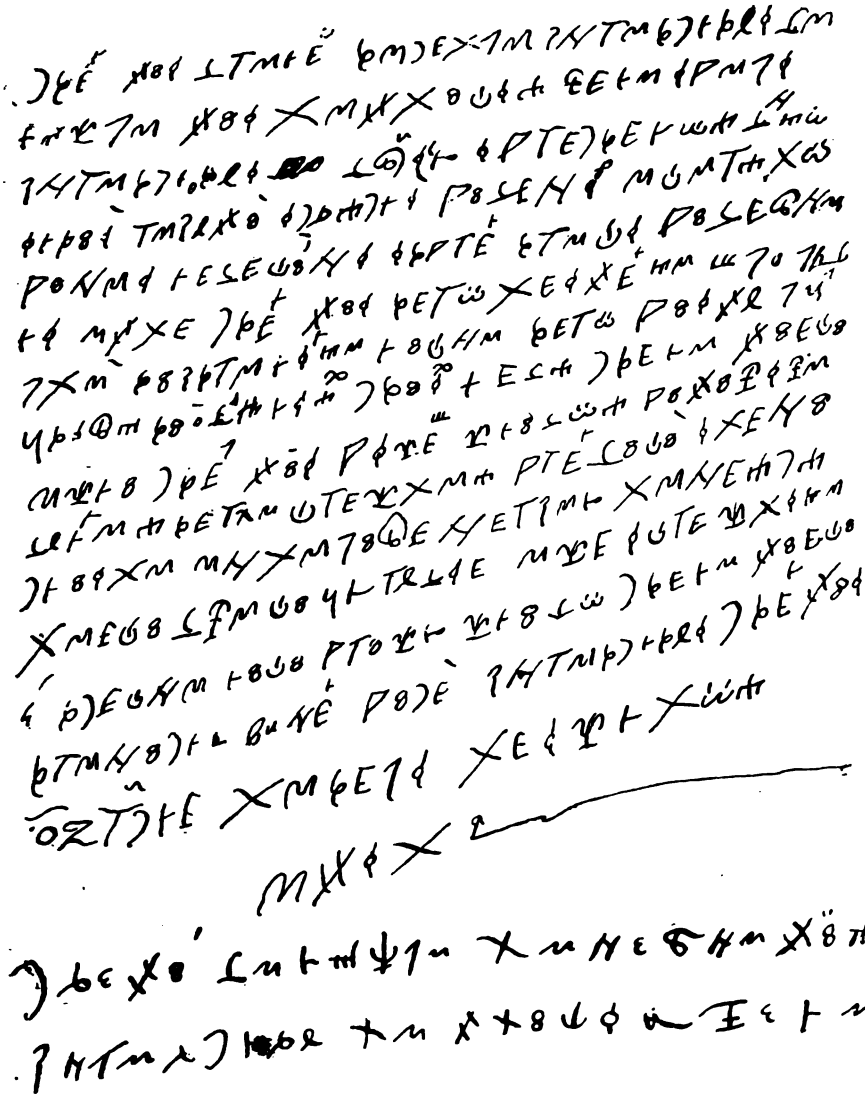
20-го мая достигли Перекопа. Напряженіе войскъ дошло до предѣла. Но и по ту сторону перешейка, сильно укрѣпленнаго и защищеннаго татарами, лежала таже безводная пустыня. Войско ожидало отъ Голицына приказа къ наступленію. Неожиданно было велѣно отступить.

Голицынъ вступилъ въ сношеніе съ ханомъ; эти переговоры не привели ни къ заключенію мира, ни даже къ перемирію, они имѣли послѣдствіемъ лишь одно отступленіе русскихъ.

Голицынъ и его товарищъ Неплюевъ въ оффиціальныхъ донесеніяхъ утверждали, что переговоры начались со стороны хана, который настойчиво просилъ мира. Но тѣ русскіе и поляки, которые въ то время находились въ татарскомъ плѣну, напротивъ того, говорили, что иниціатива переговоровъ исходила отъ Голицына. Нельзя придавать рѣшительнаго значенія ни одной изъ этихъ двухъ версій, въ виду той лживости, которою были обставлены тогдашнія, основанныя на сыскѣ, разслѣдованія. Достовѣрно только, что Голицынъ дѣйствовалъ самовластно, что опытные военноначальники, какъ Шеинъ и Мазепа, не были спрошены, что въ своихъ донесеніяхъ правительству, а также въ сообщеніяхъ, которыя дѣлались другимъ государствамъ, Голицынъ не говорилъ всей правды; не подлежитъ также сомнѣнію, что безславное стояніе Голицына у Перекопа существенно содѣйствовало его паденію. Выставленное противъ него обвиненіе, что его подкупили татары, основанное на разсказахъ недобросовѣстныхъ плѣнниковъ, лишено всякаго основанія. Вполнѣ естественно, что Голицынъ приложилъ всѣ старанія, чтобы представить военныя дѣйствія въ благопріятномъ свѣтѣ. Но эти старанія остались безплодными; даже отъ народа не скрылся позоръ этого военнаго дѣла [55]). Съ какими опасностями и поте-

[55]) Записки Посошкова, I, 286 и мое сочиненіе: „Иванъ Посошковъ". (Заграничное изданіе, Лейпцигъ 1878). Манштейнъ сообщаетъ, что Минихъ (при Аннѣ), вернулъ обратно пушки, которыя потерялъ Голицынъ въ 1689 г.

рями было сопряжено отступленіе, во время котораго татары тревожили русское войско, узнаемъ мы изъ записокъ Гордона, а также изъ письма

Два письма царевны Софьи къ князю В. В. Голицыну въ 1689 г.

къ графу Эрролю, въ которомъ дѣлается сжатое, но весьма поучительное изображеніе всего похода [56]); еще болѣе узнаемъ мы изъ писемъ Лефорта къ его родственникамъ въ Швейцаріи, въ которыхъ онъ, какъ очевидецъ

[56]) Записки, II, 259. III, 235.

и участникъ похода, между прочимъ заключаетъ: «Русскіе потеряли 35.000 человѣкъ, 20.000 убитыми и 15.000 взятыми въ плѣнъ. Было потеряно 70 пушекъ и почти всѣ боевые припасы»[57]).

Не помогали распространяемыя Голицынымъ заграницею подробныя описанія объ одержанныхъ большихъ побѣдахъ. при чемъ тысячи и тысячи татарскихъ труповъ усѣивали поля битвъ, о захваченныхъ въ плѣнъ полчищахъ[58]); не помогло и то, что правительница Софья въ своихъ ласковыхъ письмахъ къ Голицыну радовалась достигнутой имъ славѣ и сравнивала его съ Моисеемъ, который перевелъ евреевъ черезъ Красное море[59]); не помогло, что и самого полководца, и другихъ начальниковъ, и полковниковъ осыпали необычайными наградами. Обстоятельство, что большое предпріятіе вторично потерпѣло крушеніе, и что эту неудачу желаютъ скрыть цѣлою сѣтью лжи и щедрыми наградами, дало поводъ къ государственному перевороту, жертвами котораго сдѣлались Софья и Голицынъ. Такимъ образомъ исполнилось высказанное въ 1684 г. Гордономъ предположеніе, что неудача похода вызоветъ гнѣвъ сдѣлавшихся взрослыми царей.

---

[57]) Поссельтъ.—Подробности объ относящихся къ походу вопросахъ см. у Устрялова I, 215—243 и мою статью о кн. В. В. Голицынѣ въ „Русск. Обозр." 1878 года.

[58]) Памятники дипл. сношъ. X, 1374.

[59]) Устряловъ I, 237.

ГЛАВА V.

Паденіе царевны Софьи.

Въ дѣтствѣ Петръ испыталъ многія превратности судьбы. До четырехлѣтняго возраста онъ самъ и его мать занимали при дворѣ Алексѣя первое мѣсто. Въ царствованіе Ѳеодора они были отстранены. Затѣмъ въ теченіе одного мѣсяца Петръ былъ единодержавнымъ царемъ. Тутъ наступилъ переворотъ, Милославскіе одолѣли Нарышкиныхъ, слабоумный братъ Петра Иванъ сдѣланъ первымъ царемъ, онъ самъ занялъ второе мѣсто. Правила Софья и врядъ-ли она имѣла склонность передать когда-либо кормило правленія подроставшему Петру.

Роль царя Петръ фактически исполнялъ лишь на придворныхъ торжествахъ и пріемахъ иностранныхъ пословъ. Для обоихъ царей былъ изготовленъ двойной тронъ. Вся ихъ обязанность заключалась въ томъ, чтобы, сидя на тронѣ, принимать пословъ или давать какія-либо иныя аудіенціи.

До насъ дошло нѣсколько свидѣтельствъ о томъ впечатлѣніи, которое производила тогда личность молодаго Петра. Секретарь шведскаго посольства, прибывшаго въ 1683 г. въ Москву, слѣдующимъ образомъ описываетъ внѣшній видъ обоихъ царей и какъ они держались. Петръ сидѣлъ съ открытымъ, веселымъ лицомъ; онъ былъ необыкновенной красоты, «въ него можно влюбиться», — замѣчаетъ Кемпферъ,—если-бы не знать, что это не простой юноша, а царская особа. Когда цари должны были встать, чтобы спросить о здоровьѣ шведскаго короля, Ивана приподнялъ его дядька, Петръ-же, напротивъ, живо всталъ, и ему должны были замѣтить, что онъ долженъ повременить установленнымъ по церемоніалу вопросомъ, пока Иванъ не будетъ въ состояніи спросить одновременно съ Петромъ [1]).

---

[1]) См. въ соч. Аделунга о Мейербернѣ, Спб 1827, стр. 349 и 350 (описаніе путешествія Кемпфера).

Равнымъ образомъ, цесарскій посолъ Ховель, который въ 1684 г. былъ принятъ однимъ только Иваномъ, отмѣчаетъ, какое тяжкое впечатлѣніе тотъ производилъ; онъ едва могъ стоять и говорить. Въ виду болѣзненности Ивана Ховель высказалъ предположеніе, что двоецарствіе не будетъ продолжительно [2]). Въ восторгѣ отъ бодрости ребенка-Петра былъ также и врачъ Рингюберъ, имѣвшій аудіенцію у молодого царя; онъ хвалитъ красоту и умъ Петра и замѣчаетъ, что природа его щедро надѣлила [3]).

Весьма естественно, что когда (въ 1684 г.) Гордонъ долженъ былъ получить аудіенцію у царей, онъ ждалъ, чтобы болѣвшій корью Петръ поправился, чтобы не быть принятымъ однимъ только Иваномъ. Когда-же всетаки пріемъ состоялся только у Ивана, то царь показался ему совершенно измученнымъ и не проронилъ ни одного слова [4]). Болѣзнь Петра вызвала сочувствіе иностранцевъ. Баронъ Келлеръ говоритъ, что въ иностранныхъ кружкахъ по поводу выздоровленія Петра царствовала общая радость; чтобы выразить эту радость, были устроены празднества и пиры, на которые приглашались князь Голицынъ и другіе русскіе вельможи [5]). О Петрѣ Келлеръ часто упоминаетъ въ своихъ донесеніяхъ; онъ сообщаетъ, напримѣръ, что младшій царь живетъ преимущественно въ деревнѣ, гдѣ предается играмъ и забавамъ, что взаимныя отношенія братьевъ прекрасны и т. п. [6]). Восторженно пишетъ Келлеръ о Петрѣ и въ 1685 г. «Молодому царю пошелъ теперь тринадцатый годъ, вся его личность развивается вполнѣ успѣшно и счастливо; онъ большого роста и очень стройный; еще замѣтнѣе развивается онъ умственно, такъ что пріобрѣтаетъ любовь и расположеніе каждаго. Его симпатіи направлены на военное дѣло, такъ что ко времени его совершеннолѣтія можно ожидать отъ него большую храбрость и геройскіе подвиги; когда-нибудь кровавымъ набѣгамъ крымскихъ татаръ имъ будетъ положенъ предѣлъ; въ этой-же цѣли были направлены всѣ благородныя стремленія предковъ юнаго царя [7]).

О солдатскихъ играхъ Петра во время правленія Софьи до насъ дошло нѣсколько извѣстій неодинаковой достовѣрности. Меньше всего вни-

---

[2]) Аделунгъ, Uebersicht der Reisenden in Russland, II, 371. Czarus Ioannes ein ganz ungesunder blinder Herr welchem die Haut gar über die Augen gewachsen...“

[3]) Тамъ-же. „Relation du voyage de Rinhuber“, 229.

[4]) Записки Гордона, II, 11.

[5]) Поссельтъ, Лефортъ, I, 410.

[6]) Тамъ-же. 406.

[7]) Тамъ-же, 409

манія заслуживаютъ анекдоты, что устройство потѣшныхъ полковъ, послужившихъ зерномъ всей воинской реформы въ Россіи, должно быть приписано тѣсной дружбѣ съ швейцарцемъ Лефортомъ. Вслѣдствіе изслѣдованій Устрялова и Поссельта не подлежитъ больше сомнѣнію, что Петръ впервые познакомился съ Лефортомъ уже послѣ государственнаго переворота 1689 г. Вопросъ, когда возникали потѣшные полки, въ 1682, въ 1683 или же въ 1687 г., подвергался неоднократному обсужденію, но самъ по себѣ не можетъ имѣть общаго существеннаго значенія [8]). Мы уже видѣли (въ главѣ о дѣтствѣ Петра), что военныя игры и подарки оружія продолжались и послѣ 1682 г. Тутъ были знамена, копья, деревянныя пушки, барабаны и сабли. Въ дворцовыхъ записяхъ сохранились и имена лицъ, подносившихъ эти предметы: это все лица, занявшія впослѣдствіи первыя мѣста: Стрѣшневъ, Головкинъ, Шереметьевъ, Борисъ Голицынъ, Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ; въ томъ числѣ и нѣмецкій офицеръ Симонъ Зоммеръ, который въ 1682 г. поступилъ на русскую службу, а 30 мая 1683 г., въ годовщину рожденія Петра устроившій нѣчто вродѣ маневровъ [9]).

Сохранились также имена нѣкоторыхъ товарищей Петра въ это время, но изъ нихъ прославился только одинъ: Меньшиковъ [10]).

Въ 1687 году эти солдатскія игры приняли большіе размѣры. Число молодыхъ людей, принимавшихъ участіе въ военныхъ забавахъ Петра, значительно возросло. Маневры устраивались постоянно то въ Преображенскомъ, то въ Семеновскомъ, то въ с. Воробьевѣ. Это есть начало русской гвардіи. Еще до сихъ поръ сохранились слѣды небольшаго укрѣпленія, носившаго названіе Пресбургъ, на опушкѣ Сокольничьей рощи у Преображенскаго [11]). Въ слѣдующемъ году Петръ приступаетъ къ преобразованію своихъ потѣшныхъ войскъ въ настоящіе полки. Гордонъ долженъ, по его приказу, отдѣлять отъ своего полка то солдатъ, то барабанщиковъ или горнистовъ, при этомъ Гордонъ отмѣчаетъ характерный фактъ, что кн. Василій Голицынъ остался очень недоволенъ, что онъ безъ вѣдома боярина исполнялъ желаніе молодого Петра. Гордонъ сознавалъ, какую принимаетъ на себя отвѣтственность, но черезъ нѣсколько дней опять отсылаетъ въ Преображенское солдатъ и барабанщиковъ, хотя, добавляетъ онъ, «съ

[8]) Устряловъ, I, 23—25 и 327—331.—Погодинъ, стр. 149—181.

[9]) Погодинъ, 100 и новѣйшія статьи въ „Русск. Старинѣ", т. XXXVIII и въ „Русск. Архивѣ", 20 годъ.

[10]) Поссельтъ, 406.—Изслѣдованіе ген. Рача, разработавшаго первымъ данныя о „потѣшныхъ полкахъ".

[11]) Тамъ-же, 412.

большимъ неудовольствіемъ». Софья и Голицынъ еще не переставали царствовать, и размолвка ихъ съ молодымъ царемъ была хорошо извѣстна. 9 октября 1688 года Гордонъ производилъ ученіе своему полку и отобралъ 20 горнистовъ и 30 молодыхъ барабанщиковъ; ихъ онъ предполагалъ обучить особенно старательно; вѣроятно, они также предназначались въ Преображенское. 13 ноября Петру понадобились всѣ барабанщики изъ полка Гордона и, кромѣ того, десять солдатъ [12]). Изъ этихъ данныхъ видно, что военныя забавы Петра получили извѣстное значеніе и начинали возбуждать общее вниманіе. Достойно упоминанія, что Петру потребовалась помощь и руководительство иностранцевъ. Полковникомъ Преображенскаго потѣшнаго полка былъ назначенъ лифляндецъ фонъ-Менгденъ. Царскимъ врачемъ въ это время былъ голландецъ Ванъ-деръ-Гульстъ.

Впослѣдствіи Петръ самъ сообщаетъ въ введеніи къ составленному имъ Морскому регламенту о томъ, какъ въ одномъ изъ сараевъ въ Измайловскомъ, въ которомъ сохранялись нѣкоторые предметы; принадлежавшіе боярину Никитѣ Романову [13]), онъ нашелъ англійскій ботъ, какъ черезъ посредство голландца Франца Тиммермана, онъ познакомился съ прежнимъ корабельнымъ мастеромъ Карстеномъ Брантомъ, и какъ этотъ послѣдній обучилъ его мореходному дѣлу сперва на Яузѣ, потомъ на Просяномъ прудѣ, затѣмъ на Кубенскомъ и, наконецъ, на Переяславскомъ озерахъ. Карстенъ Брантъ былъ приглашенъ изъ Голландіи въ царствованіе Алексѣя, чтобы построить предназначенное для плаванія по Волгѣ военное судно «Орелъ». Этотъ корабль постигла печальная участь: въ 1671 г. онъ былъ сожженъ мятежниками. Посаженное такъ зерно военнаго флота должно бы разцвѣсти двадцать лѣтъ спустя. Изъ нѣсколькихъ краткихъ записокъ Петра къ матери (1688 и 1689 гг.) мы видимъ, съ какимъ рвеніемъ предавался молодой царь мореходному дѣлу. Ему открывалась новая жизнь [14]).

О любознательности и прилежаніи Петра мы узнаемъ изъ его собственнаго разсказа объ астролябіи. Онъ слышалъ объ этомъ инструментѣ, и когда кн. Долгорукій ѣздилъ за границу, то царь попросилъ его привезти астролябію. Долгорукій привезъ нѣсколько инструментовъ, въ томъ числѣ готовальню и астролябію, но Петръ не зналъ, какъ ее примѣнять, и среди его окружающихъ не было никого, кто бы могъ его научить. Черезъ по-

---

[12]) Записки Гордона II, 227, 231, 236.—О поставкѣ военныхъ снарядовъ см. у Погодина, 112.

[13]) Двоюродный братъ царя Михаила Ѳеодоровича.

[14]) Устряловъ, II, 25—30.

средство доктора Ванъ-деръ-Гульста Петръ познакомился съ Францемъ Тиммерманомъ, который показалъ ему употребленіе астролябіи и сдѣлался учителемъ геометріи и фортификаціи и постояннымъ товарищемъ царя [15]). Такимъ образомъ Петръ проводилъ много времени среди людей изъ средняго сословія и простыхъ ремесленниковъ; онъ старался усвоить себѣ ихъ знанія и искусства. Онъ самъ съумѣлъ найти себѣ учителей. Ученіе было ограниченно и безсистемно, но недостатокъ теоретическихъ знаній и педагогическихъ пріемовъ у этихъ учителей съ избыткомъ восполнялся способностями и трудолюбіемъ молодого царя. Это доказывается, между прочимъ, и ученическими тетрадями Петра, въ которыхъ рѣшались разныя ариѳметическія и геометрическія задачи. Зато орфографія была чудовищная. Впрочемъ, это вполнѣ понятно. Петръ только 16-ти лѣтъ выучилъ четыре правила ариѳметики. Общее образованіе было самое поверхностное, и многія ошибки учителей естественно повторялись ученикомъ. Затѣмъ начинается рядъ иностранныхъ словъ, которыя, какъ бы то ни было, но должны были быть приноровлены къ русскому языку и которыя у Петра играютъ такую большую роль. Быстро переходитъ Петръ отъ ариѳметики къ геометріи, отъ геометріи къ баллистикѣ [16]). Если принять во вниманіе качества учителей Петра, то нельзя, въ нѣкоторомъ отношеніи, не признать его самоучкою.

При молодомъ царѣ князь Борисъ Голицынъ, двоюродный брата князя Василія Васильевича, занялъ какъ бы мѣсто гофмейстера. Баронъ Келлеръ въ 1686 г. называетъ его «довѣреннымъ совѣтникомъ и другомъ» Петра [17]). Онъ принадлежалъ къ тѣмъ немногочисленнымъ русскимъ, которые были въ оживленныхъ сношеніяхъ съ иностранцами, часто посѣщали Нѣмецкую слободу и знали языки. Келлеръ, Гордонъ, Лефортъ благопріятно отзываются о немъ; они знали его ближе, чѣмъ Невилль, который въ своемъ увлеченіи соправителемъ Софьи, выставляетъ его приближеннаго къ Петру родственника человѣкомъ безъ тонкаго образованія и умственныхъ потребностей. Онъ называетъ его пьяницею. Между тѣмъ Борисъ Голицынъ пригласилъ къ своимъ дѣтямъ польскаго учителя, съ которымъ, однако, онъ обходился очень сурово [18]). Въ своемъ домѣ онъ держалъ польскихъ музыкантовъ. Ему посвящена грамматика русскаго языка, изданная въ 1596 г. въ Оксфордѣ, въ предисловіи которой авторъ обращается къ князю, какъ

[15]) Тамъ-же, 398; собственноручныя тетради Петра.
[16]) Тамъ-же, II, 18, 434 и сл.
[17]) Поссельтъ, Лефортъ I, 472.
[18]) Korb, Diarium itinerіs etc. стр. 65.

къ хорошему знатоку латинскаго языка. Въ своихъ письмахъ къ Петру, Борисъ Голицынъ часто вставляетъ латинскія фразы. По образованію и знаніямъ онъ не выдерживаетъ сравненія со своимъ властнымъ двоюроднымъ братомъ, но молодому царю онъ принесъ не мало дѣйствительной пользы. Онъ былъ близокъ съ молодымъ Матвѣевымъ, съ датскимъ посланникомъ Бутенотъ-Розенбушемъ и другими лицами, принадлежащими къ лучшему обществу. Но что при всемъ томъ онъ любилъ попойки, также не подлежитъ сомнѣнію. Важно собственно то, что онъ также могъ быть посредникомъ между молодымъ царемъ и кружкомъ иностранцевъ, которые собственно и были учителями Петра.

О матери Петра за это время мы узнаемъ только, что она съ неудовольствіемъ смотрѣла на водяныя прогулки сына [19]) и съ нѣкоторою горечью отзывалась про обращеніе съ нею царевны Софьи.

Петру еще не было 17 лѣтъ, когда онъ женился на Евдокіи Лопухиной [20]). Свадьба состоялась 27 января 1689 года. Это не былъ бракъ по любви, и онъ не былъ счастливъ.

Правительница Софья не могла не замѣчать, что ея братъ Петръ подростаетъ. Въ то время какъ Иванъ, также женившійся [21]), продолжалъ оставаться неразвитымъ, Петръ, наоборотъ, казался скоро совершенно готовымъ къ принятію правленія. Она задумала, какъ бы обратить двоецарствіе въ троецарствіе, т. е. самой сдѣлаться царицею. Тотчасъ послѣ заключенія «вѣчнаго» мира съ Польшею, она приняла титулъ «самодержицы» [22]). Съ этого времени всѣ государственные акты носятъ новый титулъ царевны. Это было своего рода государственнымъ переворотомъ, уменьшеніемъ законной власти братьевъ Софьи. Дѣло возбудило толки. Баронъ Келлеръ не оставляетъ этого событія безъ коментарія и замѣчаетъ: «Очень сомнительно, чтобы молодой царь, когда онъ достигнетъ совершеннолѣтія, благопріятно отнесся бы къ этому поступку [23]). Какъ отнесся самъ Петръ, намъ неизвѣстно, но мы узнаемъ взгляды его окружающихъ. Вдовствующей царицѣ

---

[19]) См. письмо Петра у Устрялова II, 29.

[20]) Евдокія Ѳеодоровна Лопухина, дочь окольничьяго Ѳеодора Абрамовича. *Прим. ред.*

[21]) Прасковья Ѳеодоровна, изъ рода Салтыковыхъ. Свадьба была 9-го января 1684 г. *Прим. ред.*

[22]) П. С. З. II, № 1187.

[23]) Донесенія Кемпера у Поссельта I, 410.

приписываются слова: «Для чего учала она писаться съ великими государями обще? У насъ люди есть и того дѣла не покинутъ» [24]).

Постепенно волненіе отъ захвата Софьи затихло. Но она пошла еще дальше. Вопреки обычаю и своимъ правамъ въ качествѣ правительницы, появилась Софья 19 мая 1686 года на одномъ церковномъ торжествѣ [25]) открыто рядомъ съ братьями-царями. Такое явленіе повторялось затѣмъ неоднократно.

Царица Евдокія, первая супруга Петра Великаго. (Съ оригин., хранящагося въ Романовской галлереѣ Зимняго дворца).

До насъ дошли свѣдѣнія о различныхъ проявленіяхъ неудовольствія при Преображенскомъ дворѣ по поводу дѣйствій Софьи. Дядя Петра, Левъ Нарышкинъ, и князь Борисъ Голицынъ сильно порицали царевну. Приближенные Софьи пришли отъ этого въ нѣкоторое волненіе. Шакловитый высказалъ предположеніе, что лучше прикончить царицу-мать. Даже князь Василій Голицынъ, о которомъ почти ничего неизвѣстно, какъ онъ держался въ эти дни, выразилъ сожалѣніе, что вдовствующую царицу не уходили въ 1682 г. одновременно съ ея братьями Иваномъ и Аѳанасіемъ Нарышкинами [26]). Непріязнь разразилась, и Шакловитый рѣшился къ энер-

[24]) Устряловъ, II, 36.

[25]) Канунъ дня обрѣтенія мощей св. митрополита Алексѣя митр. моск. *Прим. ред.*

[26]) Тамъ-же II, 37. Голицынъ употребилъ именно эти слова.

*

гическимъ дѣйствіямъ. Онъ собственноручно пыталъ одного придворнаго служителя, который сѣтовалъ, что Петръ участвуетъ только по имени, и что никто не можетъ непосредственно къ нему обращаться. И другихъ лицъ, которыхъ считали приверженцами Петра, втихомолку подвергали пыткамъ и истязаніямъ [27]).

Снова начались сношенія царевны съ стрѣльцами. Въ 1689 г. изъ допроса многихъ стрѣльцовъ въ Троицкомъ посадѣ, между прочимъ выяснилось, что въ августѣ 1687 г. Софья поручила Шакловитому освѣдомиться у стрѣльцовъ, какъ они отнесутся, если она сама вѣнчается на царство. Если бы отвѣтъ послѣдовалъ благопріятный, то вѣнчаться она собиралась уже 1 сентября.

Отвѣтъ не былъ безусловно благопріятенъ. Софья сама содѣйствовала тому, что оружіе, которымъ она пользовалась въ маѣ 1682 года, отупѣло. Послѣ іюльскихъ событій того же года, стрѣльцы присмирѣли. Они уклонились отъ инициативы въ столь важномъ дѣлѣ и отказались подать царевнѣ челобитню, чтобы она вѣнчалась на царство. Была сдѣлана попытка повліять на нихъ деньгами, пустили слухъ, что Софьѣ угрожаетъ опасность; старались распространить, что Наталья Кирилловна и ея родственники съ Борисомъ Голицынымъ, а также съ патріархомъ замышляютъ на правительницу; слѣдовало пресѣчь эти происки, предать смерти виновныхъ. Пошли еще дальше, чтобы возбудить стрѣльцовъ и побудить ихъ къ дѣйствію. Одинъ изъ приближенныхъ Шакловитаго, изображая собою брата вдовствующей царицы Льва Нарышкина, въ обществѣ нѣсколькихъ товарищей, оскорблялъ по ночамъ стрѣльцовъ, при чемъ говорилъ, что это въ отместку за убійство въ 1682 г. его братьевъ. Это происходило въ іюнѣ 1688 г. Всѣми способами подстрекалась ненависть къ царицѣ-матери. Не столько Петръ, сколько его мать была предметомъ заговора. Впрочемъ, и на жизнь Петра были покушенія въ августѣ 1688 г. Одинъ стрѣлецъ 1689 г. сознался, что Шакловитый уговаривалъ его положить въ сани къ царю ручную гранату и т. п. [28]).

Таковы обстоятельства, какъ они выяснились изъ процесса 1689 г. Въ большинствѣ обвиненій Шакловитый сознался; онъ только отрицалъ, что самъ замышлялъ на жизнь царя. ... подлежитъ сомнѣнію, что не

---

[27]) Устряловъ I, 37. (Процессъ Шакловитаго).

[28]) Устряловъ и Соловьевъ склонны придавать вѣру этимъ заявленіямъ, Аристовъ отрицаетъ вину царевны. Возстановить положеніе вещей невозможно. Нѣкоторое значеніе имѣетъ и свидѣтельство Циклера (1697 г.), что въ 1687 году царевна Софья хотѣла умертвить Петра. См. Соловьева, XIV, 248.

столько устраненіе Петра, сколько нѣкоторыхъ его родственниковъ было цѣлью приверженцевъ Софьи.

Относительно честолюбивыхъ плановъ послѣдней не можетъ быть никакого сомнѣнія. Она велѣла заготовить свой портретъ, при чемъ въ подписи была названа полнымъ титуломъ самодержицы. Медвѣдевъ сочинилъ стихи, прославлявшіе Софью. Снимки съ этого портрета на атласѣ и бумагѣ были розданы многимъ лицамъ. Одинъ снимокъ былъ посланъ амстердамскому бургомистру Николаю Витсену съ просьбою отпечатать его съ нѣмецкими и латинскими стихами. Витсенъ сдѣлалъ болѣе сотни оттисковъ [29]). Обо всѣхъ этихъ происшествіяхъ въ болѣе отдаленныхъ отъ двора кружкахъ могли знать очень мало. Все-таки Гордонъ, напр., свидѣтельствуетъ о разногласіи между «партіями». Онъ разсказываетъ, что Петръ призвалъ къ себѣ одного подъячаго и разспрашивалъ его о какихъ-то дѣлахъ, но «это обстоятельство не было благосклонно принято другою партіею» [30]). Характеренъ слѣдующій случай: Петръ отправился 23 ноября въ монастырь на богомолье и 27 вернулся обратно; два дня спустя туда-же отправилась Софья съ царемъ Иваномъ [31]). Поѣхать всѣмъ троимъ вмѣстѣ было невозможно.

Иностранцы ожидали, что Петръ скоро приметъ дѣятельное участіе въ управленіи. Келлеръ пишетъ 13 іюля 1688 г.: «Молодой царь начинаетъ обращать на себя усиленное вниманіе; развитіе его ума и знаній военнаго дѣла идетъ столь же успѣшно, какъ и тѣлесное; своимъ ростомъ онъ превосходитъ всѣхъ придворныхъ. Говорятъ, что молодой царь будетъ вскорѣ допущенъ къ проявленію своей царской власти. Когда наступитъ эта перемѣна въ государствѣ, многому будетъ придано иное теченіе» [32]).

До этой поры Петръ еще не принималъ никакого участія въ государственныхъ дѣлахъ. Хотя онъ уже въ январѣ 1688 г. однажды участвовалъ въ засѣданіи думы, но это обстоятельство не можетъ быть

---

[29]) Устряловъ, II. 47 и Аристовъ. 2. Интересныя подробности въ статьяхъ „Москвитянина" 1848 г. X. 85, и въ „Русскомъ Словѣ" за 1859 г. кн. 12.- О портретѣ Софьи масляными красками, писанномъ голландскимъ художникомъ Блонтелингомъ, изобразившимъ ее съ скипетромъ и въ коронѣ, см. у Sadler. (Петръ Великій, какъ человѣкъ и правитель). Рѣдкость мѣдной гравюры объясняется тѣмъ, что Петръ уничтожалъ ее, гдѣ только находилъ.

[30]) Гордонъ, II, 229 (кн. Василій Голицынъ и большинство этой „партіи" были...).

[31]) Тамъ-же, 237 и 238.

[32]) Поссельтъ, I, 415.

принято въ разсчетъ [33]). Его больше всего интересовали военныя игры и прогулки по водѣ. Относиться къ захватамъ своей единокровной сестры онъ могъ только съ неудовольствіемъ. Рано или поздно, но должно было произойти столкновеніе. Троецарствіе было невозможно на продолжительное время.

Мы имѣемъ свѣдѣнія, что такое оригинальное государственное устройство вызываетъ въ Западной Европѣ общее удивленіе. Когда русскій дипломатъ Волковъ разсказывалъ въ Венеціи, что Софья царствовала вмѣстѣ съ своими братьями, то одинъ сенаторъ на это замѣтилъ, что и дожъ, и весь совѣтъ венеціанскій выражали удивленіе, что подданные служатъ тремъ царямъ. Волковъ отвѣчалъ, что подданные послушно исполняютъ повелѣнія трехъ царствующихъ лицъ [34]). При этомъ надо было предположить, что распоряженія всѣхъ троихъ другъ другу не противорѣчатъ. Подобный случай долженъ былъ вскорѣ наступить.

Во время неудачи второго крымскаго похода между Софьей и Петромъ возникло столкновеніе. Ссора могла далеко пойти. Подъ 29 іюня 1689 г. Гордонъ отмѣтилъ, что этотъ день, день тезоименитства Петра, не былъ ничѣмъ отпразднованъ возвратившимся изъ Крыма войскомъ [35]).

8 іюля, въ день Казанской Божьей Матери, долженъ былъ быть крестный ходъ. Петръ потребовалъ, чтобы Софья не принимала въ немъ участія; она же взяла икону и присоединилась къ крестному ходу; Петръ въ страшномъ негодованіи покинулъ свое мѣста и уѣхалъ въ Преображенское. Нельзя было ожидать ничего хорошаго. Когда двѣ недѣли спустя ожидался пріѣздъ Петра въ Москву, чтобы поздравить его тетку царевну Анну Михаиловну съ днемъ ангела, Софья велѣла поставить вооруженную стражу въ 50 человѣкъ, чтобы оградиться отъ возможной выходки Петра.

Вслѣдъ затѣмъ Петру представился случай заявить свое особое мнѣніе. Голицынъ и прочіе военноначальники вернулись изъ похода и под-

---

[33]) Объ этомъ у Келлера и у Гордона.—Кохенъ свидѣтельствуетъ, что уже въ концѣ 1687 г. Голицыну было приказано сообщать молодому царю о всѣхъ наиболѣе важныхъ рѣшеніяхъ.—Въ началѣ 1688 г. распространился слухъ, что Петръ ночью секретно разсматривалъ нѣкоторые приказы. (См. „Русск. Стар." 1878 г. II, 124). Кохенъ полагалъ, что лица, окружающія Петра, вскорѣ примутъ дѣятельное участіе въ управленіи, что его дядя будетъ сдѣланъ боярином и т. п.

[34]) Соловьевъ. XIV, 118. (Приложеніе). — Шлейзингъ (Anatomia Russiae Deformatae) еще въ 1688 г. предвидѣлъ переворотъ 1689 г.

[35]) Гордонъ, II, 263

лежали награжденію. Петръ отказался дать на это свое согласіе. Тѣмъ не менѣе награды были выданы и очень большія. Когда же всѣ награжденные офицеры явились въ Преображенское, чтобы принести царю выраженіе своей благодарности, то они не были приняты. Гордонъ, одинъ изъ награжденныхъ, пишетъ, что всѣ хорошо знали, что согласіе царя было, наконецъ, вырвано, но съ величайшимъ трудомъ. Это еще больше возстановило Петра противъ Голицына и прочихъ совѣтниковъ «другой партіи». Гордонъ пишетъ: «теперь я ясно усмотрѣлъ открытый разрывъ, который, вѣроятно, приведетъ къ большому столкновенію. Все было, по возможности, скрыто, но всѣ знали, въ чемъ дѣло». Подъ 31 іюля Гордонъ пишетъ, что вражда и раздраженіе все усиливаются и, кажется, что они вскорѣ приведутъ къ кризису; 6 августа онъ отмѣчаетъ, что ходятъ слухи, которыхъ нельзя повторять безъ опасности. Вслѣдъ затѣмъ случилась катастрофа [36]).

Было два двора, два лагеря. Москва и Преображенское стояли другъ противъ друга. Обѣ партіи ожидали нападенія со стороны противника; обѣимъ можно было ожидать другъ отъ друга всего худшаго, обѣ взаимно обвиняли другъ друга въ самыхъ ужасныхъ замыслахъ.

Побѣдила партія Петра. Побѣжденные явились подсудимыми. Порядокъ судопроизводства того времени, особенно если судились преступленія политическія, исключаетъ всякую возможность принимать показанія подвергаемыхъ пыткѣ вполнѣ совпадающими съ дѣйствительностью [37]). Поэтому, мы не склонны придавать большой вѣры слѣдственнымъ документамъ, являющимся почти исключительнымъ источникомъ для матеріаловъ. Было сдѣлано много попытокъ съ полною точностью воспроизвести всѣ покушенія, направленныя противъ Петра, его родственниковъ и приверженцевъ, но мы отказываемся этимъ способомъ опредѣлить степень виновности Софьи, Шакловитаго и другихъ противниковъ партіи молодого царя. Изъ слѣдственныхъ дѣлъ, каждый непредупрежденный въ состояніи заключить, что о покушеніи на жизнь Петра почти не можетъ быть и рѣчи, что вся дѣятельность Шакловитаго направлена противъ матери и дяди Петра, а также противъ Бориса Голицына, что въ Москвѣ не разъ случалось возбуждать стрѣльцовъ противъ преображенской пар-

---

[36]) Тамъ-же, 267.

[37]) Собственно занялся этимъ Устряловъ, а также Соловьевъ.—Аристовъ справедливо осуждаетъ подобное отсутствіе критическаго анализа, но и ребенокъ будетъ смѣяться надъ тѣмъ, что самъ онъ отрицаетъ всякую виновность Софьи и Голицына.

тіи, но безуспѣшно, такъ какъ распространяемые по Москвѣ слухи о покушеніяхъ преображенцевъ на жизнь царя Ивана, царевны, Василія Голицына, не измѣнили настроенія стрѣльцовъ.

Обѣ партіи соблюдали выжидательное, нерѣшительное положеніе. Другъ друга осыпали бранью, другъ друга обвиняли, другъ друга боялись. Ожесточеніе и ненависть усиливались. Ежеминутно могло разразиться кровопролитіе. Царевну поддерживали стрѣльцы, молодого царя его потѣшные полки. Допустить настоящій бой партія Петра не могла. Когда дѣло къ этому близилось, она отступала и очистила поле битвы.

7 августа стрѣльцы густыми толпами собрались въ Кремлѣ. Мы не можемъ съ достовѣрностью сказать, что это послѣдовало съ опредѣленною цѣлью напасть на Преображенское. Но не невѣроятно, что Софья находила нужнымъ защититься отъ возможнаго нападенія потѣшныхъ полковъ. На вопросъ Петра, поставленный два дня спустя, зачѣмъ царевна собрала такъ много войска, послѣдовалъ отвѣтъ Софьи, что она собралась на богомолье и желала имѣть около себя стрѣлецкую стражу [38]).

Собраніе стрѣльцовъ 7 августа послужило причиной къ окончательному разрыву. Ночью въ Преображенское явились преданные Петру стрѣльцы и другія лица и сообщили, что замышляется покушеніе на его жизнь или, по крайней мѣрѣ, на жизнь его родственниковъ Нарышкиныхъ [39]). Петра разбудили, онъ былъ очень напуганъ. Совершенно безпристрастный и хорошо освѣдомленный Гордонъ пишетъ: «Какъ только царь объ этомъ узналъ, онъ вскочилъ съ постели и поспѣшно, не надѣвъ даже обуви, бросился въ конюшню. Здѣсь ему осѣдлали лошадь, и онъ отправился въ ближайшій лѣсъ, куда ему уже принесли одежды. Наскоро одѣвшись, онъ поспѣшилъ въ сопровожденіи всѣхъ, кто былъ готовъ, въ Троицкій монастырь, куда онъ прибылъ 8 августа, въ 6 часовъ утра, очень утомленный. Его отвели въ особую комнату, и онъ бросился на постель, залился слезами, разсказалъ настоятелю всѣ обстоятельства и просилъ защиты и помощи. Его собственная стража и придворные прибывали въ теченіе дня, а въ слѣдующую ночь были уже получены вѣсти изъ самой Москвы. Неожиданный отъѣздъ царя произвелъ въ Москвѣ большое впечатлѣніе и волненіе, хотя это дѣло старались хранить въ тайнѣ или представлять, какъ не имѣющее значенія.

Петръ не держалъ себя героемъ. Мы видимъ, что онъ заботится

---

[38]) Записки Гордона, II, 268.

[39]) Устряловъ, II, 58.—О томъ, что и другія лица, кромѣ стрѣльцовъ, отправились въ Лавру, говоритъ Гордонъ, (тамъ-же).

лишь о собственномъ спасеніи; въ первую минуту онъ и не подумалъ о своихъ родственникахъ. Временно онъ былъ въ безопасности: Троицкій монастырь было легко отстоять; въ немъ же, еще въ 1682 г. правительница искала спасенія, въ предвидѣніи опасности отъ военной диктатуры Хованскаго и втораго стрѣлецкаго бунта.

Теперь было два правительственныхъ центра, двѣ высшихъ власти. Скоро должно было рѣшиться, кто будетъ признанъ настоящею государственною властью: правительница съ царемъ Иваномъ въ Москвѣ, или же Петръ въ Троицѣ. Ожиданіе продолжалось нѣсколько недѣль, съ начала августа до половины сентября, но уже вскорѣ по прибытіи Петра въ Троицкій монастырь, его перевѣсъ явственно проявился. Его главнымъ совѣтникомъ въ эти дни былъ князь Борисъ Голицынъ [40]). Разсчетливые люди тотчасъ сообразили, что Петру принадлежитъ будущность, какъ это видно изъ слѣдующаго случая. Одинъ изъ выдающихся полковниковъ стрѣлецкихъ, часто служившій послушнымъ орудіемъ Софьи, Циклеръ, съумѣлъ добиться полученія въ Москвѣ приказа Петра, чтобы онъ съ 50 стрѣльцами немедленно прибылъ въ Троицкій монастырь. «Послѣ нѣкоторыхъ колебаній и совѣщаній», какъ пишетъ Гордонъ, Циклера отпустили. Въ лаврѣ онъ сдѣлалъ важныя сообщенія относительно истинныхъ или предполагаемыхъ замысловъ царевны и ея приверженцевъ [41]). Что именно онъ разсказывалъ и даже изложилъ въ особой запискѣ, мы не знаемъ. Очевидно, что Петръ могъ многое отъ него узнать, но, съ другой стороны, перебѣжчикъ, измѣнникъ, бывшій сторонникъ Софьи, одинъ изъ ея главныхъ помощниковъ въ стрѣлецкомъ бунтѣ 1682 года, а теперь перешедшій на сторону Петра, на жизнь котораго онъ покушался нѣсколько лѣтъ спустя, конечно не могъ заслуживать довѣрія въ своемъ изложеніи намѣреній Софьи и Шакловитаго, такъ какъ легко могъ перемѣшать истину съ ложью, дѣйствительное съ вымысломъ [42]).

Въ Москвѣ продолжали держаться, какъ бы не придавая никакого значенія бѣгству Петра въ Троицкій монастырь. Шакловитый презрительно замѣтилъ: «Вольно же ему взбѣсяся бѣгать». Но правительница считала болѣе осторожнымъ вступить въ переговоры съ братомъ. Съ цѣлью войти

[40]) Едва ли слѣдуетъ упомянуть, что разсѣянные въ цѣломъ рядѣ книгъ разсказы о заслугахъ Лефорта въ этихъ обстоятельствахъ ни на чемъ рѣшительно не основаны.

[41]) Гордонъ, II, 269.

[42]) По словамъ Гордона, Циклеръ написалъ, что онъ получилъ отъ Софьи указы и грамоты, для распространенія ихъ между стрѣльцами. Но въ дѣлѣ о производственныхъ бумагахъ письменнаго показанія Циклера не найдено.

въ сношенія съ противною партіею она послѣдовательно посылала въ лавру нѣсколькихъ лицъ: боярина Троекурова, князя Прозоровскаго, наконецъ, патріарха.

Тѣмъ временемъ въ Троицу приходили изъ Москвы разные слухи, правильные и ложные, относительно предположенія партіи Софьи и изъ Троицы былъ полученъ въ Москвѣ приказъ: послать къ царю Петру стрѣльцовъ и другія войска. Софья призвала всѣхъ полковниковъ и рѣшительно запретила имъ отправляться въ лавру или вмѣшиваться въ ея распри съ братомъ. Полковники были въ ложномъ положеніи. Кого слушаться? Петръ вѣдь былъ такой же царь, какъ и Иванъ! Можно ли было пренебречь приказаніями Петра? На эти выраженныя полковниками сомнѣнія, Софья явилась къ нимъ сама и рѣшительно заявила: кто осмѣлится идти въ Троицу, тому она велитъ отрубить голову. Также и Гордонъ, наиболѣе выдающійся изъ иностранныхъ военныхъ начальниковъ, получилъ отъ кн. Василія Голицына строгій приказъ, ни подъ видомъ и ни по чьему приказу не отлучаться изъ Москвы.

Петръ повторилъ приказъ немедленно послать войска изъ Москвы. Но въ столицѣ распустили слухъ, что этотъ приказъ царя въ дѣйствительности послѣдовалъ противъ его воли. Очевидно, желали успокоить совѣсть солдатъ [43]).

Хотя до самаго конца августа изъ находившихся въ Москвѣ войскъ, не смотря на царскій приказъ, лишь самое незначительное число лицъ отправилось въ Троицу, тѣмъ не менѣе въ столицѣ всѣ испытывали ощущенія, будто находились на утопающемъ кораблѣ. Патріархъ, отправившійся въ лавру по порученію царевны для мирныхъ переговоровъ, призналъ за лучшее тамъ остаться. Въ немъ Петръ пріобрѣталъ вѣрнаго союзника. Подобные переходы изъ лагеря Софьи должны были производить впечатлѣніе на общественное мнѣніе.

27 августа нѣкоторые стрѣлецкіе полковники съ нѣсколькими сотнями стрѣльцовъ рѣшили послѣдовать приказу Петра и идти въ Троицу. Между ними также оказались такіе, которые о прежнихъ дѣйствіяхъ и будущихъ планахъ Софьи, Шакловитаго и князя Голицына давали тамъ свои показанія. По совѣту кн. Василія Голицына въ лавру было также отправлено нѣсколько преданныхъ Софьѣ стрѣльцовъ, чтобы побудить другихъ вернуться въ Москву. Все это не имѣло никакого успѣха.

Софья отдавала себѣ отчетъ, что ея положеніе ухудшается, и рѣши-

---

[43]) Гордонъ, II, 270 и 271.

лась сама ѣхать въ Троицкую лавру, чтобы войти съ Петромъ въ непосредственныя личныя сношенія. Но и это средство не удалось. На пути она черезъ посланнаго гонца получила приказаніе вернуться обратно въ Москву [44]). При этомъ была даже сдѣлана угроза, что если она ослушается, то съ нею поступлено будетъ очень строго [45]).

Вслѣдъ за возвращеніемъ Софьи въ Москву, прибылъ новый посланный [46]) отъ Петра, который потребовалъ выдачи Шакловитаго, Медвѣдева и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, изъ наиболѣе приближенныхъ къ правительницѣ. Медвѣдевъ поспѣшилъ бѣжать изъ столицы, стремясь перейти польскую границу; другіе попрятались въ самой Москвѣ; Шакловитый также сдѣлалъ всѣ приготовленія къ бѣгству; у задняго крыльца кремлевскаго дворца для него стояла осѣдланная лошадь; у Новодѣвичьяго монастыря былъ на-готовѣ экипажъ. Въ концѣ-концовъ онъ раздумалъ; онъ побоялся быть схваченнымъ стрѣльцами, все болѣе и болѣе склонявшимися на сторону Петра. Князь Василій Голицынъ, выдача котораго, впрочемъ, не требовалась, упалъ духомъ и отправился въ свое подмосковное имѣніе. При дворѣ распространялось сильное волненіе, сообщилось оно и населенію столицы. Стрѣльцы казались готовыми служить молодому царю, Гордонъ видѣлъ ихъ толпами стоящими у разныхъ воротъ, наблюдая, чтобы не бѣжали тѣ люди, которыхъ Петръ отмѣтилъ виновными.

Дѣйствовала только одна Софья. То она принимала стрѣльцовъ, то представителей сословій, даже простой народъ и вступала съ ними въ длинныя разсужденія. Гордонъ изумляется мужеству, неутомимости и находчивости царевны, которая не упустила ничего, чтобы собственнымъ воздѣйствіемъ спасти положеніе. Она всѣмъ повторяла, что столкновеніе съ братомъ есть ничто иное, какъ слѣдствіе происковъ приближенныхъ Петра, и не столько они добиваются гибели Шакловитаго, сколько смерти ея и царя Ивана. Она клялась присутствующимъ, что говоритъ истинную правду [47]). Посланнаго, который передалъ приказаніе о выдачѣ Шакловитаго, она велѣла схватить и въ первомъ порывѣ гнѣва велѣла отрубить ему голову. Потомъ она, впрочемъ, смягчилась, и жизнь посланнаго была сохранена.

Теперь обѣ партіи рѣшили обратиться къ народу. Шакловитый со-

---

[44]) Устряловъ, II, 65—68.

[45]) Собственно было два разныхъ посланца; первымъ былъ комнатный стольникъ Вутурлинъ, а потомъ бояринъ князь Троекуровъ. *Прим. ред.*

[46]) Полковникъ Нечаевъ. *Прим. ред.*

[47]) Гордонъ, II. 271—273.

ставилъ манифестъ, въ которомъ правительница выясняла положеніе вещей и обвиняла Нарышкиныхъ въ злобѣ на царя Ивана. Это обращеніе не было, впрочемъ, обнародовано. Петръ, напротивъ того, оставляя въ сторонѣ свое столкновеніе съ Софьей, обратился ко всѣмъ городамъ и областямъ съ требованіемъ доставить въ Троицкую лавру денегъ и съѣстныхъ припасовъ. Изъ Москвы тотчасъ же послѣдовалъ обратный приказъ: правительница запретила доставлять въ лавру деньги и припасы и приказывала, чтобы, какъ раньше, посылать все въ Москву. Бывшіе въ Троицѣ стрѣльцы вызывались вооруженною силою добыть изъ Москвы враговъ Петра. Совѣтники же юнаго царя желали избѣжать кровопролитія, и вооруженнаго столкновенія не произошло.

Тѣмъ временемъ пытался князь Борисъ Голицынъ войти въ сношеніе съ своимъ двоюроднымъ братомъ Василіемъ Голицынымъ, умоляя его, пока еще не поздно, добровольно явиться въ Троицу. Но тотъ медлилъ.

Софья все же располагала весьма значительными средствами для борьбы. Иностранцы, составлявшіе важную часть войска, все еще были въ Москвѣ. Между ними были выдающіяся начальники, какъ, напримѣръ, Гордонъ, служебное положеніе котораго и способности много значили. Къ нимъ Петръ еще не обращался. 1 сентября распространился слухъ, что Гордонъ получилъ посланіе изъ Троицы, но слухъ не подтвердился. Иностранцы тѣмъ не менѣе стали обсуждать вопросъ о переходѣ къ Петру. Нѣкоторые жители Нѣмецкой слободы направились въ Троицу [48]). Гордонъ воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы черезъ довѣренное лицо передать Петру, что онъ и другіе не идутъ только потому, что не знаютъ, будетъ ли ихъ приходъ царю пріятенъ. Въ лаврѣ, между тѣмъ, уже подумывали объ иностранныхъ войскахъ; они въ полномъ составѣ призывались туда. Гордонъ былъ настолько добросовѣстенъ, что сообщилъ о полученномъ въ Нѣмецкой слободѣ распоряженіи князю В. В. Голицыну и добавилъ, что ослушаться этого приказа нельзя. Голицынъ былъ въ высшей степени пораженъ. Рѣшеніе Гордономъ было принято. Какъ только въ Нѣмецкой слободѣ узнали, что Гордонъ готовится къ отъѣзду въ Троицу, то всѣ, знатные и простые люди, послѣдовали его примѣру и всѣ иностранцы 5 сентября выступили въ лавру. «Отъѣздъ иностранныхъ офицеровъ въ Троицу»,— замѣчаетъ Гордонъ, — «послужилъ разрѣшеніемъ дѣла. Съ этого вре-

---

[48]) Неизвѣстно, былъ ли между ними также Лефортъ.

мени каждый сталъ открыто выражать лучшія пожеланія младшему царю» [40]).

Съ своей стороны стрѣльцы, считавшіе, что исполняютъ приказаніе Петра, захватили въ Москвѣ нѣсколько лицъ изъ числа тѣхъ, имена которыхъ были выставлены какъ заговорщики противъ Петра, и отправили ихъ въ лавру. Они потребовали выдачи Шакловитаго, Софья пробовала уклониться, но должна была подчиниться угрожающимъ требованіямъ стрѣльцовъ и предоставить своего совѣтника той страшной участи, которая ожидала его въ Троицѣ. Подобно тому, какъ въ 1682 году она принудила, чтобы Наталья Кирилловна выдала мятежникамъ на смерть своего брата Ивана, чтобы предотвратить дальнѣйшее кровопролитіе, такъ теперь принуждена была Софья къ выдачѣ на смерть человѣка, который вмѣстѣ съ Голицынымъ былъ ея ближайшимъ сотрудникомъ во время регентства.

Шакловитаго привезли въ Троицу, гдѣ судили и 10-го сентября казнили. Показанія какъ его самаго, такъ и нѣкоторыхъ сообщниковъ и свидѣтелей имѣютъ весьма ограниченную цѣнность въ качествѣ историческаго матеріала, чтобы выяснить, что именно замышлялось противъ Петра и его партіи. Въ новѣйшее время было справедливо указано, что въ этомъ чудовищномъ процессѣ, который окончился казнями, заключеніями и ссылками весьма многихъ лицъ, судьи были сами слишкомъ партійными людьми, чтобы могли судить со стороны и безпристрастно. Шакловитый съ основательностью считался противникомъ бояръ, и при разсмотрѣніи дѣла мстительность послѣднихъ могла имѣть сильное вліяніе. Его казнь явилась больше мѣрою необходимости, нежели актомъ правосудія. Мы имѣемъ свѣдѣнія, что самъ Петръ относился къ несчастному гораздо мягче, чѣмъ лица, окружавшія царя. Нѣкоторые бояре настаивали, чтобы Шакловитый до казни былъ еще разъ подвергнутъ мучительной пыткѣ, на что Петръ отвѣтилъ, что имъ незачѣмъ вмѣшиваться въ это дѣло. Гордонъ, находившійся въ эти дни въ свитѣ Петра, гово-

---

[40]) Таково мнѣніе Гордона, II. 273. Устряловъ не раздѣляетъ мнѣнія, что такой шагъ иностранцевъ имѣлъ рѣшающее значеніе. Онъ полагаетъ, что походъ былъ уже рѣшенъ. У Петра уже было слишкомъ много войска. (II, 74) Соловьевъ, наоборотъ, склоняется къ предположенію, что переходъ иностранцевъ на сторону Петра произвелъ рѣшительное впечатлѣніе (XIV. 130). Устряловъ порицаетъ иностранцевъ, что они медлили. По мнѣнію Брикнера, было бы недобросовѣстно покинуть Софью раньше. (Нельзя не видѣть въ послѣднемъ взглядѣ нѣкоторой пристрастности). *Прим. ред.*

ритъ, что Петръ крайне неохотно, и то только по настоянію патріарха, далъ свое согласіе на казнь Шакловитаго и нѣкоторыхъ другихъ [50]).

Насколько играло въ подобныхъ дѣлахъ личное расположеніе или личная непріязнь, показываетъ судьба Голицына. Хотя онъ и не былъ такъ скомпрометированъ, какъ Шакловитый, но его участь не могла-бы быть иною, если-бы онъ не имѣлъ защитника въ лицѣ своего родственника Бориса Голицына.

Василій Васильевичъ Голицынъ, колеблющійся и нерѣшительный, эти дни жилъ то въ своемъ имѣніи Медвѣдковѣ, то въ столицѣ; 7 сентября онъ, наконецъ, рѣшился добровольно явиться въ Троицу. Сначала его не хотѣли пустить въ монастырь; потомъ, когда впустили, то его со всѣми спутниками арестовали. Гордонъ навѣстилъ князя, съ которымъ былъ въ послѣдніе годы въ очень хорошихъ отношеніяхъ, и засталъ его весьма удрученнымъ. Черезъ два дня ему объявили приговоръ: онъ ссылался со своими родными на отдаленный сѣверъ. Его имущество отбиралось въ казну. Онъ прожилъ въ изгнаніи до 1714 г. сначала въ Яренскѣ, потомъ въ Тюмени. Его процессъ возобновился въ 1693 г. вслѣдствіе ложныхъ доносовъ, хотя положеніе его отъ этого не измѣнилось [51]). Приговоръ, объявленный ему въ 1689 г. въ Троицѣ, касался сперва неудачи крымскихъ походовъ, а во вторыхъ титула «самодержицы», который присвоила себѣ Софья. Въ то время его больше ни въ чѣмъ не обвиняли.

Это показалось необыкновенною милостью, которая возбудила большое неудовольствіе въ противникахъ павшаго совѣтника правительницы. Записки Гордона даютъ намъ вѣрный взглядъ на это дѣло. Онъ говоритъ, что всѣ знали, что Голицынъ былъ столпомъ партіи Софьи; его считали если не за зачинщика покушеній на Петра, то за укрывателя и недоносителя; поэтому они были очень недовольны, что его постигла такая легкая кара. Гордонъ приписываетъ этотъ исходъ вліянію князя Бориса Голицына, который хотѣлъ спасти свою семью отъ позора, что одинъ изъ ея членовъ подвергнулся пыткѣ и былъ-бы казненъ. Вслѣдствіе этого, по словамъ Гордона, князь Борисъ Голицынъ навлекъ на себя нелюбовь народа, друзей и родственниковъ Петра. Особенно возмущена противъ него была мать Петра. Его хотѣли очернить передъ царемъ и даже говорили, что въ письменномъ показаніи Шакловитаго, которое прошло черезъ его руки, онъ вычеркнулъ все, что уличало его двоюроднаго брата [52]). Тѣмъ не менѣе онъ сохранилъ прежнее мѣсто друга и совѣтника царя.

---

[50]) Гордонъ. II, 83.

[51]) См. подробности, мою ст. въ „Русск. Обозр.“, 1878, октябрь.

[52]) Гордонъ, II, 280.

Такъ палъ «министръ» Софьи, который своими реформаторскими замыслами и своею необыкновенною образованностью принадлежитъ въ качествѣ представителя поворотнаго движенія на западъ, къ наиболѣе свѣтлымъ явленіямъ этой переходной эпохи. Ему недоставало энергичной и быстрой рѣшительности. Мы не видимъ чтобы онъ что-либо предпринялъ, чтобы уладить распрю между Софьей и Петромъ, или по крайней мѣрѣ устранить угрожавшую ему бѣду. Сомнительно, чтобы онъ серьезно думалъ спасти себя бѣгствомъ [53]).

Много хуже была участь Медвѣдева. Схваченный въ одномъ изъ пограничныхъ къ Польшѣ монастырей, онъ былъ привезенъ въ Троицу, подвергнутъ пыткѣ и заключенъ въ монастырь. Чрезъ полтора года вслѣдствіе новыхъ обвинительныхъ показаній одного заключеннаго, Медвѣдева судили снова, подвергли мучительной пыткѣ и казнили. Одно изъ его сочиненій сожжено, какъ еретическое [54]). Въ его преслѣдованіи имѣло значеніе то обстоятельство, что высшее духовенство считало его для себя опаснымъ и способнымъ достигнуть патріаршества [55]).

Оставалась еще только одна царевна. Ея судьба была такъ-же вскорѣ рѣшена.

Петръ написалъ своему брату Ивану изъ Троицы: «милостью Божьею врученъ намъ двумъ особамъ, скипетръ правленія, такъ-же и братьямъ нашимъ окрестнымъ государямъ о государствованіи нашемъ извѣстно; а о третьей особѣ, чтобы быть съ нами въ равенственномъ правленіи, отнюдь не упоминалось. А какъ сестра наша царевна Софья Алексѣевна государствомъ нашимъ начала владѣть своею волею, и въ томъ владаніи что явилось особамъ нашимъ противное, и народу тягость и наше терпѣніе, о томъ тебѣ государю извѣстно. А нынѣ злодѣи наши, Ѳедька Шакловитый съ товарищи, не удоволяся милостью нашею, преступая обѣщаніе свое, умышляя съ иными ворами о убійствѣ надъ нашимъ и матери нашей родовьемъ, и въ томъ по розыску и съ пыткой винились.

---

[53]) Невиль пишетъ (167): Голицынъ хотѣлъ встать во главѣ казаковъ и татаръ, бѣжать въ Польшу, спасти свои сокровища за границу. Онъ могъ бѣжать въ самую послѣднюю минуту, но его удержала семья.—О Голицынѣ было потомъ распространено много небылицъ. Въ одной брошюрѣ говорилось, что онъ вышелъ изъ Москвы во главѣ большаго войска, но умеръ въ своемъ имѣніи. Говорили, что онъ былъ казненъ и т. п. Обоихъ Голицыныхъ, Василія и Бориса, иногда смѣшивали

[54]) Соловьевъ, XIV, 135—137.

[55]) Что по отношенію къ Медвѣдеву примѣшивалось неудовольствіе духовныхъ лицъ, видно изъ того, что передъ самою казнью его обвинили въ приверженности къ кіевскимъ и малороссійскимъ книгамъ (Пекарскій).

А теперь, государь братецъ, настаетъ время обоимъ нашимъ особамъ Богомъ врученное намъ царствіе править самимъ, понеже пришли есми въ мѣру возраста своего, а третьему зазорному лицу, сестрѣ нашей, съ нашими двумя мужескими особами въ титлахъ и въ расправѣ дѣлъ быти не изволяемъ; на то-бы и твоя, государя моего брата, воля склонилась, нотому что учала она въ дѣла вступать и въ титла писаться собою, безъ нашего изволенія; къ тому же и царскимъ вѣнцомъ, для конечной нашей обиды, хотѣла вѣнчаться, срамно государь при нашемъ совершенномъ возрастѣ тому зазорному лицу государствомъ владать помимо насъ. Тебѣ-же государю брату объявляю и прошу: позволь, государь, мнѣ отеческимъ своимъ изволеніемъ, для лучшей пользы нашей и для народнаго успокоенія, не обсылаясь къ тебѣ, государю, учинить по приказамъ правдивыхъ судей, а неприличныхъ перемѣнить, чтобы тѣмъ государство наше успокоить и обрадовать вскорѣ. А какъ, государь братецъ, случимся вмѣстѣ и тогда поставимъ все на мѣрѣ; а я тебя, государя брата, яко отца почитать готовъ [56])».

Ни единаго слова о готовившейся для Софьи участи не упоминается въ этомъ посланіи, которое, повидимому, составлено между 8 и 12 сентября. Вскорѣ послѣ того Петръ послалъ въ Москву одного боярина [57]) потребовать отъ Софьи, чтобы она оставила Москву и поселилась въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Софья медлила исполнить это распоряженіе и только въ послѣдніе дни сентября выѣхала изъ кремлевскаго дворца. Въ монастырѣ ей была предоставлена многочисленная прислуга; ей было отведено нѣсколько покоевъ: ни въ чемъ она не нуждалась; она только не смѣла покинуть монастыря, и родственницы могли посѣщать бывшую правительницу лишь въ большіе праздники.

Начало царствованія Петра можно отнести къ 12 сентября. Въ этотъ день послѣдовало назначеніе новыхъ сановниковъ и судей. Въ началѣ октября, черезъ двѣ недѣли послѣ переѣзда Софьи въ монастырь, Петръ въѣхалъ въ столицу. Кризисъ, начавшійся въ началѣ августа, продолжался нѣсколько недѣль.

---

[56]) Грамота не собственноручная, безъ означенія числа и безъ подписи, въ Государ. Архивѣ. (Текстъ приведенъ по Соловьеву). *Прим. ред.*

[57]) Устряловъ, II, 79 и 343.

ГЛАВА VI.

1689 — 1695 г.г.

До 1689 года Петръ не принималъ въ государственномъ управленіи никакого участія. Онъ только давалъ аудіенціи и присутствовалъ на одномъ засѣданіи думы. Въ интересы Софьи не могло входить раньше времени посвящать брата въ государственныя дѣла и знакомить съ политическими вопросами. Онъ былъ къ тому же слишкомъ занятъ своими потѣшными полками и прогулками по водѣ, чтобы быть въ состояніи слѣдить за дѣлами управленія.

Даже послѣ устраненія Софьи, Петръ еще нѣсколько лѣтъ не былъ руководителемъ въ дѣлахъ. Намъ достаточно извѣстно про дѣятельность другихъ лицъ, окружавшихъ Петра въ это время, и про образъ жизни самого царя, чтобы имѣть возможность утверждать, что онъ до самаго Азовскаго похода поручилъ другимъ государственное управленіе, а самъ предавался любимымъ занятіямъ и удовольствіямъ.

Имѣются доказательства, подтверждающія, что Петръ, даже послѣ паденія Софьи, еще нѣкоторое время не имѣлъ личнаго вліянія на дѣла, хотя могъ и долженъ былъ его имѣть. Вотъ тому нѣкоторые примѣры.

Тотчасъ послѣ переворота 1689 года Петръ вошелъ въ ближайшія сношенія съ генераломъ Гордономъ, военная опытность, техническія знанія и разносторонняя образованность котораго имѣли большое значеніе для царя. Онъ видѣлся съ нимъ почти ежедневно; Петру онъ былъ необходимъ. Но патріархъ Іоакимъ, послѣ сверженія своего врага Медвѣдева, укрѣпившійся на своемъ мѣстѣ, игралъ при дворѣ выдающуюся роль; онъ и раньше съ неудовольствіемъ замѣчалъ, что иностранцамъ предоставляютъ почетныя должности, что съ ихъ помощью ведутъ войну, къ нимъ благоволятъ при дворѣ. Неудачи крымскихъ походовъ онъ приписывалъ присутствію въ войскѣ еретиковъ; передъ вторымъ походомъ онъ открыто порицалъ Голицына за привлеченіе къ участію въ немъ Гордона, — по эти китайско-

православныя замѣчанія оставлялись безъ вниманія [1]). Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, послѣ кризиса 1689 года, осенью того же года, случилось, что Гордонъ былъ приглашенъ самимъ царемъ къ царскому столу, но патріархъ сталъ возражать противъ того, чтобы иноземецъ сѣлъ за царскій столъ. Повидимому, Петръ очень спокойно принялъ обиду, нанесенную его заслуженному другу, но нѣсколько дней спустя онъ пригласилъ Гордона въ одинъ изъ своихъ загородныхъ дворцовъ, кушалъ съ нимъ тамъ за однимъ столомъ и на возвратномъ пути все время весело бесѣдовалъ [2]).

Не одинъ только патріархъ былъ нерасположенъ къ иностранцамъ. Непосредственно вслѣдъ за возвращеніемъ Петра на престолъ (1689 г.) послѣдовалъ рядъ мѣропріятій, свидѣтельствующихъ объ извѣстной непріязни къ иностранцамъ и такихъ отношеніяхъ къ нимъ, которыя, очевидно, не соотвѣтствовали желаніямъ и расположенію Петра. Въ то время, какъ самъ царь все болѣе и болѣе общался съ иностранцами, на западной границѣ былъ установленъ особенно строгій досмотръ почтовой корреспонденціи. Почтмейстеру Виніусу было поручено вскрывать всѣ письма, приходившія изъ-за границы, прочитывать ихъ и уничтожать тѣ, которыя того заслуживали. О размѣрѣ этого произвола мы можемъ судить изъ жалобъ польскаго резидента, что до него не доходитъ множество писемъ или доходятъ распечатанными, а также изъ переписки Гордона съ его сыномъ Джемсономъ, которому онъ даетъ разныя наставленія, какъ облегчить письменныя сношенія [3]). Иностранцы были очень смущены: не даромъ совѣтуетъ Гордонъ повременить своему сыну, желавшему поступить на русскую службу, говоря, что лучше обождать перемѣны обстоятельствъ [4]). Такъ же и въ отношеніи изгнанія іезуитовъ, случившемся въ это время, и въ дѣлѣ сожженія еретика Кульмана въ октябрѣ 1689 года [5]), Петръ не принималъ

[1]) Гордонъ. II, 233.—Кохенъ въ „Рус. Стар.“ 1878 г., II, 125.

[2]) Гордонъ. II, 297.

[3]) Поссельтъ (Лефортъ). I, 480.

[4]) Гордонъ. III, 255, 258.

[5]) Кульманъ, род. въ Бреславлѣ. Послѣ долгихъ странствованій прибылъ въ Москву для пропаганды своего мистическаго ученія. Въ нѣмецкой слободѣ нашелъ послѣдователей, чѣмъ навлекъ на себя неудовольствіе нѣмецкаго пастора Мельнеке, который обратился за защитою къ свѣтской власти и къ патріарху. У Кульмана и его единомышленника, купца Нордермана, нашли рукопись мистическаго посланія Кульмана къ московскимъ царямъ. Обвиненные въ политическомъ преступленіи, они оба были подвергнуты пытки въ посольскомъ приказѣ. Упорствуя въ своихъ ученіяхъ, они были сожжены въ срубѣ. Въ этомъ дѣлѣ особенно интересно обращеніе лютеранскаго пастора къ православному патріарху, о чемъ Брикнеръ умалчиваетъ. Цвѣтаевъ напечаталъ въ „Чтеніяхъ Общества Ист. и Древн. Россіи“ 1883 г., кн. 3, подлинное розыскное дѣло о Кульманѣ. (*Прим. ред.*).

никакого личнаго участія. Это должно быть исключительно приписано патріарху, который проводилъ родъ реакціи противъ благопріятнаго Западу направленія Голицына.

Патріархъ Іоакимъ скончался 17 марта 1690 года, т. е. нѣсколько мѣсяцевъ послѣ государственнаго переворота. Онъ оставилъ завѣщаніе, представляющее особый интересъ, такъ какъ оно совпадаетъ съ ученическими годами Петра, съ тѣмъ временемъ, когда Петръ сблизился съ иностранцами, и непосредственно предшествуетъ заграничнымъ поѣздкамъ Петра. Это завѣщаніе Іоакима объясняетъ намъ происхожденіе распоряженій, затрудняющихъ пріѣздъ иностранцевъ въ Россію [6]), или источникъ тѣхъ запросовъ, которые были обращены къ жителямъ Нѣмецкой слободы, на основаніи какихъ правъ и привиллегій они построили протестантскія церкви [7]).

АНДРЕЙ ВИНІУСЪ.
(Рѣдчайшій и самый цѣнный портретъ работы Вишера).

Этотъ документъ касается отношеній царя и патріарха. Іоакимъ умоляетъ Петра не ввѣрять «проклятымъ еретикамъ» начальства надъ войскомъ, такъ какъ этимъ навлекается гнѣвъ Божій. Особенно порицаетъ патріархъ протестантовъ, которые не чтутъ Божіей Матери и святыхъ.

[6]) П. С. З., № 1358.
[7]) Собр. госуд. грам. и дог. IV, 622.

Онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ старается внушить царю, чтобы онъ хранилъ чистоту вѣры, какъ первую доблесть правителя. Онъ совѣтуетъ ему избѣгать общенія «съ латыны, лютеры, кальвины и татары»; существующія иновѣрческія церкви надлежитъ уничтожить, какъ созданія дьявольскія; каждое дѣйствіе иностранцевъ, каждую попытку распространить ихъ вѣру и нравы надо карать смертью; строжайше запретить всякія толки о церкви и вѣрѣ; ни одинъ иностранецъ, ни одинъ еретикъ не долженъ занимать никакихъ должностей; особенно горячо предупреждаетъ фанатичный патріархъ отъ употребленія иноземнаго питья; благосостояніе и крѣпость государства покоятся на устраненіи всѣхъ иностранцевъ [8]).

Царица-мать также, повидимому, не была чужда этихъ взглядовъ. По крайней мѣрѣ намъ извѣстенъ случай, когда царица Наталья оскорбила иностранцевъ. На придворномъ торжествѣ 27 августа 1690 года [9]), по случаю тезоименитства матери Петра, русскіе торговые люди были поставлены въ ряду поздравителей впереди иностранныхъ полковниковъ; первые были приглашены въ покои царицы, послѣдніе ушли ни съ чѣмъ. Гордонъ замѣчаетъ, что это было сочтено за обиду [10]), которая оказалась тѣмъ болѣе глубокою, что все послѣднее время самъ Петръ, не стѣсняясь, бывалъ и пилъ въ Нѣмецкой слободѣ, работалъ и дружилъ съ иностранцами.

Что вліяніе Петра оставалось ограниченнымъ даже и послѣ смерти патріарха, видно изъ того, что ему не удалось провести на это мѣсто своего кандидата, псковскаго митрополита Маркелла, человѣка образованнаго, добродѣтельнаго и сочувствующаго прогрессу. Царица Наталья и большинство высшихъ духовныхъ лицъ выставили кандидатомъ Адріана, митрополита казанскаго. Не подлежитъ сомнѣнію, что именно образованность Маркелла была причиною недовольства имъ со стороны соперниковъ царской партіи; одинъ современникъ говоритъ, что опасались, какъ бы онъ не сталъ благопріятствовать католикамъ и протестантамъ. Одинъ игуменъ, въ челобитной, поданной вдовствующей императрицѣ, обвинилъ Маркелла въ ереси. Не въ силахъ помѣшать избранію кандидата противной партіи, Петръ удалился на жительство въ с. Коломенское [11]).

По поводу этого непріятнаго событія Петръ не безъ тонкаго юмора отозвался одному иностранцу въ 1697 г. въ Курляндіи, во время своего заграничнаго путешествія. Онъ разсказывалъ, что хотѣлъ возвести въ

---

[8]) Устряловъ. II, 467—477.

[9]) Вѣроятно описка, такъ какъ память св. Наталіи чествуется 26 августа. *(Прим. ред.)*.

[10]) Гордонъ. II, 316.

[11]) Тамъ же, 311.

патріархи человѣка умнаго, образованнаго, знающаго латинскій, итальянскій и французскій языки, но русскіе будто бы просили не дѣлать этого выбора, такъ какъ намѣченный кандидатъ говоритъ на варварскихъ языкахъ, его борода недостаточно длинна для патріаршаго сана, кучеръ его, вопреки обычаю, не ѣздитъ верхомъ на упряжной лошади, а сидитъ на козлахъ.

Въ одномъ письмѣ Гордона, этого стариннаго друга и ежедневнаго товарища царя, къ одному лондонскому купцу заключается очень глубокій взглядъ на положеніе молодого Петра, который и по смерти Іоакима имѣлъ очень слабое вліяніе. 29 іюля 1690 г. Гордонъ пишетъ: «Я все еще при дворѣ, который одолѣваютъ волненія и интриги. Мнѣ обѣщаны большія награды, но получилъ я еще очень мало. Когда юный царь самъ возьметъ правленіе, то я не сомнѣваюсь, что получу полное удовлетвореніе [12]).

Петръ (Патрикъ) Ивановичъ Гордонъ.

О значеніи партіи, сопротивлявшейся тому, чтобы расширить кругъ вліянія Петра, мы можемъ судить по слѣдующему надлежаще подтвержденному примѣру: Когда Петръ въ ноябрѣ 1692 года лежалъ опасно больной, то его друзья,—а именно: Лефортъ, кн. Борисъ Голицынъ, Апраксинъ и Плещеевъ—держали на готовѣ лошадей, чтобы, въ случаѣ смерти Петра, немедленно бѣгствомъ спастись отъ преслѣдованій своихъ противниковъ [13]).

Существовала партія реакціи. Непосредственно за переворотомъ 1689 г. могло возникнуть сомнѣніе, одержатъ-ли верхъ любознательность Петра, его стремленіе къ реформамъ, направленіе, которому онъ сочувствовалъ, подпадая подъ вліяніе иностранцевъ, его окружавшихъ. Это случилось именно тогда, когда Петръ возмужалъ и сдѣлался богато одаренною личностью, лишь благодаря тому культурному вліянію, представителями котораго въ кругу Петра были иностранцы.

По крайней мѣрѣ, въ своей личной жизни, Петръ могъ безпрепят-

---

[12]) Тамъ же, III, 260.

[13]) Донесеніе шведскаго посланника Кохена въ соч. Вергмана „Peter der Grosse". I. 183.

ственно слѣдовать своимъ личнымъ влеченіямъ. Онъ открыто общался съ иностранцами, парушая обычаи и преданія національной партіи, подвергаясь порицанію народа, не обращая вниманія на угрозы патріарха. Онъ былъ слишкомъ убѣжденъ въ необходимости выучки у иностранцевъ, чтобы въ угоду консервативной партіи отказаться отъ общества представителей Западной Европы.

До 1689 г. Петръ, казалось, воздерживался отъ общенія съ иноземцами, за рѣдкими исключеніями, въ родѣ барона Ванъ-деръ-Гульста, или ремесленниковъ, какъ Тиммерманъ и Карстенъ Брантъ, или лифляндца Менгдена, помогавшихъ ему въ его морскихъ и военныхъ забавахъ. Только послѣ переворота, хотя и непосредственно за нимъ, сошелся Петръ съ двумя иностранцами, вліяніе которыхъ на царя очень велико, а именно, съ Гордономъ и Лефортомъ, сначала въ особенности съ первымъ.

Патрикъ Гордонъ родился въ Шотландіи въ 1635 г. и происходилъ изъ преданной роялизму католической семьи. Онъ молодымъ покинулъ родину и служилъ въ шведскихъ и польскихъ, а съ 1660 г. въ русскихъ войскахъ. Знаніе военнаго дѣла, образованность, чувство долга и выдающееся усердіе обезпечивали ему въ Россіи еще въ царствованіе Алексѣя и Ѳеодора почетное мѣсто и широкую дѣятельность, хотя онъ никакъ не могъ окончательно полюбить Россію, свою вторую родину. Нѣсколько десятковъ лѣтъ онъ мечталъ о возвращеніи въ свое отечество; но тогда было невозможно, разъ поступивъ на русскую службу, ее когда-либо оставить. Онъ принималъ участіе въ Чигиринскихъ походахъ и въ 1678 г. былъ начальникомъ этой крѣпости во время осады ея турками. Нѣсколько лѣтъ онъ былъ комендантомъ Кіева и участвовалъ затѣмъ въ крымскихъ походахъ. Съ кн. В. В. Голицынымъ онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Въ Нѣмецкой слободѣ онъ имѣлъ большое значеніе, какъ глава большой семьи и какъ естественный представитель иностранной колоніи, состоявшей преимущественно изъ англо-шотландскихъ выходцевъ, приверженцевъ Стюартовъ, и какъ человѣкъ, одинаково бывшій въ хорошихъ отношеніяхъ съ русскими и иноземцами. Гордонъ не былъ ученымъ, а только разносторонне образованный, полный интересовъ къ политикѣ Запада, неизмѣнный приверженецъ Стюартовъ, съ неудовольствіемъ видѣвшій воцареніе Вильгельма III; онъ находился въ сношеніяхъ со всѣми іезуитами, готовый принять личное участіе въ пропагандѣ католицизма. Онъ былъ хорошо извѣщенъ о событіяхъ въ другихъ государствахъ; съ очень многими лицами состоялъ въ правильной перепискѣ; въ иные почтовые дни онъ отправлялъ до двухъ дюжинъ собственноручныхъ писемъ. Англійскимъ коро-

лямъ Карлу и Якову онъ былъ лично извѣстенъ; дочери Густава-Альфреда Христинѣ онъ сдѣлалъ въ Гамбургѣ визитъ: съ шотландскою аристократіею былъ тѣсно связанъ, какъ наслѣдникъ большихъ помѣстій. Герцогъ Гордонъ [14]), Эдинбургскій губернаторъ, въ 1686 г., былъ его двоюроднымъ братомъ. Изъ Англіи онъ выписывалъ книги, карты, физическіе инструменты, оружіе; онъ заботился имѣть точныя свѣдѣнія о всѣхъ открытіяхъ, о которыхъ только заходила рѣчь въ Лондонскомъ Королевскомъ Обществѣ. Часто прихварывая, онъ все-таки не пріостановлялъ своей дѣятельности; въ путешествіяхъ, въ походахъ онъ также старался не прерывать своей многочисленной переписки. Въ качествѣ инженера, его познанія были очень обширными, къ нему часто обращались при сооруженіи крѣпостей. Онъ былъ также изобрѣтателемъ разныхъ военныхъ снарядовъ и творцомъ многихъ улучшеній. Хроническій катарръ, которымъ страдалъ Гордонъ, и который, наконецъ, сломилъ его въ 1699 году, нерѣдко мѣшалъ Гордону участвовать въ любимыхъ имъ веселыхъ пирушкахъ. Русскимъ языкомъ онъ владѣлъ вполнѣ. Въ русскихъ кружкахъ, если не считать слѣпой непріязни со стороны лицъ, подобныхъ патріарху Іоакиму, онъ пользовался извѣстною популярностью. Во время переворота 1689 года онъ долгое время соблюдалъ положеніе безпристрастнаго зрителя, прежде чѣмъ рѣшился отправиться въ Троицу къ Петру. Съ этого времени начинаются личныя отношенія Гордона къ царю [15]).

Францъ Ѳеодоровичъ Тиммерманъ.

Отсюда видно, что въ большей степени, чѣмъ кто-либо, Гордонъ былъ учителемъ Петра. Какъ это случилось, подробно разсказывается въ запискахъ Гордона.

Еще пока Петръ жилъ въ Троицѣ, въ присутствіи юнаго царя ежедневно происходили военные смотры и ученія, которыми руководилъ Гордонъ.

---

[14]) Маколей. III, 359.

[15]) См. мое сочиненіе о Гордонѣ, оттиски изъ „Журнала М. Н. Пр.“, стр. 183 (Спб. 1873).

Въ Александровской слободѣ, куда Петръ отбылъ изъ Троицы, нѣсколько дней подрядъ происходили маневры, при чемъ стрѣляли «какъ въ настоящемъ сраженіи». Когда во время этихъ маневровъ Гордонъ упалъ съ лошади и повредилъ себѣ руку, то Петръ проявилъ большое участіе. Гордонъ сдѣлался ежедневнымъ собесѣдникомъ Петра и тогда, когда Петръ вернулся въ Москву; онъ часто бывалъ въ Преображенскомъ. Главнымъ занятіемъ Петра и Гордона было изготовленіе фейерверковъ. Этой пиротехнической забавѣ царь отдавался съ увлеченіемъ. Часто приходилось Гордону бывать съ Петромъ на пирахъ у русскихъ вельможъ: то у Льва Нарышкина, то у Петра Шереметьева или у кн. Бориса Голицына, или у Андрея Матвѣева и Ромодановскаго. Онъ часто отмѣчаетъ свои долгія собесѣдованія съ царемъ, или восторги Петра, когда заботливо приготовленный фейерверкъ производитъ ожидаемое впечатлѣніе, или когда руководимыя Гордономъ войска отличатся на ученіяхъ или при стрѣльбѣ. Гордонъ пишетъ, что однажды Петръ сдѣлалъ честь иностранцамъ, предоставивъ имъ вблизи себя любоваться фейерверкомъ. Однажды было приготовлено два фейерверка, одинъ для иностранцевъ, другой для русскихъ; оба были удачны. Царю, повидимому, нравилось проявлять подобную активную дѣятельность. Случались и незадачи: Гордонъ однажды опалилъ себѣ лицо, а въ другой разъ пострадалъ самъ Петръ во время своихъ пиротехническихъ занятій.

Получаемые Гордономъ богатые подарки, визиты, дѣлаемые ему русскими вельможами, доказываютъ, какое высокое положеніе занималъ онъ при царѣ.

Вскорѣ царь сдѣлалъ еще новый шагъ въ своихъ сношеніяхъ съ «еретиками». Онъ съ цѣлою свитою явился въ гости къ Гордону, въ его домъ въ Нѣмецкой слободѣ. Такія посѣщенія Гордона, а позднѣе Лефорта [16]), стали во второй половинѣ 1690 г. очень частыми. Петръ пріѣзжалъ къ Гордону въ разные часы дня, часто совершенно одинъ, какъ частный человѣкъ; обращеніе было совершенно непринужденное. Нерѣдко Петру случалось брать съ собой Гордона къ тѣмъ людямъ, къ которымъ самъ ѣхалъ; такъ было, напр., съ персидскимъ посланникомъ, у котораго Петръ хотѣлъ лично осмотрѣть привезенныхъ львовъ. Вмѣстѣ съ Петромъ Гордонъ испытывалъ новыя пушки, новыя мортиры и бомбы; онъ снабжалъ его сочиненіями по артиллеріи [17]), показывалъ ему новое оружіе, которое вы-

---

[16]) 30 апрѣля Петръ съ боярами и придворными обѣдалъ у Гордона. У Лефорта, повидимому, онъ не былъ раньше 3 сентября.

[17]) Намъ извѣстно, что Гордонъ былъ знакомъ съ сочиненіями Вобана, II. 441.

писывалъ изъ-за границы, новые шомполы, снарядъ для приготовленія гранатъ. Гордонъ былъ настолько частымъ спутникомъ Петра въ его катаніяхъ по Переяславскому озеру, что построилъ себѣ тамъ даже особый домъ. Съ гордостью показывалъ ему молодой царь начатки своего флота. Въ одно изъ своихъ путешествій въ Архангельскъ, Петръ бралъ съ собою и Гордона. Онъ дѣлилъ съ нимъ радость и горе. Не одни только пиршества и попойки сближали царя съ Гордономъ, которому въ его возрастѣ и при его болѣзненности, онѣ бывали часто въ тягость; Гордонъ разсказываетъ, что Петръ вообще часто и по долгу хранилъ упорное молчаніе, а съ нимъ разговаривалъ часами. Когда Гордонъ захворалъ, то Петръ его навѣщалъ и посылалъ ему лѣкарства. Гордонъ былъ при Петрѣ въ то время, когда къ нему пришло извѣстіе о смерти царицы-матери, и онъ остался у царя, чтобы утѣшить его скорбь. Часто встрѣчаемъ мы царя на свадьбахъ и похоронахъ въ Нѣмецкой слободѣ, нерѣдко ко двору была приглашаема и вся семья Гордона. Какъ измѣнились времена и обычаи! Прежде никто, бывшій на похоронахъ, не смѣлъ являться къ царю ранѣе трехъ дней. Теперь же царь самъ шелъ за гробомъ иностранныхъ офицеровъ, заботясь о судьбѣ ихъ вдовъ и сиротъ. Патріарху Іоакиму казалось, что иновѣрческіе храмы угрожаютъ опасностью чистотѣ православной церкви. Теперь же самъ царь иногда присутствовалъ на католическомъ богослуженіи въ молитвенномъ домѣ Гордона и его единовѣрцевъ [18]).

Къ этому времени относится знакомство Петра съ Лефортомъ [19]). Объ этомъ имѣется гораздо меньше свѣдѣній, чѣмъ про отношенія Петра къ Гордону. Мы должны предположить, что Лефортъ былъ въ числѣ тѣхъ иностранцевъ, которые въ августѣ 1689 года пришли въ Троицу. Но объ этомъ не сохранилось никакихъ извѣстій. Достовѣрно лишь, что Петръ раньше познакомился съ Гордономъ, а потомъ со швейцарцемъ, который сдѣлался ему такимъ близкимъ; раньше царь посѣщалъ домъ Гордона въ Нѣмецкой слободѣ, а потомъ уже сталъ устраивать попойки у Лефорта; онѣ побудили царя построить своему другу большой домъ съ обширною залою, чтобы имѣть подходящее мѣсто для удовольствій.

Лефортъ родился въ 1653 г., слѣдовательно былъ на восемнадцать лѣтъ моложе Гордона, подобно ему пережилъ періодъ скитаній, но не пріі-

---

[18]) Гордонъ. II, 495.

[19]) Всѣ сообщенія о подобной дружбѣ до 1689 года лишены всякаго основанія. Лефортъ не принималъ участія въ созиданіи потѣшныхъ полковъ. Поссельтъ заимствовалъ это отъ Бернгарта, который повторялъ старыя невѣрныя разсказы.

обрѣтя тѣхъ же знаній и опытности, хотя принималъ участіе въ выдающихся политическихъ событіяхъ. Онъ прибылъ въ 1675 г., но не такъ быстро достигъ положенія, какъ Гордонъ. Его живая, симпатичная натура, открытый характеръ, общественные таланты, преходившая обычную мѣру любовь къ наслажденіямъ сдѣлали его однимъ изъ общихъ любимцевъ въ Нѣмецкой слободѣ. Онъ пользовался расположеніемъ богатыхъ купцовъ, важныхъ иностранныхъ дипломатовъ. Князь Василій Голицынъ также считался его покровителемъ. Онъ имѣлъ чинъ полковника, построилъ себѣ въ слободѣ собственный домъ и былъ женатъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что у него не было недостатка въ умственныхъ способностяхъ, но ни о какихъ необыкновенныхъ талантахъ говорить нельзя. Онъ далеко пошелъ какъ царедворецъ [20]), но нельзя допустить, чтобы онъ съ такою же любовью, какъ Гордонъ, занимался чтеніемъ ученыхъ сочиненій. Онъ оставался совершенно равнодушнымъ къ тѣмъ ученымъ планамъ, которые Лейбницъ преслѣдовалъ въ 1697 г. [21]). Намъ мало что извѣстно объ участіи Лефорта въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Малороссіи, во время которыхъ онъ жилъ съ Гордономъ, па родственницѣ жены котораго былъ женатъ. Нельзя заключить также и объ особомъ военномъ дарованіи, поскольку намъ извѣстно про участіе Лефорта въ Азовскихъ походахъ. Но вслѣдствіе своего радушія, готовности помочь и отсутствія эгоизма, вслѣдствіе неизмѣнно хорошаго расположенія духа, а также вслѣдствіе веселости, противостоящей всѣмъ лишеніямъ суровой жизни, Лефортъ былъ гораздо болѣе, чѣмъ Гордонъ, пригоденъ, чтобы сдѣлаться другомъ и товарищемъ Петра. Напротивъ того, Гордонъ, вслѣдствіе своего положенія и политическаго образованія, вслѣдствіе своего постояннаго общенія съ государственными людьми Западной Европы и по своему знакомству съ состояніемъ европейскихъ государствъ, гораздо болѣе, чѣмъ Лефортъ, былъ способенъ служить посредникомъ между Петромъ и Западомъ, сообщать царю свѣдѣнія относительно общаго политическаго настроенія, экономическаго и общественнаго положенія каждой страны, а также быть учителемъ Петра въ вопросахъ военной техники или инженернаго искусства. Во всякомъ случаѣ, Лефортъ, по своему веселому характеру, остававшійся юношей до самой смерти, былъ и по годамъ гораздо ближе царю, чѣмъ Гордонъ, старшій Петра на 37 лѣтъ, тѣмъ болѣе, что, въ противоположность Лефорту, онъ и въ молодые годы отличался самостоятельностью мнѣній и характера. Лефорту была присуща извѣстная женственность въ характерѣ,

[20]) Поссельтъ. I, 311.

[21]) Guérier, Leibnitz, 23.

у него было даже недостаточно самостоятельности и чувства собственнаго достоинства; напротивъ того, Гордонъ былъ «мужемъ» въ полномъ значеніи

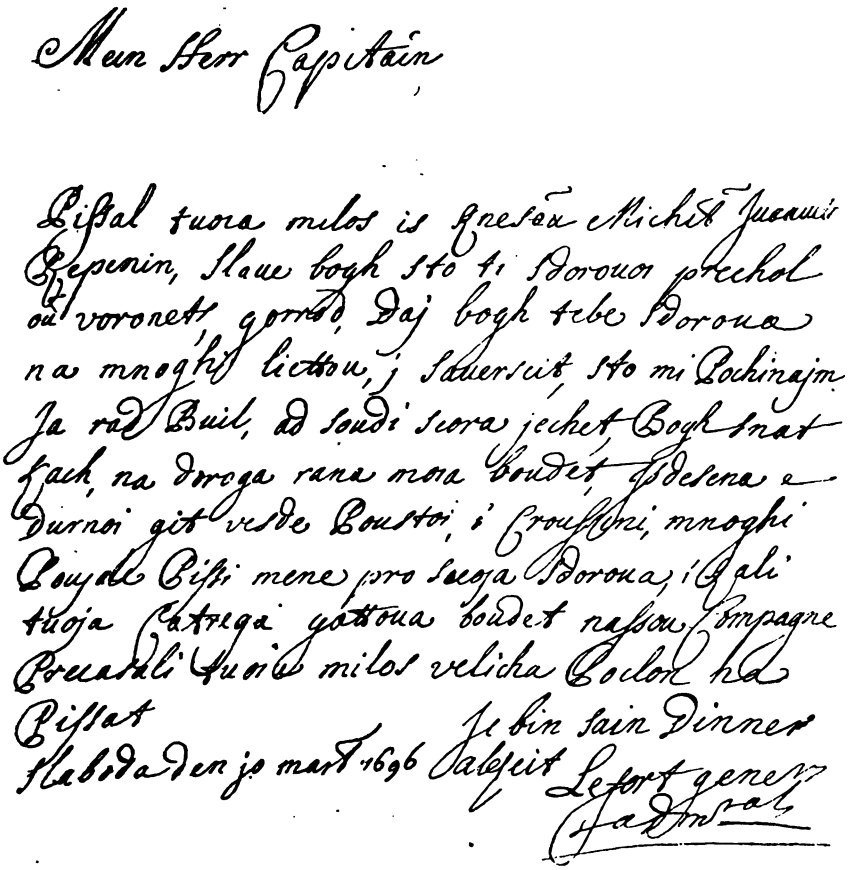

ФРАНЦЪ ЛЕФОРТЪ.

этого слова, постоянно обдумывающій и разсчетливый, полный сознанія своего значенія, своей способности первенствовать и руководить, сознанія своихъ обязанностей въ отношеніи самыхъ разнообразныхъ дѣлъ. Лефортъ удовлетворялся радостью минуты, при вѣчномъ стремленіи къ счастью, ка-

кимъ оно ему представлялось въ его воззрѣніяхъ на наслажденія; его физическая крѣпость и его душевное равновѣсіе ему никогда не измѣняли, даже если бы столь излюбленныя царемъ пиршества продолжались вдвое дольше. Гордонъ съ трудомъ переносилъ удовольствія ничегонедѣланія и пирамъ и попойкамъ предпочиталъ тихую работу за письменнымъ столомъ или напряженіе опаснаго похода. Отношенія Петра къ Гордону никогда не были столь интимны, какъ къ Лефорту, но вліяніе, которое имѣлъ первый въ области политики и военной техники, было несравненно полезнѣе Петру, чѣмъ то, которое имѣло на него общество Лефорта. Быть можетъ, Лефортъ былъ отъ природы даровитѣе Гордона, но послѣдній былъ несомнѣнно ученѣе. Національное чувство у Гордона, его вѣроисповѣдныя убѣжденія и политическіе взгляды — плодъ всего его жизненнаго опыта и суроваго самообразованія, — были ярко выражены и никакъ не позволяли ему вполнѣ хорошо чувствовать себя въ Россіи или слиться съ царскимъ дворомъ, тогда какъ Лефортъ, со своею способностью приспособляться ко всякимъ отношеніямъ, быстро освоился съ русскими обычаями и въ скоромъ времени ни на что не промѣнялъ бы своего второго отечества. Когда родственники Лефорта, при его поѣздкѣ въ Швейцарію, еще до переворота 1689 года, настаивали, чтобы онъ оставилъ Россію и искалъ счастья въ Германіи, Франціи, Голландіи или Англіи, то онъ утверждалъ, и не безъ основанія, что въ Россіи онъ имѣетъ больше шансовъ. Мечта Гордона навсегда вернуться на родину, посвятить себя службѣ своему королю, съ каждою поѣздкою въ Англію дѣлалась все крѣпче, и даже послѣ 1689 г., когда онъ такъ высоко стоялъ въ мнѣніи Петра и могъ ожидать столько новыхъ милостей, Гордонъ не переставалъ думать о возвращеніи въ Шотландію. Отношенія обоихъ къ Западной Европѣ были различны. Лефортъ не имѣлъ ни состоянія, ни связей, ни политическаго положенія, на скорый успѣхъ на Западѣ онъ не могъ легко разсчитывать. У Гордона въ Шотландіи были недвижимости, онъ принадлежалъ къ высшимъ слоямъ общества въ этой странѣ и пріѣзжалъ изъ Россіи вслѣдствіе лично ему выраженныхъ желаній королей Карла II и Якова II. Десятки лѣтъ живя въ Россіи, онъ не переставалъ живѣйшимъ образомъ интересоваться всѣми вопросами англійской политики. Къ политикѣ Лефортъ былъ также равнодушенъ, какъ и къ религіи, къ которой Гордонъ относился такъ горячо. Гордонъ больше интересовался вопросами, не имѣвшими прямого отношенія къ русскимъ дѣламъ, такъ какъ никогда не забывалъ своихъ обязанностей по отношенію къ родинѣ, своей вѣрѣ, своимъ единомышленникамъ, своему роду, семьѣ и самому себѣ; Лефортъ же вошелъ въ свиту Петра и однажды сдѣлавшись его другомъ,

не могъ больше безъ него жить. Многочисленныя письма Лефорта къ Петру (къ сожалѣнію, не сохранилось ни одного отъ Петра къ Лефорту [22]) свидѣтельствуютъ о горячей привязанности, искренней дружбѣ и преданности. Но эти же письма свидѣтельствуютъ о господствѣ веселыхъ наслажденій,

Адмиралъ Лефортъ царю Петру 10 марта 1696 года.

общихъ попойкахъ и неистощимой веселости, которые были такъ свойственны Петру и Лефорту. Серьезныхъ вопросовъ письма не затрагиваютъ, за то слово «веселиться» встрѣчается очень часто. Разсужденія о пирахъ и попойкахъ занимаетъ въ нихъ столько же мѣста, сколько и жалобы о тоскѣ, вслѣдствіе временныхъ отсутствій Петра. Наименованіе разныхъ винъ перемѣшаны съ самыми трогательными увѣреніями дружбы и преданности. Въ отношеніи къ Гордону Петръ сдѣлалъ исключеніе изъ правила и разъ

[22]) Устряловъ. IV (письма).

навсегда запретилъ принуждать его напиваться до пьяна; такой предохранительной мѣры въ отношеніи Лефорта не требовалось, такъ какъ онъ въ Россіи и за границею поражалъ всѣхъ безмѣрнымъ поглощеніемъ напитковъ. Наиболѣе почитаемымъ изъ обоихъ былъ, конечно, Гордонъ, наиболѣе любимымъ (въ общежитейскомъ значеніи слова) Лефортъ. Гордонъ не стремился быть царедворцемъ, онъ былъ для этого слишкомъ серьезенъ; Лефортъ съумѣлъ быть Петру больше, чѣмъ придворный или фаворитъ: онъ былъ для него самымъ дорогимъ другомъ, который безъ всякаго разсчета всецѣло былъ преданъ Петру.

Если дѣйствія и намѣренія Петра въ годы, непосредственно слѣдовавшіе за государственнымъ переворотомъ 1689 г., находились подъ существеннымъ вліяніемъ Гордона, то дѣятельность Петра въ позднѣйшее время, въ годы, слѣдовавшіе за Азовскими походами, была подъ вліяніемъ Лефорта. Послѣдняго считали въ Россіи главнымъ виновникомъ походовъ 1695 и 1696 годовъ; на Западѣ ему приписываютъ мысль знаменитаго путешествія Петра за границу (1697—1698 гг.). Никто, за исключеніемъ Екатерины, не имѣлъ столь сильнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ успокаивающаго вліянія на настроеніе Петра, какъ Лефортъ. Онъ умѣлъ утишать гнѣвъ царя. Насколько онъ былъ близокъ Петру, какъ товарищъ въ пирахъ, видно изъ коротенькой записки Петра къ Меньшикову, написанной восемь лѣтъ послѣ смерти Лефорта, по поводу одного веселаго праздника: царь писалъ, что со времени смерти Лефорта еще ни разу ему не было такъ весело. Лейбницъ пишетъ про него въ 1697 году, что онъ пьетъ, какъ герой; никто не въ состояніи ему противостоять, но что онъ тѣмъ не менѣе человѣкъ большаго ума [23]). На похоронахъ Лефорта Петръ, говорятъ, произнесъ: «На кого могу теперь положиться? Онъ былъ единственнымъ, кто былъ мнѣ преданъ!» [24]).

Трудно опредѣлить степень вліянія отдѣльныхъ личностей на царя, на расширеніе его умственнаго кругозора, на рѣшительность его дѣйствій; но частое, почти ежедневное посѣщеніе царемъ Нѣмецкой слободы въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, должно было раскрыть ему новый міръ, міръ западноевропейской культуры, присоединиться къ которому Петру захотѣлось и самому, и государству. Каждый долженъ съ этимъ согласиться, кому извѣстны общественныя условія жизни въ Нѣмецкой слободы. Выше была уже дана характеристика этой иностранной колоніи. Дружная, семейная жизнь, церкви и школы, ремесла и торговля, научные и литературные

[23]) Guérier, 12.

[24]) Поссельтъ. II, 3 и 522.

интересы, широко распространенные въ кругахъ иностранцевъ различныхъ національностей, вѣроисповѣданій и занятій, производили то же дѣйствіе, что и въ Западной Европѣ. Здѣсь были выдающіеся представители германскихъ народовъ, на которыхъ реформаціонной вѣкъ наложилъ свою печать; здѣсь были трудолюбіе и предпріимчивость, знанія и способности, образующіе то, что называется «self made man», самостоятельнаго, дѣльнаго человѣка,—и это все было явленіемъ заурядным, бросающимся въ глаза Въ Нѣмецкой слободѣ жили иностранные дипломаты; купцы и ремесленники часто ѣздили отсюда за границу, большинство жителей вело оживленную переписку съ Западомъ, выписывали оттуда журналы и брошюры, — поэтому слобода стояла много ближе къ западно-европейской культурной жизни, чѣмъ столица. Дружеская непринужденность обращенія Петра, относившагося, какъ равный къ равнымъ, было лучшею школою, чѣмъ тупой церемоніалъ Кремля; вѣротерпимость и космополитизмъ, царившіе здѣсь, производили отрезвляющее вліяніе на односторонность, религіозные и національное предразсудки, бывшіе въ обычаѣ въ спеціально русскихъ кругахъ. Петръ имѣлъ возможность глубоко заглянуть па созданный, согласно основаніямъ западно-европейской цивилизаціи, микрокосмосъ, опъ нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ изучалъ по этому образчику высшей культуры самую сущность прогресса, въ которомъ нуждалась Россія,—и это имѣло неисчислимое вліяніе на дальнѣйшую судьбу восточной Европы. Сдѣланный Петромъ въ 1690 г. шагъ изъ Кремля въ слободу былъ, пожалуй, больше, чѣмъ столь важное предпріятіе, какъ поѣздка за границу въ 1697 году. Нѣмецкая слобода была узловою точкою, станціею на этомъ пути; она была посредникомъ между Западомъ и Востокомъ, она заключаетъ собою исторію древней Россіи и открываетъ новую эру въ развитіи этой страны.

Было очень важно, что Петръ, вмѣсто грубаго обращенія русскихъ, у которыхъ водка играла преобладающую роль, встрѣтилъ здѣсь общительность, при которой опьяненіе имѣло меньшія послѣдствія, и при которой женщины не исключались, тогда какъ въ чисто-русскихъ кружкахъ женщины не имѣли никакого значенія; важно было то, что Петръ встрѣтилъ здѣсь простые нравы третьяго сословія. Не было тутъ недостатка въ шуткахъ и веселости, но они не имѣли никакого сравненія съ дикимъ разгуломъ русскихъ пьяныхъ собраній. Что Петръ былъ очень расположенъ къ болѣе утонченнымъ порывамъ, доказывается его участіемъ на семейныхъ торжествахъ у иностранцевъ, на ихъ свадьбахъ и крестинахъ. Особенно ему полюбился танецъ «гросфатеръ». Въ празднествахъ, устраиваемыхъ въ честь Петра, принимали участіе и дамы, что потверждается играми,

устроенными для царя барономъ Келлеромъ въ 1691 году, послѣ того, какъ весною того же года чествовали Петра шведскій и финскій резиденты [25]).

Англичане открыли въ 1553 г. морской путь въ Россію, но больше, чѣмъ англичане, преобладающее значеніе во второй половинѣ XVII в. въ торговлѣ съ Россіею заняли голландцы. Число голландскихъ купцовъ, жившихъ въ Архангельскѣ, Москвѣ и по другимъ городамъ, о которыхъ сохранились современныя упоминанія, было очень значительно [26]). Къ Нидерландамъ въ Россіи было особое расположеніе. Съ Карломъ II и Яковымъ II бывали рѣдкія и подчасъ недружелюбныя сношенія. Зато ощутилась большая радость по поводу восшествія Вильгельма III [27]). Русскіе послы, неоднократно ѣздившіе въ XVII столѣтіи въ Испанію, обыкновенно избирали путь черезъ Голландію, гдѣ ихъ очень радушно встрѣчали [28]). Также и Долгорукій направилъ свою поѣздку во Францію и Испанію чрезъ Голландію и нѣкоторое время прожилъ въ этой странѣ, хваля ея государственный строй, общественность, управленіе и порядокъ жизни [29]). Вѣроятно, что сообщенныя Долгорукимъ свѣдѣнія произвели на Петра извѣстное впечатлѣніе. Его отношенія къ барону Келлеру еще болѣе укрѣпили его въ такомъ представленіи о республикѣ и о сосредоточеніи въ ней всей міровой торговли. О всѣхъ событіяхъ войны Англіи и Голландіи узнавали въ Россіи черезъ посредство Келлера, Гордона и другихъ иностранцевъ. Было невозможно, чтобы голландскій посланникъ въ своихъ бесѣдахъ съ царемъ о внѣшней торговлѣ, не указывалъ ему на значеніе военнаго флота для защиты торговыхъ интересовъ и не старался склонить его принять сторону Голландіи противъ Франціи [30]). Очень сильно должно было повліять на Петра письмо амстердамскаго бургомистра Николая Витсена (1691 г.), въ которомъ этотъ выдающійся государственный дѣятель и ученый (посѣтившій Россію въ 1661 г. и составившій сочиненіе «Noord en ost Tatarye», появившееся въ 1692 г.) давалъ царю много полезныхъ совѣтовъ относительно торговли съ Китаемъ и Персіею [31]). Въ своихъ донесеніяхъ Генеральнымъ Штатамъ Келлеръ сообщалъ, что Петръ усердно занимается вопросами торговли, не меньше,

---

[25]) Тамъ же (Лефортъ. I, 498).

[26]) Scheltema (Peter der Grosze in Holland). Kilbürger. über den Russischen Handel bei Busching III.—Поссельтъ I, 503.

[27]) Гордонъ. II, 239—340.

[28]) Брикнеръ (Культурно-истор. очерки).

[29]) Поссельтъ (Лефортъ. I, 388).

[30]) Тамъ же, I, 502, 505.

[31]) Тамъ же, I, 508.

чѣмъ военнымъ дѣломъ, и что онъ еще о многомъ сообщитъ по этому предмету. Отъ личнаго отношенія Петра зависѣло многое. Когда, какъ уже сказано выше, Петръ сильно занемогъ, Келлеръ съ тревогою слѣдилъ за ходомъ болѣзни; онъ писалъ также, что Петръ очень расположенъ къ иностранцамъ, что возбуждало среди русскихъ нѣкоторое недовольство. «У насъ очень важныя причины,—пишетъ послапникъ,—чтобы желать ему многолѣтнее и прочное здоровье» [32]). Все болѣе и болѣе горячее участіе проявляетъ Петръ къ событіямъ въ Западной Европѣ; въ особенности привлекаетъ его Вильгельмъ III. Петръ выражаетъ даже желаніе участвовать въ походѣ подъ начальствомъ этого короля или оказать на морѣ поддержку Англіи противъ Людовика XIV. Когда лѣтомъ 1692 г. англійскій флотъ одержалъ побѣду надъ французскимъ, Петръ праздновалъ это событіе пушечными выстрѣлами съ новостроющихся на Переяславскомъ озерѣ судовъ [33]).

Подобно отношеніямъ съ Гордономъ, Лефортомъ и барономъ Келлеромъ, было существенно и вліяніе другихъ иностранцевъ. Отъ сына голландскаго купца, занимавшагося въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича горнымъ промысломъ въ Россіи, Андрея Виніуса, Петръ также узналъ очень много свѣдѣній про Западную Европу. Виніусу давались посольскія порученія, онъ перевелъ нѣсколько книгъ на русскій языкъ, составилъ географическое изслѣдованіе, былъ дипломатическимъ агентомъ въ Малороссіи, завѣдывалъ аптекарскимъ приказомъ и, въ царствованіе Петра, управлялъ почтами. Въ этой должности онъ могъ быть прекрасно освѣдомленнымъ о всѣхъ событіяхъ. Петръ часто бывалъ въ его обществѣ и охотно пользовался его многосторонними техническими знаніями въ горномъ дѣлѣ и въ кораблестроеніи, выписывалъ изъ-за границы чрезъ посредство Виніуса модели и инструменты, ремесленниковъ и книги; онъ поручалъ ему переводить голландскія книги, приготовлять пушки и порохъ, устраивать оружейные заводы. Впослѣдствіи Виніусъ основалъ морскую школу [34]).

Среди лицъ, въ обществѣ которыхъ находился Петръ въ первые годы послѣ государственнаго переворота 1689 г., встрѣчаемъ мы еще Георга фонъ-Менгдена, бывшаго полковникомъ того самаго полка, въ которомъ самъ царь числился сержантомъ; потомъ маіора того же преображенскаго полка Адама Вейде, весьма опытнаго въ инженерномъ дѣлѣ;

[32]) Тамъ же, I, 511 и 514.

[33]) Тамъ же, I, 519.

[34]) Устряловъ. II, 126.—Виніусъ родился въ Россіи и былъ православный.

затѣмъ капитана Якова Брюса и переводчика посольскаго приказа Андрея Кревета, которому Петръ давалъ порученія однородныя съ Виніусомъ [35]).

Новый шагъ на своемъ пути въ Западную Европу совершилъ Петръ, когда въ 1693 и 1694 гг. предпринялъ путешествіе въ Архангельскъ. Здѣсь иностранцы, въ качествѣ моряковъ и купцовъ, играли преобладающую роль, здѣсь на берегу Двины стояла нѣмецкая слобода, съ реформатскою церковью. По пути Петръ посѣтилъ Вологду, гдѣ уже обратилъ вниманіе, что часть города, заселеннаго иностранцами, имѣетъ болѣе красивые дома [36]). Гордонъ, сопутствовавшій Петру въ одномъ изъ этихъ путешествій, въ своемъ дневникѣ отмѣчаетъ, какъ непринужденно держалъ себя Петръ съ моряками и купцами, игралъ съ ними въ кегли, совершалъ увеселительныя поѣздки по двинскимъ островамъ и принималъ отъ нихъ угощеніе въ ихъ домахъ и каютахъ. Въ Архангольскѣ Петръ стоялъ на ближайшемъ къ Западной Европѣ русскомъ пунктѣ; чрезъ Архангельскъ шелъ путь для товаровъ и путешественниковъ въ Европу и обратно въ Россію. Здѣсь Петръ познакомился съ моремъ, здѣсь иностранцы открыли Петру многія еще неизвѣстныя ему тайны морского кораблестроенія. Одинъ морякъ изъ Саардама научилъ его лазить на мачты и править парусами [37]). Въ Архангельскѣ Петръ нашелъ значительное число иностранныхъ нагруженныхъ западно-европейскими товарами судовъ, обширное зданіе таможни, конторы представителей иностранныхъ и московскихъ, голландскихъ и англійскихъ фирмъ. Онъ построилъ торговый корабль и послалъ въ Европу съ русскими товарами [38]). Отсюда же онъ поручилъ Николаю Витсену купить ему корабль въ Голландіи [39]). Впечатлѣнія отъ жизни въ Нѣмецкой слободѣ въ Москвѣ и въ Архангельскѣ оказали черезъ нѣсколько лѣтъ большое вліяніе при основаніи Петербурга.

Въ иностранцахъ Петръ одинаково нуждался, какъ для своихъ военныхъ маневровъ, такъ и для своихъ морскихъ опытовъ, послужившихъ основаніемъ русскому флоту.

Вслѣдъ за перемѣною правленія Петръ, какъ мы видѣли, былъ возможно частымъ свидѣтелемъ тѣхъ ученій, которыя производилъ Гордонъ

---

[35]) Тамъ же. 127.
[36]) Гордонъ. II, 482.
[37]) Шельтема.
[38]) Этотъ корабль былъ захваченъ французами.
[39]) Устряловъ. II, 149.

съ войсками. Эти военныя забавы были введеніемъ въ большіе маневры, которые продолжались въ слѣдующія годы вплоть до Азовскихъ походовъ; первый опытъ происходитъ въ 1690 г. Эти маневры не были совершенно безопасны, такъ какъ ручныя гранаты и горшки съ воспламеняющимися веществами иногда причиняли пораненія. Такъ, 2-го іюня 1690 г. царь былъ контуженъ въ лицо разорвавшимся близъ него подобнымъ снарядомъ; отъ этого же пострадалъ Гордонъ и нѣкоторые другіе. 4-го сентября того же года по той же причинѣ было ранено нѣсколько солдатъ.

Дорожныя сани Петра Великаго.

Гордонъ пострадалъ настолько сильно въ ноги и лицо, что недѣлю лежалъ дома на попеченіи хирурга.

«Потѣшные» Петра сражались противъ стрѣльцовъ. Это была борьба старой и новой системы военнаго искусства, нашедшихъ себѣ здѣсь приложеніе.

Въ 1691 г. упражненія продолжались. На этотъ разъ они закончились настоящимъ походомъ и штурмомъ крѣпости «Пресбургъ», которую защищалъ «генералиссимусъ Ромодановскій», и которая сдалась предводимому Петромъ отряду. Сраженіе было жаркое. Князь Долгорукій умеръ отъ полученныхъ ранъ, было много другихъ раненыхъ. Петръ, Гордонъ и Лефортъ принимали самое горячее участіе въ этомъ штурмѣ.

Съ еще болѣе многочисленными отрядами происходилъ въ 1694 г. Кожуховскій походъ. Здѣсь во главѣ войскъ самого царя былъ Ромодановскій съ новыми полками, противъ «польскаго короля» Бутурлина,

войска котораго состояли преимущественно изъ стрѣльцовъ. Бутурлинъ защищалъ крѣпостцу, но долженъ былъ сдаться. На этотъ разъ оружіемъ служили: ручныя гранаты, огненные горшки, зажженные осмоленные пучки хвороста. Лефортъ, пославшій своимъ роднымъ въ Швейцарію отчетъ объ этомъ сраженіи, былъ сильно обожженъ въ голову и шею; онъ шесть дней не могъ ничего видѣть, и кожа кусками сходила съ его лица, что, впрочемъ, не помѣшало ему въ тотъ же вечеръ угощать въ своей палаткѣ царя и главныхъ начальниковъ [40]).

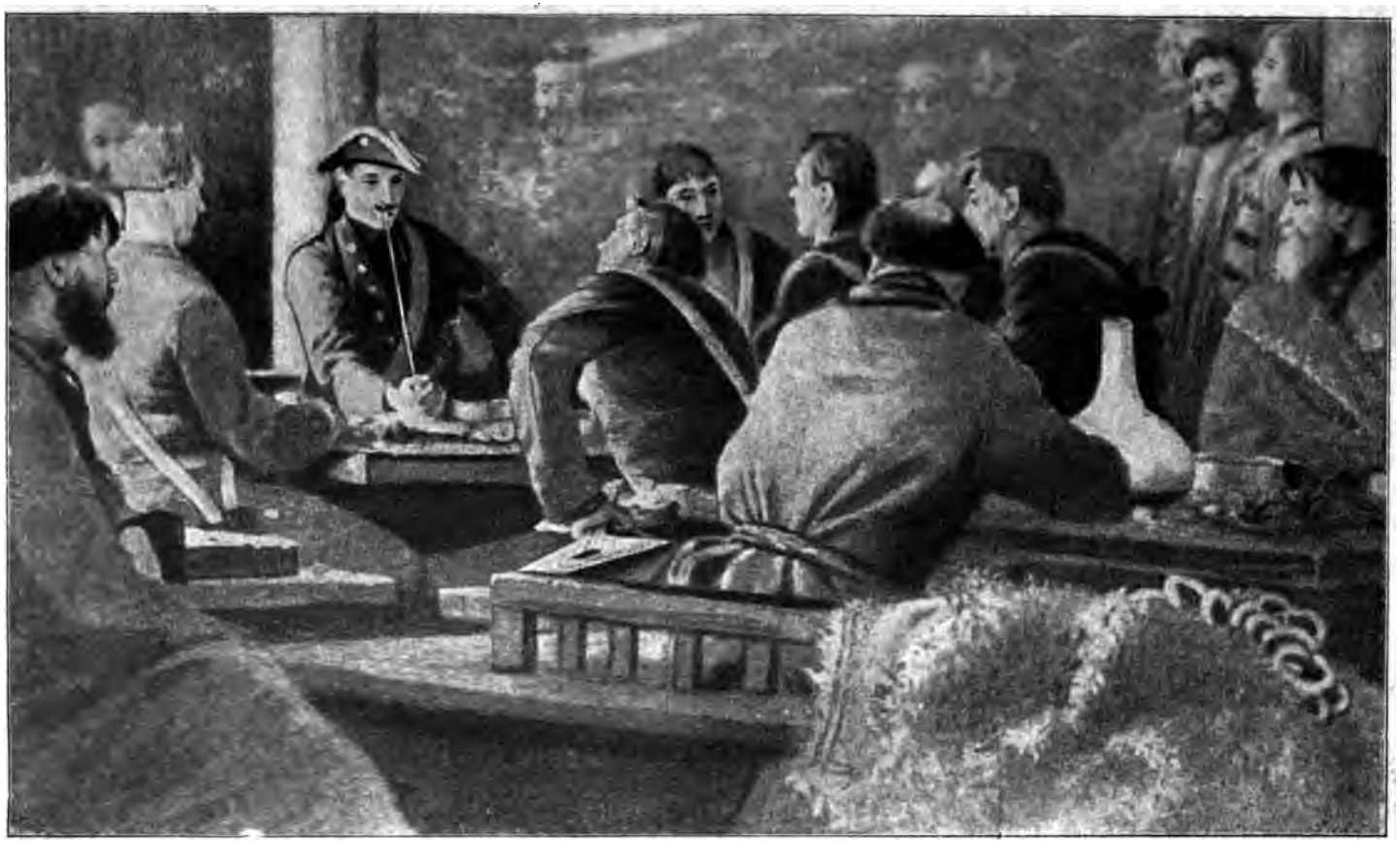
Распоряженія собственно исходили отъ Гордона. Онъ указывалъ въ 1691 г. войскамъ ихъ мѣсторасположеніе. Въ 1694 г., когда еще путешествовалъ вмѣстѣ съ Петромъ въ Архангельскъ, онъ все-же былъ занятъ приготовленіями Кожуховскаго похода. Онъ откровенно заявляетъ, что сраженіе велось по составленному имъ плану, и что онъ руководилъ всѣми дѣйствіями. Хотя Петръ и вручилъ главное начальствованіе въ обоихъ лагеряхъ русскимъ вельможамъ, но все-таки иностранные военные были дѣйствительными руководителями и учителями во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ, которыя, какъ подготовленіе къ азовскимъ походамъ, имѣли такое важное значеніе. Эти потѣшныя сраженія не мало способствовали укрѣпленію узъ, связывавшихъ Петра съ иностранцами. Онъ научился цѣнить ихъ техническія знанія; мысль, что военный и политическій успѣхъ существенно зависитъ отъ организаціи арміи, и что ея реорганизація требуетъ участія иностранцевъ, неминуемо должна была крѣпнуть въ умѣ царя во все время маневровъ.

Не меньше была потребность въ иностранцахъ и при опытахъ плаванія, которые, подобно сухопутнымъ военнымъ забавамъ, принимали все болѣе и болѣе широкіе размѣры. Здѣсь склонность царя была еще живѣе; она стала положительно страстью, и самъ Петръ автобіографически разсказываетъ въ введеніи къ морскому регламенту о развитіи морского дѣла въ Россіи [41]). Еще до государственнаго переворота онъ усиленно предавался этому удовольствію, а теперь, получивъ большія къ тому средства, онъ могъ обставить маневры съ судами въ томъ же видѣ, какъ и сухопутные, которые онъ производилъ своими потѣшными полками.

---

[40]) Устряловъ. II. 130—147, 178—189. Нѣкоторыя подробности у Лефорта (Поссельтъ, II, 199—215).—Монографія Корниловича по этому вопросу въ „Сѣв. Арх." 1834 г., IX, 337.- У Гордона (II, 352, и др.) много датъ.

[41]) Мнѣніе, что Петръ будто бы страдалъ водобоязнью, высказанное сначала Штраненбергомъ и потомъ повторенное многими (Вольтеромъ, Крекшинымъ и Голиковымъ) не заслуживаетъ никакой вѣры.—Ср. Устряловъ, II, 332 и слѣд.

Потѣшные Петра Великаго.

На Переяславскомъ озерѣ (20 миль отъ Москвы) уже въ 1689 году была сооружена верфь. Подъ руководствомъ голландцевъ Карстена Бранта и Корта было построено три судна. Лѣто 1689 г. Петръ работалъ здѣсь, какъ простой корабельный плотникъ, съ топоромъ въ рукахъ. Сюда онъ переѣхалъ зимою 1691—1692 гг. и занялся постройкою большого военнаго корабля. Работалъ Петръ съ такимъ усердіемъ, что было трудно убѣдить его сдѣлать перерывъ, когда прибытіе въ Москву персидскаго посольства, хотя бы на короткое время, требовало пребыванія царя въ столицѣ. 1-го мая 1692 г. новое судно могло быть спущено, и это событіе послужило поводомъ ко многимъ празднествамъ. Изъ частнаго письма Петра къ матери съ Переяславскаго озера, можно видѣть, какъ былъ онъ поглощенъ спеціальными предметами, относящимися къ кораблестроенію. Для участія въ морскихъ торжествахъ въ Переяславль прибыли супруга и мать Петра. Въ 1698 г. Петръ лишь короткое время проводитъ на озерѣ, его занимаетъ болѣе высокая цѣль. Онъ предпринялъ путешествіе въ Архангельскъ и отсюда большую поѣздку по Бѣлому морю. Онъ самъ разсказываетъ, что стоило большого труда получить на это согласіе матери. Ея нѣжныя письма свидѣтельствуютъ о живѣйшей заботливости о жизни сына. Въ Архангельскѣ также было приступлено къ постройкѣ большого корабля. Бывшій впослѣдствіи адмираломъ, Апраксинъ руководилъ этими работами. Зима въ Москвѣ прошла въ приготовленіяхъ къ морскимъ маневрамъ 1694 г. Ромодановскій сдѣланъ адмираломъ, Гордонъ контръ-адмираломъ, самъ Петръ довольствовался скромнымъ званіемъ шкипера. Въ это время скончалась мать Петра (1694 г.).

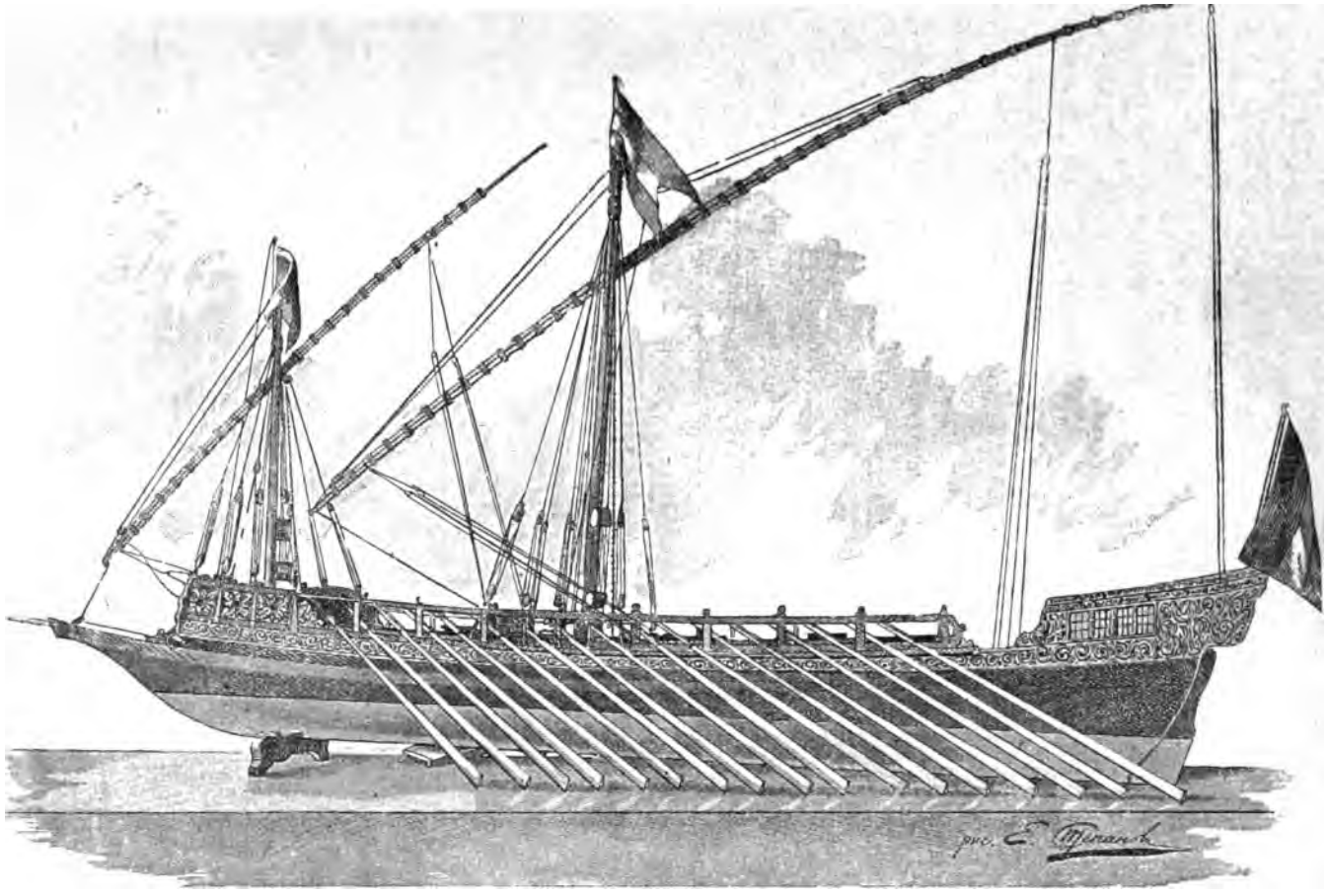
Лѣтомъ этого же года состоялось путешествіе Петра въ Соловецкій монастырь, во время котораго Петръ чуть не потонулъ отъ налетѣвшей бури, и только мужество и находчивость одного русскаго матроса [42]) спасли Царя. Собственноручно сколоченный въ память этого обстоятельства деревянный крестъ находится теперь въ одной изъ архангельскихъ церквей. Гордонъ, въ другой поѣздкѣ, о которой онъ подробно сообщаетъ въ своемъ дневникѣ, также подвергался большой опасности [43]).

Нельзя не удивляться рабочей крѣпости царя, умѣвшаго придавать своимъ потѣхамъ серьезное значеніе и любившаго прерывать самую напряженную работу непринужденными пирами и оргіями. Игра въ кегли и

---

[42]) Антипъ Тимоѳеевъ. *Прим. ред.*

[43]) Устряловъ. II, 141—147.—Веселаго (Матеріалы для исторіи русскаго флота, II, 70).—Гордонъ. Записки.—Новиковъ (Монографія 1783 г., объ архангельскихъ путешествіяхъ).

Галера временъ Петра Великаго.

кораблестроеніе, веселыя попойки и научные опыты въ лабораторіяхъ, грубыя шутки и серьезныя бесѣды по техническимъ вопросамъ перемѣшиваются въ самой пестрой очереди. То Петръ лазитъ на мачту корабля, то глубокимъ басомъ поетъ въ церкви наравнѣ съ другими пѣвчими; сегодня онъ, въ обществѣ 100—200 приглашенныхъ, проводитъ въ сплошномъ кутежѣ всю ночь напролетъ, а на утро отправляется на верфь, чтобы простымъ плотникомъ работать на постройкѣ новаго судна. Одинъ иностранецъ [44]) упоминаетъ про одну яхту, всецѣло сдѣланную руками Царя. «Долгія собесѣдованія» съ царемъ, о которыхъ упоминаетъ Гордонъ, имѣли своимъ предметомъ важные политическіе и техническіе вопросы. Но вскорѣ затѣмъ Петръ предупреждаетъ одного иностранца, что пріѣдетъ къ нему со всею свитою въ гости, чтобы пировать цѣлую ночь. Эти частыя и шумныя собранія бывали, по свидѣтельству Кохена, Келлера, Гордона и др., весьма тягостны для хозяевъ. Великолѣпный домъ, который Петръ въ 1692—1693 гг. построилъ для Лефорта и снабдилъ дорогою утварью, былъ предназначенъ для такихъ неожиданныхъ пиршествъ. Передъ отъѣздомъ царя въ Архангельскъ въ этомъ домѣ было устроено празднество, на которомъ принимало участіе до 200 человѣкъ; оно продолжалось четыре полныхъ дня. Въ погребахъ Лефорта хранилось вина на нѣсколько тысячъ талеровъ. На этихъ попойкахъ поднимались иногда тосты за короля Вильгельма III, или за процвѣтаніе Женевской республики, или за Генеральные Штаты, часто говорилось объ отношеніяхъ съ западно-европейскими государствами, и это все-таки придавало подобнымъ времяпрепровожденіямъ нѣкоторую серьезность [45]).

Само собою понятно, что несдерживаемая чувственная натура, какая была у Петра, при его особенномъ личномъ положеніи, часто впадала въ излишества. Петръ порвалъ строгій азіатскій церемоніалъ, который господствовалъ въ Кремлѣ при прежнихъ царяхъ, и онъ изъ таинственнаго полусвѣта дворца «выбѣжалъ на улицу». Здѣсь былъ свѣтъ и воздухъ, но была также и грязь. Если царь снялъ пурпуръ, если онъ снизошелъ до своихъ подданныхъ и вращался среди нихъ, какъ равный, то могло легко случиться, что онъ зашелъ слишкомъ далеко въ своей невоздержанности и прикоснулся къ грубымъ нравамъ того времени; онъ сбросилъ ореолъ полубожества, которымъ охотно прикрывались русскіе цари въ своей недоступности для народа; и не трудно было ему подпасть подъ вліяніе дикихъ

[44]) Шведскій посланникъ Кохенъ (Устряловъ. II, 36).

[45]) Подобныя бесѣды приводятся Кербомъ въ своемъ Diarium itineris etc. (за 1698 и 1699 г.).

потребностей, господствовавшихъ среди русскихъ и иностранцевъ. Уже Алексѣй Михаиловичъ нѣсколько освободился отъ предписаній дворцоваго этикета, онъ появлялся въ веселомъ обществѣ, на охотѣ, на театральныхъ

Петръ I въ дорожномъ костюмѣ.

представленіяхъ. Но Петръ въ этомъ отношеніи пошелъ гораздо дальше, какъ, впрочемъ, онъ всегда и во всемъ шелъ дальше своего отца. Алексѣй хотѣлъ соорудить флотъ, но это ему не удалось, потому что самъ царь оставался дома, не прилагалъ своихъ рукъ, предоставляя другимъ исполненіе своихъ приказаній. Петръ построилъ флотъ, потому что самъ рѣшилъ

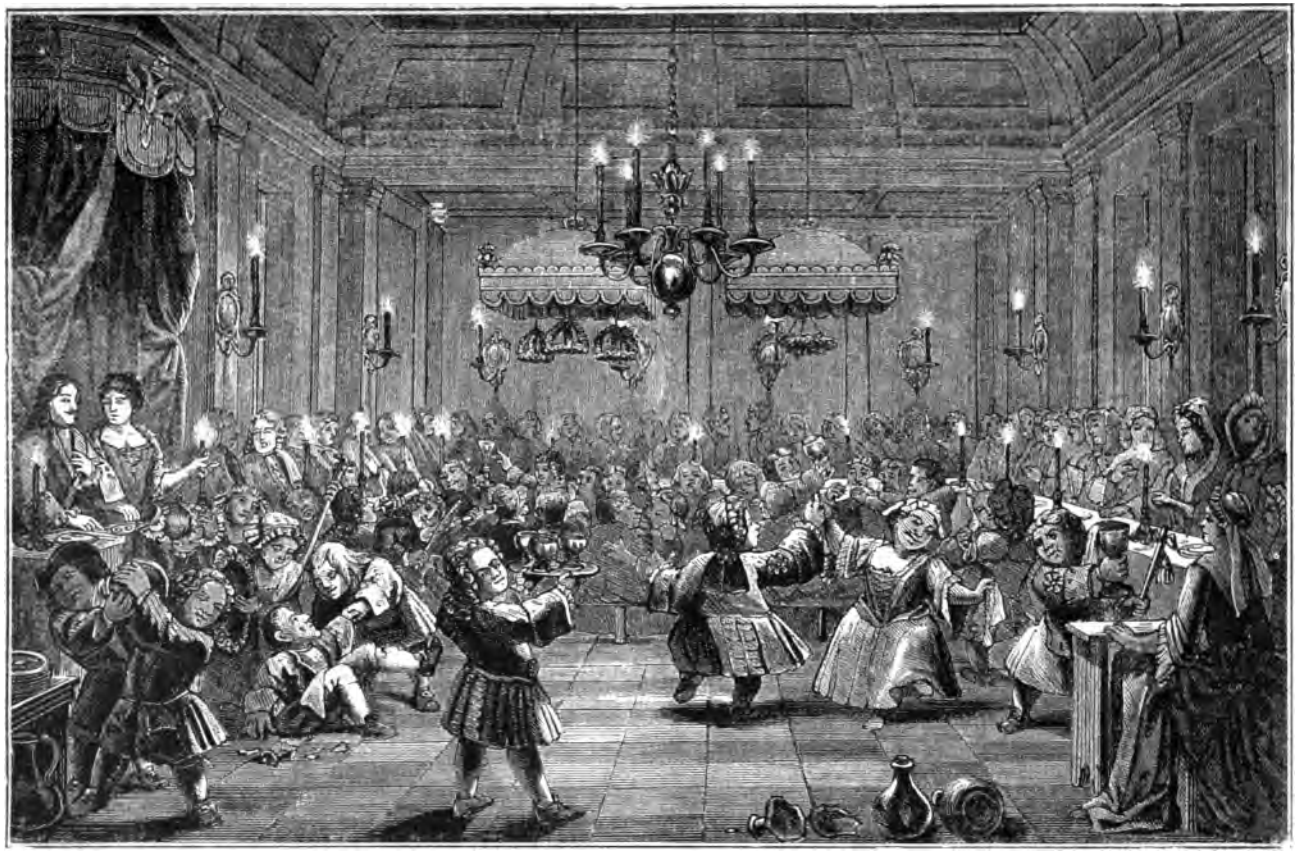
нести службу матроса, исполнить работу плотника. И какъ понятно, что онъ, какъ простой матросъ или плотникъ, послѣ работы, предавался дикому разгулу. Дружеское, шутливое, иногда плоское, но всегда непринужденное обращеніе его съ большинствомъ своихъ сотрудниковъ и собутыльниковъ носило неизмѣнно отпечатокъ большаго достоинства, но не высокомѣрія. Петру было не затруднительно сдѣлать выборъ между тѣмъ, чѣмъ быть: по примѣру своихъ предковъ, кумиромъ на тронѣ, или же первымъ работникомъ въ своей странѣ. Его работоспособность соотвѣтствовала его страсти къ кутежамъ: онъ работалъ также много, какъ и пировалъ.

Безчисленное число разъ упоминается въ письмахъ Петра или въ письмахъ, обращенныхъ къ нему, «Ивашка Хмѣльницкій», народное выраженіе божества пьянства; или рѣчь идетъ о подвигахъ, какъ стрѣляли изъ серебряныхъ или хрустальныхъ мортиръ, и какъ онъ надъ всѣми одержалъ блестящую побѣду и т. д. Эта тема постоянно возвращается въ безчисленныхъ варіантахъ.

Любовь Петра къ разнаго рода грубымъ шуткамъ напоминаетъ однородныя стремленія одного изъ его предшественниковъ, Ивана Грознаго. При дворѣ Петра было много карликовъ и шутовъ. Однажды онъ появился у Лефорта въ сопровожденіи 24 карликовъ [46]). Уже въ это время съ «княземъ-папою», Зотовымъ, прежнимъ учителемъ Петра, продѣлываются различныя шутки. Грубость этихъ выходокъ вызываетъ наше удивленіе, кажется намъ совершенно безвкусною. Въ началѣ 1695 г. Петръ торжественно праздновалъ свадьбу своего шута Тургенева. Свадебный поѣздъ съ гостями двигался въ повозкахъ съ самыми причудливыми закладками: тутъ были козлы, свиньи, собаки; наряды гостей были сдѣланы изъ рогожныхъ кулей, изукрашенныхъ кошачьими лапами поскопныхъ армяковъ, изъ соломенной обуви, мышиныхъ рукавицъ и т. п. [46]). Можно съ достовѣрностью заключить, припоминая подобныя же шутки и забавы позднѣйшаго времени, что и въ этомъ отношеніи Петръ явился изобрѣтателемъ. Но на ряду съ этими грубыми выходками мы въ эти же годы встрѣчаемъ эстетическія потребности, которыя свидѣтельствуютъ о вліяніи западно-европейскаго образованія. Во время фейерверковъ устраивались миѳологическія сцены; такъ, напр., показывался Геркулесъ, разрывающій пасть льва; въ письмѣ къ Виніусу изъ Архангельска Петръ вспоминаетъ, по поводу одного пожара, про ярость Вулкана; описывая морскую бурю, онъ добавляетъ, что не слѣдуетъ пренебрегать могуществомъ Нептуна.

---

[46]) Поссельтъ. I, 88.

Свадьба карликовъ при Петрѣ Великомъ (Съ гравюры XVIII вѣка).

О горячности Петра въ молодости разсказываются различные случаи. На какомъ-то пиршествѣ онъ собственноручно побилъ своего шурина Лопухина за то, что тотъ обидѣлъ Лефорта. Петръ былъ часто вспыльчивъ, и тогда его было трудно успокоить.

Мы можемъ предположить, что уже въ это время существовали близкія отношенія Петра съ красивою дочерью богатаго виноторговца Монса, съ которою онъ познакомился черезъ посредство Лефорта; эта связь, по возвращеніи Петра изъ-за границы въ 1698 г., вызвала сильное волненіе [47]).

Пеструю и оживленную картину представляютъ эти годы жизни Петра; есть много свѣта и много тѣней; сталкивается много противорѣчій. Богато одаренная натура Петра не поддалась опасности въ чаду наслажденій, онъ съ одинаковымъ удовольствіемъ относился къ работѣ и къ удовлетворенію своихъ умственныхъ потребностей.

Собственно къ государственнымъ дѣламъ Петръ стоитъ еще далеко, и намъ не слѣдуетъ удивляться безплодности законодательства и государственнаго управленія за это время. Правили страною Левъ Кирилловичъ Нарышкинъ, дядя царя, и его прежній приближенный кн. Борисъ Голицынъ, но безъ всякаго законодательнаго полномочія, а только именемъ царя и по его довѣрію. Внѣшними дѣлами занимались опытные дьяки, въ родѣ Емельяна Украинцева, бояре Троекуровъ, Стрешневъ, Прозоровскій, Головкинъ, Шереметевъ, Долгорукій и Лыковъ стояли во главѣ разныхъ приказовъ [48]).

Петръ ограничивался приготовленіемъ средствъ, которыя требовались для большаго успѣха въ области иностранной политики. Онъ заботился о созданіи войска и флота. Доступный западно-европейскимъ вліяніямъ, онъ, въ качествѣ ученика иностранцевъ, многому научился и подготовлялъ тѣ внутреннія государственныя реформы, которыя, совмѣстно съ событіями международной жизни, должны были придать его царствованію всемірно-историческое значеніе.

Непосредственнымъ результатомъ этихъ ученическихъ лѣтъ были Азовскіе походы. Послѣ того послѣдовало второе, еще болѣе важное событіе—путешествіе за границу.

---

[47]) Совершенно неправильное представленіе объ этомъ встрѣчается въ книгѣ Семевскаго „Семейство Монсъ“. Спб., 1862.—Поссельтъ (Лефортъ. II, 573), старается опровергнуть нѣкоторыя заключенія.

[48]) См. Устряловъ. II, 96 и слѣд.

Петръ Великій въ Архангельскѣ. Картина, выставленная во время юбилея на Царицыномъ лугу.

ГЛАВА VII.

Азовскіе походы.

Незадолго передъ своимъ паденіемъ, Лже-Дмитрій подготовлялъ походъ противъ турокъ и татаръ. У него было духовное сродство съ Петромъ. Подобно ему, онъ охотно разрывалъ тѣсныя рамки царившихъ при московскомъ дворѣ обычаевъ и этикета; онъ также поступилъ въ школу къ иностранцамъ и также направилъ свои взоры на восточный вопросъ; наконецъ, подобно Петру, онъ устраивалъ маневры и примѣрныя крѣпости, чтобы подготовиться къ восточной войнѣ. Лже-Дмитрій былъ поглощенъ мыслью изгнать турокъ и покорить Крымъ и надѣялся заключить союзъ съ венеціанскою республикою и королемъ Генрихомъ IV противъ врага христіанства. При какомъ-то взятіи крѣпости на маневрахъ, онъ замѣтилъ, что также возьметъ Азовъ. Онъ замышлялъ перейти отъ оборонительныхъ дѣйствій, которыхъ такъ долго держалась Россія въ отношеніи къ Востоку, къ дѣйствіямъ наступательнымъ.

Въ настоящее время въ борьбѣ съ Востокомъ Россія не имѣла особеннаго успѣха. Было достаточно и того, что отторгнутую отъ сосѣдней Польши Малороссію съ величайшимъ трудомъ отстаивали отъ притязаній Порты. Но при этомъ, въ особенности во время чигиринскихъ походовъ, пришлось убѣдиться, что въ военномъ отношеніи Турція стояла выше Россіи. Еще менѣе ободряющими оказались предпринятые въ правленіе Софьи крымскіе походы Голицына.

Съ того времени было постоянное колебаніе между миромъ и войной. Союзъ съ Польшею продолжалъ существовать, но военныя дѣйствія были пріостановлены. Было какъ бы не формальное, но фактическое перемиріе. Малороссійскій гетманъ Мазепа пытался склонить къ заключенію мира крымскаго хана Саадата-Гирея. Ханъ настаивалъ на status quo ante,

на существовавшихъ основаніяхъ, но Россіи приходилось уплачивать хану родъ дани. Въ 1692 г. въ Бахчисарай былъ посланъ русскій дипломатическій агентъ; переговоры ни къ чему не привели; татары не хотѣли ни отказаться отъ дальнѣйшаго полученія дани, ни отпустить на волю находившихся у нихъ въ плѣну русскихъ людей.

Татарамъ было на руку необезпеченное положеніе Малороссіи; въ ней продолжали жить мятежные элементы, которые мечтали о союзѣ съ татарами противъ Великороссіи. Дѣло не дошло до значительныхъ послѣдствій, но заключеніе мира было невозможно [1]).

Между тѣмъ Польша и императоръ Леопольдъ настаивали на дѣйствіяхъ противъ Востока. Въ 1691 году въ Москву прибылъ императорскій интернунцій Курцъ; онъ выставлялъ, какъ затруднительно положеніе Австріи въ отношеніи Турціи, и старался побудить русское правительство къ походу противъ «варваровъ» [2]). Гордонъ, знавшій положеніе дѣлъ, по этому поводу въ письмѣ къ своему родственнику, герцогу Гордону, замѣчаетъ, что Россія, несмотря на всѣ старанія интернунція, «не въ состояніи, а также и не расположена дѣлать больше, чѣмъ прикрывать свои границы»... [3]). Въ началѣ 1692 года Гордонъ опять подтверждалъ: «Мы живемъ здѣсь въ мирѣ, и самыя настойчивыя увѣщанія нашихъ союзниковъ не могутъ побудить насъ вынѣ же предпринять что-либо важное [4]).

Набѣги татаръ, однако, продолжались; въ началѣ 1692 г. 12,000 ихъ появилось въ Малороссіи предъ Немировымъ; они сожгли предмѣстья, вывели множество плѣнныхъ, увели большое число лошадей. Пришлось вызвать всѣ мѣстныя войска, чтобы изгнать татаръ [5]). Со стороны турокъ, находившихся въ Азовѣ, также готовился, по слухамъ, набѣгъ на Россію [6]).

Исторія возникновенія идеи азовскихъ походовъ неизвѣстна. Мы не можемъ сказать, кого слѣдуетъ считать иниціаторомъ идеи о такомъ предпріятіи. Въ 1694 г. обсуждались различныя путешествія и поѣздки. Это мы узнаемъ изъ одного письма Лефорта, писаннаго лѣтомъ этого года. Онъ сообщаетъ, что толкуютъ о путешествіи въ Казань и Астрахань; что имѣютъ предположеніе строить суда для плаванія по Каспійскому морю; въ сентябрѣ Лефортъ опять пишетъ, что рѣшено строить корабли для

---

[1]) Устряловъ. II, 213.—Соловьевъ. XIV, 176, 304.
[2]) Донесеніе Келлера у Поссельта (Лефортъ). I, 516.
[3]) Гордонъ. III, 280.—О томъ-же къ Мельфору. III, 285.
[4]) Тамъ же. III, 309.
[5]) Тамъ же. II, 340, 398, 400.
[6]) Тамъ же. II, 317.

Волги; затѣмъ, черезъ два года, можно будетъ двинуться въ Персію для уложенія важныхъ дѣлъ [7]). О восточной (турецкой) войнѣ въ письмахъ Лефорта почти нѣтъ рѣчи. Голландскій посланникъ, наоборотъ, пишетъ за это же время: «Мнѣ удостовѣрили, что ихъ царскія величества приложатъ всѣ свои старанія для борьбы съ невѣрными» [8]).

Русское правительство и съ другой стороны также побуждалось къ дѣйствіямъ противъ восточныхъ сосѣдей. Въ сентябрѣ 1691 г. получили цари письмо отъ константинопольскаго патріарха Досиѳея, въ которомъ онъ жаловался, что французы деньгами и убѣжденіями добились отъ турокъ уступки имъ большей части священныхъ мѣстъ: половину Галгоѳы, Виѳлеемскую церковь и т. д.; французы намѣревались произвести въ церкви у Гроба Господня обширныя украшенія, чтобы имѣть видъ собственниковъ. Патріархъ требовалъ, чтобы цари не отнеслись равнодушно къ этому дѣлу, и если нужно, взялись бы за оружіе [9]).

Совершенно тотъ же вопросъ игралъ подобную же роль и при возникновеніи крымской войны 1853 года. Совершенно въ однородной формѣ обращались въ новѣйшее время христіанскіе подданные султана къ защитѣ и поддержкѣ Россіи.

Досиѳей указывалъ, что уже въ 1673 г. въ письмѣ къ царю Алексѣю онъ обращалъ вниманіе на притѣсненія турокъ, теперь наступило время для переговоровъ; теперь надо быть твердымъ; Россія должна оказать содѣйствіе Польшѣ и императору и добиться благопріятнаго мира. Въ особенности ради Святого Гроба надо было всѣмъ пожертвовать; нѣкогда Александръ Македонскій предпринялъ войну съ Персіею не ради религіозныхъ интересовъ, а лишь ради національныхъ; позорно будетъ, если цари ради Святого Гроба не захотятъ взяться за оружіе. Татары — ихъ небольшая горсть, хвалятся, что берутъ съ русскихъ дань, а такъ какъ татары турецкіе подданные, то и выходитъ, что и сами цари подданные Турціи; царь только хвасталась, что готовятъ большія предпріятія, но это лишь пустыя слова, до дѣла никогда не доходитъ [10]).

Это воздѣйствіе, повидимому, не произвело никакого впечатлѣнія на Петра. Можно установить, что, собственно, рѣшеніе войны, цѣль которой былъ

---

[7]) Соловьевъ. XIV, 217.

[8]) Поссельтъ (Лефортъ). II, 229.

[9]) Соловьевъ. XIV, 218—219.

[10]) Второе посланіе отъ 2 сентября 1691 г., полученное въ Москвѣ только въ началѣ 1693 г.—См. Соловьевъ. XXI, 220—221.

Азовъ, состоялось въ послѣдніе дни 1694 года, какъ это вытекаетъ изъ слѣдующихъ обстоятельствъ.

Гордонъ принадлежалъ къ самому близкому кружку царя. Естественно предположить, что въ бесѣдахъ по вопросамъ войны и мира онъ долженъ былъ принять большое участіе. И вотъ 24 февраля 1694 года Гордонъ пишетъ въ Вѣну своему другу Курцу: «Я думаю и надѣюсь, что мы этимъ (предстоящимъ) лѣтомъ предпримемъ нѣчто для блага христіанства и нашего союза» [11]). Быть можетъ, еще въ это время война не была окончательно рѣшена, или Гордонъ не долженъ былъ объ этомъ говорить, или же онъ былъ менѣе посвященъ въ намѣренія Петра, чѣмъ Лефортъ, такъ близко стоявшій къ царю. Четыре недѣли спустя (20 января 1695 г.), было объявлено о созывѣ ратныхъ людей, при чемъ цѣлью похода былъ обозначенъ Крымъ.

Принадлежащій къ іезуитскому ордену австрійскій дипломатическій агентъ Плейеръ, жившій въ Россіи подъ предлогомъ изученія русскаго языка, въ дѣйствительности же съ цѣлями пропаганды католицизма, писалъ императору Леопольду, что «царскій дворъ постоянно тайно о чемъ-то совѣщается»; большіе маневры подъ Кожуховымъ онъ считаетъ подготовленіемъ къ азовской войнѣ. Онъ смѣется надъ русскими, которые не замѣчали, какую цѣль имѣютъ «потѣшные походы», онъ также сообщаетъ, что царь собираетъ, чрезъ посредство атамана донскихъ казаковъ, свѣдѣнія о состояніи турецкой крѣпости Азова [12]).

Было высказано предположеніе, что Лефортъ поддерживалъ мысль объ азовскомъ походѣ, чтобы послѣ побѣды торжественнѣе было обставлено путешествіе Петра за границею, но это ничѣмъ не подтверждается, и все построено лишь на неопредѣленныхъ догадкахъ [13]).

О связи большихъ маневровъ у Кожухова съ настоящимъ военнымъ походомъ говоритъ самъ Петръ въ одномъ письмѣ къ Апраксину (15 апрѣля

---

[11]) Гордонъ. III, 355.

[12]) Устряловъ. II, 568.

[13]) Утвердительно, но безъ достаточныхъ основаній, говоритъ Соловьевъ (XIV, 217), что „Лефортъ хотѣлъ, чтобы Петръ предпринялъ путешествіе заграницу, въ Западную Европу; но какъ показаться въ Европѣ, не сдѣлавши ничего, не принявши дѣятельнаго участія въ священной войнѣ противъ турокъ? Не забудемъ, что, тотчасъ по взятіи Азова, предпринимается путешествіе за границу: эти два событія состоятъ въ тѣсной связи". — Что передъ походами, т. е. въ 1694—95 гг. думали о заграничномъ путешествіи, сомнительно. Намъ ничего неизвѣстно объ этомъ.

Не касаясь правильности мнѣній Брикнера, слѣдуетъ замѣтить, что Соловьевъ нѣсколько далѣе замѣчаетъ: „Петръ поѣхалъ бы заграницу и безъ Лефорта". (*Прим. ред.*).

1695 года) въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Хотя въ ту пору, какъ осенью, въ продолженіе пяти недѣль, трудились мы подъ Кожуховымъ въ Марсовой потѣхѣ, ничего болѣе, кромѣ игры на умѣ не было, однакожъ эта игра стала предвѣстникомъ настоящаго дѣла».

Въ оффиціальномъ манифестѣ Крымъ былъ объявленъ мѣстомъ военныхъ дѣйствій, повидимому, съ цѣлью скрыть планъ русскаго правительства отъ врага, но, въ дѣйствительности, этимъ мѣстомъ были устья Днѣпра и Дона, къ которымъ было рѣшено пробраться. И здѣсь, и тамъ были расположены крѣпости, затруднявшія сообщенія русскихъ по русскимъ рѣкамъ съ моремъ; онѣ служили опорными пунктами при непрекращавшихся татарскихъ набѣгахъ. Если признавалось желательнымъ защитить южную границу Россіи отъ татарскихъ нападеній, обезпечить расположенные на пограничной линіи русскіе города (Бѣлгородъ, Тамбовъ, Козловъ, Воронежъ, Харьковъ) и содѣйствовать промышленному и торговому развитію цѣлой области, имѣвшей пока значеніе только военной границы, если, наконецъ, признавалось нужнымъ стать твердою ногою на берегу моря, къ которому такъ страстно стремился Петръ, то слѣдовало постараться взять, съ одной стороны, Азовъ, съ другой—лежащія въ низовьяхъ Днѣпра турецкія укрѣпленія; Казикерманъ, Арслонъ-Ордякъ, Таганъ и т. п. Только послѣ этого было возможно, угрожая также съ моря, даже завоевать Таврическій полуостровъ.

Походы Голицына были затруднены главнымъ образомъ опасностями и препятствіями движенія по пустынной степи. Принятый Петромъ планъ кампаніи имѣлъ то преимущество, что можно было воспользоваться водянымъ путемъ для перевозки войскъ, оружейныхъ припасовъ и провіанта.

Не въ первый разъ появлялись здѣсь русскіе. Днѣпръ былъ великимъ воднымъ путемъ въ Византію. Здѣсь проходили дружины Олега и Игоря, которыя появились подъ стѣнами Царьграда и тамъ заключили миръ. Внизъ по Дону довольно часто спускались донскіе казаки, появляясь на водахъ Азовскаго и Чернаго морей, нападали на побережныхъ жителей, предавали огню и мечу города и села и возвращались обратно, богато нагруженные добычею. Въ XVII вѣкѣ имѣлъ мѣсто цѣлый рядъ подобныхъ казацкихъ набѣговъ. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича казаки сожгли Синопъ и Трапезундъ, они свирѣпствовали въ Керчи, Кафѣ, Карасубазарѣ, Мангупѣ, на Крымскомъ полуостровѣ; въ 1626 г. они были даже по близости Константинополя и сожгли тамъ одинъ монастырь [14]). Неодно-

[14]) Hammer. V, 59.

кратно они опустошали берегъ Босфора. Они не переставали показываться въ турецкихъ водахъ. По этому поводу между Россіею и Портою часто происходили столкновенія. Цари московскіе приводили въ свое оправданіе, что они не имѣютъ никакой власти надъ этими своевольными разбойниками. Казаки были только номинальными подданными Москвы, подобно тому, какъ крымскіе татары и ногайцы были номинальными подданными султана.

Въ 1637 г. нѣсколько тысячъ казаковъ явились подъ Азовомъ и взяли крѣпость. Не столько этотъ удачный набѣгъ, сколько морская осада (Азовское сидѣнье), которую выдержали въ этой крѣпости казаки противъ сильнаго турецкаго войска, является геройскимъ подвигомъ и служитъ предметомъ народныхъ сказаній. Казаки предложили Михаилу Ѳеодоровичу взять Азовъ, но послѣ многочисленныхъ обсужденій этого вопроса московское правительство рѣшило отказаться отъ опаснаго дара, потому что нельзя было допустить войны съ турками. Казакамъ было приказано очистить крѣпость. Она была разрушена.

Прошло нѣсколько десятилѣтій. Турки снова укрѣпили мѣстность, извѣстную во время генуэзскаго владычества подъ именемъ Тана; 26,000 человѣкъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ работали надъ постройкой Азовскихъ укрѣпленій. Она представляла четырехугольникъ съ высокимъ валомъ, крѣпкими бастіонами и глубокимъ рвомъ; на три версты кругомъ были раскинуты отдѣльныя укрѣпленія, двѣ каланчи и особый замокъ—Лютинъ, со стороны моря была постоянно открытая возможность доставлять подкрѣпленія и припасы.

Что Азовъ былъ дѣйствительною цѣлью, хранилось въ тайнѣ. Было сдѣлано распоряженіе, чтобы даже атаманъ донскихъ казаковъ ничего не говорилъ объ этомъ. Предполагалось захватить турокъ въ Азовѣ врасплохъ [15]).

Въ Западной Европѣ полагали, что экспедиція Петра направлена противъ Крыма. Лейбницъ писалъ одному другу, что Петръ можетъ, изгнавъ татаръ изъ Крыма, многое совершить; онъ высказывалъ надежду, что теперь приняты будутъ лучшія мѣры, чѣмъ во времена Голицына [16]).

Обращаетъ на себя вниманіе расположеніе войскъ: 120,000 человѣкъ подъ начальствомъ Шереметева, преимущественно изъ войскъ

[15]) Устряловъ. II 225. Zinkeisen (исторія османскаго царства, V. 188) говоритъ, что султанъ будто-бы пытался черезъ посредство константинопольскаго патріарха убѣдить царя воздержаться отъ Азовскаго похода (?).

[16]) Guerrier.—Leibnizt etc., 7.

прежняго устройства, посланы по Днѣпру, чтобы вмѣстѣ съ малороссійскими казаками дѣйствовать противъ турецкихъ укрѣпленій. Наиболѣе трудная задача, осада Азова, возложена по большей части на новыя войска, устроенныя по иностранному образцу и состоящія изъ полковъ, предводимыхъ иностранцами, а также изъ прежнихъ потѣшныхъ преображенскаго и семеновскаго полковъ. Само собою разумѣется, что Петръ былъ среди послѣднихъ, въ числѣ своихъ ратныхъ товарищей; въ этомъ отрядѣ было 31,000 человѣкъ, которые, по оригинальнѣйшему распоряженію, находились подъ начальствомъ «консиліи» трехъ лицъ: Головина, Лефорта и Гордона; ихъ приказанія, впрочемъ, требовали утвержденія «бомбардира преображенскаго полка Петра Алексѣева».

Ближайшимъ образомъ Петръ оставилъ за собою начальство надъ артиллеріею. Отсутствіе единовластія въ командованіи должно было оказаться неудачнымъ, во время похода стали возникать соперничества между Лефортомъ и Гордономъ. Недоставало единства распоряженій. Самъ Петръ, очень еще не опытный въ подобныхъ вопросахъ и не обладавшій никакимъ военнымъ геніемъ, затруднялся рѣшеніями, особенно, когда, какъ это нерѣдко случалось, Лефортъ и Гордонъ были противоположныхъ мнѣній. Въ это время Лефортъ безспорно имѣлъ больше личнаго вліянія на царя, чѣмъ Гордонъ, который горько жалуется въ своихъ запискахъ на превратныя сужденія своего свояка Лефорта, и который подчасъ приводитъ въ исполненіе планы, противорѣчившіе его собственнымъ взглядамъ. Результатъ, или вѣрнѣе ограниченность результата, подтверждаетъ мнѣнія Гордона, которыя, однако, не находили отголоска. Съ другой стороны, на дѣйствія Гордона въ Азовскомъ походѣ было много нареканій. Намъ, впрочемъ, нѣтъ надобности разбирать, кто изъ нихъ правъ [17]).

Въ Азовскомъ походѣ до нѣкоторой степени повторились тѣ затрудненія, которыя испытывалъ еще Голицынъ. Мобилизація и транспортированіе войскъ и припасовъ заняли больше времени, чѣмъ было желательно, опять ощущался недостатокъ въ фуражѣ для лошадей и воды, опять пришлось имѣть дѣло съ плохою дисциплиною. Даже сильный пожаръ, такъ губительно повліявшій въ 1687 г., повторился въ 1695 г. хотя и въ меньшемъ объемѣ.

Гордону, шедшему съ своими полками впереди и первымъ подошедшему къ Азову, пришлось преодолѣть враждебность донскихъ казаковъ; можно даже заключить, что казаки подумывали объ измѣнѣ.

---

[17]) Поссельтъ. (Лефортъ II, 233) благопріятнѣе относится къ Лефорту, но это мнѣніе необходимо сопоставить съ сообщеніями самого Гордона. (Записки).

Въ началѣ мая двинулся изъ Москвы авангардъ подъ начальствомъ Гордона. Къ Азову подошли только въ началѣ іюня. По пути особенно чувствовался недостатокъ лошадей. Какъ только начались осадныя работы, возникли разнорѣчія между предводителями. Несомнѣнно, самый изъ нихъ опытный Гордонъ не могъ настоять на своихъ предложеніяхъ. Работы медленно подвигались впередъ. Недоставало боевой готовности, быстрой рѣшимости.

Не было недостатка и въ измѣнахъ: Гуммертъ [18]), который подъ Азовомъ, при Троекуровѣ и самомъ Петрѣ, былъ въ званіи бомбардира, какъ бы спеціалистомъ - совѣтникомъ царя, впослѣдствіи, при осадѣ Нарвы, перешелъ въ шведскій лагерь. Петръ его очень любилъ и много довѣрялъ [19]) Также дружески относился онъ въ 1695 г. къ Якову Янсену, бывшему голландскому военному матросу; онъ пользовался особымъ довѣріемъ Петра; хорошо освѣдомленный свидѣтель удостовѣряетъ, что царь нерѣдко дни и ночи совѣщался съ этимъ Янсеномъ [20]). Тѣмъ тягостнѣе было впечатлѣніе, что этотъ человѣкъ неожиданно передался туркамъ и сообщилъ имъ сокровеннѣйшія свѣдѣнія про русскій лагерь, давшія туркамъ возможность приступить къ весьма успѣшнымъ дѣйствіямъ [21]). Извѣстно также, что въ Азовѣ проживали русскіе раскольники, которые проникли въ русскій лагерь лазутчиками, выдавъ себя за казаковъ [22]).

Графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ.

Въ скоромъ времени можно было убѣдиться, что «потѣшная» война подъ Азовомъ совершенно иная, чѣмъ подъ Кожуховымъ. Петръ не имѣлъ никакого основанія писать Апраксину при выступленіи изъ Москвы:

[18]) Bergmann. II, 29—пишетъ Gummert; Поссельтъ называетъ Hummert.

[19]) Устряловъ. IV. I, 29.

[20]) Плейеръ (тамъ же III, 573).

[21]) Объясненіе Вольтера (Pierre le Gr.), что „Якушка“ бѣжалъ, чтобы избавиться отъ тѣлеснаго наказанія, къ которому былъ приговоренъ Шеинымъ, лишено основанія.

[22]) Устряловъ. II, 236.

«шутили подъ Кожуховымъ, а теперь подъ Азовъ играть идемъ» [23]). Какъ ни были обширны приготовленія къ походу, какъ ни расхваливали «великолѣпную русскую артиллерію», все же наталкивались на несовершенства исполненія. Обычный недостатокъ провіанта сказался еще въ самомъ походѣ; неустройство интендантской части выразилось, напримѣръ, въ томъ, что долгое время войско было совершенно лишено соли. Когда начались военныя дѣйствія, выяснилось, что стрѣльцы, составлявшіе также видную часть осаждающей арміи, неохотно повиновались и не исполняли приказаній своихъ начальниковъ. Мало, конечно, помогало, что дѣятельный царь самъ работалъ, собственноручно наполнялъ бомбы и гранаты [24]), если среди высшихъ начальниковъ царила рознь, и войска неохотно сражались.

Успѣхъ былъ достигнутъ лишь со взятіемъ обѣихъ каланчей. Этотъ подвигъ былъ исполненъ дружиною донскихъ казаковъ, которымъ была обѣщана денежная награда. Но затѣмъ послѣдовало нѣсколько стычекъ, въ которыхъ перевѣсъ оказался на сторонѣ турокъ. Лагерь Лефорта въ особенности подвергался нападеніямъ врага. Въ одну турецкую вылазку Гордонъ потерялъ нѣсколько пушекъ; его собственная жизнь нерѣдко бывала въ сильной опасности. На военныхъ совѣтахъ происходили самыя нежелательныя столкновенія. Гордонъ говорилъ, что никто не проявлялъ достаточнаго усердія. «Все идетъ такъ медленно и неудачно, точно намъ оно совершенно не важно». Про одно совѣщаніе онъ замѣчаетъ, что «по обычаю ничего дѣльнаго не рѣшено [25]).

Тогда въ русскомъ лагерѣ заговорили о необходимости штурмовать крѣпость. Гордонъ, лучше другихъ способный оцѣнить трудность подобнаго предпріятія и знавшій, по тридцатилѣтнему опыту, духъ войска, пытался отговорить царя и другихъ членовъ «консиліи» отъ этого плана. Напрасно. Онъ постарался лично повліять на царя, но и это ему не удалось. Гордонъ сталъ доказывать, что по крайней мѣрѣ надо сперва закончить различныя шанцевыя сооруженія, чтобы предоставить защиту для штурмующихъ въ случаѣ какой-либо неудачи. Но его не слушали. Штурмъ былъ сдѣланъ (5 августа) и совершенно не удался. Много людей погибло безъ всякой пользы. Гордонъ говоритъ, что дѣло погубили «совѣтники», что вездѣ «замѣчались гнѣвные взгляды и унылыя лица».

Главное заключалось въ недостаткѣ способныхъ инженеровъ. Начальникомъ инженеровъ былъ Францъ Тиммерманъ, его помощниками были

[23]) Устряловъ. II, 229.
[24]) Тамъ же. 569.
[25]) Гордонъ. II, 576, 578, 601.

Адамъ Вейде, Яковъ Брюсъ и швейцарецъ Морло [26]). Но они всѣ были неспособны и не знали своего дѣла. Когда, между прочимъ, былъ заложенъ подкопъ, то, вопреки настояніямъ Гордона, сдѣлали ошибку и зажгли его слишкомъ рано. Вмѣсто того, чтобы причинить вредъ туркамъ, было убито значительное число русскихъ солдатъ (15 сентября).

Подобныя неудачи неоднократно повторялись. Со второй миной случилось то же самое. Послѣдовавшій непосредственно затѣмъ второй штурмъ, предпринятый также вопреки мнѣнію Гордона, не имѣлъ никакого успѣха. Изъ описанія этого періода въ запискахъ Гордона мы можемъ видѣть, что приказанія Петра совершенно противорѣчили взглядамъ Гордона. Здѣсь прежде всего сказывалось отсутствіе единства плана, извѣстное диллетантство въ веденіи военныхъ операцій. По словамъ Гордона, «не было здраваго опредѣленія того, что нужно было дѣлать». Лефортъ также замѣчаетъ въ одномъ изъ писемъ въ Женеву, что Петръ считалъ гарнизонъ Азова меньшимъ, иначе онъ собралъ бы больше войска. Онъ полагалъ, что еслибы дѣйствующая армія была численнѣе на 10,000 человѣкъ, то крѣпость была бы взята [27]). Во всякомъ случаѣ, пришлось признать все дѣло неудачнымъ, и 27 сентября было рѣшено отступить. Пришлось довольствоваться взятіемъ двухъ «каланчей».

Яковъ Вилимовичъ Брюсъ.

Шереметевъ также достигъ лишь частичныхъ успѣховъ. Изъ четырехъ крѣпостей онъ взялъ только двѣ: Казикерманъ и Таганъ.

Самъ Петръ многому научился и пріобрѣлъ опытъ. Двое его товарищей по потѣшному полку, Воронинъ и Лукинъ, были убиты. Пришлось ему оплакивать и смерть Троекурова, котораго онъ, въ одномъ изъ писемъ къ Ромодановскому, называетъ своимъ другомъ. Гордонъ отмѣчаетъ въ своихъ запискахъ, что во все время осады Петръ былъ грустенъ. Но, повидимому, его настроеніе часто мѣнялось. Въ многочисленныхъ пись-

[26]) Поссельтъ. II, 247.—Морло былъ убитъ 15 августа.

[27]) Тамъ же. II, 251.

махъ къ своимъ московскимъ друзьямъ, онъ по прежнему шутитъ надъ всепьянѣйшимъ патріархомъ Зотовымъ, почти всегда принимаетъ веселый тонъ и дѣлаетъ всевозможныя замѣчанія относительно «Марса», ниву котораго онъ пашетъ, на службѣ котораго онъ трудится и т. п.

Печальнѣе всего было, что неудача похода легко могла способствовать усиленію и безъ того очень распространенной между русскими непріязни къ иностранцамъ. Александръ Гордонъ [28]), который также находился въ осаждающемъ войскѣ, замѣчаетъ, что инженеръ Адамъ Вейдъ, неопытности котораго приписывалась неудача съ подкопомъ, нѣсколько дней не рѣшался показаться предъ войсками.

Было не легко поднять духъ войскъ, такъ какъ обратный путь былъ сопряженъ съ большими трудностями. Во время одной бури, вызвавшей разливъ водъ у береговъ Азовскаго моря, потонуло много людей. Арьергардъ, которымъ командовалъ Гордонъ, очень страдалъ отъ нападеній окружавшихъ его татаръ; одинъ полкъ былъ разбитъ совершенно, и самъ полковникъ взятъ въ плѣнъ [29]).

Какія страшныя лишенія должна была испытывать армія на обратномъ пути, мы узнаемъ отъ австрійскаго агента Плейера, который по болѣзни задержался въ Черкасскѣ и слѣдовалъ по дорогѣ, по которой прошло русское войско. Онъ сообщаетъ, какъ велики были при этомъ отступленіи потери русской арміи. На всемъ протяженіи, 800 верстъ, при отсутствіи какого-либо преслѣдованія, нельзя было безъ слезъ смотрѣть, какъ валялись растерзанные волками трупы людей и лошадей; всѣ деревни были переполнены больными, которые заражали мѣстныхъ жителей, смертность была очень велика и т. д. [30]). Александръ Гордонъ опредѣляетъ потери подъ Азовомъ въ 2,000 людей.

Это была неудача, ничѣмъ не уступавшая неудачамъ Голицына въ 1687 и 1689 гг., но съ большею еще потерею людей. И все-таки Петръ совершилъ торжественный въѣздъ въ столицу, послѣ остановки въ Тулѣ, гдѣ онъ на заводѣ наслѣдниковъ датчанина Марселиса собственноручно выковалъ нѣсколько желѣзныхъ полосъ [31]).

Старались усилить значеніе взятія каланчей подъ Азовомъ и укрѣпленій на Днѣпрѣ. Первыя получили названіе «Новогергіевска». Также

---

[28]) † 1752. Подъ Азозомъ командовалъ полкомъ. По возвращеніи въ Англію написалъ исторію П. В. (*Прим. ред.*).

[29]) Гордонъ. II, 619.—Этотъ случай произвелъ впечатлѣніе.—Сравн. свидѣтельство Посошкова въ его запискахъ (Погодинъ, I, 38).

[30]) Устряловъ. II, 582.

[31]) Гордонъ. II, 635.—Гордонъ самъ принималъ участіе въ этой работѣ.

точно еще въ 1656 г. царь Алексѣй Михаиловичъ завоеваннымъ въ Лифляндіи мѣстностямъ давалъ названія въ честь русскихъ святителей. Однако, не могло укрыться, что первое предпріятіе молодого царя, въ которомъ онъ раздѣлялъ отвѣтственность съ ненавистными иностранцами, окончилась неудачею.

Но величіе Петра сказалось въ томъ, что онъ, послѣ каждой неудачи, съ удвоенною силою возобновлялъ попытку, вслѣдъ за ударомъ онъ проявляетъ неутомимую дѣятельность и, несмотря на позоръ и пораженіе, ревностно настаиваетъ на первоначальномъ планѣ. Особенно дѣятельнымъ является Петръ послѣ возвращенія изъ подъ Азова [32]), послѣ битвы при Нарвѣ. Въ народѣ могли роптать на тяжелыя потери въ людяхъ, могли вспоминать предсказанія умершаго патріарха, что участіе въ подобномъ походѣ «еретиковъ» исключаетъ возможность успѣха,—Петръ былъ непреклоненъ. Онъ рѣшилъ удвоить проигранную имъ ставку въ высокой игрѣ, въ еще большей степени воспользоваться помощью иностранцевъ и поддержать дѣйствіе сухопутныхъ силъ военнымъ флотомъ. Онъ сталъ готовиться ко второму походу.

Потребовались иностранцы. Плейеръ говоритъ, что во время первой осады Азова, турки, услышавъ, что царь будто бы выписалъ нѣсколько нѣмецкихъ полковъ, были очень смущены и испуганы и рѣшили сдаться тотчасъ послѣ прибытія этихъ полковъ [33]).

Но Петръ не столько нуждался въ иностранныхъ солдатахъ, сколько въ опытныхъ инженерахъ и корабельныхъ мастерахъ. Тиммерманъ, Вейдъ и Брюсъ, родившіеся въ Москвѣ и плохо ознакомленные съ успѣхами техники, проявили, повидимому, недостаточныя знанія. Нужно было пригласить лучшія и болѣе опытныя силы

Еще во время обратнаго пути сообщилъ Петръ польскому королю и императору Леопольду [34]) о случившемся, вмѣстѣ съ небольшими достигнутыми результатами; при этомъ онъ замѣчаетъ, что взятіе Азова было невозможно вслѣдствіе недостатка пушекъ и опытныхъ инженеровъ, между тѣмъ царь намѣренъ въ будущемъ году возобновить осаду. Поэтому Петръ просилъ польскаго короля также выступить противъ турокъ, а

---

[32]) Соловьевъ (XIV, 225) замѣчаетъ, что съ неудачи Азовской осады начинается царствованіе Петра Великаго.

[33]) Устряловъ. 581.

[34]) Тамъ же, II, 257.—Заграницею были распространены слухи о полномъ пораженіи русскихъ.

императора и курфюрста бранденбургскаго онъ просилъ прислать опытныхъ инженеровъ и минеровъ [35]).

Но прежде всего было необходимо создать военную флотилію, чтобы, при вторичной осадѣ Азова, преградить подвозъ подкрѣпленій со стороны моря. Петръ призвалъ всѣхъ голландскихъ и англійскихъ корабельныхъ плотниковъ изъ Архангельска въ Воронежъ, гдѣ, еще со временъ царя Михаила Ѳеодоровича, производилась постройка плоскодонныхъ судовъ. Огромные дубовые, буковые, липовые и сосновые лѣса въ прежнее время давали обильную пищу этой промышленности и хотя, съ теченіемъ времени, лѣса были частью вырублены, все же это мѣсто представляло большія удобства для сооруженія большихъ корабельныхъ верфей. Воронежъ, притокъ Дона, велъ прямо къ Азову. Здѣсь была устроена временная гавань.

Всю зиму шли усиленныя работы, на которыхъ было занято 26,000 человѣкъ, доставленныхъ изъ района теперешнихъ губерній: Тульской, Орловской, Воронежской и Тамбовской, а также изъ Вологды. На тысячахъ подводъ свозились въ Воронежъ потребные для кораблестроенія матеріалы. Частныя кузнечныя мастерскія были принудительно обязаны доставлять всѣ желѣзные предметы, при чемъ уплата за нихъ была отложена на будущее время [36]). Всѣ должны были чувствовать, что непреклонная воля молодого государя, охваченнаго мыслью о побѣдѣ надъ турками, отодвигала прочіе интересы на второй планъ.

Образцомъ для строющихся судовъ служила одна ранѣе заказанная въ Голландіи галера, доставленная черезъ Архангельскъ въ Москву и собранная въ Преображенскомъ. По составнымъ частямъ этого судна было въ теченіе зимы заготовлено множество галеръ. Работали не только въ Воронежѣ, но и въ окружающихъ мѣстностяхъ: Козловѣ, Добромъ, Сокольскѣ, такъ какъ, кромѣ военныхъ галеръ, требовалось имѣть еще болѣе тысячи транспортныхъ судовъ [37]).

Въ концѣ февраля Петръ самъ прибылъ въ Воронежъ, гдѣ ему былъ приготовленъ небольшой домикъ изъ двухъ комнатъ. 2-го апрѣля была спущена первая галера. Это было началомъ, и потому она названа «Принципіумъ». Въ апрѣлѣ-же былъ законченъ 36-ти-пушечный корабль «Апостолъ Петръ». Петръ самъ былъ капитаномъ «Принципіума».

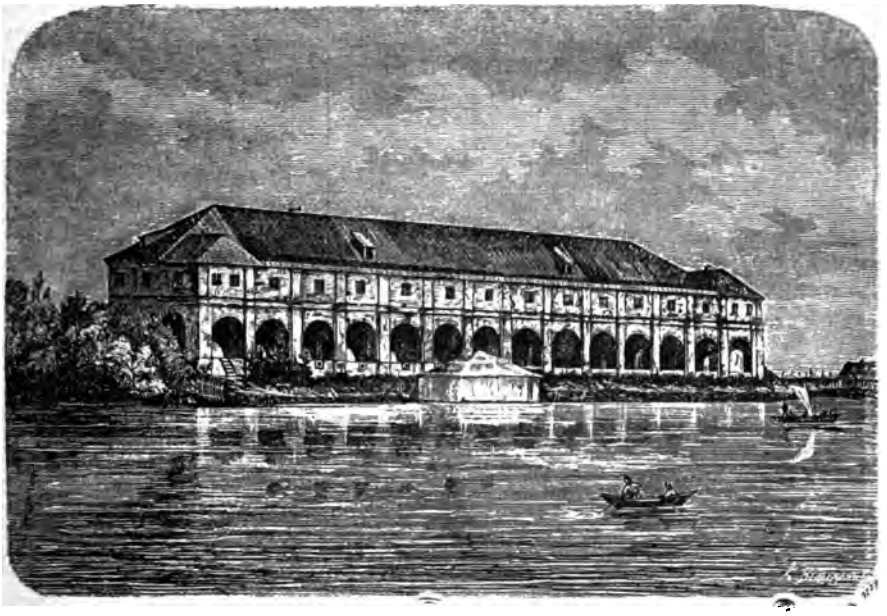
---

[35]) Также была обращена просьба и къ Венеціанской республикѣ о присылкѣ 13 корабельныхъ мастеровъ. (Пам. дипл. снош. VIII, 198—210. 353—357).

[36]) Подробности у Веселаго „Обзоръ ист. русск. флота. I, 85".

[37]) Елагинъ. Ист. русск. флота. Азовскій походъ. I, 22.

Приходилось бороться со многими трудностями. Многіе рабочіе пытались бѣжать, другіе лежали больными; частыя смѣны погоды замедляли ходъ работъ. Къ тому же, царь былъ недоволенъ. По болѣзни, Лефортъ не могъ сопровождать царя въ Воронежъ, обстоятельство, которому мы обязаны существованіемъ нѣсколькихъ шутливыхъ писемъ Лефорта къ Петру, наполненныхъ сообщеніями о попойкахъ съ пивомъ и мускатнымъ виномъ. Царь, однако, усердно работалъ. Онъ писалъ боярину Стрѣшневу: «Мы, по

Цейхгаузъ въ Воронежѣ, единственный, уцѣлѣвшій отъ пожаровъ, остатокъ Петровской верфи и морскихъ кораблестроительныхъ складовъ 1695—1713 гг., когда Воронежъ былъ центромъ движенія по сооруженію Азовскаго флота.

приказу Божію къ прадѣду нашему Адаму, въ потѣ лица ѣдимъ хлѣбъ свой» [38]). Неудивительно, что теперь, при личномъ участіи царя, работы шли гораздо скорѣе, чѣмъ при Алексѣѣ Михайловичѣ при постройкѣ военнаго судна «Орелъ».

Важнымъ явился вопросъ о главномъ начальствованіи. Нельзя было и думать поручить начальство «Консиліи», какъ въ 1695 г. Вопросъ былъ рѣшенъ еще 14-го декабря этого же года. Петръ пригласилъ Гордона на совѣтъ, на которомъ присутствовали также Лефортъ и нѣкоторыя другія лица. «Дѣло уже было рѣшено ранѣе», замѣчаетъ Гордонъ, разсказывая,

[38]) Устряловъ. II, 265.

какъ сначала генералиссимусомъ былъ избранъ князь Черкаскій, котораго, по его болѣзни, впослѣдствіи замѣнилъ бояринъ Шеинъ [39]). Можно предположить, что тогда же состоялось назначеніе Лефорта адмираломъ новаго флота [40]). Адмиральскимъ кораблемъ должна была служить вывезенная изъ Голландіи галера, которая съ нѣсколькими другими судами была на подводахъ доставлена изъ Москвы въ Воронежъ, какъ это видно изъ одного письма Лефорта.

Относительно плана войны происходили тайныя совѣщанія. По прежнему, Шереметевъ вмѣстѣ съ Мазепою долженъ былъ дѣйствовать въ устьяхъ Днѣпра, а главная армія идти на Азовъ. Наряду съ Гордономъ при этомъ большое значеніе получилъ Лефортъ. Онъ пишетъ Петру отъ 10-го марта 1696 года. «Пошли тебѣ Богъ кончить то, что мы начинаемъ» [41]). Онъ чувствовалъ, что начинается новая эпоха. Но самъ онъ былъ также мало подготовленъ къ должности адмирала, какъ Шеинъ—главнокомандующаго сухопутнымъ войскомъ; этимъ объясняется та незначительная, по скольку намъ извѣстно,—роль обоихъ въ послѣдовавшихъ событіяхъ. Шеина считали современники знающимъ и умнымъ [42]), но о его военной доблести и военной опытности не могло быть и рѣчи. Главная работа выпала, какъ и раньше, на такихъ людей, какъ Гордонъ. Тѣ военноначальники, которые во время потѣшныхъ маневровъ (1691—1694 гг.) играли роль генералиссимусовъ, Ромодановскій и Бутурлинъ, спокойно оставались дома. Съ первымъ Петръ былъ въ оживленной перепискѣ. Въ Москвѣ онъ былъ въ нѣкоторомъ родѣ какъ бы замѣстителемъ царя, и Петръ обращался къ нему съ титуломъ: «Min Her Kenich». Когда, однажды, Петръ послалъ Ромодановскому поклонъ общій со всѣми другими товарищами, то «король» обидѣлся и сдѣлалъ Петру выговоръ, на что Петръ въ ласково-шутливой формѣ отвѣчалъ: «мы, корабельщики, въ чинахъ неискусны» [43]).

Шутка чередовалась съ дѣломъ. Въ концѣ января 1696 г. скончался старшій братъ Петра, царь Іоаннъ Алексѣевичъ. Это событіе произвело слабое впечатлѣніе. Мы нигдѣ не находимъ свѣдѣній о какомъ-либо торжественномъ погребеніи [44]). Все шло своимъ обычнымъ чередомъ; еще и раньше Петръ былъ фактически единодержавцемъ.

---

[39]) Гордонъ. II, 639.
[40]) Поссельтъ (Лефортъ). II, 320.
[41]) Устряловъ. IV, 563.
[42]) Александръ Гордонъ. Ист. П. В. 112.
[43]) Устряловъ. II, 268.
[44]) Гордонъ. III, 6.

Инженеры, которыхъ прислали императоры Леопольдъ и курфюрстъ Бранденбургскій Фридрихъ, прибыли нѣсколько поздно, когда осада Азова была уже въ полномъ ходу. Походъ пришлось начать безъ нихъ.

На этотъ разъ опять Гордонъ пришелъ къ мѣсту первымъ. Вслѣдъ за нимъ явился царь. Потомъ стали подходить другія части войска, подъ начальствомъ Лефорта и др. Военныя дѣйствія было возможно начать еще въ маѣ. Съ недоумѣніемъ можно было взирать на вопросъ, какъ сможетъ схватиться на морѣ съ турками русскій въ столь короткое время построенный флотъ, изъ сырого дерева, при неопытномъ экипажѣ.

Боярин Алексѣй Семеновичъ Шеинъ.

Эта мысль, повидимому, сильно заботила царя. 21-го мая зашелъ Петръ къ Гордону, послѣ только совершенной имъ рекогносцировки въ устьяхъ Дона, при чемъ онъ замѣтилъ сильный турецкій флотъ и разсказалъ генералу, что онъ не счелъ благоразумнымъ предпринять нападеніе и потому велѣлъ русскимъ галерамъ повернуть обратно. Гордонъ замѣчаетъ, что Петръ былъ очень грустенъ и удрученъ. Но на что не годился флотъ Петра, рѣшились пираты этой мѣстности—казаки. Они налетѣли на турецкій флотъ, разогнали его, уничтожили нѣсколько судовъ и вернулись съ богатою добычею [45]). Это было добрымъ началомъ и достигнутый успѣхъ торжественно отпразднованъ [46]).

Хотя собственно военный флотъ не могъ предпринять настоящаго сраженія, все-же онъ сослужилъ большую службу тѣмъ, что, остановившись позади Азова, препятствовалъ подвозу подкрѣпленій съ турецкой стороны, и такимъ образомъ блокада крѣпости была полная. Турки также не рѣшились на бой съ русскимъ флотомъ [47]).

---

[45]) Устряловъ (I, 384) замѣчаетъ, что совершенно неосновательно полагаютъ, будто Петръ самъ лично принималъ участіе въ этомъ нападеніи.

[46]) Желябужскій. Записки. 66.

[47]) Веселаго. 93.

Бомбардированіе крѣпости началось 16-го іюня. До тѣхъ поръ происходили лишь незначительныя стычки съ татарами, которые со стороны степи нападали на русскихъ. Во время бомбардировки Петръ преимущественно бывалъ на своей галерѣ «Принципіумъ» и только иногда показывался въ лагерѣ, чтобы участвовать въ совѣтѣ съ начальниками. Свою жизнь онъ подвергалъ большой опасности. Его сестра Наталья Алексѣевна умоляла его въ одномъ письмѣ беречь свою жизнь. Въ своемъ отвѣтѣ Петръ шутитъ: «къ ядрамъ и пушкамъ близко не хожу, а они ко мнѣ ходятъ. Прикажи имъ, чтобы не ходили». Когда началось обстрѣливаніе города, то Петръ оставилъ за собою право лично сдѣлать первые выстрѣлы.— Предложеніе сдаться осталось со стороны турокъ безъ отвѣта. Бомбардировка не имѣла важныхъ послѣдствій. Требовались другія мѣры.

Тогда между солдатами стало распространяться мнѣніе, что по близости самой крѣпости надо возвести валъ и подъ его защитою продолжать работу, постоянно возвышая валъ и такимъ образомъ настолько пододвинуться къ крѣпости, чтобы можно было напасть на турокъ на ихъ собственной крѣпостной стѣнѣ. Эти работы начались въ ночь на 23-е іюня. Повидимому, Гордонъ развилъ мысль этого предпріятія, и 15,000 человѣкъ были день и ночь заняты. Работа быстро подвигалась впередъ.

25-го іюня въ русскій лагерь прибыли иностранные инженеры. Они не ускорили своего путешествія, потому что въ Вѣнѣ ничего не было извѣстно о началѣ военныхъ дѣйствій. Между прибывшими былъ Боргсдорфъ, извѣстный какъ военный историкъ. Впослѣдствіи на русской службѣ больше всѣхъ отличился Краге. Они удивились огромности работъ русскихъ. Присутствіе ихъ оказалось весьма полезнымъ. Подъ ихъ руководствомъ былъ разрушенъ мѣтко направленными выстрѣлами угловой бастіонъ крѣпости. Получилась возможность проникнуть въ крѣпость, что было бы осуществимымъ при лучшемъ военномъ устройствѣ.

Предпринятый запорожскими казаками 17-го іюля штурмъ съ высотъ вала на крѣпость остался безъ послѣдствій, потому что эти храбрецы не были поддержаны прочими частями войска. Подумывали уже о повтореніи штурма, когда турки заявили готовность вступить въ переговоры о сдачѣ.

Трудно рѣшить, что лишало турокъ всякой надежды: приступъ-ли казаковъ, или угрожающая имъ съ высоты вала опасность, или искусство иностранныхъ инженеровъ, или состоявшаяся при помощи флота полная блокада крѣпости. Можно принять, что всѣ эти причины взаимно дѣйствовали. Побѣда была одержана.

Занятіе крѣпости было торжественно отпраздновано [48]). Азовъ не былъ взятъ съ бою, но его сдача была признаніемъ военнаго искусства Петра и его войска. Помимо доблести казаковъ, побѣда должна быть приписана смѣтливости солдатъ, угрожающему положенію флота [49]) опытности иностранцевъ. Позоръ перваго похода былъ смытъ. Иностранцы и русскіе совмѣстно содѣйствовали этому результату. Всѣ испытывали необыкновенное чувство удовлетворенія. Въ восторженномъ тонѣ сообщалъ

Взятіе города Азова (съ современной гравюры).

Петръ въ своихъ собственноручныхъ письмахъ о событіи Ромодановскому, Виніусу и др.—Въ своемъ отвѣтѣ Ромодановскій сравнивалъ царя съ Соломономъ, Самсономъ и Давидомъ.

Послѣ того какъ Петръ распорядился возстановленіемъ разрушенныхъ укрѣпленій Азова, онъ, по сосѣдству съ крѣпостью, сдѣлалъ рекогносцировку морского берега, положилъ основаніе порта Таганрогъ, затѣмъ отправился обратно въ столицу, куда, по его приказанію, готовилось тор-

---

[48]) Выдача Янсена послѣдовала послѣ нѣкоторыхъ колебаній. Онъ былъ казненъ въ Москвѣ.

[49]) Лефортъ того мнѣнія, что побѣду одержалъ флотъ. Поссельтъ. II, 318.

жественное вступленіе побѣдоноснаго войска. Это произошло съ большою торжественностью 30-го сентября.

На этомъ торжествѣ сказалось также вліяніе иностранцевъ. Виніусъ соорудилъ тріумфальныя ворота по классическому образцу. Тутъ были малопонятныя народу эмблемы и украшенія, заимствованныя изъ греческой миѳологіи, лавровые вѣнки и миртовыя вѣтви. Надписи напоминали про побѣды Константина Великаго надъ Максенціемъ, про Геркулеса и Марса. Гораздо понятнѣе были колосальныя фигуры турокъ и большія картины, изображавшія битвы и морскія сраженья. Въ длинномъ поѣздѣ выступали военнопачальники: верхомъ, или въ экипажахъ. Лефортъ ѣхалъ въ царскихъ саняхъ, запряженныхъ шестерикомъ, а самъ царь, въ формѣ флотскаго капитана, скромно шелъ сзади адмиральскаго экипажа [50]).

Народу не понравилось, что царь себя такъ унижаетъ [51]).

Впечатлѣніе, произведенное на современниковъ взятіемъ Азова, было очень сильное. Послѣ безплодныхъ войнъ, когда Россія не могла взять Чигирина, не могла покорить Крыма, подобный успѣхъ долженъ былъ казаться особенно благопріятнымъ. Со времени послѣднихъ побѣдъ русскихъ, которыя царь Алексѣй одерживалъ въ борьбѣ съ поляками и шведами, прошли десятки лѣтъ. Воспоминанія объ этихъ побѣдахъ были сглажены непосредственно слѣдовавшими за ними пораженіями. То обстоятельство, что побѣда одержана надъ постояннымъ врагомъ христіанства, еще больше должно было усиливать славу царя. Восточный вопросъ приблизилъ Россію къ Западу въ дипломатической области. Теперь новый союзникъ западно-европейскихъ государствъ, императора и Польши, доказалъ свою пригодность какъ союзника.

Но въ порядкѣ вещей было и то, что не вездѣ радовались этому успѣху. Слишкомъ быстрый подъемъ Россіи могъ иному сосѣду показаться опаснымъ. Именно въ Польшѣ были смущены извѣстіемъ о взятіи Азова.

Еще до совершенія этого событія одинъ французъ, который сопровождалъ иностранныхъ инженеровъ въ Россію и затѣмъ вернулся въ Варшаву, — разсказывалъ полякамъ много любопытнаго о способѣ русскихъ вести войну, о громадныхъ сооруженіяхъ Петра. Польскіе инженеры, слушая про дѣятельность и смѣлость молодого царя, качали головами, спрашивая себя, будетъ-ли имъ хорошо отъ этого. Одинъ воевода замѣтилъ, что надо напомнить русскимъ, какъ король Янъ Собѣсскій, заключивъ съ ними

---

[50]) Желябужскій приводитъ подробное описаніе всего въѣзда. 93.

[51]) См. мое сочиненіе о Посошковѣ, 24.

союзъ, обратилъ ихъ въ военно-способныхъ людей; безъ этой выучки русскіе и теперь еще платили бы дань татарамъ и спокойно сидѣли бы дома; теперь же видно, что они получили нѣкоторую «политуру». Другой воевода возразилъ: «Лучше бы имъ было оставаться дома! Но если ихъ коснулась «политура», разъ они вкусили крови, то еще неизвѣстно, что будетъ!»

Русскій резидентъ въ Польшѣ, Никитинъ, получилъ извѣстіе о взятіи Азова 29 августа, во время богослуженія. Онъ тотчасъ велѣлъ отслужить

Знамя въ память взятія Азова, хранящееся въ Петербургѣ.

благодарственный молебенъ, угощалъ народъ пивомъ и медомъ, а 1 сентября въ собраніи Сената держалъ хвалебную рѣчь о царѣ: какъ истинный Петръ приступилъ онъ съ помощью креста къ открытію вратъ утраченнаго христіанами Іерусалима; теперь онъ направится въ Крымъ, и союзникамъ надлежитъ только помочь одолѣть врага, напитавшагося христіанскою кровью звѣря; теперь надлежитъ выступить на путь къ Константинополю; теперь даже богатѣйшая Аравія можетъ быть покорена польскимъ орломъ, теперь настало время съ крестомъ въ рукѣ уничтожить язычниковъ, расширить границы Польши и пріобрѣсти настоящіе титулы, вмѣсто того, чтобы пользоваться титулами, которые противны договорамъ.

Послѣднія слова были угрозою. Два дня передъ тѣмъ къ Никитину явился императорскій резидентъ и сообщилъ ему, что сенаторы рѣшили присоединить къ титулу польскаго короля «смоленскаго и кіевскаго», и что по поводу взятія Азова сенаторы вовсе не радуются; они не ожидали ничего подобнаго.

Никитинъ писалъ въ Москву, что 11 сентября поляки въ ознаменованіе взятія Азова стрѣляли изъ пушекъ и показывали видъ, что радуются; въ дѣйствительности-же они замышляли заключить союзъ съ крымскимъ ханомъ противъ Москвы, и онъ предостерегаетъ объ этомъ царя.

Послѣ того какъ съ польской стороны были принесены резиденту поздравленія, и онъ убѣждалъ поляковъ приступить къ дѣйствіямъ, начались разнаго рода разговоры и стремленія умалить успѣхъ русскаго оружія. Гетманъ литовскій въ бесѣдѣ съ Никитинымъ заявилъ,—что русскіе не совершили ничего особеннаго, что Азовъ не былъ вовсе завоеванъ, но самъ сдался на капитуляцію; и на морѣ русскіе не одержали никакой побѣды. На это Никитинъ отвѣчалъ, что онъ ничего не имѣетъ противъ того, чтобы, если Господу будетъ это угодно, царь не только занялъ этимъ способомъ всю Турцію, но также Польшу и Литву; тогда для поляковъ наступитъ время покоя и мира вмѣсто вѣчной распри [52]).

Изъ этого видно, что разговоръ былъ не изъ любезныхъ. Въ Варшавѣ полагали, что взятіе Азова принесетъ царю гораздо большую пользу, чѣмъ его союзникамъ. Господствовавшая въ Польшѣ анархія не позволяла надѣяться, что она сохранитъ равное положеніе съ возвысившейся Москвою.

Въ самыхъ витіеватыхъ выраженіяхъ описывалъ русскій резидентъ въ Польшѣ въ поздравительномъ письмѣ царю славу его подвига: «орелъ польскій отъ окаменѣлаго сердца своего въ нечаемости задумался храбрости вашей, а лиліи французскія не сохнутъ-ли отъ луковъ и молніи тріумфовъ вашего царскаго величества; однимъ словомъ, Гишпанское, Португальское, Англійское государство, Голландская и Венеціанская Рѣчь Посполитая на тѣ побѣдительства смотря, радуются и славу возсылаютъ... предъ вашимъ царскимъ величествомъ дрожитъ Азія, утекаетъ передъ громомъ Африка, кроется подъ блистаніемъ вашего великаго государя меча Америка... Буди бытіе вашего царскаго величества до тѣхъ поръ народу нашему, свѣтитъ пока солнце свѣту... и т. д. [53]).

Другія государства не могли такъ же относиться къ усиленію Россіи, какъ поляки. Такъ курфюрстъ Бранденбургскій, когда Петръ въ 1697 г.

[52]) Соловьевъ. XIV, 231—234.

[53]) См. Соловьевъ XIV, (Приложенія).

посѣтилъ Кенигсбергъ, устроилъ въ честь его пребыванія фейерверкъ. Наставникъ Петра, инженеръ Штейтнеръ-фонъ-Штернфельдъ, поставилъ особую картину русскаго флота предъ Азовомъ въ огненномъ морѣ [54]).

Континентальная Россія стояла твердою ногою на морѣ, она положила основаніе флоту. Такому государю, какъ Петръ, который, шутя и забавляясь, но вмѣстѣ съ тѣмъ усиленно учась и трудясь, въ нѣсколько лѣтъ достигъ подобныхъ результатовъ, можно было многое ввѣрить.

Ученье Петра со взятіемъ Азова не было кончено. Больше чѣмъ когда-либо онъ сознавалъ необходимость знанія. Онъ рѣшилъ путешествовать. Съ памятнымъ путешествіемъ, которое онъ предпринялъ въ 1697 г., связано начало цѣлаго ряда преобразованій, которыя должны были создать новую Россію.

---

[54]) Устряловъ, III, 39. Въ Голландіи Копіевскій чествовалъ событіе въ стихахъ,—см. Пекарскій, (Наука и Литература при П. В. I, 29). Въ Испаніи также были по этому поводу составлены стихи. (Памятники диплом. сношен. VIII, 293—299).

ГЛАВА VIII.

Путешествіе за границу (1697—1698 гг.).

Процессъ сближенія Россіи съ Западною Европою происходилъ медленно. Открытіе морского пути черезъ Бѣлое море (1553 г.) произвело выдающееся и благотворное вліяніе; оно, какъ выше сказано, имѣло своимъ послѣдствіемъ предоставленіе Западу возможности передать свою культуру неподвижно-азіатскому московскому государству; но прошло полтора вѣка, прежде чѣмъ Россія рѣшилась отвѣтить на это первое посѣщеніе. Европа была въ гостяхъ у Россіи, путешествіе Петра явилось отвѣтнымъ визитомъ. Взаимныя сношенія обѣихъ частей Европы со времени этого путешествія сдѣлались болѣе постоянными. Путешествіе Петра, вызванное турецкою войною, заключается рѣшеніемъ Петра воевать съ Швеціею. Сѣверная война совершенно измѣнила отношенія европейской государственной системы и вызвало вступленіе въ нее Россіи; совершонныя реформы, настойчивыя попытки насадить въ Россіи народное образованіе находятся въ связи съ этою поѣздкою, и потому заграничное путешествіе Петра составляетъ эпоху, какъ бы пограничный камень, который отдѣляетъ древнюю Россію отъ новой; вмѣстѣ съ тѣмъ, обстоятельство это имѣло весьма важное значеніе и для Запада [1]).

На эту поѣздку повліялъ Западъ; она результатъ впечатлѣній, которыя произвели на Петра проживавшіе въ Россіи иностранцы. Она явилась неизбѣжнымъ послѣдствіемъ той школы, которую проходилъ Петръ въ Нѣмецкой слободѣ. Шагъ, который сдѣлалъ Петръ, освободившись отъ ига придворнаго этикета, отъ тираніи узкихъ національныхъ предубѣжденій, отъ религіозной нетерпимости, и замѣнивъ пребываніе въ Кремлѣ непри-

---

[1]) Маколей въ своей исторіи Англіи говоритъ: His journey, is an epoch in the history, not only of his own country, but of our's, and of the world. (Его путешествіе есть событіе въ исторіи не только его собственной страны, но и нашей, и всего міра).

вынужденнымъ общеніемъ въ кругу жителей Нѣмецкой слободы, былъ, пожалуй, важнѣе, чѣмъ поѣздка, предпринятая имъ изъ Нѣмецкой слободы въ Голландію и Англію. Въ этой слободѣ Петръ былъ уже до извѣстной степени какъ бы въ Западной Европѣ; она была представительницею всѣхъ исповѣданій, національностей и занятій, отраженіемъ европейскаго образованія, западной работоспособности и трудолюбія, колонія разнообразнѣйшихъ знаній, передовой постъ западно-европейской культуры. Нѣмецкая слобода явилась какъ бы мостомъ, по которому царь долженъ былъ незамѣтно пройти изъ Москвы на Западъ; здѣсь онъ находился уже на первой станціи на пути въ Голландію и Англію.

Какъ собственно возникала мысль о путешествіи, остается неизвѣстнымъ, хотя имѣется много невѣрныхъ сообщеній.

Въ Вѣнскомъ архивѣ найдено относящееся къ 1698 году письмо, по которому Петръ на одномъ пиру, по возвращеніи изъ Архангельска, въ присутствіи бояръ, будто бы сказалъ Шереметеву, что, находясь на Бѣломъ морѣ въ большой опасности, онъ далъ обѣтъ поклониться гробу св. Петра въ Римѣ, и что Шереметевъ, уже бывшій за границею, долженъ сопровождать царя. При этомъ добавлено, что, недовольные такимъ рѣшеніемъ царя, считали Шереметева виновникомъ этого намѣренія [2]).

Но предположеніе, что въ основѣ путешествія царя лежала цѣль богомолья, совершенно не отвѣчаетъ религіознымъ взглядамъ Петра.

Такъ же мало соотвѣтствуетъ дѣйствительности заявленіе императорскаго дипломатическаго агента Отто Плейера, который въ одномъ донесеніи Леопольду говоритъ, что все путешествіе посольства «скорѣе является прикрытіемъ стремленія у царя къ свободѣ и выѣзда изъ отечества, чтобы развлечься, чѣмъ для какихъ-либо важныхъ цѣлей» [3]). Но увеселительная поѣздка для развлеченія также вовсе не отвѣчаетъ характеру Петра.

Напротивъ того, поѣздка была непосредственно связана съ восточными дѣлами. Если ожидали дальнѣйшихъ успѣховъ въ борьбѣ съ турками, то слѣдовало продолжать дальнѣйшее развитіе русскаго флота. Петръ уже многое зналъ въ этой области, но ему еще многому надлежало учиться. Въ введеніи къ морскому регламенту, онъ указываетъ на необходимость посылать молодыхъ русскихъ для изученія этого дѣла, и говоритъ, что онъ самъ

---

[2]) Поссельтъ (Лефортъ. II, 56), авторъ письма долженъ былъ находиться въ свитѣ посольства Гваріента, гдѣ былъ и Корбъ, авторъ сочиненія „Diarium itineris...“ Между недовольными находилась будто бы и мать царя. Но она скончалась еще до случая на Бѣломъ морѣ.

[3]) Устряловъ, III, 640.

отправился съ цѣлью работать на голландскихъ и англійскихъ верфяхъ, такъ какъ онъ не хотѣлъ отстать отъ своихъ подданныхъ [4]). Какъ бы то ни было, но изъ полутора лѣтъ, которыя продолжалось его пребываніе за границею, онъ девять мѣсяцевъ посвятилъ изученію морского дѣла, работамъ на верфяхъ.

Какъ видно изъ инструкцій Петра, въ задачи посольства входило также приглашеніе техниковъ и покупка парусныхъ снаряженій, якорей, пробковаго дерева и т. п. для новаго флота [5]).

Оригинальна печать, которою пользовался Петръ во время путешествія. Она изображала его собственный портретъ, окруженный всякими инструментами: циркулемъ, молоткомъ, пилою и т. д. Кругомъ надпись: «азъ бо есмь въ чину учимыхъ, и учящихъ мя требую».

Часто говорилось, что Петръ отправился въ заграничное путешествіе, чтобы изучить европейскія государственныя установленія, «pour mieux régner», какъ замѣчаетъ Вольтеръ. Но, равнымъ образомъ, нельзя допустить, что Петръ, предпринимая путешествіе, былъ поглощенъ этою мыслью. Въ 1697 г. онъ былъ слишкомъ большимъ спеціалистомъ въ области морского дѣла и слишкомъ еще диллетантъ въ области политики, управленія и законодательства, чтобы во время заграничнаго пребыванія проявить особый интересъ, къ учрежденіямъ Европы. Понятно, что Петръ, въ качествѣ «учимаго», долженъ былъ коснуться и другихъ областей, не только одной кораблестроительной. Не причиною, а слѣдствіемъ этого путешествія былъ всесторонній интересъ къ различнымъ вопросамъ внутренней политики; и оно потому сдѣлалось исходною точкою реформъ.

Еще раньше, чѣмъ самъ Петръ, нѣкоторые мыслители на Западѣ, какъ Лейбницъ и Ли, признали путешествіе царя средствомъ для полнаго переустройства Россіи, и старались придать значеніе путешествію именно съ этой точки зрѣнія.

Какъ видно изъ писемъ Франца Лефорта и его племянника Петра Лефорта къ ихъ родственникамъ въ Женеву, поѣздка была рѣшена не ранѣе конца 1696 г. [6]). Первый изъ нихъ, повидимому, имѣлъ сильное вліяніе въ принятомъ Петромъ важномъ рѣшеніи. Не разъ современники считали, что онъ подалъ самую мысль о поѣздкѣ. Онъ стоялъ во главѣ посольства, въ свитѣ котораго находился царь; онъ же руководилъ всѣми приготовленіями къ поѣздкѣ [7]).

---

[4]) Тамъ же. II, 400.
[5]) Тамъ же. III, 8—10.
[6]) Поссельтъ (Лефортъ. I.) 368.
[7]) Тамъ же, II, 373.

6 декабря 1696 г. въ Посольскомъ приказѣ было офиціально объявлено, что царь рѣшилъ отправить посольство къ императору, королямъ англійскому и датскому, папѣ, генеральнымъ штатамъ, курфюрсту бранденбургскому и венеціанской республикѣ; оно имѣло цѣлью укрѣпить старинную дружбу съ этими державами и согласовать общія христіанскія дѣла для наиболѣе успѣшной борьбы съ султаномъ [8]).

Какъ видно, цѣли посольствъ были довольно просты: было желательно заявить о солидарности интересовъ Россіи съ интересами Западной Европы въ отношеніи къ Востоку и при этомъ сдѣлать нѣсколько вѣжливыхъ визитовъ. Государству, которое стремилось вступить въ семью европейскихъ государствъ, надлежало посѣтить хотя бы важнѣйшихъ членовъ этой семьи. Все это произошло въ полной простотѣ, безъ блестящей помпы, вообще, противорѣчило обычнымъ посольствамъ того времени, а восточнымъ посольствамъ въ особенности.

Къ иностранцу, поставленному во главѣ посольства, Францу Лефорту, было приставлено два русскихъ помощника: Головинъ и Возницынъ. Главнаго посла отличали не столько политическая опытность и знаніе, сколько привлекательная внѣшность, умѣніе представительства и особая привѣтливость въ обращеніи съ людьми. Онъ производилъ впечатлѣніе очень умнаго человѣка. Въ политическихъ сношеніяхъ, которыя были попутно затронуты, на его долю не выпало тяжелаго труда; не случилось, собственно, ничего выдающагося.

Посольская свита состояла болѣе, чѣмъ изъ 200 лицъ, въ томъ числѣ и тридцать «волонтеровъ», раздѣленныхъ на три «десятка» подъ начальствомъ особыхъ десятниковъ. Во главѣ одного изъ десятковъ былъ самъ царь. Участіе царя сначала хранилось въ тайнѣ. Плейеръ сообщаетъ объ этомъ шифромъ [9]). Даже голландскій купецъ Любсъ, который долженъ былъ объявить въ Ригѣ о предстоящемъ прибытіи посольства, опровергаетъ распространившіеся въ Ригѣ слухи, что пріѣдетъ самъ царь; повидимому, онъ не зналъ, что Петръ самъ принимаетъ участіе въ путешествіи [10]). Въ своей перепискѣ съ друзьями царь пользовался «тайными чернилами» и къ написанному обыкновенными чернилами присоединялись особыя выраженія, чтобы показать, что въ письмѣ заключается нѣчто скрытое, невидимое [11]). Письма къ нему должны были быть адресованы

---

[8]) Устряловъ. III, 6.
[9]) Тамъ же. III, 6 : 4.
[10]) Тамъ же. III, 19.
[11]) Тамъ же. III, 419.

на имя «Myn heer Peter Michailowiz». Только въ сентябрѣ 1697 г., т. е. черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отъѣзда, младшій Лефортъ сообщилъ домой, что Петръ дѣйствительно находится между путешествующими. Онъ замѣчаетъ, что не было болѣе возможности сохранить тайну.

Подобное инкогнито представляло большія удобства. Петръ могъ безъ помѣхи предаваться своимъ занятіямъ, какъ частное лицо, свободно вращаться среди народа и, тѣмъ не менѣе, входить въ непосредственныя сношенія съ владѣтельными особами по вопросамъ политическимъ.

Кн. Борисъ Алексѣевичъ Голицынъ.

На время своего отсутствія Петръ назначилъ регентство изъ трехъ лицъ: Нарышкина, кн. Бориса Голицина и Прозоровскаго. Имъ были предоставлены большія полномочія. Въ своемъ дневникѣ Гордонъ все время именуетъ ихъ титуломъ «Величества». Князю Ромодановскому былъ ввѣренъ надзоръ за столицею [12]). Такъ какъ Петръ и до 1697 г. не принималъ никакого существеннаго участія въ дѣлахъ правленія, то отсутствіе царя въ этомъ отношеніи не измѣнило ничего, или очень мало. Теперь еще не было нужды; не то оказалось въ будущемъ.

Сначала Петръ имѣлъ намѣреніе прежде всего отправиться въ Вѣну, чтобы заключить наступательный и оборонительный союзъ съ императоромъ, потомъ же поѣхать въ Венецію, гдѣ посвятить себя изученію морского дѣла. Получивъ въ началѣ 1697 г. извѣстіе, что союзъ въ Вѣнѣ уже состоялся, онъ измѣнилъ маршрутъ и рѣшился—сначала направиться въ Голландію и Англію. Изъ Москвы онъ выѣхалъ 10 марта. На пути на западъ приходилось избѣгать польскихъ владѣній, такъ какъ тамъ, вслѣдствіе предстоявшаго избранія короля, можно было опасаться волненій и затрудненій. Поэтому Петръ направился черезъ шведскія земли и прибылъ въ Ригу.

Недовольство Петра пріемомъ, который оказалъ ему въ этомъ городѣ губернаторъ Эрихъ Дальбергъ, послужило, три года спустя, при возникно-

[12]) Pery, State of Russia.

вспіи сѣверной войны, своего рода casus belli. Между тѣмъ, жалобы Петра были въ большинствѣ неосновательны, и губернаторъ ни въ чемъ не виноватъ.

Въ Лифляндіи свирѣпствовалъ тогда голодъ, и лифляндскимъ властямъ было трудно поставлять потребное число лошадей и экипажей для путешествія 250 лицъ. Впередъ двигались медленно; весною дороги испортились. Кромѣ того, со стороны русскаго правительства не было сдѣлано своевременнаго извѣщенія о точномъ времени путешествія и о числѣ ѣдущихъ [13]).

Кн. Ѳедоръ Юрьевичъ Ромодоновскій

Пріемъ въ Ригѣ былъ торжественный и великолѣпный, но путешественникамъ пришлось очень дорого заплатить за помѣщеніе и пищу. Дальберъ, имѣвшій полное основаніе соблюдать инкогнито Петра, не искалъ случаевъ къ личнымъ сношеніямъ съ русскими посланниками, такъ какъ они только проѣзжали по шведскимъ владѣніямъ, но не выражали желанія вступить въ сношеніе съ шведскимъ правительствомъ. Онъ даже не устроилъ военнаго смотра или фейерверка въ честь гостей. Воцарилась нѣкоторая холодность. Губернатора можно, правда, упрекнуть въ недостаткѣ предупредительности, но, въ общемъ, онъ поступалъ вполнѣ корректно, такъ какъ онъ не зналъ ничего о присутствіи царя, про что было запрещено говорить подъ страхомъ смерти, и этимъ объясняется его поведеніе въ отношеніи путешествующихъ [14]).

Между городскими властями и посольскою свитою, происходили маленькія недоразумѣнія.

Когда Петръ съ нѣсколькими другими лицами отправился на берегъ Двины, чтобы осмотрѣть стоявшія тамъ на якорѣ голландскія суда, его остановило нѣсколько военныхъ, не желая пропускать по близости укрѣпленій. Кромѣ того, нѣкоторыя лица свиты—неизвѣстно, находился-ли среди нихъ самъ царь,—пытались осмотрѣть крѣпостныя сооруженія, а также

[13]) Kelch. Liland. Historia 1875. II. 47.

[14]) Lamberty. Mémoires pour servir á l'histoire du XVIII siècle. 1724.

измѣрить глубину крѣпостного рва. Шведская стража этому воспротивилась, и между Лефортомъ и Дальбергомъ произошло столкновеніе. Послѣдній послалъ къ Лефорту капитана Лиліенстерна, чтобы провѣрить заявленіе шведской стражи и разъяснить дѣло. Что именно онъ былъ правъ, доказывается готовностью, съ которою Лефортъ отозвался на предложеніе Дальберга, и запретилъ своей свитѣ дальнѣйшія наблюденія. Кромѣ того, Лефортъ долженъ былъ публично заявить, что стража была права [15]).

Въ своемъ письменномъ объясненіи Дальбергъ говоритъ, что онъ оберегалъ довѣренную ему пограничную крѣпость [16]). Онъ не могъ не помнить, что русскіе не разъ прилагали всѣ старанія, чтобы утвердиться на побережьи Финскаго залива и Балтійскаго моря. Отецъ Петра осаждалъ Ригу. Такія воспоминанія тѣмъ ярче возникали въ памяти, что вѣнценосный путешественникъ, жившій въ Ригѣ, только что прославился постройкою военнаго флота, преобразованіемъ войска, взятіемъ Азова; онъ отличался смѣлостью и предпріимчивостью, которыя не могли не заставить задуматься ближайшихъ сосѣдей.

Намъ извѣстно, что все касающееся военнаго дѣла близко интересовало Петра. Своему другу Виніусу онъ писалъ о численности рижскаго гарнизона и о системѣ рижскихъ укрѣпленій. Ромодановскому онъ послалъ даже предметы снаряженія, бывшіе въ употребленіи въ шведскомъ войскѣ [17]).

Рига была крѣпостью и торговымъ городомъ; здѣсь не существовало придворной жизни, не было той утонченности и свѣтскости, которыя царили въ Митавѣ и Кенигсбергѣ, куда долженъ былъ отправиться Петръ. Ригою онъ остался недоволенъ; въ одномъ письмѣ онъ жалуется на «рабскую» жизнь, которую они были вынуждены вести, на алчность лифляндцевъ. Еще въ 1710 г., когда Петръ приступилъ къ осадѣ Риги, онъ собственноручно сдѣлалъ первые три выстрѣла и писалъ Меньшикову: «тако Господь сподобилъ намъ видѣть начало отмщенія сему проклятому мѣсту» [18]).

Недѣлю прожилъ Петръ въ Ригѣ, въ ожиданіи, чтобы Двина очистилась отъ льда, и можно было продолжать дальнѣйшій путь. 10 апрѣля онъ вступилъ въ Митаву, гдѣ его ожидалъ необычайно блестящій и вмѣстѣ

---

[15]) Поссельтъ. II, 385 — 386. (Съ нимъ вполнѣ единогласенъ Кельхъ). — Устряловъ совершенно напрасно нападаетъ на Дальберга.

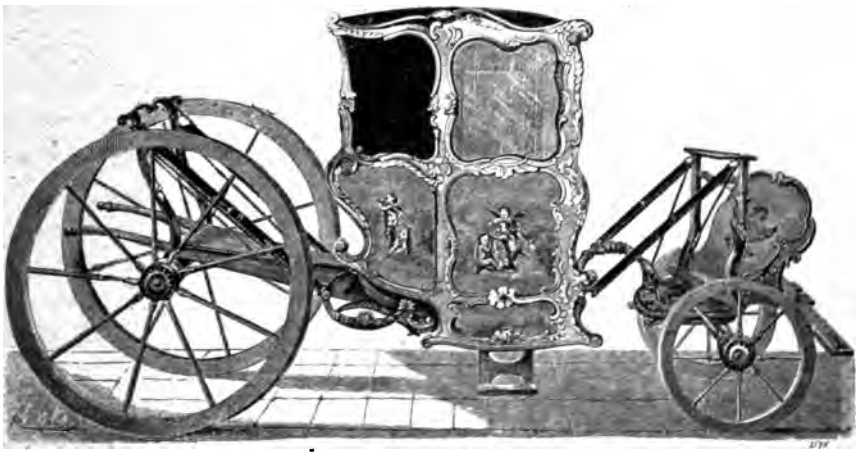
[16]) Lamberty, 179.

[17]) Устряловъ. III, 420.

[18]) Тамъ-же. III, 30.

съ тѣмъ радушный пріемъ. Здѣсь путешественники были въ гостяхъ. Курляндскій герцогъ Фридрихъ-Казиміръ четверть вѣка передъ тѣмъ очень подружился въ Голландіи съ главою русскаго посольства Лефортомъ. Они вмѣстѣ пережили въ молодости много опасностей, участвовали во многихъ шалостяхъ и проказахъ. Теперь они встрѣтились оба при измѣнившихся обстоятельствахъ [19]).

Петръ отчасти отрѣшился отъ своего инкогнито. Онъ охотно посѣщалъ герцога и герцогиню и ласково бесѣдовалъ съ частными лицами о русскихъ дѣлахъ. Выше уже было приведено, что Петръ разсказывалъ нѣкоему Бломбергу, какъ и по какимъ основаніямъ отстранили отъ избра-

Воронежъ.—Историческая карета въ цейхгаузѣ Петра Великаго.

нія въ патріархи намѣченнаго царемъ кандидата [20]). Въ частныхъ кружкахъ мѣстнаго общества узнали многое про необразованность и косность извѣстныхъ элементовъ русскаго общества, а также про передовой умъ того, кто пустился въ дальній путь, какъ «учимый и учащихъ требующій». Много говорилось про преобразовательные планы царя; указывали, что предпринятое имъ путешествіе явится исходною точкою для полнаго переустройства Россіи.

Въ теченіе двухнедѣльнаго пребыванія въ Митавѣ, Петръ находилъ время и для своихъ излюбленныхъ занятій. Онъ собственноручно обтесалъ десятисаженную балку, которую показывали еще въ относительно недавнее время [21]).

---

[19]) Поссельтъ (Лефортъ). I, 90—104.

[20]) См. выше, стр. 116.

[21]) Клопманъ. Peters d. gr. Anwesenheit in curland.

Въ Либавѣ Петръ впервые увидѣлъ Нѣмецкое море. Онъ не могъ и подозрѣвать того, что черезъ немного лѣтъ русскій флотъ будетъ играть важную роль въ этихъ водахъ, и что большая часть этихъ береговъ сдѣлается русскою. Иванъ Грозный и Алексѣй мечтали о пріобрѣтеніи этой береговой полосы. При Борисѣ поляки предлагали держать на Балтійскомъ морѣ русско-польскій флотъ [22]). Въ 1662 г. русское правительство запрашивало курляндское, не будетъ-ли разрѣшена постройка русскихъ судовъ въ какой-либо курляндской гавани. Отвѣтъ не былъ благопріятный [23]).

Вслѣдствіе непогоды Петру пришлось пробыть въ Митавѣ нѣсколько дней. Онъ проводилъ время въ обществѣ моряковъ, распивалъ съ ними по кабачкамъ и выдавалъ себя за шкипера одного изъ русскихъ судовъ [24]). Посѣтилъ онъ также одну аптеку, гдѣ его вниманіе было привлечено при видѣ саламандры въ банкѣ со спиртомъ [25]).

Онъ самъ съ немногими спутниками отправился моремъ въ Пиллау, чтобы избѣжать польскихъ владѣній, а прочее посольство двинулось сухимъ путемъ черезъ Мемель въ Кенигсбергъ.

Встрѣча Петра съ курфюрстомъ Бранденбургскимъ произошла наканунѣ превращенія его въ прусскіе короли. Нѣсколько позднѣе за этою перемѣною послѣдовало обращеніе московскаго царства въ Россійскую имперію. Оба государства должны были вскорѣ противостоять въ войнѣ со Швеціей и войти въ систему великихъ державъ.

Курфюрстъ сдѣлалъ большія приготовленія для пріема русскихъ гостей. Чрезъ посредство особо посланныхъ агентовъ, онъ былъ извѣщенъ о постепенномъ приближеніи посольства. Онъ самъ находился въ Кенигсбергѣ.

При своемъ прибытіи въ Пиллау, Петръ запретилъ всякое проявленіе своей особы. Въ Кенигсбергѣ его привѣтствовалъ церемоніймейстеръ Бессеръ въ отведенной царю особой квартирѣ. Петръ посѣтилъ курфюрста, пилъ съ нимъ венгерское вино и разговаривалъ на голландскомъ языкѣ. Отъ отвѣтнаго визита курфюрста Петръ уклонился вслѣдствіе своего инкогнито [26]).

---

[22]) Веселаго. I. 44—45.

[23]) Соловьевъ. XII, 237.

[24]) См. донесеніе Рейера Чаплича министру Данкельману изъ Мемеля у Поссельта, II, 588.

[25]) Устряловъ, III, 422.

[26]) Поссельтъ. II, 391 (депеши Геемса въ вѣнскомъ архивѣ).

Тѣмъ временемъ прибыло посольство, двигавшееся сухимъ путемъ. Когда узнали, что оно не только слѣдуетъ по землямъ курфюрстства по направленію къ Вѣнѣ, но желаетъ вступить въ непосредственныя сношенія съ курфюрстомъ, щекотливый вопросъ объ освобожденіи посольства отъ расходовъ по содержанію былъ рѣшенъ утвердительно. Послѣдовалъ торжественный пріемъ [27]). Говорили, что это посѣщеніе обошлось курфюрсту до 150.000 талеровъ [28]).

Изъ нѣкоторыхъ сообщеній о пребываніи Петра въ Кенигсбергѣ, (въ томъ числѣ особенно интересны Лейбница и курфюрстины Софіи-Шарлотты), видно, что, въ общемъ, Петръ произвелъ очень благопріятное впечатлѣніе. Хвалили его обходительность, повторяли многія его выраженія, удивлялись, что царь оказался искуснымъ трубачемъ и искуснымъ барабанщикомъ; но на ряду съ этимъ были сѣтованія на его вспыльчивость и раздражительность [29]).

Въ Кенигсбергѣ Петръ приступилъ къ серьезнымъ занятіямъ въ области артиллеріи, подъ руководствомъ инженера Штейтнера фонъ-Штернфельда. Отъ него Петръ получилъ написанный на пергаментѣ дипломъ, что «Петръ Михайловъ» основательно изучилъ употребленіе огнестрѣльнаго оружія и все артиллерійское дѣло [30]). До насъ сохранились тетради «учимаго» царя; онѣ свидѣтельствуютъ о большомъ усердіи и терпѣніи и содержатъ разнаго рода правила о составленіи пороха, о калибрѣ орудій и основаній баллистики [31]).

Тѣмъ же временемъ шли и всякаго рода празднества по случаю прибытія посольства; курфюрстъ устроилъ большую охоту; онъ снабдилъ посольство лошадьми, экипажами, прислугою, серебряными приборами; въ честь пословъ играла музыка, раздавались пушечные салюты. Обѣ стороны много вниманія обращали на подробности церемоніала оффиціальной аудіенціи; Лефортъ и другіе появились въ русскихъ одеждахъ и благодарили за присылку инженеровъ при осадѣ Азова. Когда начались собственно переговоры, курфюрстъ пожелалъ заключить договоръ, чтобы имѣть возможность противодѣйствовать домогательствамъ Швеціи и Польши на нѣкоторыя земли курфюрста, но русскіе уклонились отъ этого. О дѣйствіяхъ противъ Швеціи также еще не задумывались, и признавалось желатель-

[27]) Тамъ-же, II, 387 и 587 (акты берлинскаго архива).

[28]) Тамъ-же. II, 513 (письмо Арнигона изъ Гааги въ Женеву).

[29]) Guerrier (Leibnitz и т. д. II, 11) и Varnhagen von Ense, (жизнь королевы прусской Софіи-Шарлотты).

[30]) Устряловъ. III, 32—33.

[31]) Тамъ-же. II, 440.

нымъ прежде всего продолжать турецкою войну. Личныя совѣщанія, которыя имѣлъ курфюрстъ съ царемъ, также не привели къ цѣли. Не дошло дѣло и до заключенія оборонительнаго союза. Удовлетворились устными завѣреніями о дружбѣ. Письменный договоръ, подписанный 12—22 іюня, былъ составленъ въ общихъ выраженіяхъ и касался торговыхъ сношеній, выдачи преступниковъ, церемоніала, образованія пріѣзжихъ заграницу русскихъ [32]).

Про русскихъ пословъ, съ бранденбургской стороны, было замѣчено, что они вѣжливѣе, обходительнѣе и податливѣе, чѣмъ это привыкли видѣть въ московскихъ дипломатахъ [33]). Самъ же Петръ привелъ курфюрста въ изумленіе своими способностями. Въ общемъ, посѣщеніемъ русскихъ были очень довольны и ожидали отъ сближенія съ Россіею много выгодъ для Бранденбурга [34]).

Петръ спѣшилъ дальше, но вслѣдствіе польскихъ дѣлъ, былъ принужденъ прожить въ Пиллау еще три недѣли. Вопросъ о томъ, кто: принцъ Конти или Августъ Саксонскій, займетъ освободившійся послѣ смерти Собѣскаго королевскій польскій престолъ, имѣлъ большое значеніе для Россіи. Только по полученіи успокоительныхъ извѣстій объ обезпеченности избранія Августа, могъ Петръ двинуться въ дальнѣйшій путь.

Въ Пиллау, гдѣ Петръ продолжалъ свои занятія по артиллеріи, случился непріятный эпизодъ, при которомъ прорвался несдержанный характеръ царя.

29 іюня онъ праздновалъ день своего ангела и, ожидая посѣщенія курфюрста, заготовилъ со своими людьми блестящій фейерверкъ. Между тѣмъ Фридрихъ не пріѣхалъ подъ предлогомъ необходимости ѣхать въ Мемель для встрѣчи съ курляндскимъ герцогомъ. Вмѣсто него къ царю явились: графъ Крейзенъ и ландфогтъ Шакенъ, которые отъ имени курфюрста передали царю его пожеланія; они были оставлены «къ столу», но когда послѣ обѣда, удалились на нѣкоторое время къ себѣ, чтобы «передохнуть», навлекли на себя гнѣвъ царя. Петръ громко заявилъ, что курфюрстъ добръ, но его совѣтники черти, и при этомъ очень враждебно смотрѣлъ на графа. Гнѣвъ Петра дошелъ до того, что онъ дважды толкнулъ графа, приглашая его удалиться. Представители курфюрста немедленно уѣхали изъ Пиллау.

---

[32]) Тамъ-же. III, 36—42.

[33]) Поссельтъ. II, 595 (Рейеръ Чапличъ говоритъ что у русскихъ не осталось слѣдовъ прежняго „упорства“).

[34]) Erman (Mémoires pour servir à l'histoire de Sophie-Charlotte стр. 114. La visite du czar sera d'un grand avantage à l'avenir. “посѣщеніе царя очень важно для будущаго“ (письмо С.-Ш. къ Фуксу).

Въ письмѣ къ курфюрсту Петръ жаловался, что «депутаты отнеслись къ нему невѣжливо» а ихъ «бѣгство» причинило ему большое оскорбленіе. Онъ надѣется, что изъ-за недостойныхъ слугъ не возникнетъ размолвки между нимъ и курфюрстомъ [35]).

Этотъ случай обратилъ на себя вниманіе во всѣхъ кругахъ. Папскій нунцій въ Данцигѣ писалъ объ этомъ папѣ и сообщалъ, что Петръ былъ недоволенъ, что не пріѣхалъ самъ курфюрстъ, что его приготовленія къ празднеству не были удостоены, и что онъ особенно раздражился, замѣтивъ насмѣшливую улыбку на лицѣ графа Крейзена. По словамъ нунція, царь схватился даже за оружіе, но былъ остановленъ своими приближенными [36]).

Такимъ образомъ сношенія съ курфюрстомъ закончились не безъ шероховатостей. Петръ продолжалъ свой путь на кораблѣ до Кольберга; повидимому, не останавливался въ Берлинѣ [37]), осмотрѣлъ желѣзодѣлательные заводы въ Ильзенбургѣ, и черезъ Блоксбергъ доѣхалъ до Коппенбрюге, гдѣ встрѣтился съ курфюрстинами ганноверскою и бранденбургскою.

Въ этихъ кружкахъ, центромъ которыхъ былъ Лейбницъ, съ большимъ вниманіемъ слѣдили за путешествіемъ царя. Лейбницъ былъ очень занятъ составленіемъ разныхъ проектовъ, чтобы побудить царя къ разнаго рода великимъ ученымъ предпріятіямъ.

О встрѣчѣ Софіи-Шарлотты и ея матери съ Петромъ подробно описывается обѣими курфюрстинами. Петръ провелъ съ ними вечеръ, танцовалъ послѣ ужина, непринужденно бесѣдовалъ и очень оживлялъ всѣ куртагъ. Сначала поразила его грубоватость и неопрятная манера ѣсть. Но его сердечность и веселость, его бесѣда о восточныхъ дѣлахъ, о всякаго рода ремеслахъ, которыми онъ занимался, производили хорошее впечатлѣніе. Курфюрстина Софія въ одномъ письмѣ заявляетъ, что, при лучшемъ воспитаніи, Петръ былъ бы совершенствомъ, такъ какъ у него много прекрасныхъ качествъ и природный умъ [38]).

Лейбница не было въ Коппенбрюгге. Но онъ былъ подробно освѣдомленъ о встрѣчѣ и писалъ молодому Лефорту, что дамы нашли русскихъ

---

[35]) Поссельтъ (II, 407 и 600) приводитъ письмо по списку берлинскаго архива.

Брикнеръ не говоритъ, что это только переводъ письма Петра. *Прим. ред.*

[36]) Theiner, Monuments historiques de Russie (Rome 1859) 369.—О томъ же см. Пам. дипл. снош. VIII, 876.

[37]) Это видно изъ походнаго журнала. Посланники пробыли лишь нѣсколько часовъ въ Берлинѣ. Ихъ торжественно принимали. (Тамъ же. VIII, 890).

[38]) Erman. 116—121.

лучшими, чѣмъ ожидали. Лейбницъ обѣщалъ позаботиться, чтобы послу Головину, которому понравилось исполненіе на вечерѣ нѣкоторыхъ итальянскихъ пѣсенъ, были бы представлены ноты. Во многихъ письмахъ къ друзьямъ подчеркивалъ философъ значеніе путешествія Петра, умъ и знаніе котораго очень цѣнилъ; онъ совѣтывалъ всѣми способами использовать пребываніе Петра въ Западной Европѣ, чтобы культурно повліять на Россію. Впослѣдствіи, онъ нѣсколько порицалъ голландцевъ и англичанъ за то, что они не достаточно позаботились о развитіи царя, чтобы побудить его къ реформамъ и создать въ Россіи благопріятное положеніе для насажденія культуры [39]).

На пути въ Амстердамъ, въ пограничной голландской деревнѣ Шенкеншанцъ, собралось множество народа, чтобы посмотрѣть на царя, который съ нѣсколькими слугами и «волонтерами» отдѣлился отъ посольства. Одна женщина подошла къ нимъ и спросила: христіане-ли они? Былъ распространенъ слухъ, что послы будутъ крещены въ Клеве.

7-го августа Петръ вступилъ въ Амстердамъ.

Съ Голландіею у Россіи установились самыя оживленныя сношенія. Голландскіе купцы имѣли въ своихъ рукахъ большую часть внѣшней торговли Россіи; голландскіе плотники помогали Петру въ постройкѣ флота въ Воронежѣ; на голландскихъ корабляхъ имѣли обыкновеніе ѣздить за границу русскіе дипломаты; среди голландскихъ матросовъ вращался Петръ въ Архангельскѣ.

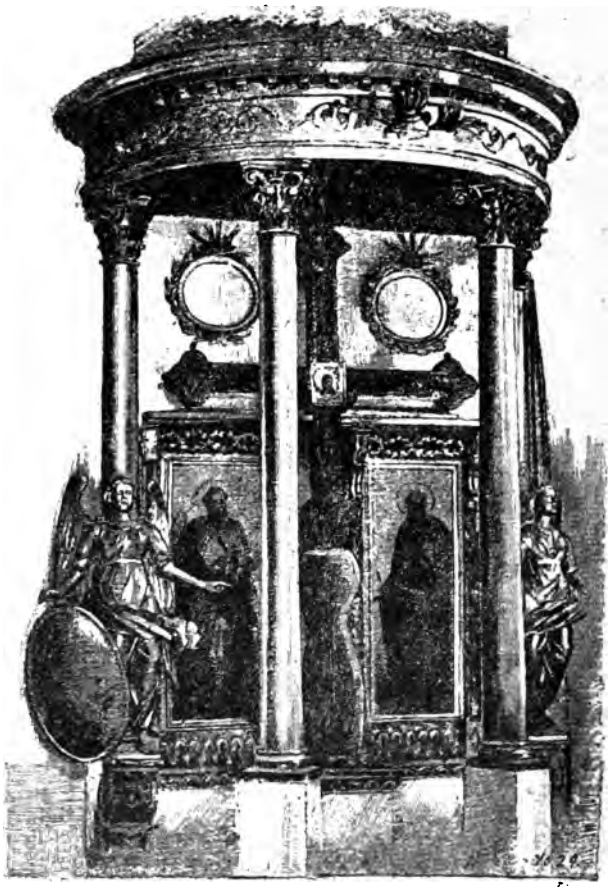
Научно заинтересованному Россіею Лейбницу предшествовали изслѣдованія амстердамскаго бургомистра Николая Витсена о Россіи, которую онъ лично посѣтилъ. Витсенъ прибылъ въ Россію въ 1664 г. въ свитѣ голландскаго посольства и потомъ въ интересахъ торговаго дома, къ которому принадлежалъ, надолго остался жить въ Россіи. Имъ было собрано много географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній о востокѣ; въ 1687 г. имъ составлена карта сѣверной Азіи и Европы, а въ 1692 г. издано двухтомное, снабженное прекрасными гравюрами сочиненіе о «сѣверной и восточной Татаріи». Къ Витсену Петръ обращался, если требовалось выписать модели судовъ, инструменты и т. п. Ему царь подарилъ свой украшенный драгоцѣнными камнями портретъ [40]). Между Лефортомъ и Витсеномъ велась оживленная переписка.

---

[39]) Guerrier, 20—27 и прилож. Лейбницъ познакомился съ Лефортомъ въ Минденѣ.

[40]) Поссельтъ, II, 162.

Люди, вродѣ Витсена, съ которымъ Петръ вошелъ въ сношенія въ Голландіи, обезпечивали ему полное ознакомленіе съ техникою кораблестроительства и судоходства. Нидерланды въ то время были не только центромъ мореплаванія, но и коммерческаго и промышленнаго развитія; естественныя и другія науки нашли здѣсь себѣ пріютъ. Купцы, вродѣ Витсена, имѣли, кромѣ торговыхъ, также и высшіе, общіе интересы; онъ снаряжалъ научныя экспедиціи, заказывалъ телескопы, собиралъ различныя коллекціи [41]). Въ Голландіи Петра посвятили въ тайны физики, анатоміи, зоологіи и ботаники. Голландскіе каналы послужили образцомъ тѣхъ сооруженій, которыя онъ впослѣдствіи произвелъ въ Россіи. Голландское строительное искусство и расположеніе городовъ руководили Петромъ при основаніи Петербурга. Въ Голландіи онъ могъ большему научиться, чѣмъ въ роскошной обстановкѣ бранденбургскаго двора. Простыя отношенія зажиточнаго, дѣятельнаго средняго класса въ Голландіи должны были имѣть на Петра большее воспитательное значеніе, чѣмъ придворные обычаи Кенигсберга, Дрездена и Вѣны. У него отсутствовалъ лоскъ, нужный, чтобы, какъ равный съ равными, обращаться съ императорами и королями. Въ обществѣ матросовъ и ремесленниковъ, инженеровъ и военныхъ, фабрикантовъ и ученыхъ, выдающіяся способности царя къ естествознанію нашли себѣ желательное примѣненіе, чтобы многому и хорошо научиться. Петръ хотѣлъ пріобрѣсть

Крестъ Петра Великаго, въ соборѣ города Архангельска.

[41]) Perry, State of Russia.

практическія познанія, и въ этомъ отношеніи послѣдній плотникъ любой голландской деревни былъ лучшимъ учителемъ, чѣмъ бранденбургскій курфирстъ Фридрихъ или императоръ Леопольдъ — въ области управленія. Кто былъ предназначенъ править государствомъ, могъ только выиграть отъ умѣнья управлять кораблемъ; кто желалъ перестроить государство, могъ также только выиграть отъ умѣнія построить лодку или домъ. Положеніе Петра и его геніальность исключали возможность увлеченія мелочами. Работая на верфяхъ, онъ не переставалъ быть русскимъ и быть царемъ. Подобно тому, какъ герой восточныхъ сказаній, Гарунъ-аль-Рашидъ, который переодѣтымъ вращался въ низшихъ классахъ народа, чтобы узнать повседневную жизнь своихъ подданныхъ, и который не упускалъ изъ виду общихъ интересовъ своей страны, ограничиваясь лишь микроскопическимъ наблюденіемъ въ качествѣ частнаго лица, выигрывая въ качествѣ правителя, — представляетъ идеалъ государя, такъ и тяжелый трудъ, которому предавался царь съ топоромъ въ рукѣ, имѣетъ важное значеніе въ годы ученья и странствій Петра. Не случайно, въ многочисленныхъ описаніяхъ о путешествіи Петра, болѣе всего въ анекдотической формѣ выставляется его пребываніе въ Саардамѣ, хотя въ этомъ городѣ царь прожилъ только недѣлю [42]). Случайность, что въ Саардамѣ сохранилось множество разсказовъ о пребываніи Петра, только подкрѣпляла это недоразумѣніе. Между тѣмъ, было очень важно, что именно здѣсь дебютировалъ Петръ въ роли корабельнаго плотника. У него самого полученныя въ первые дни впечатлѣнія оставили неизгладимый слѣдъ. Но въ иномъ мѣстѣ онъ могъ трудиться больше и безъ помѣхи.

Спеціальностью Саардама была постройка торговыхъ судовъ; въ немъ было множество верфей и мастерскихъ. Недаромъ многіе саардамскіе мастера, съ которыми Петръ познакомился въ Воронежѣ, Москвѣ и Архангельскѣ, хвалили свою родину.

Не останавливаясь въ Амстердамѣ, Петръ спѣшилъ въ Саардамъ. Здѣсь онъ встрѣтилъ знакомаго по Москвѣ кузнеца Геритта Киста и въ его домѣ остановился. Домъ этотъ, въ концѣ восемнадцатаго вѣка, получилъ большую извѣстность. Іосифъ II, Густавъ III, великій князь Павелъ Петровичъ, Наполеонъ и Марія-Луиза, Александръ I посѣтили этотъ домъ. Сопровождавшій императора Александра Николаевича (въ бытность его еще

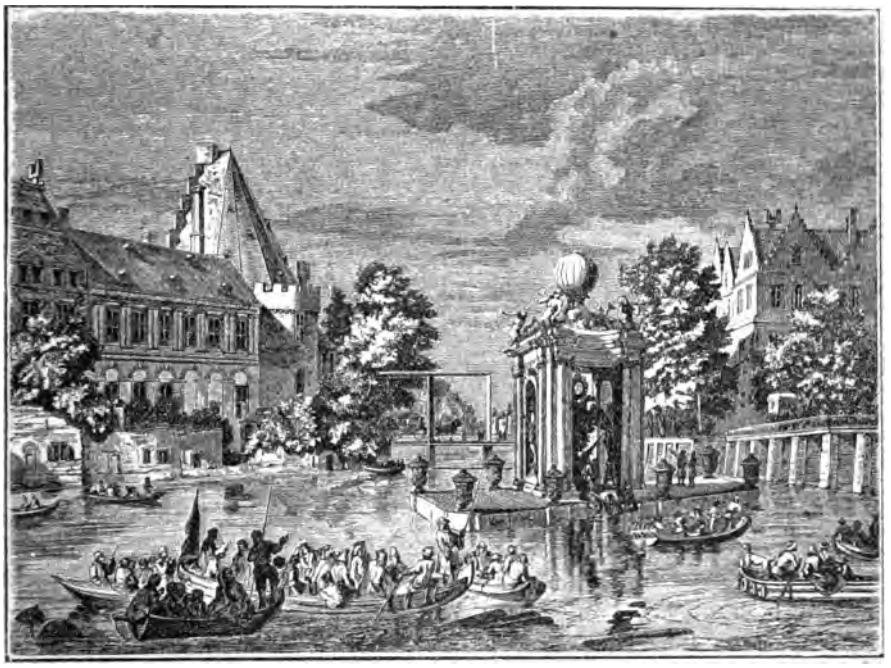
---

[42]) Вольтеръ говоритъ, что Петръ два года прожилъ въ Саардамѣ и Амстердамѣ.

наслѣдникомъ) Жуковскій написалъ карандашемъ на стѣнѣ стихи, въ которыхъ назвалъ этотъ домъ колыбелью новой Россіи.

Надъ бѣдной хижиною сей — Великій князь! благоговѣй:
Летаютъ ангелы святые, — Здѣсь колыбель имперіи твоей,
Здѣсь родилась великая Россія [43])!

Въ Саардамѣ Петръ работалъ на верфи корабельнаго мастера Линста Рогге, посѣщалъ семейства выѣхавшихъ въ Москву ремесленниковъ, охотно

Пріѣздъ великаго посольства въ Амстердамъ. (Съ современной гравюры).

изучалъ на различныхъ фабрикахъ и въ мастерскихъ технику разныхъ производствъ, осматривалъ маслобойни, ткацкія и суконныя мастерскія, пильные и канатные заводы и предпринялъ на лодкѣ, купленной въ первый же день пріѣзда, поѣздки по рѣкѣ, каналамъ и заливу И.

Появленіе русскихъ вызвало много шума, а извѣстіе, что самъ царь находится въ Саардамѣ, облетѣло весь городъ. Столкновеніе Петра съ мѣстною молодежью дало поводъ царю открыть свое инкогнито саардамскому бургомистру. Кромѣ того, одинъ жившій въ Москвѣ саардамскій плотникъ писалъ своимъ родственникамъ, что царь посѣтитъ Саардамъ, и

[43]) Устряловъ, III, 400.

что его можно узнать по большому росту и конвульсивнымъ движеніямъ головы и правой руки. Царя на каждомъ шагу окружала толпа любопытныхъ. Когда онъ, 14-го августа, захотѣлъ присутствовать на поднятіи въ докъ корабля, то народъ собрался такою тѣсною толпою смотрѣть на царя, что Петру пришлось спрятаться. На слѣдующій же день онъ отправился въ Амстердамъ [44]).

Въ Амстердамѣ 16-го (26-го) августа состоялся торжественный въѣздъ русскаго посольства. Генеральнымъ штатамъ дорого обошелся роскошный пріемъ русскихъ. При въѣздѣ царь занималъ мѣсто въ одномъ изъ послѣднихъ экипажей.

На слѣдующій день, Петръ, въ сопровожденіи бургомистра, посѣтилъ саардамскую ратушу, а вечеромъ былъ въ театрѣ; потомъ слѣдовали адмиралтейство, верфи и склады; въ честь посольства были устроены парадный обѣдъ, фейерверкъ, примѣрное морское сраженіе, на которомъ Петръ присутствовалъ, находясь на бортѣ военнаго корабля.

Благодаря посредничеству Витсена, Петръ получилъ возможность работать на верфяхъ остъ-индской кампаніи; тамъ же онъ и поселился. Вмѣстѣ со своими спутниками поступилъ онъ въ ученье къ мастеру Геритту Клаасу Поолю и съ небольшими перерывами шесть съ половиною мѣсяцевъ работалъ надъ сооруженіемъ фрегата, который носилъ имя «Петръ и Павелъ». Съ наслажденіемъ трудясь, онъ не упускалъ изъ виду восточную войну. Патріарху Адріану онъ писалъ: «Послѣдуя Божьему слову, бывшему къ праотцу Адаму, трудимся, что чинимъ не изъ нужды... но дабы могли противъ враговъ имени Іисуса Христа побѣдителями... быть. Чего до послѣдняго издыханія желать не перестану» [45]).

О добродушіи Петра, его трудолюбіи и скромномъ поведеніи въ Амстердамѣ сохранились одинаковыя свидѣтельства, что и относительно пребыванія въ Саардамѣ. Очевидцы свидѣтельствуютъ, что въ качествѣ плотника онъ раздѣлялъ всѣ труды своихъ товарищей, онъ не любилъ, когда къ нему обращались съ титуломъ «величества», и ко всему онъ прилагалъ выдающееся усердіе.

Витсенъ заботился о различныхъ учителяхъ, которые обучали царя искусству мореплаванія, рисованію, а также математикѣ и астрономіи [46]). На ряду съ этимъ происходило наглядное обученіе въ большомъ масштабѣ; предъ царемъ голландскія военныя суда исполняли различныя ученія.

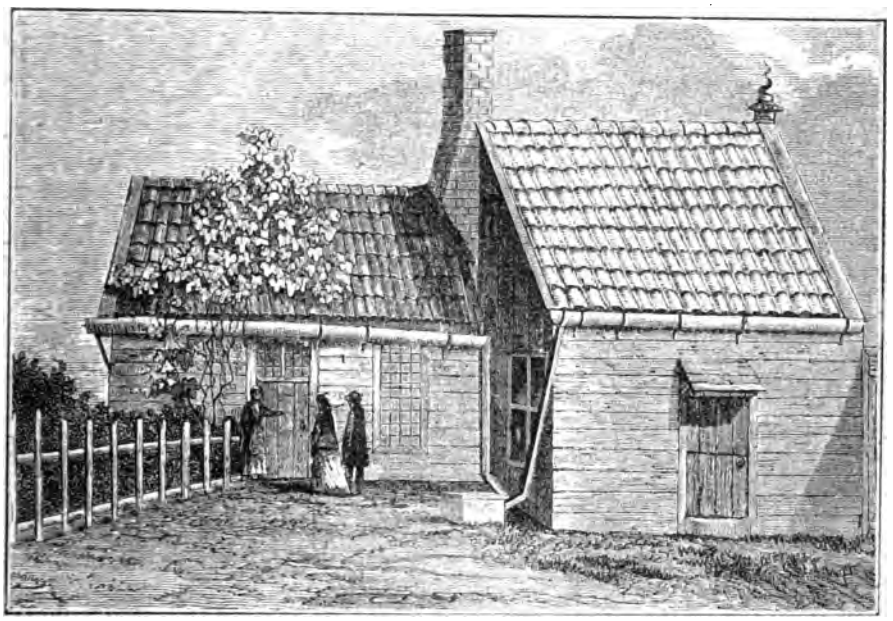
---

[44]) Шельтема—исключительный источникъ.

[45]) „Русск. Арх.“, 1878 г., стр. 1.

[46]) См. имена у Шельтема.

Между дѣломъ, Петромъ предпринимались разныя поѣздки: онъ посѣтилъ въ Саардамѣ работавшихъ тамъ русскихъ, между которыми особенно отличался своими способностями Меньшиковъ. Былъ въ Тексслѣ, гдѣ спрашивалъ у гренландскихъ китолововъ всѣ подробности ихъ китобойнаго промысла, былъ также въ Утрехтѣ, Гаагѣ и Дельфтѣ, постоянно возвращаясь къ своей работѣ на ость-индской верфи. Сохранившіяся съ этого времени тетради Петра показываютъ, какъ старательно стремился Петръ

Домикъ Петра Великаго въ Саардамъ.

отчетливо уяснить себѣ основы кораблестроенія и о соотвѣтствіи отдѣльныхъ корабельныхъ частей [47]) Аттестатъ Клааса Нооля удостовѣряетъ, что «Петръ Михайловъ» съ 30 августа 1697 г. по 5 января 1698 г. работалъ подъ его наблюденіемъ въ качествѣ плотника и изучилъ связываніе, заколачиваніе, сплачиваніе, подниманіе, прилаживаніе, натягиваніе, плетеніе, лонопаченіе, струганіе, буравленіе, распиливаніе, смоленіе и т. п., что онъ велъ себя, какъ разумный и добропорядочный плотникъ, и тщательно изучилъ кораблестроеніе и чертежное искусство [48]).

Голландскіе учителя кораблестроенія не удовлетворили Петра. Онъ

[47]) Устряловъ, III, 93—94.

[48]) Тамъ же, III, 92—93.

объ этомъ самъ засвидѣтельствовалъ нѣсколько лѣтъ спустя въ морскомъ регламентѣ. Петръ просилъ своего наставника Пооля обучить его также и наукѣ о пропорціональности корабельныхъ частей, что и было имъ исполнено. «Но, понеже въ Голландіи нѣтъ на сіе мастерство совершенства геометрическимъ образомъ—говоритъ Петръ,—но только нѣкоторые принципіи, прочее же съ долговременной практики, о чемъ и вышерѣченный басъ (т. е. мастеръ Пооль) и что всего на чертежѣ показать не умѣетъ, тогда зѣло ему стало противно, что такой дальный путь для сего воспріялъ, а желаннаго конца не достигъ. И по нѣсколькихъ дняхъ принудилось быть его величеству на загородномъ дворѣ купца Яна Шесинга въ компаніи, гдѣ сидѣлъ гораздъ не веселъ, ради вышеописанной причины; но когда между разговоровъ спрошенъ былъ: для чего такъ печаленъ? Тогда оную причину объявилъ. Въ той компаніи былъ одинъ англичанинъ, который, слыша сіе, сказалъ, что у нихъ, въ Англіи, сія архитектура такъ въ совершенствѣ, какъ и другія, и что краткимъ временемъ научиться мочно. Сіе слово его величество зѣло обрадовало, по которому немедленно въ Англію поѣхалъ и тамъ, черезъ 4 мѣсяца, оную науку окончилъ [49]).

Еще много раньше проявилось у Петра стремленіе постигнуть научную обоснованность правилъ по кораблестроенію. Въ 1694 г. онъ поручилъ Витсену сообщить ему точныя свѣдѣнія о размѣрахъ и пропорціяхъ разнаго рода судовъ; но отвѣтъ гласилъ: это невозможно, такъ какъ каждый корабельный мастеръ руководствуется собственнымъ разсчетомъ. Его довѣріе къ голландцамъ, столь сильное прежде, было теперь совершенно подорвано. Въ концѣ 1697 г. онъ писалъ своему уполномоченному въ Воронежѣ [50]) о тупости голландцевъ и приказалъ работавшихъ тамъ голландскихъ мастеровъ подчинить надзору датскихъ и венеціанскихъ [51]).

Имѣется еще одно свидѣтельство, что Петръ сказалъ, что онъ остался бы простымъ плотникомъ, если бы не научился у англичанъ [52]). Изъ этого видно, что у Петра была потребность вникнуть въ суть дѣла, серьезно отнестись къ своимъ занятіямъ. Онъ былъ противъ обычной рутины, поверхностнаго дилетантизма.

Наряду съ изученіемъ спеціальной области кораблестроенія, Петръ не могъ не воспринимать и другихъ впечатлѣній. Нельзя сказать, чтобы онъ преимущественно интересовался политическими и общественными учреж-

---

[49]) Тамъ же, III, 90–91 и II, 400.

[50]) Окольничій Протасьевъ. (*Прим. ред.*).

[51]) Устряловъ, III, 91.

[52]) Perry, State of Russia, 169.

Петръ Великій въ Голландіи.
(Съ картины Феликса Когенъ).

деніями. Сношенія съ моряками и рыбаками, пріемы промышленности и торговли занимали его больше, чѣмъ вопросы государственнаго устройства, занятія по естествознанію, физическіе опыты, химическія, астрономическія и анатомическія занятія были ему ближе, чѣмъ вопросы управленія; Витсенъ, какъ географъ и этнографъ, имѣлъ у него больше значенія, чѣмъ Витсенъ—бургомистръ.

Не трудно себѣ представить, что высокая культура Голландіи, выдающееся благосостояніе, чисто научные интересы, прогрессъ во всѣхъ областяхъ, не могли не поразить царя и вызвать въ немъ совершенно новый міръ идей. Было немыслимо, чтобы, при видѣ западно-европейскихъ обычаевъ и образа жизни, у него не возбуждалось сравненія между родиною и видѣнной гораздо высшею культурою?

Особенное вниманіе обратилъ Петръ на коллекціи по естественнымъ наукамъ, на музеи и лабораторіи. Онъ неоднократно посѣщалъ музей Якова Вильда, который имѣлъ собраніе монетъ, скульптурныя произведенія, разные камни и предметы археологіи и т. п. Подъ руководствомъ Шонебека, составившаго иллюстрированный каталогъ этого собранія, изучилъ Петръ граверное искусство [53]).

Часто бывалъ онъ въ анатомическомъ театрѣ и слушалъ лекціи профессора Рюйша, посѣщая вмѣстѣ съ нимъ и больницу. Съ Рюйшемъ онъ былъ потомъ въ перепискѣ, посылалъ ему ящерицъ, и разныхъ молюсковъ, получая взамѣнъ бабочекъ и совѣты какими способами ихъ лучше сохранить [54]).

Въ Лейденѣ Петръ познакомился съ извѣстнымъ анатомомъ Бергавэ, въ Дельфтѣ съ естественникомъ Лейвенгекомъ. Послѣдній показалъ царю чудеса микроскопа и впослѣдствіи охотно свидѣтельствовалъ о способностяхъ и любознательности Петра. У архитектора Шипфета онъ осматривалъ коллекціи по естественнымъ наукамъ и бесѣдовалъ объ архитектурѣ. Многіе часы проводилъ Петръ въ мастерскихъ механика Ванъ-деръ-Гельдена, гдѣ особенный его интересъ возбудила пожарный насосъ. Познакомившись съ «голландскимъ Вобаномъ» инженеромъ и военнымъ историкомъ баропомъ Кегорномъ, онъ привлекъ на русскую службу нѣсколькихъ инженеровъ и впослѣдствіи опредѣлилъ къ нему самому нѣсколькихъ русскихъ молодыхъ людей для изученія военныхъ наукъ. Довольно важнымъ было сношеніе Петра съ семействомъ Тессингъ. Одинъ изъ братьевъ

---

[53]) Одна изъ сдѣланныхъ Петромъ гравюръ изображаетъ побѣду христіанства надъ исламомъ—См. Пекарскій. (Наука и лит. при П. В.).

[54]) Тамъ же, 520—521.

Петръ Великій въ Саардамѣ.—Хозяйка выговариваетъ царю-работнику.
(Рисунокъ барона М. Клодта).

былъ главою торговаго дома, имѣвшаго торговыя дѣла съ Россіею, другой братъ жилъ купцомъ въ Вологдѣ; третьему Петръ предоставилъ устроить въ Амстердамѣ русскую типографію [55]).

Большое число маленькихъ записокъ Петра, относящихся къ этому времени, даетъ ясное представленіе о разнообразіи интересовъ царя. Онъ говоритъ о польскихъ и турецкихъ дѣлахъ, о мирѣ въ Рисвикѣ, шутитъ надъ попойками оставшихся въ Москвѣ друзей, сообщаетъ о наймѣ техниковъ и о покупкѣ военныхъ снаряженій. Изъ многихъ десятковъ писемъ, которыя Петръ писалъ изъ Голландіи, не всѣ сохранились, но дошедшія до насъ достаточно свидѣтельствуютъ о необыкновенной дѣятельности, способностяхъ и гибкости ума Петра.

Изъ политическихъ вопросовъ, какъ и прежде, на первомъ планѣ стоялъ восточный. Онъ явился также предметомъ переговоровъ русскихъ пословъ съ генеральными штатами. Объ этомъ же, несомнѣнно, былъ разговоръ и при встрѣчѣ съ королемъ Вильгельмомъ III въ Утрехтѣ, случившемся вскорѣ послѣ прибытія царя въ Голландію [56]). Точное содержаніе этихъ бесѣдъ осталось тайною для современниковъ и для потомства [57]).

17-го (27-го) сентября русское посольство торжественно въѣхало въ Гаагу. Для этого были заготовлены новые великолѣпные экипажи и ливреи. Послы сдѣлали визитъ представителямъ другихъ націй, за единственнымъ исключеніемъ французскаго посла; нѣкоторые отвѣтные визиты были обставлены съ большою пышностью, такъ, напр., испанскій посланникъ пріѣхалъ съ свитою въ двадцати запряженныхъ шестерками экипажахъ. Всякаго рода торжества и парадныя театральныя представленія чередовались съ офиціальными пріемами.

Петръ, по возможности, держался въ сторонѣ. Когда онъ по пути въ Гаагу, въ сопровожденіи Витсена посѣтилъ Гаарлемъ, то закрылъ голову плащемъ, чтобы не быть замѣченнымъ. Обитатели того частнаго дома, который царь хотѣлъ осмотрѣть, должны были предварительно всѣ удалиться. Въ Гаагѣ онъ сначала спалъ въ комнатѣ для слугъ, на полу. При аудіенціи посольства, Петръ въ одеждѣ простого дворянина находился въ сосѣдней комнатѣ и здѣсь старался уклониться отъ любопытныхъ взглядовъ. Впрочемъ, онъ посѣщалъ главныхъ членовъ нидерландскаго

---

[55]) См. объ этомъ тамъ же (Пекарскій).

[56]) Иверсенъ (Медали П. В., Спб. 1872 т. стр. 7), даетъ описаніе медали, чеканенной по поводу этого событія.

[57]) Молодой Лефортъ въ письмѣ къ родственникамъ говоритъ про это свиданіе: „Une chose très secrete“ (очень секретное дѣло). См. у Поссельта, II, 20,

правительства, имѣлъ дѣловыя совѣщанія съ также находившимся въ то время въ Гаагѣ королемъ Вильгельмомъ, но объ этомъ ничего достовѣрнаго не извѣстно; на одномъ парадномъ обѣдѣ онъ сидѣлъ между Витсеномъ и статсъ-секретаремъ Фогелемъ, котораго онъ въ разговорѣ просилъ рекомендовать ему способное лицо для устройства и веденія государственной канцеляріи [58]). Можно подумать, что Петръ и для законодательства, и для государственнаго управленія, полиціи и политики собирался выписать мастеровъ изъ за границы, подобно тому, какъ онъ выписывалъ иностранныхъ артиллеристовъ для своихъ пушекъ и иностранныхъ плотниковъ для постройки своихъ судовъ.

Въ Гаагѣ Петръ пробылъ только недѣлю. Его ждала работа на амстердамской верфи. Послы имѣли нѣсколько конференцій, на которыхъ они пытались склонить генеральные штаты къ дѣйствіямъ противъ Порты. Отвѣчали уклончиво. Генеральные штаты могли опасаться, что война съ Турціею можетъ неблагопріятно отразиться на коммерческихъ интересахъ Голландіи въ Левантѣ. Они только-что кончили дорого стоившую и не совсѣмъ удачную войну съ Франціею, по этому для Россіи исходъ переговоровъ былъ отрицательный. Съ точки зрѣнія французовъ, этотъ результатъ былъ очень пріятный; въ современной французской прессѣ напечатано нѣсколько сообщеній о русскихъ [59]).

Въ Амстердамѣ Петръ продолжалъ прежній образъ жизни и расширялъ только кругъ своихъ познаній и изслѣдованій. Если его не удовлетворила теорія кораблестроенія въ Голландіи, то наблюденіе за жизнью и занятіями голландцевъ, хозяевъ мореплаванія и колоніальной торговли, наблюденіе за ихъ коммерческими и промышленными предпріятіями производило большое впечатлѣніе. Когда онъ впослѣдствіи обратилъ особое вниманіе на торговлю и старался опредѣлить ввозъ и вывозъ Россіи, по основаніямъ меркантильной системы, онъ всегда указывалъ своимъ поддаппымъ на примѣръ искусныхъ въ торговомъ дѣлѣ западно-европейцевъ; пониманіе и живой интересъ къ этой сторонѣ экономической жизни объясняются его пребываніемъ въ Голландіи. То мы встрѣчаемъ Петра на пристани, гдѣ онъ лично работаетъ надъ большимъ подъемнымъ краномъ, чтобъ лучше разсмотрѣть его устройство, то видимъ его на базарныхъ площадяхъ, съ интересомъ наблюдающаго за фокусниками; или при

---

[58]) Шельтема. I, 175—183.

[59]) Напр. о тратахъ, которые дѣлали русскіе и о недовольствѣ голландцевъ, что это посѣщеніе имъ дорого обходится. Говорили о полумилліонѣ гульденовъ Подробности у Посселъта въ письмахъ молодого Лефорта. II, 442.

видѣ, какъ ярмарочные зубные врачи вырываютъ зубы, онъ самъ хочетъ научиться этому дѣлу; но еще больше вниманія обращаетъ онъ на чистоту голландскихъ городовъ, домовъ и утвари, зажиточность жителей, смѣлость мореплавателей, блескъ городскихъ празднествъ, обширность торговли и мореходнаго дѣла,—и все это ему желательно перенести на собственную родину. Но его разносторонность сказалась еще и въ томъ, что онъ посѣтилъ нѣсколько церквей, присутствуя при богослуженіи различныхъ исповѣданій.

Представляется лишеннымъ основанія сообщаемое голландскими источниками извѣстіе, что нидерландское правительство принесло въ даръ Петру тотъ корабль, надъ которымъ онъ работалъ на остъ-индской верфи [60]). Зато царь получилъ въ подарокъ отъ короля Вильгельма великолѣпную яхту [61]). Лордъ Кермартенъ, который отъ имени короля писалъ Петру, выставляетъ себя изобрѣтателемъ тѣхъ новыхъ основаній, по которымъ построена яхта.

6-го января 1698 г. Лефортъ устроилъ большой пиръ. На слѣдующій день Петръ выѣхалъ въ Англію. Прощаніе царя съ Лефортомъ, который оставался въ Голландіи, было очень трогательно [62]). Вильгельмъ прислалъ для переѣзда царя черезъ капалъ два военныхъ судна и двѣ яхты. Во все время бурнаго перехода, Петръ, одѣтый въ платье простого голландскаго матроса, бесѣдовалъ съ вице-адмираломъ Митчелемъ о морскихъ дѣлахъ. 11-го января онъ прибылъ въ Лондонъ, гдѣ на берегу Темзы было приготовлено три дома для него и для его свиты, состоявшей изъ десяти лицъ.

Король отзывался о царѣ не особенно сочувственно; между прочимъ, онъ замѣтилъ, что Петръ имѣетъ пристрастіе только къ морскому дѣлу, а при видѣ наиболѣе красивыхъ зданій и садовъ остается совершенно равнодушнымъ; къ тому же и голландскій языкъ ему знакомъ лишь поскольку онъ касается терминовъ мореплаванія [63]).

---

[60]) Шелтема. I, 195. Устряловъ (III, 87—88) опровергаетъ это на основаніи письма Пооля къ Петру, въ которомъ ясно говорится, что корабль остался во владѣніи остъ-индской компаніи.

[61]) Устряловъ. III, 466 (письма Кермартена).

[62]) Поссельтъ. II, 458, письма Витсена.

[63]) Много интересныхъ свѣдѣній о пребываніи Петра въ Лондонѣ заключается въ донесеніяхъ австрійскаго посла Гофмана. Обработанныя Гедеке, они перепечатаны въ соч. Задлера „Peter der gr. als Mensch und Regent". Спб. 1872 г. стр 242.—Кромѣ того см. ст. Фирсова въ „Др. и Нов. Россіи" 1877 г. III, 75—77.

Состоять при Петрѣ былъ назначенъ вице-адмиралъ Митчель, который долженъ былъ давать объясненія по всякому относящемуся къ морю вопросу. Былъ у царя также и лордъ Кармартенъ, и впослѣдствіи Петръ съ удовольствіемъ вспоминалъ свои сношенія съ этимъ обходительнымъ человѣкомъ, большимъ знатокомъ мореплаванія [64]).

Три дня спустя по пріѣзда Петра, его посѣтилъ король. Воздухъ въ маленькой комнатѣ, въ которой Петръ спалъ съ нѣсколькими лицами, былъ такой тяжелый, что не смотря на зимній холодъ пришлось выставить одно окно. Еще черезъ нѣсколько дней царь посѣтилъ короля. Онъ былъ одѣтъ въ русскія одежды и по-голландски говорилъ такъ свободно, что переводчику не пришлось сказать ни слова [65]). На великолѣпныя картины Кенигстонскаго дворца онъ не обратилъ никакого вниманія; зато онъ очень заинтересовался замѣчепнымъ на каминѣ королевскаго кабинета приборомъ, который указывалъ направленіе вѣтра [66]).

Сильный холодъ, по поводу котораго англичане шутили, что русскіе привезли его съ собой, мѣшалъ осмотру флота. Тѣмъ временемъ Петръ былъ въ театрѣ, гдѣ, сидя позади своихъ спутниковъ, старался укрыться отъ взоровъ любопытныхъ, былъ въ маскарадѣ, въ музеѣ «королевскаго общества», въ обсерваторіи, Тоуэрѣ, на монетномъ дворѣ. Онъ часто обѣдалъ у Кармартена и у другихъ англичанъ, устраивалъ пирушки и у себя. Въ это время былъ написанъ Кнеллеромъ, ученикомъ Рембрандта, портретъ Петра.

Въ апрѣлѣ Петръ присутствовалъ на одномъ засѣданіи парламента, но не желая показываться, онъ смотрѣлъ черезъ слуховое окно. Относительно ограниченія парламентомъ королевской власти Петръ отзывался непріязненно [67]).

Вошелъ онъ также въ сношеніе съ главными представителями англиканской церкви; его посѣтило нѣсколько епископовъ, и самъ Петръ былъ у архіепископа; присутствовалъ онъ при англиканскомъ богослуженіи и на одномъ квакерскомъ собраніи. По порученію духовенства, епископъ Бэрнетъ нѣсколько разъ былъ у царя. Мнѣніе его о царѣ очень неблагопріятно; онъ осуждаетъ его вспыльчивость и грубость, которая еще больше усиливается отъ питья собственноручно выгоняемой водки; епископъ не отрицаетъ у царя способностей и познаній, но полагаетъ, что у него недо-

---

[64]) Perry. 157.—См. Маколей. Hist. of. Engl IX, 91.
[65]) Гофманъ. 241.
[66]) Macaulay. 91.
[67]) Гофманъ у Задлера.

статокъ творческой силы; по мнѣнію Бэрнета, Петръ скорѣе созданъ для положенія корабельнаго плотника, чѣмъ для положенія могущественнаго государя: онъ продолжаетъ заниматься ручнымъ трудомъ, напр. изготовленіемъ моделей кораблей. Бэрнетъ сомнѣвается, чтобы Петръ былъ способенъ вести войну съ турками, или чтобы у него было серьезное намѣреніе преобразовать свое царство. Онъ не понимаетъ, какъ можетъ Богомъ быть предоставлена столь «яростному» человѣку полная власть надъ столькими подданными. Слѣдуетъ замѣтить, что эту характеристику Бэрнетъ писалъ подъ впечатлѣніемъ тѣхъ строгихъ наказаній, которымъ были подвергнуты стрѣльцы. Заканчиваетъ онъ слѣдующими словами: «Одному Господу вѣдомо, какъ долго будетъ Петръ бичемъ своего народа и своихъ сосѣдей» [63]).

Въ другихъ англійскихъ кружкахъ къ Петру относились сочувственнѣе. Въ нѣсколькихъ появившихся тогда произведеніяхъ выставляется простота царя и его стремленіе къ просвѣщенію [69]). Въ большомъ библейско-археологическомъ и богословско-дидактическомъ сочиненіи Фрэнсиса Ли мы встрѣчаемъ совѣты, касающіеся предположенныхъ въ московскомъ государствѣ правительственныхъ реформъ,—совѣты, которые, какъ замѣчаетъ авторъ, приведены по просьбѣ самого царя [70]). Въ этой книгѣ Петру расточается большая похвала по поводу его путешествія, и въ особенности по поводу намѣренія произвести реформы.

Съ другой стороны, вполнѣ понятно, что дѣятельность Петра произвела на Вильгельма и на Бэрнета впечатлѣніе мелочности, такъ какъ и въ Англіи все вниманіе Петра было устремлено на мореплаваніе и на связанные съ нимъ технические вопросы: повидимому, Петръ занимался и столярничаніемъ. Въ «Лондонской Газетѣ» 6-го февраля 1698 г., находится описаніе нѣкоторыхъ предметовъ мебели, которые изготовилъ царь [71]).

Какъ только позволила погода, Петръ предпринялъ поѣздки по Темзѣ. Вскорѣ по пріѣздѣ онъ перемѣнилъ свое помѣщеніе въ Лондонѣ на другое, въ Дептфордѣ, по непосредственному сосѣдству съ верфями, такъ что онъ

---

[63]) History of his own time. Лондонъ, 1753, III, 306—308.

[69]) Напр. Crull, авторъ „The ancient and present State of Moscovy.

[70]) Proposals, given to Peter the Creat anno 1698 for the right framing of his government—at his own reqnest (по его собственной просьбѣ). Ἀπολειπόμενα, Лондонъ, 1753.

[71]) Заимствуемъ это извѣстіе изъ одного газетнаго сообщенія, что эта мебель была найдена на чердакѣ одного дома въ „Creat Tower Street“ въ Лондонѣ и куплена кѣмъ то для поднесенія покойному императору Александру II.

могъ проходить въ мастерскія изъ своего жилища черезъ калитку [72]). Здѣсь онъ дополнилъ пріобрѣтенныя въ Голландіи познанія и изучилъ теоретическія основы кораблестроенія. Отсюда онъ проѣхалъ въ Вульвичъ, гдѣ

Портретъ Петра Великаго, писанный Кнеллеромъ въ Лондонѣ въ 1698 г.

его вниманіе было привлечено громаднымъ арсеналомъ, въ которомъ онъ наблюдалъ упражненія съ разнаго рода новыми пушками и бомбами и осматривалъ работы въ лабораторіи. Съ удовольствіемъ описываетъ Петръ

[72]) Домъ принадлежалъ Эвелину, оставившему 4 тома дневника, изданнаго въ 1854 г. Домъ свой онъ будто бы нашелъ въ ужасномъ состояніи, за что получилъ вознагражденіе изъ казны.

боярину Стрѣшневу о пробныхъ поѣздкахъ на подаренной ему королемъ яхтѣ [73]).

Особенное удовольствіе доставили Петру исполненные по распоряженію короля большіе морскіе маневры около Портсмута, куда царь отправился 20-го марта. Поѣздка туда и обратно подробно описана въ дневникѣ, который вело одно изъ находившихся въ свитѣ лицъ. Изъ него видно, что царя особенно интересовали большіе металлическіе молоты, доки и мосты. Въ Портсмутѣ онъ подробно осмотрѣлъ нѣсколько военныхъ кораблей. Морскіе маневры въ Англіи понравились ему больше, чѣмъ примѣрное сраженіе, видѣнное имъ въ Голландіи [74]). На возвратномъ пути изъ Портсмута Петръ осматривалъ замки въ Саутгамптонѣ, Виндзорѣ и Гамптонкортѣ. Для заключенія контрактовъ съ разными техниками, поступавшими въ русскую службу, Петру требовался дѣловой помощникъ. Поэтому онъ выписалъ изъ Голландіи Головина, который вмѣстѣ съ тѣмъ заключилъ договоръ съ лордомъ Кэрмартеномъ, получившимъ за уплату 12,000 фунтовъ стерлинговъ право ввести въ Россію нѣсколькихъ тысячъ ящиковъ табаку [75]). По этому поводу разсказываютъ, что Петръ, на предположеніе англичанъ, что патріархъ будетъ противодѣйствовать ввозу табака въ Россію, — спокойно отвѣтилъ, что онъ не понимаетъ вмѣшательства духовенства въ свѣтскія дѣла. Патріарху надлежитъ заботиться о вѣрѣ, а не быть таможеннымъ инспекторомъ [76]).

Тогдашнимъ западно-европейцамъ царь и патріархъ въ своихъ взаимоотношеніяхъ могли представляться какъ Тайкунъ и Микадо въ гораздо болѣе позднѣйшее время. У Петра было достаточно энергіи и передового ума, чтобы сразу положить конецъ соперничеству духовной и свѣтской власти. Но не всѣ допускали, что въ Россіи такъ скоро наступятъ коренныя перемѣны. Нѣкоторымъ Петръ представлялся только чудакомъ. Гофманъ писалъ въ Вѣну: «По слухамъ, царь хочетъ цивилизовать своихъ подданныхъ по примѣру другихъ народовъ. Но изъ его здѣшнихъ поступковъ можно усмотрѣть, что онъ сдѣлаетъ изъ своихъ подданныхъ

---

[73]) Устряловъ, III, 110—111.

[74]) Такъ, по крайней мѣрѣ, говоритъ англичанинъ Перри, сообщающій много интересныхъ подробностей о пребываніи Петра въ Англіи, что онъ посѣщалъ разныя мастерскія и т. п.

[75]) „П. С З.“, 1628.—А также изъ современной брошюры, The Case of the Contractors with the Czar of Moscovy for the sole importation of Tobacco in his dominions (хранится въ СПб. Имп. публ. библ.).—Еще у Гофмана стр. 242.

[76]) Соловьевъ, XV, 118.

только матросовъ, такъ какъ онъ самъ никого другого не выноситъ; уѣдетъ онъ такимъ же нелюдимымъ, какимъ пріѣхалъ».

По словамъ австрійскаго министра-резидента, дворъ утомился «странностями царя»; между тѣмъ графъ Ауэрспергъ писалъ императору Леопольду, что при дворѣ личностью царя «болѣе стали довольны, такъ какъ онъ менѣе нелюдимъ, чѣмъ былъ раньше». Король, замѣчаетъ Ауэрспергъ, Петра видалъ рѣдко, такъ какъ онъ не хотѣлъ мѣнять образъ жизни, т. е. рано вставалъ и рано ложился спать[77]).

Достовѣрно, что Петръ не безъ удовольствія уѣхалъ изъ Англіи. Отъ нѣсколькихъ современниковъ намъ извѣстно, что Петръ составилъ высокое мнѣніе о странѣ и обитателяхъ[78]).

18-го апрѣля Петръ сдѣлалъ королю прощальный визитъ[79]). 21-го апрѣля онъ выѣхалъ обратно въ Голландію. Бури затруднили морское путешествіе. Въ Голландіи Петръ пробылъ еще три недѣли, прежде чѣмъ отправиться въ Вѣну.

Изъ многочисленныхъ писемъ Лефорта къ царю, относящихся къ этому времени, видимъ мы, какъ онъ соскучился по царственномъ другѣ: онъ угрожаетъ, что умретъ отъ тоски, что самъ поѣдетъ въ Англію[80]). Съ другой стороны, мы узнаемъ, изъ писемъ тѣхъ родственниковъ Лефорта, которые навѣстили въ Голландіи царственнаго любимца, что русскіе послы проводили время очень весело, въ пирахъ и попойкахъ[81]).

Изъ Голландіи часть посольской свиты отправилась въ Вѣну. Какъ въ Вѣнѣ, такъ и въ Дрезденѣ прибытіе было возвѣщено дипломатическими агентами. Петръ отправился черезъ Клеве, гдѣ онъ видѣлъ роскошный паркъ, разведенный бранденбургскимъ намѣстникомъ герцогства, въ которомъ на одной березѣ царь вырѣзалъ свое имя, — потомъ Билефельдъ, гдѣ онъ внимательно осматривалъ ткацкія мануфактуры, Минденъ, Гильдесгельмъ, Гальберштадтъ и Галле.

Въ Дрезденѣ Петръ остановился на день. Его инкогнито было строго соблюдаемо. Саксонскій тайный совѣтникъ Розе, встрѣчавшійся съ царемъ

---

[77]) Задлеръ. 244.

[78]) Reggy. Weber.

[79]) Разсказъ Кокса о томъ, что Петръ подарилъ королю огромный, но не граненый брилліантъ надо отнести къ вымыслу, какъ и сказаніе о рубинѣ, подаренномъ царемъ бранденбургской курфюрстинѣ въ Кенигсбергѣ, гдѣ она вовсе не была (Гофманъ).

[80]) См. у Устрялова, прилож. къ IV т.

[81]) Поссельтъ, II, 461—476.

въ Голландіи, писалъ, что Петръ особенно охотно бесѣдуетъ съ лицами скромнаго происхожденія [82]). При прибытіи въ Дрезденъ онъ также отклонилъ всѣ торжественныя встрѣчи. При въѣздѣ въ саксонскую столицу 12-го іюня, въ 11 час. вечера, онъ занялъ мѣсто въ четвертомъ экипажѣ; на немъ была частью испанская одежда; по потайной лѣстницѣ прошелъ онъ въ отведенную ему комнату и былъ очень недоволенъ, что при такихъ условіяхъ его все-таки видѣло нѣсколько лицъ. Онъ захотѣлъ немедленно ѣхать дальше, и только когда его убѣдили поужинать, то онъ сталъ спокойнѣе. Вслѣдъ затѣмъ онъ просилъ штатгальтера князя Фюрстенберга провести его въ кунсткамеру, гдѣ онъ пробылъ до разсвѣта, осматривая преимущественно математическіе приборы и ремесленныя орудія.

На слѣдующій день послѣ обѣда — съ нимъ обѣдало нѣсколько саксонскихъ придворныхъ, — онъ отправился въ цейгаузъ, гдѣ всѣхъ поразилъ указаніями на недостатокъ различныхъ пушекъ [83]). Послѣ короткаго визита вдовствующей курфюрстинѣ-матери (самъ курфюрстъ находился въ Польшѣ), онъ опять провелъ нѣсколько часовъ въ кунсткамерѣ. Затѣмъ у князя Фюрстенберга состоялся парадный ужинъ съ музыкою; здѣсь царь увидѣлъ знаменитую графиню Кенигсмаркъ и нѣкоторыхъ другихъ дамъ. Онъ былъ въ такомъ веселомъ расположеніи духа, что въ присутствіи дамъ взялъ барабанъ и билъ съ такимъ совершенствомъ, что далеко превзошелъ самого барабанщика... 3-го іюня Петръ смотрѣлъ ученье кадетъ, посѣтилъ литейный дворъ, потомъ опять кунсткамеру; послѣ ужина онъ опять устроилъ блестящій барабанный концертъ и вечеромъ выѣхалъ въ Кенигштейнъ, гдѣ подробно осматривалъ крѣпость и наблюдалъ за полетомъ гранатъ.

Фюрстенбергъ послѣ отъѣзда Петра писалъ, что онъ очень доволенъ, что все обошлось хорошо съ этимъ «дикимъ» господиномъ, и что они освободились отъ столь дорого стоющаго «гостя» [84]).

Въ Прагѣ Петръ не останавливался. 11-го іюня онъ прибылъ въ Штокерау, гдѣ былъ вынужденъ прождать нѣсколько дней, пока не кончились приготовленія къ особенно торжественной встрѣчѣ русскаго посольства въ Вѣнѣ.

Въ Вѣнѣ очень радовались посѣщенію Петра. Со временъ Герберштейна

---

[82]) „Онъ совсѣмъ не напыщенъ, а совершенно простой".—См. акты дрезденскаго архива у Weber (1873) XI, 337.

[83]) „Онъ не только замѣчалъ каждый недостатокъ, но разъяснилъ и причины и притомъ съ такою точностью, что всѣ были поражены". Тамъ же.

[84]) Это все на основаніи Веберовскаго сборника.

между Вѣною и Москвою происходили оживленныя дипломатическія сношенія; нынѣ Петръ и Леопольдъ были даже союзниками въ войнѣ съ турками. Незадолго передъ тѣмъ Шереметевъ былъ особенно радушно принятъ въ Вѣнѣ. Императорскіе дипломаты во всѣхъ городахъ сочувственно слѣдили за путешествіемъ Петра и писали объ этомъ домой.

Съ русской стороны также придавалось большее значеніе посѣщенію Вѣны. Съ обѣихъ сторонъ всѣ подробности предстоявшаго церемоніала тщательно обсуждались. Папскій нунцій и венеціанскій посолъ очень внимательно слѣдили за этими переговорами. Въ Римѣ, Венеціи и Вѣнѣ могли вполнѣ естественно возлагать извѣстныя надежды на путешествіе Петра въ Западную Европу. Для всѣхъ заинтересованныхъ на первомъ планѣ стоялъ восточный вопросъ. Кромѣ того, надѣялись воздѣйствовать въ пользу католической церкви.

Въ Голландіи былъ распространенъ слухъ, что Петръ присоединился къ протестантству, и думали, что онъ возсоединитъ грекороссійскую церковь съ реформатскою. Разсказывали, что онъ довѣрилъ бранденбургскому курфюрсту свое желаніе привезти съ собой въ Россію протестантскихъ ученыхъ по всѣмъ отраслямъ знанія и въ своей странѣ устроить коллегіи и академію[85]). Въ Англіи на царя старалось въ собственныхъ интересахъ повліять англиканское духовенство. Въ Вѣнѣ былъ распространенъ слухъ, что Шереметевъ сдѣлался католикомъ, и забота объ обращеніи самого царя была очень распространена[86]). При томъ огромномъ значеніи, которое имѣли въ Вѣнѣ церковные іерархи, становится понятнымъ, что уже ради однѣхъ только вѣроисповѣдныхъ цѣлей, съ русскими, во время ихъ пребыванія въ Вѣнѣ, будутъ обходиться съ особенною внимательностью.

Въѣздъ посольства состоялся 10-го іюня вечеромъ[87]). Русскіе обратили вниманіе, что императорскіе кони, экипажи и ливреи, по красотѣ и богатству, значительно превосходили бранденбургскіе[88]).

Переговоры относительно содержанія русскаго посольства привели къ тому, что цесарское правительство ассигновало русскимъ по 3,000 гульденовъ еженедѣльно[89]). Торжественная аудіенція пословъ у императора

---

[85]) Поссельтъ (Лефортъ II, 411). Письма Арпигона.

[86]) Theiner. Monuments historiques, 374.

[87]) См. подробности у Устрялова III, 124; по актамъ Вѣнскаго архива.—Памятн. дипл. снош. VII, 1327.

[88]) Поссельтъ, II, 485.

[89]) Theiner, 371. Письмо нунція, что содержаніе русскихъ обойдется дорого. Первоначально Леопольдъ назначилъ 1,000 гульд. въ день, но Петръ нашелъ это преувеличеннымъ.—Памятн. дипл. снош. VIII, 1330.

не могла послѣдовать вскорѣ, такъ какъ еще не прибыли предназначенные для императора подарки.

Тѣмъ временемъ произошла встрѣча Петра съ Леопольдомъ въ галлереѣ замка Фаворитъ. Это свиданіе имѣло совершенно частный характеръ. Предполагали, что о дѣлахъ не будетъ никакого разговора; но въ дипломатическихъ кругахъ прошелъ слухъ, что въ этой бесѣдѣ былъ затронутъ восточный вопросъ [90]). Много подробностей сообщалось о наружности царя, о его почтеніи къ императору, о конвульсивныхъ движеніяхъ головы и рукъ, которыя приписывались дѣйствію еще въ раннемъ дѣтствѣ подосенной отравы [91]). Венеціанскій посолъ подробно доносилъ своему правительству о пребываніи Петра: по его словамъ, во всей исторіи не найти другого примѣра, чтобы царствующее лицо, подобно Петру, безъ всякаго политическаго побужденія, безъ важнаго повода къ переговорамъ, а только слѣдуя геніальному стремленію и любознательности,—оставило свою страну и предприняло столь отдаленное путешествіе; во всякомъ случаѣ, Петръ, продолжаетъ посолъ, вездѣ оставилъ свидѣтельства своего изученія, при этомъ проявилъ необыкновенныя дарованія и внимательно присматривался къ чужимъ обычаямъ и политическимъ учрежденіямъ [92]). По словамъ папскаго нунція, Петръ обладалъ большими познаніями по исторіи и географіи, и что еще важнѣе — обладалъ желаніемъ учиться далѣе, но главнымъ образомъ его любознательность была направлена на механическую дѣятельность.

Встрѣча царя и императора сопровождалась театральнымъ представленіемъ, въ томъ же замкѣ, на которомъ присутствовалъ Петръ. Онъ посѣтилъ арсеналъ, библіотеку, кунсткамеру, сдѣлалъ визиты императрицѣ и римскому королю Іосифу. Его отношенія ко двору носили самый дружественный характеръ.

Въ области же политики мнѣнія не были единодушны. Петръ желалъ энергичнаго продолженія войны съ турками, а императоръ былъ очень склоненъ къ заключенію мира. Прежде чѣмъ русскіе послы вошли въ правильныя сношенія съ графомъ Кинскимъ, который былъ уполномоченъ императоромъ для переговоровъ съ русскими, они потребовали опредѣленнаго отвѣта, намѣрена-ли Австрія продолжать войну, или нѣтъ. Петръ самъ имѣлъ бесѣду съ графомъ по этому же вопросу и выражалъ желаніе по-

---

[90]) Тамъ же, 375. Письмо испанскаго посланника.

[91]) Тамъ же, 372 (Физическая работа была ему будто-бы необходима, чтобы ослабить дѣйствіе яда въ тѣлѣ).

[92]) Fontes rerum austriacarum, т. 27, 1867. Вѣна, стр. 429.

лучить на крымскомъ полуостровѣ твердый пунктъ опоры, именно, Керчь. Царь выражалъ надежду, что, въ случаѣ отказа Порты сдѣлать эту уступку, императоръ будетъ продолжать войну. Отвѣтъ былъ уклончивый [93]).

Тѣмъ временемъ увеселенія шли своимъ чередомъ. 29-го іюня, въ день ангела Петра, было приглашено около 1,000 человѣкъ. Царь устроилъ блестящій праздникъ съ музыкой, танцами и фейерверкомъ. Заслуживаетъ упоминанія, что въ этотъ день утромъ все посольство, вѣроятно, и самъ Петръ, присутствовало на богослуженіи въ католической церкви. Іезуитъ Вольфъ восхвалялъ царя въ своей рѣчи и высказалъ пожеланіе, чтобы онъ, подобно истинному Петру, могъ получить ключи къ завоеванію турецкаго царства [94]).

При дворѣ было устроено особое празднество, такъ называемое «Wirthschaft» (11 іюля), на которомъ Петръ появился въ одѣяніи фламандскаго крестьянина, можно было наблюдать костюмы всѣхъ народностей. При особой торжественности Петръ и Леопольдъ пили за столомъ взаимное здоровье. Послѣ того Петръ принималъ оживленное участіе въ танцахъ [95]).

Три дня спустя, Леопольдъ сдѣлалъ визитъ Петру, съ соблюденіемъ полнѣйшаго инкогнито. Наконецъ, 18-го іюля состоялась торжественная аудіенція посольству. Царь находился въ посольской свитѣ. На обычный вопросъ Леопольда о здравіи московскаго царя, послы отвѣчали, что когда они выѣхали изъ Москвы, то здоровье царское было вожделѣнное. Во время обѣда Петръ стоялъ за стуломъ Лефорта; когда тому поднесли шесть сортовъ разныхъ винъ, и онъ ихъ всѣ отвѣдалъ, то Лефортъ попросилъ позволенія угостить виномъ и своего «друга», стоявшаго за его стуломъ [96]).

Празднества закончились короткимъ посѣщеніемъ Петра римскимъ королемъ. Вслѣдъ за тѣмъ Петръ выѣхалъ съ небольшою свитою. Его путешествію пришелъ конецъ; извѣстіе о стрѣлецкомъ бунтѣ заставило его спѣшить въ Москву.

Въ спеціально католическихъ кружкахъ, гдѣ охотно передавали другъ другу и коментировали, что царь питаетъ особое почтеніе къ Леопольду [97]),

---

[93]) Соловьевъ, XIV, 261—262.—Устряловъ, III, 134.

[94]) Подробности см. у Устрялова, заимствовавшаго свѣдѣніе изъ вѣнскаго архива, а также Памятн. дипл. сношен. VIII, 1362—63.

[95]) Испанскій посолъ писалъ „ballo senza fine e mesura“, см. Theiner, 377.—Устряловъ, III, 142.

[96]) Подробности см. Устряловъ III, 145—150.—Памятн. дипл. сношен. 1368—75.

[97]) Говорили, что, при посѣщеніи Леопольда, Петръ поцѣловалъ ему руку. Theiner, 373.

который былъ главою христіанскаго міра, что царь обѣдалъ у іезуитовъ, что онъ желаетъ быть принятымъ въ лоно католической церкви,—въ этихъ кругахъ были непріятно поражены, что царь не посѣтилъ Италіи.

Петръ самъ считалъ очень важнымъ посѣщеніе Венеціи. Эта республика въ борьбѣ съ турками проявила большое усердіе. Къ тому же и изученіе венеціанскаго мореходнаго искусства должно было привлекать Петра. Ни въ Голландіи, ни въ Англіи Петръ не имѣлъ случая познакомиться съ постройкою галернаго флота, который требовался для войны съ турками. Во все время путешествія шла рѣчь о предстоящемъ посѣщеніи Венеціи. Венеціанскому послу Руцини Петръ говорилъ о могуществѣ и значеніи республики. Когда онъ былъ вынужденъ отказаться отъ поѣздки въ Италію, онъ поручилъ своему посольству выразить по этому поводу его сожалѣніе [98]).

Нѣсколько лицъ изъ свиты немедленно отправились въ Венецію [99]). Въ самомъ городѣ были сдѣланы большія приготовленія для встрѣчи царя. На арсеналъ было обращено особенное вниманіе; царю желали показать самыя различныя работы, и число рабочихъ на время было значительно увеличено. Предполагалось отлить въ присутствіи царя шесть пушекъ и снабдить ихъ чествующими царя надписями [100]).

Рѣшеніе отказаться отъ путешествія въ Италію было такъ же быстро принято, какъ и приведено въ исполненіе. Еще 16-го іюля писалъ нунцій, что въ этотъ день Петръ собирался ѣхать въ Италію; 19-го онъ выѣхалъ въ Москву. Головинъ и Лефортъ его сопровождали. Возницынъ остался въ Вѣнѣ, чтобы продолжать переговоры о восточной войнѣ [101]).

Повидимому, тревога, вызванная стрѣлецкимъ бунтомъ, побуждала Петра ѣхать очень скоро, день и ночь. Онъ не остановился даже въ Краковѣ, гдѣ ему былъ приготовленъ торжественный пиръ. Между тѣмъ онъ получилъ успокоительныя извѣстія. Перерывъ, который они ему дали возможность сдѣлать, Петръ использовалъ посѣщеніемъ соляныхъ копей въ Величкѣ и осмотромъ польскаго войска въ Бохніи.

Въ небольшомъ мѣстечкѣ Равѣ съ 31-го іюля по 3-е августа происходило имѣвшее такую важность свиданіе съ польскимъ королемъ,

---

[98]) Fontes rerum austriacarum, l. c. 43).

[99]) Имена въ Памятн. дипл. снош. 1388. Для волонтера Александра Меньшова былъ выданъ паспортъ.—Устряловъ, III, 135.

[100]) Theiner, 377, 378.

[101]) Тамъ же, 374.

причемъ было рѣшено принять совмѣстныя дѣйствія противъ шведовъ. Въ внѣшней политикѣ Петра происходилъ полный переворотъ. До сихъ поръ онъ всѣ свои силы, всѣ свои старанія направлялъ противъ турокъ, теперь же на первый планъ выступилъ балтійскій вопросъ.

Всѣ три дня были посвящены тайнымъ конференціямъ и шумнымъ пиршествамъ, которыя прерывались только парадами и воинскими ученіями. Оба государя другъ другу очень понравились, они обмѣнялись одѣяніями и оружіемъ и прекрасно отзывались одинъ о другомъ[102]). Іезуитъ Вота, въ качествѣ очевидца, свидѣтельствуетъ о той сердечности, съ которою относились другъ къ другу Петръ и Августъ. Вота уже бывалъ въ Москвѣ; онъ представился Петру и былъ ласково принятъ; съ нимъ Петръ бесѣдовалъ о турецкой войнѣ и по поводу затронутаго вопроса о раздѣлѣ Турціи шутливо напомнилъ про басню о медвѣжей шкурѣ, которую прежде нужно добыть, а потомъ уже дѣлить. Іезуитъ Вота съ удовольствіемъ добавляетъ, что Петръ присутствовалъ на католическомъ богослуженіи и съ большимъ благоговѣніемъ принялъ благословеніе[103]).

Папскій нунцій въ Польшѣ съумѣлъ такъ устроиться, что онъ вмѣстѣ съ Петромъ поѣхалъ въ Замойскъ, куда отправился царь послѣ свиданія съ Августомъ. Владѣлица замка устроила Петру блестящій пріемъ; здѣсь ему былъ сдѣланъ натискъ со стороны католической пропаганды: нунцій, очень враждебно отзывавшійся въ своихъ донесеніяхъ къ папѣ объ еретикѣ Лефортѣ, сдѣлалъ попытку говорить съ Петромъ въ пользу католицизма. Петръ былъ склоненъ пропустить черезъ Россію католическихъ миссіонеровъ въ Китай. Но и его вѣротерпимость имѣла предѣлъ. Встрѣтившись въ Брестъ-Литовскѣ съ Залевскимъ, уніатскимъ митрополитомъ, Петръ, на его неосторожное сужденіе о раздѣленіи церквей, страшно вспылилъ и потребовалъ немедленнаго удаленія провинившагося прелата, заявивъ, что если онъ еще разъ увидитъ Залевскаго, то не ручается остаться господиномъ своихъ рукъ[104]).

Отъ Брестъ-Литовска до Москвы потребовалось еще двѣ недѣли. 25-го августа прибыли путешественники въ столицу. Желая до конца соблюсти роль свитскаго, Петръ сначала проводилъ Лефорта и Головина до ихъ домовъ и потомъ уже отправился самъ въ свой преображенскій дворецъ.

Путешествіе Петра всѣми считалось на Западѣ, какъ явленіе необычайной важности. Одинъ историкъ по этому поводу замѣтилъ, что нѣчто

---

[102]) Korb. Diarium itineris, 5-го сентября 1698 г.

[103]) Theiner, 382—383.

[104]) Тамъ же, 380.

подобное уже случилось однажды раньше, а именно, когда русскій князь впервые появился въ Вормсѣ при дворѣ Генриха IV[105]). Потомъ нѣсколько вѣковъ ни одинъ русскій государь не былъ въ Европѣ, хотя многіе, въ качествѣ татарскихъ вассаловъ, ѣздили въ Азію, даже на берега Амура. Петръ поѣхалъ на западъ и тѣмъ самымъ доставилъ Россіи мѣсто, въ европейской государственной системѣ.

Многое могло казаться въ Петрѣ и его спутникахъ чуждымъ, азіатскимъ: пестрыя одежды съ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями; свита, состоящая частью изъ калмыковъ и татаръ; къ королю Вильгельму Петръ явился въ русскомъ платьѣ, съ императоромъ Леопольдомъ онъ говорилъ по-русски. Но здѣсь надо отмѣтить большой шагъ впередъ: въ то время какъ европеецъ Лефортъ въ офиціальныхъ случаяхъ носилъ русскую одежду, говорилъ на русскомъ языкѣ, Петръ былъ одѣтъ въ голландскій костюмъ и бѣгло говорилъ по-голландски.

Многіе должны были придти къ заключенію, что Россія находится на поворотномъ пунктѣ. Передовой умъ Петра всячески восхваляли и старались опредѣлить, какія послѣдствія будетъ имѣть это путешествіе. Въ Торнской гимназіи былъ диспутъ, причемъ темою былъ выставленъ разборъ мотивовъ царской поѣздки[106]). Между прочимъ говорилось, что русскіе жили до тѣхъ поръ во мракѣ, въ туманѣ невѣжества; Петръ же теперь разовьетъ искусства и науки. Многое видѣнное въ Пруссіи, Голландіи, Англіи и Германіи онъ перенесетъ въ Россію; Россія пріобщится къ искусствамъ военнымъ и мирнымъ; царь изгонитъ изъ Крыма турокъ и татаръ, и т. д.—Руцини, венеціанскій посолъ, писалъ, что трудно сказать, будутъ-ли въ состояніи смягчить грубость нравовъ и поднять народныя способности тѣ наблюденія, которыя сдѣлалъ Петръ во время поѣздки, и тѣ учителя, которыхъ онъ пригласилъ для просвѣщенія своихъ подданныхъ. Несомнѣнно, что какъ только умственныя силы Московіи будутъ соотвѣтствовать ея естественнымъ силамъ, то она станетъ большою державою. Время покажетъ, принесутъ-ли плоды сдѣланныя предположенія, и приведетъ-ли новосозданный флотъ къ господству на Черномъ морѣ[107]).

Петръ пріобрѣлъ много разнообразныхъ свѣдѣній,—и это уже само по себѣ было неслыханнымъ дѣломъ. Еще никогда не было видано, чтобы

---

[105]) Бломбергъ,—имѣетъ въ виду Изяслава (Ярославовича) бывшаго въ Вормсѣ въ 1075 г.

[106]) 13-го августа 1698 г. брошюра того же года хранится въ Имп. публ. библ. въ СПб.

[107]) Fontes rerum austr; 431.

государь вполнѣ зналъ какую-либо спеціальную отрасль. Нельзя было не признать, что въ данномъ случаѣ сошлись долгъ и любознательность, что плотникъ и политикъ состояли въ тѣснѣйшей связи, что занятіе мускульнымъ трудомъ было очень важно въ отношеніи къ восточному вопросу. Петръ не ограничился мелочами техники, онъ видѣлъ въ изученіи отдѣльныхъ ремеслъ только средство къ достиженію высшихъ цѣлей, и тотъ же самый человѣкъ, который въ Саардамѣ приравнивалъ себя къ обыкновенному рабочему на корабельныхъ работахъ, или въ Дрезденѣ за ужиномъ поразилъ всѣхъ искусствомъ играть на барабанѣ, — ни одного мгновенія не переставалъ быть царемъ и государственнымъ дѣятелемъ; это наглядно видно изъ того, что каждое посѣщеніе дока Петромъ имѣло значеніе экспертизы, что онъ никогда изъ-за частностей не забывалъ главнаго, что онъ внимательно сравнилъ общее положеніе мореходнаго дѣла въ Голландіи и Англіи, двухъ величайшихъ тогда морскихъ державъ, и сдѣлалъ каждой правильную оцѣнку. Наука сама по себѣ его не интересовала, отвлеченныя теоріи его не трогали. Даже основаніе большихъ воспитательныхъ заведеній, чему онъ съ такимъ рвеніемъ отдался впослѣдствіи, въ его первое путешествіе было на заднемъ планѣ, и даже личныя отношенія царя съ Лейбницомъ относятся къ позднѣйшему времени. Что онъ не удовлетворялся разспросами объ устройствѣ пожарныхъ трубъ, или кузнечными работами, или чеканкою монетъ, свидѣтельствуется тѣмъ, что въ бесѣдахъ съ дѣйствительно образованными людьми онъ затрагивалъ многіе высшіе вопросы. Витсенъ въ письмѣ къ одному другу, поражаясь знаніями и любознательностью Петра, пишетъ, что, заговоривъ съ царемъ о религіи, онъ встрѣтилъ живѣйшее участіе къ этому вопросу; Петръ оказался очень свѣдущимъ въ догматахъ и очень начитанъ въ писаніи[108]). Ученикъ Штейтнера фонъ-Штернфельда, получившій у него дипломъ на званіе артиллериста, показавшій себя затѣмъ, во время посѣщенія вульвичскаго арсенала при пробѣ новыхъ орудій искуснымъ стрѣлкомъ,— интересовался также библіотеками и коллекціями; плотникъ, сдавшій у мастера Геррита Класса Пооля своего рода экзаменъ, интересовался вопросами зоологіи и пріобрѣлъ свѣдѣнія по анатоміи и хирургіи; пиротехникъ,

Печати Петра Великаго во время путешествія по Европѣ въ 1697 г.

[108]) Guerrier, 27.

дѣлавшій въ лабораторіяхъ фейерверки, изучалъ дѣйствіе микроскопа и и осматривалъ обсерваторіи; царственный кузнецъ, умѣвшій выковывать простое желѣзо, изучалъ также граверное искусство.

Но гораздо большее значеніе, чѣмъ познаніе по отдѣльнымъ спеціальностямъ, должно было имѣть общее впечатлѣніе, которое Петръ вынесъ изъ своего путешествія. До 1697 г., въ лицѣ Гордона и Лефорта изъ нѣмецкой слободы, онъ видѣлъ только образецъ европейской жизни. Теперь передъ нимъ развернулся весь пестрый міръ высшей культуры, которая съ тысячи сторонъ противорѣчила нравамъ и взглядамъ московскаго царства. Кто такъ глубоко погрузился въ европейскую жизнь, не могъ уже опять стать азіатомъ. Переписка Петра, его правленіе, его личное участіе въ крупныхъ законодательныхъ преобразованіяхъ послѣдующаго времени, вездѣ носятъ слѣды этого впечатлѣнія.

Не одинъ онъ уѣхалъ и не одинъ возвращался обратно. Не дюжины, а сотни русскихъ заставилъ Петръ пройти ту же школу, которую онъ лично такъ высоко оцѣнилъ. Сотни просвѣщенныхъ иностранцевъ пригласилъ онъ въ Россію для обученія народа. Еще до путешествія Петра было замѣчено, что «важные русскіе люди отъ нѣмцевъ стали много умнѣе», что они стали устраивать свои жилища и образъ жизни по иностранному образцу [109]): послѣдствіемъ же поѣздки многихъ русскихъ людей за границу неизбѣжно явилась большая интенсивность западно-европейскаго вліянія. Если раньше было строго запрещено хвалить что-либо видѣнное за границею, то теперь, по крайней мѣрѣ въ высшихъ кружкахъ, были совершенно иные взгляды.

Собственно народъ былъ консервативенъ—онъ ничего не хотѣлъ знать о такомъ прогрессѣ, осуждалъ путешествіе Петра, и распространился даже слухъ, что вмѣсто русскаго царя, который уѣхалъ за границу и тамъ погибъ, вернулся кто-то другой, нѣмецъ, только выдающій себя за царя. Народъ заблуждался: въ путешествіи Петра не было ничего, что бы нарушало историческій ходъ, оно явилось неизбѣжнымъ слѣдствіемъ ученическаго періода 1689 — 1697 г., слѣдствіемъ всеобщаго развитія Россіи въ петровское время. Петръ вернулся изъ Европы на родину и прежнимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ новымъ. Онъ поѣхалъ, чтобы изучить кораблестроительство; онъ пріѣхалъ назадъ съ тѣмъ, чтобы взять на себя всѣ государственныя дѣла. Открывалась новая эпоха.

---

[109]) Шлейзингъ.

ГЛАВА IX.

Русскіе за границею.

Мало того, что Петръ самъ поѣхалъ за границу. Еще, быть-можетъ, большее значеніе имѣло то, что онъ посылалъ за границу своихъ подданныхъ. Современники, слѣдившіе за царскимъ путешествіемъ, не даромъ придавали большую важность этому обстоятельству.

Тутъ пришлось преодолѣть глубоко вкоренившіеся предразсудки. Въ Россіи тогда считалось, что всякое общеніе съ еретиками угрожаетъ опасностью для души. Въ своемъ знаменитомъ сочиненіи о Россіи Котошихинъ, перечисляя цѣлый рядъ недостатковъ у русскихъ, замѣчаетъ, что читатель не долженъ удивляться необразованности русскихъ, такъ какъ они не допускаютъ, чтобы ихъ дѣти ѣздили за границу, вслѣдствіе опасенія, что они переймутъ иностранные обычаи и еретическую вѣру и болѣе не вернутся въ Россію [1]).

Нѣкоторые примѣры свидѣтельствуютъ, что такія опасенія не были лишены основанія. Въ началѣ XVII вѣка Борисъ Годуновъ послалъ за границу для обученія нѣсколькихъ молодыхъ людей: пять въ Любекъ, шесть во Францію и четверыхъ въ Англію. Изъ нихъ только одинъ вернулся обратно, а остальные предпочли отречься отъ своего отечества. Въ продолженіе цѣлаго ряда лѣтъ въ дипломатической перепискѣ съ Англіею ведутся переговоры относительно этихъ эмигрантовъ. Русское правительство настаивало на выдачѣ этихъ людей, потому что царь нуждался въ нихъ для занятій въ Посольскомъ приказѣ. Англія отказывала въ выдачѣ этихъ людей, которые къ тому же перешли въ англиканскую вѣру. Одинъ изъ нихъ, какъ говорили, сдѣлался священникомъ въ Лондонѣ; онъ благословлялъ англійскихъ купцовъ, которые вывезли его съ собою изъ

[1]) Котошихинъ, гл. IV, 24.

Россіи, онъ отказался также и отъ вѣры своихъ отцовъ; о другомъ было сообщено, что онъ состоитъ королевскимъ секретаремъ въ Ирландіи; о третьемъ—что онъ сдѣлался купцомъ и живетъ въ Остъ-Индіи. На повторенный вопросъ, почему не возвращаютъ русскихъ обратно, англійскій посланникъ отвѣчалъ, что они сами не желаютъ возвращаться, и что ихъ не хотятъ принуждать [2]).

При сильномъ распространеніи національныхъ и религіозныхъ предразсудковъ среди русскихъ, число тѣхъ, которые хотѣли посѣтить Россію съ цѣлью насажденія культуры, должно было быть очень ограничено.

Слѣдующій примѣръ, изъ временъ царствованія царя Михаила Ѳеодоровича, рисуетъ положеніе вещей. Князь Хворостининъ былъ обвиненъ въ томъ, что хотѣлъ поѣхать въ Польшу и Римъ, и что онъ выразилъ мнѣніе, что русскіе люди слишкомъ глупы, и нѣтъ никого, съ кѣмъ можно бы побесѣдовать. Князя жестоко наказали, и онъ долженъ былъ отречься отъ стремленія къ западу [3]).

Къ первой же половинѣ XVII столѣтія относится и замѣчаніе кн. Голицына, что русскимъ и полякамъ нельзя совмѣстно служить въ войскѣ; недолго придется ждать, что лучшіе элементы разбѣгутся, и останутся только старые и неспособные люди [4]).

Выдающійся дѣятель Ордынъ-Нащокинъ посылалъ своего сына учиться въ Польшу: онъ изучилъ нѣсколько языковъ и навсегда бѣжалъ изъ Россіи. Отецъ былъ сильно этимъ скомпрометированъ и просилъ своего увольненія отъ службы, въ чемъ ему было, впрочемъ, царемъ отказано [5]).

Олеарій разсказываетъ про одного новгородскаго купца, который хотѣлъ послать своего сына за границу, чтобы онъ тамъ чему-нибудь научился, но царь и патріархъ этого не дозволили. Что и въ то время находились любознательные и склонные къ путешествіямъ молодые люди, показываетъ примѣръ того молодого русскаго, который сопровождалъ въ Персію гольштинское посольство, быстро изучилъ латинскій языкъ, ознакомился съ математическими инструментами и своими способностями удивилъ Олеарія и его спутниковъ [6]).

Но стремленіе къ заграничному, въ допетровское время, рѣзко осуждалось. Оно противорѣчило общенародному духу. Можно себѣ представить,

[2]) Соловьевъ, IX, 91, 128—29, 194.

[3]) Тамъ-же, IX, 461.

[4]) Тамъ-же, IX, 473.

[5]) Тамъ-же, IX, 99. Царь былъ готовъ 5,000—10,000 рублей израсходовать, чтобы вернуть бѣглеца, думали также и о томъ, что его убили за границею.

[6]) Олеарій. 221 (изд. 1663 г.).

какъ рисковалъ Самозванецъ своею популярностью, когда онъ упрекалъ бояръ ихъ необразованностью и выставлялъ имъ необходимость путешествій за границу. Въ этомъ отношеніи, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, Лже-Дмитрій производилъ впечатлѣніе духовнаго сродства съ Петромъ Великимъ.

Не одни только русскіе считали заграничныя путешествія вообще вредными, но также и сербъ Юрій Крижаничъ, самъ обязанный Западу своимъ образованіемъ, говоритъ въ своихъ запискахъ, что частыя поѣздки молодыхъ поляковъ въ сосѣднія страны были причиною паденія Польши. Онъ совѣтуетъ царю пастрого запретить своимъ подданнымъ подобныя поѣздки [7])

Подобный запретъ дѣйствительно существовалъ. Шведскіе дипломаты, посѣщавшіе Россію въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, писали, что русскимъ запрещено выѣзжать изъ государства, вслѣдствіе опасенія, что, прибывъ къ чужимъ князьямъ и народамъ, они, подъ вліяніемъ ихъ культурности, возненавидятъ отечественный строй [8]). Котошихинъ свидѣтельствуетъ также, что никто не смѣлъ выѣхать изъ Россіи, и что въ тѣхъ случаяхъ, если какой-либо торговый человѣкъ получалъ разрѣшеніе на путешествіе съ торговою цѣлью, то его родные и друзья должны были служить порукою, что онъ вернется обратно. Если кто-либо,—пишетъ Котошихинъ,—пошлетъ своего родственника или своего слугу за границу, безъ особаго разрѣшенія царскаго, то его объявляли измѣнникомъ и подвергали конфискаціи все имущество; всѣ родные находящагося за границею были строго наказываемы, подвергаемы пыткѣ и т. д. [9]).

Въ допетровское время было только два повода для посѣщенія чужихъ краевъ: дипломатическія порученія и путешествіе съ цѣлью богомолья, послѣднія предпринимались почти исключительно въ турецкія земли. Русскіе дипломаты не могли долго заживаться за границею. Они научались сравнительно немногому [10]).

Путешествій съ поучительными цѣлями до XVII в., за рѣдкими исключеніями, вовсе не было. Къ половинѣ XVI в. относится путешествіе одного молодого русскаго, отправившагося въ Германію, чтобы изучить тамъ науки; пробылъ онъ за границею нѣсколько лѣтъ, много разъѣзжалъ

---

[7]) Соч. Крижанича, изданныя Безсоновымъ: „О промыслѣ“, 70—71.—„О русскомъ государствѣ въ пол. XVII в.“ I, 333.

[8]) Herrmann, Gesch. des russ. Staats, III, 541.

[9]) Котошихинъ, гл. IV, 24.

[10]) О русскихъ за границею въ XVII в., см. въ Kulturhistorischen Studien, Рига, 1878.

и научился говорить и писать по-нѣмецки [11]) При Иванѣ Грозномъ и его сынѣ Ѳеодорѣ случалось, что русскіе посылались въ Царьградъ, чтобы изучить греческій языкъ [12]). Эти поѣздки имѣли богословскія цѣли. Многія русскія духовныя лица, съ выдающеюся дѣятельностью, получили часть своего образованія за границею.

Подобное обученіе за границею богословскимъ наукамъ, при которомъ не было опасности общенія съ еретиками, т. е. съ протестантами и католиками, были до Петра единственными поводами для продолжительнаго отсутствія изъ родины. Поѣздки съ свѣтскими цѣлями имѣли мѣсто гораздо позднѣе.

Въ этомъ отношеніи предшественникомъ Петра явился Борисъ Годуновъ. Насколько онъ цѣнилъ западноевропейскую культуру, свидѣтельствуютъ воспитаніе его сына, котораго онъ окружилъ по большей части иностранцами, его предположенія о высшихъ школахъ, въ которыхъ преподавались бы новые языки, и посылка нѣсколькихъ молодыхъ русскихъ въ Любекъ, Францію и Англію, изъ которыхъ вернулся, впрочемъ, только одинъ. Можно предполагать, что при этомъ имѣлось цѣлью обучить посланныхъ иностраннымъ языкамъ, чтобы воспользоваться ими на дипломатической службѣ.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ были посланы за границу для обученія медицинѣ нѣсколько родившихся и воспитывавшихся въ Москвѣ иностранцевъ. Такимъ образомъ восемь лѣтъ изучалъ въ Германіи медицину Михаилъ Граманнъ (1659—1667), бывшій впослѣдствіи извѣстнымъ врачемъ; съ научною же цѣлью былъ посланъ за границу и молодой Гансъ Геемсъ, но онъ уже никогда болѣе не возвращался обратно [13]). Часто появлявшійся на русской дипломатической службѣ Ѳома Келлерманнъ посылалъ своего сына Генриха изучать медицину въ Германію, Голландію, Францію, Англію и Италію. Онъ вернулся обратно въ 1677 г., изучивъ медицину въ Лейпцигѣ, Страсбургѣ, Парижѣ, Монпелье и Падуѣ и ознакомившись съ шестью языками [14]).

Въ 1692 г. былъ посланъ съ тою же цѣлью въ Италію Петръ Постниковъ, сынъ подъячаго Посольскаго приказа. Его сопровождалъ греческій врачъ Пеларій, который незадолго передъ тѣмъ явился въ Россію.

---

[11]) См. у Устрялова, посл. Курбскаго, 107—(онъ сдѣлался жертвою гнѣва Іоанна Грознаго).

[12]) См. Н. Попова, въ Атенеумѣ, 1859 г., стр. 301.

[13]) Олеарій, изд. 1663 г., стр. 221.

[14]) Richter, Gesch. d. Medic. in Russland. M. 1815, стр. 289—291, 361—368.

Въ 1696 г. Постниковъ получилъ въ Падуѣ званіе доктора; выданный ему дипломъ въ восторженныхъ выраженіяхъ свидѣтельствуетъ о познаніяхъ, которыя онъ проявилъ при защитѣ философскихъ и медицинскихъ темъ и на всѣхъ испытаніяхъ. Но впослѣдствіи, Постниковъ, благодаря своему знанію итальянскаго, латинскаго и французскаго языка, былъ привлеченъ къ дипломатической службѣ [15]).

Повидимому, признавалось особенно желательнымъ, чтобы русскіе изучали иностранные языки. Въ 1694 г. грекамъ братьямъ Лихуда было поручено обучать нѣсколькихъ дѣтей русскихъ бояръ и 23 дѣтей купцовъ итальянскому языку. Въ этомъ спискѣ встрѣчаются самые родовитые имена: Хованскихъ, Салтыковыхъ, Волынскихъ, Хилковыхъ, шесть князей Черкасскихъ и др. [16]). Въ общемъ, молодыхъ русскихъ, изучавшихъ итальянскій языкъ, было около полусотни.

Петръ самъ, прежде чѣмъ пуститься въ путь, изучалъ языки и многое другое. Въ первое время, вслѣдствіе желанія создать флотъ ради восточнаго вопроса, мореходство и кораблестроеніе были ближайшими предметами изученія. Въ введеніи къ морскому регламенту Петръ замѣчаетъ, что, для распространенія этой науки среди народа, онъ посылалъ многихъ благородныхъ людей въ Голландію и другія страны учиться кораблестроенію и судоходству. Среди нихъ было до шестидесяти дворянъ, изъ которыхъ 28 были отправлены въ Италію, преимущественно въ Венецію, а также въ Голландію и Англію. Всѣ они принадлежали къ наиболѣе знатнымъ родамъ, но ни одинъ не сдѣлался хорошимъ морякомъ. Зато многіе изъ нихъ сдѣлались впослѣдствіи выдающимися дипломатами: Борисъ Куракинъ, Григорій Долгорукій, Петръ Толстой, Хилковъ и др. По отношенію къ нимъ повторилось то же, что мы замѣчаемъ относительно Петра. Ближайшая спеціальная цѣль путешествія, именно, изученіе мореходства, явилась гораздо меньшимъ результатомъ поѣздки, чѣмъ неисчислимыя выгоды отъ продолжительнаго пребыванія преимущественно въ Западной Европѣ, полное ознакомленіе съ европейскими языками, общеніе съ нравами и обычаями такихъ народовъ, которые занимали высшую ступень культуры. Гораздо болѣе были подготовлены эти люди по возвращеніи на родину къ дѣламъ управленія, чѣмъ къ матросской службѣ или плотничьей работѣ. Петръ думалъ предпринятою имъ мѣрою улучшить число хорошихъ русскихъ корабле-

[15]) Richer. II, 401—408.—Памятн. дипл. сношѳ., VIII, 699. Потомъ онъ состоялъ при Лефортѣ, Головинѣ, Возницынѣ.—Возницынъ писалъ о немъ царю.—См. Устряловъ, III, 489.

[16]) Соловьевъ, XIV, 163.

строителей и ремесленниковъ, между тѣмъ онъ этою мѣрою основалъ разсадникъ государственныхъ дѣятелей. Какъ не могъ онъ предвидѣть, что совершенное путешествіе его самого натолкнетъ на коренныя реформы, на энергичную дѣятельность законодательную и въ области международныхъ сношеній, такъ не могъ онъ ожидать, что и для его спутниковъ продолжительное пребываніе въ Западной Европѣ будетъ такимъ плодотворнымъ и богатымъ послѣдствіями. Не могъ онъ предусмотрѣть, что, снабжая посылаемыхъ имъ за границу молодыхъ дворянъ инструкціями, относящимися лишь къ изученію морского дѣла, на этихъ самыхъ дворянъ такъ властно, такъ воспитательно подѣйствуетъ весь европейскій культурный строй. Подобныя широкія предположенія тѣмъ менѣе были доступны Петру, что во время отсылки молодыхъ русскихъ за границу для приготовленія изъ нихъ лишь опытныхъ моряковъ, онъ самъ на себѣ еще не испыталъ оживляющаго и воспитывающаго вліянія пестрой европейской жизни. Онъ самъ выѣхалъ изъ Москвы лишь въ первой половинѣ марта, а многіе посланные за границу выѣхали еще въ началѣ января [17]).

Русскимъ нелегко было выѣзжать изъ отечества. Предубѣжденіе противъ заграничныхъ путешествій было очень сильно распространено. Многіе были уже женаты и должны были оставлять своихъ женъ и дѣтей. Естественно, что подданные царя могли и не раздѣлять его увлеченій морскимъ дѣломъ и ремеслами. Пришлось преодолѣть борьбу съ тѣсно сплоченнымъ строемъ родовитыхъ боярскихъ семей за то, что членовъ этихъ семей, привыкшихъ къ изнѣженному придворному обиходу, теперь до извѣстной степени разжаловывали въ матросы. Къ тому же имъ угрожали взысканія, если они возвратятся обратно безъ надлежащихъ свидѣтельствъ о сдѣланныхъ за границею успѣхахъ [18]). Каковы были предъявляемыя имъ требованія, видимъ мы изъ инструкцій, данныхъ одному изъ посланныхъ, а именно, Толстому. Онъ долженъ основательно ознакомиться съ географическими картами, компасами и другими относящимися къ мореплаванію предметами, затѣмъ изучать управленіе судномъ и знать всѣ его составныя части, снасти и паруса; по возможности, участвовать въ морскихъ сраженіяхъ и о поведеніи своемъ представить свидѣтельства; наконецъ,— и для этого была назначена особая награда,— изучить всѣ подробности кораблестроенія. Затѣмъ на каждаго отправляемаго была возложена обязанность пригласить на службу и привезти въ Россію двухъ «мейстеровъ». Связанные съ этимъ расходы должны были быть впослѣдствіи возмѣщены

[17]) Устряловъ. II, 316.

[18]) Устряловъ. III. 633.

правительствомъ [19]). Въ большинствѣ всѣ командированные за границу должны были содержать себя на свой собственный счетъ.

Неисполненіе этихъ порученій влекло за собою конфискацію имуществъ провинившагося [20]).

За первою партіею, отправившейся за нѣсколько недѣль до отъѣзда царя, послѣдовали «волонтеры», среди которыхъ находился и самъ Петръ. Здѣсь мы встрѣчаемъ товарищей Петра по осадѣ Азова и тѣхъ, которые принимали участіе въ постройкѣ судовъ на Переяславскомъ озерѣ и въ Воронежѣ. Имена этихъ спутниковъ болѣе скромны, чѣмъ первой партіи; но Петръ все-таки присоединилъ къ тремъ «десяткамъ» «волонтеровъ» нѣсколько членовъ родовитыхъ семей. Между ними были сынъ кн. Бориса Голицына, два Головина, одинъ Нарышкинъ и царевичъ Александръ Имеретинскій [21]). Во всей полнотѣ списокъ такихъ путешественниковъ долго не былъ законченъ. Еще въ іюлѣ 1697 г., т.-е. по прошествіи нѣсколькихъ недѣль по отъѣздѣ Петра, Плейеръ писалъ: «отсюда ежедневно отправляются молодые люди въ Голландію, Англію и Италію [22]). Въ одномъ только 1697 году число уѣхавшихъ дошло, можно считать, до сотни.

Князь Андрей Яковлевичъ Хилковъ.

Во время своего пребыванія за границею Петръ имѣлъ возможность наблюдать за занятіями своихъ подданныхъ. Относительно посланныхъ въ Голландію молодыхъ дворянъ, Петръ писалъ Виніусу, что они, изучивъ обращеніе съ компасомъ, пожелали возвратиться на родину, не побывавъ даже на морѣ, но они ошибаются, если считаютъ, что ихъ занятія окончились; имъ надлежитъ еще побывать на морѣ и узнать морскую болѣзнь [23]); Нѣсколько подробнѣе Петръ пишетъ кн. Ромодановскому

[19]) Ст. Поповъ въ „Атенеѣ“ о Петрѣ Толстомъ. 1859 г., стр. 301.
[20]) Устряловъ, III, 637.
[21]) Тамъ же, III, 7—8 и 575—576.
[22]) Тамъ же, III, 637.
[23]) Тамъ же, III, 428.

что «волонтеры» занимаются разными спеціальностями, что десять изъ нихъ работаютъ вмѣстѣ съ царемъ на верфи остъ-индской компаніи; двое должны изучить изготовленіе мачтъ, двое другихъ—познакомиться съ устройствомъ водяныхъ мельницъ, остальные были приставлены къ плотничьимъ работамъ при кораблестроеніи или при оснасткѣ судовъ; семь «волонтеровъ» несли матросскую службу на различныхъ судахъ; Александръ Имеретинскій изучалъ въ Гаагѣ баллистику [24]).

Князь Григорій Ѳедоровичъ Долгорукій.

Разсказывается нѣсколько случаевъ сопротивленія русскихъ. Родители отправляемой за границу молодежи устроили оппозицію [25]); одинъ изъ дворянъ, отправленный въ Венецію, изъ ненависти къ чужеземцамъ и опасенія впасть въ ересь, не выходилъ изъ комнаты, въ которой поселился [26]); иные считали за великое несчастіе, что принуждены посвятить себя работамъ и занятіямъ, которыя выпали имъ на долю [27]). Другіе жаловались въ письмахъ своимъ роднымъ, что они не въ силахъ чего-либо понять и чему-либо научиться, а также на трудность привыкнуть къ морской качкѣ. Но надъ ослушниками и неусердными тяготѣлъ царскій гнѣвъ съ страшными наказаніями, и приходилось себя превозмогать даже въ такихъ случаяхъ, когда, какъ, напримѣръ, Михаилъ Голицынъ былъ убѣжденъ, что его натура совершенно неспособна переносить море [28]).

Между тѣмъ встрѣчались также способные и трудолюбивые, которые выдвинулись на первый планъ своимъ старанісмъ идти навстрѣчу идеямъ царя и подчиниться всѣмъ тягостямъ и лишеніямъ подобныхъ обученій.

---

[24]) Полный списокъ, собственноручно писанный Петромъ. См. тамъ же, стр. 426.

[25]) Штелинъ, Анекдоты о П. В. III, 5.

[26]) Вольтеръ, Histoire de P. le Gr. 1803.

[27]) Пекарскій. I, 42. Головинъ пишетъ, что за свои грѣхи онъ обреченъ на такое несчастіе.

[28]) Пекарскій, 141.

ныхъ путешествій. Вся продолжительная блестящая карьера Меньшикова началась съ того, что онъ проявилъ необыкновенное трудолюбіе и хорошія способности, изучая мачты и снасти во время пребыванія въ Саардамѣ. О другомъ молодомъ русскомъ дворянинѣ сохранился разсказъ, что онъ проявилъ большое усердіе во время работы, но ежедневно, какъ только кончалась работа, тщательно мылся и совершенно переодѣвался. Головинъ, также работавшій въ Саардамѣ, казался веселымъ и довольнымъ; все время у него въ домѣ жили священникъ, поваръ и музыкантъ [29]).

Графъ Петръ Андреевичъ Толстой.

Заслуживающій вниманія примѣръ усердія представляетъ собою Толстой. Онъ былъ много старше остальныхъ отправленныхъ за границу русскихъ; онъ родился въ 1645 г. и уже въ 1682 г. принималъ участіе, какъ сторонникъ царевны Софьи, въ стрѣлецкихъ волненіяхъ. Пятидесяти двухъ лѣтъ, отецъ семейства, явился онъ «волонтеромъ» для заграничной поѣздки. Онъ зналъ, что этимъ путемъ онъ скорѣе всего заслужитъ благоволеніе государя. До насъ сохранился его дневникъ. Черезъ Польшу и Австрію добрался онъ до Италіи, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ подъ-рядъ онъ предпринималъ морскія путешествія, при чемъ перенесъ нѣсколько сильныхъ бурь и получилъ свидѣтельство, что изучилъ морское дѣло и во время бури проявилъ неустрашимость, въ Италіи же ему выдали свидѣтельство, что онъ ознакомился съ географіею и математикой; его трудолюбіе и образъ жизни удивляли венеціанское правительство [30]).

Пребывавшіе въ Голландіи и Венеціи русскіе изучали преимущественно мореходство. Но въ значительномъ числѣ были отправлены за границу молодые люди и для другихъ цѣлей. По документамъ посольства, въ свитѣ котораго находился Петръ, можно видѣть, что нѣсколько знат-

[29]) Тамъ же.

[30]) См. Поповъ въ „Др. и Нов. Росс." 1875 г., I; 226. (Біографія Толстого).

ныхъ дворянъ (въ томъ числѣ два Головина, Щербатовъ и др.) были посланы въ Берлинъ для изученія нѣмецкому языку. Проѣздной паспортъ этихъ послѣднихъ помѣченъ въ Вѣнѣ 23 іюля 1698 г. [31]). Убѣжденіе, что, кромѣ мореходства, есть поучиться и чему иному, могло явиться только изъ собственнаго опыта царя [32]). Во время путешествія получилъ Петръ свѣдѣніе, что находившіеся въ Берлинѣ русскіе для изученія «бомбардирнаго искусства» усердно учатся и приступили къ геометріи [33]). Объ одномъ русскомъ, Александрѣ Петровѣ, находившемся въ Ганноверѣ, Лейбницу пишетъ его другъ, что Петровъ вполнѣ освоился съ нѣмецкимъ языкомъ и потому, сталъ изучать латинскій [34]). Черезъ нѣсколько недѣль наблюдались уже значительные успѣхи. Съ нѣкоторыми «учениками» Петръ состоялъ въ перепискѣ. Изъ Дептфорда Петръ писалъ Василію Корчмину, который жилъ въ Берлинѣ, и этотъ отвѣчалъ Петру, что онъ самъ и его товарищъ Бужениновъ прошли пиротехнику и артиллерію и теперь изучаютъ тригонометрію. Письмо это любопытно еще и въ другомъ отношеніи; оно заключаетъ въ себѣ жалобу, что учитель, артиллерійскій лейтенантъ, извѣстный своими познаніями и педагогическими способностями, требуетъ по 100 талеровъ за каждаго ученика; вмѣстѣ съ тѣмъ, въ письмѣ и просьба о высылкѣ этихъ денегъ. Корчмину, съ другой стороны, поручается навести справки относительно положеннаго въ бранденбургской арміи содержанія, и онъ послалъ точную роспись жалованія, начиная отъ генералъ-фельдмаршала, который въ военное время получалъ 5000 [35]) талеровъ въ мѣсяцъ, и кончая простымъ рядовымъ [36]).

За этими первыми попытками посылать молодыхъ русскихъ для изученія за границу въ слѣдующіе годы послѣдовали многія другія. Потокъ русскихъ путешественниковъ въ разныя страны никогда болѣе не прекращался.

Въ 1703 г. шестнадцать молодыхъ русскихъ людей изъ сѣверныхъ областей были посланы въ Голландію, чтобы изучать мореходство и гол-

---

[31]) Пам. дипл. сношен. 11—12.

[32]) Веберъ,—говоритъ, что Петръ „тысячами" отдавалъ русскихъ въ науку иностранцамъ.

[33]) Пам. дипл. сношен. VIII, 1221.

[34]) Guerrier. Прил., стр. 34.

[35]) Самъ Брикнеръ сомнѣвается въ этой цифрѣ и ставитъ подлѣ нее въ скобкахъ знакъ вопроса. *Прим. Ред.*

[36]) Устряловъ, III, 473.

ландскій и французскій языки. [37]). Съ началомъ сѣверной войны связана идея Петра посылать тысячи русскихъ въ голландскую службу въ качествѣ солдатъ и матросовъ, чтобы потомъ воспользоваться добытыми ими свѣдѣніями. Осуществленіе этой мысли было отклонено генеральными штатами [38]), но самое предположеніе объ этомъ Петра краснорѣчиво доказываетъ, что онъ высоко ставилъ воспитательное вліяніе Западной Европы и что именно въ то время, когда самъ нуждался въ возможно большемъ числѣ людей для войны со шведами, онъ рѣшался отказаться отъ тысячъ русскихъ, только чтобы потомъ получить основательно образованныхъ людей.

Князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ.

Въ 1703 г. встрѣчаемся мы съ удивительнымъ событіемъ, что одинъ дворянинъ, бывшій въ большой милости у Петра, отправилъ своихъ двухъ малолѣтнихъ сыновей учиться за границу, именно во Францію. Французскіе агенты, посѣщавшіе Россію, такъ хорошо разсказывали о своей родинѣ, что произвели на русскихъ извѣстное впечатлѣніе [39]). Отъ имени короля Людовика XIV было сдѣлано предложеніе, чтобы царь отправилъ во Францію для воспитанія и образованія своего сына царевича Алексѣя [40]). Уже раньше заходила рѣчь о томъ, чтобы послать царевича вмѣстѣ съ сыномъ Лефорта, а именно въ Женеву [41]), но это не осуществилось, и Алексѣй, при участіи иностранцевъ, воспитывался въ Россіи.

---

[37]) Соловьевъ, XV., 61. Родомъ изъ Холмогоръ, они отправились въ Голландію прямо изъ Архангельска, но попались въ руки французскихъ каперовъ; тѣ обобрали ихъ и отпустили въ Голландію. Тамъ русскіе проживали подъ наблюденіемъ адмирала Крюйса.

[38]) Тамъ же, XV, 57 и 64. Кромѣ того, возникло еще финансовое осложненіе. Петръ надѣялся, взамѣнъ воиновъ, получить деньги. Вопросъ о выступленіи 1000 русскихъ былъ поднятъ черезъ посредство Матвѣева и Крюйса, но не привелъ ни къ чему.

[39]) Устряловъ, IV, 2, 623,

[40]) Тамъ же, 622.

[41]) Тамъ же, III, 413. Объ этомъ намѣреніи царя писалъ польскій дипломатъ Карловичъ въ февралѣ 1700 г.

Повидимому, русскіе люди высшихъ классовъ постепенно освоились съ мыслью о необходимости подобныхъ поѣздокъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо отца одного изъ отправленныхъ по царскому приказу въ Голландію молодыхъ русскихъ (1708 г.). Онъ преподаетъ сыну много добрыхъ совѣтовъ; прежде всего, онъ не долженъ считать несчастьемъ или бременемъ, что его царь послалъ за границу; путешествіе имѣетъ цѣлью сдѣлать изъ него способнаго и вѣрнаго слугу царя, между знаніемъ и невѣжествомъ имѣется громадная пропасть; поэтому сынъ долженъ съ пользою употреблять каждый часъ и трудолюбиво заниматься науками; въ письмѣ находится настоятельный совѣтъ выучиться по-французски, понѣмецки, затѣмъ изучить ариѳметику, математику, архитектуру, фортификацію, естествознаніе, картографію, а также умѣть обращаться съ компасомъ въ связи съ знакомствомъ съ астрономіею. Эти познанія требовались не съ тѣмъ, чтобы сдѣлаться спеціалистомъ по инженерному искусству или по мореходству, но на случай, если царь дастъ ему назначеніе, на которомъ эти познанія будутъ пригодны.

Представленіе о государственной службѣ понемногу прививалось между русскими, такъ какъ Петръ требовалъ отъ своихъ подданныхъ опредѣленныхъ познаній и понятія о долгѣ. Но невѣдомый отецъ находящагося въ Голландіи юноши идетъ еще дальше. Онъ совѣтуетъ сыну—и здѣсь нарушались всѣ древнерусскія традиціи—узнать также всѣ «кавалерскія обученія», посѣщать общество и театры, научиться фехтовать, ѣздить верхомъ и стрѣлять.

Вспомнимъ, что, по стариннымъ понятіямъ, конскія ристанія считались большимъ грѣхомъ [42]), заслуживающимъ адскаго осужденія, что народъ съ ненавистью относился къ еретическимъ сочиненіемъ римлянъ, коринфянъ и венеціанцевъ [43]), что театръ и музыка почиталась предосудительными и неблагочестивыми нѣмецкими обычаями; поэтому можно отмѣтить, въ качествѣ виднаго успѣха, достигнутаго годами заграничныхъ поѣздокъ, что въ началѣ XVIII в. русскій отецъ указываетъ своему сыну на эти удовольствія, какъ на отдыхъ для ума.

Въ концѣ письма отецъ опять говоритъ о значеніи умственнаго образованія; только съ помощью науки можно отрѣшиться отъ первоначальной грубости; человѣкъ, какимъ онъ родится отъ отца и матери, ничего не приноситъ съ собою въ міръ: Богъ можетъ дать ему вмѣстѣ

---

[42]) См. Домострой.

[43]) Щаповъ, Изслѣд. о сектантствѣ, 1859, стр. 93.

съ духомъ благочестія, также умъ и мудрость и направить къ знанію и добрымъ правамъ и т. д. [44]).

Какъ видно, русскій Полоній становится на болѣе современную, въ сравненіи съ древнерусскимъ строемъ, точку зрѣнія, и научные интересы и преобразовательныя идеи Петра имѣли уже свою долю вліянія. Тяжелая средневѣковая атмосфера, которая господствовала раньше въ Россіи, развѣялась предъ струею свѣжаго воздуха, которая ворвалась, выражаясь словами историка, оттого, что Петръ открылъ окно въ Европу. Русскій высшій классъ сталъ стремиться сдѣлаться знатнымъ, на западно-европейскій ладъ, вмѣсто того, чтобы коснѣть въ византійско-татарской грубости и лѣни.

Графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, генералъ-адмиралъ русскаго флота.

Автобіографія одного бывшаго за границею русскаго, Неплюева, успѣшно служившаго потомъ на поприщѣ администраціи и дипломатической, даетъ намъ довольно опредѣленное представленіе о жизни и занятіяхъ русской учащейся молодежи за границею. Неплюевъ родился въ 1693 г. и воспитывался въ школѣ, открытой въ Москвѣ однимъ французомъ подъ высшимъ наблюденіемъ адмирала Апраксина. Изъ 300 учениковъ этого заведенія, 20, въ томъ числѣ и Неплюевъ, были избраны для заграничнаго путеше-

[44]) Это письмо издано Розановымъ еще въ 1723 г. и Погодинымъ ошибочно приписано Посошкову. Въ „Р. Вѣст.“ за августъ 1874 г., въ ст. Брикнера это опровергается.

ствія. Уѣхалъ онъ въ 1716 году, двадцати трехъ лѣтъ отъ роду и уже женатый поѣхалъ чрезъ Ревель, Копенгагенъ, Гамбургъ, въ Амстердамъ, гдѣ встрѣтился со многими бывшими тамъ русскими. Изъ нихъ 27 были посланы въ Венецію, чтобы на службѣ республикѣ изучить морское дѣло. Неплюевъ участвовалъ въ экспедиціи на Корфу. Для руководства за занятіями и наблюденія за обучающимися имѣлся особый уполномоченный, которымъ былъ Беклемишевъ. Черезъ Генуую и Тулонъ Неплюевъ попалъ въ Кадиксъ. Въ Тулонѣ въ то время было семь русскихъ для изученія въ морской академіи мореходства. Предметами занятій были: навигація, инженерное дѣло, артиллерія, черченіе, кораблестроеніе, танцы, фехтованіе и ѣзда верхомъ. Подобная программа была предложена Неплюеву въ Кадиксѣ, гдѣ, впрочемъ, онъ не могъ продолжать своихъ занятій по математикѣ, такъ какъ не зналъ испанскаго языка. Онъ съ товарищами писалъ русскому посланнику въ Голландіи Куракину, что ихъ лучше оставить собственно въ морской службѣ. Черезъ Амстердамъ, гдѣ они опять встрѣтили многихъ русскихъ, изучавшихъ тамъ плотничье и слесарное ремесла и кораблестроеніе, они вернулись обратно въ Россію, гдѣ Петръ Великій самъ подвергалъ ихъ экзамену, который они должны были сдать по возвращеніи. По этому случаю онъ показалъ имъ мозоли на своихъ рукахъ и замѣтилъ, что онъ ихъ получилъ, такъ какъ хотѣлъ всѣмъ служить примѣромъ и сдѣлать добрыхъ слугъ отечеству. [45]).

Многіе ученики основанной Петромъ, тотчасъ по возвращеніи изъ-за границы, навигаціонной школы должны были, по окончаніи въ ней курса, отправиться за границу для дальнѣйшаго образованія. Число пребывающихъ въ Голландіи русскихъ было столь значительно, что тамъ жилъ постоянный агентъ, князь Иванъ Львовъ, имѣвшій наблюденіе за учащимися. Его донесенія царю сохранились. Онъ постоянно жалуется на дикія выходки русской молодежи; они учиняли драки, входили въ долги и даже угрожали его собственной жизни; въ особенности буйствовали «навигаторы», отправленные въ Англію. Львовъ просилъ у царя инструкцій относительно учебнаго плана. Петръ отвѣчалъ, что зимою надо заниматься теоріею, а лѣтомъ изучать морское дѣло практически. Одинъ такой учащійся, Головинъ (род. въ 1696 г.), замѣчаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что въ 1713 — 1715 гг. онъ изучалъ въ Саардамѣ и Роттердамѣ голландскій языкъ, ариѳметику и навигацію и потомъ продолжалъ свои занятія въ Россіи. Среди весьма многочисленныхъ товарищей Головина

---

[45]) См. „Русскій Арх.“, 1871.

встрѣчаются имена знатнѣйшихъ семей: Нарышкиныхъ, Голицыныхъ, Долгорукихъ, Бутурлиныхъ, Прозоровскихъ, Шереметевыхъ, Урусовыхъ и др. [46]).

Петръ отпустилъ заграницу и двухъ своихъ родственниковъ со стороны матери, двухъ молодыхъ Нарышкиныхъ, которымъ далъ письмо къ Аннѣ Англійской [47]).

Нѣкоторые путешественники чувствовали себя за границею въ высшей степени несчастными; они жаловались на тяжелую жизнь, непосильныя работы, опасности морской жизни; ихъ тяготило и то, что приходилось изучать латинскій языкъ [48]). Неплюевъ и его товарищи просили князя Куракина, чтобы ихъ освободили отъ занятій танцами, верховою ѣздою и фехтованіямъ, такъ какъ эти искусства совершенно ненужны для посвятившихъ себя царской службѣ [49]). Но Петръ требовалъ отчетовъ о дѣятельности каждаго въ отдѣльности и внимательно ихъ контролировалъ. Съ помощью стараній и терпѣнія только можно было избѣжать царской немилости. Намъ извѣстно, что Петръ читалъ письма, которыя писалъ своему отцу молодой Зотовъ изъ-за границы; царь хвалилъ его успѣхи, выпилъ за его здоровье стаканъ венгерскаго вина и даже собственноручно ему написалъ. Впослѣдствіи Зотовъ жилъ во Франціи, чтобы наблюдать за пребывающими тамъ русскими, содѣйствовать имъ къ поступленію на французскую службу и снабжать ихъ добрыми совѣтами и деньгами. Насколько всесторонне былъ образованъ Зотовъ, показываютъ его донесенія, въ которыхъ онъ, между прочимъ, затрагиваетъ торгово-политическіе вопросы, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ ведетъ дипломатическіе перѣговоры съ фран-

Иванъ Ивановичъ Неплюевъ.

[46]) Пекарскій (Наука и Лит. при П. В.). 141. Молодыя русскія женщины, жены учащихся, также были за границею и тамъ „всему научились", какъ говоритъ Веберъ. См. Hermann. P. d. Gr. und Alexei. 17—18.

[47]) По словамъ Екатерины II, см. Бартенева „XVIII вѣкъ". Москва 1869; 320.

[48]) Пекарскій, 143.

[49]) „Русскій Арх.", 1871 г., стр. 623.

цузскими сановниками. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ царю, Зотовъ обращаетъ вниманіе, насколько важно, чтобы посылаемые за-границу молодые русскіе изучали также и юридическія науки; безъ нихъ, по его мнѣнію, служащіе въ адмиралтействѣ являются безполезными служащими; онъ совѣтуетъ царю, черезъ посредство рязанскаго митрополита Стефана Яворскаго, избрать трехъ знающихъ латинскій языкъ, изъ средняго сословія (знатные лѣнивы, а народъ чуждается науки), и послать ихъ во Францію, чтобы учиться этой спеціальности теоретически и практически. Зотовъ молитъ о прощеніи за смѣлость давать подобные непрошенные совѣты, но его побуждаетъ желаніе быть полезнымъ царю [50]).

Встрѣчались уже люди, которые шли навстрѣчу идеямъ царя и которые вполнѣ признавали всю пользу для государства отъ образованія. Если Петръ хотѣлъ окружить себя помощниками, то онъ, самъ столь неисчислимые результаты извлекшій изъ собственной поѣздки, долженъ былъ отпустить за границу и другихъ.

Исходнымъ пунктомъ для отсылки русскихъ заграницу была потребность имѣть способныхъ моряковъ и солдатъ. Но на этомъ нельзя было остановиться. Если большая часть этихъ молодыхъ людей и могла быть приставлена къ морскимъ или военно-техническимъ занятіямъ, то было много такихъ, которые преслѣдовали совершенно иныя цѣли. Каждая реформа, которую Петръ впослѣдствіи имѣлъ желаніе провести въ своемъ государствѣ, требовала особыхъ образованныхъ лицъ, каждая новая отрасль науки или искусства, которую Петръ хотѣлъ привить своему народу, вызывала новыхъ посланныхъ за границу.

Въ 1716 г. было рѣшено послать 30 — 40 молодыхъ русскихъ въ Кенигсбергъ, гдѣ они должны были научиться нѣмецкому языку, чтобы потомъ плодотворно посвятить себя занятіямъ во вновь основанныхъ, по шведскому образцу, коллегіяхъ. При нихъ былъ особый инспекторъ, наблюдавшій, чтобы они усердно работали [51]).

Мало того, что извѣстное число русской молодежи занималось, подъ руководствомъ голландскаго инженера Коегораса, изученіемъ основаній тактики и инженернаго дѣла во время войны за испанское наслѣдство [52]), что сыновья князя Рѣпнина изучали военное дѣло подъ руководствомъ

---

[50]) Пекарскій, V, 157.
[51]) П. С. З. № 2986 и 2997.
[52]) Пекарскій, I, 10.

никого другого, какъ Евгенія Савойскаго [53]), что «навигаторовъ» дюжинами отсылали въ Голландію, Францію, Италію или Испанію. Были еще иныя цѣли для различныхъ путешествій съ научными цѣлями. Въ 1719 г. до 30 молодыхъ русскихъ людей были отправлены за границу, чтобы учиться медицинѣ подъ руководствомъ доктора Блументроста [54]). Особымъ лицамъ давалось порученіе пріобрѣтать относящіяся къ морскому дѣлу книги и переводить ихъ за границею на русскій языкъ [55]). Особые люди направлялись также въ Голландію, чтобы научиться тамъ техникѣ устройства каналовъ, гаваней, доковъ и другихъ тому подобныхъ сооруженій. Одинъ русскій долженъ былъ изучать въ Англіи искусство лить пушки, но это встрѣтило затрудненіе вслѣдствіе соблюдаемой въ этомъ дѣлѣ тайны [56]).

Разнообразіе поводовъ для заграничныхъ путешествій все увеличивалось. Въ 1716 г. пять молодыхъ людей послано въ Персію, чтобы выучиться восточнымъ языкамъ, знаніе которыхъ было необходимо для дипломатическихъ сношеній, а именно, татарскаго, арабскаго и персидскаго [57]) Иные русскіе занимались въ Голландіи каменьщичьимъ ремесломъ и выдѣлкою кирпича; Земцовъ и Еропкинъ посланы въ Италію учиться архитектурѣ, Никитинъ и Матвѣевъ въ Голландію изучать живопись. Нѣкоторые изъ нихъ впослѣдствіи пріобрѣли извѣстность [58]). Число ѣдущихъ росло, а вызываемое первыми путешественниками неудовольствіе уменьшалось. Братъ того Копона Зотова, о которомъ говорилось выше, и который съ такою охотою жилъ во Франціи и оказалъ Петру существенныя услуги,—выражалъ желаніе поѣхать во Францію на воды [59]). Неплюевъ, который, уже обзаведшійся семействомъ, долженъ былъ пріучаться къ заграничному строю жизни, въ концѣ царствованія Петра обращается къ русскому посланнику въ Голландіи, кн. Куракину, съ просьбой взять его десятилѣтняго сына, который долженъ былъ учиться въ тамошней академіи наукъ новымъ языкамъ, философіи, географіи, математикѣ и исто-

---

[53]) Соловьевъ, XIV, 204.—Молодые Рѣпнины причинили своему отцу не мало заботъ своими долгами и поведеніемъ. Въ письмѣ къ царю онъ жалуется, что они стоютъ ему уже 15,000 руб.

[54]) П. С. З. № 3058.

[55]) П. С. З. № 3682.

[56]) Соловьевъ, XIV, 311.

[57]) П. С. З. № 2978.

[58]) Штелинъ, I, 100 и 66. Матвѣевъ, Сахаровъ, Меркурьевъ и Васплевскій, писавшіе образа для всѣхъ столичныхъ церквей.

[59]) Соловьевъ, XIV, 301.

ріи [60]). Бывшій при Елизаветѣ Петровнѣ министромъ иностранныхъ дѣлъ Бестужевъ, во время царствованія Петра Великаго, посѣщалъ въ Берлинѣ гимназію [61]). Путешествія за границу всѣхъ этихъ людей имѣли разнообразное значеніе; они создавали моряковъ и военныхъ, ученыхъ и художниковъ, государственныхъ дѣятелей и ремесленниковъ. Преобладали практическія науки. Политехническое образованіе русскихъ отвѣчало собственному образованію и взглядамъ Петра. Въ 1722 — 1724 годахъ стали возвращаться на родину многіе учившіеся въ Англіи, Голландіи и Франціи разнымъ прикладнымъ знаніямъ. Были среди нихъ столяры по различнымъ спеціальностямъ: одни умѣли дѣлать простые предметы домашняго обихода, другіе—изящную мебель, третьи—постели, столы и стулья; затѣмъ были слесаря, литейщики, рѣзчики, техники, умѣющіе выдѣлывать математическіе инструменты и т. п. Петръ построилъ для нихъ дома и выдалъ средства, чтобы они обзавелись собственными мастерскими и пріобрѣли учениковъ [59]).

Такимъ образомъ во время Петра очень много русскихъ всѣхъ сословій и всѣхъ призваній прожило за границею. Въ жизни всѣхъ этихъ людей пребываніе за границею должно было положить рѣзкій слѣдъ. Многія впечатлѣнія и пріобрѣтенный опытъ должны были быть очень имъ полезны. Прежніе русскіе путешественники, посѣщавшіе Европу въ качествѣ дипломатовъ, были далеко не въ состояніи въ той же мѣрѣ, какъ посѣщавшіе заграницу при Петрѣ Великомъ, проникнуться воспитательнымъ и образовательнымъ значеніемъ западноевропейской культуры. Эти дипломаты не были образованные, ознакомленные съ общимъ политическимъ положеніемъ государственные люди, но, въ большинствѣ случаевъ, новички въ дипломатическомъ дѣлѣ, связанные очень подробною инструкціею, безъ собственныхъ идей, исполняющіе механически возложенную на нихъ миссію. Даже за границею они оставались въ застывшихъ формахъ офиціальныхъ сношеній съ западноевропейцами, стѣсненные на каждомъ шагу условностями церемоніала, не самостоятельно, а именно механически правящіе свою службу. Для сношеній съ европейцами они нуждались въ переводчикахъ. Постоянные резиденты изучаютъ языкъ страны, въ которой живутъ; посланники, какими были русскіе дипломаты допетровскаго времени,

---

[60]) Тамъ же, XVIII, 63.

[61]) Штелинъ, II, 135. Бестужеву много пользы принесло его продолжительное пребываніе потомъ въ Англіи.

[62]) Соловьевъ, XVIII, 178. По словамъ Вебера въ 1715 г. въ Россію вернулось изъ за границы 400 лицъ.

посылались лишь для рѣшенія отдѣльнаго дипломатическаго вопроса, естественно не могли знать много языковъ. Отличаясь отъ жителей языкомъ, одеждою, обычаями, русскіе дипломаты должны были чувствовать себя совершенно отчужденными; ни о какомъ акклиматизаціонномъ процессѣ, ни о какомъ непосредственномъ изученіи европейскихъ отношеній не могло быть и рѣчи. Ихъ замѣчанія и путевыя записки показываютъ лишь мимолетныя впечатлѣнія отъ внѣшняго наблюденія, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣкоторые, напр., Лихачевъ (1658—59 гг.), посѣтившій Италію, или Потемкинъ (1667 г.), бывшій во Франціи и Италіи, въ своихъ запискахъ о путевыхъ впечатлѣніяхъ дѣлаютъ весьма здравыя заключенія. Но русскіе дипломаты должны были многому научиться въ Западной Европѣ. То, что они видѣли и о чемъ разсказывали своимъ друзьямъ по возвращеніи домой, могло или должно было поколебать прежніе взгляды о преимуществахъ и совершенствѣ русскаго политическаго и соціальнаго строя. Получалась возможность опредѣлить русскія условія съ болѣе высоко развитой точки зрѣнія. Черезъ посредство сравненія родины съ другими странами можно было пріобрѣсти нѣкоторую самостоятельность, которой были лишены тѣ, которые не покидали своего отечества. Создавалась, однако, почва для стремленія поближе узнать западноевропейскія отношенія, и возникала возможность для насажденія въ Россіи культурныхъ элементовъ другихъ странъ. Очевидно, что подобныя реформаторскія мысли у русскихъ заграничныхъ путешественниковъ могли возникать лишь случайно и слабо дѣйствовать на общее развитіе. Болѣе широкое изученіе западно-европейской культуры могло явиться плодомъ путешествій только въ томъ случаѣ, если ихъ предпримемъ самъ Царь и пріобщитъ еще другихъ къ подобнымъ путешествіямъ.

Графъ Михаилъ Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ.

Слѣдуетъ замѣтить, что большинство учениковъ Европы было плохо подготовлено для занятій чѣмъ бы то ни было, безъ всякаго интереса къ высшей культурѣ, ради которой они отправлялись въ науку; они не были

любознательны, напротивъ того, мало воспріимчивы къ благу европейскихъ обычаевъ, высшей морали и разносторонней образованности. Со всѣхъ сторонъ раздавались жалобы на грубость русскихъ за границею, дѣлавшихъ мало чести своему отечеству. Сопровождавшій Александра Петрова, такъ удачно изучавшаго въ Гановерѣ нѣмецкій и латинскій языки, священникъ былъ безнравственнаго поведенія и покушался даже на жизнь самого Петрова [63]). Зотовъ жаловался Петру, что находившіеся во Франціи русскіе отличаются грубымъ поведеніемъ; маршалъ д'Эстре, съ которымъ Зотовъ былъ въ очень хорошихъ отношеніяхъ, говорилъ ему, что русскіе гардемарины въ Тулонѣ заводятъ между собою драки и такъ ругаются, что послѣдній крестьянинъ во Франціи постыдился бы произносить подобныя слова. Французскія власти наложили на нихъ наказаніе, отобравъ отъ нихъ оружіе. Одинъ изъ нихъ, Глѣбовъ, нанесъ своему земляку Барашинскому тяжелую рану шпагою, не на дуэли, а во время простой ссоры. Точно также и русскій посланникъ въ Лондонѣ Веселовскій, на котораго было возложено наблюденіе за проживавшими тамъ русскими, жаловался, что онъ не можетъ ничего съ ними подѣлать, они не хотятъ учиться у ремесленниковъ, которымъ отданы въ науку, не желаютъ связывать себя контрактными условіями, безъ всякихъ основаній требуютъ возвращенія обратно домой и выдачи проѣздныхъ денегъ; ни просьбы, ни угрозы не производятъ никакого впечатлѣнія, потому что ослушники разсчитываютъ на то, что, по законамъ страны, они не могутъ быть подвергнуты наказанію безъ суда [64]). Жившіе въ Англіи отличались еще и буйствомъ: одинъ изъ нихъ вышибъ глазъ одному англичанину, который потребовалъ за увѣчье 500 фунтовъ. Князю Львову, имѣвшему за ними наблюденіе изъ Голландіи, нѣкоторые отравляли жизнь: онъ жалуется на свое невыносимое положеніе и свидѣтельствуетъ, что русскіе дѣлаютъ множество долговъ, и что 5,000 фунтовъ будетъ далеко недостаточно, чтобы эти долги уплатить [65]).

Въ Голландіи русскіе также часто заслуживали порицаніе. Ученики типографщика Копіевскаго по окончаніи ученья не только не уплатили своему учителю причитающагося гонорара, но увезли съ собою еще четыре глобуса. Подобные случаи нерѣдко повторялись [66]). Даже самъ Львовъ, который долженъ быть занимать выдающееся безупречное положеніе,

---

[63]) Querrier, 34. Письмо Роберса къ Лейбницу.
[64]) Соловьевъ, XV, 32.
[65]) Пекарскій, I, 141.
[66]) Тамъ-же, I, 14—15.

обвинялся въ утайкѣ суммъ, слѣдовавшихъ «навигаторамъ», которыя онъ прикарманивалъ, а его драная, нищенская одежда была предметомъ постоянныхъ шутокъ для голландцевъ. Про учившихся въ Венеціи Шереметевыхъ имѣется свидѣтельство, что они надѣлали столько долговъ, что были, наконецъ, заключены въ тюрьму [67]).

Весьма часто недостатокъ денегъ ставилъ учившихся за границею русскихъ въ тяжелое положеніе. Еще въ 1698 г. случилось, что бранденбургскій курфюрстъ долженъ былъ временно озаботиться содержаніемъ жившихъ въ Берлинѣ русскихъ [68]) Далеко не всѣ были въ такихъ блестящихъ условіяхъ, какъ сынъ того автора письма, о которомъ упоминалось выше, которому отецъ опредѣлилъ ежегодно 1,200 талеровъ [69]). Бывали случаи, что пріѣхавшіе за границу терпѣли страшную нужду; молодой Рагузинскій, жившій во Франціи, долгое время не получалъ ничего отъ своихъ родныхъ; онъ впалъ въ долги и подвергся за нихъ неплатежъ аресту. Очень жалостливы письма нѣкоторыхъ русскихъ изъ Франціи къ Петру и его кабинетъ-министру Макарову, въ которыхъ они описываютъ тягость своего матеріальнаго положенія [70]).

Поэтому впечатлѣніе, которое русскіе производили за границею, не всегда было благопріятнымъ. Они часто были не въ состояніи быть на высотѣ положенія; кромѣ того, имъ недоставало еще и салоннаго лоска. Объ ихъ трудолюбіи также составилось нелестное мнѣніе. Про русскихъ волонтеровъ, прибывшихъ въ Голландію, говорилось, что только князь Александръ Имеретинскій чему-нибудь учится, прочіе ничему, одинъ Петръ—всему [71]).

Иностранцы, которые въ позднѣйшіе годы царствованія Петра долго жили въ Россіи, вынесли впечатлѣніе, что всѣ заграничныя поѣздки русскихъ по существу были совершенно безполезны. Веберъ пишетъ, напр., что поѣздки эти послужили лишь къ тому, что русскіе научились въ Западной Европѣ одному лишь дурному и только увеличили свои и безъ того многочисленные русскіе недостатки и пороки. Онъ добавляетъ, что нѣкоторые русскіе пріятнымъ обращеніемъ и вѣжливостью пріобрѣли любовь и уваженіе среди нѣмцевъ,—но такіе путешественники, которые теперь насчитываются тысячами, — относятся къ прежнимъ временамъ,

---

[67]) Соловьевъ, XVI, 406.
[68]) Устряловъ, IV, 583, письмо Лефорта къ Петру.
[69]) Посниковъ, (изд Погодина), I, 302.
[70]) Пекарскій, I, 158, 163. Между ними были арабъ Петра Великаго.
[71]) Heermann. „Discours etc.“.

причемъ они, тотчасъ по возвращеніи домой, немедленно отрѣшались отъ показного образа дѣйствій. Даже техническое образованіе, въ которомъ русскіе, по своимъ природнымъ способностямъ, могли достигнуть столько блестящихъ результатовъ, по сужденію Вебера, оставляло ихъ равнодушными [72]). Викеротъ замѣчаетъ также, что всякій молодой русскій дворянинъ, долгое время жившій въ чужихъ краяхъ и тамъ получившій лоскъ и образованіе, впадаетъ въ прежнюю косность и грубость, какъ только по возвращеніи на родину подпадетъ подъ вліяніе своей семьи; по прошествіи года знавшіе его ранѣе перестаютъ узнавать [73]).

Не подлежитъ сомнѣнію, что, при недостаточности образованности, при глубоко вкоренившихся у русскихъ національныхъ и религіозныхъ предразсудкахъ и при сильномъ сопротивленіи реформамъ Петра, даже многолѣтнее пребываніе за границею могло измѣнить только внѣшнія формы, оболочку, а не коснуться самого ядра міровоззрѣнія. Но развѣ не имѣло значенія, что болѣе продолжительное пребываніе русскихъ за границею, хотя и отражалось на нихъ временно и только поверхностно, но побуждало полудикихъ азіатовъ, черезъ соприкосновеніе съ высшею культурою, обратить вниманіе на собственное самозпаніе? Развѣ нельзя считать успѣхомъ, что въ Западной Европѣ русскіе научались извѣстному обращенію, что они признавали необходимость извѣстныхъ условностей, общественности, вѣжливости съ окружающими людьми? Развѣ не имѣетъ никакого значенія, что они научались сдерживаться и научились извѣстной внѣшней порядочности? Постепенно, вслѣдъ за шлифовкою внѣшней оболочки, также и внутренній человѣкъ могъ поддаться воздѣйствію высшей культуры.

Равнымъ образомъ и знакомство съ иностранными языками не можетъ быть оставлено безъ вниманія, при обсужденіи возможности насажденія высшей культуры. Есть много примѣровъ быстрыхъ успѣховъ, которые дѣлали русскіе за границею. Сынъ русскаго посла въ Польшѣ, Тяпкинъ, былъ въ состояніи привѣтствовать короля Яна Собѣсскаго рѣчью на польскомъ языкѣ [74]), въ которой онъ выразилъ благодарность за полученное въ Польшѣ образованіе; Толстой и Нелюевъ съ такимъ совершенствомъ изучили итальянскій языкъ, что, уже въ силу этого одного, были предпочтительно передъ другими предназначены для занятія посольскихъ мѣстъ въ Константинополѣ. Послѣ того какъ Татищевъ, долго жившій за границею и говорившій

[72]) Weber, „Verändertes Russland“, I, 12.

[73]) Hermann. 107.

[74]) Соловьевъ, VII. 227.

на нѣсколькихъ языкахъ, долженъ былъ на границѣ Сибири устраивать горное дѣло, онъ взялъ съ собою на службу двухъ студентовъ, чтобы при ихъ помощи еще болѣе совершенствоваться въ латинскомъ, французскомъ, шведскомъ и нѣмецкомъ языкахъ [75]). Письма и записки многихъ русскихъ путешественниковъ изобилуютъ галлицизмами, словами, взятыми съ испанскаго и итальянскаго, и эти иностранныя слова и техническія выраженія обогащали русскій языкъ.

Можно привести нѣсколько примѣровъ могущественнаго вліянія, которое имѣла на русскихъ высшая культура Запада, вызывая ихъ удивленіе и признаніе своей силы. Одинъ русскій, бывшій посланникомъ въ Даніи, по своемъ возвращеніи, смѣялся надъ грубостью и недостатками своихъ соотечественниковъ, въ особенности надъ ихъ необразованностью [76]). Боярину Борису Шереметеву, когда онъ въ 1698 г. вернулся въ Россію послѣ продолжительнаго пребыванія во Франціи и въ Италіи, ставили въ упрекъ, что онъ порицалъ нѣкоторые обряды русскихъ, напр., номинальныя пиршества, что онъ очень легко воспринялъ утонченные европейскіе обычаи, носилъ европейское платье, охотно бесѣдовалъ съ иностранцами и въ кругу дипломатовъ отличался большою непринужденностью. Поэтому соотечественники его не взлюбили и обвиняли, что онъ присоединился къ католицизму. Можно полагать, что его предпочтеніе всего европейскаго не было только наружнымъ, чтобы заслужить благоволеніе Петра, но что оно было искреннимъ и твердымъ [77]). Про его спутника Курбатова, имя котораго тѣсно связано съ наиболѣе важными преобразованіями: уничтоженіемъ патріаршества, развитіемъ школъ, установленіемъ новыхъ источниковъ государственнаго дохода,—можно сказать, что пребываніе въ Италіи, въ особенности въ Венеціи, имѣло самые плодотворные результаты, было для него политическою школою.

Расширеніе политическаго горизонта, какъ результатъ многочисленныхъ заграничныхъ путешествій, должно было повлечь, хотя бы у наиболѣе развитыхъ русскихъ людей, существенную перемѣну во взглядахъ на многіе вопросы. Національная обособленность, русскій китаизмъ могли быть легко пошатнуты съ помощью этихъ путешествій. Только путемъ непосредственнаго знакомства съ Западною Европою можно было составить себѣ понятіе о политическомъ и соціальномъ положеніи различныхъ странъ, о народныхъ богатствахъ, объ искусствахъ, научныхъ трудахъ, нравахъ

[75]) Нилъ Поповъ, біогр. Татищева. Москва. 1861.

[76]) Казанскій, въ „Русск. Вѣстн." авг. 1877 г. ст. о Лжедимитріѣ.

[77]) Korb. Diarium itineris. 22 февр. и 21 марта 1699 г.

и обычаяхъ другихъ народовъ, бросить взглядъ на пеструю связь западно-европейской народной семьи. Въ то время русскіе привыкли всѣхъ не русскихъ называть «нѣмцами», различая между ними «французскихъ нѣмцевъ» или «голландскихъ нѣмцевъ», и потребовалось продолжительное пребываніе среди нихъ самихъ русскихъ, чтобы ознакомиться съ характерными особенностями различныхъ національностей. Подобное непосредственное народнопсихологическое изслѣдованіе должно было отразиться на собственномъ національномъ характерѣ. До этихъ заграничныхъ поѣздокъ русскіе всѣхъ неправославныхъ именовали общимъ именемъ еретиковъ, но продолжительное пребываніе въ протестантскихъ и католическихъ земляхъ должно было создать для нихъ различіе между вѣроисповѣданіями и ихъ цивилизаторскомъ вліяніи. Практическое, на мѣстѣ, этнографическое изученіе могло у многихъ путешественниковъ прояснить понятія, смягчить многіе предразсудки и вызвать убѣжденіе въ необходимости вступленія на путь западно-европейскаго развитія. Многіе примѣры показываютъ, что русскіе были способны воодушевиться Западною Европою, что они отрѣшались отъ поворота назадъ и измѣняли свою вѣру. Одинъ изъ путешественниковъ 1697 г. покинулъ своихъ товарищей въ Венеціи, бѣжалъ въ Женеву и тамъ пытался перейдти въ кальвинизмъ [78]). Немного ранѣе одинъ русскій въ Венеціи принялъ католичество; ему іезуиты сказали, что между греческою и католической церквами нѣтъ иного различія, какъ то, что къ послѣдней принадлежатъ болѣе образованные и ученые люди; стремленіе молодого человѣка къ ученію, его любовь къ книгамъ и наукѣ принудили его къ переходу въ католичество [79]). Подобные случаи часто повторялись. Между придворными шутами императрицы Анны Іоанновны было два несчастныхъ, которые въ царствованіе Петра приняли за границею католичество и въ наказаніе за отступничество отъ вѣры отцовъ были приговорены къ безчестной должности шутовъ [80]).

Есть также примѣръ, что русскіе, которыхъ посылали за границу съ образовательною цѣлью, стремились остаться тамъ, какъ это имѣло мѣсто съ молодыми дворянами, посланными на Западъ въ царствованіе Бориса Годунова. Нешлюевъ, напр., разсказываетъ, что одинъ изъ его спутниковъ бѣжалъ во время пути и присоединился къ странствующему

[78]) Посевинъ II, 486. Письмо Лефорта къ своимъ родственникамъ.

[79]) Сочиненія XIV, 322 (на основаніи актовъ одного судебнаго дѣла).

[80]) „Русск. Старина" 1874 г. Статья о придворной жизни при Аннѣ Іоанновнѣ. (Апраксинъ и Голицынъ).

нищему монаху, шедшему на Аѳонъ, другой товарищъ поступилъ на датскую военную службу и т. д.

Объ общемъ итогѣ путевыхъ впечатлѣній, которымъ были подвержены по крайней мѣрѣ наиболѣе интеллигентные русскіе, можно судить, перелистывая ихъ путевыя записки; собственно отъ лицъ, бывшихъ за границею въ царствованіе Петра, сохранилось два такихъ письменныхъ свидѣтельства: Толстого, относящееся къ 1697—1699 годамъ и автобіографія Неплюева.

Описаніе одиссеи послѣдняго изложено въ сухомъ, дѣловомъ топѣ, точно счетный отчетъ. Большую его часть составляютъ данныя о стоимости проѣзда и жизни въ разныхъ странахъ, которыя очень интересны для исторіи цѣнъ, но не свидѣтельствуютъ о большой степени наблюдательности. Насколько принималъ съ малымъ интересомъ Неплюевъ собственное путешествіе, видно изъ того, что онъ въ своихъ отчетахъ нигдѣ не говоритъ о характерѣ странъ и народовъ, среди которыхъ онъ жилъ; онъ ничего не можетъ сказать о путевыхъ впечатлѣніяхъ; нигдѣ нѣтъ и слѣда о различеніи или интересѣ къ чужестраннымъ людямъ и отношеніямъ, съ которыми онъ встрѣчался. Какъ добросовѣстный бухгалтеръ, отмѣчаетъ Неплюевъ точно день и мѣсяцъ прибытія и выѣзда въ каждомъ мѣстѣ, разстоянія, поступленія и расходы, счета за содержаніе и путевыя издержки. О положеніи Южной Европы, гдѣ онъ долго прожилъ, объ отношеніяхъ Германіи и Голландіи, черезъ которыя онъ проѣхалъ, мы узнаемъ изъ его описаній только самое обыденное. Его путевыя записки доказываютъ полное равнодушіе человѣка, посланнаго правительствомъ.

Совершенно инымъ представляется дневникъ Толстого, который былъ за границею въ зрѣлые годы, отличался выдающимися способностями и интересовался самыми разнообразными предметами. Онъ описываетъ церкви и монастыри, которые посѣщалъ въ Польшѣ, Вѣнѣ и Италіи, мощи, которымъ поклонялся, и католическое богослуженіе, на которомъ присутствовалъ. Онъ очень подробно описываетъ также польскихъ магнатовъ, внутреннее устройство ихъ жизни, роскошную обстановку, статуи, хрустальную посуду, мраморныя вещи и т. п. По поводу посѣщенія, сдѣланнаго имъ въ Варшавѣ папскому нунцію, онъ говоритъ объ одѣяніи посла и коврахъ въ его домѣ. Онъ описываетъ желѣзное производство въ Силезіи, художественныя ворота въ Ольмюцѣ, виноградники и огороды на пути въ Вѣну, великолѣпные парки и фонтаны въ Шенбруннѣ, больницу, которую онъ видѣлъ въ Вѣнѣ, и которая поразила его своими большими размѣрами. Въ Италіи онъ удивляется великолѣпію садовъ, заботливости о плодовыхъ

*

рощахъ, роскоши дворцовъ, изобрѣтательности водоснабженія. Онъ очарованъ совершенствомъ итальянскихъ гостиницъ, удобствомъ постелей, тонкостью бѣлья. Онъ обращаетъ вниманіе на народное благосостояніе, порицаетъ дороговизну жизни въ Могилевѣ и замѣчаетъ, что Силезія и Моравія болѣе богатыя страны, чѣмъ Польша. Академія въ Ольмюцѣ, судебное разбирательство въ Венеціи, библіотека одного капуцинскаго монастыря, фрески и органъ одной церкви въ Падуѣ, зданіе для верховой ѣзды, утвержденіе въ званіи докторовъ, садъ аптекарскихъ травъ въ Падуѣ, рукопись св. Амвросія, книга о математикѣ, граверное дѣло въ Миланѣ, монетный дворъ и артиллерія въ Рагузѣ, морской смотръ въ Венеціи, рыбная ловля, на которой онъ присутствуетъ на Мальтѣ, — все это возбуждаетъ его вниманіе; объ иномъ говорится очень кратко, о другомъ повѣствуется болѣе подробно. Мѣстами встрѣчаются разсужденія о народно-психологическихъ вопросахъ, о нравахъ и состояніи страны. Толстой рѣзко осуждаетъ пьяную тупость поляковъ, которые не устраиваютъ постояннаго моста черезъ Вислу въ Варшавѣ, хотя, въ виду его отсутствія, ежегодно тонетъ множество людей. Онъ подшучиваетъ надъ поляками за то, что они не могутъ вести своихъ государственныхъ дѣлъ безъ распри и кровопролитій. Въ Италіи онъ сравниваетъ миланцевъ съ венгерцами и находитъ первыхъ гораздо болѣе симпатичными. Онъ обращалъ особенное вниманіе на тѣ вещи, которыя разнились отъ бывшихъ въ употребленіи у русскихъ, и это видно изъ слѣдующаго. Въ Польшѣ ему бросается въ глаза, что женщины открыто вездѣ показываются, гуляютъ безъ покрывалъ, и это не считается стыдомъ. Въ Вѣнѣ онъ видѣлъ процессію, въ которой императоръ Леопольдъ шелъ одинъ, самостоятельно, безъ того, чтобы его вели подъ руки, и это Толстому кажется выдающимся обстоятельствомъ, повидимому, при сопоставленіи, что въ Россіи, въ подобныхъ случаяхъ, всегда водили подъ руки. Также удивительнымъ ему казалось, что торговля табакомъ повсемѣстно производится безпрепятственно, что венеціанцевъ никогда не видно пьяными, такъ какъ они предпочтительнѣе употребляли лимонадъ и шоколадъ, а не водку, что во время азартныхъ игръ въ Венеціи не бываетъ обмановъ, что въ Неаполѣ на судебномъ процессѣ все шло вполнѣ прилично, всѣ, и судьи, и обвинители, и подсудимые, говорили тихо и вѣжливо, не прибѣгая ни къ крику, ни къ бранн. Поразившее его зрѣлище морской бури, которую онъ испыталъ на пути въ Цару, видъ высокихъ горъ, о которыхъ онъ замѣчаетъ, что онѣ высоки, какъ облака, огромные размѣры древняго амфитеатра — были ему также новы, какъ и оживленіе внѣшней жизни итальянцевъ, которую онъ также

попутно описываетъ. Онъ сообщаетъ о столпленіи народа на улицахъ и площадяхъ итальянскихъ городовъ, о тысячѣ гондолъ въ Венеціи; онъ говоритъ, что въ послѣдней проживаетъ не менѣе 400 врачей, и что многіе иностранцы пріѣзжаютъ въ Венецію только для удовольствій; онъ описываетъ народныя празднества и представленія на площади Св. Марка въ Венеціи, большую и пеструю толпу гуляющихъ по городскимъ площадямъ Неаполя, онъ даетъ также описаніе театра и ложъ и добавляетъ, что постановка оперы обходится въ 4,000 дукатовъ. Особенно знаменательно незаурядное изумленіе Толстого, что въ Италіи всѣ довольны, не испытываютъ страха, что тамъ царитъ и вольность, что никто не напивается пьянымъ, и что народъ не облагается тяжелыми пошлинами.

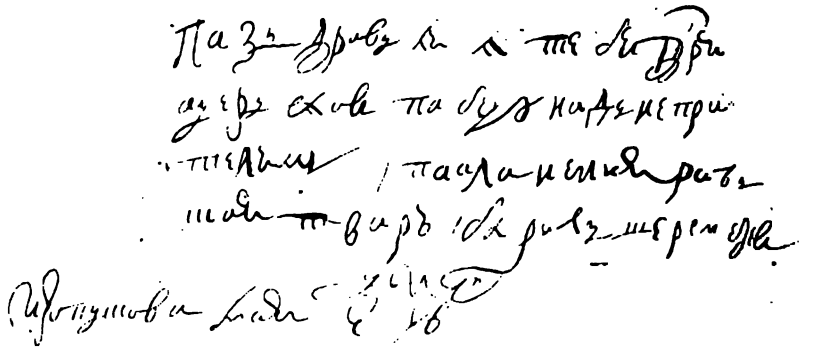
Изъ этого видно, что изумленнымъ взорамъ путешественника открылся новый міръ, своимъ солнечнымъ свѣтомъ, нравомѣріемъ, которымъ пользовался народъ, утонченными нравами, выдающимся благосостояніемъ, непринужденностью и благородными формами обращенія людей между собою—этотъ новый міръ, при сопоставленіи съ суровымъ климатомъ родины, властолюбіемъ знатныхъ, грубостью нравовъ всѣхъ классовъ воспитаннаго на восточный ладъ общества—долженъ былъ показаться своего рода идеаломъ. Какое значеніе могли имѣть заурядныя техническія познанія по мореплаванію, которыя Толстой пріобрѣлъ въ Италіи, рядомъ съ незабвенными впечатлѣніями совершенно новыхъ ему политическихъ и соціальныхъ отношеній и украшенной наукою, искусствами и благосостояніемъ жизни итальянцевъ?

Тотъ же самый путь, какой сдѣлалъ Толстой, но нѣсколько позднѣе, совершилъ боринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ; въ качествѣ знатнаго туриста, быть можетъ, снабженный царскимъ порученіемъ относительно восточнаго вопроса, пробылъ онъ въ 1697 и 1698 г. въ Италіи и, подобно Толстому, также прибылъ въ Мальту, гдѣ былъ торжественно встрѣченъ орденскими рыцарями. Онъ былъ первымъ русскимъ, получившимъ иностранный орденъ; онъ вернулся обратно, украшенный мальтійскимъ крестомъ [81]). Онъ ѣхалъ не для выучки. Какъ видно изъ его паспорта, онъ ѣхалъ «по собственному желанію», чтобы осмотрѣть чужіе страны и народы; тогда какъ его младшіе братья и многіе друзья и знакомые проживали въ Италіи въ качествѣ обучающихся. Его путевой дневникъ, на ряду съ записками Толстого, свидѣтельствуетъ о томъ богатствѣ и разнообразіи впечатлѣній, которое можетъ дать подобное путешествіе [82]). Большое впечатлѣніе

[81]) Брикнеръ. „Иностранцы въ Россіи".

[82]) Издано по хранившейся у сына Шереметева рукописи, съ рисунками, въ 1773 г.

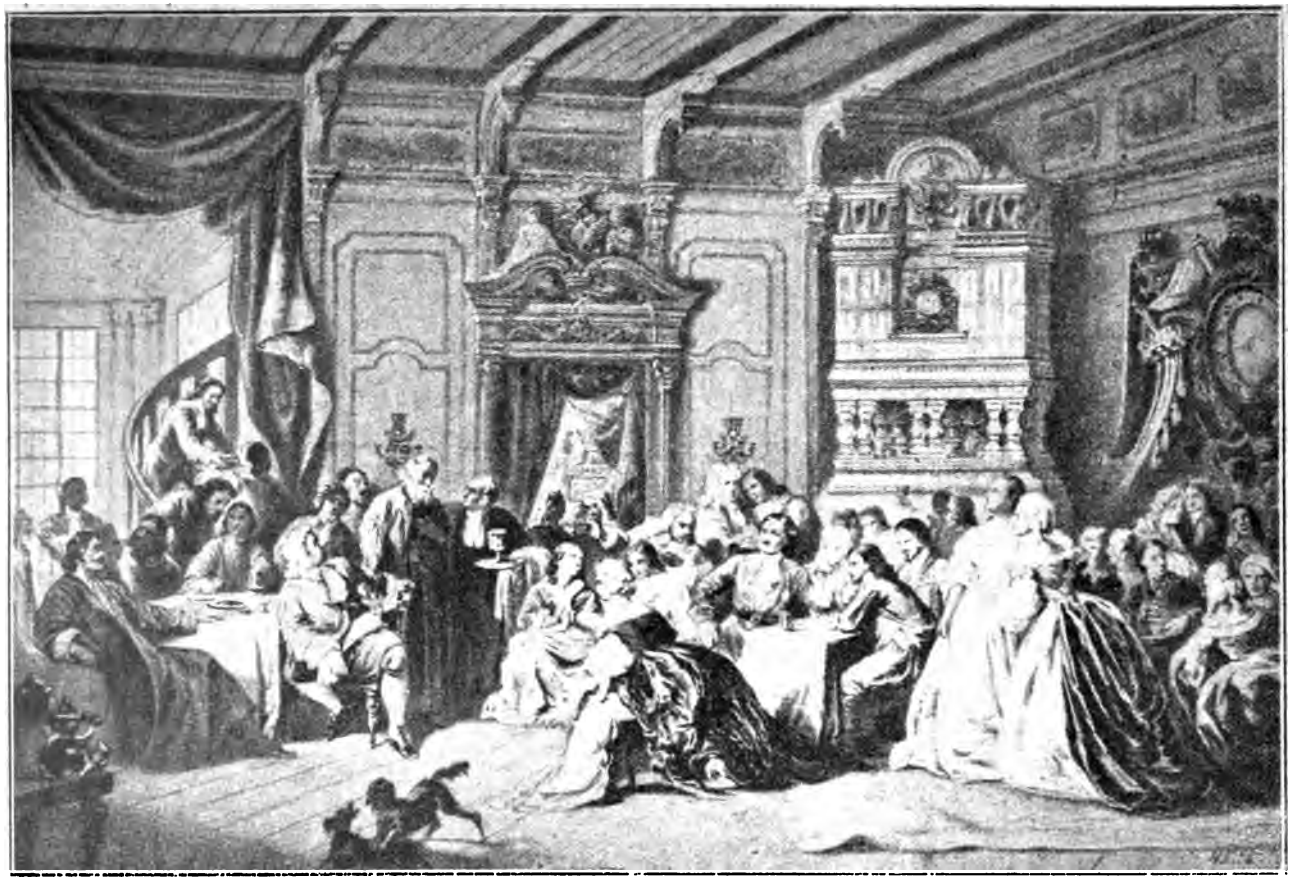
должно было произвести на русскаго боярина непосредственное сношеніе съ польскимъ королемъ Августомъ, императоромъ Леопольдомъ, венеціанскими сенаторами, папою, мальтійскими рыцарями, тѣмъ болѣе, что это совершалось при самомъ точномъ соблюденіи этикета и дипломатическаго церемоніала. Его очаровала природа Италіи; онъ описываетъ землетрясенія, изверженіе Везувія и Этны, пепельный дождь, видѣнный имъ въ Неаполѣ; онъ описываетъ также и горячіе баденскіе источники около Вѣны, замѣчаетъ, что строительное искусство во Флоренціи уступаетъ римскому и венеціанскому; отмѣчаетъ количество кретиновъ въ Штейрмаркѣ и Тиролѣ, поражается собраннымъ въ кунсткамерѣ во Флоренціи картинамъ, оружію и драгоцѣнностямъ; зато онъ ничего не говоритъ о народной жизни,

В. П. Шереметевъ.

празднествахъ и увеселеніяхъ итальянцевъ, которые произвели столь сильное впечатлѣніе на Толстого, ни слова о площади св. Марка, почти ничего о соборѣ св. Петра, между тѣмъ какъ нѣкоторыя другія церкви, напримѣръ, флорентинскую капелу dei Principi, описываетъ очень подробно; зато устройству монастырей, благотворительныхъ заведеній, больницъ, пріютовъ, школъ Шереметевъ удѣляетъ особое вниманіе. Въ іезуитскомъ училищѣ въ Неаполѣ, гдѣ боярина принимали съ особою торжественностью и привѣтствовали особою латинскою рѣчью, онъ присутствовалъ на занятіяхъ по фехтованію, на танцахъ и верховой ѣздѣ.

Шереметевъ, въ общемъ, меньше наблюдаетъ или меньше разсуждаетъ. Въ его запискахъ нѣтъ тѣхъ выдающихся народнопсихологическихъ замѣчаній, которыя придаютъ такой блескъ описаніямъ Толстого. Онъ охотно и подробно останавливается на описаніи чудотворныхъ мощей, что, наравнѣ съ другими подобными путевыми записками, доказываетъ, какимъ преобладающимъ или даже исключительнымъ было у русскихъ богословское обра-

Ассамблея при Петрѣ I. (Съ картины худ. Хибовскаго.

зованіе. Онъ менѣе сходенъ по духу Петру, чѣмъ Толстой или тотъ неизвѣстный путешественникъ, о дневникѣ котораго уже говорилось выше, и стремленіе къ всестороннему образованію котораго такъ близко подходитъ къ энциклопедическимъ стремленіямъ самого Петра.

Этотъ «приставъ» пробылъ нѣкоторое время въ Голландіи въ составѣ посольства Лефорта и принадлежалъ къ болѣе виднымъ его членамъ; потомъ, по собственному почину, онъ предпринялъ вверхъ по Рейну поѣздку въ южную Германію, потомъ черезъ Альпы въ Италію, откуда уже опять черезъ Голландію и Берлинъ вернулся въ Россію. Ни одинъ русскій путешественникъ до него не приложилъ столько стараній, чтобы познакомиться со всѣми достопримѣчательностями, взаимными отношеніями, нравами и обычаями Западной Европы, ни одинъ также не отнесся съ такимъ вниманіемъ къ произведеніямъ искусства и науки [83]). Нигдѣ нѣтъ намека и слѣда на какую-либо спеціальную цѣль поѣздки, на какое-либо дѣло или спеціальное занятіе; дневникъ производитъ впечатлѣніе путешествія для собственнаго удовольствія, хотя, конечно, возможно, что авторъ его былъ посланъ царемъ, въ качествѣ «учимаго» въ Италію. Какъ настоящій туристъ, описываетъ этотъ незнакомецъ все заслуживающее вниманія и отмѣчаетъ самые разнообразные предметы. Въ одной аптекѣ въ Штутгардтѣ онъ замѣтилъ хранившіяся въ спиртѣ головы мавровъ времени осады Вѣны въ 1683 г., въ Висбаденѣ онъ осматриваетъ все устройство цѣлительныхъ водъ, замѣчаетъ, что въ Генуѣ знатные люди заставляютъ носить себя по улицамъ на носилкахъ, присутствуетъ въ Амстердакѣ и въ Венеціи на боѣ быковъ, въ другихъ городахъ на всякаго рода процессіяхъ, оперныхъ спектакляхъ, кулачныхъ бояхъ, докторскомъ диспутѣ; онъ изумлялся зрѣлищу папы, несомаго восьмью лицами на носилкахъ, пристрастился къ духовнымъ концертамъ и вообще къ музыкѣ, называетъ имена нѣкоторыхъ примадоннъ, говоритъ объ устройствѣ цѣлаго концерта, описываетъ примѣчательныя зданія Флоренціи, Рима и Болоньи; никто такъ точно не изобразилъ роскошную утварь богачей въ Голландіи, Германіи и Италіи; онъ восхищается коврами и зеркалами въ покояхъ императорскаго посла въ Амстердамѣ или въ домѣ одного «сенатора» во Флоренціи, роскошную обстановку восьми спальныхъ комнатъ одного кардинала въ Римѣ, изяще-

[83]) Впервые эти записки были изданы въ 1830 г. въ „Московск. Вѣст."— Позднѣе въ „Р. Стар." т. XXV, стр. 104 напечатано вновь, причемъ Горбуновъ высказываетъ предположеніе, что авторъ кн. Борисъ Куракинъ, впослѣдствіи знаменитый дипломатъ.—Въ XXVI т. стр. 100 того же журнала кн. Голицынъ подтверждаетъ эту догадку сличеніемъ слога записокъ съ несомнѣнными сочиненіями Куракина.

ствомъ экипажей испанскаго посла, хрустальными вазами курфюрста бранденбургскаго. Достойна вниманія и напоминаетъ собственный интересъ къ подобнымъ вещамъ самого Петра та тщательность, съ которою неизвѣстный описываетъ осмотрѣнные имъ въ Голландіи анатомическіе препараты; онъ

Пятницкія ворота въ г. Коломнѣ.

упоминаетъ о величинѣ лучшихъ телескоповъ, указываетъ на библіотеки и т. д. И здѣсь встрѣчаемся мы съ удовольствіемъ при видѣ театра маріонетокъ или дрессированныхъ собакъ, наряду съ истиннымъ стремленіемъ къ знанію, изумленіемъ передъ произведеніями искусства и научными открытіями и сознаніемъ той пользы отъ наглядnаго обученія, которую доставляетъ путешествіе.

Подобныя путевыя впечатлѣнія могли принести богатые плоды. Въ зависимости отъ глубины ума путешественниковъ, должны они были вызывать размышленіе о различіи культуры Россіи и Западной Европы и неуто-

мимую научную жажду. Если нѣкоторые русскіе, какъ, напр., Шереметевъ, обращали преимущественно свое вниманіе на предметы духовной облас и, зато другіе, какъ Толстой, были способны перенять смыслъ и духъ свѣтскихъ стремленій западноевропейскихъ народовъ. Если иные русскіе, жившіе въ Италіи, могли, подобно автору однѣхъ записокъ, относящихся къ 1717 г. (въ которомъ есть основаніе предположить Нарышкина), въ своихъ описаніяхъ останавливаться на внѣшней жизни высшаго общества и придворныхъ круговъ, или на особенностяхъ полусвѣта [84]), то другіе не закрывали глазъ передъ значеніемъ наиболѣе важныхъ установленій культурныхъ странъ. Въ этомъ отношеніи особенно интересны записки Андрея Матвѣева. Въ 1705 г. онъ былъ посланникомъ въ Голландіи и во Франціи и выражаетъ свое удивленіе передъ французскими правами, французскою образованностью и французскими установленіями [85]). Онъ восхищается, что во Франціи никто не можетъ безнаказанно изувѣчить другого, что даже король не позволяетъ себѣ никакого насилія, что не существуетъ конфискаціи имуществъ, что принцы крови и высшіе сановники не имѣютъ права притѣснять народъ, что всѣ получаютъ жалованье, и принятіе приношеній строго запрещено. Онъ подробно останавливается на вспомогательныхъ способахъ къ образованію въ высшихъ кругахъ французскаго общества. Онъ говоритъ, что всѣ знатныя дѣти тщательно обучены и воспитаны; перечисляетъ предметы: математика, географія, геометрія, ариѳметика, военныя упражненія, верховая ѣзда, танцы, пѣніе и др.; подчеркиваетъ, что и дамы получаютъ образованіе, что онѣ не считаютъ стыдомъ всюду свободно показываться, принимать участіе въ общественныхъ увеселеніяхъ, участвуютъ на домашнихъ спектакляхъ, что полезно для правильнаго изученія французскаго языка. Описываетъ ассамблеи, визиты, балы, маскарады и присущую имъ роскошь и опредѣляетъ, что бесѣда между мужчинами и дамами велась «со всякимъ сладкимъ и человѣколюбивымъ пріемствомъ и учтивостью».

Для русскихъ переходнаго времени годы, проведенные за границею, имѣли самое разнообразное вліяніе. Если они могли, какъ это вначалѣ Петръ имѣлъ въ виду для себя и для своихъ спутниковъ, быть направлены къ усвоенію техническихъ познаній, т. е. къ узко ограниченной цѣли, то они все же неизбѣжно должны были развивающе воздѣйствовать въ различномъ направленіи. Что русскіе, которые все нерусское ненавидѣли

---

[84]) Пекарскій I, 152.

[85]) „Современникъ“ 1856 г. записки Матвѣева, напечатанныя Пекарскимъ.— Рукопись въ Спб. Публичной библіотекѣ.

и презирали, теперь ознакомились съ Европою и — по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ—научились ее цѣнить, были существеннымъ успѣхомъ. Не всѣмъ пошла въ одинаковой степени на пользу та энциклопедическая образованность, которую даютъ путешествія. Самымъ обученнымъ ученикомъ Западной Европы явился самъ царь, и это обстоятельство имѣло рѣшающее значеніе для Восточной Европы. Но и для другихъ современниковъ Петра эти путешествія не остались безъ пользы; это доказываютъ записки Толстого, Матвѣева и др., доказываетъ дѣятельность Татищева,

Остатки Кремля въ г. Коломнѣ.

Курбатова и иныхъ товарищей по работѣ и родственныхъ по духу геніальнаго государя, доказывается также и бывшимъ движеніемъ, которое принялъ процессъ объевропейничанія Россіи вслѣдъ за путешествіями Петра и его спутниковъ. Первоначальная цѣль была достигнута только частично: въ хорошихъ русскихъ морякахъ ощущался недостатокъ и послѣдствія; но изъ Запада вывезли нѣчто большее, чѣмъ искусство мореплаванія, а именно зародышъ будущей образованности, сознаніе, что существуютъ болѣе высокіе идеалы, чѣмъ ихъ явно-внѣшнее самообманіе, постепенно усилившееся представленіе, что Россія солидарна съ Европою, и что, стремясь къ общей, выше національныхъ и вѣрованіяхъ предразсудковъ стоящей культурѣ, Россія сама трудится надъ общимъ прогрессомъ человѣчества.

ГЛАВА X.

Иностранцы въ Россіи.

Кромѣ русскихъ, ѣздившихъ за границу, были также иностранцы, пріѣзжавшіе въ Россію. Происходилъ какъ бы международный обмѣнъ. Нельзя было довольствоваться тѣмъ, чтобы подданные Петра два года жили въ Западной Европѣ. Учителя требовались также и дома. Въ петровское время сотни и тысячи ремесленниковъ, техниковъ, моряковъ, инженеровъ, военныхъ пріѣхали въ предѣлы Россіи.

Это явленіе не было, впрочемъ, такимъ новшествомъ, какъ массовые выѣзды русскихъ учащихся путешественниковъ за границу. Въ этомъ отношеніи Петръ сдѣлалъ въ увеличенномъ размѣрѣ только то, что уже дѣлали его предшественники. Приглашеніе иностранцевъ, и даже въ большомъ числѣ, было явленіемъ обычнымъ. Этой долго жившей въ Россіи иностранной колоніи, какъ выше уже было сказано, царь былъ неисчислимо многимъ обязанъ. Онъ былъ ученикомъ Нѣмецкой слободы въ Москвѣ.

По національности и образу дѣйствій преобладавшихъ въ Россіи и пользовавшихся вліяніемъ иностранцевъ, исторію государства можно раздѣлить на нѣсколько періодовъ. Первыми были варяги. Первые князья могли быть скандинавскаго происхожденія или единоплеменники русскихъ, изъ прибалтійскихъ славянъ, — они все же были чужестранцы. Затѣмъ появились греки изъ Византіи; они, въ качествѣ духовныхъ и учителей, ученыхъ и историковъ, вліяли на правящіе круги. Нѣсколько позднѣе — татары, которые, въ качествѣ надзирателей, административныхъ и фискальныхъ дѣятелей и вездѣсущихъ агентовъ хана, производили огромное воздѣйствіе. Наконецъ, въ XV в. появилось большое число западноевропейцевъ. При Иванѣ III, преимущественно изъ Италіи, приглашались архитекторы, инженеры, литейщики колоколовъ, мастера золотыхъ дѣлъ и горнозаводскіе, врачи. Для борьбы съ татарами ощущалась нужда въ иностранныхъ

артиллеристахъ. Фіоравенти, изъ Венеціи, обучалъ въ Москвѣ кирпичному дѣлу и обжиганію, приготовленію извести и замазки и обращенію съ машинами; онъ отливалъ пушки, у Новгорода устроилъ плавучій мостъ. Никласъ Шпейеръ своимъ артиллерійскимъ искусствомъ спасъ Москву, Іорданъ Гилль—Рязань (1521) [1]) отъ татарскаго нашествія. Въ 1547 г. Иванъ Грозный посылалъ довѣреннаго за границу, чтобы пригласить оттуда врачей, аптекарей, хирурговъ, правовѣдовъ, плотниковъ, бергмейстеровъ, инженеровъ, литейщиковъ, каменьщиковъ, оружейниковъ и т. п. Въ царствованіе Бориса Годунова, Михаила, Алексѣя и Ѳеодора, число заграничныхъ мастеровъ все увеличивалось, были выписаны часовыхъ и золотыхъ дѣлъ мастера, ткачи, даже рѣзчики. Когда въ 1668 г. затѣяли сооружать военный корабль, были выписаны и судостроители, парусные мастера и матросы. Тронъ Михаила Ѳеодоровича былъ сдѣланъ однимъ нюренбергскимъ выходцемъ [2]).

Горное дѣло вѣдали почти исключительно одни иностранцы. Англичане при Иванѣ Грозномъ разработывали копи на Вычегдѣ и по порученію правительства дѣлали изысканія въ окрестностяхъ Перми; голландцы при Алексѣ занимались добычею мѣди въ олонецкихъ рудникахъ и завѣдывали желѣзодѣлательными заводами въ Тулѣ и Калугѣ. Въ Холмогорахъ англичане основали канатное производство, а нѣмцы въ окрестностяхъ Москвы владѣли суконными и бумажными фабриками, стекольными заводами и пороховымъ дѣломъ. Цѣлыми часами любовались цари въ мастерскихъ иностранцевъ [3]) изготовленіемъ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій. Русскіе Ротшильды XVI и XVII вѣковъ, Строгановы, также приглашали изъ-за границы врачей, аптекарей, хирурговъ и техниковъ.

Въ особенности въ дѣлахъ, вызывавшихъ сложные разсчеты, болѣе широкій взглядъ или большую общую образованность, нельзя было обойтись безъ участія иностранцевъ, напр., въ оптовой торговлѣ, въ крупной промышленности, въ международныхъ сношеніяхъ, въ завѣдываніи почтою. По этимъ соображеріямъ становится понятнымъ, что хотя морской путь черезъ Бѣлое море въ Норвегію былъ извѣстенъ русскимъ за нѣсколько десятковъ лѣтъ до 1553 г., но они не сдѣлали его торговымъ путемъ [4]). Зато вслѣдъ за 1553 годомъ сперва англичане, а потомъ голландцы овладѣли всею внѣшнею торговлею страны. Россіи, только благодаря

---

[1]) Герберштейнъ.

[2]) Олеарій.

[3]) Fletscher „Of the Russe Commonwealth. (русское изд. Флетчеръ, 16).

[4]) Гамель. „Англичане въ Россіи", сент 1865 г. стр. 12.

западноевропейцамъ, старавшимся завязать съ Персіею торговыя сношенія транзитомъ по Россіи,—стали ясны всѣ выгоды этого дѣла. Одинъ шведъ, говоря о недостаткѣ промышленнаго духа у русскихъ, замѣчаетъ, что или Богъ не захотѣлъ показать имъ всѣ преимущества ихъ страны, или они сами не хотятъ ихъ видѣть [5]).

Для умственной работы въ иностранцахъ была еще большая необходимость, чѣмъ въ торговлѣ и промышленности. Въ XVI и XVII в. значительно увеличивается число иностранныхъ врачей, аптекарей и хирурговъ. Борисъ Годуновъ предпочиталъ проводить время съ иностранными докторами; личному врачу царя Алексѣя, Коллинсу, обязаны мы выдающеюся книгою о Россіи. Въ 1678 г. было послано въ Германію, чтобы вызвать не менѣе 12 опытныхъ въ хирургіи врачей. О приглашеніи ученыхъ думали также за цѣлое столѣтіе до Петра. Когда Борисъ Годуновъ задумалъ устраивать въ Россіи высшія школы, то онъ одного иностранца, Іоганна Крамера, въ 1600 г., отправилъ въ Германію, чтобы пригласить въ Москву профессоровъ; за это профессоръ юриспруденціи, Ланціусъ, хвалилъ царя, называя его отцомъ своей страны, свѣтлымъ государемъ, призваннымъ Богомъ къ великому дѣлу просвѣщенія и облагорожепія русскаго народа съ помощью искусствъ и науки. Одинъ кенигсбергскій ученый сравнивалъ также царя съ Нумою Помпиліемъ [6]).

При Лжс-Димитріѣ въ Россію продолжали стекаться иностранцы; одинъ полякъ сдѣлалъ замѣчаніе, что впродолженіе вѣковъ даже птицамъ было трудно проникать въ Московское государство, а теперь иностранцы открыто толпами стремятся въ его предѣлы.

Для войны съ Польшею русское правительство при царѣ Михаилѣ желало имѣть въ своемъ распоряженіи столькихъ иностранцевъ, что послало по два офицера въ Швецію, Данію, Голландію и Англію, чтобы завербовать тамъ не менѣе 7.000 хорошо вооруженныхъ солдатъ. Въ русскомъ войскѣ во второй половинѣ XVII вѣка офицеры были почти исключительно иностранцы. На нихъ правительство могло положиться во всѣхъ случаяхъ внутреннихъ волненій. Въ опасные моменты царь призывалъ къ себѣ военныхъ изъ Нѣмецкой слободы для защиты своей особы.

Для дипломатическихъ сношеній тоже требовались иностранцы. Многіе служили переводчиками въ Посольскомъ приказѣ. Другіе посылались съ дипломатическими порученіями за границу.

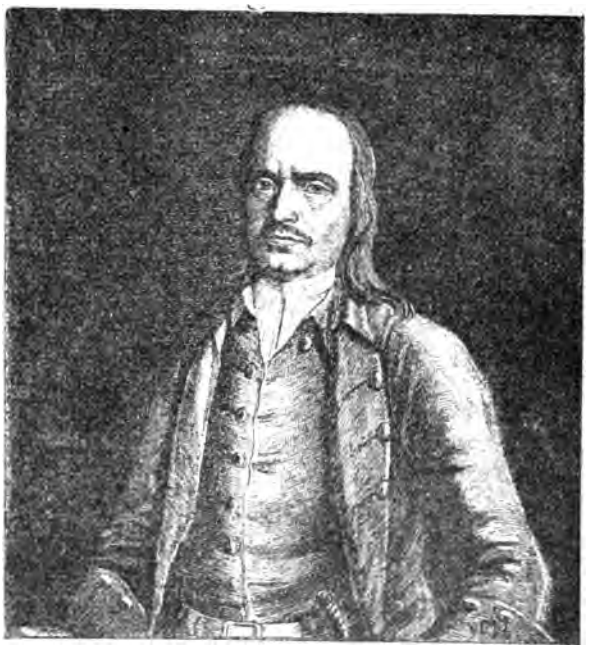
Даже проживавшіе въ Россіи иностранные духовные, лютеранскіе

---

[5]) „Kilburger. Kurzer Unterricht über russ. Handel".

[6]) Соловьевъ VIII, 56, 59.

пасторы, помимо своей непосредственной приходской дѣятельности, находили иногда случай оказывать услуги царямъ. Такъ, про одного пастора сообщается, что онъ разсмотрѣлъ и привелъ въ порядокъ одно книгохранилище Ивана Грознаго, состоящее изъ еврейскихъ, греческихъ и латинскихъ книгъ и долгое время хранившееся замурованнымъ въ подвалахъ [7]); другой, при царѣ Алексѣѣ, былъ первымъ импрессаріо въ Россіи и ставилъ при дворѣ театральныя представленія, собственно говоря, своего рода мистеріи религіознаго содержанія [8]).

Такимъ образомъ, ко времени царствованія Петра, по всему государству было множество иностранцевъ. Олеарій опредѣлялъ число жившихъ въ Москвѣ лютеранъ и кальвинистовъ въ 1.000 человѣкъ. Изъ списковъ умершихъ и родившихся, которые велись въ отдѣльныхъ общинахъ, можно заключить, что это число ниже дѣйствительнаго. Нѣмецкая слобода въ послѣднее десятилѣтіе до Петра получила широкое развитіе. [illegible] въ Москву и поселился въ этой слободѣ, [illegible] впечатлѣніе. Полякъ Таннеръ [illegible] нашелъ Нѣмецкую слободу очень [illegible] русскіе города могли представить [illegible] нѣмцевъ иностранцами. Въ Вологдѣ въ 1[illegible] на пути въ Москву, [illegible] тамъ голландскими купцами. [illegible] торговый дворъ англичанъ. [illegible]

[7]) Fechner, „Chronik [illegible]

[8]) Тамъ же, I. 351—[illegible]

Холмогорахъ были протестантскія общины. Рейтенфельсъ, бывшій въ Россіи въ 1671 — 1673 годахъ, опредѣляетъ, что число иностранцевъ доходило до 18,000. Чѣмъ больше становилось число западноевропейцевъ, тѣмъ легче жилось имъ среди умножавшагося числа единовѣрцевъ и соотечественниковъ, тѣмъ значительнѣе могло быть количество тѣхъ, которые рѣшились на переселеніе въ Россію [9]).

Поэтому не было еще никакого новшества, что Петръ, даже до своей заграничной поѣздки, пригласилъ значительное число иностранцевъ, при чемъ посредникомъ былъ Лефортъ. Въ письмахъ этого швейцарца къ своимъ родственникамъ или къ Витсену часто встрѣчаются порученія приглашать инженеровъ, пушкарей, врачей, ремесленниковъ и солдатъ. Лефортъ старается убѣдить, что къ иностранцамъ относятся благосклонно, что они дружески встрѣчаемы и хорошо оплачиваемы [10]). Многіе родственники Лефорта пріѣхали и быстро сжились съ новою родиною [11]). Азовскіе походы Петра потребовали вызова многихъ новыхъ иностранцевъ. Въ 1696 г. прибыло много инженеровъ изъ Австріи, нѣкоторые изъ нихъ даже съ семьями [12]). Изъ Венеціи были выписаны судостроители, они пріѣхали въ Москву въ январѣ 1697 г. Большое число голландцевъ прибыло еще до поѣздки Петра, а также нѣмцевъ, шведовъ, датчанъ и т. п. Все это были корабельные плотники, кузнецы, мастера якорные, канатные, парусные [13]). Въ это время такъ же, какъ передъ первою поѣздкою, въ началѣ 1697 г., на первомъ планѣ стояло созданіе флота.

Посылка «учимыхъ» за границу находилась въ тѣснѣйшей связи съ приглашеніемъ иностранцевъ. Изъ инструкціи, полученной Толстымъ,— а также и многими другими русскими—видно, что ему было вмѣнено въ обязанность нанять въ Россію двухъ техниковъ. Въ инструкціи посольству, въ которомъ находился самъ царь, заключалось также приглашеніе шкиперовъ, моряковъ, артиллеристовъ, судовыхъ врачей [14]). Въ соотвѣтственныхъ документахъ упоминаются, на ряду съ тѣми деньгами, которыя предназначались на содержаніе путешественниковъ, также и суммы, предназначенныя на наемъ иностранцевъ. Счета денегъ, уплаченныхъ вновь приглашеннымъ, даютъ любопытную картину экономической жизни того времени [15]).

---

[9]) См. Брикнеръ. „Иностранцы въ Россіи".

[10]) Поссельтъ, II, 101—107.

[11]) Тамъ же, 110—120.

[12]) Устряловъ, II, 389—390.

[13]) Ср. Устряловъ, II, 393, 394.

[14]) Устряловъ, III, 8, 9.

[15]) „Пам. дипл. сношен." I, 913—1036.

Одновременно съ требовавшимися для мореплаванія техниками и военными, во время поѣздки приглашались также спеціалисты совершенно другого рода, напр. въ Ригѣ — нанятъ садовникъ [16]), въ Кенигсбергѣ оркестръ, обученный капельмейстеромъ курфюрста [17]). Насколько дѣятельное личное участіе принималъ въ этихъ вещахъ самъ Петръ, видно изъ его переписки съ Виніусомъ; царь не переставалъ засыпать послѣдняго просьбами, чтобы онъ непремѣнно пріобрѣлъ достаточное число рудокоповъ, оружейниковъ, слесарей и другихъ рабочихъ по металлу. Въ этомъ отношеніи Петръ возлагалъ большія надежды на бургомистра Витсена, но при этомъ постоянно жаловался, что Витсенъ ему все обѣщаетъ, но не посылаетъ никакихъ людей. Рудокоповъ Петръ предполагалъ найти въ Саксоніи; изъ Англіи онъ писалъ, что тамошніе рудокопы запрашиваютъ слишкомъ большое жалованье [18]).

Корнелій Ивановичъ Крюйсъ.

Относительно потребнаго числа заграничныхъ военныхъ, мы находимъ указаніе въ письмахъ Лефорта. Во время своего путешествія онъ былъ часто осаждаемъ желающими поступить въ русскую службу. Вѣроятно, на многихъ дѣйствовала его собственная блестящая карьера. Своимъ роднымъ Лефортъ писалъ, что имѣетъ порученіе пригласить 200—300 лицъ, преимущественно моряковъ. Онъ былъ очень занятъ переговорами по данному предмету [19]).

Петръ старался побудить къ пріѣзду въ Россію тѣхъ спеціалистовъ, съ которыми лично знакомился, но это ему не всегда удавалось; такимъ образомъ не увѣнчались попытки съ Штейтнеръ фонъ-Штернфельдомъ,

[16]) Тамъ же, VIII, 772, 773.
[17]) Тамъ же, VIII, 833, 834.
[18]) Устряловъ, III, 425—437.
[19]) Поссельтъ, II, 452—454.

вице-адмираломъ Шеемъ, инженеромъ Кегорномъ и др. Зато на русскую службу поступилъ одинъ изъ выдающихся моряковъ, Корнелій Крюйсъ, норвежецъ по происхожденію, но долго жившій въ Голландіи; онъ поступилъ съ чиномъ вице-адмирала на 3—4 года; онъ получилъ 3,600 талеровъ въ годъ и нѣкоторыя другія преимущества; царю, при основаніи флота, онъ оказалъ большія услуги. Русскимъ вице-адмираломъ явился впослѣдствіи также Янъ ванъ-Рецъ.

Крюйсъ руководилъ наймомъ въ Голландіи большаго числа лицъ для русскаго флота. Въ томъ числѣ было три капитана, изъ которыхъ одинъ, Питеръ фонъ-Памбургъ, въ 1699 году своимъ появленіемъ съ русскою эскадрою у Константинополя навелъ на Порту большой страхъ; затѣмъ 23 командора, 35 лейтенантовъ, 32 штурмана и подштурмана, 50 врачей, 66 боцмановъ, 15 констаблей, 345 матросовъ и 4 кока (повара). Офицеры были преимущественно голландцы, прочіе моряки—шведы и датчане; между лѣкарями, при выборѣ которыхъ большія услуги оказалъ анатомъ Рюйшъ, находилось много французовъ.

Контракты [20]) были заключены съ большинствомъ приглашенныхъ во время пребыванія Петра въ Англіи. Лефорту было съ этимъ много дѣла, такъ какъ Головинъ былъ занятъ составленіемъ условій найма тѣхъ, которыхъ Петръ самъ приглашалъ въ Англіи.

Въ Англіи было приглашено 60 лицъ, въ томъ числѣ инженеръ Джонъ Перри, много лѣтъ работавшій въ Россіи надъ сооруженіемъ каналовъ, доковъ и постройкою судовъ; онъ составилъ подробную книгу съ описаніемъ своей жизни въ Россіи и общихъ условій страны; кромѣ того, были наняты оружейники и судостроители.

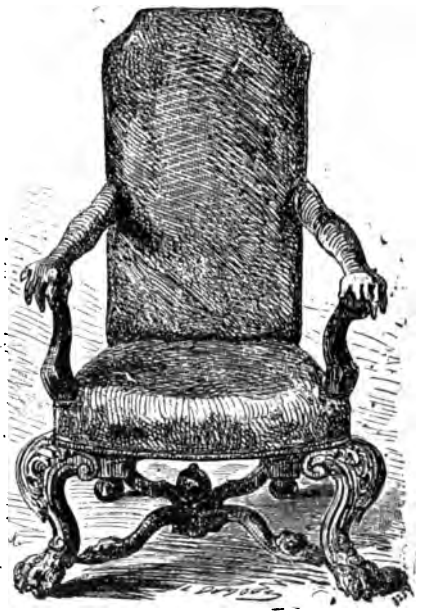
На нѣсколькихъ корабляхъ отправились вновь нанятые въ Россію. Одни направились въ Архангельскъ, другіе въ Нарву. На суда были погружены также и всѣ пріобрѣтенные для будущаго флота предметы: напр., 260 ящиковъ ружей, 48 тюковъ паруснаго полотна, 6 ящиковъ гаруса, компасы, плотничьи и пильные инструменты, блоки, китовый усъ, 2,000 фунтовъ пробковаго дерева, якоря и т. п. [21]). Ящики и тюки были помѣчены начальными буквами принятаго царемъ для путешествія имени «П. М.». Основаніе новаго флота было личнымъ дѣломъ царя, который отправился въ путешествіе, какъ простой представитель русскаго правительства, какъ Петръ Михайловъ, какъ «учимый и учащихъ его требующій».

[20]) Устряловъ, III, 104 и слѣд. кромѣ того въ „Пам. дипл. сношп." IX, 913—1036. Кассовая книга посольствъ представляетъ интересный источникъ.

[21]) Устряловъ, III, 110 и 576 –582. У Weber неточности.

Въ Вѣнѣ, повидимому, Петру не представилось случая нанять на русскую службу. Зато проѣздомъ черезъ Польшу онъ пригласилъ многихъ нѣмецкихъ офицеровъ [22]). Эта цѣль царскаго путешествія была такимъ образомъ блестяще достигнута. Число всѣхъ приглашенныхъ за это время, вѣроятно, доходитъ до тысячи.

Допущенный русскимъ правительствомъ подобный наплывъ западноевропейцевъ имѣлъ также и военное значеніе. Дѣло шло объ основаніи новаго флота, о переустройствѣ войска. Въ западной Европѣ уже въ концѣ семнадцатаго вѣка были склонны видѣть въ призывѣ иностранцевъ способъ для развитія русскихъ. Въ этомъ мыслѣ высказывается венеціанскій посланникъ въ Вѣнѣ Руцини. Іорданъ, авторъ большого напечатаннаго въ 1700 г. въ Лейденѣ сочиненія о путешествіи въ Россію, говоритъ также, что Петръ пригласилъ столько техниковъ въ Россію, чтобы сдѣлать свой народъ образованнѣе.

Кресло Петра Великаго, находящееся въ морскомъ музеѣ въ С.-Петербургѣ.

Но для достиженія этой цѣли надо было приглашать не только офицеровъ и моряковъ, но также и свѣдующихъ людей разнаго рода. Было недостаточно имѣть подъ рукою военныя дарованія, чтобы приложить ихъ къ войнѣ съ турками или шведами, или думать только о военномъ флотѣ, о тактикѣ и о стратегіи. Необходимо было имѣть въ виду много иныхъ цѣлей. Въ многочисленныхъ прибывшихъ въ Россію гражданскихъ инженерахъ [23]), между которыми самымъ выдающимся былъ Перри, была надобность не только для проложенія водныхъ путей новостроющемуся флоту, но, главнымъ образомъ, чтобы оживить сухопутную страну удобными способами сообщенія. Многіе врачи, поступившіе на русскую службу [24]), были нужны не для одной полевой

[22]) Weber, III, 235.

[23]) Устряловъ, VI, 189 и 2, 34.

[24]) Рихтеръ, „Исторія мед. въ Россіи", II, 379—440. III. 1—197. (Списокъ врачей, вступившихъ въ русскую службу).

хирургіи, но и для поднятія общаго народнаго здравія, для распространенія въ обществѣ естественныхъ и медицинскихъ познаній, для расширенія аптекарскаго дѣла, сооруженія и содержанія больницъ.

Во всякомъ случаѣ, дѣятельность Петра, непосредственно по возвращеніи на родину, была направлена почти исключительно на внѣшнія дѣйствія, а не на внутреннія реформы. Приходилось вести борьбу съ внѣшними притязаніями. Столкновеніе съ Швеціею дало новый поводъ къ принятію энергичныхъ мѣръ для допущенія иностранныхъ военныхъ на русскую службу. Паткуль очень ярко очертилъ это обстоятельство [25]). Но по этому поводу были затронуты болѣе общія цѣли, чѣмъ военно-политическіе взгляды царя. Въ Указѣ 1702 г. относительно призыва иностранцевъ между прочимъ говорится: «Довольно извѣстно во всѣхъ земляхъ, которые Всевышій нашему управленію подчинилъ, что со вступленія нашего на сей престолъ всѣ старанія и намѣренія наши клонились къ тому, какъ бы симъ государствомъ управлять такимъ образомъ, чтобы всѣ наши подданные, попеченіемъ нашимъ о всеобщемъ благѣ, болѣе и болѣе приходили въ лучшее и благополучнѣйшее состояніе, на сей конецъ мы весьма старались сохранить внутреннее спокойствіе, защитить государство отъ внѣшняго нападенія и всячески улучшить и распространить торговлю. Для сей же цѣли мы побуждены были въ самомъ правленіи учинить нѣкоторыя нужныя и къ благу земли нашей служащія перемѣны, дабы наши подданные могли тѣмъ болѣе и удобнѣе научаться понынѣ имъ неизвѣстнымъ познаніямъ и тѣмъ искуснѣе становиться во всѣхъ торговыхъ дѣлахъ, чего ради мы всѣ, наипаче къ споспѣшествованію торговли съ иностранцами необходимыя приказанія, распоряженія и учрежденія всемилостивѣйше учинили и впредь чинить намѣрены; поелику же мы опасаемся, что дѣла сіи не совсѣмъ еще въ такомъ положеніи находятся, какъ бы мы того желали, и что наши подданные не могутъ еще въ совершенномъ спокойствіи насладиться плодами трудовъ нашихъ, того ради помышляли мы о другихъ еще способахъ, какъ бы обезопасить предѣлы наши отъ нападенія непріятельскаго и сохранить права и преимущества нашего государства и вообще спокойствіе въ христіанствѣ... Для достиженія сихъ благихъ цѣлей мы наипаче старались о наилучшемъ учрежденіи военнаго штата...» Приглашеніе иностранцевъ выставляется какъ одинъ изъ способовъ для этой цѣли [26]).

Чтобы облегчить иностранцамъ вступленіе на русскую службу, царь

---

[25]) Устряловъ, IV, 1, 159—163.

[26]) П. С. З. № 1910.

въ томъ же указѣ останавливается на принципѣ самой широкой вѣротерпимости: «Понеже здѣсь, въ столицѣ нашей, уже введено свободное отправленіе богослуженія всѣхъ другихъ, хотя съ нашею церковью несогласныхъ, христіанскихъ сектъ,—того ради и оное симъ вновь подтверждается, такимъ образомъ, что мы, по дарованной намъ отъ Всевышняго власти, совѣсти человѣческой приневоливать не желаемъ и охотно предоставляемъ

Кремль въ Нижнемъ-Новгородѣ.

каждому христіанину на его отвѣтственность пещись о блаженствѣ души своей» [27]). Самымъ широкимъ образомъ была обезпечена свобода совѣсти каждаго.

Подобно тому, какъ при отсылкѣ русскихъ за границу, исходною точкою была мысль образовать изъ нихъ военныхъ и моряковъ, но вскорѣ пришлось включить въ кругъ ихъ занятій множество относящихся сюда наукъ и искусствъ, и озаботиться приготовленіемъ врачей, юристовъ, строителей и т. п.— также точно въ первое время самостоятельной дѣя-

[27]) Дальтонъ въ своемъ изслѣдованіи исторіи реформатской церкви въ Россіи (1865) замѣчаетъ, что полстолѣтія спустя Фридрихъ Великій почти дословно повторилъ эти слова въ своемъ знаменитомъ изреченіи „In meinem Lande, kann Jeder nach seiner Façon selig werden“.

тельности Петра изъ иностранцевъ приглашались почти исключительно военные или моряки или спеціалисты и техники, непосредственно пригодные для цѣлей военныхъ, и только позднѣе было приступлено къ приглашенію иностранцевъ для мирныхъ цѣлей. Черезъ посредство находившихся заграницею русскихъ пословъ Петръ приглашалъ садовниковъ, земледѣльцевъ, форстмейстеровъ, слесарей, литейщиковъ [28]); въ 1715 году, послѣ учрежденія коллегій, онъ старается достать иностранныхъ служащихъ для канцелярской службы и приспособить къ этой работѣ шведскихъ военнопленныхъ [29]), онъ пригласилъ изъ Франціи механиковъ, юристовъ, архитекторовъ, (между ними знаменитаго Растрелли [30]); онъ воспользовался случаемъ вступленія въ Пруссіи на престолъ Фридриха-Вильгельма I, чтобы накупить въ Берлинѣ картинъ и пригласить всякаго рода художниковъ [31]); онъ поручалъ иностранцамъ переводить разныя книги; онъ старается найти «историческаго маляра», по возможности, изъ учениковъ извѣстнаго Шарля Лебрена [32]) и т. д.

За границею русскіе часто вызывали столкновенія. Также и у иностранцевъ, жившихъ въ Россіи, бывали несогласія съ русскими. Въ началѣ XVIII в. дѣло дошло до политическаго возмущенія, вызваннаго отношеніемъ къ иностранцамъ въ Россіи. Можно предположить, что тутъ дѣйствовала и національная ненависть, и болѣе низкая степень русской культуры, и не прекратившаяся еще восточная грубость и дикость.

Самъ Петръ былъ другомъ и защитникомъ иностранцевъ. Народъ ставилъ ему это въ укоръ. Лица, окружающія Петра и занимающія высокія должности, подъ вліяніемъ національныхъ общественныхъ стремленій, съ своей стороны давали поводъ ко многимъ несогласіямъ съ иностранцами. Петръ въ иныхъ случаяхъ и самъ бывалъ не безъ вины... Но онъ часто принималъ иностранцевъ; по возвращеніи изъ Европы, продолжалъ, какъ и до поѣздки, бывать постояннымъ гостемъ Нѣмецкой слободы, лично присутствовалъ на похоронахъ иностранныхъ офицеровъ, вступившихъ въ русскую службу [33]). Намъ извѣстны отдѣльные случаи, когда Петръ вступался за находившихся на русской службѣ иностранцевъ передъ недружелюбными и непріязненными къ нимъ русскими сановниками. Узнавъ, что на русской границѣ задерживаются иностранные техники, онъ не-

[28]) Штелинъ.
[29]) Соловьевъ, XVI, 186—187.
[30]) Тамъ же, XVI, 319.—„Восемн. вѣкъ". IV, 36.—Пекарскій, 161.
[31]) Тамъ же, XVII, 12.
[32]) Тамъ же, XVI, 319.
[33]) Устряловъ III, 445.—Поссельтъ II, 357.

медленно писалъ виновнику этого (рижскому губернатуру), что необходимо устранить подобные случаи, такъ какъ иностранцы «въ задержаніи оныхъ кредитъ теряютъ, такъ что многіе, на то смотря, не охотно ѣдутъ» [34]). Также и въ позднѣйшіе годы, Петръ лично наблюдалъ, чтобы принятые на русскую службу не терпѣли недостатка въ прогонныхъ деньгахъ и ни въ чемъ другомъ [35]). Онъ былъ убѣжденъ въ необходимости иностранцевъ и зналъ, что русскіе чиновники часто относятся къ нимъ неблагосклонно и несправедливо. Онъ отрѣшилъ отъ должности князя Голицына, когда узналъ, что онъ старался помѣшать инженеру Джону Перри въ производствѣ работъ по сооруженію каналовъ и не давалъ ему рабочихъ и потребныхъ матеріаловъ [36]). Въ то время, какъ Апраксинъ и другіе сановники очень дурно относились къ Перри, Петръ его постоянно отличалъ, съ нимъ обѣдалъ и оказывалъ его дѣятельности полное довѣріе. Часто, конечно, могло случаться, что иностранцы не оправдывали всѣхъ надеждъ царя и различными своими поступками вызывали его гнѣвъ [37]). Поэтому не было недостатка въ разнаго рода столкновеніяхъ и печальныхъ недоразумѣніяхъ, по поводу которыхъ много данныхъ, частью завѣдомо невѣрныхъ, можно найти въ памфлетѣ, появившемся впервые въ 1704 году и выдержавшемъ нѣсколько изданій, подъ заглавіемъ «Посланіе знатнаго нѣмецкаго офицера тайному совѣтнику одного высокаго владѣтеля о гнусныхъ поступкахъ съ чужестранными офицерами, которыхъ москвитяне привлекаютъ къ себѣ на службу» [38]).

Авторъ желаетъ доказать, что всѣ дѣлаемыя вступающимъ на русскую службу иностранцамъ обѣщанія не исполняются, что въ Россіи съ иностранцами обращаются грубо, онъ настоятельно отсовѣтываетъ отъ поступленія на русскую службу. Даже на самого царя нельзя разсчитывать. Подобно своимъ служащимъ, царь самымъ жестокимъ образомъ обращался съ иностранцами, въ Россіи дѣйствуютъ также пощечины, палочные удары, кнутъ, пытки и висѣлица. Приводится нѣсколько случаевъ, что Петръ тому или другому иностранцу плюнулъ въ лицо или

---

[34]) „Восемн. вѣкъ", IV, 20, письмо Петра.

[35]) Тамъ же, 22.

[36]) Джонъ Перри. (у Брикнера ссылка на нѣм. изд. стр. 7).

[37]) Устряловъ III, 643. Свидѣтельство Плейера.

[38]) „Vertrautes Schreiben eines vornehmen Deutsches Offiziers an einen gewissen hohen Potentatens Geheimen-Rath wegen der üblen Handthierung der fremden Offiziere, so die Moscwitter in ihre Dienste locken.—Въ новыхъ изданіяхъ эта брошюра постепенно пополнялась. Библіографію см. у Минцлофа. Pierre le Gr. dans la littérature étrangère. 1872, стр. 106.

собственно кого побилъ, какъ царь площадно бранится, какъ оскорбляетъ даже иностранныхъ пословъ, что на слова Петра нельзя полагаться, такъ какъ онъ только щедръ на словахъ, а на дѣлѣ неблагодаренъ и грубъ; онъ будто-бы самъ принимаетъ участіе въ пыткахъ, такъ что есть основаніе предположить, что Иванъ Грозный былъ не хуже Петра.

Далѣе тотъ-же авторъ приводитъ случаи, когда у иностранцевъ было удержано ихъ жалованье или не исполнены по отношенію къ нимъ принятыя обязательства. Всѣ порядочные люди обмануты, говорится въ памфлетѣ. Своеволіе, безправіе, грубость и жестокость, царившіе въ Россіи, подтверждаются многими примѣрами; одинъ офицеръ цѣлые мѣсяцы томился въ кандалахъ за то, что сражался безъ успѣха; одинъ маіоръ подвергнутъ наказанію за то, что хотѣлъ предоставить свое мѣсто русскому, а самому удовольствоваться чиномъ капитана; третій былъ сосланъ въ Азовъ, за то, что исполнилъ какое-то приказаніе Меньшикова, отъ котораго послѣдній потомъ отрекся; четвертаго били палками за исполненіе имъ одного царскаго приказа; другіе офицеры вслѣдствіе ложныхъ доносовъ были въ опасности лишиться жизни и т. д.

Составитель этого «Посланія» рисуетъ особенно мрачную картину русскихъ нравовъ. Онъ описываетъ жестокость наказаній, пренебреженіе правъ иностранныхъ пословъ, необезпеченность имущества, постоянно подверженнаго конфискаціи, безнравственность Меньшикова, совершающаго самыя тяжкія преступленія, вскрытіе писемъ, дурное обращеніе съ военноплѣнными, лишенными всякихъ правъ и продаваемыми въ рабство восточнымъ народамъ.

Вотъ окончательные выводы: всѣ должны быть предупреждены противъ переселенія въ Россію. Кромѣ указанныхъ въ памфлетѣ случаевъ, можно привести еще тысячи подобныхъ доказательствъ, что въ Россіи не существуетъ ни чести, ни совѣсти, что контракты, заключаемые при наймѣ, не исполняются; указывается еще и на то, что, вслѣдствіе низкопробности чеканимой монеты, талеръ стоитъ больше чѣмъ рубль, что удовлетвореніе высшихъ потребностей въ Россіи очень дорого и т. д.

Эта брошюра, разошедшаяся въ нѣсколькихъ изданіяхъ, получила за границею большое распространеніе. Какъ видно изъ внушеннаго противъ нея съ русской стороны возраженія, брошюру разносили во многихъ городахъ, напримѣръ, въ Гамбургѣ, по частнымъ домамъ, при нѣкоторыхъ дворахъ она была доставлена представителямъ различныхъ иностранныхъ правительствъ.

Мы встрѣчаемъ здѣсь противоположное свидѣтельство — свидѣтельствамъ русскихъ о Западной Европѣ. Недостатокъ въ Россіи того, что

вызывало изумленіе Матвѣева во Франціи или Толстого въ Италіи, а именно, недостатокъ утонченныхъ нравовъ, отсутствіе законности, необезпеченность имущества въ Россіи, отсутствіе учрежденій, ограничивающихъ власть сильныхъ, естественно должны были вызывать порицаніе.

Мы не имѣемъ основаній не допустить, что нѣкоторые приведенные въ «Посланіи нѣмецкаго офицера» факты о грубости и притѣсненіи иностранцевъ соотвѣтствовали дѣйствительности. Что Петръ нерѣдко не сдерживалъ своего страстнаго характера, что онъ собственноручно обижалъ окружающихъ его лицъ, даже занимающихъ высокое положеніе, что вспышки гнѣва у царя граничили съ безумными порывами,—достаточно извѣстно изъ другихъ источниковъ. Что иностранцы, вступившіе на русскую службу, иногда не въ опредѣленные сроки получали свое жалованіе, подтверждается, между прочимъ, и свидѣтельствами Гордона и Джона Перри. Объ обращеніи съ шведскими военноплѣнными намъ извѣстно многое очень нехорошее и помимо указанной брошюры.

И все же эта брошюра представляется пасквилемъ, личною местью и личнымъ недовольствомъ, продиктованнымъ сочиненіемъ, пристрастнымъ даже при указаніи дѣйствительныхъ случаевъ.

Ея составитель—нѣкто Мартинъ Нейгебауеръ, родившійся въ Данцигѣ, потомъ бывшій на саксонской службѣ и въ 1699 г. вмѣстѣ съ польскимъ посланникомъ Карловичемъ прибывшій въ Россію. Въ 1701—1702 г. онъ былъ воспитателемъ царевича Алексѣя, но у него были постоянныя ссоры съ другими лицами изъ числа окружавшихъ царевича. Отъ царя онъ требовалъ широкихъ полномочій въ дѣлѣ воспитанія Алексѣя, напримѣръ, права, по собственному усмотрѣнію, увольнять слугъ и учителей; онъ требовалъ также чина гофмейстера и т. п. Дѣло дошло до бурнаго столкновенія, и Нейгебауеръ былъ уволенъ [39]).

Тѣмъ не менѣе, Нейгебауеръ остался въ Россіи и старался опять поступить на царскую службу. Только въ началѣ 1704 г., по особому приказу Петра, онъ былъ схваченъ и выслалъ изъ Россіи. Онъ отправился въ Швецію, гдѣ его приняли съ распростертыми объятіями. Отсюда онъ обратился съ рукописью памфлета къ Головину, вѣдавшему иностранною политикою, сообщая, что она попала къ нему случайно, и что онъ готовъ написать на нее возраженіе, если его самого пошлютъ въ Китай въ качествѣ русскаго посланника. Ему было предложено прислать это возраженіе, но Нейгебауеръ этого не сдѣлалъ. Послѣдовало обнародованіе бро-

[39]) Поссельтъ I, 563, собралъ біографическія свѣдѣнія объ этомъ лицѣ.—У Соловьева XV, 106—107, много интересныхъ данныхъ.

шюры [40]), въ которой авторъ далъ волю своему недовольству Россіею, царемъ и, главнымъ образомъ, Меньшиковымъ. Можно предположить, что Меньшиковъ, вслѣдъ за устраненіемъ Нейгебауера, получившій главное руководство надъ воспитаніемъ царевича, не оставался безпричастнымъ къ судьбѣ Нейгебауера.

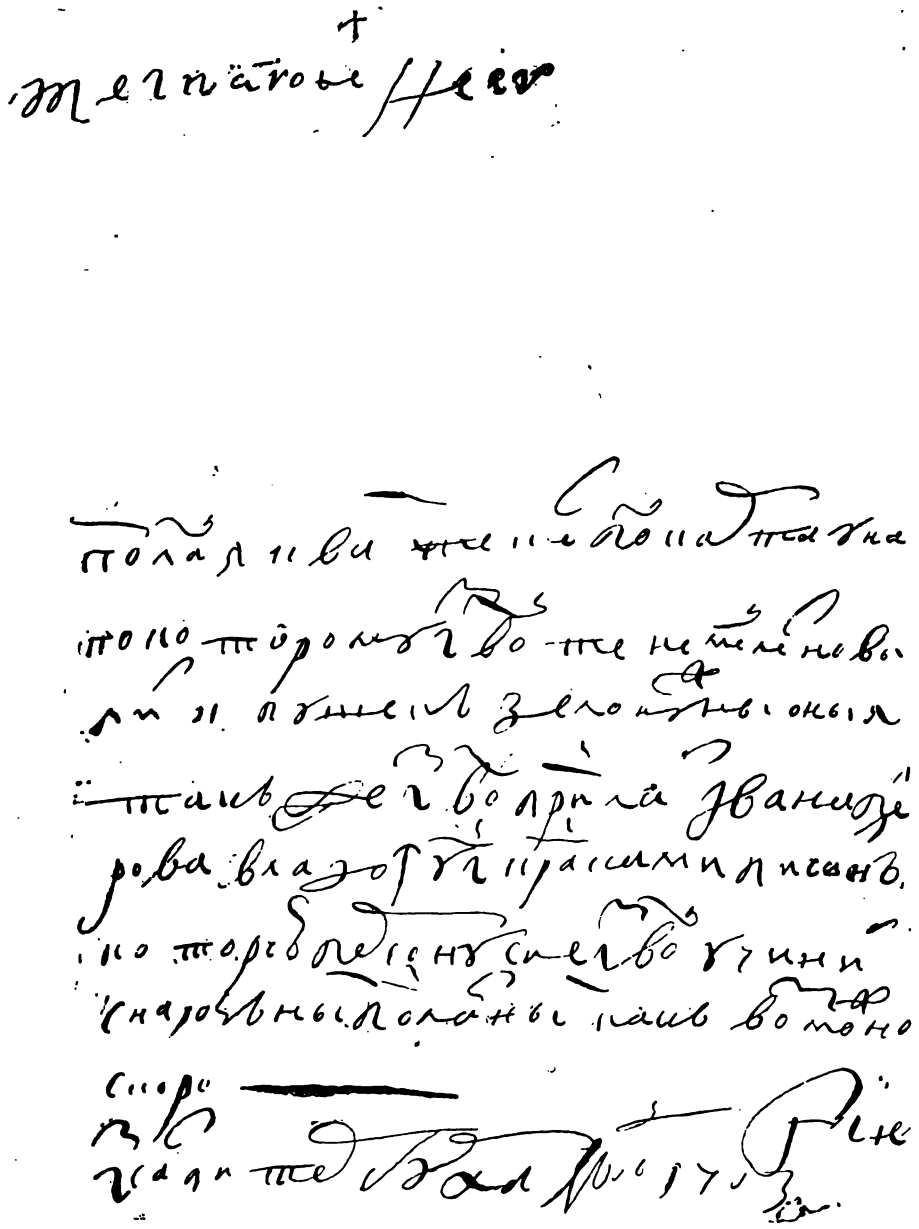
Крайне страстный тонъ брошюры, переполненной циничными выраженіями, свидѣтельствовалъ, самъ по себѣ, объ односторонности автора. Но заключающіяся тамъ фактическія данныя, упоминаніе многихъ извѣстныхъ именъ и точное опредѣленіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ, должны были производить на читателя неблагопріятное для Россіи впечатлѣніе. Царю очень больно пришелся направленный противъ него и Россіи ударъ Въ то самое время Россія сближалась съ Европою, царь только что выставилъ себя поборникомъ высшей западноевропейской культуры, Петръ усиленно нуждался въ содѣйствіи иностранцевъ для достиженія своихъ цѣлей въ области внѣшней цолитики; поэтому царю и его народу нельзя было оставаться скомпроментированными въ глазахъ Европы и тѣмъ самымъ затруднить въ будущемъ дальнѣйшій пріѣздъ въ Россію иностранцевъ. Надо было доказать, что Россія выше этихъ слуховъ, что эти обвиненія исходятъ изъ превратныхъ источниковъ.

Можно видѣть новый признакъ сближенія Россіи съ Западною Европою именно въ томъ, что Петръ придалъ такое значеніе пасквилю, направленному противъ него и его народа, а также то, что онъ рѣшилъ вести борьбу тѣмъ же оружіемъ, самъ пригласилъ печать для защиты Россіи.

Петръ нашелъ около себя писателя, который долженъ былъ выступить защитникомъ Россіи въ этомъ спорѣ, сдѣлавшимся теперь международнымъ. Была сдѣлана попытка возстановить противъ Россіи общественное мнѣніе: къ общественному мнѣнію надлежало обратить и возраженіе на «посланіе» Нейгебауера.

Еще въ 1702 г. вступилъ на русскую службу баронъ Гюйсенъ. Къ его обязанностямъ относилось также и письменное прославленіе Россіи. Нѣкоторое время онъ замѣнилъ Нейгебауера при царевичѣ. Въ 1705 г. появился въ Альтонѣ написанный Гюйсеномъ «Отвѣтъ на ложное и бранное посланіе и т. д.». Эта брошюра составлена въ спокойномъ и приличномъ тонѣ. Нѣкоторые приводимые Нейгебауеромъ факты опровергнуты несомнѣнными доказательствами; установлено, что иностранцы подвергались наказаніямъ за собственныя провинности. Личность Петра обѣляется, хотя въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, русскій народный характеръ восхваляется;

[40]) Пекарскій, „Отеч. Зап.“ 1860 г. XXXII. 689—722.

Рескриптъ князю Ѳ. Ю. Ромодановскому.

обращается затѣмъ вниманіе на пристрастность Нейгебауера и на его личные недостатки.

Нельзя сказать, чтобы этотъ отвѣтъ произвелъ поражающее впечатлѣніе. Многія обвиненія остались неопровергнутыми, относительно другихъ приведены неопредѣленныя возраженія: защита оказалась холодною. Ссылаясь только на несклонный къ жестокостямъ характеръ русскаго народа, чтобы заявить, что все сказанное относительно обращенія съ военноплѣнными есть вымыселъ, Гюйсенъ, очевидно, не могъ достигнуть цѣли, и Россія ничего не выиграла отъ подобной защиты. Приводя одинъ примѣръ увольненія одного иностранца изъ русской службы согласно его желанію, Гюйсенъ дѣлаетъ общее заключеніе, что никто насильно на службѣ не удерживается. Но противъ этого имѣлись многочисленныя доказательства обратнаго.

Полемика на этомъ не окончилась. Появился новый памфлетъ Нейгебауера ничего новаго, впрочемъ, не сообщившій [41]).

Въ Россіи сильно опасались впечатлѣнія отъ пасквиля Нейгебауера; къ прусскому и саксонскому правительствамъ была обращена просьба сжечь это сочиненіе черезъ палача и запретить его распространеніе подъ страхомъ строгаго наказанія; затѣмъ, кромѣ отвѣта Гюйсена, было издано еще нѣсколько подобныхъ сочиненій. Самъ Гюйсенъ старался не ограничиться одними опроверженіями, онъ пытался выпустить въ свѣтъ такія произведенія, которыя въ особенно благопріятномъ свѣтѣ выставляли царя и Россію. Ему удалось привлечь для этой цѣли издателя «Europäische Fama» въ Лейпцигѣ, Рабенера, который издалъ нѣсколько брошюръ съ прославленіемъ Россіи. Подъ его вліяніемъ появилась въ 1706 г. во Франкфуртѣ «Relation von dem gegenwärtigen Zustande des Moskovitischen Reiches» (описаніе современнаго состоянія московскаго государства), послужившее основаніемъ для нѣсколькихъ позднѣйшихъ сочиненій о Россіи. Первое большое сочиненіе о Царѣ, появившееся въ 1710 году подъ заглавіемъ «Des Grossen Herren Czaars und Grossfürsten von Moskau, Petri Alexiewitz, Leben und Thaten» (жизнь и дѣянія Великаго государя и Великаго князя московскаго Петра Алексѣевича) въ сущности, есть только дальнѣйшее въ апологическомъ тонѣ развитіе содержанія «Описанія» [42]).

[41]) Гюйсенъ издалъ свое опроверженіе подъ псевдонимомъ Петерсена.— Нейгебауеръ издалъ въ Альтонѣ въ 1705 г. отвѣтъ: „Der ehrliche Simon Petersen wider den schelmischen".

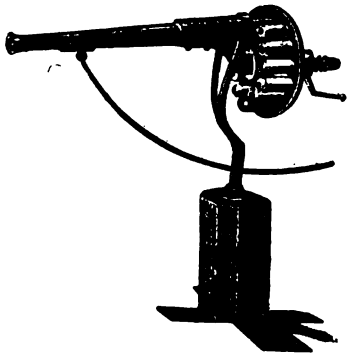
[42]) Пекарскій, I, 93—97 (Авторъ описанія—Бреславльскій профессоръ Стишіусъ).— Минцлофъ, 9.

Обращеніе, которому подвергались въ Россіи иностранцы, помимо пасквиля Нейгебауера, неблагопріятно рисуется въ столькихъ источникахъ, что офиціальное прославленіе Россіи заграницею не могло, конечно, имѣть никакого значительнаго успѣха.

Во всякомъ случаѣ, надо замѣтить въ защиту царя и его окружающихъ, что между прибывшими въ Россію иностранцами было много нехорошаго элемента, что грубые нравы иностранныхъ военныхъ требовали строгихъ мѣръ со стороны властей [43]). Случались частые грабежи, поединки, убійства. Когда два офицера, обвиненные въ совершеніи убійства, были казнены, то правительство (въ 1703 г.) оповѣстило всѣхъ, что всякій, кто обнажитъ

Круглая батарейка петровскаго времени,

Пушка-револьверъ петровскаго времени,

находящіеся въ Артиллерійскомъ музеѣ въ С.-Петербургѣ.

противъ кого-либо свою шпагу, будетъ преданъ смертной казни [44]). Изъ записокъ Гордона намъ извѣстны многіе случаи злоупотребленій со стороны иностранныхъ военныхъ.

Но, равнымъ образомъ, во многихъ случаяхъ отношеніе русскихъ къ иностранцамъ было несправедливое. Даже выдающіяся, стоявшія на высшей служебной степени лица, какъ, напр., вице-адмиралъ Корнелій Крюйсъ или инженеръ Перри, были подвергаемы обидамъ и оскорбленіямъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ.

Нейгебауеръ разсказываетъ, что Крюйсъ въ 1700 г., во время пребыванія въ Воронежѣ, былъ въ присутствіи всѣхъ наказанъ палками и потомъ брошенъ въ пустое судно съ течью; цѣлые сутки провелъ онъ въ водѣ. Освобожденъ онъ былъ только по настоянію Головина. Ближайшія

[43]) См. Брикнера. „Die Ausländer in Russland". 75.

[44]) Fechner., 427.

причины этого происшествія намъ неизвѣстны. Кромѣ того, дипломатическій агентъ императора Леопольда Плейеръ въ своемъ донесеніи говоритъ о тяжелыхъ условіяхъ въ Россіи. По его мнѣнію [45]), будетъ затруднительно получить офицеровъ изъ Голландіи, такъ какъ вице-адмиралъ Крюйсъ будетъ всѣмъ отсовѣтывать поступать на русскую службу. Онъ самъ, за шесть лѣтъ пребыванія въ Россіи, долженъ былъ переносить «много кислыхъ физіономій, рѣзкихъ и грубыхъ выраженій, оскорбительныхъ выходокъ и неописуемыхъ противорѣчій, не разъ онъ подвергался нападкамъ толпы». Многіе офицеры и моряки были недовольны, что заключенные съ ними контракты не исполняются, что слѣдуемое имъ жалованіе задерживается [46]) и т. п. Весьма вѣроятно, что тутъ нѣтъ вины самого Петра, но онъ не всегда могъ многаго сдѣлать для своихъ любимцевъ. Перри былъ принужденъ, возвращаясь въ Англію послѣ четырнадцатилѣтняго пребыванія въ Россіи, пожертвовать причитающуюся ему сумму въ 12,000 рублей. Его сужденія относительно начальствующихъ лицъ, а именно, адмирала Апраксина, даютъ краснорѣчивое свидѣтельство о способахъ, которыми въ нѣкоторыхъ чиновничьихъ кружкахъ умѣли обходить распоряженія Петра и обманывать царя, который бралъ подъ свою защиту иностранцевъ [47]).

По отношенію къ иностранцамъ, Петръ находился въ противорѣчіи съ своимъ народомъ. Народной ненависти къ «нѣмцамъ» онъ энергично противоставилъ утвержденіе, что въ ненавистныхъ еретикахъ ощущается большая нужда. По словамъ одного современника, Вебера, царь рѣшилъ дать русской жестокости нѣмецкій противовѣсъ и съ его помощью совершенно искоренить древнюю русскую косность». Ему должна была быть вѣдома горькая участь его ставленниковъ, какъ разсказываютъ, онъ на смертномъ одрѣ поручалъ ихъ заботливости окружающихъ. «Зависть русскихъ, стремившихъ вырвать значеніе изъ рукъ иностранцевъ», по замѣчанію Вебера, постоянно прорывалась. Противъ царя роптали за то, что онъ при каждомъ случаѣ подтверждалъ о необходимости иностранцевъ. Когда началась сѣверная война, онъ приставилъ къ иностраннымъ дѣламъ Паткуля; заключенію мира содѣйствовалъ Остерманнъ; люди, въ родѣ Огильви, Ренне и др., были необходимы на самой войнѣ. Овцеводство и работа въ канцеляріяхъ, труды въ области наукъ, педагогическая дѣятель-

[45]) Устряловъ, IV, 2, 596.

[46]) Плейеръ приводитъ въ примѣръ голландскихъ купцовъ, венеціанскихъ моряковъ.— Относительно обращенія съ Крюйсомъ говоритъ еще Веберъ. (См. новоизданныя депеши Германна).

[47]) Перри. (Нѣм. изд.) 8, 51.—Тамъ же, однородный случай съ математикомъ Фергарсономъ.

ность, оптовая и мелочная торговля—все одинаково требовало иностранныхъ наставниковъ. Русскіе должны были перенимать у нихъ одежду и обычаи, формы внѣшняго обихода, усидчивость въ трудѣ и занятія искусствами и литературою. Это направленіе въ послѣднія десятилѣтія царствованія Петра получило широкое развитіе. Ко времени регентства Софьи относится замѣчаніе Невиля, что русскіе ничего не могутъ предпринять безъ иностранцевъ, хотя другой, Шлейзингъ, говоритъ, что русскіе уже многому научились у иностранцевъ. Имъ предстояло научиться еще неизмѣримо большему. Они оказались способными къ ученью. Родственный по духу Петру, но преисполненный ненависти къ иностранцамъ, Посошковъ замѣчаетъ, что «много нѣмцы насъ умнѣе наукою, а наши остротой, по благодати Божьей, не хуже ихъ». Онъ, впрочемъ, одобряетъ приглашеніе иностранцевъ, какъ учителей въ области техники; впослѣдствіи онъ надѣется ихъ совершенно устранить.

Но еще долго должны были русскіе нуждаться въ иностранцахъ и брать ихъ за образецъ. Пока еще было положено только начало.

ГЛАВА XI.

Начало преобразованій.

Вплодь до азовскихъ походовъ Петръ, какъ мы видѣли, не посвящалъ себя серьезно ни дѣламъ иностранной политики, ни законодательнымъ трудамъ; потомъ его всецѣло занималъ восточный вопросъ, явившійся главнымъ двигательнымъ толчкомъ къ путешествію царя за границу. Съ возвращеніемъ Петра, начинается новая эпоха; во всемъ царю принадлежитъ инициатива; онъ—душа всѣхъ предпріятій въ области иностранной политики, всѣхъ внутреннихъ реформъ въ государствѣ. Начинается настоящій процессъ метаморфозы Россіи, ея переходнаго состоянія, который предрекалъ государству блестящую будущность, хотя, въ данную минуту, онъ былъ связанъ съ громадными жертвами и лишеніями, нарушеніемъ частныхъ правъ и преимуществъ; онъ многихъ выбилъ изъ обычнаго покоя, каждый день приносилъ новыя порицавшіяся мѣропріятія, и многимъ они казались проявленіемъ деспотической прихоти.

Формы, въ которыя выливались признанныя настоятельною необходимостью новшества, были грубыми, рѣзкими, своевольными. Производится впечатлѣніе сверху произведенной революціи. Самовластіе, желѣзная настойчивость, общая опека и мелочной распорядокъ — вотъ основы этой дѣятельности царя. Петръ одинъ на себя взялъ всю отвѣтственность. Не обошлось, конечно, и безъ ошибокъ. Но главное, существенное—было достигнуто. Дѣла и дѣйствія Петра являются собственно диктатурою, хотя она и вытекаетъ изъ сознанія долга, — себѣ и другимъ онъ отдаетъ отчетность въ своихъ дѣйствіяхъ. Плутархъ сравниваетъ Перикла, окруженнаго ропщущею, близорукою толпою съ кормчимъ, который во время бури не обращаетъ вниманія на просьбы страдающихъ отъ качки пассажировъ; Петръ также стоялъ у руля и не обращалъ вниманія на громкія жалобы своего народа, не понимавшаго смысла преобразованій, не сознававшаго намѣченнаго Петромъ пути, и воспринималъ только неудобства, съ

которыми неизбѣжно связано всякое переходное положеніе. Главная цѣль Петра—не усиленіе государственной власти, а народное благосостояніе, и въ этомъ отношеніи царь не отвѣчаетъ идеалу «князя» Макіавелли, но подобно «Principe» итальянскаго автора, Петръ былъ убѣжденъ, что народъ можетъ быть утѣсненъ для его собственной пользы; Петръ считалъ свою строгость и крутыя мѣры за «crudeltà benusata», за примѣненныя съ доброю цѣлью жестокости. Къ нему можетъ быть примѣнено сужденіе Гете, что дѣйствующій кажется безсовѣстнымъ, а совѣсть имѣютъ лишь разсуждающіе. Приходилось совершать спасительныя дѣйствія; съ другой стороны, приходилось мириться съ нѣкоторыми проявленіями самоуправства богато одареннаго диктатора, не признавшаго никакихъ стѣсненій при исполненіи своихъ обязанностей. Твердою рукою, но зная путь, увѣренный въ себѣ, велъ Петръ свой народъ съ собою на путь прогресса, по направленію къ Европѣ. Кто отказывался слѣдовать за смѣлымъ вождемъ въ его бой съ стариной и пережитымъ, тотъ подвергался опасности быть принесеннымъ въ жертву, какъ измѣнникъ знамени. Властно работающему государственному механизму можно было удивляться, но кто становился ему на пути, кто подпадалъ подъ обороты великаномъ пущеннаго въ ходъ колеса прогресса, — тотъ легко подвергался опасности быть раздавленнымъ.

Дѣятельность Петра, какъ законодателя и правителя, похожа на бой, на постоянныя схватки съ реакціонными силами. Ему, какъ борцу Европы противъ некультурнаго Востока, принадлежала побѣда.

Въ отдѣльныхъ частностяхъ нельзя опредѣлить, насколько путешествіе Петра явилось исходною точкою для непосредственно послѣдовавшихъ за нимъ реформъ. Но въ общемъ нельзя подвергать сомнѣнію связь преобразованій съ пребываніемъ Петра за границею. Многими очевидцами путешествія было замѣчено, что именно съ него начинается, въ управленіи и въ законодательной дѣятельности Петра, нѣчто новое, заставляющее отмѣтить эпоху во внутренней жизни Россіи. Лейбницъ, еще до путешествія Петра, утверждаетъ, что царь видѣлъ необразованность своего народа и рѣшилъ смягчить его грубость; онъ надѣется, что русскіе будутъ постепенно перевоспитаны [1]). Во время указаннаго выше диспута въ Торнѣ, бывшаго въ августѣ 1698 г., было выставлено, что Петръ захочетъ ввести въ своей странѣ многое видѣнное имъ въ Европѣ, что Россіи предстоитъ полный переворотъ, и что она пріобщится ко всѣмъ искусствамъ войны и

[1]) Guerrier I, 10.

мира. Тоже самое писалъ Крулль въ своемъ сочиненіи о Россіи (1698 г.), что Петръ, въ отличіе отъ своихъ предшественниковъ, видѣвшихъ въ невѣжествѣ своихъ подданныхъ главную основу своей неограниченной власти,— хотѣлъ образовать своихъ подданныхъ, такъ что болѣе дальновидные ожидали много новаго отъ возвращенія царя изъ путешествія [2]). По случаю пребыванія Петра въ Дрезденѣ была издана особая брошюра, въ которой была выражена надежда, что Петръ займется просвѣщеніемъ своихъ подданныхъ [3]).

Мы не имѣемъ основанія сомнѣваться въ утвержденіяхъ англійскаго духовнаго Франсиса Ли, что, по требованію Петра, имъ былъ изготовленъ большой проектъ реформъ. Его распространеніе было очень велико. Что касается до содержанія, то оно заключается въ слѣдующемъ [4]).

По возвращеніи Петра изъ путешествія должно быть приступлено къ учрежденію семи различныхъ присутственныхъ мѣстъ (colleges). Одна изъ такихъ коллегій должна заниматься вопросами народнаго просвѣщенія (a college for the advancement of learning) и состоитъ изъ 5—7 членовъ. При этомъ упомянуто, что еще братъ Петра, Ѳеодоръ, хотѣлъ многое сдѣлать для народнаго просвѣщенія, но натолкнулся на сильное сопротивленіе. Ли говоритъ, что слѣдуетъ насаждать только полезное и серьезное образованіе; въ особенности онъ настаиваетъ на прикладной математикѣ, необходимой для практическихъ цѣлей,—направленіе, которому вполнѣ отвѣчали стремленія и познанія самого Петра.—Другое учрежденіе должно быть посвящено «усовершенствованію природы» (a college for the improvement of nature); образцомъ должны были служить Королевское Общество въ Англіи и соотвѣтствующее общество во Франціи; предметы его занятій составляли: сооруженіе каналовъ, улучшеніе производительности почвы, осушеніе болотъ и различныя сельско-хозяйственныя мѣры и учрежденія; о достигнутыхъ результатахъ и успѣхахъ надлежало дѣлать сообщенія въ офиціальныхъ изданіяхъ; признавалась необходимость изслѣдованія всѣхъ сырыхъ продуктовъ,—и съ этою цѣлью должны были быть разосланы по областямъ опросные листы. Коллегія «для поощренія искусствъ» (for the encouragement of arts) занималась-бы новыми открытіями, привиллегіями и преміями. Въ коллегіи «развитія торговли» (for the

---

[2]) Crull, II, 207.

[3]) Wendel, Czarischer Majestat Bilbnivz 698.

[4]) Позднѣйшій англійскій біографъ Петра, Schuyler, замѣчаетъ, что нельзя принимать слова Ли „at his own requist“ въ буквальномъ смыслѣ.—Брикнеръ-же заявляетъ, что по его мнѣнію нѣтъ основаній къ такому опроверженію.

increase of marchandise) должны находить мѣропріятія къ поднятію торговли, причемъ за образецъ надо взять голландскія и англійскія компаніи; предстояло также изыскать средства къ уменьшенію пошлинъ.

Коллегія для улучшенія нравовъ (college for the reformation of manneres) должна была направлять свою дѣятельность на общественные и частные нравы; пороки подлежатъ преслѣдованію, а добродѣтели и нравственность—поощренію. Въ составъ этого учрежденія надо включить не менѣе 24 членовъ изъ лицъ, имѣющихъ не менѣе 40 лѣтъ отъ роду; два члена, въ качествѣ «цензоровъ», должны постоянно находиться въ разъѣздахъ и давать отчетъ о состояніи нравственности въ государствѣ; вѣрность слугъ, послушаніе дѣтей, вѣрность женъ мужьямъ, умѣренность жизни и т. п. должны вознаграждаться особыми наградами за добродѣтель. Коллегія для составленія законовъ (College for the compilatiou of laws) назначена для сложной законодательной дѣятельности, причемъ образцами могутъ служить Ѳеодосій и Юстиніанъ. Наиболѣе важная, по мнѣнію Ли, коллегія для распространенія христіанской вѣры (College for the propagation of the christian religion) должна заботиться о лучшихъ способахъ христіанской проповѣди; сюда относятся печатаніе священнаго писанія на славянскомъ языкѣ; въ Астрахани предположена особая коллегія языкознанія (College of languages), въ которой преподавались-бы языки: еврейскій, персидскій, славянскій, татарскій, арабскій и китайскій; въ ней могутъ подготовляться миссіонеры.

Всѣ эти учрежденія, по плану Ли, должны, за исключеніемъ законодательной, имѣть подвѣдомственныя мѣста во всѣхъ частяхъ государства. Не упущено изъ вниманія и учрежденіе аппеляціонной инстанціи; на провинціальныя учрежденія можно приносить жалобы въ центральныя. Въ каждой области должно основать университеты, всякій, желающій получить должность, долженъ провести три года въ русскомъ или заграничномъ университетѣ; духовныя лица подлежатъ также строгому испытанію. Устанавливается особый порядокъ метрическихъ записей рожденій, браковъ и смертей; этимъ статистическимъ даннымъ производится ежемѣсячный подсчетъ; затѣмъ подробно указываются выгоды отъ учрежденія архивовъ для гражданскихъ дѣлъ съ цѣлью обезпеченія имущественной собственности, отъ установленія майоратовъ для сохраненія родовыхъ угодій, отъ судейскихъ должностей; потомъ указывается необходимость уголовнаго судопроизводства, въ которомъ строгость соединялась-бы съ мягкостью, настоятельная нужда устроить пріюты для сиротъ и калѣкъ и т. д.

Какъ можно видѣть, въ этомъ проектѣ, въ сжатомъ масштабѣ, предлагается введеніе въ Россіи всего того, что высококультурный Западъ вѣками вырабатывалъ на пути развитія права, нравственности и просвѣщенія. На всемъ проектѣ лежитъ печать доходящаго до наивности оптимизма. О трудностяхъ осуществленія подобныхъ плановъ ничего не упоминается. Нѣтъ также слѣда о знакомствѣ съ условіями русской жизни. Подобно проекту Руссо, здѣсь встрѣчаемъ мы только одно доктринерство, приспособленное ко всякому государству.

И все таки, еще въ царствованіе Петра, сдѣланы попытки осуществить хотя-бы нѣкоторыя части этихъ предположеній. Къ практическому образованію, къ школамъ, въ которыхъ преимущественно преподавалась-бы математика и ариѳметика, Петръ настойчиво стремился даже и тогда, когда результаты оказывались очень слабыми; созданная имъ академія наукъ должна была соотвѣтствовать англійской «Королевской Академіи»; путемъ цѣлой системы каналовъ онъ задумалъ «улучшить природу»; торговлю онъ поощрялъ требованіемъ, чтобы его подданные учреждали торговыя компаніи; при Петрѣ мы видимъ нѣкоторыя попытки кодификаціи, онъ ввелъ систему коллегій съ мѣстными подчиненными органами; дѣлаются статистическія изслѣдованія и съ помощью «ревизій» кладется основаніе народосчисленію; особый майоратный законъ имѣетъ цѣлью сохраненія неприкосновенными родовыхъ помѣстій и т. д.

Но самыя коренныя, наиболѣе касающіяся сущности устройства и управленія, преобразованія не слѣдуютъ непосредственно за путешествіемъ Петра; они являются развѣ только косвеннымъ плодомъ воспринятыхъ за границею и отъ проекта Ли впечатлѣній. Если и можно удивляться, что Петръ даже въ первое время Сѣверной войны удѣлялъ столько вниманія внутреннимъ дѣламъ, то все-таки нельзя не признать, что лишь послѣ Полтавской битвы, рѣшившей побѣду Россіи, Петръ посвятилъ все время и всю дѣятельность наиболѣе важнымъ нововведеніямъ въ различнѣйшихъ областяхъ внутренней государственной жизни Россіи. Но дѣла оказалось слишкомъ много, и не было возможности дѣйствовать съ тою быстротою, которую иные ожидали. Внѣшнія войны и внутренніе кризисы постоянно прерывали преобразовательную работу. Общій итогъ впечатлѣній отъ поѣздки былъ слишкомъ еще неопредѣленъ, такъ что реформы являлись скорѣе частичными попытками, а не были введены въ видѣ цѣльной во всѣхъ подробностяхъ разработанной гармонической системы. Путешествія не были предприняты съ цѣлью, чтобы плодомъ ихъ явилась попытка всесторонняго переустройства Россіи, поэтому послѣдовавшія затѣмъ правитель-

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ.

ственныя распоряженія, даже содержавшія въ себѣ ту или другую реформу, представляются отрывочными, безъ взаимной связи, случайными и своевольными. Это—неувѣренный въ себѣ опытъ. Но характеръ большинства нововведеній несомнѣнно свидѣтельствуетъ, что дѣло шло объ европеизаціи Россіи, хотя сначала было перенято только внѣшнее, условное, какъ одежда и обычаи взятаго въ образецъ Запада [5]).

На востокѣ мода неизвѣстна. Неизмѣримо труднѣе отрѣшается восточно-европеецъ отъ своего уклада. Въ этомъ, какъ и во всемъ прочемъ, онъ консервативенъ. Въ Россіи одежда, которую заимствовали съ Востока, долгое время перемѣшивалась въ своемъ покроѣ съ формами прежнихъ временъ. Одежда эта не была ни красива, ни удобна, ни гигіенична; но ея крѣпко держались и не хотѣли слышать ни о какихъ перемѣнахъ. Русская одежда походила на азіатскую и напоминала женскую. Нерѣдко случалось, что мужчины передѣлывали для себя одежды своихъ женъ. Особенно дорого разукрашены были вороты, съ безполезнымъ напускомъ ткани... Но уже во время царей Алексѣя и Ѳеодора въ высшіе круга общества проникаютъ польскія моды, волосы на головѣ и бороду стригли на иностранный образецъ, одѣвались сами въ польскія одежды или одѣвали въ нихъ свою прислугу [6]).

За нѣсколько десятилѣтій до того, какъ Петръ провелъ реформу въ одеждѣ, мы встрѣчаемъ въ запискахъ «сербянина» Юрія Крижанича любопытнѣйшія разсужденія, относящіяся къ этому предмету. Онъ, какъ славянинъ, или вѣрнѣе панславистъ, полонъ сочувствія къ Россіи. Онъ надѣется на возстановленіе, при помощи Россіи, власти и могущества распавшагося въ Европѣ славянства. Во многихъ отношеніяхъ, въ томъ числѣ и въ одеждѣ русской и въ обычаяхъ, онъ требуетъ обновленія [7]).

Онъ въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ порицаетъ русскую одежду; она не красива, не придаетъ никакого достоинства и никакой свободы въ движеніяхъ, но производитъ впечатлѣніе рабства, приниженности, ро-

---

[5]) Императорскій посолъ въ Москвѣ, Гваріентъ, не получилъ непосредственно послѣ возвращенія Петра изъ-за границы впечатлѣнія, что предстоятъ существенныя реформы. 12-го сентября 1698 г. онъ писалъ императору Леопольду: „Повидимому, послѣ возвращенія царя изъ-за границы, московское управленіе останется въ прежней косности, и трудно ожидать улучшеній, какъ результата поѣздки, такъ какъ до сихъ поръ еще не сказано ничего новаго..." Устряловъ, III, 622 („Вѣнск. Арх.").

[6]) П. С. З., № 607.

[7]) См. ст. Брикнера въ „Русск. Обозр.", II, 426.

бости. Онъ находитъ безумнымъ, что русскіе переняли одежду у татаръ и турокъ, вмѣсто того, чтобы послѣдовать примѣру западноевропейцевъ. По его мнѣнію, слѣдуетъ одѣваться не съ роскошью, а удобно и красиво; длинныя одежды русскихъ придаютъ имъ женственный видъ; отсутствіе кармановъ заставляетъ ихъ носить ножи, кошели и т. п. въ голенищахъ обуви, платки въ шапкѣ, а деньги даже во рту; ихъ яркіе цвѣта также не красивы; между тѣмъ какъ нѣмцы вполнѣ цѣлесообразно носили преимущественно темное, одноцвѣтное сукно; русскіе рукава—такіе узкіе и при томъ такіе длинные, что совершенно мѣшаютъ движенію рукъ; тоже слѣдуетъ сказать и о покроѣ шароваръ, въ которыхъ одинаково затруднительно идти и сидѣть; верхомъ на лошади получается впечатлѣніе куска прикрѣпленнаго дерева. Крижаничъ считаетъ безразсудною роскошью трату въ Россіи столькихъ средствъ на жемчуга и шелка, на парчу и дорогія ткани. Онъ хвалитъ простоту и степенность одежды въ Германіи, Испаніи и Италіи.

По словамъ Крижанича, если бы кто-либо задался цѣлью изобрѣсти дѣйствительно дорогое, несообразное и непрочное одѣяніе, то онъ не нашелъ бы ничего лучшаго, чѣмъ то, что носятъ русскіе. Это все хорошо видятъ иностранцы и считаютъ русскихъ тупыми людьми; поэтому они относятся къ нимъ съ пренебреженіемъ. У него сердце сжималось отъ жалости, когда онъ видѣлъ въ одномъ заграничномъ городѣ русскихъ пословъ, ѣхавшихъ на аудіенцію и украшенныхъ жемчугомъ и разными драгоцѣнностями; они сохраняли свое достоинство, но со всѣхъ сторонъ на нихъ смотрѣли «не съ подивленіемъ, но паче съ пожалованіемъ».— Кто не вѣритъ,—говоритъ Крижаничъ,—въ какой мѣрѣ должно казаться некрасивымъ русское платье другимъ народамъ, тотъ пусть только сравнитъ по портретамъ иностранныхъ государей и онъ тотчасъ увидитъ разницу между иностраннымъ и русскимъ одѣяніемъ.

Дѣйствительно, если мы сравнимъ изображеніе Михаила, Алексѣя, Ѳеодора, какими они представлены въ сочиненіяхъ Олеарія, Каллинса, Мейербера и др., съ тѣмъ портретомъ Петра, который сдѣлалъ съ него Кнеллеръ въ Лондонѣ, то послѣдній въ европейскомъ рыцарскомъ одѣяніи и въ горностаевой мантіи необыкновенно красивъ въ сравненіи съ фигурами прежнихъ царей, окутанными въ расшитые золотомъ и жемчугомъ азіатскіе халаты.

Крижаничъ приходитъ къ слѣдующему выводу: необходимо перемѣнить противную русскую одежду на другую и никогда не посылать русскихъ пословъ за границу въ русской одеждѣ, иначе тамъ къ русскимъ будутъ относиться съ презрѣніемъ.

Онъ держится мнѣнія, что реформа одежды должна быть произведена путемъ правительственнаго закона и распоряженія. На сколько сильно вліяетъ собственный примѣръ государей, онъ подкрѣпляетъ ссылкою на Александра Македонскаго, который изъ сочетанія персидскихъ и македонскихъ привычекъ создалъ новую одежду, онъ совѣтуетъ начать введеніе новаго покроя прежде всего въ войскѣ.

Составляя свои записки въ Тобольскѣ въ промежутокъ 1660—1676 гг., Крижаничъ разбираетъ вопросъ, примкнетъ-ли Россія къ Востоку или Западу. Всѣ роды одеждъ,—говоритъ онъ,—могутъ быть раздѣлены на двѣ части: на восточныя, какія носятъ персы, греки, славяне, турки и татары, и на европейскія — какъ у нѣмцевъ, французовъ и у другихъ народовъ. Онъ предлагаетъ то, что Петръ, не зная о писаніяхъ Крижанича, привелъ въ исполненіе; онъ рѣшилъ поворотъ Россіи къ Западу. Петръ исходилъ изъ положенія, которое Крижаничъ въ своихъ разсужденіяхъ объ одеждѣ такъ ясно опредѣлилъ: «Кто скажетъ, что не слѣдуетъ нарушать старыхъ законовъ, тому мы отвѣтимъ: старыхъ заблужденій не должно терпѣть» [8]).

Многое уже было подготовлено къ реформѣ одежды. Уже при Борисѣ Годуновѣ начинались попытки подражать иностранцамъ въ подстриженіи бороды. При Алексѣѣ Михаиловичѣ былъ случай, что протопопъ Аввакумъ не хотѣлъ благословить боярина Шереметева за то, что тотъ выбрилъ себѣ бороду на «европейскій» образецъ [9]).

Кто носилъ прическу на иностранный ладъ или брилъ себѣ бороду, подвергался церковному осужденію. При Алексѣѣ Михаиловичѣ князь Кольцовъ-Масальскій былъ лишенъ должности, потому что подрѣзалъ у себя волосы на иностранный ладъ [10]). Въ правящихъ кругахъ, повидимому, мѣнялись взгляды противъ новой моды. Въ 1675 г. всѣмъ носившимъ польскую одежду было угрожаемо наказаніями, а въ 1681 г. царь Ѳеодоръ отдалъ указъ всему синклиту и всѣмъ дворянамъ и приказнымъ людямъ при дворѣ и даже въ Кремлѣ появляться не ипаче, какъ въ короткихъ польскихъ кафтанахъ [11]). Одновременно съ этимъ патріархъ отлучалъ отъ церкви не только тѣхъ, кто бороды брилъ, но и тѣхъ, которые съ брадобрѣйцами имѣли общеніе [12]). Преемникъ Іоакима, Адріанъ, въ началѣ

[8]) Русск. гос. въ пол. XVII в. въ изд. Безсонова. (Записки Крижанича) I, 94—97, 124—143, 154.

[9]) Соловьевъ, XIII, 208.

[10]) Тамъ-же, 148.

[11]) Тамъ-же, XIV, 277.

[12]) Тамъ-же 278 (рукопись въ синодальной библ. въ Москвѣ).

его патріаршества, издалъ посланіе противъ брадобритія, противнаго ьимъ заповѣдямъ. Онъ перечисляетъ государей—въ томъ числѣ Юліана тупника и Константина Иконоборца—которые заставляли своихъ подныхъ брить бороды; безъ бороды человѣкъ перестаетъ имѣть образъ овѣческій, онъ подобенъ псу или коту; только желающій уподобиться ому животному или соединиться съ еретиками можетъ подумать о добритіи; у еретиковъ случается, что не только міряне, но и духовные юнахи брѣютъ бороду и усы и выглядятъ, какъ обезьяны; затѣмъ онъ ечисляетъ тѣ мѣры, которыя принимали прежніе патріархи русскіе тивъ этого позора [13]).

Подобная настойчивость доказываетъ, что брадобритіе было довольно пространено. Но оно каждый разъ вызывало сильное смущеніе. Когда юдановскій узналъ, что русскій посланникъ въ Вѣнѣ, Головинъ, сбрилъ оду и носитъ нѣмецкое платье, то не хотѣлъ вѣрить, полагая, что овинъ сошелъ съ ума [14]).

Самъ Петръ еще до заграничной поѣздки часто носилъ нѣмецкую жду. Въ Лондонѣ говорилось, что, когда вскорѣ по смерти царицы гальи (слѣдовательно въ началѣ 1694 г.), патріархъ выговаривалъ ру относительно нѣмецкаго платья, то царь будто бы посовѣтовалъ іану, вмѣсто того, чтобы заботиться о портныхъ, пещись лучше о церкви [15]).

Между тѣмъ изъ достовѣрныхъ источниковъ намъ извѣстно, что ръ одѣвался по иностранному образцу. Шлейзингъ говоритъ, что «Петръ тно ходитъ въ нѣмецкомъ платьѣ, которое до сихъ поръ еще ни одинъ ь не одѣвалъ, потому оно противорѣчитъ вѣрѣ» [16]). Въ маѣ 1693 г. фортъ настаиваетъ на прибытіи въ Москву своихъ родственниковъ; они ідутъ «благороднаго государя, который благосклонно относится къ иноанцамъ и самъ одѣтъ à la française» [17]). Вѣроятно, царь слѣдовалъ мѣру своего друга Франца Лефорта, про котораго опредѣленно говоися, что онъ одѣвался à la française [18]). Во время маневровъ, устроенхъ Петромъ въ 1694 г., Бутурлинъ, изображавшій польскаго короля, гъ одѣтъ въ нѣмецкое платье [19]).

Крижаничъ явно выражалъ неодобреніе, что русскіе послы въ За-

[13]) Устряловъ, III, 192—194.
[14]) Corb, Diari, 90.
[15]) Crull, 206.
[16]) Die beiden Zaren, 1693, стр. 10.
[17]) Поссельтъ, II, 101.
[18]) Тамъ же, II, 130.
[19]) Желябужскій, 33.

падной Европѣ появлялись въ восточныхъ одеждахъ. Мы имѣемъ основаніе предполагать, что Шереметевъ, на аудіенціяхъ у польскаго короля, папы и у гросмейстера мальтійскаго ордена, былъ въ парикѣ и европейскомъ одѣяніи, а сопровождавшая его свита была безъ париковъ и одѣта въ смѣшанное европейское съ русскимъ платье [20]). Мы знаемъ, что заграницею Петръ преимущественно носилъ одежду матроса, но, при посѣщеніи короля Вильгельма, былъ въ русскомъ одѣяніи. Лефортъ, портретъ котораго въ европейскомъ платьѣ былъ сдѣланъ въ Голландіи, въ торжественныхъ аудіенціяхъ, напр., въ Гаагѣ, появлялся въ восточныхъ одеждахъ [21]). Заграницею, во время путешествія Петра, всѣ полагали, что въ Россіи немедленно предстоитъ реформа одежды, и что приказъ о брадобритіи есть вопросъ рѣшенный [22]).

Тотчасъ по возвращеніи царя эти реформы и были имъ установлены.

Остававшіеся въ Москвѣ сановники боялись царя. Его возвращенія ожидали съ трепетомъ. Въ Москвѣ разсказывали, что сами послы, въ свитѣ которыхъ ѣхалъ Петръ, жили въ постоянномъ страхѣ, вслѣдствіе строгости и вспыльчивости царя [23]).

Когда извѣстіе о непосредственно предстоящемъ пріѣздѣ царя распространилось въ Москвѣ, въ кругу бояръ было замѣтно извѣстное волненіе; ежедневно по два раза происходили совѣщанія бояръ; во многихъ приказахъ были подведены счеты деньгамъ и провѣрены [24]).

25 августа прибылъ Петръ въ столицу и немедленно отправился въ Преображенское. На слѣдующее утро туда поспѣшили всѣ тѣ, которые своими поздравленіями съ благополучнымъ возвращеніемъ хотѣли наглядно заявить свою вѣрность и преданность. Царь былъ необыкновенно веселъ, привѣтливъ и обходителенъ; онъ поднималъ всѣхъ падавшихъ передъ нимъ, по обычаю, ницъ, цѣловалъ ихъ и бесѣдовалъ. Но при этомъ царь бралъ ножницы и нѣкоторымъ, а прежде всего генералиссимусу Шеину, обрѣзалъ бороду. Это могло быть принято, какъ царская прихоть или проявленіе мгновеннаго умственнаго разстройства. Но вскорѣ выяснилось, что это начало систематическаго похода на русскую одежду. Позднѣйшіе свои приказы и распоряженія Петръ нерѣдко подробно объяснялъ, выставляя ихъ основную мысль, и предпосылалъ имъ историческо-философскую справку. При реформѣ

[20]) См. Брикнеръ, Studien, I, 51.

[21]) Weber, III, 231.

[22]) Blumberg. „The Czar is resolved tobring the Moscovites to the german habit and has ordered their beards to be shaved".

[23]) Устряловъ, III, 637, 640 (Плейеръ).

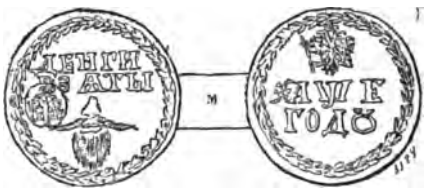
[24]) Korb, Diarium etc. 27 августа 1698 нов. стиля.

одежду Петръ не счелъ нужнымъ это сдѣлать. Къ сожалѣнію, всѣ дошедшія до насъ объ этихъ происшествіяхъ свѣдѣнія очень скудны [25]).

Неизвѣстно, сколько лицъ лишилось своихъ бородъ, сообщается только, что патріархъ, престарѣлый князь Черкасскій и Стрѣшневъ сохранили свои бороды.

Нападки на бороды повторились черезъ нѣсколько дней, притомъ еще въ формѣ веселой шутки. 1 сентября, въ день новаго года, у боярина Шеина былъ устроенъ великолѣпный пиръ; по словамъ Корба, кромѣ значительнаго числа бояръ, военныхъ и другихъ сановниковъ, было также много матросовъ; съ ними Петръ обходился очень ласково, называя «братъ» и дѣлясь съ ними яблоками. Было много выпито, и послѣ каждаго тоста слѣдовалъ пушечный залпъ. Тогда появился царскій шутъ съ ножницами и многимъ присутствующимъ обрѣзалъ бороды, съ разными шутками. Кто оказывалъ сопротивленіе, получалъ оплеухи [26]).

Бородовые знаки 1705—1725 г.

Эти происшествія должны были произвести очень тяжелое впечатлѣніе, между тѣмъ намъ неизвѣстно никакое проявленіе неудовольствія. Но у насъ также нѣтъ свѣдѣній о послѣдовавшихъ относительно брадобритій мѣрахъ въ наступившемъ новомъ году. Изъ донесенія Плейера мы узнаемъ, что въ 1701 г. установленъ налогъ на бороды; если кто желалъ сохранить свою бороду, то долженъ былъ уплачивать извѣстный капиталъ. Но

[25]) Единственными источниками являются свидѣтельства иностранныхъ дипломатовъ, объ этомъ говоритъ Гваріентъ (Устряловъ III. 621) и замѣчаетъ, что начало было съ Шеина и Ромодановскаго; пощадили только троихъ: патріарха, кн. Черкасскаго и Стрѣшнева; за исключеніемъ этихъ лицъ, „всѣ и каждый ежечасно подвергались позорной тонсурѣ“. Корбъ замѣчаетъ, что никто не могъ смѣяться надъ несчастіемъ тѣхъ, кто лишался бороды, такъ какъ всѣ подвергались одинаковой участи. Весьма досадно, что изъ русскихъ источниковъ ничего неизвѣстно по этому дѣлу. Ничего не говорятъ и „Записки“ Гордона, который былъ въ это время въ своихъ помѣстьяхъ.

[26]) Корбъ, 11 сент. 1698.

эта мѣра могла быть введена и въ 1699 году, такъ какъ въ нумизматическомъ музеѣ Академіи Наукъ имѣется бородовой знакъ съ обозначеніемъ этого года. Законодательное распоряженіе послѣдовало собственно въ 1705 г. Знатные купцы должны были уплачивать за право носить бороду 100 рублей, прочіе купцы, царедворцы и приказные 60 р., а посадскіе и проч. люди 30 рублей. Крестьяне должны были, каждый разъ, являясь въ городъ, уплачивать по копѣйкѣ [27]).

Превращеніе этой полицейской мѣры въ финансовую является своего рода компромиссомъ. Можно было натолкнуться на противодѣйствіе. Но брадобритіе не прививалось. Во время сѣверной войны, потребовавшей введенія многихъ новыхъ налоговъ, было естественно прибѣгнуть къ приверженности народа къ бородѣ, чтобы использовать ее, какъ источникъ доходовъ, хотя бы для частичнаго пополненія государственныхъ финансовъ [28]). Однородный пріемъ былъ примѣненъ впослѣдствіи правительствомъ и по отношенію къ раскольникамъ, къ которымъ оно относилось мягко и вѣротерпимо, но которыхъ обложило усиленными податями.

Извѣстно, что въ высшихъ кругахъ русскаго общества, тотчасъ послѣ возвращенія Петра изъ заграницы, бороды исчезли, начали носить парики и одѣваться по европейской модѣ.

Тоже очень мало данныхъ имѣется и относительно распоряженій Петра, касающихся реформы одежды. Основаніе подлежащихъ указовъ 1700 и 1701 гг. остается неопредѣленнымъ. Есть только отрывочныя данныя, какъ относился къ этому Петръ, да и они не исходятъ изъ вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ. Въ анекдотахъ Штелина встрѣчается слѣдующее. Когда король Вильгельмъ спросилъ Петра, что ему больше всего понравилось въ Лондонѣ, то царь будто бы отвѣтилъ: «что самые богатые люди одѣваются въ скромныя, но чистыя одежды» [29]). Корбъ сообщаетъ, что

---

[27]) Устряловъ, IV, 2, 552. (Дон. Плейера). Знакъ съ 207 годомъ т. е. 7207 (за вычетомъ 5508 отъ сотв. міра до Р. Х.) или 1699 г.—Указъ 1705 г. въ П. С. З. № 2015. Суммы эти очень велики. Для приведенія ихъ на нынѣшнюю стоимость, надо помножить на 15. Были знаки серебряные и мѣдные. На лицевой сторонѣ—изображеніе носа, усовъ и бороды, съ надписью: деньги взяты.—Эти знаки были найдены Лиляковымъ въ нынѣшнемъ Балтійскомъ Портѣ, куда сектанты, не желавшіе подчиниться приказу, часто ссылались. („Р. Арх." 1878).

[28]) Устряловъ, IV, 2, 552. (Плейеръ говоритъ, что многіе предпочитали лишиться лучше головы, чѣмъ бороды, потому неудивительно, что было собрано много денегъ).

[29]) Такое-же замѣчаніе у Якова Лефорта въ Англіи. См. Поссельтъ, II, 480.— Соловьевъ XIV, 203. (Въ 1713 г. Петръ хотѣлъ запретить носить галуны, ставя въ примѣръ англичанъ, которые галуновъ не носятъ, но богаче русскихъ).

когда на одномъ пиру Петръ въ 1699 г. замѣтилъ слишкомъ длинные рукава, собственноручно ихъ обрѣзалъ и сказалъ, что такіе рукава мѣшаютъ при всякой работѣ, ими можно зацѣпиться и опрокинуть вещи, а при ѣдѣ попадать рукавами въ пищу [30]).

4 января 1700 г. появился царскій указъ, повелѣвавшій всѣмъ чиновнымъ и придворнымъ лицамъ, какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи носить съ этого времени только иностранную, а именно венгерскую одежду.

Преслѣдованіе русской одежды въ Петровское время.

Этотъ указъ былъ обнародованъ во всеобщее свѣдѣніе и прибитъ у всѣхъ городскихъ заставъ. До наступленія масляницы всѣ были обязаны запастись такою одеждой. Лѣтомъ надлежало носить нѣмецкую одежду. Женщины высшихъ круговъ также должны были одѣваться по иностранному. Сестры Петра сами подали примѣръ новой моды [31]). Но этотъ приказъ, повидимому, не исполняли съ достаточною поспѣшностью. Сохранилось коротенькое письмо Курбатова къ царю отъ 20 марта 1700 г., въ которомъ настойчиво требовалось строгое печатное подтвержденіе указа, такъ какъ онъ слабо приводится въ исполненіе, и люди полагаютъ, что все останется

[30]) Korb, 22 февр. 1699 г.
[31]) П. С. З. № 1741.—Устряловъ, III, 648.

по старому [32]). Такъ, 20 августа 1700 г. послѣдовалъ другой указъ, который обязывалъ всѣхъ, даже крестьянъ, носить венгерскую и нѣмецкую одежду; послѣднимъ срокомъ для исполненія назначалось 1 декабря 1700 г., а для женщинъ 1 января 1701 г. [33]). Это распоряженіе содержитъ въ себѣ и нѣкоторые мотивы: «для славы и красоты государства и воинскаго управленія». Вмѣстѣ съ тѣмъ у заставъ были выставлены образцы новаго покроя,—доказательство, что повую одежду было предположено ввести повсемѣстно. Въ особомъ январскомъ указѣ 1701 г. дается подробное описаніе; описаны отдѣльныя части одежды, даже исподніе камзолы и женскіе башмаки. Русская обувь, русскія сѣдла, ношеніе русскихъ пожей были воспрещены,—ослушникамъ угрожали денежные штрафы и даже тѣлесныя наказанія [34]).

Низшихъ классовъ собственно эта реформа не коснулась. Но оффиціальные элементы русскаго общества, высшіе классы, служащіе, военные, придворные—съ этого времени появляются не иначе, какъ въ одеждахъ заграничнаго покроя. Внѣшность русскаго общества получила европейскій видъ. Когда въ началѣ мая 1702 г. вновь назначенный русскій посолъ Толстой отправлялся въ Константинополь, онъ самъ и вся его свита, по словамъ Плейера, были въ нѣмецкихъ платьяхъ [35]).

О томъ сильномъ сопротивленіи, которое вызвали въ народѣ эти мѣры, будетъ сказано ниже. Онѣ и въ новѣйшее время считаются своевольными, деспотическими и нецѣлесообразными. Но, съ другой стороны, даже русскіе люди признавали, что эти распоряженія заключали въ себѣ полезный, плодотворный принципъ. Длинная, халотоподобная азіатско-византійская одежда соотвѣтствовала работонеспособности, лѣности русскихъ до Петра. Подвижный, вѣчно дѣятельный, ко всякимъ ремесламъ способный царь долженъ былъ носить и одежду, предоставляющую всѣмъ частямъ тѣла свободу движеній; а такъ какъ онъ, въ качествѣ воспитателя своего народа, былъ обязанъ сдѣлать и его работоспособнымъ, то долженъ былъ принудить своихъ подданныхъ и къ новой одеждѣ. Ея введеніе было проявленіемъ солидарности съ Европою и отрѣшенія отъ Азіи [36]).

---

[32]) Тамъ-же, III, 537.

[33]) Тамъ-же, III, 350. (Рукопись въ Академіи Наукъ).

[34]) П. С. З. № 1887. (Безъ даты мѣсяца и числа).—Курбатовъ.

[35]) Устряловъ, V, 2, 583.

[36]) Соловьевъ, XIV, 137.—Устряловъ (III, 196) находятъ, что прежнія одѣянія отвѣчали климату.

Большимъ нововведеніемъ была свобода, съ которою правительство допустило табакъ курительный и нюхательный. На этой почвѣ развилось недовольство значительной части населенія противъ мѣропріятій правительства.

Уже въ первой половинѣ XVII в. табакъ въ Россіи былъ настолько распространенъ, что Олеарій уже говоритъ, что бѣднѣйшіе люди отдавали послѣдніе гроши, чтобы добыть себѣ табаку [37]). Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ подъ страхомъ смертной казни запретилъ курить и нюхать табакъ, а слѣдовательно и табачную торговлю. Алексѣй Михайловичъ въ своемъ «Уложеніи» возобновилъ этотъ запретъ [38]). Многіе были подвергнуты пыткамъ и казни за то, что они ослушались этого приказа. Раскольники считали также табакъ «дьявольскимъ зеліемъ» [39]). Тѣмъ не менѣе употребленіе табака не было уничтожено, и иностранные послы часто имѣли случаи убѣдиться, что русскіе часто пріобрѣтали себѣ табакъ тайно за дорогія деньги, обыкновенно при посредствѣ иностранцевъ, и предавались запретному наслажденію [40]).

Еще до своего заграничнаго путешествія, Петръ дозволилъ употребленіе табака, но обложилъ его, въ зависимости отъ достоинства, извѣстною пошлиною. Нашлись спекулянты, взявшіе эту пошлину на откупъ. Между тѣмъ это мѣропріятіе, по крайней мѣрѣ въ глазахъ духовенства, считалось незаконнымъ. Русскій купецъ, который за откупъ этой пошлины заплатилъ 15,000 руб., по словамъ Корба, былъ преданъ проклятію патріархомъ,—но это свидѣтельство вызываетъ сомнѣніе, такъ какъ трудно предположить, чтобы трусливый и малодушный Адріанъ рѣшился столь смѣло возстать противъ царя [41]).

Извѣстно, что еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича ввозъ табака считался однимъ изъ наиболѣе выгодныхъ торговыхъ дѣлъ. Крижаничъ одобряетъ табаководство въ Россіи изъ цѣлей меркантильныхъ; онъ говоритъ, что всѣ запреты будутъ недѣйствительны, и что лучше освободиться отъ гнета безосновательнаго предразсудка [42]).

Мы не знаемъ, курилъ-ли самъ Петръ еще въ то время, когда онъ заинтересовался табачнымъ вопросомъ; Лефортъ былъ, во всякомъ случаѣ,

---

[37]) Олеарій, 107.
[38]) Уложеніе царя А. М. гл. XXV.
[39]) Появились даже брошюры противъ табака.
[40]) Carlisle Relation des trois ambassades, стр. 43.
[41]) Устряловъ, III, 106—107.
[42]) Крижаничъ (изд. Безсоновымъ), I, 9, 55.

завзятымъ курильщикомъ[43]). Въ Коппенбрюгге съ Петромъ былъ запасъ табаку, который онъ обмѣнялъ на табакъ бранденбургской курфирстины.

Еще въ Гаагѣ велъ Петръ переговоры съ группою англійскихъ капиталистовъ относительно свободнаго обращенія табака[44]). На него также, какъ и на Толстого въ Италіи, должно было произвести извѣстное впечатлѣніе, что въ Западной Европѣ торговля и употребленіе табака были не запрещены. Изъ сдѣланныхъ ему нѣкоторыми финансовыми дѣятелями предложеній, можно было усмотрѣть, что табакъ можетъ быть для государства значительнымъ источникомъ дохода. Въ Лондонѣ онъ бесѣдовалъ объ этомъ съ многими биржевыми дѣятелями[45]). Наконецъ, переговоры съ маркизомъ Кармартеномъ, представителемъ компаніи англійскихъ капиталистовъ, пришли къ концу. Кармартенъ получалъ право за извѣстную пошлину ввозить въ Россію опредѣленное количество табака. Петръ принималъ на себя обязательства, не смотря на прежнія запрещенія, дозволить своимъ подданнымъ употребленіе табаку[46]).

Такимъ образомъ привился въ Россіи и этотъ западно-европейскій обычай, который многими почитался безправственнымъ, но который пріобрѣлъ большое значеніе въ частной жизни и въ государственномъ бюджетѣ. Употребленіе табака, въ томъ или иномъ видѣ, еще до Петра явилось способомъ сближенія съ Западной Европою[47]). Подобно другимъ восточнымъ народамъ, напр., турки и персы, русскіе также очень сочувственно воспріяли этотъ обычай. При Петрѣ началось и табаководство въ самой Россіи[48]).

Изъ Византіи Россія переняла лѣтосчисленіе отъ сотворенія міра. Предполагалось, что міръ былъ созданъ за 5508 лѣтъ до Р. Х., 1-го сентября; поэтому, напр., 1699 г. обозначили 7207.

20-го декабря появился указъ, что отнынѣ надо вести лѣтосчисленіе не отъ сотворенія міра, а отъ Рождества Христова, и что годъ будетъ начинаться не 1-го сентября, а 1-го января[49]). Перри разсказываетъ, что русскіе, въ опроверженіе намѣреній царя, указывали на то, что Богъ создалъ міръ не зимою, а осенью, когда всѣ овощи и плоды созрѣли, и

---

[43]) Поссельтъ, II, 418.

[44]) Пам. дипл. сношѳ. VIII, 1050, 1165, 1243.

[45]) Hoffmann. The Case of contractors with the Czar of Moscovy for the sole importation of Tabacco.

[46]) П. С. З., № 1736.

[47]) Hehn 1870, стр. 386.

[48]) Посниковъ (кн. Брикнера о немъ), стр. 290.

[49]) П. С. З., № 1736.

что Петръ не безъ остроумія показывалъ на это на глобусѣ, что Россія не составляетъ еще всего міра, и что въ другихъ странахъ тепло бываетъ уже въ январѣ, а отъ не принятія во вниманіе высокоснаго года лѣтосчисленіе постепенно стало невѣрнымъ [50]).

Сообщеніе Перри, будто Петръ по этому поводу замѣтилъ, что «надлежитъ и въ этомъ отношеніи сообразовать[ся] съ остальною Европою», находитъ себѣ еще другое подтвержденіе. Въ относящемся къ этому предмету указѣ 20-го декабря открыто заявляется, что вновь вводимый счетъ не только во многихъ европейскихъ странахъ, но и у тѣхъ славянскихъ народовъ, которые исповѣдуютъ православіе, напр., валахи, молдаване, сербы, далматинцы, болгары; кромѣ того, у нѣкоторыхъ даже подданныхъ царскихъ какъ-то у бѣлоруссовъ; даже греки, отъ которыхъ русскіе заимствовали вѣру, считаютъ также,—поэтому наступающій первый день января будетъ новымъ годомъ и началомъ 1700 года. Былъ устроенъ особенно торжественный праздникъ, кромѣ обычныхъ церковныхъ церемоній, было приказано всѣмъ украсить свои дома флагами и еловыми вѣтвями, на первое января поздравлять другъ друга съ новымъ годомъ; была устроена иллюминація, фейерверкъ и даже ружейная и пушечная пальба. Правительствомъ были заготовлены даже образцы такихъ украшеній; было также съ точностью распоряжено, что менѣе состоятельные домовладѣльцы соединялись по пяти и шести для осуществленія общей программы [51]).

Очевидецъ этого празднества, Плейеръ, разсказываетъ, что пушечная пальба изъ 200 орудій, поставленныхъ на кремлевской площади, а также выстрѣлы изъ небольшихъ пушекъ частныхъ лицъ раздавались непрерывно цѣлую недѣлю, какъ великолѣпны были ракеты и освѣщеніе, и что только 6-го января послѣ церемоніи водоосвященія закончились торжества по случаю новаго года. Но и при этомъ обстоятельствѣ явилось нововведеніе. Вмѣсто того, чтобы лично принимать участіе въ процессіи, какъ это дѣлалось царями раньше, Петръ, въ офицерской формѣ, находился во главѣ своего полка, который, подобно нѣкоторымъ другимъ, былъ только что экипированъ въ одинаковые мундиры и вооруженъ новыми ружьями; Плейеръ говоритъ, что въ темнозеленыхъ венгерскихъ кунтушахъ съ золотыми галунами и пуговицами они имѣли очень приличный видъ [52]).

Возникало своего рода отдѣленіе отъ церковности; предшественники Петра, въ подобныхъ случаяхъ, съ особеннымъ усердіемъ исполняли цер-

[50]) Perry (нѣм. изд.), 378.
[51]) Желебужскій, стр. 158.
[52]) Устряловъ, III, 648.

ковную службу; народу они явились въ родѣ калифовъ, совмѣщающихъ высшую духовную и свѣтскую власть; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, первенствующая роль, которую при этомъ играли патріархи, могла породить въ народѣ мысль объ умаленіи всемогущества свѣтскихъ государей. Теперь взаимоотношенія мѣнялись: «царь являлся простымъ очевидцемъ». Вѣкъ просвѣщенія начинался для Россіи съ того, что она одинаково считала свое лѣтосчисленіе какъ и Западная Европа, надо было идти вровень съ цивилизованнымъ человѣчествомъ; постепенно осваивались съ этимъ дѣломъ, и только этимъ способомъ можно было принять участіе въ европейскомъ концертѣ [53]). Слѣдуетъ еще отмѣтить, что центръ тяжести государственной жизни былъ перенесенъ изъ области духовной въ свѣтскую. Московское государство имѣло много теократическаго; царь былъ нѣкоторымъ служителемъ церкви. Поэтому ихъ одежды, обычаи и взгляды ближе подходили къ укладу Далай Ламы, чѣмъ къ укладу западно-европейскаго государя. Позднѣе Петръ довольно часто открыто выражалъ протестъ противъ византійскаго устройства, и подтвердилъ, какъ много выиграла Россія, пойдя по иному пути, чѣмъ средневѣковый византизмъ. Петръ началъ съ того, что при большомъ торжествѣ не принималъ участія въ богослуженіи и присутствовалъ лишь какъ представитель свѣтской власти.

Но вслѣдъ затѣмъ преобразованіе коснулось и самой духовной власти.

16-го октября 1700 г. скончался патріархъ Адріанъ. Петръ тогда былъ подъ Нарвою и тамъ получилъ письмо отъ Курбатова, который совѣтовалъ не торопиться назначеніемъ преемника и при этомъ указывалъ на недостатки духовнаго управленія, въ особенности церковныхъ школъ. Онъ совѣтовалъ устроить временное замѣстительство и спеціально духовныя дѣла подчинить одному архіепископу, а именно Холмогорскому; а дѣла свѣтскія церкви, какъ-то управленіе церковнымъ имуществомъ, финансовое положеніе монастырей, надзоръ за церковными школами должны быть возложены на свѣтскаго сановника, а именно, на боярина Мусина-Пушкину [54]). Съ другой стороны, бояринъ Стрѣшневъ, въ письмѣ къ царю, убѣждалъ его немедленно назначить патріарха и при этомъ рекомендовалъ нѣсколькихъ подходящихъ лицъ [55]).

---

[53]) Уже Вольтеръ замѣтилъ, что Петръ, вѣроятно, принялъ бы грегоріанскій календарь, если бы въ то время Англія не держалась еще стараго юліанскаго календаря.

[54]) Устряловъ, IV, 2, 164 и IV, 1, 535—551.

[55]) Тамъ же IV, 2, 162—163.

Петръ далъ пройти нѣсколькимъ недѣлямъ. Когда онъ, послѣ пораженія подъ Нарвою, возвращался въ столицу, то повелѣлъ, 16-го декабря 1700 г., уничтожить Патріаршій приказъ и распредѣлить его дѣла между другими приказами; въ качествѣ блюстителя патріаршаго престола назначенъ Стефанъ Яворскій, митрополитъ рязанскій и муромскій. Онъ носилъ титулъ: «Экзархъ святѣйшаго патріаршаго престола, блюститель и администраторъ». Черезъ полтора мѣсяца бояринъ Мусинъ-Пушкинъ ставился во главѣ вновь созданнаго Монастырскаго приказа [56]). Мусинъ-Пушкинъ считался человѣкомъ просвѣщеннымъ и образованнымъ. Плейеръ говоритъ про него, что онъ—любитель философскихъ и богословскихъ наукъ, знаетъ латинскій языкъ и сторонникъ иностранцевъ и ученыхъ [57]).

Митрополитъ Рязанскій, мѣстоблюститель патріаршаго престола, Стефанъ Яворскій.

Это было лишь началомъ выдающихся преобразованій въ церковной области. Какъ измѣнилось положеніе вещей за десять лѣтъ, послѣ того какъ Петръ не могъ настоять на назначеніи своего кандидата на вакантный, за смертью Іоакима, патріаршій престолъ! Тогда былъ избранъ Адріанъ, какъ наименѣе образованный и просвѣщенный. Теперь Петръ придавалъ большое значеніе соотвѣтственному замѣщенію должности. Стефанъ Яворскій былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ царя. Свѣтская власть вѣдала

[56]) П. С. З., № 1818 и 1829.
[57]) Устряловъ, IV, 2, 554.

дѣла церкви; неисчислимыя богатства, огромные доходы церквей и монастырей поставлены подъ контроль и въ распоряженіе свѣтскихъ служилыхъ людей, которые во всемъ зависѣли отъ царя, ему представляли отчеты и отъ него получали приказанія касательно своей дѣятельности[58]).

Современники усматривали въ этихъ мѣропріятіяхъ намѣреніе Петра самому себѣ подготовить мѣсто главы церкви[59]). Ходили слухи о крайне радикальныхъ воззрѣніяхъ царя, предполагали, что онъ хочетъ секуляризировать всѣ имущества монастырей и церквей, назначить духовенству опредѣленное отъ казны содержаніе[60]).

Патріаршество существовало въ Россіи съ 1589 г. Полная его отмѣна послѣдовала, собственно говоря, лишь съ паденіемъ «Духовнаго Регламента» и учрежденіемъ Синода въ концѣ царствованія Петра. Но что въ дѣйствительности патріаршество было уничтожено еще въ 1700 г., доказывается духомъ другихъ преобразованій этого времени и того единственнаго начала, которое проводилъ Петръ. Были времена, когда патріархъ имѣлъ больше значенія, чѣмъ царь. Отецъ перваго государя изъ дома Романовыхъ, патріархъ Филаретъ, имѣлъ болѣе вліянія и обладалъ большими государственными способностями, чѣмъ Михаилъ; только съ величайшимъ трудомъ удалось Алексѣю побороть угрожавшее ему соперничество со стороны патріарха Никона. Какъ относился къ этому вопросу самъ Петръ, мы можемъ судить изъ различныхъ сообщеній современниковъ, имѣвшихъ случай узнать взгляды царя[61]). Вся его послѣдующая преобразовательная дѣятельность была нерѣдко горячей борьбой съ духовенствомъ, бывшимъ представителемъ консервативной косности противъ культуры и стремленій государя. Патріархъ, какъ человѣкъ прогрессивный, былъ немыслимъ. Не всегда можно было также разсчитывать, что всякій патріархъ будетъ податливъ и безличенъ, какъ Іоакимъ и Адріанъ. Опасность не только отъ борьбы, но даже отъ патріарховъ съ сильнымъ характеромъ было необходимо устранить. Въ предпринятомъ Петромъ дѣлѣ образованія народа, ему не долженъ былъ мѣшать высшій церковный пастырь. Поэтому-то вопросъ о замѣщеніи патріархата оставался такъ долго открытымъ. Прежде всего выигрывалось время, чтобы принять рѣшеніе. Окончательное упраздненіе патріаршества было плодомъ опыта двухъ слѣдующихъ десятилѣтій; но основа этого рѣшенія царя относится къ 1700 и 1701 годамъ.

---

[58]) Реггу, 329.

[59]) Перри, 328.

[60]) Устряловъ. IV, 2, 554. (Донесеніе Плейера).—О томъ же писалъ 15 марта 1701 г. нидерландскій посланникъ Гульстъ (Устряловъ. IV, 2, 669).

[61]) „Р. Арх." 1863 г., стр. 697.—„Р. Вѣст." 1864 г., стр. 320.

Уже выше было сказано, что пребываніе Петра среди иностранцевъ Нѣмецкой слободы должно было оказать на него вліяніе и въ женскомъ вопросѣ. На семейныхъ празднествахъ, танцевальныхъ вечерахъ и большихъ собраніяхъ, на которыхъ присутствовалъ Петръ, показывались также и дамы, жены и дочери пословъ, военныхъ, купцовъ и ремесленниковъ. Даже на одномъ большомъ праздникѣ у неженатаго нидерландскаго посла были приглашены дамы, какъ можно предполагать, исключительно изъ иностранныхъ кружковъ. Въ Нѣмецкой слободѣ возникли и нѣжныя отношенія между молодымъ царемъ и красивою Анною Монсъ.

Женившись, 27-го января 1689 г., на Евдокіи Лопухиной, Петръ заключилъ одинъ изъ тѣхъ условныхъ браковъ, которые такъ часты при дворахъ.

Объ этомъ бракѣ малое извѣстно, и то не отрадное. Евдокія считалась не красавицею, а умною [62]). Когда, послѣ смерти Петра, въ короткое царствованіе своего внука Петра II, она нѣкоторое время была при дворѣ, то производила впечатлѣніе опытной въ свѣтскихъ вопросахъ и привѣтливой старухи [63]). Но объ образованіи, о широкомъ умѣ, о способности содѣйствовать планамъ Петра и раздѣлять его взгляды—не можетъ быть и рѣчи. Ея воспитаніе ничѣмъ не отличалось отъ другихъ царскихъ невѣстъ того времени. Ея родъ не принадлежалъ къ наиболѣе знатнымъ [64]). Отъ первыхъ лѣтъ брака сохранились небольшія письма царицы къ своему супругу, когда тотъ находился на Переяславскомъ озерѣ. Они написаны въ ласковомъ тонѣ, но нѣжныя обращенія, въ родѣ «лапушка» и др., еще не доказываютъ свойства отношеній, такъ какъ они составляли обязательные, по понятіямъ того времени, пріемы въ сношеніяхъ между родными [65]). Извѣстно, что Петръ вскорѣ сталъ отдаляться отъ Евдокіи, и это обстоятельство возбуждало въ народѣ неудовольствіе [66]). Въ особенности виноваты въ этомъ Плещеевъ и Лефортъ, наиболѣе приближенные люди къ царю; они оба неоднократно обращали вниманіе своего царственнаго друга на ту или другую красавицу Москвы или Нѣмецкой слободы [67]). Говорилось также, что и сестра Петра сѣяла раздоръ между супругами, но эти слухи не изъ вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ [68]). Болѣе правдо-

---

[62]) Кохенъ.

[63]) Письмо лэди Рондо, 32.

[64]) Устряловъ, II, 336.

[65]) Тамъ же, II, 402 и 406.

[66]) Соловьевъ, (см. школа Посошкова въ Библ. Зап. за 1861 г.).—Брикнеръ, „Иванъ Посниковъ", 22.

[67]) Гордонъ, I, 142.

[68]) Устряловъ, III, 190.

подобнымъ представляется разсказъ современника, что царица вызвала охлажденіе Петра своею враждебностью къ иностранцамъ [69]). Между родственниками царицы и приближенными Петра стали возникать разлады и пререканія: однажды Петръ собственноручно побилъ своего шурина Лопухина за то, что тотъ вышутилъ Лефорта, друга царя [70]). Другой Лопухинъ по неопредѣленной причинѣ,—рѣчь шла только вообще о «государевомъ великомъ дѣлѣ», — былъ подвергнутъ 24-го января 1695 года пыткѣ во дворцѣ Петра и черезъ нѣсколько дней умеръ отъ послѣдствій пытки [71]). Въ народѣ прошелъ слухъ, что самъ царь принималъ въ этомъ участіе [72]). Одинъ Лопухинъ называлъ царя еретикомъ, исчадіемъ антихриста, упрекая за ссылку Василія Голицына и Неплюева [73]). Отецъ царицы и два ея брата были передъ самымъ отъѣздомъ Петра за границу высланы въ отдаленные города [74]). Они, очевидно, считались опасными съ государственной точки зрѣнія.

За границею также было извѣстно о холодности царя къ Евдокіи [75]). Въ Вѣнѣ на празднествѣ, данномъ въ честь посольства, послѣ торжественной аудіенціи, былъ пропущенъ тостъ за царицу, такъ какъ отношенія супруговъ были тамъ вѣдомы.

Быть можетъ, Петръ еще до своего путешествія задумывалъ отправить Евдокію въ монастырь. Это было излюбленнымъ способомъ расторженія брака. Онъ переписывался по этому поводу со Стрѣшневымъ: царицу хотѣли убѣдить добровольно постричься, но она отказывалась. Тогда Ромодановскій, Нарышкинъ и духовникъ царицы пытались на нее повліять, но тщетно [76]).

Тотчасъ по возвращеніи своемъ изъ-за границы, Петръ посѣтилъ Анну Монсъ [77]). Патріархъ явился къ царю, извиняясь, что не могъ привести къ желательному концу дѣло о постриженіи; онъ сваливалъ вину на нѣкоторыхъ бояръ и духовныхъ лицъ, пытавшихся помѣшать этому дѣлу. Говорили еще, что въ домѣ почтъ-директора Виніуса у Петра произошла четырехчасовая бесѣда съ царицею [78]).

---

[69]) Гордонъ.

[70]) Кохенъ у Боргмана, I, 186.

[71]) Желабужскій, 40.

[72]) Соловьевъ, XIV, 6 (прилож.) „Обливалъ его двойнымъ виномъ и жегъ".

[73]) Тамъ же, 74.

[74]) Тамъ же, XIV, 284.

[75]) Guerrier, „On dit qu'il n'aime guère la tsarine sa femme".

[76]) Устряловъ, III, 189.

[77]) Гваріентъ пишетъ, что всѣ удивились старой, еще не угасшей страсти царя. (Устряловъ, III, 621).

[78]) Тамъ же. III. 622.

Прошло еще двѣ недѣли. Царицѣ пришлось разстаться съ своимъ сыномъ Алексѣемъ, которому было уже девять съ половиною лѣтъ; тотъ былъ порученъ главному надзору сестры царя, царевнѣ Натальѣ. Вслѣдъ затѣмъ несчастная царица была безъ всякой свиты, въ простомъ экипажѣ отвезена въ Суздальскій Покровскій монастырь[79]), а десять мѣсяцевъ спустя, во исполненіе царскаго повелѣнія, ее постригли въ монашество. Петръ увѣнчалъ свою жестокость тѣмъ, что не предоставилъ изгнанницѣ никакихъ средствъ къ жизни, и она была принуждена просить помощи у своихъ родныхъ[80]). О царицѣ-инокинѣ придется говорить ниже.

Царь былъ страшно возбужденъ. Нѣсколько высшихъ духовныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ противъ удаленія царицы, были заточены[81]). Наступило время террористическихъ мѣръ.

Разладъ между Петромъ и его супругою продолжался и въ послѣдующіе годы. Соловьевъ справедливо пишетъ по этому поводу: «Въ древней лѣтописи Русской находится любопытный разсказъ, какъ великій князь Владиміръ разлюбилъ жену свою Рогнѣду; какъ та хотѣла его за это убить; не успѣла и была приговорена мужемъ къ смерти. Но когда Владиміръ вошелъ въ комнату Рогнѣды, чтобы убить ее, то къ нему на встрѣчу вышелъ маленькій сынъ ихъ Изяславъ и, подавая мечъ Владиміру, сказалъ: «Развѣ ты думаешь, что ты здѣсь одинъ?» Владиміръ понялъ смыслъ этихъ словъ сына и отказался отъ намѣренія убить жену. Но обыкновенно, мужья и жены, когда ссорятся, забываютъ, что они не одни: Петръ, постригая жену, забылъ, что онъ не одинъ, что у него остался сынъ отъ нея».

Отношенія Петра къ Аннѣ Монсъ продолжались десятокъ лѣтъ. Она принимала участіе на большихъ празднествахъ, даже на тѣхъ, на которыхъ присутствовали иностранные послы[82]). Ея родственники получали дома и помѣстья въ подарокъ. Ея подруга Елена Фадемрехтъ была въ короткой дружбѣ съ царемъ; сохранились ея записки къ царю съ самыми шутливыми ласкательными именами[83]). Александръ Гордонъ восторгался красотою Анны Монсъ, которая впослѣдствіи вышла замужъ за прусскаго посла Кайзерлинга и вскорѣ затѣмъ умерла[84]).

---

[79]) Гордонъ, III, 217.

[80]) Соловьевъ, XIV, 286.

[81]) Устряловъ, III, 189. Гордонъ говоритъ, что и Лефортъ хотѣлъ отправить свою жену въ монастырь.—Поссельтъ, III, 171, сомнѣвается въ этомъ.

[82]) Корб., Diarium, 84—87.

[83]) Устряловъ, IV, 2, 292. Паденіе фаворитки сопровождалось розыскомъ.—Соловьевъ, XIV, 68.

[84]) Плейеръ у Устрялова, IV, 2, 555.

Производило большое впечатлѣніе, что Петръ къ вопросу о способности и образованіи женщинъ, съ которыми сталкивался, примѣнялъ другой масштабъ, чѣмъ прежніе цари. Подобно тому, какъ въ Англіи и Франціи Толстой и Матвѣевъ были приведены въ большое удивленіе общественнымъ положеніемъ, образованностью и обращеніемъ женщинъ, и Петръ долженъ былъ отъ своихъ сношеній съ женскимъ обществомъ въ Нѣмецкой слободѣ и во время путешествія получить новыя впечатлѣнія. Изъ записокъ Петра мы узнаемъ, что даже когда Петръ находился на постройкѣ кораблей въ Воронежѣ, тамъ были, какъ говоритъ Плейеръ «deutsche frau Zimmer», нѣмецкія женщины. Это были жительницы Нѣмецкой слободы. Когда нѣкоторыя изъ нихъ захворали, то Петръ даже отложилъ свою поѣздку обратно въ столицу [85]). Между ними онъ встрѣчалъ совершенно иную бесѣду, чѣмъ та, которую могли доставлять русскія женщины того времени.

Всѣ иностранные источники о Россіи XVI и XVII вв. подробно описываютъ несчастное положеніе женщинъ въ этой странѣ; онѣ подневольныя, угнетенныя рабыни своихъ мужей; онѣ почти никогда не показываются внѣ дома, не получаютъ никакого образованія и прозябаютъ умственно и нравственно.

Необходимо было также измѣнить порядокъ заключенія браковъ: подготовить женщинъ къ собственной самостоятельной волѣ и сдѣлать для нихъ доступнымъ пользованіе благороднымъ обществомъ.

Первые годы царствованія Петра являются рядомъ къ тому направленныхъ мѣръ. Раньше согласіе заключающихъ бракъ не принималось во вниманіе, и вотъ въ 1693 г. патріархъ Адріанъ издаетъ распоряженіе, обязывающее духовенство наблюдать, чтобы при вѣнчаніи никто не былъ повѣнчанъ противъ своей воли [86]). Съ большею основательностью и цѣлесообразностью это требованіе выражено въ одномъ указѣ апрѣля 1702 г., въ которомъ царь требовалъ, что по крайней мѣрѣ за шесть недѣль до вѣнчанія состоялось обрученіе, съ тѣмъ, чтобы брачущіеся могли познакомиться между собою и во время отказаться, если бракъ имъ не нравится [87]).

Другимъ нововведеніемъ было требованіе Петра, чтобы русскія дамы принимали участіе въ общественныхъ собраніяхъ, на свадьбахъ и т. п. [88]).

---

[85]) Устряловъ, IV, 2, 555 и 562. (Плейеръ).

[86]) Соловьевъ, XIV, 154.

[87]) П. с. з. № 1907.—Устряловъ IV, 2, 576.

[88]) Перри, 315.

Новшествомъ было и то, что онъ въ 1701 году велѣлъ живописцу Ле-Брюйну написать портреты трехъ царскихъ племянницъ, дочерей брата Ивана, въ прическѣ «Coiffure à l'antique», и кромѣ того у него было намѣреніе одну изъ нихъ выдать замужъ въ Вѣнѣ [89]); было также новшествомъ, что когда Екатерина, Маріенбургская плѣнница, вошла въ кружокъ царя и Меньшикова; между Меньшиковымъ и нѣкоторыми молодыми дамами, которыми окружила себя Екатерина, возникла оживленная переписка [90]). Естественно было, что русскія женщины съ восторгомъ отнеслись къ этимъ нововведеніямъ; онѣ охотно одѣвались въ нѣмецкія платья; наступило время имъ лично принять участіе въ общественныхъ увеселеніяхъ на получившихъ въ концѣ петровскаго царствованія такое значеніе «ассамблеяхъ»; [91]) при дворѣ Петра и Екатерины онѣ стали играть выдающуюся роль. Тогда, конечно, никому и въ голову не приходило, что въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій въ Россіи наступитъ періодъ гинекократіи. Она была внушена непосредственно послѣдовавшими за царскимъ путешествіемъ преобразованіями.

Исторія Петра богата противорѣчіями, и тотъ же самый царь, который, подобно самому страшному азіатскому деспоту, тотчасъ по пріѣздѣ изъ Западной Европы приказалъ казнить болѣе тысячи, предварительно подвергнутыхъ мучительнымъ пыткамъ, стрѣльцовъ,—издалъ рядъ постановленій, въ которыхъ ясно просвѣчиваетъ гуманность и прогрессъ.

До того царя почитали полубогомъ. Никто не смѣлъ приблизиться къ царскимъ палатамъ, не снявъ шапки; кто являлся къ царю, падалъ предъ нимъ ницъ. 30 декабря 1701 г. появился царскій указъ, запрещавшій всѣмъ подданнымъ царя писаться въ челобитныхъ уменьшительными именами, становиться предъ царемъ на колѣни, зимою снимать шапки предъ дворцомъ. Въ указѣ говорится: «какое же различіе между богомъ и царемъ, когда воздавать будутъ равное обоимъ почтеніе? Менѣе низкости, болѣе усердія къ службѣ и вѣрности ко мнѣ и государству—сія-то почесть свойственна царю» [92]).

На владѣльцевъ крѣпостныхъ, которые окружали себя дворнею въ нѣсколько сотъ человѣкъ, должно была производить впечатлѣніе появленіе Петра съ самою малою свитою. Приказъ объ удаленіи всѣхъ ненужныхъ

---

[89]) Устряловъ, IV, 1, 87.
[90]) Тамъ же. 2, 272, 276, 315, 357, 403. (Письма).
[91]) Карновичъ—ст. въ „Др. и Нов. Россіи" 1877, 1, 77—84
[92]) Соловьевъ, XV, 115.

дворцовыхъ людей, въ которыхъ встрѣчалась такая надобность для войска, былъ не изданъ лишь вслѣдствіе уговора нѣкоторыхъ бояръ и произведенной взамѣнъ того уплаты извѣстной денежной суммы. Если бы этого не случилось, то получилось бы своего рода частичное освобожденіе крѣпостныхъ, по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые числились въ дворовыхъ [92]).

Царь ищетъ всѣхъ случаевъ, чтобы порвать съ восточными обычаями и образомъ жизни и воспитать свой народъ по западно-европейскому образцу. Петръ уже въ это время стремится дать опредѣленное положеніе многочисленнымъ нищенствующимъ монахамъ, привлечь всѣхъ подданныхъ къ труду, уменьшить число писцовъ въ приказахъ [94]) и отъ каждаго служилаго потребовать большей напряженности въ трудѣ; ввести новыя подати и въ 1698 г. и гербовую бумагу, на ряду съ этимъ поощряетъ русскихъ купцовъ къ устройству торговыхъ компаній [95]); запрещаетъ войску прибѣгать въ бою къ громкимъ крикамъ [96]); учреждаетъ первый русскій орденъ Андрея Первозваннаго, поручаетъ иностранцамъ сдѣлать ему выписки изъ разныхъ законодательствъ, французскаго, англійскаго и шотландскаго, создаетъ особую комиссію съ цѣлью кодификаціи,—во всемъ этомъ видно, что новая сила править государственнымъ рулемъ, и что ей, главнымъ образомъ, дала толчокъ высшая западная европейская культура. Все то, что впослѣдствіи проявилось въ огромномъ масштабѣ въ области законодательства, государственнаго управленія, военномъ устройствѣ и судопроизводствѣ уже примѣнялось въ отдѣльныхъ частностяхъ непосредственно вслѣдъ за самоличнымъ вступленіемъ Петра въ управленіе государствомъ, моментомъ котораго собственно и является возвращеніе царя изъ заграничнаго путешествія. Уже въ 1699 и 1700 годахъ нѣтъ недостатка въ примѣрахъ строгости противъ злоупотребленій чиновниковъ и въ попыткахъ привлечь народъ къ управленію посредствомъ учрежденій «ратушъ» [99]). Если въ 1702 г. Плейеръ говоритъ, что царь хотѣлъ перестроить Кремль на нѣмецкій ладъ (по другимъ свѣдѣніямъ, на подобіе французскаго Версаля) [100]), если русскій народъ (въ

---

[92]) Устряловъ, IV. 2, 576. — Перри и Плейеръ единогласно это подтверждаютъ.

[94]) Устряловъ IV, 649 (Плейеръ).

[95]) Соловьевъ, XIV, 309.

[96]) Bergmann, II 205.

[97]) 1699.

[98]) Устряловъ III, 1697, 554.—Соловьевъ XV, 89.

[99]) Соловьевъ, XIV, 306, 314.

[100]) Устряловъ IV, 2, 577.

1692 г.) удивляется, что Петръ во время пребыванія на Дону велитъ приготовить блюда изъ найденныхъ тамъ черепахъ [101]),—то это несущественныя внѣшнія проявленія по сравненію съ устройствомъ типографіи [102]), переводомъ иностранныхъ книгъ на русскій языкъ, началомъ народнаго просвѣщенія. Нельзя не обратить вниманія, что въ странѣ, въ которой, по словамъ Перри, не было двадцати людей, умѣвшихъ правильно считать, теперь учреждались ариѳметическія и математическія школы [103]), въ которыхъ преподавателями были люди, подобные англичанину Фергарсону, а другіе извѣстные иностранцы руководили навигаціонными школами [104]), когда сами русскіе, какъ напр. Курбатовъ, начинали интересоваться наукою геометріи и сами составляли къ ней поясненіе [105]). Насколько во всѣхъ этихъ начинаніяхъ проявлялась личная инціатива царя, можно видѣть изъ его переписки съ русскими сотрудниками, изъ его интереса къ приглашеннымъ изъ-заграницы помощникамъ, а также изъ его бесѣды (октябрь 1693 г.) съ патріархомъ Адріаномъ по поводу обращенія бывшей въ Москвѣ греко-славянской академіи въ университетъ [106]). Въ началѣ 1701 г. Плейеръ пишетъ, что рѣшено устроить «академію всѣхъ факультетовъ для русскаго дворянства» и что для этого уже приглашаются профессора астрономіи, астрологіи и математики [107]). Позднѣе онъ пишетъ, что въ Россію приглашена труппа артистовъ, что избрано мѣсто для школы благородныхъ упражненій, и что скоро ожидаются учителя [108]).

Нѣкоторыя надежды Лейбница, казалось, начинали сбываться. Россія дошла до рѣшительнаго поворотнаго пункта. Учебные годы Петра и годы путешествій привели къ извѣстному рѣшенію. Но прежде, чѣмъ вполнѣ отдаться преобразованіямъ, ему еще приходилось выдержать горячую борьбу. Ему предстояло преодолѣть внѣдриванія въ народѣ реакціонной силы и оторвать главу жившей въ простомъ народѣ татарско-византійской гидры.

---

[101]) Тамъ же, III, 276.
[102]) Пекльскій, I, 11,—Guerrier, 47.
[103]) Реггу, 325.
[104]) Устряловъ, IV, 2, 187.
[105]) Тамъ же III, 187.
[106]) Тамъ же IV, 355.
[107]) Тамъ же, III, IV, 2, 559—560.
[108]) Тамъ же, IV, 574.

ГЛАВА XII.

Признаки неудовольствія.

Петру выпалъ на долю необыкновенный успѣхъ въ области внѣшней политики. Онъ вступилъ на путь прогресса и реформъ. Его народъ долженъ чувствовать, что открывается заря новой жизни. Но нельзя было ожидать, чтобы намѣренія геніальнаго деспота были всѣми поняты и оцѣнены.

Впослѣдствіи царь старался, по крайней мѣрѣ, внутреннія реформы, новые законы, наиболѣе рѣзкія мѣры по внутреннему управленію, разъяснять въ самихъ распоряженіяхъ, обосновать ихъ на общихъ принципахъ и указать на необходимость подобныхъ нововведеній. Для него тронъ былъ каѳедрой; онъ училъ; онъ стремился внушить вѣру въ основаніе своихъ правительственныхъ мѣръ во всѣхъ своихъ подданныхъ до самыхъ низшихъ слоевъ. Кто внимательно читалъ его печатные манифесты или внимательно ихъ слушалъ,—они обнародовались по церквамъ, послѣ богослуженія,—тотъ имѣлъ возможность проникнуть въ предначертанія царя.

Рѣзко дѣйствующему, попирающему все старое и обычное, пренебрегающему многими правами и интересами правительству, требующему отъ народа разныхъ жертвъ, было естественно столкнуться съ общественнымъ мнѣніемъ.

Намъ трудно знать, что происходило въ умахъ и настроеніи народа въ первыя времена реформъ. Въ эпоху, когда каждое проявленіе не только сопротивленія, но и самостоятельнаго мнѣнія и даже тихаго порицанія, сурово подавлялось—казалось, что всякая инціатива правительства должна быть принята; управляемые были приведены къ пассивному послушанію и полному безпрекословію. Личность государя, несущаго всю отвѣтственность, вѣрною рукою правящаго рулемъ государственнаго корабля, возстаетъ предъ нами въ такомъ величіи, что намъ за этою личностью трудно видѣть и принимать во вниманіе самый народъ.

Тѣмъ не менѣе, въ народныхъ массахъ жила самостоятельная жизнь, которая иногда рѣшалась на проявленіе дѣятельности, когда обсужденіе новыхъ правительственныхъ мѣръ, образа дѣйствій царя, новаго направленія, по которому двигалось русское государство и русское общество,— допускало возможность не только тайнаго противодѣйствія со стороны недовольныхъ, когда постоянно вновь требуемыя жертвы переходили всякій предѣлъ и слишкомъ тяжело ложились на народъ, когда, наконецъ, основныя воззрѣнія народа подвергались царскими указами слишкомъ большому испытанію.

Весьма только немногіе могли быть довольны новшествами царя. Большинство роптало. Но всѣ были выбиты изъ своей обычной колеи; всѣ должны были отдать себѣ отчетъ, что еще никогда энергія и настойчивость правительства не проявлялись въ подобной тяжелой формѣ; всѣ чувствовали, что поставлена большая ставка; что властно работающій государственный механизмъ искрошитъ многихъ подданныхъ. Привычный порядокъ былъ отставленъ; обычаи добраго стараго времени должны отойти въ область преданія; время отъ времени затрогивается и то, что непосредственно связано съ религіозными вѣрованіями и церковью. На сколько мало былъ склоненъ народъ воспринимать нововведенія именно послѣдняго рода, показывали развитіе раскола во второй половинѣ XVII столѣтія.

Главнымъ источникомъ для исторіи мнѣній и сужденій о Петрѣ Великомъ являются акты процессовъ по государственнымъ преступленіямъ того времени. Дѣла Тайнаго Преображенскаго Приказа ясно свидѣтельствуютъ о томъ общемъ неудовольствіи, которое возбуждали мѣропріятія Петра. Изъ архивовъ этого приказа мы знаемъ, какъ думали и, иногда, что говорили противники царя. Добиться до словесныхъ признаній было не легко. То, что въ другихъ странахъ представляли собою рѣчи оппозиціонныхъ партій въ парламентахъ, создавшихъ нынѣшнее государственное право,— въ Россіи было исторгнуто страшными пытками признанія. Англійской свободѣ слова въ Россіи соотвѣтствовалъ тайный шопотъ, принудительное молчаніе на свободѣ и принудительныя показанія на пыткѣ. То общественное мнѣніе, которое въ другихъ мѣстахъ свободно узнавалось изъ газетъ и спеціальныхъ брошюръ, въ Россіи приходилось узнавать съ насиліемъ и жестокостью. Но все таки узнали достаточно: царь представляется народу злымъ врагомъ, и народныя массы протестуютъ противъ преобразованій.

Первый признакъ повсемѣстно царившаго недовольства, о которомъ мы имѣемъ свѣдѣнія, сравнительно слабый. Это акты одного уголовнаго дѣла, героями котораго были люди изъ народа.

У одного монаха московскаго андреевскаго монастыря, по имени Авраамія, въ 1696 г. собирались иногда нѣкоторыя лица, обсуждавшія на своихъ бесѣдахъ событія дня. Въ особенности разбирали дѣйствія и образъ правленія Петра; это былъ богатый матеріалъ для бесѣды, вполнѣ пригодный для жаркихъ преній. Занимались, такимъ образомъ, политикою. Но Авраамій не удовольствовался однѣми бесѣдами, а изложилъ письменно различныя сужденія, какъ собственныя, такъ и своихъ друзей. Такимъ образомъ составилась записка, которую Авраамій вручилъ самому царю.

Дерзость была неслыханная. Друзья настойчиво отсовѣтовывали осуществленіе этого намѣренія, такъ какъ опасались самыхъ ужасныхъ послѣдствій. Они, впрочемъ, и не замедлили. Авраамій былъ схваченъ и преданъ пыткѣ.

Къ сожалѣнію, самыя тетради Авраамія не сохранились или еще не найдены, но мы все таки можемъ составить себѣ понятіе объ ихъ содержаніи, такъ какъ до насъ дошли акты розыска, сдѣланнаго по этому случаю.

Люди, которыхъ Авраамій на пыткѣ называлъ своими гостями, были скромнаго происхожденія; два подъячіе, одинъ служитель изъ Троице-Сергіевскаго монастыря, два крестьянина, какъ показывалъ Авраамій, они и высказывали изложенныя имъ сужденія.

Главнымъ образомъ, они заключались въ жалобахъ на молодого царя, что онъ не оправдываетъ возлагавшихся на него надеждъ; всѣ надѣялись, что послѣ женитьбы онъ начнетъ новую жизнь, и все измѣнится къ лучшему, но эти ожиданія были безосновательны, такъ какъ царь по прежнему предавался своимъ юношескимъ забавамъ.

Собесѣдники Авраамія были схвачены и подвергнуты допросу. Они дали слѣдующія показанія: «Повсемѣстно жалуются на несправедливость судей и желаютъ, чтобы они получали опредѣленное содержаніе, вмѣсто того, чтобы кормиться приношеніями; въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, развелось слишкомъ много судей и писцовъ; сѣтуютъ, что царь не живетъ въ столичныхъ своихъ чертогахъ и покинулъ свою супругу; относительно увеселеній царскихъ, говорилось, что нѣтъ ни у кого никакого желанія видѣть представленія, въ которыхъ непристойно вышучивались святыни; царь упрямъ, никого не слушаетъ, собственноручно участвуетъ въ пыткахъ; кромѣ того, многочисленныя поѣздки царя по морю вызвали народное неудовольствіе. Авраамій про себя сознался, что онъ, по случаю торжественнаго въѣзда въ Москву послѣ азовскаго похода, неблаго-

пріятно отозвался о томъ, что царь идетъ пѣшкомъ, тогда какъ его подданные ѣхали въ экипажахъ.

Пытка и заточеніе въ монастырѣ постигли злополучнаго монаха, рѣшившаго предать царю оскорбительную грамоту; его собесѣдники, послѣ тѣлеснаго наказанія, были сосланы въ отдаленныя области [1]).

Въ народѣ таилось недовольство не безъ основаній. Прежніе государи никогда еще не требовали ни для своей частной жизни, ни для удовольствій такихъ поборовъ и такихъ нарушеній обычаевъ, какъ это дѣлалъ Петръ. Намъ извѣстно, что для крайне дорогихъ кожуховскихъ походовъ, во время которыхъ были убитые и раненые, отъ народа потребовались тысячи воиновъ, сотни повозокъ, которыя народъ долженъ ставить своимъ иждивеніемъ; многое, поэтому, должно было показаться безполезною забавою. Даже въ заграничной печати помѣщались неодобренія этимъ затѣямъ [2]).

Franz Lefort

Францъ Лефортъ.

Юношеская необузданность, съ которою царь принималъ участіе въ общественныхъ удовольствіяхъ иностранцевъ, находилась въ полномъ противорѣчіи съ величіемъ прежнихъ государей, которые лишь изрѣдка выходили изъ дворца и никогда не снисходили до своихъ подданныхъ.

Рѣзкость и жестокость Петра, его страстное, не сдержанное обращеніе не могли остаться скрытыми отъ народа. Но что онъ принималъ собственноручное участіе въ пыткахъ и казняхъ стрѣльцовъ въ 1698 году,

---

[1]) Это случилось до отъѣзда Петра заграницу. Судопроизводство по этому дѣлу открыто Соловьевымъ и впервые напечатано въ 1861 г.—Брикнеръ о Посошковѣ, другѣ Авраамія. Стр. 20.

[2]) Петръ Лефортъ писалъ своему отцу: «Ce sont certains divertissements, qui ne valent á rien, et dans une occasion comme cela, on peut jeuer á mauvais tour. C'est trop peu pour faire la guerre, et trop jouer, et cela couse beaucoup aux bourgeois, car c'est eux, qui ont entretenu tous ces gens pendant quatre semaines». Поссельтъ (Лефортъ), 217.

нѣтъ никакихъ точныхъ свидѣтельствъ; ходили только слухи о собственноручной расправѣ, какъ это было, напр., въ отношеніи помянутаго выше Лопухина; сами по себѣ эти слухи не должны казаться невѣроятными, если мы припомнимъ нѣсколько позднѣйшихъ подобныхъ случаевъ, подтвержденныхъ единодушными свидѣтельствами.

Жалобы на недостатки управленія, на лихоимство служилыхъ людей, на отсутствіе правосудія были не новы. Въ многочисленныхъ бунтахъ и расправахъ во время царствованія Алексѣя, мы часто видимъ проявленія такого именно недовольства. Упрекъ, что Петръ въ первое время своего правленія обратилъ мало вниманія на вопросы внутренней политики, какъ мы знаемъ, не былъ лишенъ основанія. Преобразованія начались только послѣ возвращенія изъ заграничнаго путешествія. Большимъ новшествомъ было то, что царь самъ выслуживался. Эта кажущаяся потомству столь привлекательною скромность, которая побудила его на торжественномъ въѣздѣ въ Москву, осенью 1698 г., идти въ мундирѣ морского капитана съ бердышемъ въ рукѣ, пѣшкомъ, позади экипажей, въ которыхъ ѣхали прочіе военноначальники,—не пришлась по вкусу народу; въ этомъ поступкѣ народъ усмотрѣлъ оскорбительное для царскаго достоинства нарушеніе обычая. Всѣ уже явно привыкли почитать царей, какъ полубоговъ, и теперь естественно было удивляться видя, царя не въ золотѣ и парчѣ, осыпанной драгоцѣнностями, а въ видѣ обыкновеннаго офицера въ морской капитанской формѣ. Народная масса не могла также понять замысловъ Петра о созданіи флота и пріобрѣтеніи моря. Русскіе—народъ континентальный, считали взгляды Петра пустою забавою.

Новую эру, которая должна была возродиться съ воцареніемъ Петра, народъ понималъ совершенно иначе. Думали, что Петръ немедленно устранитъ всѣ недостатки и сдѣлаетъ своихъ подданныхъ счастливыми. Что ему самому нужно было пройти серьезную школу и нѣсколько лѣтъ подготовляться къ этой дѣятельности, было трудно понятнымъ народу. Первое время Петра было полно иллюзій. Народъ былъ подъ гнетомъ восточной войны; онъ ненавидѣлъ иностранцевъ и не понималъ, чего нужно Петру въ нѣмецкой слободѣ.

Въ народѣ ходили слухи, что и царь Иванъ не одобряетъ поведенія брата и громко высказываетъ свое порицаніе, что «Петръ живетъ не по церкви, ѣздитъ въ нѣмецкую слободу и знается съ нѣмцами». Когда однажды одинъ изъ сторонниковъ молодого царя на кружечномъ дворѣ хвалилъ царя, случившійся здѣсь иконникъ замѣтилъ, что «не честь государь дѣлаетъ, а безчестье себѣ [3]).

[3]) Соловьевъ, XIX, 241—242.

У насъ нѣтъ никакихъ достовѣрныхъ данныхъ о томъ, чтобы между царями Иваномъ и Петромъ возникали несогласія. Недовольные Петромъ, естественно, были на сторонѣ Ивана. Потомъ появились даже лже-Іваны. На ряду съ новшествами Петра, въ особенности въ отношеніи къ иностранцамъ, Иванъ вполнѣ воплощалъ доброе старое время: онъ жилъ безвыходно во дворцѣ, сохранилъ весь старинный дворцовый обиходъ и лично оставался совершенно неизвѣстнымъ народу. Въ отдаленныхъ слояхъ послѣдняго могли и вовсе не знать объ убожествѣ Ивана.

Удивительно, что и заграницею, насколько можно судить по изданной въ 1696 г. брошюрѣ, посвященной отношеніямъ братьевъ-царей, ничего не знали по этому вопросу, и былъ открытъ широкій просторъ фантазіи. Эта брошюра, озаглавленная «Храбрый московскій царь и завоеваніе крѣпости Азова...», составляетъ памфлетъ противъ Петра въ видѣ бесѣды между нѣсколькими иностранцами и русскими [4]). О взятіи Азова говорится очень мало; за то очень подробно разсказывается, какъ Петръ задумалъ умертвить свою сестру Софью и брата Ивана. Очень много и живо говорится, что Петръ не имѣлъ права совершить этого убійства. Но двое русскихъ, одинъ боярин, другой казакъ, заступаются за царя. Боярин находитъ, что Петру нечего заботиться о народной молвѣ въ отношеніи своихъ дѣйствій; о государяхъ нельзя говорить, какъ про простыхъ людей. Въ заключеніе, одинъ собесѣдникъ-нѣмецъ ссылается на Плутарха и говоритъ, что тираны никогда не бываютъ долговѣчны; русскимъ тоже не долго терпѣть царствованіе Петра [5]).

Дѣло почти дошло до катастрофы и притомъ почти непосредственно передъ самымъ отъѣздомъ Петра.

23 февраля 1697 года, за двѣ недѣли до дня отъѣзда, у Лефорта былъ устроенъ большой пиръ. Но попойка, которая должна была продолжаться всю ночь, была нарушена полученнымъ царемъ извѣщеніемъ о готовившемся на его жизнь покушеніи. Петръ, какъ говорятъ, немедленно отправился съ нѣсколькими товарищами, чтобы застать заговорщиковъ въ расплохъ и лично ихъ арестовать [6]).

---

[4]) У Минцлофа (Pierre le gr. dans la litterature etrangère). См. полное длинное заглавіе этой брошюры.

[5]) „Convivium septem sapientium". — Долговѣчный тиранъ представляетъ величайшую рѣдкость.

[6]) Устряловъ III, 388 (Лефортъ).—Свѣдѣнія эти царь получилъ отъ стрѣльцовъ Елизарьева и Силина, которые съ цѣлью новой награды были упомянуты еще въ 1715 г. (П. С.З. № 2877) а не отъ сестры Пушкина, какъ говоритъ Гордонъ,

Главными заговорщиками были обрусѣлый нѣмецъ полковникъ Цыклеръ и двое дворянъ: Соковнинъ и Пушкинъ. Изъ слѣдственнаго дѣла, только въ недавнее время ставшаго извѣстнымъ въ полнотѣ, видно слѣдующее [7]):

У Цыклера оказались личныя основанія къ недовольству, которыя побудили его къ преступнымъ замысламъ. Въ 1682 г. онъ дѣйствовалъ, какъ пособникъ Милославскихъ и царевны Софьи; во время своего регентства, Софья, какъ показалъ Цыклеръ передъ казнью, повторила (въ 1682 и 1687 гг.) ему приказаніе извести Петра [8]); въ 1689 г. онъ былъ однимъ изъ первыхъ, которые перешли къ Петру въ Троицу; но онъ былъ обиженъ, что потомъ царь ни разу не посѣтилъ его. Наконецъ, на его долю выпало, послѣ взятія Азова, отправиться на югъ и строить крѣпость Таганрогъ. Такое назначеніе въ то время могло считаться почетною ссылкою. Онъ обратился къ нѣкоторымъ стрѣльцамъ, указывалъ имъ на возможность внезапной смерти Петра и старался узнать ихъ предположенія относительно личности новаго царя; высказывалось предположеніе объ избраніи Шеина или Шереметева, а также говорилось о царевичѣ Алексѣѣ, подъ управленіемъ царевны Софьи, которая должна была вернуть Василія Голицына. Нѣкоторые стрѣльцы и казаки дали очень тяжкія показанія по поводу разговоровъ, которые велъ съ ними Цыклеръ. Онъ будто бы говорилъ, что царя надо умертвить, такъ какъ онъ замышлялъ насилія противъ жены и дочери Цыклера. Казаковъ Цыклеръ надѣялся поднять на бунтъ, по примѣру Разина, и самъ хотѣлъ стать во главѣ ихъ; еще жаловался онъ, что Петръ назвалъ его бунтовщикомъ и собесѣдникомъ Милославскихъ, и потому онъ подговаривалъ убить царя, коснулся онъ и общепечальнаго положенія государства: въ странѣ большіе непорядки, а Петръ задумалъ ѣхать за границу, Лефорта ставить во главѣ посольства, которое потребуетъ много денегъ и т. д. [9]).

Съ Пушкинымъ и Соковнинымъ Цыклеръ находился въ очень близкихъ сношеніяхъ, Соковнинъ принадлежалъ къ семьѣ, игравшей большую

которая также участвовала на смотру невѣстъ, и о которой потомъ жалѣлъ Петръ.—У Штелина много прикрасъ въ разсказѣ.—Гораздо правдоподобнѣе у Перри, см еще Устряловъ, III, 637.

[7]) Устряловъ не имѣлъ этого полнаго акта.—Соловьевъ XIV, 244.

[8]) Соловьевъ, XIV, 248.

[9]) Соловьевъ, 246.—Шереметевъ пользовался любовью стрѣльцовъ.—Поссельтъ, V, 565, утверждаетъ, что и Шереметевъ былъ арестованъ, но потомъ отпущенъ и оставленъ въ милости, такъ какъ выяснилось, что ничего не зналъ ни о заговорѣ, ни о своемъ возможномъ избраніи.

роль въ русскомъ расколѣ. Онъ самъ принадлежалъ къ старовѣрамъ; его двѣ сестры занимали среди нихъ высокое положеніе; дѣти его были отправлены за границу, что было сочтено большой семейной обидой; его зятю Пушкину также пришлось отослать своихъ сыновей за границу; онъ попробовалъ было сопротивляться, но навлекъ на себя за это гнѣвъ Петра; кромѣ того, жизни Соковнина отца будто бы угрожала опасность со стороны Петра; Пушкинъ будто бы очень неодобрительно отзывался о нехристіанской жизни царя и объ его отъѣздѣ.

Заговорщики думали воспользоваться бродившимъ среди стрѣльцовъ и казаковъ недовольствомъ и побудить ихъ къ открытому бунту. Заслуживаетъ вниманія разсужденіе Соковнина, что стрѣльцамъ нечего терять, такъ какъ ихъ гибель есть уже дѣло рѣшенное. Было предположеніе воспользоваться подготовленнымъ пожаромъ, чтобы убить царя, который обыкновенно лично присутствовалъ при подобныхъ несчастіяхъ.

Какъ можно видѣть, личныя причины ропота отчасти заключались въ правительственныхъ дѣйствіяхъ Петра. Посылки молодежи за границу, собственное путешествіе царя возбуждали недовольство. Джонъ Перри, пріѣхавшій въ Россію черезъ полтора года послѣ этихъ событій и имѣвшій случай хорошо съ ними ознакомиться, относитъ ихъ возникновеніе къ недовольству знатныхъ нововведеніями Петра [10]). Плейеръ, все время находившійся въ столицѣ, говоритъ, что заговоръ былъ направленъ противъ Петра, всей его семьи, ближайшихъ окружающихъ лицъ и всѣхъ иностранцевъ [11]).

Заговоръ 1697 г., по словамъ Петра, открытый въ «послѣдній часъ», можетъ быть въ нѣкоторомъ смыслѣ разсматриваемъ, какъ эпилогъ къ борьбѣ о престолѣ, имѣвшей мѣсто въ 1682 году. Дѣло шло о замѣнѣ Петра другимъ лицомъ. И прежде всего приходилось подумать о Софьѣ, такъ какъ царевичу Алексѣю было всего семь лѣтъ.

Прошлое Цыклера, его участіе въ кровавые дни 1682 г., его сообщничество съ Милославскими установило между нимъ и Петромъ холодныя отношенія; онъ былъ товарищемъ Шакловитаго, этого довѣреннаго Софьи. Намъ неизвѣстно, принимала ли царевна участіе въ планахъ заговорщиковъ. Извѣстно только, что по этому поводу стража въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, въ которомъ жила царевна, была усилена [12]).

Несогласія между Петромъ и Милославскими сказались очень рѣзко

---

[10]) Нѣм. изд. 241.

[11]) Устряловъ, III, 634 (Wider alle sich hier befindende Teutsche).

[12]) Тамъ же, III. 156.

по случаю казни заговорщиковъ. Старшій въ родѣ, Иванъ Милославскій, умеръ въ 1685 г. Его тѣло было выкопано и находилось во все время процесса.

4 марта всѣ три вышепоименованныхъ заговорщика и еще три стрѣльца были публично казнены въ Преображенскомъ, причемъ предварительно четвертованы; на эту казнь было доставлено и тѣло Ивана Милославскаго на саняхъ, запряженныхъ свиньями; тѣло поставили такъ, что кровь казненныхъ текла на него. Окровавленныя тѣла казненныхъ были затѣмъ выставлены на «Красной площади» передъ Кремлемъ на особомъ помостѣ, а головы воткнуты на колья [13]). Нѣсколько недѣль стояли выставленными эти свидѣтели совершившагося правосудія и личной злобы царя [14]). Родственники казненныхъ были высланы.

Важная перемѣна случилась черезъ два дня послѣ кроваваго событія 4 марта. Вмѣсто стрѣльцовъ, державшихъ караулы у столичныхъ заставъ, появились на стражѣ солдаты семеновскаго и преображенскаго полковъ. Но на этомъ еще не остановились; стрѣльцовъ, по возможности, отсылали изъ столицы на службу въ отдаленныя мѣстности, прежнему войску болѣе не довѣряли. Было также заявлено, что всѣ высшія должности будутъ занимать отнынѣ нѣмецкіе офицеры [15]).

Царь высоко поднялъ знамя западно-европейской культуры; западно-европейскіе офицеры также заботились объ этомъ. Національное войско, представитель стараго времени, было отодвинуто назадъ, распущено и сослано. Противорѣчіе Петра съ народомъ, съ которымъ стрѣльцы были солидарны, обострилось еще болѣе.

Рѣшеніе Петра ѣхать за границу вызвало рѣшительныя порицанія. Но онъ не затруднился этимъ и выѣхалъ черезъ нѣсколько дней послѣ казни.

Этотъ поступокъ можно считать очень смѣлымъ. Въ непосредственной близости къ столицѣ, въ монастырѣ, жила царевна Софья. Этому центральному элементу недовольства соотвѣтствовали разосланные по всѣмъ пунктамъ обширнаго государства мятежные стрѣльцы. Кромѣ того, было броженіе еще среди казаковъ и раскольниковъ. Да и между знатью не было недостатка въ недовольныхъ.

---

[13]) Гордонъ, III, 92 и Желобужскій, 112.—Оба были, повидимому, свидѣтелями казни.

[14]) Послѣ этого останки Милославскаго были зарыты подъ поломъ застѣнка. Туманскій, I, 227.

[15]) Желобужскій, 113.—Устряловъ, III, 637.

Нѣсколько десятилѣтій спустя, когда внукъ царя, императоръ Петръ III, собирался оставить царство, чтобы вести въ Гольштиніи войну противъ Даніи, Фридрихъ Великій указывалъ ему на опасность, которая могла легко возникнуть для него отъ личнаго отсутствія, и давалъ ему совѣтъ по крайней мѣрѣ взять съ собою за границу всѣхъ тѣхъ, которые могли принять участіе въ заговорѣ [16]).

Современники Петра также предваряли о подобной опасности. Авторъ одной, появившейся въ 1698 году, книги замѣчаетъ, что Петръ послалъ за границу столько русской молодежи изъ предосторожности; они должны были служить заложниками вѣрности своихъ родственниковъ на время отсутствія Петра [17]) Другой историкъ также полагаетъ, что сопровождавшіе Петра «волонтеры» должны были служить заложниками вѣрности своихъ родителей [18]).

Года два спустя, Лефортъ также коснулся этого вопроса въ одномъ изъ писемъ къ своимъ роднымъ. Онъ говоритъ, что, по случаю путешествія Петра въ Архангельскъ въ 1694 г., новые полки были пополнены такимъ образомъ, что ничего нельзя было опасаться. Повидимому, Лефортъ говорилъ о возможности стрѣлецкаго бунта [19]).

Во всякомъ случаѣ, опасность угрожала не столько со стороны знатныхъ, сыновья которыхъ были посланы за границу, сколько со стороны нижнихъ классовъ населенія, со стороны стрѣльцовъ и казаковъ, которые близко соприкасались съ крестьянскимъ и городскимъ населеніемъ.

Не разъ сообщали Петру, во время его заграничнаго пребыванія, о возникавшихъ въ его отечествѣ волненіяхъ. Когда царь находился въ Лондонѣ, онъ получилъ отъ тайнаго русскаго агента при вѣнскомъ дворѣ, переводчика Адама Штилле, письмо, въ которомъ тотъ сообщаетъ, что въ Вѣнѣ появился польскій священникъ, который распускаетъ слухъ, что въ Москвѣ возникло большое возмущеніе, что Софья опять вступила на престолъ и призвала Голицына, что весь народъ безпрекословно призналъ ее царицею и присягнулъ на вѣрность; въ подтвержденіе своихъ словъ этотъ священникъ приводилъ нѣкоторыя письма; онъ просилъ у императора аудіенцію, но ему было отказано. Штилле писалъ, что въ Вѣнѣ ни о чемъ другомъ не говорятъ, какъ объ этомъ переворотѣ въ Москвѣ.

Царь, часто получавшій извѣстія изъ своей столицы, не придалъ

---

[16]) „Русск. стар“. 1871. Мартъ. Переписка Фр. В. и Петра III.

[17]) Crull, 206.

[18]) Weber, III, 221.

[19]) Поссельтъ, Лефортъ, II, 296.

этому сообщенію никакой вѣры. Черезъ Лефорта онъ просилъ императорскихъ министровъ посадить въ тюрьму священника, какъ распространителя ложныхъ слуховъ. Впрочемъ, это желаніе не было приведено въ исполненіе, министры отвѣчали, что ихъ власть не распространяется на священниковъ [20]).

Такіе слухи часто не имѣли никакихъ основаній, Петру очень не хотѣлось прерывать своего путешествія. Но извѣстія объ усилившемся въ Россіи недовольствѣ стали повторяться чаще. Въ Вѣнѣ, напр., между прочимъ, разсказывали, что русскіе очень взволнованы предположеннымъ присоединеніемъ Петра къ католичеству [21]). Наконецъ, царь получилъ изъ первоисточника извѣстіе о стрѣлецкомъ бунтѣ. Дальнѣйшее путешествіе было пріостановлено, и рѣшено возвратиться въ Москву. Петръ полагалъ, что требуется его собственное присутствіе, чтобы свести счеты съ бунтовщиками. Но, какъ мы уже сказали, онъ еще въ Польшѣ получилъ сообщеніе, что главная опасность миновала, но насколько серьезно было положеніе, насколько глубоко было сопротивленіе реформаторскимъ намѣреніямъ Петра, онъ долженъ былъ убѣдиться въ слѣдующіе годы.

[20]) Устряловъ, III. 98—99.

[21]) F. Theiner, 374, письмо нунція къ папѣ.

ГЛАВА XIII.

Стрѣлецкій бунтъ 1698 г.

При прежнихъ волненіяхъ стрѣльцы являлись лишь орудіемъ; они содѣйствовали усиленію разбойничьихъ шаекъ, бывшихъ подъ предводительствомъ Стеньки Разина; въ 1682 г. они приняли на себя роль палачей; на нихъ разсчитывалъ въ 1689 г. Шакловитый, когда требовалось спасти пошатнувшееся положеніе Софьи; съ ихъ помощью надѣялись въ 1697 г. Соковнинъ и Цыклеръ устранить Петра.

Но красные дни уже миновали для этихъ русскихъ янычаръ. Военное устройство, которое задумалъ Петръ, неизбѣжно требовало, чтобы стрѣльцы были обращены въ настоящихъ солдатъ и составляли покорное орудіе государственной власти. Ихъ прежнее привилегированное положеніе было рѣшено уничтожить. Еще до ихъ бунта было извѣстно, что они имѣли за собою прошлое, но не имѣютъ будущаго. Соковнинъ, какъ говорилось уже выше, совершенно вѣрно опредѣлилъ положеніе вещей, указывая, что стрѣльцамъ нечего терять и потому тѣмъ легче для нихъ возстать.

На большихъ маневрахъ, которые устроилъ Петръ еще до азовскихъ походовъ, стрѣльцы, по росписанію, были обречены быть побѣжденною стороною. Этимъ какъ бы символически опредѣлялось, что ихъ уничтоженіе уже предрѣшено. Новые полки, сформированные по иностранному образцу и состоявшіе подъ начальствомъ иностранныхъ офицеровъ, были лучше и въ военномъ отношеніи. Въ азовскихъ походахъ стрѣльцы своею неспособностью и неповиновеніемъ часто вызывали царскій гнѣвъ. Многіе стрѣльцы были жестоко наказаны [1]). Кромѣ того, эти полки, во время азовскихъ походовъ, понесли большія потери. Мы знаемъ, что офицеры не щадили жизни своихъ подчиненныхъ. Многіе погибли только вслѣдствіе

[1]) Нѣсколько стрѣльцовъ, бѣжавшихъ отъ штурма, были биты кнутомъ. Гордонъ, II, 598.

недостатковъ военной организаціи. Поэтому стрѣльцы имѣли поводъ къ неудовольствію. Это было извѣстно.

Заслуживаетъ вниманія одно письмо Виніуса къ Петру, вслѣдъ за взятіемъ Азова, въ которомъ говорится, что вѣсть о взятіи Азова радостно привѣтствована даже въ стрѣлецкихъ слободахъ [2]).

Въ прежнее время походы могли быть пріостановлены; все войско рѣшало возвратиться по домамъ. Теперь Петръ велѣлъ, чтобы, послѣ взятія Азова, тамъ остались нѣкоторые полки; другіе вернулись обратно въ Москву. Послѣ казни Цыклера, Соковнина и Пушкина были приложены старанія совершенно удалить стрѣльцовъ изъ Москвы. Нѣкоторые полки были отосланы на югъ, на Донъ, чтобы защищать границу отъ татарскихъ набѣговъ; другіе полки отправлены на польско-литовскую границу. Въ Москвѣ остались только женщины и дѣти стрѣлецкія.

Три года подрядъ продолжалась безсмѣнная служба нѣкоторыхъ стрѣлецкихъ полковъ. Они жаловались на дурное съ ними обращеніе, на трудности службы, на суровость дисциплины. Дѣло должно было дойти до открытаго недовольства.

Въ своихъ жалобахъ, которыя появились лѣтомъ 1698 г., стрѣльцы говорятъ и объ азовскихъ походахъ, обвиняя еретика Лефорта, что онъ посылалъ ихъ на самыя опасныя мѣста, подъ самыя стѣны осажденной крѣпости. Сквозь всю жалобу сквозитъ племенная ненависть. Стрѣльцы ссылаются на свой долгъ постоять за истинную вѣру и возстать противъ иностранцевъ, которые «послѣдуютъ брадобритію и табаку» [3]).

Подобно заговорщикамъ февраля 1697 г., бунтовавшіе стрѣльцы 1698 г. также исходили изъ собственнаго недовольства и потомъ упоминали уже объ общихъ идеяхъ, порицали дѣйствія Петра и высмѣивали иностранцевъ.

Программа ихъ бунта была не положительная, а скорѣе отрицательная. Трудно опредѣлить, чего они хотѣли; было ясно только то, чего они не желали: они возставали противъ иностранщины.

Подобная враждебность долго существовала. Иностранцы могли нерѣдко жаловаться на русскій народъ. Частыя насмѣшки, шутки и оскорбленія, которымъ подвергались иностранцы, заставляли ихъ жаловаться высшему правительству. Уже въ половинѣ XVII вѣка царь издалъ строгій указъ, запрещавшій, подъ страхомъ тѣлеснаго наказанія, всякія оскорбительныя выраженія противъ нѣмцевъ [4]).

---

[2]) Соловьевъ, XIV, 263.

[3]) Устряловъ, IV, 171.

[4]) Олеарій, 319.

Когда въ Москвѣ умеръ датскій принцъ Іоаннъ, женихъ дочери царя Бориса, народъ ликовалъ. Когда, послѣ смерти царя, вся семья Годуновыхъ подверглась народному ожесточенію, негодованіе массы обратилось на иностранныхъ врачей, пользовавшихся благосклонностью царя Бориса. Ихъ ограбили, ихъ винные запасы были распиты толпою. Когда Лже-Дмитрія защищала иностранная стража, то русскіе говорили, что нѣмцы— это вѣрные псы, и что ихъ надо всѣхъ перевести. Въ смутное время было не мало нападеній на жизнь и имущество иностранцевъ, совершенно подобныхъ антиеврейскимъ безпорядкамъ, которые охотнѣе возникаютъ при политическихъ осложненіяхъ, чѣмъ въ мирное время. «Нѣмцы» были въ теченіе XVII вѣка въ частой опасности при каждой народной смутѣ или военномъ бунтѣ. Намъ уже извѣстна грустная судьба врача фонъ-Гаде въ кровавые дни марта 1682 года; врачъ Блументростъ избѣжалъ подобной же участи только вслѣдствіе заступничества и посредничества самой царевны Софьи [5]).

Эпоха Петра не была въ состояніи успокоить ненависть противъ иностранцевъ. Для національной, консервативной народной массы Нѣмецкая слобода была бѣльмомъ въ глазу. Было общее желаніе разъ навсегда покончить съ ненавистными западно-европейцами. Въ запискахъ Корба за 1698 и 1699 года находится много случаевъ, рисующихъ эту глубокую непріязнь. Онъ говоритъ, что, когда нѣмцы однажды принимали участіе въ тушеніи пожара, русскіе обвинили ихъ въ грабежѣ и побросали нѣкоторыхъ иностранцевъ въ огонь. Онъ разсказываетъ еще, что часто между иностранцами и русскими возникали схватки и драки, какъ два нѣмецкихъ офицера, по жалобѣ русскихъ, были жестоко наказаны, хотя стало извѣстно, что жалоба была неосновательная и т. п. Наивнымъ кажется, при такомъ упорномъ народномъ настроеніи, замѣчаніе Корба, что русскіе очень неблагодарны къ иностранцамъ за дѣлаемыя ими благодѣянія.

Намъ извѣстно также, что и въ высшихъ кругахъ русскаго общества жила непріязнь къ иностранцамъ. Если даже такой просвѣщенный дѣятель въ царствованіе Алексѣя Михаиловича, какъ Ордынъ-Нащокинъ, высказывался, что съ иностранцами нельзя имѣть ничего общаго, что русскіе не должны перенимать отъ иностранцевъ ни языка, ни одежды, ни обычаевъ, то не должно быть удивительнымъ, что духовенство пользовалось своимъ вліяніемъ, чтобы разжечь въ народѣ его византійско-татарскія чувства противъ всей иноземщины. Выше уже было сказано про такіе

[5]) Письмо зятя Блументроста къ курфюрсту Іоанну-Георгу, находящееся въ Дрезденскомъ Архивѣ.

взгляды патріарха Іоакима. Но даже просвѣщенный сербъ Крижаничъ, обязанный западу своимъ образованіемъ и призванный играть роль посредника между Европою и Россіею, родственный по духу Петру, его, такъ сказать, непосредственный предтеча,—и тотъ возмущается привилегированнымъ положеніемъ, которое занимали въ Россіи иностранцы, преимущественно протестанты, голландцы и англичане. По его словамъ, русскій народъ страдаетъ иностранцами, какъ піявкою на шеѣ, нѣмцы, евреи, шотландцы, цыгане, армяне, греки высасываютъ его кровь. Съ чувствомъ негодованія говоритъ Крижаничъ объ иностранныхъ купцахъ: они, какъ чума, въ Россіи.—Онъ говоритъ, между прочимъ, что худшимъ свойствомъ народа является исключительное уваженіе всего иностраннаго, онъ считаетъ, что тѣ народы, которые, кромѣ латинскаго и греческаго языковъ, изучаютъ еще другіе новые, обречены на гибель; влеченіе къ иностранцамъ составляетъ болѣзнь; не слѣдуетъ прельщаться ихъ внѣшнею обходительностью, такъ какъ они живутъ потомъ и слезами русскаго народа; у русскихъ меньше чувства самохраненія, чѣмъ у татаръ и турокъ, такъ какъ они поддались обольщенію иностранцевъ. Крижаничъ говоритъ далѣе, что русскіе обречены быть жертвою иностраннаго господства. Иностранцы сѣли русскимъ на шею; они подобны медвѣжатникамъ, которые проткнули русскимъ кольцо на морды и теперь водятъ послушнаго звѣря. Они боги, а русскіе глупцы. Они живутъ у русскихъ господами, русскіе цари ихъ слуги. Крижаничъ совершенно серьезно ставилъ въ примѣръ Китай, который хорошо дѣлаетъ, что совершенно не пускаетъ къ себѣ иностранцевъ [6]).

Даже нѣкоторые современники Петра, ставшіе потомъ его сотрудниками, держались сначала враждебно по отношенію къ «нѣмцамъ». Иванъ Посошковъ, какъ уже было сказано, замѣтилъ, что нѣмцы превосходятъ русскихъ наукою, но русскіе, благодареніе Богу, не уступаютъ имъ въ умѣ, и они безъ всякихъ основаній презираютъ русскихъ и смѣются надъ ними [7]). Онъ предлагаетъ притѣснительныя мѣры противъ иностранныхъ купцовъ; онъ предупреждаетъ, чтобы не довѣряли иноземнымъ войскамъ и оружейникамъ; въ особенности возстаетъ онъ горячо противъ лютеранства. Нѣчто подобное видимъ мы въ писаніяхъ и проповѣдяхъ Стефана Яворскаго, который, по уничтоженіи патріаршества, занималъ высшую духовную должность.

Если такъ разсуждали ученики запада, въ родѣ Крижанича и Явор-

[6]) Крижаничъ, I, 150, 181, 363.

[7]) Посошковъ, I, 272—273

скаго, или приверженцы петровскихъ идей, какъ Посошковъ, то неудивительно, что принадлежавшіе въ общей консервативной народной массѣ стрѣльцы возстали противъ иностранцевъ и противъ правительства, которое предоставляло иностраннымъ еретикамъ власть и почетъ. Лефорта ненавидѣли, какъ зачинщика азовскихъ походовъ, которые такъ злополучно кончились для стрѣльцовъ [8]); Гордонъ возбуждалъ тѣ же чувства. Не напрасно возставали они противъ Нѣмецкой слободы, которая, вслѣдствіе постояннаго въ ней пребыванія Петра, стала столицею государства.

Не легко, по отрывочнымъ свѣдѣніямъ въ запискахъ иностранцевъ и по показаніямъ, сдѣланнымъ обвиненными подъ самыми ужасными пытками, составить себѣ полное представленіе о мотивахъ стрѣлецкаго бунта. Но въ существѣ оба рода источниковъ не противорѣчатъ другъ другу въ этомъ отношеніи.

Когда вспыхнуло возстаніе, въ Москвѣ находилось императорское посольство. Во главѣ его стоялъ Гваріентъ, донесенія котораго императору Леопольду, сохраненныя въ Вѣнскомъ Архивѣ, были изданы Устряловымъ. Въ посольской свитѣ находился авторъ «Diarium itineris in Moscoviam», Корбъ, который въ своемъ сочиненіи стрѣлецкому бунту отводитъ первое мѣсто. Гваріентъ и Корбъ были въ близкихъ отношеніяхъ съ Гордономъ, который принималъ дѣятельное участіе въ подавленіи возстанія. Они оба могли узнать всѣ подробности этого событія изъ вполнѣ достовѣрнаго источника.

Гваріентъ доносилъ императору отъ 17 октября 1698 г., когда розыскъ относительно причинъ бунта былъ уже почти оконченъ, и начались уже казни преступниковъ,—что вліяніе Лефорта и внушенная имъ царю мысль о путешествіи и другія предположенныя затѣи переполнили чашу терпѣнія стрѣльцевъ; находившіеся въ Москвѣ многочисленные нѣмцы были тѣмъ болѣе ненавидимы, чѣмъ больше отличалъ ихъ Петръ и чѣмъ онъ, какъ казалось, презрительнѣе относился къ русскимъ, которые не могли уже разсчитывать ни на какія должности; поэтому стрѣльцы составили планъ сжечь всю Нѣмецкую слободу и уничтожить всѣхъ иностранцевъ. Къ этому Гваріентъ добавляетъ, что правленіе бояръ, во время отсутствія царя, было тягостнымъ и своевластнымъ, такъ что многіе вслѣдствіе «нехристіанскихъ поборовъ» были повергнуты въ полную нищету, и потому было также предположено умертвить большое число бояръ. Кромѣ того, было еще предположено возвести на престолъ Софью и вернуть къ дѣламъ Василія Голицына [9]).

[8]) Бутенантъ фонъ-Розебушъ говоритъ, что Лефорта очень любили въ новыхъ полкахъ за его заботу о нихъ. Поссельтъ, II (Лефортъ), 208.

[9]) Устряловъ, III, 628.

Такимъ образомъ мы видимъ—борьбу сословій, сицилiанскую вечерню и личный вопросъ въ отношеніи престола, а побудительными къ выполненію подобной программы причинами являются—суровое обращеніе со стрѣльцами и слишкомъ большія потребованныя отъ нихъ жертвы.

Но во время слѣдствія, которое вели съ безпримѣрною жестокостью, Петръ не обратилъ никакого вниманія ни на вопросъ о ненависти къ иностранцамъ, ни на замыслы противъ бояръ; розыскъ касался исключительно вопроса, было-ли намѣреніе возвести на престолъ Софью, насколько царевна или ея сестры были причастны къ бунту, или же были даже его подстрекательницами.

Нельзя сказать, чтобы розыскъ далъ несомнѣнныя донесенія. Преданіе въ отношеніи вины Софьи слишкомъ сгущаетъ краски безъ достаточныхъ основаній.

Не подлежитъ сомнѣнію, что и послѣ 1689 года между Петромъ и Софьею сохранилась непріязнь. Потомъ разсказывали, по свидѣтельствамъ современниковъ, что Петръ, предъ заграничнымъ путешествіемъ, посѣтилъ сестру, чтобы проститься съ нею, но она приняла его такъ холодно и съ такою гордостью, что онъ уѣхалъ изъ монастыря въ сильномъ смущеніи [10]). Впрочемъ, эти анекдотическіе разсказы не имѣютъ никакого существеннаго значенія.

Также не заслуживаетъ вниманія разсказъ о томъ, что въ 1697 г. стрѣльцы прорыли подземный ходъ въ монастырь, гдѣ жила царевна, съ цѣлью освободить плѣнницу, и что были при этомъ замѣчены охранявшею монастырь стражею и схвачены [11]). Но и этотъ анекдотъ разсказанъ чрезъ нѣсколько десятилѣтій, между тѣмъ какъ въ современныхъ источникахъ, хотя и заключаются многія подробности о происшествіяхъ,—о немъ ничего не упоминается.

Положеніе единокровныхъ сестеръ Петра было трудное. На время отсутствія царя, онѣ были скудно снабжены деньгами и содержаніемъ, ихъ считали солидарными съ тѣмъ ихъ родственникомъ, Иваномъ Милославскимъ, на трупѣ котораго Петръ излилъ свою месть за униженіе прежнихъ лѣтъ, они чувствовали—въ особенности Софья—что ненавистны царю. Легко могла придти имъ мысль воспользоваться недовольствомъ дру-

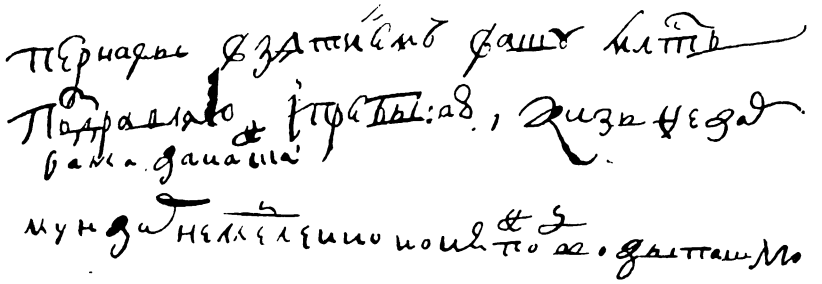
---

[10]) „Русск. Стар.“ (прежняя), II, 585, см. Каробановъ.

[11]) Штелинъ будто бы слышалъ это отъ Трубецкого, начальника охранной стражи въ монастырѣ.—Соловьевъ (XIV, 263) говоритъ, что нѣтъ основаній не вѣрить Трубецкому. Но у Штелина есть другіе разсказы Трубецкаго, которые, хотя бы въ подробностяхъ, не согласуются съ истиной.

гихъ, чтобы вызвать переворотъ. Естественно, что въ кругу царевенъ каждое сообщеніе о господствовавшемъ неудовольствіи принималось съ удовольствіемъ. Служанки царевенъ поддерживали,—и этому имѣется много доказательствъ,—оживленныя сношенія съ женами отосланныхъ къ Азову и на польско-литовскую границу стрѣльцовъ, какъ извѣстно, изнемогавшихъ подъ бременемъ тяжелой повинности. Разсказывалось, что Софья еще въ апрѣлѣ 1697 г., т. е. почти непосредственно за отъѣздомъ царя за границу, бесѣдовала со стражею даже изъ Лефортова полка и говорила, что они получаютъ плохое содержаніе [12]). Кромѣ того, сношенія съ внѣшнимъ міромъ происходили при помощи многочисленныхъ посѣщавшихъ царевну нищихъ [13]).

Въ мартѣ 1698 г. въ Москвѣ появилось 175 стрѣльцовъ, они своевольно покинули свои полки, бывшіе въ походѣ съ Азова на литовскую

Ѳ. Ю. Ромодановскій.

границу, такимъ образомъ это были дезертиры. Правительство должно было энергично противодѣйствовать противъ такого неповиновенія; но оно сочло нужнымъ съ ними вести переговоры. Они были призваны къ главному начальнику столицы, котораго Петръ шутливо называлъ «королемъ», боярину Ромодановскому, и подали челобитную о дурномъ обращеніи и недостаточномъ содержаніи. Выборные были схвачены, но на пути въ острогъ силою освобождены своими товарищами. Гордонъ разсказываетъ въ своемъ дневникѣ, что бояре сильно переполошились и послали за неизбѣжнымъ въ подобныхъ случаяхъ совѣтникомъ—Гордономъ, который, впрочемъ, не придалъ происшествію никакого значенія, хотя и принялъ нѣкоторыя мѣры предосторожности. Мятежники были принуждены вернуться въ свои полки.

Изъ позднѣйшихъ источниковъ потомъ выяснилось, что во время пребыванія въ столицѣ этихъ возмутившихся стрѣльцовъ возникли сношенія между ними и царевною. Двое стрѣльцовъ чрезъ одну нищую подали Софьѣ

[12]) Соловьевъ, XVI.—Но можетъ быть и 1698 г.

[13]) Устряловъ, III, 157.

челобитню. Но этотъ документъ не сохранился или не найденъ, а потому неизвѣстно, заключалъ ли онъ въ себѣ предложеніе, чтобъ Софья вступила на престолъ. Его содержаніе до насъ дошло только по признаніямъ подвергутыхъ пыткѣ стрѣльцовъ. По этимъ показаніямъ Софья будто бы письменно велѣла, чтобы стрѣлецкіе полки шли на Москву, освободили ее изъ монастыря, предоставили ей власть и т. п. Но нѣтъ возможности съ положительностью сказать, дѣйствовала ли Софья въ такомъ направленіи.

Затѣмъ царевнѣ былъ приписанъ слухъ, что о царѣ не приходитъ никакихъ извѣстій, и что сомнительно, вернется ли онъ изъ-за границы [14]).

Дѣйствительно, нѣкоторое время не было про царя никакихъ свѣдѣній,—что очень обезпокоило членовъ московскаго правительства. По этому поводу, а также относительно слабости правительства въ стрѣлецкомъ дѣлѣ, имѣется весьма интересное письмо Петра къ Ромодановскому, помѣченное 9 мая 1698 г. (изъ Амстердама). Царь писалъ: «Въ томъ же письмѣ [15]) объявленъ бунтъ отъ стрѣльцевъ и что вашимъ правительствомъ и службою солдатъ усмиренъ. Зѣло радуемся: только зѣло мнѣ печально и досадно на тебя, для чего ты всего дѣла въ розыскъ не вступилъ, Богъ тебя судитъ! И не такъ было говорено на загородномъ дворѣ въ сѣняхъ».... «А буде думаете, что мы пропали, для того, что почты задержались, и для того боясь, и въ дѣло не вступаешь, воистину скоряе бы почты вѣсть была, только, слава Богу, ни одинъ не умеръ, всѣ живы. Я не знаю, откуда на васъ такой страхъ бабій! Мало ли живетъ, что почты пропадаютъ? А се въ ту пору была и половодь. Неколи ничего ожидать съ такою трусостью! Пожалуй, не осердись: во истину отъ болѣзни сердца писалъ» [16]).

Съ своей стороны, Виніусъ также писалъ Лефорту въ тревогѣ, что не получается такъ долго никакихъ извѣстій. Ему также Петръ выговариваетъ за подобное малодушіе [17]).

Долгое отсутствіе извѣстій о царѣ не могло не способствовать усиленію общаго возбужденія. Но распространились также и другіе слухи. Говорили, что бояре хотѣли извести царевича Алексѣя, причемъ одинъ изъ нихъ, а именно Стрѣшневъ, думалъ завладѣть царствомъ; а царицу Евдокію бояре будто бы били по щекамъ [18]), и т. п.

---

[14]) Тамъ же, III, 159.

[15]) Въ отвѣтъ на донесеніе Ромодановскаго отъ 8 апрѣля. *Прим. Ред.*

[16]) Устряловъ, III, 439. Повидимому, между Петромъ и Ромодановскимъ до отъѣзда царя обсуждалась возможность стрѣлецкаго бунта.

[17]) Тамъ же, III, 440.

[18]) Тамъ же, III, 160. Эти слова приписаны на розыскѣ царевнѣ Маріѣ Алексѣевнѣ.

Прошло нѣсколько недѣль. Тогда вспыхнулъ настоящій бунтъ. Ромодановскій, отпустившій бѣглыхъ стрѣльцовъ, настойчиво потребовалъ ихъ, когда они уже прибыли въ свои полки, которые тогда стояли близъ Торопца; вмѣстѣ съ тѣмъ, стало извѣстнымъ распоряженіе, что стрѣлецкіе полки останутся въ пограничныхъ городахъ. Нѣсколько десятковъ стрѣльцовъ, не желавшихъ сопротивляться, были схвачены, но освобождены своими товарищами. Выдача бѣглыхъ была рѣшительно отклонена. Ромодановскій сынъ, явившійся съ ополченіемъ, не добился послушанія и повиновенія. Онъ распорядился выплатить стрѣльцамъ недополученное ими жалованіе, но это не помогло. Недовольство росло. Бѣгуны уже ради собственнаго самохраненія старались, чтобы другіе послѣдовали за ними; тогда было прочитано упомянутое выше, истинное или подложное, посланіе царевны Софьи. Тогда бунтовщики рѣшили идти въ столицу, сжечь Нѣмецкую слободу, всѣхъ иностранцевъ умертвить, «такъ какъ они угрожаютъ православной вѣрѣ», низложить бояръ, поднять другіе полки и донскихъ казаковъ и возвести царевну на престолъ. Если же она откажется, то предполагали предложить вѣнецъ живущему на отдаленномъ сѣверѣ въ ссылкѣ князю Василію Голицыну, потому что онъ постоянно благосклонно относился къ стрѣльцамъ; но стрѣльцы рѣшали также, что покуда царь здравствуетъ, имъ Москвы не видать, поэтому не слѣдуетъ впускать его обратно въ Россію, и даже убить, потому что онъ «началъ вѣровать въ нѣмцевъ, сложился съ нѣмцами» [19]).

Возмутившіеся стрѣльцы стали постепенно приближаться къ столицѣ. Была минута величайшей опасности. Было общее смятеніе. Зажиточные жители Москвы бѣжали съ своимъ имуществомъ. Но бояре были въ «оцѣпѣненіи», какъ говоритъ Гордонъ, и опять послали за этимъ опытнымъ военнымъ, который тотчасъ же выступилъ въ походъ, подъ фиктивнымъ начальствомъ боярина Шеина, чтобы сразиться съ стрѣльцами.

По пути Гордонъ узналъ, что бунтовщики желаютъ занять Воскресенскій монастырь, въ окрестностяхъ Москвы. Ему удалось предупредить стрѣльцовъ и преградить имъ доступъ въ монастырь, который легко было обратить въ грозную крѣпость, и тѣмъ уничтожилъ ихъ намѣреніе. Въ своихъ запискахъ Гордонъ довольно подробно останавливается на этомъ дѣлѣ. Его устныя бесѣды съ Корбомъ, помѣстившимъ ихъ въ свой «Diarium», дополняютъ записки Гордона. Такимъ образомъ мы имѣемъ полную картину этого короткаго по времени похода, который, конечно, подтвердилъ, что стрѣльцы совершенно утратили военную доблесть и что они были не-

[19]) Соловьевъ. XIV, 271.—Устряловъ.

способны сопротивляться новымъ войскамъ подъ предводительствомъ иностранныхъ офицеровъ.

Заслуживаетъ вниманія, что еще до рѣшительнаго столкновенія съ возмутившимися стрѣльцами были начаты переговоры. Гордонъ самъ неоднократно являлся въ ихъ лагерь, стараясь убѣдить ихъ въ безуміи ихъ стремленій и привести къ повиновенію. Онъ приписываетъ необразованности и неразвитости этого воинства, что стрѣльцы не отдавали себѣ отчета въ опасности, которой подвергались, не понимали, какъ всякое выигранное переговорами время только усиливало ихъ противниковъ прибытіемъ новыхъ отрядовъ, что въ это время самъ ихъ начальникъ Гордонъ и австрійскій артиллеристъ Кроге воспользовались всѣми выгодами мѣстности, чтобъ обезпечить себѣ побѣду.

Утромъ 18 іюня дѣло дошло до развязки. Въ послѣдній разъ отправился Гордонъ въ стрѣлецкій лагерь и употребилъ все свое краснорѣчіе, чтобы отговорить ихъ отъ посягательствъ на столицу. Но все было тщетно. Онъ далъ имъ четверть часа на размышленіе и потомъ возвратился къ своимъ войскамъ. Еще разъ отправился одинъ посредникъ, кн. Кольцовъ-Масальскій; но и тотъ ничего не добился. Тогда Гордонъ велѣлъ дать залпъ изъ 25 орудій надъ головами мятежниковъ, а послѣ этого начался правильный огонь. Менѣе часа продолжалась стычка; сравнительно незначительная часть стрѣльцовъ пала; прочіе почти всѣ были захвачены во время бѣгства. Нѣкоторые были тотчасъ подвергнуты пыткѣ и казнены. Другихъ ожидалъ болѣе строгій судъ самого царя [20]).

Покореніе стрѣльцовъ не компрометировало царевну Софью. За то очень точно узнали о причинахъ недовольства стрѣльцовъ: они жаловались на Лефорта, на тяжелую службу, на то, что истинной вѣрѣ угрожаетъ опасность отъ предстоящаго брадобритія и куренія табака; они сознались также, что хотѣли умертвить бояръ, изъ которыхъ состояло управленіе (т. е. Стрѣшнева, Ромодановскаго и Троекурова); нѣкоторые сознались еще, что мятежники хотѣли обойти Москву и засѣсть въ болѣе южныхъ городахъ: Тулѣ и Серпуховѣ, чтобъ оттуда снестись съ находившимися подъ Азовомъ полками. Но всѣ отрицали, что было посланіе отъ царевны Софьи [21]).

Петръ получилъ объ этомъ извѣстіе въ Вѣнѣ. Это было сухое со-

---

[20]) Гордонъ, III, 192.—Корбъ является главнымъ источникомъ.—Устряловъ, III, 589.—Къ сожалѣнію, письмо Гордона къ Петру, о которомъ упоминается въ его запискахъ, до насъ не дошло.

[21]) Устряловъ. III, 174.

общеніе, безъ указанія на причины возмущенія и на значеніе происшествія. Петръ тотчасъ понялъ все значеніе этихъ словъ. Нѣсколькими строками отвѣтилъ онъ Ромодановскому: «пишетъ ваша милость, что сѣмя Ивана Михайловича растетъ, въ чемъ прошу васъ быть крѣпкимъ; а кромѣ сего, ничѣмъ сей огонь угасить не можно. Хотя зѣло намъ жаль нынѣшняго памятнаго дѣла (поѣздки въ Венецію), однако, сей ради причины, будемъ къ вамъ такъ, какъ вы не чаете» [22]).

Царь былъ страшно возбужденъ,—онъ призналъ все значеніе борьбы и не даромъ соединилъ съ именемъ Милославскаго противодѣйствіе своимъ планамъ. Требовалось принятіе самыхъ энергичныхъ мѣръ, онъ не напрасно отказался отъ поѣздки въ Италію, онъ самъ хотѣлъ руководить слѣдственнымъ дѣломъ въ Москвѣ, у него былъ личный интересъ, чтобы выступить самому, чтобы съ корнемъ вырвать опасность, которая угрожала государству. Онъ считалъ, что стрѣльцы только орудіе въ рукахъ партіи, съ которой онъ стремился разъ на всегда свести счеты. Но отъ него нельзя было ждать никакого безпристрастнаго суда,—онъ самъ былъ стороною. Онъ ненавидѣлъ стрѣльцовъ, какъ представителей реакціи, его единомышленники относились къ нимъ также. На обратномъ пути Петръ получилъ письмо Виніуса, въ которомъ, не безъ чувства удовлетворенія, говорится, что ни одинъ мятежникъ не скрылся. «Мню,—писалъ Виніусъ,—что и въ адъ посажены въ особыхъ мѣстахъ для того, что, чаю, и сатана боится, чтобъ въ адѣ не учинили бунту и его самого не выгнали изъ его державы» [23]).

Въ концѣ августа Петръ вступилъ въ столицу, а въ половинѣ сентября началось самимъ царемъ руководимое слѣдственное дѣло. Оно велось строже, чѣмъ всѣ прежніе подобные розыски [24]).

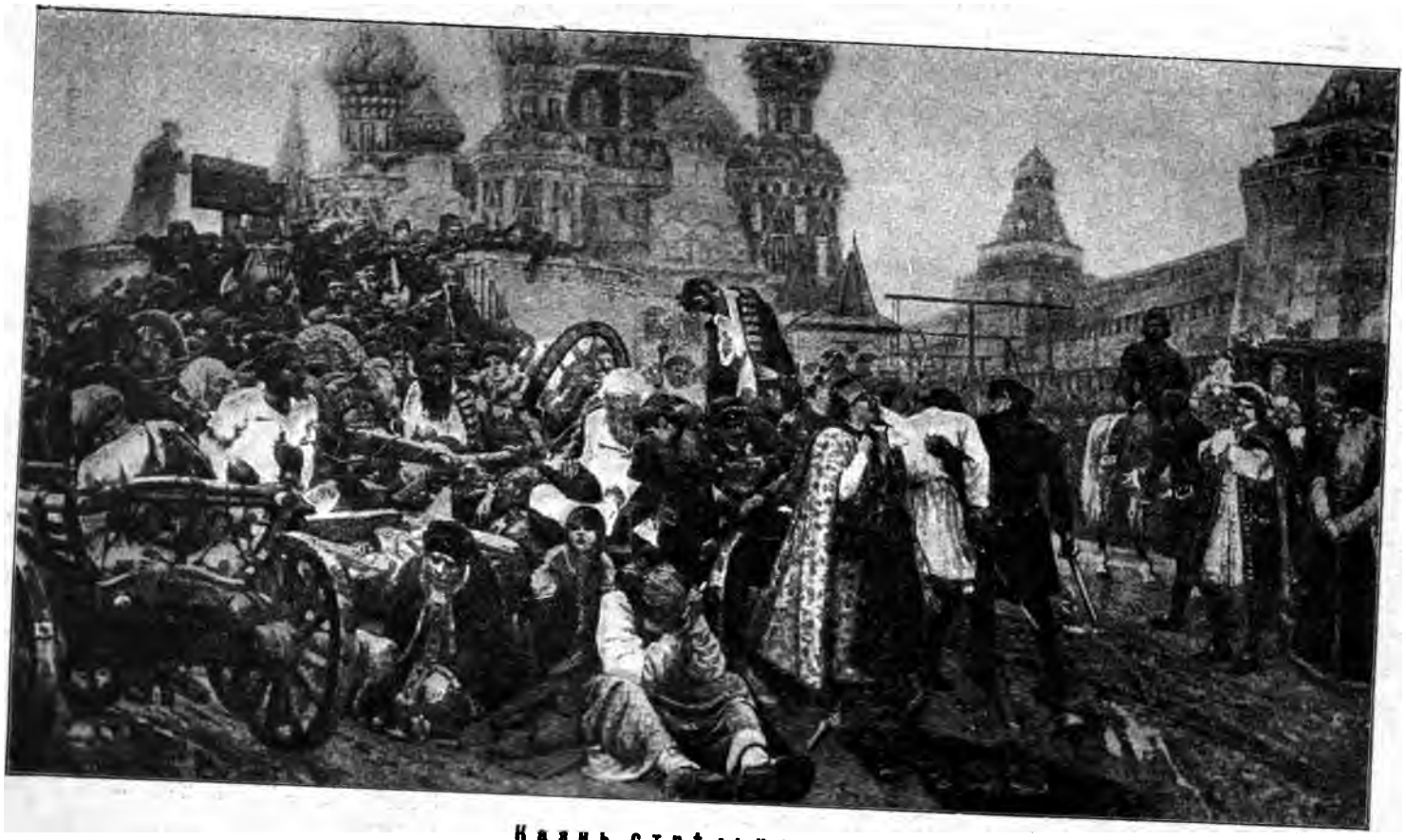
Пріемы уголовнаго судопроизводства были установлены съ давнихъ временъ. Петръ ничего не прибавилъ новаго къ тѣмъ пыткамъ, которыя, по обычаю, были примѣнены къ стрѣльцамъ; только изъ того, что число жертвъ было значительнѣе, а примѣненіе пытокъ продолжительнѣе, при чемъ пытки примѣнялись также къ женщинамъ, что, впрочемъ, случалось и раньше, и позднѣе и, наконецъ изъ личнаго присутствія царя при этихъ жестокостяхъ, можно было заключить, что въ этомъ дѣлѣ розыскъ дошелъ въ Россіи до крайняго предѣла. Но сами по себѣ эти явленія не

---

[22]) Соловьевъ, XIV, 275.
[23]) Тамъ же.
[24]) Гордонъ, III, 216.

были новостью. Въ царствованіе Алексѣя Михаиловича, участники бунтовъ тысячами были биты кнутомъ, пытаемы огнемъ и среди пытокъ находили свою смерть. Но въ то время не было никого, кто бы могъ описать подробности этихъ происшествій или изобразить ихъ на рисункахъ, какъ это сдѣлалъ Корбъ въ своихъ запискахъ, 1698 и 1699 г. Его сочиненіе навсегда останется однимъ изъ самыхъ сильныхъ по производимому на первы впечатлѣнію. Но Петръ только слѣдовалъ установленному тогда обычаю. Онъ нисколько не болѣе жестокъ, чѣмъ весь народъ, представители котораго теперь испытывали всѣ степени мучительной смертной казни; народъ, когда бралъ на себя обязанности палача, какъ, напримѣръ, въ кровавую майскую расправу 1662 г., поступилъ еще болѣе жестоко, чѣмъ правительственные палачи.

Личное участіе Петра при пыткахъ и при казняхъ, личное указаніе имъ способа пытокъ, опросы имъ самимъ обвиняемыхъ вполнѣ отвѣчаютъ всему характеру его царствованія, которое было личнымъ по преимуществу. Царь, собственноручно работавшій при постройкѣ корабля, участвовавшій въ битвѣ, какъ обыкновенный пушкарь, въ вопросахъ законодательства и правленія самъ разбиралъ всѣ мелочи, который вездѣ бралъ на себя иниціативу, не могъ не принять на себя обязанности слѣдственнаго судьи; въ такомъ чудовищномъ дѣлѣ, угрожавшемъ осуществленію его преобразовательныхъ плановъ, ему было легко перейти и на роль палача. Въ новѣйшее время мы привыкли, что хотя все исполняется именемъ государя, но его личность, его воля и участіе, особенно при такихъ мрачныхъ дѣлахъ, какими является стрѣлецкое слѣдственное дѣло, находятся въ сторонѣ, вдали. Тѣмъ непріятнѣе намъ кажется видѣть царя, съ большимъ вниманіемъ осматривающаго застѣнки и приготовленія на лобномъ мѣстѣ и даже лично ими руководившаго. Но обстоятельства времени и личныя свойства Петра привели къ тому, что и здѣсь онъ принималъ участіе въ техникѣ дѣла, подобно тому, какъ на морѣ во время бури онъ увѣреннѣе и безстрашнѣе другихъ правилъ рулемъ, или при разсмотрѣніи рукописи о шведской войнѣ, въ корректурѣ, сдѣлалъ столько поправокъ, что все сочиненіе можетъ быть полностью приписано Петру, хотя первопачально оно было написано его секретаремъ. Онъ единолично на себя бралъ отвѣтственность за то направленіе, по которому онъ насильственно велъ государство и свой народъ; его творческая сила, его способности не имѣли себѣ ничего равнаго среди тѣхъ, которые принимали участіе въ законодательствѣ, управленіи и судахъ. При настоящемъ же случаѣ его довѣренные, представители правительства проявили нѣкоторую слабость и нерѣшительность. По мнѣнію

Казнь стрѣльцовъ.
Съ современной гравюры, приложенной къ „Дневнику Корба".

царя, стрѣлецкому бунту не было придано достаточное значеніе, и къ нему относились не съ достаточною энергіею. Теперь онъ взялся самъ показать, какъ надо обращаться съ подобными оппозиціонными элементами, какъ надо допрашивать, пытать и казнить. Яснѣе всѣхъ онъ понималъ, какая идетъ огромная ставка о всей будущности Россіи. Со всѣмъ свойственнымъ ему пыломъ, сильный неограниченною властью своего положенія, бросился онъ въ борьбу съ темными силами, которыя онъ назвалъ «сѣменемъ Милославскихъ». Могло легко быть, что жестокія наказанія были лишь проявленіемъ личной мести, что царь, пренебрегая своимъ достоинствомъ, обагрилъ свои руки въ крови своихъ жертвъ.

Когда натура, подобная Петру, гигантская въ величіи и геніи, въ шутовствѣ и въ ненависти, проявляетъ при подобныхъ обстоятельствахъ переизбытокъ дѣятельности, невѣроятную строгость и неумолимую жестокость, и такъ много дѣлала при наказаніяхъ, намъ тѣмъ яснѣе становится, съ какою страшною обстановкою пытокъ было соединено судопроизводство въ Россіи. За нѣсколько десятковъ лѣтъ до стрѣлецкаго бунта, большой знатокъ этого дѣла Котошихинъ, подробно описывая порядокъ уголовныхъ дѣлъ, сообщаетъ, что въ Москвѣ имѣется пятьдесятъ палачей, часто очень занятыхъ при розыскахъ, пыткахъ и казняхъ. При этомъ сопоставленіи кажется уже менѣе ужасающимъ, что въ огромномъ стрѣлецкомъ дѣлѣ 1698 г. были заняты въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль четырнадцать застѣнковъ, по нѣскольку часовъ въ день [25]). Тѣмъ не менѣе, было много жестокости. Единогласныя сообщенія Корба, Гваріента, Гордона и Желябужскаго и изданные Устряловымъ документы слѣдственнаго дѣла представляютъ тяжелую картину, которую можно встрѣтить развѣ только въ Китаѣ, Японіи и другихъ восточныхъ государствахъ. Но и по сравненію съ тогдашнимъ русскимъ масштабомъ, пытки могутъ показаться чрезмѣрными, какъ это видно изъ сообщаемаго только однимъ Корбомъ случая. Патріархъ, узнавъ о страшныхъ пыткахъ въ Преображенскомъ, явился, будто-бы, къ царю, съ иконою въ рукахъ, приглашая его къ мягкосердечію. Но Петръ, убѣжденный въ необходимости невѣроятной строгости, такъ отвѣтилъ на слова патріарха: «Къ чему эта икона? Развѣ соотвѣтствуетъ твоему сану приходить сюда? Убирайся и возьми съ собой икону туда, гдѣ ей прилично быть. Знай, что я почитаю Господа Бога и Пречистую Матерь не меньше тебя! Но мое высокое званіе и мое благо-

---

[25]) Желябужскій говоритъ—20 палачей.—Корбъ упоминаетъ о 30 кострахъ для пытаемыхъ.—Korb, Guarient и Устряловъ, III, 627.

честіе повелѣваютъ мнѣ оберечь народъ и казнить злодѣевъ, противъ него злоумышляющихъ [26]).

Государственная необходимость, чувство долга и отвѣтственности, сознаніе опасности для общественнаго строя, которому угрожали бунтовщики, были, слѣдовательно, истинными причинами необыкновенной жестокости. Требовалось, какъ бы это дорого ни стоило, пресѣчь тайныя пружины возстанія, открыть его истинныхъ подстрекателей.

Нельзя сказать, чтобы результаты получились опредѣленные. Было дознано только объ общемъ неудовольствіи, вслѣдствіе тяжелой военной службы, ненависти къ иностранцамъ вообще и въ особенности къ Лефорту, а также о намѣреніяхъ стрѣльцовъ перебить нѣмцевъ и бояръ и возвести на престолъ Софью или царевича Алексѣя. Но личное участіе Софьи ничѣмъ не подтвердилось, хотя Петръ именно съ этою цѣлью ставилъ цѣлый рядъ вопросовъ и въ этомъ направленіи велъ весь розыскъ. Если же тотъ или другой несчастный, подъ вліяніемъ усиленныхъ пытокъ, давалъ показаніе о существованіи письма Софьи къ стрѣльцамъ, то, очевидно, этимъ показаніямъ, вызваннымъ страшными мученіями, нельзя было придавать большаго значенія. Не подлежитъ сомнѣнію, что между Софьей и стрѣльцами существовали извѣстныя сношенія; но недостаточность матеріаловъ не даетъ возможности судить о степени вины въ этомъ царевны Софьи. Сама она упорно отрицала подобное посланіе къ стрѣльцамъ [27]).

Въ основѣ стрѣлецкаго бунта не было никакой политической партіи, ни одной выдающейся личности, которая была бы вождемъ возставшихъ. Но одно имя Софьи заключало въ себѣ большую опасность; еще большую опасность представляла собою нелюбовь народа къ царю, который затѣивалъ большія предпріятія и высоко ставилъ иностранцевъ, и къ боярамъ, которые содѣйствуютъ царю и стремятся привести народъ къ покорности.

Получается довольно странное противорѣчіе: Петръ полагалъ,—если принять сообщеніе Корба,—что дѣйствуетъ въ интересахъ народа, казня тѣхъ, которые были, въ сущности, выразителями господствовавшихъ въ народѣ взглядовъ.

Разсказы иностранцевъ, что пыткамъ и смертной казни подверглись также нѣкоторые знатные люди [28]), не подтверждается слѣдственными данными.

---

[26]) Korb. 6—7 окт. 1698 г.

[27]) Устряловъ, III, гл. 8.—Устряловъ и Соловьевъ не сомнѣваются въ существованіи такого письма.—Въ защиту Софьи выступаетъ Аристовъ, 155.

[28]) Плейеръ и Перри.

Число казненныхъ за одинъ только сентябрь и октябрь превосходитъ тысячу; это были исключительно стрѣльцы [29]) или другія лица простого званія, а также нѣсколько духовныхъ, участіе которыхъ въ бунтѣ, собственно, состояло въ томъ, что они передъ самой битвой отслужили въ Воскресенскомъ молебенъ о дарованіи побѣды стрѣльцамъ. Къ нимъ отнеслись особенно сурово [30]). Нѣсколько сотъ были казнены въ февралѣ.

Нельзя признать достовѣрно доказаннымъ, что Петръ принималъ личное участіе въ казняхъ. Гваріентъ [31]) и Корбъ [32]) не говорятъ объ этомъ какъ очевидцы, но только съ чужихъ словъ. Съ другой стороны, въ сообщеніяхъ другихъ лицъ, не менѣе хорошо освѣдомленныхъ, какъ, напримѣръ, Желябужскій, или близко стоявшій къ Петру Гордонъ, не говорится ни о чемъ подобномъ. Поэтому мы не можемъ съ рѣшительностью обвинить Петра, что онъ исполнялъ обязанности палача, какъ это дѣлаютъ Устряловъ, Поссельтъ и Задлеръ [33]).

Во всякомъ случаѣ, не должно показаться удивительнымъ, что такія массовыя казни вызвали въ западной Европѣ чувство сильнаго смущенія. Выше было уже сказано, какъ сильно отразилось на сужденіи епископа Бернета о царѣ извѣстіе о событіяхъ этого времени; даже Лейбницъ и тотъ не скрывалъ своего неудовольствія. Онъ читалъ копію съ донесенія Гваріента объ этихъ событіяхъ и писалъ бургомистру Витсену: «Царь Петръ, безъ сомнѣнія, великій государь, и составляетъ большую печаль, что внутреннія безпорядки принуждаютъ его къ столькимъ казнямъ. Пишутъ, что самые знатные люди, какъ духовные, такъ и свѣтскіе, должны были приложить руки къ этимъ казнямъ. Это—обычай, напоминающій скиѳовъ, и я удивляюсь, что духовенство этой страны еще не одичало. Но такъ продолжаться не можетъ, я опасаюсь, что столь многочисленныя казни, вмѣсто того, чтобы сокрушать сопротивленіе, только будутъ подготовлять новое проявленіе мятежнаго духа. Дѣти, родственники и друзья казненныхъ задѣты, и правило: «oderint dum metuant» очень опасно. Я очень желаю, чтобъ Богъ хранилъ этого государя, и чтобы его преемникъ завершилъ начатое имъ дѣло цивилизаціи народа». Витсенъ постарался успокоить

---

[29]) Статистическія данныя у Устрялова III, 405.

[30]) Bernhardt безъ всякаго основанія приписываетъ бунтъ инціативѣ духовенства.

[31]) Устряловъ, III, 630.

[32]) Korb—10 и 17 октября и 17 февраля 1699.

[33]) Устряловъ, III, 407.—Поссельтъ, I, 570.—Задлеръ. П. В., какъ человѣкъ и правитель, 245.—Также у Кельха.

Лейбница насчетъ суровости Петра. Въ отношеніи казней,—писалъ онъ,—нечего опасаться, такъ какъ тамъ существуетъ обычай женъ, дѣтей и всѣхъ родственниковъ казненныхъ ссылать въ Сибирь или въ другія отдаленныя губерніи [34]).

Спрашивается, не могли-ли вызвать столь тяжкія взысканія съ родственниковъ обвиненныхъ еще большія волненія? На это даетъ отвѣтъ короткая до сухости замѣтка въ дневникѣ Гордона, отъ 11-го ноября 1698 года: «былъ отданъ приказъ не принимать ни женъ, ни дѣтей казненныхъ стрѣльцовъ» [35]). Послѣ того, какъ отъ тысячи до двухъ тысячъ людей нашли себѣ позорную смерть, тысячи близкихъ имъ лицъ были обречены на крайнюю нищету. Такимъ образомъ увеличивалось число прикосновенныхъ къ мятежу.

Для многихъ лицъ слѣдственное дѣло продолжалось еще нѣсколько лѣтъ. Еще въ 1707 году одинъ изъ наиболѣе замѣшанныхъ былъ подвергнутъ смертной казни [36]).

Въ другихъ мѣстностяхъ было также броженіе между стрѣльцами. Въ Азовѣ стояло шесть полковъ, въ которыхъ вызывали большое возбужденіе пораженіе ихъ товарищей подъ Воскресенскимъ монастыремъ и послѣдовавшія за нимъ казни. Азовскіе стрѣльцы высказывали надежду, что Петръ больше не вернется, и что снова наступятъ времена Стеньки Разина; они собирались поднять всѣхъ казаковъ на юго-востокѣ государства, идти на Москву и предать смерти офицеровъ, служилыхъ людей, бояръ и иностранцевъ. Еще были живы нѣкоторые люди, которые воевали подъ знаменемъ Стеньки Разина; съ восторгомъ вспоминались достигнутые тогда успѣхи, захваченная добыча, украшенная народною фантазіею доблесть

---

[34]) Guerrier, 29—30.

[35]) III, 22.

[36]) Стрѣлецъ Масловъ. Его дѣло можетъ служить примѣромъ, что пользованіе протоколами, составленными при запросахъ, какъ историческимъ матеріаломъ, требуетъ крайней осторожности. Въ сентябрѣ 1698 г. Масловъ на пыткѣ показалъ, что имѣлъ въ рукахъ письмо царевны и уничтожилъ его; 30-го января 1700 года онъ показалъ, что отдалъ письмо своему родственнику Жукову. Послѣдній запирался въ полученіи письма, но на третьей пыткѣ показалъ, что дѣйствительно имѣлъ въ рукахъ это письмо и бросилъ его въ Двину; при слѣдующихъ пыткахъ онъ опять отрицалъ полученіе письма. Маслову было 6 застѣнковъ, 2 подъема, 97 ударовъ; Жукову 7 застѣнковъ, 4 подъема, 99 ударовъ; онъ былъ жженъ головнею. Устряловъ III, 240—242.—Жуковъ былъ сосланъ съ семьею въ Сибирь.—На основаніи подобныхъ матеріаловъ старались установить истину. То время было особенно обильно ложными доносами.

атамана, который былъ казненъ въ 1671 г. Съ горечью жаловались на бояръ, которые задерживали содержаніе войскъ, дозволяли дурно обращаться съ солдатами, обременять ихъ работою; они считали себя въ совершенно исключительномъ положеніи и выражались слѣдующимъ образомъ: «На Москвѣ бояре, въ Азовѣ нѣмцы, въ землѣ черви, въ водѣ черти». Въ особенности сильно было озлобленіе противъ Шеина за то, что онъ предводительствовалъ направленными противъ стрѣльцовъ войсками, а также противъ другихъ бояръ за то, что они участвовали въ притѣсненіяхъ стрѣльцовъ. Въ средѣ мятежниковъ продолжали ходить слухи, что Петръ умеръ заграницею, что бояре порѣшили извести царевича Алексѣя. Здѣсь также были многочисленные случаи арестовъ, пытокъ и казней [37]).

Извѣстіе о крайнихъ мѣрахъ Петра заставило бунтъ замолкнуть. Стрѣльцы были во многихъ городахъ государства. Они упорно твердили, что подобное обращеніе съ ними не пройдетъ даромъ царю. Одинъ изъ стоявшихъ въ Бѣлгородѣ стрѣльцовъ говорилъ: «Нынѣ нашу братью, стрѣльцовъ, прирубили, а остальныхъ посылаютъ въ Сибирь; только нашей братіи во всѣхъ сторонахъ и въ Сибири осталось много. И въ Москвѣ у насъ зубы есть, будетъ въ нашихъ рукахъ и тотъ, кто насъ пластать и вѣшалъ. Самому ему торчать на колѣ!» [38]).

Надо было разъ навсегда покончить съ русскими янычарами. Удаленіе ихъ въ 1697 году изъ Москвы съ возложеніемъ на нихъ тяжелой службы, съ точки зрѣнія общественнаго порядка, только увеличило опасность. Теперь пошли дальше. Іюньскій указъ 1699 года распускалъ остальные 16 стрѣлецкихъ полковъ; въ Москвѣ ни одинъ стрѣлецъ и ни одинъ родственникъ ихъ не смѣлъ больше жить; стрѣльцамъ было запрещено носить какое бы то ни было оружіе; они никогда не смѣли больше вступить на военную службу, такъ какъ опасались заразительности ихъ мятежнаго духа; всякая попытка, даже подъ ложнымъ именемъ, наказывалась каторгою [39]).

Оставалось еще свести счеты съ царевною Софьею. Современники разсказываютъ, что гнѣвъ Петра на сестру не имѣлъ предѣловъ. Гваріентъ

---

[37]) Устряловъ, III, 232 и Соловьевъ, XIV, 281.

[38]) Устряловъ, III, 243.

[39]) П. С. З. № 1667, 1820, 1859, 1979.—Во время сѣверной войны было все-таки сформировано два полка изъ бывшихъ стрѣльцовъ, но по новому образцу. Они были посланы въ Польшу. Устряловъ, III, 243.

Царевна Софья подъ арестомъ въ монастырѣ.

пишетъ, что царь настолько озлобленъ, что собирается собственноручно открыто убить свою сестру, на особомъ спеціально для этой цѣли устроенномъ помостѣ [40]). Это сообщеніе, съ нѣкоторыми измѣненіями, было потомъ не разъ повторяемо. Потомъ сообщалось, что Лефорту удалось убѣдить Петра отказаться отъ мысли убить самому Софью, или велѣть ее казнить; затѣмъ былъ пущенъ слухъ о фантастическомъ спасеніи Софьи двѣнадцатилѣтнею дѣвочкой и т. п. [41]).

Корбъ, 11-го сентября 1698 года, отмѣчаетъ, что у царя было намѣреніе созвать изъ всѣхъ чиновъ людей собраніе для суда надъ царевною и для опредѣленія степени ея вины [42]). Впрочемъ, объ этомъ собраніи ничего неизвѣстно [43]).

Софьѣ пришлось постричься. Изъ точныхъ данныхъ на ея могильномъ памятникѣ видно, что постриженіе было 21-го октября 1698 года. Она осталась подъ именемъ Сусанны въ томъ же монастырѣ, гдѣ попрежнему стоялъ караулъ изъ 100 солдатъ. Сохранилась небольшая записка царя къ князю Ромадоновскому, которая касается распоряженій по поводу посѣщенія сестры Петромъ. Софья скончалась 3-го іюля 1704 г. и была погребена въ монастырѣ, который пятнадцать почти лѣтъ служилъ ей темницею [44]).

Другая сестра Петра, Марфа, которая также поддерживала сношеніе съ стрѣльцами, была заточена въ монастырь; въ постриженіи она приняла имя Маргариты. Она жила въ Успенскомъ монастырѣ въ г. Александровѣ (Владимірской губ.) и умерла тамъ въ январѣ 1707 года.

Съ стрѣлецкимъ бунтомъ и постриженіемъ Софьи, борьба изъ-за престола была окончена. Петръ утвердилъ за собою тронъ. Со стороны Софьи и ея приверженцевъ, русскихъ янычаръ, больше не было никакой опасности. Но все же приходилось входить въ тяжелыя столкновенія съ противодѣйствующими элементами. Если еще до ужасовъ съ сентября 1698 по февраль 1699 года царь не былъ популяренъ среди народа, то теперь неудовольствіе на него должно было еще болѣе возрасти. Мѣсяцами висѣли тѣла повѣшанныхъ, молчаливые теперь свидѣтели, чего слѣ-

---

[40]) Тамъ же, III, 630.
[41]) Штелинъ, IV, № 3.
[42]) Корбъ ихъ подробно перечисляетъ
[43]) Соловьевъ, XIV, 288.
[44]) Устряловъ, IV, 2, 313 и III, 407.

дуетъ ожидать отъ царя всѣмъ супротивникамъ его воли, всѣмъ противодѣйствующимъ его преобразованіямъ [45]).

Если въ самой столицѣ дѣло не доходило до сильныхъ вспышекъ, то въ отдѣльныхъ частяхъ государства было достаточно горючаго матеріала; недовольные были разсѣяны по всей странѣ и среди всѣхъ сословій; они или составляли тайные заговоры, или поносили царя и этимъ способомъ изливали свою злобу, или, переходя отъ словъ къ дѣлу, рѣшались на открытыя возмущенія. Работа въ застѣнкахъ и на висѣлицахъ еще долго не кончалась. Не могло подлежать сомнѣнію, на чьей сторонѣ, при жизни Петра, должна быть побѣда, но она была куплена дорогою цѣною, потоками крови, ненавистью народа.

[45]) Тамъ же, III, 237 и 408.

Общій ропотъ.

Немногія дошедшія до насъ отрывочныя свѣдѣнія о впечатлѣніи, произведенномъ стрѣлецкимъ бунтомъ на народъ, свидѣтельствуютъ, что его симпатіи были на сторонѣ осужденныхъ и казненныхъ. Иностранцы, какъ Лейбницъ и Корбъ, осуждали народное проявленіе недовольства, они, до извѣстной степени, высказывались за царя. Русскіе, напротивъ, были возмущены его жестокостью, и въ народномъ сознаніи сложилось глубокое чувство враждебности. Открытаго проявленія сопротивленія или ярости не было, потому что дѣйствительная сила власти находилась въ распоряженіи Петра, повелѣвавшаго хорошо дисциплинированной, командуемой иностранными офицерами, арміи; въ его распоряженіи были пытки, застѣнки и висѣлицы. Но въ тайномъ ропотѣ, втихомолку произносимыхъ угрозахъ, пожеланіяхъ всякихъ бѣдъ—не было недостатка. Обстоятельство, что въ народѣ продолжали существовать доносчики, нерѣдко приводившіе родныхъ и друзей въ застѣнокъ, даетъ намъ возможность глубже заглянуть въ бездну ненависти и ропота, которые кипѣли на царя. Обрисовывать жажду крови деспота, его сатанинскую любовь къ мучительнымъ пыткамъ не могло не составлять любимой темы бесѣдъ въ народѣ.

Теперь въ особенности заговорили о стрѣлецкихъ казняхъ. Такъ какъ стрѣльцы для допроса обыкновенно толпами направлялись въ столицу, то въ народѣ зашла рѣчь, что въ толпу осужденныхъ будутъ стрѣлять изъ пушекъ. Царю ставилось въ большую вину, что онъ «не любитъ» стрѣльцовъ, что онъ хочетъ ихъ извести. Одинъ простолюдинъ говорилъ: «чего хотѣть отъ басурмана, онъ обасурманился; въ среду и въ пятницу мясо ѣстъ.... Уже ожидовѣлъ и безъ того жить не можетъ, чтобы въ который день крови не пить».—Жена одного стряпчаго конюха съ горечью разсказывала, что когда обвиненныхъ гнали по нѣсколькимъ ули-

цамъ, стегая ихъ кнутомъ, то царь шелъ за ними. Оба простолюдина и эта женщина были за эти рѣчи казнены.

Одинъ работникъ въ монастырѣ говорилъ, въ разговорѣ съ другимъ, что не одни только стрѣльцы подвергаются гоненію, но и члены царской семьи утѣсняются; онъ открыто высказывалъ сочувствіе царевнамъ, единокровнымъ сестрамъ Петра. Стрѣлецкія жены передавали, что тетка царя «царевна Татьяна Михайловна жаловалась царевичу Алексѣю, что боярин Стрѣшневъ моритъ ихъ съ голоду, на что царевичъ ей отвѣтилъ: «Дайте мнѣ сроку, я-же ихъ подберу»...

Серебряный вызолоченный ковшъ, пожалованный Петромъ I въ 1701 г. астраханцу Ивану Артемьеву, бывшему таможеннымъ головою при сборахъ и произведшему приращеніе ихъ на сумму 83,639 руб. 12¾ к. (Экземпляръ изъ коллекціи А. А. Лобанова-Ростовскаго).

Кромѣ того, открыто порицали, что царь отправилъ въ монастырь свою супругу въ плохомъ возкѣ, на плохихъ лошадяхъ, безъ всякой свиты; разсказывали, что восьмилѣтній царевичъ не хотѣлъ разставаться съ матерью, что онъ былъ сильно огорченъ разлукою съ нею, какъ онъ выговорилъ за это своему дядѣ Льву Кирилловичу Нарышкину, занявшему при царѣ выдающееся положеніе. Сестрѣ Петра приписывалось стремленіе посѣять между царевичемъ и его матерью разладъ.

Видя, что съ Петромъ ничего нельзя подѣлать, всѣ надежды сосредоточились на наслѣдникѣ престола, какъ уже это имѣло мѣсто въ царствованіе Ивана относительно самого Петра. Про царевича говорили, что онъ не любитъ нѣмцевъ, что когда однажды къ нему пришелъ нѣмецъ и что-то выговаривалъ, то царевичъ на томъ нѣмцѣ платье сжегъ и его опалилъ, что этотъ нѣмецъ пожаловался самому Петру, а царь ему отвѣ-

тилъ: «для чего ты къ царевичу ходишь, покамѣстъ я живъ, потамѣстъ и вы».

По поводу стрѣлецкихъ казней нѣкоторыя женщины говорили о врожденной у Петра жестокости, что онъ еще въ дѣтскомъ возрастѣ съ удовольствіемъ рубилъ головы баранамъ «а нынѣ ту руку натвердилъ надъ стрѣльцами». Про царя и кн. Ромодановскаго говорили, что «котораго дня крови прольютъ, того дня въ тѣ часы они веселы, а котораго дня не прольютъ, и того дня имъ хлѣбъ не ѣстся» [1]).

Выше было сказано, что патріархъ сдѣлалъ безплодную попытку положить конецъ преображенскимъ жестокостямъ. Около государя никто не имѣлъ авторитета—поэтому долженъ былъ выступить великій сановникъ церкви. Надо имѣть въ виду, что когда начиналось брадобритіе, и были напечатаны указы объ одеждахъ, патріархъ молчалъ, но слѣдуетъ также помнить, что народъ былъ пораженъ такимъ поведеніемъ патріарха. Введеніе новой одежды и новыхъ обычаевъ въ глазахъ народа были церковнымъ преступленіемъ. Поэтому тѣмъ настоятельнѣе ожидалось вмѣшательство духовнаго главы церкви въ защиту старыхъ обычаевъ, протестъ съ его стороны противъ царскихъ нововведеній. Еще незадолго предъ тѣмъ патріархи осуждали брадобритіе, какъ тяжкій грѣхъ; теперь-же о всемъ этомъ умалчивалось. Какое значеніе могла имѣть духовная власть, когда и свѣтская была низведена такъ низко?

Когда народъ убѣдился, что нельзя разсчитывать на вмѣшательство патріарха, то неудовольствіе перешло и на него. Одинъ монахъ выразилъ намѣреніе лично высказать царю порицаніе за то, что онъ принуждаетъ людей къ брадобритію, вращается среди нѣмцевъ и даже русскую вѣру хочетъ обратить въ нѣмецкую. Объ этомъ монахъ заявилъ архимандриту Іоасафу и на замѣчаніе послѣдняго, что блюсти чистоту вѣры—дѣло патріарха, монахъ возразилъ: «какой онъ патріархъ? живетъ изъ куска. Спатьбы ему да ѣсть, да бережетъ мантію и клобука бѣлова, затѣмъ де онъ и не обличаетъ, а власти всѣ подкупныя». Монаха жестоко пытали, били плетьми и сослали на каторжныя работы въ Азовъ [2]).

Вездѣ находились духовныя лица, открыто выражавшія свое неудовольствіе. Когда однажды въ г. Романовѣ (1700 г.) явился къ прича-

---

[1]) Соловьевъ, XIV, 292 — 294. — Ромодановскій не только навлекъ на себя ненависть народную, но своею жестокостью при пыткахъ вызвалъ даже гнѣвъ царя, какъ это видно изъ одного его письма, посланнаго еще изъ Голландіи; въ немъ Петръ приписывалъ жестокость Ромодановскаго злоупотребленію виномъ.

[2]) Соловьевъ, XIV, 295.

стію одинъ бритый солдатъ, то священникъ не далъ ему причастія, обозвавъ еретикомъ. Солдатъ сослался на примѣръ царя, которому въ столицѣ слѣдуютъ бояре и князья. Священникъ назвалъ его «сумасбродомъ» [3]).

Насколько тяжело было народу разставаться съ бородою, мы видимъ изъ описаній Перри. Онъ говоритъ о разныхъ полемическихъ сочиненіяхъ, въ которыхъ царя особенно осуждали за брадобритіе, называли его тираномъ и нехристемъ за то, что онъ лишалъ бороды своихъ подданныхъ.— Когда Петръ, по возвращеніи изъ заграницы, посѣтилъ верфи въ Воронежѣ и тамъ нѣкоторое время работалъ, многимъ рабочимъ пришлось обрѣзать себѣ бороды. Про одного плотника, которому особенно благоволилъ Петръ, онъ разсказываетъ, что тотъ носилъ отрѣзанную бороду всегда съ собой, чтобы она была положена въ его гробъ, дабы не предстать св. Николаю безъ бороды. По разсказу этого плотника англійскому инженеру, и прочіе рабочіе поступали также [4]).

Волненіе возбудилъ и договоръ, только что заключенный царемъ съ маркизомъ Кармартеномъ, узаконявшій табакокуреніе. «Какой-то нынѣ государь» говорилось, «что пустилъ такую проклятую табаку въ міръ; нынѣшніе попы—волки и церкви божіей обругатели [5])».

При распространившемся обычаѣ ложныхъ доносовъ не легко установить, сообщали-ли свѣдѣнія о направленныхъ противъ царя преступленіяхъ—дѣйствительныя дѣянія, или нѣтъ. Многіе доносы оказались совершенно ложными. Интересное психологическое изслѣдованіе можетъ представить наличность столькихъ доносовъ въ то время, когда доносчиковъ также страшно пытали, какъ и обвиненныхъ. Было донесеніе, что нѣсколько монаховъ злоумышляли противъ царя, оказавшееся ложнымъ. Также лишеннымъ всякаго основанія былъ донось, что одна женщина хотѣла извести царя. Очень трудно разобраться въ подобной путаницѣ добровольныхъ или пыткою вызванныхъ показаній, свидѣтельствъ ложныхъ и истинныхъ. Часто, конечно, самый проступокъ могъ оставаться сомнительнымъ, но число и свойство всѣхъ этихъ дѣлъ доказываетъ о царившемъ въ народѣ сильномъ возбужденіи.

Иностранцамъ не было на руку, что Петръ усиленно дѣйствовалъ. Въ своемъ донесеніи императору Леопольду 7 марта 1702 г. Плейеръ

---

[3]) Устряловъ, III, 196 — IV, 2, 188 — 191.

[4]) Перри, 310 и 330. — По его замѣчанію, авторы этихъ брошюръ остались неоткрытыми.

[5]) Соловьевъ. XIV, 296—299.

пишетъ, что, по русскимъ взглядамъ, Петръ совершалъ не слыханное, не соблюдая самъ постовъ, и предоставляя каждому, по его усмотрѣнію, поститься или нѣтъ. Это «важное» сообщеніе было написано шифромъ; а также и слѣдующее: «что одинъ казакъ былъ у Плейера, жалуясь, что казаки утратили всѣ свои вольности, и надо ожидать, что они всѣ скоро передадутся врагамъ [6]). Саксонскій дипломатическій агентъ баронъ фонъ-Лангенъ, писалъ 3 августа 1700 г. королю Августу, что онъ слышалъ о новомъ широко раскинувшемся заговорѣ; что произведено много арестовъ; оппозиція противъ брадобритія и нововведеній въ одеждѣ повсемѣстна, но все это сопротивленіе ни къ чему не поведетъ, такъ какъ царь хочетъ, чтобы его слушали, и свойственное русскому народу отвращеніе къ иностранному постепенно уляжется, и его дикость постепенно улетучится, смѣнившись доброжелательствомъ [7]).

Когда Петръ поручилъ Тессингу устроить въ Амстердамѣ типографію для изданія русскихъ книгъ, преимущественно школьныхъ руководствъ, одинъ иностранецъ писалъ своему другу, что онъ сомнѣвается въ пользѣ этого дѣла, такъ какъ москвитяне все дѣлаютъ только по принужденію и «умри Петръ—и прощай просвѣщеніе» [8]).

Было невозможно, чтобы противъ царя составлялись сильныя враждебныя партіи. Для образованія сильной политической партіи въ тогдашней Россіи не было благопріятныхъ условій. Не было, собственно, правильно организованныхъ группъ, умѣвшихъ отстаивать свое право и интересы, не было также личностей, способныхъ, взамѣнъ реформаторскихъ стремленій Петра, выставить собственную правительственную программу. Всѣми ощущалось только то, что существующее подвергается уничтоженію, а о новомъ не имѣлось достаточнаго понятія. Довольствовались упреками и ропотомъ; инстинктивно возставали противъ жестокой и деспотической власти Петра. Происходили иногда открытыя вспышки, но преимущественно среди казаковъ, бѣдныхъ крестьянъ и раскольниковъ, среди инородцевъ, насильно подчиненныхъ русскому владычеству. Въ прочихъ-же мѣстностяхъ и въ центрѣ почти исключительно ограничивалось дѣло неосторожными рѣчами и непристойными словами. Крестьянскіе бунты, казацкія возстанія, слухи о появленіи самозванцевъ—были только способами, которыми народъ думалъ противодѣйствовать ненавистному повелителю и его системѣ.

---

[6]) Устряловъ. III, 651.
[7]) Дрезденскій Арх. у Hermann IV, 95.
[8]) Пекарскій, I, 12.

Дѣло Тайнаго Преображенскаго Приказа служитъ единственнымъ, но очень богатымъ источникомъ свѣдѣній о томъ, въ чемъ именно заключалось это движеніе.

Одинъ крестьянинъ показалъ: «Какъ его Богъ на царство послалъ, такъ и свѣтлыхъ дней не видѣли; тягота на міръ, рубли да полтины, да подводы; отдыху нашей братіи нѣтъ».

Боярскій сынъ жаловался: «Какой онъ государь? Нашу братію всѣхъ выволокъ въ службу, а людей нашихъ и крестьянъ побралъ въ даточные, нигдѣ отъ него не уйдешь; всѣ распропали на плотахъ, и самъ онъ ходитъ на службу, нигдѣ его не убьютъ; какъ бы убили, такъ бы и служба минула, и черни бы легче стало».

Крестьянки и солдатскія жены говорили: «Какой онъ царь? Онъ крестьянъ разорилъ съ домами, мужей нашихъ побралъ въ солдаты, а насъ съ дѣтьми осиротилъ и заставилъ плакать вѣкъ».

Холопъ говорилъ: «Если онъ станетъ долго жить, онъ и всѣхъ насъ переведетъ; я удивляюсь тому, что его по ся мѣстъ не уходятъ; ѣздитъ рано и поздно по ночамъ малолюдствомъ и одинъ. Какой онъ царь? Врагъ, оторкъ мірской, сколько ему по Москвѣ ни скакать, быть ему безъ головы».

Одинъ монахъ говорилъ, что государь навѣшалъ стрѣльцовъ, что полтей, и нынѣ станетъ ихъ солить. Другой монахъ на это замѣтилъ, что эти полти даромъ не пройдутъ, что быть обороту отъ послѣднихъ стрѣльцовъ.

И при царѣ Алексѣѣ бывали въ народѣ сильное недовольство и раздраженіе. Но различіе между этимъ временемъ и эпохою Петра въ этомъ отношеніи заключалось въ томъ, что отецъ Петра, самъ по себѣ, былъ любимъ народомъ, и все, на что жаловался народъ, приписывалось царскимъ совѣтникамъ, тогда какъ Петра лично дѣлали за все отвѣтственнымъ; въ особенности послѣ смерти Лефорта ему одному приходилось пести все бремя народной ненависти. Отъ этого зависѣли отношенія. При Алексѣѣ Михайловичѣ патріархъ Никонъ съ своими новшествами въ церковной области, Морозовъ, Плещеевъ и др. своими финансовыми мѣропріятіями, суровые воеводы съ своимъ тяжелымъ самоуправствомъ, имѣли собственное, самостоятельное положеніе, совершенно иное, чѣмъ тѣ органы, которыми пользовался Петръ для проведенія своихъ плановъ. Народу не могло нравиться, что царь былъ такъ горячъ, весь—инициатива, что рядомъ съ нимъ никто ничего не значилъ, что въ самомъ центрѣ государственности создается нѣчто новое, еще не слыханное. Такъ часто повторявшійся на допросахъ вопросъ «какой Петръ царь?», показываетъ, что народу не легко было

отрѣшиться отъ изумленія, что, вмѣсто прежняго полубога, на престолѣ явился человѣкъ, который, взамѣнъ благочестія своего дѣда, отца и брата, проявлялъ страстность, гнѣвъ, стремленіе къ наслажденіямъ и всему мірскому. Выдающіяся качества Петра могли оставаться неизвѣстными, тогда какъ его слабости были у всѣхъ на виду. Народъ еще не созрѣлъ, чтобы уразумѣть принципы петровскаго управленія; и тѣмъ ненавистнѣе отзывался онъ о личности царя. Именно противъ него самаго былъ направленъ ропотъ народа, какъ въ 1700 г. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ государства, вблизи Троицкой Лавры, въ Суздалѣ, въ Юрьевѣ-Польскомъ, возникли мятежныя сборища противъ брадобритія, когда фанатическіе монахи подстрекали народъ, говоря, что скоро правительство принудитъ всѣхъ монашествующихъ ѣсть скоромное по постнымъ днямъ, когда, наконецъ, народъ возбудилъ вопросъ о законности царя и выставилъ сомнѣніе, не узурпаторъ-ли онъ?

Были высказаны неоднократныя сомнѣнія, что Петръ не сынъ царя Алексѣя и царицы Натальи. Если бы это было доказано, то всѣ освобождались отъ обязательствъ присяги, и возстаніе противъ захватившаго власть было бы дѣломъ богоугоднымъ. Слухами о незаконномъ происхожденіи Петра можно было всего болѣе пошатнуть его авторитетъ.

Въ 1701 г. былъ казненъ князь Солнцевъ за цѣлый рядъ преступленій, въ которыхъ былъ уличенъ: онъ совершилъ два убійства, два разбоя, кромѣ того, онъ утверждалъ, будто царевна Софья говорила, что Петръ не сынъ Алексѣя, а сынъ одного стрѣльца.

О происхожденіи и рожденіи царя ходили еще другіе разсказы, осложнявшіе приверженность его къ иностранному. Говорили, что Петръ подброшенный ребенокъ, что въ маѣ 1672 г. царица Наталья родила дочь, которую обмѣнили на мальчика, сына одного нѣмца,—что Петръ сынъ Лефорта. Толковали объ этомъ стиравшія бѣлье бабы: «Крестьяне всѣ измучены, высылаютъ ихъ на службу съ подводами, съ нихъ же берутъ сухари... Какой онъ царь? Родился отъ нѣмки, незаконный; онъ замѣненный, и какъ царица Наталья Кирилловна стала отходить сего свѣта и въ то число говорила: ты де не сынъ мнѣ,—замѣненный. Онъ велитъ носить нѣмецкое платье—знатно, что родился отъ нѣмки».

Но народная фантазія шла еще дальше. Царь долгое время пробылъ заграницею. О невполнѣ соотвѣтствовавшемъ желаніямъ Петра пріемѣ его въ Ригѣ, въ шведскихъ владѣніяхъ, въ народъ могли проникнуть нѣкоторыя свѣдѣнія, отъ чего возникла очень распространенная тогда сказка, что настоящій царь убитъ заграницею, и что вмѣсто него явился обратно нѣмецъ, который выдаетъ себя за царя, чтобы обасурманить православныхъ. Содер-

жаніе этой сказки, какъ это можно выяснить изъ дѣлъ Преображенскаго Приказа, заключается въ слѣдующемъ: «Какъ государь и его ближніе люди были за моремъ и ходилъ онъ по нѣмецкимъ землямъ и былъ въ Стекольномъ [9]), а въ нѣмецкой землѣ Стекольное царство держитъ дѣвица [10]), и та дѣвица надъ государемъ ругалась, ставила его на горячую сковородку и, спявъ со сковороды, велѣла его бросить въ темницу. И какъ та дѣвица была имянинница, и въ то время князи ея и бояре стали ей говорить: пожалуй, государыня, ради такого своего дня выпусти его, государя, и она имъ сказала: подите, посмотрите: буде онъ валяется, и для вашего прошенья выпущу; и князи, и бояре, посмотря его, государя, ей сказали: Томенъ, государыня! И она имъ сказала: коли томенъ, и вы его выньте, и они его, вынявъ, отпустили. И онъ пришелъ къ нашимъ боярамъ; бояре перекрестились, сдѣлали бочку, и въ ней набили гвозди и въ тое бочку хотѣли его положить, и про то увѣдалъ стрѣлецъ и, прибѣжавъ къ государю, къ постели, говоритъ: Царь-государь, изволь встать и выйдти; ничего ты не вѣдаешь, что надъ тобою чинится; и онъ, государь, всталъ и вышелъ, и тотъ стрѣлецъ легъ на постель на его мѣсто, и бояре пришли и того стрѣльца, съ постели схватя и положа въ тое бочку, бросили въ море».

Въ этомъ изложеніи сказка оставляла открытымъ вопросъ, что случилось съ царемъ послѣ этого. Но недовольство Петромъ присочинило къ этой сказкѣ слѣдующее послѣсловіе: «Это не нашъ государь, а нѣмецъ бѣглецъ, изъ заграницы пришедшій; нашъ царь въ бочку закованъ, и бочка та въ море пущена [11]).

Но этого все-таки было недостаточно, чтобы подорвать въ народѣ вѣру въ царя. Петра стали выдавать за антихриста. На этой почвѣ можно было привести много очевидныхъ всѣмъ доказательствъ и воздѣйствовать на религіозное чувство толпы. Народъ былъ очень склоненъ ко всѣмъ сообщеніямъ апокалипсиса. Въ особенности среди раскольниковъ охотно придавали всѣмъ преобразованіямъ Петра характеръ грѣха и ереси,—отсюда былъ одинъ шагъ, чтобы заговорить о вліяніи сатаны на царя, чтобы видѣть въ Петрѣ антихриста.

Въ іюнѣ 1700 г. въ Преображенскій Приказъ поступилъ допосъ, что «книгописецъ» Григорій Талицкій говоритъ про царя всякія непристойныя слова, печатаетъ возмутительныя тетради и бросаетъ ихъ въ народъ. Онъ

---

[9]) Стокгольмъ.

[10]) Намекъ на королеву Христину, царствовавшую въ Швеціи съ 1644 г.

[11]) Соловьевъ, XV, 131

хотѣлъ скрыться бѣгствомъ, но былъ схваченъ, переданъ пыткѣ и принужденъ былъ сознаться, что составилъ письмо, въ которомъ онъ говоритъ, что съ Петромъ явился антихристъ, затѣмъ онъ еще показалъ, что подстрекалъ къ неповиновенію царю и неплатежу налоговъ. Онъ распространялъ въ народѣ и даже продавалъ свои писанія. Наступленіе страшнаго суднаго дня и появленіе антихриста Талицкій старался изобразить на двухъ рисункахъ и гравировать ихъ на деревѣ, съ цѣлью широкаго распространенія ихъ въ народѣ; хотѣлъ онъ также возбудить народъ къ цареубійству и на мѣсто Петра возвести на престолъ князя Черкасскаго.

Нашлись и сообщники. Талицкій говорилъ о своихъ намѣреніяхъ тамбовскому епископу Игнатію, который посовѣтовалъ ему изложить все это письменно; когда Талицкій принесъ ему рукописи, то Игнатій его обнялъ, залился слезами, жалуясь на тяжелыя времена.

Однородныя рѣчи велъ Талицкій и съ однимъ монахомъ Андреемъ, называя царя антихристомъ, понося также и молодого царевича, потому что отъ такого корня не можетъ быть добраго ростка, и предсказывалъ сильное волненіе въ столицѣ.

Другой монахъ, Матвѣй, говорилъ, что Талицкій посѣтилъ его въ кельѣ и говорилъ о приближеніи страшнаго суда, разными вычисленіями доказывая, что Петръ и есть антихристъ.

Бояре произнесли приговоръ: Талицкаго и его главнаго подвижника Савина казнить медленнымъ огнемъ, что дѣлало мученія особенно страшными. Другіе сообщники были биты плетьми и сосланы въ Сибирь; епископъ Игнатій растриженъ и сосланъ на пожизненное поселеніе въ Соловки [12]).

Но правительству скоро стало извѣстно, что народъ считаетъ Талицкаго мученикомъ. Получилъ большое распространеніе слухъ, что Талицкій по вопросу объ антихристѣ долго спорилъ съ блюстителемъ патріаршаго престола Стефаномъ Яворскимъ и по этому поводу проявилъ немалыя познанія въ писаніяхъ и діалектикѣ. Поэтому было сдѣлано распоряженіе о напечатаніи сочиненія Яворскаго «Знаменія пришествія антихриста и кончины вѣка», опровергавшаго ученія Талицкаго; онъ оставался на той-же почвѣ апокалипсической мудрости, которая въ глазахъ тогдашнихъ иностранцевъ считалась нелѣпостью [13]). Правительство, кромѣ того, старалось

---

[12]) Соловьевъ, XV, 132.—Strahlenberg, 248 и Vockerodt говорятъ, что казнь продолжалась нѣсколько часовъ. Въ указѣ № 3891 говорится о казни огнемъ.

[13]) Vockerodt, 10—11, говоря объ этой брошюрѣ, вышучиваетъ Яворскаго, опровергавшаго Талицкаго тѣмъ, что изъ буквъ слова „Петръ“ нельзя вывести кабалистическаго числа 666.

распространить сообщеніе, что Талицкій во время пытки отрекся отъ своего ученія и тѣмъ самымъ ввелъ въ сомнѣніе своего ученика и товарища Савина. Настойчивое стремленіе правительства разсѣять ученіе фанатика только доказываетъ то значеніе, которое это ученіе имѣло въ народѣ. Подобно иконописцу Савину, другіе также могли повѣрить выставленнымъ Талицкимъ вѣроположеніямъ [14]). Его имя пріобрѣло, во всякомъ случаѣ, нѣкоторую извѣстность. Сынъ Петра, Алексѣй, заинтересовался его судьбою, какъ мученика. Елизавета Петровна собрала о немъ различныя мнѣнія [15]).

Противъ нововведеній царя началось религіозно-народное движеніе, подъ знаменемъ раскола. Условія для подобнаго мистически-фанатическаго движенія были весьма благопріятными. Въ народной массѣ царило возбужденіе; раскольники, и до того уже сильно склонные проповѣдывать возмущеніе, были теперь тѣмъ болѣе готовы считать предсказанія Апокалипсиса исполненными и возстановлять народъ представленіемъ ему доказательствъ, ими подобранныхъ. Москва была, по словамъ раскольниковъ, возстановленнымъ сатаною Вавилономъ; тѣ, которые исполняли волю почитаемаго еретикомъ царя, считались слугами антихриста и были осуждены на вѣчную гибель; въ подобное время единственное спасеніе заключалось въ бѣгствѣ. Толпами уходили жители городовъ и деревень въ пустынныя мѣстности сѣвера, востока и юга, такъ какъ не желали имѣть ничего общаго съ правительствомъ, которое, какъ они говорили, попирало святыню ногами, порвало съ христіанствомъ и заключило союзъ съ дьяволомъ. Въ архивахъ Соловецкаго монастыря была найдена, хранящаяся нынѣ въ Казани, рукопись челобитни одного раскольника, какъ отвѣтъ на первыя реформы Петра, которая даетъ большое представленіе объ обзорѣ мыслей народа. Въ ней, между прочимъ, сказано: «Мы познаваемъ, яко отъ лѣтъ по числу 1666 конецъ пріеша пророчествія, а совершенное же вся злобы исполненіе исполнися на Петрѣ; егда исполнися число звѣря 1666 лѣтъ, въ то лѣто царь Алексѣй Михайловичъ съ Никономъ отступи отъ св. православной вѣры; а послѣ его въ третьихъ воцарствова на престолѣ всея Россіи сынъ его первородный Петръ, и нача превозноситися паче всѣхъ глаголемыхъ боговъ, сирѣчь помазанниковъ, и нача величатися и славитися предъ всѣми, гоня и муча православныхъ христіанъ, и распространяя свою новую вѣру, и церковь по всей Руссіи въ 1700 году возобновили; уничтожили патріаршество, дабы ему одному властвовати,

---

[14]) Пекарскій, II, 543.
[15]) Тамъ-же, II, 82.

не имѣя равнаго себѣ, дабы кромѣ его никакихъ дѣлъ не творили, но имѣли бы его единого превысочайшею главою, судіею всей церкви, пріялъ на себя титлу патріаршескую. Въ 1700 г. собра весь свой поганый синклитъ въ 1 день генваря мѣсяца и постави храмъ идолу ветхоримскому, Янусу, предъ всѣмъ народомъ нача творить чудеса, подъ видомъ фамазіи, и вси воскликнуша ему единогласно: виватъ, виватъ новый годъ! Отъ того дни разосла свои указы во всю Руссію, повелѣ праздновати новое лѣто, разрушая законную св. отецъ клятву на вселенскомъ соборѣ постановившихъ новый годъ 1 сентября считать. Всѣ послѣднія лѣта истреблени, а сатанины извѣщены. Удалятиси и бѣгати подобаетъ намъ во антихристово время отъ еретическихъ жертвъ, также Петръ нача гонити и льстити и искореняти останокъ въ Руссію православную вѣру, своя новыя умыслы уставляя...» [16]).

Оппозиція противъ Петра принимаетъ религіозную окраску, она выставляетъ своимъ знаменемъ благочестіе и правовѣріе, именуя царя еретикомъ и исчадіемъ ада. Высшую степень недовольства распоряженія о брадобритіи, новыхъ одеждахъ и куреніи табаку вызвали въ монашеской средѣ, какъ это видно изъ многочисленныхъ слѣдственныхъ дѣлъ, въ которыхъ духовенство и монашествующіе являются обвиняемыми, и которыхъ пытками заставляли возстановлять всѣ бесѣды съ ними недовольныхъ. Результатомъ такого настроенія было, что всѣ нововведенія считались нарушеніемъ вѣры, и что явилась масса фанатиковъ, которые рѣшились устраниться отъ нихъ или бѣгствомъ, или самоубійствомъ посредствомъ самосожженія. Царя обзываютъ всякаго рода бранными словами, напримѣръ, между прочимъ, его называли не христіанскимъ государемъ, говорили, что онъ не соблюдаетъ постовъ [17]), что онъ родился отъ скверной женщины; нервные припадки, которымъ былъ подверженъ Петръ, первое движеніе головой и членами тѣла служили для нихъ свидѣтельствомъ, что онъ одержимъ нечистымъ духомъ; онъ казнилъ стрѣльцовъ, потому что они, какъ не язычники, а истые православные, имѣли точное свѣдѣніе о ереси царя. Солдаты сами впали въ ересь, такъ какъ не соблюдаютъ постовъ. Разсказывали, что Петръ позволилъ извести своего брата Ивана, который былъ истиннымъ христіанскимъ государемъ, роптали, что многіе русскіе стали иностранцами послѣ того, какъ обрились и одѣли парики. Про Меньшикова говорили, что онъ потому только въ такомъ почетѣ у

---

[16]) Ивановъ, „Русскій расколъ старообрядства". Казань. 1859 г., 107—109. Эту рукопись надо отнести къ послѣднимъ годамъ правленія Петра.

[17]) Устряловъ, IV, 2, 202–204 и 228.

царя, что онъ самъ отпалъ отъ Христа и сталъ чадомъ сатаны; куда бы онъ ни пошелъ и чтобы ни дѣлалъ, толпа нечистыхъ духовъ его окружаетъ и стережетъ. По словамъ одной женщины изъ г. Дмитрова, разница между царями была огромная, прежніе ѣздили по монастырямъ и молились, а Петръ посѣщаетъ только нѣмецкую слободу. Мужъ этой женщины, Большаковъ, съ ропотомъ говорилъ, надѣвая впервые новое, установленное закономъ платье, что онъ съ удовольствіемъ повѣсилъ бы того, кто это платье вводитъ. Андрей Ивановъ, нижегородскій обыватель, пришелъ въ Москву съ намѣреніемъ лично объявить царю, что онъ разрушаетъ христіанскую вѣру, допуская брадобритіе, новое платье и куреніе табака [18]). Скоро послышались новыя жалобы духовенства по поводу обложенія церквей и монастырей, а кто-то заявилъ громогласно, что долго такъ продолжаться не можетъ; вмѣсто того, чтобы побѣдить шведовъ, царь потеряетъ свое государство. Всюду кишѣвшіе агитаторы, какъ, напримѣръ, въ Малороссіи одинъ фендрихъ, постригшійся потомъ въ монашество, старались усилить недовольство народа. Другой изъ нихъ, Алешка Поповъ, говорилъ о тяжелыхъ поборахъ и повторялъ, что Петръ антихристъ, что онъ, какъ происходящій отъ второго брака, не можетъ почитаться законнымъ престолонаслѣдникомъ, и потому онъ самовольно захватилъ власть. Нѣкоторые были склонны приписывать введеніе париковъ и другихъ «языческихъ» обычаевъ вліянію Анны Монсъ, которая клала себѣ въ карманъ доходъ съ бородовыхъ знаковъ. Всѣ надежды возлагались на будущее; ходили слухи, что царевичъ Алексѣй совершенно не одобряетъ образа дѣйствій своего отца, говорили и вѣрили, что царевичъ окруженъ казаками и другими сочувствующими ему лицами, которыя очень непріязненно относятся къ царю и боярамъ. Царевичъ скитается съ своими казаками по окрестностямъ столицы, и какъ только встрѣтятъ боярина, то по знаку царевича бросаются на него, вяжутъ ему руки и ноги и бросаютъ въ ровъ. «У насъ царя нѣтъ», говорилось, «Это не государь, что нынѣ владѣетъ, да и царевичъ говоритъ, что онъ мнѣ не батюшка и не царь» [19]).

Въ народѣ существовали особыя заклинательныя формулы, предававшія царя проклятію, и царь часто именовался антихристомъ. Когда появился новый государственный гербъ съ двуглавымъ орломъ, то опять возникло волненіе, потому что «у орла двѣ главы». Всѣ судебныя неурядицы и финансовое разстройство охотно объяснялось ересью и грѣхами

---

[18]) Соловьевъ, XV, 135—137.
[19]) Соловьевъ XV, 29—32.

царя. Одинъ священникъ поносилъ царя по поводу многочисленныхъ казней: «Новую столицу Петръ ужъ одѣлъ въ сапоги и вызолотилъ, а Москву одѣлъ въ лапти, но наша Москва никогда безъ государя не будетъ» [20]).

Когда Петръ въ послѣднее время своего царствованія издалъ указъ о престолонаслѣдіи, по которому внукъ Петра, сынъ несчастнаго Алексѣя, являлся устраненнымъ отъ престола, въ народѣ пошли толки, что Петръ послѣ своей смерти оставляетъ царство шведамъ, Екатерину считали за шведку, ея дочери были иностранками. Національные и церковные интересы народа были попраны. Были случаи, что недовольные, вмѣсто открытаго сопротивленія, запирались въ домахъ и поджигали подъ собою порохъ [21]).

Очевидно, что дѣло не могло вездѣ ограничиваться однѣми только поносительными рѣчами; мѣстами доходило и до дѣйствій. Когда собиратели налоговъ проявляли слишкомъ большое безсердечіе, то со стороны ими притѣсненныхъ бывали вспышки противодѣйствія правительственнымъ властямъ [22]). Когда между рабочими, занятыми на воронежскихъ верфяхъ при постройкѣ новаго флота, или на строительныхъ работахъ въ новой столицѣ, появлялась усиленная смертность [23]), то возбужденіе среди этихъ круговъ легко доходило до крайней степени, и его приходилось подавлять сильными карательными мѣрами.

Отъ своихъ подданныхъ царь не переставалъ требовать новыхъ жертвъ. Уже турецкая война въ девяностыхъ годахъ наложила тяжелое бремя на платежныя средства народа, а сѣверная война должна была вызвать новые денежные налоги. Рекрутскіе наборы тѣмъ болѣе были способны переполнить терпѣніе народа, что представители правительства прибѣгали въ этихъ случаяхъ къ самымъ грубымъ пріемамъ. Изъ достовѣрнаго источника извѣстно, что съ набранными рекрутами обращались такъ дурно, что многіе помирали отъ истощенія; ихъ уводили изъ дому въ цѣпяхъ, а во время пути содержали въ плохихъ острогахъ [24]). Поэтому нельзя удивляться тому, что народъ роптalъ, что правительство представлялось ему вражескимъ, какъ собраніе злыхъ, а самъ царь уподоблялся антихристу. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ это теперь дознано, рекрутамъ клали на лѣвую руку небольшое клеймо крестообразнаго вида, съ цѣлью

---

[20]) Тамъ-же, XVI, 304—305 (документы).
[21]) Тамъ-же, XVIII, 237.
[22]) „Русск. Стар.“, XII, 381. См. Костомарова.
[23]) Устряловъ, IV, 244 и IV, 2, 46.
[24]) Соловьевъ, XVI, 202.

затруднить побѣгъ, а народъ не преминулъ увидѣть въ этомъ «печать антихристову» [25]).

Вездѣ царили недовольство, волненіе и броженіе; съ разныхъ сторонъ угрожали заговоры и покушенія, возстанія и бунты. Всѣ переживали насильно навязанное переходное положеніе и неразборчивую въ своихъ средствахъ деспотическую власть царя, который въ своихъ воззрѣніяхъ и убѣжденіяхъ стоялъ на совершенно другой точкѣ зрѣнія, чѣмъ его народъ. Суровыя формы тогдашняго уголовнаго судопроизводства еще только усиливали въ народѣ тяжелое впечатлѣніе отъ такого образа дѣйствій [26]). Правительство и народъ были вынуждены къ ожесточенной борьбѣ. Революція сверху вызвала противодѣйствіе народа; жестокія мѣры власти—попытку открытаго сопротивленія. Надо еще только удивляться, что вспышки народной ярости, къ разсмотрѣнію которыхъ переходимъ ниже, не случались еще чаще, и что они ограничивались бунтами казаковъ, крестьянъ и инородческихъ элементовъ на юго-востокѣ государства. Но вполнѣ понятно, что нѣкоторымъ современникамъ, при видѣ всеобщаго броженія въ Россіи, казалось сомнительнымъ, чтобы царствованіе Петра было продолжительно. Когда были начаты переговоры о женитьбѣ царевича Алексѣя на принцессѣ Брауншвейгской, тайный совѣтникъ Шлейницъ, въ запискѣ 16-го октября 1707 года, возбудилъ рядъ возраженій противъ союза съ царскимъ домомъ: онъ былъ того мнѣнія, что положеніе царя недостаточно прочно, какъ вслѣдствіе частыхъ въ Россіи бунтовъ, такъ и вслѣдствіе преобразовательныхъ стремленій самого царя [27]).

---

[25]) „Русск. Арх.“, 1873 г., стр. 2068 и 2296.

[26]) Семевскій (сборникъ фактовъ въ журн. „Свѣточъ“, III).

[27]) Guerrier. 82.

ГЛАВА XV.

Бунты на юго-востокѣ.

Всякій разъ, когда русское правительство съ усиленною энергіею приступало къ проявленію своей власти или къ проведенію законовъ, которые не были по вкусу народа, сопротивленіе послѣдняго выражалось въ бѣгствѣ на окраины государства; въ такихъ центробѣжныхъ стремленіяхъ населенія высказалось и теперь недовольство народа реформаторскими затѣями правительства; въ самомъ центрѣ консервативные элементы населенія не могли предпринять борьбы противъ государственной власти; на окраинахъ-же государству подготовлялась постоянная опасность. Нижніе слои народонаселенія подвижны, какъ летучій песокъ и ежечасно готовы къ переселенію, возстанію и крестьянской войнѣ.

Образованіе казачества на южныхъ, юго-восточныхъ и юго-западныхъ границахъ государства относится къ исторіи подобной борьбы. На Дону, въ Малороссіи, на нижнемъ теченіи Волги, на Уралѣ и на Кавказѣ казаки были столько-же передовымъ оплотомъ противъ Азіи, сколько и бунтовщиками противъ государственной власти. Казачество создалось преимущественно изъ тѣхъ частей населенія Россіи, которыя, вслѣдствіе недовольства вновь вводимымъ и твердо устанавливаемымъ строемъ, стремились избѣгнуть правительственныхъ рукъ. Кому не нравились новыя условія на родинѣ, кто становился въ противорѣчіе съ государствомъ или соціальнымъ устройствомъ, тотъ бѣжалъ на границу. Рѣдко удавалось властямъ добраться до бѣжавшаго отъ своего господина холопа, или вырвавшагося колодника, или видѣвшаго въ вѣчномъ шатаніи спасеніе раскольника. Прикрѣпленнаго въ концѣ XVI в. къ землѣ холопа тянуло на волю, въ украинскія степи; обиженный царскими слугами купецъ, тяготящійся непосильными налогами простолюдинъ охотно отворачивались отъ общественной жизни, налагавшей на нихъ непосильное бремя. Всякое потрясеніе внутри государства, какъ, напр., въ смутное время или при

расколѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича, содѣйствовало образованію такихъ элементовъ, которые наполовину добровольно, наполовину принудительно выдѣлялись изъ общаго строя; они собирались на окраинахъ, чтобы потомъ обрушиться на опостылѣвшую родину.

Здѣсь всегда былъ на лицо подходящій матеріалъ для образованія большого войска; сюда обращались всѣ претенденты на престолъ. Образцами такихъ движеній могутъ служить Болотниковъ и Заруцкій въ началѣ XVII в., Стенька Разинъ въ царствованіе Алексѣя, Булавинъ при Петрѣ, Пугачевъ при Екатеринѣ II.

Все больше и сильнѣе сказывалось противорѣчіе между современнымъ государствомъ и пребывающимъ на низшей ступени культуры народомъ, между пролетаріатомъ и высшими сословіями. Ненависть народа къ правительственнымъ чиновникамъ, экономически бѣдствующая, нравственно и духовно обреченная на грубость и суевѣріе, значительнѣйшая часть населенія Россіи, притѣсненія служилыхъ людей, нищета, ожесточенность массы въ вопросахъ вѣры,—вотъ причины бунтовъ на границахъ государства.

Даже осѣдлое городское населеніе въ этихъ окраинахъ состояло частью изъ казаковъ. Къ этому присоединялось еще непосредственное сосѣдство съ инородческими кочевниками, которые всякій разъ, когда начинался бунтъ, усиливали собою ряды бунтовщиковъ. Стенька Разинъ во второй половинѣ XVII в., Пугачевъ во второй половинѣ XVIII в. насчитывали въ рядахъ своихъ сторонниковъ большое число татаръ, башкиръ, мордвы, чувашей, черемисовъ, калмыковъ и др. Въ прежнее время и стрѣльцы часто соединялись съ подобными бунтовщиками. Въ такія-то юго-восточныя области по Дону и его притокамъ, по Волгѣ и Уралу, бѣжали, послѣ стрѣлецкаго погрома, многіе ихъ сторонники; здѣсь-же укрылись, со времени регентства царевны Софьи, многіе раскольники. И здѣсь, когда начались усиленныя преобразованія Петра, стали наиболѣе громко раздаваться протесты, здѣсь дѣло должно было часто доходить до кризиса, и первое десятилѣтіе XVIII в. открываетъ ихъ цѣлый рядъ.

Прежде всего надлежитъ отмѣтить астраханскій бунтъ 1705—1706 г.; затѣмъ на Дону вспыхнулъ Булавинскій бунтъ; наконецъ, бунтъ среди инородцевъ, въ особенности среди башкиръ. Мѣстомъ дѣйствія всѣхъ этихъ волненій—юго-востокъ государства. Во всѣхъ случаяхъ верхъ одержало правительство; но опасность, угрожавшая государству, была очень большая; уменьшенію ея способствовало только то, что различные бунтующіе элементы вспыхивали не сразу, что между ними не было единства. Для правительства было большою удачею, что бунты возникали не сразу, а одинъ за другимъ.

Обратимся къ нѣкоторымъ признакамъ общаго ропота на юго-востокѣ еще за нѣсколько лѣтъ до открытаго бунта.

Уже въ 1700 г. пошли слухи, что въ низовьяхъ Дона образовались большія разбойничьи шайки; однимъ изъ ихъ атамановъ называли бѣглаго раскольника; они дѣйствовали съ одной стороны до границы Персіи, съ другой — въ приволжской области до Астрахани и Царицына. Въ особенности собрались казаки, бѣглые и раскольники на Медвѣдицѣ, притокѣ Дона, составляя ядро недовольныхъ новымъ государственнымъ строемъ.

Въ августѣ 1701 г. послѣдовало распоряженіе объ арестованіи нѣсколькихъ особенно рѣшительныхъ казаковъ, по обвиненію ихъ въ слѣдующихъ дѣйствіяхъ. Они говорили, что царь Иванъ Алексѣевичъ живъ и скрывается въ Іерусалимѣ, такъ какъ бояре злоумышляютъ противъ него; царь Петръ любитъ бояръ, а царь Иванъ любитъ народъ; Петръ антихристъ, онъ не сынъ царя Алексѣя, а сынъ Лефорта, Азовъ не долго останется въ рукахъ русскихъ; донскіе казаки передадутъ крѣпость туркамъ и сами сдѣлаются подданными султана; Донъ станетъ турецкимъ, и самого царя можно будетъ схватить, такъ какъ онъ иногда бываетъ на Дону [1]) съ незначительнымъ конвоемъ, и выдать его султану и т. п. [2]).

Но на Дону дѣло все-таки не дошло до бунта; даже болѣе того: тамъ было все спокойно и въ 1705 г., когда въ Астрахани бунтъ былъ въ полномъ разгарѣ.

Главными подстрекателями въ Астрахани явились купцы изъ Ярославля, Москвы, Нижняго-Новгорода, Павлова, Углича и нѣкоторые уроженцы самой Астрахани. Такимъ образомъ возстаніе не имѣло чисто мѣстнаго характера; этотъ бунтъ былъ выраженіемъ общаго недовольства Петромъ во всемъ государствѣ. Здѣсь было какъ бы сборное мѣсто всякаго рода недовольныхъ; сюда-же прибыли, въ числѣ прочихъ, и сыновья казненныхъ въ 1698 и 1699 годахъ въ Москвѣ стрѣльцовъ, которые главнымъ образомъ и распространяли про царя различные слухи. Здѣсь всѣ роптали по поводу стрѣлецкихъ казней, новыхъ одеждъ и разнаго вида налоговъ. Здѣсь легко находилъ себѣ вѣру слухъ, что Петръ — замѣненный сынъ, или что онъ даже самъ антихристъ.

Нѣкто стрѣлецкій сынъ Степанъ, у котораго было казнено двое дядей, по пути въ Астрахань, прибылъ въ Коломну къ одному своему родственнику [3]), сказавшему ему: «сдѣлаешь добро, если въ Астрахани людей

[1]) Петръ часто бывалъ на Воронежѣ, притокѣ Дона.

[2]) Соловьевъ, XV, 162.

[3]) Дядя его Сутоняй. *(Прим. ред.).*

смутишь; и Донъ, и Яикъ потянутъ съ вами; кому противъ васъ быть противнымъ? Государь бьется со шведомъ, города всѣ пусты, которые малые люди и есть, и тѣ того же желаютъ и рады вамъ будутъ; можно старую вѣру утвердить». Степанъ взялъ съ собою письмо, въ которомъ говорилось, что въ Москвѣ правятъ четверо бояръ, желающихъ раздѣлить все царство на четыре части; вмѣстѣ съ тѣмъ ему было внушено, какъ только вспыхнетъ бунтъ, это посланіе уничтожить.

Лѣтомъ 1705 г. прибылъ Степанъ въ Астрахань и сталъ потихоньку разглашать слухи, которые онъ вынесъ изъ центра государства; его рѣчи упали на благопріятную почву [4]).

Вслѣдъ затѣмъ въ Астрахани прошелъ слухъ, что Петръ умеръ; къ этому присоединилось возбужденіе противъ служилыхъ людей, въ особенности противъ Астраханскаго воеводы Ржевскаго, котораго, какъ и другихъ бояръ, подозрѣвали въ отпаденіи отъ христіанства; только этимъ объяснялъ себѣ народъ новый обычай брадобритія и новыхъ одеждъ. Одинъ пономарь говорилъ собравшемуся у церкви народу, что если дѣло идетъ о такихъ священныхъ вопросахъ, какъ вѣра, то необходимо оказать сопротивленіе, пожертвовавъ даже жизнью. Одинъ цѣловальникъ, который долженъ былъ собрать подать съ тѣхъ, кто хотѣлъ носить прежнее платье, рѣшительно отказывался это исполнять; онъ заявилъ, что готовъ скорѣе умереть, чѣмъ сбрить себѣ бороду. Его тотчасъ арестовали.

Въ концѣ іюля на базарной площади неожиданно пронесся слухъ, что въ продолженіе семи лѣтъ русскимъ будетъ запрещено вѣнчаться, что всѣ вошедшія въ возрастъ русскія дѣвушки будутъ выдаваемы за иностранцевъ, прибытія которыхъ со дня на день слѣдуетъ ожидать изъ Казани.

Волненіе возникло страшное. Обыватели рѣшили оказать отпоръ такому правительственному распоряженію и еще до прихода иноземцевъ повыдавать своихъ дочерей за русскихъ. Въ воскресенье 29 іюля было безчисленное множество свадебъ; повѣнчаны были сотни паръ. Собраніе и угощеніе по этому поводу еще болѣе разгорячили головы, и въ ту же ночь дошло до бурныхъ выходокъ. Правительственныя зданія были захвачены, денежные сундуки разграблены; нѣсколько офицеровъ, въ томъ числѣ также и иностранцы, были перебиты [5]). Всѣ бросились на поиски нена-

---

[4]) Соловьевъ XV, 141—142.

[5]) Непріязнь между русскими и иностранцами приводила часто къ столкновеніямъ изъ-за мелочей. Одинъ солдатъ, напр., ударилъ жену нѣмецкаго офицера Мейера за то, что она сказала, будто постомъ солдаты должны ѣсть мясо.

вистнаго воеводы Ржевскаго, который своими вымогательствами и жестокостями притѣснялъ народъ, но нашли его только на слѣдующее утро и убили. Всѣ правительственныя учрежденія прекратили свою дѣятельность, установленъ былъ казацкій порядокъ, и ярославскій купецъ Яковъ Носовъ избранъ въ атаманы. Одинъ раскольникъ былъ избранъ ему въ помощники.

На шумныхъ сборищахъ повторялось, что царя нѣтъ болѣе въ живыхъ; пересказывалась также, въ нѣсколько измѣненномъ только видѣ, исторія о гибели царя въ Стокгольмѣ [6]).

Извѣстіе объ этихъ событіяхъ, естественно, должно было вызвать въ Москвѣ нѣкоторое безпокойство. Плейеръ пишетъ непосредственно за этимъ: «Да хранитъ Богъ Москву». Онъ не считаетъ невозможнымъ повторенія того-же самаго и въ центрѣ государства. Изъ донесенія этого австрійскаго дипломатическаго агента мы узнаемъ очень многое относительно причинъ бунта. Дѣло не касалось только одной бороды и новаго платья, но также и имущественныхъ интересовъ мѣстнаго приволжскаго населенія, которое было подавлено безъ мѣры возраставшими финансовыми налогами правительства. Плейеръ отмѣчаетъ новую подать, которую должны были платить башкиры, затѣмъ соляной налогъ, который затруднялъ рыбный промыселъ, потомъ еще налоги на печи, бани и мосты, а также нѣкоторыя ограниченія рыбнаго торга и, наконецъ, очень обременительная бородовая пошлина [7]).

Относительно причинъ бунта подробно высказались и сами участники бунта въ тѣхъ грамотахъ, которыя они посылали окружающимъ казакамъ. Въ нихъ, между прочимъ, говорится: «стали мы въ Астрахани за вѣру христіанскую, и за брадобритіе, и за нѣмецкое платье, и за табакъ, и что къ церквамъ насъ и нашихъ женъ и дѣтей въ русскомъ платьѣ не пущали, а которые въ церковь Божію ходили, и у тѣхъ платье обрѣзывали и отъ церквей Божіихъ отлучали и выбивали вонъ, и всякое ругательство намъ и женамъ нашимъ, и дѣтямъ чинили воеводы и начальные люди покланялись и насъ кланяться заставляли. И мы за вѣру христіанскую стали, и чинить того, что болванамъ кланяться не хотѣли. И они, воеводы и начальные люди, по карауламъ хотѣли у караульныхъ служилыхъ людей ружье отобрать, а у иныхъ отобрали и хотѣли насъ

---

[6]) Соловьевъ, V, 143.—Перри говоритъ, что и Носовъ былъ раскольникомъ.

[7]) Въ шифрованной части своего донесенія отъ 17 января 1706 г. Плейеръ высказываетъ предположеніе, что шведское правительство чрезъ своихъ комиссаровъ, а именно нѣмецкихъ купцовъ, сѣяло неудовольствіе въ Астрахани. Устряловъ, IV, 2, 650.

пэбить до смерти, а мы у начальныхъ людей вынули кумирскихъ боговъ. Да въ прошломъ 1704 году на насъ же велѣно брать съ погребовъ со всякой сажени по гривнѣ, да у насъ же хлѣбное жалованье безъ указу отняли. И мы о томъ многое время терпѣли, и посовѣтовавъ между собою, по, чтобъ намъ вѣры христіанской не отбыть, и болванамъ кумирскимъ богамъ не покланяться и напрасно смертію душою съ женами и дѣтьми вѣчно не умереть, и за то, что стала намъ быть тягость великая, и мы того, не могучи терпѣть и вѣры христіанской отбыть, противъ ихъ противились и воеводу Тимоѳея Ржевскаго и изначальныхъ людей иныхъ убили до смерти, а иныхъ посадили за караулъ. Да намъ же вѣдомо чинится отъ купецкихъ и иныхъ всякихъ чиновъ людей, что въ Казани и въ иныхъ городахъ поставлены нѣмцы по два и три человѣка на дворы и тамошнымъ жителямъ, и женамъ ихъ, и дѣтямъ чинили утѣсненія и ругательства [8]).

Какъ видно, въ этой грамотѣ нѣтъ недостатка въ логическихъ выводахъ. Вѣрили или нѣтъ составители грамоты въ постой въ Казани нѣмцевъ были-ли они дѣйствительно убѣждены въ основательности слуховъ, что офицеры и начальные люди поклапялись кумирамъ, трудно рѣшить, но самое возникновеніе подобныхъ измышленій можно объяснить изъ слѣдующаго. Петръ велѣлъ разузнать, какимъ образомъ могло возникнуть обвиненіе въ идолопоклонствѣ офицеровъ и начальниковъ, и узпали, что за истукановъ и «болвановъ» русскіе принимали парики, которые держали въ своихъ домахъ наиболѣе знатныя лица. Это послужило основаніемъ къ выводу, что самъ Петръ поклоняется языческому богу Япусу, повелѣвъ торжественно чествовать его перваго января.

Если прослѣдить, какое дѣйствіе могла имѣть астраханская грамота, то увидимъ, что на Терекѣ возникло сильное броженіе. Начались безпорядки, одинъ маіоръ сдѣлался жертвою народной ярости; но тамъ все-таки между солдатами нашлись разсудительные люди, которые убѣждали соблюсти спокойствіе. Въ отвѣтѣ терскихъ казаковъ временному астраханскому правительству говорилось: «Мы рады за вѣру Христову и за брадобритіе, и за табакъ, и за нѣмецкое платье, мужское и женское, и за отлученіе церкви Божіей стоять и умирать; но вы, все великое астраханское войско и все православное христіанство, не прогнѣвайтесь на насъ за то, что войско къ вамъ на помощь не послали, потому что, живымъ Богомъ клянемся, невозможно намъ войско къ вамъ прислать; сами вы знаете, что насъ малое число и съ ордою со всею не въ миру; чтобъ намъ по прежнему отъ орды женъ и дѣтей не потерять». Такимъ обра-

[8]) Соловьевъ, XV, 144.

зомъ они уклонились отъ участія въ бунтѣ. Напротивъ того, казаки Краснаго Яра и Чернаго Яра безусловно высказались за астраханское дѣло; здѣсь также были выходки противъ высшихъ начальниковъ. Съ другихъ мѣстъ, впрочемъ, приходили отвѣты скорѣе уклончивые. Заявленіе донскихъ казаковъ о нежеланіи принять участіе въ движеніи лишало астраханцевъ надежды на полный успѣхъ. Повидимому, находившійся въ Воронежѣ боярин Апраксинъ принялъ своевременныя мѣры, чтобы удержать донскихъ казаковъ отъ присоединенія къ бунту. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что среди донскихъ казаковъ еще не былъ объявленъ указъ о новомъ платьѣ. Они поэтому открыто заявили, что имъ по этому поводу до сихъ поръ никакихъ притѣсненій не чинили, и что между ними нѣтъ даже ни одного портного, который умѣлъ-бы шить нѣмецкое платье [9]).

Приходилось принимать мѣры къ подавленію возстанія. Правительство подумало направить противъ бунтовщиковъ казацкіе полки [10]). Въ Москвѣ разсказывали, что калмыцкій ханъ Аюка съ 12,000 калмыковъ разбилъ мятежниковъ [11]).

Нѣсколькихъ схваченныхъ бунтовщиковъ привезли тѣмъ временемъ въ Москву. Ихъ показанія внушили нѣкоторое успокоеніе; всѣ ожидали болѣе значительнаго по размѣрамъ бунта. Тѣмъ не менѣе, хотя регулярныя войска были крайне нужны для борьбы со шведами, Петръ все-таки отправилъ въ Астрахань фельдмаршала Шереметева съ нѣсколькими полками. Первое извѣстіе о бунтѣ застало царя въ Митавѣ. Изъ отдѣльныхъ распоряженій, заключающихся въ письмѣ царя боярину Стрѣшневу, мы узнаемъ, что большую заботу составляла для него безопасность столицы; онъ приказалъ всѣ деньги изъ приказовъ собрать и куда-либо спрятать, или даже зарыть въ землю; онъ также полагалъ нужнымъ очистить оружейные склады и даже временно задержать почту, которая «ходитъ за рубежъ» [12]).

Вскорѣ пришло успокоительное извѣстіе съ Дону, что тамъ все спокойно. Шереметеву, бывшему уже на походѣ въ Астрахань, Петръ въ сильномъ возбужденіи писалъ: «для Бога, не мѣшкай, какъ обѣщался, и тотчасъ пойди въ Казань». Къ Апраксину онъ писалъ: «Изъ вашихъ писемъ я выразумѣлъ, что всемилостивѣйшій Господь не въ конецъ гнѣвъ

[9]) Тамъ же, XV, 145—148.

[10]) Плейеръ замѣчаетъ, 12 сент. 1708 г., что нѣсколько тысячъ донскихъ казаковъ было послано въ Астрахань, чтобы усмирить возстаніе.—Устряловъ, IV, 2, 646.

[11]) Тамъ же, IV, 2, 647 (Донесеніе Плейера 27 сент. 1705 г.).

[12]) См. письмо у Соловьева, X, 149.

свой пролити и онымъ уже черезъ двадцать пять лѣтъ губительнымъ псамъ волю и въ невинныхъ кровяхъ утѣху подать изволилъ» [13]).

Петръ самъ хотѣлъ заняться разслѣдованіемъ причинъ астраханскаго бунта и велѣлъ посылать захваченныхъ мятежниковъ въ Гродно, гдѣ онъ временно проживалъ [14]).

Еще до прибытія Шереметева въ Астрахань, были сдѣланы попытки воздѣйствовать убѣжденіями на бунтовщиковъ, которые стали болѣе малодушными послѣ полученія отвѣтовъ отъ своихъ предполагаемыхъ союзниковъ. Въ Астрахань былъ посланъ одинъ тамошній житель Кисельниковъ, съ обѣщаніемъ отъ имени царя прощенія и милости, если бунтовщики отстанутъ отъ своихъ зачинщиковъ. Кисельниковъ прибылъ въ Астрахань въ началѣ января. Привезенная имъ царская грамота произвела нѣкоторое впечатлѣніе; было рѣшено послать въ Москву депутатовъ, которые должны были принести повинную. Въ ней, однако, заключаются жалобы на новшества и на непосильные налоги; говорилось, что при стриженіи бородъ многіе были поранены въ лицо. Ржевскій будто бы удерживалъ часть жалованья у гарнизоннаго отряда; курильщики водки и пива были обложены налогомъ; точеніе топоровъ и ножей было также обложено имъ; жены и дѣти солдатъ, ушедшихъ на шведскую войну, за невзносъ податей, были заключены въ темницы; Ржевскій обогащался всякими путями, интригами и извѣтами, несправедливостями и откупами; онъ требовалъ отъ стрѣльцовъ зимою такой службы, что они замерзали отъ стужи; онъ принуждалъ частныхъ лицъ къ подводной повинности; нѣмецкіе начальники принуждали солдатъ ѣсть скоромное въ постные дни; они позорили русскихъ женъ и дочерей; а также и шведскіе плѣнные, которымъ были довѣрены важныя должности, позволяли себѣ разныя надруганія надъ русскими и т. п.

Эти заявленія представителей произвели въ Москвѣ глубокое впечатлѣніе. Принявшій ихъ бояринъ Головинъ писалъ царю, что дѣло имѣется съ честными людьми, что царю нужно на этотъ разъ быть милостивымъ и всѣхъ простить, такъ какъ противъ бунтовщиковъ и они не безвинны [15]). Рѣшеніе царя совпало съ мнѣніемъ этого доклада. Были-ли избранные представители у царя въ Польшѣ, неизвѣстно. Изъ другихъ источниковъ извѣстно, что польскій король замолвилъ за нихъ доброе слово и что всѣ избранные отправились домой, получивъ каждый въ подарокъ

[13]) Тамъ же.

[14]) Устряловъ, IV, 2, 105. Письмо Ромодановскому 21 сент. и 5 окт. 1705 г.

[15]) Соловьевъ, XV, 150—152 (челобития и письмо Головина).

по полсотни рублей [16]). Можно было думать, что спокойствіе снова возстановилось.

Тѣмъ временемъ Шереметевъ, хотя и медленно, но продолжалъ свой путь на Казань. Онъ долженъ былъ на мѣсто убитаго Ржевскаго посадить другого воеводу и возстановить правильное управленіе; главные зачинщики были, однако, исключены изъ общей амнистіи.

Все-таки дѣло дошло до катастрофы, напомнившей конецъ стрѣлецкаго бунта. Петръ былъ склоненъ къ мягкости; онъ велѣлъ, чтобы при взиманіи податей не прибѣгали къ излишнимъ жестокостямъ, писалъ Шереметеву, что съ покорившимися надлежитъ обходиться по возможности снисходительно; всякаго кровопролитія нужно было избѣгать безъ крайней нужды. Петръ надѣялся, что такимъ способомъ всякое сопротивленіе само собою прекратится.

Такая надежда была тщетной: въ Астрахани было двѣ партіи; во главѣ одной стояло духовенство, и она была склонна къ примиренію; другая же носилась съ революціонными планами и надѣялась на побѣду въ открытой борьбѣ съ государственной властью. Астраханскій митрополитъ и игуменъ важнѣйшаго мѣстнаго монастыря старались занять посредническое положеніе, но надежды свои все-таки возлагали на прибытіе Шереметева и, въ виду его замедленія [17]), находились съ нимъ въ оживленной перепискѣ.

Версты за четыре отъ города встрѣтили фельдмаршала духовенство, именитые люди и обыватели Астрахани съ привѣтствіемъ. Но вслѣдъ затѣмъ пришлось вести переговоры съ наиболѣе вліятельными лицами въ городѣ о покорности. Для этой цѣли Шереметевъ послалъ въ городъ сызранскаго посадскаго человѣка, Бородулина, который нашелъ у Носова и другихъ главарей бунта очень непріязненное въ отношеніи правительства настроеніе. Надъ царемъ смѣялись совершенно открыто, говорили между прочимъ, что Петръ умеръ душою и тѣломъ, и что въ Астрахани встали за правду и христіанскую вѣру; Носовъ угрожалъ, что вмѣстѣ съ жителями другихъ городовъ, раздѣлявшими эти взгляды, онъ получитъ перевѣсъ. Когда во время переговоровъ Бородулинъ, взявъ ковшъ вина, пилъ за здоровье царя, въ кругу послышались бранные крики. Царя упрекали въ недостаткѣ благочестія, онъ «полатынилъ» христіанскую вѣру. Опять слышался вопросъ: «Что это за государь?» — «Не сила Божія ему помо-

[16]) Устряловъ, IV, 2, 651 (Донесеніе Плейера отъ 12 марта 1706 г.).

[17]) Шереметевъ двигался медленно и Петръ былъ имъ недоволенъ; чтобы его торопить, къ нему былъ посланъ нѣкій Щепотьевъ.

гастъ, ересями онъ силенъ, христіанскую вѣру обругалъ и облатынилъ, обмѣнный онъ царь. Идти-ли намъ, нѣтъ-ли до самой столицы, до родни его, до нѣмецкой слободы и корень-бы весь вывести»... Однородныя рѣчи были дня черезъ два повторены съ угрозою и на посланца Шереметева. Носовъ открыто заявлялъ на весну походъ свой на Москву.

Автомонъ Михайловичъ Головинъ.

Вскорѣ дѣло дошло до развязки. Шереметевъ стоялъ 11-го марта 1706 г. съ своимъ малочисленнымъ, всего нѣсколько тысячъ достигавшимъ войскомъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Астрахани, на одномъ волжскомъ островѣ. Сюда пришли всѣ благоразумные горожане и сообщили, что бунтовщики рѣшились на упорное сопротивленіе. Шереметевъ двинулся дальше и за четверть версты до города остановился, потребовавъ, чтобы бунтовщики покорились. Но они, вмѣсто всякаго отвѣта, бросились на подошедшій отрядъ, и началось сраженіе, получившее вскорѣ тотъ же конецъ, что и сраженіе со стрѣльцами подъ Воскресенскомъ въ іюлѣ 1698 г.; бунтовщики бѣжали въ городъ и защищались еще нѣкоторое время въ Кремлѣ, но артиллерія Шереметева вскорѣ принудила ихъ къ сдачѣ. Тогда сами зачинщики явились съ повинною, неся съ собою, въ знакъ покорности, плаху и топоръ. Когда Шереметевъ входилъ въ городъ, то астраханцы по его пути лежали на землѣ, по обѣимъ сторонамъ улицы.

Побѣда не дорого стоила. Шереметевъ насчитывалъ только 20 убитыхъ и 53 раненыхъ. Въ Москвѣ говорили потомъ, что около 4,000 мятежниковъ было убито и ранено или взято въ плѣнъ, но это число сильно преувеличено. Даже сообщеніе Плейера, что тотчасъ же на мѣстѣ было

казнено до 200 человѣкъ [18]), представляется сомнительнымъ, такъ какъ Шереметевъ тотчасъ по взятіи Астрахани писалъ Головину, что зачинщики имѣютъ большое вліяніе, и будетъ затруднительно овладѣть этими лицами.

Только теперь получилъ Шереметевъ ясное представленіе относительно причинъ мятежа. «Носовъ,—писалъ онъ Головину,—великій воръ и раскольникъ... Я такого многолюдства и сумасброднаго люду отъ роду не видѣлъ, и надуты страшною злобою, и весьма насъ имѣютъ за отпадшихъ отъ благочестія. Какъ надуты и утверждены въ такой бездѣлицѣ!»

Шереметеву, сторонику западно-европейской культуры, сподвижнику Петра, было очень трудно стать на точку зрѣнія своихъ противниковъ. При такомъ положеніи вещей, конечно, не могло быть никакого компромисса.

Конецъ вышелъ довольно трагическимъ. Нѣсколько сотъ виновныхъ было отправлено въ Москву; 365 человѣкъ были казнены, при чемъ нѣкоторые колесованы, или умерли отъ жестокаго розыска; какъ можно предполагать, многіе скончались отъ мученій на пыткахъ [19]). Рѣшеніе участи несчастныхъ затянулось, такъ какъ показалось желательнымъ съ помощью послѣдовательныхъ пытокъ и новыхъ допросовъ установить извѣстную связь между бунтовщиками и мятежными элементами въ самой Москвѣ. Но этого не было. Астраханскіе бунтовщики дѣйствовали по собственной иниціативѣ.—12 марта 1706 г. Астрахань была въ рукахъ Шереметева, но послѣднія казни происходили почти два года спустя: 8-го февраля 1708 г. 70 бунтовщикамъ отрубили головы, 5 были колесованы, 45 повѣшено [20]).

Насколько серьезною казалась Петру опасность для государства отъ астраханскаго бунта, видно изъ нѣсколькихъ его писемъ по случаю благополучнаго подавленія мятежа. Онъ въ самыхъ сердечныхъ выраженіяхъ благодарилъ фельдмаршала Шереметева за «тріумфъ и викторію надъ проклятыми ворами». Шереметевъ былъ щедро награжденъ. Своимъ друзьямъ, Головину, Апраксину и другимъ, Петръ писалъ собственноручныя извѣщенія и отмѣчалъ, что 3,000 солдатъ одолѣли 10,000 мятежниковъ. Онъ торжественно, съ пальбою и ружейными залпами, отпраздновалъ побѣду въ петербургскомъ домѣ Меньшикова; находившійся въ Кіевѣ Меньшиковъ

---

[18]) Устряловъ, IV, 2, 653.

[19]) Соловьевъ, XV, 146—159.—Письма Шереметева къ Головину въ т. XV, 412—419, заимствованы изъ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ.—Устряловъ, IV, 653.

[20]) Плейеръ приводитъ также цифры казненныхъ въ 1707 г.

также писалъ, что извѣстіе о побѣдѣ привѣтствовалъ пальбою изъ пушекъ и ружей [21]).

Въ мартѣ 1706 г. правительство совершенно одолѣло астраханскихъ мятежниковъ. Въ слѣдующіе два года, въ 1707 и 1708, пришлось опять подавлять два возстанія. Это былъ башкирскій бунтъ и мятежъ донскихъ казаковъ.

Первое движеніе не представляетъ ничего особеннаго для описываемой нами эпохи. Инородцы, жившіе на востокѣ Россіи и частью силою, частью полудобровольно присоединенные подъ власть Россіи, всегда имѣли причины жаловаться на самоуправство начальныхъ людей. Въ XVII и XVIII в. не разъ случалось, что терпѣніе всѣхъ этихъ башкиръ, калмыковъ, татаръ и т. п. истощалось, и они или возставали противъ Россіи, или большими массами переселялись въ Азію.

Во всякомъ случаѣ башкирскій бунтъ, признаки котораго подмѣтилъ еще въ 1705 г. Шереметевъ, о чемъ онъ писалъ Головину въ мартѣ или апрѣлѣ 1706 г.,—получаетъ особый интересъ, какъ по своимъ размѣрамъ, такъ и потому, что коренные враги Петра, раскольники и казаки, приняли въ немъ участіе.

Въ теченіе года одинъ башкиръ присвоилъ себѣ титулъ султана; онъ предпринялъ путешествіе въ Константинополь и въ Крымъ, чтобы заручиться союзами для возстанія противъ русскихъ; онъ стремился также заручиться содѣйствіемъ проживавшихъ на сѣверномъ Кавказѣ горныхъ племенъ; на Терекѣ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ которымъ жили многіе раскольники, онъ занялъ въ началѣ 1708 г. нѣсколько крѣпостей. Но въ одной стычкѣ съ отрядомъ, посланнымъ Апраксинымъ изъ Астрахани, онъ былъ раненъ и захваченъ въ плѣнъ. Тогда поднялась вся главная башкирская масса. Мятежники двинулись къ Казани. Приходилось принимать серьезныя мѣры для противодѣйствія имъ. Было нѣсколько средствъ, но въ концѣ концовъ помогъ пріемъ, который и впослѣдствіи примѣнялся съ успѣхомъ,—направили калмыковъ и башкировъ однихъ противъ другихъ, и на этотъ разъ благодаря содѣйствію калмыкскаго хана Аюка, правительство явилось побѣдителемъ [22]).

Если бунты на отдаленномъ востокѣ обращали на себя такое вниманіе вслѣдствіе возможности союза между этими мятежниками и недо-

---

[21]) Устряловъ, IV, I, 505.

[22]) Соловьевъ, XV, 233—237, описалъ этотъ бунтъ по неизвѣстнымъ дотолѣ документамъ. Въ 1712 г. былъ новый башкирскій бунтъ (тамъ-же, XVI, 335); тоже и въ 1720 г.

вольными элементами въ самомъ государствѣ, то тѣмъ большую опасность представлялъ бунтъ донского казачества, на область котораго правительство смотрѣло, какъ на колонію всѣхъ устраненныхъ изъ государственнаго строя людей, какъ на сборище бѣглыхъ холоповъ, стрѣльцовъ, преступниковъ и раскольниковъ. Въ царствованіе Алексѣя Михайловича только съ величайшимъ трудомъ удалось справиться съ бунтомъ Стеньки Разина; при Екатеринѣ II Пугачевъ представлялъ большую опасность. Также точно и при Петрѣ на юго-востокѣ государства дѣло дошло до возстанія, подавленіе котораго потребовало большаго напряженія силъ и которое закончилось такъ-же кровопролитно, какъ и стрѣлецкій бунтъ, или астраханскій.

Чѣмъ крѣпче бралъ Петръ въ свои руки бразды правленія, тѣмъ строже требовалъ онъ безусловнаго повиновенія. Чѣмъ болѣе выступалъ онъ не только какъ законодатель и правитель своего народа, но и его воспитатель, тѣмъ менѣе могъ онъ допускать на границахъ своего царства броженіе разселенныхъ тамъ казаковъ. Непрекращающееся бѣгство населенія изъ центра въ пограничныя южныя и южно-восточныя области лишало правительство большой силы именно въ то время, когда приходилось вводить преобразованія внутри и защищаться отъ внѣшнихъ нападеній. Очень часто слышалъ царь жалобы помѣщиковъ, что они не могутъ вносить подати и поставлять рекрутовъ, такъ какъ ихъ холопы всѣ разбѣжались. Прикрѣпленіе крестьянства было дѣломъ не легкимъ, тѣмъ болѣе, что не было ничего предпринято для улучшенія положенія крестьянъ, а лишь только для ихъ отягченія.

Законы относительно бѣглыхъ холоповъ становятся все строже и строже съ самаго царствованія Алексѣя Михайловича, тѣмъ не менѣе случаи и поводы бѣгства постоянно увеличивались, сборщики податей дѣлались все неумолимѣе, ненависть къ боярству и приказамъ все обострялась; желаніе избѣгнуть всѣхъ утѣсненій посредствомъ бѣгства становилось все сильнѣе. Въ обращенныхъ къ царю въ XVII в. челобитныхъ людей изъ народа нерѣдко повторяется угроза всеобщаго бѣгства. Мѣра къ поимкѣ бѣглыхъ не приводитъ ни къ какимъ результатамъ, безуспѣшно предпринимаются для этой цѣли цѣлые походы въ области Волги и Дона, тщетно требовали отъ казаковъ выдачи бѣглыхъ. Только немногіе были насильно водворены на родину, гдѣ ихъ ожидало суровое наказаніе; большинство присоединялось къ казачеству.

Авторитетъ правительственной власти не былъ силенъ въ этихъ казачьихъ областяхъ съ ихъ республиканскимъ устройствомъ, признававшихъ себя лишь въ нѣкоторомъ подданствѣ царя. Донскіе казаки въ XVII в.

самостоятельно вступали и во внѣшнія сношенія съ сосѣдями, предпринимали походы противъ турокъ и крымскихъ татаръ, а при Разинѣ ополчились даже на Москву; не было ничего невѣроятнаго, чтобы нѣчто подобное не повторилось и при Петрѣ.

Отношенія казаковъ къ правительству были натянутыми. Петръ требовалъ точнаго исполненія правительственныхъ распоряженій, выдачи бѣглыхъ крестьянъ, измѣненій въ разселеніи казаковъ для болѣе легкаго надзора за ними. Все строже и угрожающе звучали царскіе указы. Было понятно, что Петръ могъ слышать отъ непосредственно заинтересованнаго лица, что казаки, утративъ всѣ вольности, замышляютъ передаться врагу, т. е. туркамъ,—было менѣе понятнымъ, что донскіе казаки, когда вспыхнулъ астраханскій бунтъ, не приняли въ немъ участія.

Послѣ того какъ Петръ потребовалъ въ 1705 г. отъ казаковъ снесенія нѣкоторыхъ возведенныхъ ими укрѣпленій — приказъ, который не былъ исполненъ,—онъ наградилъ ихъ устраненіе отъ участія въ астраханскомъ движеніи пожалованіемъ новыхъ знаменъ. Но одновременно съ тѣмъ были повторены прежніе приказы о срытіи укрѣпленій и о выдачѣ бѣглыхъ. Число послѣднихъ продолжало увеличиваться. Изъ одного села около Шуи, приписаннаго къ одному женскому монастырю, въ началѣ только 1706 года бѣжало 26 семей. Если столь многіе могли бѣжать къ казакамъ изъ сѣверныхъ, отдаленныхъ отъ нихъ областей, то бѣгство изъ южныхъ, непосредственно прилегающихъ округовъ могло быть поголовнымъ. На воронежскихъ верфяхъ принудительно работали тысячи людей, и обращеніе съ ними было настолько дурное, что среди нихъ царила страшная смертность; военная служба подъ Азовомъ считалась особенно ненавистною, и самое мѣсто это считалось какъ бы мѣстомъ ссылки; отсюда солдаты и преступники толпами бѣжали къ казакамъ; къ нимъ же бѣжали солдаты изъ войска Шереметева, когда онъ, послѣ усмиренія астраханскаго бунта, направился съ войскомъ въ Кіевъ.

Возбужденіе среди казаковъ усилилось еще, когда по приказу Петра на Дону появился князь Долгорукій, съ нѣсколькими воинскими командами, чтобы исполнить то, въ чемъ, несмотря на повторные указы, отказывалъ атаманъ, а именно переловить многочисленныхъ бѣглыхъ и силою водворить ихъ на мѣстожительство. Эта мѣра была принята казаками, какъ нарушеніе ихъ правъ и привиллегій.

Въ ихъ рядахъ стали поговаривать, что астраханцы были правы, возстать за истинную вѣру и противъ идолопоклонства офицеровъ и начальныхъ людей. Вскорѣ возникло открытое сопротивленіе Долгорукому и

его отрядамъ; во главѣ недовольныхъ сталъ атаманъ Кондратій Булавинъ, сдѣлавшійся героемъ крупнаго бунта. Бунтъ начался съ того, что казаки напали на Долгорукаго и перебили его со всѣми его людьми до единаго (9 октября 1707 г.).

Вслѣдъ затѣмъ по всему казачеству были разосланы грамоты, и вскорѣ казаки могли похвалиться, что привели въ сотрясеніе все московское государство. Между ними были люди, воевавшіе еще съ Стенькою Разинымъ; воспоминаніе о немъ было живо въ народѣ въ многочисленныхъ сложенныхъ о немъ пѣсняхъ. Булавинъ надѣялся, что онъ найдетъ союзниковъ въ астраханцахъ, даже въ казакахъ терскихъ и малороссійскихъ.

Но далеко не всѣ присоединились къ броженію; среди казаковъ были преданные московскому правительству, которые сопротивлялись булавинскимъ скопищамъ, судили и казнили захваченныхъ плѣнныхъ и въ особой челобитнѣ царю ставили это себѣ въ заслугу [23]).

Петръ довольно хладнокровно принялъ извѣстіе о булавинскомъ бунтѣ и полагалъ сначала, что онъ не заслуживаетъ особаго вниманія. Булавину пришлось даже нѣкоторое время скрываться у Запорожскихъ казаковъ на Днѣпрѣ, но вскорѣ онъ снова появился во главѣ большого войска и перешелъ въ наступленіе. Наивными и циничными кажутся первые манифесты Булавина: онъ призывалъ къ себѣ всѣхъ, кто хочетъ вести легкую воровскую жизнь, хорошо поѣсть и попить, имѣть добрыхъ коней и получить богатую добычу. Въ нѣкоторыхъ воззваніяхъ встрѣчаются обычныя лживость и хвастовство; онъ говоритъ, что надо возстать за Домъ Богородицы, за попираемую христіанскую вѣру, противъ злыхъ людей: бояръ и нѣмцевъ, которые стремятся установить язычество, занимаются колдовствомъ, отпали отъ истинной церкви и т. п. Далѣе говорилось въ воззваніяхъ, что всѣ утѣсненные, холопы и преступники въ темницахъ будутъ союзниками казаковъ, что слѣдуетъ также разсчитывать на помощь запорожцевъ и другихъ казаковъ.

Подумали привлечь и тѣхъ рабочихъ людей, которые во множествѣ валили лѣсъ и сплавляли его въ Азовъ. Этимъ самымъ ставилось препятствіе желаніямъ Петра строить крѣпости и основать флотъ. Въ Астрахани были убиты иностранные кораблестроители и матросы [24]).

Правительственныя власти всполошились. Азовскій воевода Толстой выслалъ противъ мятежниковъ войско въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, но

---

[23]) Болѣе сотнѣ схваченныхъ были отрѣзаны носы, съ десятокъ повѣшены за ноги и т. п.

[24]) Соловьевъ, XV, 414.

большая часть перешла на сторону бунтовщиковъ, остальные были всѣ перебиты.

Это событіе, происходившее на Лисковаткѣ (3 апрѣля 1708 г.), имѣло рѣшающее вліяніе. Къ Булавину присоединилось все населеніе Хопра, Бузулука и Медвѣдицы, состоявшее преимущественно изъ раскольниковъ. Броженіе проникло даже въ большіе города тогдашней южной Россіи. Въ Тамбовѣ съ ужасомъ и трепетомъ ожидали прибытія мятежныхъ полчищъ; всѣ знали, что бояре, приказные и всѣ сборщики податей будутъ преданы смерти. Въ Тамбовскомъ уѣздѣ и въ окрестностяхъ Тулы мятежныя шайки жгли деревни, принуждая населеніе присоединяться къ бунту. Жители Тамбова, Козлова и Тулы готовились силою отражать ожидаемое нападеніе.

Булавинъ старался и другими способами увеличить число своихъ сторонниковъ. Въ грамотѣ, посланной имъ кубанскимъ казакамъ, онъ говоритъ объ одержанной имъ при Лисковаткѣ побѣдѣ и разсказываетъ о томъ злѣ, который причиняли казакамъ правительственные начальные люди. Они хотѣли ввести брадобритіе, они позорили казачьихъ женъ и дочерей, самихъ казаковъ мучили, били плетьми, рвали имъ ноздри, даже дѣтей малыхъ не щадили, вѣшали ихъ на деревья и т. д. Булавинъ сообщаетъ далѣе, что число его сторонниковъ свыше ста тысячъ, и ежечасно увеличивается, такъ какъ къ нему стекаются во множествѣ съ женами и дѣтьми всѣ тѣ, кто терпѣлъ отъ царскихъ приказныхъ, отпавшихъ отъ истинной вѣры. А если нашъ царь,—говорится далѣе,—на насъ съ гнѣвомъ поступитъ, то будетъ турской царь владѣть Азовомъ и Троицкимъ городами; а нынѣ мы въ Азовъ и въ Троицкой съ Руси никакихъ припасовъ не пропущаемъ, покамѣсть съ нами азовскій и троицкой воеводы въ согласіе съ намъ придетъ». Если царь не захочетъ соблюдать казачьихъ правъ, то Булавинъ угрожалъ, что онъ «войскомъ отъ него отложится, и будетъ просить милости у турскаго царя, чтобы турскій царь отъ себя не откинулъ, такъ какъ царь въ Московскомъ царствѣ вѣру перевелъ, отнимаетъ бороды и усы...» Эта грамота подписана «Черкасскъ, 27 мая 1708 г.» и заканчивается просьбою къ кубанскому атаману снять копію, а подлинную послать въ Константинополь султану съ особою припискою: «по семъ писаніи войсковой атаманъ Кондратій Афанасьевъ и все войско донское у тебя, турскаго салтана, милости прося, челомъ бью. А нашему государю въ мирномъ состояніи отнюдь не вѣрь, потому, что онъ многія земли раззорилъ за мирнымъ состояніемъ и нынѣ раззоряетъ, а также и на твое величество и на царство готовитъ корабли

и каторги и иные многія воинскіе суда и всякой воинской снарядъ готовить» [25]).

Не выяснено, поскольку Петру были извѣстны всѣ эти сношенія, но онъ зналъ уже достаточно, чтобы принять рѣшительныя мѣры. 12 апрѣля онъ писалъ брату убитаго Долгорукаго, чтобы онъ немедленно выступилъ противъ бунтовщиковъ, чтобы «сей огонь за разъ затушить». Петръ приказывалъ сжигать деревни перешедшихъ къ Булавину, его сторонниковъ казнить, а «заводчиковъ» колесовать и сажать на колья, чтобы этими строгостями удержать колеблющихся отъ присоединенія къ бунту. Петръ напоминалъ избранному имъ начальнику, что и противъ Стеньки Разина сражался Долгорукій и съ успѣхомъ. Письмо царя кончалось мнѣніемъ, что «сія сарынь, кромѣ жесточи, не можетъ унята быть».

Долгорукій отвѣчалъ, что и безъ разсмотрѣнія дѣлъ Степьки Разина, ему все это хорошо понятно; царь не долженъ и мыслить, чтобъ онъ, Долгорукій, принялъ особенныя мягкія мѣры къ Булавину, послѣ совершеннаго тѣмъ убійства его брата.

Цѣлый рядъ писемъ Петра къ Меньшикову, Долгорукову и др. показываетъ, насколько тревожился царь объ участи городовъ, которые были доступны нападенію бунтовщиковъ. Въ особенности боялся Петръ за Азовъ, для защиты этой крѣпости и Таганрога были предписаны особыя мѣры. Петръ совѣтовалъ ласково поступать съ приносящими повинную, чтобы и другихъ побудить отпасть отъ мятежа; царь предупреждалъ Долгорукаго и противъ слѣпой жестокости, такъ какъ иначе подумаютъ, что онъ слѣдуетъ внушеніямъ собственной мести за смерть брата. 10 мая 1708 г. Петръ писалъ Меньшикову, что если только Азовъ и Таганрогъ отстоятъ, то бунтовщики не получатъ никакихъ подкрѣпленій и должны будутъ покориться. Петръ серьезно задумывалъ лично отправиться на Донъ, чтобы подавить возмущеніе. Въ другомъ письмѣ къ Меньшикову, 27 мая, Петръ опять возвращается къ этимъ крѣпостямъ, высказывая опасеніе, чтобы мятежники не перехватили воднаго сообщенія, потому что въ этомъ случаѣ положеніе крѣпости будетъ очень трудное. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выражалъ надежду, что военныя дѣйствія въ Польшѣ не помѣшаютъ ему нѣкоторое время заняться усмиреніемъ бунта, чтобы «истребить сей огонь и себя отъ такихъ оглядокъ вольными въ сей войнѣ учинить».

Тѣмъ временемъ сила Булавина росла. Онъ успѣлъ занять важный пунктъ—городъ Черкасскъ. Большая добыча все болѣе и болѣе привлекала къ нему приверженцевъ; кто не присоединялся къ бунтовщикамъ, того казнили.

[25]) „Русск. Стар.“, 1870 г.

Личное присутствіе Петра на мѣстѣ дѣйствія становилось все настоятельнѣе нужнымъ. Его посланія становятся все болѣе страстными; въ нихъ онъ обзываетъ Булавина сатапою, уподобляетъ его фителю заложенной подъ землю мины. Онъ пишетъ Меньшикову, что «того ради необходимая мнѣ нужда мѣсяца на три туда ѣхать, дабы съ Божьею помощью безопасно тотъ край сочинить, понеже самъ знаешь, каково тотъ край намъ надобенъ, о чемъ больше терпѣть не могу».

Князь Василій Владиміровичъ Долгорукій.

Къ счастью для Петра дни булавинскихъ успѣховъ скоро миновали. Не всѣ придавали вѣру необходимости возстать въ защиту вѣры. Въ одномъ сраженіи, которое пришлось дать правительственнымъ войскамъ, бунтовщики потерпѣли пораженіе; Долгорукій собирался 143 плѣнныхъ повѣсить, четвертовать, посадить на колья, но рѣшилъ выждать указаній отъ царя, чтобы не брать на себя обвиненія въ личной мести.

Булавинъ сдѣлалъ ошибку, раздробивъ свои силы; всѣ были того мнѣнія, что если бы онъ перешелъ на Волгу, то навѣрно среди башкиръ и другихъ недовольныхъ нашелъ бы себѣ подкрѣпленіе, сдѣлавшись дѣйствительно очень опаснымъ. Какъ разъ въ это время вступилъ въ русскіе предѣлы Карлъ XII. Исходъ войны со шведами имѣлъ несомнѣнное отраженіе по всему государству и въ подобное время сильная революціонная власть, каково была бы власть Булавина на востокѣ, оказала бы большое вліяніе на ходъ событій.

На всѣхъ казацкихъ мятежахъ всегда находились измѣнники, готовые выдать главныхъ вождей. Стенька Разинъ и Пугачевъ въ самомъ тѣсномъ

своемъ кругу были окружены правительственными шпіонами. Въ скопищѣ же Булавина многіе были принудительно присоединены къ мятежу, между тѣмъ его благопріятный исходъ былъ еще сомнителенъ. Въ одной, обращенной къ царю, челобитнѣ эти люди жалуются на самоуправство и жестокости Булавина, на его несправедливость при дѣлежѣ добычи, и на мучительныя казни, которымъ онъ предавалъ своихъ ослушниковъ. Нѣкоторые продолжали думать о возможности сговориться съ правительственною властью и просили царя отозвать обратно посланныя противъ мятежниковъ войска. Если же онъ пошлетъ ихъ дальше, то весь Донъ ему уступятъ, а сами пойдутъ на другую рѣку, именно Кубань.

Удивительно, что по полученіи этого посланія, Петръ дѣйствительно велѣлъ Долгорукому остановиться и не идти далѣе. Подобная готовность идти на компромисъ съ далеко не вполнѣ повинившимися показываетъ, насколько трудно было общее положеніе. Долгорукій былъ въ большемъ сомнѣніи; съ одной стороны онъ получалъ изъ Азова письма, въ которыхъ описывалась опасность, которая угрожала этому городу; съ Днѣпра на помощь Булавину шли запорожскіе казаки. Въ правительственныхъ войскахъ учащались случаи бѣгства и неповиновенія; а тутъ пришло еще распоряженіе царя, связывавшее свободу дѣйствій. Въ концѣ концовъ Петръ предоставилъ Долгорукому дѣйствовать по собственному усмотрѣнію, такъ какъ за дальностью разстояній нельзя было давать подробныхъ указаній.

Удалось вскорѣ одержать верхъ надъ отдѣльными отрядами мятежниковъ. Нападеніе, которое они предприняли на Азовъ, было энергично отбито, хотя часть матроской слободы была уже въ ихъ власти. Теперь самъ Петръ пришелъ къ убѣжденію о необходимости рѣшительныхъ мѣръ и велѣлъ казнить плѣнныхъ. Долгорукій продолжалъ указывать, насколько безполезны мягкость и довѣріе съ этими лживыми и грубыми элементами населенія; нельзя было полагаться ни на какія обѣщанія.

Послѣ неудавшейся попытки захватить Азовъ, самъ Булавинъ отчаялся въ успѣхѣ. Чтобы избѣгнуть предательства казаковъ, которые хотѣли его выдать, онъ самъ лишилъ себя жизни, застрѣлившись изъ пистолета (въ іюлѣ 1708 года). Но возстаніе продолжалось нѣкоторое время и послѣ него, пока дѣйствія Хованскаго, шедшаго съ Волги, Долгорукова и другихъ военноначальниковъ не положили конецъ безпорядкамъ. Особенно кровопролитно было сраженіе при Паншинѣ на Дону (23 августа); въ немъ съ мужествомъ отчаянія бились перебѣжчики

изъ арміи Шереметева, драгуны и другіе солдаты изъ регулярныхъ полковъ [26]).

По категорическому приказу царя множество казацкихъ поселеній по притокамъ Дона были сожжены. Требовалось уничтожить самыя гнѣзда бѣглыхъ холоповъ и раскольниковъ. Жители были переведены въ другія мѣстности, про стариковъ, женщинъ и дѣтей Апраксинъ писалъ царю, что «тѣ и сами исчезнутъ», т. е. пропадутъ естественною смертью. Эти заявленія даютъ понятіе о способѣ борьбы государственной власти съ тѣми, которыхъ одинъ историкъ (Соловьевъ) такъ мѣтко охарактеризовалъ противогосударственными элементами.

Многіе пали въ различныхъ стычкахъ. Часть взятыхъ въ плѣнъ была казнена; атаманы и раскольничьи попы, исполнявшіе требы, служившіе молебны о дарованіи побѣды бунтовщикамъ, были четвертованы; сотни двѣ мятежниковъ были повѣшены на плотахъ, которые пустили по теченію Дона, чтобы нагнать страхъ на всѣхъ прибрежныхъ жителей.

Но сопротивленіе отдѣльныхъ шаекъ продолжалось до осени. Одинъ атаманъ, Голый, собралъ около себя нѣсколько тысячъ и продолжалъ проповѣдывать о защитѣ Дома Богородицы, о необходимости перебить бояръ и нѣмцевъ; онъ обращался съ рѣзкими воззваніями къ неимущимъ и бѣднымъ, увѣщевая сопротивляться введенію языческой вѣры.

Приходилось вести борьбу и противъ этихъ остатковъ возстанія. Шайки Голаго были разбиты, около трехъ тысячъ погибли въ битвѣ, другіе утонули въ Дону во время бѣгства, или были при этомъ перестрѣлены.

Послѣ этихъ кровавыхъ происшествій во всей области возстановилось спокойствіе. Побѣда осталась на сторонѣ правительства. Если въ свое время болѣе нерѣшительное правленіе царя Алексѣя одержало все-таки верхъ надъ Стенькою Разинымъ, то не было ничего удивительнаго, что несравненно сильнѣйшая власть Петра была въ состояніи помѣряться съ подобными бунтовщиками. Послѣ разинскаго бунта, сила регулярныхъ войскъ была значительно увеличена. Наконецъ, если бы даже царскіе военноначальники и не имѣли бы успѣха, то личное участіе царя положило бы конецъ броженію. Но то обстоятельство, что именно во время наибольшей внѣшней опасности для государства, сопряженной съ вступленіемъ Карла XII на русскую почву, правительство усмирило мятежъ, грозившій оторгнуть отъ государства нѣсколько тысячъ квадратныхъ миль, — лучше всего доказываетъ способности государственной власти. Она представляла собою

[26]) Соловьевъ, XV, 258. Многихъ вѣшали за ноги; женщинъ и дѣтей заживали въ колоды и т. п.

прогрессъ, хотя отдѣльныя лица проявили много излишней жестокости; кочевые, казацкіе элементы народа служили представителями отрицанія прогресса.

Однако съ подавленіемъ стрѣлецкаго движенія и гораздо болѣе труднаго усмиренія волненій на югѣ и юго-востокѣ государства, рядъ подобныхъ кризисовъ не былъ еще законченъ. Гидру крестьянскихъ и военныхъ бунтовъ, поднимавшихъ знамя защиты вѣры, не такъ было легко уничтожить. И впослѣдствіи области Дона, Волги и Урала не разъ становились мѣстомъ дѣйствія подобныхъ же событій. Но въ данное время большимъ успѣхомъ было достиженіе, хотя и дорогою цѣною, спокойствія внутри государства. Царь могъ все-цѣло отдаться своимъ задачамъ въ иностранной политикѣ и внутреннимъ преобразованіемъ, безъ того, чтобы ему,— по его собственному выраженію,—постоянно оглядываться на эти области. Протесты бунтовщиковъ противъ брадобритія, новой одежды, введенія языческой вѣры и нападокъ на истинную церковь, остались безрезультатными; все осталось въ предположенномъ Петромъ порядкѣ.

Оставалась, однако, еще одна опасность. Она могла быть гораздо серьезнѣе, чѣмъ всѣ другіе кризисы, которые правленіе Петра благополучно миновало.

Когда въ столицѣ было получено извѣстіе о побѣдѣ надъ мятежниками и о смерти Булавина, сынъ Петра, царевичъ Алексѣй, писалъ Меньшикову, поздравляя его «съ сею викторіею» [27]).

Ничто не давало повода предполагать, что между Петромъ и Алексѣемъ возникнетъ борьба, которая подвергала опасности всю созидательную работу царя.

---

[27]) Русск. стар. II, 12, — У Соловьева XV 237 — 268, собраны почти всѣ источники о Булавинскомъ бунтѣ.

ГЛАВА XVI.

Царевичъ Алексѣй.

Въ общей сумятицѣ девятидесятыхъ годовъ народъ охотно возлагалъ свои надежды на брата Петра, Ивана. Теперь стали ожидать избавленія отъ сына Петра, Алексѣя. Еще ребенкомъ, онъ служилъ предметомъ оживленныхъ толковъ въ народѣ, въ которыхъ откровенно выражалась ненависть противъ царя и надежда на престолонаслѣдника. Говорилось, что Алексѣй сильно возстановленъ противъ иностранцевъ и непріязненно относится къ тѣмъ боярамъ и сановникамъ, которые служили послушными орудіями правительственной системы Петра.

Такъ какъ многіе сочувствовали реакціи, то Алексѣй могъ явиться опаснымъ соперникомъ для власти; имя его легко было выставить на знамени заговора. Ничего нѣтъ удивительнаго, что изъ такого сопоставленія вещей возникла также и личная непріязнь между Петромъ и Алексѣемъ. Уже давно ожидалось подобное столкновеніе.

Въ 1705 г. во Франціи появилось переложеніе русской народной пѣсни о томъ, какъ Иванъ Грозный собственноручно убилъ сына, но съ замѣною его имени именемъ Петра: царь будто бы велѣлъ Меньшикову казнить Алексѣя, но Меньшиковъ не исполнилъ приказа, къ великому потомъ удовольствію Петра. Русскаго посла Матвѣева спрашивали, дѣйствительно-ли это происходило; тотъ съ негодованіемъ отвѣчалъ, то подобныя безмысленныя измышленія исходятъ отъ шведовъ и что ни одинъ истинный христіанинъ не долженъ придавать вѣры подобной лжи, потому что такое дѣло было бы противодѣйственно природѣ не только такого великаго монарха, какъ Петръ, но даже простого крестьянина [1]).

Кто могъ въ 1705 г. предполагать, что эта «небылица» 13 лѣтъ

---

[1]) Соловьевъ, XV, 73

спустя станетъ дѣйствительностью, что такой жестокій конецъ царевича можетъ вполнѣ согласоваться съ страстною натурою царя?

Столкновеніе могло бы быть устранено, если бы удалось воспитать Алексѣя соотвѣтственно общимъ стремленіямъ его отца, дать ему общее образованіе, развить въ немъ расположеніе къ западно-европейской культурѣ, работоспособность и энергію, которыя хотя бы до нѣкоторой степени отвѣчали усердію и трудолюбію Петра.

Въ началѣ могло казаться, что воспитаніе Алексѣя будетъ представлять благопріятныя условія для его развитія. Петръ предполагалъ (1699 г.) послать своего сына заграницу, гдѣ бы онъ, а именно въ Дрезденѣ, воспитывался вмѣстѣ съ сыномъ Лефорта. Изъ Вѣны (1701 г.) царю было сдѣлано предложеніе послать сына въ этотъ городъ; Людовикъ XIV нѣсколько позднѣе (въ 1704 г.) поручилъ внушить Петру мысль послать сына для воспитанія ко французскому двору [2]).

Хотя всѣ эти предположенія и не были осуществлены, все-же царевичъ и на родинѣ оставался подъ надзоромъ иностранцевъ. Вскорѣ послѣ удаленія отъ матери, царицы Евдокіи, и первоначальнаго обученія у тетки, царевны Натальи Алексѣевны, подъ руководствомъ русскаго, Вяземскаго, царевича поручили нѣмцу Нейгебауэру. Но не больше году (1701—1702) пробылъ онъ въ должности воспитателя; вслѣдствіе столкновенія съ окружавшими царевича русскими людьми онъ былъ устраненъ. Однимъ изъ главныхъ проявленій непріязни служило различіе во взглядахъ на приличіе у представителей обѣихъ народностей. Замѣчаніе, сдѣланное за столомъ Нейгебауэромъ двѣнадцатилѣтнему царевичу за то, что онъ, какъ это допускалось прежними нравами въ Россіи, по предложенію одного русскаго застольника, положилъ обратно на блюдо обглоданныя кости жаренаго,—послужило поводомъ къ цѣлому спору, во время котораго иностранный воспитатель многое наговорилъ о русскомъ варварствѣ; потомъ послѣдовало его смѣщеніе съ должности. Преемникомъ Нейгебауэра былъ баронъ Гюйсенъ, который составилъ очень сложный планъ воспитанія и обученія [3]), заслужившій полное довѣріе Петра, но выполнить который ему не удалось, такъ какъ Петръ потребовалъ, чтобы царевичъ въ качествѣ рядового принялъ участіе въ сѣверной войнѣ. Между Нейгебауэромъ и Меньшиковымъ возникъ полный раздоръ. При Гюйсенѣ-же главное руководство осталось за Меньшиковымъ. О Меньшиковѣ говорилось, что онъ въ 1701 г. однажды

[2]) Устряловъ, IV, 206, 229, 234.—Тамъ-же 622.

[3]) Соловьевъ, XV, 107—109 (о Нейгебауэрѣ) — Устряловъ, VI, 298—304, (воспитательный планъ Гюйсена).

Царевичъ Алексѣй.

собственноручно ударилъ царевича, находившагося въ лагерѣ, не вызвавъ этимъ ни малѣйшаго неудовольствія Петра [4]).

Постепенно разгоралась рознь между любимцемъ и сыномъ царя, а вмѣстѣ съ тѣмъ и между отцомъ и сыномъ. Гюйсенъ разсказываетъ, что Петръ, послѣ взятія Нарвы (1704 г.), въ особомъ наставленіи царевичу, рекомендовалъ ему слѣдовать своему примѣру и не избѣгать ни трудовъ, ни опасностей; но если сынъ не будетъ слѣдовать совѣтамъ отца, то Петръ не станетъ признавать его своимъ сыномъ, и будетъ молить Господа, чтобы онъ былъ наказанъ на этомъ свѣтѣ и въ будущемъ [5]). Этотъ рѣзкій тонъ только поджигалъ будущее столкновеніе. Петръ такъ много требовалъ отъ самого себя, что было очень трудно удовлетворить его требованія къ другимъ. Столкновеніе было тѣмъ легче предусмотрѣть, что Алексѣй уже въ началѣ 1705 г. потерялъ своего иностраннаго воспитателя и оставался доступнымъ различнымъ русскимъ вліяніямъ. Гюйсену пришлось, по распоряженію Петра, исполнять дипломатическія порученія въ Берлинѣ и Вѣнѣ. Воспитаніе русскаго престолонаслѣдника представляется прерваннымъ, неуравновѣшеннымъ и въ рѣшительный моментъ начинающейся зрѣлости совершенно заброшеннымъ. Онъ долгіе годы живетъ въ Москвѣ, предоставленный самому себѣ, въ обществѣ ограниченныхъ противниковъ просвѣщенія и пьяныхъ товарищей. Не только самъ Алексѣй впослѣдствіи жаловался своему тестю, императору Карлу VI, что Меньшиковъ постоянно пренебрегалъ его воспитаніемъ [6]), что съ намѣреніемъ развивали въ немъ наклонность къ пьянству, чтобы подорвать его здоровье,—но о томъ же самомъ неоднократно свидѣтельствовали и нѣкоторые современники [7]).

Если бы Петръ имѣлъ возможность лично руководить воспитаніемъ Алексѣя, если бы тотъ росъ въ политической и военной школѣ своего геніальнаго отца и былъ бы независимъ отъ другихъ вліяній,—то вѣроятно, что онъ развился бы иначе. Но Петръ былъ почти всегда въ отсутствіи, занятый сѣверною волною; вплоть до Полтавской битвы все было поставлено на карту; положеніе вещей требовало самаго полнаго напряженія дѣятельности царя; у него не оставалось времени для обязанностей воспитателя и отца. Принципіальное различіе во взглядахъ, которое не замедлило создать между Петромъ и Алексѣемъ непроходимую пропасть,

---

[4]) Устряловъ, IV, 2, 613 (Плейеръ сообщаетъ, что Меньшиковъ за волосы пригнулъ царевича къ землѣ).

[5]) Тамъ-же, VI, 66, и 305—306.

[6]) Тамъ-же, VI, 66 —„Русск. Бес.“ 1860 г. 42 (Погодинъ).

[7]) Донесеніе Плейера 15 іюня 1706 г. Устряловъ, VI, 306 (Вѣнск Арх.).

могло еще быть если не устранено, то все же смягчено въ рѣшительную пору формированія характера, путемъ вліянія на него въ духѣ прогресса и преобразовательной системы. Если бы отецъ и сынъ были въ постоянномъ общеніи, при всемъ различіи взглядовъ и мнѣній оставаясь въ непрерывныхъ личныхъ сношеніяхъ, если бы Петръ пріобщилъ сына къ своимъ интересамъ, хотя-бы имѣлъ его рядомъ съ собой въ Полтавской битвѣ, то отчужденіе, возникшее между ними обоими и приведшее къ тяжелой развязкѣ, быть можетъ, не имѣло бы мѣста. Пока Петръ велъ битвы, имѣвшія всемірное значеніе, проявлялъ необычайныя дарованія въ восточномъ и балтійскомъ вопросахъ, и побѣдою подъ Полтавою утвердилъ внѣшнее могущество новой Россіи, его престолонаслѣдникъ былъ предоставленъ вліянію среды, роптавшей на царя, порицавшей его дѣятельность, соединяя религіозныя суевѣрія съ грубыми нравами и дикимъ образомъ жизни.

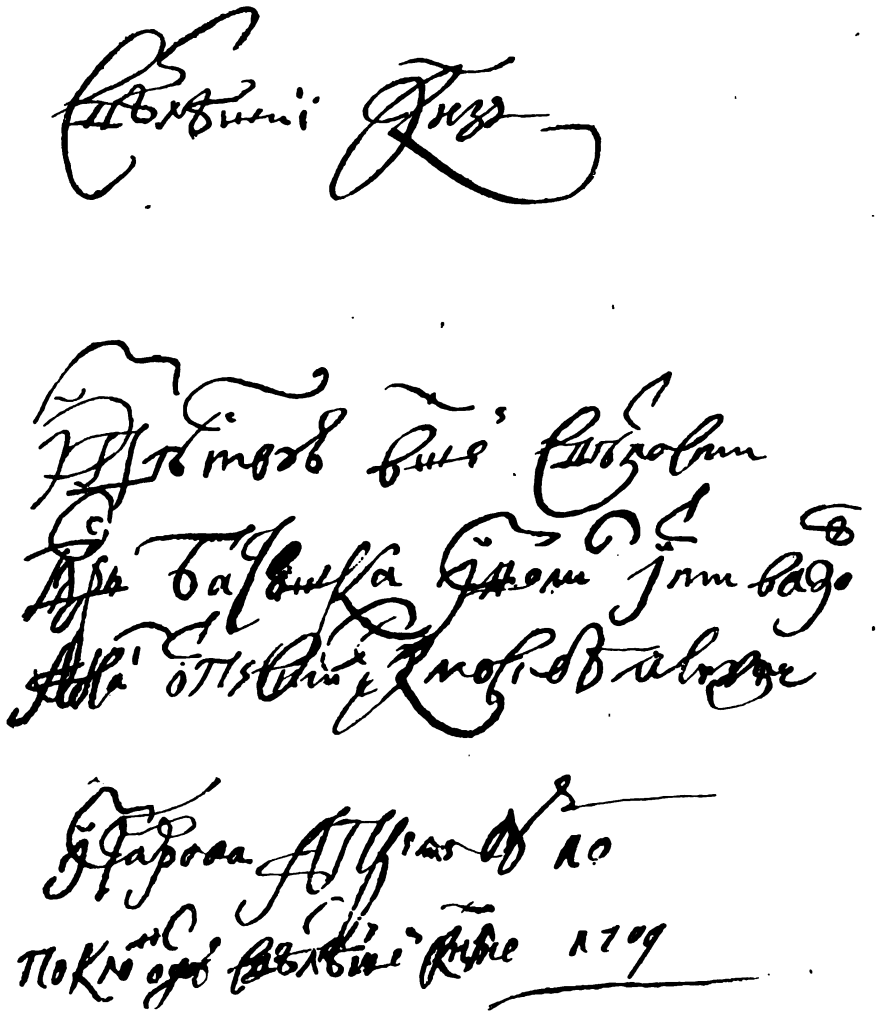
Въ Москвѣ Алексѣй жилъ въ семейномъ кругу родственниковъ, которые, какъ, напримѣръ, единокровныя сестры Петра, или приближенные царицы Евдокіи, испытали ярость царскаго гнѣва и не разъ принимали участіе въ направленныхъ противъ царя злоумышленіяхъ. Кромѣ того, многіе стоящіе даже на отвѣтственныхъ правительственныхъ должностяхъ порицали вѣчную тревогу и безпокойства войны, видя въ все ниспровергающихъ новшествахъ тяжелое бремя. Общее терпѣніе было подвергнуто большому испытанію; пока живъ былъ Петръ, не могло быть и рѣчи о какомъ-либо освобожденіи; надежда всѣхъ тѣхъ, которые были враждебны непрестаннымъ нововведеніямъ, тѣмъ болѣе должна была сосредоточиться на наслѣдствѣ престола, что этотъ послѣдній вовсе не выражалъ склонности слѣдовать примѣру отца, быть постоянно въ поѣздкахъ, стремиться за чудовищнымъ, вести войну, предпринимать опасныя дѣла и смѣлыя морскія путешествія; въ темпераментѣ царевича думали видѣть стремленіе къ покойной, мирной жизни.

Алексѣя нельзя было назвать неспособнымъ; онъ умѣлъ цѣнить преимущества образованія, охотно занимался чтеніемъ, но преимущественно богословскихъ книгъ; въ этомъ онъ походилъ на своего дѣда, Алексѣя Михайловича, или дядю, царя Ѳеодора. Такимъ образомъ, духовные интересы Алексѣя имѣли совершенно иную цѣль, чѣмъ у Петра. Первый не такъ уже категорично отрицалъ сближеніе съ Западною Европою или культуру саму по себѣ, какъ это принято иногда считать, но бесѣда съ духовнымъ лицомъ, обсужденіе церковныхъ вопросовъ доставляли ему удовольствіе, тогда какъ опасности морской поѣздки, волненія, сопряженныя съ отвѣтственностью государственной дѣятельности, казались ему тяжелыми и не-

выносимыми. Чертежное искусство, математика, прикладныя науки были царевичу недоступны, тогда какъ Петръ именно на этомъ поприщѣ видѣлъ источникъ просвѣщенія. У Алексѣя мы видимъ удивительное единодушіе съ господствовавшими въ народѣ стремленіями къ схоластической изобрѣтательности и богословскимъ тонкостямъ. Эти стремленія, конечно, не могли содѣйствовать вступленію Россіи въ число европейскихъ державъ и способствовать присоединенію русскаго народа и государства къ культурѣ Запада. Чтобы успѣшно бороться съ Швеціею, утвердить силу Россіи на морѣ и на сушѣ, требовались иныя, болѣе современныя образовательныя средства, которыя Петръ искалъ тамъ, гдѣ ихъ можно было обрѣсти, а именно въ кружкахъ иностранцевъ, даже въ самой Западной Европѣ. Но вмѣсто того, чтобы подобно отцу постоянно имѣть передъ глазами большія политическія цѣли, быть въ вѣчномъ движеніи, не зная отдыха, Алексѣй охотно занимался отвлеченными вопросами. По случаю своего бракосочетанія въ 1712 г. Алексѣй потребовалъ отъ извѣстнаго богослова Гейнекціуса, чтобы тотъ составилъ ему катехизисъ согласно ученію русской церкви, въ чемъ тотъ ему, впрочемъ, отказалъ вслѣдствіе своихъ вѣроисповѣдныхъ убѣжденій *). Подобныя стремленія представляются особенно удивительными на ряду съ отношеніемъ Петра къ географамъ, этнографамъ и естествоиспытателямъ, какъ Руичъ, Витсонъ и др. Петръ старался добывать себѣ книги по артиллеріи, балистикѣ и пиротехникѣ, а Алексѣй покупалъ сочиненія по церковной исторіи и богословію; Петръ увлекался чудесами микроскопа, а Алексѣй предпочиталъ углубиться въ разсужденія о маннѣ небесной; читалъ житія святыхъ, знакомился съ уставомъ бенедиктинскаго ордена, или изучалъ Ѳому Кемпійскаго. Въ то время, что Петръ занимался у станка ремесленника или въ арсенальныхъ лабораторіяхъ, Алексѣй былъ поглощенъ «Annales ecclesiastici» Баронія; Петръ съ поразительною наблюдательностью знакомился съ условіями благосостоянія и богатства въ Англіи и Голландіи, пріобрѣтая тѣмъ самымъ ту образованность, которая была ему нужна для законодательной и административной дѣятельности,— Алексѣй же дѣлалъ замѣтки о томъ, какъ въ старину соблюдались посты и что считалось тогда грѣховнымъ или дозволеннымъ; Петръ посѣщалъ анатомическіе театры, кунсткамеры, Алексѣй-же погружался въ чтеніе разныхъ чудесъ. Петръ изучалъ непосредственно тѣ государства и народы, которые представляли собою новую исторію, Алексѣй-же явно оказывалъ предпочтеніе среднимъ вѣкамъ, мистическія и схоластическія тонкости которыхъ, или папскіе и епископскіе законы и распоряженія, были ему

*) Guerrier. 120.

ближе, чѣмъ великая задача вѣка просвѣщенія и прогресса. Петръ былъ весь нервъ и трудъ, Алексѣй-же предпочиталъ мечтательную неподвижность; рядомъ съ твердою, все преодолѣвающей натурою Петра, Алексѣй кажется

Царевичъ Алексѣй князю Меншикову 10 апрѣля 17 9 г.

мускульно слабосильнымъ, сосредоточеннымъ въ узкомъ кругу ограниченныхъ мыслей; кажется не столько наслѣдникомъ могущественнаго престола, сколько послѣдователемъ ученій, которыя отвѣчали давно прошедшимъ временамъ. Сынъ принадлежалъ болѣе старому поколѣнію, чѣмъ отецъ, опередившій поколѣніе болѣе молодое. Среда, въ которой жилъ Алексѣй,

была анахронизмомъ. Если онъ былъ и оставался неспособнымъ разрѣшать задачу, которую ставила новая эпоха его странѣ и его народу, то могло легко случиться, что колесо несущагося впередъ времени его раздавитъ; Петръ стремился впередъ съ непостижимою яростью, и естественнымъ должно было казаться, что онъ отстранитъ Алексѣя, если тотъ будетъ служить ему безполезнымъ баластомъ; если престолонаслѣдникъ геніальнаго преобразователя не понималъ своего времени, потребностей своего государства и своего народа, то надлежало, не принимая во вниманіе богословскихъ и монашески-схоластическихъ стремленій Алексѣя, идти дальше по избранному пути; Россія присоединилась къ современной Европѣ, а царевичъ оставался при византійскихъ преданіяхъ; кормчій, который отодвигается назадъ, вмѣсто того чтобы смотрѣть впередъ, не годится для кормила правленія [9]).

Подобное направленіе въ развитіи царевича было естественнымъ послѣдствіемъ вращенія среди духовныхъ лицъ, которыхъ онъ предъ самою своею кончиною призналъ губительными для себя, хотя это сознаніе могло быть вынуждено у него мучительными истязаніями; онъ сознался, что имѣлъ склонность къ ханжеству, всего охотнѣе велъ бесѣды съ попами и чернецами, которые укрѣпляли его въ этомъ, пріучая также къ пьянству; поэтому всякій трудъ, всякое занятіе военными и политическими дѣлами, а также и личность отца были ему въ тягость [10]).

О принципіальномъ антагонизмѣ между духовными элементами и царемъ уже было говорено. Всякая оппозиція охотно принимала религіозный, церковный оттѣнокъ, водружая знамя благочестія и православія и называя царя еретикомъ, исчадіемъ ада. Выше также было упомянуто, что Алексѣй интересовался участью приговореннаго къ казни Талицкаго, который съ помощью различныхъ писаній старался внушить народу мысль, что Петръ есть антихристъ. Не трудно понять, что могло получиться изъ подобнаго положенія вещей, если царевичъ въ возрастѣ отъ 15 до 20 лѣтъ постоянно оставался въ застойной средѣ ограниченныхъ чернецовъ и поповъ, вмѣсто того, чтобы принимать участіе въ живительномъ потокѣ великихъ событій этихъ лѣтъ, въ дѣлахъ и стремленіяхъ Петра.

Болѣе глубокое наблюденіе надъ духовной жизнью царевича даетъ

---

[9]) О книгахъ царевича см. соч. Пекарскаго, собр. Есиповымъ въ „Чтеніяхъ М. О. И. и др.“ 1861, III, между прочимъ въ расходной книгѣ царевича 1714 г., 83—115. Выписки изъ Баронія у Устрялова, VI, 324 и Погодина 144, 170. Пекарскій, „Наука и Лит. при П. В.“, I, 46.

[10]) Устряловъ, IV, 528.

переписка его со своимъ духовникомъ Яковомъ Игнатьевымъ [11]), служившимъ центромъ всего кружка приближенныхъ Алексѣя.

Отношенія Якова Игнатьева къ Алексѣю сравнивали съ отношеніями патріарха Никона къ царю Алексѣю Михайловичу. Въ обоихъ случаяхъ замѣчается нѣкоторая зависимость князя отъ духовника; дѣдъ и внукъ были людьми благочестивыми, легко поддающимися постороннему вліянію. Оба искали и нашли опору и поддержку въ представителяхъ церкви. Царь называлъ патріарха своимъ сердечнымъ другомъ; также точно и царевичъ писалъ своему духовнику письма, исполненныя любви и смиренія, съ выраженіями почтенія и преданности; Алексѣй сказалъ однажды, что онъ не имѣетъ иного друга на землѣ и, въ случаѣ смерти Якова Игнатьева, лучше ему самому вовсе не возвращаться въ Россію [12]).

Оба имѣли однородныя желанія и надежды. Когда однажды царевичъ покаялся своему духовнику, что желалъ смерти своему отцу, то Яковъ Игнатьевъ отвѣтилъ: «Богъ тебя проститъ; и мы всѣ желаемъ ему смерти для того, что въ народѣ тягости много». Къ этому духовникъ добавилъ, что народъ любитъ царевича и возлагаетъ на него большія надежды.

Яковъ Игнатьевъ служилъ посредникомъ въ сношеніяхъ между Алексѣемъ и его матерью, царицею Евдокіею. Но намъ извѣстно только объ одномъ посѣщеніи царевича (въ 1706 г.) своей матери, заключенной въ Суздальскій монастырь,—обстоятельство послужившее поводомъ къ непріязненнымъ объясненіямъ между отцомъ и сыномъ [13]); кромѣ этого были только простыя письма и обмѣнъ подарковъ. Сношенія не были очень оживленными; впослѣдствіи они происходили черезъ посредство тетки Маріи Алексѣевны, и главнымъ образомъ заключались въ томъ, что Алексѣй пересылалъ матери деньги. Алексѣй такъ сильно боялся отца, что скрывалъ свои сношенія съ матерью даже отъ ближайшихъ друзей; старался онъ также скрывать отъ «соглядатаевъ» свою близость съ Яковомъ Игнатьевымъ. Въ многочисленной перепискѣ царевича съ своимъ духовникомъ соблюдалась извѣстная условность съ намѣреннымъ затемненіемъ смысла для непосвященныхъ къ «компаніи»; но при этомъ не было ни заговора, ни тайнаго общества съ какою либо политическою программою; это былъ кружокъ недовольныхъ, который порицалъ царя, царицу и Меньшикова, угрожая имъ кулакомъ въ карманѣ [14]); никогда дѣло не шло дальше

---

[11]) Эта переписка найдена въ 1720 г. и издана Есиповымъ и Погодинымъ.

[12]) Тамъ-же, 89. (письмо изъ Варшавы 27 апрѣля (1710 г.).

[13]) Устряловъ, VI, 18.

[14]) Погодинъ—Есиповъ, (въ разныхъ мѣстахъ).

пересудовъ дѣятельности царя и его приверженцевъ; много мѣста занимали также спеціальные духовные интересы. Въ этомъ отношеніи характернымъ является письмо Алексѣя къ своему духовнику изъ заграницы, въ которомъ онъ проситъ своего друга послать ему подъ видомъ слуги «сложившаго свои признаки» священника, чтобы не погубить своей души, если онъ неравно умретъ заграницею [15]). Царевичъ проявляетъ въ этомъ случаѣ удивительный духовный формализмъ съ ясно выраженнымъ стремленіемъ ко лжи и притворству; онъ составляетъ цѣлую систему обмана и предусматриваетъ всякія мелочи задуманнаго переодѣванія. По обстоятельности замысла можно было бы предположить большой политическій заговоръ, но въ дѣйствительности дѣло шло о совершенно частныхъ личныхъ интересахъ и только во внѣшней формѣ сказывается политическій преступникъ. Сосредоточенный въ кругу средневѣковыхъ нуждъ и узкихъ церковныхъ ученій, Алексѣй всегда имѣлъ въ виду божественное и будущую жизнь, но самыя заповѣди морали онъ попиралъ ногами; стремясь сообразоваться съ внѣшнимъ благочестіемъ, онъ нарушалъ всѣ правила свѣтской честности. Подобно католическому монаху или іезуиту, онъ считалъ себя обязаннымъ ради религіозныхъ цѣлей всѣхъ обманывать. Въ этомъ наглядно сказалось вліяніе духовныхъ элементовъ, которыми онъ былъ окруженъ въ молодости. Эти люди считали себя притѣсненными свѣтскою властью Петра; ненависть и злоба къ нему были здѣсь также сильны, какъ и страхъ передъ самосудомъ неумолимаго царя. Для того, чтобы обмануть свѣтскую власть, продѣлать переодѣваніе ad majorem Dei gloriam казалось маловажнымъ; напротивъ того, въ такой пасивной оппозиціи заключалось даже извѣстное наслажденіе. Открытый образъ дѣйствій свободныхъ людей замѣнялся здѣсь рабскимъ пронырствомъ.

Друзья, о которыхъ упоминается въ этой перепискѣ,—большею частью совершенно незначительные люди—имѣли свои прозвища [16]). Для взаимныхъ сношеній пользовались шифромъ, хотя собственно говоря, о политикѣ нѣтъ почти и рѣчи; говорилось больше о церковныхъ дѣлахъ, о попойкахъ. Членами этого кружка, въ числѣ прочихъ, былъ мужъ мамки царевича, его воспитатель Вяземскій, два Нарышкина; изъ высшихъ церковныхъ іерарховъ можно назвать епископа крутицкаго. Блюститель патріаршаго престола, Стефанъ Яворскій держался далеко отъ этихъ людей.

Когда возникъ вопросъ о бракосочетаніи Алексѣя съ принцессою Шарлоттою Вольфенбюттельской, въ кругу царевича возникло желаніе обра-

[15]) Тамъ-же, 40.

[16]) Отецъ, Корова, Адъ, Засыпка, Бритый, Жибалда и др. *Прим. ред.*

тить иноземку въ православіе. Царевичъ писалъ объ этомъ Якову Игнатьеву и указывалъ ему на необходимость присоединенія. Но очень сильнаго стремленія жениться на иностранкѣ Алексѣй не выражалъ [17]).

Только однажды осторожный и предусмотрительный Стефанъ Яворскій наглядно проявилъ свое сочувствіе царевичу, а именно въ 1712 г., во время проповѣди онъ призывалъ благоволеніе св. Алексѣя на царевича, котораго назвалъ «нашею единою надеждою». Эти слова вызвали неудовольствіе, такъ какъ Яворскій позволилъ себѣ нѣсколько неодобрительныхъ намековъ на отяготительныя для народа финансовыя мѣры царя. Нѣсколько сенаторовъ стали потомъ упрекать проповѣдника; онъ долженъ былъ письменно объясниться съ царемъ,—и все дѣло окончилось для него безъ послѣдствій. Алексѣй (находившійся заграницею) потребовалъ копію съ проповѣди и тщательно ее сохранялъ [18]).

Во время слѣдственнаго дѣла (1718 г.) Алексѣй показалъ, что Яворскій, еще до вѣнчанія Петра съ Екатериною, увѣщевалъ царевича беречь себя; если онъ умретъ, то царю другой жены не дадутъ, и придется ему опять призвать Евдокію, чтобы имѣть престолонаслѣдника [19]).

Но все это были простыя бесѣды съ глазу на глазъ. Возможность смерти царя все чаще возбуждается. Ограниченности окружавшихъ Алексѣя друзей вполнѣ соотвѣтствуютъ постоянные разговоры и обсужденіе про разныя пророческія предсказанія и сновидѣнія, предрекавшія, что Петръ умретъ черезъ столько лѣтъ или что при извѣстныхъ условіяхъ опять вернетъ Евдокію. Самообольщеніе играло здѣсь такую же роль, какъ и благочестивый обманъ; объ этихъ предметахъ много говорится въ бесѣдахъ окружающихъ царевича и съ царевною Маріею Алексѣевной; встрѣчаются они также и въ разговорахъ ростовскаго епископа Досифея съ Евдокіею и въ ея разговорахъ съ полковникомъ Глѣбовымъ, бывшимъ въ близкихъ сношеніяхъ съ жившею въ Суздальскомъ монастырѣ «инокинею Еленою», подъ которою скрывалась бывшая царица.

Въ этихъ кружкахъ Алексѣй чувствовалъ себя легко. Сношенія съ отцомъ были ему непріятны. Когда Петру приходилось уѣхать въ Москву, Алексѣй испытывалъ величайшее удовольствіе. Онъ мечталъ, чтобы «высшіе люди» оставили скорѣе столицу. Ему, естественно, могло казаться особою милостью судьбы, что Петру некогда серьезно заниматься сыномъ, что онъ самъ только мимоходомъ привлекается къ участію въ дѣлахъ.

---

[17]) Погодинъ—Есиповъ, 36—46, 352.

[18]) Устряловъ, VI, 29 - 32, 506.

[19]) См. у Соловьева и Устрялова.

Но и это случалось. Въ 1707 г. на него было возложено сосредоточеніе войскъ и продовольствіе въ Смоленскѣ. Сохранилось много писемъ царевича къ отцу, относящихся къ этому времени. Они ограничиваются необходимыми дѣловыми сообщеніями и условными вопросами о здравіи царя [20]). Остается неизвѣстнымъ, успѣшно ли выполнилъ Алексѣй порученную ему задачу. Впослѣдствіи онъ руководилъ фортификаціонными работами въ Москвѣ, вслѣдствіе опасеній, что Карлъ XII станетъ угрожать старой столицѣ. Однажды только царь выразилъ порицаніе сыну за его бездѣятельность [21]).

Царевичу приходилось вмѣстѣ съ тѣмъ много заниматься. Въ письмахъ Вяземскаго къ Петру упоминается, что Алексѣй занимается географіею, нѣмецкими спряженіями и арифметикою. Въ 1709 г. ему пришлось вести въ Украйну часть новыхъ рекрутъ. Въ Сумахъ онъ захворалъ и на долго остановился, и только къ Пасхѣ былъ въ Москвѣ. Вслѣдъ за Полтавскою битвою было принято рѣшеніе послать Алексѣя заграницу, но уже съ 1707 г. шли переговоры,—повидимому безъ того, чтобы Алексѣй что либо о нихъ зналъ—о бракосочетаніи царевича съ принцессою Шарлоттою Вольфенбюттельской [22]). Въ различныхъ письмахъ Петра, Алексѣя, Меньшикова, относящихся къ этому путешествію, ничего не говорится о предположенномъ бракѣ. Цѣлью поѣздки были выставлены научныя занятія.

Алексѣй познакомился съ своею невѣстою въ Шланкенвертѣ (близь Карлсбада). Онъ писалъ своему духовнику, что отвѣчалъ отцу о согласіи жениться на принцессѣ, что она показалась ему «человѣкъ добръ и лучше мнѣ здѣсь не сыскать» [23]). Изъ другихъ источниковъ намъ извѣстно, что въ старорусскихъ кружкахъ этотъ бракъ не встрѣчалъ сочувствія [24]).

Отзывы невѣсты о царевичѣ, какъ видно изъ ея писемъ, а также окружающихъ ея лицъ, не были ему неблагопріятны. Но при этомъ мы узнаемъ, что сидя за обѣдомъ между двумя принцессами, онъ не проронилъ ни одного слова, не подпимая глазъ съ тарелки; изъ Дрездена онъ могъ сообщить хорошія свѣдѣнія о своихъ занятіяхъ науками. Говорилось также, что Алексѣй былъ влюбленъ въ Россіи въ молодую княжну Трубецкую, которую Петръ поспѣшилъ выдать за другого.

Во всемъ дѣлѣ женитьбы Алексѣй игралъ совершенно пассивную роль.

---

[20]) Письма эти изданы въ 1849 г. Музаркевичемъ. въ Одессѣ.

[21]) Устряловъ, VI, 309.

[22]) Guerrier,—„Die Kronprinzessin Charlotte", 1875 г.—„Чтенія М О. и Др.", 1861 г., III, 51.

[23]) Есиповъ—Погодинъ, 51.

[24]) Устряловъ, VI, 24.

Съ его желаніями и мнѣніями не считались вовсѣ; онъ былъ простымъ орудіемъ посторонннхъ интересовъ.

Впрочемъ, время сватовства и первое время послѣ свадьбы (имѣвшей мѣсто въ Торгау, 14 октября 1712 г.) прошло довольно гладко. Гово-

Супруга царевича Алексѣя Петровича кронпринцесса Шарлота-Христина-Софія.

рили, что Алексѣй влюбленъ въ свою жену; она сама въ своихъ письмахъ говоритъ о полномъ счастьѣ. Отношенія сына къ отцу также представляются удовлетворительными. Онъ писалъ отцу о частностяхъ брачнаго договора; царь присутствовалъ на вѣнчаніи и оказывалъ большое благоволеніе своей невѣсткѣ. Но вскорѣ послѣ свадьбы Алексѣю пришлось принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ въ Помераніи, а царевна оставалась въ Торнѣ. Переписка между супругами носитъ очень искренній

характеръ. Съ чувствомъ большаго удовольствія приняла царевна сообщеніе, что ея мужъ рыцарски заступился за нее противъ Меньшикова, который неуважительно отозвался о ней [25]). Узнавъ, что Алексѣй участвуетъ въ предположенной высадкѣ на островъ Рюгенъ, она стала опасаться за его жизнь [26]).

Отношенія, однако, стали понемногу охлаждаться. Алексѣй опять предался пьянству. Встрѣтившись съ женою въ Петербургѣ, онъ обошелся съ нею очень грубо [27]). Возвратившись однажды въ сильномъ опьяненіи съ какой то попойки, онъ жаловался своему слугѣ, что ему «навязали жену-чертовку», которая его не любитъ [28]). Затѣмъ онъ сталъ хворать, говорили, что у него чахотка. Тогда онъ отправился заграницу (въ 1714 г.) и только, когда дорожная карета была подана, узнала Шарлотта о предстоящемъ отъѣздѣ мужа; во все время своего полугодичнаго пребыванія заграницею, онъ, повидимому, ни разу не написалъ своей женѣ. Въ это же время произошло сближеніе Алексѣя съ крѣпостною своего учителя Вяземскаго, финляндкою Евфросиньей. Пьянство его продолжалось, и эти излишества подтачивали его здоровье. Онъ опасно заболѣлъ, однако поправился.

Одинъ иностранецъ, имѣвшій возможность наблюдать за всѣмъ ходомъ этихъ супружескихъ отношеній, пишетъ: «если бы царевичъ не видѣлъ въ рожденіи наслѣдника защиту своей безопасности, то оба супруга оставались бы никогда не видѣвшими другъ друга». 12 октября 1715 г. у Шарлотты родился сынъ, будущій императоръ Петръ II, а въ ночь на 22 октября она скончалась.

Шарлотта не имѣла на своего мужа никакого нравственнаго вліянія. Она должна была дать царевичу, какъ престолонаслѣднику, дальнѣйшаго наслѣдника. И въ самый моментъ ея смерти все было опять поставлено на карту. На слѣдующій день послѣ похоронъ Шарлотты, у Екатерины также родился сынъ. Разладъ между царемъ и Алексѣемъ увеличивался,— и дѣло близилось къ развязкѣ [29]).

Оппозиціонные элементы были не въ одномъ только духовенствѣ. Среди боярства и высшихъ должностныхъ лицъ были нѣкоторыя лица, въ бесѣдахъ съ царевичемъ порицавшія дѣйствія Петра и тѣмъ самымъ

---

[25]) Guerrier, „Die Kronprinzessin...“, 86—89.
[26]) Тамъ-же, 90.
[27]) Тамъ-же, 137.
[28]) Устряловъ, VI, 35—36.
[29]) О болѣзни и смерти Шарлотты см. у Герье и Устрялова.

обострявшія существующую между отцомъ и сыномъ непріязнь. Однажды князь Владиміръ Васильевичъ Долгорукій говорилъ Алексѣю: «ты умнѣе отца, ты умныхъ людей знать лучше будешь»; одинъ князь Голицынъ доставлялъ царевичу книги отъ кіевскихъ монаховъ и сообщалъ ему, что они исполнены къ царевичу любви и преданности. Фельдмаршалъ Шереметевъ совѣтовалъ царевичу кого-либо подкупить изъ свиты Петра, чтобы знать, о чемъ тамъ говорится. Князь Куракинъ предупреждалъ царевича отъ козней его мачихи; какъ только она родитъ сына, то перестанетъ быть ласковой и доброй къ Алексѣю. Семенъ Нарышкинъ жаловался, что Петръ не хочетъ понять, что русскому дворянству достаточно много дѣла съ управленіемъ своихъ помѣстій. Алексѣй согласился, что очень жаль, что царь такъ мало имѣетъ заботы о чужихъ интересахъ [30]).

Въ этомъ собственно и заключается корень разлада. Петръ исходилъ изъ соображеній о государственныхъ потребностяхъ; Алексѣй же принадлежалъ къ тѣмъ, которые частные интересы ставили выше государственныхъ. Онъ былъ представителемъ отсутствія патріотическаго чувства и самопожертвованія для общаго блага, которое объясняется недостаткомъ тогдашняго политическаго образованія, безправіемъ подданныхъ, а также грубостью и самоуправствомъ правительственныхъ властей. Естественно вполнѣ, что Петръ понималъ это противорѣчіе и что онъ въ подобномъ неосмысленномъ отношеніи Алексѣя къ государственному дѣлу видѣлъ опасность для будущности Россіи. Можно-ли было допустить, чтобы судьба Россіи зависѣла отъ случайности, кто кого, Петръ или Алексѣй, переживетъ?

Когда царь дѣлалъ попытки пріохотить сына къ труду, Алексѣй старался уклониться. Онъ самъ разсказывалъ на слѣдственномъ производствѣ, что когда Петръ захотѣлъ весною 1713 года сдѣлать ему экзаменъ по чертежному искусству, онъ нарочно прострѣлилъ себѣ руку, чтобъ избѣжать испытанія, котораго онъ не могъ сдать [31]). Алексѣй предпочиталъ принимать лѣкарства, чтобы заболѣть, если ему предстояла дѣловая работа. Своему другу, Александру Кикину, онъ говорилъ про себя: «природнымъ умомъ я не дуракъ, только труда никакого понести не могу» [32]). Его теща герцогиня Вольфенбюттельская передавала въ 1717 г. русскому дипломатическому агенту Толстому, что напрасно царь принуждаетъ царевича къ военному дѣлу: «онъ лучше желаетъ имѣть въ рукахъ четки,

[30]) Соловьевъ, XVIII, 151.
[31]) Устряловъ, VI, 528.
[32]) Тамъ-же, 175.

чѣмъ пистоли»[33]). Во время своего процесса, онъ сознавался, что всѣ распоряженія его отца возбуждали въ немъ ненависть и что онъ всегда желалъ быть подальше отъ отца. Если ему необходимо нужно было присутствовать на придворномъ торжествѣ, онъ повторялъ не разъ: «лучше-бъ я на каторгѣ былъ или въ лихорадкѣ лежалъ, чѣмъ такъ быть».

Тѣмъ не менѣе стремленіе къ мирному покою все же не было исключительной характерной чертой царевича. Онъ разсчитывалъ когда-нибудь получить власть; въ самомъ близкомъ кругу онъ охотно разсказывалъ, что онъ тогда сдѣлаетъ, какъ онъ прежде всего оставитъ Петербургъ и будетъ преслѣдовать сторонниковъ своего отца, или что онъ разсчитываетъ на свою популярность въ народѣ, на свои связи среди духовенства[34]). Для него, подобно подневольному рекруту, готовому къ самоизувѣченію, чтобы только избѣжать ненавистной службы, ожидаемая имъ самимъ и многими другими смерть Петра являлась не только освобожденіемъ отъ тяжелаго труда, но и началомъ новаго царствованія, когда онъ могъ дать полную волю своимъ стремленіямъ и взглядамъ. Въ разговорахъ съ своей любовницею, Евфросиньей, онъ разсказывалъ, что когда будетъ царемъ, станетъ жить зимою въ Москвѣ, а лѣтомъ въ Ярославлѣ, что онъ уничтожитъ флотъ, сократитъ войско, ограничиваясь одною только обороною, а самъ никакихъ войнъ вести не будетъ[35]).

Алексѣй былъ убѣжденъ, что Петръ скоро умретъ. Ему сообщили, что царь страдаетъ эпилепсіею и что при этой болѣзни нельзя долго прожить[36]).

Поэтому онъ могъ занимать выжидательное положеніе, которое такъ соотвѣтствовало его наклонностямъ. Онъ не думалъ ни о какихъ-либо энергическихъ дѣйствіяхъ, ни о заговорѣ, ни о какомъ-либо политическомъ переворотѣ. Онъ роптalъ въ тиши, стараясь по возможности избѣжать предъявляемыхъ къ нему въ данный моментъ требованій. Но къ систематической оппозиціи, къ принципіальному и громко высказанному противодѣйствію у него не было ни мужества, ни желанія.

Петръ по всей своей природѣ былъ въ положеніи противоположномъ. Онъ не привыкъ ждать, чтобы дѣла сами устраивались, предоставивъ ихъ случайностямъ неизвѣстнаго будущаго. Какъ и во всемъ, такъ и въ дѣлѣ своей смерти, Петръ хотѣлъ сохранить за собой инициативу. Еще четыр-

---

[33]) Тамъ-же, 104 – 106.

[34]) Тамъ-же, VI, 35 и Соловьевъ XVIII, 150.

[35]) Устряловъ, VI, 238. Показаніе Евфросиньи.

[36]) Погодинъ-Есиповъ, 190.

надцатилѣтнему Алексѣю онъ угрожалъ, что не признаетъ его своимъ сыномъ, если тотъ не станетъ вести себя какъ нужно. Въ послѣдующее десятилѣтіе ничего не случилось, что бы могло отстранить подобныя опасенія въ развитіи Алексѣя. Становилось все очевиднѣе, что царевичъ совсѣмъ иныхъ взглядовъ, чѣмъ того хотѣлъ Петръ. Теперь наступило время привести въ исполненіе угрозу, произнесенную въ 1704 г. Изъ одного письма Петра къ сыну мы увидимъ, что царь часто осыпалъ сына упреками, даже побилъ его и подолгу не разговаривалъ. Развязка была неизбѣжна [37]).

Въ день погребенія Шарлотты (27 окт. 1715 г.) Петръ передалъ Алексѣю, подписанное 11 октября, письмо, заключающее въ себѣ родъ ультиматума: царь считалъ своего сына неспособнымъ къ веденію государственныхъ дѣлъ, такъ какъ тотъ не обнаруживаетъ никакихъ познаній въ военномъ дѣлѣ и неохоту къ изученію дѣйствительно нужнаго; онъ подобенъ евангельскому рабу, лѣнивому, который зарылъ въ землю свой талантъ, онъ злой, упрямъ и непослѣдователенъ; поэтому онъ долженъ измѣниться къ лучшему или ожидать устраненія отъ престолонаслѣдія. Царь заканчиваетъ свое письмо совѣтомъ не разсчитывать на то, что онъ единственный сынъ: «Лучше будь чужой добрый, нежели свой непотребный [38]).

Это письмо было естественнымъ послѣдствіемъ того разлада, который такъ обострился между отцомъ и сыномъ.

На слѣдующій день у Екатерины также родился сынъ, Петръ Петровичъ.

Куракинъ раньше говорилъ Алексѣю, что мачиха будетъ къ нему добра, пока у нея не будетъ собственнаго сына. Теперь у нея есть сынъ. Въ дипломатическихъ кругахъ сообщали, что Екатерина была очень недовольна рожденіемъ сына у царевича Алексѣя; сообщеніе объ этомъ неудовольствіи молодой матери будто бы осложнило ея положеніе и было одной изъ причинъ ея смерти [39]). Въ этомъ смыслѣ высказывался потомъ самъ царевичъ въ Вѣнѣ, жалуясь на чинимыя ему дома притѣсненія [40])

---

[37]) Петру приписывается письмо, которое онъ въ 1711 г. писалъ съ береговъ Прута Сенату, чтобы избралъ ему наслѣдникомъ достойнѣйшаго,—но это ни на чемъ не основано.—Ст. Устрялова въ академич. словарѣ 1859 г. Статьи Витберга и Бѣлова въ „Др. и Нов. Рос." 1875 и 1876.

[38]) Письмо это было включено въ слѣдственное дѣло Алексѣя и не разъ потомъ напечатано.

[39]) Устряловъ, VI, 343 (Плейеръ).

[40]) Тамъ же, VI. 67.

Въ позднѣйшее время было высказано не мало удивленія, что письмо, написанное еще 11 октября, было передано только 27 октября. Но одиннадцатаго ни одинъ царевичъ еще не родился. Потомъ пытались объяснить образъ дѣйствій Петра, желавшаго передать письмо до разрѣшенія отъ бремени Екатерины, нежеланіемъ, чтобъ думали, что престолонаслѣдственныя права Алексѣя приносились въ жертву новорожденному сыну второй супруги. Днемъ позднѣе уже нельзя было-бы сказать, что Алексѣй не долженъ разсчитывать на то, что онъ единственный сынъ. Мы не беремъ на себя проникнуть въ тайну мыслей царя[41]).

Друзья Алексѣя совѣтовали ему добровольно отказаться отъ своихъ наслѣдственныхъ правъ на престолъ, причемъ намекали на возможность предъявить ихъ позднѣе. Въ короткомъ письмѣ къ отцу онъ рѣшился отказаться отъ престолонаслѣдія, такъ какъ для правленія требуется не такой лѣнивый человѣкъ, какъ онъ, царевичъ; онъ указывалъ на своего единокровнаго брата, которому желалъ здравія и долгой жизни.

По полученіи этого письма, Петръ долго бесѣдовалъ съ княземъ Василіемъ Долгорукимъ, который вслѣдъ затѣмъ сообщилъ царевичу, что онъ, Долгорукій, спасъ его отъ лобнаго мѣста[42]).

Нѣсколько дней спустя Петръ опасно захворалъ, но поправился. 19 января 1716 г. послѣдовало второе, еще болѣе угрожающее письмо царя къ сыну; онъ не вѣрилъ въ искренность не подававшаго никакихъ слѣдовъ раскаянія сына; кромѣ того, единомышленники Алексѣя, въ особенности «бородачи», т. е. духовенство, могли его настроить иначе; поэтому Алексѣю оставалось выбрать: или самому перемѣниться, или постричься, иначе, замѣчаетъ Петръ, онъ не будетъ спокоенъ духомъ, такъ какъ часто сталъ хворать. Заканчивалось письмо угрозою, что если Алексѣй не приметъ немедленнаго рѣшенія, то съ нимъ будетъ поступлено, какъ съ злодѣемъ.

Какъ видно, взаимныя отношенія толкали царя все дальше по тому же пути. Отреченія было недостаточно; въ глазахъ всѣхъ Алексѣй могъ оставаться законнымъ престолонаслѣдникомъ; требовалось заключеніемъ въ монастырь устранить его подальше, чтобы дать спокойствіе Петру. Во время составленія втораго письма гнѣвъ все сильнѣе охватывалъ Петра, такъ что въ концѣ явилась угроза смертной казни. Послѣднее выраженіе—«злодѣй»—даетъ толкованіе словамъ Долгорукаго, что онъ въ

[41]) Соловьевъ объясняетъ позднюю подачу письма болѣзнью Петра (XVIII, примѣч. X).

[42]) Соловьевъ, XVII, 169.

бесѣдѣ съ царемъ спасъ царевича отъ плахи. Но если ни отреченіе, ни заточеніе въ монастырь не казались достаточными для внушенія Петру покоя, то приходилось прибѣгнуть къ судебному приговору.

Друзья царевича опять совѣтовали уступить; ему говорили, что монашескій клобукъ не гвоздями прикрѣпляется къ головѣ; по мнѣнію Вяземскаго, царевичу надлежало только передъ лицомъ священника заявить, что онъ принимаетъ монашескій чинъ лишь вслѣдствіе принужденія. Это было своего рода «reservatio mentalis».

Въ коротенькой запискѣ къ отцу Алексѣй заявилъ, что готовъ постричься.

Петръ былъ въ затруднительномъ положеніи. Онъ могъ подозрѣвать про оговорку. Этимъ путемъ нельзя было достигнуть съ сыномъ желанной цѣли. Его духъ не могъ быть спокоенъ. Положеніе оставалось неопредѣленнымъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не было никакого повода обращаться съ сыномъ, какъ съ «злодѣемъ».

Обстоятельства потребовали въ это время отъѣзда царя заграницу. Передъ отъѣздомъ Петръ прибылъ къ царевичу и объявилъ, что даетъ ему нѣсколько мѣсяцевъ размышленія. Можно подумать, что Петръ призналъ необходимость отложить рѣшеніе, точно опасаясь крайнихъ предѣловъ принятаго имъ по отношенію къ царевичу образа дѣйствій.

Въ это же время у Алексѣя созрѣвала мысль о бѣгствѣ заграницу. Авторомъ этого бѣгства былъ Александръ Кикинъ, служившій въ придворномъ штатѣ царевны Маріи Алексѣевны, человѣкъ, духовно стоявшій гораздо выше царевича и имѣвшій на него большое вліяніе. Онъ проявилъ огромный талантъ интригана и принималъ также участіе въ отвѣтахъ на оба письма.

Уже въ 1714 г. Кикинъ совѣтовалъ Алексѣю продолжать свое заграничное путешествіе, предпринятое для леченія теплыми водами, чтобы посѣтить Голландію, Италію и Францію. Онъ настойчиво совѣтовалъ ему искать себѣ благосклоннаго пріема у Людовика XIV, «который и другихъ королей держитъ подъ своею протекціею».

Вскорѣ послѣ отъѣзда Петра, отправилась заграницу и Марія Алексѣевна; ее сопровождалъ и Кикинъ, открыто выражавшій свое неодобреніе, что Алексѣй не послѣдовалъ его совѣту отправиться во Францію. На прощаніе онъ сказалъ Алексѣю, что присмотритъ ему убѣжище[43]).

Въ дипломатическихъ кружкахъ толковали, что тетка царевича, Наталья Алексѣевна, единоутробная сестра Петра, умершая 18 іюня 1716 г.,

[43]) Устрялова.

на смертномъ одрѣ увѣщевала племянника позаботиться о своей безопасности; онъ долженъ при первой къ тому возможности поступить подъ покровительство императора Карла VI[44]).

Есть извѣстіе, что Алексѣй обратился къ Герцу[45]) съ просьбою о помощи Швеціи. Герцъ посовѣтовалъ Карлу XII вступить черезъ Понятовскаго въ сношенія съ Алексѣемъ, пригласить его въ Швецію и обѣщать помощь; впослѣдствіи, когда послѣ бѣгства въ Италію, Алексѣй отдался царскимъ посланнымъ Румянцеву и Толстому, Герцъ сѣтовалъ, что изъ неумѣстнаго мягкосердечія упущенъ хорошій случай заключить миръ на выгодныхъ условіяхъ[46]).

Во время слѣдственнаго дѣла, открывшаго многія тайны, объ этихъ сношеніяхъ нѣтъ рѣчи; но Петру, повидимому, они стали извѣстны въ его пребываніе въ Ревелѣ во время катастрофы съ царевичемъ[47]).

Алексѣй пребывалъ въ надеждѣ, что Петръ скоро умретъ. Одинъ сибирскій выходецъ, Никифоръ Вяземскій и др. лица разсказывали ему пророчества и сновидѣнія о неизбѣжности скорой смерти царя. Онъ думалъ, что можетъ переждать. Оставалось только выиграть время. Но изъ нерѣшительности его вывело письмо отца, писанное 26 августа 1716 г. изъ Копенгагена: Алексѣй долженъ немедленно постричься, или немедленно ѣхать къ отцу. Царевичъ тотчасъ же выразилъ готовность ѣхать къ царю, но рѣшился бѣжать къ императору Карлу VI. Въ это намѣреніе было посвящено только двое слугъ. Царевичъ предполагалъ остаться заграницею до самой смерти Петра и потомъ, по полученіи радостной вѣсти объ ожидаемомъ событіи, вернуться въ Россію. Во время слѣдствія онъ назвалъ извѣстное число сенаторовъ, военачальниковъ и духовныхъ іерарховъ, на покровительство и содѣйствіе которыхъ онъ разсчитывалъ по возвращеніи на родину; его стремленія были направлены не столько на престолъ, отъ котораго онъ отрекся, сколько на то, чтобы быть только регентомъ во время малолѣтства Петра Петровича[48]).

Этотъ проектъ свидѣтельствуетъ, что духовная ограниченность и скромность Алексѣя имѣли предѣлы, что онъ оставался вѣрнымъ своимъ правамъ, что угрозы Петра лишить сына всякой политической будущности возбудили въ послѣднемъ честолюбіе и нежеланіе добровольно подчиниться.

---

[44]) Соловьевъ, XVII, 173. (Донесеніе гол. резидента Де-Би).

[45]) Баронъ Герцъ, – шведскій министръ при Карлѣ VII, родомъ изъ Голштиніи. Казненъ по обвиненію въ измѣнѣ. (*Прим. ред.*).

[46]) Сочин. Fryxell о Карлѣ XII.—Нѣм. пер. Іенсена-Туша, V, 502.

[47]) Письма русскихъ государей. М. 1861. Соловьевъ, XVII, 228.

[48]) Устряловъ, VI, 509..

Но, собственно говоря, ни о какомъ заговорѣ не можетъ быть и рѣчи. Алексѣй представляетъ собою противоположность всякаго «дѣйствія». Онъ хочетъ исчезнуть на неопредѣленное время. Онъ имѣетъ приверженцевъ; но ихъ никоимъ образомъ нельзя считать за политическую партію; у него есть нѣсколько посвященныхъ, но они также не участники заговора. Алексѣй довольствовался желаніями и надеждами. Чтобы составить наступательный планъ, у него не доставало энергіи, политической опытности, сообразительности. Онъ въ полной неизвѣстности, какъ въ случаѣ смерти Петра, ему встрѣтить въ Россіи хорошій пріемъ. Какъ наивный политикъ, Алексѣй разсчитывалъ на враждебность нѣкоторыхъ высшихъ лицъ къ Меньшикову и на симпатіи нѣкоторыхъ вліятельныхъ сановниковъ къ нему, царевичу.

Образъ дѣйствій Алексѣя не свободенъ отъ извѣстной доли іезуитизма. Было бы благороднѣе и честнѣе открыто возражать отцу, предъявить свои права, протестовать противъ несправедливыхъ требованій Петра. Но всякій, знавшій характеръ и обычаи Петра, какъ зналъ это Алексѣй, понималъ, что въ такомъ случаѣ сопротивленіе было равносильно смертному приговору. Растлѣвающее вліяніе страха, свойственное рабамъ, вмѣстѣ съ лицемѣріемъ и покорностью, не было чуждо и Алексѣю. Его дѣйствія могутъ казаться безнравственными, но государственнымъ преступникомъ онъ былъ лишь постольку, поскольку былъ дезертиромъ.

Приходится, впрочемъ, замѣтить, что предположенія Алексѣя могли легко исполниться, если бы не обманула надежда на смерть Петра. Меньшиковъ былъ ненавидимъ [49]). Екатерина также имѣла мало сторонниковъ въ высшемъ кругу; было весьма возможно, что около престола малолѣтняго Петра Петровича первое мѣсто отошло бы Алексѣю.

Но въ разсчетахъ Алексѣя была крупная ошибка. Петръ остался жить. Борьба между отцомъ и сыномъ должна была получить кровавый исходъ.

26-го сентября Алексѣй выѣхалъ изъ Петербурга. Онъ простился съ нѣсколькими сенаторами, заручаясь ихъ благорасположеніемъ. Недалеко отъ Либавы онъ встрѣтилъ возвращающуюся обратно тетку Марію Алексѣевну. Бесѣду съ ней Алексѣй также выдалъ подъ пыткою. Она предложила ему написать коротенькое привѣтствіе своей матери, царицѣ

[49]) Матеріалы къ ист. русск. флота, II, 133.—Меньшиковъ могъ представить для царевича большую опасность, такъ какъ Де-Ви въ 1716 г. доносилъ, что ему будто бы оставлено Петромъ полномочіе неограниченно править государствомъ.

Евдокіи, послѣ того, какъ онъ спросилъ, жива-ли она еще. При этомъ говорили объ одномъ сновидѣніи, что Петръ опять приблизитъ Евдокію. Отодвинутые на задній планъ, тихо и терпѣливо страдающіе разсчитывали на невидимыхъ, пеземныхъ союзниковъ; собственно о заговорѣ не было и помысловъ.

Въ Либавѣ Алексѣй встрѣтилъ своего друга Кикина. Съ нимъ онъ условился о подробностяхъ бѣгства; тотъ собралъ въ Вѣнѣ свѣдѣнія, что царевичу будетъ оказанъ хорошій пріемъ. Очень интересны предложенныя Кикинымъ мѣры, чтобы цѣлой системою демонстративныхъ и частью обманныхъ писемъ, которыя царевичъ долженъ былъ отправить разнымъ лицамъ, скомпрометировать другихъ, а самому Кикину остаться какъ бы непричастнымъ къ дѣлу, въ случаѣ розыска о пособничествѣ и подстрекательствѣ бѣгства Алексѣя.

Царевичъ въ особенности подчеркивалъ одно внушенное ему Кикинымъ основаніе къ бѣгству, а именно, что онъ слушалъ, что царь призываетъ своего сына къ себѣ только за тѣмъ, чтобы подвергнуть его опасностямъ военнаго похода и предать смерти, сославшись на врага.

На пути къ отцу царевичъ исчезъ безслѣдно. Въ Россіи безпокоились относительно пребыванія Алексѣя; въ особенности друзья царевича, не посвященные въ тайну, были очень взволнованы; дядя Алексѣя, Абрамъ Лопухинъ, наводилъ даже справки у австрійскаго резидента Плейера, не знаетъ-ли тотъ что-либо о мѣстопребываніи Алексѣя; Петръ разослалъ на поиски по различнымъ направленіямъ, чтобы найти пропавшаго,—а самъ Алексѣй съ небольшою свитою, въ томъ числѣ и переодѣтая пажемъ Евфросинья, жилъ въ Вѣнѣ подъ именемъ Коханскаго; долгое время даже тамошній русскій посланникъ Веселовскій не зналъ, что при императорскомъ дворѣ скрывался царевичъ, и только впослѣдствіи узналъ, что онъ поселился въ Тиролѣ, въ замкѣ Эренбергъ [50]).

Въ Вѣнѣ царевичъ тотчасъ обратился къ вице-канцлеру графу Шенборну; послѣ нѣсколькихъ совѣщаній министровъ по поводу возникшаго щекотливаго дѣла, Алексѣй былъ водворенъ сначала въ Вейербургѣ близъ Вѣны, потомъ въ Эренбергѣ, въ Тиролѣ и, наконецъ, въ Сантъ-Эльмо у Неаполя. Съ австрійской стороны думали обмануть царя относительно мѣстопребыванія Алексѣя и на настоятельныя требованія Петра о выдачѣ сына отвѣчали уклончиво; агенты царя открыли убѣжище царевича и домогались разрѣшенія австрійскаго правительства получить доступъ къ

[50]) Оба брата Веселовскіе оказались замѣшанными въ этомъ дѣлѣ и долго не смѣли вернуться въ Россію.

сантъ-эльмскому плѣннику. Тогда начались между опытнымъ, всецѣло преданнымъ царю Толстымъ и несчастнымъ бѣглецомъ переговоры относительно его возвращенія въ Россію [51]).

Можно изумляться, какъ энергическая воля Петра затрудняетъ всѣ планы Алексѣя, хотя тому было обѣщано покровительство императора, «главы христіанства», и въ концѣ-концовъ извлекаетъ несчастнаго царевича изъ его убѣжища. Тотъ самый Алексѣй, который въ Вѣнѣ и Эренбергѣ со слезами и колѣнопреклоненно молилъ о защитѣ отъ отцовскаго гнѣва, о содѣйствіи къ возстановленію своихъ правъ и правъ своихъ дѣтей, который писалъ изъ Сантъ-Эльмо различнымъ сенаторамъ и духовнымъ лицамъ въ Петербургъ, что онъ въ безопасности и разсчитываетъ на ихъ расположеніе [52]), когда ему настанетъ время вернуться въ Россію обратно, который путемъ газетъ и дипломатическихъ сообщеній получалъ свѣдѣнія объ общемъ броженіи въ Россіи, о ропотѣ стоявшихъ въ Мекленбургѣ русскихъ войскъ, о болѣзни своего брата Петра Петровича,—тотъ-же Алексѣй дрожалъ при угрозѣ Толстого, что Петръ, вопреки всѣмъ препятствіямъ, съумѣетъ схватить его, и выразилъ согласіе вернуться на родину, когда Толстой замѣтилъ ему, что ожидается личное прибытіе Петра въ Италію. Алексѣй, постоянно повторявшій государственнымъ сановникамъ Австріи, что никогда не надо полагаться ни на какія обѣщанія царя, теперь былъ готовъ положиться на его милость. Не даромъ говорили австрійскіе государственные люди, что царевичъ не знаетъ, чего хочетъ, что на него нельзя положиться, что у него слишкомъ мало ума, чтобы можно было извлечь изъ него какую-либо пользу [53]).

Подобное рѣшеніе Алексѣя вполнѣ отвѣчало политическимъ намѣреніямъ австрійскаго двора. Изъ Вѣны обращались къ англійскому правительству съ запросомъ, склонно-ли оно что-либо предпринять въ пользу Алексѣя; на совѣщаніяхъ австрійскихъ государственныхъ людей, на которыхъ дѣятельное участіе принималъ принцъ Евгеній Савольскій, обсуждалась возможность, что Петръ съ частью своихъ войскъ перейдетъ изъ Польши въ австрійскіе предѣлы, а именно въ Силезію или Богемію [54]).

Петръ изъ Спа переслалъ сыну письмо (10-го іюля 1717 г.), переданное чрезъ Толстого и Румянцева, которымъ было поручено путемъ

---

[51]) Устряловъ, VII, приводитъ много данныхъ изъ Вѣнскаго архива.

[52]) Письма эти не были отосланы и хранятся въ Вѣнскомъ архивѣ. Устряловъ, VI, 91.

[53]) Тамъ же, VI, 124—132.

[54]) Тамъ же, VI, 378 и 103.

обѣщаній и угрозъ добиться возвращенія царевича обратно. Языкъ этого письма столь же суровъ и полонъ строгости, какъ и прежнія письма царя къ сыну. Но въ случаѣ покорности и возвращенія ему обѣщается безнаказанность; въ противномъ случаѣ угрожается отцовскимъ проклятіемъ и страшнымъ наказаніемъ [55]).

У Алексѣя теперь имѣется только одно желаніе: чтобы ему было дозволено жениться на Евфросиньѣ и жить частнымъ лицомъ. Толстой остроумно совѣтовалъ царю, что необходимо согласиться на этотъ бракъ, чтобы всѣ подумали, что царевичъ бѣжалъ ради этой женщины; всѣ убѣдятся въ слабоволіи Алексѣя.

Весьма возможно, что Евфросинья также была причастна рѣшенію царевича. Она созналась, что совѣтовала Алексѣю отправиться въ Римъ и отдаться подъ покровительство папы.

Возвращеніе злополучнаго царевича состоялось. Его любовь къ Евфросиньѣ выражалась въ рядѣ писемъ къ ней, когда она была вынуждена уѣхать и осталась въ разлукѣ съ царевичемъ; эти письма преисполнены нѣжностей. Въ нихъ постоянно встрѣчается надежда, что они оба въ сельской тишинѣ проживутъ, опираясь только на свою любовь и ничего не домогаясь. Нѣсколько странно видѣть у грубоватаго и равнодушнаго Алексѣя такую глубокую мечту о тихой жизни. Письма его къ сенаторамъ и духовнымъ властямъ, писанныя въ Неаполѣ, являются послѣднимъ остаткомъ политическаго увлеченія. Въ нихъ онъ еще выступаетъ въ роли претендента, опирающагося на свои права и надѣющагося на свою дѣятельность, какъ правителя. Но ему не суждено ни это, ни та тихая семейная жизнь, къ которой онъ былъ, повидимому, созданъ. Возникъ ужасный уголовный процессъ, и удивительно, что Алексѣй его не предвидѣлъ. Но и въ немъ, какъ всегда, онъ является слабовольнымъ, дѣйствующимъ по внушеніямъ другихъ. Всю свою жизнь онъ подчинялся вліянію окружающихъ. Даже самый способъ приближенія къ нему опасности свидѣтельствуетъ о полномъ недостаткѣ личной иниціативы съ его стороны. Въ царевичѣ нѣтъ ничего трагическаго, его смерть также не напоминаетъ героя.

Относительно дальнѣйшихъ происшествій друзья Алексѣя были гораздо больше встревожены, чѣмъ онъ самъ. Естественно было ожидать тяжелаго слѣдствія. Лица его кружка, нѣкоторые его родственники и друзья, ему сочувствовавшіе и радовавшіеся, что за границею его жизнь въ безопас-

[55]) Тамъ же, VI, 388.

ности, пришли теперь при вѣсти о его возвращеніи въ большое волненіе. Упрекали Толстого, который, подобно Іудѣ, предалъ царевича, говорили, что Толстой опоилъ Алексѣя заколдованнымъ зельемъ, чтобы его обойти. Князь Василій Долгорукій сказалъ одному другу, что Алексѣй глупецъ, позволяетъ каждому себя уговорить; вмѣсто свадьбы съ Евфросиньей, на которую онъ надѣялся, его ожидаетъ кара. Больше всѣхъ обезпокоенъ былъ Кикинъ; поступокъ Алексѣя былъ безуміемъ, царь сдѣлаетъ его на вѣки несчастнымъ; «многіе теперь должны пострадать»—жаловался онъ въ бесѣдѣ съ личнымъ слугою царевича [56]).

Графъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ, начальникъ сыскной канцеляріи.

Въ Европѣ, повидимому, не отдавали себѣ отчета въ опасности, которой подвергался Алексѣй. Газеты, печатавшія подробныя сообщенія о возвращеніи царевича, повторяли извѣстіе, что Алексѣй женится на своей двоюродной сестрѣ, вдовствующей герцогинѣ Курляндской Аннѣ Іоанновнѣ [57]). О настроеніи русскаго общества Плейеръ пишетъ, что въ придворныхъ кружкахъ замѣчается общая радость, но къ самому царевичу относились довольно равнодушно, полагая, что его ожидаетъ заточеніе въ монастырь. Австрійскій резидентъ замѣчаетъ, что духовенство, помѣщики, народъ очень преданы царевичу и радуются, что онъ нашелъ себѣ убѣжище у австрійскаго императора. Въ январѣ 1717 года Плейеръ доносилъ императору, съ какимъ участіемъ выслушивались разсказы о безопасности царевича, о тѣхъ слухахъ, которые породило извѣстіе о военномъ бунтѣ въ Мекленбургѣ, о предположеніи убить Петра, заключить Екатерину въ монастырь, а Евдокію освободить и возвести на престолъ Алексѣя [58]).

Не окончивъ своего знаменитаго путешествія 1697—1698 г., Петру

---

[56]) Соловьевъ, XVII, 199.

[57]) Погодинъ-Есиповъ, 208 (мнѣнія голл. печати).

[58]) Устряловъ, VI, 371 (донесеніе приведено въ нѣмецкомъ текстѣ изъ Вѣнскаго архива). Петръ узналъ объ этомъ отъ Алексѣя. Получилось дипломатическое осложненіе. Плейеръ долженъ былъ покинуть Россію.—Статья Гасельблата въ „Русск. Обозр.“, т. VIII.

пришлось спѣшить въ Россію чтобы заняться дѣломъ стрѣлецкаго бунта. Тогда на лицо было рѣзкое противорѣчіе между культурною миссіею царя, его научными и техническими работами въ Западной Европѣ съ одной стороны и невѣроятною жестокостью московскихъ пытокъ и казней— съ другой.

Въ 1718 г. это соотношеніе повторилось. Послѣ продолжительнаго пребыванія въ Европѣ, посѣтивъ Парижъ, Амстердамъ и Германію, воспріявъ тамъ богатую духовную пищу, царь вернулся на родину, чтобы тотчасъ приступить къ жестокой дѣятельности судьи и палача. Снова начались пытки и казни по азіатскому образцу, чудовищный процессъ, борьба съ направленной противъ преобразованій царя оппозиціей. Царю хотѣлось одержать окончательную побѣду надъ всѣми элементами броженія за послѣднія десятилѣтія. Россія вступила въ разрядъ европейскихъ государствъ, она стала великою державою; для внутреннихъ преобразованій было сдѣлано уже невѣроятно многое. Со многими противниками Петръ счастливо свелъ счеты; та темная сила, которую онъ нѣкогда назвалъ «сѣменемъ Милославскихъ» была приговорена къ молчанію, уничтожена; больше не было стрѣльцовъ; Софья умерла въ монастырѣ; бунтъ астраханскій и на Дону подавленъ, казаки и раскольники обузданы. Оставался еще только Алексѣй, имя котораго, какъ престолонаслѣдника, его будущность, пока онъ живъ, должны были служить опасностью для реформаторской дѣятельности Петра.

То же самое стремленіе подавить всю силу оппозиціи во всемъ ея объемѣ, захватить и покарать истинныхъ вожаковъ сопротивленія противъ новой системы, которое придало такіе поражающіе размѣры стрѣлецкому розыску 1698 г., обуревало царя и въ 1718 году. Алексѣй, самъ по себѣ, былъ менѣе опасенъ, чѣмъ окружающая его среда; теперь надлежало привлечь къ отвѣтственности его доброжелателей и друзей, его совѣтниковъ и довѣренныхъ лицъ. Передъ Петромъ стоялъ не слабохарактерный, плохоразвитый юноша: онъ видѣлъ въ престолонаслѣдникѣ представителя враждебной партіи. Дѣло шло не о домашнемъ столкновеніи, не о семейной драмѣ; дѣло шло о принципахъ. Петръ рѣшилъ дѣйствовать противъ союзниковъ и единомышленниковъ Алексѣю съ тою же непреложною суровостью, съ какою онъ относился къ проявленію другихъ возмущеній.

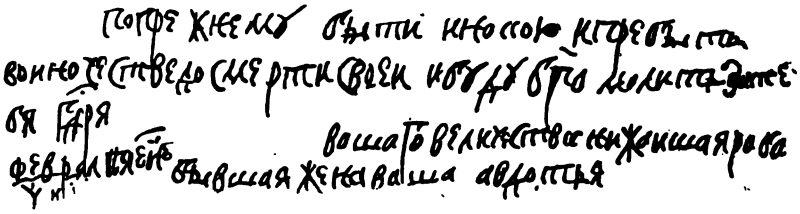
Отъ царевича было потребовано формальное отреченіе.

31 января 1718 г. онъ прибылъ въ столицу. 3 февраля въ Кремлѣ состоялось торжественное засѣданіе, на которое царевичъ явился безъ шпаги и отказался отъ своихъ престолонаслѣдственныхъ правъ. Въ тотъ-

же день былъ обнародованъ манифестъ, которымъ народъ оповѣщался о всемъ происшедшемъ и въ которомъ были перечислены всѣ вины царевича. Алексѣй заслуживаетъ смертной казни, но онъ милостиво освобождается отъ всякаго наказанія. Вмѣстѣ съ тѣмъ наслѣдникомъ престола объявленъ Петръ Петровичъ [59]).

Но прощеніе, какъ это не замедлилъ узнать Алексѣй, было обусловлено полнымъ признаніемъ относительно участія своихъ близкихъ и предполагавшагося имъ образа дѣйствій. Онъ тотчасъ же назвалъ множество лицъ, въ томъ числѣ царевну Марію Алексѣевну, Кикина, Вяземскаго, Василія Долгорукаго, Якова Игнатьева, Ивана Аѳанасьева, какъ своихъ главныхъ совѣтниковъ, мнѣніями которыхъ онъ руководствовался.

Петръ самъ велъ все слѣдствіе, ставилъ вопросные пункты, распоряжался арестами. Въ немъ кипѣла инквизиторское усердіе; онъ точно

Инокиня Елена (бывшая царица Евдокія) Петру I 15-го февраля 1718 г.

горѣлъ стремленіемъ предать карѣ каждое случайное, когда бы то ни было сказанное неосторожное слово, каждый измѣнническій помыселъ, самое сокровенное желаніе привлеченныхъ къ розыску лицъ. Арестовывались новыя лица постоянно; процессъ принималъ огромные размѣры, палачамъ была непрестанная работа [60]). Каждая пытка увеличивала число обвиненныхъ не столько въ какомъ либо дѣйствительномъ заговорѣ, сколько въ выраженіяхъ порицанія и неудовольствія петровскими реформами и его системою.

Въ числѣ обвиненныхъ оказалась и царица Евдокія; выяснилось, что въ обществѣ «инокини Елены» также неодобрительно отзывались о царѣ, что Марья Алексѣевна поддерживала съ Евдокіею сношенія, что въ одной суздальской церкви прежнюю царицу и послѣ ея постига поминали на эктиньѣ, что она только нѣсколько недѣль носила монашеское облаченіе, а потомъ вела совершенно мірской образъ жизни, что въ 1709 и 1710 годахъ она была въ любовныхъ сношеніяхъ съ майоромъ Глѣбовымъ; тутъ

[59]) Де-ла-Ви говоритъ, что Петръ Петровичъ былъ объявленъ наслѣдникомъ престола еще до отъѣзда Петра за границу.

[60]) Погодинъ-Есиповъ, 308—316.

же говорится и о пророчествахъ о скорой смерти Петра; это мнѣніе высказывалъ Глѣбову и другимъ лицамъ епископъ ростовскій, онъ же выражалъ сомнѣніе въ законности брака Петра съ Екатериною.

Но и во время этого процесса, несмотря на примѣненіе самыхъ страшныхъ пытокъ, узнали очень немногое: что тотъ или другой говорилъ о смерти царя, о восшествіи на престолъ царевича, и обсуждалъ эти вопросы въ частныхъ бесѣдахъ.

Во время допроса епископа Досиѳея, еще до начала пытокъ, его лишили сана; по этому поводу онъ обратился къ совершавшимъ обрядъ духовнымъ лицамъ: «только я одинъ въ семъ дѣлѣ попался. Посмотрите, у всѣхъ что на сердцахъ? Извольте пустить уши въ народъ, что въ народѣ говорятъ».

Не подлежало сомнѣнію, что настроеніе среди духовенства и въ низшихъ классахъ народа было враждебно царю. Тысячи и тысячи людей могли говорить о тѣхъ предметахъ, за которые теперь нѣсколько десятковъ несчастныхъ были колесованы, посажены на колъ, биты плетьми, которымъ были вырѣзаны языки.

Евдокія была переведена въ Старо-Ладожскій монастырь, гдѣ она и оставалась вплоть до воцаренія своего внука Петра II. Царевна Марія Алексѣевна нѣкоторое время содержалась въ Шлиссельбургской крѣпости, а въ 1721 г. снова поселилась въ собственномъ домѣ въ Петербургѣ. Она скончалась въ 1723 г. [61]).

15 и 17 марта часть обвиненныхъ была казнена. Глѣбовъ посаженъ на колъ и жилъ еще нѣсколько часовъ. Досиѳей и Кикинъ колесованы. Особенно мучительную смерть пришлось перенести Докукину, составившему присягу съ устраненіемъ Петра Петровича и съ признаніемъ правъ Алексѣя; его трижды пытали и, наконецъ, колесовали. Онъ громко говорилъ, что все готовъ претерпѣть во имя Христа [62]).

Такимъ образомъ партія Алексѣя была разсѣяна, если только можно говорить о какой-либо партіи. Даже Докукинъ, шедшій дальше всѣхъ своихъ единомышленниковъ, проявившій даже подобіе иниціативы, и тотъ не можетъ быть названъ заговорщикомъ; онъ удовлетворяется вполнѣ ролью мученика, и такая пассивная оппозиція характеризуетъ всю оппозицію противъ Петра, которая только въ исключительныхъ случаяхъ проявляется въ видѣ бунтовъ стрѣлецкаго, астраханскаго или булавинскаго; она не была

---

[61]) Устряловъ, 203 (слѣдствіе надъ Евдокіею).

[62]) Устряловъ, VI, 224, (донесеніе Плейера).—Соловьевъ, XII, 211, Hermann (Петръ Великій и царевичъ Алексѣй).

въ состояніи выставить положительную политическую программу, взамѣнъ новой правительственной системы Петра. Собственно Петру приходилось карать не государственныя преступленія; только противъ неосторожныхъ рѣчей, несочувственнаго образа мыслей, противъ иногда высказываемой, но чаще лишь мысленной надежды на скорую смерть Петра, были направлены царемъ застѣнки и казни. Какъ въ 1698 году, такъ и въ 1718 г. Петръ со всѣмъ свойственнымъ ему пыломъ предается кровавой расправѣ, одушевляемый мыслью, что онъ дѣйствуетъ во имя государственнаго блага и нигдѣ никогда не преслѣдуетъ личнаго интереса.

Съ царевичемъ все-таки предстояло свести счеты. Это произошло въ Петербургѣ, куда отправился царь и куда онъ велѣлъ перевести всѣхъ еще не наказанныхъ обвиненныхъ. Про Алексѣя говорили въ дипломатическихъ кружкахъ, что онъ потерялъ разсудокъ и предался необузданному пьянству [63]). Въ то время, какъ его приверженцы, въ томъ числѣ прибывшая въ столицу Евфросинья, томились въ Петропавловской крѣпости, онъ одинъ оставался еще на свободѣ. Его прошеніе къ царицѣ Екатеринѣ, при принесеніи поздравленій по случаю Пасхи, побудить царя совершить его бракъ съ Евфросиньей, осталось безъ послѣдствій.

Евфросинью, которую не подвергали никакой пыткѣ, тогда какъ прочіе слуги и приближенные царевича были страшно мучимы, Петръ допрашивалъ лично. Онъ узналъ множество подробностей относительно нѣкоторыхъ показаній Алексѣя, которыя отчасти, хотя и не существенно, дополняли показанія Алексѣя, отчасти ихъ исправляли. Царевичъ утверждалъ, что письма къ сенаторамъ и духовенству онъ писалъ по внушенію одного австрійскаго сановника; изъ показаній Евфросиньи можно было заключить, что онъ дѣйствовалъ по собственной иниціативѣ. Кромѣ того, она свидѣтельствовала о радости царевича при полученіи извѣстія о бунтѣ, объ его твердомъ намѣреніи не дать лишить себя своихъ наслѣдственныхъ правъ на престолъ, о разсчетахъ, которые онъ возлагалъ на нѣкоторыхъ сенаторовъ и духовныхъ іерарховъ, о предположеніяхъ царевича, что, послѣ смерти царя, иные выскажутся за него, другіе за Петра Петровича и т. п. [64]).

Но въ общемъ Петръ не узналъ ничего новаго. Царевичъ на основаніи этихъ показаній не былъ отягченъ больше, чѣмъ прежде. Тѣмъ не менѣе Петръ придалъ имъ большое значеніе, хотя и не могъ еще составить себѣ опредѣленнаго мнѣнія объ образѣ мыслей царевича. Но онъ узналъ отъ Евфросиньи о намѣреніи сына тотчасъ по воцареніи уничто-

[63]) Устряловъ, VI, 227.

[64]) Соловьевъ, XVII, 402 и Устряловъ, VI, 237.

жить флотъ, сократить армію, спокойно сидѣть дома. Больше, чѣмъ когда-либо, убѣждался царь въ необходимости окончательно устранить Алексѣя отъ престола.

Розыскъ продолжался съ новою силою; царь собственно только для видимости исполнялъ роль судьи, собственно говоря, онъ былъ государственнымъ дѣятелемъ, принимающимъ мѣры къ огражденію своего творенья отъ угрожавшей опасности; дѣло шло не о судопроизводствѣ, а о правительственной мѣрѣ, не о каранін государственнаго преступленія, а объ устраненіи политическаго противника. Никто не могъ подвергать сомнѣнію окончательный исходъ. Надежды Алексѣя на смерть Петра оказались для него пагубными: теперь были сочтены дни царевича [65]).

По внѣшнему были соблюдены всѣ формы суда. Искали преступныхъ дѣяній и достигли желаемаго; искали преступныхъ замысловъ,—и результаты оказались удовлетворительными.

Алексѣю вскорѣ пришлось сознаться, что онъ нѣчто умалчивалъ въ своихъ прежнихъ показаніяхъ; онъ подтвердилъ многое изъ того, что открыла Евфросинья; кромѣ того, онъ добавилъ еще новыя показанія относительно своихъ рѣчей, желаній и надеждъ; онъ называлъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ надѣялся получить поддержку по возвращеніи на родину, въ случаѣ перемѣны царствованія. Онъ говорилъ, что не имѣлъ въ виду смѣщеніе Петра при жизни, но что онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ смерти царя, когда слышалъ, что его собираются умертвить. На вновь поставленные вопросы царевичъ отвѣчалъ, что въ случаѣ возстанія и приглашенія его встать во главѣ мятежниковъ, онъ послѣдовалъ-бы этому приглашенію и при жизни Петра.

Все это были только возможныя случайности, которыя могли бы наступить. Это не были твердо принятыя рѣшенія при извѣстныхъ условіяхъ, къ тому-же неопредѣленныхъ, поступать такъ или иначе, а только предположенія, какъ-бы поступилъ Алексѣй въ томъ или другомъ случаѣ [66]).

Петръ опредѣлилъ его вину слѣдующимъ образомъ: «по всему тому можно видѣть, что онъ хотѣлъ получить наслѣдство по волѣ своей чрезъ чужестранную помощь, или черезъ бунтовщиковъ силою, и при животѣ отца своего» [67]).

При обсужденіи образа дѣйствія Петра надо имѣть въ виду два

---

[65]) Зап. Ист. О-ва XXXIV, 319. Слухи, что Алексѣй будетъ патріархомъ, что Карлъ VI объявитъ Россіи войну для защиты правъ Алексѣя.

[66]) Устряловъ, VI, 237—257, (показанія Алексѣя).

[67]) Тамъ-же, VI, 259—261.

обстоятельства: во-первыхъ опасность, которая при жизни Алексѣя угрожала ему, его женѣ, дѣтямъ и государству, и во-вторыхъ обычные въ тогдашней Россіи слѣдственные пріемы въ области уголовныхъ дѣлъ. То, что затѣмъ послѣдовало, по нашему нынѣшнему мнѣнію, нисколько не было судебнымъ дѣломъ; это былъ политическій актъ, попраніе судопроизводства.

Петръ обратился къ духовнымъ и свѣтскимъ сановникамъ, чтобы они постановили приговоръ. Онъ убѣждалъ ихъ не «флатировать» его и не бояться, что легкое наказаніе можетъ быть непріятно ему, царю; именемъ Божьимъ царь заклиналъ ихъ, чтобы они ничего не опасались и судили безъ соображенія о личностяхъ.

Алексѣя еще разъ допрашивали въ сенатѣ, послѣ того, какъ духовныя власти объявили, что онъ подсуденъ свѣтскому суду. Одновременно съ тѣмъ, съ пристрастіемъ допрашивали и нѣкоторыхъ друзей Алексѣя, въ томъ числѣ Якова Игнатьева, Абрама Лопухина, Ивана Аѳанасьева, Дубровскаго; послѣ неоднократныхъ пытокъ они всѣ были казнены въ декабрѣ 1718 года.

Послѣ того какъ показанія царевича въ сенатѣ не дали ничего новаго, его отвезли въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ былъ устроенъ застѣнокъ; ему дали 25 ударовъ плетьми, послѣ чего онъ признался, что говорилъ своему духовнику, что желаетъ смерти царя.

22 іюня Толстой, по порученію Петра, потребовалъ отъ него, чтобы онъ въ собственноручной запискѣ изложилъ причины своего постояннаго противодѣйствія отцу. Алексѣй указывалъ на свое неудачное воспитаніе и, между прочимъ, разсказалъ исторію о пораненіи руки, чтобы не сдавать экзамена по чертежному искусству. Въ концѣ онъ признался, что охотно принялъ бы вооруженную помощь отъ императора Карла VI; въ такомъ случаѣ онъ щедро вознаградилъ бы имперскія войска, если бы они помогли ему овладѣть престоломъ [68]).

24 іюня Алексѣя вторично подвергли пыткѣ, при чемъ онъ получилъ 15 ударовъ; онъ сознался, что писалъ кіевскому митрополиту письмо, чтобы воздѣйствовать на народъ въ Малороссіи.

25 іюня судъ изъ 127 лицъ приговорилъ его къ смертной казни; въ этомъ приговорѣ значилось, что Алексѣй уже много лѣтъ задумалъ заговоръ, желая смерти своему отцу; онъ надѣялся достигнуть престола при жизни отца съ помощью войскъ австрійскаго императора.

[68]) Костомаровъ держится того мнѣнія, что эти показанія внушены ему Толстымъ. (См. въ „Др. и Нов. Россіи", 1875 г., I, 48).

Относительно всего дальнѣйшаго нѣтъ точныхъ свѣдѣній.

Въ записной книгѣ С.-Петербургской гарнизонной канцеляріи Устряловъ нашелъ слѣдующую запись: «26 іюня, по полуночи въ 8 часу, начали собираться въ гварнизонъ его величество, свѣтлѣйшій князь, (слѣдуютъ имена нѣкоторыхъ сановниковъ) и учиненъ былъ застѣнокъ, и потомъ, бывъ въ гварнизонѣ до 11 часа, разъѣхались. Того-же числа, пополудни въ 6 часу, будучи подъ карауломъ въ Трубецкомъ раскатѣ, въ гварнизонѣ, царевичъ Алексѣй Петровичъ преставился». Устряловъ того мнѣнія, что застѣнокъ касался только одного царевича, между тѣмъ вполнѣ возможно, что онъ относился къ другимъ лицамъ. Если-же Алексѣя подвергли пыткѣ послѣ произнесенія смертнаго приговора, то предположеніе Устрялова, что онъ умеръ отъ послѣдствій пытки, представляется вѣроятнымъ. Этимъ путемъ устранялась необходимость казни. Офиціально было объявлено, что, по выслушаніи приговора, съ царевичемъ случился апоплексическій ударъ и, по причащеніи св. тайнъ и примиренія съ отцомъ, царевичъ скончался.

Пытки 18 и 24 іюня [69]) могли сами по себѣ повлечь смертельный исходъ у даже болѣе крѣпкихъ людей. Каждый ударъ могъ быть смертельнымъ, а Алексѣю дано ихъ было сорокъ. Въ уголовныхъ лѣтописяхъ того времени значится много смертей отъ послѣдствій пытки, главнымъ образомъ вслѣдствіе потери крови, лихорадочнаго состоянія отъ ранъ и нервныхъ потрясеній, которыя легко влекли за собою смерть.

Само собою разумѣется, что смерть Алексѣя вызвала много толковъ. Одни говорили, что ему отрубили голову, другіе, что его отравили, третьи, что его задушили. Различныхъ версій насчитывается до двадцати. Они совершенно несогласны съ дѣйствительностью [70]).

---

[69]) Есиповъ („Русск. Вѣстн.“, 1861 г., № 2) приводитъ, что крестьяне передавали, что Алексѣя еще въ маѣ пытали въ принадлежавшемъ ему имѣніи близь Петербурга.

[70]) Устряловъ, VI, 541 (Плейеръ) говоритъ объ обезглавленіи, при чемъ приводятся нѣкоторыя подробности, съ участіемъ Адама Вельде и Анны Крамеръ; см. „Rusching Magazin“, т. IX, (предисловіе) и Записки Долгорукова (Женева, 1867 г., I, 10).—Де-Би доноситъ генеральнымъ штатамъ, что смерть Алексѣя приключилась отъ кровоистеченія изъ открытыхъ жилъ. Это донесеніе голландскаго посла было перехвачено и послужило поводомъ къ большому дипломатическому столкновенію.—Устряловъ, VI, 549 — 569. — Лефортъ, саксонскій посланникъ, пишетъ, что Алексѣя за нѣсколько дней до его смерти нѣсколько разъ били плетьми, и что самъ царь приложилъ къ этому руку, пока царевичъ не испустилъ духа. Hermann, IV, 330. Относительно отравленія и удушенія говорятъ Брюсъ и Румянцевъ (Устряловъ, VI, 291 и 619), при чемъ отравлена была самая бумага, на которой написанъ приговоръ; царевича заставили взять приговоръ въ руки и прочитать его и т. п.

Въ народѣ утвердилось мнѣніе, что Петръ самъ убилъ сына. Говорили объ обезглавливаніи, но больше о плетяхъ; разсказывалось также, что Петръ побилъ сына за то, что тотъ не хотѣлъ ему поклониться во время допроса въ сенатѣ [71]). Нѣсколько человѣкъ изъ народа за произнесеніе подобныхъ рѣчей были казнены. Петра Петровича, какъ сына

Петръ I и царевичъ Алексѣй. (Съ картины проф. Ге).

«шведки», многіе не хотѣли признавать за престолонаслѣдника [72]). Другіе полагали, что Екатерина содѣйствовала смерти Алексѣя, что Евдокія была сожжена, что дѣти «финки» Екатерины незаконны; что Екатеринѣ отплатится послѣ смерти Петра, такъ какъ царевичу Петру Алексѣевичу извѣстно, что его дѣдъ собственноручно истязалъ его отца, по порученію этой царицы и т. д. [73]).

Если только представитъ себѣ ту страшную опасность, которой подвергались за малѣйшій разговоръ [74]) или письменное сообщеніе по этому

[71]) Соловьевъ, XVII, 226.

[73]) „Русск. Вѣстн.“, XVX, 115.

[74]) Погодинъ—Есиповъ, 135.

[74]) Веберъ шифромъ пишетъ Робетону въ августѣ 1718 г. „J'aurais bien des choses à Vous dire des affaires de ce pays terrible où tant de mortels trem-

предмету, то становится яснымъ, что многія лица, имѣвшія свѣдѣнія про кончину царевича, не оставили ни одного сообщенія объ этомъ событіи. Тѣмъ представителямъ высшаго общества, которые были даже обязаны передать эти обстоятельства, какъ, напримѣръ, Плейеръ и де-Би, это дорого обошлось. Съ другой стороны ненависть къ Петру побуждала распространять по поводу катастрофы съ царевичемъ слухи, которые хотя и не подтверждаются сообщаемыми Устряловымъ протоколами пытокъ и не представляютъ собою никакого фактическаго матеріала, тѣмъ не менѣе очень интересны, какъ доказательство народнаго возбужденія и непопулярности Петра.

Равнымъ образомъ появившіяся въ заграничныхъ изданіяхъ сообщенія о происшедшихъ событіяхъ, о заговорѣ Алексѣя и его сторонниковъ, по той же причинѣ заслуживаютъ лишь ограниченнаго довѣрія. Де-Би разсказываетъ, что Алексѣй собирался умертвить всѣхъ сотрудниковъ Петра, всѣхъ чиновниковъ, всѣхъ иностранцевъ, и повернуть Россію въ «прежній хаосъ» [75]); другой современникъ пишетъ, что Меньшиковъ, Шафировъ, Шереметевъ и Ягужинскій были бы посажены на колъ, всѣ нѣмцы перебиты по всему государству, отвоеванныя отъ Швеціи провинціи возвращены обратно и т. д. [76]).

Обстоятельство, что при страшныхъ пыткахъ, которымъ были подвергнуты обвиняемые, не обнаружилось болѣе тяжкихъ преступленій, какъ словесно выраженныя пожеланія и надежды, скорбныя слова, въ крайнемъ случаѣ нѣсколько писемъ, доказываетъ, что не существовало никакого распространеннаго, ясно формулированнаго заговорнаго плана. Обыкновенно подвергаемые пыткѣ принимаютъ на себя больше, чѣмъ ими дѣйствительно сдѣлано, никакія дѣйствительныя дѣйствія заговорщиковъ не могли бы быть утаены. Бунтовщицкій поступокъ Алексѣя заключался въ бѣгствѣ, въ жалобѣ поданной имъ императору на Петра, и въ письмахъ къ нѣкоторымъ сенаторамъ и духовнымъ лицамъ. Справедливо было сказано въ одной современной англійской брошюрѣ, что въ англійскомъ парламентѣ Алексѣя не признали бы виновнымъ [77]).

---

blert, mais il n'y a plus de suretè pour la plume, ni pour le chiffre, car on retient copie de nos lettres". (Мнѣ многое хотѣлось бы сообщить вамъ о дѣлахъ этой страшной страны, гдѣ дрожатъ столько людей, но больше нѣтъ безопасности ни письму, ни шифру, такъ какъ со всѣхъ нашихъ писемъ снимаютъ копіи). Hermann, П. В. и царевичъ Алексѣй, 152.

[75]) Соловьевъ, XVII, 403.

[76]) Hermann, V, 328.

[77]) Вольтеръ. Pierre le Gr.", II, 115.

Крайне наблюдательный Джонъ Перри, который незадолго до катастрофы съ царевичемъ уѣхалъ изъ Россіи, высказывалъ опасеніе, что послѣ смерти Петра все имъ созданное погибнетъ, такъ какъ у царевича совершенно другія наклонности, чѣмъ у Петра, что «ханжество и суевѣріе восторжествуютъ и снова возстановятся старые русскіе пріемы и многое, доблестно совершенное отцомъ, останется въ запустѣніи» [78]).

Теперь эта опасность казалась устраненною. Алексѣя больше не было въ живыхъ.

Но также вскорѣ скончался и новый наслѣдникъ престола Петръ Петровичъ (въ 1719 г.).

Алексѣй-же не разъ воскресалъ. Его именемъ пользовались нѣкоторые самозванцы.

Въ 1723 г. выдавалъ себя за Алексѣя на Волгѣ одинъ бродяга, по имени Родіоновъ [79]).

Въ 1725 г. въ Малороссіи, въ Почепѣ, назвалъ себя Алексѣемъ одинъ солдатъ Семиковъ. Онъ былъ казненъ [80]). Также участь постигла въ томъ же году одного сибирскаго крестьянина, который пытался разыграть туже роль [81]).

Въ 1732 г. появился въ Бузулукѣ также бродяга, Труженикъ, и назвалъ себя Алексѣемъ. Его казнили съ многими приверженцами [82]).

Въ 1738 г. самозванцемъ явился въ окрестностяхъ Кіева одинъ рабочій, по имени Миницкій. Народъ стремился къ нему; одинъ священникъ призналъ его за царевича. Самозванецъ и священникъ были посажены на колъ, многія лица колесованы, четвертованы, повѣшены; инымъ вырѣзывали языки [83]).

Еще двадцать лѣтъ послѣ смерти несчастнаго царевича его тѣнь смущала вновь созданное государство. Петръ одержалъ верхъ надъ соперникомъ, вступленіе котораго на престолъ угрожало установленному имъ

---

[78]) Perry, 418.—Также говорилъ и Крюйсъ (Зап. Ист. Общ. XXXVI, 118).— Шифрованныя донесенія Вебера въ изд. Hermann, 119. „Es wird in diesem Reiche Alles einmal ein Ende mit Schrecken nehmen, weil die Seufzer so vieler millionen Seelen wider den Zar zum Himmel steigen“... (Въ этомъ государствѣ все скоро рушится, такъ какъ вздохи многихъ милліоновъ душъ взываютъ къ небу на царя...).

[79]) Соловьевъ, XVII, 228.

[80]) Лажкевичъ, въ Имп. Моск. ист. общ. 1860 г. I, 141.

[81]) Schmidt-Phiseldei, Materialien zur russ. Gesch. 1777, I, 284.

[82]) Есиповъ, см. въ „Русск. Вѣстн.“ 1863, XLVII, 398—412.

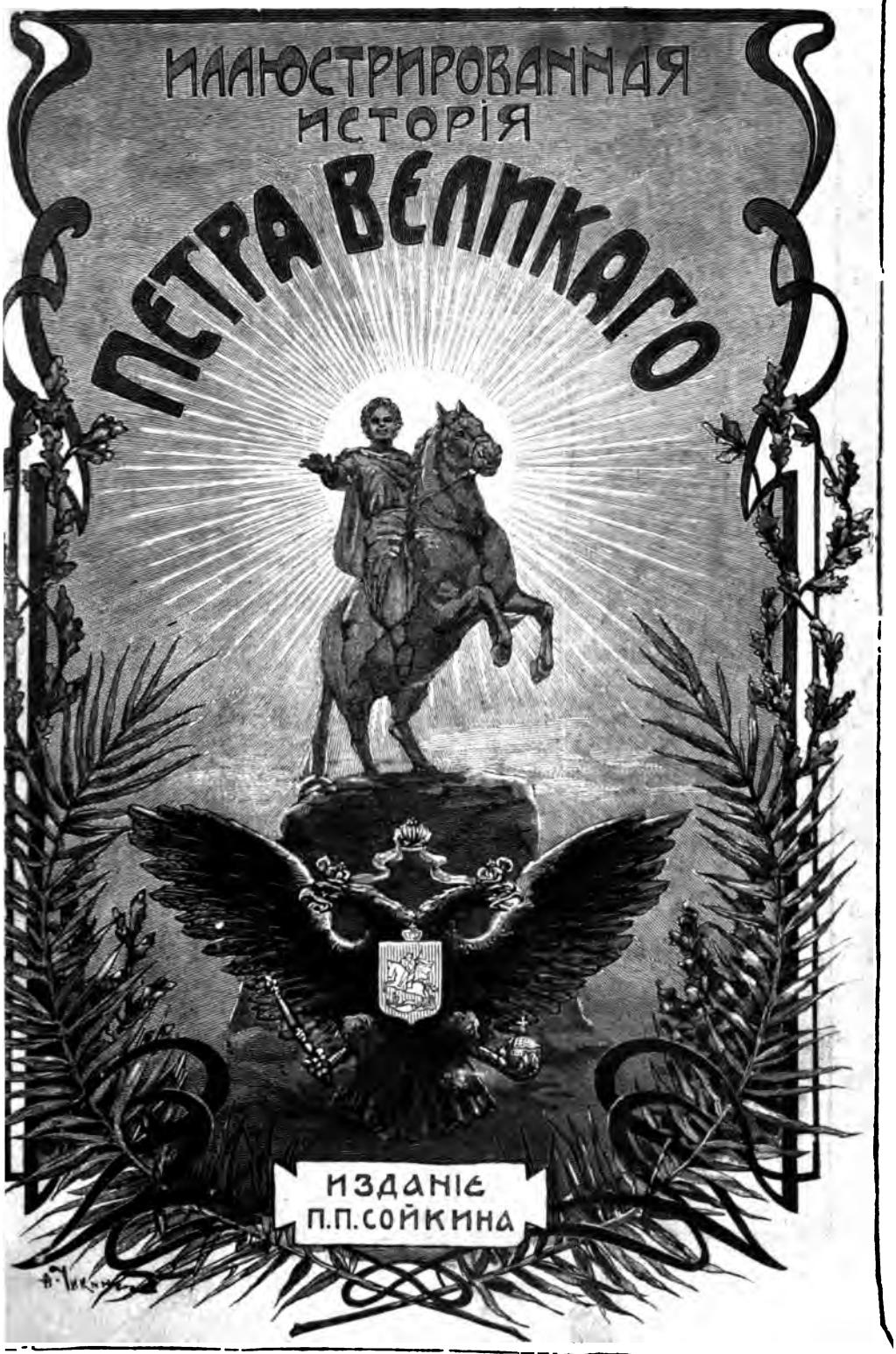
[83]) Соловьевъ, XX, 416.

правленію. Но побѣда была куплена дорогой цѣной: народу, ради блага котораго совершилось грустное событіе, она также стоила очень дорого.

Не трудно замѣтить связь между всѣми внутренними броженіями въ царствованіе Петра, начиная съ стрѣлецкаго бунта и до процесса Алексѣя. Во всѣхъ этихъ неурядицахъ выступаетъ противорѣчіе между царемъ, представителемъ прогресса, и народомъ, который стоялъ за старину. Культурные принципы одержали верхъ. Царь восторжествовалъ надъ народомъ; побѣда ожидала его также и въ области иностранной политики.

Оглавленіе I тома.

Главы.		Стран.
	Введеніе	3
I.	Дѣтство Петра	17
II.	Кризисъ 1682 года	37
III.	Начало регентства Софьи	54
IV.	Правленіе Софьи	65
V.	Паденіе царевны Софьи	93
VI.	1689 — 1695 гг.	113
VII.	Азовскіе походы	142
VIII.	Путешествіе за границу (1697—1698 г.)	164
IX.	Русскіе за границею	203
X.	Иностранцы въ Россіи	236
XI.	Начало преобразованій	256
XII.	Признаки неудовольствія	284
XIII.	Стрѣлецкій бунтъ 1698 г.	295
XIV.	Общій ропотъ	316
XV.	Бунты на юго-востокѣ	330
XVI.	Царевичъ Алексѣй	351

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
ИСТОРІЯ
ПЕТРА ВЕЛИКАГО
ИЗДАНІЕ
П.П.СОЙКИНА

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ

ИСТОРІЯ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Бывшаго профессора Юрьевскаго университета

А. Г. Брикнера.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе П. П. Сойкина
КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ
Стремянная, № 12, собств. домъ.
КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
Невскій пр., 26, уг. Надеждинск.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 15 іюня 1903 г

Типографія Н. Н. Сойкина, С.-Петербургъ, Стремянная, 12

ИМПЕРАТОРЪ ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ

(Съ портрета Кунецкаго).

ГЛАВА I.

Отношенія къ Турціи до 1700 года.

Въ первые года по вступленіи на престолъ дома Романовыхъ, Россіи приходилось въ отношеніи болѣе сильныхъ сосѣдей вести лишь оборонительную политику. Какъ Польша, такъ и Швеція значительно превосходили Россію. И только въ половинѣ XVII в. дѣлается впервые попытка къ наступательнымъ дѣйствіямъ, а именно, въ отношеніи Швеціи; но завоевать Лифляндію, прочно утвердиться на Балтійскомъ морѣ не удается. Зато борьба съ Польшею приводитъ къ существенному успѣху, а именно, къ присоединенію Малороссіи. Вслѣдъ затѣмъ возникаетъ столкновеніе съ Турціею, но попытка завоевать Крымъ не увѣнчалась успѣхомъ. Но позднѣе, когда молодой Петръ съ полною горячностью отдается стремленію достигнуть моря на югѣ, цѣль достигается, хотя и цѣною громадныхъ усилій; завоеваніе Азова, появленіе русскаго флота на Черномъ морѣ показали Портѣ, что ей приходится имѣть отнынѣ дѣло съ усилившимся и къ своей цѣли энергично стремящимся сосѣдомъ.

Россіи было крайне на руку, что всѣ сосѣднія государства, теперь уже граничащія не со стороны Азіи, а Европы, были на пути къ упадку.

Въ Швеціи давно миновало время Густава-Адольфа, время гегемоніи надъ всею сѣверною Европою. Возникшій при Карлѣ XI конфликтъ между правительствомъ и Лифляндіею былъ какъ бы вступленіемъ къ той борьбѣ партій, которая въ восемнадцатомъ вѣкѣ могла повлечь для Швеціи судьбу Польши, если бы диктатура Густава III не поставила цѣли для разлагающейся монархіи.

Въ Польшѣ развязка наступила быстро; вмѣшательство другихъ государствъ во внутреннія дѣла «Рѣчи Посполитой», по поводу королевскихъ избраній, становилось все болѣе и болѣе замѣтнымъ, и Россія, которая присоединеніемъ Украйны въ извѣстной степени положила начало «раздѣлу»

Польши, заняла на этомъ боевомъ мѣстѣ первую роль между различными державами.

Порта во второй половинѣ XVII в. была еще наступательнымъ, угрожающимъ Европѣ государствомъ; но послѣ этого окончательно минули такіе походы, какъ военныя дѣйствія 1683 года, приведшія къ осадѣ Вѣны. Въ отношеніи Россіи перевѣсъ, однако, оставался на сторонѣ Турціи, вмѣшивавшейся въ борьбу за обладаніе Малороссіею, за вліяніе въ прилегающихъ областяхъ, и сказавшей вѣское слово въ чигиринскихъ походахъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Порта не была въ состояніи помѣшать занятію Азова. Это событіе явилось предвѣстникомъ дальнѣйшаго разложенія Турціи.

Нѣтъ никакихъ основаній говорить только о польскихъ раздѣлахъ. Присоединеніе Балтійскаго края и Финляндіи было такимъ же раздѣломъ Швеціи, какъ возсоединеніе польскихъ областей съ Россіею — раздѣломъ Польши. Когда Новороссія и Крымъ стали русскими, то это было раздѣломъ Турціи. Россія стала великою и европейскою державою путемъ такихъ присоединеній.

Владѣя чужими областями, Россія стремится ихъ ассимилизировать съ основными областями; но она также усиливаетъ свое вліяніе у сосѣдей. Русскіе дипломаты въ Стокгольмѣ, Варшавѣ и Константинополѣ съ успѣхомъ соперничаютъ съ представителями другихъ государствъ, выступаютъ даже какъ главари политическихъ партій и принимаютъ извѣстное участіе въ правительственныхъ дѣлахъ. Подобными дѣятелями являются Бестужевъ, Панинъ и Разумовскій въ Швеціи, Штакельбергъ, Рѣпнинъ и Сиверсъ—въ Польшѣ, Толстой, Неплюевъ, Обрѣзковъ, Булгаковъ—въ Турціи.

Положеніе получалось совершенно противоположное тому, которое было на лицо въ первой половинѣ XVII вѣка, когда былъ возможенъ раздѣлъ московскаго царства, когда Польша и Швеція проявляли склонность сдѣлать Москву подвластною той или другой, или обѣимъ вмѣстѣ.

Царствованіе Петра Великаго и въ этомъ дѣлѣ перетасовки всѣхъ взаимоотношеній державъ въ Восточной Европѣ, представляетъ собою эпоху. Что не удалось Алексѣю Михайловичу, стало плодомъ съ желѣзною настойчивостью приложенныхъ стараній сына: весь берегъ по Финскому заливу и Балтійскому морю, за который такъ долго сражались, былъ теперь присоединенъ. Въ Польшѣ, служившей въ продолженіе двухъ десятилѣтій ареною дѣйствій шведскихъ и русскихъ войскъ, русское вліяніе получило преобладающее значеніе; во всемъ царь первенствуетъ надъ королемъ Августомъ, который изъ роли союзника постепенно былъ превращенъ въ подчиненнаго. Но энергичный натискъ на Турцію, послужившій юному Петру школою

въ области иностранной политики, не привелъ, однако, къ блестящимъ успѣхамъ. Не разъ можно было вступиться въ это дѣло. Желаніе разрѣшить славянскій вопросъ вмѣстѣ со всѣмъ восточнымъ, привело царя къ событіямъ на Прутѣ и къ утратѣ Азова. Зато въ послѣднее десятилѣтіе своего царствованія Петръ направляетъ свое вниманіе на среднюю Азію и Персію. Здѣсь онъ имѣлъ прочный успѣхъ, памѣтившій для русской политики дальнѣйшее направленіе въ области восточныхъ дѣлъ.

Какъ только Петръ фактически взялъ на себя правленіе, онъ всѣ свои силы и настойчивость, на которыя былъ только способенъ, сосредоточилъ на борьбѣ съ Турціею и татарами. Его стремленіе создать флотъ имѣло цѣлью выступить противъ Порты надлежаще вооруженнымъ противникомъ. Восточный вопросъ создалъ московскому царству какъ бы гражданское право войти въ систему европейскихъ государствъ, по скольку Россія выражала готовность принять участіе въ общей борьбѣ противъ враговъ христіанства. Путешествіе Петра находилось съ этимъ дѣломъ въ тѣснѣйшей связи.

Затѣмъ, во время этого путешествія, случился удивительный новоротъ. Вмѣсто борьбы съ Турціею, на первую очередь былъ поставленъ Балтійскій вопросъ. Требовалось какъ можно скорѣе заключить соглашеніе съ Портою, чтобы на сѣверѣ напасть на неподготовленнаго врага. Начиналось гигантское дѣло сѣверной войны. Только послѣ рѣшительной побѣды подъ Полтавою можно было подумать о возобновленіи дѣйствій противъ Турціи, такъ неожиданно прерванныхъ нападеніемъ на Швецію. Это привело къ Пруту. Послѣдующіе годы посвящены закрѣпленію присоединенныхъ отъ Швеціи областей и упроченію новаго положенія Россіи въ семьѣ европейскихъ державъ. Московское царство становится Россійскою Имперіею, бывшее татарское вассальное государство становится великою европейскою державою. Сознаніе призванія служить посредникомъ между Европою и Азіею побуждаетъ Петра расшириться на востокъ и юго-востокъ, захватить вліяніе въ средней Азіи и Персіи.

Еще за полтора вѣка до Петра Великаго на Западѣ возникала мысль вести борьбу съ Портою въ союзѣ съ Россіею. Именно въ 1557 году Филиппъ II хотѣлъ побудить московскаго царя присоединиться къ походу противъ султана. Въ 1573 г. епископъ фюнфкирхенскій, Антоній Берантій, представилъ императору Максимиліану II планъ турецкой войны, въ которой долженъ былъ принять участіе московскій царь завоеваніемъ Крыма. Въ 1593 г. епископъ лезинскій, Піетро Чедомини, представилъ папѣ Клименту XIII

записку, въ которой говорилъ, что императоръ въ союзѣ съ польскимъ королемъ и москвичами будетъ непобѣдимъ въ борьбѣ съ турками, такъ какъ султанъ ни одного христіанскаго государя не опасается такъ, какъ московскаго царя [1]), такъ какъ подданные султана родственны русскимъ языкомъ и вѣрою. Епископъ говоритъ далѣе, что въ случаѣ, если бы султанъ самъ напалъ на Австрію или Италію, то спасеніе отъ подобной опасности заключалась бы единственно въ союзѣ Москвы съ императоромъ и королемъ польскимъ.

Во всякомъ случаѣ, Генрихъ IV въ своемъ знаменитомъ письмѣ «Association ou république très-chrétienne» исключаетъ «князя скиѳскаго», какъ онъ именовалъ московскаго царя, такъ какъ пришлось бы имѣть дѣло съ слишкомъ варварскимъ, дикимъ и грубымъ народомъ, а также, чтобы къ тремъ признаннымъ вѣроисповѣданіямъ не присоединять чуждаго имъ четвертаго.

Именно религіозная сторона восточнаго вопроса должна была вызвать вниманіе наблюдателя. Въ 1622 г. французскій путешественникъ Де-Гей замѣтилъ, что кавказскіе народы, признающіе власть султана, должны быть склонны соединиться съ Москвою, такъ какъ у нихъ общая вѣра [2]).

Такимъ образомъ создавалось предположеніе о привлеченіи Россіи къ участію въ войнѣ съ исламомъ. Этотъ совѣтъ подалъ венеціанскому правительству Паоло Сарпи. Но когда дѣло дошло въ 1652 г. до подробнаго разсмотрѣнія этого вопроса, венеціанскіе государственные люди нашли, что затруднительно заключать союзы съ столь ужасными варварскими народами, какъ русскіе и казаки, даже имена которыхъ едва извѣстны [3]).

Тѣмъ не менѣе, сближеніе Россіи съ Западомъ состоялось. Въ Венеціи и Римѣ стали появляться русскія посольства, и дѣло дошло до союза между Москвою и европейскими государствами. При взятіи Азова дѣйствіямъ Петра помогали австрійскіе, бранденбургскіе и венеціанскіе инженеры и техники. Уже нельзя было говорить, что Венеціи едва знакомо имя Россіи.

Возникалъ вопросъ, возможно ли дальнѣйшее продолжительное взаимодѣйствіе Россіи съ другими христіанскими державами.

Но уже непосредственно вслѣдъ за взятіемъ Азова съ различныхъ сторонъ появились выраженія сочувствія. Когда бояринъ Шереметевъ, во время своей поѣздки въ Римъ и на Мальту (1697—98 гг.), остановился

---

[1]) Da lui timore più che d'ogni altro Potentato cristiano.

[2]) A cause qu'il est de leur créance.

[3]) См. Zinkeisen (Der Westen und der Norden in dritten stadium der orient. Frage) въ сборникѣ Raumer. 1858, стр. 485.

въ Венеціи, одинъ сенаторъ отъ имени сената и дожа сказалъ боярину, что въ Венеціи очень цѣнятъ царя и желаютъ, чтобы онъ когда-либо воцарился въ Константинополѣ; возникало даже предположеніе ему въ этомъ содѣйствовать [4]). Когда самъ Петръ проживалъ въ Копенбрюгге у курферстинъ ганноверской и бранденбургской, одна изъ нихъ выразила желаніе, чтобы царю удалось «изгнать чалму изъ Константинополя» [5]). Въ Вѣнѣ іезуитъ Вольфъ, при посѣщеніи Петромъ католической церкви, во время богослуженія, въ своей проповѣди выразилъ, что онъ надѣется, что Всевышній вручитъ царю, какъ тезкѣ св. апостола, ключи, чтобы открыть входъ въ турецкое царство [6]). Въ латинскомъ сочиненіи Лейбницъ выразилъ мысль, что варвары должны быть изгнаны изъ Европы союзомъ между императоромъ, королемъ польскимъ и царемъ [7]).

Съ русской стороны подобныя выраженія симпатій нарождающейся державы должны были вызывать сильные отклики.

Во время своего путешествія въ Западную Европу царь былъ полонъ энергическаго воздѣйствія на турокъ. Въ многочисленныхъ письмахъ къ друзьямъ и единомышленникамъ своимъ въ Россіи, Петръ всегда подчеркивалъ свою радость по поводу каждой побѣды западно-европейскихъ союзниковъ. Въ особенности воодушевился онъ извѣстіемъ о битвѣ при Цеутѣ. Въ письмѣ къ князю Ромодановскому онъ сообщаетъ много подробностей этого событія [8]). Многократно пишетъ царь патріарху Адріану о восточныхъ дѣлахъ. Онъ послалъ однажды патріарху памфлетъ, въ которомъ былъ осмѣянъ султанъ [9]). Въ одномъ изъ своихъ писемъ Адріану, царь выражается, что считаетъ своею обязанностью вести борьбу съ невѣрными «до послѣдняго издыханія» [10]).

Новозавоеванная крѣпость Азовъ должна была служить базисомъ направленныхъ противъ Турціи военныхъ дѣйствій. Изъ турецкаго Азовъ сдѣлался русскимъ городомъ. Мечети обращены въ христіанскіе храмы [11]). На одномъ засѣданіи, въ которомъ Петръ обсуждалъ съ боярами о коло-

---

[4]) Записки путешествія Шереметева, изданныя его сыномъ. М. 1773 г., стр. 38.

[5]) Герье 1, 18.—Письмо Лейбница къ младшему Лефорту.

[6]) Пам. дипл. снош. VIII, 1363.

[7]) Герье. 24.—Et si fata volunt, Caesar Czar Saxoque iuncti Europa poterunt pellere barbariem.

[8]) Устряловъ. III, 76.

[9]) „Р. Старина", 1878. Кн. I.

[10]) Устряловъ, III, 72.

[11]) Соловьевъ, XIV, 274.

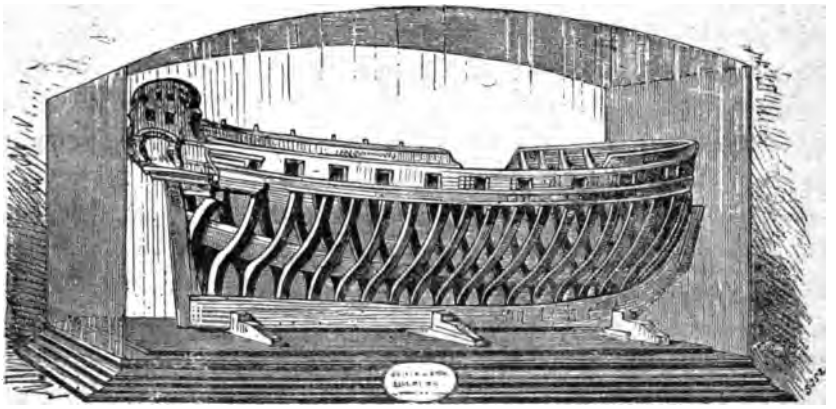
низаціи новопокореннаго края послѣ взятія Азова, упомянулъ о богинѣ Фортунѣ [12]). Нѣсколько совѣщаній было посвящено тому, какими средствами создать значительный флотъ. При этомъ возникла мысль о соединеніи отдѣльныхъ самостоятельныхъ лицъ въ союзы, обязанные построить и извѣстное время содержать военный корабль. По приблизительному подсчету имущества или вотчинъ наиболѣе состоятельныхъ свѣтскихъ и духовныхъ собственниковъ, правительство съ увѣренностью надѣялось на содержаніе 48 большихъ судовъ [13]). Затѣмъ появилось 17 духовныхъ и 18 свѣтскихъ «кумпанствъ» для судостроенія. Строгими указами подтверждалась угроза конфискаціи имущества уклоняющихся отъ исполненія изложенной повинности. Особое учрежденіе, во главѣ котораго былъ поставленъ начальникъ адмиралтейства Протасьевъ, наблюдало за этимъ дѣломъ [14]).

Во всемъ этомъ можно видѣть заимствованіе организаціи у древнихъ грековъ.

Но возникали большія затрудненія. «Кумпанства» были вынуждены имѣть при постройкѣ судовъ большое число иностранцевъ. Петръ разсчитывалъ спокойно уѣхать за границу, какъ только будетъ налажено это сложное дѣло. 22 января 1697 г. Петръ писалъ Лефорту, что во время ихъ отсутствія все будетъ исполнено, и съ Божьей помощью ихъ величества будутъ имѣть на Черномъ морѣ флотъ изъ 90 галеръ, не считая болѣе 200 мелкихъ судовъ [15]). Для облегченія сношенія съ Азовомъ царь задумалъ соединить волжскую систему съ Чернымъ моремъ. Иностранному полковнику, Бракелю, было поручено соединить каналомъ притоки Волги и Дона, Иловлю и Камышенку. Для этого предпріятія было приставлено 35,000 рабочихъ, но оно осталось невыполненнымъ. Иностранцы съ изумленіемъ наблюдали всѣ эти мѣры. Австрійскій представитель Плейеръ постоянно извѣщалъ свое правительство о ходѣ дѣла [16]). Въ одной, появившейся въ 1697 г. въ Аугсбургѣ брошюрѣ было высказано предположеніе, что царь завоюетъ «константинопольское и трапезундское государства»; указывалось, что взятіе Стамбула не представляетъ большихъ трудностей, что всѣ нуждаются въ союзѣ съ царемъ, и что, напр., Венеція съ большимъ удовольствіемъ увидитъ его на константинопольскомъ престолѣ, чѣмъ австрійскаго императора [17]). Венеціанскій посланникъ въ Вѣнѣ

[12]) „Фортуна сквозь насъ бѣжитъ...“, тамъ же, XIV, 236.
[13]) Гордонъ, III, 79.
[14]) Елагинъ. „Ист. русск. флота“.
[15]) Поссельтъ, II, 361—368.—Устряловъ, II, 497—531.
[16]) Желобужскій, 115.— Устряловъ приводитъ донесеніе Плейера, III, 683.
[17]) Acxtelmeier.

Руцини открыто выражалъ свое удивленіе, что при видѣ всѣхъ подготовленій геніальнаго царя турки продолжаютъ держать себя, точно ничего не опасаются. По мнѣнію посланника, русскіе, несомнѣнно, замышляютъ покореніе Крыма, чтобы оттуда угрожать Константинополю и султанской державѣ. При этомъ Руцини добавляетъ, что русскіе болѣе многочисленны, чѣмъ способны; онъ смѣется надъ высокомѣрнымъ обращеніемъ русскаго дипломата Возницына съ турецкимъ посланникомъ Маврокордато. Руцини полагаетъ, что старанія Петра просвѣтить свой народъ могутъ имѣть успѣхъ, и что когда образованіе и мужество будутъ соотвѣтствовать размѣру государства, оно станетъ значительною державою, но ко всему этому онъ

Модель корабля, сдѣланная Петромъ Великимъ (находится въ Морскомъ музеѣ въ С.-Петербургѣ).

откровенно добавляетъ, что характеръ русскаго народа не соотвѣтствуетъ большимъ дѣяніямъ. Онъ считаетъ, однако, вѣроятнымъ, что русскіе будутъ владѣть Чернымъ моремъ [18]). Папскій нунцій въ Варшавѣ также съ вниманіемъ слѣдилъ за всѣми огромными приготовленіями Россіи къ борьбѣ съ Турціею,—но и онъ находилъ, что успѣхъ только возможенъ, не говорилъ даже, что вѣроятенъ; онъ высказывалъ, что до сихъ поръ московское государство обнаружило больше счастья, чѣмъ пониманія [19])

Проявленіе сочувствія получилось со стороны Швеціи. Король Карлъ XI подарилъ царю 300 пушекъ, послѣ того какъ узналъ, что Петръ, черезъ посредство шведскаго посланника Книперкрона, заказалъ въ Швеціи 600 литыхъ пушекъ [20]). Зато переговоры съ Голландіею и въ Вѣнѣ въ 1698 г.,

[18]) См. Fontes rerum austriscarum XXVII, 370, 378, 431.

[19]) Theiner. 364.

[20]) Устряловъ, II, 313—314.

въ которыхъ царь принималъ личное участіе, желая побудить европейскія государства къ энергическому воздѣйствію на Турцію, не привели ни къ какому положительному результату. Онъ убѣдился, что Англія и Нидерланды стремятся къ заключенію мира съ турками, и что на Западѣ ощущается сильная потребность въ такомъ мирѣ, чтобы противостоять завоевательнымъ стремленіямъ Франціи. Европейскимъ государствамъ было, несомнѣнно, пріятно, чтобы Россія продолжала войну съ Турціею, но Петръ ясно видѣлъ, что онъ одинъ, безъ помощи императора, ничего не сдѣлаетъ. Его старанія побудить Леопольда къ активному участію были безуспѣшны. Въ своихъ бесѣдахъ съ графомъ Кинскимъ, Петръ выражалъ свое недовольство взглядами императора заключить миръ съ турками на основаніяхъ uti possidetis; царь нуждается въ гавани на Крымскомъ побережьѣ, и именно крѣпости Керчь, чтобы защитить свои границы отъ постоянно возобновляющихся татарскихъ набѣговъ. Къ этому Петръ могъ бы прибавить, что Керчь ему нужна, такъ какъ господствуетъ надъ входомъ въ Азовское море, которое безъ этого находится въ полной власти турокъ. Онъ такъ сильно настаивалъ на этомъ пунктѣ, что требовалъ, чтобы союзники продолжали войну, если Турція не согласится добровольно на передачу Россіи этого важнаго пункта. Императоръ признавалъ все большое значеніе Керчи, но совѣтовалъ, вмѣсто разсчетовъ на дипломатическіе переговоры, овладѣть крѣпостью съ помощью военной силы. Такимъ образомъ со стороны императора замѣчалась большая холодность; лишь въ самыхъ общихъ выраженіяхъ обѣщалъ онъ оказать при мирныхъ переговорахъ поддержку царскимъ домогательствамъ [21]).

Русскіе могли разсчитывать на успѣхъ двумя совершенно различными способами. Могло случиться, что русскіе войска окажутся побѣдоносными, а съ другой стороны возникалъ вопросъ, не найдутся ли союзники среди вассаловъ самой Порты.

Но, прежде всего, требовалось укрѣпить Азовъ. На Западѣ нѣкоторыми лицами, сочувствовавшими Россіи, высказывалось опасеніе, чтобы турки не воспользовались заграничнымъ путешествіемъ Петра для обратнаго завоеванія Азова [22]). Но эти опасенія были неосновательны. Не вызывая шумнаго успѣха, крымскій походъ русскихъ въ 1697 г. былъ въ общемъ вполнѣ благопріятнымъ по своимъ послѣдствіямъ. Плейеръ писалъ, что теперь русскіе могутъ оказать гораздо болѣе дѣятельное сопротивленіе татарскимъ нападеніямъ, чѣмъ раньше [23]). Вокругъ Азова возведено было нѣсколько укрѣп-

[21]) Соловьевъ, XIV, 260.
[22]) Поссельтъ, II, 375.
[23]) Устряловъ. III, 632.

леній. На мѣстѣ, избранномъ въ 1696 г. самимъ Петромъ, была устроена гавань Таганрогъ. Русскій фортъ Таванскъ былъ въ состояніи выдержать осаду турокъ, которые, въ концѣ концовъ, отошли въ Очаковъ. Петръ отпраздновалъ это событіе баломъ и фейерверкомъ въ Амстердамѣ [24]).

Въ 1698 году также не было рѣшительныхъ дѣйствій. Приходилось удовлетвориться возможностью защитить русскія границы отъ татарскихъ набѣговъ.

Тѣмъ временемъ наступательное движеніе Россіи пробудило у нѣкоторыхъ подвластныхъ Портѣ племенъ стремленіе къ независимости. Во время заграничной поѣздки Петра, въ Москвѣ появился тайный посланникъ валлахскаго господаря, Константина Бранкована, и просилъ о помощи противъ турокъ, которые угрожаютъ продать всѣхъ христіанъ въ рабство. Этотъ агентъ, Георгій Кастріота, говорилъ затѣмъ, какое недовольство царитъ въ странѣ противъ нѣмцевъ; Россія явится не только освободительницею отъ турецкаго ига, но и избавительницею отъ опасности, угрожающей со стороны папистовъ и іезуитовъ. Въ одномъ письмѣ къ Мазепѣ Кастріота говоритъ, что всякая война можетъ имѣть конецъ, но не іезуитская. Его соотечественники готовы сдѣлаться подданными царя. Съ однородными предложеніями и жалобами явился и тайный агентъ господаря молдованскаго, Аптіоха Кантеміра, Савва Константиновъ. Петръ узналъ о пріѣздѣ этихъ эмиссаровъ въ столицу Россіи во время своего пребыванія въ Амстердамѣ. Онъ казался очень склоннымъ идти на встрѣчу этимъ предложеніямъ. Гетману Мазепѣ онъ поручилъ собрать точныя свѣдѣнія о городахъ и гаваняхъ по всему черноморскому побережью и въ предѣлахъ Буджака (нынѣшнія губерніи Бессарабская и Херсонская [25]). Онъ тогда задумывался о возможности похода на Дунай. Кастріота еще указывалъ въ особой запискѣ на необходимость завоеванія Очакова; изъ Азова онъ предполагалъ взять Керчь, а изъ Очакова другіе пункты Крыма и вмѣстѣ съ тѣмъ вступить въ Валахію и Молдавію, гдѣ всѣ тотчасъ подпимутъ возстаніе [26]). Это были проекты, которые впослѣдствіи не разъ возникали вновь при Петрѣ въ 1711 г., при Аннѣ черезъ посредство Миниха, при Екатеринѣ II съ Потемкинымъ, и въ наши дни до послѣдняго времени.

Склонность европейскихъ державъ къ миру затрудняла русскія начинанія. Въ то время, какъ Петръ не переставалъ стремиться къ пріобрѣтенію Керчи, онъ сообщалъ англійскому инженеру Перри свои планы о приспособленіи

---

[24]) Тамъ же. III, 78—84.

[25]) Тамъ же. III, 246, 478.—П. С. З. № 1632 (Указъ Мазепѣ).

[26]) Устряловъ. III, 477.

этого пункта подъ сборное мѣсто новаго флота, чтобы вести торговлю на морѣ на русскихъ судахъ [27]), а русскому посланнику въ Вѣнѣ, Возницыну, давалъ инструкціи, гдѣ только можно, настаивать на передачѣ Керчи [28]). Въ октябрѣ 1698 г. въ мѣстечкѣ Карловицѣ, на правомъ берегу Дуная, начался мирный конгрессъ, окончившійся въ январѣ 1699 г. Петру пришлось пережить, что Англія и Голландія выступили въ роли посредниковъ, о чемъ онъ еще въ маѣ 1698 г. высказывалъ свое удивленіе въ Амстердамѣ [29]).

Россія была вынуждена принять участіе въ переговорахъ. Посланникъ Петра, Возницынъ, первымъ прибылъ въ лагерь при Карловицѣ, проявляя недостаточную мягкость и допуская себѣ много вольностей [30]). Между тѣмъ очень скоро выяснился неблагопріятный поворотъ переговоровъ для Россіи. О захватѣ Керчи нечего было и думать. Никто не былъ расположенъ вступаться за интересы Россіи. Возницынъ стѣснялся воспользоваться посредничествомъ англичанъ и голландцевъ для сношеній съ турецкими дипломатами, велъ непосредственные тайные переговоры съ Маврокордато, на котораго онъ думалъ воздѣйствовать подкупомъ [31]) и дошелъ до того, что совѣтовалъ туркамъ затянуть переговоры, такъ какъ они, какъ только вспыхнетъ война за испанское наслѣдство, могутъ въ войнѣ съ Австріею очутиться въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Возницынъ уговаривалъ царя энергично продолжать дѣйствія противъ турокъ и въ одномъ изъ своихъ донесеній говоритъ, что если русская армія появится на берегу Дуная, то не только тысячи, но тьмы возстанутъ людей нашего народа, нашей вѣры и нашего языка [32]).

Такимъ образомъ было постоянное колебаніе между войной и миромъ, пока, наконецъ, не пришли къ рѣшенію заключить съ Турціею перемиріе на два года. Оно было подписано Возницынымъ двумя днями раньше, чѣмъ уполномоченными другихъ государствъ. Было очевидно, что Россія изолирована, что интересы Петра не совпадаютъ съ интересами Австріи [33]).

Если Россія желала заключить миръ окончательно, то ей приходилось, вмѣстѣ съ тѣмъ, быть въ готовности къ борьбѣ. Поэтому сооруженіе флота было ускорено съ большимъ напряженіемъ [34]). Петръ Лефортъ, пріѣхавшій

---

[27]) Perry, 218.
[28]) Соловьевъ. XIV, 328.
[29]) Устряловъ, III, 112.
[30]) См. Hammer-Rurgstall, Geschichte des osm. Reich, VI, 659.
[31]) Устряловъ. III, 481 (письмо Возницына).
[32]) Соловьевъ. XIV, 329.
[33]) Устряловъ. III, 483 (Возницынъ очень рѣзко отзывается о полякахъ).
[34]) Посселъ. II, 510.

лѣтомъ 1698 г. въ Воронежъ, писалъ своему отцу, что онъ съ трудомъ вѣрилъ своимъ глазамъ при видѣ вновь сооруженнаго флота; передъ нимъ были сотни галеръ военныхъ и парусныхъ судовъ. Онъ добавляетъ, что милосердный Богъ благословляетъ мѣропріятія его царскаго величества, они дѣйствительно велики и достойны великаго государя [35]).

Позднею осенью 1698 г., когда стрѣлецкое дѣло было уже закончено въ своихъ главныхъ основаніяхъ, Петръ самъ поспѣшилъ въ Воронежъ, чтобы лично осмотрѣть произведенныя работы. Съ чувствомъ большого удовольствія писалъ онъ Виніусу въ Москву о новыхъ судахъ, о большихъ военныхъ приготовленіяхъ; царь добавляетъ къ письму: «Только еще облако сомнѣнія закрываетъ мысль нашу, да не укоснѣетъ сей плодъ нашъ, яко финиковъ, котораго насаждающіе не получаютъ видѣть». Собственноручно и совершенно самостоятельно, безъ всякой помощи иностранныхъ судостроителей, приступалъ царь къ постройкѣ большого корабля, которому онъ далъ названіе «Предистинація», и при сооруженіи котораго были примѣнены самимъ царемъ намѣченныя усовершенствованія. Помогать ему должны были только его товарищи по Амстердаму и Дептфорду. Было похоже, будто царь, по окончаніи ученія, самъ дѣлалъ образцовую работу мастера. Съ своей стороны, адмиралъ Крюйсъ нашелъ необходимымъ произвести нѣкоторыя улучшенія въ судахъ, поставленныхъ «кумпанствами». Петръ неоднократно выражалъ свой восторгъ по поводу «большого препараторіума», и въ припискѣ къ письму Виніусу замѣчаетъ: «Только ожидаемъ благого указа, дабы мракъ сумнѣнія нашего прогнанъ былъ» [36]).

Черезъ своихъ уполномоченныхъ въ Карловицѣ Петръ постоянно слѣдилъ за положеніемъ дѣлъ на Востокѣ. Возницынъ писалъ, между прочимъ, что Порта гораздо болѣе стремится къ миру, чѣмъ воинственно настроена. Никакого нападенія со стороны Турціи ожидать нельзя; они не поведутъ войны ради Азова; двинуться далеко они совершенно не въ состояніи, тѣмъ болѣе, что они съ 1678 года не были въ силахъ овладѣть Чигиринымъ. Возницынъ совѣтовалъ царю послать въ Константинополь опытнаго человѣка изъ посольскаго приказа, который съумѣлъ бы воздѣйствовать на Порту какъ своимъ положеніемъ, такъ и личными свойствами.

Выборъ Петра остановился на Емельянѣ Украинцевѣ, на котораго и была возложена задача заключенія мира съ Турціею.

---

[35]) Тамъ же. II, 546.

[36]) Устряловъ. III, 251.—Коръ разсказываетъ, что когда Петръ сообщилъ Гордону, что онъ скоро пошлетъ въ Черное море флотъ, Гордонъ отвѣтилъ, что надо раньше имѣть тамъ гавань, на что Петръ будто бы возразилъ, что флотъ именно и нуженъ ему, чтобы завоевать себѣ гавань.

Подобно Возницыну, Украинцевъ въ продолженіе двухъ десятилѣтій много занимался отношеніями съ Портою. Уже въ 1679 г. встрѣчаемъ мы его въ сношеніяхъ съ турецкими дипломатами [37]). Онъ принималъ также видное участіе и въ дѣлахъ внутренней политики. Его имя встрѣчается въ числѣ прочихъ на государственномъ актѣ объ уничтоженіи мѣстничества въ концѣ царствованія Ѳеодора. При вступленіи на престолъ Петра Украинцевъ руководилъ 27 апрѣля 1682 г. церемоніею принесенія присяги. Когда въ Малороссіи одинъ полкъ отказался принести такую присягу, туда былъ посланъ Украинцевъ, которому удалось уладить всѣ трудности. Во время правленія Софьи, онъ былъ однимъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ сотрудниковъ Голицына по иностранной политикѣ. Съ гетманомъ Самойловичемъ онъ велъ переговоры по поводу мѣстныхъ малороссійскихъ дѣлъ и отношеній къ Турціи и Польшѣ [38]); въ Москвѣ онъ участвовалъ въ сношеніяхъ съ прибывавшими туда польскими и шведскими дипломатами [39]); то встрѣчаемъ мы его въ роли наблюдателя [40]), когда потребовалось присматривать за новымъ гетманомъ Мазепою, возбудившемъ къ себѣ нѣкоторое недовѣріе; то выступаетъ онъ въ роли главнаго церемоніймейстера по поводу различныхъ торжественныхъ случаевъ [41]). Одинаково опытный какъ въ дѣлахъ придворныхъ, такъ и политическихъ, Украинцевъ былъ также въ хорошихъ отношеніяхъ съ близкими царю людьми; а съ Виніусомъ былъ даже въ свойствѣ [42]).

Этотъ человѣкъ долженъ былъ, по плану Петра, явиться русскимъ посланникомъ въ Константинополѣ. По данной ему инструкціи, Украинцевъ долженъ былъ отправиться въ Константинополь на военномъ кораблѣ и бросить якорь при пушечной пальбѣ только у стѣнъ сераля. Царь предполагалъ даже, съ демонстративными цѣлями, сопутствовать часть пути своему уполномоченному со всею эскадрою. Весь міръ долженъ узнать, что у Россіи есть флотъ, и что она не боится выступить съ нимъ въ Черное море.

Въ Константинополѣ были извѣстны обширныя флотскія сооруженія въ Воронежѣ и на Дону, а также желаніе Петра имѣть выходъ въ открытое море. Но турецкіе адмиралы были готовы поручиться своими головами, что русскія суда застрянутъ на мелях донскихъ гирлъ и никогда не достигнутъ моря [43]).

---

[37]) Поссельтъ. Лефортъ, I, 287.
[38]) Соловьевъ. XIV, 21.
[39]) Устряловъ. I, 118, 156, 169.
[40]) Соловьевъ. XIV, 190.
[41]) Тамъ же. XIV, приложеніе.
[42]) Устряловъ. IV, 2, 615 (донесеніе Плейера).
[43]) Тамъ же. III, 273.

Относительно этого препятствія Петръ не безпокоился, вслѣдствіе собственнаго осмотра. Сохранились отмѣтки о сдѣланныхъ имъ промѣрахъ и наблюденіяхъ [44]). Теперь онъ рѣшилъ переплыть Азовское море и взглянуть на Понтъ Евксинскій.

Въ Европѣ также узнали о планахъ царя. Высказывалось предположеніе, что Петръ будетъ также инкогнито сопровождать Украинцева въ посольской свитѣ, какъ это было съ Лефортомъ [45]).

Между тѣмъ Петръ хотѣлъ только ограничиться изслѣдованіемъ пути въ Керчь и простою демонстраціею. Турки должны знать, что свои мирные переговоры Петръ готовъ подкрѣпить вооруженною силою.

Весною 1699 г. 86 судовъ, въ томъ числѣ 18 военныхъ кораблей 36—46-пушечныхъ, были совершенно готовы въ Воронежѣ. Адмираломъ былъ назначенъ, вмѣсто только что умершаго Лефорта, Головинъ. Петръ самъ командовалъ однимъ судномъ, «Апостоломъ Петромъ», но, вмѣстѣ съ тѣмъ, самостоятельно руководилъ всѣмъ предпріятіемъ; онъ собственноручно написалъ порядокъ движенія и слѣдованія, котораго долженъ держаться флотъ, и передалъ соотвѣтственныя приказанія другимъ командирамъ. 27 апрѣля флотъ снялся съ якоря, 16 мая онъ прибылъ къ Азову [46]). Здѣсь, какъ и въ Таганрогѣ, царь осматривалъ спѣшно возводимыя австрійскими инженерами, Лавалемъ и Боргсдорфомъ, укрѣпленія. Въ половинѣ іюня весь флотъ былъ уже въ Азовскомъ морѣ. Царь никому не довѣрилъ вывода даже мелкихъ судовъ изъ устья Дона въ открытое море. Онъ чествовалъ это событіе пушечною пальбою и въ шутливыхъ письмахъ описывалъ свою радость своимъ друзьямъ въ Москвѣ. Когда въ теченіе іюля весь флотъ приводился въ готовность идти по морю, можно было видѣть царя цѣлыми днями работающаго съ плотниками и другими мастерами. Нѣкоторые ночные часы онъ употреблялъ на составленіе подробной инструкціи Украинцеву. Главными пунктами было окончательное признаніе присоединенія Азова и полное освобожденіе отъ требованія какой-либо «дачи» со стороны русскихъ турецкимъ татарамъ. Даже этотъ послѣдній пережитокъ татарскаго ига долженъ быть устраненъ.

Когда флотъ появился передъ Керчью,—послѣ того, какъ у Таганрога были произведены ему большіе маневры, въ родѣ примѣрнаго сраженія,—турецкій адмиралъ Гассанъ-паша и начальникъ керченской крѣпости отка-

---

[44]) См. карту у Устрялова.

[45]) Поссельтъ. II, 540. Туртонъ писалъ изъ Голландіи, что царь очень хочетъ видѣть городъ, столь сильно возбудившій его любопытство.

[46]) Устряловъ. III, 275.

зались пропустить черезъ проливъ корабль, на которомъ находился Украинцевъ, и которымъ командовалъ голландскій капитанъ Питеръ Памбургъ. Головинъ отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ вся эскадра будетъ сопровождать корабль посланника. Начались переговоры. Турки указывали на опасность плаванія по Черному морю; тѣмъ временемъ вице-адмиралъ Крюйсъ сдѣлалъ адмиралу Гассану визитъ въ Керчи. Тотъ былъ очень удивленъ, увидѣвъ англичанъ и голландцевъ, которые благосклонно относились къ Турціи, на русской службѣ, и вновь указалъ на опасности плаванія. На это Крюйсъ возразилъ, что въ царскомъ флотѣ служитъ много опытныхъ моряковъ, которые не въ первый разъ видятъ это море, и что русскіе съумѣютъ еще лучше найти дорогу отъ Керчи до Константинополя, чѣмъ сами турки отъ Константинополя до Керчи. Ему удалось затѣмъ сдѣлать промѣры вблизи укрѣпленій и разсмотрѣть укрѣпленія. Къ Гассану съ визитомъ пріѣхалъ и самъ Головинъ; въ его свитѣ находился и Петръ въ званіи квартирмейстера адмиральской шлюпки и въ одеждѣ саардамскаго корабельнаго плотника [47]).

Послѣ того, какъ всѣ старанія турокъ убѣдить Украинцева отправиться въ Константинополь сухимъ путемъ не привели ни къ чему, онъ двинулся моремъ. Петръ съ флотомъ возвратился въ Азовъ и въ сентябрѣ былъ обратно въ Москвѣ.

Турки всячески старались задержать Украинцева, они говорили, что вѣтеръ неблагопріятенъ, и что выходить въ море—значитъ идти на вѣрную смерть; они предостерегали отъ подводныхъ камней, но это, послѣ сдѣланныхъ Памбургомъ провѣрокъ, оказалось вымысломъ. Наконецъ, турки согласились присоединить къ русскому кораблю небольшую эскадру. Но едва вышли они въ открытое море, какъ смѣлый капитанъ поднялъ всѣ паруса и пошелъ впередъ совершенно самостоятельно [48]). Сначала онъ сбился съ пути и вмѣсто Босфора очутился у малоазіатскаго берега, у Эракліи. Но, отойдя отсюда, онъ 2 сентября былъ у Босфора. Продолжая плаваніе, онъ внимательно изслѣдовалъ фарватеръ и вскорѣ достигъ турецкой столицы.

Современники ярко описывали удивленіе султана, его министровъ и всего населенія, когда при пушечной пальбѣ русскій военный корабль бросилъ якорь у самаго сераля. Русскихъ осыпали вопросами о количествѣ и силѣ русскаго флота; голландскому послу было выражено неудовольствіе за услуги, оказанныя царю голландцами. Самъ султанъ и безчисленное множество посѣтителей прибыли на русскій корабль, всѣ одобряли и удивля-

[47]) Тамъ же. III, 284.

[48]) Турки предлагали даже вести корабль на буксирѣ вдоль берега, но это предложеніе было отвергнуто. Устряловъ. III, 288.

лись отважности плаванія. Возбужденіе было очень сильное; говорили, что будто весь русскій флотъ крейсируетъ въ Черномъ морѣ и угрожаетъ Трапезунду и Синопу. Когда 23 сентября Памбургъ устроилъ на своемъ кораблѣ большой пиръ своимъ французскимъ и голландскимъ знакомымъ и въ полночь далъ залпъ изъ всѣхъ орудій, всѣ подумали о сильной внѣшней опасности и рѣшили, что это было сигналомъ для стоявшаго по близости русскаго флота напасть на турецкую столицу. Султанъ былъ крайне разгнѣванъ и потребовалъ наказанія Памбурга, въ чемъ Украинцевъ рѣшительно отказалъ [49]).

Памбургъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ французскимъ и голландскимъ посланниками. Англійскій посланникъ уклонялся отъ свиданія съ нимъ [50]). 19 октября султанъ принялъ Украинцева въ торжественной аудіенціи; въ ноябрѣ начались мирные переговоры, которые потребовали 23 засѣданія и заняли восемь мѣсяцевъ. Русскій посолъ жаловался султану на равнодушное отношеніе представителей Англіи, Голландіи и Венеціи, которые ничѣмъ не хотятъ поддержать русскихъ интересовъ. Отъ серба Саввы Рогузинскаго Украинцевъ узналъ, что представители всѣхъ государствъ въ Константинополѣ противодѣйствуютъ заключенію мира съ Турціею, и что всѣ правительства съ удовольствіемъ видѣли бы продолженіе русско-турецкой войны. Іерусалимскій патріархъ также предупреждалъ Украинцева отъ злобы римско-католиковъ, лютеранъ и кальвинистовъ, которые такъ непріязненны къ истинно-вѣрующимъ. Украинцевъ доносилъ, что голландцы и англичане видятъ въ созданіи сильнаго русскаго флота извѣстную опасность для своихъ торговыхъ сношеній на Востокѣ. Польскій посланникъ также старался помѣшать мирнымъ переговорамъ и побудить Турцію къ союзу съ Польшею противъ Россіи; при этомъ Польша имѣла цѣлью возвращеніе Кіева и Малороссіи [51]).

Съ трудомъ удалось добиться, чтобы Порта окончательно отказалась отъ Азова и допустила возведеніе въ его окрестностяхъ укрѣпленій, а также признала принципъ uti possidetis. Большимъ затрудненіемъ была также уступка расположенной на Днѣпрѣ крѣпости Казикермана.

Петръ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ переговоровъ. Онъ нуждался въ мирѣ съ Турціею, чтобы начать войну съ Шве-

[49]) Матвѣевъ писалъ изъ Гааги, что султанъ хотѣлъ послать 300 солдатъ, чтобы схватить Памбурга, который пригрозилъ, что какъ только отрядъ вступитъ на палубу его корабля, взорвать его на воздухъ. Устряловъ. III, 532.— Linkeisen, 232.

[50]) Соловьевъ. XIV, 332.

[51]) Тамъ же, XIV, 536.—Устряловъ, III, 651

ціею. Но онъ не былъ склоненъ къ слишкомъ большимъ уступкамъ. Получивъ однажды донесеніе изъ Константинополя о пріостановкѣ переговоровъ, Петръ пришелъ въ ярость и гнѣвно разорвалъ бумагу, сказавъ, что онъ готовъ начать войну [52]). Весною 1700 г. онъ опять былъ въ Воронежѣ, гдѣ заканчивался корабль «Предистинація» [53]). Тѣмъ временемъ въ Константинополь прибылъ довѣренный Петра, который указалъ Украинцеву на необходимость заключенія мира и передалъ полномочія на нѣкоторыя уступки. Переговоры, угрожавшіе ежечасно порваться, продолжались однако, еще нѣсколько мѣсяцевъ. Интересъ представляетъ слѣдующій заключающійся въ одномъ изъ донесеній Украинцева отвѣтъ на выраженное царемъ желаніе, чтобы Порта признала за русскими право торговаго мореходства на Черномъ морѣ. Украинцевъ сообщаетъ, что турецкіе уполномоченные ему отвѣтили: «Чернымъ моремъ и всѣми берегами его владѣетъ одинъ султанъ; владѣній же другихъ государей никогда не было и нѣтъ, и съ тѣхъ поръ какъ стали господствовать на томъ морѣ турки, искони вѣковъ никакой чужой корабль по водамъ его не плавалъ, да и плавать не будетъ. Просили Порту неоднократно и теперь еще просятъ, французы, голландцы, англичане, венеціане о дозволеніи ходить ихъ торговымъ судамъ для купечества по Черному морю, но Порта всегда имъ отказывала и отказываетъ для того, что владѣетъ всѣми берегами его одинъ султанъ, и никому другому владѣтелемъ быть нельзя. Отоманская Порта бережетъ Черное море, какъ чистую и непорочную дѣвицу, къ которой никто прикасаться не смѣетъ, и скорѣе султанъ допуститъ кого во внутренніе свои, чѣмъ согласится на плаваніе чужихъ кораблей по водамъ черноморскимъ. Это можетъ случиться развѣ тогда, когда турецкая имперія обратится вверхъ ногами» [54]).

Петру приходилось отказаться отъ тѣхъ своихъ предположеній, которыя высказалъ нѣсколько десятковъ лѣтъ передъ тѣмъ серблянинъ Юрій Крижаничъ въ своихъ запискахъ.

Наконецъ, 3 іюля договоръ былъ подписанъ. Это собственно былъ не миръ, а перемиріе на 30 лѣтъ. Казикерманъ и другіе крѣпости на Днѣпрѣ подлежали сносу, а территорія возвращенію Турціи. Азовъ и всѣ окружающія укрѣпленія оставались за Россіею. Дань, или дача русскихъ татарскимъ ханамъ прекращалась. Между русскою и татарскою областями оставлена широкая полоса земли, которая признана нейтральною [55]).

[52]) Тамъ же, IV, 651 (Донесеніе Плейера).

[53]) Тамъ же, III, 654.

[54]) Тамъ же, IV, 780.

[55]) Земли между Перекопомъ и Міусомъ, также между Запорожскою Сѣчью и Очаковымъ.

Восточныя дѣла пришли къ этому концу послѣ многолѣтнихъ войнъ и дипломатической борьбы. Если достигнутые результаты сопоставить съ желаніемъ разрѣшить славянскій вопросъ, то ихъ можно признать очень скромными. Но все же одна цѣль была достигнута. На Азовскомъ морѣ получалась твердая точка опоры, и было намѣчено направленіе дальнѣйшихъ дѣйствій. Это были чреватые въ будущемъ начальные шаги.

Теперь царь, видѣвшій въ восточномъ вопросѣ свое частное, личное влеченіе, могъ поставить себѣ другія цѣли. На очередь выступалъ «балтійскій вопросъ».

ГЛАВА II.

Дипломатическія сношенія наканунѣ сѣверной войны.

Когда Петръ выступалъ противъ татаръ и турокъ, онъ продолжалъ уже начатое задолго до него. Подобно этому стремленію внѣшней политики Россіи, и стремленіе къ завоеванію на сѣверо-западѣ существовало еще до Петра. Уже давно загорается соперничество Россіи и Швеціи по отношенію къ прибалтійскимъ областямъ. Для сношеній съ дальнимъ Западомъ московское государство нуждалось въ Финскомъ и Рижскомъ заливахъ. Поэтому Иванъ Грозный стремился къ завоеваніямъ въ Эстляндіи и Лифляндіи. Борисъ Годуновъ еще въ царствованіе Ѳеодора Ивановича задумывалъ взятіе Нарвы. Царь Алексѣй Михайловичъ съ большими военными силами появился подъ стѣнами Риги.

Со временъ Густава Адольфа Польша и Швеція находились въ продолжительной борьбѣ, что являлось большимъ преимуществомъ для Россіи На эту распрю обоихъ государствъ можно смотрѣть какъ на спасеніе Россіи. Что только могло бы произойти, если бы въ половинѣ XVII столѣтія польскимъ королемъ былъ бы коронованъ Карлъ X?

Въ началѣ XVII в. Россія испытала на себѣ политическій и военный перевѣсъ Швеціи; побѣдоносныя шведскія войска стояли внутри Россіи. Шведскій принцъ, братъ Густава Адольфа, могъ именовать себя нѣкоторое время царемъ. Надо считать особою милостью судьбы, что Михаилу Ѳеодоровичу удалось заключить Столбовскій миръ. Устранить невыгоды этого договора, который отрѣзывалъ Россію отъ моря, пытался преемникъ этого царя, Алексѣй Михайловичъ, но возникшія въ Малороссіи волненія помѣшали дѣйствіямъ въ Лифляндіи. Царевна Софья, однако, опасалась дѣйствовать противъ шведовъ, и Петръ, въ первые годы своего правленія, также былъ далекъ отъ этого. Старинныя притязанія на береговыя полосы Ингерманландіи, на Корелію и Ижору, не были забыты, но очень долгое время Россія не была въ состояніи выступить на боевой путь ради этихъ областей.

Только при Петрѣ дѣла сложились такъ, что въ политической группировкѣ на сѣверо-востокѣ Европы произошла полная перемѣна. Швеція утратила положеніе великой державы, которое она нѣкоторое время занимала, и гегемонія въ этой части материка должна была перейти къ дѣйствительно великой державѣ—къ прежнему азіатскому московскому царству, отнынѣ европейской россійской имперіи. Стоявшее до тѣхъ поръ внѣ Европы восточное государство, своимъ участіемъ въ восточныхъ дѣлахъ заслужившее нѣкоторое вниманіе западно-европейской народной семьи, вступило теперь — и это было непосредственнымъ результатомъ сѣверной войны,— въ общую государственную систему, какъ полноправный, прирожденный членъ.

Нелегко опредѣлить, когда именно у Петра возникла мысль о войнѣ со Швеціей. До поѣздки за границу онъ былъ занятъ исключительно восточными дѣлами. Тягостное впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ Риги, въ самомъ началѣ путешествія, которое потомъ многіе считали за casus belli, поводомъ къ войнѣ, не было, однако, дѣйствительною причиною, побудившею царя къ военнымъ дѣйствіямъ. Въ Кенигсбергѣ Петръ отклонилъ предложеніе курфюрста заключить оборонительный союзъ противъ Швеціи. Письмо Лефорта къ шведскому министру Бенгту Оксеншерну изъ Липштадта, 1 августа (1696 г.), въ которомъ обсуждаются королевскіе выборы въ Польшѣ и восточныя происшествія, написано очень мирнымъ образомъ и заключаетъ даже предложеніе новаго союза между Петромъ и шведскимъ королемъ. Предполагалось даже посольство Лефорта въ Швецію. Въ отвѣтномъ посланіи къ «roi de Novgorod» (новгородскому королю), какъ себя именовалъ Лефортъ, шведскій канцлеръ съ особеннымъ удовольствіемъ принимаетъ эти предложенія и обѣщаетъ посланнику Петра благопріятный пріемъ въ Швеціи [1]). Въ Гаагѣ русскіе путешественники поддерживали дружескія сношенія съ шведскимъ посланникомъ Лиліенротомъ [2]). Выше было сказано, что со стороны шведскаго правительства послѣдовалъ Россіи подарокъ въ 300 пушекъ. Словомъ, нельзя было ожидать столь близкаго и полнаго переворота въ такихъ дружескихъ отношеніяхъ.

Съ другой стороны, надлежитъ упомянуть, что Петръ, во время своего пребыванія въ 1697 г. въ Курляндіи, высказывалъ желаніе имѣть соотвѣтственную гавань на Балтійскомъ морѣ. Въ этомъ отношеніи Бломбергъ, въ приведенномъ выше письмѣ, высказывается о дальнѣйшихъ планахъ

[1]) Посселькъ, II, 429—435.
[2]) Устряловъ, III, 402.

Петра: главнымъ образомъ съ цѣлью торговыхъ интересовъ стремится онъ имѣть точку опоры на морскомъ берегу [3]). Войдя въ ближайшее соприкосновеніе съ западно-европейскою культурою, ему естественно захотѣлось «прорубить окно въ Европу» [4]). Это и случилось, когда удалось утвердиться на морѣ. Но о войнѣ съ Швеціею нельзя было помышлять раньше, чѣмъ не обезпечить себѣ содѣйствіе Польши. И отношенія московскаго государства къ этому сосѣду испытали большую перемѣну именно въ годы, непосредственно предшествовавшіе началу сѣверной войны.

Весь семнадцатый вѣкъ представляетъ сплошное столкновеніе между Россіею и Польшею. Борьба за Малороссію лишь наружно была закончена Андруссовскимъ договоромъ 1667 г. Въ Польшѣ не переставала жить надежда вернуть эту утраченную область. Впродолженіи цѣлыхъ десятковъ лѣтъ Малороссію смущали мятежные происки польскихъ эмиссаровъ. Въ 1689 г. въ нихъ оказался замѣшаннымъ и гетманъ Мазепа [5]). Возможно, что и тогда уже Мазепа велъ двойную игру, поддерживая тайныя сношенія съ польскимъ правительствомъ и выдавая московскому правительству о дѣятельности польскихъ агентовъ.

Мы уже видѣли, какъ мало сочувствовали поляки успѣхамъ Петра въ турецкую войну. Осенью 1696 г. русскій представитель въ Варшавѣ узналъ о серьезныхъ замыслахъ заключить союзъ съ татарами, о томъ, что ханъ предупредилъ польское правительство о завоевательныхъ планахъ Петра, и что малороссійскій гетманъ Мазепа склоненъ отпасть отъ Россіи въ пользу Польши [6]). Когда поляки старались умалить достигнутые русскими подъ Азовомъ успѣхи, Никитинъ довольно рѣзко заявилъ, что слѣдуетъ желать, чтобы царь не только Турцію завоевалъ, но присоединилъ къ своимъ владѣніямъ и Польшу, и Литву, чтобы былъ, наконецъ, положенъ конецъ вѣчной междоусобицѣ поляковъ [7]).

Вскорѣ послѣ того въ Польшѣ случилась перемѣна царствованія. Царь принялъ дѣятельное участіе въ королевскихъ выборахъ и получилъ удовлетвореніе, что не Конти, а Фридрихъ-Августъ вступилъ на польскій престолъ. Не даромъ Виніусъ въ одномъ письмѣ къ Петру выражалъ по-

[3]) Earnestly endeavour to gain a town on the Baltic. An account of Livonia.

[4]) Впервые эту метафору употребилъ Algarotti въ 1769 г. въ своихъ „Lettres sur la Russie“,— затѣмъ Пушкинъ.

[5]) Устряловъ, II, 202.—Соловьевъ, XIV, 166.

[6]) Тамъ же, XIV, 233.

[7]) Тамъ же, XIV, 234 (Моск. Арх.).

желаніе, чтобы не «пѣтуховый кандидатъ» [8]) достигъ престола. Въ то время думали о солидарности Польши и Москвы въ восточномъ вопросѣ, но это становилось невозможнымъ, если польскимъ королемъ являлся представитель французскихъ интересовъ. Послѣ своего вступленія въ Польшу, Августъ открыто высказалъ Никитину свою признательность царю и заявилъ, что онъ никогда не забудетъ про «аффектъ» Петра къ нему [9]). Тѣмъ не менѣе, въ первые годы правленія новаго короля, подстрекательства польскихъ агентовъ въ Малороссіи не прекращались. Старую рознь между поляками и русскими, между католиками и православными было не легко примирить [10]). Самъ собою возникалъ вопросъ, могутъ ли способствовать прочному союзу личныя отношенія обоихъ государей, Петра и Августа.

Съ этой точки зрѣнія встрѣча въ Равѣ (3 августа 1698 г.) имѣла громадное значеніе. Всѣмъ существеннымъ, извѣстнымъ намъ про это свиданіе, мы обязаны самому царю. Въ «Гисторіи свейской войны», составленной кабинетъ-секретаремъ Макаровымъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Петра, въ которую онъ внесъ столько собственноручныхъ поправокъ, что это сочиненіе можетъ по справедливости считаться вышедшимъ изъ-подъ собственнаго пера царя, онъ говоритъ, что въ Равѣ Августъ просилъ его помочь въ случаѣ, если поляки будутъ къ нему, королю, враждебны; царь, съ своей стороны, просилъ Августа помочь ему смыть то оскорбленіе, которое причинилъ ему въ Ригѣ Дальбергъ. Петръ добавляетъ, что все это было выражено только на словахъ, и что никакого письменнаго договора заключено не было [11]). Мы знаемъ, что Петръ былъ очарованъ личностью Августа, и что въ личныхъ отношеніяхъ обоихъ государей воцарилась дружеская сердечность.

Польскій посланникъ Карловичъ, бывшій въ 1699 г. въ Москвѣ, въ своемъ донесеніи отъ 5 октября, говоритъ, что онъ напомнилъ царю о равскомъ свиданіи, на что «царь выразилъ желаніе, что ваше королевское величество помогли ему занять тѣ шведскія области, которыя по Божіей милости и по праву, въ сущности, принадлежатъ Россіи и были потеряны вслѣдствіе смуты въ началѣ этого вѣка». Что касается до заключенія союза, то, въ виду продолжавшихся еще въ Польшѣ неурядицъ, оно было отложено [12]).

[8]) Пѣтухъ—эмблема Галліи (Франціи). *(Прим. пер.)*. См. Соловьевъ, XV, 252.

[9]) Тамъ же, XIV, 253.

[10]) Архивныя данныя см. тамъ же, XIV, 318 и XV, 6—10.

[11]) Устряловъ, III, 186 и Соловьевъ XIV, 327. — Эти поправки Петръ писалъ четверть вѣка спустя.

[12]) Устряловъ, III, 512.

Изъ этого можно усмотрѣть истинный поводъ къ войнѣ. Жалобы на Дальберга, о которой Петръ нѣкогда говорилъ Августу, нѣтъ и въ поминѣ въ донесеніи Карловича, напротивъ того, главное — это отмѣна статей Столбовскаго мира.

Когда въ 1870—71 гг. Германія отвоевала отъ Франціи обратно Эльзасъ и Лотарингію, одинъ современникъ въ бесѣдѣ съ Тьеромъ замѣтилъ, что Германія еще ведетъ войну съ Людовикомъ XIV; также точно съ началомъ сѣверной войны можно было сказать, что Россія ведетъ войну съ Густавомъ Адольфомъ. Какое значеніе могло имѣть, при наличности подобныхъ интересовъ, личное впечатлѣніе и обида отъ происшедшаго въ 1697 г. въ Ригѣ столкновенія?

Въ своихъ подробностяхъ мысль о войнѣ не поддается изученію. Въ какой степени принималъ участіе въ возбужденіи къ дѣйствіямъ противъ Швеціи Паткуль [13]), не входитъ въ нашу задачу. Его роль относится собственно къ исторіи Польши; его цѣлью было побудить къ войнѣ съ шведами польскаго короля Августа. Предположеніе союза съ царемъ онъ употребилъ какъ средство для достиженія своей и своихъ единомышленниковъ цѣли; приэтомъ онъ предостерегалъ о слишкомъ большихъ завоевательныхъ планахъ Петра главнымъ образомъ относительно Нарвы. По его мнѣнію, Петру было достаточно предоставить Ингерманландію и Корелію, а объ Эстляндіи и Лифляндіи ему нечего было и думать. Можно также предположить, что Петръ самъ отъ себя предложилъ Августу союзъ противъ Швеціи. Между тѣмъ Паткуль высказывалъ сомнѣніе, что миръ между Россіею и Польшею не будетъ скоро заключенъ, — а царя, если у

---

[13]) Паткуль—лифляндскій дворянинъ (1660—1707) род. въ Стокгольмѣ въ тюрьмѣ, куда его мать сопровождала своего мужа, арестованнаго за государственное преступленіе. Въ качествѣ члена лифляндской депутаціи, Паткуль съ такою энергіею добивался возстановленія прежнихъ правъ, что возбудилъ ненависть короля Карла XI и въ 1694 г. былъ приговоренъ къ отсѣченію правой руки и конфискаціи имущества, но успѣлъ бѣжать. Въ 1698 г. поступилъ на службу къ саксонскому курфюрсту и былъ посланъ въ Москву. Въ 1702 г. перешелъ на службу Петра. Въ 1704 г. посланъ былъ въ Варшаву во главѣ вспомогательнаго войска Августу и послѣ занятія Августомъ Варшавы перешелъ съ русскимъ отрядомъ въ Саксонію, гдѣ былъ арестованъ мѣстными властями. По миру между Швеціею и Саксоніею (1706 г.) было рѣшено выдать Паткуля Карлу XII, Августъ устроилъ ему бѣгство, но оно не удалось, и Паткуль былъ колесованъ и умеръ въ 1707 г. *(Прим. пер.).*

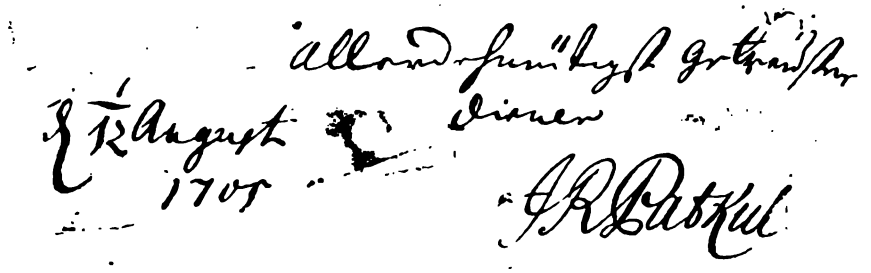
него не будетъ увѣренности въ безопасности на востокѣ, будетъ трудно подвинуть на дѣйствія противъ Швеціи; Паткуль настойчиво указывалъ на пользу союза Польши съ Россіею. Надо было только создать условія, чтобы Петръ самъ пожелалъ войны, чтобы связать его нѣкоторыми обязательствами. Въ этомъ заключалась сущность тѣхъ предложеній, которыя дѣлалъ Августу Паткуль въ концѣ 1698 г. и въ началѣ 1699 г.

Іоганъ Рейнгольдъ Паткуль.

Не даромъ Паткуль говорилъ, что Польшѣ предстоитъ продолжительная и трудная война, не напрасно высказывалъ онъ опасеніе, что союзникъ царь Петръ «мимо носа перехватитъ жаркое, которое другіе поставили на вертелъ». Эта война причинила Польшѣ много глубокихъ ранъ, гораздо больше, чѣмъ Москвѣ, для которой она явилась хорошей школой. Не Польша, а Россія получала плоды побѣды. Но Паткуль только предполагаетъ возможность такихъ случайностей, онъ не считалъ ихъ вполнѣ вѣроятными.

Непосредственнымъ результатомъ воздѣйствія Паткуля была посылка генерала Карловича въ Москву и тайное соглашеніе короля съ лифляндскимъ дворянствомъ, которое Августъ подписалъ 24 августа 1699 г. [14]).

Одновременно съ Карловичемъ, въ свитѣ котораго находился Паткуль, осенью 1699 года прибыло въ Москву и шведское посольство.

---

[14]) Hermann. IV, 100.

Кардисскій миръ, какъ уже было упомянуто, являлся лишь подкрѣпленіемъ Столбовскаго соглашенія. Цѣлью шведскаго посольства было подтвердить кардисскій миръ. Россія, какъ надѣялись шведы, должна была на всегда отказаться отъ своихъ притязаній на береговую полосу. Въ Россіи-же въ то же самое время созрѣвала мысль именно за обладаніе морскимъ берегомъ начать уборную борьбу. Посольство явилось по поводу вступленія на престолъ Карла XII, съ цѣлью обезпечить его царствованію продолженіе мира. Но именно его воцареніе и подало толчекъ къ одной изъ самыхъ продолжительныхъ войнъ, которыя только извѣстны въ исторіи.

Въ октябрѣ состоялся торжественный пріемъ шведскихъ пословъ Бергенхельма и Линденхельма. Во время переговоровъ съ послами былъ затронутъ и прискорбный случай въ Ригѣ, но безъ того, чтобы придать ему какое-либо большое значеніе. Приходилось сначала соблюсти разныя формальности, но вскорѣ перешли и къ главному предмету, а именно возобновленію мирныхъ отношеній [15]).

Отсылка кн. Хилкова въ Швецію, въ качествѣ уполномоченнаго въ дѣлахъ, была такъ же простою формальностью; ему было поручено передать тамъ о мирныхъ намѣреніяхъ царя, а вмѣстѣ съ тѣмъ собрать точныя данныя объ отношеніяхъ Швеціи къ другимъ государствамъ [16]).

Въ Швеціи не были, однако, вполнѣ спокойны относительно плановъ царя, какъ это видно, между прочимъ, изъ переписки шведскаго ученаго Спарвенфельда съ Лейбницомъ [17]). Шведскій посланникъ въ Москвѣ Книперкронъ, дѣлалъ въ 1699 г. представленія относительно преобразованія войскъ. Въ одномъ письмѣ къ Витсену Лейбницъ высказывалъ мысль, что Петръ задумываетъ войну противъ Швеціи, Витсенъ-же старался успокоить Лейбница и ссылался на свою бесѣду съ царемъ по вопросамъ иностранной политики; никогда никакого гнѣва не выразилъ царь по адресу Швеціи; только противъ турокъ онъ сильно возбужденъ [18]).

11 ноября 1699 года, Петръ заключилъ договоръ съ Августомъ, въ которомъ было предусмотрѣно нападеніе на Швецію. Петръ обязывался, тотчасъ по заключенію мира съ турками, «не позднѣе апрѣля 1700 г.», начать войну со шведами. Соглашеніе должно было оставаться тайнымъ [19]). Теперь понятно, насколько царь былъ заинтересованъ,

---

[15]) Устряловъ, III, 524—529.
[16]) Тамъ-же. III, 530—531.
[17]) Guerrier. 36.
[18]) Тамъ-же, 27.
[19]) Устряловъ, III, 342.

чтобы переговоры съ Портою пришли къ скорѣйшему окончанію. Положеніе было напряженное; лишь немногіе были посвящены въ тайну; прочіе современники могли только предполагать, что готовится перемѣна въ иностранной политикѣ Россіи.

Въ мартѣ 1700 г. Плейеръ сообщаетъ о ходившихъ по Москвѣ слухахъ, что царь хочетъ, несмотря на возобновленіе мира съ Швеціею, напасть на Ревель и Нарву [20]). Голландскій посланникъ Ван-деръ Гульстъ также доноситъ о подобныхъ слухахъ, но еще въ іюнѣ 1700 года говоритъ, что не вѣритъ воинственнымъ планамъ Петра. Хотя царь и разгнѣвался случаемъ въ Ригѣ, но, по заключеніи мира съ Турціею, онъ не объявилъ по этому поводу войны Швеціи [21]). Затѣмъ въ іюлѣ тотъ-же посланникъ сообщалъ, что ничего не извѣстно о намѣреніяхъ царя; только четыре человѣка посвящены въ тайну, самъ Петръ, Головинъ, Меншиковъ и еще одно лицо, имя котораго ему неизвѣстно [22]). Даже 19 (29) августа Гульстъ, бесѣдуя съ вѣдавшимъ иностранную политику Головинымъ о слухахъ про войну, получилъ отъ него отвѣтъ, что тотъ не думаетъ, чтобы Петръ порвалъ со Швеціею, и при этомъ добавилъ, что если даже подобное случится, то Петръ не поступитъ подобно Августу и не нападетъ на врага врасплохъ, а объявитъ ему войну формально [23]).

Графъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ.

Шведскій представитель былъ въ волненіи, но Петръ самъ старался его успокоить. 16 мая Книперкронъ писалъ Карлу XII, что Петръ, по возвращеніи изъ Воронежа, посѣтилъ его и сообщилъ его женѣ, что ея сообщенія про военные слухи встревожили проживавшую въ Воронежѣ дочь ихъ. «Твоя дочь,—сказалъ Петръ резиденту,—такъ расплакалась, что я насилу могъ ее утѣшить. Глупенькая, сказалъ я ей, неужели ты думаешь,

---

[20]) Тамъ-же, III, 652.
[21]) Тамъ-же IV, 2, 363.
[22]) Тамъ-же, 665.
[23]) Тамъ-же, 666.

что я соглашусь на несправедливую войну и разорвать вѣчный миръ, мною утвержденный?» Книперкронъ замѣчаетъ, что они были очень тронуты этими словами, а царь обнялъ резидента и увѣрилъ его, что когда польскій король завоюетъ Ригу, онъ, Петръ, не оставитъ города въ его рукахъ [24]).

8 августа Петръ получилъ изъ Константинополя отъ своего посланника Емельяна Украинцева донесеніе о заключеніи мира съ турками; на слѣдующій день онъ написалъ Августу, что онъ немедленно объявитъ войну,

Прежняя ратуша и памятникъ Петру Великому на рыночной площади въ г. Нарвѣ.

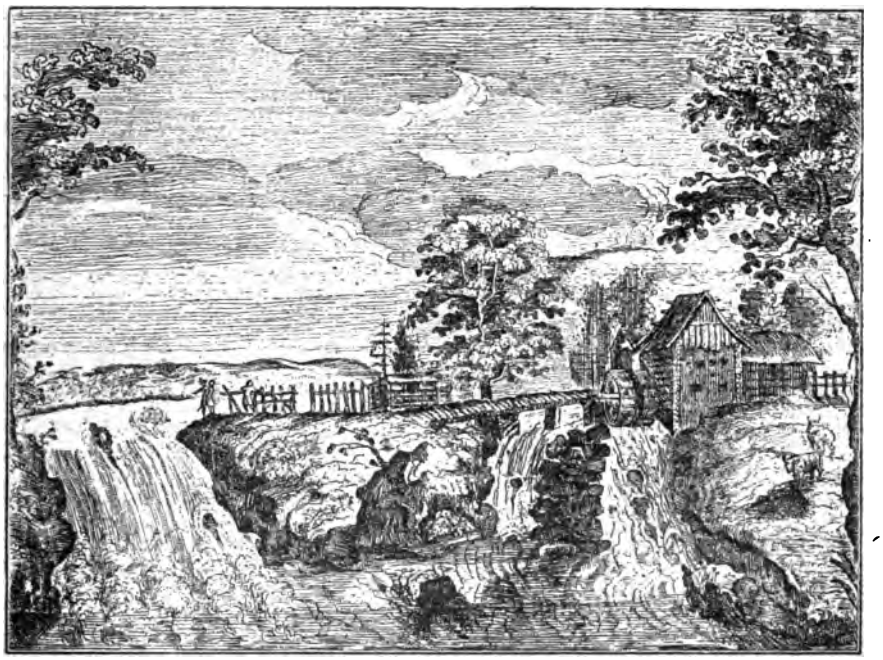
и его войска тотчасъ выступятъ въ шведскую область, овладѣвъ нѣкоторыми укрѣпленными мѣстностями [25]).

Въ основѣ подобныхъ дѣйствій заключается, что ихъ успѣхъ, въ большинствѣ случаевъ, зависитъ отъ внезапности и неожиданности. Въ каждой предусмотрѣнной войнѣ имѣется извѣстный промежутокъ времени, когда предстоящія непріязненныя дѣйствія являются дѣломъ рѣшеннымъ, но никто не смѣетъ о нихъ говорить. Ученіе о государственной этикѣ еще очень слабо развито. Пока между народами и государствами царитъ кулачное

[24]) Trybell (жизнеописаніе Карла XII) говоритъ объ этомъ иначе.—Устряловъ, III, 370.

[25]) Тамъ же. III, 384.

право войны, подобная вѣроломность въ дипломатическихъ спошеніяхъ не можетъ быть легко устранена. Прежде чѣмъ достигнуть полнаго вооруженія и начать войну, по общему правилу, вооруженія тщательно скрываются. Если образъ дѣйствій Петра нѣсколько перешелъ за обычную въ то время мѣрку нравственной неразборчивости, то все же нельзя его дѣйствія считать постыдными. Поведеніе Петра кажется намъ неблаговидпымъ только

Нарвскій водопадъ, съ гравюры 1696 г.

потому, что онъ самъ былъ руководителемъ внѣшней политики и въ сношеніяхъ съ шведскимъ посланникомъ лично толкуетъ о склонности своей къ миру, тогда какъ другіе государи подобныя сношенія совершаютъ черезъ своихъ министровъ, отъ которыхъ, при подходящихъ случаяхъ, можно и отречься. Отвѣтственность царя въ этомъ дѣлѣ, какъ и при казняхъ стрѣльцовъ, только кажется большей, чѣмъ она въ дѣйствительности, или же чѣмъ подобная отвѣтственность другихъ правителей. Его личность, его нравственныя понятія являются болѣе обнаруженными, чѣмъ это бываетъ съ другими государями. Не нарушая своего государева достоинства, онъ самъ, корабль за кораблемъ, провелъ весь флотъ сквозь допскіе

гирлы, во время уголовнаго процесса онъ лично исполнилъ всѣ обязанности слѣдственнаго судьи, онъ и въ дипломатическихъ сношеніяхъ лично примѣнилъ то свойство рѣчи, про которое говорятъ, что оно способствуетъ утаенію мысли.

Извѣстно, что Карлу XII удалось отразить нападеніе Польши и Даніи въ тотъ самый моментъ, когда Петръ приготовился напасть на шведскія земли. Петръ разсчитывалъ на успѣхъ другихъ противниковъ Швеціи. Планъ, по которому польско-саксонскія войска должны были подойти къ Ригѣ, не удался. Тѣмъ настойчивѣе домогался Августъ, чтобы Петръ началъ военныя дѣйствія. Карлу XII было очень выгодно промедленіе Петра, который хотѣлъ дождаться сообщенія о мирѣ съ турками, прежде чѣмъ начать войну. Шведскій король такимъ образомъ имѣлъ время принудить къ миру одного соперника, Данію. Какъ разъ въ тотъ день, когда Петръ получилъ столь нетерпѣливо ожидаемое донесеніе Украинцева (8 августа), въ Травендамѣ былъ заключенъ миръ съ Даніею. Мѣсяцъ спустя послѣ этого Головинъ еще ничего не зналъ достовѣрнаго объ этомъ событіи и выражалъ надежду, что слухъ о такомъ мирномъ договорѣ не имѣетъ основаній [26]). Нѣсколько дней послѣ приведенія въ исполненіе рѣшенія Россіи, изъ Гамбурга было получено извѣстіе о шведско-датскомъ договорѣ. Голландскій посланникъ писалъ 14 сентября своему правительству изъ Москвы, что онъ сомнѣвается, чтобы Петръ объявилъ войну и двинулъ въ походъ свои войска, если бы извѣстіе о Травендамскомъ договорѣ было получено царемъ двумя недѣлями раньше [27]).

Въ то время, какъ князь Хилковъ отправился въ Швецію, чтобы свидѣтельствовать о миролюбіи Петра, князь Трубецкой ѣхалъ въ Берлинъ въ качествѣ дипломатическаго агента, чтобы тайно извѣстить курфюрста бранденбургскаго о готовившемся нападеніи Петра на Швецію, просить о помощи и сообщить о признаніи царемъ за Пруссіею королевскаго достоинства [28]).

8 августа пришло сообщеніе о мирѣ съ Портою, и на слѣдующій день войска выступили въ походъ по направленію къ шведской границѣ. По дорогѣ въ Швецію Хилковъ останавливался въ Нарвѣ и донесъ царю, что гарнизонъ этого города состоитъ всего изъ 300 старыхъ, слабыхъ и больныхъ солдатъ [29]). Въ самый день начала похода, у Хилкова была

---

[26]) Письмо Головина у Устрялова, IV, 2, 143.
[27]) Тамъ же, IV, 2, 667.
[28]) Тамъ же, III, 370.
[29]) Тамъ же, III, 556.

аудіенція у шведскаго короля, но уже на датской территоріи, куда Карлъ XII пригласилъ русскаго посла изъ Ландскроны. Пріемъ былъ очень дружественный и любезный. Отсюда Хилковъ отправился въ Стокгольмъ, гдѣ въ сентябрѣ былъ заключенъ въ тюрьму. Война началась [30]). Помѣченный 21 августа рескриптъ Петра повелѣвалъ Хилкову формально объявить войну «за многія ихъ свейскія неправды и за безчестіе, учиненное нашимъ царскаго величества великимъ и полномочнымъ посламъ въ Ригѣ въ прошломъ 1697 году, которое касалось самой нашего царскаго величества персоны»... [31]).

[30]) См. выписки изъ донесеній Хилкова тамъ же, IV, 2, 159.
[31]) Тамъ же IV, 2, 1.

ГЛАВА III.

Битва при Нарвѣ.

Много мѣсяцевъ до начала военныхъ дѣйствій царя занимала мысль о завоеваніи Нарвы и Шлиссельбурга. 2 марта 1700 года онъ писалъ Головпину изъ Воронежа, чтобы тотъ послалъ стольника Корчмина для подробной рекогносцировки обоихъ пунктовъ. Въ особенности настаивалъ Петръ на Шлиссельбургѣ, такъ какъ черезъ него лежитъ путь въ море изъ Ладожскаго озера. Царь рекомендовалъ Головину самому по картѣ убѣдиться въ важности обоихъ мѣстъ [1]).

Союзники Петра были очень недовольны тѣмъ, что онъ стремится къ овладѣнію Нарвой. Паткуль писалъ саксонскому дипломату барону Лангену, что послѣдній хорошо знаетъ, какія были употреблены старанія, чтобы отклонить царя отъ похода на Нарву; ни подъ какими условіями нельзя было допустить, чтобы царь проникнулъ въ самое сердце Лифляндіи. Если онъ овладѣетъ Нарвою, то отсюда можетъ занять Ревель, Дерптъ, Перновъ, прежде чѣмъ объ этомъ узнаютъ въ Варшавѣ; онъ можетъ тогда занять также Ригу и подчинить себѣ всю Лифляндію. Съ такимъ энергичнымъ и могущественнымъ государемъ требуется двойная осторожность; съ другой стороны, не слѣдуетъ раздражать царя противорѣчіями: ему можно указать на завоеваніе Ингріи и Карелін [2]).

Уже въ самомъ началѣ войны противъ Швеціи мы встрѣчаемся съ вопросомъ, кому достанется львиная доля—Лифляндія. Паткуль надѣялся, съ помощью «географіи и исторіи», доказать царю, что его стремленія вернуть себѣ владѣнія своихъ предшественниковъ не должны распространяться далѣе Ингерманландіи и Карелін [3]). Но если въ этомъ дѣлѣ гражданское право подсказывало одно рѣшеніе, то политическіе интересы требовали нѣчто большаго.

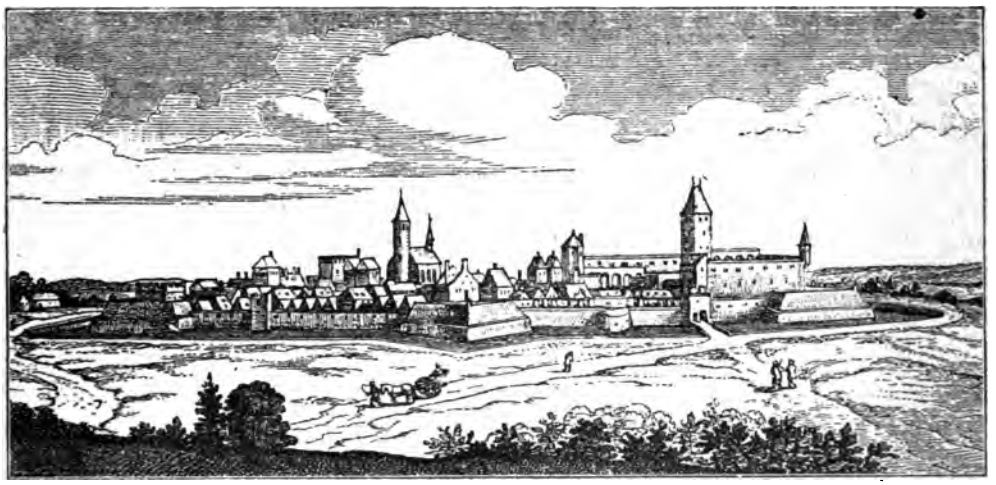
[1]) Соловьевъ, XIV, 347 (Моск Арх. М. II Д.).

[2]) Устряловъ, III, 23. 149.

[3]) Hermann. IV, 99.

Лангенъ отвѣчалъ Паткулю, что онъ вмѣстѣ съ датскимъ посланникомъ испытали все, чтобы отклонить царя отъ его намѣренія относительно Нарвы, но нашли столь «упрямымъ» въ отношеніи этого предмета, что они не рѣшаются болѣе настаивать на этой щекотливой сторонѣ дѣла; остается надѣяться, что впослѣдствіи Нарва все же отойдетъ къ королю Августу.

Царь лично находился при войскѣ въ званіи капитана. Во время похода, въ Твери, онъ узналъ, что въ Перновѣ ожидается высадка Карла XII,

Видъ Нарвы. (По гравюрѣ Меріана начала XVII в).

который вступаетъ въ Лифляндію съ 18,000 войска. Петръ пишетъ Головину, что онъ сомнѣвается въ правильности этого извѣстія; но если оно достовѣрно, то изъ этого не слѣдуетъ заключить, что «Датскій оскудѣлъ». Въ концѣ письма къ Головину сказано: «а мы пойдемъ и будемъ дѣлать, какъ Богъ наставитъ» [4]).

Въ азовскихъ походахъ Гордонъ и Лефортъ были помощниками Петра въ начальствованіи войскомъ. Въ войнѣ со шведами Петръ еще больше нуждался въ содѣйствіи иностранцевъ [5]). Въ 1692 г. на русскую службу вступилъ герцогъ Карлъ-Евгеній де-Круи; онъ участвовалъ въ войнѣ Австріи

---

[4]) Все письмо приведено у Устрялова, IV, 2, 3.

[5]) Богдановичъ въ исторіи Александра I, разсказываетъ, безъ указанія однако источника, что Петръ въ началѣ сѣверной войны предлагалъ главное начальствованіе герцогу Мальборо (?).

съ турками, рекомендованъ царю бранденбургскимъ курфюрстомъ и при началѣ военныхъ дѣйствій подъ Нарвою былъ главнокомандующимъ [6]). Съ нимъ совѣщался царь во время похода къ Новгороду.

Въ концѣ сентября царь прибылъ къ Нарвѣ. Съ помощью герцога Круи и саксонскаго инженера Галларта, котораго прислалъ Августъ (изъ его записокъ мы почерпаемъ многія подробности этихъ событій) Петръ приступилъ къ осадѣ крѣпости.

Хотя нѣкоторые иностранцы, какъ, напр., Лангенъ, Плейеръ, фонъ-деръ-Гульстъ, съ похвалою отзывались о вооруженіи русскихъ, о ихъ мужествѣ и численности артиллеріи, но недостаточность осадныхъ средствъ русскаго войска не замедлила сказаться тотчасъ по обложеніи Нарвы. Главнымъ образомъ недоставало военныхъ снарядовъ [7]); при бездорожьи и при отсутствіи потребнаго числа лошадей и перевозочныхъ средствъ, около Нарвы нельзя было сосредоточить болѣе 35—40,000 человѣкъ [8]). Въ Нарвѣ было 1,200 пѣхотинцевъ, 200 человѣкъ конницы и 400 вооруженныхъ гражданъ.

Петръ поражалъ иностранцевъ своимъ непосредственнымъ личнымъ участіемъ въ разныхъ работахъ. 20-го октября началась бомбардировка города. Почему-то ожидалось, что гарнизонъ поспѣшитъ сдаться. Неоднократно повторялъ Петръ Галларту, что какъ только онъ овладѣетъ Нарвою, то поможетъ Августу занять Ригу.

Но положеніе вскорѣ ухудшилось. Получилось извѣстіе, что Августъ снялъ осаду Риги, при чемъ имъ были высказаны жалобы, что помощь Петра несвоевременна и недостаточна. Русскія пушки и русскій порохъ при обстрѣливаніи Нарвы оказались плохого качества. Ближайшій товарищъ Петра, второй капитанъ бомбардирскаго полка Гуммертъ, многолѣтній сподвижникъ царя, оказавшій ему много полезныхъ услугъ при взятіи Азова, котораго Петръ высоко цѣнилъ, — передался на сторону врага [9]). Бояринъ Шереметевъ, посланный съ отдѣльнымъ отрядомъ къ Везенбергу, чтобы преградить путь шведамъ при отступленіи, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, малодушно отступилъ. Съ приближеніемъ осени и зимней непогоды, въ русскомъ войскѣ начались болѣзни.

31-го октября Лангенъ писалъ королю Августу, что Петръ тотчасъ

---

[6]) Устряловъ, III, 116 и 468.

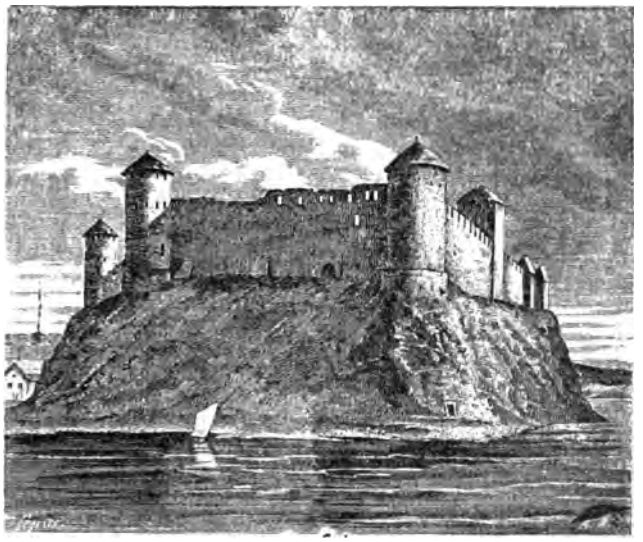
[7]) Соловьевъ, XIV, 349.

[8]) Устряловъ, IV, I, 29—32.

[9]) Поссельтъ, II 553.—Кромѣ того о Гуммертѣ много матеріала собрано у Устрялова, IV, 1, 29—32.

по взятіи Нарвы поспѣшитъ королю на помощь и при этомъ не подниметъ никакихъ разговоровъ объ Эстляндіи и Лифляндіи. Тогда Августъ такъ проучитъ молодого шведскаго короля, что тотъ никогда больше, безъ особаго позволенія, не выѣдетъ изъ предѣловъ Швеціи [10]).

Но вскорѣ пришло точное извѣстіе о приближеніи Карла XII съ 8,000 войскомъ. Тѣ самыя мѣста, тѣснины Пигайоки и Силламеги, которыя долженъ былъ занять Шереметевъ, были теперь въ рукахъ у шведовъ. Рѣшеніе близилось.

Замокъ Ивангородъ, сдавшійся Петру I 15 августа 1704 г.

Въ эту минуту, непосредственно передъ битвою, Петръ покинулъ свою армію.

Мы должны отказаться отъ выясненія причинъ, побудившихъ Петра къ такому шагу. Съ вражеской стороны была выставлена трусость [11]). Но извѣстно, что трусость также мало соотвѣтствовала характеру Петра, какъ и безумная смѣлость; онъ также не считалъ себя за полководца и поэтому не могъ смотрѣть на себя, какъ на руководителя битвы и тѣмъ принести въ ней какую-либо пользу. Убѣдившись въ недостаточности средствъ, Петръ могъ разсчитывать, что личнымъ участіемъ въ военно-распорядительной дѣятельности въ Псковѣ и Новгородѣ онъ принесетъ больше пользы, чѣмъ при Нарвѣ. Нельзя сомнѣваться, впрочемъ, что Петръ былъ въ сильномъ волненіи. Галлартъ, какъ очевидецъ, разсказываетъ, что Петръ 8-го ноября, въ 3 часа утра, передъ самымъ своимъ отъѣздомъ, пришелъ къ Крои, выпилъ съ нимъ нѣсколько стакановъ вина и въ сильномъ разстройствѣ потребовалъ, чтобы герцогъ принялъ на себя главное начальствованіе надъ войскомъ. Данныя царемъ инструкціи герцогу, безъ

[10]) Устряловъ, IV, 2, 165.

[11]) Kelch, Liff. Hist. II, 156.—Bockerodt (изд. Herrmann).

даты и безъ приложенія печати, были, по словамъ Галларта въ его донесеніи польскому королю, «weder gehauen, noch gestochen» (ни обдуманы, ни толковы). Петръ не воинъ,—писалъ Галлартъ,—хотя громко говорить объ этомъ событіи онъ воздерживался [12]).

Въ составленной подъ руководствомъ Петра исторіи сѣверной войны причиной его отъѣзда выставлено желаніе какъ можно быстрѣе привести къ Нарвѣ отдаленные полки и желаніе свидѣться съ королемъ Августомъ. Въ русскомъ подлинникѣ и въ сохранившемся нѣмецкомъ переводѣ инструкціи Круи составлены очень кратко и обще; ихъ содержаніе нисколько

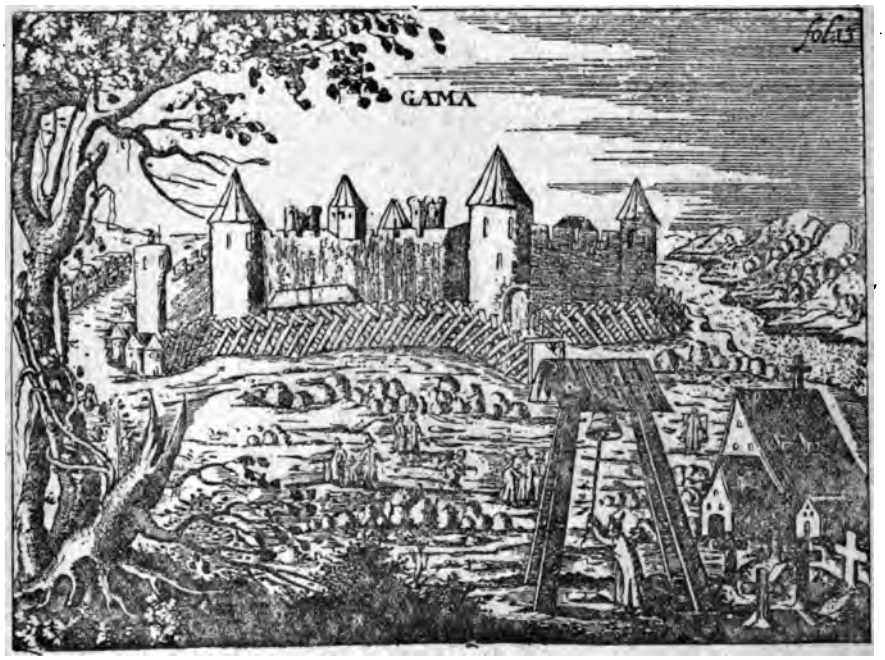
Нарвскіе бастіоны.

не измѣняетъ рѣзкаго о нихъ отзыва Галларта [13]). По словамъ Плейера, Петръ покинулъ армію и уѣхалъ, слѣдуя совѣтамъ своихъ окружающихъ, чтобы не подвергаться безполезной опасности,—но этому сообщенію нельзя придавать особеннаго значенія [14]). Слѣдуетъ признать, что безъ дополнительныхъ средствъ, безъ свѣжихъ войскъ Петръ не разсчитывалъ на успѣхъ. Могъ-ли онъ предусмотрѣть, что битва разыграется такъ стремительно быстро, намъ неизвѣстно. Плейеръ говоритъ, что Петръ нѣсколько позднѣе (1702 г.) разсказывалъ, что пораженіе при Нарвѣ можно-бы было предотвратить, если бы онъ двѣ недѣли раньше рѣшилъ передать герцогу Круи

[12]) Устряловъ, IV, 1, 35.
[13]) См. выше.
[14]) Тамъ же, IV, 2, 542.

главное начальствованіе [15]). Слѣдуетъ признать, что многоначальствованіе надъ войскомъ подъ Нарвою вліяло такъ-же отрицательно, какъ и при первомъ азовскомъ походѣ. Фиктивный главнокомандующій Головинъ не могъ имѣть большого значенія, такъ какъ Петръ не задумался взять его съ собою въ Новгородъ. Быть можетъ, Петръ имѣлъ въ виду. своимъ отъѣздомъ установить единство командованія.

Въ иностранныхъ кружкахъ хвалили русскихъ солдатъ и порицали русскихъ офицеровъ. Они считались невѣжественными и неопытными, а

Видъ крѣпости Яма.

иностранцы были полюбимы и не владѣли русскимъ языкомъ, что очень осложняло отдачу приказаній [16]). Во всякомъ случаѣ, происшедшую катастрофу надо въ значительной части приписать неспособности русскихъ военноначальниковъ [17]).

За то со стороны молодого шведскаго короля проявлено много энер-

---

[15]) Тамъ-же, IV, 578.

[16]) Плейеръ у Устрялова, IV, 2, 542.

[17]) Галлартъ пишетъ Августу, что всѣ его (Петра) генералы имѣютъ столько-же мужества, сколько лягушка—волосъ. Плейеръ называетъ русскихъ солдатъ—овцами безъ пастуховъ (Устряловъ, IV, 2, 550).

гіи и дѣятельности, онъ быстро подошелъ съ частью своего войска и съ безумною смѣлостью напалъ съ своимъ 8,000 отрядомъ на въ пять разъ болѣе многочисленнаго врага. Битва началась въ полдень 20-го ноября, а къ вечеру того же дня на сторонѣ шведовъ была рѣшительная побѣда. Карлъ самъ подвергалъ себя большой опасности. Храбрость шведовъ, снѣгъ и вѣтеръ, бившіе русскимъ въ лицо, отсутствіе дисциплины въ русскомъ войскѣ, ненавидѣвшемъ и презиравшемъ своихъ офицеровъ, малодушіе русскихъ генераловъ, заранѣе считавшихъ дѣло окончательно проиграннымъ,— все это предрѣшило пораженіе русскихъ [18]).

Упомянутый выше Гуммертъ, снова искавшій возможности сблизиться съ царемъ, писалъ ему послѣ битвы при Нарвѣ, что русскія войска превосходны, но въ нихъ недостаетъ порядка и знаній, никто не хочетъ исполнять своихъ обязанностей, каждый думаетъ только о личныхъ выгодахъ, даже если все отъ этого должно погибнуть; о расположеніи и численности врага не имѣлось никакихъ свѣдѣній; городъ было не трудно взять, но сдѣлано было много ошибокъ. Гуммертъ заканчиваетъ письмо словами: «что пользы, когда псы хороши, а ловцы неискусны? Плохая ловля» [19]). Галлартъ разсказываетъ, что «все смѣшалось, какъ стадо; одинъ полкъ перепутался съ дру-

Бастіонъ „Victoria“ въ Нарвѣ.

[18]) Въ Имп. Публ. библ. въ Спб. имѣется множество брошюръ о битвѣ при Нарвѣ, напр., Адлерфельда, Фрикселя, Нордберга и др.—Интересныя подробности у Галларта, Круи, Плейера.—Hausen.—Исторія г. Нарвы. 131—157. Устряловъ, IV.—Sarauw. (Походы Карла XII).

Къ этому перечню надо прибавить вышедшее въ 1901 г. въ высшей степени интересное изслѣдованіе А. В. Петрова „Городъ Нарва“. Авторъ лично осматривалъ все мѣсто битвы и привелъ всѣ военные отзывы объ этомъ событіи и всѣ мѣстныя преданія... (*прим. перев.*).

[19]) Устряловъ, IV 1, 30.

гими, нельзя было двадцать человѣкъ привести въ порядокъ»; онъ лично былъ свидѣтелемъ нѣкоторыхъ случаевъ проявленія національной ненависти къ нѣмцамъ; такъ какъ солдаты убивали нѣкоторыхъ своихъ офицеровъ, то Галлартъ, Лангенъ и Круи рѣшили лучше сдаться въ плѣнъ [20]).

Въ русскомъ обществѣ склонны были объяснить пораженіе плохимъ состояніемъ оружія и неопытностью въ стрѣльбѣ. Даже полки преображенскій и семеновскій, которые держали себя несравненно лучше остальныхъ войскъ, и тѣ подверглись горькимъ порицаніямъ. Говорили, что быть столь многочисленными и потерпѣть пораженіе—стыдъ и позоръ [21]).

Сраженіе подъ Нарвою 19 ноября 1700 г.

Самъ Петръ въ своемъ «журналѣ» (Исторія Свейской войны) слѣдующимъ образомъ отзывается о Нарвскомъ сраженіи: «и тако шведы надъ нашимъ войскомъ викторію получили, что есть безспорно: но надлежитъ разумѣть, надъ какимъ войскомъ оную учинили? Ибо только одинъ старый полкъ лефортовскій былъ; два полка гвардіи только были на двухъ атакахъ у Азова, а полевыхъ боевъ, а напаче съ регулярными войсками, никогда не видали. Прочіе-жъ полки, кромѣ нѣкоторыхъ полковниковъ, какъ офицеры, такъ и рядовые, самые были рекруты, къ тому-же за

[20]) Herrmann, IV, 118.

[21]) Посошковъ, I, 267 и 268, (изд. Погодина).

позднимъ временемъ великій голодъ былъ, попеже за великими грязьми провіанта привозить было невозможно и единымъ словомъ сказать, все то дѣло, яко младенческое играніе было; а искусства ниже видя; то какое удивленіе такому старому, обученному и практикованному войску надъ такими неискусными сыскать викторію? Правда сія побѣда въ то время была печально чувственная и яко отчаянная высокія впредь надежды и за великій гнѣвъ Божій почитаемая. Но нынѣ, когда о томъ подумать, во истину не гнѣвъ, а милость Божію исповѣдати долженствуемъ; ибо ежели бы намъ тогда надъ шведами викторія досталась, будучи въ такомъ неискусствѣ во всѣхъ дѣлахъ какъ воинскихъ, такъ и политическихъ, то въ какую бы бѣду послѣ насъ оное счастье вринуть могло, которое оныхъ же шведовъ, давно во всемъ обученныхъ и славныхъ въ Европѣ, подъ Полтавою такъ жестоко низринуло, что всю ихъ максиму низъ кверху обратило; но когда сіе несчастье (или лучше сказать великое счастье) получили, тогда неволя лѣность отогнала, и къ трудолюбію и искусству день и ночь принудило...» [22]).

Послѣ Полтавской битвы было много легче, чѣмъ непосредственно за нарвскимъ пораженіемъ становиться на столь мудрую точку зрѣнія воспитательнаго значенія несчастнаго событія для народа. Постигшій Россію ударъ вызвалъ чувство живѣйшей радости во всей западной Европѣ.

Даже Лейбницъ, который съ такимъ благожелательствомъ слѣдилъ за насажденіемъ культуры въ Россіи, и тотъ желалъ шведскому королю побѣды надъ противникомъ. Въ одномъ дружескомъ письмѣ онъ выражалъ надежду, что московское государство уплатитъ счета [23]), онъ шелъ еще дальше и желалъ, чтобы Карлъ XII царилъ не только надъ Москвою, но и до самаго Амура [24]), побѣду шведовъ при Нарвѣ онъ воспѣлъ особымъ стихотвореніемъ [25]), въ которомъ указывалъ на стараніе Петра скрыть позоръ своего пораженія. Русское правительство, дѣйствительно, старалось задержать распространеніе вѣсти о пораженіи, внутри государства. Плейеръ замѣчаетъ, что всѣ потери русскихъ замалчиваются до единаго человѣка; по его словамъ, подъ страхомъ усиленныхъ наказаній запрещено говорить о пораженіи, точно черезъ здѣшнее молчаніе будутъ всему свѣту замкнуты уста» [26]).

---

[22]) Bacmeister, Beitrage zur gesch. P. d. Gr. 1774. I, 32.

[23]) Les moscovites payeront la folle enchère.

[24]) Guerrier, 49.

[25]) Тамъ-же, 48.

[26]) Плейеръ говоритъ, что въ продолженіе многихъ вѣковъ не было случая такого большого урона, какъ подъ Нарвою. (Устряловъ IV, 9, 544).

Что Петръ пытался выставить за границею понесенную неудачу въ несоотвѣтствующемъ дѣйствительности свѣтѣ, мы узнаемъ изъ его инструкціи русскому посланнику въ Голландіи, Матвѣеву, который, между прочимъ, долженъ передавать, что шведы во время битвы находились въ сомнительномъ положеніи, три раза просили о перемиріи и затѣмъ до его окончаніи измѣнически напали на русскихъ [27]).

Въ различныхъ мѣстностяхъ, преимущественно, конечно, въ Швеціи въ честь молодого короля слагались хвалебныя пѣсни, но не было также недостатка и въ насмѣшкахъ, и издѣвательствахъ надъ царемъ. Распространеніе различныхъ памфлетовъ, вродѣ напр., «Discussio criminationum quibus usus est Moscorum Czarus» Гермелина [28]), еще до Нарвской битвы приносили Петру большой вредъ. Катастрофа 1700 года повредила еще больше. Русскимъ дипломатамъ за границею пришлось много поработать надъ ослабленіемъ впечатлѣнія. Русскій посланникъ въ Вѣнѣ, Петръ Голицынъ, былъ совершенно уничтоженъ, онъ писалъ, что князь Кауницъ не хочетъ съ нимъ даже разговаривать, что надъ русскими всѣ смѣются; необходимо, во что бы то ни стало, имѣть перевѣсъ и побѣдою надъ шведами положить конецъ шуткамъ и насмѣшкамъ, такъ какъ надъ русскимъ войскомъ и русскимъ военнымъ устройствомъ безнаказанно смѣются. Въ Гаагѣ извѣстіе о Нарвской битвѣ было получено 14 декабря, и вездѣ, какъ сообщаетъ Матвѣевъ, вызвало живѣйшій восторгъ. Матвѣевъ съ горечью жалуется на шведскаго посланника въ Голландіи за то, что тотъ всѣмъ дипломатамъ дѣлалъ визиты, чтобы вышутить посрамленіе Петра и обвинить царя въ личной трусости; всѣ газеты полны беззастѣнчивыми шутками [29]).

Памятникъ русскимъ воинамъ павшимъ въ бою подъ Нарвою 19 ноября 1700 г.

[27]) Тамъ-же IV, 1, 77.

[28]) См. отдѣлъ „Russica“ въ Имп. Публ. библ. въ Спб.

[29]) Соловьевъ, XV, 44 и 54 (Акты).

Наглядным доказательством, насколько низко пала Россія въ мнѣніи своихъ сосѣдей, служитъ отношеніе къ ней Польши, которая тотчасъ же возбудила вопросъ объ отобраніи себѣ Кіева [30]). Нѣсколько недѣль спустя послѣ извѣстія о битвѣ при Нарвѣ, въ Вѣнѣ распространился слухъ о новомъ рѣшительномъ пораженіи Петра подъ Псковомъ; говорили, что самъ Петръ едва успѣлъ бѣжать съ небольшимъ конвоемъ, что царевна Софья оставила монастырь и вступила на престолъ. Голицынъ писалъ Головину, что на одномъ оперномъ представленіи у него случился конфликтъ съ шведскимъ представителемъ, который смѣялся надъ Россіею [31]).

Восхищеніе Карломъ XII было всеобщее, въ честь его выбивались медали, а Петра осыпали насмѣшками. Карла почитали какъ героя, совершившаго добрый подвигъ. На одной медали его изображали ѣдущимъ по распростертымъ врагамъ, на другой онъ изображенъ убивающимъ сразу трехъ враговъ, съ подписью «Tandem bona causa triumphat». На третьей было изображеніе, соотвѣтствующее библейской сценѣ, апостола Петра, когда Спасителя ведутъ къ Пилату. На одной сторонѣ можно было видѣть царя, грѣющимся при огнѣ собственныхъ пушекъ, бросающихъ бомбы въ Нарву съ надписью кругомъ: «Бѣ-же Петръ стоя и грѣлся». На оборотѣ изображены русскіе, бѣгущіе отъ Нарвы съ царемъ во главѣ, шапка валится съ его головы, шпага брошена, онъ утираетъ слезы платкомъ, а надпись кругомъ: «Изошедъ вонъ, плакася горько» [32]).

Въ дѣйствительности передавали и охотно вѣрили, что при полученіи извѣстія о пораженіи Петръ впалъ въ полное уныніе, и состояніе его было самое горестное. Фокеродтъ (писавшій, впрочемъ, нѣсколько десятковъ лѣтъ спустя послѣ этого событія) говоритъ, что сначала казалось, будто это пораженіе совершенно лишило Петра всякаго мужества. Многими внѣшними проявленіями доказалъ онъ, какъ это извѣстіе тягостно его поразило. Узнавъ объ этомъ въ Новгородѣ, онъ одѣлся въ крестьянскій армякъ, обулся въ лапти, пролилъ обильныя слезы и былъ въ такомъ отчаяніи, что никто не рѣшался передавать ему вѣсти съ театра войны. Онъ былъ ласковъ только съ тѣми генералами, которые выказывали миролюбивыя наклонности, и выражалъ готовность на все, лишь бы склонить шведскаго короля на мысль о заключеніи мира, для чего съ своей стороны предлагалъ самыя выгодныя и почти невѣроятныя условія [33]).

---

[30]) Тамъ-же, XIV, 359.

[31]) Устряловъ, IV 1, 80.

[32]) Нордбергъ I, 231.

[33]) См. Zeitgenoss. Berichte zur gesel. Russland, изд. Hermann. 1892, стр. 41.

Ничто изъ этого не отвѣчаетъ дѣйствительности. Именно относительно уступокъ намъ извѣстно, что Петръ меньше всего былъ склоненъ дѣлать малодушныя предложенія; изображенное состояніе настроенія Петра совершенно не отвѣчаетъ его характеру; оно опровергается многочисленными данными, которыя мы имѣемъ объ образѣ дѣйствій и дѣятельности Петра вслѣдъ за самою битвою при Нарвѣ. Подобныя устныя преданія, лишенныя фактическаго основанія свидѣтельства, говорятъ о враждебныхъ царю настроеніяхъ въ нѣкоторыхъ столичныхъ кружкахъ, и въ этомъ только одномъ заключается ихъ значеніе, даже въ виду полнаго противорѣчія съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей.

Памятникъ Петру Великому на Большомъ острову.

Говоря о Нарвской битвѣ, Фокеродтъ замѣчаетъ: «при всѣхъ дѣйствіяхъ этого монарха можно было замѣтить, что онъ дѣйствуетъ съ особою осторожностью и никогда не подвергалъ себя дважды одной и той же опасности и врага, однажды его одолѣвшаго, старался во второй разъ избѣгать».

Дѣйствительность свидѣтельствуетъ какъ разъ объ обратномъ. Никогда не бывалъ Петръ величественнѣе, какъ послѣ неудачи. Послѣ перваго Азовскаго похода, онъ сталъ съ усиленною энергіею готовиться къ продолженію войны. Точно такъ-же и послѣ неудачи подъ Нарвою проявилъ онъ изумительную дѣятельность, работоспособность и выдержку и необыкновенную вѣру въ собственныя силы [84]).

[84]) L. Carlson, V, 300, слѣдующія строки: „нѣкто пишетъ изъ Москвы 7 февр. 1701 г., что бояре и весь народъ противъ войны, но царь горитъ желаніемъ отомстить за нарвское пораженіе"

ГЛАВА IV.

Начало успѣховъ.

Впослѣдствіи Петръ не скрывалъ, что его войска, послѣ тяжелыхъ, понесенныхъ подъ Нарвою потерь, отступали въ «конфузіи». Если бы Карлъ XII съумѣлъ воспользоваться ихъ крайнимъ разстройствомъ, то могло бы, пожалуй, осуществиться желаніе Лейбница, чтобы шведскій король царилъ не только въ Москвѣ, но и до Амура. Самое существованіе россійскаго царства было поставлено на карту.

Но тутъ начался тотъ рядъ политическихъ и военныхъ ошибокъ шведовъ, сочетаніе которыхъ съ героическими усиліями самого Петра привели къ совершенной перемѣнѣ положенія на сѣверо-востокѣ Европы.

Относительно намѣреній Карла XII послѣ Нарвской битвы имѣются разнорѣчивыя свидѣтельства. По мнѣнію однихъ, наиболѣе опытные генералы совѣтовали Карлу, послѣ достигнутыхъ имъ блестящихъ результатовъ, немедленно заключить союзъ съ Августомъ и всѣ свои силы направить на царя, но личная непріязнь Карла къ Августу и чувство мести побудили его отказаться отъ этого плана. Съ другой стороны, Шлиппенбахъ въ запискахъ, написанныхъ имъ въ русскомъ плѣну, говоритъ, что именно Карлъ имѣлъ намѣреніе продолжать войну противъ Россіи, но что его генералы уговорили его прежде покончить съ польскимъ королемъ Августомъ [1]).

Какъ бы то ни было, но военные замыслы шведовъ не были направлены противъ Россіи, и Петру было время оправиться отъ погрома.

Одно время Петръ, казалось, дѣйствительно хотѣлъ заключить миръ съ Швеціею. Плейеръ говоритъ, что царь не разъ повторялъ, что онъ желаетъ получить «реваншъ», но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ склонялся просить посредничества бранденбургскаго курфюрста, чтобы заключить миръ съ

[1]) Fryxell, Lundblad, Carlson.—О Шлиппенбахѣ у Устрялова, IV. 2, 233 и у Соловьева, XIV, прилож.

Карломъ [3]). Англійскому королю, который въ союзѣ съ Генеральными Штатами еще въ сентябрѣ 1700 г. предложилъ Петру свое посредничество, Петръ отвѣчалъ въ декабрѣ того-же года, что онъ не отвергаетъ воспользоваться добрыми услугами Голландіи и Англіи [4]). Тѣмъ временемъ онъ все-таки достаточно подготовлялъ вооруженія [5]). Любопытно, что датскій посланникъ въ Москвѣ побуждалъ царя къ новому натиску, рисуя ему всѣ выгоды отъ полученія гавани на Балтійскомъ морѣ [6]).

Наконецъ, Петръ поручилъ князю Репнину пришедшія въ «конфузію» при отступленіи отъ Нарвы войска привести въ порядокъ и вновь организовать полки. Опасаясь вторженія шведовъ въ русскія области, Петръ занялся усиленнымъ укрѣпленіемъ Пскова. Не только солдаты и горожане, но и женщины должны были принять участіе въ шанцевыхъ работахъ, которыми Петръ руководилъ лично. Нерадивыхъ и лѣнивыхъ подвергали строгимъ наказаніямъ [7]). Съ юношескимъ пыломъ приступилъ престарѣлый Виніусъ къ созданію хорошей артиллеріи. Многочисленная переписка съ нимъ царя свидѣтельствуютъ, насколько подробно входилъ Петръ во всѣ мелочи военнаго дѣла, обо всемъ былъ освѣдомленъ, во всемъ имѣлъ инициативу [8]). На литейномъ заводѣ Бутенанта фонъ Розенбуша въ Олонцѣ Петръ заказалъ 100 пушекъ и по 1000 двѣнадцатифунтовыхъ ядеръ на каждое орудіе [9]). Также дѣятельно шла работа и на кораблестроительныхъ верфяхъ въ Олонцѣ [10]). Виніусъ могъ похвалиться, что меньше, чѣмъ въ годъ онъ приготовилъ 300 пушекъ [11]). Финансовыя затрудненія, оказавшіяся вслѣдъ за самымъ началомъ войны, Петръ устранилъ повышеніемъ налоговъ и особымъ сборомъ съ монастырскихъ имѣній [12]). Смѣло и сурово, нарушая многочисленные частные интересы, было приступлено къ этой мѣрѣ. Распространился слухъ, что Петръ хочетъ отобрать всѣ монастырскія имущества; говорили также, что будто Петръ заявилъ, что онъ долженъ отомстить за Нарвскій походъ, хотя бы пришлось для этого по-

---

[3]) Устряловъ, IV, 2, 565.

[4]) Тамъ же, IV, 2, 153.

[5]) Перри, 324.

[6]) Донесеніе Плейера у Устрялова, IV, 2, 567.

[7]) Желабужскій, записки, въ „Др. и Нов. Россіи“ 1876, IV, 296 (относительно дома въ Псковѣ, въ которомъ жилъ Петръ) см. также Pleyer.

[8]) Устряловъ, IV, 2, 19 и 199.

[9]) Тамъ же, IV, 2, 35 (Виніусъ израсходовалъ 35,000 п. мѣди); IV, 2, 472.

[10]) Тамъ же, IV, 2, 294 и 319.

[11]) Соловьевъ, XIV, 357.

[12]) Устряловъ, IV, 2, 552.

жертвовать всѣмъ царствомъ [13]). Въ короткое время царь достигъ того, что даже иностранцы, какъ, напримѣръ, саксонскій генералъ Штенау или Потоцкій съ похвалою отзывались о русскихъ войскахъ и о всемъ военномъ вооруженіи [14]). Уже въ мартѣ 1701 г. говорили, что Петръ собирается возобновить осаду Нарвы [15]). Петръ дѣйствительно не хотѣлъ ограничиться одною обороною. 5 декабря 1700 г. Шереметевъ получилъ приказъ двинуться впередъ и не отступать, ни подъ какимъ видомъ не ослушиваясь этого приказанія, или же сложить съ себя свое званіе [16]). Въ тоже время пограничные пункты Псковъ, Новгородъ Изборскъ были усилены гарнизонами. Постепенно подготовлялось наступленіе.

Затѣмъ требовалось вновь заручиться союзомъ съ королемъ Августомъ. Въ числѣ причинъ, по которымъ Петръ будто бы покинулъ лагерь подъ Нарвою, было, въ числѣ прочихъ, желаніе условиться съ королемъ относительно дальнѣйшихъ мѣръ. Свиданіе состоялось въ февралѣ 1701 г. въ Биржахъ [17]). Въ польскихъ кружкахъ совершенно серьезно созрѣла мысль по этому поводу получить обратно Кіевъ съ окрестною областью. Но царь и Головинъ крайне рѣшительно отклонили подобное предложеніе. Петръ не допускалъ и рѣчи о какой-либо, даже самой незначительной уступкѣ изъ Малороссіи. И безъ всякой уступки со стороны Россіи состоялся союзъ между Петромъ и Августомъ. Послѣдній обязывался выставить вспомогательное войско въ 15—20 тысячъ, доставить военные припасы и выдать денежную субсидію; Августъ, кромѣ того, обязывался занять шведскаго короля на Западѣ, съ тѣмъ, чтобы на Востокѣ предоставить Петру свободу дѣйствій въ Кареліи и Ижорѣ; взамѣнъ этого Эстляндія и Лифляндія отходили къ Августу. Въ тайной статьѣ Петръ обязывался выплатить королю 20.000 рублей съ цѣлью привлечь нѣкоторыхъ польскихъ магнатовъ, а съ ними и всю Рѣчь Посполитую въ пользу соглашенія между Августомъ и царемъ. Впечатлѣніе, которое на этотъ разъ произвелъ Петръ на присутствующихъ, было самое для него благопріятное. Его веселые разсказы о новомъ флотѣ внимательно выслушивались, а на смотрахъ и ученіяхъ, происходившихъ по поводу свиданія, онъ высказалъ много положительныхъ свѣдѣній [18]).

---

[13]) Pleyer, 554.

[14]) Hermann, IV, 125.

[15]) Устряловъ, IV, 2, 555 (Плейеръ).

[16]) Соловьевъ, XIV, 357.

[17]) Соловьевъ и Устряловъ сообщаютъ много данныхъ — Theiner, Monumenta historiques, Nv. CCCIII.

[18]) Соловьевъ, XIV, 358—360.

Военныя дѣйствія шли своимъ чередомъ. Хотя Шереметевъ ничѣмъ не отличался при осадѣ Нарвы но Петръ не считалъ нужнымъ его смѣнять На него выпала задача веденія войны въ Лифляндіи. При движеніи къ Маріенбургу его войска потерпѣли въ декабрѣ 1700 г. нѣкоторую неудачу [19]), за то вслѣдъ затѣмъ въ небольшой стычкѣ русскіе одержали верхъ надъ шведами, такъ что Шлиппенбахъ, уже вступившій въ русскіе предѣлы, долженъ былъ обратно перейти границу. Началось опустошеніе Лифляндіи, при чемъ русскія войска дѣйствовали съ вандализмомъ азіатскихъ полчищъ.

Крѣпость Ивангородъ.

Тягостное впечатлѣніе произвела на союзниковъ побѣда, одержанная шведскимъ генераломъ Штенау 9 іюля 1701 на берегу Двины надъ саксонскими войсками. Многіе считаютъ ошибкою, что Петръ и Августъ не соединили своихъ войскъ для совмѣстныхъ дѣйствій противъ шведовъ. Разъединенныя силы союзниковъ не могли предпринять ничего рѣшительнаго. Послѣ Двинской побѣды Карлъ еще стремительнѣе принялся за отместку польскому королю. На русскихъ онъ обращалъ гораздо меньше вниманія, и поэтому вполнѣ естественно могло случиться, что Шереметевъ напалъ на шведовъ, подъ начальствомъ Шлиппенбаха, (29 декабря 1701 г.) и одержалъ надъ ними побѣду при Эрестферѣ. Шереметевъ получилъ за это чинъ фельдмаршала, Андреевскій орденъ и царскій портретъ; офицеры и

[19]) Зап. Шлиппенбаха у Устрялова, IV, 2, 222.

солдаты получили щедрыя награды, въ Москвѣ побѣда была торжественно отпразднована [20]).

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, Шереметевъ одержалъ надъ Шлиппенбахомъ новую побѣду при Гуммельсгофѣ (18 іюля 1702 г.), при чемъ шведы потеряли нѣсколько тысячъ убитыми. Шлиппенбахъ бѣжалъ съ остатками своего войска по направленію къ Пернову. Петръ сталъ такъ разорять Лифляндію, что непріятель нигдѣ не могъ найти себѣ убѣжища или помощи. Шереметевъ во всемъ объемѣ исполнилъ этотъ приказъ Петра. Онъ вскорѣ могъ сообщить царю, что во всей Балтійской области только Перновъ, Рига и Ревель остаются не разоренными; все остальное обращено въ пустыню, и больше нечего опустошать. Число плѣнныхъ—всѣ крестьяне захватывались съ своими семьями—было столь значительно, что русскій главнокомандующій былъ въ затрудненіи, какими средствами содержать и сторожить злополучныхъ жителей [21]).

Цѣлый рядъ мѣстечекъ и городовъ постигла общая участь, напр. Смильтенъ, Роннебургъ, Вельмаръ, Адзель, Маріенбургъ и др. При осадѣ и взятіи Маріенбурга въ числѣ плѣнныхъ оказалась та дѣвушка, которой было суждено сдѣлаться женою Петра, а послѣ его смерти вступить на русскій престолъ [22]). Въ теченіе 1703 г. Шереметевъ обратился на сѣверъ и взялъ Копорье и Ямбургъ. 5 сентября русскіе взяли Везенбергъ и обратили его въ громадный костеръ. Таже участь постигла и Бессенштейнъ, Феллинъ, Оберпаленъ и др.

Весною 1704 г. Шереметевъ, по приказанію Петра, приступилъ къ осадѣ Дерпта, который былъ сильно укрѣпленъ и представлялъ собою значительную крѣпость. Царь обнадеживалъ его своею помощью. Шереметевъ поспѣшилъ къ берегамъ Эмбаха, и здѣсь русскимъ удалось захватить шведскую флотилію изъ 13 судовъ,—событіе, опять подавшее Петру поводъ къ торжествамъ въ Москвѣ. Свое нетерпѣніе медлительностью военныхъ дѣйствій царь выразилъ въ короткомъ, но энергичномъ письмѣ къ фельдмаршалу, но Шереметевъ оправдывался своею хворостью и жаловался, что ни отъ царя, ни отъ Меншикова не видитъ себѣ помощи. Осада

---

[20]) Петръ пользовался малѣйшимъ успѣхомъ, чтобы шумно отпраздновать побѣду, повидимому, желая этимъ воодушевить населеніе. Голландскій посланникъ Гульстъ иронически замѣчаетъ, что по случаю даже малаго преимущества устраиваются такія торжества, точно весь міръ завоеванъ. — Устряловъ, IV, 2, 573 и IV, 2, 224.

[21]) Соловьевъ, XIV, 376.

[22]) Относительно этихъ военныхъ дѣйствій см. подробности у Устрялова, V, I, 118, 123.

Взятіе Нарвы 9 августа 1704 года.

Дерпта началась, но не имѣла успѣха, такъ какъ сдѣланныя Шереметевымъ распоряженія свидѣтельствовали лишь о неспособности главнокомандующаго. Тогда Петръ самъ прибылъ въ войско; въ письмѣ къ Меньшикову онъ перечисляетъ сдѣланныя ошибки: множество снарядовъ выпущено безъ всякой пользы. Царь самъ рѣшительно повелъ осаду. Послѣ упорной обороны городъ и крѣпость сдались 13 іюля 1704 г. По этому поводу Петръ писалъ своимъ друзьямъ: «и такъ съ Божьею помощью, самымъ нечаяннымъ случаемъ сей славный отечественный градъ паки полученъ». Отечественнымъ этотъ городъ, очевидно, названъ Петромъ, такъ какъ онъ основанъ въ XI вѣкѣ Ярославомъ, а «и паки полученъ» указываетъ на то, что въ XVI и XVII вв. въ продолженіе нѣкотораго времени онъ находился въ русскихъ рукахъ; съ этого времени онъ окончательно присоединенъ къ Россіи [23]). Духомъ и дѣйствіемъ своихъ войскъ подъ Дерптомъ царь былъ очень доволенъ.

Тѣмъ временемъ началась осада Нарвы подъ начальствомъ фельдмаршала Огильви, поступившаго на русскую службу по рекомендаціи Паткуля. Послѣ взятія Дерпта Петръ спѣшитъ къ Нарвѣ. Здѣсь русскіе позволили себѣ прибѣгнуть къ военной хитрости, переодѣвъ нѣкоторые полки въ шведскіе мундиры, чтобы внушить осажденнымъ мысль о приходѣ къ нимъ Шлиппенбаха съ подкрѣпленіями; этимъ способомъ удалось взять въ плѣнъ много шведовъ, выходившихъ на встрѣчу своимъ полкамъ [24]).

Подъ Нарвою, какъ при Дерптѣ, лишь прибытіе Петра оживило дѣятельность осаждающихъ. 9 августа городъ былъ взятъ штурмомъ. Комендантъ крѣпости, Горнъ, котораго царь осыпалъ упреками за долгое и безполезное сопротивленіе, 15 лѣтъ пробылъ въ русскомъ плѣну. Недѣлю спустя сдалась прежняя русская крѣпость Иванъ-Городъ, расположенная противъ Нарвы на другомъ берегу Наровы. Петръ пишетъ Ромодановскому: «гдѣ предъ четырьмя лѣты Господь оскорбилъ, тутъ нынѣ веселыми побѣдители учинилъ»... Ромодановскій отвѣчаетъ съ восторженной похвалою: «весь народъ радостно повеселился, слыша совершенство такой знаменитой и славной викторіи, еже не малую разнесетъ не токмо по всей Европѣ россійскому народу похвалу, но и въ Азіи въ ушеса магометанскихъ чадъ съ печали и страха разгласятся»... Въ письмѣ къ Меншикову Ромода-

[23]) Тамъ-же, IV, I, 283 — 295. Меншиковъ поставилъ шанцы слишкомъ далеко, что дало Петру поводъ шутливо замѣтить, что онъ вставилъ разстояніе Сатурна въ сферу Меркурія.

[24]) Журналъ П. В. I, 104—106.

повскій также подчеркиваетъ значеніе побѣды, которая тѣмъ «знаменита, что у Варяжскаго моря такова крѣпкаго и сильнаго города взятіе» [25]).

Другой родъ успѣховъ выпалъ на долю Петра на сѣверѣ у Архангельска и на берегахъ Невы.

Слѣдуетъ упомянуть, что со стороны русскихъ ожидали нападенія шведовъ на Архангельскъ. Поэтому съ началомъ военныхъ дѣйствій, Петръ распорядился укрѣпленіемъ этого пункта. Русскій дипломатическій представитель въ Даніи, Измайловъ, еще лѣтомъ 1701 г. сообщалъ, что Карлъ XII готовитъ нападеніе на Архангельскъ. Тогда было приступлено къ защитѣ этого важнаго города, передового пункта всѣхъ морскихъ сношеній Россіи съ западною Европой; вокругъ Архангельска соорудили укрѣпленія, собрали военные припасы. Вскорѣ появилась маленькая шведская эскадра, дѣло дошло до артиллерійскаго огня, причемъ русскіе, къ большому удовольствію царя, взяли въ добычу сдинъ фрегатъ и одну яхту [26]). Въ письмѣ къ Апраксину Петръ назвалъ этотъ успѣхъ «нечаяннымъ счастьемъ» [27]).

Естественнымъ послѣдствіемъ свирѣпствовавшей на берегахъ Балтійскаго моря войны было болѣе частое, чѣмъ когда-либо, пользованіе сѣвернымъ морскимъ путемъ [28]). Чѣмъ больше Россія нуждалась въ сношеніяхъ съ Европою, тѣмъ важнѣе становилась торговля въ Архангельскѣ. Поэтому Петръ задумалъ защитить этотъ городъ отъ послѣдствій военныхъ дѣйствій. Въ Москвѣ не малую тревогу возбудилъ дошедшій изъ Голландіи въ 1702 г. слухъ, что на пути къ Архангельску находится большой французскій флотъ. Предполагали послать туда войско въ 20,000 человѣкъ; шанцевыя работы по берегу Двины были ускорены, и съ усиленною поспѣшностью было приступлено къ постройкѣ у Архангельска военныхъ кораблей [29]). Но на дальнемъ сѣверѣ все оставалось спокойнымъ, и мореходство не было затруднено. Даже въ этотъ 1702 годъ въ Архангельскѣ появилось необыкновенно большое количество купцовъ; англійскія суда, обыкновенно заходившія въ Ревель или Нарву, теперь искали русскую гавань на отдаленномъ сѣверномъ морѣ. Торговля въ Лифляндіи и Фин

[25]) Устряловъ, IV, 1, 296—319.

Изъ новѣйшихъ источниковъ лучшимъ и самымъ полнымъ и добросовѣстнымъ является книга А. Петрова „Городъ Нарва“, въ которой собраны всѣ относящіеся къ событію матеріалы. *(Прим. перев.).*

[26]) Устряловъ, IV, 1, 100.

[27]) Тамъ же, IV, 2, 23.

[28]) Тамъ же, IV, 2, 564 (Донесеніе Плейера).

[29]) Тамъ же, IV, 2.

ляндіи совершенно упала [30]). Посреди всѣхъ своихъ дѣлъ, въ пылу военныхъ дѣйствій, Петръ все же нашелъ время посѣтить Архангельскъ. Тамъ онъ пробылъ весну и лѣто 1702 г., не переставая ожидать нападенія на городъ, онъ теперь закончилъ сооруженіе двухъ фрегатовъ и предпринялъ съ цѣлою флотиліею изъ 10 судовъ путешествіе въ Соловецкій монастырь, гдѣ его застала вѣсть о побѣдѣ Шереметева при Гуммельсгофѣ. Отсюда онъ направился къ устьямъ Невы, гдѣ его ожидали непредвидѣнныя выдающіяся событія [31]). Съ береговъ Онежскаго озера [32]) онъ писалъ королю Августу «мы нынѣ въ походѣ близъ непріятельской границы обрѣтаемся и, при Божьей помощи, не чаемъ праздны быть» [33]).

Мы уже видѣли, какое значеніе имѣла Ингерманландія въ глазахъ Петра; черезъ нее шелъ водный путь изъ внутреннихъ областей въ Балтійское море. Теперь царь имѣлъ въ виду завоеваніе той береговой полосы, которую Густавъ-Адольфъ отрѣзалъ отъ Россіи по Столбовскому договору (1617 г.). Поэтому ему не нравилось, что Апраксинъ также опустошалъ мѣстность своими войсками, какъ Шереметевъ въ Лифляндіи. Какъ разъ въ устьяхъ Невы русскіе совершенно разорили мѣстное населеніе. Дошло дѣло и до вооруженнаго столкновенія; на берегу Ижоры Апраксинъ побѣдилъ шведскій отрядъ (13 августа 1702 г.).

Петръ старательно изучалъ топографію мѣстности, разспрашивая жителей о подробностяхъ водныхъ сообщеній, о разстояніяхъ между отдѣльными мѣстностями; онъ также интересовался и фарватеромъ Невы, и укрѣпленіями Нотебурга и Ніеншанца, взятіе которыхъ стояло на очереди [34]).

Нотебургъ—прежній, нѣсколько сотъ лѣтъ передъ тѣмъ построенный новгородцами Орѣшекъ, расположенъ на островѣ при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера. Гарнизонъ составляли 450 человѣкъ; въ крѣпости было 142 пушки, и комендантомъ состоялъ Шлиппенбахъ, братъ того, который начальствовалъ шведскими войсками въ Лифляндіи.

Въ концѣ сентября явился Петръ съ осаднымъ войскомъ въ 12,500 человѣкъ, подъ высшимъ начальствованіемъ Шереметева. Шлиппенбахъ, получилъ нѣсколько подкрѣпленій. Въ осадныхъ работахъ царь принималъ участіе наравнѣ съ послѣднимъ солдатомъ и матросомъ. Въ первые дни октября крѣпость была подвергнута бомбардировкѣ, 11 на нее направленъ

---

[30]) Pleyer, 587.
[31]) Подробное описаніе у Устрялова, IV, 1, 185.
[32]) См. Майнова въ „Др. и Нов. Россіи". 1875 г., 182.
[33]) Устряловъ, IV, 2, 35.
[34]) Подробности у Устрялова, IV, 1, 194 и слѣд.

штурмъ, и послѣ 13-часовой битвы она принуждена сдаться; гарнизонъ капитулировалъ. Это мѣсто получило названіе Шлиссельбурга, такъ какъ отсюда открывался путь въ область врага. Насколько Петръ оцѣнивалъ этотъ успѣхъ, видно изъ того, что онъ даже послѣ Ништадтскаго мира и основанія Петербурга, 11 октября ежегодно ѣздилъ въ Шлиссельбургъ и торжественно праздновалъ годовщину взятія этой крѣпости. Русскіе понесли большія потери, 538 убитыхъ и 925 раненыхъ. Петръ писалъ Виніусу: «зѣло жестокъ сей орѣхъ былъ [35]), однако-жъ, слава Богу, счастливо разгрызенъ. Нынѣ артиллерія зѣло чудесно свое дѣло исправила». Онъ съ восторгомъ сообщалъ объ этомъ событіи своимъ друзьямъ. Комендантомъ крѣпости Петръ назначилъ своего любимца Меншикова, который съ этого времени пріобрѣтаетъ все усиливающееся вліяніе [36]).

Съ большою торжественностью устроилъ царь 4 декабря 1702 г. празднество въ честь взятія Нотебурга, по улицамъ столицы въ трехъ мѣстахъ были устроены тріумфальныя арки для побѣдоноснаго въѣзда [37]).

Въ то время, какъ онъ проѣзжалъ въ одну изъ нихъ, онъ возложилъ на свою голову лавровый вѣнокъ [38]). Въ память взятія Нотебурга были выбиты медали [39]).

Послѣ короткаго пребыванія въ столицѣ, Петръ поспѣшилъ въ Воронежъ, чтобы тамъ наблюсти за снаряженіемъ флота, въ которомъ встрѣчалась надобность на случай нападенія со стороны татаръ. По пути онъ положилъ основаніе крѣпости и городу Раненбургу (или вѣрнѣе Оранienбургу) въ Рязанской губерніи, который онъ подарилъ своему другу Меншикову. Въ мартѣ 1703 г. Петръ опять въ Шлиссельбургѣ. Отсюда онъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ выступилъ противъ Ніеншанца.

25 апрѣля Шереметевъ началъ осаду этой крѣпости; на слѣдующій день прибылъ Петръ и произвелъ рекогносцировку всей мѣстности въ устьяхъ Невы и сдѣлалъ нѣсколько распоряженій, чтобы ими овладѣть. Послѣ короткаго бомбардированія крѣпости гарнизонъ капитулировалъ 1 мая 1703 г.; онъ получилъ право выступить съ оружіемъ и развернутыми знаменами. Во время молебствія по этому случаю было принесено благодареніе Всевышнему «наипаче за пріобрѣтеніе желаемой морской пристани».

---

[35]) Намекъ на прежнее названіе—Орѣшекъ. *(Прим. перев.).*

[36]) Устряловъ, IV, 196—206. — см. Письма русскихъ государей, I, 25 и 85 (переписка Петра В. съ Екатериною).

[37]) Описаніе этого празднества у Бакмейстера, I, 77,—и Плейера.—Устряловъ, IV, 2, 592.

[38]) Который очень къ лицу шелъ,—замѣчаетъ Плейеръ.

[39]) Иверсонъ, 11—12, табл. III.

Вслѣдъ затѣмъ въ устьяхъ Невы появилась шведская эскадра. Петръ лично повелъ 6 мая на нее атаку русскихъ, сидѣвшихъ въ лодкахъ, и ему удалось захватить два шведскихъ корабля. За этотъ подвигъ Петръ и Меншиковъ были награждены орденомъ св. Андрея. Въ своемъ журналѣ, какъ и въ письмѣ къ Апраксину, Петръ отмѣчаетъ, что это еще побѣда небывалая, такъ какъ впервые получался успѣхъ на морѣ. Князь Борисъ Голицынъ, въ поздравительномъ письмѣ къ Петру, говоритъ: «хотя отъ начала свѣта всѣхъ собрать лѣтописцевъ, нигдѣ не найдемъ, какъ такою отвагою и смѣлымъ сердцемъ учинено, яко сіе Тобою». Стрѣшневъ также пишетъ, что это дѣло неслыханное въ Россіи [40]).

По словамъ Плейера, уже весною 1702 г. со стороны русскихъ было предположено завоеваніе Ніеншанца, чтобы получить главный торговый путь въ Стокгольмъ; вслѣдствіе удобства сношеній приходилось употребить больше усилій на завоеваніе области на Невѣ, чѣмъ Нарвы [41]). Плейеръ сообщетъ позднѣе, что, вслѣдъ за взятіемъ Ніеншанца, Петръ сообщилъ объ этихъ военныхъ успѣхахъ въ Голландію и «другія мѣста» и увѣдомилъ, что первые моряки, которые придутъ въ эту «морскую пристань», получатъ въ подарокъ по нѣсколько сотъ дукатовъ [42]).

Виніусъ писалъ Петру, что со взятіемъ Ніеншанца, получившаго названіе Шлотбурга, «отверзашася пространная порта безчисленныхъ вамъ прибытковъ» [43]).

Въ іюнѣ 1703 г. началась постройка Петербурга [44]). Цѣль была достигнута. Новый городъ являлся главнымъ успѣхомъ всей сѣверной войны. Въ рѣшительную минуту этой войны, послѣ Полтавской битвы, Петръ сказалъ, что теперь положено основаніе Петербургу.

Въ 1241 г. здѣсь воевалъ со шведами великій князь Александръ Невскій; въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій эта мѣстность являлась какъбы Новгородскою колоніею, потомъ ее на продолжительное время отнялъ у русскихъ Густавъ-Адольфъ, шутливо замѣтивъ при этомъ, что русскіе теперь отрѣзаны отъ моря и «не такъ легко перескочутъ они черезъ этотъ ручей». Теперь-же, въ 1703 г. бомбардирскій капитанъ Петръ Михайловъ достигъ побѣды въ морскомъ сраженіи и пріобрѣлъ мѣсто для новой столицы, къ возведенію которой онъ немедленно приступилъ. Во

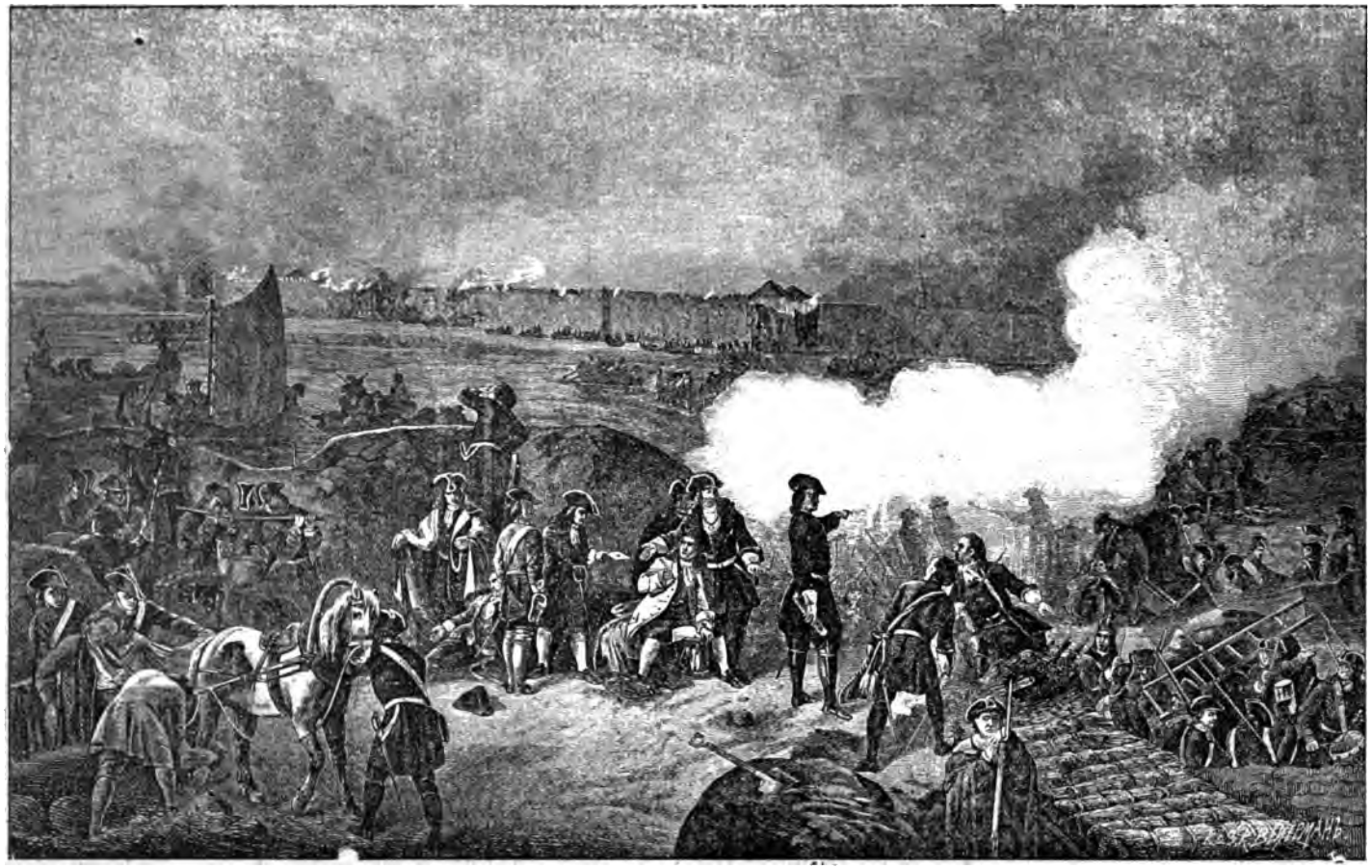
[40]) Устряловъ, IV, I, 229—238.- Миллеръ, Русск. Ист., V, 573—584.—Иверсенъ, 12—13.

[41]) Устряловъ, IV, 1, 577.

[42]) Тамъ-же, IV, 7, 609.

[43]) Соловьевъ, XIV, 380.

[44]) А не 16-го мая, какъ принято считать.—Петровъ, „Истор. Спб.“.

Осада и взятіе крѣпости Нотебурга. (Съ оригинала проф. Коцебу).

время московскихъ торжествъ, по случаю взятія Нотебурга, шествіе направилось также и черезъ Нѣмецкую слободу, которая была исходной точкою Петра въ Западную Европу. Теперь на берегахъ Невы возникалъ городъ, который гораздо ближе и полнѣе долженъ былъ служить посредникомъ между Европою и Россіею, чѣмъ вторая родина Гордона и Лефорта. Петербургъ явился, болѣе другихъ мѣстъ, соединительнымъ пунктомъ для сношеній съ Западомъ. Онъ соединялъ въ себѣ прежнія значенія Архангельска и Нѣмецкой слободы въ Москвѣ. Онъ былъ собственнымъ созданіемъ царя, его «парадизомъ»; расположенный на окраинѣ государства, вблизи вражеской земли, въ продолженіе первыхъ лѣтъ своего существованія находясь подъ постоянною опасностью военныхъ дѣйствій, онъ долженъ былъ въ короткое время превратиться въ центръ огромнаго государства и явиться выраженіемъ для давно подготовлявшагося и лишь при Петрѣ осуществленнаго превращенія азіатскаго московскаго царства въ великую европейскую державу. Событія 1703 года окончательно и навсегда рѣшили дальнѣйшее направленіе культурнаго развитія Россіи.

По взятіи Ніеншанца, на военномъ совѣтѣ обсуждался вопросъ, слѣдуетъ-ли еще сильнѣе укрѣпить эту крѣпость, или вмѣсто нея подыскать на Невѣ другое подходящее для гавани мѣсто. Рѣшено было послѣднее. Петръ самъ избралъ мѣсто, а именно устье Невы, гдѣ въ 1703 г. была заложена Петропавловская крѣпость, сначала она была сооружена изъ дерева и только съ 1706 г. замѣнена каменною кладкою. Въ апрѣлѣ 1704 г. построена деревянная церковь, но еще раньше для царя, Меншикова и др. были построены дома, одновременно была сооружена гостинница «австерія». Названіе города не было русскимъ, и не было недостатка въ иностранныхъ словахъ; новые элементы въ русскомъ языкѣ показывали, что дѣло идетъ о привитіи новыхъ понятій. На этомъ мѣстѣ стоялъ рычагъ, чтобы поднять старое царство съ его основанія. Наступали новыя времена.

Но во всякую минуту новый городъ подвергался опасности; цѣлое лѣто 1703 г. противъ устья Невы простояла шведская эскадра. Петръ не имѣлъ возможности принудить ее уйти въ море. Онъ ограничился обороною и защищалъ новый городъ посредствомъ шанцевыхъ укрѣпленій.

Опасность угрожала и съ суши. На рѣкѣ Сестрѣ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ городомъ, явился шведскій генералъ Кронхіортъ; здѣсь онъ былъ разбитъ русскими войсками и долженъ былъ отступить къ Выборгу (въ началѣ іюля 1703 г.). Одновременно съ этимъ спѣшно шли работы на свирскихъ кораблестроительныхъ верфяхъ. Позднею осенью, когда, наконецъ, ушли шведскія суда, Петръ получилъ возможность самому

отправиться по Финскому заливу и сдѣлать промѣры у острова Котлина (нынѣ Кронштадтъ). Въ ноябрѣ прибыло первое торговое судно въ Петербургъ; шкиперъ и экипажъ были щедро награждены Меншиковымъ, которому принадлежала высшая власть въ новомъ городѣ. Петръ заложилъ крѣпость Кронштотъ, очень быстро строившуюся. Затѣмъ появились пришедшіе изъ Олонца первенцы русскаго балтійскаго флота въ Петербургѣ, въ которомъ адмиралтейство было основано уже въ 1704 г.

Нападенія шведовъ на новое созданіе Петра, производимыя съ недостаточными средствами, оставались безрезультатными. Лѣтомъ 1704 г. по близости Петропавловской крѣпости появился баронъ Майдель съ отрядомъ сухопутныхъ войскъ, но его тоже принудили отступить; не удалась въ іюнѣ этого же года и попытка шведской эскадры овладѣть Кронштотомъ; тотъ же исходъ имѣло и нападеніе Майделя на Котлинъ-островъ въ зиму 1708 г.

Тогда шведы стали дѣлать большія приготовленія для нападенія; въ 1705 г. они вооружали въ Карлскронѣ большой флотъ: адмиралъ Анкорстьернъ пришелъ въ Финскій заливъ съ 22 судами, а Майдель съ нѣсколькими тысячами войска выступилъ съ суши. Но Петръ уже имѣлъ время подготовить русскій флотъ, а въ Петербургѣ была сосредоточена цѣлая армія. Нѣсколько разъ возобновляли шведы свои нападенія, но безуспѣшно. Они были вынуждены отойти. Основаніе города стало прочнѣе [45]).

Современники могли убѣдиться, что царь не упускалъ изъ виду цѣли войны. Въ 1703 г. въ Москву прибылъ французскій дипломатъ съ предложеніемъ о посредничествѣ. Петръ велѣлъ ему объяснить, что ни о какихъ посредническихъ переговорахъ не можетъ быть рѣчи, если шведскій король не уступитъ добровольно всѣхъ тѣхъ земель, которыми нѣкогда владѣла Россія; если же шведы несклонны заключить миръ, то онъ, царь, не сложитъ оружія и будетъ съ его помощью устраивать свое государство [46]).

Паткуль, лично недовольный успѣхами Петра на Балтійскомъ побережьи, предупреждалъ Петра о могущемъ быть недовольствѣ другихъ государей; Петръ отвѣчалъ, что онъ не перестанетъ заботиться о развитіи торговли въ своемъ государствѣ; для этого ему нужна гавань, для этого онъ оставитъ за собою завоеванныя области, издавна принадлежавшія Россіи. Морскія гавани ему, царю, безусловно нужны, такъ какъ «черезъ сихъ артерій можетъ здравѣе и прибыльнѣе сердце государственное быть» [47]).

---

[45]) Устряловъ, IV, I, 239—275.—Иверсенъ.—Плейеръ, 628 (о Кронштотѣ). П. В. подвергалъ себя не разъ большой опасности въ разныхъ стычкахъ.

[46]) Устряловъ, IV, 2, 606 (Плейеръ).

[47]) Соловьевъ, XV, 30—31.

ГЛАВА V.

Дипломатическія сношенія до Полтавской битвы.

Лѣтомъ 1702 года въ Москвѣ было получено донесеніе отъ русскаго представителя въ Голландіи, Матвѣева, съ извѣщеніемъ, что во Франкфуртѣ-на-Одерѣ появилось сочиненіе одного профессора, въ которомъ восхваляются шведы за ихъ побѣды надъ русскими; авторъ убѣждаетъ христіанскихъ правителей помѣшать возникновенію русскаго флота; если русскіе завоюютъ Лифляндію, то это можетъ повлечь за собою завоеваніе Польши и Литвы и повергнетъ Пруссію въ большую опасность [1]).

Подобные взгляды были очень распространены въ Западной Европѣ. Положеніе Матвѣева въ Голландіи было очень тяжелое, такъ какъ тамъ совершенно не сочувствовали расширяющемуся царству. Еще до начала войны Генеральные Штаты предваряли царя черезъ Матвѣева, чтобы онъ не оказывалъ датскому королю никакой помощи противъ шведовъ. Узнавъ въ 1700 г. о походѣ Петра подъ Нарву, всѣ осуждали эти дѣйствія; недовольство возбудила также постройка многочисленныхъ судовъ въ Архангельскѣ; особенно старались въ Голландіи затруднить царю пріобрѣтеніе морской гавани; угрожающая отъ этого опасность голландскимъ торговымъ интересамъ была предметомъ постоянныхъ бесѣдъ во всѣхъ кружкахъ; голландцы хорошо понимали, что если только русскіе пріобрѣтутъ гавань на Балтійскомъ морѣ, и царь черезъ «такую открытую дверь можетъ всюду свободно выходить», то Россіи надо опасаться не меньше Франціи. Кромѣ того, война непосредственно причиняла ущербъ голландцамъ; въ тѣхъ городахъ, которымъ угрожалъ Петръ, находились значительные товарные склады, принадлежавшіе голландцамъ; Витсенъ старался добиться черезъ посредство русскаго посла, чтобы вывозъ этихъ товаровъ былъ безпрепятственно дозволенъ русскими; предполагали, что русскіе займутъ Ревель. Король Вильгельмъ III имѣлъ съ русскимъ представителемъ въ Гаагѣ длинную бесѣду

[1]) Соловьевъ XV, 110.

онъ очень хвалилъ царя и русское войско и упомянулъ о томъ, что многіе лифляндскіе города раньше находились во власти русскихъ.

Но въ народной массѣ въ Голландіи, вслѣдствіе опасенія отъ успѣховъ Россіи, очень радовались пораженію при Нарвѣ. Насмѣшкамъ

Карлъ XII.

не было конца, и Матвѣевъ жаловался на это съ горькою обидою и писалъ, что шведы, между прочимъ, распространяли слухи, что Петръ лишился разума. Когда Вильгельмъ однажды пріѣхалъ изъ Англіи, то принялъ Матвѣева гораздо сдержаннѣе, чѣмъ раньше. Только сочувствіе Витсена утѣшало Матвѣева, а нѣкоторые голландскіе купцы находили для себя выгоднымъ тайно снабжать русскихъ военными припасами; одинъ изъ

нихъ тайно посѣщалъ Матвѣева. Шведы объ этомъ узнали и угрожали его жизни. Матвѣевъ слышалъ, что посредническія старанія Англіи и Голландіи имѣютъ цѣлью только миръ между Швеціею и Польшею, а царя предполагали предоставить собственной участи; объ установленіи ближайшаго сосѣдства съ Петромъ, путемъ полученія русскими гавани на морскомъ берегу, не хотѣли ничего слушать. Матвѣевъ не перестаетъ жаловаться, что англичане и голландцы сочувствуютъ шведамъ; онъ доноситъ, что оба эти государства предостерегаютъ Данію объ опасности чрезмѣрнаго усиленія Россіи; говоритъ Матвѣевъ еще и о непріязненномъ образѣ дѣйствій Мальборо [2]). Голландскимъ государственнымъ людямъ Матвѣевъ старается объяснить, что пріобрѣтеніе русскими морскаго порта не можетъ причинить Голландіи никакого ущерба, что небольшой русскій флотъ долженъ ограничиться только защитою этой гавани, и нисколько не можетъ имѣть въ виду какое-либо господство надъ всѣмъ моремъ. Заслуживаетъ вниманія замѣчаніе русскаго посла, что посредствомъ подкупа ничего нельзя получить отъ голландскихъ государственныхъ людей, и подобная попытка можетъ только его, Матвѣева, компрометировать; напротивъ того, Мальборо, по его мнѣнію, не трудно купить.

Съ неудовольствіемъ узнали въ Голландіи о прибытіи въ Москву французскаго посольства. Сближеніе Россіи и Франціи во время возникавшей войны за испанское наслѣдство, когда Россія начинала оправляться отъ нарвскаго погрома, казалось противникамъ Людовика XIV весьма опаснымъ. Сближеніе между обоими государствами желали объяснить заботою Петра, чтобы Людовикъ XIV удержалъ султана отъ нападенія на Россію. Въ бесѣдѣ съ Матвѣевымъ, Витсенъ выражалъ недоумѣніе, какъ можетъ Петръ допустить пребываніе въ Москвѣ французскаго посла, въ которомъ надо подозрѣвать шпіона, отъ котораго шведы получатъ точныя свѣдѣнія про положеніе дѣлъ въ Россіи [3]).

Французскій дипломатъ, тѣмъ не менѣе, жилъ въ Москвѣ въ началѣ 1703 года. Послѣ продолжительнаго періода холодности между Франціею и Россіею это обстоятельство получало большое значеніе. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, французы тщетно пытались завязать съ Россіею торговыя спошенія и пріобрѣсти какія-либо преимущества. При Алексѣѣ во Франціи появляется русскій посолъ, Потемкинъ; въ правленіе Софьи

[2]) Джонъ Malborough (1650—1772) полководецъ и англійскій государственный дѣятель; въ 1688 г. передался со всѣми войсками на сторону Вильгельма Оранскаго и получилъ преобладающее значеніе при этомъ королѣ. При блестящихъ способностяхъ, обладалъ страстью къ деньгамъ. *(Прим. перев.).*

[3]) Соловьевъ XV, 51—67 (извлеченіе изъ донесенія Матвѣева).

посѣщеніе Франціи Долгорукимъ, какъ сказано выше, не имѣло успѣха. Предпринимая большое заграничное путешествіе, Петръ намѣренно избѣгалъ Франціи. Это было время, когда Петръ ставилъ на первую очередь восточный вопросъ, бывшій предметомъ коренного разногласія между Франціею и Россіею. Теперь положеніе вещей измѣнилось, и Людовикъ XIV искалъ сближенія съ Петромъ. Французскій посланникъ Балюзъ прибылъ въ Москву въ началѣ марта 1703 г., съ небольшою свитою, «почти инкогнито», какъ замѣчаетъ Плейеръ, и нѣкоторое время жилъ «въ одиночествѣ и тоскѣ», не привлекая на себя большого вниманія, какъ опредѣляетъ тотъ-же австрійскій представитель не безъ чувства нѣкотораго удовольствія. Только черезъ годъ, въ февралѣ 1704 г., выяснилось нѣчто изъ переговоровъ между французскимъ дипломатомъ и русскими государственными людьми. Онъ много говорилъ о дружескомъ расположеніи Людовика, отъ имени его предлагалъ Петру воспитать царевича Алексѣя во Франціи и приглашалъ царя, если онъ предприметъ еще заграничное путешествіе, непремѣнно посѣтить Францію. Со стороны русскаго правительства отвѣтъ былъ уклончивый, и посланникъ вскорѣ затѣмъ отбылъ обратно. Ему нельзя было похвалиться никакимъ успѣхомъ. Попытка французскаго короля отвлечь Петра отъ союза съ Австріею — Балюзъ дѣлалъ представленіе въ этомъ смыслѣ—не удалась. Только въ самыхъ общихъ выраженіяхъ заходила рѣчь о заключеніи союза между Франціею и Россіею [4]). Вскорѣ оказалось, что Франція болѣе сочувствуетъ шведамъ, чѣмъ Россіи. Захваченное французскимъ крейсеромъ шведское судно было возвращено шведамъ, а русское, подвергнувшееся той-же участи, осталось со всѣмъ грузомъ добычею французовъ [5]).

Графъ Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ.

Тѣмъ не менѣе, казалось, что во Франціи съ интересомъ слѣдятъ за

[4]) Устряловъ, IV, 2, 603—625.—Соловьевъ, XV, 70.—Сб. истор. общ. XXXIV, 308.—Во Франціи надѣялись найти въ Россіи денежную поддержку.

[5]) Соловьевъ, XV, 70 (Донесеніе Постникова изъ Парижа)

развитіемъ Россіи. Русскій агентъ Постниковъ, жившій съ 1703 по 1705 г. въ Парижѣ, хотя и безъ дипломатическаго характера, и поддерживавшій сношенія съ французскими министрами, неоднократно писалъ въ Россію о необходимости посылать ему копіи съ важнѣйшихъ преобразовательныхъ указовъ и манифестовъ царя, такъ какъ сообщеніе ихъ въ переводѣ французамъ встрѣтитъ сочувственный пріемъ. Но Россія на ряду съ этимъ оставалась для французовъ миѳической страной. Когда Постниковъ приглашалъ на русскую службу извѣстное число французскихъ хирурговъ и «цирюльниковъ», французы полагали, что Москва находится на границѣ Индіи, и потому отказывались отъ предложенія. «И дьяволъ ихъ знаетъ, что говорятъ, чаютъ въ край свѣта ѣхать въ Москвѣ» [6]). Только поскольку польскіе интересы были связаны съ русскими отношеніями, или возможность конфликта Турціи съ московскимъ царствомъ представляли французамъ случай интересоваться отдаленнымъ государствомъ.

Въ 1705 г. появился въ Парижъ Матвѣевъ, но также безъ «характера». Онъ сообщилъ, что во Франціи недовольны, что Балузъ вернулся изъ Россіи безъ опредѣленныхъ результатовъ. Частная аудіенція, предоставленная королемъ Матвѣеву, осталась безъ всякихъ послѣдствій; обѣ стороны ограничивались обмѣномъ ничего незначущихъ фразъ. Министры, съ которыми бесѣдовалъ русскій дипломатъ, жаловались на грубый и дикій нравъ прежнихъ русскихъ посланниковъ, посѣщавшихъ Францію, и охотно повторяли разные разсказы о нелюбви Петра къ Франціи [7]). Даже относительно возникавшаго тогда разногласія между Петромъ и его сыномъ во Франціи ходили чудовищные слухи, опровергать которые старался Матвѣевъ. Кромѣ того, не скрывалось нелишенное значенія предпочтеніе французскаго правительства къ Швеціи. Требованіе Матвѣева о выдачѣ каждаго захваченнаго корабля осталось безъ послѣдствій. Не разъ французы отклоняли предложеніе заключить торговый договоръ [8]). Тогда въ октябрѣ 1706 г. Матвѣевъ выѣхалъ обратно въ Голландію.

---

[6]) Тамъ-же, XIV, 60.

[7]) Напр., Петру понравилось шампанское вино, но какъ только онъ узналъ, что оно французское, то немедленно выплюнулъ. Соловьевъ, XV, 70—75.—Сб. ист общ. XXXIV, заключаетъ много интересныхъ свѣдѣній о парижской миссіи Матвѣева.

[8]) Тамъ-же, XXXIV стр. XV. – Одинъ чиновникъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ Le Dran, писалъ въ 1726 г., въ запискѣ о сношеніяхъ Франціи съ Россіею, что „Людовикъ XIV не считалъ полезнымъ принимать какія-либо обязательства по отношенію къ Россіи, такъ какъ русскіе еще не имѣли никакой гавани на Балтійскомъ морѣ, и ихъ государство было доступно французамъ лишь черезъ Архангельскъ.

Если Россія хотѣла добиться въ Европѣ извѣстнаго къ себѣ расположенія, препятствовать постоянно повторявшимся разсказамъ о варварствѣ московскаго царства, показать, что хотя бы во внѣшнихъ формахъ дипломатическаго общенія Москва доросла до западно-европейскихъ государствъ, благопріятно воздѣйствовать на общественное мнѣніе, — то Россіи надлежало брать на свою службу иностранцевъ, которые приняли-бы на себя исполненіе дипломатическихъ порученій и дѣйствовали въ смыслѣ и духѣ русскихъ интересовъ. На ряду съ инженерами, артиллеристами и моряками, въ которыхъ встрѣчалась надобность, чтобы въ военномъ отношеніи не отставать отъ другихъ державъ, нельзя было не заимствовать изъ-за границы нѣсколькихъ дипломатовъ и писателей для мирнаго общенія. Сначала приглашались люди, какъ Гордонъ и Лефортъ, Крюйсъ и Перри, Круи и Огильви, потомъ слѣдуетъ вступленіе на русскую службу Паткуля, Гюйссена, Урбиха. Уже въ XVII в. иностранцы, подобно Гордону и Лефорту, или Минезесу и Келлерманну, исполняли дипломатическую службу, хотя они собственно и не были государственными людьми. Теперь была очередь обратиться къ политическимъ дѣятелямъ, опытнымъ дипломатамъ, знатокамъ европейской государственной жизни и придворныхъ обычаевъ. Если-бы, напримѣръ, при Вѣнскомъ дворѣ Россія была представлена подобными личностями, которые своими политическими познаніями, дипломатическою опытностью, знаніемъ языка и обычаевъ ничѣмъ не уступали способнѣйшимъ государственнымъ дѣятелямъ другихъ странъ, то позоръ нарвскаго пораженія былъ-бы преданъ забвенію гораздо раньше и легче.

Особенно выдѣлялась опытность и способность приноравливаться у Паткуля. Въ то время, когда устанавливался союзъ Польши и Россіи противъ Карла XII, онъ особенно энергично ему содѣйствовалъ; наканунѣ начала военныхъ дѣйствій онъ былъ въ Москвѣ въ свитѣ генерала Карловича, и Петръ имѣлъ возможность узнать колоссальную работоспособность, необыкновенныя способности, многостороннее образованіе, желѣзную настойчивость въ осуществленіи политическихъ соображеній. Паткуль нѣкоторое время состоялъ политическимъ совѣтникомъ Августа,—яснѣе всѣхъ другихъ оцѣнилъ онъ намѣренія царя, узналъ его политическіе планы во всемъ ихъ объемѣ. Онъ провидѣлъ опасность, которая угрожала Лифляндіи и Польшѣ отъ стремленій Петра къ морскому берегу; онъ не былъ склоненъ содѣйствовать величію Россіи за счетъ ея западныхъ сосѣдей; она должна была лишь служить орудіемъ для достиженія его, Паткуля, цѣлей. Онъ олицетворялъ интересы Лифляндіи; окруженная на большемъ простран-

ствѣ Польшею, Россіею и Швеціею, эта область, по своему географическому положенію, ограниченности собственныхъ средствъ и историческому развитію, естественно была обречена служить яблокомъ раздора болѣе сильныхъ сосѣдей. Можно было, пожалуй, только платонически желать, чтобы явился достаточно энергичный и геніальный патріотъ, который-бы среди всеобщей путаницы, политическихъ разногласій, личныхъ честолюбій, сословныхъ и національныхъ антипатій, спасъ лифляндскій государственный корабль—если только о подобномъ можетъ быть рѣчь,—хотя-бы нѣкоторое время самостоятельно продержалъ на поверхности водъ и провелъ его благополучно по опаснѣйшимъ подводнымъ камнямъ. Но тотъ, кому Паткуль временно служилъ, нисколько не былъ озабоченъ тѣмъ, что послѣднему интересы его ограниченнаго отечества ближе, чѣмъ высшая политическая цѣль его властелина. Тѣ, которые пользовались его услугами, Августъ и Петръ, не могли понять, что, въ сущности, Паткуль въ большой степени нуждается въ нихъ, только какъ въ орудіи для обезпеченія существованія Лифляндіи.

Паткуль игралъ большую роль при заключеніи соглашенія въ Биржахъ, онъ при этомъ случаѣ познакомился съ личными свойствами Петра, онъ достаточно хорошо зналъ своенравность польско-саксонской политики, несдержанность и духовную, и нравственную ограниченность короля Августа и окружающихъ его министровъ и придворныхъ; между тѣмъ какъ Паткуль въ своихъ собственныхъ личныхъ интересахъ настаивалъ на немедленной войнѣ, такъ какъ ненависть противъ шведовъ была первомъ его жизни, а съ польско-саксонской стороны встрѣчалось лишь постоянное колебаніе между войной и миромъ, и не предвидѣлось исхода изъ жалкой системы полумѣръ, противорѣчивыхъ рѣшеній, свидѣтельствующихъ о полной расшатанности образа дѣйствій [9]).

Эти колебанія привели тогда къ побѣдѣ шведовъ надъ саксонско-польскими войсками подъ Клиссовымъ 19 іюля 1702 г. Вслѣдъ затѣмъ, Краковъ открылъ свои ворота Карлу XII. Между тѣмъ Петръ подвигался впередъ, съ небольшими, правда, результатами, медленно, но твердо, Августъ началъ отступленіе, приведшее его къ Альтранштадтскому миру.

Паткуль перешелъ на русскую службу и принялъ на себя довольно обширныя обязанности. Онъ долженъ былъ словомъ и дѣломъ содѣйствовать царю при его внутреннихъ реформахъ и въ военномъ дѣлѣ, принимать и нанимать военныхъ людей, художниковъ и другихъ потребныхъ

---

[9]) Hermann IV, 123—134.

лицъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ качествѣ уполномоченнаго при польскомъ дворѣ, вліять на Августа въ смыслѣ, желательномъ Петру; онъ началъ съ того, касающаго прибытія иностранцевъ, указа 16 апрѣля 1702 г. о вѣротерпимости, о которомъ уже упоминалось выше; вскорѣ состоялось его назначеніе генеральнымъ коммиссарамъ всѣхъ касающихся царя дѣлъ въ Германіи. Мы видимъ его послѣдовательно въ Польшѣ, потомъ въ Силезіи, Вѣнѣ, Берлинѣ [10]).

О томъ, что происходило въ Польшѣ, мы узнаемъ не только изъ донесеній Паткуля, но также и отъ русскаго дипломата Долгорукаго. Послѣдній жалуется, что для военныхъ дѣйствій у Августа нѣтъ денегъ, между тѣмъ на весеннія гулянья, оперы и театральныя представленія расходуются большія суммы; шведы имѣютъ среди поляковъ сильную партію, шведское золото производитъ большое давленіе; король совершенно терялъ положеніе. «Богъ знаетъ,—пишетъ Долгорукій,—какъ можетъ стоять польская республика; вся отъ непріятеля и междоусобной войны разорена въ конецъ. Богъ знаетъ, какіе безразсудные люди; не хотятъ смотрѣть на пользу своего государства, каждый смотритъ собственной прибыли». По его описанію вся страна раздѣлена на партіи. «Хотятъ они на копей сѣсть только у нихъ еще стремянъ нѣтъ, не почему взлѣзть. Какъ бестіи, безъ разума ходятъ, не вѣдая, что надъ ними будетъ». Нельзя также, по его сужденію, разсчитывать и на саксонцевъ, они совершенно въ шведскомъ духѣ настроены и видятъ своего повелителя въ Карлѣ XII, въ гораздо большей степени, чѣмъ въ собственномъ королѣ. Долгорукій темными красками рисуетъ состояніе Польши и говоритъ, что ей насталъ конецъ [11]). Очень картинно рисуетъ онъ анархію по случаю сейма въ Люблинѣ и заключаетъ, что на поляковъ нечего разсчитывать, «развѣ Богъ сошлетъ св. Духа, чтобы ихъ наставилъ на доброе дѣло». Въ другомъ донесеніи онъ говоритъ, что король предупреждаетъ царя относительно Паткуля, который всегда подчиняетъ интересы государя, которому служитъ, своимъ собственнымъ. Въ это же время были распространены слухи о раздѣлѣ Польши, и авторами этого проекта назывались Паткуль и самъ король Августъ.

Успѣхи шведскихъ войскъ въ Польшѣ продолжались. Карлъ XII могъ уже подумать о низверженіи Августа съ престола. Королемъ былъ избранъ

---

[10]) Устряловъ, IV, 2, 231—238 (сношеніе Паткуля съ Августомъ) IV, 2, 54 (вступленіе П. на русскую службу). — По мнѣнію Плейера вліяніе и дѣятельность П. начались еще раньше. Онъ хотѣлъ, чтобы Петръ поставилъ свое государство на нѣмецкій образецъ.

[11]) Соловьевъ, XV, 11—14 и 17—18.

Лещинскій. Долгорукій былъ мало озабоченъ, такъ какъ новый король казался ему столь незначительнымъ, что, по его мнѣнію, нельзя было и подумать о дѣйствительномъ правленіи Лещинскаго.

Петръ былъ очень доволенъ, что шведъ «увязъ въ Польшѣ, какъ въ болотѣ», по его собственнымъ словамъ. Тѣмъ развязаннѣе были его руки въ Ингерманландіи и Лифляндіи. Паткуль прилагалъ всѣ старанія убѣдить Петра пріостановить свое движеніе на сѣверъ и направить войска въ Польшу. Онъ указывалъ царю, что подобнаго шага желаетъ еще и король прусскій и присоединится къ нему, если Петръ приметъ это рѣшеніе.

Но Петръ не впалъ въ ошибку. Онъ положилъ основаніе Петербургу, взялъ Дерптъ и Нарву. По договору, заключенному между царемъ и Польшею 19 августа 1702 г., Петръ подтвердилъ своему союзнику объ уступкѣ своихъ завоеваній въ Лифляндіи; но присоединеніе Лифляндіи было суждено не къ падающей Польшѣ, а къ возрастающему московскому царству. Паткуль продолжалъ увѣрять царя, что Голландія, Англія, императоръ и даже Пруссія не одобряютъ его слишкомъ широкихъ завоеваній по морскому берегу и потому станутъ стремиться къ установленію мира, къ которому и царь долженъ будетъ примкнуть; поэтому, по совѣту Паткуля, Петръ долженъ присоединиться къ общимъ дѣйствіямъ противъ Карла XII въ Польшѣ. Петръ ограничился выдачею Августу субсидіи и посылкой ему вспомогательнаго отряда, который, подъ начальствомъ Паткуля, дѣйствовалъ въ Познани, чтобы помочь Августу временно опять утвердиться въ Варшавѣ, но, въ общемъ, принесъ мало пользы. Одна его часть была почти совершенно уничтожена шведами подъ Фрауштадтомъ (въ октябрѣ 1704 г.); остальная часть или разошлась самовольно по домамъ, какъ, напр., крайне недовольные Паткулемъ казаки, или же присоединилась къ войскамъ Августа и раздѣлила ихъ участь, когда Августъ бѣжалъ изъ Польши въ Саксонію.

Подобно тому, какъ благопріятно было Петру, что Августъ задерживаетъ шведовъ въ Варшавѣ, чѣмъ онъ выигрываетъ время утвердиться на берегахъ Невы и Балтійскаго моря, также и война за испанское наслѣдство принесла ему много пользы тѣмъ, что отвлекла вниманіе Европы отъ усиливающагося на востокѣ государства, сосредоточивъ все это вниманіе на событіяхъ, происходившихъ въ юго-западной части материка. Очень интересно въ этомъ отношеніи письмо Петра къ Апраксину отъ 5 іюня 1702 г., касающееся смерти англійскаго короля, вступленія на престолъ Анны и начала всеобщей войны, и заключающее въ себѣ пожеланіе, чтобы она долго продолжалась. Это желаніе исполнилось. Вплоть до рѣши-

тельной побѣды подъ Полтавой продолжалась кровавая распря между французскимъ королемъ и его многочисленными противниками. Царя оставили въ сторонѣ, всѣ были слишкомъ заинтересованы на Западѣ.

Въ отношеніяхъ Петра и Австріи къ этому времени замѣчается нѣкоторая холодность. Тотчасъ послѣ нарвскаго погрома въ Россіи явилась мысль просить императора содѣйствовать заключенію мира съ Швеціею [12]). Но, вопреки дипломатической дѣятельности Голицына, въ Вѣнѣ было много поводовъ къ взаимному недовольству. Съ Голицынымъ обращались очень нелюбезно и онъ жаловался, что Россія не пользуется никакимъ уваженіемъ послѣ нарвскаго пораженія. Появленіе дневника Корба вызвало живѣйшее неудовольствіе русскаго правительства, такъ какъ въ немъ и государство и народъ, и самъ царь были выставлены въ очень невыгодномъ свѣтѣ. Между русскимъ представителемъ и австрійскимъ правительствомъ по поводу этой книги произошло столкновеніе. «На насъ смотрятъ теперь, какъ на варваровъ», писалъ Голицынъ ошибочно приписывая авторство книги «Diarium itineris in Moscoviam» императорскому послу Гваріенту. Русское правительство просило о запрещеніи распространенія этой книги [13]).

Жаловался Голицынъ и на подкупность австрійскихъ государственныхъ людей: деньги Карла XII дѣлаютъ ихъ шведскими друзьями. Но наряду съ этимъ заходила рѣчь, чтобы Петръ своего сына воспитывалъ въ Вѣнѣ, или выдалъ одну изъ своихъ племянницъ, дочерей царя Ивана, замужъ за австрійскаго эрцгерцога. Но эти предложенія, которыя могли укрѣпить сближеніе Россіи и Австріи, не осуществились.

Въ концѣ 1702 г. въ Вѣну прибылъ Паткуль съ цѣлью дѣйствовать противъ Карла; онъ старался доказать, что интересы Австріи и Россіи въ отношеніи польскихъ и шведскихъ дѣлъ совершенно одинаковы. Но Кауницъ очень рѣшительно отклонилъ предложеніе о союзѣ и Паткуль узналъ отъ датскаго и бранденбургскаго пословъ, что какъ англійскій и голландскій представители, такъ и ганноверскій дворъ всячески стремятся помѣшать такому сближенію, указывая, что отъ слишкомъ большого усиленія московскаго царства является большая опасность и для самой Австріи. Дѣятельности Паткуля препятствовала также и рознь, постоянно существовавшая между Австріею и Бранденбургомъ.

Паткуль уѣхалъ съ ничѣмъ, а Голицынъ который остался въ Вѣнѣ, продолжалъ жаловаться на свое тягостное положеніе и на алчность Кауница;

---

[12]) См. у Устрялова, (IV, 2, 14—15) инструкціи Голицыну, при его отъѣздѣ въ Вѣну.

[13]) Тамъ-же, I, LXIII—LXIV.

Паткуль обѣщалъ послѣднему, если онъ будетъ поддерживать интересы Россіи, ежегодную пенсію въ 5.000 дукатовъ, и съ этого времени австрійскій министръ не давалъ русскому представителю никакого покоя; онъ настаивалъ на уплатѣ, которая не состоялась, такъ какъ Кауницъ не сдѣлалъ ничего, чтобы оказать содѣйствіе царю [14]). Голицынъ писалъ, что уста у императорскихъ министровъ сахарныя, а сердца горькія [15]).

Англія также не желала содѣйствовать русскимъ интересамъ. Въ 1705 г. въ Россію пріѣхалъ англійскій дипломатъ Витвортъ, чтобы выговорить англійскимъ купцамъ нѣкоторыя преимущества въ Россіи, онъ предложилъ посредничество Анны между Петромъ и Карломъ XII но тотчасъ объявилъ, что нельзя ожидать благопріятнаго результата, такъ какъ шведскій король не хочетъ и слышать про заключеніе мира.

Вскорѣ послѣ этого царь поручилъ Матвѣеву отправиться въ Англію и попытаться заключить союзъ съ Анною. Петръ выражалъ готовность предоставить Англіи войска для войны съ Франціей и снабдить ее большимъ количествомъ кораблестроительнаго матеріала, а взамѣнъ того требовалъ сохраненія за собою только что завоеванныхъ, нѣкогда русскихъ областей. По словамъ инструкціи, Матвѣевъ долженъ былъ внушить англичанамъ, что пріобрѣтеніе русскими гавани на Балтійскомъ морѣ можетъ быть для англичанъ только выгоднымъ, такъ какъ этимъ устраняется опасный путь въ Архангельскъ для ввозимыхъ въ Россію англійскихъ товаровъ, также точно, черезъ такое сокращеніе пути и русскіе товары будутъ успѣшнѣе доставляться въ Англію. Царь былъ даже склоненъ обѣщать, что не станетъ держать на этомъ морѣ большого флота, но обязывалъ своего представителя не говорить ничего опредѣленнаго по этому предмету и не устанавливать числа кораблей. На Мальборо предполагалось воздѣйствовать подкупомъ. На поляхъ инструкціи Петръ собственноручно отмѣтилъ: «Не чаю чтобы Мальбурка до чего склонить, понеже чрезъ мѣру богатъ, однакожъ обѣщать тысячъ около двухсотъ или больше».

Всѣ старанія Матвѣева въ Лондонѣ не имѣли успѣха. По отношенію къ нему держались очень сдержанно. Чтобы склонить англичанъ къ нѣкоторой уступчивости, Матвѣевъ совѣтовалъ притѣснить въ Россіи проживавшихъ тамъ купцовъ. Въ Англіи слишкомъ высоко почитали авторитетъ достигшаго въ то время своего зенита шведскаго короля, чтобы принять рѣшеніе идти противъ него. Поэтому Матвѣеву пришлось удовлетвориться обѣщаніемъ, что дало какъ со стороны Англіи будетъ оказано сочувствіе инте-

[14]) Соловьевъ XV, 43—51.
[15]) Устряловъ IV, 2, 206.

ресамъ Петра, такъ и Голландія будетъ къ этому склонена. Русскій посолъ потерялъ терпѣніе и писалъ, что «здѣшнее министерство въ тонкостяхъ и пронырствахъ субтильнѣе самихъ французовъ; отъ словъ гладкихъ и безплодныхъ происходитъ одна трата времени для насъ». Самъ Мальборо, съ которымъ Матвѣетъ лично бесѣдовалъ, былъ очень любезенъ, наговорилъ ему много красивыхъ фразъ, но ничего существеннаго не сдѣлалъ [16]).

Царь нуждался въ мирѣ. Онъ достигъ своей цѣли и теперь желалъ ограничиться своими завоеваніями, даже частью этихъ завоеваній. Въ 1706 г. передъ своимъ отъѣздомъ въ Бѣлоруссію, онъ въ бесѣдѣ съ нидерландскимъ посланникомъ Ванъ-деръ-Гульстомъ, говорилъ, что война его утомила, не потому, что онъ боится Карла XII, но потому, что пролито такъ много христіанской крови; но если черезъ посредство генеральныхъ штатовъ можетъ быть заключенъ подходящій миръ со шведами, то онъ противъ общаго врага, Людовика XIV, предоставитъ въ распоряженіе Голландіи 30,000 своего войска, но со стороны Голландіи это предложеніе было также замолчено, какъ и прежнія подобныя предположенія Петра [17]).

Интересное значеніе имѣютъ переговоры о цѣнѣ, которую Петръ готовъ былъ заплатить англійскому правителю Мальборо за сочувственное отношеніе къ Россіи, — переговоры, которыя велъ вошедшій съ Мальборо въ личныя сношенія дипломатическій агентъ царя и тогдашній воспитатель царевича Алексѣя баронъ Гюйсенъ. Герцогъ выражалъ на это свое согласіе, если ему подарятъ въ Россіи княжество. Узнавъ объ этомъ, Петръ поручилъ Гюйсену предложить на выборъ любое изъ трехъ княжествъ: Владимірское, Кіевское и Сибирское, какъ награду за «добрый» миръ. Съ такого княжества ему пожизненно обезпечивалось 50.000 ефимковъ; кромѣ того ему обѣщалъ Петръ рубинъ небывалой красоты и орденъ Андрея [18]).

Но торгъ не состоялся.

Петръ продолжалъ свои попытки. Когда послѣ отступленія Августа и заключенія Альтранштадскаго мира, польская корона оказалась свободною, такъ какъ Петръ не хотѣлъ признавать королемъ Станислава Лещинскаго, орудія Карла XII, то онъ предложилъ польскій престолъ герцогу Евгенію Савойскому. Посредникомъ въ этомъ дѣлѣ былъ тотъ же Гюйсенъ. Онъ писалъ герцогу въ Миланъ и герцогъ въ письмѣ къ царю отъ 3 мая 1707 г.,

---

[16]) Соловьевъ, XV, 211—216.

[17]) Соловьевъ, XV, 211. — Повидимому Петръ считалъ что это будетъ хорошая военная школа.—Онъ и раньше отдавалъ людей, напр. въ 1703 году 1000 матросовъ.

[18]) Тамъ же, 216 (письмо Петра).

благодарить, но отказался. Гюйсенъ лично отправился въ Миланъ, чтобы уговорить герцога принять предложеніе; герцогъ сообщилъ тогда царю, что онъ по этому поводу писалъ императору, и поступитъ согласно его рѣшенію. Отвѣтъ императора до насъ не сохранился, но въ іюлѣ 1707 г. Гюйсенъ доносилъ Петру изъ Вѣны, что какъ императоръ такъ и герцогъ склонны принять предложеніе царя, но Іосифъ выразилъ желаніе, чтобы избраніе короля послѣдовало по окончаніи войны [19]). Дѣло на этомъ и остановилось.

Заманчивыя предложенія дѣлались также и прусскому графу Вартенбергу, если онъ устроитъ посредничество и выгодный миръ [20]).

Съ Даніею въ особенности старался Петръ войти въ соглашеніе для совмѣстныхъ дѣйствій противъ Швеціи. Онъ обѣщалъ отдать Даніи Нарву и Дерптъ, если датчане возобновятъ войну противъ Карла XII [21]); но въ Даніи опасались противодѣйствія Голландіи и Англіи, боялись могущества извѣстнаго короля и взамѣнъ предложили только оборонительный союзъ [22]).

Наконецъ Петръ рѣшился дѣйствовать черезъ французскаго посла при Ганноверѣ, чтобы получить посредничество Людовика XIV. Петръ обѣщалъ королю предоставить ему войско, которымъ онъ можетъ располагать по усмотрѣнію, если онъ будетъ въ состояніи устроить подходящій миръ. Но вскорѣ узнали, что Карлъ XII отклонилъ мирныя предложенія, отвѣтивъ, что онъ можетъ на нихъ согласиться лишь подъ условіемъ возвращенія Петромъ всѣхъ его завоеваній и уплаты имъ военныхъ издержекъ; онъ, Карлъ, скорѣе пожертвуетъ послѣднимъ жителемъ своего государства, чѣмъ согласится оставить Петербургъ въ рукахъ царскихъ [23]).

Но уступчивость Петра достигла крайнихъ предѣловъ. Въ одномъ изъ наказовъ, писанныхъ имъ въ это время для русскихъ дипломатовъ, было сказано: «по самой нуждѣ и Нарву шведу уступить, но о Петербургѣ всѣми мѣрами искать удержать за что ни будь, а о отдачѣ онаго ниже въ мысляхъ не имѣть» [24]).

Въ такомъ положеніи находились дѣла во времени заключенія Альтранштадтскаго мира. Союзъ съ Августомъ принесъ Россіи неисчислимыя выгоды, но въ этомъ не было никакой его собственной заслуги. Нѣсколько лѣтъ продолжалась война въ Польшѣ, вести которую считалъ нужнымъ

---

[19]) Тамъ же, 3.8.—Guerrier, 48.—Arneth, cit. у Евгенія Тавельскомъ, 420).—Шлейеръ упоминаетъ, что выдвигали кандидатуру Меншикова и Алексѣя.

[20]) Соловьевъ, XV, 211.

[21]) Тамъ же.

[22]) Тамъ же, 212—213.

[23]) Тамъ же, XV, 217.

[24]) Письма Петра тамъ же.

шведскій король, вмѣсто того, чтобы напасть на того врага, которому принадлежало будущее. Это диверсія со стороны Польши была очень благопріятна Петру. Онъ могъ тогда продолжать тѣ пріобрѣтенія, ради которыхъ и онъ, и Карлъ XII, были вынуждены продолжать войну. Но Россія имѣла въ Европѣ очень маленькое значеніе, что доказывается нарушеніемъ международнаго права въ отношеніи Паткуля, гибель котораго оказалась возможною, хотя онъ и состоялъ на русской службѣ, а также рядомъ безплодныхъ попытокъ царя добиться мирнаго посредничества даже дорогой цѣной, наконецъ крайне скромнымъ положеніемъ, которое повсемѣстно занимали русскіе дипломаты. Чтобы получить права гражданства въ общей государственной системѣ, царь долженъ былъ сдѣлать тотъ рѣшительный военный ходъ, который привелъ къ полтавской побѣдѣ. Утвержденіе на берегахъ Невы, переустройство Россіи, признаніе могущества московскаго царства достигались паденіемъ шведскаго короля. Никто не могъ предполагать, что такъ близко предстоитъ событіе мірового значенія. Въ грозномъ поединкѣ, достигшемъ теперь своего кульминаціоннаго пункта, даже современникамъ дол кно было стать яснымъ то, что потомкамъ представляется какъ естественный выводъ изъ историческихъ изслѣдованій, а именно что Петръ выказалъ себя государственнымъ дѣятелемъ, преслѣдовавшимъ высокія цѣли, тогда какъ Карлъ XII явился только какъ азартный игрокъ въ слѣпомъ стремленіи къ болѣе низшимъ задачамъ, въ лучшемъ случаѣ какъ Донъ-Кихотъ.

ГЛАВА VI.

Военныя дѣйствія до Полтавской битвы.

До 1705 года вся забота Петра была направлена къ тому, чтобы прочно утвердиться на Балтійскомъ морѣ. Въ военныхъ дѣйствіяхъ на Невѣ, при Нарвѣ и Дерптѣ онъ принималъ личное участіе, а веденіе войны въ Польшѣ предоставлялъ другимъ. Его самаго мы видимъ то въ Москвѣ, то въ Воронежѣ, то въ Петербургѣ. Наконецъ и онъ обратилъ свое вниманіе на польскія дѣла и въ апрѣлѣ 1705 г. прибылъ въ Полоцкъ, гдѣ была сосредоточена русская армія въ 60,000 человѣкъ.

Эту армію онъ раздѣлилъ на двѣ части и поручилъ начальствованіе двумъ фельдмаршаламъ—Шереметеву и Огильви. Принятіе иностранцевъ на русскую службу и порученіе имъ важныхъ должностей соотвѣтствовало его давнишнимъ планамъ. Черезъ посредство Паткуля число иностранцевъ въ русскомъ войскѣ было существенно увеличено. Огильви также перешелъ въ Россію по его предложенію. Но между русскими и иностранцами была сильная рознь. Между обоими фельдмаршалами также не было единодушія, а послѣ отъѣзда Шереметева въ Астрахань разногласіе возникло между Огильви и Меншиковымъ. Долго раздавались жалобы иностранцевъ на плохую дисциплину и недостатки вооруженія русскихъ войскъ, оружіе было негодное, провіантская часть плохо устроена; встрѣчался постоянный недостатокъ въ деньгахъ и съѣстныхъ припасахъ; эти жалобы касались также и того отряда, который находился въ Саксоніи. Въ своихъ письмахъ Паткуль не особенно лестно отзывается о русскихъ войскахъ; онъ выражалъ сомнѣніе въ успѣхѣ, грозилъ оставить русскую службу и повторялъ, что грубой ошибкой было уже давно не соединить всѣ русскія военныя силы съ саксонско-польскими. Онъ также порицалъ неопытность русскихъ офицеровъ [1]).

---

[1]) Соловьевъ, XV, 172.

Бывали у царя и еще иныя затрудненія. Въ Полоцкѣ, при посѣщеніи одного монастыря, Петръ вступилъ въ препирательство съ однимъ греко-уніатскимъ духовнымъ лицомъ. Какое-то неосмотрительное замѣчаніе послѣдняго вызвало гнѣвъ царя и онъ велѣлъ схватить нѣсколькихъ монаховъ; послѣдовала схватка, такъ какъ прочіе монахи заступились за товарищей. Нѣсколько монаховъ было убито, одинъ по приказанію царя былъ казненъ. Вслѣдствіе этого въ оппозиціонныхъ кружкахъ Россіи и въ католическомъ мірѣ на Западѣ пошли слухи, что Петръ собственноручно убилъ нѣкоторыхъ монаховъ, а женщинамъ, которыя оплакивали ихъ смерть, велѣлъ отрѣзать языки и т. п. Достовѣрно, что пять монаховъ нашли свою смерть, но вымыслы противниковъ царя, напротивъ того, не заслуживаютъ довѣрія [2]).

Петръ строго приказалъ своимъ фельдмаршаламъ избѣгать сраженія. Онъ чувствовалъ, что его силы еще не доросли до непріятельскихъ. Но 15 іюля 1705 г. Шереметевъ былъ вынужденъ принять битву при имѣніи Гемауертсгофѣ, въ Курляндіи, и былъ совершенно разбитъ шведами подъ начальствомъ Левенгаупта. Впослѣдствіи Петръ объяснялъ это пораженіе, погубившее нѣсколько тысячъ русскихъ, недостаткомъ дисциплины и предусмотрительности съ ихъ стороны [3]). Очень хорошо ободрялъ царь несчастнаго фельдмаршала: «Не извольте о бывшемъ несчастьѣ печальны быть (понеже всегдашняя удача много людей ввела въ пагубу), но забывать и паче людей ободрять» [4]). Русскіе сражались храбро и имъ все же удалось вступить въ Митаву, куда не замедлилъ прибыть изъ Вильны переѣхавшій туда изъ Полоцка Петръ. Въ нѣсколько дней царь овладѣлъ всею Курляндіею. Его надежда, что Шереметевъ отрѣжетъ Левенгаупту путь къ отступленію на Ригу, не оправдалась, вслѣдствіе отсутствія у русскихъ надлежащей артиллеріи. Въ письмахъ къ Головину и Ромодановскому Петръ слѣдующимъ образомъ отмѣчаетъ новые успѣхи: «Покореніе Митавы великой важности, понеже непріятель отъ Лифляндъ уже весьма отрѣзанъ, а намъ далѣе въ Польшу походъ безопасенъ» [5]). Петръ добавляетъ, что его сокрушаетъ только, что Левенгауптъ бѣжитъ отъ него, какъ Нарцисъ отъ Эхо [6]). Митава капитулировала 4 сентября 1705 года.

---

[2]) Устряловъ, IV, 2—у него же Плейеръ.— Theiner. „Monuments historiques", 412.

[3]) Собственноручныя корректурныя поправки Петра на рукописи Макарова.—Устряловъ, IV, 2, 460.—Соловьевъ, XV, 170.

[4]) Тамъ же, XV, 170.—Голиковъ, X, 215.

[5]) Устряловъ, IV, I, 382.

[6]) Соловьевъ, XV, 171.

Но несмотря на эти благопріятные результаты, Петръ не былъ увѣренъ въ побѣдѣ. О недостаточной опытности и боевой способности своихъ полководцевъ Петру было хорошо извѣстно и помимо жалобъ Паткуля и Огильви, постоянно требовавшихъ новаго приглашенія иностранцевъ на военную службу въ Россію [7]). Постоянное соперничество русскихъ и иностранцевъ, Огильви и Меншикова [8]), также не могло не отражаться на успѣшности военныхъ дѣйствій. Ежеминутно можно было ожидать, что Карлъ XII, стоявшій подъ Варшавою и поддерживавшій воцареніе Лещинскаго, двинется на сѣверъ и нападетъ на русскихъ. Въ октябрѣ 1705 года Петръ встрѣтился въ Гроднѣ съ королемъ Августомъ и передалъ ему начальствованіе надъ арміями Огильви и Меншикова, а самъ отправился въ Москву. Тамъ онъ въ теченіе зимы узналъ, что Карлъ направился къ Гродно. Петръ совѣтовалъ возможно большую осторожность; лучше отступить, чѣмъ преждевременно вступить въ бой. Неоднократно повторялъ онъ распоряженіе, въ случаѣ необходимости отступленія, бросить всѣ пушки въ Нѣманъ [9]).

Князь А. Д. Меншиковъ, генералиссимусъ и адмиралъ русскаго флота.

Карлъ приближался къ русскимъ. Въ главной квартирѣ, въ Гродно, волненіе было немалое и относительно распоряженій было сильное разногласіе. Большимъ счастьемъ было для русскихъ, что недостатокъ съѣстныхъ

ОЛЕКСАНДРЪ МЕНШИКОВЪ ЧЕЛОЛѢКЪ ЕТЪ

припасовъ принудилъ Карла снова удалиться. Петръ поспѣшилъ, по пути въ Гродно, въ Смоленскъ. Его письма оттуда свидѣтельствуютъ о сильномъ

[7]) Устряловъ. IV, 2. 327.
[8]) Тамъ же, IV, 640 и др.—Свидѣтельство Плейера.
[9]) См. у Соловьева, XV, 184.

упадкѣ духа. Къ тому же онъ былъ боленъ. Онъ не имѣлъ довѣрія къ войску и постоянно возвращался къ тому, чтобы не нападать — лучше отступить и артиллерію, если ее нельзя увезти съ собой, побросать въ воду, но спасти войско. Его настроеніе было очень унылое; онъ сравнивалъ свое положеніе съ адомъ и призывалъ Бога въ свидѣтели о мѣрѣ своихъ нравственныхъ терзаній. Онъ боялся, что его войско будетъ отрѣзано отъ Россіи, уничтожено и Карлъ пойдетъ на старую столицу [10]). Эта озабоченность усилилась при вѣсти о сраженіи подъ Фрауштадтомъ. Саксонскій генералъ Шуленбургъ былъ здѣсь разбитъ на голову Реншіольдомъ въ началѣ февраля. Нѣсколько присоединенныхъ къ саксонцамъ русскихъ полковъ были, какъ уже упомянуто выше, совершенно истреблены. Петръ былъ совершенно пораженъ и заговорилъ объ измѣнѣ саксонцевъ и Паткуля [11]). Онъ опять приказываетъ отступить и въ случаѣ большой спѣшности уничтожить тяжелую артиллерію; онъ говоритъ, что важнѣе спасти людей, чѣмъ пушки; онъ совѣтуетъ направлять войско небольшими отрядами, съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ несчастія, потерять часть, а не все; отступленіе изъ Гродно должно быть произведено въ совершенной тайнѣ [12]). Огильви былъ иного мнѣнія. Петръ вступилъ съ нимъ въ пренія относительно предстоявшей тактики и споръ кончился тѣмъ, что Петръ передалъ все командованіе Меншикову. Онъ высоко оцѣнивалъ его въ письмахъ къ другимъ, къ нему было все расположеніе его сердца. Но болѣе подавленнаго

[10]) Тамъ же, 186.
[11]) Тамъ же, 14.
[12]) Тамъ же, 192.

состоянія не замѣчалось болѣе никогда въ его жизни. Только въ Петербургѣ, куда онъ пріѣхалъ весною 1706 г., вздохнулъ онъ свободно; здѣсь онъ жилъ, какъ въ «парадизѣ», по его собственному опредѣленію, но добавлялъ, что его все-таки и здѣсь тревожатъ заботы его друзей.

Съ такимъ трепетомъ ожидаемое царемъ отступленіе изъ Гродно, совершилось благополучно. Всѣ распоряженія Петра оказались прекрасными. Карлъ XII не былъ въ состояніи преслѣдовать русскихъ и вернулся въ Саксонію. Петръ, котораго болѣзнь нѣкоторое время задержала въ Петербургѣ, спѣшитъ въ Кіевъ, опасаясь нападенія шведовъ на этотъ городъ. Лѣтомъ 1706 г. онъ лично кладетъ основаніе крѣпостнымъ укрѣпленіямъ.

Въ слѣдующемъ октябрѣ Петръ отправляется къ противоположной границѣ своего царства и дѣлаетъ попытку, правда, безуспѣшную, осадить Выборгъ, но вслѣдъ затѣмъ возвращается въ Петербургъ и въ это время Меншиковъ въ союзѣ съ Августомъ одерживаетъ надъ шведами при Мардефельдѣ, у Калиша, рѣшительную побѣду (18 октября 1706 г.). Условія Альтранштадтскаго мира были уже установлены, но Меншиковъ этимъ пренебрегъ; впослѣдствіи Августъ извинялся предъ Карломъ XII въ безчестномъ поступкѣ, заключающемся въ томъ, что онъ сражался вмѣстѣ съ русскими послѣ установленнаго мирнаго соглашенія. Въ донесеніи царю Меншиковъ хвалитъ стойкость русскаго войска. Петръ былъ сверхъ мѣры доволенъ и отпраздновалъ побѣду многодневными попойками. Онъ поручилъ Шафирову извѣстить объ одержанной побѣдѣ иностранныхъ дипломатовъ, пребывающихъ въ Москвѣ, и донести царю о произведенномъ на нихъ событіемъ впечатлѣніи. Шафировъ писалъ, что иноземные послы очень удивлены. Онъ устроилъ для нихъ пиръ; датскій и англійскій посланники замѣтили, что теперь дѣла примутъ совершенно новый поворотъ; а прусскій посланникъ отзывался о пораженіи шведовъ съ особымъ удовольствіемъ [13]). Въ своихъ запискахъ къ императору Плейеръ также говоритъ о «великолѣпной побѣдѣ» Меншикова и много разсказываетъ о подаркахъ и наградахъ, которыми царь удостоилъ своего полководца [14]).

Извѣстіе о заключеніи альтранштадтскаго мира въ значительной степени ослабило общую радость. Пришло еще извѣстіе объ успѣхахъ Карла XII въ Саксоніи, нигдѣ онъ не встрѣтилъ сопротивленія; никто не вступился за Августа и онъ былъ вынужденъ навсегда отказаться отъ польскаго престола; его союзъ съ царемъ могъ почитаться расторгнутымъ. Уже 13 октября былъ подписанъ миръ, но русскій посланникъ при Августѣ, кн. Василій

[13]) Устряловъ, IV, 1, 524.
[14]) Тамъ же, IV, 2 ,659—669.

Лукичъ Долгорукій, узналъ объ этомъ только въ ноябрѣ и завелъ про это событіе рѣчь съ королемъ. Августъ высказалъ нѣкоторыя извиненія, и обѣщалъ, въ общихъ только выраженіяхъ, быть вѣрнымъ союзникомъ царя [15]). Возбужденіе въ Москвѣ было довольно сильное и Плейеръ пишетъ, что простой народъ такъ непріязненно настроенъ противъ нѣмцевъ, что можно опасаться волненій; въ подобномъ случаѣ поднимется страшная рѣзня; короля Августа называютъ безбожникомъ [16]).

Баронъ Петръ Павловичъ Шафировъ.

Возникалъ вопросъ, что станется съ находящимися въ Саксоніи русскими войсками. Съ этимъ совпала и катастрофа съ Паткулемъ. Онъ былъ совѣтникомъ царя, оказалъ ему существенныя заслуги въ качествѣ дипломата и въ особенности отличился присоединеніемъ Пруссіи къ русскому союзу. Смертельная вражда между саксонскими государственными дѣятелями и Паткулемъ могла легко отразиться на пребывающихъ въ Саксоніи русскихъ войскахъ. Царь долженъ былъ позаботиться, чтобы ихъ защитить; они не могли оставаться въ Саксоніи и въ нихъ ощущалась надобность въ Польшѣ. Средствомъ къ этому являлось заключеніе договора между императорскимъ резидентомъ въ Дрезденѣ и Паткулемъ, о поступленіи русскихъ войскъ на годъ на австрійскую службу. Разнорѣчія, возникшія по этому поводу между саксонскимъ правительствомъ и Паткулемъ, привели къ аресту послѣдняго. На русскій протестъ со стороны Саксоніи было отвѣчено предъявленіемъ цѣлаго ряда жалобъ [17]). Никакія убѣжденія Петра не могли спасти Паткуля, такъ какъ царь не былъ въ состояніи энергично поддержать свое требованіе. Въ

[15]) Соловьевъ, XV, 197.

[16]) Устряловъ, IV, 2, 660.

[17]) Тамъ же, IV, 1, 408 и у Соловьева, XV, 176 — 182. Кромѣ того Герье, 54 и у Hermann, IV, 40.

Польшѣ у него было множество дѣла и долженъ былъ готовиться къ рѣшительному столкновенію съ шведскимъ королемъ. Нельзя было до безконечности оставаться на системѣ отступленій и промедленій. Надо было умѣть наносить удары.

Царь лично принималъ участіе въ приготовленіяхъ къ такому способу дѣйствій и съ этою цѣлью отправился въ Польшу; въ ней надо было противодѣйствовать воцарившейся анархіи и сдѣлать ее способною къ отраженію ожидаемаго нашествія Карла XII.

Въ концѣ декабря 1706 г. Петръ прибылъ въ Жолкву (близъ Лемберга) и вмѣстѣ съ нимъ Шереметевъ, Меншиковъ, Долгорукій и Головкинъ [18]); здѣсь были предположены переговоры съ Польшею, и опять съ ея стороны, при видѣ опаснаго положенія, въ которомъ находился Петръ, была выражена надежда на обратное присоединеніе Малороссіи; опять пришлось прибѣгнуть къ подкупу нѣкоторыхъ польскихъ магнатовъ и обуздать хоть нѣсколько расходившуюся анархію. Взаимное недовѣріе между поляками и русскими, продолжавшееся вѣками, было не легко устранить. Несчастная страна долгіе годы выдерживала весь гнетъ шведской войны и была раззорена постояннымъ передвиженіемъ войскъ Карла XII и Августа. Теперь въ ней пребывали русскіе и судьба Польши была предоставлена заботамъ царя. Лещинскій, возведенный на престолъ Карломъ XII, не проявлялъ особенной дѣятельности; въ большей части страны онъ не имѣлъ никакого значенія. Гораздо больше значилъ царь, который велъ переговоры о занятіи польскаго престола то съ Собѣсскимъ, то съ Рагоци, или даже съ Евгеніемъ Савойскимъ.

Въ Польшѣ же, въ это время встрѣчаемъ мы и опытнаго, весьма свѣдующаго и неутомимаго Емельяна Украинцева, который еще въ молодые годы былъ занятъ въ этой области и хорошо зналъ, какъ вести дѣла въ Польшѣ и Малороссіи. Онъ велъ переговоры съ нѣкоторыми магнатами, привезъ малороссійскому гетману Мазепѣ инструкціи отъ царя; онъ составлялъ перечень субсидій, которыя поляки должны были получить отъ царя, и успокаивалъ поляковъ, часто терявшихъ терпѣніе и не признавшихъ дисциплины.

Изъ одного письма Петра къ Апраксину отъ 4 января 1707 года видно, какъ тяжела казалась ему отвѣтственность вести войну безъ прежняго союзника. Онъ принялъ самыя энергичныя мѣры, чтобы защитить свои границы отъ возможнаго нападенія непріятеля; царь самъ говоритъ,

[18]) Смѣнившій умершаго въ 1706 г. Головина въ завѣдываніи иностранными дѣлами.

что хотя еще не слышно, чтобы Карлъ двинулся изъ Саксоніи, но что все-таки лучше заранѣе все приготовить. Всѣ съѣстные припасы, всѣ стада, въ случаѣ появленія шведовъ, должны были быть уничтожены, чтобы непріятель ничего не нашелъ и при дальнѣйшемъ движеніи внутрь страны, его было легче окружить и напасть на него съ тыла. Кромѣ того надлежало своевременно предупредить всѣхъ жителей страны о подобномъ вражескомъ нашествіи. Очень подробныя инструкціи были преподаны гетману Мазепѣ; по Днѣпру и его притокамъ должны быть сооружены шанцевыя укрѣпленія, устроены палисады въ опредѣленныхъ мѣстахъ, Кіевская крѣпость приведена въ состояніе обороны. Петръ заботился о пополненіи арміи. Подобно тому какъ были спеціальные люди, задача которыхъ заключалась въ изысканіи новыхъ налоговъ и другихъ источниковъ государственнаго дохода, такъ теперь выступили агенты правительства, которые обращали вниманіе царя на тѣ элементы населенія, которые не были вовсе использованы или мало использованы для потребностей войска [19]).

Карлъ XII далъ царю время подготовиться къ шведскому нашествію. Если по словамъ Петра, Карлъ послѣ нарвской битвы завязъ въ Польшѣ, какъ въ болотѣ, то теперь можно было сказать, что въ подобномъ положеніи онъ находится въ Саксоніи.

Походъ изъ Саксоніи начался въ августѣ 1707 г.; никогда еще у Карла не было такого прекраснаго войска. Во главѣ его онъ былъ увѣренъ, что продиктуетъ царю такія-же условія мира, какъ и королю Августу. Онъ говорилъ о томъ, чтобы низложить Петра и возвести Собѣсскаго на русскій престолъ, въ бесѣдахъ съ императорскимъ посломъ онъ сообщалъ, что не намѣренъ терять времени на осаду пограничныхъ городовъ, онъ прямо пойдетъ на столицу. Разсчитывалъ онъ и на всеобщее неудовольствіе, которое поддерживалось реформами царя, тягостями и опасностями войны и деспотическимъ образомъ дѣйствій Петра [20]).

Въ Вѣнѣ съ различныхъ сторонъ разбирали случайности и вѣроятность окончательнаго исхода. Баронъ Гюйсенъ писалъ въ сентябрѣ 1707 г., что шведы неохотно выступили въ походъ, послѣ того какъ испытали въ Саксоніи нѣсколько мѣсяцевъ полнаго покоя; нѣкоторые полагали, что и въ открытомъ полѣ Петръ легко побѣдитъ Карла; другіе находили, что въ интересахъ русскихъ было избѣгать большого боя, что лучше утомлять и ослаблять врага малепькими стычками, производить нападеніе казацкими

[19]) О польскихъ и малороссійскихъ дѣлахъ см. у Соловьева, XV, 200—211 и 228.

[20]) Тамъ же, XV, 231.

полками на отдѣльные шведскіе отряды и не столько полагаться на подвиги, сколько на тактику.

На военномъ совѣтѣ съ своими военноначальниками Петръ рѣшилъ, что не надо ожидать непріятеля въ Польшѣ, а лучше его затянуть въ Россію. Сначала онъ имѣлъ намѣреніе избѣгать большого боя; только на переправахъ надо было насколько возможно задерживать шведовъ. Слава о непобѣдимости Карла была въ то время въ полномъ блескѣ и нисколько не должно казаться удивительнымъ, что Петромъ въ ожиданіи грядущаго овладѣвалъ извѣстный трепетъ. Онъ былъ теперь въ особенности раздраженъ и часто не сдерживалъ своего гнѣва [21]); легко себѣ представить, въ какомъ положеніи находилось все государство, если припомнить, что астраханскій бунтъ былъ только что подавленъ, а бунтъ на Дону находился въ полномъ разгарѣ.

Впрочемъ, нашествіе шведовъ ожидали раньше, чѣмъ оно дѣйствительно состоялось. Четыре мѣсяца простоялъ Карлъ бездѣятельно на берегу Вислы. Шведы вели себя въ Польшѣ какъ въ завоеванной вражеской странѣ и вызывали къ себѣ ненависть. Никто не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на Станислава Лещинскаго. Король и все его войско относились къ полякамъ съ крайнимъ высокомѣріемъ. Наконецъ, съ наступленіемъ декабрьскихъ зимнихъ холодовъ, Карлъ выступилъ въ походъ. Армія испытывала большія неудобства, люди и лошади мерзли и пришлось оставить часть припасовъ. Много вредило непріязненное отношеніе польскаго населенія,—много шведскихъ солдатъ было измѣннически убито. Крутыя мѣры шведовъ только усиливали неудовольствіе.

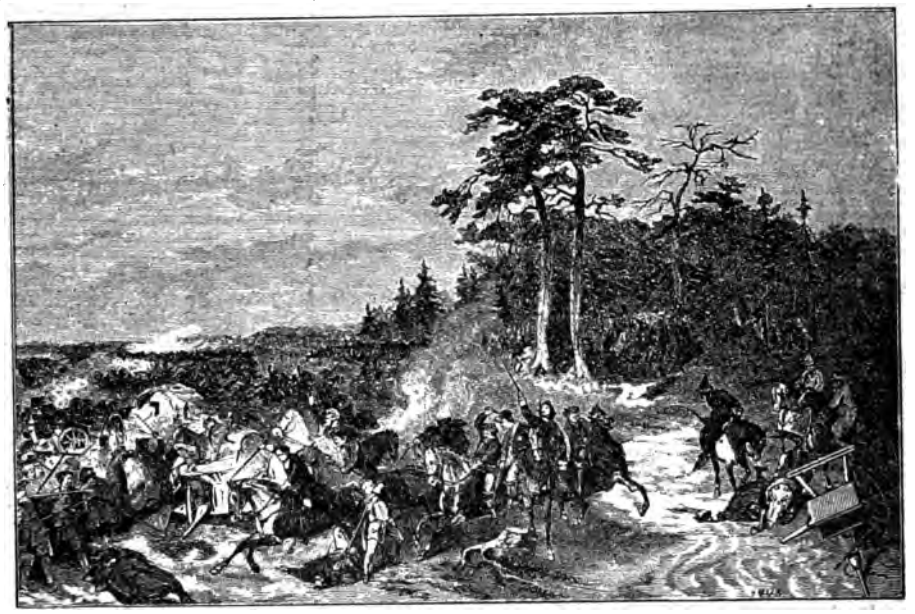
Сначала казалось, что Карлъ направится къ сѣверу. Петръ, находившійся въ началѣ 1708 г. въ Гродно, дѣлалъ распоряженія о защитѣ Пскова и Дерпта. Большинство жителей этого города было тогда переведено въ Вологду, такъ какъ Петръ боялся измѣны. Это было суровымъ проявленіемъ произвола, которое не находило себѣ оправданія въ обстоятельствахъ дѣла.

На пути въ Гродно Карлъ, спѣшившій съ своимъ авангардомъ туда, гдѣ находился царь, по плану Петра, долженъ былъ быть задержанъ на переправѣ черезъ Нѣманъ, но шведы овладѣли переправою и Петръ былъ вынужденъ отступить. Два часа послѣ того, какъ Петръ покинулъ Гродно, въ него вступилъ Карлъ (26 января 1708 г.). Петръ опять повелъ оборонительную тактику и отдалъ приказаніе объ отступленіи, распорядился

---

[21]) См. письмо Петра къ Апраксину у Соловьева, XV, 232.

уничтоженіемъ припасовъ, которыхъ при поспѣшности движенія нельзя было взять съ собою, и заботился, какъ возможно лучше обставить командованіе аріергардомъ, чтобы обезпечить возможность спасенія [22]). Ни въ какомъ случаѣ не считалъ Петръ себя доросшимъ до противника. Начать отступленіе не было геройствомъ, но очень мудро. Положеніе вещей было сходно съ 1812 годомъ. Также и продолжающаяся болѣзнь Петра (лихорадка) заставляла его уклоняться отъ боя. Онъ писалъ Меншикову изъ Петербурга, куда онъ направился изъ Польши, что его надо призвать на поле

Сраженіе со шведами при Лѣсной. (Съ оригинала проф. Коцебу).

брани только въ томъ случаѣ, если предстоитъ сраженіе, такъ какъ ему нужно еще время, чтобы окончательно подготовиться [23]). Петръ считалъ походъ Карла на Москву весьма вѣроятнымъ, и велѣлъ собрать тамъ ополченіе и приступить къ соотвѣтственнымъ укрѣпленіямъ. Кромѣ того, лежавшіе по сосѣдству города, какъ Серпуховъ, Можайскъ, Тверь также было предписано укрѣпить. Въ старой столицѣ были приняты особыя полицейскія мѣры, введено военное положеніе; надъ всѣми жителями было установлено строгое наблюденіе, въ особенности надъ иностранцами; представители всѣхъ сословій принимали, по принужденію, участіе въ сооруженіи укрѣпленій;

[22]) Тамъ-же, 272.
[23]) Тамъ-же, 273.

каждый долженъ былъ ежеминутно быть готовымъ къ бою или немедленному отъѣзду [24]).

Среди лицъ, которымъ было поручено наблюденіе за производствомъ работъ, находился и царевичъ Алексѣй Петровичъ. Въ множествѣ донесеній къ отцу сообщаетъ онъ о ходѣ работъ, о засѣданіяхъ совѣта; въ перепискѣ, какъ отца, такъ и сына, замѣчается нѣкоторая робость и боязнь; часто упоминается, что требуется настоятельная поспѣшность. Вмѣстѣ съ тѣмъ Алексѣй не былъ нисколько увѣренъ въ побѣдѣ и совѣтовалъ своему проживавшему въ Москвѣ духовнику Якову Игнатьеву, что онъ долженъ своевременно подумать о своемъ спасеніи, такъ какъ если и войскамъ царскимъ не удержать польскаго короля, то и никто въ Москвѣ не поможетъ [25]).

Карлъ энергично подвигался впередъ. Его походъ заслуживаетъ удивленія. Ему приходилось преодолѣвать чрезвычайныя затрудненія, переправляться черезъ широкія рѣки, во время весенняго разлива, идти дремучими лѣсами и переходить по нескончаемымъ болотамъ. Войско должно было всѣ припасы вести съ собою, двигаясь по совершенному безлюдію.

Наконецъ, произошла встрѣча съ русскими. Подъ Головчинымъ Меньшиковъ и Шереметевъ испытали снова превосходство шведскаго оружія. Это сраженіе и въ послѣднее еще время считается однимъ изъ военныхъ подвиговъ Карла [26]). Русскіе потерпѣли пораженіе и должны были отступить [27]). Петръ велѣлъ произвести строгое разслѣдованіе, такъ какъ считалъ, что часть войска не исполнила своего долга. Въ особенности царь негодовалъ на Рѣпнина.

Послѣ этой побѣды, Карлъ занялъ Могилевъ, чему русскіе были не въ силахъ помѣшать. Но у шведовъ начиналъ ощущаться недостатокъ припасовъ. Они остановились, чтобы подождать присоединенія Левенгаупта изъ Лифляндіи съ 16,000 солдатъ и множествомъ припасовъ и провіанта. Но Карлъ XII все-таки двинулся дальше, не ожидая Левенгаупта и 29 августа произошло сраженіе при Доброй, въ которомъ принялъ участіе самъ Петръ. Русскіе не одержали побѣды, но они стойко держались. Шведскій авангардъ былъ разбитъ, но когда подошелъ Карлъ съ главными силами, то русскіе отступили. По этому поводу Петръ писалъ: «я, какъ началъ служить, такого огня и порядочнаго дѣйствія отъ нашихъ солдатъ не слы-

---

[24]) Тамъ-же, 276—276.

[25]) Тамъ же, XVII, 136.

[26]) См. сочин. Оскара II. (Карлъ XII) 1875 г. (нѣм. изд.).

[27]) Соловьевъ, XV, 276 - 278. Въ Швеціи эту побѣду воспѣли въ стихахъ.

халъ и не видалъ (дай Боже и впредь такъ), и такого еще въ сей войнѣ король шведскій ни отъ кого самъ не видалъ. Боже, не отъими милость Свою отъ насъ впередъ» [28]).

Самымъ важнымъ было то, что Карлъ и Левенгауптъ не соединились. Они были разбиты порознь. Войско Карла терпѣло нужду, и онъ счелъ за лучшее направиться въ Малороссію, разсчитывая на содѣйствіе взбунтовавшихся казаковъ; тамъ же онъ разсчитывалъ войти въ соглашеніе съ крымскимъ ханомъ; его планъ идти потомъ на Москву остался непримѣнимымъ; въ сентябрѣ онъ свернулъ на Украйну и пошелъ навстрѣчу своей гибели.

Но онъ могъ еще разсчитывать на соединеніе съ Левенгауптомъ, которому послалъ соотвѣтственное приказаніе, хотя упустилъ изъ виду разстояніе и естественныя преграды; двѣ рѣки [29]) раздѣляли короля отъ его генерала; кромѣ того, между ними обоими стояли русскіе. Надежда Левенгаупта тихонько обойти царя и двинуться на югъ не осуществилась. Русскіе довольно своевременно узнали объ этомъ движеніи; они послѣдовали за нимъ, 27 сентября подъ Лѣсной принудили принять сраженіе и одержали верхъ. Это было прологомъ къ Полтавѣ. Въ «Исторіи свейской войны», Петръ замѣчаетъ, «сія у насъ побѣда можетъ первою назваться, понеже надъ регулярнымъ войскомъ никогда такой не бывало; къ тому-жъ, еще гораздо меньшимъ числомъ будучи предъ непріятелемъ [30]). И по истинѣ оная виною всѣхъ благополучныхъ послѣдованій Россіи, понеже тутъ первая проба солдатская была, и людей, конечно, ободрила и мать Полтавской баталіи, какъ ободреніемъ людей, такъ и временемъ...»

Главнымъ несчастьемъ для шведовъ была не утрата большей части арміи, но утрата съѣстныхъ припасовъ, на которые тщетно разсчитывали изнуренные люди арміи Карла XII. Большое вліяніе имѣло какъ на русскихъ, такъ и шведовъ нравственное воздѣйствіе событія.

---

[28]) См. въ „Письмахъ русск. госуд." полное шутокъ письмо Петра къ Екатеринѣ.— Это была послѣдняя одержанная лично Карломъ побѣда.—Saraiw, 240.

[29]) Днѣпръ и Сожа. *Прим. перев.*

[30]) Русскихъ было 14,000; шведовъ—16,000.

ГЛАВА VII.

Мазепа.

Когда царь Алексѣй Михайловичъ въ половинѣ XVII в., еще до окончательнаго разрѣшенія малороссійскаго вопроса, началъ наступательныя дѣйствія противъ шведовъ, совершилъ походъ въ Лифляндію и одержалъ надъ ними рядъ побѣдъ, въ Малороссіи возникли безпорядки,—а именно измѣна гетмана Выговскаго—которые лишили царя всѣхъ результатовъ его успѣховъ. Онъ былъ вынужденъ заключить сперва перемиріе (въ 1659 г.) а затѣмъ миръ въ Кардисѣ (1662 г.).

Тоже самое могло повториться и въ Петровское время, если бы надежды Карла на мятежническія стремленія въ Украйнѣ оправдались.

Во все время царствованія Петра въ Малороссіи не прекращались волненія и броженія. Казаки были недовольны [1]). Постоянно приходилось быть наготовѣ, чтобы сдерживать и обуздывать мятежническія наклонности. Населеніе Малороссіи отнюдь не считало себя входящимъ въ составъ великаго царства, къ которому оно присоединилось при гетманѣ Богданѣ Хмельницкомъ. Разнорѣчія были національнаго, сословнаго и вѣроисповѣднаго свойства; мѣстное управленіе пользовалось большою автономіею. Гетманъ чувствовалъ себя связаннымъ послушаніемъ волѣ царю лишь на вассальныхъ основаніяхъ, и часто политическіе взгляды и личныя выгоды гетмана противорѣчили взглядамъ царскимъ. Не было недостатка и во внутреннихъ неурядицахъ, во враждѣ отдѣльныхъ соперничествующихъ партій. Демократическій казацкій элементъ, находившій себѣ опорный пунктъ въ Запорожской Сѣчи, противодѣйствовалъ монархически-бюрократическому стремленію гетмана; горожане и солдаты враждовали между собою; было много сторонниковъ Польши; всегда было много охотниковъ подкрѣпить осуществленіе своихъ интересовъ союзомъ съ крымскимъ ханомъ. Получа-

---

[1]) Устряловъ, IV, 2, 593.

лась поэтому постоянная неурядица и междоусобица, почти анархія, устранить которую власть гетмана не всегда была въ состояніи [2]). Естественно, возникало опасеніе, чтобы при такихъ условіяхъ не утратить Малороссіи. Еще въ XVII в. вслѣдъ за Богданомъ Хмѣльницкимъ часто возникали случаи убѣждаться о «шаткости и непостоянствѣ» Малороссіи. Удивительнымъ кажется, что русское правительство, на основаніи доноса, устранило преданнаго Москвѣ гетмана Самойловича, между тѣмъ какъ гетманы Выговскій и Брюховецкій, очень сомнительные ея сторонники, продолжительное время пользовались полнымъ довѣріемъ. Тоже было и съ Мазепою. Ни одинъ гетманъ не пользовался такимъ почетомъ въ Москвѣ. Онъ не безъ основанія считался весьма способнымъ; но было гораздо меньше основаній полагаться на его вѣрность, какъ это, впрочемъ, часто случалось.

Иванъ Степановичъ Мазепа.

Доносы на Мазепу бывали и раньше, но Петръ не придавалъ имъ никакого значенія. Какъ долго измѣнническому вассалу будетъ выгодно показывать вѣрность царю?

Положеніе Мазепы было очень трудное. Малороссія лишь съ крайнимъ неудовольствіемъ несла тягости войны. Ежеминутно въ ней могло, безъ всякой иниціативы гетмана, вспыхнуть возстаніе. Въ концѣ-концовъ, передъ нимъ возникала задача о вѣроятности побѣды; съ приближеніемъ Карла XII, все настоятельнѣе требовалось рѣшить, кто побѣдитъ: царь или шведскій король? И мѣриломъ той крупной игры, которую въ эту минуту велъ Петръ, можетъ именно служить, что хладнокровный, безстрастный, только о своихъ собственныхъ выгодахъ заботящійся гетманъ сдѣлалъ невѣроятную ошибку, предположивъ, что будущее принадлежитъ не царю. Онъ послѣдовалъ ошибочному разсчету и явился измѣнникомъ Россіи, но собственно его образъ дѣйствій нельзя считать болѣе безнравственнымъ, чѣмъ союзъ, который два года спустя Петръ заключилъ съ молдаванскимъ

[2]) Соловьевъ, (XV, 273) считается однимъ изъ лучшихъ изслѣдователей этого періода русской исторіи.

господаремъ Кантеміромъ противъ турецкаго султана. Свою полную приключеній жизнь Мазепа закончилъ поступкомъ, который, при иномъ исходѣ Полтавской битвы, считался-бы, по всей вѣроятности, актомъ высшей политической мудрости, геройскимъ подвигомъ, освобожденіемъ Малороссіи отъ ига, тогда ниже стоявшаго въ культурномъ развитіи московскаго царства. Нѣкогда рабъ Польши, потомъ подданный султана, затѣмъ вассалъ царя, Мазепа стремился союзомъ съ Карломъ къ самостоятельности и независимости, когда событія показали ему, что развитіе большихъ политическихъ единицъ не проходитъ безнаказанно и безъ опасности для меньшихъ политическихъ общеній, обреченныхъ на роль спутниковъ болѣе крупныхъ величинъ. Находчивый государственный дѣятель, опытный въ постоянномъ лавированіи между Россіею, Польшею и Турціею, а такъ же между различными враждебными элементами самой Малороссіи, рѣшился пуститься съ своею государственною ладьею въ открытое море высшей политики. Не удивительно, что во время такой страшной бури, какою явилось столкновеніе Карла XII и Петра, даже опытное кормчество не устранило Мазепы отъ крушенія. Мазепа не имѣетъ никакой высокой идеи, только мелочные интересы; поэтому его гибель не имѣетъ ничего трагическаго. Ошибочность разсчета должна быть поставлена ему въ заслугу. Дѣйствительно, кто могъ тогда предполагать, что Полтавская битва укрѣпитъ творепіе Петра, спасетъ его роль въ исторіи и всю будущность Россіи.

Многіе, вслѣдъ за избраніемъ Мазепы, считали его ненадежнымъ и способнымъ на измѣну. Въ 1689—1692 годахъ, какъ это теперь документально подтверждается, онъ велъ тайныя сношенія съ Польшею [3]). Польскія подстрекательства въ Малороссіи не прекращались ни на одну минуту. Въ этой странѣ постоянно находились польскіе эмисары, и нерѣдко въ Польшѣ принимались депутаціи недовольныхъ [4]). Однородныя отношенія существовали у мятежныхъ казаковъ и съ крымскимъ ханомъ [5]). Въ нѣсколькихъ случаяхъ личность Мазепы сильно замѣшана [6]). Между тѣмъ онъ энергично выступаетъ противъ враговъ царя, выдаетъ виноватыхъ, сообщалъ въ Москву о дѣлаемыхъ ему предложеніяхъ и старался казаться честнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ былъ въ дѣйствительности.

Когда въ 1705 г. Мазепа сталъ съ своими войсками въ лагерѣ подъ Замостьемъ, къ нему явился посланный отъ Станислава Лещинскаго

---

[3]) Устряловъ, II, 369—370, 475—486.

[4]) См. у Соловьева, XIV, 162—175.

[5]) Тамъ-же, 181.

[6]) Тамъ-же 367.

и отъ имени короля дѣлалъ ему различныя предложенія. Мазепа велѣлъ схватить этого человѣка, пытать и отослалъ Петру письмо польскаго короля, замѣтивъ при этомъ, что это уже четвертая попытка въ томъ же родѣ. Сначала его уговаривалъ отложиться отъ Москвы Янъ Собѣсскій, потомъ крымскій ханъ, затѣмъ къ возмущенію противъ Петра его подбивали бѣжавшіе на Донъ раскольники; теперь съ такими же предложеніями явились король шведскій и отъ «псевдо-короля» польскаго. Онъ говорилъ, что желаетъ только быть вѣрнымъ Петру. Нѣсколько позднѣе онъ вошелъ въ сношеніе съ недовольными въ Малороссіи, говоря, что онъ былъ бы дуракомъ, если бы онъ отказался отъ предложеній Станислава Лещинскаго. Потомъ начались его сношенія съ предпріимчивою полькою, княгинею Дольскою, старавшеюся склонить его къ отпаденію отъ Россіи; съ нею онъ состоялъ въ шифрованной перепискѣ. Здѣсь такъ же мы видимъ и раньше нерѣдко повторявшуюся двойную игру. То онъ отказывается отъ предложеній агитаторши, то идетъ на встрѣчу ея планамъ. Въ 1706 г. онъ прекратилъ всѣ сношенія и объявилъ, что хочетъ оставаться вѣрнымъ Петру. Но вслѣдъ за этимъ онъ получилъ еще одно письмо отъ Дольской, которая предубѣждала его отъ мести Меншикова. Она будто-бы узнала изъ достовѣрнаго источника, что Меншиковъ, во чтобы то ни стало, желаетъ быть малороссійскимъ гетманомъ. Это сообщеніе переполнило чашу, и онъ пересталъ колебаться, не сомнѣваясь въ угрожавшей опасности и не желая сдѣлаться жертвою честолюбія царскаго любимца. Онъ поблагодарилъ Дольскую за сообщеніе. Между Мазепою и Меншиковымъ дѣйствительно существовали несогласія.

Къ этому времени недовольство царскимъ правительствомъ въ Малороссіи достигло высшей степени. Постройка крѣпости у Кіева, постоянные рекрутскіе наборы, безконечные налоги, нарушеніе военной автономіи казаковъ вызывали гнѣвъ у сотоварищей Мазепы. Онъ ежедневно слышалъ жалобы и угрозы, а нѣкоторые полковники настойчиво уговаривали его освободить родину отъ Москвы, какъ это сдѣлалъ Хмѣльницкій въ отношеніи Польши. Но Мазепа хранилъ свои планы въ тишинѣ и выжидалъ. Онъ принималъ участіе въ военныхъ совѣтахъ съ царемъ, видѣлся съ нимъ, но въ Малороссіи ходили слухи о собственныхъ глубокихъ обидахъ гетмана на оскорбленія и своеволіе Меншикова.

Когда, наконецъ, къ Мазепѣ прибылъ іезуитъ Заленскій съ предложеніями отъ имени Карла и Станислава Лещинскаго присоединиться къ нимъ противъ царя, онъ не выдалъ этого посредника царю, но продолжалъ свое выжидательное положеніе.

16-го сентября 1707 г. онъ получилъ въ Кіевѣ, вмѣстѣ съ письмомъ княгини Дольской, и письмо отъ польскаго короля, и снова заколебался, не открыть-ли все это царю. Но послѣ проведенной въ глубокихъ размышленіяхъ ночи, онъ рѣшился отложиться отъ царя. Въ присутствіи своего писаря Орлика[7]) принесъ онъ присягу, что дѣлаетъ это для освобожденія Малороссіи отъ Москвы. Орликъ на это замѣтилъ: «ежели викторія будетъ при шведахъ, то вельможность ваша и всѣ мы счастливы, а ежели при царѣ, то и мы пропадемъ, и народъ погубимъ». Мазепа отвѣтилъ: «яица курицу не учатъ! Или я дуракъ, прежде времени отступить, пока не увижу крайней нужды, когда царь не будетъ въ состояніи не только Украйны, но и государства своего отъ потенціи шведской оборонить». Онъ, какъ видно, оставлялъ еще за собою нѣкоторую свободу дѣйствій. Лещинскому онъ отвѣчалъ, что не можетъ сейчасъ предпринять ничего рѣшительнаго, за нимъ строго слѣдятъ; онъ обѣщалъ, однако, ничего не предпринимать противнаго шведскимъ и польскимъ интересамъ.

Отношенія Мазепы къ Лещинскому не могли оставаться тайными. Генеральный судья Кочубей, дочь котораго находилась въ близкихъ сношеніяхъ съ Мазепою, рѣшился погубить гетмана.

Въ сентябрѣ 1707 г. въ Преображенскій приказъ явился одинъ монахъ, который, по порученію Кочубея, личнаго врага Мазепы, донесъ о рѣшеніи гетмана измѣнить. Но это дѣло не имѣло никакихъ послѣдствій; повидимому, доносу не придали никакого значенія. Въ началѣ 1708 г. Кочубей послалъ второго вѣстника, бывшаго полковника Искру, съ точнымъ обозначеніемъ предательскихъ замысловъ Мазепы: онъ хочетъ царя или убить, или выдать врагу, и соединиться съ Станиславомъ Лещинскимъ.

Началось разслѣдованіе. Но Петръ былъ такъ убѣжденъ въ вѣрности Мазепы, что онъ его самого извѣстилъ о поступившемъ на него доносѣ, называя доносчиковъ государственными преступниками. Мазепѣ было поручено ихъ схватить, а потомъ ихъ отправили въ Витебскъ на судъ Головкину и Шафирову. Кочубей очень подробно изложилъ свои показанія въ 24 пунктахъ и вмѣстѣ съ тѣмъ представилъ длинную бумагу, написанную будто бы гетманомъ, въ которой описывались несчастное положеніе Малороссіи и тяготы московскаго гнета.—Доносчиковъ пытали, они не выдержали пытки и отказались отъ своихъ показаній. Отправленные затѣмъ въ Кіевъ они были казнены въ небольшомъ сосѣднемъ мѣстечкѣ[8]).

Непоколебимое довѣріе царя къ Мазепѣ и дикіе пріемы пытокъ тогдаш-

[7]) Орликъ писалъ объ этомъ всемъ Стефану Яворскому. (Соловьевъ, XV, 40)

[8]) Тамъ-же, XV, 259—324.

няго уголовнаго процесса, которые, вмѣсто выясненія правды, часто только подтверждали ложь,—помѣшали гибели Мазепы, и онъ попрежнему имѣлъ полную свободу дѣйствій.

Къ концу лѣта Карлъ XII вступилъ въ Малороссію, съ намѣреніемъ поднять ее противъ Москвы, и Мазепѣ пришлось открыто дѣлать выборъ. Шведскій генералъ Левенгауптъ именемъ короля обратился къ мѣстному населенію съ манифестомъ, въ которомъ проповѣдывалось отложеніе отъ царя для освобожденія отъ непосильнаго ига [9]).

Мазепа былъ очень удрученъ приближеніемъ шведскаго войска. «Дьяволъ его сюда несетъ» воскликнулъ Мазепа, узнавъ планы Карла XII. «всѣ мои интересы превратитъ и войска великороссійскія за собою внутрь Украйны впровадитъ на послѣднюю оной руину и на нашу погибель».

Василій Леонтьевичъ Кочубей.

Петръ продолжалъ довѣрять Мазепѣ исполненіе различныхъ порученій; онъ долженъ былъ, между прочимъ, наблюдать, чтобы никто не поддерживалъ сношеній съ врагомъ; царь приглашалъ гетмана въ свою главную квартиру, отъ чего Мазепа отказался подъ предлогомъ болѣзни; онъ не въ состояніи ѣздить верхомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ повторялъ увѣренія вѣрности и преданности, а одновременно обсуждалъ съ своими приближенными, слѣдуетъ-ли исполнять приказанія Петра, или нѣтъ. Когда заходила рѣчь тотчасъ послать къ Карлу XII и дѣйствовать только по соглашенію съ нимъ, гетманъ настаивалъ, чтобы ему одному самостоятельно опредѣлить время для подобнаго шага, и указывалъ на обращенный къ казакамъ шведскій манифестъ.

Въ письмахъ къ царю и Меншикову Мазепа говорилъ о различныхъ военныхъ соображеніяхъ, жаловался на недостатокъ средствъ, оправдывалъ неисполненіе царскихъ приказаній тяжкою болѣзнью и обѣщалъ сдѣлать все, чтобы въ Украйнѣ устранить всякую мысль объ измѣнѣ.

---

[9]) Мазуркевичъ напечаталъ этотъ манифестъ въ „Русск. Стар.“ XVI, 172.

Меншиковъ приглашалъ гетмана на общій совѣтъ. Мазепа подумалъ, что его хотятъ туда заманить и задержать. Онъ отвѣчалъ, что боленъ при смерти, а въ своемъ приближенномъ кругу объявилъ, что теперь насталъ моментъ рѣшительно высказаться въ пользу Карла XII. Особый вѣстникъ былъ отправленъ съ этимъ рѣшеніемъ къ королю. Мазепа просилъ о заступничествѣ Карла, высказывалъ свою радость по поводу приближенія шведовъ, предлагалъ имъ свое содѣйствіе, съ цѣлью свергнуть московское иго, и выставлялъ на видъ, что требуется возможно скорое движеніе войскъ. Это все происходило осенью 1708 г.

Тѣмъ временемъ Меншиковъ отправился самъ въ Украйну. Его заботило извѣстіе объ опасной болѣзни Мазепы, и онъ хотѣлъ съ нимъ повидаться. Вмѣсто съ нетерпѣніемъ ожидавшихся шведовъ, которые 22-го октября должны были явиться на берегахъ Десны, пришла вѣсть о предстоящемъ прибытіи Меншикова. Мазепа тотчасъ отправился въ Батуринъ, а оттуда черезъ Десну въ шведскій лагерь. Здѣсь онъ далъ присягу, что для общаго добра цѣлой отчизны и войска запорожскаго принялъ протекцію короля шведскаго; вмѣстѣ съ нимъ присягнули и всѣ прибывшіе съ нимъ.

Меншиковъ, тотчасъ по прибытіи, узналъ объ отъѣздѣ гетмана; онъ послѣдовалъ за нимъ до Десны и убѣдился въ измѣнѣ Мазепы. 26-го октября 1708 г. онъ писалъ царю, что теперь необходимо обнадеживающими манифестами воздѣйствовать на простой народъ, указывалъ на измѣну гетмана, а его приверженцевъ преслѣдовать. При этомъ Меншиковъ свидѣтельствовалъ о вѣрности и преданности воинныхъ людей.

Петръ былъ крайне изумленъ; въ отвѣтномъ письмѣ къ Меншикову онъ признавался, что никогда не «чаялъ злого случая измѣны гетманской». Къ народу онъ дѣйствительно обратился съ манифестомъ, въ которомъ говорилось о различныхъ милостяхъ, а притѣсненія и всѣ дѣйствія Мазепы были выставлены въ самомъ черномъ цвѣтѣ. Апраксину царь писалъ, что измѣна Мазепы была бы большимъ несчастіемъ,—его самого онъ называлъ Іудою,—но что у него мало сторонниковъ, и народъ остался вѣрнымъ.

Съ своей стороны, и Мазепа обратился съ открытымъ посланіемъ къ одному изъ наиболѣе вліятельныхъ полковниковъ; онъ говорилъ, что московское правительство всѣ права и вольности войска попирало ногами; онъ указывалъ, какое рабство и тиранія и какое опустошеніе ожидаютъ Малороссію отъ царя; онъ хвалилъ Карла XII, защитника всѣхъ утѣсненныхъ, который подтвердилъ всѣ вольности малороссіянъ и ихъ еще расши-

ритъ; поэтому должно нападать на царское войско и не допустить, чтобы Батуринъ—этотъ центръ войска—попался въ московскія руки.

Но случилось именно то, чего опасался Мазепа. Не даромъ цѣнилъ Петръ энергію и распорядительность Меншикова. Онъ поручилъ ему поспѣшить занятіемъ Батурина, и 31-го октября Меншиковъ подошелъ уже къ стѣнамъ этого города. Гарнизонъ не захотѣлъ сдаться русскимъ до избранія другого гетмана; переговоры ни къ чему не привели. Крѣпость взята штурмомъ, а городъ весь сравненъ съ землею. Этимъ была устранена всякая возможность возстанія въ пользу Карла XII и Мазепы. Немногочисленные сторонники измѣнника-гетмана были во власти русскихъ, а также и большіе денежные и военные запасы, которые Мазепа собралъ въ Батуринѣ. Но еще печальнѣе были для Мазепы нравственныя послѣдствія этихъ дѣйствій Меншикова. Два дня пути отдѣляли Батуринъ отъ шведовъ, и для царя было громаднымъ успѣхомъ, что ему удалось подавить внутренняго врага до ихъ появленія. Теперь приходилось имѣть дѣло только съ однимъ противникомъ. Послѣ взятія Батурина нѣсколько главарей ослушниковъ были казнены [10]).

Мазепа тогда сталъ утверждать, что онъ перешелъ въ шведскій лагерь, чтобы выступить мирнымъ посредникомъ между Карломъ и Петромъ и предупредить безполезное кровопролитіе; ссылаясь на автономію и самостоятельность Малороссіи, онъ говорилъ, что она сама можетъ избрать себѣ государя. Но, очевидно, что послѣ взятія Батурина, его миролюбивая миссія не могла имѣть никакого успѣха.

Петръ дѣйствовалъ быстро, рѣшительно. Въ Глуховѣ онъ распорядился немедленнымъ избраніемъ новаго гетмана, это былъ полковникъ Скоропадскій; въ Глуховъ прибыли кіевскій митрополитъ съ двумя архіереями и торжественно предали Мазепу проклятію. Объ этомъ было также оповѣщено народу, и въ Москвѣ Стефанъ Яворскій въ особомъ поученіи говорилъ объ измѣнникѣ Мазепѣ.

Запорожскимъ казакамъ тоже былъ посланъ царемъ манифестъ съ различными обѣщаніями и съ милостями; въ немъ говорилось о притѣсненіяхъ шведовъ, которые убиваютъ военноплѣнныхъ, насилуютъ женщинъ и дѣтей, обманно обѣщая разныя привиллегіи, они имѣютъ цѣлью насильно обратить всѣхъ казаковъ въ лютеранство.

Обѣ стороны старались подѣйствовать на религіозный фанатизмъ населенія. Петръ называлъ шведскаго короля отверженнымъ еретикомъ, а

---

[10]) Соловьевъ, XV, до стр. 341.—Перри говоритъ о казняхъ.

Карлъ въ своихъ манифестахъ старался доказать, что Петръ имѣетъ цѣлью ввести въ Малороссіи католическую пропаганду; онъ будто бы, сносится постоянно съ папою и хочетъ поручить все школьное дѣло іезуитамъ.

Военныя дѣйствія начались во время сильныхъ зимнихъ морозовъ. Петръ старался избѣжать сраженія. Онъ, однако, писалъ Апраксину, что не думаетъ, чтобы «безъ генеральной баталіи сія зима прошла, а сія игра въ Божьихъ рукахъ, и кто вѣдаетъ, кому счастье будетъ?»

Царь находился въ постоянныхъ заботахъ. Онъ спѣшилъ въ Воронежъ и Азовъ, и на югъ, чтобы принять мѣры, по случаю, еслибы турки желали воспользоваться нашествіемъ шведовъ и напасть на русскихъ.

Шведы тѣмъ временемъ взяли, въ началѣ 1709 г., укрѣпленіе Веприкъ, и многіе полагали, что Карлъ направиться на Воронежъ. Частыя стычки между русскими и шведами шли съ перемѣннымъ счастьемъ. Сильные морозы неблагопріятно дѣйствовали на шведское войско и причиняли ему большія потери.

О сомнительномъ положеніи Мазепы и о равенствѣ военныхъ шансовъ обѣихъ сторонъ можно судить по слѣдующему обстоятельству: въ послѣдніе дни 1708 г. Мазепа сдѣлалъ новую попытку сойтись съ царемъ; въ качествѣ его уполномоченнаго явился въ русскій лагерь одинъ изъ злѣйшихъ враговъ Россіи, Данило Апостолъ, съ словеснымъ заявленіемъ, что Мазепа готовъ предать царю Карла XII и всѣхъ выдающихся шведскихъ генераловъ, если Петръ обѣщаетъ ему милость и возвращеніе гетманскаго достоинства, въ чемъ должны поручиться нѣкоторыя европейскія державы. Петръ былъ склоненъ согласиться на это предложеніе и поручилъ вести переговоры съ Апостоломъ. Головкинъ написалъ Мазепѣ письмо съ обѣщаніемъ прощенія и большихъ милостей. Но вслѣдъ за тѣмъ русскимъ стали извѣстны письма Мазепы, касающіяся переговоровъ со Станиславомъ Лещинскимъ; изъ нихъ выяснилось, что на бывшаго гетмана нельзя разсчитывать. Петръ прервалъ переговоры и въ одномъ манифестѣ объявилъ подробности предположеній Мазепы предать Украйну Польшѣ [11]).

Царь могъ быть доволенъ настроеніемъ Малороссіи; онъ съ похвалою говорилъ объ этомъ въ своихъ письмахъ къ московскимъ друзьямъ. Только запорожскіе казаки казались ненадежными. Царскіе эмиссары, явившіеся къ нимъ съ деньгами и обѣщаніями, не могли добиться отъ нихъ благопріятныхъ результатовъ. Они требовали новыхъ привиллегій; затѣмъ

[11]) Соловьевъ, XV, 360—362.

выяснились ихъ измѣнническія сношенія съ Мазепою и нѣкоторые другіе признаки ихъ непріязненнаго отношенія. Въ мартѣ казаки рѣшительно высказались, что становятся «на Мазепину сторону». Примѣръ ихъ могъ дурно повліять на остальное населеніе Малороссіи; требовалось дѣйствовать энергично. Противъ нихъ были посланы войска, и «бунтовщики» были разбиты, а Сѣчь послѣ нѣсколькихъ недѣль осады взята приступомъ; съ обѣихъ сторонъ дрались отчаянно. Меншиковъ доносилъ царю, что велѣлъ казнить всѣхъ оставшихся въ живыхъ, а самую Сѣчь, какъ «измѣнническое гнѣздо», сравнялъ съ землею. Петръ горячо благодарилъ Меншикова за разореніе «проклятаго мѣста, которое корень злу и надеждъ непріятелю было».

Данилъ Павловичъ Апостолъ.

Въ Малороссіи было возстановлено спокойствіе. Слабый бунтъ Мазепы былъ подавленъ. О присоединеніи обратно къ Польшѣ не было больше рѣчи. Также и объявленія войны турками и татарами, котораго опасались, не послѣдовало. Противъ царя стоялъ одинъ только непобѣдимый Карлъ, но безъ другихъ союзниковъ. Но «генеральная баталія», о которой говорилъ Петръ, должна была произойти только лѣтомъ.

Петръ долгое время пробылъ въ Азовѣ, онъ заболѣлъ и долженъ былъ предпринять продолжительное леченіе. Въ маѣ 1709 г. онъ писалъ, что леченіе помогаетъ, и что онъ надѣется вскорѣ явиться къ арміи, хотя и чувствуетъ себя слабымъ, какъ ребенокъ.

Шведы приступили къ осадѣ Полтавы. Меншиковъ поспѣшилъ на помощь городу. Петръ изъ Азова дѣлалъ свои распоряженія, обѣ непріятельскія арміи расположились (въ половинѣ мая 1709 г.) одна противъ другой подъ Полтавою. Происходили небольшія стычки. Меншиковъ писалъ царю, что съ нетерпѣніемъ ожидаетъ его пріѣзда, а тѣмъ временемъ старается уклониться отъ битвы. Въ концѣ мая Петръ выѣхалъ изъ Азова и 31 іюня прибылъ въ армію [12]).

---

[12]) Тамъ-же XV, 368—370.

ГЛАВА VIII.

Полтава.

Въ письмѣ отъ 7 іюня Петръ писалъ Апраксину, что не можетъ отвѣчать ему подробно, такъ какъ «сошлись мы близко съ сосѣдями и съ помощью Божьей будемъ, конечно, въ семъ мѣсяцѣ, главное дѣло съ ними имѣть» [1]).

Петръ, наконецъ, сознавалъ себя готовымъ къ рѣшительному дѣйствію, послѣ того какъ въ продолженіе многихъ лѣтъ онъ прилагалъ всѣ усилія, чтобы отъ этого уклониться. Со времени Нарвской битвы прошло почти девять лѣтъ. Русскіе многому научились и медленно приближались къ цѣли. Даже Петръ самъ стоялъ за иниціативу дѣйствій, его военное мужество послѣ нарвскаго пораженія постепенно возросло. Со ступеньки на ступеньку подпималась военная опытность русскихъ и самаго царя. Петръ вполнѣ ясно сознавалъ значеніе момента, который долженъ былъ рѣшить, на долю кого выпадетъ военное счастье.

Повидимому, нѣтъ достаточныхъ основаній сказать тоже и про Карла. Онъ слишкомъ обезцѣнивалъ русскихъ и слишкомъ высоко ставилъ своихъ, медлилъ больше, чѣмъ слѣдовало, и точно не отдалъ себѣ отчета, что для него и для всей Швеціи также ставилось все на карту, какъ и для Петра и Россіи.

Надо еще замѣтить, что въ то время, какъ стороною русскихъ руководила одна воля, одна мысль,—въ шведскомъ лагерѣ было разногласіе между военными побужденіями короля и мирными стремленіями войска. Генералы Карла далеко не раздѣляли его увѣренности въ побѣдоносномъ исходѣ сраженія. Въ то время какъ Петръ, при всѣхъ трудахъ и опасностяхъ войны, учился править и царствовать и старался перестроить государство изнутри, Карлъ сдѣлался чуждымъ Швеціи и перешелъ на роль

---

[1]) Saraauw, о Полтавской битвѣ. 261.

ищущаго подвиговъ и приключеній кондотьери. Годы войны придавали Петру опытность, а у Карла притупляли проявленіе его государственныхъ способностей. Какъ полководецъ, король стоялъ неизмѣримо выше царя, но представляется въ роли странствующаго рыцаря, ежеминутно ставящаго все на карту, даже по пустяшному поводу, если сравнить его съ геніальнымъ политикомъ-царемъ, который, отрѣшившись отъ юношескихъ ошибокъ, вызвавшихъ нарвскую незадачу, сталъ стремиться впередъ медленно, преодолѣвая всѣ препятствія, но никогда не упуская изъ виду своей завѣтной цѣли, и теперь видѣвшій приближеніе развязки послѣ долгой предварительной подготовки. Какъ баловню слѣпого счастья, предстояло теперь Карлу испытать превратность судьбы, тогда какъ Петръ получалъ плоды продолжительной, послѣдовательно и систематично проведенной работы.

До самаго послѣдняго момента руководящимъ началомъ въ русскомъ лагерѣ была величайшая осторожность дѣйствій. Составился даже военный совѣтъ, чтобы опредѣлить, какимъ образомъ занять Полтаву, «безъ генеральной баталіи». Было рѣшено дѣйствовать посредствомъ быстро сооружаемыхъ шанцевыхъ работъ и подъ ихъ прикрытіемъ приблизиться къ городу. Съ осажденными сношенія происходили посредствомъ писемъ, присылаемыхъ, съ помощью пустыхъ бомбъ, которыя въ обоихъ направленіяхъ перелетали черезъ лагерь осаждающихъ шведовъ. Такимъ образомъ было узнано, что въ Полтавѣ ощущается недостатокъ припасовъ, что осадныя работы шведовъ подвигаются впередъ и подготовляютъ взятіе города. Тогда въ русской главной квартирѣ было рѣшено дать рѣшительное сраженіе. Русскія войска двинулись впередъ и заняли такое положеніе, въ которомъ они не могли быть принуждены непріятелемъ къ бою, прежде чѣмъ ими окончатся необходимые ретраншементы.

Затѣмъ узнали, что Карлъ раненъ. При рекогносцировкѣ русской позиціи онъ слишкомъ приблизился и былъ раненъ выстрѣломъ въ ногу.

27 іюня началась битва наступленіемъ шведовъ на русскую конницу, которая отступила, и взятіемъ ими двухъ редутовъ. Вслѣдъ затѣмъ бой загорѣлся по всей линіи: шляпа и сѣдло Петра были прострѣлены; носилки, въ которыхъ передвигался раненый Карлъ, были разбиты ядромъ. Черезъ два часа опредѣлился исходъ. Шведы бѣжали въ самомъ большомъ безпорядкѣ; деморализація и разстройство войска, считавшагося образцовымъ, было безпредѣльно.

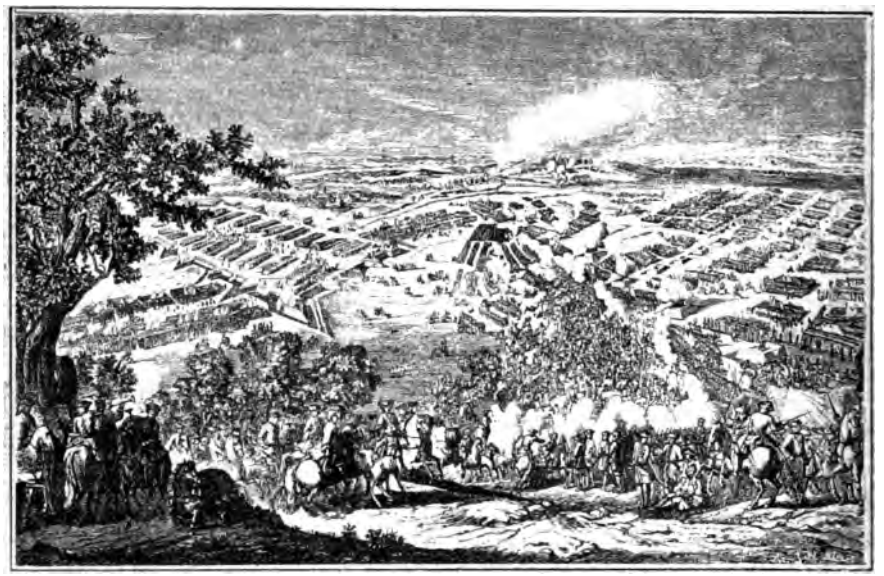
Въ краткихъ чертахъ Петръ потомъ самъ въ «Исторіи свейской войны» изложилъ весь ходъ битвы [2]).

---

[2]) Устряловъ, I, 322. — „Русск. Стар." XXV, 252, письмо Петра къ Толстому.

Много разъ повторялось, что послѣ битвы Петръ пригласилъ къ своему столу плѣнныхъ шведскихъ генераловъ и пилъ за здоровье своихъ учителей. Учебные годы, начавшіеся въ московской нѣмецкой слободѣ, въ извѣстномъ отношеніи приводили теперь къ положительнымъ результатамъ.

Въ первомъ опьяненіи побѣды не были приняты всѣ мѣры къ преслѣдованію бѣжавшаго непріятеля. Только на слѣдующее утро пустился Меншиковъ по направленію Днѣпра, въ погоню за шведами. 30-го іюня

Бой при Полтавѣ. I. — Начало сраженія 27 іюня 1709 года. (Съ современной гравюры).

Карлъ съ своими приверженцами переправился черезъ эту рѣку; въ м. Переволочнѣ едва успѣли соединить двѣ лодки, чтобы поставить на нихъ коляску короля и спасти хоть его самого. Нашелся еще челнокъ, въ которомъ переправился Мазепа съ двумя наполненными червонцами мѣшками. Запорожскіе казаки умѣло перевезли бѣглецовъ на ту сторону. Но изъ всего войска только малая часть очутилась на другомъ берегу. Не было никакого обоза. Многіе потонули въ рѣкѣ. Большая часть шведской арміи осталась на лѣвомъ берегу подъ номинальнымъ начальствомъ Левенгаупта; дисциплина совершенно отсутствовала. На слѣдующій день раннимъ утромъ шведы увидали приближавшагося съ конницею Меншикова, и между ними быстро распространился слухъ, что русскихъ до

30.000 человѣкъ. Левенгауптъ сдался на капитуляцію. Это событіе можетъ быть поставлено на ряду съ капитуляціями Саратоги, Іорктоуна, съ Пирною и Седаномъ [3]).

«И тако»,—писалъ Петръ,—«Божьею помощью, вся непріятельская, такъ въ свѣтѣ славная армія, (которая бытіемъ въ Саксоніи не малый страхъ въ Европѣ причинила) къ государю россійскому въ руки досталась». При Полтавѣ и на Днѣпрѣ взято было въ плѣнъ до 1.200 офицеровъ и 17.000 солдатъ.

Бой при Полтавѣ. II.—Конечное разбитіе шведской арміи близъ Переволочны, 30 іюня 1709 года. (Съ современной гравюры).

Радостно сообщалъ Петръ объ этой побѣдѣ Ромодановскому и другимъ друзьямъ. Онъ называетъ ее «Преславною викторіею». Армія шведская, по выраженію царя, получила конецъ подобный тому, который постигъ Фаетона. Въ письмѣ къ Апраксину мы встрѣчаемъ знаменательныя слова, что теперь положено настоящее основаніе Петербургу [4]).

---

[3]) Sarauw, 273, полагаетъ, что шведская армія погибла бы и безъ полтавской битвы, явившейся только внѣшнимъ выраженіемъ общаго разстройства.

[4]) Поздравляя Ромодановскаго, Петръ также говоритъ, что „нынѣ уже безъ сумнѣнія желаніе вашего величества еже резиденцію вамъ имѣть въ Петербурхѣ, совершилось чрезъ сей упадокъ конечный непріятеля".

Петръ называлъ Ромодановскаго кесаремъ, чѣмъ и объясняется титулъ „величества". (*Прим. перев.*).

Также точно относся къ этой побѣдѣ и Курбатовъ. Онъ выражалъ свою радость, что царь осуществилъ свое давнишнее желаніе стать твердою ногою на «Варяжскомъ» морѣ. Онъ выражалъ также надежду, что теперь вскорѣ будетъ заключенъ миръ [5]).

Царь щедро раздавалъ награды. Меншиковъ былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ, самъ Петръ, числившійся до этого времени полковникомъ, принялъ чинъ сухопутный — генералъ-лейтенанта, а на морѣ вице-адмирала.

Не было недостатка и въ разныхъ торжествахъ. Пиры и празднества продолжались нѣсколько дней, которые въ Москвѣ устроилъ царевичъ Алексѣй Петровичъ. Въ старой столицѣ цѣлую недѣлю раздавался церковный трезвонъ; улицы были иллюминованы, народу устроены безплатныя угощенія.

Послѣ нарвскаго пораженія въ Западной Европѣ царя вышучивали и высмѣивали; теперь-же Петръ однимъ ударомъ получилъ въ Европѣ выдающееся значеніе. Тотъ-же самый Лейбницъ, который выражалъ желаніе, чтобы Карлъ парилъ отъ Москвы до Амура, писалъ теперь, что полтавская побѣда навсегда останется памятною и поучительною для грядущихъ поколѣній, онъ отъ очевидцевъ слышалъ, что русскія войска совершали подвиги, и что въ Европѣ врядъ-ли есть лучшее войско; онъ полагаетъ, что царь теперь обрѣтетъ общее уваженіе, сосредоточитъ на себѣ вниманіе всѣхъ и станетъ играть большую роль въ политикѣ. Трудно повѣрить, добавляетъ Лейбницъ, какъ удивитъ всѣхъ «переворотъ на сѣверѣ». Но и Лейбницъ былъ вынужденъ приписать полтавскую побѣду внутреннимъ преобразованіямъ царя. Онъ добавляетъ, что «было принято считать царя страшнымъ для всей Европы и приравнивать его къ сѣверному турку. Но кто же можетъ помѣшать ему просвѣщать своихъ подданныхъ и дѣлать ихъ боеспособными? Qui suo jure utitur, nemini facit injuriam, кто пользуется своимъ правомъ, никому не дѣлаетъ несправедливости. Что до меня касается, то, видя всегда пользу для человѣчества, я радуюсь, что столь обширное царство вступило на путь порядка и знанія, и я вижу въ царѣ лицо, котораго Богъ предопредѣлилъ къ великимъ дѣламъ. Царь пріобрѣлъ хорошее войско; я не сомнѣваюсь, что онъ съ пользою приложитъ выдающіеся заграничные успѣхи, и я былъ бы въ восторгѣ, если бы могъ содѣйствовать процвѣтанію наукъ въ его государствѣ. Я того мнѣнія, что и въ этомъ отношеніи онъ можетъ сдѣлать больше, чѣмъ уже сдѣлали другіе государи [6]). Съ дипломатиче-

[5]) Соловьевъ, XV, 381.

[6]) Геррье.– Лейбницъ, 80—82.

скимъ агентомъ Петра въ Вѣнѣ, барономъ Ю|бихомъ, Лейбницъ переписывался о медали въ честь полтавской побѣды и о надписи для нея [7]).

Въ кружкахъ тѣхъ иностранцевъ, которые являлись непосредственными сотрудниками царя въ самой Россіи, теперь ощущалась увѣренность, что съ полтавскою побѣдою обезпечивается благополучный исходъ всей внутренней преобразовательной работы. Англичанинъ Джонъ Перри по-

Драбанты Карла XII.

дробно описываетъ тѣ послѣдствія, которыя могли-бы случиться, если бы не Петръ, а Карлъ XII былъ побѣдителемъ при Полтавѣ; онъ не подвергаетъ сомнѣнію, что во всемъ государствѣ ненависть противъ Петра возгорѣлась бы яркимъ пламенемъ, вспыхнуло бы общее возстаніе, и наступила бы общая реакція [8]). Соотвѣтственно этимъ свидѣтельствамъ современниковъ, которые жили и размышляли подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ потрясающаго событія. Вольтеръ называлъ полтавскую битву единственною въ всемірной исторіи, которая не разрушала, а созидала,

[7]) Тамъ-же, 87.

[8]) Перри, 43.

которая обезпечила благополучіе человѣчества и пріобщила культурѣ столь значительную часть земного шара [9]).

Еще съ 1707 г. царемъ были начаты переговоры съ Вольфенбюттельскимъ домомъ относительно женитьбы царевича. Въ особой докладной запискѣ Шлейницъ, числившійся тайнымъ совѣтникомъ герцога Антона-Ульриха, высказывалъ тогда (въ октябрѣ 1707 г.) рядъ возраженій противъ брака принцессы Шарлотты съ царевичемъ, такъ какъ положеніе Петра въ Россіи не твердо, и ему трудно будетъ заслужить значеніе въ Европѣ, потому что шведы не захотятъ заключить мира, пока они не отвоюютъ обратно всего балтійскаго побережья, а Польша, Голландія и Англія не допустятъ, чтобы Россія стала морскою державою [10]).

Однимъ ударомъ снискалъ себѣ Петръ значеніе въ Европѣ. Послѣ полтавской битвы въ Вольфенбюттелѣ для Петра оказались только похвалы; всѣ восторгались его храбростью и другими качествами. Свадебные переговоры тотчасъ пришли къ концу. Проектъ брачнаго договора былъ заготовленъ и посланъ въ Россію черезъ посредство барона Урбиха [11]).

Вмѣстѣ съ тѣмъ ганноверскій курфюрстъ заявилъ готовность отказаться отъ союза съ Швеціею и сблизиться съ Россіею [12]). Заслуживаетъ вниманія, что русскіе представители за границею заняли совершенно иное положеніе, чѣмъ раньше.

Когда Петръ изъ Полтавы отправился въ Кіевъ, а оттуда поѣхалъ въ Польшу, его привѣтствовалъ посланный Августомъ II, Фицтумъ, принесъ ему поздравленіе и передалъ приглашеніе встрѣтиться съ Августомъ въ Торнѣ (15-го августа 1709 г.). На дальнѣйшемъ пути явился посланный короля прусскаго, встрѣтившій царя въ Сольцахъ и также привезшій приглашеніе отъ Фридриха I. Въ Варшавѣ польскіе сенаторы торжественно встрѣчали царя, прославляя его и благодаря за спасеніе Польши возстановленіемъ на престолъ прежняго короля. Очень быстро окончилось правленіе Станислава Лещинскаго, бѣжавшаго въ Померанію. Въ концѣ сентября того же года Петръ встрѣтился въ Торнѣ съ Августомъ; 9-го октября былъ возстановленъ союзный договоръ между Польшею и Россіею; при этомъ не имѣлось въ виду полнаго уничтоженія Швеціи, но ограниченіе ея владѣній въ извѣстныхъ границахъ; соперники Паткуля, виновные въ его судьбѣ, должны были быть преданы суду. 20-го октября была

---

[9]) Вольтеръ, 216.

[10]) Геррье. (Лейбницъ), 82.

[11]) Guerrier. Die Kronprinzessin Charlotte von Russland. 1875, стр. 19—21.

[12]) Guerrier, Leibniz, 70.

добавлена еще секретная статья: царь обезпечивалъ Августу, какъ курфюрсту Саксонскому, наслѣдственное владѣніе «княжествомъ Лифляндскимъ» [13]).

За Петромъ всѣ ухаживали. Въ Торнѣ появился чрезвычайный датскій посланникъ фонъ-Ранцау, съ поздравленіями отъ имени короля и предложеніемъ оборонительнаго и наступательнаго союза противъ Швеціи. Въ Копенгагенѣ самъ царь выражалъ русскому дипломату Василію Лукичу Долгорукому свою радость, говоря, что одержанною побѣдою царь пріобрѣлъ себѣ и своему народу безпредѣльную славу и передъ всѣмъ міромъ засвидѣтельствовалъ, что русскіе научились вести войну. Въ Даніи послѣ

Видъ на Бастейбергъ въ Ригѣ, куда бросилъ Петръ I первыя три бомбы въ ноябрѣ 1709 года.

полтавской битвы все пришло въ движеніе; со стороны Россіи были обѣщаны ей деньги и войска; теперь Долгорукій находилъ возможнымъ съ гораздо меньшими затратами и уменьшеннымъ до одной трети вспомогательнымъ корпусомъ, удовлетворить Данію. Россія начинала расплачиваться другою монетою, чѣмъ раньше: уже не столько деньгами и солдатами, сколько нравственною силою, своею воинною славою и своимъ содѣйствіемъ [14]).

Голландія и Англія были недовольны и старались отговорить Данію и Пруссію отъ сближенія съ Россіею. Напротивъ того, секретарь французскаго посольства въ Копенгагенѣ сообщилъ Долгорукому, что Людовикъ XIV склоненъ заключить союзъ съ царемъ. Долгорукій писалъ Петру, что не нужно принимать по отношенію къ Франціи никакихъ обязательствъ, но

[13]) Соловьевъ, XV, 386.

[14]) Тамъ же, 389–391.

только показать склонность къ заключенію союза, чтобы поощрить Людовика къ продолженію войны за испанское наслѣдство и тѣмъ воздѣйствовать на Англію и Голландію. Секретарь французскаго посольства отъ имени своего правительства официально заявилъ, что король готовъ признать за царемъ всѣ сдѣланныя имъ завоеванія и помочь ему укрѣпиться на Балтійскомъ морѣ, такъ какъ въ виды короля входитъ, чтобы плавающій тамъ англійскій и голландскій флотъ былъ ослабленъ. Опять былъ посланъ въ Россію Балюзъ. Изъ относящихся къ этому дѣлу документовъ видно, что во Франціи теперь смотрѣли на царя, какъ на весьма желательнаго союзника [15]).

Вопреки всѣмъ стараніямъ англійскихъ и голландскихъ дипломатовъ, Долгорукому удалось закончить союзъ съ Даніею, не обѣщавъ ни вспомогательнаго отряда, ни денегъ. Онъ съ восторгомъ писалъ: «не далъ я ничего, ни человѣка, ни шелега»! Такъ быстро возросло послѣ Полтавы обаяніе Россіи. Непосредственно за битвою еще предлагалъ датчанамъ баронъ Урбихъ изъ Вѣны полмилліона талеровъ субсидіи. Но теперь союзъ заключался на началахъ равноправія. Петръ сталъ «значить» въ Европѣ. Договоръ былъ подписанъ 11 октября 1759 г. Король датскій долженъ былъ выступить изъ Даніи и Норвегіи, а Петръ обязывался дѣйствовать въ Финляндіи [16]).

Встрѣча съ королемъ Фридрихомъ имѣла мѣсто въ Маріенвердерѣ. Взаимныя привѣтствія были дружественны и душевны, но до союза дѣло не дошло. Фридрихъ думалъ объ осуществленіи своего излюбленнаго плана сговориться съ царемъ, а именно о раздѣлѣ Польши, но Петръ нашелъ, что это несосуществимо. По формѣ все происходило крайне сердечно,— объятія послѣ каждой фразы. Петръ подарилъ Фридриху кинжалъ [17]), но въ Пруссіи находили, что царь и его приближенные теперь полны сознанія своего измѣнившагося положенія; тамъ не разсчитывали найти царя столь гордымъ своею побѣдою, столь сознательнымъ, что онъ хозяинъ положенія [18]).

На обратномъ пути въ Россію, Петръ нѣкоторое время пробылъ подъ Ригою, подъ стѣнами которой уже стоялъ Шереметевъ съ осаднымъ войскомъ. Въ полночь на 14 ноября Петръ началъ бомбардировку, собственноручно выпустивъ первые три снаряда. Онъ писалъ объ этомъ своему

---

[15]) Сб. Ист. Общ. XXXIV, стр. XVI и 418.
[16]) Соловьевъ. XV, 392.
[17]) Guerrier, 89.
[18]) Droysen, Gesch. d. preuss. Politik. IV, I, 340.

любимцу Меншикову: «благодарю Бога, что сему проклятому мѣсту способилъ мнѣ самому отмщеніе начало учинить». Затѣмъ царь отправился въ Петербургъ, въ «святую землю», какъ онъ выражался, и положилъ первый камень сооруженной въ память полтавской битвы церкви св. Сампсона; потомъ Петръ заложилъ корабль «Полтава» и отправился въ Москву, гдѣ 21 декабря состоялось торжественное вступленіе войскъ и шведскихъ военноплѣнныхъ. На пути было сооружено семь тріумфальныхъ арокъ съ украшеніями, различными эмблемами и надписями. Картины сопровождались поясненіями. Петръ былъ изображенъ въ образѣ Феба съ аллегоріями льва и рака, что изображало нашествіе шведовъ и ихъ бѣгство. Изображеніе Ѳемиды свидѣтельствовало, что царь предпринялъ справедливое дѣло. На другихъ рисункахъ виднѣлся старый городъ съ изображеніемъ царевича Алексѣя, дальше—лабиринтъ, какъ эмблема сложныхъ и коварныхъ козней шведскаго короля и т. п.

Въ Европѣ нѣсколько удивились, что Петръ сравнилъ катастрофу Карла съ паденіемъ Фаетона. Что знаютъ въ Россіи о Фаетонѣ?—утверждалъ одинъ современникъ. Петръ сталъ заботиться, чтобы подобные обороты рѣчи стали понятливѣе народу. Если для многихъ риторика и аллегорія устроенныхъ царемъ и его присными торжествъ не была вполнѣ ясна, то многимъ все-же было понятно, что пораженіе Карла при Полтавѣ и Волочинѣ равносильно паденію съ солнца. Длинный и трудный путь Петра отъ Нарвы до Полтавы былъ уподобленъ поднимающейся въ гору дорогѣ. Кровопролитный бой скорѣе приблизилъ Петра къ цѣли, которую онъ неуклонно имѣлъ въ виду. Наиболѣе трудная часть работы была исполнена. Ожиданіе Лейбница могли считаться осуществленными, и Петръ могъ «принять большое участіе въ общихъ Европейскихъ дѣлахъ» [19]).

[19]) Le czar s'attira la considération de l' Europe et aura tres-grande part aux affaires générales. (Guerrier, 118).

ГЛАВА IX.

Военныя дѣйствія въ Финляндіи, Прибалтійскомъ краѣ и Германіи.

Чтобы придать больше прочности дѣтищу Петра, новому порту на Невѣ, необходимо было подчинить русской власти и прилегающіе берега. Безъ этого Петербургъ навсегда остался-бы, даже послѣ подчиненія значительной части Финляндіи, выдающимся на окраинѣ постомъ. Когда въ 1788 г. Густавъ III приготовился напасть на Россію и угрожалъ Петербургу, то Екатерина II, при видѣ этой опасности, высказалась, насколько неосмотрительно было созидать новую столицу столь близко отъ вражеской границы.

Мы уже видѣли, какъ новое поселеніе на Невѣ въ первое время своего существованія подвергалось внѣшнимъ опасностямъ. Одно за другимъ слѣдовали попытки овладѣть петербургскою крѣпостью и нападенія на островъ Котлинъ или на укрѣпленія по р. Сестрѣ. Даже въ то время, когда Петръ все свое вниманіе сосредоточивалъ главнѣйшимъ образомъ на польскихъ дѣлахъ, а позднѣе на Малороссіи, военныя дѣйствія на сѣверѣ никогда не прекращались. Самъ царь находилъ время сюда наѣздываться, распоряжаться укрѣпленіями и даже принимать участіе въ сраженіяхъ въ Финляндіи.

Долгое время эти сраженія оставались нерѣшительными. Въ 1706 г. Петръ сдѣлалъ попытку осадить Выборгъ. Городъ подвергся бомбардировкѣ. Русскіе вели себя храбро, въ одной морской стычкѣ даже отличились [1]), но взять Выборга не смогли.

Два года спустя шведскій генералъ Любенеръ предпринялъ изъ Выборга походъ на Ингерманландію, который, только вслѣдствіе полной неспособности этого полководца, закончился печальною потерею

---

[1]) Устряловъ, IV, 2, 659.

2,000 людей и 6,000 коней [2]). До новаго города Петербурга и его крѣпости было не такъ легко добраться.

Болѣе успѣшны были дѣйствія русскихъ въ 1710 г. На этотъ разъ царь приложилъ значительныя средства къ достиженію цѣли—завоеванію Выборга. Апраксинъ повелъ сухопутную армію въ 18,000 человѣкъ; вице-адмиралъ Крюйсъ командовалъ флотомъ, на который были нагружены артиллерія и всѣ припасы, и на которомъ находился самъ царь, въ качествѣ контръ-адмирала.

Послѣ многонедѣльной осады и очень успѣшнаго обстрѣливанія городъ и крѣпость сдались 13 іюня 1710 г. Она должна была служить охраной новому городу Петербургу, какъ выразился царь въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Екатеринѣ [3]). Въ сентябрѣ того-же года генералу Брюсу сдалась крѣпость Кексгольмъ, чѣмъ и закончилось завоеваніе Кареліи [4]).

Царь писалъ Апраксину изъ Карлсбада 30 октября 1712 г., что Финляндія есть мать Швеціи, что противъ Финляндіи должно направить нападеніе, если желательно, чтобы Швеція смирилась. Не къ чему задумываться объ удержаніи Финляндіи, но она можетъ быть хорошимъ объектомъ для мирныхъ переговоровъ, о которыхъ шведы уже начинали разговаривать; шведы станутъ, по мнѣнію царя, мягче воска, если они временно утратятъ Финляндію, такъ какъ оттуда они получаютъ мясо, дерево и разные припасы [5]).

Приготовленіе къ военному походу были очень значительны. 26 апрѣля 1713 г. снялась съ якоря флотилія почти въ 200 галеръ съ 16,000 солдатъ. Царь, въ качествѣ «шаутбенахта» (контръ-адмирала) командовалъ авангардомъ. Шведы покинули города Гельсингфорсъ, Борге и Або, и русскіе заняли ихъ безъ боя. Только въ октябрѣ послѣдовала встрѣча съ врагомъ. При Тамерфорсѣ генералъ Армфельдтъ былъ на голову разбитъ Голицынымъ и Апраксинымъ. Почти вся Финляндія была завоевана [6]).

Подобно тому, какъ Карлъ въ свое время обратился съ манифестомъ къ Малороссіи, такъ и Петръ обратился съ возваніемъ ко всѣмъ подданнымъ шведскаго короля [7]). Послѣ достигнутыхъ въ Финляндіи результа-

---

[2]) Fryxell, II, 110—114.

[3]) Собр. писемъ русск. государей.

[4]) П. С. З. № 2293.

[5]) Соловьевъ, XVII, 12 (письмо Петра).

[6]) Тамъ-же, XVII, 13.—Кромѣ того въ сборн. Бартенева, „XVIII вѣкъ", IV, 19

[7]) См. Rossica, въ Имп. Публ. Библ. въ Спб., 156.

товъ, казалось полезнымъ воздѣйствовать также и на общественное мнѣніе вражеской страны и отдѣлить правителя отъ народа [8]).

Военныя дѣйствія въ Финляндіи продолжались и зимою. Въ февралѣ Голицынъ вторично разбилъ Армфельдта при Вазѣ. Выборгскій губернаторъ занялъ крѣпость Нишлотъ. Наиболѣе блестящею была побѣда русскаго флота надъ шведскимъ при Гангеудѣ. Шведскій адмиралъ Эренсіольдъ попался въ плѣнъ. Русскіе подвинулись вплоть до Аландскихъ острововъ, такъ что въ Швеціи распространилась общая тревога, но на этотъ разъ дѣло не дошло до высадки русскихъ войскъ на собственную шведскую землю. Во время преслѣдованія Апраксинъ потерялъ отъ бурь до 16 галеръ [9]). Петръ придавалъ большое значеніе, что Богъ послѣ сухопутной побѣды даровалъ ему и морское торжество. Онъ принималъ личное участіе въ сраженіяхъ [10]), и всѣ эти событія вызвали отклики—появились печатные листки съ ихъ описаніемъ [11]). Устроенныя по этому поводу въ Москвѣ торжества, съ тріумфальнымъ въѣздомъ царя, были на этотъ разъ особенно блестящи.

Царь, такимъ образомъ, изъ Финляндіи угрожалъ шведамъ, въ то время какъ Карлъ бездѣйствовалъ въ Турціи. Даже неудача Петра подъ Прутомъ (о чемъ будетъ говорено въ особой главѣ, въ связи съ другими восточными дѣлами) не могла остановить побѣдоносное движеніе русскихъ противъ отступающихъ шведовъ. Петръ искалъ случая напасть на противника съ различныхъ, лежащихъ противъ собственной Швеціи пунктовъ «Варяжскаго моря». Годами продолжалась борьба въ Финляндіи, въ Прибалтійскомъ краѣ, въ шведскихъ владѣніяхъ на юго-западѣ Балтійскаго моря. Вездѣ приходилось одерживать побѣды, прежде чѣмъ удалось затронуть собственно Швецію и принудить шведовъ къ миру.

Не менѣе удачны были дѣйствія и въ Прибалтійскомъ краѣ. Въ 1709 г. Петръ установилъ полное соглашеніе съ Августомъ относительно Лифляндіи, но въ дѣйствительности случилось иное.

Не даромъ все время въ Польшѣ съ тревогою слѣдили за ожидаемыми притѣсненіями со стороны Петра. Впрочемъ, польскій король Августъ игралъ двойную игру. Въ 1704 году онъ предлагалъ Карлу XII союзъ противъ

---

[8]) Тамъ-же, 260.

[9]) Соловьевъ, XVII, 39.

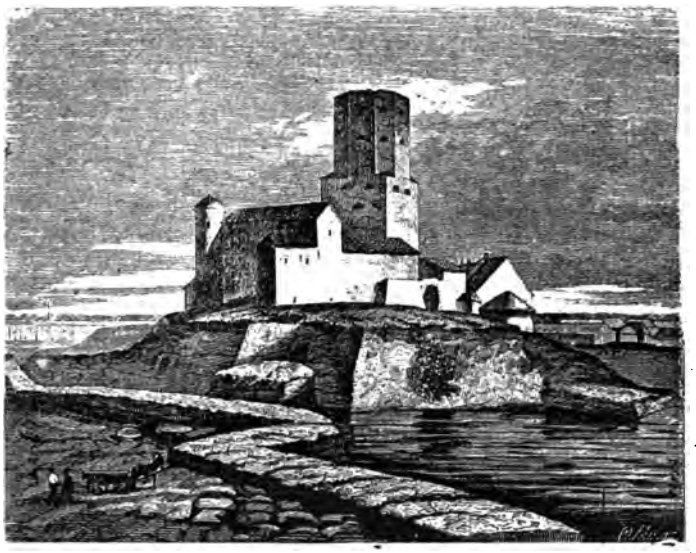
[10]) „XVIII вѣкъ", IV, 21.—Подробности у Вебера, I, 25.

[11]) Вольтеръ ставилъ эту побѣду тотчасъ вслѣдъ за Полтавскою.

всѣхъ враговъ, въ особенности противъ того, «кого не къ чему называть», а именно Россіи [12]).

Въ 1709 г. въ Пруссіи была надежда съ помощью царя приступить къ раздѣлу Польши. Теперь съ этимъ проектомъ она обратилась непосредственно къ самому королю Августу.

Русскіе занимали различные польскіе пункты. 28 января 1710 г. русскій генералъ-маіоръ Ностицъ занялъ городъ Эльбингъ [13]). Русскіе тамъ сурово похозяйничали. На усиленіе власти Петра теперь взирали въ Пруссіи

Замокъ въ Выборгѣ. Сданъ Петру Великому 12 іюня 1710 года.

съ неудовольствіемъ и съ осуществленіемъ извѣстнаго плана раздѣла Польши думали нѣсколько ограничить Петра. Ему опять были сдѣланы предложенія въ этомъ смыслѣ, но онъ снова отвѣтилъ уклончиво [14]). Насколько велико было значеніе царя, видно изъ того обстоятельства, что за нимъ признавали всѣ занятыя русскими земли, т. е. шведскую Лифляндію и большую часть Литвы. Но Петръ на это не согласился [15]). Съ глубокимъ безпокойствомъ слѣдили за развитіемъ «обширныхъ плановъ» Петра. Было ясно, что онъ стремится овладѣть всей морскою полосой «отъ Нарвы до Риги».

---

[12]) Droysen, I, 284.
[13]) Журналы П. В. I, 292.
[14]) Droysen, IV, 1, 345.
[15]) Тамъ же, IV, I, 348 – 349.

Противъ Риги царь выступилъ еще въ 1709 г. Русскіе были вынуждены перейти на зимовку въ Курляндію, но весною 1710 г. они снова вернулись подъ Ригу, гдѣ свирѣпствовали голодъ и болѣзни, въ томъ числѣ чума, погубившая также и много осаждающихъ. 4-го іюля Рига сдалась. Петръ издалъ тогда извѣстное распоряженіе о признаніи всѣхъ правъ этой области. Петръ съ торжествомъ возвѣщаетъ объ этомъ важномъ событіи своего сотрудника Курбатова, который писалъ, что теперь европейскія богатства найдутъ доступъ въ Россію, что Архангельскъ не можетъ больше почитаться единственною иностранною гаванью и т. п. [16]). Въ августѣ сдались Перновъ и Аренсбургъ, въ сентябрѣ—Ревель. Курбатовъ замѣчаетъ, что при заключеніи мира надо всѣ эти завоеванія сохранить. Объ уступкѣ ихъ Польшѣ нѣтъ больше и рѣчи.

Все дальше и дальше на Западъ долженъ былъ Петръ направлять свои дѣйствія. Шведское государство было такъ раскинуто, что пришлось вступить и на нѣмецкую почву.

Петръ успѣшно исполнилъ въ Финляндіи принятыя на себя обязательства. Спрашивалось, будетъ ли Данія столь же счастлива при нападеніи со стороны противоположной границы. Посланникъ Петра въ Копенгагенѣ, Долгорукій, безполезно жаловался на бездѣятельность и корыстолюбіе датчанъ, при чемъ онъ сообщалъ, что въ Даніи не перестаютъ опасаться вмѣшательства Англіи и Голландіи. Затѣмъ, датскія войска были разбиты шведами при Шенен; датскій флотъ не предпринималъ ничего рѣшительнаго, вслѣдствіе чего русскому флоту былъ затрудненъ выходъ изъ Финскаго залива.

Въ 1711 г. Штральзундъ былъ осажденъ соединенными русскими, саксонскими и датскими войсками, но между начальниками было мало единодушія. Въ октябрѣ въ Кроссенѣ послѣдовала встрѣча царя съ датскимъ королемъ, при чемъ состоялось соглашеніе относительно дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій. Но результатовъ оно не имѣло; вражда между различными начальниками также не прекращалась. Чтобы подвинуть дѣло, царь лично отправился въ Штральзундъ въ іюнѣ 1712 г., откуда онъ сообщалъ королю Фридриху о различіи между бездѣйствіемъ датчанъ и усиленными стараніями русскихъ. Царь лично произвелъ подробную рекогносцировку осажденнаго города и съ полнымъ правомъ говорилъ о понесенныхъ имъ трудахъ ради датскихъ интересовъ. Онъ съ досадою писалъ Меншикову,

---

[16]) Соловьевъ, XVI, 48.

Присяга рижанъ передъ фельдмаршаломъ Шереметевымъ, на площади передъ ратушею, въ іюлѣ 1710 года.

что не можетъ спать по ночамъ вслѣдствіе негодованія на плохія отношенія союзниковъ. Позднею осенью Петръ отправился въ Мекленбургъ и здѣсь узналъ о пораженіи датчанъ при Газебушѣ, хотя онъ и предупреждалъ ихъ отъ неосмотрительныхъ дѣйствій. Теперь онъ жаловался на ихъ отсутствіе усердія. Въ началѣ 1713 года Петръ вернулся въ Гольштинію, разбилъ шведовъ при Швабштадтѣ и заставилъ ихъ очистить Фридрихштадтъ. Принужденный вернуться въ Россію, онъ оставилъ въ сѣверной Германіи Меншикова, съ подробными инструкціями. 4 мая 1713 г. сдался шведскій генералъ Стенбокъ, искавшій убѣжища въ крѣпости Теннингенѣ. Уплаченныя Гамбургомъ и Любекомъ контрибуціи очень обрадовали царя, который писалъ Меншикову, что на эти деньги будетъ строить корабли [17]).

Желаніе Петра, чтобы Меншиковъ взялъ Штетинъ, было исполнено. Шведскій генералъ Меперфельдтъ сдался 19 сентября 1713 г., послѣ чего Меншиковъ заключилъ со шведами договоръ, что не только Штетинъ, но и Рюгенъ, и Штральзундъ, и Висмаръ передавались Пруссіи. Въ Берлинѣ по этому поводу было большое ликованіе, при чемъ король увѣрялъ русскаго посла въ своей признательности, а въ Копенгагенѣ царило уныніе и негодованіе на короля Фридриха-Вильгельма. Въ письмѣ къ Петру Фридрихъ IV пытался поколебать этотъ договоръ, но ничего изъ этой попытки не вышло.

Съ этого времени Пруссія является важною союзницею Петра. Датчане дѣлали очень мало, саксонцы въ сущности ничего. Въ 1715 г. началась осада Штральзунда, куда явился Карлъ XII. Короли датскій и прусскій и русскіе послы Долгорукій и Головкинъ также были въ лагерѣ. Тщетно ожидалось прибытіе русскихъ войскъ, но они были задержаны въ Польшѣ и не пришли, что очень огорчило Петра. Еще разъ наглядно подтвердилось, что тамъ, гдѣ не было непосредственной инициативы царя,—не получалось ничего или очень мало [18]).

---

[17]) Тамъ же, XVII, 13—15.
[18]) Тамъ же, 46—48.

ГЛАВА X.

Дипломатическія отношенія послѣ Полтавской битвы.

Со времени Полтавской битвы въ Западной Европѣ все болѣе и болѣе усматривали, что царь со всею силою своей желѣзной воли входитъ въ качествѣ совершенно новаго элемента въ общій міровой оборотъ. Все дальше и дальше шли русскія войска и все были они многочисленнѣе, а русскіе дипломаты становились самоувѣреннѣе и самостоятельнѣе; ежеминутно росло сознаніе, что приходится соглашаться съ интересами Россіи и желаніями ея царя. Съ 1711 г. Петръ самъ бывалъ частымъ гостемъ въ Западной Европѣ. То онъ появляется въ сѣверной Германіи на театрѣ войны, то на тѣхъ или другихъ водахъ, чтобы лечить свою болѣзнь, въ Карлсбадѣ и Пирмонтѣ, то въ качествѣ гостя того или иного своего союзника. Изумительная подвижность и трудоспособность государя, такъ недавно еще совершенно чуждаго на Западѣ, вызывали общее удивленіе; теперь, опытный въ европейскихъ международныхъ отношеніяхъ, онъ являлся въ нихъ однимъ изъ важныхъ факторовъ, вездѣ производя давленіе своею мощностью и своими матеріальными средствами; онъ умѣлъ также внушить часть собственной внутренней энергіи своимъ пособникамъ, полководцамъ, въ родѣ Меншикова, или посланникамъ, какъ Долгорукій, Куракинъ, Матвѣевъ и др.

Еще за нѣсколько лѣтъ до Полтавской битвы въ Польшѣ было опасеніе, что Петръ станетъ хозяиномъ въ республикѣ и будетъ править не только какъ обыкновенный государь, но какъ деспотъ. Теперь можно было быть увѣреннымъ, что Петръ приложитъ старанія противодѣйствовать тому отношенію къ Польшѣ, какое замѣчалось со стороны Пруссіи. Еще въ 1705 г. одинъ дипломатъ заявилъ, что Петръ будетъ, въ концѣ концовъ, повелителемъ Польши и тогда будетъ страшенъ не только прусскому королю, но и самому императору [1]).

[1]) Droysen, 289.

Русскія войска находились на германской территоріи въ качествѣ союзниковъ нѣмецкихъ государей. Русскіе заявляли, что они явились для обезпеченія Германіи отъ угрожающей ей изъ Померапіи шведской опасности; царь шелъ въ Германію по тому-же пути, который такъ далеко привелъ его въ отношеніи Польши [2]); въ ней не могли не возникать самымъ естественнымъ образомъ живѣйшія опасенія. Также возникали они и въ Берлинѣ, хотя король Фридрихъ былъ лично въ дружескихъ отношеніяхъ съ царемъ. Въ 1712 г., во время одного посѣщенія прусской столицы Меншиковымъ, съ недоумѣніемъ усмотрѣли, что русскій сановникъ высказывалъ желаніе своего государя совершенно диктаторскимъ тономъ; когда русскія войска были направлены къ занятію Штральзунда и Штетина, одинъ прусскій государственный дѣятель заявилъ, что Пруссія не должна допускать, чтобы царь вступалъ на прусскую землю. Когда русская власть стала хозяйничать въ Померапіи и Мекленбургѣ, какъ раньше въ Польшѣ, а также въ Эльбингѣ и Данцигѣ, въ одномъ королевскомъ посланіи къ дипломатическому агенту было сказано: «мы тоже подчинены усмотрѣнію царскому» [3]).

Еще передъ Полтавской битвой Матвѣевъ писалъ изъ Лондона о той озабоченности, которую высказывали передъ Англіею прусскій и ганноверскій дворы по поводу усиливающагося могущества царя; не слѣдовало, по ихъ мнѣнію, допускать, чтобы царь вмѣшивался въ европейскія дѣла, сравнялся съ остальными державами въ военномъ отношеніи и побѣдилъ Швецію; если случится послѣднее, то значеніе царя будетъ слишкомъ велико; поэтому надо уклоняться отъ заключенія съ нимъ договоровъ и нигдѣ не содѣйствовать усиленію его власти. Англія, Голландія и императоръ, — какъ узналъ Матвѣевъ, — рѣшили ни въ какія союзы съ царемъ не вступать и въ случаѣ его предложеній отвѣчать вѣжливо, но уклончиво. Согласно этой программѣ, Англія поспѣшно признала королемъ Станислава Лещинскаго и задумывалась о защитѣ интересовъ Карла XII. Матвѣевъ, который вслѣдствіе непріятной, до настоящаго времени еще не выясненной исторіи, долженъ былъ оставить Англію [4]), въ донесеніяхъ своихъ постоянно повторялъ, что царь никогда не долженъ разсчитывать на Англію.

---

[2]) Тамъ-же 381.

[3]) Тамъ-же 421. 430.

[4]) Соловьевъ, XV. 350 - 352.—Матвѣевъ имѣлъ много долговъ и, придравшись къ этому случаю его, по проискамъ шведскаго посла, посадили въ тюрьму и сильно избили. Другіе послы горя о вступились, и англійскому статсъ-секретарю пришлось извиняться отъ имени королевы. *(Прим. перев.).*

Неудивительно, что послѣ Полтавской битвы настроеніе стало еще недружелюбнѣе. Когда Куракинъ, въ ноябрѣ 1709 г., прибылъ въ Ганноверъ, курфюрстъ ограничился въ сношеніяхъ съ посланникомъ лишь общими фразами. Соглашеніе, состоявшееся между курфюрстомъ и царемъ въ 1710 г., имѣло главною цѣлью обязать царя по возможности ограничить свои операціи на нѣмецкой территоріи [5]).

Въ Копенгагенѣ Долгорукій часто испытывалъ непріязненность Англіи. Тоже самое замѣчалось русскими представителями въ Вѣнѣ, Гаагѣ и другихъ мѣстахъ. Англійскій посланникъ Витвортъ, прибывшій въ 1710 г. въ Москву, ограничился выраженіемъ царю въ самыхъ общихъ формахъ дружескихъ чувствъ королевы Анны, но русскіе не могли не чувствовать скрытой непріязни Англіи къ своему государству. Вторженіе русскаго войска въ Померанію вызвало въ Англіи сильное неудовольствіе. Разсказывали, что въ Карлсбадѣ между царемъ и Витвортомъ произошло сильное столкновеніе; и причиной было вступленіе русской арміи въ Германію. Въ энергичныхъ осужденіяхъ отзывался объ этомъ Болингброкъ. Въ февралѣ 1712 г. англійскій посланникъ Страфордъ рѣшительно заявилъ въ Гаагѣ русскому представителю Куракину, что Англія рѣшилась не допускать разгрома Швеціи; прежнее равновѣсіе государства на сѣверѣ должно быть сохранено, и Лифляндія должна быть оставлена за Швеціею, а царь долженъ удовольствоваться Петербургомъ и т. п. Куракинъ узналъ, что королевѣ Аннѣ была представлена англійскимъ купечествомъ записка, въ которой приводилось, что если русскіе начнутъ строить свои гавани, они и торговлю поведутъ на своихъ корабляхъ, тогда какъ теперь вся торговля между Россіею и другими государствами находится въ рукахъ англичанъ и голландцевъ.

Царь былъ очень озадаченъ. Въ бесѣдѣ съ однимъ англійскимъ дипломатомъ Петръ заявилъ, что въ Лифляндіи и въ другихъ завоеванныхъ имъ областяхъ не останется камня на камнѣ, если его интересы не будутъ соблюдены; если онъ не смѣетъ удержать Лифляндіи, то объектъ спора будетъ приведенъ имъ въ такой видъ, что уже никому не станетъ нужнымъ. Куракинъ замѣчаетъ, что такое энергичное заявленіе царя произвело хорошее впечатлѣніе [6]). Нѣтъ ничего удивительнаго, что Петръ всѣ предложенія «добрыхъ услугъ» со стороны морскихъ державъ считалъ вѣроломными и уклонялся отъ нихъ.

Появились разнаго рода брошюры, между ними одна подъ довольно

[5]) Тамъ же, XVI, 60—63.

[6]) Тамъ-же, XII, 4, 23—24.

вычурнымъ заглавіемъ «безпристрастное изслѣдованіе всѣхъ происходившихъ государственныхъ вопросовъ, и не составляетъ ли для большинства христіанскихъ державъ величайшій интересъ, что его царское величество въ Москвѣ дѣлается столь могущественнымъ [7])?» Герцогъ мекленбургскій обратился въ рейхстагъ съ жалобою, напечатанной въ видѣ брошюры, что его страна шведскими, польскими и иностранными войсками совершенно разорена [8]).

Такимъ образомъ въ общественномъ мнѣніи царь являлся въ качествѣ непріязненной силы. Союзники: Данія, Пруссія и Польша не могли сдѣлать многаго, а другія государства стремились ограничить плоды царскихъ побѣдъ. Подъ шумокъ дѣйствовала противъ Петра и Франція; она уплатила шведамъ большія субсидіи; было тоже извѣстно, что въ средѣ штетинской арміи противъ русскихъ сражался также и одинъ батальонъ французскій въ 500 человѣкъ [9]). Для царя было неблагопріятно, что война за испанское наслѣдство приходила къ концу, и что воевавшія до сихъ поръ противъ преобладанія Людовика XIV государства получали теперь возможность удѣлять больше вниманія дѣламъ въ сѣверной Европѣ. Всѣ происходившія въ Европѣ разногласія и соперничества, какъ, напримѣръ, борьба между Франціею и германскимъ міромъ, вражда между Австріею и Пруссіею, между Берлиномъ и Ганновером, — все это были условія благопріятныя Петру, которыми онъ, въ сложной комбинаціи дипломатическихъ сношеній, тѣмъ легче и удобнѣе могъ пользоваться, что онъ, благодаря своему новому положенію въ политическомъ мірѣ, являлся желательнымъ всѣмъ союзникомъ. Недаромъ писалъ Лейбницъ ганноверскому курфюрсту тотчасъ за Полтавскою битвою, что онъ пришелъ къ убѣжденію, что царь имѣетъ намѣреніе въ будущемъ занять большое положеніе въ Европѣ, то самое, которое занимала Швеція и даже пойти въ этомъ направленіи далѣе. А такъ какъ этотъ государь теперь былъ могущественъ, и императоръ заискиваетъ въ немъ ради Венгріи, а морскія державы ради своихъ торговыхъ интересовъ, то было бы выгодно быть съ нимъ въ ладу [10])

Между Петромъ и императоромъ отношенія были не особенно дружественныя. Приглашеніе царя принять участіе съ вспомогательнымъ отрядомъ въ войнѣ противъ Франціи, было принято въ Вѣнѣ очень холодно. Послѣ битвы при Денен, Лейбницъ, въ особой запискѣ, увѣщевалъ царя

---

[7]) Russieo E., 499. (1711).
[8]) Тоже S. 783 (1712).
[9]) Droysen IV, 1, 427.
[10]) Guerrier, II, 139.

помочь союзникамъ вспомогательнымъ корпусомъ, въ ихъ борьбѣ съ Людовикомъ XIV. Въ Торгау Лейбницъ лично познакомился съ царемъ; въ 1712 г. они встрѣтились въ Карлсбадѣ. Лейбницу предстояло занять роль политическаго посредника между Россіею и Австріею.

По отношенію къ Россіи, въ Вѣнѣ было нѣкоторое смущеніе; тамъ занялись мыслью о женитьбѣ царевича Алексѣя на одной изъ эрцгерцогинь и о заключеніи союза. Въ общемъ замѣчалась склонность отвѣчать интересамъ царя, но бывали частые случаи столкновенія съ дипломатическими представителями царя въ австрійской столицѣ. Естественно также, что австрійскій дворъ могъ быть недоволенъ тѣмъ, что Петръ предлагалъ польскую корону даже мятежнику Ракоци. Съ другой стороны, неудача прусскаго похода привлекала симпатіи на сторону Петра, такъ какъ въ Вѣнѣ не могли желать усиленія турецкаго могущества. Тѣмъ не менѣе, сдѣланныя русскими предложенія о заключеніи союза были очень холодно приняты императоромъ Карломъ VI. Ни баронъ Урбихъ, котораго къ тому же очень не любили въ Вѣнѣ, ни Матвѣевъ не могли измѣнить настроенія. Австрія опасалась, чтобы сочувственнымъ отношеніемъ къ Петру не возстановить противъ себя Порты. Оба государства, Россія и Австрія, имѣли слишкомъ мало общихъ интересовъ. Впослѣдствіи, когда разыгралась драма царевича Алексѣя, зятя Карла VI, возникло новое обстоятельство для непріязни. Царь не могъ равнодушно перенести, что въ имперской территоріи дали убѣжище бѣглецу, и что австрійскій дипломатъ Плейеръ писалъ изъ Россіи, что тамъ все готово къ общему возстанію и т. п. [11]). Въ Вѣнѣ-же были очень недовольны усиленіемъ Россіи, или, по выраженію русскаго посла въ Вѣнѣ, «большая часть здѣшнихъ министровъ — шведы» [12]), и это сказалось еще сильнѣе, когда отпала опасность союзнаго договора между Людовикомъ XIV и Карломъ XII. Успѣхи Петра въ Финляндіи въ 1714 г. непріятно отозвались при вѣнскомъ дворѣ. Противъ Карла XII уже потому не было склонности что-либо предпринимать, что шведы сдерживали Бранденбургъ-Пруссію. Принцъ Евгеній Савойскій ничего не имѣлъ, чтобы шведы играли въ Европѣ извѣстную роль. Хаотическое состояніе Германіи, соперничество между различными европейскими державами были на руку императору.

Совершенно иными были отношенія Пруссіи. Со стороны Россіи здѣсь можно было разсчитывать на извѣстное сочувствіе даже послѣ перемѣны цар-

[11]) Соловьевъ, XVII, 95—120. (Донесеніе Урбиха, Матвѣева и Веселовскаго изъ статей московск. Арх.).

[12]) Донесеніе Матвѣева 1714 г. *(Прим. пер.).*

ствованія 1713 г. Петръ сдѣлалъ любезность Фридриху-Вильгельму еще въ бытность имъ кронпринцемъ, пославъ ему нѣсколько рослыхъ солдатъ изъ русской арміи. Этотъ подарокъ повторился, только въ большемъ размѣрѣ, по случаю вступленія его на прусскій престолъ. Въ Пруссію было послано 80 человѣкъ и 1200 ружей изъ тульскихъ мастерскихъ. Король нѣсколько разъ писалъ Петру въ самыхъ дружескихъ выраженіяхъ по случаю взятія Штральзунда, благодаря за который и за обѣщаніе царя прислать ему еще 60—70 огромныхъ гренадеровъ; въ общемъ 248 русскихъ великановъ были отправлены въ Пруссію [13]).

Положеніе, которое займетъ Пруссія имѣло большое значеніе для Сѣвера Европы, и на это положеніе огромное вліяніе могли имѣть взаимныя отношенія короля и царя. Во время одного посѣщенія Берлина царемъ (въ мартѣ 1713 г.), переговоры о заключеніи продолжительнаго союзнаго договора не привели ни къ чему. Царь предлагалъ Пруссіи Эльбингъ и часть области между Вислою и Померанією. Король говоритъ, что его положеніе очень рискованное и опасное. «Вы приманиваете насъ Эльбингомъ, точно собакъ кускомъ мяса», говорили прусскіе министры Головкину. Въ Берлинѣ хотѣли получить большее, и Петръ былъ очень недоволенъ этимъ несогласіемъ. Онъ писалъ Меншикову: «Здѣсь новаго короля я нашелъ зѣло пріятна къ себѣ, но ни въ какое дѣйство онаго склонить не могъ, какъ я могъ разумѣть, даже двухъ причинъ: первое, что денегъ нѣтъ, другое, что еще много псовъ духа шведскаго, а король самъ политическихъ дѣлъ не искусенъ»... Но Петръ ничего не добился [14]). Фридрихъ-Вильгельмъ I оправдывался тѣмъ, что ему потребуется цѣлый годъ,

---

[13]) См. ст. въ „Русск. Вѣстн.) 1878. (Русскіе великаны на прусской службѣ 1711—46 гг.).

[14]) Соловьевъ, XVII, 10—12.—Нѣсколько анекдотичнымъ представляется слѣдующій случай, сообщенный русскимъ посланникомъ въ Берлинѣ: „10 августа 1713 г. былъ обѣдъ у короля Фридриха-Вильгельма, гдѣ присутствовали посланники русскій, шведскій и голландскій. Король предложилъ тостъ за здоровье русскаго государя, потомъ голландскихъ штатовъ и равно шведскаго короля. Шведскій посланникъ Фризендорфъ отказался пить за здоровье царя; вмѣсто того выпилъ за добрый миръ и при этомъ просилъ короля, чтобы онъ былъ посредникомъ и доставилъ Карлу XII удовлетвореніе, возвратилъ ему Лифляндію и другія завоеванія, ибо король прусскій не можетъ желать униженія короля. Король отвѣчалъ:—„Удовлетвореніе слѣдуетъ царскому величеству, а не шведскому королю, и я не буду совѣтовать русскому государю возвращать Ливонію, разсуждая по себѣ, если бы мнѣ случилось отъ непріятеля что завоевать, то я бы не захотѣлъ назадъ возвратить; при томъ царское величество добрый сосѣдъ и другихъ не безпокоитъ, а что касается посредничества, то я въ чужія дѣла мѣшаться не хочу".—Фризендорфъ напомнилъ о дружбѣ,

чтобы привести въ надлежащее состояніе свою армію и финансы; прежде чѣмъ этого не исполнитъ, онъ не можетъ ни къ чему обязываться. Впослѣдствіи, благодаря русскимъ, Пруссіи была предоставлена въ секвестръ крѣпость Штетинъ. Въ декабрѣ 1713 г. Ильгенъ составилъ записку относительно положенія Пруссіи, въ которой былъ затронутъ вопросъ о союзѣ съ Швеціею, такъ какъ въ настоящее время царь слишкомъ силенъ въ сравненіи съ датчанами и шведами и что онъ на «голову переросъ» саму Пруссію; поэтому необходимо озаботиться сохраненіемъ равновѣсія въ сѣверной Европѣ и ограничить могущество царя. На поляхъ имѣется имѣется помѣта короля, одобряющая этотъ проектъ, но допускающая, что царю должны быть оставлены Петербургъ съ гаванью и прилегающею областью, а Лифляндія и Курляндія—нѣтъ. Въ запискѣ Ильгена говорится далѣе, что относительно Лифляндіи не встрѣтится никакихъ затрудненій, такъ какъ царь по договору обязанъ передать эту область Польшѣ; несогласныхъ заключить миръ надо къ тому принудить; при этомъ Ильгенъ предусматривалъ возможность, что прусскому королю придется обнажить оружіе противъ царя [15]).

Но до этого дѣло не дошло. Отношенія царя къ Пруссіи оставались дружественными. Петръ окружалъ почетомъ прусскаго посланника Шлиппенбаха и весною 1714 г. говорилъ ему, что если король признаетъ за нимъ владѣніе Кареліи и Ингріи не только въ отношеніи Швеціи, но вообще, то онъ, царь, съ своей стороны признаетъ за Пруссіею права на Штетинъ и его область [16]). Король отвѣтилъ своему представителю, что соглашается на такое предложеніе, а Петру писалъ, что годъ, который ему требовался для упорядоченія арміи и финансовъ—истекъ. «Богъ по-

которая была всегда между Швеціею и Пруссіею при покойномъ королѣ Фридрихѣ I; въ отвѣтъ Фридрихъ-Вильгельмъ припомнилъ войну, которую вела Швеція съ Пруссіею при дѣдѣ его, припомнилъ тѣсный союзъ Швеціи съ Франціею.—„Одного только не достаетъ, чтобы французскій гербъ былъ на шведскихъ знаменахъ"—сказалъ, между прочимъ, король. Фризендорфъ началъ увѣрять, что такого союза нѣтъ между Швеціею и Франціею".—А хочешь разскажу, что ты мнѣ говорилъ шесть недѣль тому назадъ"?—сказалъ король. Фризендорфъ испугался.—„Я это говорилъ вашему величеству наединѣ, какъ отцу духовному"—сказалъ онъ и прибавилъ „что король все шутитъ" и т. д. (см. Соловьева XVII, 17—18).

У Соловьева ссылка: Дѣла Датскія 1713 г. въ моск. арх. М. И. Д. - Дѣла Прусскія 1713 г. (*Прим. пер.*).

[15]) Послѣднее слово королевской резолюціи подало поводъ къ разногласію. Droysen (IV, 8, 76) прочиталъ „mit" а Sieheгten—„nit",—т. е. съ Лифляндіею и Курляндіею (по первому) или безъ (по второму).

[16]) Droysen. 89.

могъ мнѣ,—писалъ Фридрихъ-Вильгельмъ,—что я привелъ свои дѣла въ нѣкоторый порядокъ и что теперь я могу еще больше общиться съ вашимъ величествомъ» [17]). Въ бесѣдѣ съ Головкинымъ король очень жаловался на французовъ и заявилъ, что ни на кого не станетъ полагаться, только на одного царя [18]), котораго онъ любитъ и уважаетъ. Договоръ о взаимномъ обезпеченіи новыхъ земель былъ заключенъ 1 (12) мая 1714 г. Въ ст. 4 этого договора говорилось, что «Пруссія не будетъ препятствовать дальнѣйшимъ завоеваніямъ царя у шведовъ, а царь будетъ содѣйствовать усиленію прусскаго дома» [19]).

Швеція продолжала терпѣть потери. Въ 1715 г. союзникамъ сдался Штральзундъ, въ 1716 г. Висмаръ. Петръ принималъ все большее и большее участіе въ событіяхъ на западѣ, и все грознѣе становилась опасность, которою могло угрожать усиленіе Россіи. Личность Петра привлекла къ себѣ все усиливающееобщееся вниманіе. Фридрихъ-Вильгельмъ удивлялся ему. Выраженіе полнаго признанія доблестей царя, со стороны Карла XII, были переданы русскому посланнику Куракину, во время его пребыванія въ Гамбургѣ однимъ дипломатическимъ агентомъ, генераломъ Ранкомъ. Карлъ XII будто бы повторялъ и въ Турціи, и въ Штральзундѣ, что въ лицѣ Петра онъ видитъ самаго выдающагося государя Европы [20]).

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, положеніе, занятое Россіею, считалось для сѣверной Европы, какъ кошмаръ, ее удручающій. Собираемыя Петромъ многочисленныя войска производили тягостное впечатлѣніе. О намѣреніяхъ царя ходили разнаго рода темные слухи. Когда Петръ въ 1716 г. отправился изъ Петербурга за-границу—это было его вторымъ большимъ путешествіемъ, которое, какъ и первое, продолжалось болѣе года,—было удостовѣрено, что Петръ очень презрительно отнесся въ Данцигѣ къ королю Августу, своему союзнику [21]). По внѣшнему съ обѣихъ сторонъ была соблюдена вѣжливость, но одновременно съ этимъ Петръ произвелъ смотръ войску въ 10000 человѣкъ, стоявшему подъ Данцигомъ, наложилъ на городъ произвольную контрибуцію и всѣмъ далъ почувствовать, что власть въ его рукахъ. Когда Висмаръ сдался, и начальники прочихъ союзниковъ не хотѣли допустить, чтобы русскіе вступили въ городъ, Петръ впалъ въ страшный гнѣвъ. Царь угрожалъ, что отомститъ датскому королю.

[17]) Тамъ-же, 92.

[18]) Соловьевъ, XVII, 62.

[19]) Droysen, 97.

[20]) Соловьевъ, XVII, 62.

[21]) См. Брикнера въ „Русск. Вѣстн.“ CL—CLI, объ этомъ происшествіи и о подробностяхъ военныхъ и дипломатическихъ явленій.

Прусскіе министры въ одномъ докладѣ высказывали озабоченность, что русскіе заговорили возвышеннымъ тономъ, и что король прусскій, какъ и король датскій, скоро будутъ подначальны русскому царю. Самъ Фридрихъ-Вильгельмъ былъ не мало взволнованъ. Онъ писалъ Ильгену: «благодаря Богу я не нахожусь въ той нуждѣ, какъ король датскій, который вынужденъ терпѣть московское вмѣшательство, но царь долженъ знать, что то, что онъ дѣлаетъ съ королемъ датскимъ или польскимъ, недопустимо по отношенію къ прусскому, который ему голову оторветъ» [22]). Союзъ герцога Мекленбургскаго съ царемъ—въ Данцигѣ была отпразднована свадьба герцога съ племянницею царя Екатериною Іоанновною — также произвелъ непріятное впечатлѣніе. Куракинъ писалъ изъ Гааги, что, можетъ быть, было осторожнѣе отложить этотъ союзъ, такъ какъ Англія имъ въ высшей степени недовольна; англичанамъ было непріятно, что тѣмъ самымъ облегчается царю сношенія по Балтійскому морю [23]). По мнѣнію Куракина, не слѣдовало ставить легкомысленно на карту добрыя отношенія съ западноевропейскими державами.

Тѣмъ временемъ Петръ встрѣтился съ королемъ прусскимъ въ Штетинѣ и королемъ датскимъ въ Альтонѣ, на которыхъ были условлены основанія дальнѣйшихъ дѣйствій. По отношенію царя нельзя было имъ быть особенно требовательными уже потому, что могло состояться сближеніе между царемъ и Франціею [24]). Считалось возможнымъ, что дальнѣйшія пріобрѣтенія по балтійскому побережью Петръ произведетъ уже на германской территоріи.

Но пока дѣло шло лишь о владѣніи Лифляндіею. Царь рѣшилъ болѣе не отдавать этой области. Чтобы побудить державы признать это завоеваніе, дипломаты русскіе должны были пустить въ ходъ всѣ средства [25]), но главную роль должны были сыграть въ сѣверной Германіи русскія войска, а русскому флоту было велѣно крейсировать въ Балтійскомъ морѣ, угрожая шведскому побережью; кромѣ того подготовлялись нападенія на собственно шведскую территорію.

Послѣ короткаго пребыванія въ Пирмонтѣ [26]), отправился Петръ въ Роштокъ и отсюда повелъ флотъ въ Копенгагенъ, появившись на рейдѣ

---

[22]) Droysen, 157.—Соловьевъ, XVII 55.

[23]) Донесеніе Куракина тамъ же, XVII, 52.

[24]) Донесеніе Bonnets 5—16 января 1716 г. Онъ сравниваетъ характеръ Петра Великаго съ Филиппомъ Македонскимъ.

[25]) Инструкція Куракину см. у Соловьева XVII, 48.

[26]) Herrmann. (П. В. и царевичъ Алексѣй).

датской столицы съ 48 галлерами. Отсюда предполагалось совмѣстное съ датчанами нападеніе на Шоненъ, но возникли различныя препятствія. Въ одномъ изъ писемъ къ Екатеринѣ, Петръ сравниваетъ своихъ союзниковъ съ невыѣзженными пристяжными, которыя, вмѣсто того, чтобы вести впередъ и помогать кореннику, топчатся на одномъ мѣстѣ и задерживаютъ весь экипажъ [27]).

Во внѣшнихъ проявленіяхъ почестей стоявшему въ датскихъ водахъ русскому флоту, со стороны датчанъ, англичанъ и голландцевъ, не было недостатковъ, но всѣ не довѣряли царю и другъ другу. Говорили, что Петръ потребовалъ за свою помощь датскую Померанію, и что Данія не только на это согласилась, но предложила еще Штетинъ. Со стороны датчанъ опасались или дѣлали видъ, что опасаются, чтобы ударъ Петра не былъ направленъ на самый Копенгагенъ; тайно было предложено горожанамъ вооружиться [28]).

Наиболѣе возмущены были англичане. Имъ казалось невозможнымъ отнять занятое ими преобладающее положеніе на Балтійскомъ морѣ. Король Георгъ I будто бы хотѣлъ поручить адмиралу Норрису однимъ ударомъ уничтожить могущество царя, захватить самого Петра, окруживъ его флотъ, и въ одну ночь уничтожить всѣ находившіяся тамъ сухопутныя войска [29]). Это былъ моментъ наивысшаго напряженія, но, къ счастью для Петра, министрамъ англійскаго короля удалось представить ему, какъ пагубно отразится это нападеніе на многочисленныхъ проживающихъ въ Россіи по торговымъ дѣламъ англичанахъ. Но за то было рѣшено внимательно слѣдить за каждымъ движеніемъ Петра и противодѣйствовать его стремленіямъ всѣми зависящими мѣрами. Не подъ какимъ видомъ, говорилось, нельзя оставлять его одного въ Балтійскомъ морѣ; не считали невѣроятнымъ, что Петръ захочетъ овладѣть Мекленбургомъ [30]).

Въ Вѣну Георгъ I писалъ, что сѣверная Германія находится въ величайшей опасности; не слѣдуетъ допускать движенія Петра въ Шоненъ и его утвержденія тамъ; надо настаивать на удаленіи русскихъ войскъ и т. п. Всѣ опасались, что Петръ также будетъ обращаться съ другими— Даніею, Пруссіею, Ганновером, какъ онъ обращался съ королемъ Августомъ, что онъ явится въ прибалтійскихъ областяхъ не союзникомъ, а господиномъ и повелителемъ. Изъ Ганновера обращались къ императору,

---

[27]) Письма русск. госуд. 49.
[28]) Droysen, VI, 2, 174.
[29]) Mahon, History of England, 1832, I, 1338—Droysen, 338.
[30]) Mahon, 342.

что онъ долженъ объяснить царю, что онъ и вся имперія не потерпятъ вмѣшательства Петра на германской территоріи [31]).

Царю пришлось ограничиться рекогносцировочною поѣздкою вдоль шонеискаго побережья; онъ нашелъ тамъ сильныя укрѣпленія. Нѣсколько русскихъ судовъ, въ томъ числѣ «Принцесса», на которомъ находился самъ Петръ, были обстрѣливаемы съ береговыхъ батарей. Узнали, что у непріятеля имѣется 20,000 сухопутнаго войска [32]).

На Пруссію Петръ могъ разсчитывать. Фридрихъ-Вильгельмъ объявилъ явившейся къ нему депутаціи мекленбургскаго дворянства съ жалобами на Петра и на своего герцога Карла-Леопольда, что онъ не придаетъ никакой вѣры англійскимъ происканъ, будто царь хочетъ овладѣть всей Померапіею. Съ полнымъ довѣріемъ говорилъ король объ этихъ предметахъ съ русскимъ посланникомъ Головкинымъ, который при этомъ случаѣ узналъ, что изъ Ганновера былъ пущенъ слухъ, будто Петръ хочетъ присвоить себѣ также Гамбургъ, Любекъ и Висмаръ [33]). Въ Гавельсбергѣ (ноябрь 1716 г.) состоялась новая встрѣча короля съ царемъ, прежнія соглашенія были вновь подтверждены. Вскорѣ затѣмъ прусскій король письменно подтвердилъ свою «дружбу и нерушимое слово (inviolable parole)»; онъ говорилъ, что никогда не отдѣлится отъ царя и надѣется, что и царь будетъ во всемъ сговариваться съ Пруссіею [34]).

Нѣсколько времени спустя, въ Англіи случилось событіе, которое могло быть очень полезно царю. Тамъ, гдѣ защита Карла XII отъ могущества Петра и союзъ со Швеціею [34]) были главными руководящими мотивами, узнали про тайныя сношенія шведскаго короля съ претендентами изъ дома Стюартовъ. Съ чувствомъ большаго удовольствія доноситъ изъ Лондона русскій посланникъ отъ 1 февраля 1717 г., что шведскій посланникъ Гилленборгъ арестованъ. Петръ тотчасъ поручилъ своему представителю предложить союзъ противъ Швеціи; царь даже соглашался обѣщать англичанамъ уменьшеніе своего корпуса въ Мекленбургѣ. Апраксину Петръ писалъ полный радости: «Нынѣ, не правда-ли моя, что всегда я за здравіе сего начинателя (Карла XII) пилъ? Ибо сего никакою цѣною не купишь, что самъ сдѣлалъ.»

Но въ Англіи были слишкомъ возбуждены противъ Петра, чтобы сей-

---

[31]) Droysen, IV, 2, 144—181.

[32]) Соловьевъ, XVIII, 61.

[33]) Droysen, IV, 2, 210.

[34]) Современная брошюра „Кризисъ на сѣверѣ", появившаяся на франц. и англ. языкахъ въ 1717 г.

часъ принять его предложеніе. Прежде всего русскія войска должны быть удалены изъ Германіи. Затѣмъ, разсматривая бумаги Гилленборга, нашли, что Арескинъ, лейбъ-медикъ Петра, самъ приверженецъ Стюартовъ; изъ отдѣльныхъ заявленій Гилленборга можно было заключить о сочувствіи самого Петра этимъ претендентамъ. Петръ счелъ полезнымъ послать Толстаго, какъ чрезвычайнаго посла въ Англію, чтобы разсѣять эти толки. Но Толстой встрѣтилъ очень холодный пріемъ. Петръ выражалъ желаніе встрѣтиться съ королемъ Георгомъ въ Голландіи, но получилъ уклончивый отвѣтъ; началась довольно продолжительная переписка [35]).

Послѣ нѣкотораго пребыванія въ Голландіи, Петръ отправился во Францію. Сближеніе Россіи съ этимъ государствомъ было выдающимся политическимъ событіемъ. Въ 1711 г. французскій посланникъ въ Гаагѣ Шатонефъ сообщилъ русскому послу Куракину, что Карлъ XII просилъ посредничества Франціи для окончанія войны съ Россіею. Но Петръ велѣлъ Куракину отвѣтить, что для Россіи не безопасно принять посредничество Людовика XIV, такъ какъ Франція въ Турціи и въ Швеціи всегда дѣйствовала противъ русскихъ интересовъ, что, впрочемъ, Шатонефъ старался опровергнуть. Но слишкомъ другъ другу противоположны были интересы Франціи и Россіи на юго-востокѣ и на сѣверо-востокѣ Европы, чтобы сближеніе могло легко состояться. Дипломатическій представитель царя Волковъ, лѣтомъ, 1711 г., освѣдомлялся въ Парижѣ объ условіяхъ посредничества Франціи между Россіею и Швеціею, но онъ не замедлилъ убѣдиться о «тяготѣніи Франціи къ Швеціи», и всѣ переговоры были пріостановлены [36]).

Въ концѣ 1716 г., во время пребыванія въ Амстердамѣ, царь получилъ отъ Головкина сообщеніе, что французскій посланникъ въ Берлинѣ велъ переговоры съ прусскимъ министромъ Ильгеномъ относительно сближенія Франціи съ Россіею. Петру это понравилось, но онъ былъ настолько остороженъ, что объявилъ, что не намѣренъ обратиться къ дружбѣ французской политики, и потому не заключитъ никакихъ союзовъ, которые принесли бы вредъ Австріи. Въ общемъ, однако, царь былъ склоненъ принять вмѣшательство Франціи; онъ искренно желалъ окончанія войны и, между прочимъ, писалъ Шереметеву, что онъ ему подробно сообщитъ свои взгляды относительно способа достиженія этой цѣли.

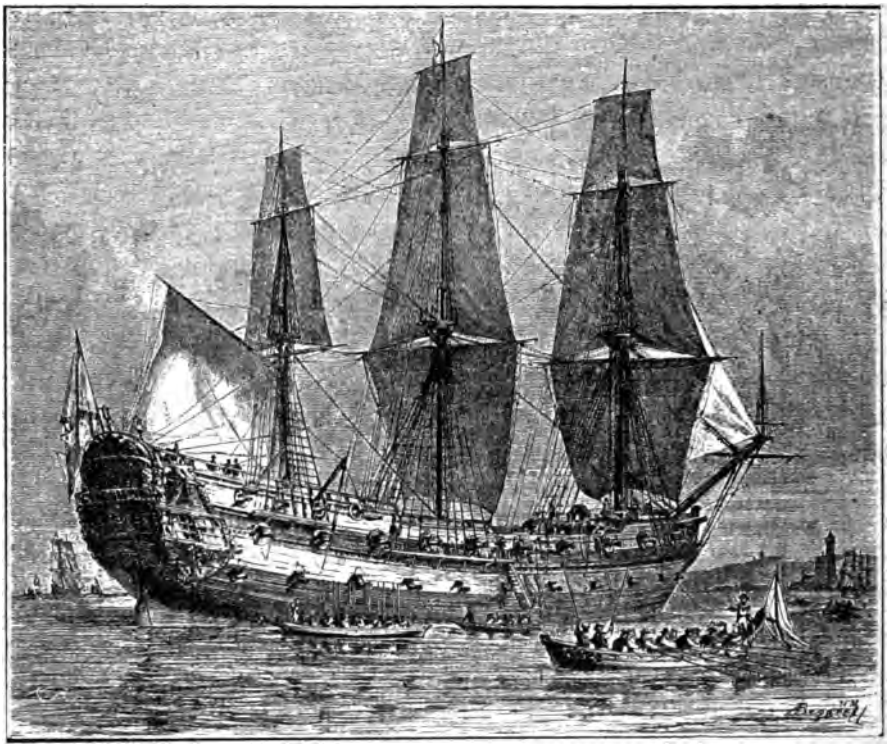
Вслѣдъ за тѣмъ Петръ рѣшился, по политическимъ соображеніямъ, отправиться въ Парижъ, гдѣ въ то время возникалъ проектъ выдать за овдовѣвшаго царевича Алексѣя дочь герцога Орлеанскаго.

---

[35]) Соловьевъ, XVII, 64—68.

[36]) Тамъ же, XVII, 70 и 36.—Зап Ист. Общ. XXXIV, 496.

Въ Парижѣ, въ которомъ Петръ прожилъ съ 21 апрѣля по 9 іюня, было подготовлено заключеніе договора. Царь уполномочилъ Шафирова, Толстого и Куракина вести переговоры съ Франціею. Къ счастью для Россіи, что во Франціи находились противники Англіи, которые видѣли въ союзѣ съ Россіею опасный ударъ интересамъ Англіи.

Корабль „Ингерманландъ", носившій флагъ Петра I во время командованія четырьмя флотами въ 1717 году.

Въ Парижѣ Петра принимали очень торжественно, стараясь закрѣпить его симпатіи къ Франціи. Празднества, пріемы, посѣщенія и поѣздки по окрестностямъ чередовались одни за другими. Сорбонна чествовала царя; на монетномъ дворѣ въ его честь чеканили особую медаль. Его личное обаяніе, познанія, живой интересъ ко всему, что касалось политики, технологіи и науки, производили глубокое впечатлѣніе. Всякій, приходившій въ соприкосновеніе, не могъ не изумляться геніальности человѣка, положеніе котораго въ мірѣ было теперь совершенно инымъ, чѣмъ двадцать лѣтъ передъ тѣмъ, когда онъ предпринималъ свое первое путешествіе въ запад-

ную Европу. Сенъ-Симонъ писалъ, по поводу сближенія Франціи съ Россіею, что «ничего не можетъ выгоднѣе для насъ, какъ въ отношеніи нашей торговли, а также нашей политики на сѣверѣ, въ Германіи и во всей Европѣ.» По его замѣчанію, Петръ является огромною фигурою въ Европѣ и въ Азіи [37]).

Очень скоро послѣ отъѣзда Петра изъ Парижа въ Амстердамъ, 4 августа состоялось соглашеніе между Россіею, Франціею и Пруссіею: всѣ три державы обезпечивали другъ другу трактаты Утрехтскій и Баденскій, а также и будущій сѣверный миръ. Франція, однако, обязывалась только употребить добрыя услуги для окончанія сѣверной войны. Но она также обязывалась по окончаніи срока своего союза съ Швеціею (въ апрѣлѣ 1718 г.) не вступать съ нею ни въ какія другія договорныя сношенія [38]).

О мирѣ стали говорить все чаще; о немъ разсуждали въ различныхъ мѣстахъ. Вездѣ положеніе Россіи представлялось особенно благопріятнымъ. Самъ царь, его войско, его флотъ, его научившіеся въ европейской школѣ дипломаты были необыкновенно сильнымъ факторомъ общей международной жизни. Такое съ трудомъ достигнутое мировое положеніе Петра было плодомъ всей его дѣятельности. Но проявиться это могло лишь послѣ полтавской битвы.

[37]) Mémoires, XV, 91.—См. ст. Брикнера въ „Русск. Вѣстн.“, CLI, 633.
[38]) П. С. З. № 3098. – Зап. Ист. Общ., XXXI (Напр. 196, 535) XXV—XXXVIII.

ГЛАВА XI.

Послѣднія событія войны.

Россіи надлежало еще много показать твердости, чтобы не выпустить плодовъ побѣды въ послѣднюю минуту.

Между тѣмъ въ послѣдніе фазисы войны еще могло казаться, что несмотря на всѣ успѣхи Россіи, такой исходъ былъ возможенъ. Но отношеніе, особенно непріязненное и угрожающее, выказала Англія. Не было недостатка въ попыткахъ, чтобы умѣрить то значеніе, которое занялъ Петръ въ Европѣ. Послѣдніе годы показали, какую опасность несла съ собою для всѣхъ европейскихъ державъ усилившаяся Россія, и какъ легко могло возникуть преобладаніе Россіи въ Европѣ, при существующей распатанности государственной системы, при постоянныхъ неурядицахъ и столкновеніяхъ среди нихъ. И эта опасность могла быть очень ощутительною въ особенности во все время пока продолжалась война. Желѣзная воля Петра казалось создавала все новыя арміи и новые флоты. Общимъ желаніемъ должно было быть заключеніе мира между Россіею и Швеціею. Только тогда возрастаніе могущества царя могло получить предѣлъ. Европа нуждалась въ покоѣ.

Въ особенности стремились къ миру въ Швеціи. Еще передъ полтавской битвой, общее чувство удрученности охватило населеніе. Часто раздавались голоса о начавшемся упадкѣ Швеціи. Послѣ полтавской битвы долго не знали даже, живъ ли король. Многіе желали его смерти, такъ какъ не безъ основанія полагали, что, пока Карлъ XII живъ, не можетъ быть рѣчи о мирѣ. Объ участи короля ходили самые разнообразные слухи; онъ сошелъ съума, впалъ въ полное отчаяніе, его даже сравнивали съ безумнымъ Эрихомъ XIV [1]).

Но о мирѣ усиленно думалъ самъ Карлъ XII, въ особенности послѣ того, какъ турецкая война не въ силахъ была сломить могущества Россіи.

[1]) Fryxell, III, 52.

Впервые объ этомъ намѣреніи короля достовѣрно узналъ Петръ только въ 1716 г. Генералъ Ранкъ, прежде бывшій на шведской службѣ, потомъ на гессенской, началъ въ Гаагѣ переговоры съ Куракинымъ. При такихъ переговорахъ было очень трудно достигнуть успѣха, такъ какъ со стороны Россіи приходилось особенно осторожно считаться со взглядами союзниковъ. Каждая попытка къ мирному посредничеству была, вмѣстѣ съ тѣмъ, попыткою посѣять раздоръ между союзниками.

Карлъ просилъ даже ландграфа гессенъ-кассельскаго побудить русскихъ устроить соглашеніе для мирныхъ переговоровъ.

Въ то самое время, когда въ Парижѣ происходило нѣкоторое сближеніе между Франціею и Россіею, Куракинъ имѣлъ въ Гаагѣ нѣсколько совѣщаній съ однимъ изъ преданнѣйшихъ приверженцевъ Карла, Понятовскимъ. Швеція желала знать степень мирныхъ требованій Россіи. Въ этихъ сношеніяхъ принялъ участіе и Герцъ; онъ предложилъ мирную конференцію устроить въ Финляндіи, тамъ переговоры могутъ вестись тайно, и по ихъ окончаніи состоится свиданіе Карла и Петра. Потомъ было рѣшено, что уполномоченные обѣихъ сторонъ должны собраться на Аландскихъ островахъ [2]).

Одновременно съ этимъ со стороны Россіи начались въ Даніи сношенія относительно высадки для взятія Шонена. Между обоими государствами не было недостатка въ недовѣріи. Въ Даніи опасались военной силы царя и ничего такъ не желали, какъ чтобы русскіе очистили Мекленбургъ и ушли къ себѣ домой [3]).

Пруссія также не была расположена, какъ раньше. Русскіе дипломаты въ Берлинѣ должны были не разъ выслушивать добрый совѣтъ: слишкомъ многаго не требовать. Ограничить стремленіе Петра на Финляндію, казалось прусскимъ министрамъ еще недостаточною уступкою; признавалось желательнымъ принудить его отказаться и отъ Ревеля. Русскіе всячески старались доказать, что присоединеніе къ Россіи всей Лифляндіи необходимо, чтобы обезпечить на сѣверѣ миръ на долгое время. Но мнѣнія совершенно расходились. Договорились до возобновленія гавельсбергскаго договора; въ особенности старался Петръ постоянно оповѣщать короля о ходѣ переговоровъ со шведами [4]).

Наконецъ, и со стороны Англіи было заявлено желаніе сближенія съ Россіею. Въ іюлѣ 1717 г. въ Амстердамѣ происходили переговоры о за-

[2]) Соловьевъ, XVII, 78.
[3]) Тамъ-же, XVII, 81—90.
[4]) Тамъ же, XVII, 90—93.

ключеніи торговаго договора. Англійскимъ уполномоченнымъ былъ адмиралъ Норрисъ. Онъ старался дѣйствовать также и въ пользу установленія общаго мира. Головкинъ на это замѣтилъ, что соединеніе русскаго и англійскаго флота явится очень дѣйствительнымъ средствомъ, чтобы понудить шведскаго короля заключить миръ. Все время, пока не былъ заключенъ миръ, русскіе представители считали, что необходимо произвести нападеніе на собственную территорію Швеціи. Но король Георгъ не соглашался на эти предложенія, онъ ссылался, что въ дѣлѣ сѣверной войны онъ долженъ соблюдать особую осмотрительность въ отношеніи парламента. Очень важнымъ показалось русскому послу Веселовскому присутствіе въ англійской столицѣ аббата Дюбуа; по мнѣнію Веселовскаго, онъ дѣйствовалъ въ направленіи, противоположномъ тѣмъ интересамъ, которые имѣла бы Россія отъ заключенія мира [5]).

Авраамъ Павловичъ Веселовскій.

Въ маѣ 1718 г. начались переговоры на Аландскихъ островахъ. Брюсъ и Остерманъ, въ качествѣ уполномоченныхъ Россіи, Герцъ и Гилленборгъ—отъ Швеціи, должны были установить лишь главные пункты мира [6]). Царь самъ составилъ эти инструкціи для своихъ представителей. Изъ этого документа видно, какъ было трудно сочетать интересы союзниковъ съ интересами Россіи. Заботиться о первыхъ Петръ открыто принялъ на себя обязанность, и теперь потребовалось нѣсколько совершенно тайныхъ совѣщаній между Герцемъ и Остерманомъ. Послѣдній, какъ видно изъ тайной инструкціи царя, долженъ обѣщать шведскому уполномоченному, что Россія, если она сохранитъ всѣ свои завоеванія, за исключеніемъ Финляндіи, въ свою очередь окажетъ королю содѣйствіе къ возмѣщенію этихъ потерь при заключеніи мира съ другими державами.

Съ самаго начала переговоровъ можно было предположить, что они останутся безрезультатными, такъ какъ шведы потребовали возвращенія

[5]) Тамъ же, XVII, 95.

[6]) Тайна сношеній не была сохранена (Hermann, 195).

Лифляндіи и Эстляндіи—этихъ передовыхъ постовъ королевства. Остерманъ сдѣлалъ попытку лично повліять на также прибывшаго въ Аландъ генералъ-адъютанта короля барона Шпарре, пользовавшагося особымъ довѣріемъ короля. Шведамъ, кромѣ того, дали понять, что представляется возможнымъ совмѣстное дѣйствіе съ ними противъ Англіи; Россія склонна даже принять подъ свою защиту претендентовъ. Особенно настойчиво шли переговоры о владѣніи Ревелемъ, уступить который Герцъ не считалъ возможнымъ. Потомъ Герцъ на цѣлый мѣсяцъ уѣхалъ, подъ предлогомъ полученія отъ короля новыхъ инструкцій. По своемъ возвращеніи, онъ объявилъ, что Карлъ готовъ согласиться на уступку Лифляндіи взамѣнъ соотвѣтственнаго «возмѣщенія» изъ датской территоріи, въ чемъ царь долженъ ему помочь. Дальнѣйшее затрудненіе представилъ собою Выборгъ. Остерманъ и Брюсъ заявили, что этотъ городъ необходимъ царю для безопасности Петербурга. Съ своей стороны Герцъ постоянно дѣлалъ предложенія, которыя вызывали бы дѣйствія союзниковъ противъ Петра. Присоединенія, на которыя надѣялась Пруссія, оставались вопросомъ открытымъ. Но и кромѣ того было много разногласій, которыя, казалось, помѣшаютъ заключенію мира. Шведы не хотѣли также согласиться на уступку Кекгольма, а русскіе на этомъ настаивали. Два раза ѣздилъ Остерманъ въ Петербургъ, два раза былъ Герцъ въ Стокгольмѣ за новыми инструкціями, но дѣло мало подвигалось впередъ. Все яснѣе становилось, что Герцъ не пользовался въ Швеціи достаточнымъ довѣріемъ, и это обстоятельство, очевидно, сильно затрудняло его дѣятельность. Слѣдуетъ замѣтить, что со стороны Швеціи намѣренно медлили и спорили объ уступкахъ, такъ какъ ожидали, что въ Россіи вспыхнетъ большой бунтъ, что, конечно, измѣнило бы положеніе Карла въ самомъ благопріятномъ для него смыслѣ. Въ концѣ концовъ, Остерманъ пришелъ къ заключенію, что только посредствомъ русскаго нашествія на самую страну Швеція станетъ податлива. Онъ также высказывалъ надежду, что безумнаго Карла скоро убьютъ или что онъ самъ сломитъ себѣ шею.

Герцъ въ ноябрѣ отправился въ Швецію, послѣ того какъ было отклонено требованіе Карла, чтобы царь помогъ ему въ войнѣ съ Даніею. Онъ долженъ былъ вернуться черезъ четыре недѣли, но тутъ въ Аландъ пришло извѣстіе о смерти Карла и арестѣ его прежняго уполномоченнаго.

Остерманъ поѣхалъ въ Петербургъ, а Брюсъ остался, чтобы продолжать переговоры; было очевидно, что соединеніе съ Швеціей, перемѣна на шведскомъ престолѣ, государственный переворотъ окажутся благопріятными для Россіи. Рѣшительнѣе прежняго стала Россія домогаться

Лифляндіи, Эстляндіи, Ингерманландіи, Выборга и Кексгольма съ частью Кореліи. Съ другой стороны, Петръ заявилъ готовность уплатить деньги и послалъ въ Швецію бригадира Лефорта поздравить королеву Ульрику Элеонору съ вступленіемъ на престолъ. При этомъ съ обѣихъ сторонъ были высказаны пожеланія скораго мира. Но на Аландскихъ островахъ дѣло не подвигалось, и Остерманъ и Брюсъ, какъ и раньше, настаивали на необходимости поддержать дипломатическія сношенія наступательными военными дѣйствіями.

Тѣмъ временемъ случилось событіе, имѣвшее послѣдствіемъ охлажденіе царя къ своему вѣрнѣйшему союзнику, королю прусскому. Во время переговоровъ русскимъ уполномоченнымъ былъ поставленъ вопросъ, знаютъ-ли они о томъ, что расширенію Россіи на Западъ поставлены уже извѣстныя границы,—иными словами, что противъ Россіи уже составляется цѣлый союзъ. Головкинъ узналъ въ Берлинѣ, что Ганноверъ особенно сильно агитируетъ противъ Россіи; Англія предлагала королю Фридриху-Вильгельму большія выгоды, и Головкинъ неоднократно бесѣдовалъ объ этихъ обстоятельствахъ съ прусскимъ королемъ. Легко могъ произойти разрывъ между Пруссіею и Россіею.

Со стороны Россіи приходилось дѣйствовать особенно энергично. Флотъ изъ 30 военныхъ кораблей, 130 галлеръ и 100 меньшихъ судовъ, былъ отправленъ къ берегамъ Швеціи, посаженныя на нихъ войска высадились вблизи столицы и обратили въ пепелъ два города, 130 деревень, 40 мельницъ и нѣсколько желѣзодѣлательныхъ заводовъ. Апраксинъ показался въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Стокгольма и опустошилъ окрестности. Добыча русскихъ исчислялась въ одинъ милліонъ, а потери, понесенныя шведами, въ двѣнадцать милліоновъ. Казаки показывались вблизи самой столицы. Все это происходило въ іюлѣ 1719 г., и Петръ съ волненіемъ ожидалъ дѣйствія этого шага.

Остерманъ былъ посланъ въ Стокгольмъ, но встрѣтилъ тамъ настроеніе очень твердое. Ему указали на противорѣчіе въ образѣ дѣйствій царя, который съ одной стороны ведетъ переговоры о мирѣ, а съ другой стороны обращаетъ въ пустыни окрестности Стокгольма; стремленіе къ миру было значительно ослаблено въ Швеціи [7]).

Тогда Петръ послалъ своимъ уполномоченнымъ на Аландѣ своего рода ультиматумъ: или миръ долженъ быть заключенъ въ теченіе двухъ недѣль на основаніи русскихъ требованій, или переговоры окончательно

[7]) „Русск. Арх." 1883, 49.—Лефортъ, вернувшійся въ 1719 г. изъ Швеціи, говорилъ, что народъ хочетъ мира.

прерваны. Шведы заявили, что, въ такомъ случаѣ, они должны немедленно уѣхать. Конгрессъ закончился, не приведя къ желаемой цѣли [8]).

Новое правительство Швеціи держалось Англіи, и между обоими государствами состоялось полное примиреніе. Швеція предоставила Бременъ и Верденъ Ганноверу.

Въ обстоятельной запискѣ, посвященной политическому положенію, русскій посланникъ въ Гаагѣ Куракинъ говорилъ, что это соглашеніе существенно ухудшаетъ положеніе Россіи; онъ былъ того мнѣнія, что Швеція не можетъ предпринимать ничего рѣшительнаго, что нужно только выиграть время, для принужденія шведовъ къ желательному миру, и что можетъ потребоваться продолженіе военныхъ операцій въ самой Швеціи [9]).

Въ Россіи постепенно пришли къ убѣжденію, что необходимо придти къ соглашенію съ Швеціею, войною или мирными переговорами, но самостоятельно, независимо отъ дипломатическаго содѣйствія другихъ державъ. Въ сущности, Куракинъ былъ правъ, утверждая, что никто, даже Англія, не выступитъ спасителемъ Швеціи.

Также натянуты были отношенія и къ австрійскому правительству. Здѣсь продолжалась маленькая дипломатическая война, вызванная исторіею царевича Алексѣя и положеніемъ, которое занялъ австрійскій агентъ въ Россіи, Плейеръ. Царь потребовалъ отозванія Плейера изъ Москвы, и принцу Евгенію было нелегко подчиниться такому желанію Петра. Собственно Австрія могла тѣмъ холоднѣе относиться къ Россіи, что она закончила довольно выгодный миръ съ Турціей и ясно видѣла, что въ сосѣдней Польшѣ усиленно желаютъ удаленія оттуда русскихъ. Въ Вѣнѣ все-таки нѣсколько опасались находившихся по сосѣдству русскихъ войскъ. Когда разыгралась исторія съ царевичемъ, и въ Вѣнѣ узнали о страшномъ гнѣвѣ Петра, возникло мнѣніе, чтобы онъ со своими войсками, находившимися въ Польшѣ, не перешелъ границы и не занялъ нѣсколькихъ провинцій. Въ Вѣнѣ опасенія шли такъ далеко, что даже Портѣ было сдѣлано предложеніе, чтобы она, съ своей стороны, потребовала удаленія русскихъ войскъ изъ Польши, которой должна быть также передана Лифляндія. Впрочемъ, относительно послѣдняго пункта, въ Вѣнѣ были различныя мнѣнія.

Послѣ смерти Карла XII, между Швеціею и Австріею началось сближеніе. Веселовскій замѣтилъ, что въ Вѣнѣ съ русскимъ представителемъ

[8]) Соловьевъ, XVII, 229—262.
[9]) Тамъ же, 318.

стали разговаривать довольно высокомѣрно, и ему пришлось выслушать упрекъ, что царь не безпричастенъ къ послѣднему возмущенію кроатовъ.[10]).

Отношенія царя и императора ухудшались. Царь посылалъ одного за другимъ въ Вѣну, генералъ-лейтенанта Вейсбаха и Ягужинскаго въ качествѣ чрезвычайныхъ пословъ, но они не достигали цѣли добиться содѣйствія Австріи къ заключенію мира. Въ Вѣнѣ предложили созвать общій конгрессъ въ Брауншвейгѣ, но царь на это не могъ согласиться. Императоръ былъ непріязненно настроенъ къ Петру [11]).

Съ Польшею Петръ не стѣснялся. Постоянно прибывали въ нее новыя войска, и въ злополучной странѣ, въ положеніи диктаторовъ, дѣйствовали то Ренне, то Шереметевъ или Меншиковъ. Благодаря незначительности своего короля, Польшѣ приходилось, раньше другихъ, платиться за военные расходы. Притѣсненіе православныхъ въ Польшѣ дало царю возможность вмѣшаться даже во внутреннія дѣла страны. Русскія деньги сильно вліяли на нѣкоторыхъ магнатовъ. Между населеніемъ въ Гродно раздались громкія жалобы на стѣсненія, испытываемыя отъ русскихъ войскъ; послышались многіе протесты, но страна по прежнему оставалась предметомъ внутренней неурядицы и различныхъ интригъ и дипломатическихъ соображеній иностранныхъ державъ. Что могли при такомъ положеніи значить возраженія, которыя не переставала дѣлать Австрія по поводу Лифляндіи? Петру не было надобности считаться съ упреками польскаго короля [12]). Кромѣ того, во время переговоровъ, все чаще заходила рѣчь о раздѣлѣ Польши [13]). Государство, которому угрожаетъ постоянная опасность распасться на части, съ трудомъ могло разсчитывать на присоединеніе столь значительной области, какъ Лифляндія.

Заслуживаетъ вниманія сближеніе за это время Россіи съ Испаніею, а Англія и Франція заключили союзъ противъ Испаніи и пытались привлечь къ нему Голландію. А Куракинъ велъ въ Вѣнѣ переговоры съ испанскимъ посланникомъ о заключеніи русско-испанскаго союза. Эта попытка оказалась безрезультатна, но она доказываетъ, насколько выросло значеніе Россіи, и насколько тѣсно было ея соприкосновеніе со всѣми европейскими государствами. Во время несогласій между Англіею и Австріею, Россія также показала, что своимъ союзомъ съ тою или другою она мо-

[10]) Веселовскій покинулъ Вѣну и исчезъ. Впослѣдствіи онъ объявился въ Англіи, желая принять подданство, но ему было отказано. Домогательства русскаго правительства объ его арестѣ не были, однако, уважены. (*Прим. перев.*).

[11]) Соловьевъ, XVII. 262—270.

[12]) Тамъ же, 280—300.

[13]) Соловьевъ, XVII, 373 и 392. (Дѣло о двухъ евреяхъ въ Берлинѣ).

жетъ очень осложнить положеніе своего противника. Надо замѣтить, что въ то время Испанія еще была союзницей, которой не слѣдовало пренебрегать. Ея паденіе положило конецъ переговорамъ [14]).

Отношенія къ Пруссіи также стали натянуты. Англійско-ганноверское вліяніе въ Берлинѣ дѣлало успѣхи. Прусскому посланнику въ Петербургѣ, Шлиппенбаху, приходилось выслушивать рѣзкія замѣчанія; ожидали, что король совершенно отстранится отъ царя, и Пруссія перейдетъ на сторону Швеціи; поэтому нужно уже считать ее за открытаго врага. Но королю собственно выгоднѣе сохранить дружбу царя, и для прусской политики Россія была факторомъ, который она больше всего другого должна была принимать въ разсчетъ [15]). Петру не было основаній опасаться Пруссіи.

Нельзя было того же сказать про Англію. Швеція могла достовѣрно разсчитывать на вооруженное вмѣшательство Англіи, и въ водахъ Балтійскаго моря легко могло произойти столкновеніе между Англіею и Россіею [16]).

Въ Англіи опасались, что Россія поощряетъ партію претендентовъ. Въ Лондонѣ говорили, что агенты Стюартовъ могли похвалиться особенно радушнымъ пріемомъ въ Петербургѣ. Министръ Стангопъ освѣдомлялся объ этомъ у русскаго резидента въ Лондонѣ. Росссія, напротивъ того, жаловалась на частое появленіе англійскаго флота въ Балтійскомъ морѣ. Англійскіе купцы опасались возникновенія англо-русской войны. На повторенное требованіе царя относительно причинъ появленія англійскаго флота въ Балтійскомъ морѣ послѣдовалъ, наконецъ, отвѣтъ, что королева Ульрика-Элеонора просила вмѣшательства Англіи, и что появленіе эскадры адмирала Норриса должно было поддержать такое вмѣшательство. Эта нота англійскаго посланника въ Стокгольмѣ, Картерета, была сообщена Остерманну и Брюсу, которые были въ то время на Аландскихъ островахъ, и они отправили ее дальше къ царю. Они считали этотъ образъ дѣйствій Картерета и Норриса непристойнымъ.

Петръ былъ тѣмъ менѣе склоненъ принять мирное посредничество Англіи, что онъ зналъ, что общественное мнѣніе въ Англіи не желало конфликта съ Россіею.

Но морскія демонстраціи Англіи не прекращались. Даже лѣтомъ 1720 г. появился адмиралъ Норрисъ въ Балтійскомъ морѣ. Веселовскій

---

[14]) Тамъ же, 314.

[15]) Droysen, IV, 2, 279, 320.—Интересные документы у Соловьева XVII, 304.

[16]) Hermann. (Донесеніе) 155.

писалъ изъ Лондона, что адмиралу поручено соединиться съ шведскимъ флотомъ, защищать шведское побережье и содѣйствовать заключенію мира. Съ своей стороны, Петръ послалъ своимъ уполномоченнымъ запрещеніе принимать какія-либо посланія и предложенія Норриса. Представитель царя въ Ревелѣ, уже получившій такое посланіе, поспѣшилъ отослать его обратно англійскому адмиралу. Апраксинъ довольно рѣзко освѣдомлялся у Норриса о причинахъ его появленія съ эскадрою въ Балтійскихъ водахъ. Въ своемъ отвѣтѣ Норрисъ говорилъ о посредничествѣ и находилъ, что появленіе въ Петербургѣ англійскаго посланника весьма естественно.

Что Россія не испугалась этихъ демонстрацій, и что Англія не имѣла въ виду ничего дѣйствительно серьезнаго, показалъ 1720 г., когда повторилась новая высадка русскихъ войскъ на Скандинавскомъ полуостровѣ. Опять было сожжено два города и нѣсколько дюженъ деревень. Въ Англіи оппозиція насмѣшливо отнеслась къ англійскому флоту, который посланъ былъ на защиту шведскихъ береговъ и спокойно созерцалъ разрушительныя дѣйствія русскихъ.

И въ 1721 г. появились англичане въ Балтійскомъ морѣ, но и въ этомъ году русская эскадра, на глазахъ англичанъ, обратила въ бѣгство шведскую эскадру. Черезъ Куракина изъ Гааги узнали про письмо англійскаго короля къ Ульрикѣ-Элеонорѣ съ совѣтомъ заключить миръ, такъ какъ эти морскія демонстраціи стоятъ много денегъ и имѣютъ лишь ограниченное значеніе для службы и пользы короля. Было очевидно, что Швеція не могла разсчитывать на помощь Англіи [17]). Во время заключенія мира было не мало признаковъ, что въ Англіи желаютъ сближенія съ Россіею [18]).

Такимъ образомъ, твердость Россіи до конца, наконецъ, сдѣлала возможнымъ миръ, который соотвѣтствовалъ колоссальному развитію государства. Заключеніе мирнаго договора было теперь близко.

Въ 1720 г. въ Петербургѣ появился уполномоченный королевы Ульрики-Элеоноры съ оповѣщеніемъ о вступленіи ея на престолъ. Въ августѣ того же года отправился въ Стокгольмъ русскій уполномоченный Румянцевъ. Тамъ ему были сдѣланы предложенія возобновить мирные переговоры, а именно въ Финляндіи, въ окрестностяхъ Або. Петръ тотчасъ увѣдомилъ, что его уполномоченные отправятся въ Ништадтъ.

Въ 1721 г. Петербургѣ велись переговоры съ французскимъ посланникомъ Кампредономъ, предложившимъ французское посредничество [19]).

[17]) Соловьевъ, XVII, 322, 359, 367.
[18]) Тамъ-же, 367—368 и Hermann.
[19]) Зап. ист обз. XL.

Онъ получилъ отвѣтъ, что царь возвращаетъ только Финляндію и ничего больше. Съ этимъ онъ уѣхалъ въ Швецію.

Въ концѣ апрѣля въ Ништадтѣ съѣхались русскіе дипломаты Брюсъ и Остерманъ, со стороны Швеціи тамъ находились Лиліенстедтъ и Стремфельдтъ. Если Петръ еще во время аландскаго конгресса считалъ невозможнымъ возвращеніе Лифляндіи, то теперь тѣмъ рѣшительнѣе высказался онъ за сохраненіе завоеванія [20]), которымъ владѣлъ 20 лѣтъ. Чтобы сдѣлать шведовъ еще болѣе сговорчивыми, была предпринята новая высадка на шведскій берегъ [21]). Въ отношеніи Лифляндіи шведы проявили больше уступчивости. Только относительно Выборга были горячія пренія; шведы также надѣялись сохранить за собою Перновъ и Эзель, но эти требованія скоро отпали, и не было соглашенія только относительно нѣкоторыхъ окрестностей Выборга. Петръ отклонилъ предложеніе шведовъ о заключеніи предварительнаго мирнаго договора. Въ концѣ-концовъ, всѣ затрудненія были устранены, и 3 сентября Петръ получилъ извѣстіе о мирѣ, подписанномъ 30 августа. Лифляндія, Ингерманландія, Эстляндія, часть Кареліи съ Выборгомъ были окончательно присоединены. Финляндія возвращена обратно; Россія уплачивала 2 милліона талеровъ.

Въ письмѣ къ Апраксину, непосредственно по полученіи извѣстія о заключеніи мира, Петръ говоритъ: «Всѣ ученики науки въ семь лѣтъ оканчиваютъ обыкновенно; но наша школа троекратное время была (21 годъ) однако-же, слава Богу, такъ хорошо окончилась, какъ лучше быть невозможно [22])».

Царь находился въ окрестностяхъ Петербурга, когда онъ получилъ радостное извѣстіе. Онъ тотчасъ возвратился въ новую столицу и пальбою и музыкою возвѣстилъ жителямъ объ окончаніи войны. Одинъ очевидецъ разсказываетъ, какъ царь поспѣшилъ въ церковь, и какъ окружавшіе его сановники просили его, по случаю этого событія, принять чинъ адмирала; какъ на церковной площади появились бочки съ виномъ, и самъ Петръ, взойдя на помостъ, въ короткой рѣчи къ собравшемуся населенію объявилъ о заключеніи мира и потомъ осушилъ кубокъ за благо Россіи при громкихъ кликахъ присутствующихъ, со стѣны крѣпости раздавались пушечные выстрѣлы, которые смѣшивались съ залпами выстроенныхъ на плацу полковъ [23]). Двѣнадцать драгунъ съ лавровыми вѣтками въ рукахъ съ

[20]) Соловьевъ, XVII, 256.

[21]) Тамъ же, 359.

[22]) У Брикнера ссылка на Соловьева, XVII, 377. Между тѣмъ у этого историка приведенное письмо Петра считается посланнымъ не Апраксину, а В. Л. Долгорукому въ Парижъ. *(Прим. перев.).*

[23]) Голиковъ, VII, 340.

бѣлыми лентами герольдовъ, при звукахъ трубъ разъѣзжали по улицамъ и оповѣщали населеніе о радостномъ событіи. 10 сентября начался большой маскарадъ, продолжавшійся нѣсколько дней. Петръ радовался, какъ ребенокъ, онъ плясалъ на столахъ и распѣвалъ пѣсни [24]). 20 октября онъ сообщилъ сенату манифестъ объ амнистіи, и въ тотъ же день сенатъ просилъ царя принять званіе отца отечества, титулъ императора и великаго.

22 октября было совершено торжественное богослуженіе, Ѳеофанъ Прокоповичъ сказалъ проповѣдь. Въ рѣчи, обращенной къ царю, Головкинъ говорилъ, какъ народъ подъ руководствомъ Петра перешелъ изъ тьмы невѣжества къ всемірной славѣ, изъ небытія къ бытію, и вошелъ въ составъ политическихъ народовъ, въ знакъ признательности присваивая царю помянутые титулы. Къ громкимъ кликамъ внутри и извнѣ храма присоединились колокольный звонъ, пушечная пальба и ружейные залпы. Петръ отвѣчалъ, выражая пожеланіе, чтобы народъ въ этой войнѣ и въ этомъ мирѣ видѣлъ произволеніе Божьяго промысла; но, надѣясь на продолженіе мира, не надо упускать изъ виду дальнѣйшаго усиленія, дабы не раздѣлить участи греческаго царства [25]).

Въ Россіи должны были признать, что наступили новыя времена. Только что оконченная война на всегда отдѣляла старое московское царство отъ новой Россіи. Изъ Москвы была эта война начата, въ Петербургѣ торжественно праздновали ея окончаніе миромъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе, что еще въ срединѣ этой войны было предположено, чтобы въ иностранныхъ изданіяхъ не говорили болѣе про «Московію», а про «Россію»; въ этомъ смыслѣ былъ разосланъ циркуляръ русскимъ посланникамъ [26]). Этимъ обращеніемъ было завершено освобожденіе отъ Востока, къ которому тяготѣло царство, и состоялось вступленіе государства въ европейскую систему. Этотъ процессъ не прошелъ гладко, но все яснѣе становилась цѣль, къ которой были направлены усилія въ продолженіе десятковъ лѣтъ. Желаніе принять участіе въ европейской культурѣ на почвѣ знанія и наукъ, должно было естественно сопровождаться стремленіемъ достигнуть полныхъ гражданскихъ правъ въ западно-европейской государственной семьѣ.

Въ Европѣ наступила полная перемѣна политическихъ отношеній. Преобладаніе Швеціи на сѣверо-востокѣ кончилось, на его мѣсто явилось

---

[24]) Записки Бергольда у Бушинга.

[25]) П. С. З., 3840.

[26]) Соловьевъ, XVII, 404 (письмо Меншикова въ 1713 г. изъ Арх. М. И. Д.).

продолжающаяся гегемонія Россіи. Польша сдѣлала крупный шагъ по пути своего распаденія. Одинъ венеціанскій дипломатъ такъ опредѣлилъ положеніе: «Царь, который нѣкогда заимствовалъ законы изъ Польши, теперь неограниченно предписываетъ ей свои желанія» [27]). Во время сѣверной войны курфюрстъ Бранденбургскій получилъ титулъ прусскаго короля и занялъ новое положеніе въ Германіи; во время войны онъ былъ наиболѣе выдающимся союзникомъ царя, «крѣпко держась новоизмѣненной» Россіи. Возникновеніе двухъ новыхъ великихъ державъ на сѣверо-востокѣ Европы должно было перенести политическій центръ изъ романско-католическаго міра, гдѣ онъ долгое время находился.

Нельзя отрицать, что Петръ,—хотя ему и благопріятствовали внѣшнія обстоятельства,—принялъ существенное личное участіе въ этомъ насильственномъ переворотѣ. Не остановленный неудачею, медленно проходившій школу опыта, безъ выдающихся военныхъ способностей, но преисполненный мысли о политическомъ преобразованіи своего государства, Петръ достигъ своей цѣли. Убѣдившись, что разрывъ со стариной необходимъ, онъ одержалъ верхъ надъ величайшимъ полководцемъ, такъ какъ самъ былъ еще болѣе великимъ политическимъ мыслителемъ и твердымъ, властнымъ характеромъ. Карлъ XII мало принималъ во вниманіе истинные интересы своего народа, тогда какъ Петръ соединилъ народные интересы съ своими собственными и лично работалъ надъ ихъ осуществленіемъ [28]). Тягости и муки сѣверной войны онъ считалъ школою. Петръ яснѣе своихъ современниковъ понималъ, что для того, чтобы въ области иностранной политики тверже поставить интересы страны и народа, онъ долженъ былъ предпринять внутреннюю борьбу, которую онъ довелъ до благополучнаго конца. Онъ зналъ путь, по которому долженъ идти его народъ, и это дало ему имя «Великаго», которое преподнесъ ему этотъ народъ въ день мирнаго празднества. Скромный корабельщикъ и бомбардиръ, лоцманъ и капитанъ въ этой тяжелой работѣ заслужилъ рангъ адмирала. Но и это не все: изъ царя онъ сталъ императоромъ.

---

[27]) Ranke, XXIV, 17.

[28]) Тамъ же.

ГЛАВА XII.

Прутскій походъ 1711 г.

Петръ выжидалъ нападенiемъ на шведовъ до полученія имъ извѣстія о мирѣ съ турками, который былъ заключенъ лѣтомъ 1700 г. Онъ нуждался въ безопасности на югѣ. Восточный вопросъ долженъ былъ оставаться открытымъ: на первую очередь выступалъ вопросъ Балтійскій.

Но очевидно, что и среди опасностей и заботъ сѣверной войны вниманіе Петра было тоже обращено и на Востокъ. На югѣ Россіи могло постоянно случиться нападеніе татаръ, новое пріобрѣтеніе—Азовъ требовалъ защиты и укрѣпленія. По этому мы такъ часто видимъ царя въ Воронежѣ, гдѣ онъ наблюдалъ за кораблестроеніемъ, чтобы поставить на надлежащую высоту направленные на Турцію способы дѣйствія. О наступательной войнѣ на югѣ, во время сѣверной войны, Петръ не задумывался. Но уже въ 1702 г. Плейеръ писалъ, что въ Москвѣ ходятъ слухи, что, по окончаніи сѣверной войны, царь предполагаетъ предпринять походъ на Кавказъ и сблизиться съ Персіей; кромѣ того, царь не имѣетъ ничего противъ нападенія на Турцію и завоеванія Крыма [1]). Тогда нельзя было предполагать, что сѣверная война продолжиться два десятка лѣтъ, и кавказко-персидское предпріятіе отложится на столь долгій срокъ.

Въ отношеніи Турціи требовалась очень большая осмотрительность. Въ 1701 г. въ Константинополь былъ посланъ кн. Голицынъ, чтобы подтвердить заключенное Украинцевымъ мирное соглашеніе. Онъ долженъ былъ возобновить попытку о предоставленіи русскому флоту свободнаго плаванія по Черному морю, но онъ получилъ отвѣтъ, что скорѣе султанъ откроетъ русскимъ внутренность своего дома, чѣмъ допуститъ ихъ въ Черное море, что русскіе купцы могутъ, какъ и раньше, пользоваться турецкими кораблями, а русскіе посланники могли пользоваться сухопутнымъ сообщеніемъ, а не переплывать Понта Евксинскаго. Визирь объявилъ, что султанъ никогда

[1]) Устряловъ, IV, 2, 572.

не допустить ни одного чужестранца въ воды этого моря; іерусалимскій патріархъ совѣтовалъ Голицыну не затрагивать этого вопроса. Русскій посланникъ узналъ, что турки собираются защищать проходъ изъ Азовскаго моря въ Черное и возводить тамъ большія укрѣпленія [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, патріархъ замѣтилъ, что вся надежда всѣхъ турецкихъ христіанъ возлагается ими на царя и на его флотъ, и что это причиняетъ Портѣ большую заботу.

Въ ноябрѣ 1701 г. въ Адріанополь, гдѣ проживалъ султанъ Мустафа II, прибылъ Петръ Толстой [3]). Ему было дано тайное порученіе изслѣдовать и представить точныя свѣдѣнія о положеніи балканскихъ народностей, о силѣ и намѣреніяхъ Турціи; онъ долженъ былъ освѣдомиться, дѣйствительно-ли производится возведеніе сильной крѣпости на Керченскомъ проливѣ, и на сколько укрѣплены Очаковъ, Аккерманъ, Килія и другіе города.

Толстой сообщалъ, что его назначеніе постояннымъ посланникомъ въ Константинополѣ очень не понравилось, что турки опасаются русскаго флота и думаютъ, что Толстой станетъ подговаривать подвластныхъ Турціи христіанъ къ возмущенію противъ султана. До нихъ дошелъ слухъ, что царь построилъ въ Архангельскѣ 70 военныхъ судовъ и хочетъ переслать ихъ по океану въ Средиземное море, къ Константинополю. Толстой также слышалъ, будто крымскіе татары добиваются разрѣшенія султана произвести набѣгъ въ Россію.

Несомнѣнно, что къ русскому посланнику относились съ недовѣріемъ. Ему объявили, что сооруженіе русскихъ крѣпостей на турецкой границѣ не нравится Портѣ, и что она не придастъ вѣры дружественнымъ увѣреніямъ Россіи [4]). Затѣмъ турки потребовали, чтобы въ Азовѣ и Таганрогѣ не дѣлали стоянокъ для русскихъ судовъ. Изъ донесеній Толстого видно, съ какимъ достоинствомъ и рѣшительностью этотъ дипломатъ, одинъ изъ способнѣйшихъ сподвижниковъ Петра и лучшихъ учениковъ западно-европейской выучки, отклонялъ такія стремленія.

Толстой узналъ также, что на разрывъ съ Россіею оказываютъ большое давленіе шведское и польское вліянія; онъ упоминаетъ также и французскихъ эмиссаровъ, дѣйствовавшихъ въ томъ же направленіи. Только съ помощью богатыхъ подарковъ высшимъ чинамъ и ихъ слугамъ удалось Толстому проникнуть въ важныя государственныя тайны.

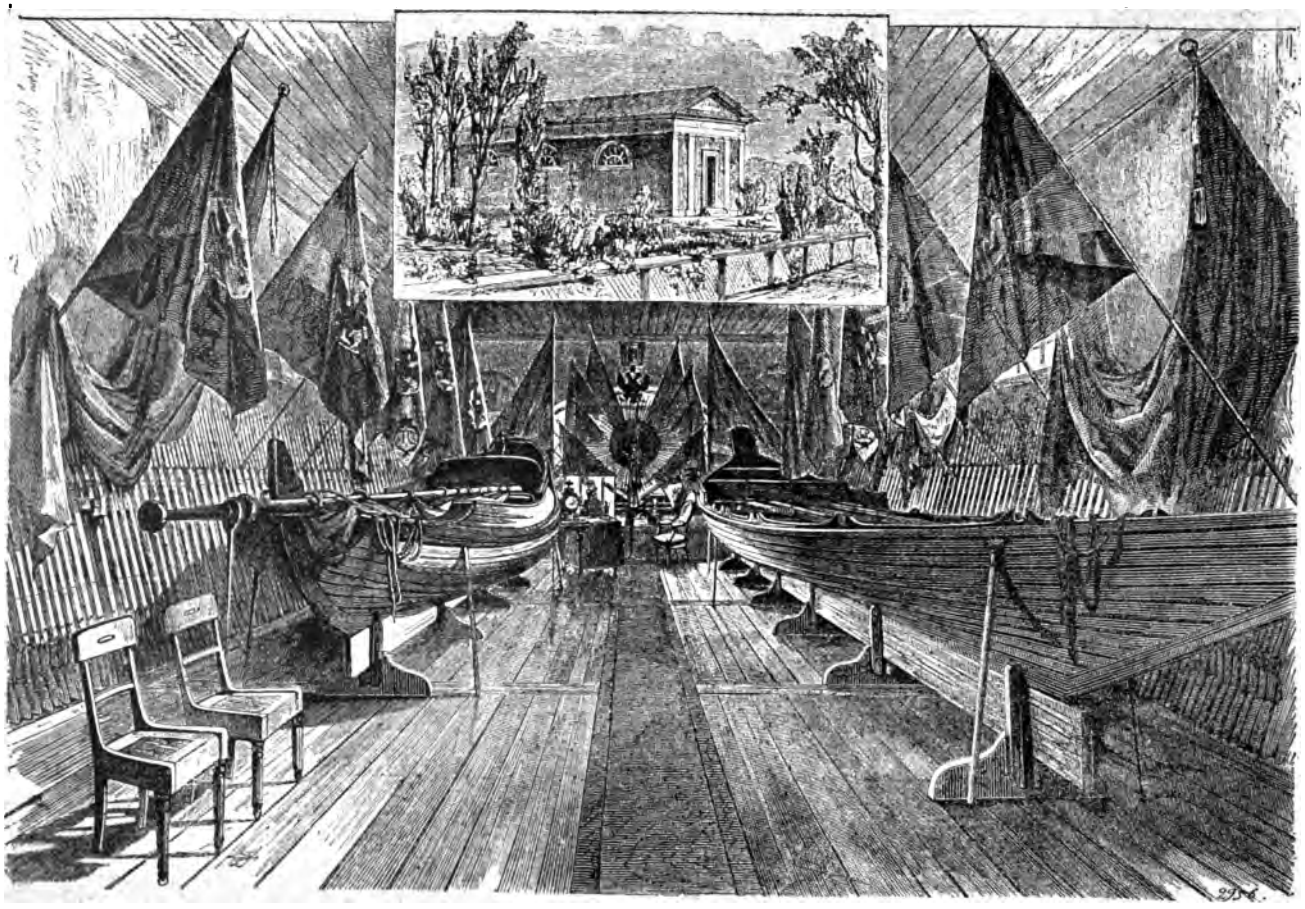
Впрочемъ, настроенія также часто мѣнялись въ Константинополѣ,

---

[2]) Соловьевъ, XV, 76.

[3]) Его письмо къ брату въ „Русск. Арх." 1864, 473—494.

[4]) Солевьевъ, XV, 81.—Hammer, VII, 101.

Петровскій музей въ Астрахани.

какъ и правящія лица. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ Толстой видѣлъ нѣсколькихъ визирей. Образъ обращенія съ русскимъ посланникомъ мѣнялся постоянно: то къ нему относились съ величайшимъ почетомъ, то обращали чуть не въ плѣнника [5]).

Многочисленныя письма Петра къ Апраксину свидѣтельствуютъ о необыкновенной дѣятельности на азовскихъ и воронежскихъ верфяхъ. Царь постоянно повторялъ Апраксину, что надо увеличить число кораблей и увеличить численность войска, предназначеннаго для защиты Азова. Царь входилъ во всѣ подробности этихъ мѣръ. За этими работами внимательно слѣдили и всѣ проживавшіе въ Москвѣ иностранные дипломаты [6]).

Между тѣмъ въ Россіи ощущалось нѣкоторое волненіе, такъ какъ было узнано, что татары готовятъ нашествіе [7]). Толстому было поручено озаботиться, чтобы со стороны Порты былъ положенъ запретъ такому дѣйствію [8]). Не было недостатка и въ ложныхъ слухахъ. То передавали, что турецкое войско въ 40,000 человѣкъ стоитъ подъ Чигиринымъ, то, что турецкій флотъ готовитъ нападеніе на Азовъ [9]). Не смотря на заключенный въ 1700 г. миръ, ощущалось чувство постояннаго военнаго положенія. Опредѣленіе границъ также затягивалось, что причиняло царю не мало заботъ [10]). Недовѣріе турокъ не прекращалось. Ежегодно появлялся турецкій флотъ, чтобы прикрывать сооруженія пограничныхъ укрѣпленій противъ возможнаго нападенія Россіи [11]). Турецкій посланникъ, появившійся въ Москвѣ въ 1704 г., напротивъ того, жаловался на сооруженіе русскихъ крѣпостей на турецкой границѣ; онъ требовалъ немедленной пріостановки всѣхъ такихъ работъ, на что возражали, что русскіе не дѣлаютъ ничего противнаго условіямъ мира [12]); вмѣстѣ съ тѣмъ, въ Москвѣ разсчитывали воздѣйствовать на турецкаго дипломата посредствомъ большихъ смотровъ сосредоточенныхъ войскъ [13]). Обращаетъ на себя вниманіе собственноручная инструкція Петра по случаю ожидавшагося прибытія турецкаго посла,—ему не слѣдуетъ давать времени и возможности осмотрѣться

---

[5]) Соловьевъ, XV, 81—84.
[6]) Устряловъ, IV, 2, 662.—Майновъ, въ „Др. и Нов. Росс." 1875; II, 66—67
[7]) Устряловъ, IV, 2, 595.
[8]) Тамъ-же, IV, I, 220.
[9]) Дон. Плейера, тамъ-же IV, 2, 609.
[10]) Тамъ-же, IV, 2, 70,—письмо П. В. къ Апраксину.
[11]) Hammer, VII, 123.
[12]) Дневн. Петра, I, 99.
[13]) Устряловъ, V, 2, 626.

въ Азовѣ и немедленно повести въ Воронежъ. По поводу аудіенціи произошли нѣкоторыя несогласія въ церемоніалѣ [14]).

Положеніе Толстого въ турецкой столицѣ было не изъ легкихъ. Въ собственноручномъ письмѣ, Петръ просилъ своего посланника быть твердымъ на опасномъ посту. Въ 1706 году когда Петръ, послѣ Альтранштадтскаго мира, нѣкоторое время долженъ былъ одинъ нести всю тяжесть шведской войны, онъ усиленно заботился о томъ, что можетъ сдѣлать Карлъ XII сообща съ Портою. Предполагалось устранить эту опасность побужденіемъ Турціи къ нападенію на Австрію. Толстой проявилъ необыкновенную дѣятельность и, съ помощью подарковъ греческому духовенству и подкуповъ турецкихъ сановниковъ, получилъ очень точныя карты Чернаго моря и прислалъ царю подробную топографію этого моря; онъ думалъ, для исполненія царскаго порученія, дѣйствовать черезъ французскаго посланника; онъ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ также за волненіемъ въ Венгріи.

Но отъ какого-либо дѣйствія въ союзѣ съ французами приходилось отказаться. Толстой узналъ, что французскій посланникъ старается усиленно возбудить конфликтъ между Портою и царемъ, что этотъ посланникъ поддерживаетъ тайныя сношенія съ крымскимъ ханомъ и имѣетъ большое вліяніе на окружающихъ султана. Французы достигли того, что султанъ послалъ начальникамъ пограничныхъ крѣпостей: Очакова, Бендеръ и Керчи, особыя, относящіяся къ военнымъ дѣйствіямъ инструкціи. Толстому удалось получить очень точныя свѣдѣнія относительно подстрекательствъ французскаго представителя; онъ предупреждалъ о томъ усиленіи царской власти, которая дѣлала его хозяиномъ Польши, а съ другой стороны указывалъ, что никогда еще состояніе Россіи не было столь благопріятно для нападенія, какъ теперь (1707 г.); онъ выбралъ также отношенія Россіи къ балканскимъ христіанамъ, а Толстого онъ приравнивалъ къ шпіону и подстрекателю, очень презрительно отзываясь о немъ. Въ концѣ записки говорилось, что царь ожидаетъ только окончанія шведской и польской войны, чтобы покрыть Черное море своимъ флотомъ и послать въ Крымъ свои войска; съ другой стороны, явится австрійскій императоръ, и легко можетъ случиться, что турки будутъ оттиснуты внутрь Азіи [15]).

Но было вовсе не такъ легко побудить къ активной дѣятельности лѣнивое и сонное турецкое правительство. Толстой по этому поводу шу-

[14]) Тамъ-же, IV, 2, 299—300 (акты).
[15]) Соловьевъ, XV, 220—225.

тилъ, что онъ потратилъ лишь нѣсколько горностаевъ и собольихъ шкурокъ, тогда какъ французъ былъ очень щедръ на разные подарки.

Но зато нѣсколько позднѣе Толстому пришлось выдать много существенныхъ подарковъ, чтобы узнать точныя данныя о стремленіяхъ одного дипломатическаго агента, котораго послалъ въ Константинополь Станиславъ Лещинскій. Лещинскій совѣтовалъ, подобно французскому представителю, допустить, чтобы крымскіе татары осуществили свое давнишнее желаніе набѣга на Россію; этимъ путемъ Турція опять можетъ получить Азовъ; новый польскій король упоминалъ также, что царь замышляетъ походъ на Порту, для этой цѣли строитъ большой флотъ, разсчитываетъ на общее возстаніе балканскихъ христіанъ, усиливая и поощряя между ними недовольство и броженіе. Со всѣхъ сторонъ получаетъ, будто, царь посланія отъ непокорныхъ подданныхъ султана, Польшѣ было предъявлено нѣсколько такихъ документовъ; чтобы убѣдиться въ вѣроломствѣ русскихъ, надо только произвести обыскъ въ домѣ Толстого.

Нѣкоторые приближенные султана склонили его на разрѣшеніе такого обыска. Но болѣе благоразумные заявили, что подобный поступокъ явится обидою для царя и немедленно повлечетъ за собою войну съ Россіею, а къ такой войнѣ Порта не подготовлена. Толстому удалось подкупить визиря и другихъ. Толстой извѣщалъ, между прочимъ, что по стараніямъ визиря, не оказалось способныхъ людей, задавлены двое самыхъ умныхъ пашей; это извѣстіе русскій посолъ заканчиваетъ пожеланіемъ: «Дай, Всевышній, чтобъ и остальные всѣ передавились [16]).

Очень большою была угрожающая со стороны Турціи опасность во время Булавинскаго бунта. Выше мы видѣли, что мятежники желали соединиться съ турками, какъ они предупреждали султана, противъ царя и его флота и предлагали Портѣ возвращеніе Азова. Петръ самъ въ это время больше опасался, какъ бы Булавинъ и его приверженцы не запяли Азова и Таганрога и не передали этихъ городовъ Турціи. Если бы въ это время случилось нашествіе татаръ, то можно было бы ожидать всего худшаго.

Толстому было поручено прослѣдить, существуютъ-ли сношенія между донскими мятежниками и турецкимъ правительствомъ. Но все было тихо и спокойно. Ни посланія короля султану, ни подстрекательства французскаго посла не могли вызвать открытый разрывъ между Портою и Россіею. Но нельзя сказать, чтобы не было случаевъ опасныхъ столкновеній. Въ турецкой столицѣ были арестованы нѣкоторые русскіе торговцы священ-

[16]) Тамъ-же, XV, 219—227.

пыхъ предметовъ, которые были сочтены за языческіе и сожжены. Только послѣ настойчивыхъ представленій Толстого, получили купцы свободу [17]).

Въ общемъ русскій посланникъ не сомнѣвался въ достиженіи мира. Даже измѣна Мазепы,—писалъ онъ въ 1708 и въ началѣ 1709 гг.—не могла побудить Порту къ войнѣ. Между прочимъ онъ узналъ, что Мазепа поддерживаетъ сношенія съ крымскимъ ханомъ, обѣщая ему значительныя суммы отъ Карла XII, Станислава Лещинскаго и изъ Малороссіи; кромѣ того, Толстому стало извѣстно, что измѣнникъ гетманъ былъ въ постоянной перепискѣ съ Силлійстрійскимъ пашею Юсуфомъ и сообщалъ ему о намѣреніи Петра завоевать Турцію. Но, одновременно съ тѣмъ, русское золото и русскіе пушные товары противодѣйствовали на Юсуфа-пашу, къ тому-же враждебно расположеннаго къ крымскому хану,—такимъ образомъ дѣятельность Порты была парализована противодѣйствующими стремленіями. Изъ Крыма пришло извѣстіе, что запорожскіе казаки намѣреваются стать подданными крымскаго хана; Юсуфъ-паша замѣтилъ, что они хотѣли быть подданными Карла XII; Толстой утверждалъ, что, за немногими исключеніями, они остались вѣрными приверженцами царя.

Порта не желала войны, но она опасалась нападенія со стороны Петра. 10-го іюля 1709 г. Толстой, еще ничего не знавшій о полтавской битвѣ, писалъ, что пребываніе Петра въ Азовѣ дало основаніе слуху, что царь намѣренъ съ большимъ флотомъ выйдти изъ Азова и напасть на Константинополь. Еслибы онъ желалъ описать волненія турецкой столицы, то ему понадобилось бы десять листовъ бумаги. Многіе турки со страху бѣжали въ Малую Азію; на улицахъ народъ кричалъ, что русскій флотъ уже находится въ Босфорѣ; было близко къ возстанію противъ султана, великаго визиря и русскаго посланника; въ столицѣ появились бѣглецы съ женами и дѣтьми изъ прибрежныхъ поселеній, опасаясь скораго прибытія русскихъ. Порта тотчасъ распорядилась привести свой флотъ въ состояніе обороны и улучшить укрѣпленія для защиты столицы. Русскому посланнику стоило много усилій успокоить турокъ. Понемногу волненіе улеглось [18]).

Обѣ державы думали только объ оборонѣ, обѣ были въ постоянной тревогѣ нападенія со стороны противника. Турки боялись за свою столицу, царь за Азовъ. Положеніе вещей было натянутое. Всякое внѣшнее давленіе на Порту могло привести къ войнѣ.

Отношенія, существовавшія между Портою и Карломъ XII, были не-

---

[17]) Hammer, VII, 150.—Соловьевъ, XII, 354.—„Др. и Нов. Росс." 1876 г. I, 200.
[18]) Соловьевъ, XVI, 355.

опредѣленными. Это свидѣтельствуетъ объ ограниченности государственныхъ способностей у шведскаго короля, что онъ не позаботился серьезнѣе обезпечить себѣ союзничество съ Турціею. У него не было въ Константинополѣ постояннаго посла. Съ очаковскимъ пашею онъ находился, во время своего пребыванія въ Польшѣ, въ постоянной перепискѣ, но никакого союза не было достигнуто [19]).

Только послѣ Полтавской битвы начались серьезные переговоры. Въ Константинополѣ посланникомъ шведскаго короля явился считавшій себя обиженнымъ въ Россіи Нейгебауеръ; вмѣстѣ съ нимъ въ султанской аудіенціи присутствовалъ и вѣрный приверженецъ Карла XII, Понятовскій. Послѣдній старался воздѣйствовать еще и на совѣтниковъ падишаха. Но Карлъ просилъ такого значительнаго турецкаго отряда, который, въ качествѣ конвоя, обезпечилъ бы ему безопасность переѣзда черезъ Польшу, что турки изъявленіемъ на это своего согласія побоялись нарушить миръ съ Польшею и Россіею [20]).

Петръ, съ своей стороны, старался повліять на Порту черезъ Толстого. Онъ потребовалъ выдачи Мазепы, который вмѣстѣ съ шведскимъ королемъ нашелъ себѣ убѣжище на турецкой территоріи. Смерть стараго гетмана, 22 сентября 1709 г., положила конецъ этимъ переговорамъ. Турки ставили на видъ, что русскіе, при преслѣдованіи шведовъ, перешли черезъ турецкую границу. Толстой сообщалъ, что хотя турки и недовольны бѣгствомъ Карла въ ихъ владѣнія, но готовятся сами къ войнѣ, не принимая, однако, никакого рѣшенія. Но убѣжденіе, что Петръ, при первомъ удобномъ случаѣ, объявитъ Портѣ войну, оставалось непоколебимымъ, и Толстой совѣтовалъ царю быть на готовѣ. Онъ совѣтовалъ также захватить Карла, остановившагося въ Бендерахъ на продолжительное пребываніе, съ помощью отряда легкой польской конницы и отвезти его затѣмъ въ Польшу. Посредствомъ подкуповъ Толстой старался добиться выдачи Карла царю, но этой цѣли онъ не достигъ.

Насколько успѣшно дѣйствовалъ Толстой, видно изъ того, что въ ноябрѣ 1709 г. между Портою и Россіею наступаетъ соглашеніе, вслѣдствіе котораго Карлъ долженъ былъ быть препровожденъ до границы подъ конвоемъ турецкихъ войскъ, а потомъ уже подъ наблюденіемъ русскаго конвоя отвезенъ къ шведской границѣ. Карлъ былъ высланъ. Черезъ Понятовскаго онъ передалъ султану записку, въ которой называлъ визиря измѣнникомъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, этотъ визирь былъ, дѣйствительно, смѣщенъ,

[19]) Hammer, VII, 138.—Zinkeisen, V, 378.
[20]) Hammer, VII, 141.

а его преемникъ былъ болѣе склоненъ защищать шведскіе интересы; но такъ какъ и онъ не былъ достаточно воинственно настроенъ, то Понятовскій, съ помощью военныхъ партій, добился его замѣны новымъ, нѣкіимъ Балтаджи, который рѣшилъ, наконецъ, начать войну [21]). Въ особенности возлагали для этой цѣли надежду на предстоящій пріѣздъ въ Константинополь крымскаго хана [22]).

Послѣ того, какъ, наконецъ, оба правительства долгое время обмѣнивались разными предложеніями, Петръ, въ октябрѣ 1710 г., спросилъ у султана, въ особомъ адресованномъ ему письмѣ, будетъ ли исполненъ договоръ, касающійся удаленія шведскаго короля. Гонцы, которые везли царское письмо, были схвачены и заключены въ тюрьму. 20 ноября 1711 года состоялось засѣданіе дивана, на которомъ была рѣшена война. Толстой былъ посаженъ въ семибашенный замокъ, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя начались военныя дѣйствія.

Въ этой войнѣ Петръ не могъ разсчитывать на какихъ-либо союзниковъ. Онъ все-таки сдѣлалъ попытку составить коалицію. Весною 1711 г. баронъ Урбихъ поспѣшилъ въ Венецію, чтобы побудить республику принять участіе въ войнѣ [23]). Дипломатическій агентъ царя, Волковъ, появился въ Фонтенебло, при дворѣ Людовика XIV, съ просьбою заступиться за русскіе интересы въ Константинополѣ, но вскорѣ пришлось убѣдиться, что съ этой стороны не на что разсчитывать [24]).

Тѣмъ не менѣе, Петръ не былъ совершенно одинокъ въ борьбѣ съ Турціею.

Въ XVII вѣкѣ, какъ и въ началѣ XVIII, между Россіею, съ одной стороны, и греками и южными славянами, съ другой, существовали постоянныя сношенія. А именно, восточные церковные іерархи поддерживали переписку или съ царемъ, или кѣмъ-либо изъ его приближенныхъ. Русскіе агенты не рѣдко показывались на Балканскомъ полуостровѣ; въ Москвѣ также появлялись эмиссары изъ Турціи, которые жаловались на турецкое иго, притѣснявшее христіанъ.

Выше было сказано уже, на сколько сильно была распространена въ Турціи ненависть не только противъ ислама, но и противъ австрійцевъ. Съ какимъ интересомъ слѣдили теперь на Востокѣ за широкими успѣхами

---

[21]) Тамъ же, VII, 142.—Соловьевъ, XVI, 49—55.
[22]) Hammer, VII, 149.
[23]) Guerrier, 108.
[24]) Соловьевъ, XVII, 70.

Россіи, показываетъ письмо патріарха Досиѳея къ царю въ 1702 г., въ которомъ съ неодобреніемъ обсуждается сдѣланное австрійскимъ правительствомъ предложеніе о воспитаніи въ Вѣнѣ царевича Алексѣя. Патріархъ выразилъ надежду, что сынъ Петра не будетъ посланъ за границу; онъ сѣтуетъ затѣмъ на императора Леопольда, который заключилъ съ турками Карловицкій договоръ и тѣмъ попралъ христіанское дѣло. Патріархъ думаетъ, что императоръ преслѣдуетъ христіанъ больше, чѣмъ Домиціанъ и Максимиліанъ. Въ 1704 г. онъ утѣшаетъ царя въ понесенной имъ большой потерѣ людьми во время этого періода сѣверной войны и замѣчаетъ, что павшіе въ битвѣ съ еретиками русскіе воины должны почитаться мучениками; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ высоко цѣнитъ получаемую при этомъ воинскую опытность. Въ 1705 г. Досиѳей совѣтуетъ царю поставить добрыхъ пастырей въ завоеванныхъ имъ областяхъ, въ Нарвѣ и Петербургѣ. Кромѣ царя, патріархъ былъ въ перепискѣ и со Стефаномъ Яворскимъ.

20 августа 1704 г. одинъ инокъ Серафимъ вручилъ Головину въ Нарвѣ составленное на греческомъ языкѣ посланіе, своего рода ходатайство отъ имени всѣхъ грековъ. Серафимъ указываетъ на свои многочисленныя путешествія во Францію, Германію и Англію, предпринятыя въ интересахъ грековъ, и о переговорахъ, которые высшія греческія духовныя лица вели съ французскимъ правительствомъ по вопросу о возстановленіи независимаго греческаго государства. Изъ этого документа видно, какъ обширно было такое движеніе. Греки — по словамъ Серафима — убѣдились, что европейскія державы не желаютъ содѣйствовать освобожденію балканскихъ христіанъ, и что они должны добиться этого собственными силами. Серафимъ указываетъ на тайныя собранія, избравшія своихъ вождей. Русскій посланникъ въ Голландіи Матвѣевъ, съ своей стороны, узналъ объ этомъ движеніи. Теперь эти тайныя общества рѣшили обратиться къ царю: Петръ долженъ опредѣлить, какъ поступать. Упоминается также о предположеніи раздѣла «Греціи», сдѣланное Людовикомъ XIV: Іерусалимъ и Сирія отдавались испанскому королю, Египетъ, Константинополь и Анатолію (львиную долю) получала Франція; Македонія и Архипелагъ оставались греческими. Теперь Серафимъ спрашивалъ, хочетъ-ли онъ помочь грекамъ, или же они должны воспользоваться содѣйствіемъ англичанъ и голландцевъ, а также обратиться къ венеціанской республикѣ за разрѣшеніемъ вербовать войска въ ея владѣніяхъ. Но иго, подъ тяжестью котораго томилось столько народовъ, не должно продолжаться. Общія дѣйствія всѣхъ: царя со стороны Чернаго моря, императора, «эѳіопскаго царя», у котораго есть 4.000 войска, затѣмъ помощь «протестантовъ» (Англія и Голландія) и венеціанцевъ—

все это обезпечиваетъ успѣхъ. Невѣрнымъ приходилъ рѣшительный конецъ [25]).

Появлялись и другіе эмиссары. 25 ноября 1704 года одинъ южнославянскій выходецъ, сербъ Божичъ, имѣлъ бесѣду съ Головинымъ; онъ жаловался на турецкое иго и на мстительность Австріи; прежній молдованскій господарь, Щербакъ Кантакузинъ, совѣтовалъ сербамъ всю надежду возложить на царя; это же сдѣлалъ и преемникъ его, Бранкованъ; они посылали своихъ довѣренныхъ къ царямъ, но не получили отвѣта. Теперь сербы послали его, Божича, отъ имени утѣсненныхъ въ Венгріи подъ австрійскимъ скипетромъ сербовъ, чтобы царь принялъ ихъ въ свое подданство; они готовы выступить въ войнѣ противъ Турціи, ихъ много, самъ царь удивится ихъ числу; они не пожелали имѣть ничего общаго съ мятежниками въ Венеціи противъ Австріи, такъ какъ узнали, что тѣмъ покровительствуютъ со стороны шведовъ и французовъ. Зато они совершенно единомысленны съ сербами, которые живутъ подъ владычествомъ турецкимъ и венеціанскимъ, и всѣ они имѣютъ надежду только на царя. Если царь не поможетъ, то они всѣ погибнутъ [26]).

Посылали своихъ депутатовъ и армяне. Въ 1701 г. одинъ армянинъ, Израиль Орія, подалъ Петру записку, въ которой писалъ: «Безъ сомнѣнія, вашему царскому величеству извѣстно, что въ армянской землѣ былъ король и князья христіанскіе, а потомъ отъ несогласія своего пришли подъ иго невѣрныхъ. Больше 250 лѣтъ стонемъ мы подъ этимъ игомъ, и какъ сыны Адамовы ожидали пришествія Мессіи, который бы избавилъ ихъ отъ вѣчной смерти, такъ убогій нашъ народъ жилъ и живетъ надеждою помощи отъ вашего царскаго величества. Есть пророчества, что въ послѣднія времена невѣрные разсвирѣпѣютъ и будутъ принуждать христіанъ къ принятію своего прескверная закона; также придетъ изъ августѣйшаго московскаго дома великій государь, превосходящій храбростью Александра Македонскаго; онъ возьметъ царство агарянское и христіанъ избавитъ. Мы вѣримъ, что исполненіе этого пророчества приближается»

Орія, подобно иноку Серафиму, также долго ѣздилъ по Западной Европѣ; онъ говорилъ, что былъ въ Баваріи и склонилъ курфюста въ пользу армянскаго дѣла. Теперь онъ прибылъ въ Москву, гдѣ получилъ отвѣтъ, что царь, вовлеченный въ шведскую войну, не можетъ выслать войско противъ Персіи; но, вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ, обѣщалъ послать въ Арменію вѣрнаго человѣка для ознакомленія съ мѣстными условіями. Орія про-

[25]) Есиповъ въ „Др. и Нов. Росс." 1876 г., 369.

[26]) Соловьевъ, XV, 419 (приложеніе).

силъ, чтобы армянскимъ старѣйшинамъ былъ посланъ манифестъ, въ которомъ царь, подтвердивъ сохраненіе привиллегій и свободы совѣсти, призналъ бы армянъ своими подданными. Такой же манифестъ надо послать и грузинамъ. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Армянскій делегатъ жилъ въ столицѣ. Въ 1702 г. ему было объявлено, что теперь Россія ничего не можетъ сдѣлать, но тотчасъ по окончаніи войны царь займется дѣломъ освобожденія армянъ.

Но армянскій агентъ на этомъ не успокоился. Осенью 1703 г. онъ представилъ карту Арменіи съ запискою, въ которой доказывалъ, что взятіе крѣпости Эривани покоритъ всю страну подъ власть Россіи; въ Анатоліи много грековъ и армянъ. Оттуда идетъ прямой путь на Константинополь.

Вскорѣ послѣ этого Орія уѣхалъ изъ Россіи, чтобы отправиться къ австрійскому императору и баварскому курфюрсту и тамъ закупить оружіе для армянъ; въ 1707 году онъ проѣзжалъ черезъ Москву въ Персію, уже въ качествѣ папскаго нунція; но на пути, въ Астрахани, онъ скончался [27]).

Но сношенія съ Арменіею не прекратились. Все послѣдующее время видны въ Россіи армянскіе эмиссары, личности обыкновенно очень сомнительныя, купцы, агитаторы, авантюристы, шпіоны.

Какъ въ Турціи, такъ и въ Персіи приверженцы Россіи были тогда очень многочисленны. Даже нагайскіе татары охотно просились въ русское подданство [28]).

Но русское правительство проявляло большую осторожность. Хотя Петръ, при полученіи въ 1704 г. хорошихъ вѣстей изъ Турціи, и воскликнулъ, что Божье дѣло выше другихъ, хотя онъ и писалъ патріарху письмо, полное почтенія и сочувствія [29]), но онъ все таки не предпринималъ ничего рѣшительнаго. Однако, вслѣдствіе желанія получать точныя свѣдѣнія о событіяхъ на Востокѣ, всѣ приходившія оттуда свѣдѣнія принимались съ большею благосклонностью, мы видимъ въ 1705 г. въ такомъ духѣ написанное Петромъ письмо къ господарю Бранковану, въ которомъ царь благодаритъ его за усердіе и проситъ [30]) время отъ времени присылать своихъ вѣстниковъ. Въ 1707 г. въ свою очередь пишетъ въ Бухарестъ Головкинъ, при чемъ подтверждаетъ о неизмѣнномъ сочувствіи царя къ балканскимъ христіанамъ [31]).

---

[27]) Тамъ же, XVIII, 55.

[28]) Устряловъ, IV, 2, 155 письмо (Мазепы къ Головину).

[29]) Тамъ же IV, 2, 53 (собственноручное письмо Петра къ Досиѳею).

[30]) Тамъ же IV, 2, 75.

[31]) „Чт. Моск. Общ. И. и Др.“, 1872 г., II, 21, см. Кочубинскаго.

Послѣ полтавской битвы, когда разрывъ съ Турціею былъ уже неминуемъ, наступило время дѣйствія. Со стороны Россіи къ сербамъ, румынамъ и черногорцамъ проявлялось усиленное вниманіе.

Между царемъ и валахскимъ господаремъ Бранкованомъ былъ заключенъ союзъ. Рѣшившійся на открытыя дѣйствія, Бранкованъ все свое наличное имущество перевелъ въ иностранные банки. По договору, онъ обязывался, въ случаѣ войны Россіи съ Турціею, перейти на сторону первой, возбудить сербовъ и болгаръ, выставить вспомогательный отрядъ въ 30,000 человѣкъ и снабжать русское войско припасами. Валахія становилась подъ протекторатомъ Россіи независимымъ княжествомъ. Бранкована былъ данъ андреевскій орденъ.

Въ то же время и молдаванскій господарь Раковица, услышавъ, что Карлъ XII намѣревается переселиться изъ Бендеръ въ Яссы, предложилъ, если Петръ дастъ ему отрядъ легкой конницы, схватить шведскаго короля. Но эти предложенія были открыты, и господарь долженъ былъ бѣжать; схваченный, онъ былъ заключенъ въ семибашенный замокъ. 25 января 1710 г. молдаванскимъ господаремъ сдѣланъ Маврокордато [32]).

Отношенія Петра къ сербамъ стали также опредѣленнѣе. Не даромъ въ 1709 г. Урбихъ писалъ изъ Вѣны, что тамъ опасаются, какъ бы царь не вступилъ въ соглашеніе съ проживавшими въ Венгріи православными сербами [33]). Въ маѣ 1710 г. въ Москвѣ появился посланный отъ австрійскихъ сербовъ Богданъ Поповичъ, съ челобитною, чтобы Петръ принялъ въ свое подданство томящихся подъ иностраннымъ игомъ сербовъ. Когда началась турецкая война, 19,000 сербовъ хотѣли присоединиться къ русскимъ, но Бранкованъ, измѣнившій царю, не пропустилъ ихъ черезъ Дунай [34]).

Вполнѣ понятно, что, начиная войну съ Турціею, Петръ разсчитывалъ на этихъ союзниковъ. 6 января 1711 г. появилась написанная на латинскомъ языкѣ записка, въ которой Петръ рисовалъ поведеніе и образъ дѣйствій Турціи по отношенію къ Россіи и говорилъ о правотѣ своего дѣла. Россія выставлена лишь какъ сторона заступающаяся, а султану приписывается нарушеніе мира. Въ ней говорится также и объ игѣ, которое испытываютъ греки, сербы, болгары. Впервые Россія открыто и торжественно заявляла, что она не относится равнодушно къ страдальческимъ воплямъ балканскаго населенія, и что они достигли до царя.

---

[32]) Тамъ же, 22—24.

[33]) Соловьевъ, XV, 218.

[34]) Кочубинскій, 27.

О Черногоріи здѣсь не упоминается, но именно съ ней искалъ Петръ сближенія, какъ только началась война. На этотъ народъ обратилъ вниманіе царя одинъ герцеговинскій выходецъ, Савва Владиславичъ. Онъ зналъ черногорцевъ и былъ въ личныхъ отношеніяхъ съ ихъ правителемъ—митрополитомъ Даніиломъ; весною 1711 г. онъ появился въ Черногоріи въ качествѣ царскаго посла и распространялъ манифестъ Петра. Въ немъ царь всѣхъ призывалъ принять участіе въ борьбѣ.

Митрополитъ Даніилъ не былъ новичкомъ въ этомъ дѣлѣ. Въ 1702 г. онъ попалъ въ руки турокъ, былъ приговоренъ къ смертной казни, неоднократно подвергнутъ пыткамъ; но богатый выкупъ вернулъ ему свободу. Теперь ему открывался случай для отмщенія. Еще въ зиму 1702—3 г. онъ устроилъ кровопролитную рѣзню всѣхъ проживавшихъ на Черной Горѣ турокъ; теперь онъ былъ готовъ стать союзникомъ Петра.

Петръ не приминулъ воспользоваться оборотами риторики, столь сильно дѣйствующей на подобные народы. Въ его манифестахъ турки приравнивались къ волкамъ, которые врываются въ стада христіанъ; господство турокъ выставлялось, какъ превосходящее всякое понятіе безправіе. Царь хвалился, что онъ завоевалъ всю область Балтійскаго моря и уничтожилъ господство шведовъ, — онъ говоритъ, что объявленіе турками войны попираетъ всякую справедливость, и приглашаетъ всѣхъ балканскихъ христіанъ послѣдовать доблестному примѣру предковъ и вмѣстѣ съ нимъ возстать противъ врага [35]).

Кромѣ Саввы Владиславича, въ Черногоріи были еще и другіе агенты царя: два серба, полковникъ Милорадовичъ и капитанъ Лукашевичъ, и еще одинъ морской капитанъ Аркулей [36]). Имъ было не трудно поднять воинственное племя, рѣчи митрополита Даніила, который указывалъ на честь подобнаго союза съ царемъ, дѣйствовали разжигательно. Вся страна пришла въ броженіе.

Въ мартѣ 1711 г., когда Петръ еще былъ въ Галиціи, состоялся союзъ съ новымъ господаремъ молдаванскимъ, Кантеміромъ, преемникомъ смѣщеннаго по совѣту крымскаго хана Маврокордато. Кантеміръ былъ противникомъ Бранкована и долженъ былъ оказать содѣйствіе къ его сверженію; онъ пользовался полнымъ довѣріемъ турецкаго правительства. Но какъ только онъ прибылъ въ Яссы, то немедленно, при посредствѣ Владиславича, соединился съ Петромъ. Чтобы получать ближайшія свѣдѣнія

[35]) Тамъ же, 37.

[36]) Въ 1721 г. черногорцы жаловались, что онъ взялъ деньги и драгоцѣнные предметы изъ двухъ черногорскихъ монастырей.

о дѣйствіяхъ Порты, онъ долженъ былъ испросить разрѣшеніе визиря поддерживать сношенія съ русскими и играть роль предателя. Нѣкоторыя лица, которыя знали объ этихъ переговорахъ, утверждали, что этой двойной игрою Кантеміръ проведетъ обѣ стороны, и царя, и турокъ.

Еще въ январѣ 1711 г. Кантеміръ сообщилъ царю, что какъ только начнутся военныя дѣйствія, онъ выставитъ въ помощь имъ 20,000 человѣкъ молдаванской конницы. Но, вплоть до приближенія русской арміи, онъ держалъ себя такъ двулично, что у насъ составилось впечатлѣніе, что онъ до послѣдней минуты старался сохранить свободу дѣйствій и соотвѣтственно обстоятельствамъ примкнуть или къ сторонѣ Петра, или къ сторонѣ турокъ. Повторилась таже игра въ измѣну, которую мы видѣли у Мазепы. Представители такихъ маленькихъ вассальныхъ государственныхъ единицъ часто могутъ быть поставлены въ подобное положеніе и, они, естественно, видятъ въ постоянномъ обманѣ способъ своего временного спасенія. Въ Молдавіи даже самые выдающіеся граждане и бояре не могли проникнуть тайныхъ намѣреній своего князя.

Договоръ между Петромъ и Кантеміромъ былъ заключенъ въ небольшомъ мѣстечкѣ Ярославѣ (въ Галиціи), 11 апрѣля 1711 г. Молдаване становились подданными Петра, но получали много разныхъ привиллегій, они могли избирать господаря и не платили царю никакихъ налоговъ. Русскіе не могли ни жениться на молдаванкахъ, ни пріобрѣтать недвижимости, ни занимать какихъ-либо должностей; царю не предоставлено права смѣщать ни господаря, ни другое должностное лицо; царь не долженъ заключать съ Турціею мира, по которому Молдавія опять отходила бы подъ турецкую власть. Изъ этого видно, что зависимость отъ Россіи была чисто призрачная; въ дѣйствительности, Молдавія была совершенно самостоятельна. Договоръ предоставлялъ Петру лишь временныя стратегическія выгоды для войны съ Портою, а въ будущемъ, да и то въ лучшемъ случаѣ, только нѣкоторое фиктивное главенство въ глазахъ балканскихъ славянъ. Въ особомъ частномъ договорѣ Кантеміръ предусматривалъ возможность неудачнаго исхода; на случай, еслибы царю пришлось заключить невыгодный миръ съ турками, Кантеміру обезпечивались въ Россіи дома и помѣстья и ежегодное жалованье и, кромѣ того, по собственному усмотрѣнію избирать свое пребываніе. Очевидно, что господарь съумѣлъ обезпечить свои личные интересы; а то, что онъ ставилъ на карту всю будущность страны, что онъ всѣмъ рисковалъ въ ней во имя своихъ выгодъ,—знали, кромѣ него самого, еще весьма немногіе [37]).

[37]) Кочубинскій, 45.

Такимъ образомъ, Петръ началъ войну, предварительно подготовивъ къ борьбѣ противъ султана нѣкоторыхъ его подданныхъ. Въ это время онъ былъ боленъ и удрученъ. Въ апрѣлѣ онъ писалъ Меншикову изъ Польши, что онъ въ совершенномъ невѣдѣніи объ исходѣ войны; Апраксину,—который испрашивалъ у царя указаній, онъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ ничего посовѣтовать, такъ какъ еще слабъ отъ болѣзни, что онъ не можетъ руководить отношеніями и сомнѣвается въ успѣхѣ [38]).

Сначала преимущество было на сторонѣ русскихъ. Нашествіе крымскаго хана было рѣшительно отбито [39]). Меншиковъ узналъ, что въ Константинополѣ царитъ уныніе; при выступленіи турецкой арміи поднялась буря, которая порвала знамя Магомета, которое несли передъ янычарами, и сломала древко.

На пути русскаго войска по Галиціи устраивались торжества. Супруга царя, принимавшая участіе въ походахъ, была усиленно чествуема. Въ Яворовѣ были устроены балы и игры. Въ Ярославлѣ состоялось свиданіе Петра и Августа; 30 августа они закончили договоръ, по которому король предоставлялъ Петру цѣлый корпусъ для турецкой войны [40]).

Въ Яворовъ прибылъ и уполномоченный Вольфенбюттельскаго дома, Шлейницъ, чтобы закончить дѣло о сватовствѣ царевича Алексѣя Петровича. Отъ него мы узнаемъ, что Петръ дѣятельно занимался разсмотрѣніемъ лежавшихъ на столѣ плановъ различныхъ городовъ и черченіемъ съ помощью математическихъ инструментовъ. Съ Шлейницемъ Петръ велъ продолжительную бесѣду о предстоящей войнѣ и о состояніи русскаго войска. «Я не могу достаточно надивиться,—писалъ Шлейницъ Антону Ульриху—съ какою ясностью и скромностью говоритъ царь объ этихъ предметахъ» [41]).

Что царь разсчитывалъ на движеніе среди балканскихъ славянъ, ясно видно изъ одного его письма къ Шереметеву, 22 апрѣля 1711 г., въ которомъ онъ торопитъ его съ прибытіемъ войска, вслѣдствіе полученныхъ имъ ото всѣхъ христіанъ просьбъ скорѣйшей помощи: «ежели умѣшкаемъ, то вдесятеро тяжелѣе... и тако все потеряемъ умедленіемъ» [42]). Только когда русская армія со всею возможною поспѣшностью вступила въ дунайскія области, царь замѣтилъ, что можно ожидать со всѣхъ сторонъ возвѣщеннаго возстанія молдаванъ, валаховъ, сербовъ, болгаръ и

[38]) Въ письмѣ къ Апраксину такъ дословно и значится: „въ отчаяніи сущему". Соловьевъ XVI, 74.

[39]) У Кочубинскаго, подробности по молдаванскимъ источникамъ, 47.

[40]) Соловьевъ, XVI, 75 и 76.

[41]) Kronprizessin Charlotte, 1875, 57.

[42]) Соловьевъ, 81.

другихъ христіанъ, и соединенія ихъ съ русскимъ войскомъ; тогда можетъ легко случиться, что огромное турецкое войско само по себѣ растаетъ, и визирь не перейдетъ Дунай. Въ противномъ случаѣ, визирь принудитъ обоихъ господарей выступить съ нимъ противъ русскихъ; христіане не рѣшатся возстать, и только удачное сраженіе можетъ помочь.

Затѣмъ Шереметевъ получилъ приказъ, во время перехода по придунайскимъ провинціямъ, не забыть про подарки, хорошо оплачивать всѣ съѣстные припасы, строго наблюдать за дисциплиною и повліять манифестами на аккерманскихъ и бухарскихъ татаръ [43]).

Надежды были большія. Въ Польшѣ распространился слухъ, что Петръ хочетъ основать «большое восточное царство». Царь, при ярославскомъ свиданіи съ Августомъ, очень рѣшительно опровергалъ эти слухи [44]). Онъ не задумывался о новой формѣ для организаціи балканскаго населенія; предполагаемое возстаніе словянъ и румынъ было для него лишь какъ военное средство для побѣды надъ турками.

Современникъ Петра, Джонъ Перри, хвалитъ удивительную быстроту движенія русскаго войска. Но къ общей цѣли—берегамъ Дуная,—пришли не они, а сначала турки. Съ радостью получилъ Петръ извѣстіе, что Шереметевъ съ войскомъ вступилъ въ Яссы. Но вслѣдъ затѣмъ онъ сообщаетъ, что турки переправились черезъ Дунай, что встрѣчается недостатокъ съѣстныхъ припасовъ. Царь былъ недоволенъ; онъ осыпалъ упреками Шереметева, который съ главными силами дошелъ до Днѣстра и былъ въ сомнѣніи, надо-ли черезъ него переправляться; въ письмѣ къ фельдмаршалу онъ настаиваетъ на принятіи, если нужно, самыхъ крутыхъ мѣръ, чтобы достать припасы для войскъ [45]).

Одинъ очевидецъ разсказываетъ, что на Днѣстрѣ собрался военный совѣтъ, и нѣкоторые наиболѣе осторожные—преимущественно иностранные генералы,—полагали воздержаться отъ дальнѣйшаго наступленія; они указывали на примѣръ Карла XII, который слишкомъ далеко зашелъ въ глубь непріятельской страны и потому все потерялъ; теперь предстоитъ избѣжать подобной ошибки. Но генералъ Реннье и русскіе военоначальники предпочитали двигаться дальше [46]).

24 іюня Петръ прибылъ къ арміи на Прутъ. На слѣдующій день

---

[43]) Бессарабская и Херсонская губерніи.

[44]) Соловьевъ, XVI, 76.

[45]) Тамъ-же, 72. (См. переписку).

[46]) Gesch. „Peters. d. Gr.“

онъ отправился въ Яссы, гдѣ его принималъ Кантеміръ, и царь сейчасъ-же признался, что имѣетъ дѣло съ необыкновенно способнымъ человѣкомъ. Въ Яссы прибылъ одинъ грекъ изъ Валахіи, Ѳома Кантакузинъ, съ извѣстіемъ, что тамъ весь народъ за царя и ожидаетъ только прибытія русскаго войска, чтобы возстать противъ турокъ, но что Бранкованъ не склоненъ соединяться съ Петромъ, и потому онъ, Кантакузинъ, тайно прибылъ къ царю, чтобы увѣдомить его объ этомъ [47]).

Вскорѣ выяснилось, что господари были неподходящими союзниками. Мелкая вражда и мстительность, которою горѣли оба противника—Бранкованъ и Кантеміръ, — тормозили сношенія съ ними, — къ этому присоединилась двойственная игра одновременно быть за одно съ стоявшими въ Румыніи турками и русскими. Такихъ отношеній однихъ было достаточно, чтобы сдѣлать положеніе Петра очень опаснымъ въ придунайскихъ княжествахъ. Петръ выдвинулся такъ далеко впередъ только для того, чтобы поддержать возстаніе, которое, въ сущности, зиждилось на очень мелкихъ побужденіяхъ. Это довѣріе предстояло оплатить дорогою цѣною.

Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что и со стороны Турціи были очень встревожены. Во время пребыванія Петра въ Яссахъ, султанъ, черезъ посредство Бранкована, предлагалъ ему заключеніе мира. 25 іюня къ царю прибылъ посланникъ валахскаго господаря, съ намѣреніемъ отъ имени султана приступить къ переговорамъ. Но Петръ не пошелъ этому на встрѣчу, какъ онъ сказалъ: ибо тогда частью не повѣрено, наипаче же того ради не принято, дабы не дать непріятелю передуха [48]). Тогда онъ рѣшился отправить отрядъ въ Валахію, чтобы ускорить въ ней возстаніе, а самъ направился къ Пруту, гдѣ вскорѣ наступилъ кризисъ. Русское войско, численностью въ 30—40 тысячъ, было окружено по крайней-мѣрѣ впятеро сильнѣйшимъ противникомъ.

Петръ былъ далеко во вражеской странѣ. Въ «Гисторіи Свейской войны» значится: «хотя и опасно было, однако-же, дабы христіанъ желающихъ помощи, въ отчаяніе не привести, на сей опасный весьма путь, для неимѣнія провіанта, позволено» [49]).

Но съ нѣкоторыми изъ этихъ «христіанъ» Петръ вскорѣ разошелся.

---

[47]) Такъ у Соловьева (XVI, 88), по русскимъ источникамъ также и у Кочубинскаго, 56—60, по молдаванскимъ.—Сообщеніе Hermann (IV, 267), что Бранкованъ открыто увѣдомилъ царя о разрывѣ, и что Петръ хотѣлъ собственноручно убить вѣстника, не выдерживаетъ критики.

[48]) П. С. З. № 2410.—Кочубинскій упоминаетъ, что Порта предлагала царю „всю землю до Дуная".

[49]) Bacmeister, I, 381.

Онъ требовалъ отъ Бранкована, чтобы тотъ прислалъ ему припасовъ, угрозы царя привели къ разрыву съ этимъ господаремъ. Бранкованъ, который по договору обязывался помогать русскимъ, тотчасъ по вступленіи ихъ въ его страну, отвѣчалъ царю, что онъ освобождаетъ себя отъ обязательства вслѣдствіе неприбытія русскихъ. Затѣмъ онъ со своимъ войскомъ присоединился къ арміи великаго визиря и предоставилъ въ его распоряженіе тѣ припасы, которые были предназначены русской арміи. У турокъ было изобиліе, у русскихъ во всемъ недостача. Кантеміръ могъ мало помочь, такъ какъ въ Молдавіи саранча истребила всю жатву.

Визирь, обо всемъ освѣдомленный отъ проникшаго въ лагерь Кантеміра шпіона, грека Лупу, готовился къ скорѣйшему нападенію [50]).

8 іюня произошло первое столкновеніе, при которомъ неопытныя молдаванскія войска дрогнули и отступили; русскіе сражались храбро и удержали положеніе. Только на слѣдующую ночь было рѣшено отступленіе, во время котораго русскія войска, во весь день 9 іюня, подвергались усиленнымъ нападеніямъ турокъ. Но имъ удалось удержаться и занять сильную позицію.

Положеніе Петра и его арміи было отчаянное; прежде всего, ощущался недостатокъ съѣстныхъ припасовъ. Представлялось невѣроятнымъ, чтобы можно было пробиться сквозь окружающую вражескую армію. Приходилось подумать о переговорахъ, и на это было тѣмъ болѣе надежды, что отъ плѣнныхъ турокъ узнали, что въ лагерѣ визиря царитъ недовольство; янычаре, потерпѣвшіе въ битвѣ съ русскими большой уронъ, отказывались продолжать бой [51]).

Гетманъ Иванъ Некульче разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что царь его спросилъ, возможно-ли тайно провести его и царицу Екатерину сквозь ряды вражеской арміи, предполагая оставить высшее командованіе Шереметеву и Кантеміру. Некульче отклонилъ осуществленіе этого сумазброднаго предположенія, такъ какъ, въ случаѣ неудачи, на него падетъ тяжелая отвѣтственность. Это предложеніе Петръ будто бы сдѣлалъ вечеромъ 8 іюня [52]).

Петръ остался въ лагерѣ. Упоминаемое только въ молдаванскихъ источникахъ извѣстіе о желаніи царя избѣжать опасности лишь себѣ и женѣ, возможно само по себѣ, но оно не подтверждается никакими другими данными. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ случаѣ подъ Нарвою,

[50]) Кочубинскій, 54, 62.
[51]) Соловьевъ, XVI, 89.
[52]) Кочубинскій, 64

когда Петръ покинулъ армію наканунѣ битвы, мы должны разрѣшить, даже если придадимъ несомнѣнную вѣру сообщенію Некульче, психологическую задачу, разрѣшить которую надо очень безпристрастно. Несомнѣнно, что Петръ, какъ и всякій, вполнѣ ясно сознавалъ, что положеніе арміи, сдающейся съ царемъ на капитуляцію туркамъ, совершенно иное, чѣмъ арміи безъ царя. Но рѣчь о такой попыткѣ личнаго спасенія въ моментъ наибольшей опасности кажется менѣе невѣроятною, чѣмъ повторяемая во многихъ сочиненіяхъ о Петрѣ легенда объ удивительно геройскомъ поступкѣ, заключающемся въ его посланіи сенату; будто онъ погибъ со всѣмъ своимъ войскомъ, попадетъ, вѣроятно, въ плѣнъ туркамъ и въ этомъ случаѣ повелѣваетъ, чтобы его не считали больше царемъ, а также всѣхъ послѣдующихъ распоряженій, которыя онъ могъ бы сдѣлать, не исполнять, но, въ случаѣ его смерти, избрать ему въ преемники достойнѣйшаго изъ сенаторовъ.

Весь этотъ разсказъ о героическомъ самопожертвованіи, который долженъ былъ свидѣтельствовать, что Петръ помышляетъ только о спасеніи и благоденствіи родины, былъ въ позднѣйшее время провѣренъ и отошелъ въ область мифа [52]). Подвергнуть Россію смутамъ царскаго избранія не могло быть спасеніемъ. Считать себя самого столь слабохарактернымъ, чтобы допустить мысль, что турецкій плѣнъ способенъ принудить его къ отдачѣ такихъ приказаній, которыя нарушали бы интересы государства, не соотвѣтствовало образу дѣйствій Петра, такъ какъ изъ письма можно заключить, что царь полагалъ вѣроятнымъ, что, въ случаѣ турецкаго плѣненія, онъ будетъ вынужденъ къ низкимъ соглашеніямъ.

Петръ неоднократно высказывался по поводу этихъ обстоятельствъ, но никакъ не въ указанномъ смыслѣ. Къ своему счастью, онъ не нуждался въ подобномъ героизмѣ. Онъ слишкомъ ясно сознавалъ свои обязанности предъ государствомъ, чтобы быть способнымъ на такое «самоотвер-

---

[52]) Первое упоминаніе объ этомъ письмѣ встрѣчается въ анекдотахъ Штелина, который ссылается на разсказъ кн. Щербатова. Отсюда разсказъ принятъ во всю историческую литературу. Но Устряловъ считаетъ письмо лживымъ, такъ какъ въ то время сенатъ засѣдалъ въ Москвѣ, гонецъ въ девять дней не могъ добраться съ Прута, устранить сына не было тогда въ виду у Петра, хлопотавшаго о его женитьбѣ для пользы-же государства. Тѣ, кого Петръ считалъ достойнѣйшими— Апраксина, Меншикова, Головкина,—не были сенаторами; состоя съ ними въ постоянной перепискѣ, Петръ ни словомъ не обмолвился о своемъ рѣшеніи.—Витбергъ („Др. и Нок. Ров.“ 1875 г., III, 256) также отвергаетъ эту легенду. Онъ доказываетъ, между прочимъ, что положеніе русскихъ вовсе не было столь отчаяннымъ. Бѣловъ (тамъ-же, 1876 г. III, 404) держался противоположнаго мнѣнія, но его возраженія слабо выражены.

женіе». Царю приписали геройскій подвигъ во вкусѣ древнихъ, и это нашло широкое распространеніе вслѣдствіе отсутствія критики и ошибочныхъ психологическихъ толкованій.

Не подлежитъ сомнѣнію, что русскіе сражались тогда очень храбро. Петръ, въ посланіи къ Сенату, писанномъ черезъ нѣсколько дней, очень хвалилъ выдержку войска, большое значеніе русской артиллеріи, вслѣдствіе чего турки были принуждены произвести оборонительныя работы [54]). Изъ этого видно, насколько русскіе успѣли послѣ Нарвской битвы [55]). Но въ настоящемъ случаѣ, въ противоположность шведамъ при Нарвѣ, недостатокъ военныхъ способностей у турокъ являлся главнымъ факторомъ усиленія русскихъ.

Въ русскомъ лагерѣ отъ одного военноплѣннаго узнали, что султанъ уполномочилъ визиря начать переговоры въ случаѣ, если нельзя было ожидать рѣшительной побѣды [56]). Былъ отправленъ въ турецкій лагерь гонецъ съ письмомъ отъ Шереметева; русскій фельдмаршалъ писалъ, что такъ какъ война началась собственно безъ инициативы царя или султана, а лишь подъ вліяніемъ внѣшнихъ вліяній, то онъ готовъ, во избѣжаніе безполезнаго кровопролитія, начать переговоры о мирѣ... Не получая на это никакого отвѣта, Шереметевъ послалъ второе такое же письмо съ добавленіемъ, что русскіе готовы къ бою. Визирь отвѣтилъ приглашеніемъ въ турецкій лагерь представителя для переговоровъ [57]).

Въ непріятельскій лагерь отправился Шафировъ; ему было дано полномочіе Петромъ согласиться на возвращеніе всѣхъ занятыхъ русскими турецкихъ городовъ; кромѣ того, если бы зашла рѣчь о шведахъ, то царь готовъ отказаться отъ Лифляндіи; онъ хочетъ только, во чтобы то ни стало, сохранить Ингрію, ради Петербурга, даже если бы пришлось добиться этого путемъ дорого стоющей уступки Пскова или иной русской области; Петръ готовъ былъ признать Станислава Лещинскаго королемъ польскимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Шафирову было приказано быть особенно уступчивымъ по отношенію султана, чтобы онъ не слишкомъ настаивалъ на интересахъ шведскихъ [58]).

По этимъ инструкціямъ можно судить о серьезности положенія. Опа-

---

[54]) Соловьевъ, XIV, 96.

[55]) Кочубинскій, 66.

[56]) Тамъ же, 65.

[57]) По молдаванскимъ источникамъ, переговоры началъ визирь, умолчавшій, что раньше взяли Браиловъ. — Соловьевъ, которому мы слѣдуемъ, пользовался актами московскаго архива.

[58]) Соловьевъ, XV, 91.

спость, въ которой находился царь, могла дорого стоить; не только Лифляндія, но и нѣкоторыя русскія области могли быть цѣной спасенія. Но Петръ крѣпко держался своего новаго творенія — Петербурга; никакая жертва не казалась ему слишкомъ большою, въ сравненіи съ этимъ.

Но то обстоятельство, что во время всѣхъ этихъ переговоровъ не заходитъ рѣчи о капитуляціи русской арміи, а лишь о заключеніи общаго русско-турецко-шведскаго мира, съ другой стороны показываетъ, что положеніе русскаго войска уже не было безусловно безысходнымъ. Если бы визирь дошелъ до рукопашной, то, вѣроятно, произошло бы нѣчто сходное съ Седаномъ. Въ русскомъ лагерѣ было рѣшено не сдаваться, а по возможности отбиваться, слѣдуя по теченію Прута.

Шафировъ былъ уполномоченъ обѣщать визирю подарокъ въ 150,000 рублей и значительныя суммы другимъ сановникамъ.

О ходѣ переговоровъ, продолжавшихся два дня, мы ничего не знаемъ. Неизвѣстно также съ достовѣрностью, заходила-ли, какъ объ этомъ упоминается въ молдаванскихъ источникахъ, рѣчь о возвращеніи шведскихъ провинцій. Нельзя также съ положительностью утверждать, чтобы Екатеринѣ пришла мысль о подкупѣ визиря, какъ это принято ей приписывать [59]). Но весьма вѣроятно, что русскія драгоцѣнности не остались безъ вліянія. Относительно скоро достигъ цѣли русскій уполномоченный. 11 іюля Шафировъ получилъ отъ царя неограниченныя полномочія и въ тотъ же день онъ извѣстилъ царя объ установленныхъ мирныхъ условіяхъ. 12 іюля договоръ былъ подписанъ. Русскіе обязывались вернуть Азовъ въ томъ видѣ, въ какомъ эта крѣпость была ими взята, снести укрѣпленія въ Таганрогѣ и другія, отказаться отъ вмѣшательства въ польскія отношенія и безпрепятственно пропустить шведскаго короля. Русское войско получило возможность отступить. До исполненія мирнаго договора, Шафировъ и сынъ Шереметева должны были оставаться заложниками [60]).

Такимъ образомъ вовсе не потребовалось непосильно тяжелой жертвы, чтобы закончить кризисъ. Плоды шведской войны оставались неприкосновенными. Казалось удивительнымъ, что выходъ получался такъ дешево. Одинъ, находившійся въ русскомъ войскѣ иностранецъ, писалъ: «Если бы кто-либо утромъ 12 іюля сказалъ, что миръ будетъ заключенъ на подобныхъ условіяхъ, то его сочли бы за сумасшедшаго. Когда начались переговоры, Шереметевъ замѣтилъ, что человѣкъ, посовѣтовавшій ихъ царю, самый без-

[59]) См. у Villebois въ его Mémoires; кромѣ того, въ ст. Андреева „Екатерина I“ въ журн. „18 вѣкъ“ (1869 г.)—Zinkeisen, V. 424.

[60]) Соловьевъ, XVI, 92.—Hammer, VII, 157.

смысленный въ мірѣ, но если на это согласился визирь, то онъ этого человѣка превзойдетъ» [61]).

Петръ привыкъ къ побѣдамъ. Теперь ему трудно было перенести разочарованіе. Апраксину онъ писалъ по поводу событій послѣднихъ дней, что ему вовсе не радостно сообщать о такихъ предметахъ. Онъ въ открытомъ приказѣ приводилъ мирныя условія и добавлялъ: «...и тако тамъ смертный пиръ симъ кончился. Сіе дѣло есть хотя и не безъ печали, что лишиться тѣхъ мѣстъ, гдѣ столько труда и убитыхъ положено, однако, чаю симъ лишеніемъ другой странѣ великое укрѣпленіе, которое несравнительною прибылью намъ есть».

Какъ видно изъ этого, Петръ считалъ, что центръ тяжести государства лежитъ на сѣверо-востокѣ. Завоеванія на востокѣ имѣли въ его глазахъ меньше цѣны, чѣмъ то положеніе, которое Россія заняла по отношенію Европы. Въ этомъ смыслѣ Меншиковъ писалъ царю изъ Петербурга. Онъ радуется окончанію войны, продолженіе которой было бы опаснымъ для новой столицы; утрачиваемыя нынѣ области на югѣ можно опять пріобрѣсти впослѣдствіи; но теперь эту потерю можно возмѣстить вдвойнѣ, упроченіемъ «несравненнаго болѣе прибыльнаго» Петербурга. Онъ заканчиваетъ письмо пожеланіемъ, чтобы «видѣніемъ сего парадиза мимошедшія прежестокія горести вскорѣ въ сладость претворитись могли».

Петръ безпрепятственно возвратился съ арміею въ Россію. Теперь предстояло узнать, съ какою точностью будетъ исполняться договоръ обѣими сторонами. Однимъ изъ затрудненій являлся Карлъ XII. Весьма естественно, что онъ былъ въ высшей степени недоволенъ. Онъ медлилъ оставить турецкіе предѣлы, и это дало основаніе Петру задержаться передачею Азова. Положеніе Шафирова и молодого Шереметева, находившихся въ турецкомъ плѣну въ качествѣ заложниковъ, было тяжелое. Изъ одного письма царя къ Апраксину, 19 сентября, можно видѣть, чего стоило Петру отдавать обратно Азовъ; онъ писалъ, что вынужденъ, наконецъ, удовлетворить турокъ, но онъ все же подождетъ удаленія Карла; затѣмъ онъ совѣтуетъ снести таганрогскія укрѣпленія такимъ образомъ, чтобы оставить фундаментъ, такъ чтобы впослѣдствіи, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, было меньше хлопотъ съ возстановленіемъ этой крѣпости. Въ другомъ письмѣ къ Апраксину онъ поручаетъ ему, прежде чѣмъ оставить Азовъ, тщательно снять всѣ размѣры и «профили» крѣпости [62]).

---

[61]) Mémoires du comte de Lion, у Соловьева, XVI, 93.

[62]) Соловьевъ, XV, 100—104.

По турецкимъ сановникамъ пришлось расплатиться за мирный договоръ. Недруги визиря донесли султану, что во время переговора въ турецкій лагерь приходили нагруженные золотомъ возы. Баталджи былъ сосланъ въ Лемносъ, а нѣкоторыя лица, принимавшія наиболѣе дѣятельное участіе въ переговорахъ, казнены [63]).

Положеніе опять ухудшалось. Недовольство турокъ возбуждало и пребываніе русскаго войска. Войну объявили снова, и Шафирову пришлось приложить всѣ свои дипломатическія способности, чтобы не довести дѣло до крайности; въ своихъ донесеніяхъ царю, онъ постоянно жалуется на непріязнь французскаго посла, который не перестаетъ стоять за шведовъ и побуждаетъ Порту на разрывъ съ Россіей. Съ турецкой стороны пошли дальше и потребовали, какъ дани мирныхъ намѣреній Россіи, уступки части Малороссіи. Петру пришлось уступить; Азовъ былъ переданъ, Таганрогъ срытъ. Только тогда, 24 іюня 1713 г., былъ окончательно подписанъ миръ въ Адріанополѣ, при содѣйствіи англійскаго и голландскаго посланниковъ [64]).

Союзникамъ Россіи, южнымъ славянамъ и балканскимъ христіанамъ, пришлось пострадать. Недаромъ Кантеміръ умолялъ Петра не заключать никакого мира. Онъ самъ со многими молдаванами переселился въ Россію, но его страна была предана мечу и огню.

Черногорцы, подъ вліяніемъ митрополита Данінла и Милорадовича, въ соединеніи съ сербами начали непріятельныя дѣйствія противъ турокъ. Но вскорѣ пришло извѣстіе о заключенномъ на Прутѣ договорѣ, и черногорцамъ также пришлось подумать о мирѣ. Отсюда возникли постоянныя сношенія съ Россіею. Петръ сдѣлался героемъ народныхъ пѣсенъ черногорокъ. Въ 1715 г. Данінлъ посѣтилъ Петербургъ; онъ просилъ помощи въ войнѣ съ Турціею и получилъ значительную сумму денегъ, и много царскихъ поощреній и его манифестовъ къ населенію Черной Горы [65]).

Греки не принимали непосредственнаго участія въ событіяхъ, но оборотъ, который приняла восточная война, ихъ очень печалилъ. Одинъ грекъ съ Аѳона, на пути изъ Вольфенбюттеля въ Турцію, узналъ въ Вѣнѣ о неудачѣ царя. Онъ собирался навербовать ему вспомогательный отрядъ въ нѣсколько тысячъ грековъ для войны съ Турціею и былъ,

---

[63]) Hammer, по турецкимъ источникамъ VII, 160.

[64]) Подробности въ письмахъ Шафирова и Толстого у Соловьева, XVI, 104—129.

([65] Тамъ же XVI, 130 и 403.—Кочубинскій 70—93.

поэтому, совершенно пораженъ этимъ извѣстіемъ. Теперь, по его словамъ, греки, возлагавшіе свои надежды на царя, совершенно погибли [66]).

Петръ говорилъ, что со временемъ, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, утраченное можетъ быть вновь пріобрѣтено. Но ему не пришлось дожить до возвращенія Азова и до новыхъ завоеваній на югѣ. Но завязанныя имъ сношенія съ балканскими христіанами не прекращались. На русскую службу поступило много сербовъ, молдаванъ и валаховъ. Кантеміръ и его родственники играли большую роль. Ѳома Кантакузинъ, въ качествѣ русскаго генерала, много содѣйствовалъ поддержанію связей съ южными славянами, румынами и греками. Солидарность Россіи съ этими народами была прочная. Возникшій во времена Юрія Крижанича славянскій вопросъ въ царствованіе Петра вступилъ въ новый фазисъ и впослѣдствіи, при разрѣшеніи восточнаго вопроса, получалъ все усиливающееся значеніе. Какъ бы исполнялъ предположеніе сербскаго публициста жившаго въ XVII в., славяне обратили свои взоры на царя, отъ него ожидая себѣ помощи. Крижаничъ совѣтовалъ царю Алексѣю Михаиловичу позаботиться о развитіи славянъ. Въ этомъ отношеніи нѣчто было предпринято при Петрѣ. Когда, послѣ заключенія нами мира, въ Россію прибылъ сербскій архіепископъ Моисей Петровичъ, чтобы привѣтствовать царя—при чемъ называлъ его новымъ Птоломеемъ — онъ говорилъ, что посылкою къ славянамъ книгъ и учителей царь можетъ сдѣлаться апостоломъ этихъ народовъ. Петръ послалъ богослужебныя книги для 20 церквей, 400 букварей, 100 граматикъ, и двухъ учителей, которымъ онъ платилъ жалованье [67]).

Точно вставочнымъ, побочнымъ дѣломъ является Прутскій походъ Петра въ его общей системѣ балтійской политики во время не прекращающейся сѣверной войны. Восточнымъ вопросомъ Петръ началъ свою дѣятельность въ области иностранной политики, онъ завоевалъ Азовъ и стремился къ свободному плаванію по Черному морю. Теперь, послѣ прутской неудачи, можно было бы думать, что успѣхи ученическихъ лѣтъ пропали безслѣдно. Становясь крѣпкою ногою на балтійскомъ побережьѣ, усиливая сѣверною войною вліяніе Россіи въ общеевропейскихъ отношеніяхъ, Петръ утрачиваетъ на югѣ берегъ моря, къ завоеванію и укрѣпленію котораго онъ такъ упорно стремился и приложилъ столько стараній. И, тѣмъ не менѣе, съ этою войною, которая повлекла столь непріятную царю утрату Азова, связано существенное увеличеніе могущества и ве-

[66]) Соловьевъ, XVII, 98, (сообщеніе Урбиха).
[67]) Тамъ же XVIII, 194.

личія Россіи. Несмотря на неудачу похода, царь усилилъ свое положеніе. Подобно тѣмъ дипломатическимъ успѣхамъ, которые пріобрѣталъ Петръ въ Западной Европѣ благодаря своимъ военнымъ побѣдамъ, и которыя могутъ быть поставляемы на ряду съ территоріальными пріобрѣтеніями,— и на югѣ военнымъ дѣйствіямъ соотвѣтствовала широко раскинувшаяся сѣть агитаторскихъ сношеній Россіи со всѣми томившимися подъ турецкимъ игомъ и подъ австрійскимъ скипетромъ единоплеменниками и единовѣрцами. Впервые Петръ съ такою смѣлостью поднялъ въ борьбѣ съ Портою знамя вѣры и народности. Съ этого времени такая солидарность Россіи и балканскихъ христіанъ оставалась грознымъ оружіемъ во всякой новой турецкой войнѣ, не менѣе грознымъ, чѣмъ русское войско и русскій флотъ.

ГЛАВА XIII.

Отношенія къ Азіи.

Россіи настолько было суждено занять мѣсто посредника между Востокомъ и Западомъ, что Петръ не могъ уклониться, даже во время еще неоконченной страшной борьбы со Швеціей, сдѣлать нападеніе на Турцію. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и азіатскій Востокъ постоянно обращалъ на себя вниманіе царя. Еще до окончанія сѣверной войны онъ занимался разными завоевательными проектами. На немъ лежала особая миссія: только что добытую цивилизацію и будущее ея развитіе перенести въ Западную Азію и отплатить долгъ Западу за взятую у него европейскую культуру, прививъ къ древнему Востоку плоды европейской паціи. Но, кромѣ того, Россіи надлежало идти дальше въ глубь Азіи, чтобы обезпечить себѣ занятое въ Европѣ положеніе. Овладѣть нѣкоторыми расположенными на востокѣ областями представлялось необходимымъ, чтобы закрыть пути азіатскимъ кочевникамъ. Безъ этого Россія всегда была въ опасности отъ какихъ либо нападеній и завоеваній изъ Азіи и обращенія вновь въ азіатское государство. Разъ что Россія сдѣлалась членомъ европейской семьи, надлежало поставить преграду азіатскимъ варварамъ и выступить на Востокѣ піонеромъ европейской культуры. Петръ выполнилъ то и другое.

Когда Іоаннъ Грозный взялъ Казань и Астрахань, то погайскіе татары на юго-востокѣ Россіи сказали себѣ: если царь станетъ вмѣшиваться въ наши дѣла, то мы погибли; царь завоевалъ всю Волгу до самаго устья; завоюетъ онъ и Уралъ, а потомъ Шемаху, Дербентъ, и мы всѣ останемся ему подвластными; въ нашихъ книгахъ сказано, что всѣ мусульманскіе князья и ханы будутъ когда-нибудь поддаными русскаго царя. Въ тоже время ханы хивинскій и бухарскій вступили съ Россіею въ дипломатическія сношенія, чтобы выговорить себѣ нѣкоторыя торговыя права; одновременно съ этимъ, стали нѣкоторые кавказскіе князья при

взаимныхъ спорахъ обращаться къ третейскому разбирательству московскаго царя. Въ половинѣ XVII в. русскіе дипломаты нерѣдко появлялись на Кавказѣ и въ мелкой междоусобной войнѣ царей кахетинскаго, имеретинскаго, грузинскаго и карталинскаго играли не маловажную роль; посѣщали также Москву и посланные всѣхъ этихъ владѣтелей, прося защиты противъ Персіи. Царь кахетинскій предложилъ черезъ своего посланнаго царю Алексѣю, чтобы онъ, по окончаніи войны съ Польшею изъ за Малороссіи, помогъ ему противъ Персіи.

Но много времени шли колебанія, можно ли ради кавказскихъ царей вступать въ борьбу съ Персіею. Уже одни торговые интересы Россіи требовали, чтобы на юго-востокѣ царилъ миръ. Въ Россіи, какъ и въ Западной Европѣ, придавали большое значеніе торговому пути, который долженъ былъ вести внутрь Азіи. Почти всѣ европейскія государства сдѣлали попытку, посредствомъ переговоровъ съ царемъ, обезпечить себѣ торговыя преимущества на Востокѣ, а именно, монополизировать торговлю съ Персіею черезъ Россію. Каспійское море было предметомъ общаго вниманія. Въ царствованіе Ивана Грознаго отважный англійскій путешественникъ Дженкинсонъ, состоявшій на службѣ одного торговаго общества, предпринялъ путешествіе черезъ Каспійское море въ Персію и Бухару; нѣсколько десятилѣтій спустя, черезъ эти области прослѣдовало голштинское посольство, въ которомъ состоялъ и Олеарій. Вскорѣ послѣ того Юрій Крижаничъ указалъ на выгоду географическаго положенія Россіи для транзитной торговли между Европою и Азіею и выразилъ пожеланіе, чтобы русскіе интересы были соблюдаемы въ Бухарѣ, Хивѣ и Персіи. По его мнѣнію, Россіи должно принадлежать торговое посредничество между западно-европейцами и жителями всей Азіи — персами, калмыками, бухарцами и китайцами; онъ высказалъ надежду, что Каспійское море будетъ покрыто русскими кораблями. Онъ хотѣлъ, чтобы сибирскія рѣки были открыты русскому мореплаванію, и говорилъ о необходимости устройства русской крѣпости на Иртышѣ; Крижаничъ считалъ, что, черезъ сношенія съ бухарцами и калмыками, въ Россію будутъ ввозимы индѣйскіе товары: хлопокъ, шелкъ, драгоцѣнности. Онъ настойчиво требуетъ, чтобы царь овладѣлъ берегами Каспійскаго моря, съ помощью флота царь можетъ также легко сдѣлаться хозяиномъ этого моря, какъ венеціане владѣютъ моремъ Адріатическимъ; въ Исфаганѣ и другихъ среднеазіатскихъ городахъ Крижаничъ рекомендуетъ назначеніе русскихъ консуловъ [1]). Это все было до нѣсколько десятилѣтій до Петра.

[1]) Крижаничъ, (изд. Безсонова.)

Торжественный выходъ Петра I къ иностраннымъ посламъ.

Хотя сочиненіе Крижанича и не было извѣстно Петру, но естественно вполнѣ, что онъ слѣдовалъ тому же ходу мыслей. Уже въ 1691 г. Амстердамскій бургомистръ Николай Витсенъ, черезъ посредство голландскаго резидента въ Москвѣ, обращалъ вниманіе царя на значеніе торговли съ Персіею и Китаемъ и предлагалъ въ этомъ дѣлѣ свое содѣйствіе [2]); въ 1692 г. состоялось знаменитое путешествіе датчанина Исбранда съ цѣлью ознакомленія съ Китаемъ; одинъ изъ наиболѣе выдающихся сподвижниковъ Петра по кораблестроительству и устройству водныхъ сообщеній, англичанинъ Джонъ Перри, произвелъ физико-географическое изслѣдованіе Каспійскаго моря. Съ Арменіею и Персіею уже многіе десятки лѣтъ происходили оживленныя торговыя сношенія, для которыхъ Астрахань являлась такимъ же пунктомъ, какимъ былъ Нерчинскъ въ торговлѣ съ Китаемъ.

Вслѣдствіе завоеванія Сибири русскіе уже въ XVII в. вошли въ соприкосновеніе съ Китаемъ. Еще въ 1616 г. англійскому посланнику Мерину было отвѣчено, что о Китаѣ ничего не извѣстно, но вслѣдъ затѣмъ въ Китай посылались посольства и изслѣдователи. Къ концу XVII в. въ Пекинѣ была построена русская церковь; въ одномъ письмѣ Виніусу отъ 1698 г. Петръ совѣтуетъ соблюдать особую осторожность въ сношеніяхъ съ Китаемъ и іезуитами, чтобы не повредить русскимъ религіознымъ интересамъ въ Небесной Имперіи [3]). Русскіе караваны правильно двигались въ Китай. Петръ оказалъ китайскому императору услугу посылкою ему англійскаго врача. Но іезуиты оказывали препятствія русскому вліянію въ Китаѣ. Въ 1719 г. въ Пекинъ былъ отправленъ посломъ Измайловъ, но іезуиты съумѣли помѣшать успѣшности этого посольства [4]). Здѣсь нельзя было разсчитывать на существенныя выгоды.

Гораздо большаго можно было ожидать на юго-востокѣ; исходною точкою въ этомъ дѣлѣ послужили берега Каспійскаго моря.

Въ 1699 году, съ цѣлью изслѣдованія этихъ береговъ, была снаряжена экспедиція, которая не осуществилась только по тому, что датчанинъ Шельтрупъ, на котораго было возложено составленіе карты Каспійскаго моря, вскорѣ попалъ въ персидскій плѣнъ и умеръ отъ лихорадки [5]). Есть свѣдѣнія, что въ промежутокъ между годами 1699—1704 была предположена новая экспедиція, но о ней не имѣется точныхъ данныхъ [6])

[2]) Поссельтъ, Лефорта, I, 503.

[3]) Соловьевъ, XVIII, 320.

[4]) Baer, P. der Gr. Verdienste um die Erweiterung d. geogr. Kentnise въ сборникѣ „Beitrage z. Kentnise d. russ. Reichs, XVI, 12—32.

[5]) Перри, 164.

[6]) Baer. 158.

Интересъ въ этой области усилился еще болѣе послѣ неудачи прутскаго похода. Каспійскому морю было суждено вскорѣ сдѣлаться русскимъ завоеваніемъ, чего нельзя сказать про Черное. Ближайшими задачами являлись развитіе торговыхъ сношеній съ Персіею, обезпеченіе безопасности русскихъ торговыхъ каравановъ, которые часто подвергались разграбленію разбойничьихъ шаекъ. Въ 1712 г. много вреда причинило русско-персидской торговлѣ возстаніе лезгинъ. Въ связи съ нимъ находилась посылка въ Персію русскаго посла Артемія Волынскаго (1715 г.). Ему было поручено расширить торговыя сношенія, узнать мѣстныя производства и потребности и имѣть въ виду торговлю съ Индіею.

Въ 1713 г. одинъ туркменецъ, прибывшій въ Астрахань, предложилъ царю проектъ завладѣнія верховьями Аму-Дарьи, гдѣ находились золотые пріиски; затѣмъ царь долженъ былъ снова вернуть въ Каспійское море устье Аму-Дарьи, теченіе которой было искусственно отведено хивинцами, и постройкою крѣпости утвердить свою власть въ этой области [7]). Одинъ проживавшій въ Петербургѣ кабардинскій князь, именно Александръ Бековичъ, съ восторгомъ поддерживалъ этотъ проектъ [8]). Петръ нѣсколько лѣтъ подрядъ преслѣдовалъ эту цѣль: черезъ Аму-Дарью открыть Россіи торговый путь въ Индію. Бековичъ былъ назначенъ начальникомъ экспедиціи въ Хиву. Въ 1714 г. послѣдовалъ царскій указъ Сенату объ отсылкѣ такого посольства. Петръ собственноручно составилъ инструкцію: надо было убѣдить хивинскаго хана признать высшую власть Россіи, а потомъ сдѣлать подобную попытку и съ бухарскимъ ханомъ. Бековича долженъ былъ сопровождать отрядъ войскъ въ 4.000 человѣкъ и извѣстное число морскихъ офицеровъ и инженеровъ. Но экспедиція потерпѣла неудачу. Хивинскій ханъ рѣшилъ, что это не столько посольство, сколько военный походъ и, вѣроятно, предложилъ Бековичу раздѣлить своихъ людей на нѣсколько маленькихъ отрядовъ, съ цѣлью будто-бы болѣе удобнаго слѣдованія; ему затѣмъ было легко напасть на разрозненныя русскія силы и взять всѣхъ въ плѣнъ; Бековичъ былъ убитъ (1717 г.). Маленькія крѣпостцы, которыя русскіе воздвигли на Каспійскомъ морѣ, не могли устоять [9]). Слабымъ утѣшеніемъ противъ испытанной неудачи было задержаніе прибывшаго въ 1720 г. въ Россію хивинскаго посла, который умеръ въ темницѣ. Отношенія оставались натянутыми. Въ 1722 г. одинъ

---

[7]) 1879 г. въ Самарѣ издана обстоятельная брошюра по этому вопросу.

[8]) Тамъ-же, 162. Такія же предложенія дѣлалъ сибирскій губернаторъ Голицынъ.

[9]) Тамъ-же, 175—201.—Соловьевъ, XVIII, 7—13

бѣжавшій изъ хивинскаго плѣна казакъ разсказывалъ, что ханъ, по полученіи царскаго посланія, порвалъ его на куски и отдалъ дѣтямъ для забавы [10]).

Но расширеніе русской границы на востокѣ было только вопросомъ времени. Само собою понятно, что неустрашимыя государства и кочевыя племена, какъ туркмены, сарты, калмыки и др., должны были подпасть подъ власть Россіи, какъ уже стали ея подданными другіе инородцы. Но процессъ ассимилированія этихъ государственно неспособныхъ элементовъ могъ происходить лишь очень медленно. Борьба съ ними продолжается и до настоящаго времени. Въ то время еще не было никакого сильнаго государства за этими племенами, столкновенія съ которымъ слѣдовало опасаться.

Совершенно иное положеніе было на югѣ, гдѣ едва только Россія коснулась маленькихъ армянскихъ или кавказскихъ княжествъ, какъ возникалъ конфликтъ съ Турціею и Персіею. Эти обстоятельства очень занимали Петра въ послѣдніе годы его царствованія и привели къ персидскому походу.

Скитавшіяся на границѣ Россіи казачьи и разбойничьи шайки во весь XVIII вѣкъ или предпринимали набѣги на Персію, какъ, напримѣръ, Стенька Разинъ въ царствованіе Алексѣя, или-же выражали готовность принять персидское подданство, какъ Заруцкій—въ царствованіе Михаила. Отношенія между Россіею и Персіею оставались дружественными, хотя со стороны послѣдней и были жалобы на грубость одного русскаго посла и на разбойничьи набѣги казаковъ, грабившихъ побережье Гиляни и Мазандерана.

Но отношеніе къ Грузіи и другимъ кавказскимъ племенамъ могли легко повлечь за собою непріязненное движеніе. Уже въ 1701 г. Плейеръ сообщилъ, что онъ изъ достовѣрнаго источника узналъ, что Петръ потребовалъ отъ Персіи уступки ему провинціи Гиляни, въ которой были хорошія гавани и корабельный лѣсъ, въ которомъ онъ очень нуждался [11]). Заговорили о постройкѣ флота въ Астрахани, который предназначался въ персидскій походъ [12]). Персидскій посолъ въ Москвѣ подвергался оскорбленіямъ [13]).

---

[10]) Тамъ-же, XVIII, 13.—О подобной же экспедиціи изъ Сибири подъ начальствомъ Бухгольца см. у Соловьева, XVIII, 6—7 и Baer, 160—175.

[11]) Тамъ же, IV, 2, 538.

[12]) Тамъ-же, 556.

[13]) Тамъ-же, 583.

Петръ сбращалъ большое вниманіе на персидскую торговлю. Занимающіеся ею армянскіе купцы получали большія привиллегіи. Армяне, какъ выше сказано, просили заступничества Петра отъ персидскаго ига. Превращеніе Каспійскаго моря въ русское, эксплоатація богатыхъ прибрежныхъ областей на югѣ этого моря могли казаться весьма соблазнительными.

Интересны въ этомъ отношеніи инструкціи, которыми Петръ снабдилъ русскаго посланника Волынскаго, отправляемаго въ Персію (1715 г.). Собственноручно писалъ Петръ, что посланникъ долженъ во время путешествія въ особенности изслѣдовать провинцію Гилянь, ознакомиться съ ея географіею, но такъ, чтобы не возбуждать никакого подозрѣнія; затѣмъ Волынскому было поручено узнать военныя силы Персіи, число и состояніе крѣпостей, освѣдомиться объ отношеніяхъ Персіи къ Турціи и по возможности вліять посредствомъ подкупа на близкихъ шаху лицъ; наконецъ, въ задачи Волынскаго входило приложить старанія, чтобы персидская торговля шла на пользу Россіи, съ помощью подкуповъ и обѣщаній привлечь на ея сторону армянъ и собрать свѣдѣнія о ихъ числѣ, отношеніяхъ и настроеніи [14]).

Артемій Петровичъ Волынскій.

Въ Персіи знали объ экспедиціи Петра въ Хиву и были ею недовольны. Когда Волынскій, послѣ долгаго и опаснаго путешествія, прибылъ въ Испагань (весною 1717 г.), ему былъ сдѣланъ плохой пріемъ. Его держали почти какъ плѣнника и вскорѣ потребовали его обратнаго отъѣзда. Волынскій, какъ ловкій дипломатъ, съумѣлъ такъ устроиться, что его оставили. Въ каждомъ своемъ донесеніи царю, онъ описывалъ состояніе Персіи какъ очень печальное; нѣтъ никакой политической жизни, шахъ совершенно неспособный человѣкъ, въ управленіи царитъ анархія; Александръ Македонскій,—пишетъ Волынскій,—не могъ сильнѣе опустошить Персію, чѣмъ это сдѣлало дурное управленіе; вездѣ вспыхиваютъ бунты,

[14]) Соловьевъ, XVIII, 28.

вездѣ страшная нищета. Волынскій заканчиваетъ совѣтомъ воспользоваться такимъ положеніемъ дѣлъ; съ самою небольшою энергіею можно завоевать значительную часть персидскаго государства и подчинить Россіи; нельзя себѣ представить болѣе благопріятнаго момента для подобной войны [15]).

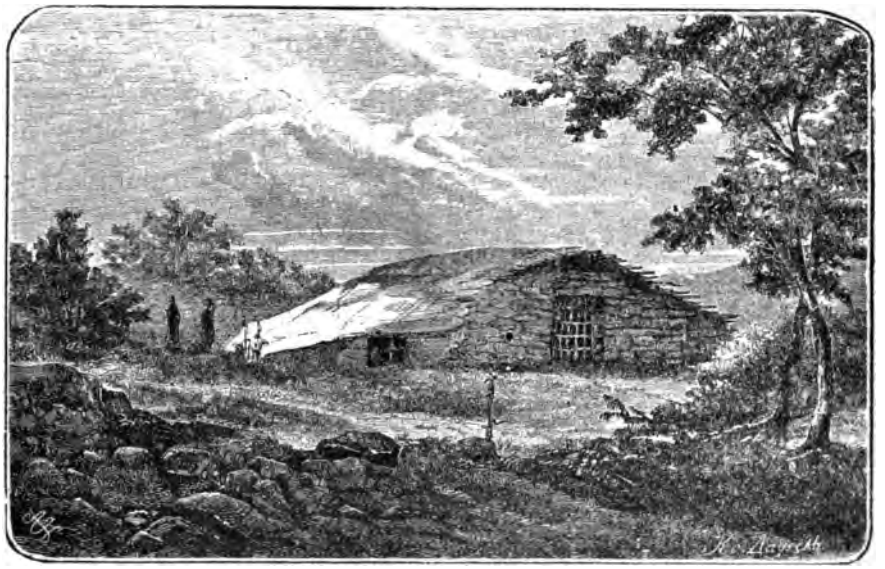
Но миръ съ Швеціею еще не былъ заключенъ, и приходилось ждать. Волынскій же, послѣ заключенія съ Персіей торговаго договора, уѣхалъ въ Россію обратно. По пути онъ перезимовалъ въ Шемахѣ, гдѣ его посѣтилъ начальникъ персидскаго войска, перешедшій въ исламъ христіанинъ Форседанъ-бекъ, который утверждалъ, что Волынскому ничего не стоитъ немедленно овладѣть Шемахою; онъ разсказалъ далѣе, что персидскіе солдаты не получаютъ своего жалованья и поэтому уклоняются отъ службы, что шахъ послалъ хивинскому хану большой подарокъ въ награду за убійство Бековича. Въ Шемахѣ Волынскій узналъ также, что по всей странѣ постоянно ожидаютъ нападенія со стороны Россіи. Въ началѣ 1718 г. распространился слухъ, что въ Астрахани стоитъ наготовѣ русское войско численностью въ 80,000 человѣкъ, а у Терека флотъ въ нѣсколько сотъ парусныхъ судовъ, чтобы немедленно выступить въ походъ. Шемахинскій ханъ, казалось, разсчитывалъ на приходъ русскихъ и былъ склоненъ отпасть отъ шаха.

Въ 1720 г. Волынскій былъ назначенъ астраханскимъ губернаторомъ. Въ данныхъ ему инструкціяхъ мы находимъ указанія, касающіяся предстоящей войны съ Персіею. Когда въ сентябрѣ того же года въ Персію былъ отправленъ новый посланникъ Баскаковъ, ему было поручено попутно узнать, можетъ-ли удобно пройти войско у Шемахи, Апшерона и на рѣкѣ Курѣ, можно-ли разсчитывать на достаточный фуражъ для лошадей и т. п. Волынскій не переставалъ убѣждать царя начать войну противъ Персіи. Въ августѣ 1721 г. онъ сообщалъ, что царь грузинскій проситъ объ энергичномъ вмѣшательствѣ Россіи для защиты христіанъ и для нападенія на Персію; въ Грузіи общее мнѣніе считаетъ время очень удобнымъ для войны; царь Вахтангъ Карталинскій согласенъ выставить отрядъ въ 40,000 человѣкъ, чтобы идти на Испаганъ; персовъ онъ называлъ «старыми бабами». Волынскій, вмѣстѣ съ тѣмъ, предупреждалъ отъ довѣрія къ другимъ кавказскимъ князьямъ, дѣлавшимъ различныя обѣщанія; онъ считалъ ихъ вѣроломными, склонными къ измѣнѣ союзниками. Наконецъ, онъ воспользовался разграбленіемъ Шемахи кавказскими разбойничьими шайками, при чемъ пострадали и русскіе купцы, чтобы

[15]) Тамъ же XVIII, 29–30.

побудить царя къ войнѣ; теперь у него есть casus belli, предлогъ къ войнѣ, лучше котораго не найдти; не требуется большой арміи, но побольше провіанта и военныхъ припасовъ.

Петръ согласился съ этою мыслью. Дошли слухи о новомъ возстаніи въ Персіи; было рѣшено воспользоваться тамошнею анархіею и начать дѣйствія. Весною 1722 г. Петръ отправился на югъ въ сопровожденіи своей супруги, Петра Толстого, Апраксина и лѣтомъ явился въ Каспійскомъ морѣ съ значительнымъ флотомъ. Вездѣ, гдѣ ему приходилось бывать,

Землянка, въ которой жилъ Петръ Великій во время похода въ 1722 году, близъ Дербента.

онъ старался освѣдомиться бесѣдою съ лицами, знакомыми съ мѣстными условіями, о географическомъ положеніи Кавказа, Персіи и Средней Азіи.

Тотчасъ съ появленіемъ царя у береговъ Кавказа нѣсколько мѣстныхъ властителей присоединились къ нему и заявили о своемъ подчиненіи. Особенно торжествененъ былъ пріемъ, оказанный царю и царицѣ въ городѣ Таркахъ. Петръ заявлялъ, что онъ собственно хочетъ не вести войну съ Персіею, а только наказать разбойниковъ, которые оскорбили русскихъ купцовъ; онъ готовъ освободить отъ нихъ всю Персію и защищать шаха; только въ такомъ случаѣ онъ попроситъ уступить ему прилегающія къ Каспійскому морю области [16]). Его войскамъ, во всѣхъ про-

[16]) Мельгуновъ, „Русск. Вѣстн.“ 1874. CX, 33

винціяхъ, гдѣ только появлялись русскіе, былъ оказанъ прекрасный пріемъ жителями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, начинался правильный походъ. Войска насчитывалось 160,000 человѣкъ; часть его была посажена на флотилію, состоящую изъ 442 судовъ. На пути въ Дербентъ пришлось дать бой. 23 августа этотъ городъ сдался. Ромодановскому Петръ писалъ подробное сообщеніе и поздравлялъ своего друга съ тѣмъ, что «тако въ сихъ краяхъ, съ помощью Божіею, футъ получили». Сенаторы доносили царю, что они пили за его здравіе, онъ вступилъ «на стезю Александра Великаго».

Но вслѣдъ затѣмъ стали обнаруживаться тягости похода. Бури вредили судамъ съ припасами; многое было потоплено. Лошади падали во множествѣ; въ одну ночь—1700 штукъ, какъ писалъ Петръ 12 октября 1722 г. Сенату. На рѣкѣ Суланѣ Петръ заложилъ новую крѣпость Св. Креста, но отъ намѣренія посѣтить Тифлисъ послѣ Шемахи Петру пришлось отказаться. Царь передалъ начальство генералу Матюшкину и вернулся въ Россію. Въ Астрахани, гдѣ болѣзнь нѣсколько дней задержала его, даже безъ выхода изъ комнаты, онъ разработалъ подробный планъ войны съ Персіею. По его предположенію, надлежало сдѣлать попытку занять прикаспійскія провинціи. Съ помощью дружественныхъ и благожелательныхъ отношеній къ мѣстному населенію можно было разсчитывать, не обнажая меча, добраться съ войсками до Решта. Тамъ надлежало собрать точныя свѣдѣнія о производительности Гилянской провинціи и о лежащихъ на ней налогахъ; то же самое сдѣлать и въ отношеніи провинцій Мазандеранъ и Астрабадъ, надо было узнать, гдѣ произростаетъ сахарный тростникъ; инструкціи были настолько подробно составлены, что указано даже мѣстонахожденіе трехъ холодныхъ винныхъ погребовъ, которые должны быть устроены въ м. Пирбазарѣ (близъ Решта).

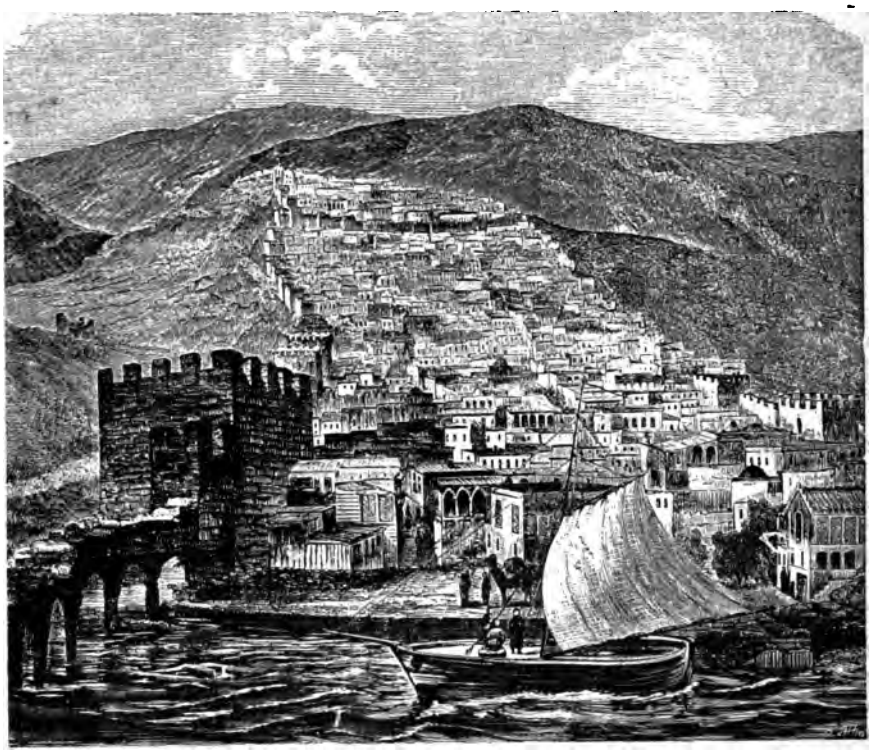
Петръ считалъ весьма возможнымъ, что турки поспѣшатъ овладѣть южными провинціями при Каспійскомъ морѣ, и этого онъ не хотѣлъ допускать ни при какихъ условіяхъ.

Полковникъ Шиповъ, отплывшій съ отрядомъ войскъ прямо изъ Астрахани, занялъ Рештъ почти безъ затрудненій въ ноябрѣ.

Пріемъ, оказанный здѣсь русскимъ, не былъ особенно восторженнымъ. Понемногу персы, не оказавшіе сначала почти никакого сопротивленія, стали собирать войска подъ Рештомъ. Шипову приходилось подумать о собственной безопасности. Ему было объявлено, что въ русской помощи не встрѣчается надобности, и чтобы онъ отправился съ своими войсками обратно. Нѣсколько недѣль шли объ этомъ переговоры, но русскіе оставались. Произошла стычка, во время которой русскій неболь-

шой отрядъ обратилъ въ бѣгство несравненно болѣе многочисленныхъ персовъ.

Въ Персіи тѣмъ временемъ была смѣна государей; шаха Гуссейна смѣнилъ шахъ Махмудъ, который сталъ стараться осуществить союзъ съ Портою. Это осложненіе могло имѣть весьма печальныя послѣдствія для Россіи. Порта, какъ и Россія, могла легко придти къ заключенію воспользоваться неурядицею въ Персіи и сдѣлать за ея счетъ территоріальныя пріобрѣтенія. Но Петръ опередилъ Турцію; его войска укрѣплялись въ Гиляни; лѣтомъ 1723 г. Матюшкину удалось занять Баку [17]). Спрашивалось, на сколько могла вмѣшаться въ эти дѣла Турція?

Видъ города Дербента.

Положеніе русскаго посланника въ Константинополѣ было и безъ того очень тяжелое; въ послѣдніе годы сѣверной войны англійскіе пред-

[17]) Соловьевъ, XVII, 40—50.—Мельгуновъ, 40—50. Объ операціяхъ въ Гиляни см. „Русск. Слухъ“ XXXII, 453.

ставители не переставали возстановлять Порту противъ Россіи; въ особенности обращалось при этомъ вниманіе на отношенія, которыя Россія поддерживала къ балканскимъ христіанамъ, преимущественно къ грекамъ. Посланникъ австрійскаго императора, равно какъ и французскій, чернилъ Россію на всѣ лады. Противодѣйствовать русское правительство старалось задариваніемъ высшихъ турецкихъ сановниковъ. Несмотря на всѣ препятствія, русскому дипломату Дашкову удалось 5 ноября 1720 г. обратить адріанопольскій договоръ въ «вѣчный миръ» [18]).

Вскорѣ затѣмъ началась персидская война. Если, съ одной стороны, кавказскіе христіане, въ родѣ армянъ, просили помощи у царя, то, съ другой, лезгины и другіе послѣдователи ислама обращались къ султану съ просьбой принять ихъ въ свое подданство. Изъ-за вопроса о персидской торговлѣ легко могла возникнуть розпь между Россіею и Портою. Французскій посланникъ въ Константинополѣ совѣтовалъ своему русскому коллегѣ Неплюеву, чтобы русскіе держались какъ можно дальше отъ турецкихъ границъ и не дѣлали никакихъ завоеваній въ Арменіи или Грузіи. Вскорѣ туда прибылъ посланникъ отъ шаха съ просьбою о помощи противъ русскихъ. Снова представители Англіи, Венеціи, Австріи стали выставлять султану на видъ расширеніе могущества Россіи, и что легко можетъ случиться, что Арменія и Грузія сдѣлаются достояніемъ Россіи; Трапезундъ будетъ тогда въ опасности, и всему турецкому государству будетъ угрожать постоянное нападеніе. Со всѣхъ сторонъ возникали жалобы на завоевательныя стремленія Петра. Порта не хотѣла войны, но все-же Неплюеву пришлось выслушать отъ визиря серьезныя предостереженія; Россія, при преслѣдованіи своихъ враговъ, затронула такія области, которыя зависятъ отъ Порты; поэтому миру угрожаетъ разрывъ; сорокъ лѣтъ царствуетъ Петръ, и столько-же лѣтъ продолжается война; не мѣшало бы ему нѣсколько успокоиться и дать покой своимъ друзьямъ и т. п.

Неплюевъ узналъ, что Порта волнуется, что сдѣлано распоряженіе объ отправкѣ военныхъ припасовъ въ Азовъ и Эрзерумъ. Русскій посланникъ опасался лишенія свободы. Непріятности со стороны татаръ не имѣли конца; народъ требовалъ войны съ Россіею. Неплюевъ писалъ, что ходитъ слухъ объ оборонительномъ союзѣ между султаномъ и хивинскимъ ханомъ.—Ракоци, собственный интересъ котораго совпадалъ съ поддержаніемъ мира, прилагалъ всѣ старанія къ составленію проекта о раздѣленіи Кавказа между Турціею и Россіею. Для турокъ пребываніе русскихъ войскъ

[18]) Соловьевъ, XVII, 348.—Zinkeisen, V, 588.

въ Дербентѣ было какъ бѣльмо на глазу; они втайнѣ посылали деньги кавказскимъ князьямъ и собирали войска, чтобы изгнать оттуда русскихъ.

Наконецъ, визирь заявилъ, что Порта требуетъ, чтобы русскіе отступили. Онъ довольно наивно закончилъ свою бесѣду: «всякій бы желалъ для себя большихъ пріобрѣтеній, на равновѣсіе сего свѣта не допускаетъ; напримѣръ, и мы бы послали войско противъ Италіи и прочихъ малосильныхъ государей, но другіе государи не допустятъ, потому и мы за Персіею смотримъ».

Церковь Рождества Богородицы въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ слушалъ Петръ I всенощную 29 мая 1723 г.

Англійскій посланникъ вновь предупреждалъ противъ Россіи. Петръ будто бы собирается послать войско въ Дагестанъ; онъ задумываетъ покорить всю область до Чернаго моря; но съ нимъ легко вести войну, такъ какъ у него во всей Европѣ нѣтъ ни одного союзника; всѣ противъ него настроены враждебно. Де-Бонакъ [19]) говорилъ Неплюеву, что война съ Персіею непремѣнно повлечетъ за собою войну съ Портою.

Петръ рѣшался на крайнія дѣйствія. Ради Каспійскаго моря онъ не отказывался отъ войны съ Турціею. Впрочемъ, дѣло до войны не должно было дойти [20]).

[19]) Французскій посолъ въ Константинополѣ. (*Прим. перев.*).

[20]) Соловьевъ, XVIII, 58—74.

Персидскія дѣла нашли свое разрѣшеніе. Новый государь Персіи снарядилъ посольство въ Петербургъ, и здѣсь 12 сентября 1723 года былъ заключенъ миръ. Персія уступала Россіи Дербентъ, Баку, Гилянь, Мазандеранъ и Астрабадъ. Царь тотчасъ распорядился сооруженіемъ крѣпостей въ новыхъ владѣніяхъ. Петръ потребовалъ затѣмъ образцы ихъ производства; его интересовали пробы мѣстныхъ производствъ: сахаръ, перецъ, нефть, лимоны, а такъ же на сколько далеко судоходна Кура, какъ велико разстояніе до Арменіи и т. д. [21]).

Видъ гор. Астрахани со стороны р. Волги.

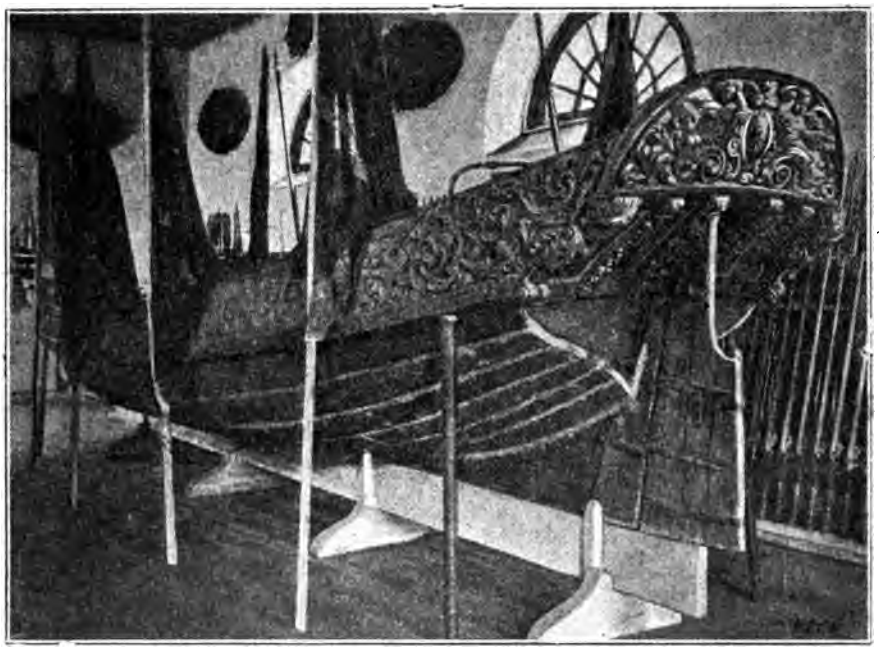
Но удовольствіе, которое испытывалъ Петръ отъ новыхъ пріобрѣтеній, было омрачено недружелюбнымъ отношеніемъ турокъ при полученіи ими извѣстія о заключеніи русско-персидскаго договора. Порта выражала даже наклонность къ протесту и готова была начать войну. Послѣ необычайныхъ дипломатическихъ стараній 12 іюня 1724 года состоялось соглашеніе о разграниченіи Кавказа и Персіи между Россіею и Турціею [22]).

Когда бригадиръ Румянцевъ отправлялся въ Константинополь для его ратификаціи, то Петръ писалъ ему: «пріѣхали къ намъ армянскіе депутаты

[21]) Тамъ-же, 50—52.

[22]) О проектѣ раздѣла см. у Zinceisen, V, 604

съ просьбою защитить отъ непріятелей; если же мы этого сдѣлать не въ состояніи, то позволить имъ перейти на житье въ наши новоприобрѣтенныя отъ Персіи провинціи... Если турки станутъ вамъ объ этомъ говорить, то отвѣчайте, что мы сами армянъ не призывали, но они насъ по единовѣрію просили взять ихъ подъ свое покровительство; намъ, ради христіанства, арманамъ, какъ христіанамъ, отказать въ томъ было нельзя, какъ и визирь самъ часто объявлялъ, что по единовѣрію просящимъ покровительствъ отказать невозможно» [23]).

Петровскій музей въ Астрахани

Защита армянъ занимала царя еще въ послѣднія недѣли его жизни [24]).

Такъ же и отношенія къ Грузіи не переставали его интересовать [25]) Петръ на западномъ и южномъ берегу Каспійскаго моря утвердился прочною ногою. Здѣсь былъ противоположный полюсъ завоеваній на берегахъ Невы и Балтійскаго моря. Персидскую войну онъ могъ считать лишь за начало дальнѣйшихъ завоеваній на юго-востокѣ. Онъ считалъ, что открываетъ торговлѣ новые пути, что существенно обезпечилъ интересы своего государства.

[23]) Соловьевъ, XVIII, 74.

[24]) Мельгуновъ. 6.

[25]) Соловьевъ, XVIII, 75–78.

Но, въ противоположность къ устойчивымъ завоеваніямъ на западѣ, достигнутые въ Персіи успѣхи были временными. Лишь нѣсколько лѣтъ смогла Россія удержать новыя каспійскія провинціи. Прежде всего смертоносныя климатическія условія понудили послѣдующія правительства отказаться отъ другихъ завоеваній. Высшія цѣли Петра оказывались недостигнутыми.

Во всѣхъ этихъ событіяхъ, въ стремленіи Россіи къ юго-востоку опредѣленно создалось направленіе азіатской политики Россіи, какою она остается и до нашихъ дней. Ни одинъ предшественникъ Петра не сознавалъ съ такою ясностью и энергіею представляющіяся въ этомъ направленіи цѣли; и въ наше время отношеніе Россіи къ восточнымъ христіанамъ, въ томъ числѣ и армянамъ, или необходимость кары и возмездія разбойничьихъ азіатскихъ племенъ, вредящихъ интересамъ Россіи, стоятъ на очереди восточнаго вопроса въ широкомъ смыслѣ слова.

Успѣхи Россіи на юго-востокѣ во время послѣдняго времени царствованія Петра возбуждали не малые толки. Въ Польшѣ ходили слухи о пораженіи русскихъ. Въ Швеціи говорилось, что треть конницы, приблизительно въ 50,000 лошадей, совершенно негодна. Въ Вѣнѣ нашлись многіе политики, которые занимались на картѣ изученіемъ завоеваній Петра. Считали, что Петръ, послѣ овладѣнія Каспійскимъ побережьемъ, неминуемо послѣдуетъ дальше въ направленіи къ Индіи, и что царь не успокоится, пока не дойдетъ до Персидскаго залива.

По поводу впечатлѣнія о всѣхъ такихъ событіяхъ, Куракинъ въ ноябрѣ 1723 г. писалъ Петру своимъ вычурнымъ слогомъ: «не могу умолчать о всѣхъ здѣшнихъ разсужденіяхъ и славѣ персональной в. и. в., понеже сія война персидская въ краткомъ времени съ такимъ великимъ прогрессомъ слѣдуетъ, что весьма всѣмъ удивительна; наипаче же во время ситуаціи дѣлъ, сходныхъ въ Европѣ, начата и слѣдуетъ, что никто онымъ намѣреніямъ помѣшать не можетъ; и такъ великая слава имени вашего еще превратила въ высшій тамъ градусъ, что ни которому монарху чрезъ многіе секули могли приписать. Правда же желюзія не убавляется отъ многихъ потенцій, но паче умножается о великой потенціи вашего величества; но что могутъ сдѣлать? токмо паціенцію имѣть. Всѣ потенціи, зависимыя и злонамѣренныя къ великой потенціи в. в. радуются, что ваше величество въ войнѣ персидской преписать окупацію имѣете, также чтобъ она продолжалась на нѣсколько лѣтъ, дабы они съ сей стороны крѣпче стать могли».

Такимъ образомъ дѣятельность Петра являлась противоположностью пассивнаго вниманія.

ГЛАВА XIV.

Императорскій титулъ.

Петръ началъ свое ученье военнонаучными занятіями. Не принадлежа къ великимъ стратегамъ, онъ съумѣлъ, съ помощью развитія и улучшенія военнаго могущества Россіи, занять ей почетное мѣсто въ Европѣ, довести ее до положенія великихъ державъ. Въ знаменитомъ письмѣ Петра къ царевичу Алексѣю 1715 г. мы читаемъ: «паче всего о воинскомъ дѣлѣ ниже слышать хощешь, чѣмъ мы отъ тьмы къ свѣту вышли, нынѣ почитаютъ» [1]). Царь сталъ въ Европѣ величиною, съ которою приходилось считаться. Новая великая держава на Востокѣ вызывала удивленіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и враждебность къ себѣ, со стороны другихъ. До Петра Россію не принимали въ соображеніе, какъ государство, внѣ Европы лежащее, а къ концу его царствованія ея боялись. Англійскій посланникъ въ Константинополѣ въ бесѣдѣ съ визиремъ въ 1723 г. откровенно заявилъ: «всѣ европейскіе государи ему враждебны» [2]).

Возрастающему значенію Россіи, прогрессу европеизаціи ея соотвѣтствовала и перемѣна въ обозначеніи государства и государя. Больше не было основанія говорить о московскомъ царствѣ и о царѣ; на лицо былъ императоръ и имперія.

Этотъ титулъ въ видѣ исключенія употреблялся и раньше. Въ XVI вѣкѣ, въ договорѣ между императоромъ Максиміліаномъ и Василіемъ Ивановичемъ, послѣдній именуется «императоромъ». Въ началѣ XVII вѣка Лже-Димитрій сдѣлалъ попытку присвоить себѣ титулъ «императора». Въ 1702 г. папскій нунцій въ Вѣнѣ говорилъ кн. Голицыну, что папа готовъ признать царя «императоромъ» [3]) Въ одномъ англійскомъ дипломатиче-

---

[1]) Письмо 11 октября 1715 г

[2]) Соловьевъ, XVIII, 66.

[3]) Соловьевъ, XV, 45.—Собственно титулъ восточнаго императора („Цесаря Оріентальскаго"). (*Прим. перев.*).

скомъ актѣ царь такъ же именуется императоромъ, но Головкинъ потребовалъ, чтобы титулъ этотъ употреблялся всегда и впредь [4]). Но въ Россіи сознали всю трудность для общаго признанія этого титула, и потому русскому послу въ Вѣнѣ Матвѣеву было поручено въ 1713 году воздерживаться въ своихъ нотахъ къ австрійскому правительству отъ употребленія для царя императорскаго титула [5]).

По окончаніи сѣверной войны Петръ призналъ соотвѣтственнымъ формально и торжественно принять титулъ императора.

Спрашивалось, какъ будетъ встрѣченъ этотъ шагъ въ Западной Европѣ.

Пруссія и Голландія ни минуты не замедлили признаніемъ.

Совершенно обратное случилось въ Вѣнѣ. Когда русскій дипломатъ Ланчинскій сообщилъ императору Карлу VI, въ особой аудіенціи, о совершившейся перемѣнѣ титулованія царя, императоръ отвѣтилъ что-то очень тихо и непонятно. Вопросъ о признаніи оставался открытымъ. Въ императорскомъ министерствѣ мнѣнія раздѣлились. Одни полагали цѣлесообразнѣе немедленно признать титулъ и тѣмъ обязать Петра на уступки, вмѣсто того, чтобъ ждать и, послѣ признанія всѣми остальными, имѣть видъ присоединенія къ нимъ. Другіе возражали, говоря, что императорскій титулъ теряетъ свое значеніе, если его будутъ носить другіе государи. Англія сдѣлаетъ тоже, другіе послѣдуютъ ея примѣру. Признаніе замедлилось, и въ концѣ 1721 г. были посланы русскому правительству двѣ ноты безъ употребленія въ нихъ новаго титула. Рѣшеніе вопроса откладывалось [6]),

Во Франціи, въ бесѣдѣ съ русскимъ посланникомъ Долгорукимъ, регентъ сказалъ: «если бы это дѣло зависѣло отъ меня, то я бы исполнилъ желаніе его величества, но дѣло такой важности, что надо о немъ подумать» [7]).

---

[4]) Соловьевъ, XVI, 61.

[5]) Тамъ-же, XVII, 100.

[6]) Тамъ-же, 391.

[7]) Тамъ-же, XVIII, 120.—Относительно сношеній съ Франціею см. Сборн. Истор. Общ. XLI, 290 и слѣд.

Брикнеръ не останавливается подробно на пребываніи Петра Великаго во Франціи, повидимому, не придавая особаго значенія впечатлѣніямъ, которыя царь вынесъ изъ Парижа. Между тѣмъ непосредственное общеніе съ французскимъ дворомъ оставило неизгладимый слѣдъ на внѣшней организаціи новаго русскаго общества, даже во время Петра, не говоря уже о преемникахъ. Поэтому мы дополняемъ пропускъ Брикнера выдержкою изъ XVII тома „Исторіи Россіи“ Соловьева, посвященною пребыванію Петра въ Парижѣ.

Узнавъ о въѣздѣ Петра во Французскія границы, регентъ отправилъ ему навстрѣчу маршала Тессе, который и привезъ его въ Парижъ, 26 апрѣля (1717 г.) въ 9 часовъ вечера Для него были приготовлены комнаты королевы въ Луврѣ, но это помѣщеніе ему не понравилось по великолѣпію, и онъ потребовалъ, чтобы

Въ Польшѣ такъ же встрѣтились затрудненія, вслѣдствіе опасенія, что новый титулъ русскаго государя можетъ оказать вліяніе на сохран-

---

ему отвели квартиру въ домѣ какого-нибудь частнаго человѣка; ему отвели отель де-Ледигьеръ подлѣ арсенала. Но и здѣсь мебель показалась ему слишкомъ великолѣпной. Онъ велѣлъ вынуть изъ фургона свою походную постель и постлать ее въ гардеробѣ. Французы-современники такъ описываютъ Петра: онъ былъ высокаго роста, очень хорошо сложенъ, худощавъ, смуглъ, глаза у него большіе и живые, взглядъ проницательный и иногда дикій, особенно когда на лицѣ показывались конвульсивныя движенія. Когда онъ хотѣлъ сдѣлать кому-нибудь хорошій пріемъ, то физіономія его прояснялась и становилась пріятною, хотя всегда сохраняла немного сарматскаго величія. Его неправильныя и порывистыя движенія обнаруживали стремительность характера и силу страстей. Никакія свѣтскія величія не останавливали дѣятельность его духа; видъ величія и смѣлости возвѣщалъ государя, который чувствуетъ себя хозяиномъ повсюду. Иногда, наскучивъ толпой посѣтителей, онъ удалялъ ихъ однимъ словомъ, однимъ движеніемъ, или просто выходилъ, чтобы отправиться, куда влекло его любопытство. Если при этомъ экипажъ его не былъ готовъ, то онъ садился въ первую попавшуюся карету, даже наемную; однажды онъ сѣлъ въ карету жены маршала Мантиньонъ, которая пріѣхала къ нему съ визитомъ, и приказалъ везти себя въ Булонь; маршалъ Тессе и гвардія, приставленная всюду сопровождать его, бѣгали такъ за нимъ, какъ могли. Петръ поражалъ французовъ простотою своего наряда; онъ носилъ простое суконное платье, широкій поясъ, на которомъ висѣла сабля, круглый парикъ безъ пудры, не спускавшійся далѣе шеи, рубашку безъ манжетъ. Онъ обѣдалъ въ одиннадцать часовъ, ужиналъ въ восемь; (mémores de Duclos; mémoires de Saint--Simon, L. XV).

На другой день послѣ пріѣзда, 27 апрѣля, регентъ пріѣхалъ съ визитомъ къ царю. Петръ вышелъ изъ кабинета, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ на встрѣчу герцогу и поцѣловался съ нимъ; потомъ, указавъ рукою на дверь кабинета, обернулся и вошелъ первымъ, а за нимъ регентъ и князь Куракинъ, служившій переводчикомъ. Въ кабинетѣ хозяинъ и гость сѣли въ креслахъ, Куракинъ остался на ногахъ. Послѣ получасоваго разговора, Петръ всталъ и, вышедши изъ кабинета, остановился на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ принялъ регента; тотъ сдѣлалъ ему низкій поклонъ, на который царь отвѣчалъ легкимъ наклоненіемъ головы.

Несмотря на жгучее любопытство все скорѣе осмотрѣть въ знаменитомъ городѣ, Петръ нѣсколько дней не выходилъ изъ дому, дожидаясь визита королевскаго: „Объявляю вамъ“, писалъ онъ Екатеринѣ 28 апрѣля, „что два или три дня принужденъ въ домѣ быть для визита и прочей церемоніи, и для того еще ничего не видалъ здѣсь, а съ завтрее или послѣ завтрее начну все смотрѣть. А сколько дорогою видали—подлость въ людяхъ подлыхъ великая“. (Письма русск. госуд.).

На другой день послѣ этого письма маленькій король сдѣлалъ визитъ гостю. Царь встрѣтилъ его у кареты; дядька королевскій, герцогъ Вилльруа сказалъ Петру привѣтствіе вмѣсто своего маленькаго воспитанника, послѣ чего оба государя пошли рядомъ въ домъ—король по правую руку. Посидѣвши съ четверть часа, царь всталъ, взялъ короля на руки и поцѣловалъ нѣсколько разъ, глядя на него съ необыкновенною нѣжностью, послѣ чего оба государя вышли съ прежнею церемоніею. Объ этомъ королевскомъ визитѣ Петръ такъ

ность русскихъ областей, находящихся подъ польскимъ владычествомъ: по этому поводу нѣкоторое время происходили переговоры. Вопросъ оставался открытымъ [8]).

увѣдомилъ жену: „Объявляю вамъ, что въ прошлый понедѣльникъ визитовалъ меня здѣшній королиша, который пальца на два болѣе Луки нашего (Карла), дитя зѣло изрядная образомъ и станомъ, и по возрасту своему довольно разуменъ, которому седьмъ лѣтъ“ (Письма русск. государей). На другой день царь отдалъ визитъ королю; увидѣвши, что маленькій Людовикъ спѣшитъ къ нему на встрѣчу къ каретѣ, Петръ выскочилъ изъ нея, побѣжалъ къ королю навстрѣчу, взялъ его на руки и внесъ по лѣстницѣ въ залу. Церемонія была такая же, какъ и наканунѣ, съ тѣмъ различіемъ, что теперь король уступалъ правую руку царю.

Дождавшись королевскаго визита, Петръ сейчасъ же пошелъ осматривать Парижъ, заходилъ въ лавки, къ ремесленникамъ, выспрашивая ихъ чрезъ кн. Куракина о подробностяхъ ихъ работы, при чемъ обнаруживалъ обширныя познанія. Вещи только красивыя, служившія къ удовольствію, мало его занимали; но все, что имѣло цѣлью пользу, что относилось къ мореплаванію, къ торговлѣ, къ искусствамъ необходимымъ, возбуждало его любопытство, и здѣсь онъ приводилъ въ изумленіе вѣрностью, проницательностью взгляда, обнаруживалъ такую же быстроту въ изученіи, какъ и жадность въ пріобрѣтеніи познаній. Онъ только мимоходомъ взглянулъ на королевскіе брилліанты, но долго разсматривалъ Гобелиновы произведенія, долго оставался въ зоологическомъ саду (jardin des plantes), въ механическихъ кабинетахъ. Въ оперѣ онъ просидѣлъ только до четвертаго акта; но въ тотъ же день цѣлое утро провелъ въ галлереѣ плановъ. Очень понравилось ему въ инвалидномъ домѣ, гдѣ онъ осмотрѣлъ все до мельчайшихъ подробностей; въ столовой спросилъ солдатскую рюмку вина и выпилъ за здоровье инвалидовъ, называя ихъ товарищами. Осмотрѣвъ загородные дворцы, Петръ отправился въ С.-Сиръ, чтобы осмотрѣть знаменитую женскую школу, заведенную Ментенонъ; царь посѣтилъ всѣ классы, заставилъ объяснить себѣ всѣ упражненія пансіонерокъ и потомъ навѣстилъ больную Ментенонъ. 9-го іюня царь выѣхалъ изъ Парижа въ Спа для пользованія тамошними водами.

Затѣмъ, въ дополненіе къ сообщенію Соловьева, не безынтересно привести нѣкоторыя біографическія свѣдѣнія о Франсуазѣ Ментенонъ, къ которой Петръ отнесся съ такою почтительностью. Внучка предводителя гугенотовъ, Д'Обинье, она, подъ вліяніемъ другихъ родственниковъ, приняла католичество и вышла замужъ за поэта Скаррона, по смерти котораго была приглашена госпожею Мотеспанъ заняться воспитаніемъ ея дѣтей отъ Людовика XIV. Король увлекся ею и далъ титулъ маркизы Ментенонъ. Послѣ смерти Маріи-Терезы, король вступилъ съ маркизою въ тайный бракъ. Съ годами она подпала подъ сильное вліяніе духовенства и, какъ говорятъ, способствовала отмѣнѣ нантскаго эдикта. Ментенонъ очень много занималась педагогическими вопросами и основала въ Сенъ-Сирѣ женскую школу, которую такъ внимательно осматривалъ Петръ Великій. Послѣ смерти Людовика XIV, она сама поселилась въ Сенъ-Сирѣ. Это заведеніе послужило до нѣкоторой степени образцомъ для Екатерины II при основаніи ею Смольнаго института. *Прим. перев.*

[8]) Соловьевъ, XVIII, 81.

Въ Даніи пробовали связать признаніе титула съ условіемъ, чтобы Россія обезпечила Даніи владѣніе Шлезвигомъ, или чтобы, по крайней мѣрѣ, герцогъ голштинскій, женившійся на Аннѣ, дочери Петра, былъ удаленъ изъ Россіи [9]).

Такимъ образомъ возникало много трудностей получить одобреніе всей Европы. Появилось нѣсколько сочиненій, касавшихся новаго титула, въ которыхъ заключался усиленный протестъ. Изъ разсмотрѣнія различныхъ

Петръ Великій у короля Людовика XV.

значеній слова «императоръ» и историческаго изслѣдованія приходили къ заключенію, что этотъ титулъ царю не подлежитъ [10]).

Въ 1718 г. Петръ велѣлъ отпечатать письмо Максимиліана къ Василію Ивановичу, въ которомъ онъ титулованъ императоромъ. Въ одной брошюрѣ была сдѣлана попытка доказать подложность этого документа [11]).

---

[9]) Тамъ же, 104.

[10]) Martin Schmeizel. 1722.

[11]) Въ 1723 г. въ Фрейштадтѣ.—Императору Іосифу, въ бытность его въ Петербургѣ въ 1780 г. былъ показанъ подлинникъ.—См. Минцлофъ.

Вслѣдъ затѣмъ, безъ указанія мѣста печатанія, появилась брошюра подъ заглавіемъ: «Политическія разсужденія по вопросу, умаляетъ ли титулъ и имя императорскіе достоинство его императорскаго величества и римской имперіи, и въ случаѣ присвоенія русскому царю права—интересы другихъ христіанскихъ королей и свободныхъ державъ» [12])? Авторъ рѣшаетъ этотъ вопросъ о титулѣ отрицательно.

Но появились сочиненія и благопріятныя для Петра. Появленіе ихъ въ нѣсколькихъ изданіяхъ доказываетъ ихъ широкое распространеніе [13]).

Въ концѣ-концовъ, подобные вопросы рѣшаютъ не тонкости исторической критики, и не подлинность того или другаго документа, и не юридическо-діалетическія разсужденія. Въ области практической политики для признанія новаго титула нужно было только плодотворнымъ и удачнымъ участіемъ въ международныхъ сношеніяхъ укрѣпить значеніе новаго члена европейской государственной семьи [14]).

Достиженію намѣченной цѣли могли оказать содѣйствіе родственныя отношенія царскаго дома съ западно-европейскими царствующими родами. Племянница Петра вышла замужъ за герцога Мекленбургскаго; дочь Петра, Анна, была замужемъ за герцогомъ Гольштинскимъ; другая племянница выдана за герцога Курляндскаго, но вскорѣ овдовѣла. Въ послѣдніе годы своего царствованія Петръ очень желалъ женить на своей дочери Елизаветѣ французскаго короля Людовика XV. Во Франціи думали о женитьбѣ на Елизаветѣ сына регента, герцога Шартрскаго, въ надеждѣ, что Петръ предоставитъ своему зятю польскую корону [15]); заходила во Франціи также рѣчь и о герцогѣ Бурбонскомъ, какъ о женихѣ для Елизаветы Петровны. Когда стало извѣстно, что французскій король не хочетъ жениться на предположенной для него невѣстѣ, испанской инфантѣ, Петръ снова вернулся къ проекту выдать за него свою дочь, и русскій посланникъ въ Парижѣ, Куракинъ, получилъ приказаніе заняться исполненіемъ этого плана. Но этотъ проектъ не получилъ осуществленія [16]). Также точно не привели ни къ чему переговоры, которые касались брака между дочерью Петра Натальей

---

[12]) Тамъ-же, 398.

[13]) Тамъ же, 396.

[14]) Признаніе императорскаго титула послѣдовало со стороны Швеціи въ 1723 г., Турціи—1739 г., Англіи и Австріи—1742 г., Франціи и Испанія—1745 г., Польши—1764 г. (Градовскій, Осн. русск. госуд. права, I, 156).

[15]) Соловьевъ, 120—122.—Сборн. ист. общ. LII.

[16]) См. интересное письмо Курочкина у Соловьева, XVIII, 127.

и испанскимъ инфантомъ Фердинандомъ. Царевна родилась въ 1718 г. и, слѣдовательно, къ 1723 г., когда объ этомъ бракѣ говорилъ въ Петер-

Петръ Великій и Людовикъ XV.

бургѣ, уполномоченный герцога Пармскаго, патеръ Арчелли, ей было всего пять лѣтъ [17]). Она скончалась семи лѣтъ.

Такимъ образомъ въ области брачныхъ союзовъ въ царствованіе

[17]) Тамъ же, 132.

Петра достигнуто было очень немногое. Только бракъ его внука съ принцессою Ангальтъ-Цербтскою можетъ считаться имѣющимъ значеніе [18]).

Въ общемъ Россія находилась, въ послѣдніе годы царствованія Петра, въ оживленныхъ дипломатическихъ сношеніяхъ и съумѣла удержать достигнутое положеніе вмѣшательствомъ въ дѣла другихъ государствъ и энергическимъ отстаиваніемъ своихъ собственныхъ интересовъ.

Въ Польшѣ русскій посланникъ не переставалъ играть выдающуюся роль. На очередь былъ поставленъ вопросъ о диссидентахъ, и онъ не сходилъ до самаго раздѣла Польши. Съ Пруссіею было соглашеніе относительно образа дѣйствія по наиболѣе важнымъ вопросамъ, касающимся Польши; на сеймахъ русскія деньги имѣли сильное, подчасъ рѣшающее вліяніе. Можно было ожидать, что и предстоящее избраніе короля произойдетъ согласно желаніямъ Россіи и Пруссіи [19]).

Союзъ съ Пруссіею продолжался. Тщетно старалась Саксонія отдѣлить Пруссію отъ Россіи; тщетно старалась англійская дипломатія, посредствомъ сближенія съ Австріею и Пруссіею, устранить послѣднюю отъ союза съ Россіею. Фридрихъ-Вильгельмъ I твердо держался своего союзника, и только по поводу курляндскихъ дѣлъ или пересылки прусскому королю «великановъ» происходили иногда недоразумѣнія [20]). Только въ царствованіе дочери Петра, Елизаветы, отношенія эти приняли такой оборотъ, что самое существованіе прусскаго государства подверглось величайшей опасности [21]).

Въ Австріи были склонны придавать значеніе наговорамъ Англіи о грозившей имперіи опасности отъ усиливающагося могущества Россіи. Въ Вѣнѣ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за ходомъ персидской войны. Англійскій посланникъ указывалъ, какъ неразумно было со стороны Австріи отклонить предлагавшійся ей еще до заключенія Ништадтскаго мира союзъ съ Англіею, спеціально направленный противъ Петра; теперь царь, благодаря своимъ завоеваніямъ на Востокѣ, станетъ могущественнымъ государемъ. Затѣмъ мекленбургскія дѣла нерѣдко подавали поводъ ко многимъ непріятнымъ столкновеніямъ и поддерживали извѣстную натянутость между вѣнскимъ и петербургскимъ дворами. Но Петръ не придавалъ большаго значенія недостатку благосклонности со стороны Карла VI [22]).

---

[18]) Петръ III и Екатерина II. (*Прим. перев.*).

[19]) Соловьевъ, XVIII, 79—108.

[20]) Тамъ же, 102—106.

[21]) Участіе Россіи въ семилѣтней войнѣ. (*Прим. перев.*).

[22]) Соловьевъ, XVIII, 90—101.

Петръ I посѣщаетъ Ментенонъ, вдову короля Людовика XIV.

Прежній союзникъ Россіи—Данія, съ неудовольствіемъ смотрѣла на усиленіе союзника. Когда русскій посланникъ при датскомъ дворѣ предъявилъ требованіе, чтобы русскія суда при проходѣ черезъ Зундъ были освобождены отъ уплаты пошлины, то, какъ писалъ Бестужевъ царю, датскіе министры «поблѣднѣли». Сближеніе Россіи съ Голштиніею возбудило въ Даніи большую тревогу, вслѣдствіе опасенія, что Петръ снабдитъ своего будущаго зятя войскомъ и флотомъ. Данія сочла себя вынужденною готовиться къ войнѣ и подумывать о заключеніи со Швеціею оборонительнаго союза противъ Россіи. Но русскія деньги въ Копенгагенѣ часто имѣли рѣшающее значеніе. Русскій посланникъ старался вліять на короля въ частныхъ аудіенцахъ и посредствомъ подарковъ государственнымъ людямъ, и тѣмъ противодѣйствовать дѣйствіямъ датскихъ министровъ, удерживая политику Даніи въ направленіи, желательномъ Россіи [23]).

Еще болѣе активно вмѣшивалась Россія въ партійную борьбу въ Швеціи. Члены парламента и министры были здѣсь не менѣе подкупны, чѣмъ въ Польшѣ. Поддержаніе въ Швеціи по имени монархическаго, а по существу республиканско-анархическаго устройства было поставлено Россіею такою же политическою задачею, какъ и сохраненіе statu quo въ Польшѣ [24]). Нѣсколько десятилѣтій подрядъ русскій посланникъ въ Стокгольмѣ имѣлъ часто больше значеніе, чѣмъ король, и только соперничество Франціи нѣсколько уменьшало русское вліяніе, пока, наконецъ, Густаву III не удалось измѣнить положеніе вещей.

Въ отношеніяхъ Россіи къ Англіи, слѣдуетъ замѣтить, что Петръ, подъ конецъ своего царствованія, поддерживалъ нѣкоторыя сношенія съ претендентомъ Яковомъ III. Въ іюлѣ 1722 года послѣдній писалъ царю, благодаря за продолжающуюся благосклонность и выражая надежду, что Петръ возстановленіемъ династій Стюартовъ на англійскомъ престолѣ пріобрѣтетъ еще больше славы и установитъ общій европейскій міръ. Агентъ Якова III, Ѳома Гордонъ, велъ переговоры съ русскимъ правительствомъ и просилъ, чтобы Петръ предоставилъ въ распоряженіе претендента армію въ 6,000 человѣкъ и вооруженіе и амуницію на 20,000. — Въ началѣ 1723 г. было получено второе письмо отъ Якова, въ которомъ онъ выражалъ царю пожеланія успѣха въ Персіи и вновь подтверждалъ, что не можетъ быть болѣе благопріятнаго момента для высадки на англійскій берегъ [25]). Все это были проекты, которымъ не придавалось серьезнаго

[23]) Тамъ же, 107—111.
[24]) Тамъ же, 112—118.
[25]) Тамъ же, 128.

значенія. Старанія французскаго правительства произвести сближеніе между Англіею и Россіею оставались безуспѣшными [26]).

Эти сношенія съ претендентами содѣйствовали дипломатическимъ сношеніямъ между Россіею и Испаніею. Еще въ 1717 г. Петръ послалъ князя Щербатова консуломъ въ Кадиксъ, а кн. Голицына дипломатическимъ агентомъ въ Мадридъ, чтобы проложить новые пути русской вывозной торговлѣ. Эти дипломаты были встрѣчены съ такимъ радушіемъ, которое свидѣтельствовало о высокомъ мнѣніи о царѣ, союзъ съ которымъ казался наиболѣе подходящимъ средствомъ борьбы съ Англіею. Въ 1723 г. Петръ рѣшилъ имѣть въ Мадридѣ постояннаго посланника, которому было поручено сообщать подробно объ испанскихъ дѣлахъ. Съ своей стороны, Испанія послала въ Россію своего посланника, избравъ для этого племянника претендента Якова III, герцога Лирійскаго. Послѣ кончины Петра онъ еще долгое время оставался въ Россіи. Въ данныхъ ему инструкціяхъ образъ дѣйствій Россіи и Испаніи относительно Англіи представлялъ главную задачу [27]).

Къ концу царствованія Петра мы видимъ Россію повсюду дѣйствующею; вездѣ съ нею считались, то сочувствуя, то опасаясь. Если припомнить, какъ неумѣло выступали московскіе послы въ Западной Европѣ непосредственно до Петра, какъ въ то время участіе Россіи въ общихъ вопросахъ европейской политики ограничивалось ея участіемъ въ турецкой войнѣ, какъ дипломаты еще во время перваго заграничнаго путешествія Петра относились и толковали о Россіи, какъ о диковинной странѣ, смотря на появленія отъ нея посольства въ родѣ того, какъ нынѣ смотрятъ на посольство изъ Марокко или изъ Бирмы, больше съ любопытствомъ, чѣмъ съ дѣйствительно политическимъ интересомъ, — то можно признать, что Петръ былъ правъ, говоря, что русскіе перешли отъ тьмы къ свѣту, и что тѣ, которые ничего не хотѣли и знать про нее, теперь ее высоко почитаютъ.

Это превращеніе взглядовъ произошло, прежде всего, благодаря личности царя. На Западѣ все время держался взглядъ, что отъ царя, отъ его иниціативы зависитъ міровое положеніе Россіи. Насколько цѣнили энергію его дѣятельности, обширность его талантовъ лучше всего можно видѣть изъ того впечатлѣнія, которое произвела его сравнительно рано наступившая кончина. Точно сразу положеніе Россіи измѣнилось. Мнѣніе,

[26]) Сб. ист. общ. LII, XXXII.

[27]) Соловьевъ, XVIII, 131.—„Осьмнадцатый вѣкъ", II, 5 и слѣд.—III, 134 и слѣд.

что значеніе Россіи умалится, было повсемѣстно распространено. Никто не вѣрилъ въ дальнѣйшее развитіе Россіи; никто не считалъ вѣроятнымъ, чтобы супруга Петра, Екатерина, которой Меншиковъ вручилъ бразды правленія, могла удержаться на престолѣ.

На Западѣ всѣ вздохнули, когда узнали про смерть Петра. Вездѣ вѣсть о перемѣнѣ въ Россіи царствованія вызвала проявленіе величайшей радости. Русскій агентъ въ Польшѣ, Рудаковскій, писалъ въ февралѣ 1725 г. еще самому Петру, что враги царя распространили слухъ о его смерти: «слыша объ этомъ, мертвыя мухи носъ поднимать начинаютъ, думаютъ, что русская имперія уже погибла; всюду радость, стрѣльба и попойки». Изъ Стокгольма русскій посланникъ писалъ, какъ онъ послѣ полученія извѣстія о смерти Петра посѣтилъ дворъ и видѣлъ тамъ короля и его приближенныхъ въ необыкновенной радости, и какъ повсемѣстно было распространено убѣжденіе, что теперь въ Россіи будетъ величайшая смута. Изъ Копенгагена Бестужевъ сообщалъ, что при вѣсти о смерти Петра, «изъ первыхъ при дворѣ, яко генерально и всѣ подлые съ радости опилися было». Королева выдала 1,000 дукатовъ для бѣдныхъ подъ предлогомъ отпраздновать выздоровленіе короля, но въ дѣйствительности, какъ говорили, чтобы выразить свою радость по случаю смерти Петра. Король, добавляетъ Бестужевъ, очень смущенъ проявленіями подобнаго восторга; повсемѣстно, впрочемъ, ожидаютъ, что въ Россіи наступитъ полная анархія [28]).

Исключеніемъ являлся король прусскій Фридрихъ-Вильгельмъ I; онъ искренно сожалѣлъ о своемъ союзникѣ. Когда прусскій посланникъ при русскомъ дворѣ, Мардефельдъ, спрашивалъ указаній у короля, въ какой степени надо проявить внѣшніе признаки траура, то король отвѣчалъ, что надо печалиться такъ, будто онъ самъ умеръ [29]).

Получался отъ смерти Петра пробѣлъ въ Россіи, во всемъ мірѣ. По предсказаніе, что русское государство тотчасъ погибнетъ, что въ немъ сейчасъ воцарится общая смута [30]), не оправдалось. Это только доказывало, что содѣянное Петромъ было прочно.

---

[28]) Соловьевъ, XIX, 35, 60, 72.

[29]) Тамъ же, 75.

[30]) Объ этомъ въ сообщеніяхъ франц. дипломатовъ.—Сб. ист. общ. XL, 38, 266, 331, 437.

ГЛАВА XV.

Государственныя учрежденія.

Въ своемъ указѣ 1702 г., о призваніи иностранцевъ, Петръ говоритъ, что съ самаго начала царствованія его стремленіемъ будетъ сдѣлать народъ счастливымъ и улучшить его матеріальное благосостояніе. Этотъ взглядъ на народное благо является главнымъ основаніемъ просвѣщеннаго деспотизма, въ противоположность къ все остальное попирающей мысли о государственной власти, которую выставилъ маккіавелизмъ. Этотъ принципъ является преобладающимъ въ мѣропріятіяхъ Петра, касающихся внутреннихъ дѣлъ. Съ теченіемъ времени онъ выступаетъ съ еще большею ясностью.

Невѣроятнаго напряженія стоило Россіи обезпечить себѣ мѣсто въ общей европейской государственной системѣ и разрѣшить наиболѣе важные вопросы иностранной политики. Но ни на мгновеніе не останавливалась во все это время внутренняя реформаторская работа Петра. Его дѣятельность въ области управленія и законодательства, судоустройства и полиціи, доказываетъ, что усиленіе внѣшней власти служило лишь какъ средство для достиженія высшей цѣли. Наряду съ виднымъ исходомъ войны, которая помогла ему укрѣпить и украсить государственное зданіе извнѣ, шла болѣе трудная, болѣе скромная, но въ своихъ послѣдствіяхъ болѣе плодотворная работа внутренняго устроенія. Во всѣхъ отрасляхъ требовалось созиданіе новаго. И здѣсь Петру было суждено, хотя онъ вовсе къ тому не стремился, пріобрѣсти болѣе прочную славу, чѣмъ военными походами, дипломатическими сношеніями, битвами и осадами, присоединеніями и завоеваніями. Лейбницъ былъ правъ, когда онъ писалъ Урбиху, непосредственно за Полтавскою битвою, что успѣхи политическихъ отношеній ничтожны въ сравненіи съ прочностью духовнаго обновленія, и что ничто такъ не отвѣчаетъ природѣ царя, какъ распространеніе культуры въ своемъ государствѣ [1]).

[1]) Leibnitz. Guerrier. прил. 131 – 132.

Но, конечно, только политическіе успѣхи могли обезпечить внутреннюю работу, создать преобразованіямъ нужное время и пространство. Внутреннему устроенію должна была предшествовать внѣшняя борьба, цѣлью которой являлось укрѣпленіе сношеній съ Европою. Если еще до Полтавской битвы многое было совершено въ области законодательства и государственнаго управленія, то послѣ этой битвы дѣятельность царя внутри государства пріобрѣтаетъ еще большую интенсивность; народнопросвѣтительный аппаратъ Петра, во второй половинѣ его царствованія, работаетъ сильнѣе и плодотворнѣе, чѣмъ раньше.

Посреди трудовъ и заботъ иностранной политики можно прослѣдить слѣды этой преобразовательной работы, но нѣтъ, конечно, постоянной, безпрерывной дѣятельности. Многое представляется сдѣланнымъ въ видѣ опыта, иное кажется лишь смѣлымъ экспериментомъ. Случается, что приводится въ исполненіе только что возникшая, недостаточно обдуманная мысль. И нѣтъ ничего удивительнаго, что подчасъ новое устройство имѣетъ видъ недодѣланности. Цѣлый рядъ указовъ и законовъ имѣетъ цѣлью установить благосостояніе народа и порядокъ, но при этомъ нѣтъ недостатка въ насиліи, попраніи частныхъ интересовъ и справедливости. Въ реформаторской дѣятельности Петра очень замѣтно, что онъ вездѣ бралъ на себя иниціативу, что ему приходилось отказаться отъ сотрудничества общественнаго мнѣнія, что при осуществленіи своихъ предположеній у него не было подготовленнаго состава чиновниковъ. Въ области государственнаго управленія, его довѣренныя лица, въ родѣ Курбатова, Меншикова, Апраксина, Ягужинскаго, были такими-же самоучками, какъ и самъ Петръ. Всѣ были вынуждены выученное сегодня—на завтра примѣнять на дѣлѣ, какъ бы оно ни шло. Если обратиться къ разсмотрѣнію иностранныхъ, болѣе опытныхъ и образованныхъ совѣтниковъ, въ родѣ Патkуля, Ли, Лейбница, то приходится признать, что идеи такихъ лицъ недостаточно соотвѣтствовали даннымъ условіямъ, и что они были пропитаны безпочвеннымъ доктринерствомъ.

Мы видимъ, что Петръ, до своего возвращенія изъ-за границы въ 1698 году, предоставилъ все управленіе другимъ лицамъ, и какъ тогда его собственная иниціатива сказывается во всѣхъ начавшихся реформахъ. Но вскорѣ затѣмъ царя отвлекаетъ война, онъ постоянно разъѣзжаетъ; о строгой послѣдовательности правительственной дѣятельности нечего было и думать, разъ что онъ не создавалъ новыхъ основаній и формъ для управленія и не могъ постоянно находиться въ центрѣ своего государства.

Въ первые годы сѣверной войны бояре правили въ Москвѣ на прежнихъ условіяхъ. Было много произвола и недобросовѣстности. Всякій, кто довѣрялъ способностямъ и намѣреніямъ царя, долженъ былъ стремиться къ окончанію войны, такъ какъ только миръ могъ дать царю возможность продолжительнаго пребыванія въ столицѣ и правильнаго участія въ текущихъ государственныхъ дѣлахъ.

Въ высшей степени интересно прослѣдить, какъ рядомъ съ прежнею боярскою думою для новыхъ видовъ дѣятельности появляются новыя должности, для новыхъ потребностей управленія создаются новыя учрежденія Ближайшій къ Петру и потому наиболѣе вліятельный человѣкъ, Меншиковъ не проходитъ прежней лѣстницы старинныхъ должностей; равнымъ образомъ не встрѣчаются въ спискахъ прежнихъ чиновъ и нѣкоторые другіе довѣренные царю, какъ, напр., Апраксинъ и Ромодановскій. Тѣ люди, которые исполняли дѣйствительную работу управленія, постоянно соприкасались съ царемъ и несли высшую отвѣтственную службу, какъ Меншиковъ или Курбатовъ, или не имѣли прежнихъ высокихъ титуловъ окольничаго или боярина, или же, какъ Шереметевъ, Головинъ и др., получили заимствованный съ Запада титулъ «графа». Старинные титулы «дьяка», «окольничаго» и др. были обречены на вымираніе [2]). Уже Шаховитый говорилъ о старыхъ боярахъ, что они уподобляются отпадшему, зяблому дереву.

Петръ былъ, и нѣкоторое время оставался, одинъ душою управленія. Гдѣ онъ находился, былъ и центръ управленія и законодательства. Соотвѣтственно этому былъ учрежденъ «кабинетъ» царя, который постоянно находился при немъ, гдѣ бы царь ни былъ, въ столицѣ и въ путешествіи. Всѣ доклады и запросы, всѣ жалобы и прошенія должны были поступать въ «кабинетъ». Большое значеніе получаетъ кабинетъ-секретарь, должность котораго во все царствованіе Петра занималъ Александръ Васильевичъ Макаровъ. Черезъ его руки проходили всѣ бумаги, которыя царь долженъ былъ прочитать. Онъ былъ простымъ исполнителемъ, но его постоянное, ежедневное сношеніе съ царемъ дѣлало его весьма вліятельною личностью. Такіе сановники, какъ Апраксинъ, въ искательныхъ письмахъ старались заслужить благоволеніе этого человѣка, который, самъ по себѣ, былъ безъ всякой личной иниціативы и отличался только работоспособностью и преданностью [3]). Ему было поручено Петромъ

[2]) Соловьевъ, XV, 86.

[3]) Тамъ-же, XVI, 2.—Изслѣдованія Градовскаго и Петровскаго не даютъ полнаго понятія объ этомъ учрежденіи.

составленіе исторіи шведской войны, работа, которую этотъ чиновникъ оказался не въ состояніи исполнить. [4]).

Петру была нужна гораздо болѣе энергичная и работоспособная машина, чѣмъ прежніе органы управленія. Сознаніе долга, идеальное творчество, настойчивость въ трудѣ,—какъ они представлялись царю, не могли согласоваться съ прежними учрежденіями, въ родѣ боярской думы. Это патріархальное собраніе, отличавшееся тупостью и ограниченностью мыслей, состояло большею частью изъ совершенно неспособныхъ, только благодаря своему знатному происхожденію назначаемыхъ членовъ, и не могло поэтому принести царю никакой существенной пользы. Оно не имѣло ни иниціативы, ни отвѣтственности.

Петръ нуждался въ дѣятельныхъ, энергичныхъ, самостоятельныхъ учрежденіяхъ. Ему было необходимо, чтобы на время войны, или на случай другихъ важныхъ дѣлъ, онъ лично могъ быть замѣненъ посредствомъ добросовѣстнаго учрежденія, члены котораго были-бы способны и съ сознаніемъ своего долга. Преобразованіе боярской думы въ другое учрежденіе являлось невозможнымъ. Царь не могъ влить новое вино въ старые мѣхи. Должно было возникнуть нѣчто совершенно новое.

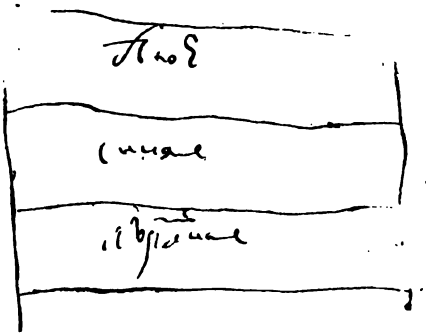
Намъ неизвѣстно, какимъ образомъ была отмѣнена боярская дума. Объ этомъ не сохранилось никакого указа. Можно предположить, что она нѣкоторое время влачила тѣнь прежняго существованія и была постепенно окончательно упразднена, когда на ряду съ ней возникли другія государственныя установленія съ широкимъ кругомъ дѣйствій. Можно думать, что царь наиболѣе способныхъ членовъ боярской думы перевелъ въ свою «Ближнюю Канцелярію», о времени и способѣ возникновенія которой также не имѣется точныхъ свѣдѣній. Извѣстно, что въ мартѣ 1704 г. эта «канцелярія» являлась въ роли центральнаго государственнаго учрежденія, а послѣдній слѣдъ существованія боярской думы надо отнести къ акту 18 февраля 1700 г. Члены ближней канцеляріи иногда называются министрами. Въ 1707 г. послѣдовалъ приказъ Петра, по которому всѣ съѣзжающіеся въ канцеляріи министры «всякія дѣла, о которыхъ совѣтуютъ, записывали и каждый-бы министръ своею рукою подписывалъ, что зѣло нужно надобно, и безъ того отнюдь никакого дѣла не опредѣляли бы, ибо симъ всякаго мудрость явлена будетъ» [5]).

---

[4]) Сочиненіе Макарова было издано въ 1770 г. подъ заглавіемъ „Журналъ Петра Великаго". Почти каждая страница Макаровскаго текста измѣнена Петромъ. *(Прим. перев.).*

[5]) Голиковъ, XI, 328. Цитировано по Соловьеву, XVI, 1. *(Прим. перев.).*

Но эта канцелярія имѣла характеръ временнаго учрежденія, случайнаго совѣта изъ довѣренныхъ лицъ, Головина, Стрѣшнева, Ромодановскаго и др. Объ ея дѣятельности немногое извѣстно; она напоминала собою то учрежденіе, которое Петръ установилъ передъ отъѣздомъ за границу. Компетенція ея была довольно ограничена. Заступать царя они не имѣли полномочія. Поэтому Петръ долженъ былъ подумать о созданіи другого учрежденія, которое имѣло бы постоянное, самостоятельное значеніе, которое стояло бы во главѣ всѣхъ государственныхъ дѣлъ. То былъ Сенатъ [6]).

Снимокъ съ флага, нарисованнаго Петромъ, въ черновомъ рескриптѣ Украинцову, посланномъ съ Жерловымъ въ 1699 г.

Возникновеніе мысли о такомъ учрежденіи остается невѣдомымъ; на царя могли повліять образцы польскихъ и шведскихъ учрежденій, но, собственно говоря, скорѣе только одно наименованіе, чѣмъ сущность, соотвѣтствуетъ однороднымъ учрежденіямъ въ Варшавѣ и Стокгольмѣ [7]).

Въ тотъ самый день, когда была объявлена война Турціи (22 января 1711 г.), появился и манифестъ объ учрежденіи Сената. Этимъ актомъ былъ созданъ органъ, который замѣнялъ личность царя, который могъ, на время отъѣзда Петра на войну, править государственныя дѣла. Мотивомъ для новаго установленія въ манифестѣ и приведено путешествіе царя. Но новое учрежденіе не было временнымъ, а постояннымъ. Сенатъ состоялъ изъ 9 членовъ, число которыхъ, въ случаѣ надобности, могло быть увеличено. Кругъ вѣдомства былъ очень широкій. Указомъ 2 марта 1711 г. было повелѣно, что всѣ безъ исключенія, подъ страхомъ строжайшихъ наказаній, должны исполнять указы Сената, какъ собственные указы царскіе.

Петръ никогда не дѣлалъ попытки ограничивать власть Сената, а, напротивъ, часто повторялъ о необходимости ему сохранять и проявлять самостоятельность дѣйствій. Безчисленное количество разъ, отдѣльныхъ лицъ и учрежденія, обращавшихся за помощью, совѣтомъ, съ сомнѣніями,—отсылалъ

[6]) Петровскій „Сенатъ при П В.“. 1875.

[7]) Тамъ-же, 35.

онъ въ Сенатъ, «которому все довѣрено». Выработанная царемъ инструкція Сенату касается въ короткихъ словахъ цѣлаго ряда важнѣйшихъ отраслей управленія; здѣсь соединены въ пестрой смѣси самыя разнообразныя функціи. Сенатъ долженъ заботиться о нелицемѣрномъ судѣ, объ упорядоченіи финансовъ («денегъ какъ возможно сбирать, понеже деньги суть артеріи войны») [6]), дѣлать нѣкоторыя распоряженія по военному управленію и т. п. Кромѣ того, говорится о сельско хозяйственныхъ мѣропріятіяхъ, о китайскомъ и персидскомъ торгѣ, о соляномъ откупѣ, о фискалахъ и т. д. Царь говорилъ о важнѣйшихъ вопросахъ, по мѣрѣ того, какъ возникали потребности данной минуты; онъ, прежде всего, нуждался въ деньгахъ и въ людяхъ для войска, — и оба предмета были также поручены Сенату.

Впослѣдствіи Петръ подробнѣе вернулся къ опредѣленію функцій Сената. Въ одномъ указѣ 1718 г. заключается общее опредѣленіе Сената, какъ учрежденія, которое должно неустанно дѣйствовать на пользу государства, дѣлать доброе и устранять все вредное.

Петръ вполнѣ сознавалъ всю отвѣтственность, которую онъ возлагалъ на Сенатъ по указу 2 марта 1711 г.—въ этотъ же день 9 новыхъ сенаторовъ приносили въ соборѣ присягу—«ежели оный Сенатъ неправедно что поступитъ въ какомъ партикулярномъ дѣлѣ, и кто про то увѣдаетъ, то однако-жъ да молчитъ до нашего возвращенія, дабы тѣмъ не помѣшать настоящихъ прочихъ дѣлъ, и тогда да возвѣститъ намъ». Затѣмъ Петръ сдѣлалъ нѣсколько распоряженій относительно порядка веденія дѣлъ въ Сенатѣ. Если одинъ изъ сенаторовъ не согласится съ мнѣніемъ остальныхъ, то долженъ написать свое собственное; этимъ предполагалось устранить всѣ своевольные, недостаточно основательные протесты.

Сенату было поручено наблюдать за дѣятельностью всѣхъ прочихъ правительственныхъ учрежденій, смотрѣть, чтобы каждый правилъ свою службу, искоренять всякую несправедливость и казнокрадство и виновныхъ наказывать. Остальными органами для этого должны были служить фискалы; они были глазами и ушами Сената, который долженъ былъ все видѣть и слышать.

По своему кругу дѣла и рѣшающему голосу новое учрежденіе можетъ быть противопоставлено прежней боярской думѣ, имѣвшей лишь значеніе совѣщательное. Все и всѣ подчинено Сенату, который съ своей стороны отвѣтственъ только передъ царемъ. Присвоеніе Сенату надзора за

---

[6]) Подобно изреченію Карла V: „L'argent est le nerf de la guerre".

всѣмъ и контроля надъ всѣми было полнымъ повпествомъ. Сенатъ долженъ былъ заботиться о порядкѣ въ странѣ; о судѣ, о безопасности и благосостояніи населенія, о рекрутскихъ наборахъ и государственномъ управленіи, изыскивать необходимыя финансовыя средства. О раздѣленіи властей не было и рѣчи. Всѣ функціи, судебныя и административныя и въ извѣстной степени законодательныя, были сосредоточены въ Сенатѣ. Сенату была присвоена власть вродѣ диктатуры. Устроенная политическая жизнь была еще въ зародышѣ, и было, напротивъ, слишкомъ много злоупотребленій, недобросовѣстности, обмановъ, чтобы не оправдалось назначеніе столь сильнаго центральнаго органа. Въ Сенатѣ Петръ сумѣлъ создать себѣ сотрудника.

Новое учрежденіе дѣйствительно многое сдѣлало и проявило усиленную дѣятельность, рекрутскіе наборы, снабженіе войска съѣстными припасами и амуниціею, его вооруженіе, заготовленіе строительныхъ матеріаловъ для флота, мѣры для поощренія торговли и промышленности, собираніе налоговъ, мѣры противъ пожаровъ и повальныхъ болѣзней, сооруженіе каналовъ и дорогъ, защита государственной границы отъ нападеній инородцевъ и т. п.—все это составляло вѣдомство Сената и предметы совѣщаній и рѣшеній его членовъ.

Петръ успѣлъ внушить Сенату дѣятельность, которую самъ проявлялъ. Онъ постоянно сносился съ Сенатомъ, именуя его «господа Сенатъ». Онъ его торопитъ; потеря времени равносильна смерти и не вознаградима, какъ пережитая жизнь. Онъ часто повторяетъ, что не достаточно постановить рѣшеніе, надлежитъ еще прослѣдить за исполненіемъ рѣшенія по всѣмъ инстанціямъ; иногда онъ напоминаетъ сенаторамъ объ ихъ присягѣ. По временамъ онъ критикуетъ принятыя сенаторами мѣры по поводу ихъ нецѣлесообразности; онъ заявляетъ какъ то, что Сенатъ сталъ посмѣшищемъ; въ другой разъ онъ высказываетъ опасеніе, что сенаторы, польстившись на подкупъ, не принимали несправедливыхъ рѣшеній; онъ угрожаетъ, что привлечетъ сенаторовъ къ отвѣтственности. Онъ также бранитъ высшихъ сановниковъ въ государствѣ, какъ будто простого нерадиваго слугу. Онъ знаетъ обо всемъ; сенаторы должны, вникая въ подробности дѣлъ, въ своихъ рѣшеніяхъ давать отчетъ царю.

Медленность производства дѣлъ въ другихъ правительственныхъ учрежденіяхъ могла сильно затруднить дѣятельность Сената. Сенатскіе указы довольно часто не исполнялись. Поэтому въ 1715 г. была создана новая должность. Василій Зотовъ назначенъ генеральнымъ ревизоромъ или наблюдателемъ указовъ; онъ былъ обязанъ наблюдать за исполненіемъ се-

*

патскихъ указовъ и нерадивыхъ привлекать къ отвѣтственности. Онъ присутствовалъ на сенатскихъ засѣданіяхъ. Мы видимъ, что новый ревизоръ самъ жаловался царю на нерадивость въ дѣятельности сенаторовъ; они плохо посѣщаютъ засѣданія, пренебрегаютъ составленіемъ протоколовъ, не сообщаютъ достаточно ревностно вѣдомости о налогахъ. Но и съ другой стороны поступали жалобы на произволъ и нарушеніе обязанностей сенаторовъ. Возникали конфликты по вопросамъ о компетенціи между Сенатомъ и высшими военными и гражданскими должностными лицами. Петру приходилось многое разъяснять, рѣшать, примирять и налагать взысканія [*]). Онъ постоянно даетъ новыя инструкціи и направляетъ дѣятельность Сената. Онъ самъ писалъ, что во время сенатскихъ засѣданій нельзя разговаривать о посторонннихъ дѣлахъ или заниматься шутками, такъ какъ въ Сенатѣ какъ бы незримо присутствуетъ особа его величества; «презрѣніе указовъ» Петръ сравниваетъ съ измѣною, оно даже хуже измѣны, потому что первая вездѣ считается дѣломъ дурнымъ, тогда какъ неуваженіе закона имѣетъ общее развращающее вліяніе, всѣхъ склоняя къ непослушанію. Царь ссылается на гибельный примѣръ подобнаго отношенія въ «греческой монархіи».

Существенное измѣненіе въ устройствѣ и кругѣ вѣдомства Сената произошло въ 1718 г., вслѣдствіе учрежденія коллегій. Еще въ составленномъ въ 1698 г. Франциссмъ Ли проектѣ государственныхъ реформъ для Петра, мы встрѣчаемъ мысль о раздѣленіи всей работы по управленію государствомъ и по преобразовательной дѣятельности между нѣсколькими учрежденіями. Двадцать лѣтъ спустя, эта мысль, подъ другимъ вліяніемъ, получила свое осуществленіе. Сенатъ послужилъ для Петра воплощеніемъ мысли обратить къ дѣламъ высшаго управленія коллегіальный умъ, отвѣтственность и работоспособность и тѣмъ устранить произволъ и подкупность отдѣльныхъ должностныхъ лицъ; онъ задумалъ далѣе съ помощью принципа коллегіальности установить болѣе строгій надзоръ за высшими чиновниками, усилить уваженіе и страхъ къ закону, и эта мысль послужила основаніемъ учрежденія «коллегій».

До сихъ поръ Лейбницу приписывается полученный Петромъ совѣтъ объ учрежденіи коллегій. Въ послѣднее время выяснилось, что находящаяся въ Московскомъ Архивѣ рукопись, посвященная этому вопросу, по всей вѣроятности, не принадлежитъ Лейбницу. Напротивъ того, возникло предположеніе, что авторъ ея, Генрихъ Фикъ, бывшій прежде на службѣ

*) Соловьевъ, XVI, 171.

герцога гольштинскаго, а въ 1715 г. рекомендованный Бассевичемъ генералу Вейде; ему было поручено изучить въ Швеціи устройство коллегій; его изслѣдованія заключаются въ цѣломъ рядѣ записокъ, и рукопись, до сихъ поръ приписываемая Лейбницу, могла легко быть дѣломъ его рукъ [10]).

Учрежденіе коллегій должно было представляться Петру настоятельною необходимостью. Подобно тому, какъ прежняя боярская дума замѣнена сенатомъ, для удовлетворенія государственныхъ потребностей, прежніе приказы были учрежденіями съ нецѣлесообразнымъ распредѣленіемъ работы, неопредѣленной компетенціи и неяснымъ кругомъ дѣлъ; они подлежали замѣнѣ новыми учрежденіями, несущими большую отвѣтственность, работоспособными и съ строгимъ выборомъ состава. Естественно было, при установленіи подобнаго рода учрежденій, которыя, съ одной стороны, преслѣдовали цѣль большей работоспособности, съ другой—ограниченіе произвола должностныхъ лицъ, взять въ образецъ шведскій коллегіальный порядокъ. Уже въ 1715 г. царь поручилъ Вейде пригласить извѣстное число иностранцевъ, опытныхъ въ дѣлахъ управленія и судопроизводства, для занятій въ коллегіяхъ.

Веселовскій въ Вѣнѣ также получилъ порученіе пригласить изъ Чехіи, Силезіи и Австріи опытныхъ «шрейберовъ» для поступленія на русскую государственную службу въ коллегіи. Затѣмъ въ 1717 г. туда-же приглашено извѣстное число находившихся въ Россіи военноплѣнныхъ шведовъ, а въ 1719 г. состоялось распоряженіе объ отправкѣ въ Кенигсбергъ отъ 30 до 40 молодыхъ русскихъ людей, чтобы научиться нѣмецкому языку и службѣ въ коллегіяхъ.

Въ концѣ 1717 г. опредѣлилось число вновь учрежденныхъ коллегій; ихъ всѣхъ было девять; онѣ вѣдали иностранныя дѣла, финансовое управленіе, юстицію, дѣла арміи и флота, горное и промышленное дѣло [11]). Большинство президентовъ были русскіе, вице-президенты—почти всѣ иностранцы. Въ началѣ 1718 г. было выработано внутреннее устройство коллегій, а въ концѣ года онѣ начали дѣйствовать. Цѣлый рядъ собственноручныхъ инструкцій Петра знакомятъ насъ со взглядами царя по этому поводу [12]). По случаю какого-то торжества царь въ своей рѣчи выразилъ

---

[10]) Guerrier, Leibnitz, 131. — Петровскій, 39, 100. — Vockerodt, 32. — Bergmann, 175.

[11]) Коллегіи, или собственно коллегіумы: 1) иностранныхъ дѣлъ; 2) ревизіонъ (счетъ всѣхъ государственныхъ приходовъ и расходовъ); 3) камеръ (или казенныхъ сборовъ); 4) юстиціи; 5) воинскій; 6) адмиралтейскій; 7) коммерцъ; 8) штатсъ-конторъ (вѣдѣніе всѣхъ государственныхъ расходовъ и 9) бергъ и мануфактуръ. *(Прим. перев.).*

[12]) Соловьевъ, XVI, 183—189.

зилъ надежду, что коллегіи придадутъ государству совершенно новый обликъ [13]),

Въ одномъ изъ проектовъ о коллегіяхъ сказано, что устройство ихъ похоже на устройство часовъ, ибо колеса взаимно приводятъ другъ друга въ движеніе, и гдѣ все находится въ точной пропорціи и гармоніи, и коллегіи, поэтому, какъ показатель мудрости, должны показывать странѣ счастливые часы [14]).

Такимъ образомъ дѣло заключалось не только въ простомъ сосѣдствѣ различныхъ учрежденій съ строго обособленнымъ раздѣленіемъ труда, но въ гармоническомъ взаимодѣйствіи, которое усиливалось еще тѣмъ, что президенты коллегій были назначены членами Сената.

Подобно тому, какъ въ Сенатъ, въ коллегіяхъ дѣла должны были обсуждаться и рѣшаться при извѣстномъ составѣ членовъ. Число засѣдателей, порядокъ дѣлопроизводства, кругъ дѣлъ былъ точно опредѣленъ. Каждая коллегія находилась подъ надзоромъ Сената, но въ своей собственной компетенціи была независима и самостоятельно отвѣтственна. Каждый членъ присутствія былъ обязанъ высказывать свое собственное мнѣніе и вносить въ протоколъ, не взирая на личности; противъ каждой неправоты всѣ были обязаны протестовать.

Въ всемъ этомъ заключалось рѣзкое отличіе отъ прежнихъ основаній государственнаго управленія Россіи. Государственная служба прежняго времени была правомъ особо привиллегированныхъ и источникомъ матеріальнаго благополучія немногихъ, къ немалому вреду большинства; вездѣ процвѣтала система «кормленія», такъ что порученіе извѣстной должности прежде всего имѣло въ виду заботу объ ея исполнителѣ, — тогда какъ теперь выставлялся принципъ дѣйствительной государственной службы, въ общихъ интересахъ исполняемаго долга. Не даромъ посѣщавшіе Россію иностранцы въ самыхъ мрачныхъ краскахъ рисовали произволъ и корыстолюбіе судей и приказныхъ и тяжелое положеніе народа, страдающаго подъ этимъ игомъ; не даромъ народъ въ своихъ жалобахъ и челобитняхъ царю грозилъ разбѣжаться, если злоупотребленія не будутъ прекращены [15]). Но теперь новыя учрежденія должны стать разсадниками высшей политической нравственности. Систему «кормленія», узаконившую притѣсненіе народа, Петръ рѣшилъ замѣнить жалованьемъ отъ государства. Всѣ должны подчиняться закону. Подобно самому царю, всѣ служащіе должны были сознавать, что состоятъ на службѣ государству, на службѣ народу.

---

[13]) Сб. Ист. Общ. XL, 8.

[14]) Guerrier, 186—189.

[15]) См. соч. Брикнера „Иванъ Посошковъ", 152.

Пельзя сказать, чтобы предположенія царя увѣнчались скорымъ успѣхомъ. Онъ вскорѣ увидѣлъ, что новый механизмъ плохо дѣйствуетъ. Въ одной инструкціи Петръ писалъ, что иностранныя учрежденія надо брать въ примѣръ только, насколько они соотвѣтствуютъ мѣстнымъ условіямъ Россіи [16]). Но чувствовался недостатокъ въ подготовленныхъ и способныхъ чиновникахъ. Справедливо отвѣтилъ впослѣдствіи Екатеринѣ II Фридрихъ Великій, получивъ отъ нея ея «инструкцію», что хорошіе законы должны быть примѣняемы добросовѣстными и знающими людьми. Сознаніе долга, опытность, знаніе дѣла и честность не такъ легко было найти въ недавнемъ прошломъ государственнаго управленія Россіи. Кромѣ того, совмѣстительство иностранцевъ и русскихъ часто вызывало столкновенія. По опредѣленію одного современника, было «больше путаницы, чѣмъ порядка и быстроты» [17]). Царь часто жаловался на рознь среди членовъ коллегіи и коллегій между собой. Петръ думалъ помочь дѣлу дополнительными инструкціями и охотно вмѣшивался лично. Когда въ 1721 г. надлежало избрать президента юстицъ-коллегіи, онъ явился лично, руководилъ избраніемъ и указалъ на подлежащія соблюденію правила. Онъ постоянно былъ озабоченъ мыслью устранить существующее неустройство и для этой цѣли создавалъ новыя учрежденія. Поэтому онъ установилъ надзоръ за служащими, контроль надъ ихъ дѣятельностью; въ цѣляхъ собственнаго надзора онъ учредилъ инспектирующія, доносительныя и карающія должности. Такими являются созданные имъ фискалы и прокуроры, а также въ самомъ концѣ царствованія созданная должность герольдмейстера.

Еще въ 1705 г. извѣстный опытный дѣлецъ и неутомимый труженикъ Курбатовъ былъ назначенъ «инспекторомъ ратуши», и онъ выступилъ въ роли шпіона по финансовымъ дѣламъ; онъ провѣрялъ дѣятельность учрежденій и указывалъ на тѣ изъ нихъ, которыя какимъ-либо способомъ не соблюдали пользы государственной; онъ дѣйствовалъ какъ бы въ роли общественной совѣсти [18]). Должности фискаловъ возникали одновременно съ учрежденіемъ Сената. На нихъ возлагались обязанности «тайно» наблюдать за дѣлами управленія и доносить Сенату на неправедныхъ судей, недобросовѣстныхъ чиновниковъ, подкупныхъ сборщиковъ податей. Такимъ образомъ они являлись публичными обвинителями, органами государственнаго правосудія и надзора. Весьма естественно, что эти должности не были попу-

[16]) Соловьевъ, XVI, 189.
[17]) F. Vockerodt, 32.
[18]) Соловьевъ, XVI, 6 и слѣд.

лярны, и даже Петръ откровенно сознавался, что фискаловъ весьма ненавидятъ.

Въ 1722 г. была учреждена должность генералъ-прокурора. Онъ долженъ былъ смотрѣть, чтобы Сенатъ исполнялъ свои обязанности добросовѣстно и согласно съ законами, чтобы указы Сената были исполняемы подчиненными учрежденіями, чтобы коллегіи работали усердно и правильно. Прокуроры должны были проявлять свой надзоръ не тайно, но открыто, высказывать протестъ противъ всякаго беззаконія и неисполненія обязанностей и сообщать объ этомъ царю [19]). Петръ выразилъ объ этой должности, что она «яко око наше» [20]); въ общемъ она была сходна съ должностью «ревизора», учрежденною въ 1715 году, и которую занималъ Зотовъ, хотя никакой существенной пользы она не принесла [21]). Но теперь Петръ придавалъ ей еще больше правъ, называя «стряпчимъ отъ государя и государства». Генералъ-прокуроръ былъ поставленъ во главѣ всей арміи контролирующихъ, наблюдающихъ, шпіонствующихъ должностныхъ лицъ. Въ отношеніи исполнительныхъ органовъ, соблюдающихъ государственный интересъ, онъ былъ, въ извѣстномъ смыслѣ, какъ замѣститель царя во всемъ управленіи; онъ не былъ выше Сената, не стѣснялъ его самостоятельности и авторитета, но былъ поставленъ при Сенатѣ съ обязанностью дѣйствовать въ его интересахъ. Онъ былъ связующимъ звеномъ между Сенатомъ и царемъ, который черезъ него сообщалъ Сенату свои намѣренія и предположенія.

Тоже стремленіе ввести единство, равномѣрность въ управленіи, ограничить произволъ отдѣльныхъ лицъ, подчинить личный интересъ служащихъ общему благу, — замѣтно также и въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Уже въ 1702 г. вводится въ провинціяхъ коллегіальный принципъ; воевода, поставленный во главѣ области, разсматриваетъ и рѣшаетъ дѣла съ участіемъ извѣстныхъ лицъ [22]). Отсюда, впослѣдствіи, при раздѣленіи государства на губерніи и назначеніи губернаторовъ, возникали ландратсъ-коллегіи, повидимому, заимствованныя изъ прибалтійскихъ областей [23]).

Заграничному пребыванію Петра, въ особенности въ Голландіи, можно приписать, что еще 1699 г. онъ сдѣлалъ попытку привлечь среднее сословіе, по скольку о немъ можетъ быть рѣчь, къ участію въ государствен-

[19]) Петровскій, 98.—Градовскій, 44.

[20]) Соловьевъ, XVIII, 137.

[21]) Петровскій, 160.

[22]) Градовскій, 174.

[23]) Андреевскій, см. Брикнера въ „Сѣв. Обозр." 1864 г., т. II.—Соловьевъ, XVI. 193.

пыхъ дѣлахъ. Въ городахъ учреждены «ратуши» съ «бурмистрами», принимавшими участіе въ дѣлахъ податныхъ и другихъ, и подчиненными воеводскому управленію. Этимъ ратушамъ соотвѣтствовала въ Москвѣ «бурмистерская палата»: этимъ способомъ Петромъ вводилось нѣкоторое самоуправленіе [24]). Надзоръ и контроль должны были проявлять не только одни государственные органы, но и общество черезъ посредство уполномоченныхъ, и съ этою цѣлью основанъ «главный магистратъ» въ 1721 г. Вездѣ примѣнялось коллегіальное начало [25]).

Мы видимъ, что царь въ области государственнаго устройства и управленіи проявляетъ необыкновенную преобразовательную дѣятельность. Онъ хочетъ создать учрежденія, которыя могли бы устранить современное неустройство, открыть царящія злоупотребленія, привлечь къ отвѣтственности виновныхъ и нерадивыхъ. Жалобы утѣсненныхъ не остаются, какъ прежде, безъ вниманія. Въ 1720 г. основана должность «рекетмейстера» для принятія отъ всѣхъ обиженныхъ жалобъ на канцелярію и коллегію [26]). Затѣмъ Петръ стремится къ тому, чтобы всѣ трудились на службѣ государству. Учрежденный въ 1721 г. «герольдмейстеръ» долженъ наблюдать, чтобы всѣ дворяне исполняли государеву службу, чтобы никто не уклонялся отъ этой обязанности [27]). Петръ задумывается о способахъ поощрить усердіе чиновниковъ, наградить ихъ старанія. Такимъ образомъ возникаетъ «табель о рангахъ», который совершенно уничтожаетъ прежнее привиллегированное сословіе и вводитъ въ жизнь служилое дворянство. Высшія должности не достигались болѣе по праву происхожденія; надлежало впредь, по примѣру царя въ его военной службѣ, пройти всѣ ступени. Рангъ давалъ права; рангъ достигался трудомъ. Положеніе лица не опредѣлялось, какъ раньше, происхожденіемъ, но только рангомъ. Извѣстно, что этотъ порядокъ вводилъ бюрократію и мандаринство, но слѣдуетъ признать, что въ основѣ новаго строя лежалъ такой же высокій принципъ службы государству ради государства, который такъ старательно проводился Петромъ во всѣхъ его политическихъ реформахъ. Въ выработкѣ этой системы Петръ принималъ большое личное участіе [28]).

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и въ различныхъ кодификаціонныхъ попыткахъ, которыя имѣли мѣсто въ царствованіе Петра, ини-

---

[24]) Устряловъ, III, 266.

[25]) Соловьевъ, XV, 89, XVI, 207, 248, XVIII, 166.—Дитятинъ.

[26]) Петровскій, 186.

[27]) Соловьевъ, XVIII, 138. Петровскій, 202.

[28]) Пекарскій, 564.

ціатива принадлежала царю. Въ Россіи не было полнаго, отвѣчающаго всѣмъ потребностямъ сборника законовъ. Со времени судебника Ивана IV и Уложенія Алексѣя Михайловича, набралось множество новыхъ законодательныхъ актовъ, которые надо было привести въ систему. Нѣсколько разъ для этой цѣли назначались особыя коммиссіи: въ 1700, въ 1714, въ 1720 гг. Послѣдняя состояла изъ русскихъ и иностранцевъ. Но труды ея не привели ни къ какимъ результатамъ. Безпокойное время, напряженіе общей дѣятельности, вызванное войною, внутреннія неурядицы, множество и разнообразіе государственныхъ задачъ постоянно прерывали начатый мирный трудъ. Кромѣ того, задача приведенія всѣхъ законовъ и распоряженій въ извѣстную гармонію,—при чемъ Петръ хотѣлъ еще заимствовать нѣкоторые отвѣчающіе русскимъ условіямъ законы изъ заграничныхъ государствъ, — была необыкновенно трудною [29]). Недоставало опытныхъ юристовъ. Только нѣкоторые регламенты, какъ, напр., военный, представляютъ собою извѣстную цѣльность. Во всемъ прочемъ необыкновенно подвижная, на самые разнообразные предметы направленная законодательная дѣятельность царя имѣла часто характеръ случайности. Законы и отдѣльныя распоряженія не были отдѣлены; административныя и законодательныя постановленія были перемѣшаны. Замѣчается вездѣ желаніе помочь настоящей надобности, заполнить наиболѣе существенный пробѣлъ. Поэтому весьма естественно, что, не смотря на обиліе указовъ, успѣхи дѣятельности Петра въ этой области оказались очень скромными. Правленіе было и оставалось по преимуществу личнымъ; законъ не былъ правомѣрностью, а желаніемъ государя. Понятіе закона не получило развитія; въ тысячахъ случаевъ, какъ въ области законодательства, такъ и управленія, рѣшалъ царь; начало централизаціи было въ полномъ ходу. Россія была скорѣе государствомъ полицейскимъ, чѣмъ правовымъ [30]). Судебныя обязанности оставались неотдѣленными отъ исполнительныхъ; обѣ области часто тѣсно смѣшивались не только въ лицахъ, но и въ учрежденіяхъ. Повсемѣстная подкупность не могла не подорвать въ народѣ развитія правосознанія. Тщетно повторялъ Петръ, что совершенно безполезно писать законы, если ихъ не исполняютъ или если ихъ примѣняютъ произвольно; онъ жалуется, что нигдѣ, кромѣ Россіи, не чинятъ «всякія мины подъ фортецію правды», тщетно созидалъ онъ должности за должностями, контроль надъ контролемъ; потребность въ твердыхъ основахъ права и управленія,

[29]) См. соч. Брикнера о „Посошковѣ“ II, 153.—Пахманъ «Исторія кодификаціи“, 1876, I, 244.

[30]) О томъ говоритъ Де-Лави - См. Сборн. Ист. Общ. XXXIV, 288.

которую ощущалъ царь, а за нимъ и весь народъ, оставалась неудовлетворенною.

Но исторіи принадлежитъ не только результатъ подобныхъ предположеній, а также и проявленіе такой сильной воли, идея созидательныхъ преобразованій.

Петръ до конца жизни не переставалъ бороться противъ злоупотребленій судей и чиновниковъ и постоянно преслѣдовалъ идеалъ государственнаго и правового порядка. Небрежность въ судопроизводствѣ онъ сравниваетъ съ нарушеніемъ Божіей заповѣди, такъ какъ право установлено отъ Бога. Съ необычайнымъ усердіемъ караетъ онъ недостойныхъ судей и чиновниковъ, которые при исполненіи своихъ обязанностей склонялись на злоупотребленія. Незнаніе закона строго наказывалось, всякій долженъ знать, что законно, что нѣтъ [31]). Передъ самою своею смертью царь издалъ указъ о государственныхъ преступленіяхъ; въ немъ, между прочимъ, говорится, что если неправедные судьи и недобросовѣстные чиновники погрѣшатъ противъ государства, то ихъ ожидаетъ смерть и конфискація имущества; подкупные судьи отрѣшаются отъ должности, «такъ какъ государству можетъ быть не точію бѣдство, но и конечное паденіе» [32]).

Также энергично дѣйствовалъ царь противъ волокиты судей. Намъ постоянно встрѣчаются предписанія, сколько часовъ должны работать судьи и шрейберы, и разъясненія, что все должно быть направлено къ вящему общему благоденствію. Особенно красиво замѣчаніе въ одномъ изъ указовъ 1719 г., что судьи особливо должны заботиться объ интересахъ бѣдныхъ, вдовъ и сиротъ и защищать обездоленныхъ отъ преслѣдованія сильныхъ [33]).

Въ стремленіи искоренить «неправду» царь могъ, конечно, сдѣлать много добра, но онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, облегчалъ доносы, способствовалъ разнаго рода жалобамъ на несправедливости, онъ создалъ цѣлую систему шпіонства въ лицѣ «фискаловъ». Число анонимныхъ жалобъ росло. Ненависти и мести народной былъ открытъ широкій путь. Враждующіе между собою чиновники, отдѣльныя коллегіи старались повредить другъ другу въ мнѣніи царя. Исторія столкновеній высшихъ чиновниковъ въ царствованіе Петра Великаго, длинный рядъ случаевъ жестокихъ взысканій этого государя заслуживаетъ быть предметомъ особой монографіи. Изъ длиннаго перечня подобныхъ эпизодовъ видно, какъ далека была дѣйствительность отъ идеала царя, съ какимъ плохимъ составомъ чиновниковъ онъ рабо-

---

[31]) Соловьевъ, XVIII, 153.

[32]) П. С. З. № 4460.

[33]) Брикнеръ, „Посошковъ“. 163.

талъ, какъ рѣдко было истинное стремленіе къ высшей нравственности. Тягостно слѣдить за постоянною враждою высшихъ сановниковъ между собою. Люди, способности и энергію которыхъ царь высоко цѣнилъ, стремятся другъ друга погубить. Курбатовъ и Меншиковъ въ сильной враждѣ, между Ягужинскимъ и Шафировымъ дѣло доходитъ до столкновеній даже въ засѣданіяхъ; между Ромодановскимъ и Долгорукимъ страшная непріязнь. Со многими случились трагическія катастрофы; Виніусъ навлекъ на себя недобросовѣстностью гнѣвъ царя; Курбатовъ по той же причинѣ послѣдніе годы прожилъ въ немилости; губернаторъ Сибири, Гагаринъ, за взяточничество и казнокрадство былъ казненъ (1715 г.); оберъ-фискалъ Неміровъ, привлекшій къ суду многихъ недобросовѣстныхъ людей, самъ за подобныя же преступленія былъ подвергнутъ въ 1722 г. суду и колесованъ. Шафировъ за различныя нарушенія закона былъ приговоренъ къ смертной казни, и когда уже голова его лежала на плахѣ, былъ помилованъ и отправленъ въ ссылку. Петръ угрожалъ смертною казнью даже своему любимцу, Меншикову, если тотъ не измѣнитъ своего образа дѣйствій. Про Петра, въ концѣ его царствованія, разсказываютъ такой анекдотъ: Петръ, подъ вліяніемъ безконечнаго числа случаевъ продажности и казнокрадства, велѣлъ однажды генералъ-прокурору Ягужинскому написать законъ, по которому смертная казнь угрожала каждому за малѣйшее взяточничество и кражу. На это Ягужинскій отвѣтилъ: «Всемилостивѣйшій государь, развѣ хочешь ты остаться императоромъ одинъ безъ подданныхъ; всѣ мы воруемъ, только одинъ больше и примѣтнѣе другого» [34]). Говорили еще, что Петръ въ послѣдніе годы царствованія принималъ строжайшія мѣры противъ этого зла, чтобы вырвать его съ корнемъ. Современники ожидали въ этомъ отношеніи особаго рода терроръ, когда, наконецъ, смерть царя положила конецъ его борьбѣ съ тяготѣющимъ на русскомъ государствѣ недугомъ [35]).

Идея государства, которую представлялъ царь, легко дѣлала его въ такихъ случаяхъ жестокимъ и непомѣрно строгимъ. Способъ, который Петръ примѣнялъ для взысканія даже съ наиболѣе приближенныхъ ему людей за болѣе тяжелые поступки, кажется намъ напоминающимъ не столько азіатскихъ деспотовъ, сколько древне-римскую добродѣтель. Кровавыя расправы со стрѣльцами въ началѣ царствованія и казни высшихъ сановниковъ въ концѣ, чудовищный процессъ Алексѣя и его товарищей,

[34]) Штелинъ, I. № 48. — Соловьевъ, XVI, 183. — Сборн. Ист. Общ. XXXIV, 177 и друг.

[35]) Vockerodt, 35.

какъ и повѣшеніе дѣтоубійцы Гамильтонъ [36]), невѣроятная строгость, съ какою онъ пыталъ и казнилъ разбойниковъ, а также судьба, постигшая вице-канцлера и сенатора Шафирова,—все это свидѣтельствуетъ о сознаніи долга и объ извѣстной послѣдовательности въ образѣ дѣйствій, принципомъ которыхъ было народное благо.

При массовыхъ казняхъ стрѣльцовъ, Петръ сказалъ, что онъ считаетъ своею обязанностью и долгомъ передъ Богомъ защищать народъ свой и карать, прежде всего, все то, что можетъ ему принести ущербъ. Тоже чувство долга побуждало его въ концѣ царствованія, послѣ нѣсколькихъ десятилѣтій различныхъ попытокъ помочь нуждѣ посредствомъ разныхъ учрежденій, создать особую коллегію реформъ, которая должна была заняться различными преобразовательными проектами [37]). Онъ зналъ, что на настоящемъ нельзя остановиться. Онъ думалъ и дѣйствовалъ въ смыслѣ своего великаго родственника по духу Юрія Крижанича, который еще предшественникамъ Петра проповѣдывалъ, что государство нуждается въ постоянномъ обновленіи, что надо постоянно думать объ изслѣдованіи причинъ самобытности страны, что старина не должна почитаться священною и недосягаемой, что недостаточно дать государству устройство, а требуется постоянный пересмотръ и исправленіе этого устройства [38]).

---

[36]) Мордовцевъ, „Русск. челядь“. II.
[37]) Голиковъ, VI, 247.
[38]) Крижаничъ, I, Ш.

ГЛАВА XVI.

Хозяйственный бытъ.

«Деньги суть артерія войны» сказалъ однажды Петръ. Онъ считалъ, что параллельно съ задачами, которыя должно было разрѣшать государство, должны были расти и матеріальныя средства. Безпрерывная война, содержаніе постояннаго войска, постройка громаднаго флота не могли не требовать большихъ расходовъ.

Но финансовыя и военныя статистическія свѣдѣнія того времени очень скудны. Мы знаемъ только, что къ концу царствованія Петра въ регулярной арміи было 210,000 человѣкъ, флотъ насчитывалъ 48 линейныхъ кораблей и до 800 болѣе мелкихъ судовъ съ 28,000 человѣкъ экипажа [1]). Бюджетные итоги были впервые сведены въ 1710 г., при чемъ выяснилось, что денежныя поступленія составляютъ 3 мил. рублей, изъ которыхъ $1^1/_4$ милл. расходуется на сухопутное войско, а $^1/_2$ милл. на флотъ [2]).

Главное вниманіе царя было обращено на усиленіе военныхъ силъ государства. Здѣсь не было слишкомъ большихъ жертвъ; царь не щадилъ ни денегъ, ни людей [3]). Но за то онъ достигъ своей цѣли; флотъ и войско Россіи были способны утвердить государству положеніе, занятое имъ послѣ долгихъ войнъ.

Но участіемъ Россіи въ европейскихъ дѣлахъ вызывались еще и другіе большіе расходы. Никогда еще до Петра русскіе дипломаты заграницею не были столь многочисленны и столь хорошо оплачиваемы. Уже въ 1704 г. содержаніе Матвѣева въ Гаагѣ обходилось въ 15,000 гуль-

---

[1]) Соловьевъ. XVIII, 163.

[2]) Тамъ же, XVI, 44 и 389.

[3]) Brix „Gesch. d. russ. Heereseinrichtungen“, 1867, и Stein, (соч. подъ такимъ-же заглавіемъ) 1895.—Относительно флота см. Веселаго, 1875.

деновъ, по его расходъ достигалъ 27,000 гульд.[4]). Въ 1706 г., напр., Урбихъ получалъ въ Вѣнѣ 9,000 рублей, Толстой въ Константинополѣ 4,225 р., Матвѣевъ въ Англіи 2,265 р. [5]). Для собственныхъ своихъ потребностей Петръ расходовалъ сравнительно мало. Изъ десяти милліоновъ, которыми одинъ современникъ опредѣляетъ государственные доходы въ концѣ петровскаго царствованія, царь бралъ на содержаніе своего двора ежегодно не болѣе 50,000 р. [6]).

Чтобъ покрывать представлявшіеся расходы, приходилось изыскивать цѣлый рядъ новыхъ источниковъ дохода. Явилась важная должность «прибыльщиковъ», обязанность которыхъ заключалась въ указаніи новыхъ доходовъ и въ указаніи уклоняющихся недоимщиковъ. Они соотвѣтствовали фискаламъ и прокурорамъ въ области администраціи. Наиболѣе извѣстнымъ изъ нихъ сталъ Курбатовъ, который, по возвращеніи изъ Италіи, гдѣ онъ былъ, вмѣстѣ съ Шереметевымъ, проявилъ большія финансовыя способности и выступилъ въ (1699 г.) съ проектомъ введенія гербовой бумаги. Съ этого началась карьера этого человѣка [7]). Но, кромѣ него, въ актахъ 1705 г. встрѣчается цѣлый рядъ именъ «прибыльщиковъ». Это были люди скромнаго происхожденія, но быстро достигшіе высокихъ почестей. Курбатовъ былъ впослѣдствіи вице-губернаторомъ въ Архангельскѣ, другой прибыльщикъ, Ершовъ, бывшій крѣпостной кн. Черкасскаго, занялъ такую же должность въ Москвѣ [8]).

Эти люди, съ которыми Петръ находился въ личныхъ сношеніяхъ, проявляли удивительную изобрѣтательность, то собирая недоимки, то допося на недобросовѣстныхъ плательщиковъ; они же указывали на пользу и выгоды отъ отмѣны той или иной податной привиллегіи и отъ повышенія налоговъ на всякаго рода имущества и доходы. Монеты чеканились легковѣсными, рыбныя ловли отдавались на откупъ, облагались пошлиною бороды, дубовые гробы, бани, подняли цѣну на соль и кончили увеличеніемъ подушной подати, которая до самаго послѣдняго времени составляла значительную, доходную статью бюджета Россіи. Пребывавшіе въ Россіи иностранцы съ недоумѣніемъ слѣдили за напряженіемъ платежныхъ силъ народа. Плейеръ подробно говоритъ о новыхъ налогахъ на дымовыя трубы, погреба, колодцы и объ уменьшеніи вѣса монетъ [9]);

[4]) Соловьевъ, XV, 90.
[5]) Тамъ же, XVI, 14.
[6]) Vockerodt, 117.
[7]) Соловьевъ, XIV, 303.
[8]) Тамъ же, XV, 95.
[9]) Устряловъ, IV, 2,—613, 630, 640.

Гульстъ останавливается на строгостяхъ и жестокостяхъ, съ какими взыскиваются недоимки, и караются уклоненія отъ сборовъ [10]); рѣшительно и съ видимымъ знаніемъ вещей порицаетъ Перри обезцѣненіе монеты, институтъ «прибыльщиковъ», которые дошли до того, что предложили обложить налогомъ кирпичи [11]); а Фокеродтъ, который такъ удивляется терпѣливости столь утѣсненнаго народа, заканчиваетъ свои разсужденія о его положеніи предположеніемъ, что наступитъ время, когда жалобы и стоны народные дойдутъ до престола [12]).

Степень народныхъ тягостей рисуетъ тотъ фактъ, что въ 1708 г. самъ прибыльщикъ Курбатовъ настойчиво совѣтовалъ царю съ большею мягкостью взыскивать недоимки, потому иначе пострадаетъ платежная сила народа, общій вопль раздается по всей странѣ отъ правежей неисправныхъ плательщиковъ, у поселянъ отнимается часто не только послѣдній скотъ, но даже и «домишки»: надо имѣть терпѣніе, въ мирное время народъ будетъ платить правильно. Царь тотчасъ распорядился о примѣненіи болѣе мягкихъ мѣръ [13]), Посошковъ, всегда радѣвшій объ интересахъ государственныхъ, былъ правъ, утверждая, что очень немногое изъ страданій народа было вѣдомо Петру [14]).

Въ общемъ царь имѣлъ ясный взглядъ на эти вопросы. Онъ положилъ основаніе техническому изслѣдованію податной силы народа, введя переписи; перечень жилыхъ домовъ, вѣдомости хлѣбныхъ цѣнъ въ различныхъ частяхъ государства опредѣляли число и доходность причисленныхъ къ дворцовому вѣдомству крестьянъ [15]); онъ раздѣлялъ мнѣніе Курбатова, что клятвопреступниковъ при уклоненіи отъ платежа пошлинъ слѣдуетъ карать смертью, но при этомъ замѣчаетъ, что во всей области податной системы надо дѣйствовать осторожно. Въ одномъ указѣ 1703 года, онъ говоритъ, какъ онъ стремится заботиться о своихъ народахъ, облегчить несправедливыя народныя тяготы, и что онъ сознаетъ, что, отъ неуваженія и несоблюденія законовъ и государственнаго блага, многіе люди разныхъ сословій, въ особенности крестьяне, приходятъ въ раззореніе. Онъ обѣщаетъ этому помочь, искоренить «повредителей интересовъ государственныхъ», въ особенности допускавшихъ произволъ и неправды въ сборахъ; онъ приказывалъ въ собраніи пошлинъ поступать такъ, чтобы и казна была

[10]) Тамъ же, 374.
[11]) Перри, 399—430.
[12]) Vockerodt, 118.—Сб. ист. общ. XL. (Донес. де-Лавп).
[13]) Соловьевъ, XIV, 382.
[14]) Пасынковъ (Брикольи).
[15]) Соловьевъ, XV, 409—411, XVIII, 161. 184, 352.

въ выгодѣ, и народъ не былъ утѣсненъ. Всѣмъ ослушникамъ этого указа угрожаетъ смертная казнь [16]). Но все это было напрасно. Штраленбергъ разсказываетъ, какъ сборщики податей всегда являлись къ крестьянамъ во время самыхъ горячихъ работъ, когда не было никакихъ наличныхъ денегъ, и крестьяне были вынуждены отдавать своихъ лошадей и инвентарь за баснословно низкую цѣну. Около 100,000 человѣкъ по этой причинѣ бѣжало въ Польшу, Литву, въ Турцію и къ татарамъ [17]). Послѣ введенія въ 1705 г. казенной продажи соли, которая сильно повысила цѣну этого продукта, правительство и народъ одновременно жаловались на послѣдствія этой финансовой мѣры. Чиновники отдавали предпочтеніе оптовымъ покупателямъ, требовали себѣ подарковъ и т. п. Въ одномъ своемъ указѣ Петръ жалуется на подобное достойное смерти лихоимство и рисуетъ положеніе неимущихъ, которымъ затруднено пріобрѣтеніе соли въ небольшихъ количествахъ, вслѣдствіе чего возникаютъ неизлѣчимыя болѣзни, а все-таки «съ жалобами на такихъ воровъ придти не смѣютъ» [18]).

Введеніе государственнаго финансоваго хозяйства Петръ предоставлялъ другимъ, оставивъ за собою руководство хозяйственной полиціи. Въ многочисленныхъ указахъ встрѣчаемъ мы его предположенія и, пожалуй, болѣе чѣмъ въ иномъ другомъ, хотѣлъ онъ быть руководителемъ народа въ области производства и потребленія. Онъ хотѣлъ учить своихъ поддапныхъ, какъ работать, чтобы сдѣлаться богатымъ. Онъ въ совершенствѣ зналъ многіе предметы технологіи и хотѣлъ, чтобы русскіе тому-же поучались, хотя бы принудительно. Въ одномъ указѣ онъ пишетъ: «нашъ народъ, яко дѣти, неученія ради, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ, которымъ сперва досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ, что ясно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ; не все-ль неволею сдѣлано, и уже за многое благодареніе слышится, отъ чего уже плодъ произошелъ. [19]).

Во время своихъ путешествій Петръ изучалъ степень благосостоянія и сельско-хозяйственную дѣятельность другихъ народовъ. Невольно приходилось ему сравнивать бѣдность Россіи съ благосостояніемъ Западной Европы и въ предпріимчивыхъ усердныхъ и обладающихъ средствами иностранцахъ видѣть учителей. Въ особенности его поражала опытность послѣднихъ въ оптовой торговлѣ. Учреждая въ 1712 году «коллегіумъ

---

[16]) П. С. З. 2707; тоже № 2727.

[17]) Strahlenberg. („Das. nord u. östliche Theil von Europa u. Asien") 1730, 238.

[18]) П. С. З. № 4007.—Посошковъ, 338.

[19]) П. С. З. № 4345.

для торговаго дѣла исправленія» онъ назначилъ въ нее нѣсколько иностранцевъ «ибо безъ прекословія есть, что ихъ торги несравненно лучше нашихъ». Приглашенные въ Россію иноземцы были, въ большинствѣ случаевъ, техниками и ремесленниками; со времени Ивана IV, число въ Россіи англійскихъ и голландскихъ купцовъ постоянно росло; Петръ имѣлъ возможность многому научиться въ этой области. Онъ самъ сознавался, что среди всѣхъ государственныхъ дѣлъ торговая полиція причиняла особенныя трудности, но даже не особенно расположенный къ царю Фокеродтъ отдаетъ Петру должное, что онъ вполнѣ ясно понялъ, что изъ торговаго дѣла можетъ быть полезно или вредно Россіи [20]). Остерманнъ сказалъ однажды голландскому резиденту де-Би, что въ Россіи никто ничего не понимаетъ въ торговомъ дѣлѣ, но теперь этимъ занимается царь. Петръ дѣйствовалъ съ извѣстною системою. Когда этотъ-же резидентъ однажды обратилъ вниманіе царя на нѣкоторыя мѣры, вредящія интересамъ голландцевъ, Петръ отвѣтилъ: «практическое приложеніе принциповъ всего труднѣе, съ теченіемъ времени примирятся всѣ противорѣчивые интересы» [21]).

Личности Петра и отношеніямъ страны вполнѣ соотвѣтствовало, что во время двоецарствія царь считалъ русское общество еще недозрѣвшимъ. Кольберъ давалъ столярамъ наставленіе, какъ они должны стругать; Фридрихъ Великій съ помощью полицейскихъ мѣръ принуждалъ прусскихъ крестьянъ садить картофель. Но еще скорѣе и легче, чѣмъ эти двое, Петру должна была удаться его экономически-педагогическая дѣятельность. Онъ запрещалъ употреблять большіе гвозди въ сапогахъ, потому что это можетъ вредить ногамъ; онъ училъ своихъ подданныхъ, какъ строить крыши на мельницахъ, чтобы защитить ихъ отъ вреднаго вліянія дождя, какъ жать хлѣбъ; онъ запрещалъ зажигать траву въ степяхъ. Случайно залюбовавшись садоводствомъ одного священника во Франціи, онъ выразилъ желаніе, чтобы и русское духовенство посвятило себя однородной дѣятельности; онъ самъ завелъ личное торговое дѣло, чтобы побудить другихъ своимъ примѣромъ; онъ запретилъ носить золотомъ тканыя платья, ссылаясь на примѣръ англичанъ, которые богаче русскихъ и все-таки не носятъ такихъ тканей; онъ выписывалъ изъ Голландіи опытныхъ пивоваровъ-строителей; онъ указывалъ ширину холста, который ткали крестьяне и, подъ страхомъ строгихъ взысканій, предписывалъ, вмѣсто прежней требовавшей много дерева формы барокъ, употреблять новую, имъ спе-

[20]) Vokerodt, 73.

[21]) Соловьевъ, XVI, 194.

ціально одобренную. Промышленность и торговля, сельское хозяйство и горное дѣло одинаково привлекали вниманіе царя. Цѣлымъ рядомъ указовъ стремился онъ уменьшить нищенство и привлекать къ труду работоспособныхъ. Съ желѣзною суровостью поступалъ онъ по отношенію къ бродячимъ монахамъ и нищимъ.

Петръ считается «первымъ лѣсоводомъ Россіи». До него въ Россіи не существовало никакихъ законовъ о лѣсахъ. Онъ сдѣлалъ попытку обложить налогомъ лѣсоистребленіе; при этомъ онъ, впрочемъ, руководствовался не столько общими принципами лѣсоохраненія, сколько собственною потребностью въ корабельномъ лѣсѣ для флота; онъ запрещалъ, подъ страхомъ смертной казни, рубить деревья, годныя на кораблестроеніе. Рядъ указовъ подтверждалъ это запрещеніе, они прочитывались въ церквахъ во всеобщее свѣдѣніе. По Невѣ и по Финскому заливу Петръ велѣлъ черезъ каждые пять верстъ поставить по висѣлицѣ, на которыхъ должны быть повѣшены лѣсоистребители. Въ Петербургѣ на мѣстѣ нынѣшняго гостинаго двора стоялъ березовый лѣсъ. Но такъ какъ, несмотря на всѣ запрещенія, нѣкоторые жители все таки рубили тамъ лѣсъ, то Петръ рѣшилъ повѣсить изъ среды виновныхъ каждаго десятаго, а прочихъ бить кнутомъ; наказаніе было смягчено только по просьбѣ Екатерины [22]). Для цѣлей государственныхъ истреблялось огромное количество лѣса, напр., при сооруженіи гаваней въ Ревелѣ и Балтійскомъ портѣ; одинъ современникъ говоритъ, что устройство въ послѣднемъ мола, который остался недоконченнымъ, раззорило все лѣсоводство Курляндіи и Лифляндіи [23]); это замѣчаніе подтверждается собственнымъ признаніемъ Петра, предложившаго въ 1729 г. Рѣпнину запретить вывозъ лѣса изъ Пернова, такъ какъ лѣсъ слишкомъ уничтожается [24]). Но, на ряду съ этимъ, мы узнаемъ, что Петръ пытался развести дубовый лѣсъ близъ Таганрога, что онъ переписывался съ Голицынымъ по поводу сочиненій о лѣсоводствѣ; что онъ велѣлъ дѣлать поташъ только изъ остаточнаго лѣса, запретилъ дѣлать гробы изъ цѣльнаго дуба и въ окрестностяхъ Петербурга самъ избралъ мѣсто для посадки дубоваго лѣса. Царь принималъ весьма дѣятельное личное участіе въ составленіи инструкціи «вальдмейстерамъ», которые появились въ концѣ его царствованія.

Петръ придерживался принциповъ меркантилизма. Его современники свидѣтельствуютъ, что онъ, съ цѣлью не посылать много денегъ въ Англію,

---

[22]) Ст. Зобова въ „Лѣсн. Журн." 1872 г., августъ.

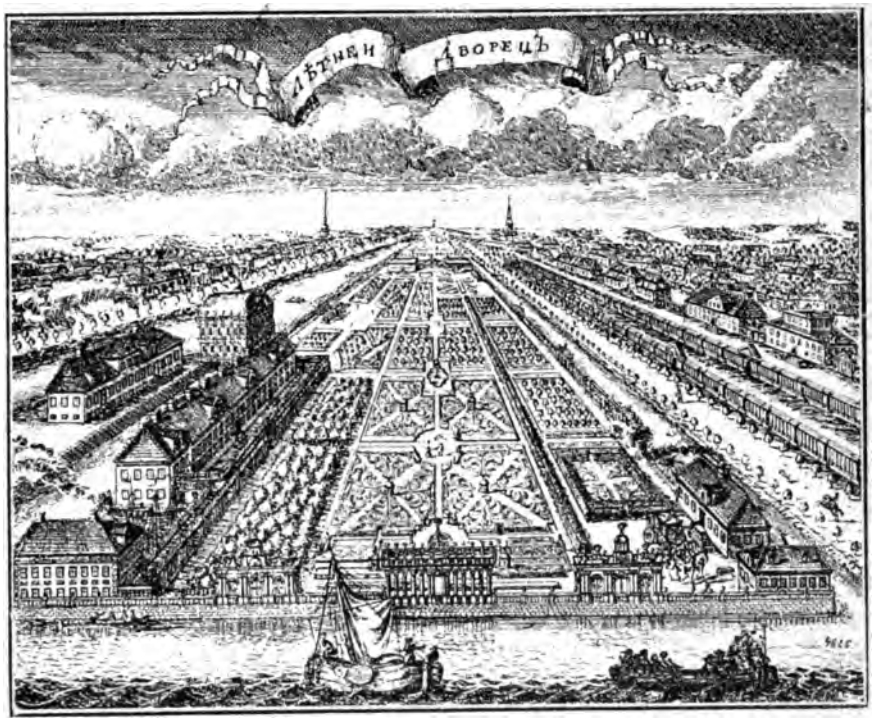
[23]) Vockerodt, 85.

[24]) Вартеневъ въ „18 вѣкъ".

выписывалъ овцеводовъ изъ Силезіи, что онъ зналъ, что ввозъ пеньковыхъ, шерстяныхъ и льняныхъ произведеній требуетъ большихъ уплатъ [25]). Мануфактурной коллегіи онъ предписывалъ вводить преимущественно тѣ отрасли промышленности, для которыхъ можно найти потребное сырье въ Россіи. Иностранные мастера должны обучать русскихъ различнымъ техническимъ производствамъ. Въ 1716 г. во всѣ губерніи были посланы образцы иностранныхъ цвѣтныхъ тканей, съ приказаніемъ мѣстнымъ властямъ устроить однородное производство на мѣстѣ. Петръ торжествуетъ по поводу того, что одному крестьянину удалось приготовить цвѣтное сукно, которое выписывалось изъ Венеціи, правда, нѣсколько лучшаго качества, но изъ Германіи такого же достоинства; онъ жаловался, что если сырье будетъ привозиться, то русскія фабрики окажутся въ зависимости отъ заграницы. Народъ надо во всемъ пріучать къ улучшеннымъ орудіямъ и машинамъ и подготовлять къ самостоятельной дѣятельности. Одинъ современникъ высказалъ даже мнѣніе, что Россія вслѣдствіе развитія оружейныхъ заводовъ будетъ вскорѣ въ состояніи вывозить свои ружья и пушки заграницу. Но до этого дѣло не дошло. Ученикъ и единомышленникъ Петра, Посошковъ, надѣялся, что стеклянное производство получитъ такое распространеніе, что Россія будетъ снабжать всѣ страны своимъ стекляннымъ производствомъ. Но отдѣльные и притомъ незначительные стеклянные заводы не оправдали этого оптимистическаго предположенія. Петръ хотѣлъ снабдить всю армію русскимъ сукномъ, чтобы сохранить въ государствѣ деньги, какъ замѣчаетъ Посошковъ. Съ гордостію писалъ Петръ въ 1705 году Меншикову, что сшилъ себѣ кафтанъ изъ русскаго сукна. Возникло извѣстное число суконныхъ фабрикъ, но Джонъ Перри говоритъ, что русскія ткани оставляли желать многаго лучшаго, и что устройство одной только фабрики обошлось въ 100.000 руб. Не легко все поддавалось. Въ 1719 г. слышится жалоба на отсутствіе опытныхъ красильщиковъ. Рядъ распоряженій касался суконнаго и шерстянаго производствъ, — частнымъ лицамъ, устраивавшимъ фабрики, предоставлялись извѣстныя льготы. Но даже къ концу петровскаго царствованія оказывалось невозможнымъ обмундировать все войско русскимъ сукномъ. Тѣ же стремленія замѣчаются и относительно льнянаго производства, которое должно было быть также и предметомъ вывоза, но изъ донесеній русскихъ резидентовъ заграницею мы заключаемъ, что достоинство русскихъ товаровъ не отвѣчало требованіямъ покупателей. Настойчивыя предписа-

[25]) A. Weber, 1, 222.—Marperger „Moscovitischer Kaufmann, 1728, стр. 142.

нія Петра вывозить не льняное сѣмя, а масло, оставались безъ послѣдствій. Въ одномъ изъ его указовъ, относящихся къ послѣднему періоду царствованія, читаемъ: «Наше россійское государство предъ многими иными землями преизобилуетъ и потребными металлами, и минералами благословенно есть, которые до нынѣшняго времени безъ всякаго прилежанія исканы, паче-же не такъ употреблены были, какъ принадлежитъ, такъ что многія польза и прибытокъ, который бы намъ и подданнымъ нашимъ

Видъ Лѣтняго сада 1717 г. (Съ гравюры А. Зубова).

изъ онаго произойти могъ, пренебреженъ...[26]). Нѣкоторые дѣятельные хозяева и патріоты пытались и впослѣдствіи ставить эти вопросы на очередь, но все таки эти отрасли промышленности не получили развитія. Несмотря на всѣ старанія опытныхъ спеціалистовъ, какъ Виниусъ или Геннинсъ, съ которыми Петръ былъ въ постоянной перепискѣ, и которые въ свое время многое сдѣлали, русское металлургическое производство оставалось въ очень жалкихъ размѣрахъ[27]). Посошковъ обратилъ вниманіе и на приго-

[26]) П. С. З. № 3464.

[27]) Соловьевъ, XIV 375. XVI 216 и XVIII 173.

товленіе цвѣтныхъ тканей; нѣсколько десятилѣтій спустя, Генрихъ Шторхъ высказывалъ, что Россія была къ этому расположена, но ввозъ иностранныхъ товаровъ продолжается и до настоящаго времени. Посошковъ возлагалъ большія надежды на открытую имъ русскую сѣру; лейбъ-докторъ Петра, Шобергъ, полагалъ, что Россія будетъ покрывать свое собственное потребленіе; въ царствованіе Екатерины II Палласъ, Лепехинъ, Гюльденштадтъ обращали на этотъ предметъ свое вниманіе [28]), но, несмотря ни на что, сѣра остается предметомъ ввоза; въ окрестностяхъ Баку Петръ обратилъ вниманіе на нефть [29]), но дѣйствительнаго развитія эта отрасль достигла только въ настоящее время. О каменномъ углѣ, найденномъ Петромъ во время одной изъ его поѣздокъ по Россіи, онъ замѣтилъ, что этотъ продуктъ будетъ нуженъ, если не современникамъ, то потомкамъ, но эти потомки и въ настоящее время обречены пользоваться привознымъ углемъ.

Петръ отдавалъ себѣ ясный отчетъ о торговомъ балансѣ. Привлекать въ Россію золото и серебро изъ другихъ государствъ было постояннымъ его стремленіемъ. Цѣль оказалась достигнутою, торговый балансъ заключался благопріятно. Марпергеръ пишетъ: «Въ Россіи много наличныхъ денегъ, потому что царь устроилъ нѣсколько мануфактуръ, чтобы народъ больше вывозилъ, чѣмъ ввозилъ, что составляетъ счастье страны, если онъ ежегодно получаетъ за свои товары больше тонны настоящаго золота, чѣмъ уплачиваетъ за чужіе товары [30]).

Вниманіе, которое царь удѣлялъ торговлѣ, не всегда было благопріятно купечеству. Въ этой области дѣло тоже не обходилось безъ насилія и произвола. Многіе интересы приносились въ жертву смѣлымъ опытамъ, которые предпринималъ Петръ. Но и здѣсь проявлялась извѣстная гуманность, напр., въ угрозѣ сильными наказаніями чиновникамъ притѣснять купцовъ. Но самъ онъ побуждалъ послѣднихъ ко всякаго рода новшествамъ, которыя рѣзко противорѣчили существовавшимъ обычаямъ. Указъ, на основаніи котораго русскіе должны были торговать «компаніями», возбудившій большое волненіе среди голландцевъ, опасавшихся, что онъ повлечетъ за собою сильное развитіе русской торговли,—остался на практикѣ совершенно непримѣненнымъ, такъ какъ русскіе не съумѣли устроиться въ большія торговыя общества на подобіе тогдашнихъ англійскихъ и голландскихъ. Очень скоро голландскій резидентъ

[28]) См. Штукенберга о русской вѣрѣ.
[29]) Weber, II, 107.
[30]) Marperger, 213. Ср. Сведаса въ „Русск. Обозр." IV. 193—213.

Ванъ-деръ-Пульстъ могъ сообщить вполнѣ успокоительныя свѣдѣнія; изъ этого предположенія ничего не вышло[31]). Петръ думалъ, что сможетъ измѣнить направленіе торговли. Прежде единственною русскою гаванью былъ Архангельскъ; въ 1700 г. было строго запрещено посылать русскіе товары въ Ригу или другіе шведскіе города. Все должно было идти на Архангельскъ[32]). Послѣ основанія Петербурга, царь старался, съ помощью ряда распоряженій, направить сюда большую часть товаровъ, шедшихъ въ Архангельскъ. Но русское и иностранное купечество отнеслось къ этой мѣрѣ очень недружелюбно. Въ особенности жаловались купцы, жившіе въ Архангельскѣ, боялись они и опасности отъ непрекращавшейся на Балтійскомъ морѣ войны; они приводили въ свое оправданіе высокія цѣны на жилища и съѣстные припасы въ новой столицѣ, недостатокъ путей сообщенія, пошлины въ Зундѣ и т. д., что должно было затруднить торговлю черезъ Петербургъ; но Петръ стоялъ на своемъ, и въ особенности Меншиковъ рѣшительно высказывался въ пользу Петербурга[33]). Другіе русскіе сановники дѣлали царю настоятельныя представленія противъ такого предпочтенія Петербурга, но дѣло кончилось тѣмъ, что этотъ пунктъ долженъ былъ остаться главнымъ портомъ; вскорѣ не замедлило подтвердиться, что и въ этомъ направленіи Петръ былъ правъ[34]). Въ 1722 г. число пришедшихъ въ Петербургъ судовъ достигло 116, а въ 1724 г. оно достигло до 240[35]).

Петръ надѣялся приспособить своихъ подданныхъ заняться иностранною торговлею. Съ этою цѣлью онъ самъ, въ качествѣ обыкновеннаго купца, прочимъ русскимъ въ примѣръ, выступилъ съ нѣсколькими торговыми предпріятіями; онъ учредилъ консульства въ Тулонѣ, Кадиксѣ и другихъ городахъ, велъ переговоры съ Испаніею относительно заключенія торговаго договора, поручилъ Конону Зотову произвести разслѣдованіе торговли Франціи, велѣлъ публиковать вѣдомости цѣнъ на иностранные товары въ различныхъ европейскихъ городахъ, чтобы знали, гдѣ что дороже или дешевле[36]), учредилъ своего рода торговую палату, которая должна была вырабатывать предположенія относительно внѣшней торговли[37]). Но эта цѣль оставалась недостигнутою. За исключеніемъ одного

[31]) Соловьевъ, XIV 309, XV 91.
[32]) Въ мартѣ 1700 г.– См. Пильеръ у Устрялова III. 651.
[33]) Соловьевъ, XVI 210.
[34]) Vockerodt, 70—73.
[35]) Соловьевъ, XVIII, 164.
[36]) Тамъ же.
[37]) Тамъ-же, XVI. 205.

русскаго купца Соловьева, который велъ оптовую торговлю и банковое дѣло, проживая въ Амстердамѣ, не доставало русскаго купечества, которое въ надлежащей мѣрѣ соединило-бы умъ и образованность, предпріимчивость и кредитъ, чтобы вести конкурренцію съ иностранными фирмами. Не безъ трагикомизма описываетъ, въ концѣ петровскаго царствованія, русскій посланникъ въ Стокгольмѣ, какъ русскіе купцы въ шведской столицѣ торговали на улицахъ разнымъ мелочнымъ товаромъ, орѣхами, деревянными ложками и полотномъ, варили себѣ кашу подъ открытымъ небомъ, занимались пьянствомъ и драками. Шведы насмѣхались надъ этими русскими. Посланнику пришлось устыдиться своихъ соотечественниковъ и запретить имъ ихъ занятіе [38]). Нелегко было обратить русскихъ лавочниковъ и мужиковъ въ «джентельмэновъ». Съ приложеніемъ большей строгости Петръ старался внушить своимъ подданнымъ, что честность приноситъ больше выгоды, чѣмъ обманъ, что фальсификація товаровъ приноситъ ущербъ русской торговлѣ. Въ одномъ указѣ 1716 г. Петръ грозитъ смертною казнью всякому, который смѣшаетъ добротную пеньку съ плохою и вложитъ въ нее, какъ это часто случается, камни. Ему на эти обманы русскихъ жаловались англійскіе купцы [39]). Но подобные обманы было трудно искоренить и улучшить ихъ было возможно только съ поднятіемъ всего нравственнаго уровня общества. Отъ царскихъ контролеровъ тоже нельзя было ожидать глубокаго сознанія нравственнаго долга и нравственности.

Также ограниченною оказалась законодательная и административная дѣятельность Петра въ области промышленности. По его мнѣнію, и здѣсь должны были помочь строгій контроль и надзоръ за существующими неправильностями. Сюда относится, напр., пробированіе золотыхъ и серебряныхъ вещей, введенное еще въ 1709 г. [40]), предписаніе, чтобы крестьяне, не знающіе никакого ремесла, такимъ учились, рядъ распоряженій, касающихся техники спеціальныхъ производствъ [41]), напр., въ приказѣ, чтобы въ кожевенномъ дѣлѣ русскіе примѣняли новые способы приготовленія, а не прежде употреблявшіеся; всякій, кто послѣ двухлѣтняго обученія будетъ упорствовать въ старыхъ пріемахъ, подвергается конфискаціи имущества и отдачѣ на каторжныя работы. Одинъ англичанинъ былъ приглашенъ, чтобы научить русскихъ приготовленію кожанныхъ трубъ [42]),

---

[38]) Тамъ-же, XVIII 264

[39]) П. С. З. № 3005.

[40]) Соловьевъ, XV 92.

[41]) Тамъ-же. XVI 218.

[42]) Тамъ-же, XVI, 219—224.

бурмистры получали пробы, которыя должны были служить образцами въ соотвѣтственныхъ мануфактурахъ. Чтобы поднять писчебумажное дѣло, были также примѣнены разныя принудительныя мѣры. На издѣліяхъ желѣза каждый мастеръ былъ обязанъ ставить свою марку, поручительство доброкачественности товара. Въ 1702 г. царь объявилъ, что онъ призоветъ иностранцевъ, чтобы русскіе изучались отъ нихъ неизвѣстнымъ еще имъ производствамъ. Достаточно всѣмъ извѣстно, какъ онъ привѣтствовалъ плѣненныхъ подъ Полтавою шведовъ, какъ своихъ учителей. Въ 1721 году въ Москву явилось, по приказу Петра, около тысячи татаръ, опредѣленныхъ къ изученію различныхъ ремеслъ. Въ концѣ его царствованія изъ Брабанта приглашены кружевницы въ качествѣ учительницъ этого производства [42]).

Вполнѣ согласно намѣреніямъ царя требовалъ Посошковъ введенія цеховаго устройства по западно-европейскому образцу. Нѣчто подобное и случалось. Въ «Регламентѣ, или уставѣ главнаго магистрата» на него возлагается обязанность развитія фабричной промышленности и ремеслъ. Каждое ремесло должно имѣть свой цехъ съ альдерманами, свои уставы, права и привиллегіи, книги и свидѣтельства. На мануфактуръ-коллегію возлагается обязанность составить цеховое законодательство, при чемъ царь замѣчаетъ, что благосостояніе каждаго города «при Божіей помощи и доброй полиціи» зависитъ отъ карабельнаго дѣла и ремеслъ [41]). Это послужило началомъ законопроекта, который долго такимъ и оставался. Цеховое устройство было введено въ 1722 г., въ немъ заключались постановленія относительно срока ученичества, наложенія штемпеля на каждый товаръ мастерами, конфискаціи плохихъ издѣлій и т. п. Если альдерманъ невполнѣ пригодному произведенію давалъ свидѣтельство о доброкачественности, то послѣ тѣлеснаго наказанія виновный ссылался на каторжныя работы. Указъ заканчивается повелѣніемъ ввести регламентъ немедленно въ дѣйствіе во всѣхъ городахъ [45]).

Но дѣло не двигалось быстро. По крайней мѣрѣ мы встрѣчаемся съ позднѣйшимъ указомъ, на основаніи котораго оберъ-президенту магистрата и его товарищу угрожаютъ каторгою, если цеховое устройство не будетъ введено въ пять мѣсяцевъ или въ полгода. Чтобы ближе ознакомиться съ предметомъ, Петръ поручилъ купцу Соловьеву, знакомому

---

[42]) См. соч. Брикнера о Посошковѣ, 313.

[41]) П. С. З. № 3708.

[45]) П. С. З. № 3980.—Соч. Брикнера о Посошковѣ 308, 309.

съ устройствомъ иностранныхъ цеховъ, составить объ этомъ записку, Соловьевъ обѣщалъ приготовить ее къ слѣдующему утру [46]).

Такимъ образомъ Петръ хотѣлъ ввести цехи, которые на западѣ были продуктомъ исторіи, послѣдовательнаго долговременнаго развитія и постепеннаго общественнаго переустройства,—въ Россіи, при совершенно различныхъ условіяхъ и взаимныхъ отношеніяхъ общественныхъ группъ, и вести ихъ сразу, со дня на день, путемъ насильственнаго распоряженія. Дѣло и не пошло. Никогда цехи не имѣли въ Россіи большого значенія; они числились скорѣе только формально. Помочь русской промышленности посредствомъ подобныхъ съ плеча составленныхъ регламентовъ и законовъ было гораздо труднѣе, чѣмъ Петръ объ этомъ думалъ. Цехи послужили лишь отдѣльнымъ лицамъ, давъ имъ возможность выйдти изъ крѣпостной зависимости, что достигалось приписною къ цеху. Но серьезнаго ремесленнаго сословія русскіе цехи не создали [47]).

Зато фабричная промышленность получила широкое развитіе. Къ концу царствованія многія сгоряча созданныя фабрики оказались въ рукахъ иностранцевъ, другія стали принадлежностью русскихъ саповниковъ, которыхъ привлекали привиллегіи и монополіи, тѣмъ не менѣе, число такихъ учрежденій было весьма значительно; съ неменьшимъ успѣхомъ шло и горное дѣло. Къ концу царствованія Петра на Уралѣ возникъ городъ Екатериненбургъ [48]).

Но собственно для улучшенія положенія низшаго класса не было ничего сдѣлано. У царя не было достаточнаго интереса къ земледѣлію. Онъ не только не поднялъ положенія крестьянъ, но еще ухудшилъ его.

Если Петру хотѣлось улучшить садоводство, то онъ выписывалъ для разведенія виноградниковъ въ волжскомъ районѣ спеціалистовъ изъ заграницы [49]), или табачныя сѣмена изъ Испаніи [50]), или онъ стремился улучшить овцеводство, или выпискою заграничнаго племеннаго скота поднять отечественное скотоводство [51]), но это были скорѣе мимолетныя вспышки любителя, чѣмъ проявленіе систематической сельско-хозяйственной дѣятельности. Земледѣліе далеко не пользовалось такимъ его вни-

[46]) Соловьевъ, XVIII. 178.

[47]) Дитятинъ. Устройство и управленіе городовъ въ Россіи. I, 287

[48]) Соловьевъ, XVIII, 170.

[49]) Петра, 152.

[50]) „XVIII вѣкъ“ II, 142, 144.

[51]) См. Данилевскаго въ „Русск. Арх“. 1873, стр. 2288 и ст. Мердера въ „Русск. обозр.“. I, 472.

маніемъ, какъ промышленность и торговля. Старанія довести до полнаго процвѣтанія различныя отрасли производствъ побуждало его принимать мѣры, которыя отягощали еще болѣе и безъ того тяжелое положеніе крестьянства.

Крестьяне являлись въ глазахъ Петра «подлымъ народомъ»; онъ нуждался въ немъ для своихъ политическихъ цѣлей и не щадилъ ничьей жизни. Для работъ на воронежскихъ верфяхъ, въ Азовѣ, Архангельскѣ и Петербургѣ отрывались тысячи и тысячи рабочихъ отъ своихъ земледѣльческихъ занятій. Смертность была страшная во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ скучивались принудительные рабочіе изъ крестьянъ, плохо или вовсе некормленные и обреченные на непосильный трудъ, климатическимъ невзгодамъ, жестокому обращенію своихъ начальниковъ, повальнымъ болѣзнямъ. Свидѣтельство Фокеродта, что при сооруженіи таганрогской гавани отъ голода и болѣзней погибло до 300.000 человѣкъ представляется преувеличеннымъ [52]); подобныя цифры потерь, относящіяся къ постройкѣ новой столицы, также не заслуживаютъ полнаго довѣрія [53]). По общее недовольство среди крестьянъ, постоянное стремленіе, посредствомъ бѣгства, избѣжать непосильныхъ наборовъ, длинный рядъ народныхъ бунтовъ являются доказательствомъ тяжелаго положенія.

Фокеродтъ заключаетъ, что во все царствованіе Петра слышится жалоба на уменьшеніе населенія, при чемъ налоги и рекрутскіе, наборы выставляются главными причинами. Изъ огромнаго числа людей, которые были взяты какъ рекруты или на работы, обратно домой не возвращалось тридцатой части, потому что провіантская часть была такъ плохо поставлена, что большинство умирало съ голоду, прежде чѣмъ доходило до мѣстъ назначенія. Относительно числа бѣжавшихъ за границу можно судить потому, что Фокеродтъ сообщаетъ, будто въ польскую войну, при Аннѣ Іоанновнѣ, въ одной Литвѣ было найдено до 200.000 бѣжавшихъ крестьянъ [54]).

Законы о бѣглецахъ были особенно строги въ первые годы царствованія Петра [55]). Цѣлымъ рядомъ распоряженій отъ 1678 по 1711 г. сословіе мелкихъ собственникомъ постепенно превращалось въ положеніе крѣпостныхъ. Первый случай продажи крестьянъ безъ земли имѣлъ мѣсто въ 1675 г, и съ тѣхъ поръ этотъ примѣръ неоднократно повторялся, во все царствованіе Петра.

---

[52]) Vockerodt, 82.
[53]) 200.000. тамъ же 87.
[54]) Тамъ же, 113.
[55]) Бѣляевъ „Крестьяне на Руси", 190.

Вредное дѣйствіе на крестьянское сословіе оказала предпринятая въ 1719 г. первая «ревизія», или перепись народная, она зачисляла въ общій разрядъ свободныхъ крестьянъ, съ менѣе благопріятно поставленными дворовыми и начальными людьми, съ лишеніемъ ихъ многихъ правъ. Все болѣе и болѣе предоставлялась народная масса произволу помѣщиковъ. Чѣмъ болѣе налоговъ и повинностей правительство требовало отъ помѣщиковъ, тѣмъ болѣе правъ должно было оно предоставить имъ въ отношеніи крестьянъ. Но особенно тяжелымъ было для нихъ изданный въ 1721 году указъ, которымъ, въ цѣляхъ поднятія промышленности и горнаго дѣла, владѣльцамъ фабрикъ и заводовъ было предоставлено покупать крестьянъ и приписывать ихъ къ этимъ заведеніямъ. Такихъ «заводскихъ крестьянъ» оказалось очень много, и этотъ новый видъ крѣпостной зависимости казался народу очень тяжелымъ [56]). Такимъ образомъ создались первоначальныя условія ухудшенія крестьянскаго положенія въ дальнѣйшее время.

Съ другой стороны мы встрѣчаемъ также нѣкоторыя, хотя и слабыя попытки ограничить произволъ и злоупотребленіе работой и платежной силой крестьянъ. Въ инструкціи воеводамъ 1719 г. заключается распоряженіе преслѣдовать и карать тѣхъ помѣщиковъ, которые своихъ крестьянъ притѣсняютъ, мучатъ и пытаютъ, такъ что они стремятся къ бѣгству. Особые коммисары были обязаны изслѣдовать причины такихъ повальныхъ бѣгствъ, и если виновными оказывались помѣщики, то они временно отдавались подъ опеку своихъ родственниковъ [57]).

Нельзя было ожидать большой пользы отъ такихъ мѣръ. Самое открытіе подобныхъ правонарушеній зависѣло отъ случайности, и трудно было допустить, чтобы именно на нихъ наталкивались бы коммисары. Кромѣ того, надо имѣть въ виду, что такія распоряженія издавались не столько съ цѣлью человѣколюбія или въ видахъ сельско-хозяйственныхъ, сколько въ интересахъ государственныхъ финансовъ, вслѣдствіе заботы, чтобы не уменьшалась податная сила народа. Правительство хорошо само сознавало, что оно не въ состояніи защитить крестьянъ отъ злоупотребленій. Указомъ 1721 г. запрещается продажа отдѣльныхъ членовъ одной семьи; нигдѣ въ мірѣ—говорится въ этомъ указѣ, люди не продаются какъ скотъ; если будутъ отрываться дѣти у родителей, то «не малый вопль бываетъ»; поэтому царь запрещалъ продажу людей. Но вслѣдъ за этимъ слѣдуетъ примѣчаніе, что если невозможно будетъ вовсе пресѣчь такую продажу,

[56]) Тамъ же, 257.

[57]) П. С. З. № 3294. 31.

то по нуждѣ продавать цѣлыми семьями, а не порознь [58]). Но это былъ только проектъ, только пожеланіе; сенаторамъ было поручено выработать соотвѣтственный законъ. Извѣстно, что положеніе крестьянъ отъ этого не улучшилось. Отдѣльные мучители крестьянъ были строго наказаны—нѣкій Головинъ былъ въ 1721 г. приговоренъ къ десятилѣтней каторгѣ за то, что наказанный имъ крестьянинъ умеръ отъ тяжести этого наказанія [59]), но это мало облегчало положеніе общей крестьянской массы.

Одинъ современникъ разсказываетъ, что Петру совѣтовали освободить крестьянъ, на что онъ будто-бы отвѣтилъ, что такимъ народомъ можно управлять лишь съ крайнею строгостью [60]). Этотъ взглядъ царя раздѣлялъ и «крестьянинъ» Посошковъ. Далеко еще была эпоха освобожденія.

Никита Демидовичъ Антуфьевъ (Демидовъ).

Въ другомъ отношеніи Петръ далъ сильный толчокъ земледѣлію Россіи, положивъ основаніе обширной системѣ каналовъ. Еще прежде, чѣмъ Франсисъ Ли въ Англіи совѣтовалъ Петру «усовершенствовать природу» [61]), были начаты работы съ цѣлью соединенія Дона и Волги. Сначала ими руководилъ англичанинъ Бальи, потомъ нѣмецъ Бракель, наконецъ, извѣстный Джонъ Перри; на нихъ были заняты 15,000 рабочихъ. На Западѣ это сооруженіе вызвало общій интересъ. Въ бумагахъ Лейбница нашелся чертежъ, на которомъ были изображены рѣки Донъ и Волга съ ихъ притоками Иловлею и Камышенкою, соединенными посредствомъ канала [62]). Во время пребыванія Петра въ Англіи, ему объ этомъ сооруженіи писалъ Лефортъ [63]). Но работы были вскорѣ пріостановлены, вѣроятно, вслѣдствіе нарвской неудачи [64]), потомъ

[58]) П. С. З. № 3770.
[59]) Соловьевъ, XVIII 278.
[60]) Meier, II, 174.
[61]) См. выше стр.
[62]) Guerrier, 21.
[63]) Устряловъ, IV, I, 60.
[64]) Такъ считаетъ Штукенбергъ.

черезъ нѣсколько десятилѣтій опять возобновлены, но цѣль не была достигнута.

Послѣ основанія новой столицы явилось желаніе новую гавань непосредственно связать съ внутренними частями государства посредствомъ водныхъ сообщеній. Царь самъ принималъ участіе при почвенныхъ изысканіяхъ во время проведенія Вышне-Волоцкаго канала. Въ 1713 г. былъ оконченъ каналъ, соединяющій Тверцу и Мсту. При этомъ сооруженіи особенною энергіею отличился одинъ новгородскій мельникъ, Михаилъ Сердюковъ. Въ с. Баски, въ пятнадцати верстахъ отъ Вышняго-Волочка, еще въ двадцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія жилъ 120-лѣтній старикъ крестьянинъ, видѣвшій Петра съ Сердюковымъ на этомъ мѣстѣ. Подъ личнымъ наблюденіемъ царя начались работы на Тверцѣ [65]). О дѣятельности Сердюкова сохранилось много анекдотовъ [66]). Изъ писемъ Меншикова къ Петру, относящихся къ 1717 г. мы узнаемъ, какое большое вниманіе удѣлялъ Петръ дѣлу каналовъ [67]). Въ концѣ своего царствованія онъ особенно интересовался сооруженіемъ Ладожскаго канала, которое настоятельно требовалось значеніемъ и нуждами новой столицы. Въ 1718 году Петръ замѣтилъ тѣ громадныя потери, которыя причиняетъ Петербургу опасное плаваніе по Ладожскому озеру, и заявилъ, что онъ надѣется, по окончаніи войны, соорудить «съ помощью войска» каналъ, который долженъ соединить Неву съ Волховомъ, но такъ какъ нужда неумолимый челобитчикъ, и Петербургу необходимо постоянное общеніе съ внутренними частями государства, то слѣдуетъ приступить къ постройкѣ канала еще до заключенія мира. Царь самъ составилъ проектъ, который передалъ Сенату [68]). Онъ собственноручно отвезъ тачку съ землею къ тому мѣсту,

Михаилъ Ивановичъ Сердюковъ.

[65]) Wittenheim, 4 5.
[66]) Шишлинъ. II, № 110, IV, № 66.
[67]) Соловьевъ. XVI, 208
[68]) Соловьевъ, XVI, 209.

гдѣ должна была начаться дамба канала, и часто пріѣзжалъ во время работъ, чтобы слѣдить за ихъ быстротой [69]). Сначала онѣ подвигались медленно, пока Миниху,—это было началомъ его блестящей карьеры въ Россіи,—не было поручено главное руководство. Сынъ Миниха подробно разсказываетъ въ своихъ запискахъ, какъ Петръ, при видѣ, что дѣло клонится къ успѣшному окончанію, и по части новаго канала можно уже проѣхать, бросилъ отъ радости свою шапку кверху, обнялъ Миниха, горячо благодаря и предоставляя новыя средства къ окончанію величественнаго сооруженія [70]). Петръ былъ боленъ и заявилъ, что видъ канала сдѣлалъ его здоровымъ; онъ съ восторгомъ говорилъ, что надѣется дожить до того, что водою безъ пересадки поѣхать изъ Петербурга въ Москву [71]).

Надо удивляться, что въ Западной Европѣ общественныя водяныя сообщенія возникаютъ сравнительно поздно, что Canal du Midi во Франціи относится къ послѣднему времени управленія Мазарини, что еще въ половинѣ XVIII в. въ Англіи, по поводу постройки одного канала, возникалъ вопросъ, зачѣмъ тогда «создавалъ Богъ рѣки», и изъ этого можно вывести заключеніе, что Петръ умѣлъ примѣнять впечатлѣнія изъ своихъ заграничныхъ путешествій, въ данномъ случаѣ по Голландіи.

Апраксинъ, подобно англійскимъ противникамъ герцога Бриджватера, возражалъ, что Богъ одинъ направляетъ теченіе рѣкъ, и не надлежитъ человѣку мѣнять ихъ теченіе. Петръ могъ дать на это тотъ же отвѣтъ, который былъ данъ въ 1755 г. въ Англіи, что Богъ создалъ рѣки, чтобы ими питать каналы. Для всей земледѣльческой будущности Россіи являлось событіемъ чрезвычайной важности, что царь могъ высоко оцѣнить значеніе водныхъ путей и эти свои взгляды приложилъ на дѣлѣ.

---

[69]) Wittenheim, 5.
[70]) Записки Миниха, Спб. 1817 г. 19–21.
[71]) Штелинъ II, 123.

ГЛАВА XVII.

Церковь.

Ни въ чемъ не затрагивая догматовъ русской церкви, Петръ внесъ радикальныя измѣненія въ церковномъ управленіи и въ отношеніяхъ между церковью и государствомъ. Главными моментами его преобразовательной дѣятельности являются: практическое уничтоженіе патріаршескаго достоинства въ 1700 г. и учрежденіе святѣйшаго Синода въ 1721 г. Два десятилѣтія, заключающіяся въ промежуткѣ между этими годами, составляютъ своего рода переходное время. «Блюститель патріаршаго престола» Стефанъ Яворскій былъ во многомъ зависимъ отъ свѣтской власти; его положеніе такимъ образомъ не можетъ быть сравниваемо съ положеніемъ прежнихъ патріарховъ. «Монастырскимъ приказомъ», которому было поручено управленіе всѣми духовными дѣлами, завѣдывали свѣтскія власти [1]).

Петръ не былъ, подобно своему сыну, склоненъ къ богословскимъ предметамъ. Онъ, напротивъ того, проявлялъ много раціонализма. Многіе поступки и выраженія царя свидѣтельствуютъ о легковѣріи и терпимости. Болѣе всего было ненавистно ему ханжество. Въ противоположность царившему тогда въ народѣ средневѣковому византійскому строю, онъ стоялъ за развитіе оппозиціонной литературы. Все монашеское было ему ненавистно.

Въ указѣ о монастыряхъ 1723 г. Петръ говоритъ: «когда нѣкоторые греческіе императоры, покинувъ свое званіе, ханжить начали и паче ихъ жены, тогда нѣкоторые плуты къ онымъ подошли и монастыри уже въ самыхъ городахъ строить испросили и денежныя помощи требовали; еще же горше, яко не трудитися, но трудами другихъ туне питатися восхотѣть, къ чему императоры весьма склонны явились и великую часть по-

---

[1]) См. монографію Горчакова о монастырскомъ приказѣ. 1868, СПБ.

гибели самимъ себѣ и народу стяжали, на одномъ каналѣ отъ Чернаго моря даже до Царьграда на 30 верстахъ съ 300 монастырей было и такъ, какъ отъ прочаго неосмотрѣнія, такъ и отъ сего въ малое бѣдство пришли; когда турки осадили Царьгородъ, ниже 6.000 человѣкъ воиновъ сыскать могли. Сія гангрена и у насъ зѣло было распространяться начала подъ защищеніемъ единовластниковъ церковныхъ; но еще Господь Богъ прежнихъ владѣтелей какъ благодати своей не лишилъ, какъ греческихъ, которые въ умѣренности оныхъ держали. Могутъ-ли у насъ монахи имя свое дѣломъ исполнить? Но сего весьма климатъ сѣверныя нашея страны не допускаетъ и безъ трудовъ своихъ или чужихъ весьма пропитатися не могутъ и т. д.» [2]).

Когда однажды Петръ занимался разсмотрѣніемъ десяти заповѣдей, а его единомышленникъ, архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, по его указанію, составлялъ на этотъ предметъ популярное сочиненіе, онъ выразилъ мнѣніе, что недостаетъ еще заповѣди: «не ханжи». Онъ считалъ, что русскій народъ особенно расположенъ къ этому пороку, и потому желалъ, чтобы въ особомъ сочиненіи было проведено различіе между ханжествомъ и истиннымъ благочестіемъ. Ѳеофанъ писалъ, что самъ Спаситель предупреждалъ своихъ учениковъ отъ подражанія фарисеямъ; были изданы строгія распоряженія противъ ложныхъ чудесъ, и виновные въ нихъ подвергались тяжкимъ наказаніямъ; было предписано соблюденіе мѣры въ сооруженіи церквей и часовень; обычай обливать водою или погружать въ воду всѣхъ уклонившихся отъ посѣщенія церкви на Пасху былъ строго преслѣдуемъ [3]).

Въ новѣйшее время выяснилось, что Петръ принималъ очень большое участіе въ составленіи «Духовнаго Регламента», и, быть можетъ, онъ больше дѣло рукъ царя, чѣмъ произведеніе Ѳеофана Прокоповича. Тутъ, между прочимъ, сказано: «дурно многіе говорятъ, что наука порождаетъ ереси; наши русскіе раскольники не отъ грубости-ли и невѣжества такъ жестоко бѣснуются? И если посмотрѣть на минувшіе вѣка, чрезъ исторію, какъ чрезъ зрительную трубу, то увидимъ все худшее въ темныхъ, а не въ свѣтлыхъ ученіемъ временахъ».

При учрежденіи Синода, Петръ проводилъ тотъ же коллегіальный принципъ, который онъ призналъ лучшимъ въ свѣтскихъ учрежденіяхъ,

---

[2]) Соловьевъ, XVIII, 203.— Де-Лави (Сборн. Им. Общ. XII, 66) приводитъ нѣсколько примѣровъ терпимости Петра.

[3]) См. соч. Чистовича въ „Сборникѣ статей Р. отд. Акад. Н." 1868, IV, 103, 109, 124, 127.

чтобы положить предѣлъ корыстолюбію и своеволію отдѣльныхъ лицъ; объ этомъ говорится и въ духовномъ регламентѣ. «Отъ соборнаго правленія нельзя опасаться отечеству мятежей и смущенія, какіе могутъ произойти, когда въ челѣ церковнаго управленія находится одинъ человѣкъ; простой народъ не знаетъ, какъ различается власть духовная отъ самодержавной, и, удивленный славою и чествю верховнаго пастыря церкви, помышляетъ, что этотъ правитель есть второй государь, самодержцу равносильный, или еще и больше его, и что духовный чинъ есть другое лучшее государство, и если случится между патріархомъ и царемъ какое-нибудь разногласіе, то скорѣе пристанутъ къ сторонѣ перваго, мечтая, что поборютъ по самомъ Богѣ.»

Само собою понятно, что при такомъ воззрѣніи русская духовная власть на ряду со свѣтскою занимала въ то время очень скромное положеніе, и какъ долженъ былъ быть доволенъ Петръ найти въ личности Ѳеофана Прокоповича человѣка, который такъ вполнѣ соотвѣтствовалъ духовнымъ убѣжденіямъ царя.

Нельзя отнести къ случайности, что три наиболѣе выдающихся церковныхъ іерарха, въ царствованіе Петра: Димитрій Ростовскій, Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ происходили изъ Малороссіи. Они обладали болѣе высокою степенью образованности, чѣмъ большинство великорусскаго духовенства. Въ Кіевѣ ощущалась близость заграницы, тамъ чувствовалось вліяніе католическихъ странъ. Воспитанные тамъ люди были нерѣдко писателями и стихотворцами.

Димитрій составилъ большое сочиненіе, а именно, Четьи-Минеи, и уже пользовался извѣстною славою, когда въ 1700 г. онъ былъ вызванъ изъ Малороссіи для занятія каѳедры тобольскаго митрополита. Петръ возлагалъ большія надежды на его дѣятельность въ Сибири. Но выдающійся ученый и писатель не могъ освоиться съ мыслью отправиться такъ далеко. Петръ исполнилъ его желаніе и назначилъ его митрополитомъ ростовскимъ, такъ что Димитрій могъ оставаться въ Москвѣ. Здѣсь для него началась особенно плодотворная дѣятельность, и онъ до конца жизни оставался преимущественно писателемъ. Онъ сильно ратовалъ за поднятіе духовнаго просвѣщенія, такъ какъ имѣлъ много случаевъ жаловаться на невѣжество и грубость русскаго духовенства; онъ основалъ училище для лицъ, которыя готовились къ духовному званію, самъ въ немъ преподавалъ; онъ написалъ полемическое сочиненіе противъ раскола, продолжая свои церковно-историческія занятія и во многихъ случаяхъ защищалъ преобразовательныя стремленія Петра. Въ этомъ отношеніи имѣетъ значеніе слѣдующій

случай. Когда брадобритіе вызвало сильнѣйшее возбужденіе среди народа, къ митрополиту однажды обратились двое упорствующихъ съ вопросомъ,

Изображеніе св. Александра Невскаго. (Съ русской народной картинки).

не лучше-ли лишиться головы, чѣмъ обрить бороду. На это Димитрій отвѣтилъ вопросомъ, что отростетъ: голова-ли отсѣченная, или борода обритая? и закончилъ совѣтомъ лучше обрить бороду. Но такъ какъ многіе продолжали считать, что, обрившись, они утрачиваютъ ликъ Божій и ли

*

шаются всякой надежды на спасеніе, онъ написалъ разсужденіе: «Объ образѣ Божіи и подобіи въ человѣцѣ», въ которомъ онъ опровергалъ неосновательность вкоренившихся въ народѣ взглядовъ. По распоряженію Петра, это сочиненіе было напечатано въ нѣсколькихъ изданіяхъ. Димитрій проявлялъ большой интересъ и къ драматическому искусству. Онъ написалъ мистеріи, которыя были представлены. Скончался онъ въ 1709 г., оставивъ библіотеку и большое число рукописей, но никакого имущества. Причитавшееся ему содержаніе онъ постоянно тратилъ на школьное дѣло [1]).

Гораздо большую извѣстность пріобрѣлъ Стефанъ Яворскій, который отличался въ особенности, какъ церковный ораторъ. Въ качествѣ «блюстителя патріаршаго престола», онъ пользовался ограниченнымъ вліяніемъ. Онъ соединялъ въ себѣ извѣстную нетерпимость съ нѣкоторою угодливостью царю. Своимъ предпочтеніемъ другому кандидату на это мѣсто, Аѳанасію Холмогорскому, онъ обязанъ лишь своей образованности. На царя онъ произвелъ большое впечатлѣніе своею надгробною рѣчью при погребеніи боярина Шеина. Между нимъ, получившимъ польское образованіе, и великоруссами существовала замѣтная рознь. Онъ часто стремился обратно въ Кіевъ и не разъ просилъ объ увольненіи, но царю онъ умѣлъ угождать. Въ его рѣчахъ и писаніяхъ не было недостатка въ отсутствіи топкаго вкуса и въ схоластическихъ нелѣпостяхъ, какъ это приведено выше по поводу Галицкаго. Царю онъ содѣйствовалъ высокопарными торжественными проповѣдями по случаю выдающихся политическихъ событій; съ Яворскимъ Петръ былъ въ оживленной перепискѣ. Можно предполагать, что Яворскій стремился къ должности патріарха, о возстановленіи которой многіе тогда мечтали, но царь умѣлъ умѣрять его стремленія, направленныя къ этой цѣли. Съ теченіемъ времени, между Стефаномъ Яворскимъ и Петромъ съ его преобразованіями замѣчается извѣстное отдаленіе. Очень осторожно началъ онъ полемизировать по поводу новыхъ вопросовъ. Въ его проповѣдяхъ проскальзывали нападки и осужденія по поводу брадобритія, или стѣсненія духовной власти со стороны свѣтской; онъ косвенно порицалъ и поносилъ царя. Болѣе сильныя выраженія встрѣчаются въ его рукописныхъ проповѣдяхъ, гдѣ противъ нѣкоторыхъ мѣстъ обозначено, что они не были произнесены. Но при общемъ недовольствѣ и стремленіи къ оппозиціи, даже его косвенные намеки хорошо понимались и перетолковывались. Наконецъ, онъ въ одной проповѣди (1712 г.) восхвалялъ

[1]) Соловьевъ, XV, 125. 26—28.—Пекарскій, I, 373, 413—416.—Жизнеописаніе св. Димитрія составилъ Печаевъ.

царевича Алексѣя и порицалъ введенныхъ Петромъ фискаловъ. Всѣ ожидали, что Стефанъ подвергнется опалѣ, но Петръ, повидимому, не хотѣлъ придать ему славы мученичества и ограничился запрещеніемъ на нѣкоторое время произносить проповѣди. Съ этого случая Стефанъ Яворскій сталъ осторожнѣе и болѣе не подавалъ повода къ царскому неудовольствію.

Яворскій принадлежалъ къ фанатическимъ противникамъ иностранства; въ своихъ писаніяхъ онъ блещетъ цѣлымъ потокомъ самыхъ рѣзкихъ выраженій, направленныхъ противъ Лютера. Въ одной проповѣди онъ называетъ Лютера «червь, ядомъ адскимъ наполненный», «прокаяннный еретикъ», и т. п. Понятно, что при преслѣдованіи еретиковъ, какъ и по поводу внушаемаго протестантствомъ нѣкоторымъ русскимъ свободомыслія, онъ терялъ иногда надлежащую мѣру строгости. Онъ особенно горячо ратовалъ противъ иностранцевъ, противъ вліянія жителей Нѣмецкой слободы, воевалъ съ наклонностью къ иностранному въ самомъ Петрѣ и дискредитировалъ царя въ глазахъ простого народа. Онъ успѣлъ добиться сожженія одного еретика, но другіе обвиненные были изъяты изъ его юрисдикціи и преданы Сенату, чѣмъ отношеніе Яворскаго было значительно стѣснено. Свѣтская власть не раздѣляла его воззрѣній. О необыкновенной терпимости Петра свидѣтельствуетъ напечатаніе одного сочиненія Яворскаго, направленнаго противъ лютеранъ, «Камень вѣры», хотя царь выразилъ желаніе, чтобы были нѣсколько смягчены наиболѣе рѣзкія мѣста [5]).

Объ отношеніяхъ Яворскаго къ Алексѣю мало извѣстно. Нельзя предполагать полнаго единодушія между фанатическимъ церковнымъ іерархомъ и наслѣдникомъ престола. Но они оба принадлежали къ числу недовольныхъ. Недовольство сказывалось въ тихой, но постоянной формѣ. Петръ сумѣлъ сдѣлать его безвреднымъ, назначивъ Яворскаго предсѣдателемъ Синода, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, были приняты мѣры, чтобы онъ не имѣлъ рѣшающаго вліянія: отъ современниковъ не ускользнуло противорѣчіе между царемъ и церковнымъ сановникомъ; послѣдній характеризуется ими какъ человѣкъ ограниченный, фальшивый, коварный. Онъ не былъ способенъ содѣйствовать духовному прогрессу [6]).

Въ противоположность Яворскому, Ѳеофанъ Прокоповичъ былъ дѣйствительнымъ единомышленникомъ Петра. Онъ обладалъ выдающимся образованіемъ, былъ лично знакомъ съ католическими и лютеранскими странами

---

[5]) Книга эта была напечатана послѣ его кончины.

[6]) Соловьевъ, XV, 119, XVI, 22 и слѣд., 239, 336, 353 и слѣд. — Біографія Яворскаго, составленная Терновскимъ.—Vockerodt.—См. у Панова „Св. Синодъ“ объ ограниченности власти Яворскаго.

и въ Римѣ имѣлъ случай непосредственно убѣдиться въ крайностяхъ нетерпимости. Онъ шутилъ надъ тѣмъ, что въ Италіи, гдѣ болѣе, чѣмъ гдѣлибо, имѣется невѣрующихъ, ненавидятъ протестантовъ; онъ краснорѣчиво полемизировалъ противъ іезуитскаго ордена. Прокоповичъ выдѣляется еще и въ качествѣ стихотворца. Его дѣятельность на педагогическомъ поприщѣ, въ качествѣ ректора кіевской академіи, отличалась энергіею и многосторонностью. Неоднократно онъ имѣлъ случаи обратить на себя силою своихъ рѣчей вниманіе царя, какъ, напр., въ 1706 г., когда Петръ проживалъ въ Кіевѣ, такъ и въ 1708 г., непосредственно послѣ полтавской битвы. Онъ сопровождалъ Петра въ Прутскомъ походѣ и кризисъ на Прутѣ воспѣлъ въ стихахъ. Необыкновенное процвѣтаніе академіи во время его ректорства свидѣтельствуетъ о рѣдкихъ организаторскихъ способностяхъ. Онъ охотно читалъ иностранныхъ писателей и особенно тѣхъ, которые были противоположныхъ ему взглядовъ.

Въ 1715 г. Петръ убѣдилъ Ѳеофана Прокоповича переселиться въ Петербургъ. Здѣсь у него оказалось много противниковъ. Его упрекали въ склонности къ протестантству. Для царя онъ явился безкорыстнымъ, преданнымъ и единомышленнымъ сотрудникомъ. Основавъ свое образованіе отчасти на писаніяхъ протестантскихъ богослововъ, какъ-то Квенштедта Гергардта и др., съ любовью изучая сочиненія Декарта, Бэкона и Буддея, онъ прежде всего былъ пораженъ въ Россіи общею страстностью къ богословскимъ спорамъ въ средѣ духовенства и мірянъ. При самыхъ ограниченныхъ фактическихъ познаніяхъ,—замѣчаетъ онъ одному своему другу въ Малороссіи,—всякій считаетъ себя мудрымъ и непогрѣшимымъ; всѣ съ своею вѣрою въ собственную непогрѣшимость еще глупѣе, чѣмъ папа. Всѣ толковали о богословіи, но вмѣсто жажды истиннаго познанія, существовало господство предразсудка, каждый стремился учить, а не учиться [7]).

Въ одной проповѣди, посвященной вопросу о славѣ и чести царской, Ѳеофанъ довольно прозрачно намекаетъ на Стефана Яворскаго, говоря, что церковь не есть государство въ государствѣ, и что духовенство не должно уклоняться отъ подчиненія свѣтской власти. Онъ умѣлъ опровергнуть нападки своихъ противниковъ, подвергшихъ сомнѣнію правильность его вѣры, какъ стоявшихъ на почвѣ греческой догматики, такъ и обвинявшихъ его въ сочувствіи протестантству. Стефана Яворскаго онъ упрекнулъ въ отвѣтъ на его нападки, что тотъ даже не читалъ его, Ѳеофана,

[7]) Чистовичъ, 39.

сочиненій, такъ что Стефану пришлось смутиться и взять свои обвиненія обратно.

Петръ отличалъ Ѳеофана, назначеннаго псковскимъ митрополитомъ, часто его навѣщалъ и постоянно совѣтовался по церковнымъ вопросамъ.

КАЛЕНДАРЬ
или
МѢСЯЦОСЛОВЪ
На лѣто отъ рождества Господа нашего Іисуса Христа, 1722.
указующій затмѣнія солнечныя, мѣсячныя рожденія, и полныи мѣсяцъ съ четвертми.
Такожде время солнечнаго восхожденія и захожденія, долгоденствіе и долгонощіе на всякій день.
учиненный по меридіану, и широтѣ царствующаго санктѣпітербурха.
ъ санктѣпітербургскои Типографіи, лѣта Господня, 1721. Декемвріа въ день.

О КРОВОПУСКАНІИ.
жилномъ и рожечномъ, и когда лѣкарство пріимать.
въ генварѣ.
Кровь пускать жилную и рожечную.
Мокротнымъ 2. 3. 4 11. 12.
Холерикамъ 9. 10. 18. 19.
Меланхоликамъ 7. 8. 25. 26. 27. чис:
Лѣкарство пріимать.
Проносное 1. 9. 10. 18. 19.
Рвотное 5. 6. 11. 12. 13. 14.
Слабительное 7. 8. 16. 17. 25. 26.
Крѣпительное 5. 6. 13. 14. 23. 24.
въ февралѣ.
Кровь пускать жилную и рожечную.
Мокротнымъ 7. 8. 26. 27.
Холерикамъ 5. 6. 14. 15. 16.
Меланхоликамъ 3. 4. 22. 23.

Факсимиле страницъ календаря 1721 года.

Оба составили тогда «Духовный регламентъ», который однимъ современникомъ, охотно все прочее порицавшимъ, былъ названъ какъ вещь образцовая, заслуживающая прочтенія отъ начала до конца [8]). Самъ царь будто бы, въ шутку, назвалъ этотъ регламентъ «новымъ патріархомъ» [9]).

[8]) Vockerodt, 13.
[9]) Соловьевъ. XVI. 361.

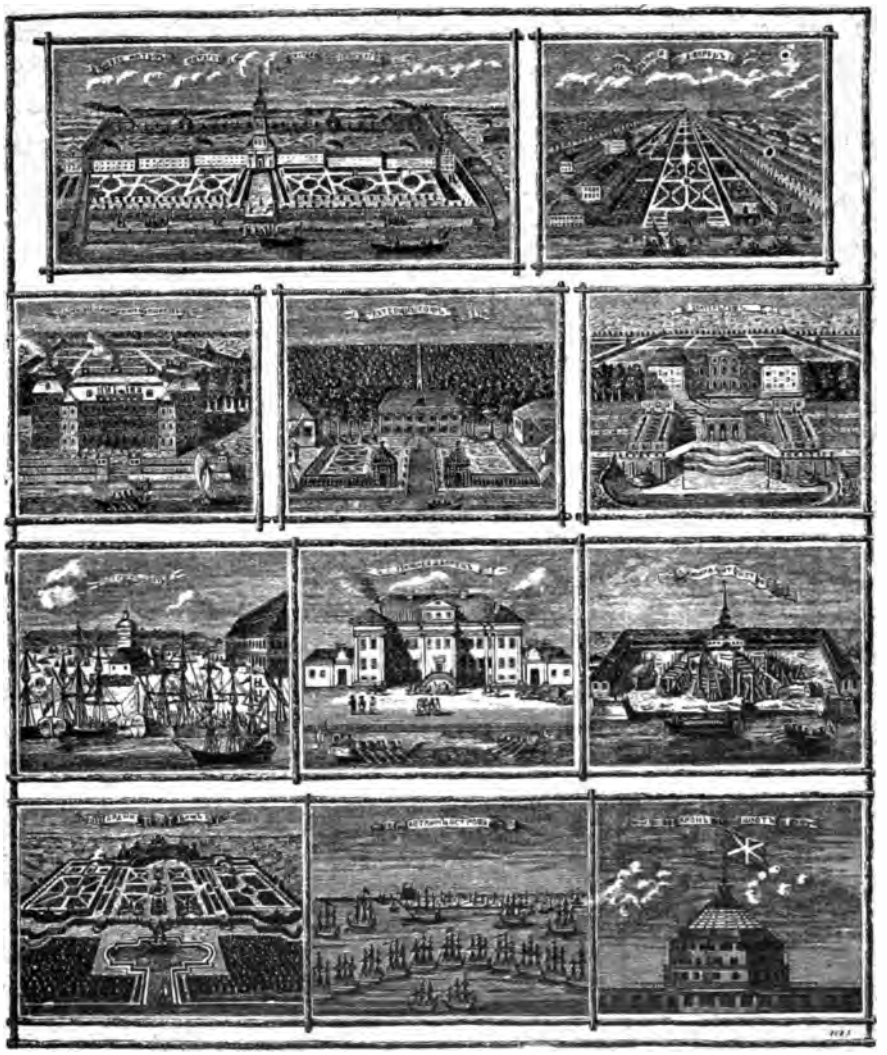
Главное вниманіе въ регламентѣ обращено на лучшее образованіе духовенства и на преобразованіе монастырей. Не даромъ большинство иностранцевъ, проживавшихъ въ Россіи, указывали на грубость и необразованность духовенства; недаромъ и русскіе патріоты, какъ, напр., Посошковъ, говорили о необходимости поднять умственный и нравственный уровень духовныхъ лицъ. Наиболѣе выдающіеся представители высшей церковной іерархіи также жаловались по этому поводу, какъ, напр. Ѳеодосій, митрополитъ новгородскій, нѣсколько лѣтъ подъ-рядъ бывшій какъ-бы придворнымъ духовникомъ Петра. Ѳеофанъ прилагалъ всѣ старанія къ учрежденію духовныхъ семинарій, къ поднятію общаго школьнаго уровня въ духовномъ быту. Главный руководитель духовными дѣлами, Мусинъ-Пушкинъ, былъ постоянно озабоченъ учрежденіемъ и улучшеніемъ церковныхъ училищъ. Изъ переписки Петра съ Курбатовымъ, который также интересовался этимъ вопросомъ, мы узнаемъ, что правительство, еще до изданія духовнаго регламента, не останавливалось въ этомъ отношеніи отъ принятія нѣкоторыхъ мѣръ. Но условія къ всеобщему подъему просвѣщенія были очень неблагопріятны, и въ особенности въ отношеніи духовенства еще на долгое время получалось полное основаніе для рѣзкихъ шутокъ и отзывовъ, какіе мы встрѣчаемъ у иностранныхъ наблюдателей: Маржерета, Олеарія, Коллинса, Джона Перри, Фокеродта и др.

Заслуживаетъ вниманія, что въ духовномъ регламентѣ преувеличенное значеніе іерархіи признается, какъ слѣдствіе невѣжества и грубости. Только по прошествіи четырехъ вѣковъ, говорится тамъ, послѣ того, какъ изсякли просвѣщеніе и знаніе, епископы римскій и константинопольскій пріобрѣли большую власть и проявили такое высокомѣріе. Высшимъ церковнымъ сановникамъ было приказано открывать у себя школы для подготовленія духовныхъ, при чемъ подтверждалось, чтобы лѣнивымъ и неспособнымъ школьникамъ не подавать никакой надежды на пріобрѣтеніе духовной должности; вмѣстѣ съ тѣмъ, были предписаны предметы для изученія, способы преподаванія. Если кто изъ подготовлявшихся въ духовному сану лицъ не научится хорошо читать, отдается въ солдаты. Въ послѣдніе годы царствованія Петра были сдѣланы приготовленія къ основанію большой духовной семинаріи. Для этой цѣли были предназначены домъ и денежныя суммы, но смерть Петра пріостановила это дѣло. Много лѣтъ послѣ этого домъ оставался пустой, пока, наконецъ, въ 1743 г. онъ не былъ отданъ подъ канцелярію петербургскаго полиціймейстера [10]).

Далѣе регламентъ трактовалъ объ обязанности и нравственномъ по-

[10]) Чистовичъ, 136 и слѣд.

веденіи духовенства. Имъ впушалось чаще посѣщать своихъ прихожанъ, перечислялись дѣла, позорящія монастырское служеніе и т. п. [11]). Не-

Петербургъ и его окрестности при Петрѣ Великомъ.—Монастырь св. Александра евскаго. Лѣтній дворецъ. Домъ Свѣтлѣйшаго кн зя Меншикова. Екатерингофъ. етергофъ. Гостинный дворъ. Зимній дворецъ. Адмиралтейство. Ораніенбаумъ. Котлинъ островъ. Кронштотъ. (Съ современной гравюры).

многія духовныя лица могли съ такимъ усердіемъ исполнять свои обязанности, какъ митрополитъ новгородскій Іовъ, который въ своей епархіи

[11]) П. С. З. № 3718

дѣятельно заботился о насажденіи школъ, или какъ Митрофанъ, епископъ воронежскій, который на общеполезныя цѣли обращалъ всѣ свои собственныя сбереженія и который не разъ посылалъ царю значительныя суммы на покрытіе издержекъ шведской войны. Въ домѣ, въ которомъ проживалъ царь въ Воронежѣ, находились изображенія и истуканы привезенныхъ ему языческихъ боговъ, и Петръ, зная, что это возбуждаетъ неудовольствіе Митрофана, велѣлъ ихъ убрать, что доказываетъ, какъ Петръ умѣлъ цѣнить заслуги добродѣтельныхъ духовныхъ лицъ [12]).

Но особенно подробно касался регламентъ монастырей. Здѣсь было широкое поприще для дѣятельности. Не разъ Петръ съ порицаніемъ выражался о томъ направленіи религіозности, которое побуждаетъ значительную часть духовенства къ бѣгству въ монастыри, о господствовавшемъ въ монастыряхъ безнравственномъ образѣ жизни и умственной тупости. Теперь, въ союзѣ съ Ѳеофаномъ, онъ выступилъ противъ преувеличеннаго числа дѣйствительныхъ и ложныхъ аскетовъ. Было затруднено поступленіе въ монастыри, отъ монаховъ и монахинь стали требовать извѣстнаго личнаго труда, управленіе монастырскими имуществами поставлено подъ надзоръ свѣтской власти, небольшія общины были распущены, основаніе новыхъ обителей затруднено и т. п.

Въ введеніи къ духовному регламенту царь поставилъ на видъ необходимость преобразованій въ церковной области; онъ указывалъ, какъ велика отвѣтственность, которой онъ подвергается за пренебреженіе этимъ дѣломъ. Затѣмъ слѣдуетъ разсуждать о преимуществахъ коллегіальныхъ учрежденій въ церковномъ устройствѣ. Вмѣстѣ съ этимъ явилось и новое учрежденіе—Синодъ. На ряду съ Стефаномъ Яворскимъ, какъ его предсѣдателемъ, были назначены Ѳеодосій и Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ вице-предсѣдатели, а нѣкоторыя другія духовныя лица членами.

Въ первое время существованія Синода, возникали острые вопросы о его правахъ, кругѣ и порядкѣ дѣятельности. Царю не разъ самому приходилось разрѣшать эти вопросы. Возникали также пререканія между Синодомъ и Сенатомъ. Но въ общемъ дѣятельность Синода, какъ и Сената, свидѣтельствовала, что намѣренія царя были правильно поняты, что онъ дѣйствительно способенъ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ [13]). Строгія мѣры, принятыя Синодомъ относительно монастырей, надо отнести къ непосредственной инціативѣ самого царя [14]). Но и въ этой области тотчасъ

---

[12]) Соловьевъ, XV, 129.

[13]) См. у Соловьева, XVI, 366 и сл.

[14]) Чистовичъ. 709.

послѣ кончины Петра, замѣчается отсутствіе сильнаго и единоличнаго государя [15]).

Намѣренія и образъ дѣйствій Петра въ отношеніи раскольниковъ, съ одной стороны, указываютъ на выдающуюся терпимость, съ другой,—на принятіе во вниманіе чисто свѣтскихъ политическихъ интересовъ. Но онъ требовалъ отъ иновѣрцевъ безусловнаго повиновенія свѣтской власти; точка зрѣнія, которую Петръ установилъ для западно-европейскихъ «еретиковъ», что «каждому христіанину предоставляется на его отвѣтственность самому пещись о блаженствѣ своей души», примѣнялась также и къ раскольникамъ. Петръ былъ широкотерпимъ. Когда онъ, въ 1701 г., по случаю свиданія въ Биржахъ съ польскимъ королемъ Августомъ, присутствовалъ на католическомъ богослуженіи, и одинъ сенаторъ ему замѣтилъ, что царь можетъ и долженъ способствовать единенію латинской и греческой церквей, Петръ отвѣтилъ: «Господь, дѣйствительно, далъ царямъ власть надъ народами, но надъ совѣстью людей властенъ одинъ Христосъ, и соединеніе церквей можетъ совершиться только съ Божьей воли» [16]). Въ 1702 г., на пути въ Архангельскъ, въ окрестностяхъ Олонца, населенныхъ большимъ числомъ раскольниковъ, вниманіе царя было обращено на разсѣянныя по р. Выгу раскольничьи поселенія, онъ сказалъ: «пускай живутъ». Отъ царя ожидали совершенно другого. При вѣсти о его приближеніи, одни готовились къ смерти, другіе обратились въ бѣгство. Петръ освѣдомился о поведеніи раскольниковъ, въ особенности о честности и усердіи купцовъ, и, получивъ на этотъ вопросъ благопріятный отвѣтъ, сказалъ: «если они подлинно таковы, то, по мнѣ, пусть вѣруютъ, чему хотятъ, и когда уже нельзя ихъ обратить отъ суевѣрія разсудкомъ, то, конечно, не пособитъ ни огонь, ни мечъ, а мучениками за глупость быть,—ни они той чести недостойны, ни государство пользы имѣть не будетъ» [17]).

Нуждаясь въ услугахъ раскольниковъ для государства, Петръ не хотѣлъ ихъ притѣснять, и въ этомъ же смыслѣ поступали и многіе сотрудники царя. Но раскольники, проживавшіе въ Олонецкомъ округѣ, были привлечены въ большомъ числѣ къ работамъ на мѣстныхъ желѣзодѣлательныхъ заводахъ и другимъ промышленнымъ предпріятіямъ Петра; они, правда, жаловались на тяготу, наложенную на нихъ правительствомъ, но собственно о религіозномъ преслѣдованіи со стороны Петра не можетъ

---

[15]) Тамъ-же 142,– см. соч. Попова о синодѣ 1881, Спб.

[16]) Соловьевъ, XVI, 35-.

[17]) Тамъ же XVI, : 2-1.

быть и рѣчи. Когда наиболѣе страшный для выговскихъ раскольниковъ врагъ, митрополитъ Іовъ велѣлъ схватить одного изъ наиболѣе выдающихся среди нихъ, Денисова, то Петръ потребовалъ, чтобы Денисовъ былъ препровожденъ въ Москву. Царь самъ испыталъ «тихо» воззрѣнія Денисова, и хотя онъ не былъ отпущенъ на свободу, но и не подвергся никакому, болѣе строгому наказанію. Черезъ нѣсколько лѣтъ ему удалось бѣжать. Въ 1711 г. Меншиковъ подалъ распоряженіе, что никто не смѣетъ чинить раскольникамъ обиды по поводу ихъ вѣрованій и стѣснять въ ихъ промышленныхъ предпріятіяхъ. Но, тѣмъ не менѣе, судебныя преслѣдованія противъ раскольниковъ не переставали возникать, какъ это видно изъ частныхъ донесеній Петру начальника Олонецкихъ заводовъ Геннина, протестовавшаго противъ образа дѣйствій митрополита Іова. Геннинъ взываетъ къ терпимости царя и проситъ издать въ этомъ смыслѣ распоряженіе. Когда былъ схваченъ другой руководитель раскола, Викуличъ, Петръ, по ходатайству Геннина, велѣлъ его немедленно отпустить. Царь велѣлъ: «съ противниками церкви съ кротостью и разумомъ поступать по апостолу, и не такъ, какъ нынѣ, жестокими словами и отчужденіемъ» [18]).

Когда въ Россію прибылъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, Петръ поручилъ ему составить сочиненіе о мученичествѣ. Въ этой книгѣ выдающійся ученый показалъ, какъ фанатики стремятся къ мученическому вѣнцу, и что строгія мѣропріятія только поощряютъ несчастныхъ въ этомъ направленіи. Ѳеофанъ открыто рекомендовалъ относиться мягко къ раскольникамъ, но въ одномъ дружескомъ письмѣ, по поводу своей поѣздки въ Лифляндію, онъ замѣчаетъ, что около 500 проживавшихъ въ окрестностяхъ Дерпта раскольниковъ разбѣжалось при одномъ извѣстіи о его пріѣздѣ.

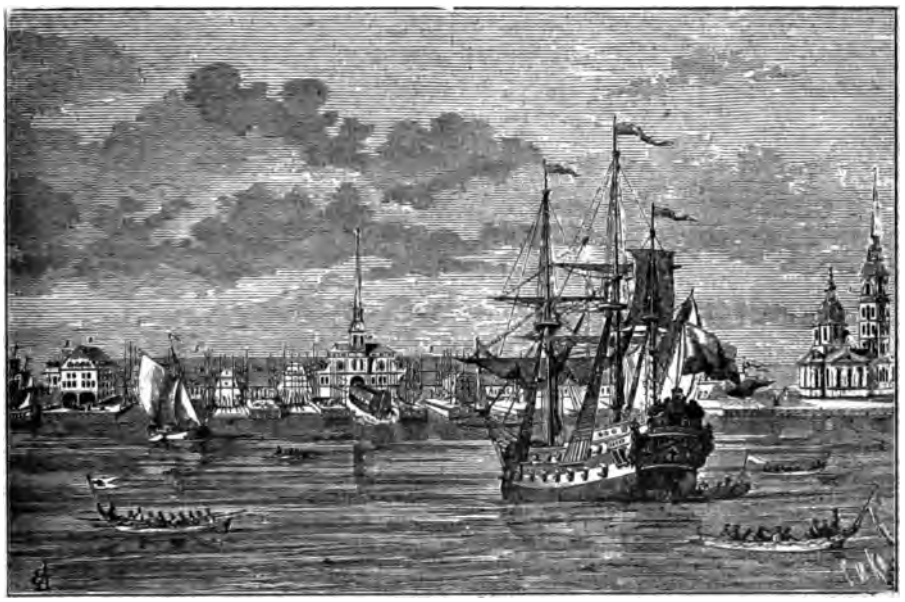
Петръ хотѣлъ воздѣйствовать на раскольниковъ убѣжденіемъ и употребить на государственную пользу ихъ дѣловую способность и добросовѣстность, которою раскольники отличаются и по настоящее время. Въ этомъ сказывалось не великодушіе, но истинная терпимость; царь не считалъ своею обязанностью заботиться о спасеніи душъ раскольниковъ, но его государственнымъ взглядамъ вполнѣ соотвѣтствовало сочетаніе терпимости съ финансовыми выгодами, а именно, обложеніемъ раскольниковъ двойными податями. Такимъ образомъ съ раскольниками состоялся своего рода компромиссъ, все дѣло было перенесено изъ круга церковнаго вѣдомства въ бюджетныя соображенія; ради денежныхъ сборовъ на госу-

---

[18]) Тамъ же, XV3, 123—326

дарственныя потребности, были пріостановлены преслѣдованія противъ отставшихъ отъ православія.

Вслѣдъ за тѣмъ было издано нѣсколько указовъ, приглашавшихъ раскольниковъ «безъ страха» обращаться въ Синодъ и сообщать ему свои сомнѣнія въ поученіяхъ и установленіяхъ православной церкви. Въ одномъ указѣ царь приказываетъ, во время преній по этимъ вопросамъ, «наблюдать учтивость» и предоставлять совершенную свободу всѣмъ, кто останется при прежнемъ своемъ мнѣніи [19]).

Петербургъ при Петрѣ I.—Видъ Адмиралтейства и Исакіевскаго собора. (Съ современной гравюры).

Если вспомнить про попытку подобныхъ преній, бывшихъ въ 1682 г. въ Кремлѣ, то видно, что она привела къ большому возбужденію. Теперь государственная власть была крѣпче, и новая попытка никакой опасности не представляла. Было рѣшено, что къ господствующей церкви можно присоединять только посредствомъ убѣжденія, кто же не убѣдится, свободно остается при своихъ прежнихъ взглядахъ, такъ какъ царь строго запретилъ всякую жестокость и насиліе. Но тайное пребываніе въ расколѣ было строго запрещено подъ страхомъ наказанія: каждый долженъ былъ

[19]) П. С. З. № 3591, 3925.

въ теченіе года, съ 1 марта 1722 г. по 1 мартъ 1723 г., рѣшить и объявиться.

Намъ неизвѣстно въ подробностяхъ, какое впечатлѣніе произвели эти распоряженія во всѣхъ мѣстахъ. Но, повидимому, маловѣроятно, чтобы много раскольниковъ подняли брошенный имъ вызовъ; наряду съ сравнительно мягкими мѣрами, были и другія, очень для раскольниковъ стѣснительныя. Послѣ 1666 г., положившаго начало расколу, строгости по отношенію къ раскольникамъ были постоянны. Самъ Петръ не могъ быть неизмѣнно снисходителенъ, такъ какъ расколъ былъ направленъ не только противъ церковныхъ преобразованій, но также и противъ государственныхъ, такъ какъ Петръ, въ своихъ смѣлыхъ реформахъ, государственныхъ установленіяхъ и общественныхъ нравахъ, подавалъ еще больше поводовъ къ порицанію, чѣмъ Никонъ, а также еще и потому, что расколъ, до извѣстной степени, касался и дѣлъ мірскихъ, поскольку онъ возставалъ противъ учрежденныхъ государствомъ властей: церковь и государство предъявляли обществу слишкомъ большія требованія—и всѣ недовольные переходили въ лагерь раскольниковъ. Въ немъ можно было встрѣтить недобросовѣстныхъ приказныхъ, бѣжавшихъ преступниковъ, бѣглыхъ крестьянъ, желавшихъ избавиться отъ гнета своихъ помѣщиковъ или отъ бремени государственныхъ налоговъ, затѣмъ здѣсь же были обиженные правительствомъ стрѣльцы и ихъ семьи, разбойничьи казачьи шайки. Изъ этого стана постоянно появлялись пасквили на абсолютизмъ, на тиранію Петра, тамъ громко раздавались жалобы на притѣсненія чиновничества. Одинъ иностранецъ замѣтилъ, что тяжесть налоговъ многихъ сманивала въ расколъ. Чѣмъ болѣе стремилось правительство усилить надзоръ надъ народомъ, тѣмъ старательнѣе стремился народъ отъ этого контроля избавиться. Строгія полицейскія мѣры влекли большія массы народа на окраины и даже заграницу; развившаяся паспортная система вызвала цѣлый рядъ подлоговъ, странствующіе, скрывающіеся по всякимъ трущобамъ, по всѣмъ окраинамъ раскольники были въ оживленномъ общеніи съ своими единомышленниками въ центральныхъ частяхъ государства; между ними была нескончаемая сѣть взаимныхъ сношеній; привозились всюду книги, священные предметы, освященная вода, св. дары, иконы. Это была сильная ассоціація, которая жила рядомъ съ государственнымъ организмомъ и съ нимъ успѣшно конкурировала. Борьба древняго и новаго нашла здѣсь внѣшнее проявленіе, котораго не знали въ прежнее время. Изъ тысячъ раскольниковъ дѣлались сотни тысячъ, изъ сотенъ тысячъ—милліоны.

Петръ былъ широко вѣротерпимъ, когда дѣло шло о догматическихъ,

богословскихъ разногласіяхъ, но неумолимо строгъ къ оппозиціи противъ государственной власти. Ему хотѣлось опредѣлить размѣры зла и узнать число раскольниковъ. Съ этою цѣлью съ 1716 г. было приказано отмѣчать всѣхъ не являвшихся къ исповѣди и причастію и на такихъ людей налагать денежныя взысканія. Священники должны были строго за этимъ наблюдать; за укрывательство раскольниковъ имъ угрожали строгими наказаніями. Свѣтскимъ и военнымъ властямъ было поручено содѣйствовать измѣненію этихъ мѣръ.

Но осуществить перепись раскольниковъ не удалось. Статистическое изслѣдованіе вызвало недовѣріе, страхъ и противодѣйствіе раскольниковъ; кромѣ того, духовныя лица, которыя должны были заняться счисленіемъ раскольниковъ, отнеслись къ этому порученію небрежно и продажно. Игуменъ Переяславскаго монастыря Питиримъ, авторъ полемическаго сочиненія о расколѣ и совѣтникъ Петра по этимъ дѣламъ, считалъ въ 1716 г., что въ городахъ проживаетъ до 200.000 раскольниковъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ указывалъ, что раскольники подкупаютъ духовныхъ лицъ, и требовалъ строгихъ мѣръ. Начавшееся преслѣдованіе только имѣло видъ мягкости. Царь приказывалъ главарей раскольничьихъ подвергать наказаніямъ не вслѣдствіе раскола, а за другіе проступки, если такіе окажутся; на Питиримѣ лежала обязанность мѣрами убѣжденія и кротости возвращать отпавшихъ въ лоно истинной церкви, между тѣмъ какъ онъ является иниціаторомъ многихъ строгихъ мѣръ. Изъ донесеній Питирима и Ржевскаго, дѣйствующихъ на Волгѣ, видно, что, въ большинствѣ случаевъ, упорство раскольниковъ вызывало усиленное напряженіе административныхъ мѣръ, и только въ видѣ рѣдкихъ исключеній случались обмѣны мнѣній между раскольниками и представителями господствующей церкви, и что лишь весьма немногіе поддавались увѣщаніямъ и обращенію [20]). Съ своей стороны, Синодъ также жаловался, что всѣ обращенныя къ раскольникамъ требованія, являться за разъясненіями спорныхъ вопросовъ, встрѣчали съ ихъ стороны въ отвѣтъ одно презрительное молчаніе. Угрозы и наказанія достигали совершенно обратной цѣли. Съ одной стороны, число раскольниковъ росло, ихъ фанатизмъ усиливался, съ другой,—система воздѣйствія и притѣсненій становилась все сложнѣе; по числу относящихся къ этому вопросу правительственныхъ распоряженій можно судить о степени энергіи правительственныхъ органовъ. Принципы терпимости отошли на задній планъ. Нельзя не отмѣтить одного указа Петра, чтобы приговорен-

[20]) П. С. З № 4635.

ныхъ къ каторжнымъ работамъ не ссылали болѣе въ Сибирь «ибо тамъ и безъ нихъ раскольниковъ много», а въ Ригервикъ. Съ помощью ограниченія передвиженія, устройствомъ заставъ и другими распоряженіями думали бороться съ этимъ зломъ, но эта борьба продолжалась до самой кончины Петра и послѣ нея и не прекратилась въ наше время [21]).

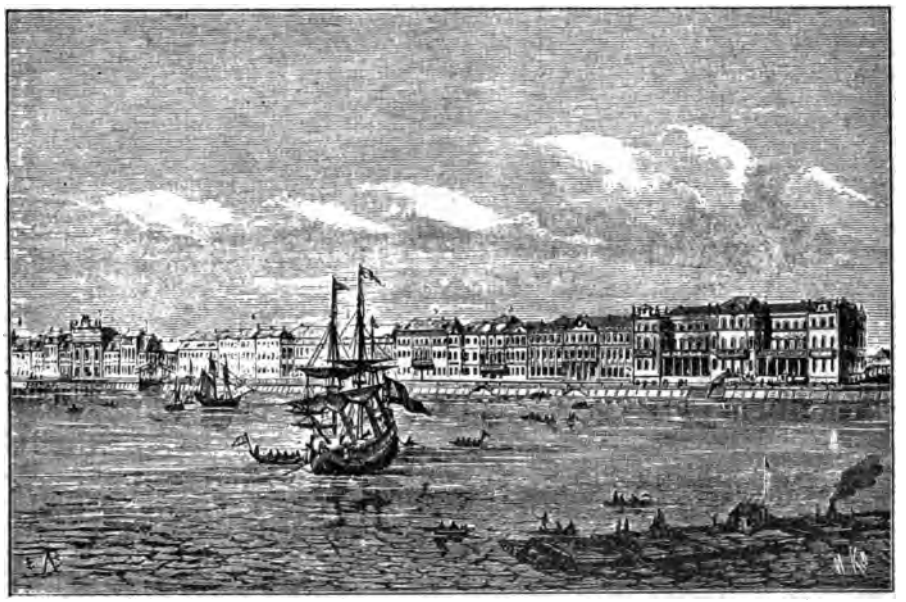
Выше было сказано, что еще въ девяностыхъ годахъ XVII в. заграницею распространился слухъ объ извѣстной склонности Петра къ католичеству. Объ этомъ шла рѣчь преимущественно въ католическихъ кружкахъ. Но, какъ извѣстно, эти предположенія были лишены основанія. Тѣмъ не менѣе, во все царствованіе Петра замѣчается со стороны католичества стремленіе пріобрѣсти для римской церкви нѣкоторыя права. Еще во время несовершеннолѣтія царя подобныя попытки были сдѣланы Франціею [22]). Одновременно съ этимъ, курфюрстъ Бранденбургскій старается обезпечить въ Россіи хорошій пріемъ изгнаннымъ изъ Франціи гугенотамъ. Шереметевъ, про котораго разсказывали, что онъ готовъ принять католичество, съ другой стороны выставляется, какъ большой противникъ католичества [23]). Царь, самъ часто посѣщавшій католическое богослуженіе во время своихъ путешествій, приходилъ въ гнѣвъ, если кто-либо позволялъ себѣ непочтительно отозваться о православной вѣрѣ. Онъ принадлежалъ къ тѣмъ, которые «нейтрально держатся между Римомъ и Женевою». Среди его приближенныхъ мы видимъ католика Гордона, кальвиниста Лефорта, англиканца Перри и т. п. Но онъ не допускалъ, чтобы въ его государствѣ существовала пропаганда какой-либо церкви. Не разъ находились слѣды католическаго миссіонерства, но всегда такая дѣятельность преслѣдовалась [24]).

Непосредственныя дипломатическія отношенія Россіи съ Куріею происходили лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Въ 1707 г. въ Римъ явился Куракинъ, который, въ возмѣщеніе добраго отношенія къ католикамъ въ Россіи, долженъ былъ добиться, чтобы папа не признавалъ Станислава Лещинскаго польскимъ королемъ. Но когда Курія выразила желаніе, чтобы права католиковъ были изложены письменно, то русскій посолъ отнесся къ этому уклончиво [25]).

---

[21]) Брикнеръ о Посошковѣ 105—123.—Vockerodt. 4 и 5.
[22]) Поссельтъ. (Лефортъ I, 295, 428).—Толстой „Католичество въ Россіи".
[23]) Поссельтъ, II, 563—580.
[24]) Соловьевъ. XIV, 321 (случай съ Артемьевымъ).
[25]) Тамъ же, XV, 228.

Неоднократно возникалъ планъ соединенія церквей. Въ Вѣнѣ смотрѣли на миссію Куракина въ Римѣ именно съ той точки зрѣнія, что ему поручено предложить папѣ соединеніе восточной церкви съ западной; одинъ кардиналъ, въ представленіи папѣ, даже утверждаетъ, что самъ слышалъ это отъ Куракина. Урбиху было поручено воздѣйствовать на царя въ пользу созванія вселенскаго собора и поручить Лейбницу выработать его планъ. Урбихъ велъ съ Лейбницомъ переписку по этому предмету. Послѣдній на-

Зимній дворецъ. Домъ Апраксина.

Петербургъ при Петрѣ I. — Набережная р. Невы отъ Зимняго дворца до дома графа Апраксина. (Съ современной гравюры).

дѣялся побудить къ участію въ соборѣ и англиканскую церковь [26]). Но все свелось ни къ чему.

Извѣстно, что пребываніе Петра въ Парижѣ дало поводъ къ новой попыткѣ достигнуть соединенія церквей. Эта попытка исходила отъ Сорбонны, послѣ посѣщенія Петромъ этого учрежденія. Записка Сорбонны вызвала уклончивое отношеніе со стороны русскаго духовенства [27]).

Дѣлались и со стороны англиканской церкви попытки соединенія съ восточною церковью. Въ 1717 г. два англиканскихъ епископа обратились къ царю съ письменнымъ предложеніемъ. Англикане старались воздѣйство-

[26]) Guerrier, Leibnitz, 99—104.

[27]) Толстой, I, 159 (фр. изд.). Пирлингъ „La Sorbonne et la Russie", 1882.

вать также и на Головкина. Въ Московскомъ Архивѣ по этому дѣлу имѣются нѣкоторые любопытные документы,—но и въ данномъ случаѣ дѣло не имѣло успѣха [28]).

Кн. Василій Голицынъ былъ покровителемъ іезуитовъ. Но Петръ, напротивъ, не разъ рѣзко выражался объ этомъ орденѣ, такъ какъ онъ не хотѣлъ помочь царю въ его борьбѣ съ Турціею [29]). Въ Россіи, какъ и на Западѣ, къ католической пропагандѣ относились съ опасеніемъ. Въ Англіи появилась брошюра, содержащая предупрепрежденіе русской церкви отъ притязаній со стороны католичества [30]). Вскорѣ дѣло дошло до непріязненныхъ отношеній. 18 апрѣля 1719 г. маіоръ Румянцевъ получилъ собственноручное предписаніе царя произвести внезапный обыскъ въ домѣ іезуитовъ въ Нѣмецкой слободѣ и захватить всѣ бумаги. Это должно было быть сдѣлано ночью; на слѣдующее утро іезуитовъ отправили къ границѣ, но въ Можайскѣ они были, по приказанію царя, задержаны, пока не будутъ разсмотрѣны ихъ бумаги. Основаніе къ этому распоряженію подала пропаганда католичества, въ которой были обвинены іезуиты [31]).

Въ 1723 г. послѣдовалъ указъ, на основаніи котораго проживавшіе въ Россіи католики могли приглашать себѣ духовныхъ лицъ только изъ Франціи; такое распоряженіе объясняется болѣе независимымъ положеніемъ, которое заняло по отношенію къ папѣ галликанское духовенство, а также дипломатическимъ сближеніемъ Россіи съ Франціею [32])

Исторія иностранцевъ въ Россіи въ царствованіе Петра свидѣтельствуетъ о значительной степени терпимости, которой до того въ этой странѣ совершенно не признавали. Высшія духовныя лица въ это время были значительно меньше, чѣмъ раньше, проникнуты византійствомъ. Въ особенности Ѳеофанъ Прокоповичъ шелъ на встрѣчу признанія вѣротерпимости для всѣхъ исповѣданій. Самъ царь, который несравненно менѣе строго слѣдовалъ обрядамъ восточной церкви, чѣмъ его предшественники, самъ никогда не соблюдалъ постовъ и освобождалъ отъ нихъ своихъ солдатъ во время походовъ,—нерѣдко присутствовалъ на иновѣрныхъ богослуженіяхъ. Еще и теперь въ петербургской реформатской (французской) церкви можно видѣть стулъ, на которомъ Петръ сидѣлъ въ качествѣ воспріемника на первыхъ крестинахъ въ этой церкви. Иноземцы Плейеръ и Гваріентъ еще

---

[28]) Соловьевъ, XVII, 394—400.
[29]) Штелинъ, № 9 и 10.
[30]) См. въ Rossica № 2121.
[31]) Соловьевъ, XVI, 346.—П. С. З. № 3356.
[32]) П. С. З. № 4376 и Соловьевъ XVIII, 217.

въ девяностыхъ годахъ отмѣтили ослабленіе обрядности во время религіозныхъ церемоній въ виду несклонности къ нимъ царя [33]). Поэтому Петру очень скоро приписали полное равнодушіе къ церкви. Но Виніусъ имѣлъ случай изумиться познаніямъ библіи у царя [34]). Современники не разъ приводили черты истиннаго благочестія въ царѣ; что Петръ, какъ объ этомъ будетъ сказано ниже, обращалъ въ шутливую форму нѣкоторые церковные обряды, то это надо отнести къ области психологическихъ задачъ, которыя нерѣдко представляютъ необыкновенные люди. У Петра нельзя отрицать самого живаго стремленія къ поднятію русской церкви. Но у него эта преобразовательная дѣятельность была связана съ общимъ духомъ прогресса во всѣхъ областяхъ, хотя въ церковной области онъ не имѣлъ большого успѣха. Хорошо еще, что ему удалось сдержать реакціонныя стремленія духовенства и раскольниковъ. Любопытнымъ представляется общій приговоръ Фокеродта относительно церковной политики Петра: «Представляется еще вопросамъ, было-ли со стороны Петра политичнымъ (en bon politique), что онъ хотѣлъ развить свое духовенство и вывести его изъ невѣжества и дикости; и если бы ему это удалось, то не было-бы ему самому и его пріемникамъ трудно проводить свои будущіе планы, направленные противъ духовенства. По крайней мѣрѣ многіе выдающіеся люди того мнѣнія, что онъ съ трудомъ зашелъ бы такъ далеко съ своею преобразовательною дѣятельностью, если бы ему пришлось вести борьбу съ болѣе опытнымъ духовенствомъ, которое съумѣло-бы внушить къ себѣ любовь и уваженіе въ народѣ и воспользовалось ими для своихъ выгодъ» [35]).

---

[33]) Устряловъ, III, 622 и 657.
[34]) Cuerrier. 27.
[35]) См. рѣчь Грома въ Ак. Наукъ. 1872 г. стр. 6.

ГЛАВА XVIII.

Просвѣщеніе.

Когда Борисъ Годуновъ замышлялъ основать въ Россіи университеты, выписывать учителей изъ заграницы, одинъ ученый, Лонціусъ, написалъ царю письмо, въ которомъ высказывалось желаніе, чтобы Господь просвѣтилъ всю русскую землю, и чтобы страна эта, по примѣру древнихъ странъ Египта, Греціи и Рима, достигла не только могущества, но и облагородилась искусствами и науками.

Нѣчто подобное высказалъ Лейбницъ въ письмѣ къ Петру. Онъ говоритъ въ немъ о ходѣ культуры въ человѣчествѣ и видитъ особое произволеніе Бога, что науки обходятъ земной шаръ и нынѣ дошли до «скиѳовъ», и что царь является свыше избраннымъ для этого орудіемъ. Онъ находится въ такомъ положеніи, что можетъ взять лучшее, съ одной стороны, изъ Китая, съ другой,—изъ Европы. Въ Россіи занятіе науками вновѣ, какъ бѣлый листъ бумаги, поэтому вполнѣ возможно избѣжать сдѣланныхъ другими ошибокъ; извѣстно, что вновь построить зданіе можно лучше, чѣмъ сотни лѣтъ чинить и улучшать старое [1]). Такъ писалъ Лейбницъ въ 1712 году. Два года спустя, Петръ, по случаю спуска корабля, произнесъ въ новой столицѣ знаменитую рѣчь, которую одинъ современникъ приводитъ слѣдующимъ образомъ: «Кому изъ васъ, братцы мои, тридцать лѣтъ тому назадъ могло хотя бы во снѣ присниться, что вы будете со мною плотничать здѣсь, на берегу Балтійскаго моря, что мы въ нѣмецкомъ одѣяніи въ странахъ, завоеванныхъ нашими трудами и храбростью, воздвигнемъ городъ, гдѣ мы живемъ, что мы доживемъ до того, что увидимъ добрыхъ и побѣдоносныхъ воиновъ и матросовъ, побывавшихъ въ чужихъ странахъ, и такое множество иноземныхъ художниковъ и ремесленниковъ? Ученые считаютъ, что колыбель всѣхъ знаній въ Греціи и Италіи,

---

[1]) Guerrier, 207.

откуда они распространились въ Польшѣ и Германіи. Очередь доходитъ и до насъ, если вы будете мнѣ содѣйствовать въ моихъ замыслахъ и воспримете доброе и откажетесь отъ злого не только по слѣпому послушанію, но по свободной волѣ. Я приравню странствіе наукъ съ теченіемъ крови въ тѣлѣ человѣка и полагаю, что онѣ когда нибудь должны будутъ покинуть свои жилища въ Англіи, Франціи и Германіи, чтобы на нѣсколько вѣковъ задержаться у насъ и потомъ возвратиться на свою дѣйствительную родину, въ Грецію. Такъ совѣтую вамъ слѣдовать поговоркѣ— трудись и молись—и тогда вы можете быть въ увѣренности, что будете въ состояніи еще при жизни своей пристыдить другія образованныя страны и вознести на высоту славу русскаго имени»... [2]).

Петръ самъ учился многому и никогда не переставалъ учиться. Онъ устранилъ царевича Алексѣя, потому что тотъ не былъ любознателенъ и прилеженъ. Петръ, въ качествѣ воспитателя своего народа, былъ неумолимо строгъ.

Учебныя заведенія надо было устраивать и въ Россіи. Грубость и суевѣрія господствовали даже въ высшихъ слояхъ общества, даже наиболѣе просвѣщенные люди вѣрили въ волшебство и ложныя чудеса; существуетъ нѣсколько разсказовъ о томъ, какъ Петръ самъ выводилъ на чистую воду людей, промышлявшихъ этимъ, и строго наказывалъ обманщиковъ и этимъ значительно ограничилъ кощунственные обманы. Онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы выставить пользу разностороннихъ знаній и прилежнаго обученія.

Царь, тотчасъ по возвращеніи изъ первой заграничной поѣздки, приступилъ къ основанію школъ. Онъ велъ оживленную переписку съ Виніусомъ, Курбатовымъ и др. по поводу дальнѣйшаго устройства этого дѣла. Съ торжествомъ сообщаетъ Виніусъ, тотчасъ послѣ Нарвской битвы, что въ школѣ онъ собралъ 250 мальчиковъ, «изъ которыхъ выйдутъ образованные инженеры, артиллеристы и мастера» [3]). Курбатовъ тоже пишетъ про двѣсти учениковъ, которые учатся ариѳметикѣ и мореходству подъ руководствомъ нѣсколькихъ англичанъ; надзоръ имѣютъ самъ Курбатовъ и еще Магницкій, на котораго спеціально возложено, чтобы ученики знакомились съ физическими приборами и другими вспомогательными пособіями [4]). Магницкій составилъ русскій учебникъ ариѳметики, о которомъ Курбатовъ говоритъ, что онъ лучше иностранныхъ [5]).

---

[2]) Weber, Verändertes Russland, 11.
[3]) Соловьевъ, XIV, 357.
[4]) Тамъ же XV, 99—101.—Perry 335, 353.
[5]) Соловьевъ, XV, 397.

Но были и не одни реальныя училища. Взятый въ плѣнъ въ Маріенбургѣ пробстъ Глюкъ, много занимавшійся сравнительною лингвистикой, съ согласія Петра основалъ въ Москвѣ школу, въ которой, въ числѣ другихъ наукъ, преподавались: картезіанская философія, новые языки, а также еврейскій, сирійскій и халдейскій, лютеранскій катехизисъ, стилистика, орѳографія, исторія, астрономія, грамматика, риторика, логика, политика, верховая ѣзда, фехтованіе и танцы. Но школа не долго существовала. Глюкъ вскорѣ умеръ, и его преемникъ Паузе, повидимому, не имѣлъ большаго успѣха; однако, въ числѣ учениковъ этого заведенія можно назвать изъ иностранцевъ — Келлермана, Блюментроста, а изъ русскихъ, напр., братьевъ Веселовскихъ [6]).

Въ 1706 г. было приступлено къ постройкѣ больницы, которая, вмѣстѣ съ тѣмъ, должна была служить мѣстомъ изученія медицины. Въ 1712 г. докторъ Бидлоо пишетъ царю, что онъ обучилъ тамъ до 50 русскихъ хирургіи [7]).

Въ 1714 г. Петръ приказываетъ во всѣ губерніи послать учителей математиковъ для преподаванія этой науки и замѣчаетъ, что всѣ должны учиться: кто не захочетъ учиться, не имѣетъ права жениться [8]). Подъ наблюденіемъ высшихъ русскихъ сановниковъ въ Москвѣ и Петербургѣ было нѣсколько частныхъ школъ, а также инженерныя школы и морская академія [9]). Нѣмцы, какъ Вурмъ, французы, какъ Сентъ-Илеръ, шведы, какъ Вреехъ, итальянцы, какъ Гаджини, проявили выдающіеся успѣхи въ школьной области. При нѣмецкой церкви въ новой столицѣ возникло процвѣтающее и понынѣ училище. Была основана и особая рисовальная школа для распространенія этого искуства по образцу европейскихъ государствъ [10]). Вплоть до Тобольска, куда были посланы нѣкоторые плѣнные шведы, основавшіе тамъ школу, распространялась европейская педагогика [11]). Когда въ 1722 г. было основано училище въ Соликамскѣ, Петръ издалъ распоряженіе, чтобы учителямъ выдавалось вознагражденіе въ зависимости отъ числа учениковъ [12]).

---

[6]) Пекарскій, 1, XVIII.

[7]) Соловьевъ, XVI, 15.

[8]) Учиться „цыфири и геометріи“ должны были, собственно, только дворянскія дѣти, но дѣйствительно подъ „штрафомъ“—что не вольны будутъ жениться, пока сему не выучатся. (Соловьевъ, XVI, 206) (*Прим. пер.*).

[9]) Тамъ же, XVI, 307—310.

[10]) Тамъ же 321.

[11]) Пекарскій 1, 133.

[12]) „Др. и Нов Росс.“ 1876, III, 101.

Но успѣхъ, въ отношеніи собственно народнаго просвѣщенія, былъ небольшой. Царь стоялъ съ своими стремленіями совершенно изолированнымъ, народъ вовсе не проявлялъ той жажды знанія, какъ этого желалъ царь. О народныхъ школахъ въ современномъ смыслѣ никто не думалъ. Собственно дѣло ограничивалось воспріятіемъ извѣстныхъ практически-примѣнимыхъ знаній, распространенія которыхъ требовалъ царь, нуждавшійся въ обученныхъ офицерахъ и техникахъ [13]).

Но царь дѣйствовалъ не только посредствомъ школы. Еще во время своего перваго путешествія онъ основывалъ русскія типографіи. Тессингъ и Копіевскій печатали различныя сочиненія объ Александрѣ Македонскомъ, басни Эзопа (на латинскомъ и русскомъ языкахъ), учебники риторики, переводъ Кв. Курція, календари, учебники по морскому и военному дѣлу и т. п. Сначала эти книги печатались заграницею, а потомъ въ Россіи. Непосредственно передъ Полтавскою битвою, Петръ велѣлъ собрать и издать относящіеся къ исторіи Россіи акты; онъ писалъ Мусину-Пушкину, что надо напечатать переводъ Троянской войны. Одновременно переводились сочиненія инженера Вобана и историческіе труды Пуффендорфа, всевозможныя книги относительно механики, мукомольнаго дѣла, архитектуры. Петръ самъ съ интересомъ занимался составленіемъ особой гражданской азбуки, отличной отъ церковной. Въ этомъ отношеніи ему принадлежитъ выдающаяся роль [14]).

Среди своихъ подданныхъ Петръ нашелъ для типографскаго дѣла надлежащихъ сотрудниковъ, какъ, напр., Поликарповъ, приведшій въ блестящее состояніе основанную въ Петербургѣ типографію, такъ что она стала приносить извѣстный доходъ [15]) и очень усовершенствовалась; Аврамовъ, внесшій много улучшеній и др.

Возникли общественныя библіотеки. Завоеваніе прибалтійскихъ областей оказало въ этомъ отношеніи непосредственное большое вліяніе. Царь распорядился послать въ Петербургъ изъ Курляндіи большое собраніе сочиненій, онъ интересовался библіотекою въ Ригѣ, выписывалъ много книгъ изъ Кенигсберга [16]) и положилъ основаніе существующей и нынѣ библіотекѣ при Академіи Наукъ [17]).

Во время своихъ путешествій по Западной Европѣ Петръ видѣлъ

---

[13]) См. ст. А. Михайлова въ „Дѣлѣ“ 1875 г. (Авг. и Сент.). (А. Шеллеръ).

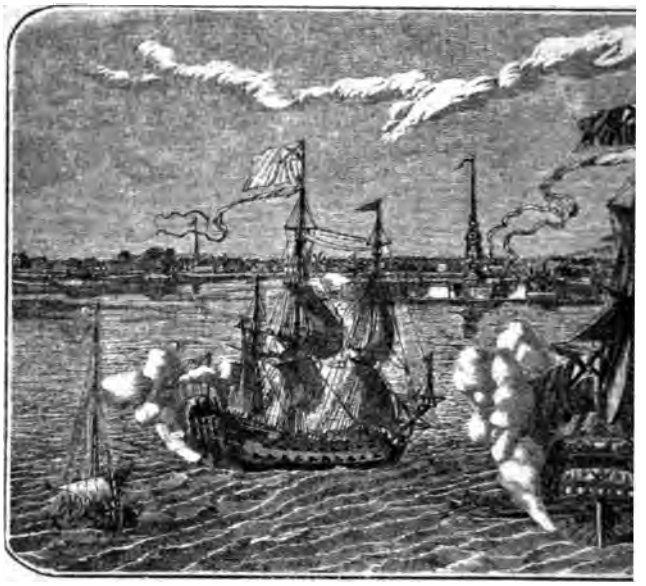
[14]) Бар. Корфъ, б. директоръ Публ. библ. въ СПБ. издалъ перечень книгъ, напечатанныхъ при П. В.

[15]) Соловьевъ, XVI, 311.

[16]) „Осьмн. вѣкъ“. VI, 12—17.

[17]) Пекарскій, I, 45.

столько научныхъ и художественныхъ коллекцій, что библіотекарь Шумахеръ, который былъ посланъ заграницу, чтобы купить тамъ нѣкоторыя собранія для Россіи, писалъ царю, что во всѣхъ посѣщенныхъ имъ странахъ нѣтъ почти ни одного учрежденія указаннаго рода, котораго бы Петръ не осматривалъ лично. Многое царь покупалъ самъ: минералогическую коллекцію въ Данцигѣ, зоологическую въ Амстердамѣ, анатомическій кабинетъ Рюйка и т. д. Въ то время очень близко другъ къ другу стояли любопытные курьезы и научныя изслѣдованія, зоологическіе и анатомическіе препараты часто обозначались однородными словами съ первыми. Такимъ образомъ въ Петербургѣ возникла «Кунсткамера», въ которой можно было видѣть самые различные предметы; Петръ старался увеличить эту коллекцію, объ-

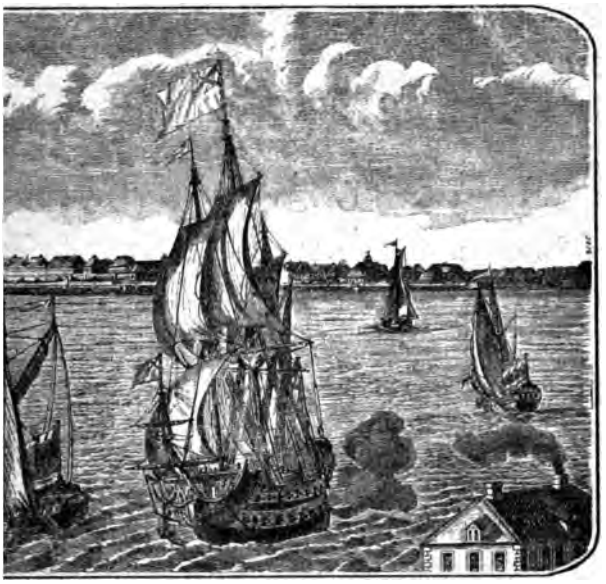

Петербургъ при Петрѣ Великомъ.—Видъ

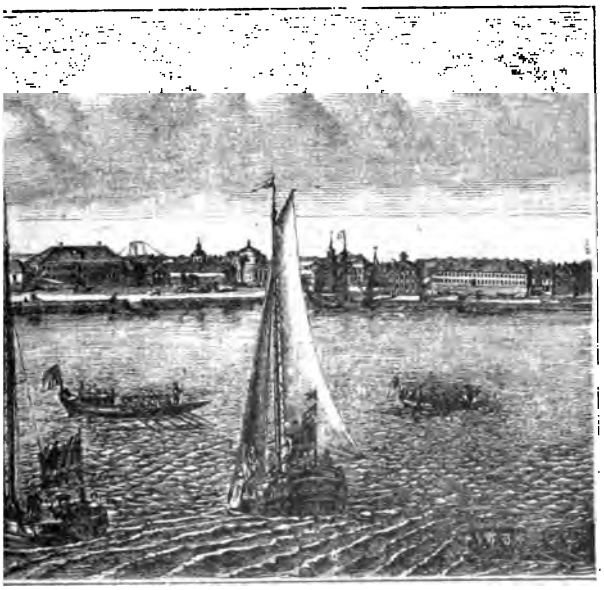

Петербургъ при Петрѣ Великомъ.—Ви

явивъ во всеобщее свѣдѣніе, что всякій, кто найдетъ или узнаетъ про какой-либо рѣдкій предметъ, какъ оружіе, надписи, старинные сосуды, долженъ объ этомъ сообщать; за это обѣщалось вознагражденіе. Петръ составилъ большую коллекцію во время персидскаго похода, пересылая все въ кунсткамеру и переписываясь по этому поводу съ приставленными къ ней служащими [18]). Сохранилось много анекдотовъ о томъ, какъ Петръ охотно бывалъ въ кунсткамерѣ, желая поощрить къ ея посѣщенію городское населеніе; посѣтителямъ тамъ предлагалось даже угощеніе [19]).

ю крѣпость. (Съ современной гравюры).

островъ. (Съ современной гравюры).

То-же стремленіе Петра къ наукамъ видно и въ его распоряженіи о безпошлинномъ ввозѣ всѣхъ научныхъ инстру-

[18]) Пекарскій I, 48 — 54.

[19]) Штелинъ, 1, № 27.

ментовъ; или въ приказѣ осмотрѣть всѣ монастыри, чтобы взять тамъ древнія рукописи [20]), или когда онъ, по пути въ Персію, осматривалъ развалины древняго города Булгаръ (на Волгѣ и Камѣ) и предписалъ, чтобы эти драгоцѣнныя древности были охранены отъ дальнѣйшаго уничтоженія, а найденныя тамъ надписи скопированы и переведены [21]).

Сенату въ отношеніи государственномъ, Синоду въ отношеніи церковно-административномъ подлежало, въ области просвѣщенія, основаніе Академіи Наукъ. Уже въ 1701 г., Петръ сообщаетъ, что идетъ рѣчь объ учрежденіи Академіи всѣхъ факультетовъ, но еще въ 1697 г. на необходимость подобнаго учрежденія указывалъ Лейбницъ [22]); въ 1698 г., какъ на образецъ, указывалъ царю Франсисъ Ли на англійское «Королевское Общество» (Royal Society). Въ 1706 г. возникаетъ проектъ цѣлой системы научныхъ и учебныхъ учрежденій неизвѣстнаго автора—быть можетъ, это былъ грекъ Серафимъ—съ замѣтнымъ преобладаніемъ богословскихъ предметовъ [23]). Иванъ Посошковъ также высказывается за основаніе духовной академіи и рекомендуетъ выписать для преподаванія въ ней нѣсколькихъ иностранцевъ [24]). Лейбницъ составилъ нѣсколько записокъ о томъ, какъ «надо ввести науки въ Россіи». Нѣсколько недѣль спустя послѣ Полтавской битвы, Лейбницъ предлагалъ Урбиху принять на себя руководство въ подлежащемъ учрежденіи Академіи наукъ и искусствъ. Въ 1711 г. Петръ лично познакомился въ Торгау съ этимъ философомъ.

Вскорѣ затѣмъ онъ составилъ подробную записку относительно учрежденія въ Россіи Коллегіи ученыхъ, которой должно было поручить руководство надъ всѣми учеными и педагогическими учрежденіями государства. Эту записку, составленную между 1712 и 1716 годами, русскій переводъ которой былъ найденъ въ кабинетныхъ бумагахъ Петра [25]), можно поставить въ связь съ однородною запискою Генриха Фика, побуждавшею царя къ осуществленію подобнаго проекта. Всѣ, повидимому, были согласны, что имѣющее быть основаннымъ учрежденіе должно объединить во всемъ государствѣ развитіе наукъ съ надзоромъ за педагогическою дѣятельностью, быть одновременно академіею и университетомъ. Лейбницъ настаивалъ на учрежденіи многихъ магнетическихъ наблюдательныхъ станцій и на круп-

[20]) „Осьмн. вѣкъ“ I, 505, IV, 262.

[21]) Шпилевскій „Древніе города... въ Казанск. губ.“ 279.

[22]) Guerrier, 15.

[23]) Пекарскій „Ист. Акад Наукъ“ I, XXI.

[24]) Рукопись въ библ. Акад. Наукъ въ СПБ.

[25]) См. подробности у Guerrier, 115 и слѣд., у Пекарскаго, „Ист. Ак. Н.“ I, XXII.

выхъ научныхъ изслѣдованіяхъ и побуждалъ царя устраивать большія книгохранилища. Но онъ умеръ въ 1716 г.

Въ одномъ сочиненіи Христіана Вольфа отъ 1721 г. упоминается о намѣреніи Петра основать Академію и высшую школу. Въ инструкціи Шумахеру, по поводу указанной выше поѣздки въ Западную Европу, говорится, между прочимъ, что онъ долженъ заняться устройствомъ такого же научнаго общества, какія существуютъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и другихъ городахъ. Но это предположеніе затормозилось. Только въ 1721 г. утвердилъ царь выработанный Блументростомъ и Шумахеромъ проектъ учрежденія подобнаго института, и вслѣдъ затѣмъ возникла переписка съ нѣсколькими извѣстными учеными, чтобы склонить ихъ къ переѣзду въ Петербургъ. Но лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ кончины Петра это учрежденіе увидѣло свѣтъ [26]),

Новое учрежденіе не пользовалось популярностью. Фокеродтъ открыто свидѣтельствуетъ, что большинство сенаторовъ считали академію за совершенно безполезное и даже вредное учрежденіе и считали, что государству она никакой пользы не принесетъ. Фокеродтъ, писавшій въ 1737 г., утверждаетъ, что взгляды самого Петра относительно наукъ не были вполнѣ опредѣленны, что совѣщанія съ иностранными учеными сдѣлали ихъ еще болѣе сбивчивыми, что Академія такъ была устроена, что Россія во вѣки не могла извлечь изъ нея какой-либо пользы, что научныя занятія академіи не могутъ имѣть практическаго примѣненія и т. п. Исторія Академіи доказала несостоятельность подобныхъ приговоровъ со стороны предубѣжденныхъ противъ Петра современниковъ [27]).

Новая столица на берегахъ Невы была выраженіемъ всѣхъ затѣянныхъ царемъ реформъ. Онъ здѣсь задумалъ руководить торговлею, здѣсь былъ сооруженъ большой гостинный дворъ; здѣсь развились харчевни, въ которыхъ русскіе могли непринужденно входить въ сношеніе съ иностранцами, и гдѣ самъ царь охотно осушалъ стаканъ вина съ иностранными шкиперами и купцами; здѣсь, въ 1711 г., была основана первая типографія, за которою, еще при жизни Петра, послѣдовало нѣсколько другихъ; здѣсь воздвигались роскошныя зданія, какъ, напр., дворецъ Меншикова, въ которомъ была отпразднована свадьба племянницы царя съ Курляндскимъ герцогомъ. Часть города должна была быть копіею Амстердама, и для этой

---

[26]) См. Пекарскаго. Шгелинъ заимствовалъ нѣкоторыя свѣдѣнія отъ Шумахера.

[27]) Vockerodt, 112.— Ст. Брикнера въ „Русск. Об." объ этомъ источникѣ. VI, 153—154.

цѣли прорѣзана цѣлою системою каналовъ (Васильевскій островъ), но этотъ планъ былъ приведенъ въ исполненіе только въ нѣкоторой части вслѣдствіе неблагопріятнаго мѣсторасположенія. Въ новую столицу привезены библіотека и кунсткамера. Къ концу царствованія Петра были возведены зданія двѣнадцати коллегій; началась постройка биржи.—Галерная гавань, адмиралтейство, сначала начатый деревяннымъ Исаакіевскій соборъ, для котораго колокола были куплены въ Амстердамѣ за 25,000 рублей, законченная въ 1716 г. морская академія, Лѣтній садъ съ малымъ дворцомъ, предъ окнами котораго Петръ собственноручно насадилъ дубы, всякаго рода водяныя сооруженія, построенный въ 1711 году Зимній дворецъ, перестроенный Растрелли при Елизаветѣ Петровнѣ, сооруженіе протестантскихъ церквей, основаніе литейнаго двора, проложеніе Невскаго проспекта, дворцы въ Петергофѣ и Ораніенбаумѣ, возникновеніе ряда фабрикъ и заводовъ и т. п. [28]), все это свидѣтельствуетъ, что Петръ смотрѣлъ на новый городъ, какъ на символъ своей преобразовательной дѣятельности. Не даромъ называлъ онъ его «своимъ Парадизомъ» и въ немъ искалъ, во время короткихъ промежутковъ, которые ему оставляла война, отдохновенія и новыхъ силъ; Петръ издалъ нѣсколько распоряженій, которыя благопріятствовали новому городу въ ущербъ другимъ городамъ. Въ Петербургѣ была основана Академія; въ Петербургъ долженъ былъ перебраться Сенатъ; въ Петербургѣ поселился дворъ, устраивались всякаго рода торжественныя празднества, въ немъ имѣли мѣстопребываніе иностранные посланники. Недаромъ Пушкинъ сравнилъ Москву, по отношенію къ новой столицѣ, съ порфироносною вдовою передъ новою царицею. Народъ сложилъ поговорку, что новая столица обута въ золотые сапоги, а старая должна ходить въ лаптяхъ.

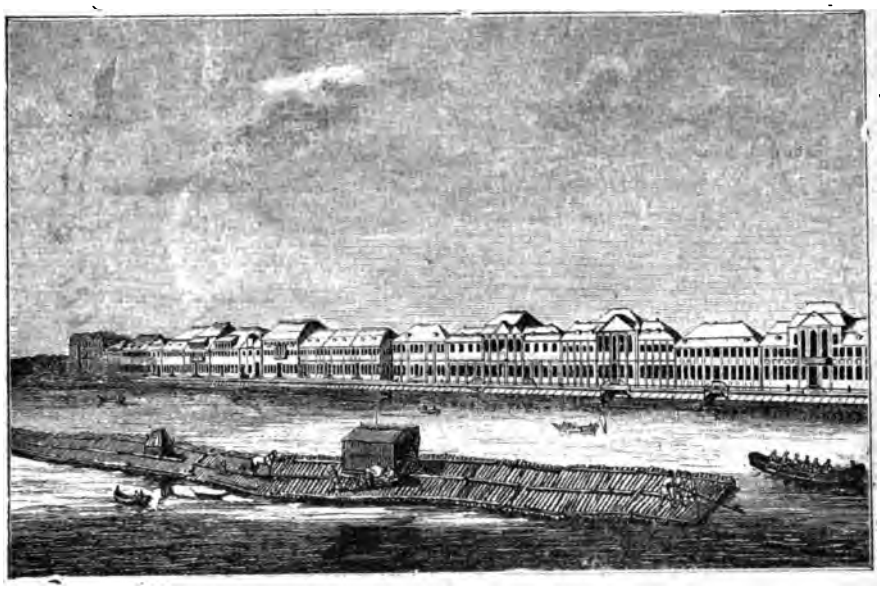
Основаніе и украшеніе новой столицы было вѣнцомъ воздвигнутаго Петромъ государственнаго зданія. Возвратъ къ Москвѣ позднѣе сдѣлался возможнымъ лишь на самое короткое время. Продолжительное въ Москвѣ пребываніе, отказъ отъ Петербурга, какъ объ этомъ мечталъ Алексѣй Петровичъ, имѣли бы значеніе отреченія отъ всего содѣяннаго Петромъ. Не даромъ такъ трудно было многимъ вельможамъ, которыхъ царь принудилъ къ переселенію въ Петербургъ, исполнить его желаніе. Одинъ изъ выдающихся сотрудниковъ Петра, Шереметевъ, навлекъ на себя его немилость тѣмъ, что медлилъ переѣхать на берега Невы [29]).

---

[28]) Reeimers (St. P. am Ende seines ersten Jahre)--Weber и Bergoltz,—Dalton (St. Pet. Zeitg. апрѣль 1877) — Штелинъ — „Рус. Ст.“ XXV, 263 (рукопись 1720 г.)—„Ист. В.“ 1885. Нояб. 43 г.—Петровъ. Истор. Спб. и др.

[29]) Perres. 419.—Соловьевъ XVI, 286.

Петербургъ сдѣлался также мѣстомъ воспитанія, гдѣ русскіе знакомились съ обращеніемъ и пріемами общежитія западно-европейцевъ. И къ этой задачѣ царь отнесся съ свойственной ему живою дѣятельностью и стремительностью. Войско было обучено на иностранный образецъ; иностранныя сочиненія по военному искусству переводились на русскій языкъ; печатались учебники и руководства по иностраннымъ образцамъ, въ томъ числѣ лютеранскій катехизисъ. Но царь хотѣлъ еще пріучить къ иностраннымъ манерамъ свой дворъ, своихъ чиновниковъ и по возможности другихъ

Лѣтній садъ. Дворц. канцелярія.

Петербургъ при Петрѣ I. — Набережная между Лѣтнимъ садомъ и Зимнимъ дворцомъ. (Съ современной гравюры).

сословія; требовалась внѣшняя полировка Были составлены особыя руководства благовоспитанности. Къ этому числу относится и «Юности зерцало» [30]), компиляція изъ различныхъ книгъ, появившаяся въ 1717 г. Въ ней поучалось, какъ обязаны вести себя молодые люди изъ общества. Это своего рода катехизисъ общежитія «Savoir faire» и «Savoir vivre»; здѣсь приведены совѣты относительно одежды, обращенія въ обществѣ и манеръ, смягченія грубыхъ выходокъ и обычаевъ. Умѣнье держаться въ обществѣ возводится въ систему. «Юности зерцало» было такимъ же за-

[30]) Полное заглавіе этого сочиненія: „Юности честное зерцало или показаніе къ житейскому обхожденію". На заглавномъ листѣ сказано, что она „напечатается повелѣніемъ царскаго величества". *(Прим. пер.).*

имствованнымъ изъ-за границы продуктомъ, какъ французское вино или брюссельскія кружева, въ которыхъ встрѣчалась потребность при русскомъ дворѣ [31]).

Полная перемѣна постигла положеніе женщины въ обществѣ. Намъ уже извѣстно стремленіе Петра, чтобы женщины принимали участіе на свадебныхъ празднествахъ и другихъ общественныхъ удовольствіяхъ. Это явилось непосредственнымъ результатомъ перваго заграничнаго путешествія Петра. Вслѣдъ за вторымъ большимъ путешествіемъ Петра въ Западную Европу, въ 1718 г., появился его указъ «объ ассамблеяхъ». Здѣсь было предписано, какъ надлежитъ устроить опредѣленные пріемные дни. Всѣ должны были являться въ иностранныхъ платьяхъ. Внѣшнее впечатлѣніе должно было получаться, будто другъ у друга бываютъ знатные маркизы. Принадлежащіе къ высшему кругу могли являться безъ приглашенія. Предписывалась полная свобода обращенія. Хозяинъ не обязанъ торжественно встрѣчать гостей; даже присутствіе царя или какого-либо члена царской семьи не должно было вносить никакого стѣсненія. Всѣ должны привозить съ собою женъ и дочерей. Одна комната предназначалась для танцевъ, другая—для куренья. Танцы должны были служить средствомъ сближенія между дамами и кавалерами и пріучить ихъ къ искусству «житейскаго обхожденія». Но одинъ современникъ замѣчаетъ, что разговоры плохо налаживались, что какъ только кончались танцы, кавалеры и дамы стремились отдѣлиться другъ отъ друга. Самъ Петръ страстно танцовалъ и употреблялъ всѣ усилія оживить такія собранія. Особенно процвѣталъ танецъ «гросфатеръ». Петръ настаивалъ, чтобы и пожилые люди принимали участіе въ танцахъ. Петръ и его супруга Екатерина отличались необыкновеннымъ радушіемъ. Ихъ дочери, Анна и Елизавета, также участвовали въ танцахъ. Подобныя собранія устраивались съ нѣкоторымъ разнообразіемъ развлеченій. Одни гости играли въ шахматы или въ шашки; дамѣ, которую хозяинъ дома желалъ особенно почтить, онъ подносилъ букетъ цвѣтовъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ Петръ, какъ русскіе танцовали съ иностранцами, или иностранцы съ русскими [32]).

Всѣ эти собранія, конечно, далеко уступали взятымъ для нихъ въ образецъ парижскимъ салонамъ, которымъ такъ удивлялся Матвѣевъ; иногда въ нихъ проявлялась даже извѣстная грубость, когда самъ царь позволялъ себѣ не совсѣмъ пристойныя шутки, или гости, въ томъ числѣ и дамы,

---

[31]) См. ст. Брикнера въ „Русс. Об." VIII, 279.

[32]) Карновичъ, см. въ „Др. и Нов. Россіи" 1877, 1, 77—87, а также разсказы Кампредона и адмирала Крюйса въ „Сб. Ист. Общ.", XII 2.

Празднество свадьбы князя-папы и маскарадъ въ Петербургѣ, по случаю Ништадтскаго мира, 10 сентября 1721 г.

не проявляли достаточнаго воздержанія въ напиткахъ,—но, тѣмъ не менѣе, съ этими салонами, установленными по распоряженію высшей власти, былъ связанъ извѣстный прогрессъ. Здѣсь было начало тѣхъ утонченныхъ нравовъ и остроумной шутки, которые царили при дворѣ Екатерины II, и полный разрывъ съ прошлымъ. Принципъ національности былъ замѣненъ другимъ—принципомъ всеобщности. При этомъ переняласъ нѣкоторое зло, но очень много хорошаго. Въ подражаніи парижскимъ нравамъ, даже въ искаженномъ видѣ, заключалось важное обстоятельство приспособленія къ одеждамъ и обычаямъ Запада и вступленіе на общую почву съ культурными народами. Положеніе женщины, по крайней мѣрѣ, въ высшемъ кругу русскаго общества, сдѣлалось совершенно инымъ.

Хорошимъ отношеніямъ, которыя существовали между Петромъ и Екатериною, она обязана тому, что съ такою готовностью пошла на встрѣчу намѣреніямъ царя. Она съумѣла устроить дворъ, сдѣлаться центромъ общества, освоиться съ окружающей ея положеніе роскошью. Она придавала устраиваемымъ Петромъ празднествамъ особую привлекательность. Дамы появлялись даже при торжествахъ спуска новыхъ военныхъ судовъ,—придворныя дамы, царица, дочери и сестры царя. Въ послѣдніе годы царствованія Петра при дворѣ былъ даже театръ, на которомъ выступали и племянницы царя. Екатерина имѣла въ своемъ распоряженіи полный оркестръ; иностранцы, какъ Басевичъ, Бергольцъ, герцогъ Лирія, Веберъ и др. описываютъ изящество русскаго двора, какъ вполнѣ отвѣчающее западно-европейскимъ образцамъ.

Для будущаго имѣло огромное значеніе, что и въ воспитаніи дочерей высшаго общества произошла существенная перемѣна. О нѣкоторыхъ русскихъ женщинахъ этого времени извѣстно, что они получили тщательное образованіе: Петръ заботился объ обученіи своихъ дочерей; у нихъ были учителя и учительницы, онѣ учились нѣмецкому и французскому языкамъ. Также и племянницы Петра. Въ домахъ нѣкоторыхъ вельможъ уже и тогда приглашались французскія гувернантки, какъ, напр., у Трубецкого, Черкасскаго и др. Бергольцъ говоритъ про молодую княжну Черкасскую, что она такъ мила и образована, точно получила во Франціи самое тщательное воспитаніе; при этомъ онъ добавляетъ, что она далеко не единственный примѣръ; надо отдать справедливость тогдашнимъ родителямъ, что они не жалѣли средствъ, чтобы хорошо воспитать своихъ дѣтей. Этимъ объясняется такая быстрая перемѣна во внѣшнихъ обычаяхъ русскихъ; даже у женщинъ не осталось слѣда столь еще недавняго невѣжества. Внучка Петра, дочь несчастнаго Алексѣя Петровича, какъ видно изъ

донесенія испанскаго посла, герцога Лирія, отличалась любознательностью и серьезнымъ умомъ. Ея воспитаніемъ недаромъ руководилъ извѣстный Остерманъ. Молодое поколѣніе высшихъ слоевъ общества росло при совершенно новыхъ условіяхъ. Женщины особенно ревностно относились къ этимъ преобразованіямъ, хотя, съ другой стороны, про нихъ же говорятъ, что онѣ такъ крѣпко держались старины, что подъ новыми платьями носили прежнія одежды.

Зато слѣдуетъ признать, что утонченность обычаевъ не всегда приносила съ собою высшую нравственность. Извѣстно, что русскій дворъ въ XVIII в. не всегда отличался добродѣтелью. Кн. Щербатовъ не безъ основанія относилъ къ преобразовательной дѣятельности Петра господствующіе при дворѣ Екатерины непомѣрную склонность къ роскоши, легкомысленность, развратъ. Но эти явленія не должны повлечь за собою ошибочнаго сужденія о преобразованіяхъ Петра. Каждый рѣзкій переломъ имѣетъ послѣдствіемъ соотвѣтственныя излишества. Освобожденіе отъ чего бы то ни было влечетъ за собою извѣстное злоупотребленіе свободою, но нельзя вслѣдствіе этого отрицать цѣлесообразность сдѣланнаго. Утонченное западно-европейское общество, которое явилось образцомъ для Россіи, конечно, представляло нѣкоторые недостатки, но этотъ міръ свѣтски образованныхъ людей былъ, несомнѣнно, во всѣхъ отношеніяхъ лучшею школою, чѣмъ затхлый монастырскій воздухъ, которымъ дышали русскія женщины до Петра. Согрѣвающіе и освѣщающіе лучи западной культуры должны были впервые коснуться оболочки русской государственности и общественности. Даже если еще и оставались внутренній холодъ и тьма, то все же оживленіе внѣшнихъ покрововъ было большимъ шагомъ впередъ. Общеніе съ Западомъ перестало быть случайнымъ или исключительнымъ, какъ раньше. Руководящія въ Россіи лица находились подъ вліяніемъ реформаторскихъ идей культурныхъ странъ, Англіи, Франціи, Германіи, и этими лицами иногда бывали и женщины. Господство при Елизаветѣ Петровнѣ французскаго языка, обученіе Великой Екатерины II въ обстановкѣ просвѣтительной литературы Франціи и Англіи, привитіе русскому царству государственныхъ и общественныхъ познаній и плодовъ всей духовной жизни Запада произошло именно въ царствованіе этой монархини; воспитаніе ею внука Александра въ взглядахъ Лагарпа,—все это явилось плодотворными послѣдствіями преобразовательныхъ начинаній царствованія Петра Великаго [33]).

---

[33]) См. ст. Брикнера—О русскихъ женщинахъ при П. В.

ГЛАВА XIX.

Сотрудники Петра.

Одинъ изъ самыхъ преданныхъ почитателей Петра, Иванъ Посошковъ, въ концѣ его царствованія писалъ въ запискѣ, посвященной многимъ реформамъ, «что нашъ монархъ на гору аще самъ десять тянетъ, а подъ гору милліоны тянутъ; то какъ дѣло его споро будетъ?» [1]).

Многочисленныя свидѣтельства иностранцевъ о противодѣйствіи, которое оказывали реформамъ царя его подданные, свидѣтельствуютъ о правильности такого вывода. Собственно въ народѣ у него не было сотрудниковъ. Лишь немногіе были въ состояніи проникнуться идеями Петра. Еще меньшее число желало ихъ осуществленія, но огромное большинство было глухо и нѣмо. Зависть къ иностранцамъ, ненависть и отвращеніе къ Западной Европѣ были всеобщими.

Реформы, послѣдовавшія за Ништадтскимъ миромъ, приведшія прежнія нововведенія къ извѣстному итогу, могли бы получить большую прочность и дальнѣйшее развитіе, если бы царь не скончался въ то самое время, когда ему удалось воспитать кадръ сотрудниковъ, которые съумѣли и желали продолжать въ духѣ Петра начатое имъ дѣло. Могло легко статься, что Россія безъ труда снова обратится въ азіатское государство: возможность реакціи была на лицо. Отъ рѣшенія вопроса, имѣется-ли разсадникъ государственныхъ дѣятелей, которые, въ противовѣсъ милліоновъ, которые «тянутъ подъ гору», съумѣютъ тянуть на гору, какъ это дѣлалъ Петръ, — зависѣла ближайшая послѣ Петра будущность Россіи.

Такой разсадникъ оказался. Было вполнѣ понятно, что иностранцы, какъ Гордонъ и Лефортъ, Виніусъ, Остерманъ или Минихъ, поддерживали дѣятельность Петра. Ихъ собственное положеніе, ихъ политическая карьера находилась въ зависимости отъ успѣшности нововведеній Петра, послѣдніе

---

[1]) Соч. Посошкова, I, 95. *(Прим. перев.).*

двое,—долгое время бывшій министромъ иностранныхъ дѣлъ Остерманъ и извѣстный полководецъ Миних ъ имѣли возможность въ продолженіе полутора десятка лѣтъ послѣ смерти Петра дѣйствовать на укрѣпленіе его преобразовательной дѣятельности. Имъ Россія многимъ обязана. Но въ качествѣ нѣмцевъ, они все же были въ извѣстной степени людьми партійными. Ненависть къ иностранцамъ, господствовавшая въ Россіи, могла ежечасно положить конецъ ихъ дѣятельности. Возможность общей рѣзни не исключалась, и, дѣйствительно, дѣятельность Остермана и Миниха постигъ принудительный конецъ.

Графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ.

Но и въ русскихъ кружкахъ нашлись люди, которые соединяли въ себѣ способности, настойчивость и стремленіе, чтобы продолжать дѣло Петра въ данномъ имъ направленіи.

Мы знаемъ, что у русскихъ не было недостатка въ способностяхъ. Курбатовъ переписывался съ Петромъ о самыхъ важныхъ реформахъ, объ отмѣнѣ патріаршества, о школьномъ дѣлѣ, реформѣ одеждъ, по вопросамъ иностранной политики, государственнаго устройства, по военнымъ дѣламъ. Его бодрая дѣятельность была весьма полезною. Украинцевъ принадлежалъ къ наиболѣе видпымъ дѣятелямъ на поприщѣ иностранной политики и оказалъ царю существеннѣйшія услуги въ Малороссіи, Польшѣ, Константинополѣ. Макаровъ отличался въ качествѣ кабинетъ-секретаря. Куракинъ, Матвѣевъ, Толстой, Нешлюевъ, Волынскій выдѣлились какъ способные дипломаты; въ промышленной области выдвинулись Строгановъ, Демидовъ, Петровъ, Соловьевъ и др., своею предпріимчивостью, умомъ, образованностью и энергіею,—даже люди изъ народа, какъ Королевъ, Сердюковъ и Посошковъ проявили удивительную ясность ума и необыкновенную приверженность къ основамъ политическаго и соціальнаго прогресса. Эти люди всѣ принадлежатъ къ той небольшой группѣ лицъ, которая «тянула на гору». Но лишь весьма немногимъ изъ нихъ было суждено продолжать свою дѣятельность и послѣ царствованія Петра. Нѣкоторые сдѣлались жертвами происковъ своихъ сослуживцевъ, другіе обязаны своимъ паденіемъ соб-

*

ственнымъ корыстолюбію и стремленію къ интригамъ. Политическая карьера представляла много большихъ опасностей. Представлялось исключеніемъ занимать высокое мѣсто и спокойно сохранять его до конца своихъ дней.

Положеніе этихъ людей было подвержено рѣзкимъ измѣненіямъ. Въ быстрой послѣдовательности мы видимъ этихъ людей то въ блескѣ почета и роскоши, то въ полнѣйшей нуждѣ, людей въ непосредственной близости къ престолу, а завтра на пути въ снѣжныя равнины Сибири. За плодотворною дѣятельностью слѣдуетъ бездѣйствіе въ ссылкѣ. Цѣлая масса дѣловитой опытности и политическихъ способностей была положена подъ спудомъ, благодаря катастрофамъ, постигшимъ Миниха, Остермана, Толстого, Волынскаго, Меншикова и др.

Только немногіе представители петровской школы занимали продолжительно служебныя должности; къ нимъ надо отнести Неплюева и Татищева. О первомъ уже было говорено выше. Татищевъ, послѣ своего заграничнаго образовательнаго путешествія, посылается въ Константинополь съ дипломатическою миссіею. Въ своей автобіографіи онъ приводитъ многія свидѣтельства царя о его трудолюбіи и государственной дѣятельности. Получивъ извѣстіе о смерти Петра, Неплюевъ цѣлый день пролежалъ въ безпамятствѣ. Онъ пишетъ: «сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими, научилъ узнавать, что и мы люди; однимъ словомъ, на что въ Россіи ни взгляни, все его началомъ имѣетъ, и чтобы впредь ни дѣлалось, изъ сего источника черпать будутъ» [2]). Нѣсколько десятилѣтій провелъ Неплюевъ на государственной службѣ Россіи, въ качествѣ посланника въ Турціи, администратора въ Малороссіи и на Уралѣ и главнокомандующаго въ Петербургѣ въ первое время царствованія Екатерины II. Онъ называлъ себя ученикомъ Петра Великаго.

Изъ той-же школы вышелъ и Татищевъ и былъ ея типичнымъ представителемъ. Съ Петромъ у него были общими разносторонность интересовъ, энергія и трудолюбіе. Подобно Петру, онъ часто путешествуетъ, вращается въ различнѣйшихъ научныхъ областяхъ, возбуждая и разрѣшая дѣла, то какъ совершенно русскій человѣкъ, то подъ вліяніемъ иностранной культуры. Подобно Петру, сознаетъ отвѣтственность; онъ непрерывно дѣятеленъ, побуждая къ дѣятельности другихъ, со многими сталкиваясь, поступая иногда, какъ дилетантъ, но всегда съ энергіею и настойчивостью. Такой дѣятель, хорошо ознакомленный съ практическою жизнью, нашелъ себѣ широкое поприще дѣятельности въ качествѣ дипломата, руководителя горнаго

---

[2]) „Русск. Арх." 1871 г., 651.

дѣла и финансовой области и въ полудикихъ окраинахъ юго-восточной Россіи; онъ то въ Сибири, то за границею, то въ столицѣ, то въ степяхъ, вездѣ онъ дѣйствуетъ, создаетъ, направляетъ другихъ; Татищевъ является первымъ русскимъ исторіографомъ.

Татищевъ принималъ участіе и въ сѣверной войнѣ, а именно, при взятіи Нарвы въ 1704 г. Странное впечатлѣніе производитъ, что въ 1711 г. русскій офицеръ въ походѣ изъ Кіева въ Молдавію изыскивалъ мѣстности съ историческимъ значеніемъ, какъ, напр., курганъ, въ которомъ, по преданію, находится могила сына Рюрика, Игоря. Послѣ крымскаго похода, въ которомъ онъ принималъ участіе, Татищевъ нѣсколько лѣтъ жилъ за границею, въ Берлинѣ, Бреславлѣ, Дрезденѣ, гдѣ онъ не переставалъ изучать науки и покупать книги. До сихъ поръ въ Екатеринбургѣ сохраняется собраніе подаренныхъ Татищевымъ книгъ математическаго, историческаго, географическаго и военно-техническаго содержанія. Нѣмецкимъ языкомъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ. По образованію онъ превосходилъ многихъ своихъ современниковъ; однажды, во время путешествія по Польшѣ, онъ спасъ приговоренную къ смерти колдунью.

Графъ Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ.

Даже поѣздку на аландскій конгрессъ, на которомъ Татищевъ участвовалъ въ свитѣ графа Брюса, использовалъ онъ для пріобрѣтенія книгъ для своей библіотеки. Вслѣдъ затѣмъ онъ особенно заинтересовался географіею, которою такъ охотно занимались самъ Петръ и Брюсъ. Петръ поручилъ послѣднему озаботиться составленіемъ географіи Россіи, и Брюсъ возложилъ это дѣло на Татищева; но едва онъ успѣлъ къ нему приступить, какъ другія дѣла потребовали его трудовъ. При составленіи картъ государства онъ обратилъ вниманіе царя на необходимость точнаго землеизмѣренія.

Во времена Петра каждый долженъ былъ все умѣть дѣлать. Татищева прочили въ географы и землемѣры, теперь изъ него сдѣлали горнаго дѣятеля. Въ сопровожденіи опытнаго горнаго инженера Боргманна отправился

Татищевъ на Уралъ, чтобы найти тамъ рудники. Здѣсь онъ лично ознакомился съ недостатками управленія и притѣсненіями инородцевъ чиновниками; онъ положилъ основаніе прославившагося своею горнозаводскою дѣятельностью Екатеринбурга; онъ хлопоталъ о лучшемъ обращеніи съ башкирами и открытіемъ школъ старался распространить просвѣщеніе; самъ же онъ, между прочимъ, занимался изученіемъ французскаго языка по грамматикѣ, купленной имъ на Аландскихъ островахъ. Характерно было для человѣка того времени и даже для самой эпохи, что онъ убѣждалъ крестьянъ научить дѣтей хотя бы одному чтенію, чтобы они не были въ такой зависимости отъ произвола подъячихъ.

1724—1726 гг. Татищевъ провелъ въ Швеціи, изучая горное и монетное дѣло и приглашая на русскую службу техниковъ для обученія русскихъ молодыхъ людей артиллерійскому и морскому дѣлу, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ видно изъ секретной инструкціи, чтобы изучить политическое состояніе Швеціи, дѣйствія, а также и намѣренія шведскаго правительства. Въ Швеціи онъ осматривалъ горные работы и заводы, собиралъ технические планы и чертежи, изучалъ шведскую систему каналовъ и шлюзовъ, изслѣдовалъ положеніе шведской торговли и денежной системы и, на основаніи этого опыта, онъ рекомендовалъ введеніе въ Россіи десятичной системы въ денежныхъ знакахъ, мѣрахъ длины и вѣса. Въ Швеціи онъ встрѣтилъ Штралепберга, сочиненіе котораго о Россіи и Сибири онъ читалъ въ рукописи, и это побудило его заняться географіею Сибири. Впослѣдствіи, въ царствованіе Анны, въ качествѣ начальника всѣхъ горныхъ сибирскихъ и пермскихъ заводовъ, потомъ какъ начальника Оренбургской экспедиціи, онъ играетъ видную роль въ исторіи управленія этими областями. Онъ неоднократно имѣлъ случай снабжать добрыми совѣтами отправляющихся на Востокъ ученыхъ путешественниковъ [3]).

Изъ самой жизни, круга дѣятельности, образованности и начитанности, а также изъ дѣятельности Татищева, какъ историка, можно заключать, какъ возбуждающе дѣйствовало то время на наиболѣе отзывчивыя личности. Слѣдъ этого явленія мы видимъ и въ запискахъ Посошкова, обращавшагося съ своими преобразовательными проектами къ самымъ высокимъ лицамъ, Головину, Яворскому, наконецъ, къ самому царю. Всякій внимательный наблюдатель могъ многому научиться изъ изученія неудержимо работающаго государственнаго механизма. Многочисленные указы, которые читались народу по церквамъ, имѣли воспитательное значеніе; это

[3]) См. соч. Нила Попова о Татищевѣ и его времени, 1861, и см. ст. Востокова-Ромина въ „Др. и Н. Россіи". 1875 г.

Медали, выбитыя въ честь важнѣйшихъ событій въ царствованіе Петра I.

была своего рода энциклопедія. Если люди, какъ крестьянинъ и самоучка Посошковъ, могли создать себѣ стройныя идеи только изъ наблюденія окружающаго, насколько болѣе должно было быть это доступно лицамъ, принадлежащимъ къ высшему кругу, воспитавшимся на заграничныхъ путешествіяхъ и на участіи въ военныхъ и дипломатическихъ дѣлахъ; они пріобрѣтали недоступную раньше зрѣлость и ясность сужденій и являлись вполнѣ подготовленными къ сотрудничеству въ дѣлѣ реформъ. Сюда относятся Толстой, Меншиковъ и другъ.

Алексѣй Васильевичъ Макаровъ.

О дипломатической дѣятельности перваго на Востокѣ, въ Вѣнѣ и т. п. уже было говорено выше. Ему достались на долю богатые подарки, ордена, помѣстья. Вплоть до самой смерти Петра и даже нѣсколько дольше, Толстой занималъ выдающееся положеніе. Онъ принималъ непосредственное участіе въ вступленіи на престолъ Екатерины I. Въ сообществѣ съ Меншиковымъ и Апраксинымъ, онъ явился противникомъ мысли сдѣлать супругу Петра только регентшею. Энергическою рѣчью, въ которой онъ, между прочимъ, приводилъ опасеніе гражданской войны, положилъ онъ конецъ всѣмъ колебаніямъ. Французскій посланникъ Кампредонъ слѣдующимъ образомъ описываетъ его значеніе въ началѣ царствованія Екатерины: «Онъ полномочный министръ царицы, онъ ея правая рука и умнѣйшая голова въ Россіи и т. п.». Но его скоро погубили соперники, и Толстой умеръ въ изгнаніи. Нѣкоторые современники отзывались о немъ неблагопріятно, но Петръ Великій отзывался о немъ, какъ о вообще весьма способномъ человѣкѣ, но говоря, что все же хорошо, имѣя дѣло съ нимъ, держать камень за пазухою, чтобы выбить ему зубы, если тотъ захочетъ кусаться. Позднѣе разсказывался анекдотъ, что Петръ однажды снялъ на пирушкѣ съ Толстого парикъ, замѣтивъ при этомъ, что онъ давно бы отрубилъ эту голову, если бы она не была такъ умна [4]).

[4]) См. Нила Попова въ „Др. и Нов. Россіи". 1875 г., мартъ.

Медали, выбитыя въ честь важнѣйшихъ событій въ царствованіе Петра I.

Но ни одинъ изъ сподвижниковъ Петра не былъ ему ближе, чѣмъ Александръ Даниловичъ Меншиковъ. Ни одинъ не умѣлъ такъ приспособиться къ направленію и образу дѣйствій Петра. Онъ можетъ производить впечатлѣніе турецкаго паши, своего рода великаго визиря, особенно своимъ честолюбіемъ и алчностью. Но у него нельзя отрицать ума и трудолюбія, быстроты соображенія и дѣйствій, что такъ цѣнилъ Петръ, способность исполнить всякое порученное дѣло, быть дѣйствительно полезнымъ.

Въ противоположность Толстому, происходившему изъ знатнаго рода, Меншиковъ былъ происхожденія незнатнаго, сынъ придворнаго конюха. Вполнѣ вѣроятенъ столь часто повторяемый разсказъ, что въ молодости Меншиковъ торговалъ пирогами. Онъ родился въ томъ же году, что и Петръ. Выдѣляясь красотою, ростомъ, хорошимъ сложеніемъ, онъ любилъ опрятность и роскошь въ одеждахъ. Его острыя сужденія, оживленная рѣчь, способность узнавать людей, врожденная неутомимая подвижность естественно должны были привлечь ему благосклонность Петра, среди юношескихъ товарищей котораго онъ числился. Во время перваго путешествія 1697—1698 г. онъ проявилъ большія способности при изученіи различныхъ техническихъ производствъ.

Удивительно, какъ въ отношеніяхъ Петра къ Меншикову самая близкая дружба и сердечность смѣняются порывами царскаго гнѣва и немилости за алчность и честолюбіе. Въ многочисленныхъ письмахъ Петръ называетъ Меншикова своимъ сердцемъ, своимъ другомъ, любимымъ камратомъ, любимымъ братомъ;—всѣ эти ласковыя слова написаны въ русскихъ письмахъ по-нѣмецки,—а затѣмъ онъ угрожаетъ ему самыми страшными карами. Существуетъ много разсказовъ о такихъ вспышкахъ среди тѣсной дружбы обоихъ людей. Но до самой смерти царь поручалъ своему любимцу важнѣйшія дѣла, довѣрялъ ему самыя опасныя порученія, осыпая своими милостями. Въ сѣверную войну Меншиковъ оказалъ выдающіяся заслуги, какъ военоначальникъ и дипломатъ, а потомъ, во время кризиса Мазепы въ Малороссіи, а также въ дѣлахъ военнаго управленія, Меншиковъ былъ соперникомъ слабаго Алексѣя, какъ нѣкогда Альба—Донъ-Карлоса. Когда Петръ писалъ своему сыну: «лучше будь чужой добрый, нежели свой непотребный» (на престолѣ), то, вѣроятно, Петръ думалъ о Меншиковѣ, который и былъ дѣйствительнымъ правителемъ Россіи два года послѣ смерти Петра. Но корыстолюбіе Меншикова часто выводило Петра изъ себя; въ Польшѣ и Литвѣ онъ присвоилъ себѣ, путемъ насилій, громадныя богатства. Петръ объ этомъ узналъ и вышелъ изъ себя. Но Ека-

терина, благоволившая любимцу, съумѣла успокоить Петра. Посылая Меншикова въ Померанію, царь пригрозилъ ему смертною казнью, если онъ станетъ поступать тамъ такъ-же, какъ въ Польшѣ. Но какъ государственнаго дѣятеля Петръ не могъ его не цѣнить. Апраксинъ писалъ однажды царю, что безъ Меншикова все приходитъ въ застой. Когда онъ однажды, въ царствованіе Екатерины, отправился на нѣкоторое время въ Курляндію, то остановились всѣ дѣла. Личною инициативою, неутомимою дѣятельностью онъ могъ сравниться только съ царемъ. Онъ съумѣлъ войти въ личные интересы Петра. Когда Меншиковъ въ письмахъ уговариваетъ царя не очень предаваться горю по случаю смерти сестры Натальи (1716 г.), или поздравляетъ по случаю дня рожденія Петра Петровича, или описывая его солдатскія игры, или говоритъ о его первыхъ словахъ, въ письмахъ сквозитъ самый сердечный тонъ искренней дружбы. Личныя отношенія Петра къ Лефорту были болѣе интимнаго характера, но, какъ сотрудникъ, Меншиковъ стоялъ ближе и былъ гораздо выше швейцарца. Но преданностью Лефортъ превосходилъ русскаго любимца. Въ 1723 г., по случаю насильственнаго присвоенія чужого имущества Меншиковымъ, Петръ замѣтилъ: «онъ въ плутовствѣ скончаетъ животъ свой, если онъ не исправится, то быть ему безъ головы». Ему постоянно приходится молить о прощеніи, а Екатеринѣ за него заступаться. Петръ налагалъ на него денежныя взысканія, но несмѣтныя богатства любимца дѣлали для него подобныя наказанія нечувствительными. Замѣчается нѣкоторая непослѣдовательность, что Петръ, велѣвшій казнить такихъ высокихъ сановниковъ, какъ Гагаринъ или Нестеровъ, гораздо мягче взыскивалъ за то же самое съ Меншикова. Но, съ одной стороны, личное расположеніе, а также выдающіяся способности этого человѣка заставляютъ Петра, бывшаго обыкновенно столь строгимъ судьей, своею собственною личностью подтвердить, что «непослѣдовательность—это единственное, что дѣлаетъ человѣка

Князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ.

терпимымъ». Меншиковъ до самаго конца царствованія Петра оставался на высотѣ своей блестящей славы. Онъ содѣйствовалъ воцаренію Екатерины и собственно царствовалъ, тогда какъ она только занимала престолъ. Но въ слѣдующее царствованіе внука Петра онъ былъ низверженъ и умеръ въ ссылкѣ [5]).

Къ числу сотрудниковъ Петра надо отнести и Екатерину. Этотъ бракъ, какъ и многое другое, показываетъ, какая произошла въ Россіи перемѣна. Въ противоположность представительницѣ типа русскихъ женщинъ XVII в., которою являлась царица Евдокія,—Екатерина своимъ скромнымъ [6]) происхожденіемъ, необыкновенною способностью приспособиться къ новымъ условіямъ, является созданною для того положенія, которое заняла. Между Петромъ и Екатериною была искренняя привязанность. Ея преданность, природныя качества и готовность, съ которою она шла на встрѣчу плапамъ Петра, давали ей возможность имѣть нѣкоторое вліяніе. Какъ раньше Лефортъ, такъ потомъ Екатерина умѣла успокаивать вспышки необузданнаго гнѣва царя; разсказываютъ, что ея близость, ея нѣжное участіе дѣйствовали на Петра успокаивающе и исцѣляюще, когда онъ подвергался своимъ нервнымъ припадкамъ. Екатерина была Петру вѣрною спутницею и товарищемъ. Она дѣлила его заботы и труды; она сопровождала его въ путешествіяхъ и даже на войну, какъ, напр., во время памятнаго прутскаго похода 1711 г., или въ персидскую войну.

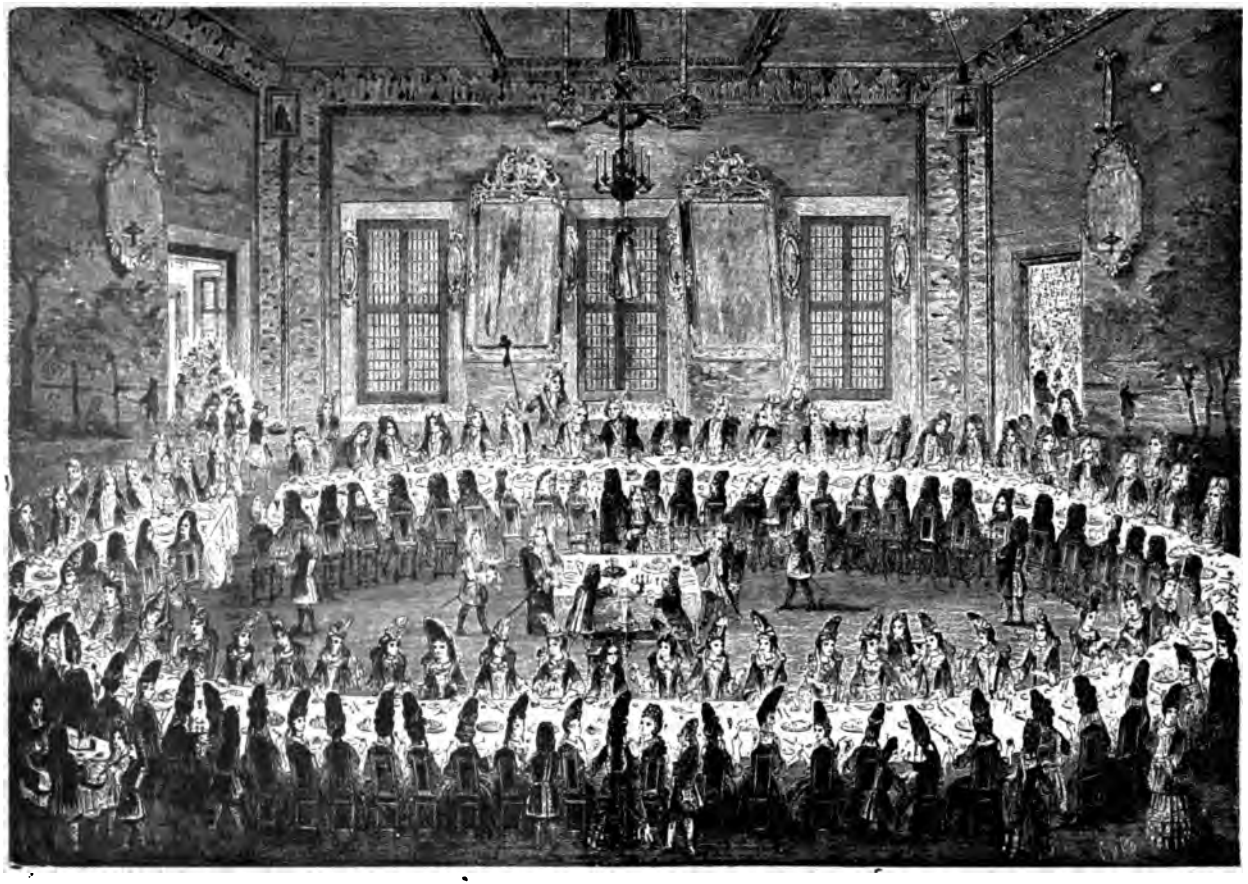
Наблюдается сильный подъемъ, выдающійся прогрессъ въ слѣдующемъ рядѣ отношеній: прежніе цари оставались на мѣстѣ, спокойно ожидая въ Кремлѣ извѣстій отъ своихъ полководцевъ. Алексѣй Михайловичъ былъ уже нѣсколько подвижнѣе и предпріимчивѣе; онъ принялъ личное участіе въ войнѣ съ Польшей и Лифляндіей; онъ допускалъ, чтобы царица Наталья Кирилловна сопровождала его на охоту. Петръ-же былъ постоянно въ разъѣздахъ, совершенно освободившись отъ нелѣпостей восточнаго церемоніала; его мы встрѣчаемъ вмѣстѣ съ Екатериною въ самый опасный моментъ восточной войны. Она же сопровождала его въ нѣкоторой части путешествія 1717 г.

Жизнь Екатерины кажется одною изъ сказокъ 1001 ночи. Она была изъ семьи Скавронскихъ, литовскаго происхожденія, переселилась изъ Ли-

---

[5]) Соловьевъ, XI, 250 и сл., 265, 406. XVII 30, XVII 156.—Зап. ист. общ. XXXIV, 218, 219, 274, 331, 393 и XL 367. (Де-Лавн).

[6]) „Др. и Нов. Россія“ 1879 г. I, 73.—Гротъ въ XVIII т. Сборн. II отд. Акад. Наукъ.

Бракосочетаніе императора Петра Великаго съ Екатериною I Алексѣевною, 19 февраля 1712 г. (Съ гравюры XVIII вѣка).
1. Его Величество. 2. Ея Величество. 3. Фамилія Ихъ Величествъ и при нихъ министерскія принципальныя дамы. 4. Министры: Англійскій, Польскій и пр. 5. Россійскіе министры, адмиралы и генералы и прочіе господа. 6. Маршалъ, его свѣтлость князь Меншиковъ. 7. Господа шафера. 8. Музыка и пр.

фляндіи. Многіе разсказы о ея молодости имѣютъ легендарный характеръ. Достовѣрно, что она попала въ русскій плѣнъ при взятіи Маріенбурга въ 1702 г., что Петръ вскорѣ познакомился съ нею въ домѣ Меншикова, и что между ними вскорѣ возникли болѣе близкія отношенія; еще до 1705 г. родились двѣ дочери, Анна и Елизавета [7]). Сначала Екатерина была католичка, но потомъ присоединилась къ православію, при чемъ крестнымъ отцомъ былъ царевичъ Алексѣй (отсюда Екатерина Алексѣевна [8]). До насъ сохранилось много писемъ Петра къ Екатеринѣ съ давняго времени. Онъ называетъ ее матушкою, маткою, а послѣ 1711 г. постоянно «Катеринушка, мой другъ». Въ 1711 г. послѣдовало оффиціальное объявленіе, что Екатерина супруга царя [9]). 19 февраля 1711 г. въ Петербургѣ произошло вѣнчаніе [10]).

Переписка Екатерины съ царемъ производитъ совершенно другое впечатлѣніе, чѣмъ готовыя фразы царицы Евдокіи. Петръ и Екатерина непринужденно обмѣниваются шутками по поводу важныхъ дѣлъ и мелочныхъ обстоятельствъ, приготовляютъ другъ другу сюрпризы, дѣлаютъ небольшіе подарки, мѣстами встрѣчается нѣсколько легкомысленный тонъ, но никто не прочтетъ этой переписки безъ того, чтобы не вынести впечатлѣнія о двухъ искренно взаимно любящихъ людей и вполнѣ подходящихъ характеровъ. Веселая непринужденность такъ и сквозитъ въ нихъ [11]). Прежніе государи были до извѣстной степени кумирами, далай-ламами, Петръ былъ простымъ, живымъ человѣкомъ, склоннымъ къ веселой шуткѣ. Его необыкновенная работоспособность и выносливость, энергія, чувство долга, съ которыми онъ относился къ возложеннымъ на него положеніемъ и условіями времени обязанностямъ, сами по себѣ требовали противоположнаго въ шуткѣ и комическомъ. Его горячій темпераментъ, его жизненность встрѣчали полный откликъ въ личныхъ качествахъ Екатерины.

Не касаясь подробностей, Петръ однажды высказался о выдающейся заслугѣ Екатерины во время прутскаго похода. Относящіеся къ этому эпизоду разсказы Вольтера и другихъ не имѣютъ никакой цѣны. Можно

---

[7]) У Брикнера нѣкоторая неточность: Елизавета Петровна род. 18 дек. 1709 г. (*Прим. перев.*).

[8]) Воспріемницею была Екатерина Алексѣевна, дочь царя Алексѣя Михаиловича.—Первоначальное имя Императрицы Екатерины I, какъ извѣстно, Марта. (*Прим. перев.*).

[9]) Устряловъ, VI, 312 (Письмо царевича Алексѣя къ мачихѣ).

[10]) Бычковъ въ „Др. и Новой Россіи“ 1877 г., I, 323—325.

[11]) Письма русск. госуд. 1861 г.

не безъ достовѣрности предположить, что царица часто принимала участіе въ политическихъ планахъ Петра. Онъ постоянно извѣщаетъ ее объ одержанныхъ побѣдахъ, къ своимъ поздравленіямъ по такимъ поводамъ она часто присоединяетъ короткія замѣчанія о политическомъ положеніи.

Относительно того, какъ держалась Екатерина во время процесса царевича Алексѣя, мы имѣемъ достаточныя свѣдѣнія, которыя удостовѣряютъ, что она не принимала участія въ гибели Алексѣя. Ея сынъ Петръ, вслѣдствіе смерти своего единокровнаго брата, становился наслѣдникомъ престола. Но мальчикъ умеръ, и вопросъ о престолонаслѣдіи оставался открытымъ.

Генералъ-фельдцейхмейстеръ, графъ Яковъ Васильевичъ Брюсъ.

5 февраля 1722 г. Петръ издалъ законъ о престолонаслѣдіи, по которому царь самъ назначаетъ себѣ преемника. Этотъ законъ можно считать направленнымъ противъ сына царевича Алексѣя. Петръ счелъ нужнымъ дополнить и развить это положеніе особымъ сочиненіемъ, которое составилъ Ѳеофанъ Прокоповичъ. Намъ неизвѣстно, задумывалъ ли Петръ тогда назначить Екатерину своею наслѣдницею. Нѣсколько позднѣе, по принятіи Петромъ титула императора, Екатерина стала также именоваться императрицею [12]). Въ 1723 г. возникла мысль о торжественномъ вѣнчаніи Екатерины. Въ манифестѣ по этому поводу (15 ноября), Петръ приводитъ участіе Екатерины во многихъ походахъ, она оказала ему большую помощь, въ особенности въ трудномъ прутскомъ дѣлѣ, она показала себя не какъ слабая женщина, а вела себя мужественно, какъ это извѣстно всему войску, а черезъ войско и всему государству [13]). Коронованіе происходило 7 мая 1724 г. Разсказъ о томъ, что Петръ въ дружескомъ кругу, наканунѣ коронованія, заявилъ, что оно имѣетъ цѣлью укрѣпить за нею права на царствованіе послѣ его смерти, приводится

[12]) Соловьевъ, XVIII, 273.

[13]) Тамъ же, 244

нѣкоторыми современниками, но онъ имѣетъ анекдотическій характеръ, хотя приверженцы императрицы имъ широко воспользовались при вопросѣ о ея воцареніи [14]).

Петръ могъ полагать, что у него еще много времени для опредѣленія престолонаслѣдія. Никому не могло придти въ голову, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ коронованія императрицы его уже не будетъ болѣе въ живыхъ. Многіе, однако, полагали, что Петръ хотѣлъ передать престолъ Екатеринѣ. Но были и свидѣтельства противнаго. Въ разныхъ случаяхъ въ народѣ возражали противъ присяги, когда было объявлено о престолонаслѣдіи [15]). Самое коронованіе Екатерины само по себѣ, помимо вопроса о томъ, что Петръ дѣлалъ ее престолонаслѣдницею, было неслыханнымъ повшествомъ. Въ исторіи Россіи былъ одинъ только подобный случай, а именно коронованіе Маріи Мнишекъ передъ ея вѣнчаніемъ съ Лжедмитріемъ.

За нѣсколько мѣсяцевъ до кончины Петра въ иностранныхъ кружкахъ много говорили о предполагаемомъ или дѣйствительномъ разладѣ между Петромъ и Екатериною. Причину его безъ достаточныхъ основаній приписывали ревности Петра и ставили въ зависимость отъ нея казнь начальника канцеляріи императрицы Монса [16]). Весьма естественно, что раздоръ могъ быть лишь временнымъ [17]).

Тѣ самые люди, которые въ теченіе двухъ десятковъ лѣтъ были самыми близкими Петру людьми, Екатерина и Меншиковъ, которыхъ онъ одинаково называлъ дѣтьми своего сердца, послѣ его смерти приняли бразды правленія; хотя это и не было строго законно, но, во всякомъ случаѣ, для «творенія Петра» въ высшей степени благопріятно. Царь собралъ уже настолько способныхъ людей за время своего царствованія для своего преобразовательнаго дѣла, что даже при его, относительно внезапной кончинѣ, получилась извѣстная преемственность управленія въ духѣ

---

[14]) Басевичъ у Büsching IX, 366.—Ѳеофанъ Прокоповичъ будто бы разсказывалъ объ этомъ въ домѣ одного англійскаго купца.

[15]) Соловьевъ, XVII, 237.

[16]) Виллимъ Монсъ, братъ бывшей фаворитки П. В., былъ личнымъ адъютантомъ государя, а въ 1716 г. опредѣленъ камеръ-юнкеромъ ко двору императрицы, возведенъ въ камергеры и назначенъ начальникомъ ея вотчинной канцеляріи. *(Прим. перев.).*

[17]) Не подлежитъ сомнѣнію, что Монсъ былъ уличенъ во взяточничествѣ.—Соловьевъ XVIV, 245.—Костомаровъ (Др. и Нов. Росс. 1877 г. II, 149) доказываетъ невозможность невѣрности Екатерины Петру.

царя. Полный опасностей и тревогъ моментъ кончины Петра прошелъ благополучно; короткаго времени правленія Екатерины и Меншикова оказалось достаточно, чтобы подорвать сильно распространенную увѣренность, что созданное геніальнымъ царемъ государство обречено на гибель. И даже послѣ смерти Екатерины, послѣ ссылки Меншикова, нашлись люди, которые продолжали идеи Петра, правили въ его духѣ и направленіи. Являлось историческою необходимостью, чтобы Россія двигалась дальше по пути, который начерталъ ей Петръ Великій.

ГЛАВА XX.

Характеристика Петра.

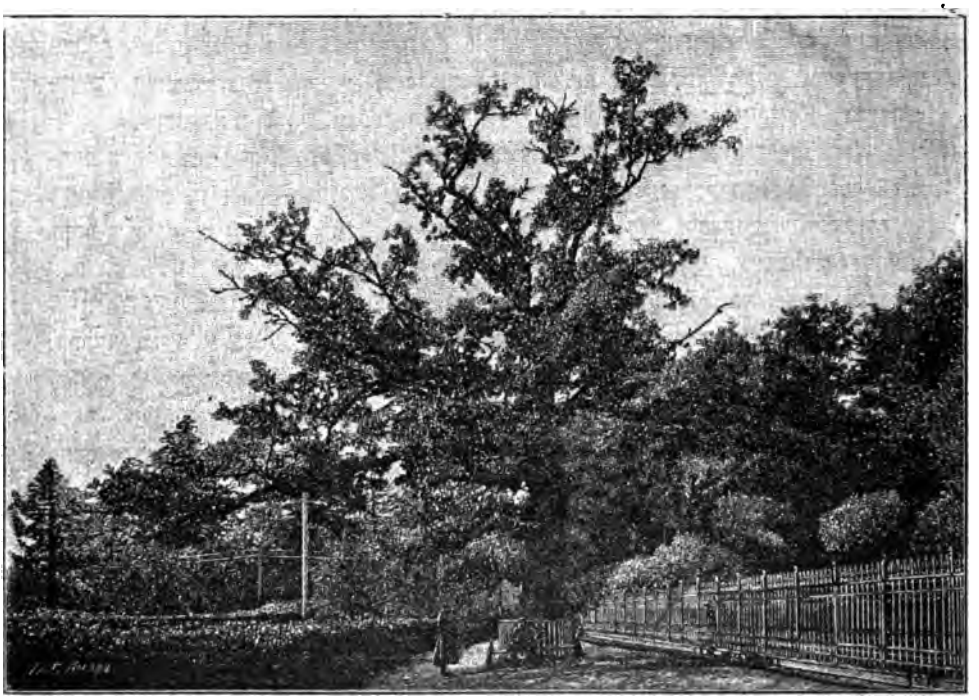
Весь обычный строй былъ низвергнутъ, многое изъ старины уничтожено, введена эмансипація. Выскочки, какъ Меншиковъ и Екатерина, царствовали послѣ Петра; выскочкою была и самая Россія рядомъ съ другими освященными почетнымъ прошлымъ и медленнымъ историческимъ развитіемъ старинными членами европейской государственной системы; выскочкою, въ извѣстномъ смыслѣ, былъ и самъ царь.

Очевидно, что, въ качествѣ таковаго, онъ не могъ не соединять въ себѣ самыхъ рѣзкихъ противорѣчій: благородство и вульгарность, идеальность и низменность, хорошія качества и пороки. Цари на Руси были полубожествами, Петръ же отъ матроса и ремесленника постепенно дошелъ до чина адмирала. Можно-ли удивляться, что «императоръ» Петръ своимъ грубымъ юморомъ напоминалъ неуклюжееть сошедшаго на землю праздновать воскресенье матроса, или если, вращаясь среди простого народа, онъ отбрасывалъ свѣтскій лоскъ и принималъ участіе во всякихъ шуткахъ? Онъ работалъ въ сотню кратъ больше, чѣмъ другіе, поэтому было весьма естественно, что въ минуты своего отдыха, въ свои праздничные часы, искалъ отдохновенія, которое было ему всего пріятнѣе, и что при этомъ случались иногда излишества. Прежніе цари проводили много времени на богослуженіяхъ и въ постахъ, въ наблюденіи цѣлыми часами работы придворныхъ ювелирныхъ мастеровъ, или слушали разсказы своихъ шутовъ и прозябали въ покоѣ и отдаленности своихъ дворцовъ. Совершенною противоположностью былъ Петръ, встававшій въ 4 часа утра и тотчасъ же принимавшійся за государственныя дѣла, въ 6 часовъ онъ ѣхалъ въ Адмиралтейство или въ Сенатъ, вообще весь день проводя въ трудѣ съ самыми короткими промежутками отдыха [1]). Эти промежутки, если того

---

[1]) Штелинъ, II, 113.—Зап. Ист. Общ. LII, 145 (донесеніе Кампредона).

допускали государственныя дѣла, Петръ проводилъ за токарнымъ станкомъ или въ разсмотрѣніи и пробѣ математическихъ инструментовъ, техническихъ орудій, или въ посѣщеніи всякаго рода фабрикъ и мастерскихъ. Онъ любилъ работу и осуществилъ слова Шекспира «The soul's joy lies in doing» [2]). Онъ умѣлъ цѣнить время; въ его письмахъ часто повторяется, что на его приказанія не слѣдуетъ отвѣчать московскимъ «сейчасъ», т. е. откладывать все въ долгій ящикъ. Неудивительно, что онъ былъ

Петровскій дубъ на Каменномъ островѣ, въ С.-Петербургѣ.

постоянно недоволенъ трудами другихъ, упрекалъ своихъ самыхъ усердныхъ помощниковъ въ бездѣятельности и лѣности; не даромъ проживавшіе въ Россіи иностранцы, какъ то, Плейеръ, Перри и др. замѣчали, что всѣ работы пріостанавливались, какъ только царь бывалъ въ отсутствіи и не прикладывалъ къ нимъ непосредственно своихъ рукъ.

Въ Петрѣ не было и слѣда стремленій къ роскоши и страсти къ наслажденіямъ. Случалось, что онъ спалъ на полу; онъ довольствовался самою простою пищею, скромно одѣвался, ѣздилъ въ обыкновенной одноколкѣ и

[2]) „Радость души лежитъ въ трудѣ". *(Прим. перев).*

въ торжественныхъ случаяхъ не разъ заимствовалъ у своихъ приближенныхъ болѣе роскошный нарядъ; онъ довольствовался скромнымъ жалованіемъ, которое ежемѣсячно получалъ по званію офицера, и иногда при этомъ замѣчалъ, что получилъ возможность отдать въ починку свои башмаки; все это свидѣтельствуетъ объ ограниченности житейскихъ потребностей, которая можетъ одинаково походить на спартанскую простоту, какъ и на извѣстную скупость. Онъ не отличался щедростью, и придворные не разъ на это жаловались, что, конечно, служитъ лишь къ чести царя. Онъ ненавидѣлъ внѣшнюю помпу царскаго званія; въ общепринятомъ значеніи слова, величіе властелина у него совершенно отсутствовало. Онъ предпочиталъ все наивно-дѣтское и грубо-шутливое.

Эта послѣдняя черта сказалась тѣмъ рѣзче, что Петръ старался придать своимъ придворнымъ празднествамъ извѣстную многолюдность. Никто не станетъ отрицать, что свадебныя торжества, программы которыхъ царь лично составлялъ, какъ, напр., свадьба шута Тургенева въ 1695 г., или другого шута въ 1704 г., «всепьянѣйшаго папы» Зотова въ 1715 г.,— отличались невѣроятною грубостью разныхъ выходокъ. Мѣра и видъ шутки, впрочемъ, различны въ различныя времена. Въ то время не въ одной только Россіи, но и въ другихъ мѣстахъ существовали фокусники, карлики, шуты. Въ плоскихъ и непристойныхъ шуткахъ не было недостатка и при французскомъ дворѣ Генриха III, или при англійскомъ Іакова I, саксонскомъ Августа; даже Фридрихъ Вильгельмъ I не былъ чуждъ грубымъ шуткамъ. Чѣмъ рѣшительнѣе стремился Петръ отмѣнить господствовавшій ранѣе въ Кремлѣ азіатскій придворный этикетъ, по прежде того, что были введены утонченные нравы, существовавшіе при дворѣ Людовика XIV, тѣмъ легче могъ царь, при его деспотическихъ наклонностяхъ, допустить излишества въ шуткахъ. Крайне непріятное впечатлѣніе производятъ потѣхи царя, подражающія духовныхъ обрядамъ. Гораздо менѣе отсутствуетъ вкусъ въ потѣхахъ съ «кесаремъ» Ромодановскимъ. Празднество «славленія», при которомъ царь, въ сопровожденіи переряженной свиты, разъѣзжалъ на святкахъ, принималъ приношенія и вездѣ славословилъ,—было однимъ изъ самыхъ употребительныхъ увеселеній этого рода. Съ нашей современной точки зрѣнія представляются совершенно непристойными многія подробности въ пародіи іерархическаго устройства, завершавшагося всепьянѣйшею папою, и въ которомъ самъ царь исполнялъ роль низшаго церковнослужителя. Изданный Семевскимъ собственноручный регламентъ Петра, какъ должно поступать при выборѣ и вѣнчаніи такого папы, свидѣтельствуетъ, что подобныя потѣхи были задуманы съ глубокою основатель-

ностью [8]), хотя намъ остается непонятною, какая дѣйствительная цѣль лежала во всѣхъ подобныхъ грубыхъ и дикихъ выходкахъ, процессіяхъ, пирахъ и попойкахъ, если только не униженіе римской церкви. Быть можетъ, здѣсь нужно признать лишь любовь къ дикому комизму, чтобы объяснить всѣ излишества, возведенныя почти въ систему. Въ потѣхахъ принимали участіе не одни только придворные шуты, а также и нѣкоторыя высшія должностныя лица; всеэто,вѣроятно,проявленіе деспотизма Петра, котораго можно оправдать общею грубостью того времени. Въ этомъ отношеніи Петръ напоминаетъ собою Ивана Грознаго. Эта сторона его характера нуждается въ особомъ освѣщеніи, въ психологическомъ разъясненіи. Здѣсь смѣшивается суетность азіатскаго деспотизма съ истиннымъ юморомъ; веселая шутка обращается въ скоморошество, изобрѣтательность въ каррикатуру.

Новая часовня у исторической сосны на Лахтѣ.

Значительную роль въ этихъ излишествахъ имѣла и свойственная Петру чувственность. Въ немъ все переходило обыкновенную мѣру, также и физическая страстность. Но надо замѣтить, что многіе относящіеся къ этому разсказы имѣютъ совершенно анекдотическій характеръ. Не требовательный въ пищѣ, царь любилъ пить неумѣренно. Попойки были глав-

[8]) Семевскій о шуткахъ и потѣхахъ П. В. въ Русск. Стар. т. V.—Много подробностей у Штраленберга, Вебера, Фокеродта.

нымъ пунктомъ его потѣхъ. Въ многочисленной перепискѣ съ своими сотрудниками часто вспоминаются попойки, различныя выпитыя вина, почетъ оказываемый Бахусу. Этотъ юморъ сохраняется до конца, онъ не есть только продуктъ молодости. Въ этомъ отношеніи Петръ оставался вѣренъ себѣ до самой своей послѣдней болѣзни. Рядомъ съ грубымъ насиліемъ принужденія другихъ, даже женщинъ, къ питью, мы видимъ на этихъ попойкахъ искреннюю веселость, остроуміе и дѣйствительный юморъ. Современники часто удивлялись желѣзной натурѣ Петра, который выносилъ несравненно больше, чѣмъ другіе, который, послѣ проведенной за попойкою ночью, утромъ, какъ всегда, появлялся за работою, и того же самаго требовалъ царь и отъ своихъ собутыльниковъ. Впрочемъ, Перри обратилъ вниманіе, что во второй половинѣ царствованія Петра, пьянство было отмѣнено при дворѣ, по крайней мѣрѣ, никого болѣе не принуждали пить [4]). Обращаетъ на себя вниманіе одно состоявшееся при Петрѣ постановленіе уголовнаго характера въ военномъ регламентѣ, по которому преступленіе, совершенное въ опьяненіи, наказывается строже [5]). Надлежитъ привести еще свидѣтельство Ланга, сопровождавшаго царя въ персидскомъ походѣ и хвалившаго его умѣренность [6]).

Полны остроумія и непринужденности многочисленныя письма Петра, пересыпанныя шутливыми замѣчаніями; царь пишетъ Меншикову отъ имени особенно цѣнимаго имъ бульдога, или ставитъ свою подпись подъ шуточнымъ адресомъ, который посылается Меншикову съ многочисленными подписями прочихъ собутыльниковъ, письма эти переполнены миѳологическими именами, переиначенными на русскій языкъ иностранными словами, пословицами и поговорками; они то строгія, то съ извиненіями по этому поводу; въ нихъ возбужденіе къ дѣятельности, или самыя точныя дѣловыя указанія, затрагиваются самые разнообразные вопросы, а затѣмъ опять ласковыя имена; тысячи подобныхъ писемъ свидѣтельствуютъ не только о подвижности никогда не знающаго отдыха духа, а также о любвеобильной, одаренной извѣстнымъ простодушіемъ природы [7]).

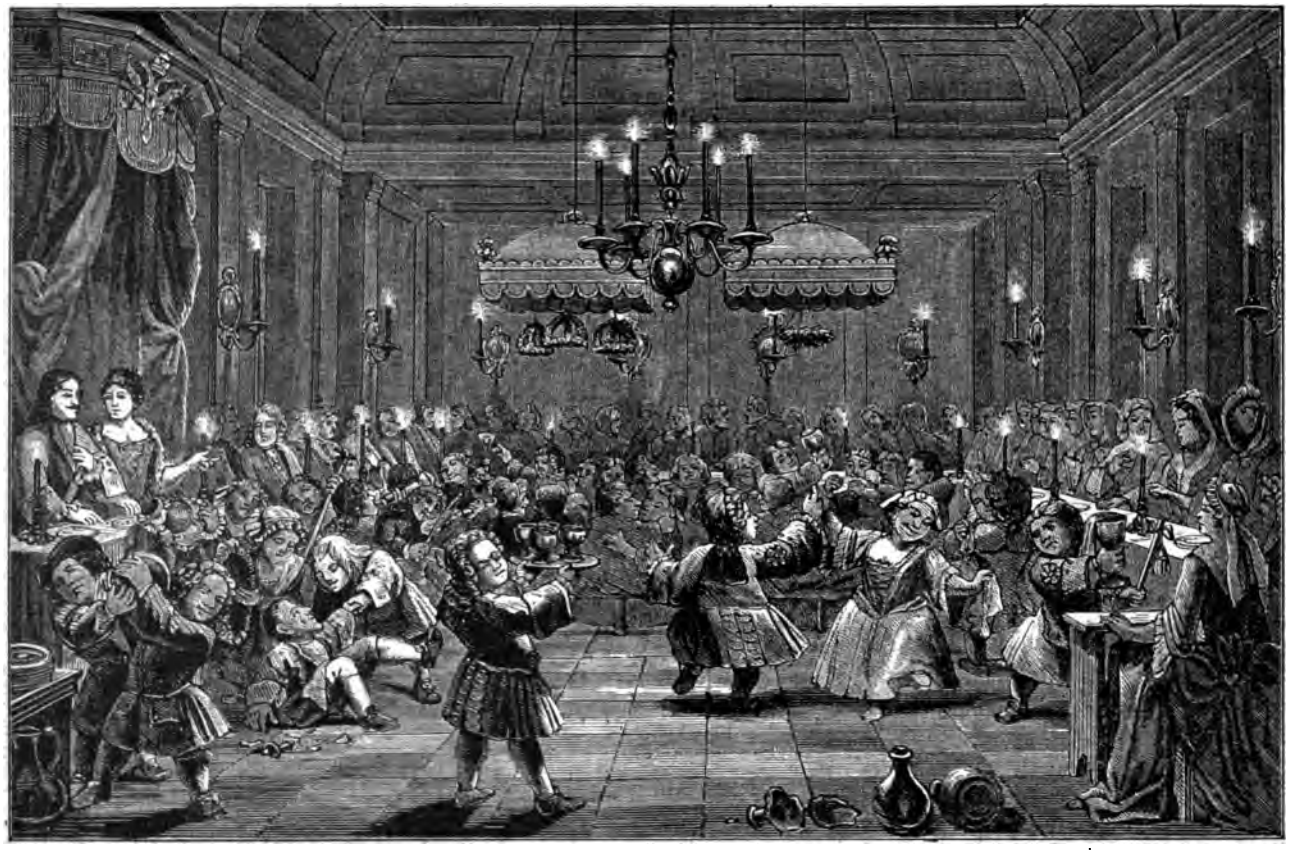
Исторія царствованія Петра есть исторія его ученія. Его жизнь есть безпрерывное изслѣдованіе. Онъ искалъ ясности въ самыхъ разнообразныхъ вопросахъ; ему были близко знакомы довольно отдаленныя другъ отъ друга

[4]) Перри, 366.

[5]) Гротъ, 54—56.

[6]) Sadler, 7

[7]) См. многочисленныя письма П. В. у Устрялова, въ разныхъ томахъ,— Бергъ, по тому же вопросу, 1829, Спб. — Письма русск. госуд. (М. 1862) и въ разныхъ истор. журналахъ.—Новыя письма постоянно появляются.

Свадьба карликовъ при Петрѣ Великомъ. (Съ гравюры XVIII вѣка).

области знаній. Но въ нѣкоторыхъ онъ былъ, конечно, только дилетантомъ. Историческія и филологическія науки были ему менѣе близки, чѣмъ естественныя, хотя онъ охотно читалъ старинныя лѣтописи, собиралъ древніе памятники и заботился объ ихъ сохраненіи. Попытки Лейбница привлечь его къ основанію спеціальныхъ учрежденій для филологическихъ наукъ и языковѣдѣнія не имѣли никакого успѣха.

Зато у него было много болѣе вкуса къ искусствамъ, чѣмъ это обыкновенно принято полагать. Онъ велѣлъ снять планы испанскаго замка Ильдефонса, возводить красивыя зданія по заграничнымъ образцамъ, разбивать парки и сады, украшать ихъ статуями, изображавшими эзоповскія басни; онъ скупалъ заграницею большія коллекціи картинъ—все это свидѣтельствуетъ объ извѣстномъ эстетическомъ вкусѣ, который прежнимъ царямъ былъ почти совершенно чуждъ. Еще послѣ перваго своего путешествія привезъ Петръ коллекцію гравюръ и картинъ. На его службѣ числились выдающіеся художники [8]); множество портретовъ, писанныхъ съ Петра, подтверждаетъ, что онъ поощрялъ искусство [9]); во время путешествія 1717 г. онъ особенно часто посѣщалъ картинныя галлереи; при покупкѣ картинъ онъ обыкновенно руководствовался совѣтами художника Кселя, вступившаго на русскую службу [10]). Если построенные во времена Петра дворцы, какъ, напр., Петергофскій, не всѣмъ нравятся [11]), то нельзя отрицать достоинства созданныхъ имъ парковъ; они поражаютъ своею величественностью и свидѣтельствуютъ о большой любви къ природѣ [12]).

О томъ интересѣ, который питалъ Петръ къ естественнымъ наукамъ и медицинѣ, было говорено выше. Но о его географическихъ занятіяхъ надо сказать нѣсколько дополнительныхъ словъ. Они начались еще въ концѣ XVII вѣка; Петра уже тогда занималъ вопросъ о сѣверо-восточномъ пути въ Китай и Индію, или вопросъ, соединяется-ли съ материкомъ Новая Земля [13]). Еще въ 1698 г. герцогъ тосканскій показывалъ боярину Шереметеву составленную Петромъ карту Чернаго моря [14]). Стремясь на югъ, а съ другой стороны—до Балтійскаго моря, онъ старался какъ можно точнѣе изучить географію мѣстностей, намѣченныхъ къ завоеванію,

---

[8]) Штелинъ, I, 35.

[9]) Васильчиковъ о русскихъ портретахъ.

[10]) Штелинъ, I, № 18.

[11]) Vockerodt, 89.

[12]) Въ Моск. Арх. сохраняется гербарій П. В.—См. Рихтеръ Ист. медицины III, 22.

[13]) Crull, 208.

[14]) Шереметевъ, 85.

Петръ I на Лахтѣ спасаетъ погибавшихъ во время бури 1 ноября 1724 г. (Съ картины проф. Шамшина).

опредѣлить направленіе и силу теченія рѣкъ и узнать о производительности страны. Въ его перепискѣ встрѣчаются весьма подробныя описанія по этимъ вопросамъ; сохранилось много собственноручныхъ чертежей Петра. Географическія задачи носятъ величественный характеръ, съ широкими затѣями и провидѣніемъ будущаго. Большая экспедиція для опредѣленія Америки, открытіе пролива между Азіею и Америкою Берингомъ, по словамъ Бера, было осуществленіемъ задачи, достойной великаго монарха, непосредственное осуществленіе самимъ царемъ составленной экспедиціи; въ основѣ его географическихъ изслѣдованій лежало желаніе развить торговлю и сношенія своего народа. Все, что потомъ совершили Герберъ, Линцъ, Мессершмидтъ и другіе ученые путешественники его времени, въ большинствѣ случаевъ, было внушено царемъ. За пять недѣль до своей смерти онъ написалъ въ трехъ пунктахъ и всего въ нѣсколькихъ строкахъ знаменитую инструкцію для путешествія Беринга, которое имѣло столь важныя послѣдствія. Какъ выражается Беръ, онъ при послѣднемъ издыханіи руководилъ изслѣдованіемъ раздѣла Стараго и Новаго Свѣта [15]). Его проекты, иногда до дерзости смѣлые, были направлены къ практическимъ выгодамъ для народа, которымъ онъ правилъ, поэтому они соотвѣтствовали его собственному духу, въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, онъ проявилъ свою полную самостоятельность. Онъ только тогда принималъ предложенія другихъ, если они отвѣчали его основнымъ политическимъ убѣжденіямъ. Примѣръ съ Лейбницомъ это прекрасно поясняетъ. Петръ очень его уважалъ, но когда Лейбницъ, чуть-ли не при первомъ знакомствѣ предложилъ устроить по всему пространству Россіи магнетическія наблюденія, ученому угрожала опасность утратить все довѣріе царя. Никогда Петръ не проявилъ ни малѣйшаго сочувствія къ такому предпріятію. И кто скажетъ, что Петръ не былъ правъ? Государство, не имѣвшее еще многихъ точныхъ географическихъ опредѣленій, даже поверхность котораго была неизвѣстна, очевидно, не могло считать себя призваннымъ только для опредѣленія уклоненій магнитной стрѣлки [16]). Но лишь при Петрѣ начатыя географическія и морскія съемки береговъ и отдѣльныхъ пунктовъ—число занятыхъ съемками спеціальныхъ картъ геодезистовъ доходило въ 1721 г. до тридцати, — появленіе только въ его царствованіе изготовленныхъ въ Россіи картъ отдѣльныхъ частей государства, (Кириловъ, одинъ изъ учениковъ Петровской школы, составилъ общую карту Россіи) сдѣланныя самимъ Петромъ въ Парижской Академіи

[15]) Беръ, 48.

[16]) Тамъ же. 5—6.

поправки относительно очертаній Каспійскаго моря, изслѣдованіе географическое и естествоиспытательное всего огромнаго района на востокъ до Камчатки,—все это обязано могучему духу, желѣзной волѣ, необыкновенной

Петръ I на смертномъ одрѣ.

работоспособности геніальнаго государя, заслуги котораго въ этой области, какъ и во многихъ другихъ, имѣютъ огромное значеніе для потомства [17]).

Отошла въ могилу богатая жизнь, какихъ не много въ исторіи человѣчества.

Петръ не былъ крѣпкаго здоровья [18]). Онъ часто опасно хворалъ.

[17]) См. ст. Струве въ „Русск. Обозр." 1876 г. VIII, 1—19.

[18]) См. Weber о болѣзненности П. В. въ изданіи Hermann 109, 170, 175.

Въ 1692 г. опасались за его жизнь. Часто онъ страдалъ перемежающеюся лихорадкою и часто отъ своихъ недуговъ онъ ищетъ исцѣленія въ леченіи минеральными водами. Съ 1722 г. его хроническія болѣзни обострились, а въ теченіе 1724 г. его здоровье сильно пошатнулось. Но не въ его правилахъ было холить свое тѣло. Поздпею осенью этого года онъ, находясь на Лахтѣ, близъ Петербурга, на заливѣ, замѣтилъ въ лодкѣ нѣсколько солдатъ въ опасности; царь не выдержалъ и оказалъ личную помощь, стоя по поясъ въ водѣ. Онъ тотчасъ захворалъ. Развязка приближалась быстрѣе, чѣмъ онъ думалъ. Въ началѣ новаго года онъ еще могъ принимать участіе въ празднествахъ, но затѣмъ его здоровье совершенно ухудшилось. Попойки по случаю избранія всепьянѣйшаго папы могли только ускорить теченіе болѣзни. 27 января Петръ, повидимому, дѣлаетъ попытку рѣшить вопросъ о престолонаслѣдіи. Но было поздно, онъ не въ силахъ былъ говорить, при намѣреніи писать, рука отказалась служить. На слѣдующее утро Петръ скончался [19]).

[19]) О болѣзни П. В. см. Sadler 217, Richter, III 80—91.—Соловьевъ XVIII, 334 и 245.—Зап. Ист. Общ. LII, 287, 414, 420, 433, (Записки Кампредона, бесѣдовавшаго съ однимъ врачемъ)

ГЛАВА XXI.

Отзывы потомства.

Со временъ Петра и до настоящаго времени мы встрѣчаемъ противорѣчивыя сужденія относительно личности, заслугъ и значенія царя. Не легко опредѣлить итоги, подвести къ одному знаменателю противоположныя свидѣтельства современниковъ и потомства. Раскольники его ненавидѣли; меньшинство, къ которому принадлежалъ Посошковъ [1]), его возвеличивало. Приводившій критическія мнѣнія порицателей-современниковъ Петра Фокеродтъ подвергаетъ сомнѣнію благотворное вліяніе реформъ царя почти во всѣхъ областяхъ. Съ удивленіемъ взираютъ на Петра тѣ иностранцы, которые ближе стояли къ нему, какъ, напр., Перри, Веберъ и др. Всѣ послѣдующіе русскіе государи брали его себѣ въ образецъ. Въ особенно затруднительныхъ случаяхъ своего царствованія Екатерина II вспоминала про своего великаго предшественника, чтобы воспріять себѣ новую силу и бодрость. А пріятельница этой государыни, княгиня Дашкова, находясь въ Вѣнѣ, на обѣдѣ у Кауница, высказалась про Петра, что онъ грубый тиранъ [2]). Не только у знавшихъ лично Петра замѣчается смѣшанное чувство страха и удивленія. Когда во время открытія памятника Петру, сооруженнаго Екатериною II, митрополитъ Платонъ произнесъ въ своей рѣчи, обращаясь къ памятнику: «Возстани теперь, великій монархъ, отечества нашего отецъ! Возстани и воззри на любезное изобрѣтеніе твое...», то одинъ изъ присутствовавшихъ сановниковъ, а именно, графъ Кириллъ Григорьевичъ Разумовскій, тихонько сказалъ окружающимъ: «Чего онъ его кличетъ: если онъ встанетъ, то намъ всѣмъ достанется» [3]).

---

[1]) Отзывъ Фальконета въ письмѣ къ Екатеринѣ II, въ Зап. Ист. Общ. XVII, 13.

[2]) Memoirs of Princess Daschkow. I, 258.

[3]) „Осьмн. вѣкъ". II, 490.

Почитатели Петра въ первое время послѣ него собирали отдѣльные случаи изъ его жизни, издавали собранные разсказы, какъ Нартовъ, Крекшинъ, Голиковъ, Штелинъ; но для полной, дѣйствительной исторической оцѣнки его значенія надлежало изучать также время и условія, среди которыхъ онъ дѣйствовалъ и создавалъ, не восхвалять его въ панегирикахъ; надо было вникнуть въ его идеи, въ самую сущность поразительныхъ противорѣчій, среди которыхъ являлась эта выдающаяся личность. Только этимъ путемъ было возможно узнать его политическія способности, его организаторскій талантъ и поставленную на прочномъ основаніи геніальность. Только всестороннее историческое изслѣдованіе исправляетъ приговоры, какъ это случается еще и въ наше время. Петръ еще и теперь является для нѣкоторыхъ варваромъ, полудикаремъ, тираномъ, всю свою жизнь хворавшій, почти безумный, игрушка въ рукахъ своихъ приближенныхъ; онъ уничтожилъ,—по этому мнѣнію—естественное народное развитіе и на долгое время поставилъ судьбу Россіи на ложный путь; такіе люди перепачиваютъ слова и говорятъ «Pierre soi-disant le Grand.», (Петръ будто-бы Великій). Но научныя и безпристрастныя изслѣдованія приводятъ къ совершенно инымъ результатамъ; мы сдѣлали попытку ихъ представить и еще разъ ихъ обобщаемъ.

Событія идутъ въ исторіи самостоятельно, независимо отъ отдѣльныхъ личностей. Россія и безъ Петра стала-бы европейскою державою. Но продолжительность этого процесса величіемъ и геніальностью Петра значительно измѣнилась и сократилась. Онъ не создалъ новаго направленія въ исторіи Россіи, но народъ былъ быстро подвинутъ на уже готовый путь. Народъ, который могъ создать Петра, имѣетъ право гордиться. Онъ явился плодомъ соприкосновенія русскаго народнаго духа съ общечеловѣческою культурою. Петръ привелъ въ исполненіе мысль о такомъ соединеніи, и это обезпечиваетъ ему одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи человѣчества.

КОНЕЦЪ.

Оглавленіе II тома.

Главы.		Страп.
I.	Отношенія къ Турціи до 1700 года.	1
II.	Дипломатическія сношенія накапунѣ сѣверной войны	18
III.	Битва при Нарвѣ	30
IV.	Начало успѣховъ	42
V.	Дипломатическія сношенія до Полтавской битвы	56
VI.	Военныя дѣйствія до Полтавской битвы.	70
VII.	Мазепа	82
VIII.	Полтава.	92
IX.	Военныя дѣйствія въ Финляндіи, Прибалтійскомъ краѣ и Германіи.	102
X.	Дипломатическія отношенія послѣ Полтавской битвы.	109
XI.	Послѣднія событія войны	123
XII.	Прутскій походъ 1711 года	135
XIII.	Отношенія къ Азіи.	161
XIV.	Императорскій титулъ	177
XV.	Государственныя учрежденія	189
XVI.	Хозяйственный бытъ	206
XVII.	Церковь.	224
XVIII.	Просвѣщеніе	244
XIX.	Сотрудники Петра.	258
XX.	Характеристика Петра	274
XXI.	Отзывы потомства	285

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

упоминаемыхъ въ исторіи Петра Великаго.

Римскими цифрами обозначенъ томъ, арабскими – страница.

А.

Августъ II Фридрихъ, электоръ саксонскій и король польскій. I—174, 199, II—20, 64, 72, 105, 116.

Авраамій, инокъ Троицко-Сергіевой лавры. I—20, 286.

Аврилъ, іезуитъ, французскій миссіонеръ. I—71.

Адріанъ, патріархъ всероссійскій. I—116, 180, 264, 271, 276, 280, 283, II—5.

Алексѣй Михайловичъ, царь Московскій. I—17 и слѣд. 74, 137.

Алексѣй Петровичъ, царевичъ. I—212, 249, 279, 328, 351 и слѣд., II—113.

Анна Михайловна, царевна (въ иночествѣ Анфиса). I—102.

Анна Петровна, цесаревна, супруга герцога Гольштейнъ-Готорпскаго Карла-Фридриха. II—270.

Апостолъ, Даніилъ, малороссійскій гетманъ. II—90.

Апраксинъ, гр. Ѳедоръ Матвѣевичъ, генералъ-адмиралъ. I—117, 134, 145, 149, 215, 336, II—76, 103, 119, 131, 138, 157, 190, 223.

Аркулей, морской капитанъ. II—148.

Арнфельдъ, шведскій генералъ. II—103.

Ауэрспергъ. гр., австрійскій дипломатъ. I—193.

Аюкъ, ханъ. I—336.

Аванасьевъ, Иванъ, приближенный царевича Алексѣя Петровича. I—345, 377, 381.

Б.

Балюзъ, французскій посолъ въ Москвѣ. II—58, 100.

Беклемишевъ. I—216.

Бековичъ-Черкасскій, князь Александръ. II—165.

Бергаве, анатомъ. I—184.

Бергольцъ, генералъ. II—256.

Беренгіельмъ, баронъ, шведскій дипломатъ. II—24.

Бёрнетъ, епископъ Салюсберійскій. I—35, 189.

Бессеръ, церемоніймейстеръ бранденбургскаго двора. I—172.

Бестужевъ, Алексѣй Петровичъ, министръ. I—220, II—186, 188.

де-би, голландскій резидентъ въ Россіи. I—384, II—210.

Блюмбергъ, австрійскій дипломатъ. II—19.

Блументростъ, лейбъ-медикъ. I—218, 297, II—251.

Божичъ, Пантелеймонъ, сербъ. II—145.

Де-Бонакъ, маркизъ, французскій дипломатъ. II—173.

Боргедорфъ, инженеръ. I—158, II—13.

Бородулинъ, Даніилъ, сызранскій посадскій. I—338.

Бракель, нѣмецкій инженеръ. II—6.

Бранкованъ, Константинъ, валахскій господарь. II—147, 152.

Брантъ, Карстенъ. голландецъ, наставникъ П. В. I—96, 118, 134.

Брюсъ, гр. Яковъ Вилимовичъ, генералъ-фельдмаршалъ. I—130, 150, 153, II—125, 132.

Бужениновъ, Степанъ, русскій ученикъ въ Берлинѣ. I—212.

Булавинъ, Кондратій, атаманъ бунтовщиковъ I—344 и слѣд.

Бутенантъ-фонъ-Розенбушъ. I—48, 98.

Бутурлинъ, Иванъ Ивановичъ, „польскій король“ и генералиссимусъ. I—131, 156, 265.

В.

Веберъ, ганноверскій резидентъ въ Россіи. I—224.
Вейде, Адамъ, инженеръ. I—151, 152.
Веселовскій, Авраамъ, дипломатъ. I—222, 372, II—125, 128.
Викуличъ, Данила, расколо-учитель. II—236.
Вильгельмъ III, англійскій король. I—186, 188, 260, II—56.
Вильярдъ, французскій консулъ въ Россіи. I—184.
Де-Вильде, Яковъ, археологъ. I—129.
Виніусъ, Андрей, управлявшій горнымъ, а потомъ почтовымъ дѣломъ въ Россіи I—114, 129, 138, 159, 209, 278, 296, 305, II—10, 20, 43, 51, 204, 245.
Витсенъ, Николай, амстердамскій бюргермейстеръ. I 72, 101, 128, 130, 176, 180, 184, 186, 190, 201, 241, 310, II—57.
Владиславичъ, Савва, агентъ П. В. въ Черногоріи. II—148.
Волковъ, русскій посланникъ въ Венеціи. I—102, II—143.
Возницынъ, Прокопій, русскій дипломатъ. I—167, II—7, 10.
Волынскій, Артемій Петровичъ, астраханскій губернаторъ. II—165, 168, 259.
Вольфъ, австрійскій іезуитъ. I—197.
Воронинъ, потѣшникъ Петра Великаго. I—151.
Вотe, польскій іезуитъ. I—199.
Вяземскій, Никифоръ, воспитатель царевича Алексѣя Петровича. I—352, 369, 370, 377.

Г.

Гагаринъ, кн. Матвѣй Петровичъ, сибирскій губернаторъ. II—204
Фонъ-Гаденъ, Данилъ, врачъ въ Москвѣ. I—48, 297.
Галлартъ, саксонскій инженеръ. II—32.
Гассанъ-паша, турецкій адмиралъ. II—13.
Гваріентъ, Игнатій, англійскій посолъ въ Россіи. I—262, 298, 308, II—65
Гедеонъ, митрополитъ кіевскій и всея малыя Россіи. I—78.
Фонъ-деръ-Гейденъ, механикъ. I—184.
Геннинъ, Волимъ, начальникъ олонецкихъ заводовъ. II—236.
Георгъ I, король Великобританіи. II—118.
Герцъ, баронъ, шведскій министръ. I—370, II—125.
Гилленборгъ, гр. Карлъ, шведскій дипломатъ. II—119, 125.
Глѣбовъ, маіоръ, любовникъ царицы Евдокіи Ѳедоровны. I—222, 361, 377.
Глюкъ, Эрнстъ, лифляндскій препозитъ, воспитатель Екатерины I. II—246.
Головины. I—148, 167, 176, 198, II—14.
Головкины. I—95, 140, II—76, 90, 108, 114, 125, 133.
Голицынъ, Борисъ Алексѣевичъ, воспитатель Петра. I—95, 97, 99, 103, 108, 110, 117, 140, 168.
Голицынъ, Василій Васильевичъ, боярин. I—42, 49, 65, 75, 82, 85, 89, 99, 103, 106, 108, 110, 118, 290.
Голицынъ, фельдмаршалъ. I—210, II—39, 65, 103, 135.
Голый, атаманъ бунтовщиковъ. I—349.
Гордонъ, герцогъ, губернаторъ эдинбургскій. I—119, 143.
Гордонъ, Александръ, авторъ исторіи Петра Великаго. I—152.
Гордонъ, Джонсъ Патрикъ (Петръ Ивановичъ), генералъ. I—23, 82, 92, 94, 95, 97, 101, 106, 107, 111, 118, 120 и слѣд. 128, 131, 132, 143, 145, 148, 150, 155, 202, 293, 301, 303.
Гофманъ, австрійскій дипломатъ. I—192.
Грушецкая, Агафья Семеновна, первая супруга царя Ѳедора Алексѣевича. I—20.
Фонъ-деръ-Гульстъ, голландецъ, врачъ Петра Великаго. I—96, 97, 118, II—207.
Гуммертъ, Янъ, капитанъ бомбардирской роты. I—149, II—36.
Фонъ-Гюйсенъ, баронъ, Генрихъ, докторъ правъ. I—250, 352, II—67, 77.

Д.

Дальбергъ, Эрихъ, рижскій губернаторъ. I—169, 170.
Даніилъ, владыка черногорскій. II—147, 158.
Дашковъ, дипломатъ. II—172.
Денисовы, расколоучители. II—236.
Димитрій Святой, митрополитъ ростовскій и ярославскій. II—226.
Діонисій, патріархъ константинопольскій. I—78, 88.
Докукинъ, Ларіонъ, подъячій артиллерійскаго приказа. I—378.
Долгорукіе, князья. I—46, 48, 52, 75, 97, 128, 131, 341, 346, 348. II—64, 75, 99, 108.
Дольская, княгиня, посредница между Мазепой и Станиславомъ Лещинскимъ. II—84.
Дорошенко, Петръ Дорофеевъ, малороссійскій гетманъ. I—81.
Досиѳей, епископъ. I—378.
Досиѳей, патріархъ іерусалимскій. I—78, 144, II—144.
Дубровскій, приверженецъ царевича Алексѣя Петровича. I—381.
Дюбуа, французскій дипломатъ. II—125.

Е.

Евгеній-Францъ Савойскій, герцогъ, знаменитый полководецъ. I—373, II—68, 113.
Евдокія Ѳедоровна (Лопухина), первая супруга Петра Великаго, въ иночествѣ Елена. I—98, 278, 355, 359, 377.

Ефросинья, любовница царевича Алексѣя Петровича. I—364, 366, 372, 379.
Екатерина I Алексѣевна, императрица. II—188, 254, 268.
Екатерина II Алексѣевна, императрица. I—88, 281, 367.
Елизавета Петровна, императрица. II—270.
Еропкинъ, архитекторъ. I—219.
Ершовъ, „прибыльщикъ“, впослѣдствіи московскій вице-губернаторъ. II—207.

Ж.

Желябужскій, Ив. Афанасьев., авторъ „Дневныхъ записокъ“. I—308.

З.

Залевскій, польскій прелатъ. I—199.
Заленскій, польскій іезуитъ, сторонникъ шведскаго короля Карла XII. II—85.
Земцовъ, архитекторъ. I—219.
Зоммеръ, Сигизмундъ, хирургъ. I—26.
Зоммеръ, Симонъ, нѣмецкій офицеръ. I—95.
Зотовъ, Василій, генеральный ревизоръ при сенатѣ. II—195.
Зотовъ, Кононъ Никитичъ. I—219, 222, II—215.
Зотовъ, Никита Моисеевичъ, учитель Петра Великаго. I—34.

И.

Ивановъ, Андрей, нижегородскій посадскій. I—327.
Иванъ Алексѣевичъ, московскій царь. I—47. 92, 98, 101, 156, 288, 326.
Игнатій, митрополитъ тамбовскій и козловскій. I—359, 377, 381.
Измайловъ, Левъ Вас., генералъ-поручикъ, дипломатъ. II—49. 164.
Ильинъ. датскій министръ. II—115, 120.
Имеретинскій, Александръ Арчилов., русскій генералъ-фельдцейхмейстеръ. I—209, 223.

I.

Іоакимъ, патріархъ всероссійскій. I—72, 78, 119, 276.
Іоасафъ, архимандритъ. I—318.
Іовъ, патріархъ. I—40, 56.

К.

Кампердонъ, французскій посолъ въ Россіи II—131.
Кантакузинъ, Ѳома, валахскій дворянинъ. II—152.
Кантемиръ, кн. Антіохъ, молдавскій господарь. II—9, 149.
Карловичъ, саксонскій генералъ. I—249, II—21, 60.
Карлъ VI, австрійскій императоръ. II—113, 184.
Карлъ XII, шведскій король. II—40, 42, 49. 57. 62, 69, 77, 83, 93, 97, 104, 113, 116, 120, 123, 134, 142, 157.
Кармартелъ, маркизъ, англійскій морякъ. I—188, 192, 272, 318.
Картеремъ, англійскій посланникъ въ Швеціи, II—130.
Кастріотъ, Георгій, валахскій дворянинъ. II—9.
Кауницъ, князь, австрійскій дипломатъ. II—65.
Кегорнъ, Менно, генералъ голландской республики, инженеръ. I—184, 242.
Кейзерлингъ, Анна Ив, рожденная Монсъ. I—277 и слѣд. 327.
Фонъ-Келлеръ, баронъ, нидерландскій посланникъ въ Москвѣ. I—31, 40, 66, 89, 94, 97, 98. 101, 128, 136, 206.
Кемпферъ, Энгельбрехтъ, шведскій дипломатъ и путешественникъ. I—13.
Кенигсмаркъ, саксонская графиня. I—194.
Кикинъ, Александръ, приверженецъ царевича Алексѣя Петровича. I—365, 369, 372, 377.
Кинскій, графъ, австрійскій министръ. I—196, II—8
Кисельниковъ, астраханскій житель. I—337.
Кистъ, Герритъ, саардамскій кузнецъ. I—178.
Класъ Пооль, Герритъ, корабельный мастеръ, учитель Петра Великаго. I—181, 201.
Кнеллеръ, Готфридъ, англійскій портретистъ. I—189.
Книперкронъ, шведскій резидентъ въ Москвѣ. II—7, 25.
Константиновъ. Савва, агентъ молдавскаго господаря. II—9.
Кольцовъ-Масальскій, князь. I—304.
Конти. I—174.
Копіевскій, типографщикъ въ Амстердамѣ. I—222, II—247.
Корбъ, Іоганъ, секретарь посольства Леопольда I въ Россію. I—267, 271, 297, 303, 308, 316.
Кортъ, кораблестроитель. I—134.
Корчминъ, Василій, русскій ученикъ въ Берлинѣ. I—212.
Котошихинъ, Григорій Пав., подъячій посольскаго приказа. I—37, 205, 308.
Кохенъ, шведскій резидентъ въ Москвѣ. I—136.
Кочубей, Леонтій, генеральный судья малороссійскаго войска. II—86.
Крагге, полковникъ. I—158.
Креветъ, Андрей, переводчикъ посольскаго приказа. I—130.
Крейзенъ, графъ. I—74, 175.
Крижаничъ, Юрій, сербъ, писатель. I—38, 80, 89, 205, 263, 265, 271, 298, II—159, 204.
Де-Круи, Карлъ-Евгеній, герцогъ. II—81.
Крюйсъ. Корнелій Иван., русскій адмиралъ. I—242, 253.
Крюлль, англійскій писатель. I—258.
Куракинъ князь Борисъ Ив., дипломатъ. I—216, 365, II—110, 116, 124, 128, 179, 241, 259.

*

Курбатовъ, Алексѣй Александр., архангельскій вице-губернаторъ. I—225, 235, 269, 283, II—106, 191, 204, 207, 232, 245.
Курцъ, интернунцій. I—143, 145.

Л.

Лаваль, инженеръ. II—13.
Лангенъ, баронъ, саксонскій дипломатъ. I—320, II—32.
Ланчинскій, русскій дипломатъ. II—178.
Левенгауптъ, Адамъ-Людвигъ, шведскій генералъ. II—70, 81, 95.
Лейбницъ, Вильгельмъ, баронъ, философъ. I—122, 147, 166, 173, 175, 257, 316, II—24, 38, 96, 112, 113, 189, 244, 250, 282.
Лейвенгекъ, натуралистъ. I—184.
Леопольдъ I, австрійскій императоръ. I—81, 157, 165, 196, II—144.
Лефортъ, Францъ Яковлев., 1-й адмиралъ, наставникъ и любимецъ Петра Великаго. I—95, 97, 117, 118, 120 и слѣд., 129, 132, 136, 145, 148, 155, 166, 170, 188, 197, 202, 213, 240, 265, 271, 278, 289, 293, 296, 299, 314, II—19, 221.
Лефортъ, Петръ Францевичъ. I—166 175, II—10.
Лещинскій, Станиславъ, король польскій. II—67, 84, 109, 140.
Ли, Френсисъ, ученый англійскій богословъ. I—166, 257.
Лиліенгельмъ, баронъ, шведскій дипломатъ. II—24.
Лиліенштедтъ, шведскій дипломатъ. II—132.
Лиліенротъ, шведскій дипломатъ. II—19.
Лирійскій, герцогъ, испанскій посланникъ, II—187.
Лихуда, братья, греки. I—207.
Лопухинъ, Абрамъ Ѳедоров., братъ царицы. I—140, 272, 372, 381.
Лукашевичъ, капитанъ. II—148.
Лукинъ, потѣшникъ, убитый подъ Азовомъ. I—151.
Лыковъ, князь, боярин. I—140.
Львовъ, кн. Иванъ, надзиратель за русскими въ Голландіи. I—216, 222.
Любсъ, рижскій купецъ. I—167.
Людовикъ XIV, король французскій. II—58, 120.
Людовикъ XV, король французскій. II—179.

М.

Маврокордато, Николай, господарь Молдавіи и Валахіи. II—7, 10, 147.
Магницкій, Леонтій Филипповичъ, математикъ. II—245.
Мазепа, Иванъ Степанов., малороссійскій гетманъ. I—86, 90, 142, 156, II—20, 83, 87, 94, 141.
Майдель, баронъ, шведскій генералъ. II—55.
Макаровъ, Алексѣй Васильев., кабинетъ-секретарь. I—223, II—20, 191, 259.
Мальборо, Джонъ Чурчиль, герцогъ англійскій, генералиссимусъ. II—57, 67.
Маркеллъ, псковскій митрополитъ. I—116.
Мардефельдтъ, прусскій посланникъ. II—188.
Марфа Алексѣевна, царевна, въ иночествѣ Маргарита. I—361, 369, 377.
Марфа Матвѣевна (Апраксина), вторая супруга царя Ѳедора Алексѣевича. I—31, 52.
Матвѣевъ, Андрей Артамоновъ, графъ, дипломатъ и ученый. I—46, 48, 120, 234, 280, II—39, 57, 67, 113, 259.
Матвѣевъ, Андрей, художникъ. I—219.
Матвѣевъ, Артамонъ Сергѣев., ближній боярин царя Алексѣя Михаиловича. I—24, 27, 48, 53.
Матюшкинъ, Мих. Афанасьев., генералъ-аншефъ. II—171.
Махмудъ, персидскій шахъ. II—171.
Медвѣдевъ, Симеонъ, грамотѣй и начетчикъ. См. Сильвестръ. I—107, 111.
Менгденъ, полковникъ потѣшнаго преображенскаго войска. I—96, 129.
Ментенонъ, французская маркиза. II—179.
Меншиковъ, кн. Александръ Данилов., генералиссимусъ. I—95, 170, 211, 248, 281, 326, 341, 346, 352, II—48, 52, 70, 87, 96, 103, 110, 114, 150, 157, 188, 204, 215, 266, 273, 278.
Милославскій, Иванъ Мих., начальникъ иноземскаго, рейтарскаго и пушкарскаго приказовъ. I—46, 49, 59, 292.
Милорадовичъ, полковникъ. II—148, 158.
Минихъ, гр. Бурхардъ Христофоръ, генералъ-фельдмаршалъ. II—223.
Мичель, англійскій вице-адмиралъ. I—188.
Монсъ, Анна, см. Кейзерлингъ.
Монсъ, Иванъ, виноторговецъ. I—140.
Морло, швейцарецъ, инженеръ въ Россіи. I—151.
Мусинъ-Пушкинъ, гр. Иванъ Александровичъ. I—274.
Мустафа II, султанъ. II—136.

Н.

Нарышкины. I—41, 47, 95, 99, 120, 140, 168, 317, 365.
Наталья Алексѣевна, царевна, дочь Алексѣя Михаиловича. I—369.
Наталья Алексѣевна, царевна, дочь Алексѣя Петровича. I—279.
Наталья Кирилловна (Нарышкина) царица, вторая супруга Алексѣя Михаиловича. I—26, 32, 48, 52, 100, 116, 134.
Невиль, французско-польскій дипломатъ въ Москвѣ. I—67, 71, 97, 255.
Нейгебауеръ, воспитатель царевича Алексѣя Петровича. I—249 и слѣд. 352, II—142.
Некульче, гетманъ. II—153.
Немировъ, оберъ-фискалъ. II—204.
Неплюевъ, Ив. Ив., резидентъ въ Константинополѣ. I—215, 224, 227, II—173, 260.

Никитинъ, русскій резидентъ въ Польшѣ. I—161, II—20.
Никитинъ, русскій ученикъ живописи въ Голландіи. I—219.
Норрисъ, англійскій адмиралъ. II—116, 125, 130.
Носовъ, Яковъ, ярославскій купецъ. I—338.

О.

Огильви, русскій фельдмаршалъ. I—254, II—67.
Озеровъ, полковникъ. I—52.
Оксеншерна, Бенгтъ, шведскій министръ иностранныхъ дѣлъ. II—19.
Ордынъ-Нащокинъ, Аѳанасій Лаврентьев., ближній бояринъ. I—204, 297.
Орія, Израиль, армянинъ. II—145.
Орликъ, писарь гетмана Мазепы. II—86.
Остерманъ, гр. Андрей Ив, президентъ коммерцъ коллегіи. I—254, II—125, 132, 207.

П.

Памбургъ, голландскій шкиперъ I—212, II—14.
Паткуль, Іоганъ-Рейнгольдъ, лифляндецъ, русскій дипломатъ. I—244, II—22, 61, 75.
Пеларій, греческій врачъ. I—206.
Перри, Джонъ, англійскій инженеръ. I—242, 247, 273, 318, II—9, 151, 207.
Петровъ, Александръ, русскій ученикъ въ Ганноверѣ. I—212, 222.
Петръ II Алексѣевичъ, императоръ. I—328, 364.
Петръ Петровичъ, царевичъ. I—367, 377, II—271.
Питиримъ, игуменъ Переяславскаго монастыря. II—239.
Плейеръ, австрійскій дипломатъ въ Россіи. I—152, 153, 165, 209, 267, 273, 282, 319, 334, II—8, 25, 42, 74, 113, 135, 207.
Поликарповъ, Ѳедоръ, типографщикъ. II—247.
Поповичъ, Богданъ, сербскій сотникъ. II—147.
Посошковъ, Иванъ, крестьянинъ, писатель. I—298, II—207, 212, 258.
Постниковъ, Петръ, докторъ медицины, подъячій посольскаго приказа. I—206, II—60.
Прасковья Ѳедоровна (Салтыкова), супруга царя Ивана Алексѣевича. I—98.
Прозоровскій, кн. Семенъ Иван., бояринъ. I—140, 168.
Прокоповичъ, см. Ѳеофанъ.
Пушкинъ, Ѳедоръ, дворянинъ. I—290, 296.
Пустосвятъ, Никита, раскольникъ, агитаторъ. I—56, 57.

Р.

Рабенеръ, издатель журнала „Europeische Fama“. I—252.
Рагоци, князь Семиградскій. II—76, 113, 172.
Ранкъ, шведскій генералъ. II—116, 124.
Ранцау, датскій дипломатъ. II—99.
Растрелли, французскій художникъ-архитекторъ. I—246.
Репне, генералъ. I—254, II—151.
Репнинъ, кн. Никита Ив., генералъ-фельдмаршалъ. II—211.
Ванъ-Рецъ, Янъ, вице-адмиралъ. I—242.
Ржевскій, Тимоѳей, астраханскій воевода. I—333, 337, II—239.
Рингуберъ, врачъ. I—94.
Рове, саксонскій дипломатъ. I—193.
Романовъ, Никита Ив., бояринъ, дядя царя Алексѣя Михаиловича. I—20.
Ромодановскіе. I—48, 52, 120, 130, 156, 168, 302, 304, 318. II—48, 170.
Рудаковскій, русскій дипломатъ. II—188.
Румянцевъ, гр. Александръ Иван., генералъ-аншефъ. I—370 373, II—174.
Руцини, венеціанскій дипломатъ. I—200, 243, II—6.
Рюйшъ, Фридрихъ, анатомъ. I—184, 242.

С.

Саадатъ-Гирей, крымскій ханъ I—142.
Савинъ. I—324.
Самойловичъ, Иванъ, гетманъ Малороссіи. I—76, 84.
Де-Сенъ-Симонъ, Луи, герцогъ, французскій. II—122.
Серафимъ, іеромонахъ. II—144.
Сердюковъ, Михаилъ Ивановичъ, строитель Вышневолоцкаго канала. II—222
Сильвестръ (Симеонъ Медвѣдевъ), монахъ и начетчикъ. I—42, 101.
Симеонъ-Полоцкій (Симеонъ Емельяновичъ Петровскій Ситніановичъ), монахъ. I—42, 56, 72.
Скоропадскій, Иванъ Ильичъ, малороссійскій гетманъ. II—89.
Собѣсскій, Янъ, король польскій. I—79, 81, 83, 160.
Соковнинъ, Алексѣй, дворянинъ. I—290, 295.
Сонцевъ, Василій, князь. I—322.
Софія Алексѣевна, царевна, въ иночествѣ Сусанна. I—41, 50 и слѣд., 54 и слѣд., 98, 100 и слѣд., 289, 292, 309.
Софія-Шарлотта, курфирстина, а потомъ прусская королева. I—34, 173, 175.
Спафа, Николай, молдавскій эмигрантъ, русскій посолъ въ Китаѣ. I—71.
Стенбокъ, Магнусъ, шведскій генералъ. II—102.
Стенгопъ, англійскій министръ. II—130.
Степанъ, сынъ стрѣльца. I—332.
Стефанъ (Семенъ Яворскій), митрополитъ рязанскій, блюститель патріаршаго престола. I—218, 275, 298, 324. II—224, 228, 234, 291.
Стремфельдтъ, англійскій дипломатъ. II—132.
Стрѣшневъ, Тихонъ Никитичъ, бояринъ. I—95, 140, 304.
Сумбуловъ, думный дворянинъ. I—41.

Т.

Талицкій, Гришка, книгописецъ. I—323.
Таннеръ. I—239.
Тараканов. русскій дипломатъ. I—80, 84.
Татищевъ, Василій Никитичъ, русскій историкъ. I—224, II—260.
Татьяна Михайловна, царевна. I—317.
Текели. I—81.
Тессингъ, братья, амстердамскіе купцы. I—184, 320, II—247.
Тиммерманъ, Францъ, голландецъ, наставникъ Петра Великаго. I—95, 97, 118, 151, 152.
Толстые. I—211, 224, 280, 344, 370, 373, II—121, 136, 259, 264.
Троекуровъ, князь, боярин. I—140, 304.
Тургеневъ, шутъ Петра Великаго. I—138, II—276.
Гяпкинъ, русскій посланникъ въ Польшѣ I—18, 224.

У.

Украинцевъ, Емельянъ, дипломатъ. I—140, II—11, 135, 259.
Ульрика-Элеонора, шведская королева. II—129, 131.
Урбихъ, баронъ, русскій резидентъ въ Вѣнѣ. II—97, 100, 113, 143, 211.

Ф.

Фадемрехтъ, Елена, подруга Анны Монсъ. I—279.
Фикъ, Генрихъ. II—196.
Фогель, статсъ секретарь Нидерландской республики. I—187.
Факеротъ, прусскій посолъ въ Россіи. I—224, II—41, 207, 243, 251.
Форседанъ-Бекъ, персидскій полководецъ. II—168.
Фридрихъ III, король прусскій подъ именемъ Фридрихъ I. I—157, 162.
Фридрихъ IV, король Даніи и Норвегіи. II—108.
Фридрихъ Вильгельмъ I, король прусскій. I—246, II—100, 108, 114, 181.
Фридрихъ Казиміръ, герцогъ курляндскій. I—171.
Фюрстенбергъ, саксонскій графъ. I—194.

Х.

Хевель, австрійскій посолъ въ Москвѣ. I—94.
Хилковъ, князь Андрей дипломатъ. II—24, 28.
Хмѣльницкій, Богданъ, гетманъ. I—89.
Хованскій, Иванъ Андреевичъ, начальникъ стрѣлецкаго приказа. I—48, 50, 56, 59, 61, 105.

Ц.

Цыклеръ, стрѣлецкій полковникъ. I—50, 52, 105, 290, 295.

Ш.

Шакловитый, Ѳедоръ Леонтьевичъ, начальникъ стрѣлецкаго приказа. I—64, 71, 72, 85, 99, 100, 103, 105, 107, 109, 111, 291, 295.
Шакенъ, ландфогтъ бранденбургскій. I—174.
Шарлота-Христина-Софія, принцесса Брауншвейгъ-Вольфенбютельская, супруга царевича Алексѣя Петровича. I—362, 367.
Шафировъ, Петръ Павловичъ, баронъ, дипломатъ. II—121, 155, 204.
Шее. I—212.
Шеинъ, Алексѣй Семеновичъ, боярин и полководецъ. I—90, 158, 236, 303.
Ш-ссингъ, Янъ, купецъ. I—182.
Шереметевъ, гр. Борисъ Петровичъ, боярин, генералъ-фельдмаршалъ. I—95, 140, 147, 165, 195, 225, 229, 266, 336, II—5, 44, 50, 67, 80, 150, 155.
Шинфешъ, архитекторъ. I—184.
Шиповъ, полковникъ. II—170.
Шлейницъ, брауншвейгскій дипломатъ. I—329, II—93, 150.
Шлиппенбахъ, баронъ, шведскій генералъ. II—46, 50.
Шлиппенбахъ, баронъ, комендантъ шведской крѣпости Нотенбургъ. II—46.
Шобергъ, лейбъ-докторъ Петра. II—214.
Штелинъ. I—36, 53, 268.
Штейтнеръ фонъ-Штернфельдъ, инженеръ, наставникъ Петра Великаго. I—163, 173, 201, 241.
Штилле, Адамъ, переводчикъ. I—293.
Шумахеръ, секретарь медицинской канцеляріи. II—251.

Щ.

Щербанъ Кантакузенъ, валахскій господарь. I—89, II—145.

Ю.

Юсуфъ-паша. II—141.

Я.

Яковъ III, претендентъ на англійскій престолъ. II—186.
Янсенъ, Яковъ, голландецъ, капитанъ русской гвардіи. I—149.
Яблоновскій. I—83.
Яворскій, Семенъ. См. Стефанъ.
Ягужинскій, гр. Павелъ Ивановичъ, оберъ-прокуроръ сената. II—190, 204.

Ѳ.

Ѳедоръ Алексѣевичъ, царь. I—22, 34.
Ѳеофанъ (Прокоповичъ), архіепископъ новгородскій. II—133, 224, 230, 234, 242.